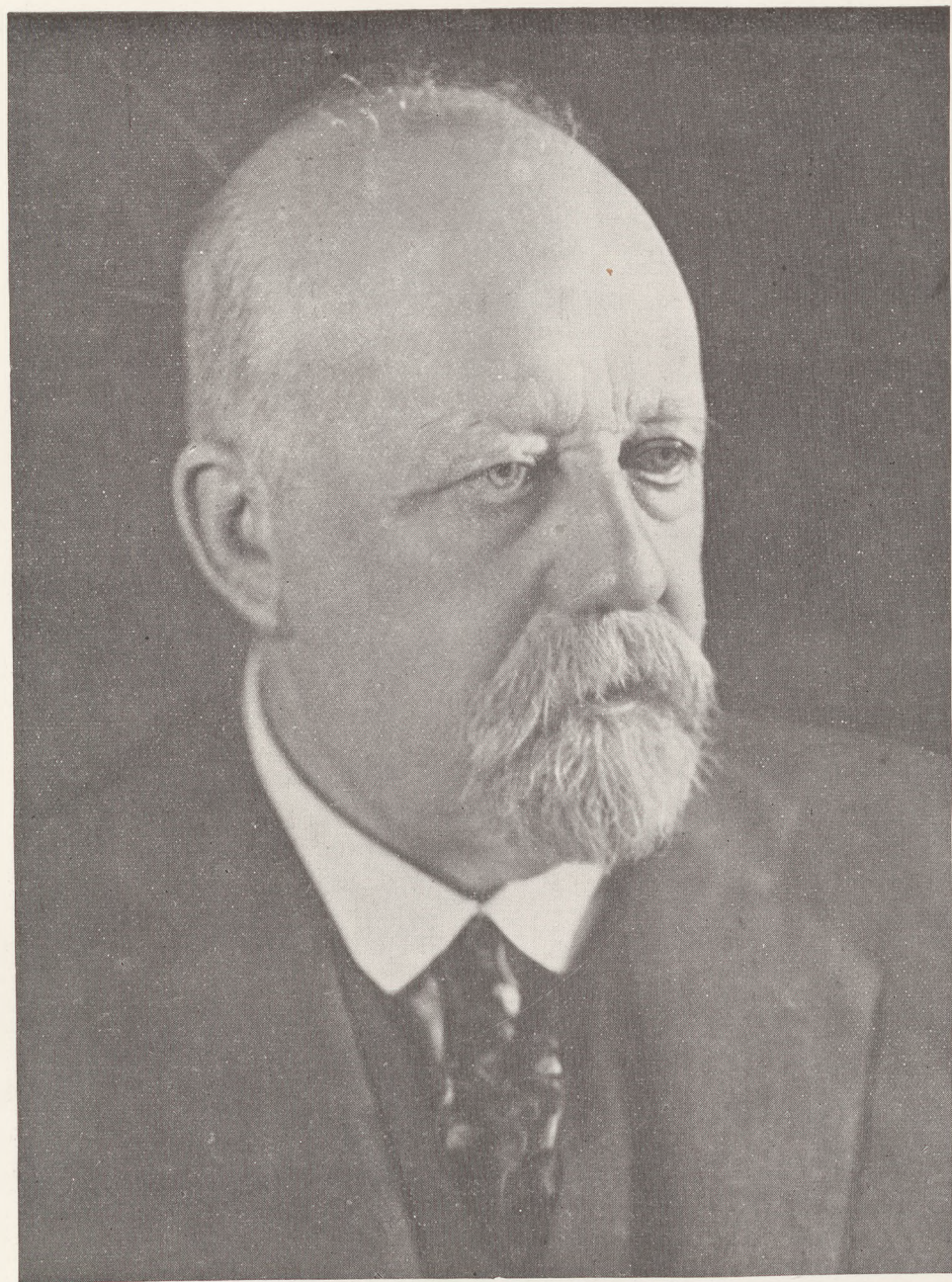

Н. В.!

На господа сътрудниците на Сборника ще се изпратятъ въ скоро време по **50** отдѣлни отпечатъка отъ тѣхнитѣ трудове.

A. M. Munn

91

СБОРНИКЪ

ВЪ ЧЕСТЬ НА

MÉLANGES

PUBLIÉS EN L'HONNEUR DE

M. LJUBOMIR MILETIĆ

НА ПРАЗНИКАТА ОТЪ РОЖДЕНИЕТО МУ

СБОРНИКЪ МИЛЕТИЧЪ

FESTSCHRIFT-MILETIĆ

1933

Универзитетски център
Исторически
Институт
Универзитет Скопје

СОФИЯ

ИЗДАНИЕ НА НАЦИОНАЛНИЯ НАУЧЕН ИНСТИТУТЪ

1933

91

СБОРНИКЪ

ВЪ ЧЕСТЬ НА

ПРОФ. Л. МИЛЕТИЧЪ

ЗА СЕДЕМДЕСЕТГОДИШНИНАТА ОТЪ РОЖДЕНИЕТО МУ

(1863—1933)

Z księgozbioru profesor
Antonija Obrębskiej-Jabłonskiej
Ofiarowanego
Zakładowi Języków Słowiańskich
Uniwersytetu Gdańskiego

СОФИЯ

ИЗДАНИЕ НА МАКЕДОНСКИЯ НАУЧЕНЪ ИНСТИТУТЪ

1933

913195

Biblioteka
Uniwersytetu Gdańskiego

1100883667

D 134/24/10

407

СЪДЪРЖАНИЕ

	Стр.
Предговоръ, отъ Ст. Романски	VII
Ст. Романски (София): Книжовни трудове на проф. Л. Милетичъ (1884-1933)	IX
А. Томсонъ (Одесса): Эпентетическое <i>л'</i> в древнеболгарскомъ языкѣ	1
J. J. Mikkoła (Helsinki-Finland): Die altbulg. Imperativformen <i>daždь, jaždь, vždь, viždь</i>	7
Станиславъ Слонски (Варшава): Функции на глаголната представка <i>за-</i> въ старобългарския езикъ	9
Josef Vajs (Praha): Ještě o původu písma hláskového	21
André Vaillant (Paris): Vieux slave <i>stuždi, tuždi</i>	26
А. Селищев (Москва): Диалектологическое значение македонской топонимии	29
Цвѣтанъ Тодоровъ (Враца): Съчетания <i>šč, ždž</i> и <i>št, žd</i> въ българския езикъ	47
Кирилъ Мирчевъ (София): Следи отъ стб. <i>ѡ</i> въ говора на село Калапотъ, Зъхненско	56
Tadeusz Lehr-Spławiński (Kraków): Przyczynki staro- i nowo-bułgarskie	60
O. Grünenthal (Breslau): Zum Perfekt	70
Станиславъ Шоберъ (Варшава): Единъ основенъ принципъ на нареждане думитъ въ българското изречение	77
Léon Beaulieux (Paris): Traitement des mots étrangers en bulgare moderne	88
Lucien Tesnière (Strasbourg): <i>Caribrod</i> et la <i>Gare d'Orsay</i>	91
Б. М. Ляпуновъ (Ленинград): Несколько замечаний о языке и в особенности о словаре болгарского сборника 1348 г.	95
Роман Якобсон (Брно): Болгарский пятистопный ямб в сопоставлении с русским	108
Norbert Jokl (Wien): Südslavische Wortstratographie und albanische Lehnwortkunde	118
Johann Melich (Budapest): Über ung. <i>vľzsla</i> , serb. <i>vľžao</i> etc.	147
Fr. Ramovš (Ljubljana): Kratka karakteristika slovenskega narečja na Dolenjskem	153
M. Vasmer (Berlin): <i>Edlinge ~ Kazaze</i>	164
Валерій Погорѣловъ (Братислава): Упогребленіе грамматическаго члена въ говорѣ Кіевской Руси домонгольскаго періода	169
В. Чернышев (Ленинград): Удлиненіе звуковъ <i>т</i> и <i>д</i> в русскомъ языкѣ	180
П. Бицилли (Софія): Употребленіе формы именительнаго падежа женскихъ именъ на <i>а</i> при инфинитивѣ въ русскомъ языкѣ	199
Ів. Огіенко (Варшава): Вербська Евангелія 1560 року	208
Kazimierz Nitsch (Kraków): Przyczynki do charakterystyki polskich czechizmów	242
Henryk Ułaszyn (Poznań): W sprawie genezy formacji: <i>pierwiastek</i>	248
Witold Taszycki (Lwów): Stpol. <i>cyrki</i> „cerkiew“	253
Leszek Ossowski (Kraków): Przyczynki do białoruskiej dialektologii	255
Frant. Trávníček (Brno): České dativy (lokály) <i>tobě, sobě</i> a <i>tebě, sebě</i>	259
Fürst N. Trubetzkoy (Wien): Zur Entwicklung der Gutturale in den slavischen Sprachen	267
O. Hujer (Praha): Ze slovníka východoevropských pastevců	280
Ів. Лековъ (Софія): Окончание <i>-ov-</i> за род. п. мн. ч. въ славянскитъ езици	282
Mieczysław Małeckı (Kraków): O możliwości chronologizacji cech w gwarach przejściowych	301
Юрд. Трифоновь (Софія): Константинъ Философъ (Св. Кирилъ) като царски пратеникъ при сарацини и хазари	307

М. Попруженко (София): Козма Пресвитеръ и новгородскіе еретики XV вѣка (Къ вопросу о болгарскихъ литературныхъ произведеніяхъ древнѣйшей эпохи на русской почвѣ)	321
Н. Глубоковскій (София): Славянская Библия	333
М. Сперанскій (Москва): Из области „вопросо-ответной“ югославянской пись- менности	350
Н. Ванъ-Вейкъ (Лейденъ-Холандія): О происхожденіи Египетскаго Патерика	361
André Mazon (Paris): L'œuvre de Nikolaus Katranov	370
П. Никовъ (София): Къмъ биографията на Георги С. Раковски	378
Arturo Gronia (Zara-Италия): Rivendicazioni bibliografiche italo-bulgare	400
А. Бем (Прага): Личные имена у Достоевского	409
L. Savoj (Praga): Su di una probabile genesi del „Minorene“ di D. I. Fonvisin	435
Albert Pražák (Bratislava): Hviezdoslavovy dramatické zlomky	444
L. Niederle (Praha): Staré Město. Moravská osada z doby říše velkomoravské	463
Г. Ильинскій (Москва): Юда (Страничка из славянской мифологии)	467
К. Мошински (Краковъ): Сълзи и дъждъ	475
P. Bogatyrev (Münster i. W.): Märchen und Buch	479
Gerhard Gesemann (Prag): Zur Erforschung der bulgarischen Volksepik	490
В. Бешевлиевъ (София): Български паралели къмъ Хесиодовитѣ * <i>Ερρα και</i> <i>ημεραι</i> v. 727 sq. и 756 sq.	495
Josef Páta (Praha): Bulharské pohostinství v Lužici	498
Н. С. Державин (Ленинград): Из исследований в области албанской иммиграции на территории б. России и УССР	504
Ив. Снѣгаровъ (София): Стариятъ търновски църковенъ кодексъ	513
Г. Ст. Пашевъ (София): Единъ документъ отъ времето на борбитѣ за църковна независимостъ	540
Владиславъ Алексиевъ (София): Добруджанското Хаджиматеево завещание	542
О. Марковъ (Братислава): Litterae keneziales. Матерьялы для исторіи колонизаціи Подкарпатской Руси на Волошскомъ правѣ	555
V. von Arnim (Leiden-Holland): Wer war Явнтохолъ? (Zur Fürstenliste)	573
В. Мякотинъ (София): Изъ жизни украинскаго крестьянства въ XVIII вѣкѣ	576
Г. С. Виноградов (Ленинград): Первый русский болгарист. Памятка о Констан- тине Калайдовиче к столетию со дня его смерти († 1832)	591
Jan Czekanowski (Lwów): Zum Problem der anthropologischen Struktur von Bulgarien	622
Йорд. Ивановъ (София): Българскитѣ имена въ Чивидалското евангелие. Съ две фотографски снимки	626
Прот. Ив. Гошевъ (София): Монашеско храбро „воюване“ и „черноризецъ храбръ“	639
Władisław Bobek (Bratislava): Kilka uwag o symbolicznem znaczeniu głównych postaci w „Krwawej pieśni“ P. Sławejkowa	645
Ив. Сакъзовъ (София): Македония въ италианскитѣ архиви	649
Ст. Романски (София): Имената на два крайдунавски града: 1. <i>Видинъ</i> , 2. <i>Силистра</i>	654
Norbert Jokl (Wien): Nachtrag zu alb. <i>sëmbër</i> (S. 121 ff.)	659
Показалець, отъ Ив. Лековъ и К. Мирчевъ	661

Предговоръ

Чествуването седемдесетгодишнината отъ рождението на професора отъ Софийския университетъ Любомиръ Милетичъ е същевременно чествуване полувѣковния напредѣкъ на българската родна наука въ лицето на нейния най-виденъ представител, въ чийто животъ сѣмъ отразени сѣдбинитѣ на българския родъ отъ турското робство и първитѣ десетолѣтия свободенъ животъ, а въ научното му дѣло — усилията на българската наука за изследване най-ценното, което единъ народъ притежава — езика.

Роденъ въ срѣдномакедонския градъ Шипъ (1/13 януарий 1863 г.), Милетичъ още като дете, воденъ отъ градъ на градъ въ срѣдна и южна Македония, гдето баща му е билъ български народенъ учителъ — въ Велесъ, Шипъ, Кукушъ, Струмица, Ватоша (Кавадарци), — а посетне и чиновникъ по строещата се тогава Вардарска желѣзница (Велесъ и Скопие), бива още преди освобождението доведенъ въ София, гдето донася съ себе си живи възпоминания за теглата на единъ народъ, чиято защита съставя важенъ дѣлъ отъ неговото обществено и книжовно дѣло.

Мечталъ отначало да учи право, Милетичъ получава стипендия отъ българското Министерство на народното просвѣщение да следва по славянска филология, на която изцѣло се отдава и свършва въ Загребъ и Прага, за да стане първомъ учителъ въ Софийската мъжка гимназия, а следъ две години и професоръ по славянска филология въ новооснования български университетъ, тогава още Висше училище въ София. На своитѣ учители, Лавославъ Гайтлеръ въ Загребъ, познатъ издателъ на старобългарски паметници, и Янъ Гебауеръ въ Прага, известенъ изследвачъ на историята на чешкия езикъ, а особено на великия Францъ Миклошичъ, чийто съчинения самъ е изучавалъ, той дължи основната си подготовка, която проявява особено при изучаването българския езикъ по паметницитѣ отъ всички епохи и въ неговитѣ най-важни прояви — развой на задпоставенъ членъ, разпадане на склонитбени форми, изчезване на инфинитивъ и под., — а на проявения въ края на миналия вѣкъ интересъ къмъ изучване живитѣ славянски говори изобщо и на връзкитѣ му съ именития виенски професоръ В. Ягичъ се дължи предприетото отъ него цѣлостно изучване на източнобългарскитѣ наречия, като последиствие отъ което излѣзоха съчинения, които съставятъ най-крупното дѣло въ

областта на изучаването на българския езикъ. Въ свръзка съ това и не безъ влияние отъ страна на Миклошича и Ягича, за които славянската филология е широка културна наука, която включва въ своитѣ занятия и етнографията и културната история на славянитѣ, Милетичъ е посветилъ не малко отъ своитѣ изследвания върху въпроси изъ областта на българската етнография и история, плодъ на които сж особено ценнитѣ изучавания върху влахобългарската писменостъ, върху старото население въ североизточна България, върху историята на седмиградскитѣ (дакийски) българи, на българскитѣ павликяни (католици) и на банатскитѣ българи, въ които се дава завършенъ образъ на сждбинитѣ на голѣмъ дѣлъ отъ българския народъ отъ края на срѣднитѣ вѣкове насетне.

На бързо спечеления по тоя начинъ авторитетъ въ България и вънъ отъ нея и на силния, прямъ и честенъ характеръ на Милетича се дължи несъмнено, до голѣма степенъ, създаването и закрепването на дветѣ огнища за висша наука въ България — Университетътъ, въ който той служи отъ първия день на неговото основаване като Висше училище (1888 г.), за да бжде най-горещъ защитникъ на автономнитѣ му права при всички кризи, и Българската академия на наукитѣ, израстнала върху основитѣ на Българското книжовно дружество, на която той е и председател отъ 1926 г. насамъ. Нему се дължи въ не по-малка степенъ и основаването и закрепването на трето едно срѣдище за българска наука — Македонския наученъ институтъ, на който той е председател и ревностенъ ръководител, и гдето предимно се съсрѣдоточиха изданията на трудове върху Македония и македонскитѣ българи, чиито народности права и национални борби сж предметъ на изложения и изследвания преди всичко на него самия. Подъ негови грижи научниятъ органъ на Института, сп. „Македонски прегледъ“, зае веднага мѣсто на едно отъ най-добритѣ български списания.

Следъ като на 1912 г., по случай на 25-годишната му научна дейность, излѣзе вече единъ Юбилеенъ сборникъ въ негова честь само съ статьи отъ негови ученици, излизането на тоя сборникъ съ участието и на петдесетъ чужди учени отъ цѣлия славянски и славистиченъ свѣтъ, всички негови приятели и почитатели, е свидетелство за почитъ, която се отдава не само нему лично, но въ негово лице и на младата българска наука.

Ст. Романски

Книжовни трудове на проф. Л. Милетичъ (1884-1933)

Съкращения: БПр = Български прѣгледъ, год. I-VI. София 1893-1900; БПрРом = Български прегледъ. Урежда Ст. Романски. Год. I и сл. София 1929 и сл.; ИСС = Извѣстия на Семинара по славянска филология при Университета въ София; ПСп = Периодическо списание на Българското книжовно дружество. София; СБНУ = Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина. София; СпБАН = Списание на Българската академия на наукитѣ, кн. I (1) и сл. София, 1911 сл.; УПр = Училищенъ прѣгледъ. София; ASPH = Archiv für slavische Philologie. Berlin; МПр = Македонски прегледъ. Год. I-VIII, София. 1924 и сл.

1884.

1. Старобългарска граматика съ сборникъ отъ образци за четение, разборъ и прѣводъ. Съставилъ Никола П. Поповъ. Прага 1883, 8° 72. *Рец.* ПСп. IX 153-163.

1885.

2. D-r Lavoslav Geitler. [Некрологъ]. Печ. въ Загребския в. Sloboda VIII 127.

1886

3. Особеноститѣ на езика въ Марийския паметникъ. Езикословна критическа студия. ПСп XIX-XX 219-252.

1887.

4. Членътъ въ българския езикъ. ПСп XXI-XXII 305-331.

5. Родопски старини или сборникъ отъ обичаи, суевѣрия, пѣсни, пословици, нарѣчие, приказски, паметници, прѣдания и пр. на родопскитѣ жители. Отъ Ст. Н. Шишковъ. Книжка I. Пловдивъ 1887. *Рец.* ПСп XXI-XXII 574-577.

1888.

6. Къмъ статията „Членътъ въ българския езикъ“. (Отговоръ госп. А. Теодорову по поводъ на книжовната му бѣлѣжка въ ПСп XXV-XXVI 207-225). ПСп XXVII 378-410.

7. Старобългарска граматика съ упражнения, текстове изъ старобългарскитѣ паметници и рѣчникъ. За срѣднитѣ учебни заведения. Срѣдецъ 1888, 8° 131.

8. Писма за издирание на корѣнитѣ и законитѣ на Българския езикъ. Пише Ц. Гинчевъ. (Гледай журналъ Трудъ, год. I, кн. I-VI, 1887 год. Търново). *Рец.* ПСп XXIII-XXIV 922-929.

9. Баба Ега или сборникъ отъ различни вѣрвания, народни лѣкувания, магии, баяния и обичаи въ Кюстендилско. Отъ священникъ Петъръ Цв. Любеновъ. Търново 1887. *Рец.* ПСп XXIII-XXIV 929-937.

1889.

10. O članu u bugarskom jeziku. Napisao —, gimnazijalni profesor u Sofiji. (Ovu je raspravu odobrilo povjerenstvo strogijeh ispita mudroslovnoga fakulteta na kr. hrv. sveučilištu Frañe Josipa I u Zagrebu). Zagreb 1889, 8° 54.

1890

11. Старото склонение въ днешнитѣ български нарѣчия. СбНУ II 226-269.

12. Сборникъ отъ народни умотворения, обичаи и др., събрани изъ разни български покрайнини. Нареща А. Т. Илиевъ. Първи отдѣлъ: Народни пѣсни. Книжка I. София 1889. *Рец.* СбНУ II 199-228.

1891.

13. Д-ръ Францъ Миклошичъ и славянската филология. СбНУ V 355-499.

14. Стари пътувания прѣзъ България. I. Герардъ Корнелиусъ Дришъ (1718 г.). II. Руджиеръ Юсифъ Бошковячъ (1762). СбНУ VI 113-167.

15. П. Сырку, Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ. Томъ I. Литургическіе труды патриарха Евѣимія Терновскаго. Выпускъ II. Тексты. Санктпетербургъ 1890. *Рец.* СбНУ IV 11-25.

16. Идеологическа класификация на българскитѣ прѣдлози. Направилъ И. Пѣевъ-Плачковъ. Пловдивъ 1890. *Рец.* СбНУ V 36-50.

17. Букви ъ и ѣ въ старомъ-церковно-славянскомъ языкѣ. Съ прибавленіями: а) о букви ѿ; б) о правописаніи народнаго имени слованинъ. Изъ филологическихъ изслѣдованій Найдена Герова. Пловдивъ 1891. *Рец.* СбНУ V 51-62.

1892.

18. Старобългарска граматика съ упражнения, образци изъ старобългарскитѣ паметници и рѣчникъ. За срѣднитѣ учебни заведения. Второ, прѣработено издание. София 1892, 8° IV+181.

1893.

19. Бѣлѣжки отъ едно научно пътуванье въ Ромѣния. СбНУ IX 161-210.

20. Дако-ромѣнитѣ и тѣхната славянска писменость. Съ приложение на 84 влахо-молдавски грамоти и 3 фототипически снимки. СбНУ IX 211-390.

21. Нашата правописна реформа. БПр I 1, 1-32.

22. Един важен недостатък в нашия книжовен стил. БПр I 2, 92-112.

23. Lazăr Şainénu, Istoria filologiei române. Studii critice, c' o prefață de V. P. Hasdeu. Bucuresci 1892. *Рец.* БПр I 1, 185-189.

24. Христоматия за IV класъ, съ подробенъ учебенъ показателъ. Съставилъ И. Пѣевъ. Пловдивъ 1893. *Рец.* БПр I 2, 164-168.

25. Н. Станевъ, Изразително четенье. Пловдивъ 1893. *Рец.* БПр I 3, 129-133.

26. Славянска читанка за трето отдѣление на първоначалнитѣ народни училища Съставилъ Р. М. Каролевъ. Пловдивъ 1892. *Рец.* БПр I 4, 141-143.
27. Библиография. БПр I 1, 203-207; 3, 160. 161-164.
28. Из чуждите периодически издания. БПр I 1, 215-223.
29. Из българските периодически издания. БПр I 2, 224-227.
30. Из нашите периодически списания. БПр I 3, 167-169.
31. Из чуждите периодически списания. БПр I 3, 173-174. 175-179.
32. Книжовни и научни вѣсти. БПр. I 3, 150 (Яковъ Карловичъ Гротъ). 156.

1894.

33. Изъ историята на българската католишка пропаганда въ XVII вѣкъ. БПр I 10, 62-82; 11-12, 146-189.

34. Два труда по историята на българския езикъ [1. D-g A. Kalina, Studija nad historyjã jazyka bułgarskiego. Kraków 1891. II. П. А. Лавровъ, Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка. Москва 1893]. *Рец.* СбНУ X 3-62.

35. Стоян Новаковић, Први основи словенске књижевности међу балканским словенима. Легенда о Владимиру и Косари. У Београду 1893. *Рец.* БПр I 7, 108-114.

36. Юбилеенъ сборникъ по случай петдесетъ годишнината на българската журналистика и чествованието паметьта на основателя ѝ Константинъ Фотиновъ. София 1894. *Рец.* БПр I 11-12, 325-335.

37. Библиография. БПр I 5, 193. 194-195. 196-200; 7, 177-179; 8, 200-201. 202-203.

38. Рецензии и книгопись. БПр II 1, 134; II 2, 131-133. 135-138.

39. Изъ нашитѣ периодически списания. БПр I 5, 173-181; 7, 150-154.

40. Изъ чуждитѣ периодически списания. БПр I 5, 185-191; 7, 171-172; 8, 185-196-198; 10, 174-176.

41. Изъ нашитѣ и чуждитѣ списания. БПр II 1, 139-143. 143-162; II 2, 139-145. 148-150. 151-153.

42. Книжовни и научни вѣсти. БПр I 8, 165-169 (Н. С. Тихонравовъ; Ив. С. Ястребовъ; и др.); II 1, 159-162 (Евгеній Исаковичъ Утинъ; и др.). 164-170; 2, 161-163. 165-167.

43. Пристанжла. Разказъ отъ Ј. Веселиновичъ. (Прѣвелъ Л. М[илетичъ]). БПр I 10, 7-21.

44. Въ обятията на демона. Чешки написа Фр. Квапиль. Пр. Л. Милетичъ. БПр. I 11-12, 210-219.

45. Човѣкътъ издалъ стихотворения. Хумореска отъ Святоплука Чехъ. Прѣвелъ отъ чешкия оригиналъ Л. М[илетичъ]. БПр II 2, 36-41.

1895.

46. Повѣстъ за падението на Цариградъ въ 1453 г. СбНУ XII 399-462.

47. Така ѝ било писано. Разказъ отъ Любенъ [=Л. Милетичъ]. БПр II 3, 1-27.

48. Задъ кулиситѣ на нашата журналистика. БПр II 4-5, 307-318.

49. П. Р. Славейковъ. БПр II 9-10, 79-86.

50. Нѣколко страници изъ поетиката. БПр II 9-10, 87-112.

51. Старобългарска граматика съ упражнения, образци изъ старобългарскитѣ паметници и рѣчникъ. За срѣднитѣ учебни заведения. Трето издание. София 1895.

52. Едно писмо отъ българския царь Срацимиръ. БПр II 9-10, 308-310.

53. Les Bulgares. Par un diplomate. Paris 1894. *Рец.* БПр II 3, 128-131.

54. Georges Fillion, Entre Slaves. Paris 1894. *Рец.* БПр II 3, 131-132.

55. Обущаритѣ. Комедия въ едно дѣйствиѣ. (Изъ съврѣмения български животъ). Отъ Луповъ. Ямболъ 1895. *Рец.* БПр II 3, 132-134.
56. Тъменъ свѣтъ. Очерки и разкази изъ народния животъ отъ Мирча. Часть първа. Пловдивъ 1895. *Рец.* БПр II 3, 134.
57. Lazăr Şăineanu, Basmele române în comparaţiune cu legendele antice clasice şi în legatură cu basmele popórelorú invecinate şi ale tuturorú popórelorú romanice. Bucuresti 1895. *Рец.* БПр II 7, 141-144.
58. Der deutsche Student am Ende des 19. Jahrhunderts. Vorlesungen . . . von D-r Theobald Ziegler. Stuttgart 1895. *Рец.* БПр II 7, 144-145.
59. Skanderbeg, Historische Studie von Julius Pisko. Wien 1894. *Рец.* БПр II 7, 146.
60. Rominii şi Bulgarii. Raporturile culturale şi politice între aceste doua popoare. Conferenţa de Ioan Bogdan. Bucureşti 1895. *Рец.* БПр II 12, 116-120.
61. Cronice inedite, atingatoare de istoria Romínilor. Bucureşti 1895. *Рец.* БПр II 12, 120-122.
62. Рецензии и книгопись. БПр II 11, 142-145.
63. Изъ нашитѣ и чуждитѣ списания. БПр II 3, 162-164; 4-5, 252-257. 252-264. 3257; 6, 135-140; 7, 153-154; 11, 147-152. Книжовни и научни вѣсти. БПр II 3, 178-180; 4-5, 301-303; 6, 141-142; 11, 161-165.
64. По правописния въпросъ. БПр II 4-5, 324-325; 6, 157-158; 7, 162-164.
65. Прѣвъ пжтъ съ баща си на черква. Разказъ отъ Л. К. Лазаревичъ. Прѣвъ отъ оригинала Л. Милетичъ. БПр II 3, 28-43.

1896.

66. Дако-ромънитѣ и тѣхната славянска писменость. II. Нови влахо-български грамоти отъ Брашовъ. СбНУ XIII 3-152.
67. Седмиградскитѣ българци. СбНУ XIII 153-256.
68. На гости у банатскитѣ българци. БПр III 1, 40-57; 2, 63-88.
69. У седмиградскитѣ българци. БПр III 6, 46-64.
70. Димитъръ Матовъ (* май 1864 въ Велесъ — † 15 септември 1896 въ Дрезденъ). БПр III 11, 55-75.
71. Старобългарска граматика съ упражнения, образци изъ старобългарскитѣ паметници и рѣчникъ. За срѣднитѣ учебни заведения. Четвърто, непрómѣнено издание. София 1896, 8° IV+181.
72. Александръ Верещагинъ, У Болгаръ и Заграницей (1881-1893). С.-Петербургъ 1895. *Рец.* БПр III 4, 108-110.
73. Ruska književnost u osamnaestom stoljeću. Napisao V. Jagić. Zagreb 1895. *Рец.* БПр III 4, 110-111.
74. Гръцка и римска митология. Отъ Jean Humbert. Прѣвелъ отъ френски Й. Ивановъ. Сливенъ. *Рец.* БПр III 4, 129-130.
75. Л. Екартъ, Краткъ учебникъ по теорията на поезията. Прѣведе отъ руски К. Караюлевъ. Казанлъкъ 1895. *Рец.* БПр III 4, 130-131.
76. Животопись на Св. Климента, български архиепископъ. Отъ Теофилакта, охридски архиепископъ. Прѣвелъ... Д. Матовъ. Пловдивъ 1896. *Рец.* БПр III 4, 131.
77. Българска литература. Кратко ръководство за срѣдни и специални училища. Написано отъ А. Теодоровъ. Пловдивъ 1896. *Рец.* БПр III 4, 131-132.
78. O mluvě Jana Exarcha bulgarského. Napsal D-r Václ. Vondrák. V Praze 1896. *Рец.* БПр III 6, 121-122.
79. Frisinské památky. Podává D-r Václ. Vondrák. V Praze 1896. *Рец.* БПр III 6, 123.
81. Политиката на турското правителство спроти българитѣ въ Македония. Отъ *.*. Leipzig 1896. *Рец.* БПр III 7-8, 262-263.

81. Етимологически рѣчникъ на българский езикъ. Съставилъ Г. В. Поповъ. Казанлъкъ 1896. *Рец.* БПр III 7-8, 266-269.

82. Рѣководство по правописа на български езикъ. Състави К. Карагюлевъ. Казанлъкъ 1896. *Рец.* БПр III 7-8, 269-270.

83. Heinrich Renner, Durch Bosnien und Hercegovina kreuz und quer. Berlin 1896. *Рец.* БПр III 9-10, 245-248.

84. Рецензии и книгопись. БПр III 9-10, 248-249.

85. Изъ нашитѣ и чуждитѣ списания. БПр 5, 153; 6, 145-147; 9-10, 261-263. 278-282; 12, 154-157.

86. Книжовни и научни вѣсти. БПр III 3, 162-164; 4, 154-155 † Д-ръ Ватрославъ Облакъ (Некрологъ) 9-10, 283-287; 12, 163.

87. Снѣгъ. Чъртица изъ Каринтия. Написала Габриела Прайсова. (Отъ чешки прѣв. Л. Милетичъ). БПр. III 1, 30-39.

1897.

88. Заселението на католишкитѣ българи въ Седмиградско и Банатъ. СБНУ XIV 284-543.

89. [Предварително известие за едно пътуване въ източна България, вж. у] Dr. V. Jagić, Vorläufige Berichte der Balkan-Commission. I. Über die Dialectforschung auf der Balkanhalbinsel. Anzeiger d. k. Akad. d. Wiss., phil-hist. Cl. XXXIV Jahrg. (Wien 1897), № XXIII, p. 2-10.

90. Извѣстия Отдѣленія рускаго языка и словесности Императорской академіи наукъ. Томъ I. С.-Петербургъ 1896. *Рец.* БПр IV 4, 114-117.

91. Rukopisy a starotisky Chilendarské. Popisuje Šava Chilendarec. 1896. *Рец.* БПр IV 4, 117-118.

92. V. Jagić, Die Aufgaben der Erforschung der südslavischen Dialekte. 1897. *Рец.* БПр IV 4, 119-120.

93. D-r Constantin Jireček, Das christliche Element in der topographischen Nomenclatur der Balkanländer. Wien 1897. *Рец.* БПр IV 7, 98-109.

94. С. И. Кисовъ, Българското опълчение въ освободителната руско-турска война 1877-1878 год. Дѣйствието на 3-та дружина отъ българското опълчение. София 1897. *Рец.* БПр IV 8, 115-118.

95. Рецензии и книгопись. БПр IV 1, 121; 4, 127-128.

96. Изъ нашите и чуждите списания. БПр IV 1, 125-127. 145-148; 7, 145-148; 9, 137-141.

97. Книжовни и научни вѣсти. БПр IV 4, 148-152; 7, 159; 8, 158-159 (Ватиканскитѣ български рѣкописъ на Манасиевия лѣтопись).

98. Народното движение у аромъните (ромъните въ Турция) отъ Густава Вайгандъ. (Изъ „Globus“ № 4, 1897. Прев. Л. Милетичъ). БПр IV 1, 71-76.

1898.

99. Единъ документъ отъ първото врѣме на танзимата. СБНУ XV 357-392.

100. Предъ праха на Хаджи Димитра. (По поводъ на тържественото пренасяне костите на Хаджи Димитра и неговите другари на 29 юни и на 19 юли т. г.). БПр V 2, 29-38.

101. Bemerkungen zu Oblak's Macedonischen Studien. APh XX 578-604.

102. Възпоминания по вѣстанята въ Търновския санджакъ презъ 1876-та година и по съденето на българските вѣстаници въ Търново. Написалъ Юрданъ П. Теодоровъ. Русе 1897. *Рец.* БПр IV 10, 129-135.

103. Сборниче Василь Левски. За споменъ на 25-годишнината отъ смъртъта на Левски. София 1898. *Рец.* БПр IV 10, 135-136.
104. Бунтовници. Повесть. Написахъ Н. Начовъ. София 1898. *Рец.* БПр IV 12 144-147.
105. Средь враговете. Отъ К. Н. Фаврикадоровъ. Превелъ П. Джамбазовъ. Русе 1898. *Рец.* БПр IV 12, 149.
106. Evangelium Dobromiri. Ein altmacedonisches Denkmal der kirchenslavischen Sprache des XII Jahrhunderts. Gramatisch und kritisch beleuchtet von V. Jagić. Wien 1898. *Рец.* БПр IV 12, 150.
107. Ioan Bogdan, Luptele Romînilor cu Turcii până la Mihai Viteazul. — Cultura veche romînă. Bucureşti 1898. *Рец.* БПр IV 12, 150-151.
108. Изъ теснините. Повесть отъ А. Лудогоровъ съ предговоръ отъ Я. Съкъзовъ. 1898. *Рец.* БПр V 2, 114-123.
109. Българската литература подиръ освобождението. (Общи бележки). Отъ Юрданъ С. Маринополски. Вратца 1898. *Рец.* БПр V 2, 121-125.
110. Економическа оценка на народното образование. Очерки отъ И. И. Янжулъ, А. И. Чупровъ и Е. Н. Янжулова. Преведе Хр. Д. Максимовъ. Пловдивъ 1898. *Рец.* БПр V 2, 125-128.
111. Мара. Поема отъ Стоянъ М. Поповъ. София 1898. *Рец.* БПр V 3, 130-131.
112. Боляринъ Орша. Поема отъ М. Ю. Лермонтовъ. Превелъ Стоянъ М. Поповъ. София 1898. *Рец.* БПр V 3, 131-132.
113. Slovanský přehled. Redaktor Adolf Černý. Roč. I, č. 1-2. Praze 1898. *Рец.* БПр V 3, 138-140.
114. Věstník slovanských starožitností. (Indicateur des travaux relatifs à l'antiquité slave). Vydává Dr. L. Niederle. Sv. I. Praha 1898. *Рец.* БПр V 3, 140-141.
115. Národopisný sborník českoslovanský. Redaktor Prof. Dr. Frant. Pastrnek. Sv. I. II. III. 1897-1898. V Praze 1898. *Рец.* БПр V 3, 141-142.
116. V. Jagić, Bericht über einen mittelbulgarischen Zlatoust des 13-14 Jahrhunderts. 1898. *Рец.* БПр V 4, 145-146.
117. Константинъ Радченко, Религиозное и литературное движение въ Болгарии въ эпоху передъ турецкимъ завоеваніемъ. Киевъ 1898. *Рец.* БПр V 4, 146.
118. Georgij I. Karčev, Macedonija ili glas roba. Zagreb 1898. *Рец.* БПр V 4, 147.
119. Karel Kadlec, Rodinný nedíl čili záduha v právu slovanském. Praha 1898. *Рец.* БПр V 4, 147-148.
120. Dr. M. Murko, Miklosichs Jugend- und Lehrjahre. Weimar 1898. *Рец.* БПр V 4, 148-149.
121. Книжовни и научни вѣсти. БПр V 2, 142-143. 145-146. 152-156.
122. Изъ нашите и чуждите списания. БПр IV 11, 149-157.
123. Протопопъ Авакумъ Петровъ въ историята на руската литература. Отъ проф. В. Ягичъ. Прѣвелъ отъ хърватски Л. М[илетичъ]. БПр V 1, 73-91; 2, 59-72.

1899.

124. Ловчанските помаци. БПр V 5, 67-78.
125. Преселяванъето на малоазийските българи въ Княжеството. БПр V 7, 94-102.
126. Къмъ Самуиловия надписъ отъ 993 година. Извѣстія Русскаго археологическаго института въ Константинополѣ IV 1, 14-20.
127. Синтактични въпроси. УПр IV 790-842.
128. [Предварително известие за второ пътуване въ североизточна България, вж. у] Dr. V. Jagić, Vorläufige Berichte der Balkan-Commission. III. Über die erste Fortsetzung der Dialectforschung in Ostbulga-

rien. Anzeiger d. k. Akad. d. Wiss., phil.-hist. Cl. XXXVI Jahrg. 1898 (Wien 1899), № II, p. 30-50.

129. Поциганилъ се. (Разказъ изъ народния животъ). Отъ Любенъ [=Л. Милетичъ]. БПр VI 3-4, 1-14.

130. Время и жизнь патриарха Евѣимія Терновскаго. Изслѣдованіе П. А. Сырку. Санктпетербургъ 1899. Рец. БПр V 7, 140-141.

131. П. А. Лавровъ, Новое похвальное слово Климента словѣнскаго. 1899. Рец. БПр V 7, 141-142.

132. Житіе святаго Мееодія и похвальное слово св. Кириллу и Мееодию по списку XII в. Издаде П. А. Лавровъ. Москва 1899. Рец. БПр 7, 142.

133. Извѣстія Русскаго археологическаго института въ Константинополь. Т. III. София 1898. Рец. БПр V 7, 143-45.

134. Климентъ епископъ словенски и службитъ му. Отъ Г. Баласчевъ. София 1898. Рец. БПр V 7, 142.

135. Д-ръ Конст. Иречекъ, Княжество България: Часть I. Българска държава. Превела Ек. Каравелова. Пловдивъ 1899; Часть II. Пътуванія по България. Превель Ст. Аргировъ. Пловдивъ 1899. Рец. БПр V 8, 139-140.

136. Ржководство по български езикъ въ три курса, за долнитъ класове на гимназиятъ, отъ Д. Мишевъ. Рец. УПр IV 567-629.

137. Рецензии и книгопись. БПр V 9-10, 270-274; VI 1, 125-131; 2, 143-144.

138. Книжовни и научни вѣсти. БПр V 8, 141-142; 9-10, 274-278 (Старобългарски надписъ отъ царя Самуила); VI 2, 149-152; 3-4, 228.

1900.

139. Книжнината и езикътъ на банатскитъ българи. СБНУ XVI-XVII 339-482.

140. Къмъ брашовскитъ влахобългарски грамоти. Една грамота на Іw Данъ II отъ год. 1422, октомври 23. СБНУ XVI-XVII 496-504.

141. „Арнаутитъ“ въ Силистренско и слѣди отъ носовки въ тѣхния езикъ. ПСп LXI 9, 623-666.

142. Едно писмо на I. Рилъ отъ Винга до Г. Раковски въ Букурещъ (1864 год.). Съобщава Л. Милетичъ. ПСп LXI 10, 747-760.

143. И. Н. Смирновъ, Очеркъ культурной исторіи южныхъ славянъ. Выпускъ I. Казань 1900. Рец. БПр VI 6, 107-111.

144. Рецензии и книгопись. БПр VI 5, 108-110; 10, 115-118. 127-130.

145. Книжовни и научни вѣсти. БПр VI 5, 116-117; 7, 115.

1901.

146. Членътъ въ българския и руския езикъ. СБНУ XVIII 5-67.

1902.

147. Старото българско население въ сѣвероизточна България. [Българска библиотека, бр. 1]. София 1902, м. 8° II+224.

148. Споменъ отъ Рилския манастиръ. [Рилскитъ манастиръ. — Хрисовулътъ на царя I. Шишманъ отъ 1378 год. 21 септември. — Найстарото житие на Св. Ивана Рилски. — Славянскитъ ржкописи въ библиотеката на Рилския манастиръ]. София 1902, м. 8° 72.

149. Старобългарска граматика съ упражнения, образци изъ старобългарскитѣ паметници и рѣчникъ. За срѣднитѣ учебни заведения. Пето издание. София 1902, 8° IV+148.

1903.

150. Нашитѣ павликяни. СБНУ XIX 1-369.

151. Das Ostbulgarische. Mit einer Karte. Wien 1903, 4° 302 [Kaiserliche Akademie der Wissenschaften. Schriften der Balkankommission. Linguistische Abteilung I. Südslavische Dialektstudien II].

152. Ueber di Sprache und die Herkunft der sog. Krašovaner in Süd-Ungarn. ASPH XXV 161-181.

1904.

153. Синтактични неправилности въ книжовния ни езикъ. УПр X 6, 521-534.

1905.

154. Източнитѣ български говори. СБНУ XXI 1-102.

155. Нови документи по миналото на нашитѣ павликяни. СБНУ XXI 1-155.

156. Интересенъ срѣднобългарски паметникъ отъ XIII вѣкъ. ПСп LXVI 95-112.

157. Фонетичнитѣ особености на помашкитѣ говори въ Чепинско. ПСп LXVI 193-221.

158. Поземелната собственость и войнишкитѣ бащини въ турско врѣме. ПСп LXVI 307-335.

159. Кесийки отъ пергаментови рѣкописи. ПСп LXVI 336-344.

160. Движение въ областъта на българскитѣ суфикси. (Суфикситѣ: -ически, -ичен, -ски, -шки). УПр X 6, 534-545.

161. Дейността на Семинара по славянска филология отъ основанието му до сега (1896-1905). ИСС I, стр. III-XVI.

162. Най-нови изслѣдвания по етнографията на гагаузитѣ. [В. А. Мошковъ, Гагаузы Бендерскаго уѣзда. — Нарѣчія Бессарабскихъ гагаузовъ. — Турецкіе племена на Балканскомъ полуостровѣ]. ПСп LXVI 256-274.

1906.

163. От. Неофитъ Рилски като филологъ. УПр XI 1, 77-129.

164. Слѣды среднеболгарской замѣны носовыхъ въ новоболгарскихъ нарѣчїяхъ. Статїи по славяновѣдѣнію, вып. II. Подъ ред. В. И. Ламанскаго. С.-Петербургъ 1906, стр. 1-20.

165. Старобългарска граматика съ упражнения, образци изъ старобългарскитѣ паметници и рѣчникъ. За срѣднитѣ учебни заведения. Шесто издание. София 1906, 8° IV 148.

1907.

166. Прѣдговоръ [къмъ Извѣстия на Семинара по славянска филология при Университета въ София. Книга II (за 1906 и 1907 г.). Печатано подъ редакцията на проф. Л. Милетичъ, уредникъ на Семинара. София 1907]. ИСС II, стр. III-IV.

1908.

167. Болгарскіе говоры чепинскихъ помаковъ. Сборникъ статей посвященныхъ В. И. Ламанскому. II. Санктпетербургъ 1908, стр. 883-891.

168. Коприщенски дамаскинъ. Новобългарски паметникъ отъ XVII вѣкъ. [Български старини, книга II]. Издава Археографическата комисия при Министерството на народната просвѣта. София 1908, 8°, LXVIII+204 стр. и 6 факс.

169. Носовкитѣ въ польскія езикъ и чешкитѣ прѣгласъ на вокала *a*. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. Berlin 1908, стр. 691-698.

170. Рѣчь профессора Софійскаго университета Л. Г. Милетича [памяти Марина Стефановича Дринова † 28-го февраля 1906 г.]. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, посв. проф. М. С. Дринову. Харьковъ 1908, с. 43-45.

171. Българскитѣ народни приказки. Опитъ за класификация. Отъ д-ръ М. Арнаудовъ. София 1905. *Рец.* Годишникъ на Софійский университетъ III-IV, Ист.-фил. фак., стр. 180-188.

1909.

172. Къмъ грамотитѣ отъ брашовската сбирка. СБНУ XXV 3-48.

1910.

173. Павликианското нарѣчие. СБНУ XXVI стр. 1-28.

174. [За автономията на Македония, въ] „Анкета по Македонския и Балканския въпроси“. Съврѣмenna мисль I 9, 730-732.

175. Prof. Dr. G. Weigand, *Bulgarische Grammatik*. Leipzig 1907. *Рец.* ASPH XXXI 604-612.

176. В. Н. Щепкинъ, Учебникъ болгарскаго языка. Москва 1909. *Рец.* ASPH XXXI 613-617.

1911.

177. Die Rhodopemundarten der bulgarischen Sprache. Mit einer Karte. [Kaiserliche Akademie der Wissenschaften. Schriften der Balkankommission, Linguistische Abteilung I. Südslavische Dialektstudien VI]. Wien 1911, 4°, 236.

178. Цвѣтни репродукции на орнаменти изъ български ржкописи, съ обяснителни бѣлѣжки и описъ отъ Л. Милетичъ. Листа 100. [Български художествени старини, изд. отъ Българската академия на наукитѣ, кн. II].

179. Прѣдговоръ [къмъ Извѣстия на Семинара за славянска филология при Университета въ София, книга III (за 1908-1910 год.). Излизатъ подъ редакцията на проф. Л. Милетичъ, уредникъ на Семинара. София 1911], ИСС стр. III-IV.

180. Младотурската политика спрямо българитѣ въ Македония прѣзъ изтеклата 1910 година. (Рѣчь, произнесена въ публично събрание на 2 януари 1911 г.). София 1911, 8° 34.

181. Македонскиятъ въпросъ. Календаръ на радикално-демократическата партия за 1911 год. София 1911, с. 107-121.

1912.

182. Редукцията на гласнитѣ въ Ширококожшкия говоръ. СпБАН III (2), 1-10.

183. Старобългарска граматика съ кратъкъ, сравнителенъ огледъ къмъ новобългарския езикъ. Съчинилъ д-ръ Л. Милетичъ. За срѣднитѣ учебни заведения. Осмо допълнено издание. София 1912, 8° IV+155

184. Избираемостта на професоритѣ. (Печ. въ в. День бр. 2728 и 2729, отъ 28 и 29 януарий 1912).

185. Дългътъ на Англия. (Печ. въ в. День бр. 2919, отъ 15 септемврий 1912).

1913.

186. Гръцкитѣ жестокости въ Македония презъ гръцко-българската война. (Съ 53 фототипични репродукции и една карта). София 1913, 8° 179.

187. Atrocités grecques en Macédoine pendant la guerre greco-bulgare. (Avec une carte et 53 reproductions photographiques). Sofia 1913, 8° 180.

188. La science et la politique de l'Etat serbe. (Печ. въ L'Echo de Bulgarie № 2, 3/16 mai 1913).

189. Славяне съ неславянами противъ Славянъ. Печ. въ „Вѣстникъ мира (La Messenger de la Paix), органъ международнаго права и култури“. Сптербургъ 1913. № 5. Май-Юнь.

1914.

190. Историята на Гюмюрджинската автономия. София 1914, 8° 37.

190. Окаяното положение на бѣжанцитѣ въ Струмишко и Невропско. (Печ. въ спис. Седмица, София, год. I, 1914, кн. 3, стр. 2-4).

1915.

191. Mazedonien war immer bulgarisch. (Печ. въ Vossische Zeitung № 575, 10. XI. 1915).

192. Das Bulgarentum auf der Balkanhalbinsel im Jahre 1912. Mit einer Karte. Von Prof. Dr. A. Ischirkoff, unter Mitwirkung von Prof. Dr. L. Miletic, Prof. Dr. B. Zoneff, Prof. J. Ivanoff und Prof. Dr. St. Romanski. Dr. A. Petermanns Mitteilungen 61 Jahrg., 1915, S. 339 ff.

1916.

193. Ив. Георгиевъ Гарвановъ. Печ. въ в. Родина, Скопие, 17.XII. 1916,

194. Дамянъ Груевъ (+23 декемврий 1906 г.). Печ. въ в. Родина, Скопие, 24. XII. 1916.

1917

195. Българи и ромъни въ тѣхнитѣ културно-исторически отношения. Отд. отп. отъ Сборникъ „Добруджа“, София 1917, 8°, стр. 69-118.

1918.

196. Исторически и художествени паметници въ манастира Св. Ив. Бигоръ (Дебърско). СпБАН XVI (9), 1-34.

197. Важна фонетична особеност на единъ западномакедонски говоръ. СпБАН. XVI (9), 35-42.

198. Правно-историческа почва на македонската революция (по случай на 15 години отъ Илинденското въстание). Печ. въ Военни извѣстия, бр. 172, 31 юлий 1918.

109. За Македония. Културно-исторически погледъ. София 1918, 8° 35.

200. Разорението на тракийскитъ българи презъ 1913 г. Съ 65 образи и една карта [Етнографска карта на Одринския вилаетъ (къмъ 1912 год.)]. [Българска академия на наукитъ]. София 1918, 8° 344.

201. La Macédoine bulgare. Aperçu historique et culturel. Sofia 1918, 8° 32.

202. L'Idée macédonienne. (Печ. въ в. L'Echo de Bulgarie № 1453, 2 août 1918).

203. La continuité et l'intensité de la conscience bulgare en Macédoine. (Печ. въ в. L'Echo de Bulgarie 1918, бр. 1473-1474).

204. Der bulgarische Charakter der mazedonischen Frage. (Печ. въ в. Vossische Zeitung № 172, 2. VIII. 1918).

205. Bulgaren und Rumänen in ihren kultur-geschichtlichen Beziehungen. (Aus dem Sammelwerk „Dobrudscha“). Sofia 1918, 8° 38.

206. Les Bulgares et les Roumains dans leurs rapports culturels et historiques. Extrait du recueil „La Dobroudja“ (Sofia 1918, 8° 348), p. 67-109.

1919.

207. Едно бълбжито послание на Цариградската патриаршия до българитъ въ Дебърско (1849 год.). СпБАН XVIII (10), 17-30. [Съ 1 листъ факсимиле].

208. Изъ единъ поменикъ на манастира Прѣчиста (Кичевско). СпБАН XVIII (10), 31-40. [Съ една фотографска снимка на Кичевския манастиръ „Св. Богородица“ („Прѣчиста“)].

209. Македония въ образи. Съ 483 аутотипни репродукции и една етнографична карта. Издава Комитетътъ за изучване българскитъ земи. София 1919. Придворна печатница.—La Macédoine illustrée. Avec 483 reproductions autotypiques et une carte ethnographique. Publié par le Comité pour l'étude des terres bulgares. Sofia 1919. Imprimerie de la cour. Fol. 8° VIII+133 и 1 карта. [Стр. V-VIII: „Прѣдговоръ“ — Préface — отъ проф. д-ръ Л. Милетичъ, прѣдседателъ на Комитета за изучване българскитъ земи].

210. Macedonia illustrated. With 486 autotyped reproductions and an ethnographical map. Published by the committee for the study of bulgarian lands. Sofia. State printing press, 1919.—Македония въ образи. Съ 486

аутотипни репродукции и една етнографична карта. Издава Комитетътъ за изучаване българскитѣ земи. София. Държавна печатница. 1919. Fol. VIII+135. [Стр. V-VIII „Preface“ — Прѣдговоръ — [отъ] Prof. Dr L. Mileitch, President of the Committee for the Study of Bulgarian Lands].

1920.

210. Два български ржкописа съ грѣцко писмо. 1. Недѣлни поуčenja отъ XVIII вѣкъ. 2. Търлиско евангелие отъ 1861 год. [Български старини. Книга VI]. Издава Българската академия на наукитѣ. София 1920, гол. 8° 176 [+ IV факс.].

1921.

211. Прѣдговоръ [къмъ Извѣстия на Семинара по славянска филология при Университета въ София. Книга IV. Излизатъ подъ редакцията на проф. Л. Милетичъ, уредникъ на Семинара. София 1921], ИСС IV, стр. III.

1922.

212. Значението на университетската криза. (Печ. въ в. Слово, бр. 1, 10 априль 1922).

213. Правописниятъ въпросъ и Българската академия на наукитѣ. (Печ. въ в. Прѣпорецъ г. XXIV, бр. 103, 11 май 1922 г., стр. 3).

214. Празникътъ на българското духовно обединение. [Отъ] проф. Л. Милетичъ, ректоръ на Университета. (Печ. въ в. Слово год. I, бр. 35, 23 май 1922 г.).

215. Мнението на най-виднитѣ слависти за езика на македонцитѣ. Сп. Македония, год. I, (1922), кн. 4, стр. 13-18.

211 б. Ив. Поповъ (+1921). Единъ неочененъ още македонски герой. Печ. въ сп. Македония, София, год. I, кн. 1, Януарий (1922 г.), стр. 43-49.

1923.

216. Свищовски дамаскинъ. Новобългарски паметникъ отъ XVIII вѣкъ. [Български старини. Книга VII]. Издава Българската академия на наукитѣ. София 1923, гол. 8° IV+308 [+XI факс.].

217. Обяснение на новата правописна реформа. (Печ. въ в. Демократически говоръ, бр. 14, 17 октомврий 1923 г.).

218. Старобългарска граматика съ краткъ сравнителенъ огледъ къмъ новобългарския езикъ. За срѣднитѣ учебни заведения. Девето издание. София 1923, 8° 159.

1924.

219. Въ полуразрушения Мелникъ. (Пжтни бележки отъ 1914 г.). МПр I 2, 85-96 + табл. I-IV, [фр. резюме] 171-174.

220. Les parlars de Nivica et de Turija (Macédoine occidentale). Par A. Vaillant (вж. Revue des études slaves, т. IV, стр. 53-66. Paris 1924). Рец. МПр. I 2, 143-147, [фр. резюме] 175-177.

221. Старобългарска граматика. Съ кратъкъ сравнителенъ огледъ къмъ новобългарския езикъ. Съчинилъ Л. Милетичъ. За срѣднитѣ учебни заведения. Девето издание. [Преиздадено]. София 1925, 8° 159.
222. Македония и македонскитѣ българи. Културноисторически погледъ. III изд. [Македонска библиотека № 1]. София 1925, 16° 64.
223. Въстаническото движение въ югозападна Македония (до 1904 год.). По спомени на Славейко Арсовъ. Съобщава Л. Милетичъ. [Материяли за историята на македонското освободително движение. Издава „Македонскиятъ наученъ институтъ“. Книга I]. София 1925, м. 8° IV+135.
224. Освободителната борба въ Костурско (до 1904 год.). По спомени на Пандо Кляшевъ. Съобщава Л. Милетичъ. [Материяли за историята на македонското освободително движение. Издава „Македонскиятъ наученъ институтъ“. Книга II]. София 1925, м. 8° 136.
225. Къмъ фрескитѣ на манастира Св. Наумъ. МПр I 3, 29-38, [фр. резюме] 157-159.
226. Никодимъ Павловичъ Кондаковъ за Македония. (По случай на осемдесетгодишнината му). МПр I 3, 1-16, [фр. резюме] 155-157.
227. Бугари и гъркомани. (Разказано по говора на Ениджевардарско, село Баровица, отъ Димитъръ Христовъ). Съобщава Л. Милетичъ. МПр I 3, 103-106, [фр. резюме] 164.
228. Върху новата проектъ-програма по български езикъ въ гимназиитѣ. (Печ. въ в. Миръ бр. 7490, 15 юний 1925 г., стр. 1).
229. Амазонкитѣ въ с. Мадара. (Печ. въ в. Миръ бр. 7376, 21 януарий 1925, стр. 3).
230. Да бѣхме славяни... (Печ. въ в. Слово бр. 841, 20 мартъ 1925).
231. Македонски прегледъ. Списание за наука, литература и общественъ животъ. Издава Македонскиятъ институтъ. [Подъ редакцията на проф. Л. Милетичъ]. Година I, книга 3—6, 1925, година II 1926 и след.
232. Предговоръ [къмъ Известия на Семинара по славянска филология при Университета въ София. Книга V. Излизатъ подъ редакцията на проф. Л. Милетичъ, уредникъ на Семинара. София 1925]. ИСС V, стр. III.
233. Zur Geschichte der bulgarischen Nominalflexion. Karl H. Meyer, Der Untergang der Deklination im Bulgarischen. Heidelberg 1920, 8° 75 („Slavica“, N. 3. Herausgegeben von M. Murko). Рец. въ ASPH XXXIX, 267-276.
234. Jordan Ivanov, Un parler bulgare archaïque (Revue des études slaves, t. II, pages 86-103. Paris 1922). Рец. МПр I 3, 119-121, [фр. резюме] 168-169.
235. Grammaire de la langue serbo-croate. Par A. Meillet, professeur au Collège de France et à l'École des hautes-études, et A. Vaillant, professeur délégué à l'École des langues orientales vivantes (Collection de grammaire de l'Institut d'Études slaves, III). Paris 1924. Рец. МПр I 3, 121-123, [фр. резюме] 169-170.
236. Јован Цвијић, Говори и чланци, 4 тома, гол. 8°, т. I. 264, II. 237, III. 174, IV. 130. Београд 1921-1923. Рец. МПр I 3, 123-142, [фр. резюме] 170-174.
237. Едно свидетелство отъ 17 вѣкъ за българитѣ въ Охридъ. МПр I 3, 150-151 [фр. резюме] 178.
238. Къмъ историята на книгата „Македония и Стара Сърбия“ отъ Сп. Голчевичъ. МПр I 3, 151-153, [фр. резюме] 178-179.

239. А. М. Селищевъ, Очерки по македонской диалектологii. Т. I. Казань 1918, 8° 284. *Рец.* МПр I 4, 95-100, [фр. резюме] 177-178.

240. Проф. В. А. Погорѣловъ, Даниловиятъ Четиреезичникъ. (Печ. въ Сборникъ на Българската академия на наукитъ, Истор.-филол. клонъ, книга 11, стр. 1-48. София 1925). *Рец.* МПр I 4, 104-108, [фр. резюме] 179-180.

241. Vladimír Šis, Nový Balkán. Praha 1924, м. 8° 229. Съ една етнографическа и една политическа карта на Балканския полуостровъ. *Рец.* МПр I 115-122, [фр. резюме] 182-184.

242. Rudolf Künzl-Jizerský, Ústup Bulharska do světově války. (Печ. въ „Slovanský Přehled“, Praha 1925, číslo 5-6, str. 345-358). *Рец.* МПр I 5-6, 187-190, [фр. резюме] 268.

243. Hermann Wendel, Von Marburg bis Monastir. II издание (вж. кн. Kreuz und quer durch den slawischen Süden. Frankfurt a. M., 1922, 8° 300, стр. 1-126). *Рец.* МПр I 5-6, 190-200, [фр. резюме] 268-269.

244. Hermann Wendel, Der Kampf der Südslaven um Freiheit und Einheit. Frankfurt a. M. 1925, 8° 793. *Рец.* МПр I 5-6, 203-220, [фр. резюме] 270-272.

245. Jean-Jose Frappa, Makédonia. Souvenir d'un officier de liaison en Orient, Paris 1921, 8° 283. *Рец.* МПр I 5-6, 223-225, [фр. резюме] 273-274.

246. Eduard Combe, La protection des minorités. (Печ. въ Bibliothèque universelle et Revue de Genève, octobre 1925, стр. 1772-1786). *Рец.* МПр I 5-6, 225-228, [фр. резюме] 274-175.

247. Jovan Cvijić, Balkanské otázky. Kulturní a politicko-zeměpisné stati. Z knihy „Govori i članci“ vybral a přeložil Václav Hroník. V Praze 1924, str. 142 (вж. рецензия отъ Н. Рипка въ Slov. Přehled, ч. 5-6). *Рец.* МПр I 5-6, 228-229, [фр. резюме] 276.

248. Нова латинска писменостъ за македонскитъ българи подъ Гърция. Abecedar. *Ev 'Αθήνας. Τύποις Π. Δ. Σακελλαρίου 1925. 8° 40. *Рец.* МПр I 5-6, 229-232, [фр. резюме] 276-277.

249. Чужди писатели за македонскитъ българи въ XIX вѣкъ. Д-ръ Никола В. Миховъ, Населението въ Турция и България презъ XVIII и XIX в. Библиографски издирвания съ статистични и етнографски данни. Т. I. София 1915, гол. 8° 483; т. II. 1924, гол. 8° 332. [Издание на Българската академия на наукитъ]. *Рец.* МПр I 5-6, 233-257, [фр. резюме] 277.

250. Шестдесетгодишнината на професоръ Люборъ Нидерле. МПр. I 5-6, 257-258, [фр. резюме] 277.

1926.

251. Седмоградскитъ българи и тѣхниятъ езикъ. СпБАН XXIII (18), 1-181.

252. Македонскиятъ въпросъ въ конгреса на Унията за Обществото на народитъ (Лондонъ — Аберсвейтъ 25. VI — 4. VII. 1926). Съобщава Л. Милетичъ. (Издание на Националния Комитетъ на Съюза на македонската емиграция въ България). София [1926], 8° 31. — Срв. и *рец.* въ МПр. II 4, 149 [фр. резюме], 167-168.

253. Въпросътъ за правата на малцинствата въ извънредната сесия на Унията (6-10. III) въ Женева (печ. въ в. Независима Македония бр. 153, 1926).

254. Англия въ историята на Македонския въпросъ. МПр. II 1, 107-118, [фр. резюме] 159-160.

255. Струмишкитъ манастирски черкви при с. Водоча и с. Велюса. МПр. II 2, 35-48 [съ II+9 таблици], [фр. резюме] 148-149.

256. Животътъ и характерътъ на славянитъ въ древността. МПр., II 2, 58-75, [фр. резюме] 151-153.
257. Женската носия въ Галичникъ (Дебърско). МПр. II 2, 103-106, [фр. резюме] 154-155.
258. Сватбени обичаи въ Ениджевардарско. Съобщава Л. М[илетичъ]. МПр. II 2, 107-109, [фр. резюме] 155.
259. Борбата въ Костурско и Охридско (до 1904 год.). По спомени на Иванъ Поповъ, Смиле Войдановъ, Деянъ Димитровъ и Никола Митревъ. Съобщава Л. Милетичъ. [Материяли за историята на македонското освободително движение. Издава „Македонскиятъ наученъ институтъ“. Книга III]. София 1926, м. 8° V+141.
260. Къмъ борбитъ въ югозападна Македония (Кичевско, Битолско, Леринско, Преспанско, Дебърско). По спомени на Лука Джеровъ, Георги попъ Христовъ, Ангелъ Андреевъ, Георги Папанчевъ и Лазаръ Димитровъ. Съобщава Л. Милетичъ. [Материяли за историята на македонското освободително движение. Издава „Македонскиятъ наученъ институтъ“. Книга IV]. София 1926, м. 8° VII+145.
261. Професоръ В. Ягичъ за Македония (по неиздадени негови писма). МПр. II 3, 1-64 [стр. 36-64: факсимилета] [съ портретъ на Ягича], [фр. резюме] 161-166.
262. La Macédoine sous la domination serbe et les droits des minorités. (Édition du Comité nationale de l'Union des organisations des émigrés macédoniens en Bulgarie). Sofia 1926, 8° 36. Срв. и *рец.* МПр. II 4, 148, [фр. резюме] 107.
263. La question macédonienne et l'Union internationale des associations pour la Société des Nations. (Édition du Comité nationale de l'Union des émigrés macédoniens en Bulgarie). Sofia 1926, 8° 64. *Рец.* МПр II 4, 149-150, [фр. резюме] 168.
264. Издания на македонскитъ студентски дружества въ чужбина относно Македония. МПр II 4, 150-152, [фр. резюме] 168.
265. P. Gabe, La question de la Dobrudja dans son essence. (A propos de l'expropriation des terres de la population locale faite par la législation roumaine). Sofia 1925, 8° 96. *Рец.* МПр II 4, 147, [фр. резюме] 163-167.
266. Н. Константиновъ, Родна Тракия. Спомени, речи и статии въ 68 образа. София 1925, 8° 253. *Рец.* МПр II 4, 143, [фр. резюме] 166.
267. Михаилъ Ив. Македонски, Материяли за историята на градъ Криворѣчна-Паланка. Спомени. София 1925, 8° 76. (Издава Криворѣчно-Паланешкото благотворително братство „Осогово“ въ София). *Рец.* МПр II 4, 143, [фр. резюме] 165-166.
268. Dr. Eduard Beneš, Slovanství a Slované za války a po válce (вж. Problémy slovanské politiky, IX, въ Slov. Přehled č. 3-4, 1926, стр. 169-208). — (Д-ръ Едуардъ Бенешъ, Славянството и славянитъ презъ и следъ войната). *Рец.* МПр II 1, 119-132, [фр. резюме] 160-162.
269. Ivan Vâsov, Cuore bulgaro. Novelle selecte. Introduzione et traduzione dall' originale bulgare di Enrico Damiani. Roma (Scrittori stranieri vol. X). 1925, м. 8° 121. *Рец.* МПр II 1, 149-150, [фр. резюме] 164.
270. Петъръ Завоевъ, Моитъ стари съсъди. Разкази. (Гаразъ Ванко, — Ашикъ Али. — Мише Минането. — Хаджи Борония. — Чиста Нуша). София 1924, 16° 84. *Рец.* МПр II 1, 150-152, [фр. резюме] 164-165.

271. Охридъ въ снимки. Първа серия. София 1926. Издание на Охридското благотворително братство „Св. Климентъ“. *Рец.* МПр II 1, 152-153, [фр. резюме] 165.
272. Д. Илковъ, Атласъ Св. Св. Кирилъ и Методий. Издава Картографическия институтъ въ Виена. 1925, фол. 102. *Рец.* МПр II 1, 153-154, [фр. резюме] 165.
273. † Георги Палашевъ. (Некрологъ). МПр II 1, 154, [фр. резюме] 165-166.
274. Йорданъ Ивановъ, Произходъ на царь Самуиловия родъ (вж. „Сборникъ въ честь на проф. Василь Н. Златарски“. София 1925, стр. 55-62). *Рец.* МПр II 2, 135-140, [фр. резюме] 158-159.
275. По въпроса за произхода на името „Охридъ“. МПр II 2, 142-146, (фр. резюме] 159-160.
276. Silviu Dragomir, Vlahii și Morlăcii. Studiu din istoria românismlui balcanic. Cluj 1924, 8° 134. *Рец.* МПр II 3, 147-148, [фр. резюме] 172.
277. Tadeusz St. Grabowski, Bułgaria po przewrocie (1923-1926). Печат. въ Przegląd Polityczny. T. IV, zeszyt 2-3, 1926. *Рец.* МПр II 3, 157-158, [фр. резюме] 175.
278. Велчо Т. Велчевъ, Къмъ погромъ. Какъ се провалиха народнитъ идеали. София 1926, мал. 8° 189. *Рец.* II, МПр 4 138-142, [фр. резюме] 164-165.

1927.

279. Показателнитъ мѣстоимения въ постпозитивна служба. Отд. отп. — „Seorsum impressum e symbolis grammaticis in honorem Ioannis Rozwadowski“. Volumen II. Cracoviae 1927, p. 115-126.
280. Спомени на Дамянъ Груевъ, Борисъ Сарафовъ и Иванъ Гарвановъ. Съобщава Л. Милетичъ. [Материяли за историята на македонското освободително движение. Издава „Македонскиятъ наученъ институтъ“. Книга V]. София 1927, мал. 8° XI+136.
281. Солунскиятъ атентатъ и заточеницитъ въ Фезанъ. По спомени на Павелъ П. Шатевъ. Съобщава Л. Милетичъ. [Материяли за историята на македонското освободително движение. Издава „Македонскиятъ наученъ институтъ“. Книга VI]. София 1927, м. 8° V+155.
282. Движението отсамъ Вардара и борбата съ върховиститъ. По спомени на Яне Сандански, Черньо Пѣевъ, Сава Михайловъ, Хр. Куслевъ, Ив. Атанасовъ Гърчето, Петъръ Хр. Юруковъ и Никола Пушкарровъ. Съобщава Л. Милетичъ. [Материяли за историята на македонското освободително движение. Издава „Македонскиятъ наученъ институтъ“. Книга VII]. София 1927, мал. 8° VII+199.
283. Спомени на Гьорче Петровъ. Съобщава Л. Милетичъ. [Материяли за историята на македонското освободително движение. Издава „Македонскиятъ наученъ институтъ“. Книга VIII]. София 1928, м. 8° IX+208.
284. Непоправими. (Печ. въ в. Македония год. II, брой 317, 31 октомврий 1927).
285. Le prof. V. Jagić et la Macédoine. Sofia 1927, 8° 66. [Съ портрета на Ягича]. (Изд. на „Institut scientifique macédonien“).
286. Hermann Wendel, Aus der Welt der Südslaven. Berlin 1926, 8° 282. *Рец.* МПр III 1, 148-154, [фр. резюме] 170-171.
287. Dr Leonard Schulze Jena, Makedonien. Landschafts -und Kulturbilder. Von —, Professor der Geographie an der Universität Marburg. Mit 86 Tafeln und 3 Karten. Jena 1927, gr. 8° 282. *Рец.* МПр III 2, 121-138, [фр. резюме] 188-186.

288. Охридско-преспанска лира. 100 народних жејских песама из Охрида и Преспе. Скупио и уредио Ђ. Ј. Киселиновић, професор. Битољ, штампарија Илије Ивановића, 1926. *Рец.* МПр III 5, 113-120, [фр. резјуме] 161-162.

289. Prof. Valerij Pogorčlov, O národnosti apoštolov slavianstva. (Venované pánu profesorovi D-г L. Miletičovi v Sofii). (Печ. въ сп. „Bratislava“, časopis Učené společnosti Šafaříkovy v Bratislavě. 1927, 2. 183-193). *Рец.* МПр III 3, 120-123, [фр. резјуме] 162-163.

290. Ив. Снѣгаровъ, Българскиятъ първоучителъ Св. Климентъ Охридски. Животъ и дейность. 1927, 8^о 115. (Отд. отп. отъ Годишникъ на Соф. университетъ — Богословски факултетъ т. IV, стр. 219-334). *Рец.* МПр III 3, 123-130, [фр. резјуме] 163-165.

291. Н. Суринъ, Тиквешъ-Морихово. Спомени. София 1927, мал. 8^о 30. Издание на Националниятъ комитетъ на Съюза на мак. емигр. организация въ България. *Рец.* МПр III 3, 147-149, [фр. резјуме] 171.

292. П. А. Лавровъ, Сборникъ Верковича I. Народныя пѣсни македонскихъ болгаръ. (Изд. въ „Сборникъ Отдѣленія рускаго языка и словесности Росс. Акад. наукъ“, томъ ХСV, № 5). Петроградъ 1920, 8^о IV, 352. *Рец.* МПр III 3, 149-150, [фр. резјуме] 171-172.

293. A. Handbook of Macedonia and surrounding territories. Compiled by the Geographical Section of the Naval Intelligence Division, Naval Staff, Admiralty. London. Published by His Majesty's stationery office. (I. D. 1114). 8^о 524 [1915 г.]. *Рец.* МПр III 3, 150-152, [фр. резјуме] 172.

294. Macedonia. (Handbook prepared under the Direction of the Historical Section of the Foreign Office. № 21). London. Published by H. M. stationery office, 1920, 8^о 102. *Рец.* МПр III 3, 152-154, [фр. резјуме] 172.

295. Петъръ Мутафчиевъ, Българи и ромъни въ историята на Дунавскитъ земи. 1927, 8^о 248. (Отд. отп. отъ Годишникъ на Соф. университетъ, Ист.-фил. факултетъ, кн. XXIII, 1). *Рец.* МПр III 4, 103-110, [фр. резјуме] 155-156.

296. Пакъ за народността на Св. Кирила и Методия. Prof. E. Grivec, O národnosti slovanských apoštolův (Печ. въ спис. „Bratislava“ 1927, č. 3-4, 510-511). *Рец.* МПр III 4, 123-126, [фр. резјуме] 160-161.

297. Ив. Панделеевъ Орманджиевъ, Георги Кондоловъ и дейността му въ Странджанското въстание. (Съ 3 портрета). Бургасъ 1927, 8^о 120. *Рец.* МПр III 4, 146-147, [фр. резјуме] 165.

298. Stanisław Słoński, W. Jagić o kwestji macedońskiej. (Печ. въ „Prace filologiczne“ т. XI, Warszawa 1927, 462-464). *Рец.* МПр III 4, 147.

299. Хърватски отзывъ за мнението на В. Ягичъ за Македония. МПр III 3, 147.

300. Професоръ Г. Вайгандъ за писмата на Ягича. МПр III 4, 148.

1928.

301. I. Въ Македония и Одринско. Спомени на Михаилъ Герджиковъ. II. Първиятъ централенъ комитетъ на ВМРО. Спомени на Д-ръ Христо Татарчевъ. Съобщава Л. Милетичъ. [Материяли за историята на македонското освободително движение. Книга IX]. София 1928, мал. 8^о 107.

302. Изявление на македонската емиграция до Славянския съборъ въ София, 1910 год. Съобщава Л. Милетичъ. МПр IV 3, 105-109, [фр. резјуме] 188-191.

303. Единъ документъ за руската политика спрямо Македония (1897 г.) МПр IV 4, 99-106, [фр. резјуме] 156-157.

304. Навременна мѣрка. (Печ. въ в. Македония бр. 369, 1928 г.).

305. Les Bulgares macédoniens et les Serbes. Sofia 1928, 8° 48. (Изд. на Association bulgare pour la Société des nations).

306. Jaroslav Bidlo, Dějiny slovanstva (История на славянството), V Praze 1927, 8° 292. Рец. МПр IV 1, 149-157, [фр. резюме] 188-191.

307. N. Iorga, La Roumanie, les Balkans et l'Europe Centrale. (Печ. въ спис. L'Esprit international. The International Mind. 2-e année. № 6. 1-er avril 1928. Dotation Carnegie. Central européen. Paris). Рец. МПр IV 2, 158-161, [фр. резюме] 187.

308. D-r Franz Doflein, Mazedonien. Erlebnisse und Beobachtungen eines Naturforschers im Gefolge des deutschen Heeres. Von —, Professor der Zoologie an der Universität Breslau. Mit 279 Abbildungen im Text und 4 farbigen und 12 schwarzen Tafeln. Jena 1921, 8° 592. Рец. МПр IV 2, 161-165, [фр. резюме] 187-188.

309. Colonel L. Lamouche, Quinze ans d'histoire balkanique (1904-1918). Avec 3 cartes hors texte. Ed. Payot, Bibliothèque historique. Paris 1928, 8° 592. (Полковникъ Л. Ламушъ, Петнадесет години балканска история. 1904-1918. Парижъ). Рец. МПр IV 3, 155-162, [фр. резюме] 193-196.

310. Cezare Spellanzone, La Questione d'Oriente. Vinti e vincitori nei Balcani. (Чезаре Спеланзонъ, Източниятъ въпросъ. Победени и победители на Балканитъ). Milano 1926, 8° 339. Печатано като XVI томъ отъ „Cultura contemporanea. Biblioteca de letteratura, storia e filosofia“. Рец. МПр IV 3, 162-169, [фр. резюме] 196-199.

311. Dott. Minco N. Scipovensky, Bulgaria. Ricsumazioni storiche e considerazioni politiche ed economico-finanziare dal 670 al 1927. Con 13 carte geografiche e 70 illustrazioni fuori testo. Milano 1927, gr. 8° 350. (Д-ръ Минко Шипковенски, България. Историческо резюме и разглеждания политически и икономико-финансиални за време отъ 670 до 1927 г. Съ 13 географически карти и 70 илюстрации вънъ отъ текста. Милано 1927). Рец. МПр IV 3, 169-173, [фр. резюме] 199-200.

312. D-r Ivan Slivensky, La Bulgarie depuis le traité de Berlin et la paix dans les Balkans. Préface de Georges Reynald, senateur etc. Paris 1927, 8° 222. Рец. МПр IV 4, 135-138, [фр. резюме] 164-165.

313. The Macedonian Question. (Печ. въ спис. „European Economica and Political Survey“. Paris, № 5. November 1928, 4°, p. 149-164). МПр IV 4, 138-142, [фр. резюме] 165-166.

314. Ludvík Kuba, Písň makedonské. S úprlnými původními texty a českými překlady Jana Hudce. Zpěv a klavír. Praha 1928, гол. 8° 80. Рец. МПр. IV 4, 145-146, [фр. резюме] 169-170.

315. Български народни шевици. Часть II. Югозападна България и Македония. Наредили Ст. Л. Костовъ, директоръ, и д-ръ Е. Петева, уредница на Народния етнографски музей. София 1928, фол. 15+XXX. Рец. МПр IV 4, 147-148.

1929.

316. Единството на българския езикъ въ неговитъ наречия. БПрРом I 1, 1-21.

317. Презкупъ. БПрРом I 1, 128-129.

318. Две народни етимологии. 1. Назорей вмѣсто Назаретъ. 2. Констандину-поле съ значение Константинополь. БПрРом. I 1, 129.

319. Жетва съ значение лѣто. БПрРом I 1, 129-130.

320. Предговоръ [къмъ България въ образи отъ Ив. В. Мърквичка. Часть I. Издание на Българската академия на наукитъ. София 1929, fol. VI стр. +XLVIII табл.], стр. III-IV.

321. Предговоръ [къмъ Известия на Семинара по Славянска филология при Университета въ София. Книга VI. Излизатъ подъ редакцията на проф. Л. Милетичъ, уредникъ на Семинара. София 1929]. ИСС VI, стр. III.

322. Документи за противобългарскитѣ действия на сръбскитѣ и на грѣцкитѣ власти въ Македония презъ 1912-1913 година. Съобщава Л. Милетичъ [Македонски наученъ институтъ]. София 1929, 8° XXVI +293. — Сръ. и рец. МПр V 3, 136-137, [фр. резюме] 175.
324. Едно простонародно писмо по крушевски говоръ. МПр V 3, 83-87, [фр. резюме] 162-163.
325. П. Н. Милюковъ и България. (По случай на седемдесетгодишнината на П. Н. Милюкова). МПр V 1, 121-128, [фр. резюме] 171-172.
326. Македонскитѣ българи и сърбитѣ. МПр V 4, 71-108, [фр. резюме] 165-167.
327. Jacques Ancel, Les Balkans face à l'Italie. Avec une carte. Paris 1928, м. 8° 126. (Излѣзло въ „Bibliothèque d'histoire et de politique“, издавана подъ дирекцията на Jacques Ancel). Рец. МПр V 1, 134-141, [фр. резюме] 175-176.
328. Сп. Константиновъ, Германското предложение за гаранцитѣ на О. Н. относно защитата на малцинствата. (Печат. въ спис. „Законъ и право“, год. I, брой 4, 1929). Рец. МПр V 1, 146-147.
329. Albert Pingaud, Question de Macédoine. (Печ. въ Larousse mensuel illustré, № 267, Mai 1929, стр. 111-112. Paris). Рец. МПр V 2, 133-136, [фр. резюме] 185-186.
330. Oscar Randi, I popoli Balkanici. Roma 1929, 16° 178. (№ 14 отъ Collezione Omnia), Рец. МПр V 2, 136-142, [фр. резюме] 186-188.
331. Ив. В. Мърквичка, България въ образи. Часть I. София 1929, fol. IV стр. +XLVIII табл. Издание на Българската академия на наукитѣ. Рец. МПр V 2, 145-149, [фр. резюме] 189-190.
332. А. Тошевъ, Балканскитѣ войни. Томъ I. Предисторията и причини. София 1929, 8° 436. Рец. МПр V 3, 101-118, [фр. резюме] 164-168.
333. Paul Gentizon, Mustapha Kemal ou l'Orient en marche. Paris 1929, 8° 350. Рец. МПр V 3, 119-126, [фр. резюме] 168-169.
334. Сборникъ Илинденъ. 1903-1929. Книга VII. Въ паметъ на голѣмото македонско въстание. Издава Македонско студентско дружество „Вардаръ“. София 1929, 8° 104. Рец. МПр V 3, 133-135, [фр. резюме] 173-174.
335. Владимиръ А. Карамановъ, Кукушъ и околията му и българското управление въ тѣхъ презъ войнитѣ 1912-1913 години. Отъ —, бившъ Кукушки окръженъ управител. Кюстендилъ 1929, 16° 76. Рец. МПр V 3, 135-136, [фр. резюме] 174.
336. Седемдесетгодишнината на проф. Густавъ Вайгандъ. МПр V 4, 160, [фр. резюме] 178-179.

1930.

337. Къмъ въпроса за тѣй нареченитѣ „бугарщице“. БПрРом I, 3, 321-335.
338. Documents relatifs aux actions antibulgares des pouvoirs serbes et grecs en Macédoine au cours de l'année 1912-1913. Communiqués par L. Milétitsch. Sofia 1930, 8° XXVI+300.
339. Н. В. Преосвещенство Митрополитъ Симеонъ. (Речь, произнесена при откриването бюста-паметникъ на Митрополитъ Симеонъ — печ. въ в. Варненска поща брой 4208 отъ 1. VIII. 1930).
340. Fr. Hübl, Dějiny národa bulharského. Díl I. Praha 1930, 8° 302. Рец. МПр VI 1, 123-126, [фр. резюме] 161-162.

341. Българските учени и Югославия. МПр VI 1, 151-152, [фр. резюме] 171.
342. Georges Desbons, La Bulgarie après le Traité de Neuilly. Avec 13 cartes hors-texte. Préface de M. Justin Godart, Sénateur, Ancien Ministre. Paris 1930, 8° 462 + XII. *Рец.* МПр VI 2, 103-121, [фр. резюме] 166-172.
343. Dott. Angelo Focarile, Bulgaria d'Oggi. Nei suoi aspetti sociali, economici, commerciali e finanziari. (Con una carta delle ferrovie bulgare). Milano 1929, 8° 371. *Рец.* МПр VI 2, 127-130, [фр. резюме] 174.
344. K. D. Spissarevski, La Bulgarie au travail. Cinquante ans après. Deuxième édition. Marseille 1930, gr. 8° 242. *Рец.* МПр VI 2, 130-131, [фр. резюме] 174-175.
345. Д-ръ П. Джидровъ, Проблемът за Македония. Речъ, държана на 27 априль 1930 год. по покана на Македонското студентческо дружество „Вардаръ“ въ София. 1930, 8° 64. *Рец.* МПр VI 2, 135-150, [фр. резюме] 176-177.
346. Д-р Степан М. Кулбакин, О речничкој страни старо-словенског језика. (Из 138 книге „Гласа“ Српске Краљевске академије). Београд 1930, 8°, стр. 85-143. *Рец.* МПр VI 3, 125-136, [фр. резюме] 174-176.

1931.

347. Предговоръ [къмъ Известия на Семинара по славянска филология при Университета въ София. Книга VII. Излизатъ подъ редакцията на проф. Л. Милетичъ, главенъ уредникъ на Семинара. София 1931]. ИСС VII, стр. V.
348. Къмъ въпроса за българската семейна „служба“ и сръбската „слава“. МПр VI 3, 1-10, [фр. резюме] 165-166.
349. Интересно завещание отъ преди сто години. МПр VI 3, 85-90, [фр. резюме] 172-173.
350. Издигането на кравая въ обрета на семейната „служба“ и „слава“. МПр VII 1, 25-32, [фр. резюме] 182-183.
351. Fr. Hůbl, Dějiny národa bulharského. Díl II. V Praze 1930, 8° 225. (Фр. Хибль, История на българския народъ. Часть втора. Прага 1930. Съ една карта на България презъ 19 вѣкъ). *Рец.* МПр VI 3, 142-149, [фр. резюме] 179-182.
352. Dr phil. Horand Horsa Schacht, Die mazedonische Frage um die Jahrhundertwende. Erster Teil. Halle 1930, 8° 96. (Д-ръ Хорандъ Хорса Шахтъ, Македонскиятъ въпросъ въ междустолѣтието. Часть I). *Рец.* МПр VI 3, 149-158, [фр. резюме] 182-185.
353. Alfred Rappaport, Mazedonien und die Komitadschis. (Печ. въ „Berliner Monatshefte für internationale Aufklärung“ (Berlin, August, 1930, 731-734). *Рец.* МПр VI 3, 158-159, [фр. резюме] 186-187.
354. Петъръ Ст. Тасевъ, капитанъ о. з., На Битоляския фронтъ съ 6-а пех. Бдинска дивизия въ свѣтовната война 1915-1918 год. Зайчаръ—Планиница—Чеганъ—Кенали—Червена стена. Съ 8 фотограф. снимки и 4 карти. София 1929, 8° 80. *Рец.* МПр VI 3, 159-160, [фр. резюме] 187.
355. † Пловдивски Максимъ, Автобиография и спомени. София 1930, фол. 236. *Рец.* МПр VI 3, 160-161, [фр. резюме] 187-188.
356. Родопски прегледъ. Двомесечно илюстрирано списание за миналото, настоящето и бждещето на Родопитѣ. Редактира Никола Жаловъ. Книга 5 и 6. Декемврий. *Рец.* МПр VI 3, 161-162, [фр. резюме] 188.
357. Родина. Списание на македонската младежъ. София, год. V, декемврий 1930 г. *Рец.* МПр VI 3, 162, [фр. резюме] 188.
358. La jeune Macédoine. Revue mensuelle. Organ de l'Union des associations d'étudiants macédoniens à l'étranger. Première année. № 1, 15 janvier 1931. Paris. *Рец.* МПр VI 3, 163, [фр. резюме] 188.

359. Constantin H. Rindoff, docteur en droit, Les États-Unis des Balkans. Étude critique sur la possibilité d'une entente politico-économique et moyen de réaliser l'union fédérative des États balkaniques. Paris 1930, 8° 218. *Рец.* МПр VI 4, 142-144, [фр. резюме] 172-173.

360. Владимиръ А. Карамановъ, Дойранъ съ околията му и българското управление въ тѣхъ презъ войнитѣ на 1912-1913 год. Кюстендилъ 1931, м.8° 104. *Рец.* МПр VI 4, 145-147, [фр. резюме] 173-174.

361. Тракийски сборникъ. Книга II. Издание на Тракийския върховенъ изпълнителенъ комитетъ. (Редакционенъ комитетъ проф. Д. Михалчевъ, Ив. Панделеевъ и Хр. Караманджуковъ). София 1930, 8° 228. *Рец.* МПр VI 4, 147-150, [фр. резюме] 175-176.

362. Полковникъ Л. Ламушъ, Петнадесетъ години балканска история (1904-1918). Съ три карти вънъ отъ текста. Преводъ. Издание на Македонския националенъ комитетъ. София 1913, 8° 171. *Рец.* МПр VI 4, 150.

363. А. Тошевъ, Балканскитѣ войни. Томъ втори (5 октомврий 1912 г. — 16 септемврий 1913 год. ст. ст.). София 1931, 8° 495. *Рец.* МПр VII 1, 125-142, [фр. резюме] 187-189.

1932.

364. Изъ живота на българитѣ въ Солунско. По животописни спомени на дѣдо Трайко Кехайовъ отъ село Ватилъкъ. Съобщава Л. Милетичъ. МПр VIII 1, 65-99, [фр. резюме] 183-185.

365. Собственото име „Кали“ у македонскитѣ българи въ XIV вѣкъ. МПр VIII 1, 141-142, [фр. резюме] 187-188.

366. Прилагателни членни форми въ старобългарския езикъ. МПр VIII 2, 1-8, [фр. резюме] 193-194.

367. Къмъ особеноститѣ на гевгелийския говоръ. МПр VIII 2, 51-70. [фр. резюме] 203-204.

368. Три български евангелия съ гръцко писмо на долновардарско наречие. МПр VIII 2, 173-177, [фр. резюме] 219-220.

369. Жалостна песма за български народъ въ Охритъ и Струга и за секои българинъ. Въ Белградъ. Въ Книгопечатницата отъ Никола Стефановића 1875, 4 стр. Цена је 30 пара. МПр VIII 2, 168-172, [фр. резюме] 218-219.

370. Albert Geschke, Die deutsche Politik in der mazedonischen Frage bis zur türkischen Revolution von 1908. (Албертъ Гешке, Нѣмската политика по македонския въпросъ до турската революция въ 1908 год.). Von der techn. Hochschule der Stadt Danzig zur Erlangung der Würde eines Doktors genehmigte Dissertation. 1932, 8° 121. *Рец.* МПр VIII 2, 135-145, [фр. резюме] 204-209.

371. Проф. Ив. Снѣгаровъ, История на Охридската архиепископия - патриаршия отъ падането ѝ подъ турцитѣ до нейното унищожение (1394-1767). София 1932, 8° 615. (Издание на Македонския наученъ институтъ). *Рец.* МПр VIII 1, 143-144, [фр. резюме] 188-190.

372. Димитъръ Михалчевъ, Възможна ли е една цѣлостна Югославия? На границата между политиката и философията (вж. „Философски прегледъ“ год. IV, кн. 3, стр. 197-227, год. 1932). *Рец.* МПр VII 4, 131-139, [фр. резюме] 177-180.

373. Илия С. Каблешковъ, Спомени и бележки отъ войната 1915-1918 г. Отъ —, генералъ о. з., бившъ воененъ аташе въ Гърция и Турция. Часть I. Гърция. София 1932, 8° 111. (Издание на „Бойна библиотека“). *Рец.* МПр VII 4, 128-131, [фр. резюме] 175-177.

374. Henry Debraye, Autour de la Yougoslavie. Préface d'Edouard Herriot. Grénoble 1931, 4° 224. Ouvrage orné de 288 héliogravures. *Рец.* МПр VII 4, 116-119, [фр. резюме] 168-170.

375. Македония подъ иго 1919-1929. Документи и свидетелства. Стѣкмиль Veritas. Издание на Македонския националенъ комитетъ. София 1931. *Рец.* МПр VII 2 и 3, 231-232, [фр. резюме] 271-272.

376. Siméon Evtimoff, Die Mazedonische Frage. (Отдѣленъ отпеч. отъ „Zeitschrift für Politik“, Leipzig—Berlin, 20 Jahrg. Heft 5) 1931, 8° 25. *Рец.* МПр VII 2 и 3, 230-231, [фр. резюме] 270-271.

377. Македония. Албумъ-алманахъ. Урежда редакционенъ комитетъ. София 1931, 8° CXLVI+579, фолио, до 1000 стр.. *Рец.* МПр VII 2 и 3, 232-234, [фр. резюме] 272.

378. Писмата на Теофилакта Охридски, Архиепископъ Български. Съ притурка на мъченичеството на 15 свещеномъченици, пострадали въ Тивериуполъ (Струмица). Превелъ отъ грѣцки и коментиралъ Митрополитъ Симеонъ Варненски и Преславски. Сборникъ на Българската академия на наукитѣ. Кн. XXVII. София 1931, гол. 8° XXXIII + 280. *Рец.* МПр VII 2 и 3, 220-223, [фр. резюме] 265-267.

1933.

379. Къмъ историята на тройния членъ въ старобългарския езикъ. БПрРом II 1, 1-16.

380. Petr A. Lavrov a Jifí Polívka, Lidové povídky jihomakedonské. Z rukopisů St. Verkovičových vydali —. V Praze, 8° 595. (Издание на Ческата академия на наукитѣ). *Рец.* МПр VIII 3 стр. 129-138.

381. А. Белић, Штоковски дијалекат (Печ. въ „Народна енциклопедија српско-хрватско-словеначка т. IV, 1929, стр. 1064-1077). *Рец.* МПр VIII 3, 142-143.

382. Н. С. Державин, Наука на службе империализма. (Печ. въ Известия Акад. Наук СССР. VII серия. Отд. Общ. наук. Ленинград 1932, № 2, стр. 125-140). *Рец.* МПр VIII 3, 143-145.

383. Svetozar Pribitchévitch, La dictature du roi Alexandre. Contribution à l'étude de la démocratie. Paris 1933, p. 324. *Рец.* МПр VIII 3, 155-159.

384. Проф. Ст. Романски, Правописенъ речникъ на българския книжовенъ езикъ. Съ посочване изговора и ударението на думитѣ. София 1933, 8° 627 стр. *Рец.* МПр VIII 4, 149-151.

385. Карта на Македония въ географскитѣ ѝ граници въ мѣрка 1:300,000. Отъ Д. Ярановъ. Изработена и печатана подъ ръководството на капитанъ д-ръ Д. Стояновъ. Съ 10 факсилитета въ края. София, fol. 43+6 листа отъ картата. Издание на Макед. наученъ институтъ. Carte de la Macédoine dans ses limites géographiques à l'échelle de 1:300,000 и пр. [французко издание на сжщата карта]. *Рец.* МПр VIII 4, 152-154.

386. К. Крачуновъ, Правата на българитѣ върху Македония, Тракия и Добруджа. Споредъ 150 дипломатически документи и видни мъже. София 1933, 8° 70 *Рец.* МПр VIII 4, 165-166.

Эпентетическое л' в древнеболгарском языке

Это л' привлекало внимание многих исследователей и результаты представлены в *Altkirchenslavische Grammatik*² Vondrák'a. Мне не известны позднейшие работы с более удовлетворительными ответами прежде всего на вопросы, почему и каким путем возникало эпентетическое л' при смягчаемых губных. Этих вопросов я коснулся уже в „Записках Истор.-Філол. відд. Української Академії Наук“, кн. XIII—XIV (1927), стр. 255 след., насколько было нужно для специального назначения той работы — объяснения отвердения согласных украинского языка перед *e, i*.

В праславянском языке все согласные перед *je, ju* и пр. смягчались, подвергаясь при этом большею частью разным изменениям вследствие того, что артикуляция начала этих дифтонгов вторгалась в артикуляцию предшествующих согласных и соединилась с нею. Этим путем согласные получили короткий резонатор с широким передним отверстием, насколько возможно похожий на резонатор для *i*, высокий собственный шум которого придавал согласным ту тоническую высоту, благодаря которой мы называем их мягкими (*mouillées, mouilliert*). По положению языка такие согласные называются также палатализованными.

Смягченные таким образом в праславянском языке зубные и мягко-небные согласные стали вполне мягкими, с тонической высотой около *d'*. Но губные *p', b', v', m'* остались при этом до 3 тонов ниже, т. е. полумягкими, несмотря на усиленную палатализацию. Причина та, что при губных резонатор спереди удлинен до губ, а главное — переднее отверстие, здесь щель, очень малого объема.

С этим слух мириться не мог, так как в языке уже установился особый класс мягких согласных с высоким шумом. Усиленное устранение губ посредством растягивания губной щели и прижимания губ к зубам, чтобы в момент взрыва резонатор был спереди возможно короче и открывался бы сразу длинным отверстием, повышало тон только до известной степени.

Чтобы добиться степени мягкости мягких зубных и небных, стали поэтому еще усиливать палатализацию губных, прижимая переднюю спинку языка более энергично вперед к твердому небу, так как по опыту такая усиленная иннервация языка повышала степень мягкости. Что поступали именно так, доказывает нам опыт: Произносите напр. мягкіе „ся“ или „сю“ и старайтесь произносить их еще мягче.

Убедившись в предыдущем произносите с очень мягким *б* (с сильным давлением против неба) быстро подряд напр. „*б'ю, б'ю*“: услышите иногда „*блю*“. Произносите подряд „*н'ю, н'ю . . .*“, надавливая слегка пальцем против передней спинки языка: иногда раздается „плю“. Конечно, если при таких опытах нарочно стараться, чтобы получались только чистые *б'ю* и т. д., то они, вследствие зависимости артикуляций от звуковых представлений, так и будут получаться. Но это не естественные условия речи. И давление пальца на передний язык не может мешать движениям его, так как язык обладает большой силой. Но языку трудно при таком напряжении, когда задняя часть его оттянута назад и стремится в установку для (следующего) слогового гласного, делать обычные (нужные) боковые затворы у боковых зубов и альвеолей, потому что при напряжении передней спинки мышца языка стягиваются по бокам. Вследствие этого и образуются боковые отверстия на одной или обеих сторонах, через которые проникает сдавленный сзади воздух в пространство между зубами — альвеолями и щеками. Как только при таких условиях раскрываются губы для взрыва *н', б'*, проникающий в боковые резонаторы ток воздуха находит выход через боковые части удлинненной губной щели, или только на одной стороне, что безразлично. А такой звучащий ток из боковых резонаторов есть звук *л*; при том здесь мягкое *л'*, так как губная щель на бокам была сильно втянута внутрь и этим укоротились и уменьшились боковые резонаторы.

Следовательно, процесс возникновения эпентического *л'* таков: чтобы придать губным согласным степень мягкости зубных и небных, усиливали давление вперед против твердого неба. Вследствие этого появлялось мягкое *л'* в момент взрыва. Мирились с этим непрошенным гостем, потому что он придавал взрыву желанную степень высоты (мягкости), которой иным путем получать не могли, и *л'* начало распространяться при смягчаемых таким образом губных.

Очевидно, появление этого *л'* не вытекало неминуемо из физиологических условий, как напр. *ч'* из *к'*, а относится к разряду таких спорадических явлений, как *ндр* из *нр*, или *стр* из *ср*; а распространялось *л'* для удовлетворения настойчивой потребности в мягкости губных.

Если артикуляционные условия того времени способствовали бы находке той артикуляции мягких губных, которая ныне употребительна в русском (великорусском) языке, то никакого эпентического *л'* в славянских языках не было бы. А в русском языке при мягких *н', б'* кончик языка прижимается прямо к нижним зубам так, что передняя спинка образует непосредственно за зубной щелью заднюю стенку переднего резонатора. Таким образом получается с легкостью очень короткий передний резонатор, между передними зубами и губами, с большим отверстием — длинной щелью, высокий собственный шум которого может придать губным согласным без всякого напряжения даже большую высоту (мягкость), чем возможно в других мягких согласных. Поэтому при *в'* язык даже немного отодвигается назад от губной щели не только для

освобождения верхних зубов для производства специфического шума трения, но и для понижения ненужной высоты, так как акустические условия передней части резонатора *в'* повышают собственный шум его. При таких условиях конечно *л'* появляться не может, тем более что уже в древнерусском языке степень мягкости была ниже, чем в украинском (южнорусском). В русском языке сохраняются лишь унаследованные и последовательно проведенные мягкие *нл'*, *бл'*, *вл'* в чередовании с твердыми *н*, *б*, *в*, как *ч'* с *к'* и пр.

Но перед всеми ли гласными возникло указанным путем такое непрошенное *л'*, не имеющее исторического права на существование?

Продолжим наши опыты. При *н'о*, *н'о* (*нѣ*, *нѣ*)... и при *н'а*, *н'а* (*ня*, *ня*)... появляется *л'*; при *н'а* так же, но после мягкого согласного не было *а*; при *н'е*, *н'е*... *л'* выскакивает реже, а при *н'и*, *н'и*... — никогда. Дело в том, что перед *и* выдвинутый вперед утолщенный передний язык так плотно закрывает боковые проходы, что появление *л'* совершенно невозможно.

Следовательно, перед *и* и *ь* эпентетическое *л'* органически не возникло, и в случаях как *корабль*, *кораблицьмь* (Зограф.) *л'* могло быть лишь занесенным из *корабля* и пр. как новый придаток к „семантической звуковой единице“; фонетически единственно правильны *кораб'ь*, *корабницю*, *корабля* и т. д.

Когда возникало органически *л'*?

В западославянских языках *л'* почти отсутствует. Но широкое распространение его в южных и восточных славянских языках, и присутствие *л'* в первом слоге также и в западных языках заставляет отнести этот процесс к общеславянскому языку, притом к сравнительно позднему периоду праславянского языка, когда изменения *-iъ-*, конечного *-iос* и пр. в *ь*, и изяснения *iāi > ioi* и пр. в *и* были уже закончены и полученные таким образом *ь*, *и* уже совпали с *ь*, *и* из индоевропейских *i*, *ī*, *ei* и пр. Это видно из того, что в памятниках не замечается разницы в присутствии или отсутствии *л'* в случаях второго рода, как Зогр.: *дрв'ьнимъ* и *дрв'льниихъ*, *корабницю* и *кораблицьмь*, сравнительно с случаем первого рода, как Зогр. *прист'жпъ* и *прист'жплъ*, *зем'и* и *зем'ли* и т. д.

На вопрос, какое распространение *л'* успело получить к концу праслав. периода, конечно точного ответа дать нельзя. Можно было бы думать, что македонский болгарский говор Константина отражает и в этом отношении, как в большинстве других, праславянское состояние. Судя по данным Мар. Ев. и других в языке Константина эпентетическое *л'* было уже последовательно распространено перед всеми гласными, кроме перед *и* и *ь*, где *л'* повидимому почти совсем не встречалось. Но Константиновский письменный язык был грамматически нормирован и потому К. мог писать *л'* и там, где в его речи были еще колебания или где он только слышал иногда *л'* от других.

Правда, о последовательном проведении *л'* уже в праславянском свидетельствует первый слог всех славянских языков: древнеболг. *пл'южъ*,

древнечеш. *pl'uju*, новочеш. *pliji*, польск. *pluje*, луж. *pl'uju*, серб. слов. *plujem*, русск. *плюю*, литовск. *spiauju*; из готского *biuds*: дрболг. и рус. **блюдо**, польск. *bluda* и пр.. Но первый слог был в особых условиях. Здесь *л'* должно было распространиться последовательно с самого начала даже перед *ь* и *i*, как видно из древнеболг. **пльвати**, рус. *плевать*, древнечеш. *plvati* и пр. из праслав. *pl'vati* вместо **p'vati*, слабого вида основы рядом с полным *plie* въ **плюж**. Без *л'* *pl'vati* потеряло бы всякую родственную звуковую связь с **плюж** и пр. Такой же перенос может быть в **паниж**, хотя здесь возможно и органическое появление *л'*: (s) *piu* > *piu* (см. Zeitschr. f. sl. Philol. IV, 350) > *pl'iu* > *pl'i*. Временное отношение между появлением *л'* и переходом *iu* в *i* мне неясно.

Таким образом весьма возможно, что в северозападных славянских наречиях и диалектически в болгарском языке *л'* вообще не успело распространиться на все слова ко времени, когда уже начинало исчезать, и этим объясняется раннее и быстрое исчезновение его в западных языках. И можно почти с уверенностью сказать, что Константин говорил и писал **зѣми**, род. мн. **зѣмь**, **зѣмьскъ** и вероятно также **корабь** рядом с **земля**, **кораблю** и пр.; вин. **зѣмь**, **зѣмыж** внесенные переписчиками новообразования.

Справедливо указывали на то, что в отдельных словах *л'* отсутствует вследствие диссимиляции несмежных звуков, напр. **благословѣнъ** (Зогр., Асс., Син. треб. и пр.), **възлюбѣнъ** (Клоц., Асс., Сав.) и друг. Но этот процесс оставил незначительные следы и вообще в крайне редких случаях дает последовательные результаты.

Гораздо большего внимания заслуживают следующие случаи отсутствия *л'* тем, что содействуют нашему пониманию, почему так упорно добивались полного смягчения губных, допуская для этого даже вторжения чуждого звука *л'*. А именно: последовательно препятствовал органическому появлению *л'* предшествующий губному (обыкновенно *в*, мягкий обыкновенно зубной) согласный. Напр. в Супр. всегда без *л'* слова **оумръшткѣно**, **оумръшткѣнѣтъ**, **изкѣнъ** и пр. Даже напр. в южнорусск. Христинопольском апостоле XII века последовательно **оумръщкѣна**, **оумръщкѣнѣтъ**, хотя здесь присутствие *л'* общее правило. Другие примеры у Соболевского РФВ. 1910, № 3-4, стр. 110.

Сопоставим здесь сходное явление из более нового периода украинского (малорусск.) языка. Праславянское *ę* развилось фонетически в укр. *ěä* > *ia*. Это потребовало нового смягчения предшествующих согласных, между прочим губных напр. в **пять**, **вязати**. Начинались те же усиленные палатализации, что когда-то в праславянском. Но артикуляционные привычки были теперь здесь уже несколько иные: для усиления мягкости все языковое тело подвигали к переднему небу, жертвуя для этого несколько обычным приготовлением языка к артикуляции следующего звука. Таким образом здес *л'* уже не могло явиться, но получился другой результат, именно *pl'atъ*, *v'azati* с продолжительным пе-

реходным звуком *i* непосредственно после взрыва. Дело в том, что сконцентрированное у переднего неба утолщенное языковое тело не могло достаточно быстро удаляться из этого положения, чем объясняется и появление *n* напр. в *мн'ясо* вместо *м'ясо*. Но высота переходного звука $i = d^4$ была достигнута, взрыв губного казался мягким, и этим удовлетворялось украинское ухо, требовавшее вообще высшей степени мягкости. Самые губные при этом оставались лишь полумягкими, что и выражается в нынешнем украинском письме посредством апострофа: *п'ять, в'язати*.

Но когда перед губными были согласные, способные смягчаться, то никакого усилия для получения большей мягкости губных не делали и удовлетворялись полумягкостью губных: укр. *з'вязок, с'вятий, ц'вяк різдвяний, т'мянний, морквяний* (не: *z'v'äzok = z'v'язок* и пр.).

Как объяснить такое влияние предшествующего губному согласного в болгарском и украинском языке?

В славянских языках нередко нужно оперировать слогами и даже целыми словами там, где мы занимаемся отдельными звуками. По своему строению в праславянском языке бросается в глаза особый, распространенный тип слогов, который я называю дифтонгическим слогом (в тесном смысле). Он начинался с высшего, более или менее круто опускающегося собственного шума резонатора и сохранился лучше всего в болгарском говоре Константина, в более или менее ограниченном виде в русском, украинском и друг. языках. К таким слогам относятся и рассмотренные выше слоги. Когда губной занимал начальное положение в слоге, от него требовалась высшая степень мягкости. Когда же перед ним стоял другой (мягкий) согласный, губной мог уже быть менее мягким без нарушения требований слуха, тем более, что сильный шум предшествующего ему согласного заглушал и делал мало заметной высоту губного. В праслав. *и-тыг-тве-но*, дрболг. *оу-мръ-щ'к-но*, укр. *з'вязок* и пр. сильный высокий шум начального согласного слога доминирует настолько, что высота следующего губного скрадывается, слух обманывается и потому здесь не было повода к усилению палатализации для достижения высшей степени мягкости губного — к появлению л' в праславянском и удлиненого переходного звука *i* в украинском.

Каким образом исчезало л' в западнославянских языках и в болгарском? — Без сомнения только при реконструкции слов. Не только в языках с аналитическим строем, но и в таком богатом флексией языке, как русский, мы постоянно составляем слова и все предложение из „семантических звуковых единиц“. При большем или меньшем содействии всплывающихся представлений целых слов, в зависимости от степени возбуждаемости последних (см. Записки Одесского Института Народной Освіти, т. I, стр. 59 след.). Это доказывается между прочим морфологическими новообразованиями („по аналогии“) особенно в детском языке. При русском *виж-у* и *вид'-ишь* образовали *вид'-у* (*видю*). При древнеболгарском *зім(л')-и* и *зім'-и* составляли вновь *зім'ьи*, *зім'и*. При

остак'л'нз и **остак-и-ши**: **остак'ьнѣтъ**, **остак'ьнз**, **остак'ьнз**, **остак'ьнз**. Эти колебания в письме объясняются, конечно, прежде всего затруднением передавать славянским письмом такие вновь явившиеся звуковые явления. Но они вызваны и тем, что конечные звуки семантических единиц вроде *-л'*, *-и* (i), а также полумягкость губных при требовании слухом полной мягкости, создали неопределенные, колеблющиеся условия для сложения и потому расхождения по говорам; ср. **зѣмьѣ правьѣннѣ** (Супр.), **зѣмьѣж** (Син. пс.) с **томьѣннѣ** (Супр.), **пристак'ьнѣ** (Зогр.), рядом с **зѣмьѣж** (Супр.) и с **остакиноу**, **томеннѣ** (Супр.) и т. д.

В современном украинском правописании сходное затруднение при губных и пишут так же в виду полумягкости губных и сильно развитого взрыва *ј*: *в'язати*, как в Супр. **поѣм'ѣмз** рядом и вместо **поѣмьѣмз**.

Что стали предпочитать семантические единицы без *-л'*, понятно: *л'* был в морфологическом отношении совершенно ненужный придаток, который лишь в редких случаях, как напр. в **ѣковѣ** рядом с **ѣковѣ** мог иметь поддержку с семантической стороны.

Очевидно, процесс выкидывания *л'* начался в болгарском и особенно в западнославянских языках очень рано, когда еще было достаточно семантических единиц без *л'*, напр. **земи** рядом с **земля**, и несомненно проходил с большими различиями по говорам. Если во всем болгарском языке *л'* было бы когда-либо проведено с такой последовательностью, как в русском, то *л'* оставило бы немало следов, так как в словах как **земля** не могло бы исчезнуть.

Одесса

А. Томсон

Die altbulg. Imperativformen *daždь*, *jaždь*, *věžďь*, *viždь*

A. Meillet, *Le slave commun* S. 283 lässt die Frage nach dem Ursprung dieser Formen offen. Jedenfalls scheint er entschieden gegen die Heranziehung der auf *-dhi* ausgehenden Imperativformen des Sanskrit und des Griechischen (*-θη*) zu sein, indem er betont, dass die fraglichen slavischen Imperative nur zufälligerweise auf jene zurückführen. „Mais on ne voit“, fährt er fort, „comment le *-*ēs* du type indo-européen en *-*yēs* de skr. *syā'h*, gr. *εἶης*, v. lat. *sies* aurait pu donner un *-ī* final. La forme reste énigmatique; le problème de savoir comment un ancien **ēd-ye* a pu aboutir à sl. commun **ēdjī* n'est pas résolu“. Vor Meillet hatte schon Leskien, *Grammatik der altbulg. Sprache*¹ S. 194 eine ähnliche Meinung über diese Bildung ausgesprochen. „Das *-j* (in *jaždь* usw.)“, sagt er, „scheint irgendwie mit dem alten Formans des Singulars *-ie-* (aus dem slav. *-ja-* würde) zusammenzuhängen, doch ist es lautlich nicht damit zu vereinigen und es fehlt eine sichere Erklärung. Zu den verschiedenen Ansichten darüber vgl. Vondrák, *Die Imper. daždь* usw. ASPH. XX 54“.

Nach Vondráks Meinung ist von einer Optativform **dadiēs*, **dadiēt* auszugehen. Daraus würde man **dadji* (ab. **daždi* usw.) erwarten, dieses wurde aber in **dadjь* gekürzt im „vollständigen Parallelismus“ mit der ähnlichen Erscheinung beim Genetiv Pl. auf *ъ*. Hier sei die Entstehung des *ъ* aus *-ōm* durch Akzentverhältnisse der Stammsilbe bedingt. Aus demselben Grund ist auch das auslautende *i* in den Imperativformen des Čechischen wie in *sud'* zu *souditi*, und „selbst auch des Russischen“: *tron* zu *tronut*. Der Gedankengang dieser Erörterung ist dunkel und sprunghaft. In ihr werden u. a. jetzige tschechische und russische Imperative ohne erhaltenem *i* einem urslavischen, vermeintlich aus **dadji* (**dadiēs*, **dadiēt*) gekürzten Imperativ **dadj* gleichgestellt ohne Rücksicht darauf, dass im Alttschechischen und Altrussischen der Auslaut *i* noch erhalten war: ač. *wierzi*, später *věř*, russ. *буду*, später *будь*. Auf diesem Wege kommen wir dem Ziele nicht näher. Wir müssen an der Imperativendung *-dhi* festhalten. Wir würden natürlich **dazďь*, **vězďь* usw. erwarten, aber *zd* alterniert nirgends im Paradigma mit *d*. Dagegen ist die Alternation *d:dj* gewöhnlich und, um die Imperativform 2. und 3. P. sg. mit den übrigen Formen in Zusammenhang zu bringen, wurde **dazďь*, **vizďь* usw. in das lautlich nahestehende *dažd'žь* usw. umgeändert, vgl. die Alternation *vidiši*:

viž'd'ž'q (ab. *viždq*). Ich setze nämlich *žd'ž'* als urslav. Stadium an, aus welchem sich ab. *žd*, ostslav. *ž*, westslav. *dz* (aus *d'ž*) und serbokroat. *đ* entwickelt hat; für ab. *št*, ostslav. *č*, westslav. *c* (aus *c'*), serbokroat. *ć* ist demgemäss *št'* anzusetzen. Wir sehen hier eine ähnliche Angleichung an die gewöhnlichen Lautverhältnisse, wie in den altbulg. Supinumformen *peštъ*, *žeštъ* statt **petъ*, *žetъ* (zu *pekъ*, *žegъ*), s. Leskien, Grammatik der altbulg. Spr.¹ 212.

Helsingfors

J. J. Mikkola

Функциитѣ на глаголната представка *za-* въ старобългарския езикъ

I.

Функциитѣ на глаголнитѣ представки сж до сега областъ почти съвсемъ занемарена въ славистиката. Отъ обширния комплексъ спадащи тукъ явления научно сж били разглеждани до сега почти изключително въпроси, засѣгащи тѣй нар. аспектъ (видъ). Область малко нѣщо отлична, а именно семантичнитѣ функции на тѣй нар. делокализирани представки въ полския езикъ, подробно е изследвалъ S. Agrell (*Aspectänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Leitworte*, Lund 1908, и *Przedrostki postaciowe czasowników polskich*, Kraków 1918). Въ старобългарския езикъ функциитѣ на глаголнитѣ представки единствено е разгледалъ, и то много на бърже, А. Leskien (*Grammatik der altbulgarischen Sprache*, Heidelberg 1909, стр. 163—170), ограничавайки се почти изключително съ тѣхнитѣ семантични функции.

Функциитѣ на глаголнитѣ представки въ старобългарския езикъ могатъ да бждатъ много бѣгло представени по следния начинъ:

1. Чисто семантични функции: при глаголи, които означаватъ движение, представката има значение почти изключително пространствено (локално), съгласно съ значението на съответния предлогъ, напр. *izъ mi vгъvьno iz očese tvoego*. Понѣкога локалното значение на представката е специална модификация на първоначалното значение на предлога; напр. предлогъ *и* е ималъ първоначално значение близко до предлога *отъ*, което още личи въ нѣкои случаи, напр. *prosiši и отъса tvoego*, и отъ което по-късно се е развило най-честото му значение на близость; подобно на онова на предлога *pri*. И дветѣ тия значения на представката *и-* имаме въ старобългарски, напр. въ *и-běgnŭti* и *и-vezati*.¹

Подобенъ е случаятъ и съ представката *za-*. Най-честото значение на предлога *за* е „задъ нѣщо“ или „отвждъ нѣщо“, и такива сжщо значения има представката *za-* напр. въ *za-ključiti*, *za-kryti*; тази функция наричамъ „локална“. Представката *za-* има обаче и друго, модифицирано значение, а именно изразява движение къмъ нѣкаква далечна точка, напр. *za-blŭditi*; въ изречението *zaide... slъpъ se rodъ zemljŭ Supr. 448.26* *za-* има значение локално, обаче въ изре-

¹ St. Stoński, *Funkcje prefiksu werbalnego u- w języku starosłowiańskim*. Sprawozdania z posiedzeń Tow. Nauk. Warsz. Warszawa 1930.

чението: *vъ bez pōtъ nyję bręgy z aide* Supr. 289.17 има явно друго, модифицирано значение, което ще наричамъ „транскурсивно“.¹

Подобна диференциация въ значението срѣщаме и при други представки, напр. при представката *prē-*: *prē-dati* или *prē-lomiti* отъ една страна, а *prē-iti* или *prē-pluti* отъ друга.²

Въ нѣкои представки отъ първоначалното локално значение се развива сжщо тѣй сродно нему временно (темпорално) значение, напр. *prē-pluti* и *prē-krēmiti*.

При глаголи, които не означаватъ движение, представките сж се делокализирани. Като не могатъ тука да изразяватъ насока на движение, тѣ сж използвани за други цели: посочватъ начина, по който се извършва действието, бележатъ началния моментъ (представка *vъz-*) или крайния (представка *do-*)³ на действието, неговия резултатъ, неговото постепенно нарастване и т. н. За тия делокализирани представки въ старобългарскитѣ граматика нищо не се говори, освенъ въ *Grammatik der altbulgarischen Sprache* на Лескина, който пѣкъ твърде често приписва на тия делокализирани представки изключително функция на перфективизиране на глаголитѣ.

2. Неитеративни глаголи въ съединение съ представки сж нормално отъ свършенъ видъ, независимо отъ това, дали тѣ безъ представка сж глаголи отъ свършенъ или несвършенъ видъ. Итеративнитѣ (многократни) глаголи въ съединение съ представки по значение сж — естествено — сжщо така отъ свършенъ видъ, тѣй като въ *iz-gonjō pri-nošō*, *pri-kasajō sę*, *ob-rętajō* моментътъ на завършването на действието е точно тѣй взетъ подъ внимание, както въ *iždenō*, *pri-nesō*, *pri-kosnō sę*, *ob-ręštō*, съ тая само разлика, че глаголтѣ не престава да бжде многократенъ, сиречь, че свършеното глаголно действие се повтаря. Иначе обаче се представя случаятъ отъ къмъ формална страна — формално многократнитѣ глаголи съ представки продължаватъ да бждатъ несвършени. Най-важниятъ формаленъ белегъ на свършенитѣ глаголи е, както е известно, този, че тѣхната форма за сегашно време има значение на бждеще, а сегашното време на несвършенитѣ глаголи има значение на сегашно време. Глаголитѣ *iz-gonjō*, *pri-nošō*, *pri-kasajō sę*, *ob-ręštō* безъ съмнение иматъ значение на сегашно време и сж преводъ на грѣцки *praesens*, когато *iždenō*, *pri-nesō*, *pri-kosnō sę*, *ob-ręštō* иматъ значение на бждеще време и превеждатъ грѣцки *futurum*. Това значи, че неитеративнитѣ глаголи съ представки сж и по значение и формално отъ свършенъ видъ, итеративнитѣ пѣкъ съ представки сж свършени само по значение, формално обаче сж несвършени.

¹ Leskien (*Grammatik* стр. 164), опирайки се само на единствения примѣръ *z a b l o d i t i*, твърде прибързано е опредѣлил значението му „in falsche Richtung geraten“.

² St. Słoński, *Funkcje prefiksów werbalnych prē- i pro- w języku starsłowiańskim*. Sprawozdania z posiedzeń Tow. Nauk. Warsz. Warszawa 1930.

³ Представката *do-* Лескинъ въ своя списъкъ на представките е пропусналъ.

3. Представкитѣ влиятъ сжщо така и на *gestio* на глагола, напр. глаголитѣ съ представка *do-* приематъ нормално *genetivus*,¹ съ представката *pri-* — *locativus*. Непреходни глаголи съ представкитѣ *ob-* | *o-*,² *prě-*, *pro-*³ твърде често се превръщатъ въ преходни.

4. Най-сетне, понѣкога представкитѣ влиятъ върху диатезата (*genus verbi*): глаголи, които означаватъ движение, съ представкитѣ *raz-*⁴, *sъ-* | *sъn-* сж възвратни (*reflexiva*).

II.

Функциитѣ на глаголната представка *za-*

Представката *za-* се явява въ старобългарскитѣ паметници доста рѣдко, именно срѣщаме я въ съединение съ следнитѣ глаголи: *blōditi*, *bъděti*, *byti* (*byvati*), *cěditi*, *-čęti* (*-činati*), *děti*, *dlžiti*, *dušiti se*, *dъxnęti se*, *gladiti* (*-glazdati*), *graditi*, *iti* (*xoditi*), *ięti* (*imati*), *klati* (*-kalati*), *-kle-nęti*, *kleęti* (*-klinati*), *ključiti*, *kryti* (*-kryvati*), *ložiti*, *-matoręti*, *mazati*, *moriti*, *mōditi*, *muditi*, *paliti*, *pečatъlěti*, *peęti*, *plъvati*, *povęděti* (*povędati*), *prętiti* (*pręštati*), *pustěti*, *pyrati*, *-raziti*, *rešti*, *stojati*, *stępiti* (*stępati*), *sъvędětělъstvovati*, *štiti* (*-štistati* | *-šticati*), *tъknęti* (*tykati*), *vęzati*, *vęštati*, *viděti*, *viti*, *-voriti* (*-varjati*), *vręti*, *znamenati*, *zъręti* (*-zirati*), *žešti* (*-židzati*).

1. *za-blōditi* *πλανῶσθαι*.

Непреходенъ глаголь съ допълнение въ *instrumentalis* и съ обстоятелствени допълнения съ предлозитѣ *отъ*, *въ*, видъ свършенъ, семантичната функция на представката транскурсивна, означаваща движение, което стига до нѣкоя отдалечена точка: *ašte bōdetъ čl(o)v(ě)ku r ovесъ i zablōditъ edina* отъ *nixъ* = *πλανήθη ἐν ἕξ ἀδῶν* M. 18. 12, 13; отъ *zapovędei tvoixъ ne zablōdixъ* = *οὐκ ἐπλανήθη* Ps. 118. 110 и т. н.; *priimi . . . zablōžďъšee ti ovъčę* Eu. 84a 9 и т. н.; *razumějętъ duxomъ zablōdivъšii razumъ* = *γινώσκονται οἱ τῷ πνεύματι πλανώμενοι σύνεσιν* Su. 325. 21 и т. н.

2. *za-bъděti* *ἀγρουπνεῖν*.

Непреходенъ глаголь, по всѣка вѣроятность отъ свършенъ видъ, съ делокализирана семантична функция на представката дефинитивна, изразяваща действие съ подчертанъ траенъ резултатъ (тукъ изразява трайно състояние, тъй като *zabъděti* = „съмъ безъ сънь“,

¹ St. Słoński, Funkcje prefiksu werbalnego *do-* w języku starosłowiańskim. Prace Filologiczne, t. XIV, Warszawa 1929.

² St. Słoński, Funkcje prefiksu werbalnego *o-*—*ob-* w języku starosłowiańskim. Księga pamiątkowa celem uczczenia 350-letniej rocznicy założenia Uniwersytetu Stefana Batorego w Wilnie, Warszawa 1931.

³ St. Słoński, Funkcje prefiksów werbalnych *prě-* i *pro-* w języku starosłowiańskim. Sprawozdania z posiedzeń Tow. Nauk. Warsz. Warszawa 1930.

⁴ St. Słoński, Funkcje prefiksu werbalnego *raz-* w języku starosłowiańskim. Prace Filologiczne, t. XV, Warszawa 1930.

„не спя“). Този глаголь срѣщаме само единъ пжтъ въ Псалтира: *zabǔdĕxъ i bĕxъ ěko pъtica (o) sobjĕštiĕ sĵe na zъdĕ = ἡγρόπνησα Ps. 101. 8.*

3. *za-byti (za-byvati) ἐπιλανθάνεσθαι*

Преходенъ глаголь отъ свършенъ (iterativum — несвършенъ) видъ, семантичната функция на представката първоначално локална, следъ делокализирането възможно и дефинитивна, при все че не може съ положителностъ да се твърди това, тъй като новото значение се е вече твърде много отдалечило отъ първичното: *zabyšĕ xlĕby vъzĕti = ἐπελάθοντο M. 16. 5; Mг. 8. 14 и т. н.; ne zaby zъvanъ ě uboguxъ = οὐκ ἐπελάθετο Ps. 9. 13 и т. н.; zabǔdi grĕxu ego Eu. 27b 12 и т. н.; tako li skoro zaby čĕstoe učĕnyĕ = λήθην ἐποιήσω Cl. 104 и т. н.; zaby blagodĕtelja b(og)a = ἐπελάθου Su. 417.10 и т. н.*

Iterativum: *zabyvaeši ništetǔ pašǔ = ἐπιλανθάνη Ps. 43. 25 и т. н.; da ne zabyvajǔtъ nikoliže byvъšaago Cl. 319 и т. н.; abije zabyvaaxǔ blagodĕanija Su. 417. 3 и т. н.*

4. *za-cĕditi.*

Преходенъ глаголь отъ свършенъ видъ; що се отнася до семантичната функция, то значението на този глаголь въ единствения случай, който срѣщаме въ паметниците: *zасĕždenaago iz gǔby osъtomъ Eu. 50 b 18*, е или „напоенъ“ или „този, за когото зацедиха“ — и въ двата случая функция дефинитивна.

5. *za-čĕti (za-čĕnati) συλλαμβάνειν προάγειν.*

Преходенъ глаголь, понѣкога съ допълнение съ предлога *отъ*, отъ свършенъ (iterativum — несвършенъ) видъ, семантичната функция на представката резултативна, означава постигане известенъ резултатъ безъ огледъ на временния развой на действието: *se zаčъneši vъ črĕvĕ = συλλάμηνη L. 1.31 и т. н.; vъ bezakoneпъi zаčĵetъ esmъ = συνελήφθην Ps. 50.7 = Eu. 85a 19 и т. н.; ti namъ zаčъnǔtъ i ti proglasĕtъ novojǔ rĕsnъ = προάξουσιν Cl. 29; dĕvica vъ črĕvĕ zаčъnetъ Su. 245.26 и т. н.*

Iterativum: отъ *pravedъnyxъ dĕanii zаčĕnaemъ blažĕnoe žitĕ Cl. 64.*

6. *za-dĕti ἀγγαρεύειν, ἐπιτιθέναι.*

Непреходенъ глаголь съ допълнение въ *dativus*, отъ свършенъ видъ, семантичната функция на представката първоначално локална, следъ делокализирането дефинитивна: *semu zadĕšĕ ronesti kr(ъ)stъ = τοῦτον ἡγγάρευσαν M. 27.32; Mг. 15.21 и т. н.; въ Eu. 47b 15: izgonitъ tĕ tĕsavice... tъmojǔ zadĕjǔšti se ěko i tatъ глагольтъ има значение „закривамъ се“, а функцията на представката е още локална.*

7. *za-dlžiti* μακρύνειν.

Преходенъ глаголъ отъ свършенъ видъ, семантичната функция на представката транскурсивна въ темпорално или, което е по-вѣроятно, въ локално значение: *zadlžišje bezakonnje svoje* = ἐμάκρυναν Ps. 128.3.

8. *za-dušiti se* ἀποπνίγεσθαι.

Глаголъ, употребенъ въ страдателно-възвратно значение, отъ свършенъ видъ, семантичната функция на представката дефинитивна: *rade zadušivъ se* Su. 289.20.

9. *za-dъxnъti se* ἀποπληγνόναι.

Възвратенъ глаголъ, по всѣка вѣроятностъ отъ свършенъ видъ, семантичната функция на представката дефинитивна: *gvъpostijъ zadъxnъti se хотѣахъ*, което не напълно отговаря на гръцкото τῆ βασανία τηρόμενοι κατέσταζον Su. 398.29; *drugy i piъ zadъxnѣaše se* = πρηγῆς ἀπεπληγνото Su. 466.13.

10. *za-gladiti* (*za-glaždati*) ἀνα-εξαλείφειν.

Преходенъ глаголъ отъ свършенъ (iterativum — несвършенъ) видъ, семантичната функция на представката дефинитивна: *zagladivъ naše rъkopsaъnje* = ἐξαλείφας Su. 480.2; *da rъkopsaъnje grѣхъ našixъ zagladitъ* = ἴνα... ἀναλείφῃ Su. 483.5 и т. н.

Iterativum: *kako možetъ... grѣху zaglaždati* = ἐξαλείφαι Su. 358.23.

11. *za-graditi* ἐμφράττειν.

Преходенъ глаголъ, семантичната функция на представката локална: *zagradi usta lъvovi* Su. 158.19; *jegda... mlѣko... zagraditъ рѣть съsu* = ἐμφράξῃ τοὺς ὄχετοὺς τοῦ μάζου Su. 312.7.

12. *za-iti* (*za-xoditi*) δύειν.

Непреходенъ глаголъ съ обстоятелствени допълнения съ предлозитѣ *rodъ, vъ*, отъ свършенъ (iterativum — несвършенъ) видъ, семантичната функция на представката предимно локална (тъй като въ най-много случаи се говори за залъзъ слънце), понѣкога, напр. Su. 289.17 — транскурсивна: *zaide... slъpъse rodъ zemlъ* = εἶδν Cl. 786 = Su. 448.26 и т. н.; *vъ bezpѣтъnyje brѣgy zaide* Su. 289.17 (тукъ функцията е явно транскурсивна); *da ne zaidetъ slъnce въ gnѣvѣ vašemъ* = μὴ ἐπιδυέτω Su. 377.7 и т. н.

Iterativum: *egda захождааше slъpъse* = ὅτε εἶδυσεν Mt. 1.32 и т. н.

13. *za-jѣti* (*za-imati*) δανείζεσθαι, ἐμφράττειν.

Преходенъ глаголъ, понѣкога съ допълнение съ предлогъ *otъ*, отъ свършенъ (iterativum — несвършенъ) видъ, семантичната

функция на представката дефинитивна или локална, тъй като този глаголъ има значения „заемамъ отъ нѣкого“ и „запушвамъ“: *choęęštaago отъ тебе zajęti = δανείσασθαι* M. 5.42; *zajęšję sję usta gl(ago)ljoštımъ неправъdо = ἐνεφράγη στόμα* Ps. 62.12; *zaimetъ usta svoę = ἐμφράξει τὸ στόμα* Ps. 106.42.

Iterativum: *zaimletъ gręšъnikъ i ne vъzvratitъ = δανείζεται* Ps. 36.21.

14. *za-klati (za-kalati) θύειν, σφάττειν.*

Преходенъ глаголъ съ допълнение въ *instrumentalis* и съ косвено допълнение въ *dativus*, отъ свършенъ (*iterativum* — несвършенъ) видъ, семантичната функция на представката дефинитивна: *privedъše telesъ upitęny zakolęte = θύσατε* L. 15.23 и т. н.; *zaklati pravуję sr(ъdъ)c(е)тъ = τοῦ σφάξαι* Ps. 36.14; *zakla jо štuzdemu = κατέσφαξεν* Su. 360.6; *zaklašę коръjemъ* Su. 477.12 и т. н.

Iterativum: *zakalaja tebę telesъ upitęny* Eu. 90 b 20; *agnesъ zakalaxо* Cl. 850 = Su. 450.21; *blago ovъče... zakalajetъ sę* Su. 43.73 и т. н.

15. *za-klenęti ката-, κλείειν.*

Преходенъ глаголъ съ обстоятелствено допълнение съ предлогъ *въ*, отъ свършенъ видъ, семантичната функция на представката локална: *zaklere ioana въ темъnici = κατέκλεισεν* L. 3.20; 4.25; *тъ bo пъi samъ... očisti i zaklere* Ki. V b 13.

16. *za-klęti (za-klinati) ἐξ-, ὀρκίζειν.*

Преходенъ глаголъ съ допълнение въ *instrumentalis* или съ предлогитѣ *о*, *въ* (*имę*), отъ свършенъ (*iterativum* — несвършенъ) видъ, семантичната функция на представката дефинитивна: *zakle i da povęstъ jemu* Su. 294.25.

Iterativum: *zaklina jо tę b(og o)тъ živumъ = ἐξορκίσω те* M. 26.63; Mr. 5.7 = Eu. 48a 11; 52a 12; 53a 1 и т. н.; *zaklina jо vasъ въ имę g(ospod)a* Eu. 59b 3 и т. н.; *zaklina jо tę o velicęi silę... boga = ὀρκίζω* Su. 122.1 и т. н.

17. *za-ključiti κλείειν.*

Преходенъ глаголъ, отъ свършенъ видъ, семантичната функция на представката локална: *въ zaključenuję dvъri vъlęzъšu = διὰ τῶν κεκλεισμένων θυρῶν* Su. 498. 25 и т. н.

18. *za-kryti (za-kryvati) περικαλύπτειν.*

Преходенъ глаголъ, понѣкога съ допълнение въ *instrumentalis*, отъ свършенъ (*iterativum* — несвършенъ) видъ, семантичната функция на представката локална: *zakryvъše i bięxо po licju = περικαλύφιντες* L. 22. 65; *listviimъ zakryvъše oči* Su. 335. 11.

Iterativum: *straxomъ... slavy tvoeje zakryvajotъ se Eu. 4a.21; zakryvajotъ obnaženije svoje Su. 187. 7; 211.4.*

19. *za-ložiti.*

Преходенъ глаголъ отъ свършенъ видъ, семантичната функция на представката дефинитивна и локална: *založilъ esi pōtъ... nepriēzni Eu. 42 a 12, 17 (локална); vъsxuti založeno imēnъ je=ήρασας τὰ κειμήλια Su. 512.5 (дефинитивна).*

20. *za-matorēti proβαλνειν.*

Непреходенъ глаголъ, обикновено употребенъ въ part. praes. act. съ предлога *vъ*, отъ свършенъ видъ, семантичната функция на представката дефинитивна: *oba zamatorēvъša vъ dъnexъ svoixъ=προβεβηκότες L. 1.7, 18; 2.36.*

21. *za-mazati.*

Преходенъ глаголъ съ допълнение въ instrumentalis, отъ свършенъ видъ, семантичната функция на представката дефинитивна; *zamazavy slinami i breniemъ Eu. 33a 3.*

22. *za-moriti κατατήκειν.*

Преходенъ глаголъ, отъ свършенъ видъ, семантичната функция на представката дефинитивна: *ni gladъ¹ zamori=ὁ λιμνῶ κατέτηξεν Su. 367.15.*

23. *za-mōditi | za-muditi χρονίζειν, μέλλειν.*

Непреходенъ глаголъ отъ свършенъ видъ, семантичната функция на представката дефинитивна: *b(o)že moi ne zamōdi=μὴ χρονίσης Ps. 39.18; 69.6; azъ samъ o sebē vъlězō naskovradō i ne zamuždō=ὁ μέλλω Su. 118.7.*

24. *za-paliti.*

Преходенъ глаголъ отъ свършенъ видъ, семантичната функция на представката инхоативна (бележи само началото на действието): *vъzъtъše ognъ zapališę plēvъnicō Su. 196.21.*

25. *za-pečatylēti σφραγίζειν.*

Преходенъ глаголъ отъ свършенъ видъ, семантичната функция на представката дефинитивна: *zarečatylē ōko [b(o)gъ istine[ne]пъ estъ=εσφράγισεν J. 3.33; ašte grobъ zarečatylējetъ se=ἐὰν σφραγισθῆ Su. 440.4 и т. н.*

¹ Издательтъ на Супрасълския сб. поправя: *glad(o)тъ*, Лескинъ, Handbuch § 84, смѣта *gladъ* за наречие, Вондракъ, Altkirchsl. Gr. 417, 590 — за употребенъ като наречие accusativus на съществителното *gladъ*.

26. *za-řeṭi ὑποσκελίξειν.*

Глаголъ по всѣка вѣроятность преходенъ, при все че може да има и допълнение въ *dativus*, отъ свършенъ видъ, семантичната функция на представката навѣрно сѣщо така дефинитивна: *ne zarṭpṭ sṣe stopy ego* = *οὐχ ὑποσκελισθήσεται* Ps. 36.31; 76.20; *ašte vṣzmoḗetṣ zarṣṭi b(o) žiju rabu iakovu* Su. 515.4 и т. н.

27. *za-rlṽvati ἐμπύειν.*

Преходенъ глаголъ отъ свършенъ видъ, семантичната функция на представката дефинитивна: *zarṭṽvaše lice ego* = *ἐνέπυσαν* M. 26.67; Eu. 48a 18; 50a 6 и т. н.

28. *za-rovēdēti (za-rovēdati) ἐντέλλεσθαι, ἐπιτάσσειν.*

Преходенъ глаголъ, често съ допълнение въ *dativus* и съ предлога *o*, отъ свършенъ (*iterativum* — несвършенъ) видъ, семантичната функция на представката дефинитивна: *zarovēdē imṣ* = *ἐνετείλατο* M. 17.9; 19.7; Mr. 10.3; 11.6; J. 14.31 и т. н.; *ty zarovēdē zarovēdi tvoje* = *σὺ ἐνετείλω* Ps. 118.4 и т. н.; *zarovēždi emu otiti* отъ *sṣdē* Eu. 51b 13; *o vsemṣ jeḗe zarovēstṣ vama* = *ὅσα ἂν ἐντελεῖται* Su. 387.3 и т. н.

Iterativum е твърде често: *vṣše eliko zarovēdaḗ vama* = *ἐνετείλαμην* M. 28.20 и т. н.; *zarovēdaḗ sp(ase)nṣ iēkovlē* = *ἐντελλόμενος* Ps. 43.5; *g(ospod)i... zarovēdavy namṣ ljubiti drugṣ druga* Eu. 9b 23 и т. н.; *takoḗde zakonṣ ne bo zarovēda sego* + *οὐ γὰρ ἐπέταξε τοῦτο* Su. 371.11 и т. н.

29. *za-ṣrēṭiti (za-ṣrēštati) ἐπιτιμᾶν, ἐμφοιᾶσθαι, ἐπιτάσσειν, παραγγείλειν.*

Непреходенъ глаголъ съ допълнение въ *dativus*, отъ свършенъ (*iterativum* — несвършенъ) видъ, семантичната функция на представката дефинитивна: *učenici zarṣrētišē imṣ* = *ἐπετίμησαν* M. 19.13 и т. н.; *zarṣrētilṣ esi jezykomṣ* = *ἐπετίμησας* Ps. 9.6 и т. н.; *zarṣrēti nedṣgu semu* Eu. 35a 11 и т. н.; *zarṣrētivṣ aglaiu... tvrḗdē bljusti ixṣ* = *παραγγείλας* Su. 72.2 и т. н.

Iterativum: *zarṣrēštajē ne dašē imṣ gla(gola)ti* = *ἐπιτιμῶν* L. 4.41; *zarṣrēštaetṣ ti* Eu. 45a 17 и т. н.; *dlṽženṣ estṣ... vṣšemṣ... zarṣrēštati ne obidēti kogo* Cl. 93; *svojejṣ vlastijṣ zarṣrēštajṣ sṣmṣṣṣti* = *ἐπιτάττω* Su. 310.4 и т. н.

30. *za-pustēti ἐρημοῦσθαι, χηρεῦειν.*

Непреходенъ глаголъ отъ свършенъ видъ, семантичната функция на представката дефинитивна: *vṣšeko cēs(a)r(ḗ)stivo razdělṣ se na se zarustēetṣ* = *ἐρημοῦται* M. 12.25; L. 11.17; *radui se... roditelṣnice čista zarustēvṣšiuumu vṣsemu miru* = *τοῦ χηρεύσαντος κόσμου* Su. 251.12.

31. *za-ryrati* πατεῖν.

Преходенъ глаголъ отъ свършенъ видъ, семантичната функция на представката дефинитивна: *svĕtaja svĕtyixъ заръгана = πελάτῃται* Su. 418.15.

32. *za-raziti* πνίγειν.

Преходенъ глаголъ съ допълнение въ *instrumentalis*, отъ свършенъ видъ, семантичната функция на представката дефинитивна: *da zaražo mlъčanijemъ otъvĕštanije = πνίξω* Su. 242.6.

33. *za-rešti*.

Този глаголъ означава „заповѣдвамъ“ и е следователно непреходенъ, съ допълнение въ *dativus*, семантичната функция на представката дефинитивна: *zareče jemu da nik'deže se ne javitъ* Su. 36.25.

34. *za-stojati* ὑποπιάζειν.

Глаголъ по всѣка вѣроятностъ преходенъ, отъ несвършенъ видъ, семантичната функция на представката локална: *da ne do kopъsa prixodešti zastoitъ mene = ἵνα μὴ... ὑποπιάξῃ με* L. 18.5.

35. *za-stopiti (za-stopati)* ἀντιλαμβάνειν, προϊστάται.

Преходенъ глаголъ отъ свършенъ (*iterativum* — несвършенъ) видъ, семантичната функция на представката навѣрно още локална: *gospodъ zastopitъ mje = ἀντιλήφεται μου* Ps. 3.6 и т. н.; *ne niktože li nasъ tamo možetъ zastopiti = προϊστήνα* Su. 373.12 и т. н.

Iterativum: *egda zastopraetъ i = ὅταν ἀντιλαμβάνηται αὐτῆς* Ps. 47.4; въ *bĕdaxъ vsĕxъ zastopraite* Su. 67.23 и т. н.

36. *za-svĕdĕtelъstvovati*¹ διαμαρτορεῖν.

Глаголъ по всѣка вѣроятностъ непреходенъ, въ всѣки случай не се явява съ прѣко допълнение, а само съ *dativus*, несвършенъ видъ, семантичната функция на представката дефинитивна: *ĕko da zasvĕdĕtelъstvuitъ imъ = ὅπως διαμαρτύρηται αὐτοῖς* L. 16.28; *zasvĕdĕtelъstvujō vamъ = διαμαρτύρομαι* Ps. 80.9; *zasvĕdĕtelъstvuetъ namъ* Eu. 82b 13.

37. *za-štiti (za-štištati, za-šticati)*.

Преходенъ глаголъ отъ свършенъ (*iterativum* — несвършенъ) видъ, семантичната функция на представката локална: *da priimetъ i zaštiti* Eu. 92b 13; *zaščiti ny* Ki. II 17; IVb 16 и т. н.

Iterativum има малко различно значение, равно на гръцкото *αἰνίττεσθαι*: *mnĕ javĕ byti glagolemuimu a ničesože rače zaštištati = καὶ μηδὲν πλέον αἰνίττεσθαι* Su. 407.29 и т. н.

¹ Тази дума нѣма въ Речника на Миклошича.

38. *za-tъknŏti (za-tykati) βύειν.*

Преходенъ глаголъ отъ свършенъ (iterativum — несвършенъ) видъ, семантичната функция на представката локална: *zaby jednoŏ z atъknŏti dvъri Su. 297.17* и т. н.

Iterativum: *eko aspidy gluxy zatykajŏštję uši svoi = ἀσπίδος... βουούσης τὰ ὦτα Ps. 57.5.*

39. *za-vezati καταρτίζειν.*

Преходенъ глаголъ отъ несвършенъ видъ, семантичната функция на представката локална: *ta vъ ladii zavezajŏšta mrežę = καταρτίζοντας Mr. 1.19.*

40. *za-veštati (za-veštavati) διατίθεσθαι.*

Преходенъ глаголъ съ допълнение въ dativus, отъ свършенъ (iterativum — несвършенъ) видъ, семантичната функция на представката дефинитивна: *zavěšta mъně... c(ě)s(a)r(ъ)stvo = διέθετό μοι L. 22.29; slovo... eže zavěšta avraamu = ὄν διέθετο Ps. 104.9* и т. н.

Iterativum: *azъ zavěštavajŏ vamъ = διατίθεμαι ὑμῖν L. 22.29; zavěštavajŏštję zavětъ ego = τοὺς διατιθεμένους Ps. 49.5.*

41. *za-viděti ζηλοῦν, φθονεῖν.*

Непреходенъ глаголъ, нормално съ допълнение въ dativus, отъ свършенъ видъ, семантичната функция на представката първоначално несъмнено локална, по-късно, когато глаголътъ придобилъ вторично значение, доста отдалечено отъ първоначалното, представката не е била съзнавана: *ni zavidi tvorjęštiimъ bez akonenie = μη δὲ ζήλου Ps. 36.1; počto svojemu si zavidiši съraseniju Su. 336.16* и т. н.

42. *za-viti.*

Преходенъ глаголъ отъ свършенъ видъ, семантичната функция на представката локална: *rovelěšę prinesti vratъ i vъložiti i vъ nъ i съtęgnŏti i zaviti zělo Su. 269.4.*

43. *za-t-ovoriti (za-t-varjati) κατακλείειν, ἀποφράττειν.*

Този глаголъ, образуванъ като че ли отъ *tvoriti*, съ съгласната *-t-*, се явява вследствие на вторична декомпозиция на глагола *ot-ovoriti > o-tvoriti*. Той е преходенъ, понѣкога съ допълнение въ *instrumentalis* или *dativus*, отъ свършенъ (iterativum — несвършенъ) видъ, семантичната функция на представката локална: *zatvori dvъri = κλείσας M. 6.6* и т. н.; *skotъ ixъ vo съmръti zatvori = συνέκλεισεν Ps. 77.50* и т. н.; *zatvori ei vse рŏti Eu. 45a8* и т. н.; *pionii zatvori oči = συνέκλεισεν Su. 141.15* и т. н.

Iterativum: *zatvarěate c(ě)s(a)r(b)stvie... prědъ čl(o)-v(ě)kъ=κλείετε* M. 23.14; *zatvarějōtъ ti sę dvъri* Eu. 46a 13; 48b 25; *grobъ... židovъskъ językъ zatvarějōštъ=γλώτταν... ἀποφάττων* Cl. 729; *svoima grъstoma... isusovi zatvaraješi oči=κατακλείεις τὰ ὄμματα* Su. 456.25 и т. н.

44. *za-vrěti* συγκλείειν.

По всѣка вѣроятностъ преходенъ глаголъ отъ свършенъ видъ, семантичната функция на представката локална: *isuni ogožie i zavъri prědъ gonjēstiimъ mjе=σύγκλεισον* Ps. 34.3.

45. *za-znamenati* σφραγίζειν.

Преходенъ глаголъ навѣрно отъ несвършенъ видъ, семантичната функция на представката дефинитивна: *zaznamenai grobъ=σφραγίσει* Cl. 739.

46. *za-zvrěti (za-zirati)* μέμψεσθαι, ἐπιλαμβάνεσθαι, λανθάνειν, καταγνώσκειν

Непреходенъ глаголъ съ допълнение въ *dativus* и *locativus* отъ свършенъ (iterativum — несвършенъ) видъ, семантичната функция на представката първоначално локална (сжщо тъй, както при глагола *zaviděti*): *viděvъše... něčistama rōkama... ēdōšte xlēby zazvrěaxō=ἐμεμραντο* Mt. 7.2; *ne mogō zazvrěti gl(agol)ē ego=οὐκ ἴσχυσαν ἐπιλαβέσθαι αὐτοῦ ῥήματος* L. 20.26; *тъмпомъ slovomъ xuliši тьнѣ zazvrěti=οἰόμενος λανθάνειν* Su. 104.10; *čtōštii ženě zazvrę vъrijaše* Su. 425.19.

Iterativum: *vъsēmъ kgrъstijanomъ zazirajete=πάντων χριστιανῶν καταγνώσκετε* Su. 127.21.

47. *za-žešti (za-židzati)* ἐμπροήθειν.

Преходенъ глаголъ съ допълнение въ *instrumentalis*, отъ свършенъ (iterativum — несвършенъ) видъ, семантичната функция на представката инхоативна: *grady ixъ zažъže=ἐνέπροησεν* M. 22.7 =Eu. 106.63; *ašte kto domъ zažežetъ* Eu. 103 b 10.

Iterativum: *povelě... srъkvi... ognemъ zažizati* Su. 255.3.

Глаголитъ *zaušiti (zaušati)*, напр. Su. 138.30; 411.9; 436.2 не сж образувани посрѣдствомъ представката *za-*, тъй като формитъ **ušiti, *ušati* не сжществуватъ; имаме тука производни образувания, изведени отъ израза *za uši (biti)*.

Представката *za-* нормално не влияе върху транзитивността на глаголитъ, — изключенията сж малобройни: *zabyti (zabyvati), zaplvvati, zastōpiti (zastōpati)* сж преходни, когато съответнитъ глаголи безъ представка сж непреходни. Сжщото може да се каже и за *zastojati*, ако

въ единствения случай, гдето се явява (L. 18.5): *zastoitъ мене, мене* е *accusativus*. Обратнo пъкъ преходнитѣ глаголи *děti, rešti, viděti, zbrěti* съ представката *za-* сж непреходни и иматъ обикновено допълнение въ *dativus*.

Глаголитѣ *zadušiti se* и *zadъxnъti se* се явяватъ съ *se*, при това вториятъ е възможенъ само съ *se*, пъкъ и глагола *zadušiti* сжщо така въ паметницитѣ не срѣщаме, което може би е случайно.

Що се отнася до другитѣ конструкции, най-честъ е тукъ *dativus* и *instrumentalis*. Съ допълнение въ *locativus* безъ предлогъ имаме единъ глаголъ *zazbrěti*.

Семантичната функция на представката *za-* най-често е делокализирана — дефинитивна; транскурсивна функция срѣщаме само въ глаголитѣ *zablъditi, zadlъziti* и *zaiti*; първоначалната локална функция имаме още запазена въ 17 случаи, инхоативна функция въ глаголитѣ *zupaliti* и *zazešti (zazidzati)*; най-сетне резултативна функция — въ *zачeти*.

Нормално не-iterativa съ представката *za-* сж отъ свършенъ видъ, съ изключение на: *zastojati, zasъvѣdѣtelъstvovati, zavežati* и *zaznamenati*, които сж отъ несвършенъ видъ.

Варшава.

Станиславъ Слонски.

Забележка. Цитатитѣ отъ превода на Новия заветъ сж дадени по Мариинското евангелие. М. означава Матей, Мг. — Марко, L. — Лука, J. — Йоанъ, Ps. — Psalterium Sinaiticum, Eu. — Euchologium Sinaiticum, Cl. — Glagolita Clozianus, Su. — Codex Suprasliensis, Ki. — Киевски мисалъ.

Ještě o původu písma hlaholského.

Snad není nevděčnějšího pole nežli ona stať slovanské paleografie která jedná o původu písma slovanského. Je sice nemilé a nechutné vraceti se k věcem dávno odbytým, když však se tyto domněnky znova opakují v listech, které požadují všeobecnou vážnost, nezbyvá než vrátit se k nim znova a pověděti pravdu otevřeně třebaš nebyla někomu milá. Prof. Jagić ve spise Глаголическое письмо paročítal na čtyřicet rozličných, více nebo méně se různících, domněnek o původu hlaholice; dnes bychom jich mohli uvést kolem padesáti. Již v tom je vidět cosi, řekl bych, chorobného nebo aspoň nezralého.

V charvátském gymnasijsním časopise „Nastavni Vjesnik“ z loňského roku (roč. XXXIX, svazek 9—10) se čte článek: „Jeronimska tradicija u djelu Hrabana Maura“, od K. Šegviće v Záhřebě. Autor je znám svými názory o slovanském písmě, které vyslovil již dříve¹, nelze tedy mnoho nového od něho očekávati; avšak vzhledem k tomu, že jeho myšlenky přinesly řečené dva listy, zaznamenávám je zde v naději, že se vícekrát nebudou opakovati.

Autor znova upozorňuje na známý traktát Hrabana Maura (* 776 † 856). „De inventione linguarum ab Hebraea usque Theodiscam et notis antiquis“ (viz Migne P. L. CXII). Z celého traktátu vynímá body 4. a 5. Ve čtvrtém odstavci praví Hrabanus: „Litteras etiam Aethici Philosophi, cosmographi, natione scythica, nobili prosapia, invenimus, quas venerabilis Hieronymus presbyter ad nos usque cum suis dictis explanando perduxit. Quia magnifice ipsius scientiam atque industriam duxit, ideo et eius litteras maluit promulgari. Si in istis adhoc litteris fallimur et in aliquibus vitium agemus, vos emendate“.

Šegvić sám přiznává, že se o Aethikovi filosofovi nic autentického neví, jediné to — podle Hrabana Maura — že žil před sv. Jeronymem, že napsal řecky „kosmografii“, a že sv. Jeronym z ní učinil latinský výtah. To je vše. Na základě pravdomluvnosti Hrabanovy, podle něhož prý se zásluhou Jeronimovou písmena Aetikova zchovala do VIII a poč. IX století, usuzuje Šegvić,

¹ Viz: Bogoslovska Smotra, U Zagrebu 1929, XVII 405 násl. Tu Šegvić zcela libovolně vykládá známá slova v listě papeže Jana VIII „litteras sclavinicas, a Constantino quondam Philosopho repertas“, to že neznačí písmena neboli písmo ale jazyk; důkazem je mu, že papež dále praví: „ut in eadem lingua Christi Domini nostri praeconia et opera enarrentur“. Myslím, že k tomu není potřebí slov. Těžko bude najít lehkomyšlnějšího nakládání s texty.

že tradice jeronymovská, stran původu slovanských písmen, má přednost před tradicí cyrilometodějskou. To prý bylo přesvědčení nejučenějších lidí VIII. století.

Aby prý někdo oslabil nebo zvrátil platnost jeho usuzování, musil by prý dokázat, že řečená zmínka Hrabanova (ať již je jeho nebo číkoli) je falsifikát vsunutý do Hrabanových spisů, a sice mezi XI. a XIII. stoletím. Dosud prý však nikdo nic takového nedokázal.

Myslím, že z těch, kdo se obírali slovanskou paleografií, nikdo se nebude pokoušet o to, aby dokazoval to, co si tuto Šegvič tak určitě nadiktoval. Také toho není potřebí. O původu slovanského písma máme historicky doložené svědectví domácího, téměř soudobého svědka, crnorizce Chrabra. Všecky ostatní otázky jsou podružné, ty musí být řešeny v souladu se svědectvím Chrabrovým. Ani břitké pero, jakým je psán spis „Wahrheit über die Slavenapostel“, nedotklo se nepřiznivě této historické udalosti, protože bystrý autor prof. Brückner ji považuje za otázku „dávno a na vždy rozřešenou“ ve prospěch hlaholice.¹ Snad jediné domněnky Geitlerovy² a Ohienkovy³ by se mohl Šegvič dovolávat, ale ty jsou odbyty a nejnovějšími nálezy usvědčeny z nepravdy.⁴

Spíše bychom mohli obrátit důkaz Šegvičův proti němu samému v tom smyslu, že udržovala-li se tu v XI. století zásluhou Hrabanovou tradice o jakýchsi literách Aetika filosofa, které sv. Jeronym budoucím věkům zachoval, byl tu i velmi snadný krok, že se mohlo autorství Jeronymovo přesunout na písmo, které dnes uznávají přední autority v paleografii vůbec jakožto sv. Konstantínem filosofem přejaté z řecké minuskuly (s některými prvky orientálními), jehož stylisace však podnes působí nesnáze.

Všecka dobrá vůle a pravdomluvnost Hrabanova ve věci nepomůže nic. Celý středověk, ano až do nejnovější doby, se připisoval známý hymnus „Te Deum“ sv. Ambroži, biskupu milanskému.⁵ Dnes tomu aspoň z hymnologů nikdo nevěří, třebaže řečený text i v úředních knihách dosud se označuje jako „hymnus Ambrosianus.“

Co tuto Šegvič čtenářstvu s takovou rozhodností a smělostí předkládá jako věc dokázanou, to si již dávno Kopitar⁶ velmi skromně a bojácně položil jako otázku, na niž mu odpověděl Pertz,⁷ že řečený Aeticus, rodem z Istrije, snad i původu slovanského, v první polovici IV. stol. vynalezl

¹ Srov. A. Brückner, Die Wahrheit über die Slavenapostel, Tübingen 1913, str. 20 násl.

² L. Geitler, Die albanesischen und slavischen Schriften, Wien 1883, str. 66.

³ J. Ohienko, Слов'янське письмо перед Костянтином. „Ювілейний Збірник Грушевського“, Київ 1928, 156-165; viz i můj referát ve Slavii, roč. IX 375 násl.

⁴ Srov. čl. Глаголскіять надпись въ Преславъ, отъ V. Ivanova (Български прегледъ I 522, София 1930).

⁵ O tomto hymnu tvrdí Hinkmar, neméně pravdomluvný současník Hrabanův, odvolává se také na předchozí svědectví, že pochází od sv. Ambrože a Augustina. Benediktin P. Jan Morin dokázal s velikou pravděpodobností, že autorem je Niketa biskup z Remesiany (Bela Palanka v Srbsku); viz Rassegna Gregoriana IV, 1905, 251 násl.

⁶ Viz spis Glagolita Clozianus XI.

⁷ De cosmographia Ethici Berolini 1853, 150-153.

hlaholici, kterou potom sv. Jeronym, překladatel Aetikovy kosmografie, rozšířil, a tak prý se u Slovanů ujala tradice, že sám sv. Jeronym hlaholici vynalezl. To všechno ovšem na základě zprávy Hrabanova.

Více než před sedmdesáti lety napsal F. Rački,¹ že necháme-li stranou všecku pravdomluvnost Hrabanova svědectví, které vydává o věcech před čtyřmi sty lety, z jeho nejasných slov nic jistého nelze uzavírat, když on sám doznává, že se snad v některých písmenech mate. Rački také dobře připomenul, že nevidí v literách Aetikovi připisovaných „ani nejmenší podobnosti s hlaholicí“. Je smutným zjevem, že ještě dnes po tom všem co předcházelo, v listech vážných mohou naléztí místo věci tak nechutné.

Ještě méně pozornosti zasluhuje upozornění Šegvičovo na pátý bod traktátu Hrabanova, kde autor mluví o písmenech germánských, Markomanů neboli Nordmanů, od nichž pocházejí Němci, „qui linguam Theodiscam loquuntur“. Ježto Hraban poznamenal, že Germáni užívali těchto písmen, pokud byli nebo jsou pohané, k hadačství, spojuje Šegvič s touto zprávou zmínku Chrabrovu, podle něhož i Slované, dříve než se pokřesťanštili, nemajíce písma čtli a hádali z črtů a zářezů. Šegvič ve své naivnosti vidí zřejmé stopy hlaholice — přikládá obrázek hranaté hlaholice pozdních tisků — v těchto germánských značkách. Tu běží o vztah neboli příbuznost hlaholského písma s runami. Je pravda, že náš Durich, v začátcích paleografických studií, pomýšlel na možnost vlivu run na vznik hlaholice, a že jak Šafařík tak i Rački srovnávali jednotlivá písmena hlaholská s runami, že by však hlaholské písmo jako celá soustava písmen závisela na runách, toho nikdo nikdy netvrdil;² hlaholská písmena, čím jsou bližší původní podobě, tím méně se podobají runám, a vyskytly-li se kde nějaké značky, domnělé „slovanské runy“, konec konců se ukázalo, že tu běží o padělek.

2. Vyše jsem poznamenal, že by se Šegvič mohl opírat o dohady a domněnky Geitlerovu a Ohienkovu, kterých, myslím, dnes nikdo neuznává. Snad bude na místě, připomenouti tu i studii prof. Fortunatova,³ která svého času vzbudila pozornost tím, že tu autor změnil své dřívější nazírání na původ hlaholice. Kdežto dříve s Lamanským odvozoval písmo hlaholské z abecedy koptské, v této studii s Jagičem, Běljajevem a Leskienem přimknul se k teorii Taylerově o původu hlaholice z řecké minuskuly. Výjimku činí u dvou nebo tří písmen, které, jak známo, i nyní odvozuje z abecedy koptské. Od jmenovaných autorů liší se Fortunatov tím, že hledá původ a stylisaci hlaholských písmen v řecké minuskule, avšak v tvarech jaké měla řečená písmena v písmě dolního Egypta. Fortunatov v řečeném

¹ Pismo slovjensko, U Zagrebu, 1861, str. 37.

² L. Traube opakuje ještě zastaralou domněnku o runách: „Mit den Runen und der griechischen verte. Unciale händ die glagolitische Schrift der Serbo-Dalmatinischen Liturgie zusammen“. (Zur Paläographie u. Handschriftenkunde, München 1909, str. 5).

³ Článek „О происхождении глаголицы“. Извѣстія Отд. русс. языка и словесности, XVIII, кн. IV, 221 násl., Spb. 1914.

člátku mluví jednak o písmenech hlaholských (jednotlivých i v celku) vykládaje jejich původ, jednak o písmě slovenském, k čemu bylo vlastně Konstantinom sestaveno, z čehož pak odvozuje jisté důsledky.

Pokud se první otázky týče, že by se hlaholice opírala o řeckou minuskulu toho tvaru, jaký měla kursiva dolnoegyptská, to je tvrzení velmi pochybné a těžko dokazatelné. V usuzování Fortunatovově je logický *circulus vitiosus*. Předem ukazuje na příbuznost dvou hlaholských liter (III, ⚡) s koptskými (III a ⚡), z čehož usuzuje, že Konstantin písmo egyptské dobře znal, a po té se na tuto známost odvolává, že při sestavování hlaholských liter „měnil“ řeckou minuskulu dáváje písmenům tvar, jaký měla v dolnoegyptské kursivě. Nevěřím, že hlaholské III (š) vzal Konstantin z egyptského majuskulního „šei“, o tom jsem psal jinde. Fortunatov omlouvá věc tak, že spodní chvostík písmene je vynechán, aby prý se lišila litera od písmene ⚡. Ale ani to vysvětlení nedostačuje; písmena hlaholské III a koptské ⚡ jsou zcela různého duktu. Tím méně se mi zdá pravděpodobný původ hlaholského ⚡ z koptského ⚡, tu je snad jen zvuk (dž) podobný. Tím by tedy padal také důvod, že Konstantin Filosof nějak blíže znal písmo koptské. Dejme tomu, že je znal. Nebyl by mohl sáhnout k horšímu a nezpůsobilejšímu prameni nového písma, nežli byla kursiva v periodě byzantskoarabské. Autorové jednající o řecké paleografii vysvětlují vznik řecké minuskuly z nechuti a odporu proti písmu předcházejícího období, které se právě zachovalo v dolnoegyptské kursivě. Je-li tomu tak, pak nevím je-li správné tvrzení Fortunatovo, když dí (str. 233), že snadno pochopíme, že sestavovatel hlaholice, který chtěl změnit tvar řeckých písmen minuskulních a znal dolnoegyptskou kursivu, byly zcela příhodné typy dolnoegyptské kursivy. Řecká minuskula vznikla z odporu k ligaturám a z nich pocházející nečitelnosti písmen, a Konstantin by byl hledal v tomto kalném prameni motivy stylisace nového jasného, čitelného písma minuskulního.

Také se mi zdá nesprávným mluvit o tom, že Konstantin chtěl „měnit“ minuskulu; nebo dokonce když čteme, že „předělával“ kursivu v písmo majuskulní (Kulbakin-Havránek, Mluvnice jazyka staroslov., str. 7). Předělávat, měnit a stylisovat jsou pojmy různé.

K tomu ještě sám Fortunatov zakouší nesnáze při vykladě jednotlivých písmen (⚡), takže se utíká k domněnkám, které pro nedostatek nepřístupného materiálu prý nemůže doložit (str. 234). Chápu tyto nesnáze autorovy a nedivím se jim, ježto i teorie pravděpodobnější také nevysvětluje všechna písmena hladce a přesvědčivě, tím méně tato, o které myslím, že spočívá na vrátkém základě.

Neméně podivné myšlenky obsahuje druhá část článku Fortunatovova o původu hlaholice neboli o účelu, k němuž byla sestavena.

Na str. 242 tvrdí, že nemůže souhlasit s míněním, že by hlaholice byla sestavena za tím účelem, aby se jí užívalo při přepisu (překladu) bohoslužebných a jiných církevních knih. Důvodem je mu, že v IX. století bohoslužebné knihy se psaly uncialou. Mohli bychom prostě odpovědět známou zásadou: *contra factum non valet argumentum*. Prof. Fortunatov

jistě věděl, že řecká minuskula v IX. věku ponenáhlu přejímala úkol uncialy a byla opravdu i písmem knižním. Mluví-li autor o řídkých výjimkách, můžeme proti němu uvést hojně dokladů objemných spisů.¹ Paleografové vysvětlují úhlednost minuskuly právě tím, že přejímala úkol písma knižního. Je tedy zbytečná otázka, kterou si Fortunatov klade, proč Konstantin nevzal za základ hlaholice řeckou uncialu, mělo-li jeho písmo býti písmem knižním (str. 243)?

Zapletl-li se autor v první části do nesnází, do nichž se přivedl nedokázaným předpokladem o písmě koptském, byl nyní vehnán do úzkých tvrzením, že knižním písmem řeckým v IX. století byla jen unciala. Za takových okolností se mu zdá nepochybným, že hlaholice nebyla sestavena k sepsání a překladu knih, ale že tu hlaholice byla již dříve, jako slovanské písmo k vyjadřování slovanských hlásek.

Při tomto nazírání na písmo hlaholské, odporujícím tradici doložené vážnými svědectvími, je s podivem, že autor uznává, že i původní hlaholice byla sestavena sv. Konstantinem Cyrilem. Přirozeně cítil nyní potřebu, zodpovědět otázku, k čemu tedy vlastně sestavoval tuto abecedu? Není prý nutné, že měl na mysli nějaký praktický cíl a praktickou potřebu „gramotných“ Slovanů; jemu se zdá, že Cyrila, jako učence, zajímalo sestavit novou abecedu, všem ostatním abecedám nepodobnou, pro jazyk, který dosud písma neměl (str. 253). Teprve později, když se zabýval staroslověnským překladem řeckých knih, užil tohoto písma (hlaholice), byť snad je uznával méně vhodným jako písmo knižní.

Prof. Fortunatov má za jisté, že neúspěch hlaholice v Bulharsku a Makedonii je důkazem, že hlaholice ani z počátku nebyla sestavena jako písmo knižní, aniž se takovým udržela u Slovanů, kteří se seznámili s novou slovanskou azbukou „cyrilicí“.

Autor se tu sice neztotožňuje s těmi, kdož tvrdili, že tu bylo jakési slovanské písmo před Konstantinem Cyrilem, přepisuje sestavení hlaholice Konstantinovi, ale účel, pro který by ji byl sestavoval, podle Fortunatova, podobá se více hříčce než vážnému zaměstnání. S takovými a podobnými zjevy se budeme potkávat ve slovanské paleografii stále pokud se autoři neobeznámí se základy paleografie obecné a budou svévolně hledat cesty nové, místo aby se drželi starých osvědčených zásad a směrnic.

Praha

Josef Vajs

¹ Viz sbírky: New Paleographical Society a Wattenbach-Velsen.

Vieux slave *stuždī*, *tuždī*

Le meilleur manuscrit de la traduction vieux-slave de Cyrille de Jérusalem, celui de la Bibliothèque synodale de Moscou du XII-e ou du XIII-e siècle (Gorskij et Nevostruev, Описание, etc., II, 2, pp. 44 et suiv.), présente dans une même phrase les deux formes *stuždī* et *stuždi* de l'adjectif „étranger“, et, semble-t-il, avec des valeurs différentes: Catéchèse II, § 13 **ѡχакъ . . . стоуждин отъ благочестна, штуждинимъ силомъ похотѣникъ** = δ **Αχαάβ . . . ὁ ἀλλότριος τῆς εὐσεβείας, ἀλλοτρίων ἀγρῶν ἐπιθυμητής**; la forme *stuždī* est ici celle de l'adjectif au sens ordinaire (*alienus*), la forme *stuždi* est celle de l'adjectif dans une acception proche de la valeur verbale (*alienatus a . . .*). Bien que le manuscrit de la Synodale soit conservateur, cette opposition de *stuždi* et *stuždī* peut être accidentelle, et rien par ailleurs ne paraît confirmer une telle répartition des deux formes. Mais comme le problème de l'origine de la forme *stuždi* est obscur, il ne faut pas négliger une donnée, même douteuse, qui peut aider à le résoudre en orientant, même de façon fortuite, la recherche dans un sens nouveau.

L'étymologie de l'adjectif est assez sûre: c'est un dérivé slave en *-yo- d'un emprunt au germanique: got. *biuda* „peuple“. Le lette donne une idée de l'évolution sémantique du mot en slave: *tāuta* „peuple“, et *tāutas dēls, meīta* „jeune homme, jeune fille d'un pays, d'un village étranger“ (R. Trautmann, Die altpreussischen Sprachdenkmäler, pp. 446-447); on a de même *ljudski* au sens d'„étranger“ en slovène, en kajkavien et en čakavien. Si **tjudjī* est entré dans le groupe très restreint des adjectifs à flexion de démonstratifs, c'est parce qu'il fait couple avec *svojī* auquel il s'oppose, par exemple: Supr. 120, **и свою и стоужде**, Cyrille de Jérusalem, Cat. II, § 2 **държи свою и не възьми чужего**. Ce qui n'est pas clair, c'est la raison pour laquelle **tjudjī* s'est altéré en **tudjī* dans le groupe méridional, et en *stuždi* en vieux slave.

Pour la répartition des trois formes dans les manuscrits vieux-slaves, voir Vondrák, Altkirchensl. Grammm.², pp. 314-315. La chronologie de leur emploi dans la langue littéraire vieux-slave est illustrée par la correspondance: Ps. CXXXVI, 4 **на земли тоужди** dans le Psautier du Sinaï et les autres manuscrits du Psautier, mais dans le Suprasliensis **на земли штоужди** 419,^{3,4,6} et **на земли стоуждин** 418,³⁰. La forme *tuždī* est un trait dialectal du vieux macédonien des premiers traducteurs; elle paraît avoir disparu du macédonien méridional: *čus(t)*, *čuzdi* au nord de Salonique et à Suho (Oblak, Macedonische Studien, p. 56, p. 59), et ne s'être conservée que dans un domaine plus proche du domaine serbe: *túdj(i)*, *túji* dans la région de Debăr (Oblak, pp. 63-66) et dans le Polog

(Seliščev, Полог и его болгарское население, p. 342); le prestige de la langue littéraire de Constantin et Méthode lui a assuré une assez grande stabilité en vieuxslave et l'a étendue au slavon russe et au slavon occidental (ТОУЗИМЪ dans les Feuilles de Kiev, avec la même mélange slavon de traits phonétiques d'origines différentes que dans ТОУЖ- des manuscrits vieux-russes). La forme *stuždī* devait être la forme ordinaire des parlers vieux-slaves de l'intérieur: c'est elle que continuent, avec une métathèse de *št-* en *č-*, le moyen bulgare (*čuždī*) et le bulgardo-macédonien moderne; elle n'a pénétré que timidement dans les manuscrits de l'Évangile (Jean, X, 5 ШТЮЖДИГО Zogr.), mais elle est employée plus largement dans les textes libérés de la tradition des premiers traducteurs: elle domine dans le Suprasliensis (14 ex.), qui a éliminé *tuždī*, et elle se rencontre dans la traduction des Règles de saint Basile (ШТОУЖДИНУХЪ, Feuillet du Zograph, II r, 19), outre les exemples des textes conservés dans des rédactions slavonnes. La forme *stuždī* est une création éphémère du vieux slave, qui est attestée surtout dans le Suprasliensis (7 ex.), mais aussi dans l'Euchologe du Sinaï (1 ex.) et dans les manuscrits de Constantin le Prêtre, de Jean l'Exarque, des traductions de Cyrille de Jérusalem et de Grégoire de Nazianze, etc. (voir Sreznevskij).

Dans l'ensemble, *stuždī* représente la forme primitive du slave commun, qui a dû dominer dans les parlers bulgardo-macédoniens de l'époque vieux-slave; *tuždī* est une innovation ancienne d'aire étendue (v. sl. dial., s.-cr., slov.), secondaire par rapport au slave commun **tjudjī*; *stuždī* est une innovation dialectale plus récente du vieuxslave, secondaire par rapport à *stuždī*. On explique ces formes secondaires par des dissimilations: pour *tuždī*, voir A. Meillet, Études, p. 175; pour *stuždī*, voir Vondrák, Vergl. slav. Gramm.², I, p. 367, p. 461. C'est ce qu'admet N. van Wijk (Geschichte der altkirchenslav. Sprache, I, p. 75), mais ni St. Kul'bakin (Le vieux slave, p. 196), ni P. Diels (Altkirchenslav. Gramm., I, p. 141), ne trouvent l'explication convaincante pour *stuždī*, bien qu'on puisse penser à une action de *svojī* dans le couple *svojī i stuždī*; elle ne l'est pas davantage pour le cas de *tuždī*.

Les mots ne sont pas sujets seulement à des accidents phonétiques, en quelque sorte matériels: le jeu morphologique de la langue leur fait subir des transformations plus profondes. L'adjectif sl. comm. **tjudjī* n'est pas séparable des formes verbales dérivées: v. sl. *otužditi*, *utužditi*, tch. *zciziti*, etc. La relation du nom et du verbe dénominatif se complique, dans le système du slave, de la relation inverse du verbe et du nom déverbatif: *cěna* donne le verbe *cěniti*, et *cěniti* donne le postverbal *cěna*. Il en est ainsi pour les adjectifs, bien que de façon moins fréquente que pour les substantifs: le rapport de *prostū*, *pustū* et *prostiti*, *pustiti* n'est pas unilatéral, mais réciproque; il n'y a pas de raison sérieuse de douter que *gotoviti* ne soit à la fois, du point de vue slave, le dénominatif de *gotovū*, et, du point de vue étymologique, l'emprunt au gotique *gataujan* d'où a été tiré le déverbatif *gotovū*: en albanais, comme *gatauān* est sûrement emprunté au slave *gotovati*, *gotoviti* (avec la spécialisation au sens de „préparer un mets, cuire“

usuelle surtout en bulgare), l'adjectif *gat* ne peut être lui aussi qu'un dérivé, et on a dans une autre famille de mots d'emprunt le rapport *paguan* „payer“ : subst. *pagă* ; l'adjectif s.-cr. *ōstar* doit son groupe *št* au verbe *ostriti*, part. passif *ōstren*, d'où *ōstriti*. Quelle que soit la valeur de l'exemple de la traduction de Cyrille de Jérusalem cité ci-dessus, la forme **tjudjī* est primitive, les formes **tudjī* et v. sl. *stuzdī* sont d'origine verbale.

Le slave a connu un système d'alternances du type *tixū* : *tēsiti* ; ce système a été productif, puisqu'il a pu créer un factitif *cēstiti* en partant de l'adjectif verbal *čistū*, de formation nettement secondaire ; mais il avait cessé de jouer régulièrement dès le vieux slave, où *(o)čistiti* est déjà en voie de supplanter *(o)cēstiti* (Jagić, Entstehungsgeschichte, p. 291). À l'alternance **ei* > *i* : **oi* > *ě* correspondait l'alternance **eu* > *ju* : **ou* > *u*, qui était moins viable encore (Meillet, Le slave commun, p. 52). Sur l'adjectif **tjudjī*, à vocalisme **eu* emprunté au germanique, le slave avait formé un verbe **tudj-iti* à vocalisme alternant **ou* ; à l'époque historique, ce rapport entre la forme nominale et la forme verbale dérivée se traduit par un doublet : le thème nominal *tjudj-* a été généralisé dans la plupart des langues slaves, de même que *čist-* a éliminé *cēst-* ; le thème verbal **tudj-* a été généralisé dialectalement, dans un groupe important de parlers méridionaux.

Le même procès s'est développé, sous une forme parallèle mais originale, dans le domaine particulier du vieux slave, qui ordinairement conservait le thème nominal *štuzd-*, mais qui était au contact de l'aire où le thème verbal **tudj-* était en voie d'extension : un thème verbal nouveau *stuzd-* a été créé en partant de *štuzd-*, il a été généralisé dans certains parlers et a pénétré dans la langue littéraire, puis il a été éliminé par la forme dominante *štuzd-* (*čuzd-*). À l'alternance sl. comm. *ju* : *u*, d'où v. sl. *štu-* : *tu-*, a été substituée une alternance *št-* : *st-*. La langue a-t-elle fait jouer l'alternance consonantique de la série dentale **stj* : *st*, ou bien, sur le modèle de *čistiti* : *cēstiti*, l'alternance plus complexe de la série des gutturales *sk* : *st* (*sc*) : *št* ? Les points de comparaison manquent ; le cas du slavon *blīstēti*, r. *blestěť*, est postérieur, et quelque peu différent : il y a eu passage du type en *-ati* (v. sl. *blīstati*) au type usuel en *-ēti*, mais le degré consonantique *-st-* était fourni par l'imperfectif dérivé *blīstati*. Sur les alternances consonantiques à l'initiale des thèmes en particulier, nous avons quelques données suggestives, ainsi *skadū* : *štēdēti*, mais excessivement fragmentaires.

Même là où nous n'en voyons pas bien le jeu, nous devons tenir compte de la puissance d'innovation du système morphologique des alternances. C'est par là que s'explique en russe la substitution de *puskāt* à v. r. *puščati* dans un imperfectif dérivé ; c'est par là, et non par la phonétique, que doit s'expliquer le groupe *zd* dans la forme *čuzd(i)* du macédonien moderne, qui figure à côté d'autres formes : *zaek*, *b'orgo*, *iz-legvam*, à consonantisme remanié.

Диалектологическое значение македонской топонимии

Одной из областей славистики, менее всего разработанных, является топонимия. Необходимо прежде всего полное собрание топографических названий по разным районам славянских поселений. Списки населенных мест по славянским областям имеются. Обычно это—голые перечни названий сёл и городов. Но такими перечнями совсем невозможно удовлетвориться. Для необходимого всестороннего анализа топонимии той или иной местности требуется не только указатель поселений, но и отдельных частей села и всех мелких пунктов в его районе — полей, холмов, гор, пастбищ, лугов, долин, лесов, урочищ, дорог и проч. Из названий этих частей и пунктов нередко можно извлечь весьма ценные указания, — более ценные, чем из названий многих сёл.

Обязательно следует каждое топографическое название снабдить пояснением, касающимся того предмета, к которому относится название: положение и вид села, его население, вид холма, его особенности и др. Только при таких справках можно легче избежать неверных объяснений исторических и лингвистических. Так, в славянской исторической географии при изучении колонизационного движения славян нередко пользуются топографическими названиями: одинаковость названий, наприм., в Новгородском крае с некоторыми названиями в том или ином районе Поволжья служит часто основанием для такого утверждения: это сходство указывает, что колонизационное движение в Поволжье шло из Новгородской области. Но предварительно не дано ответа на неизбежный вопрос: разве те или иные названия в Поволжье, похожие на названия в Новгородских местностях, не могут быть даны тут, в Поволжье, независимо от названий в прежних местах жительства русских славян, — даны в связи с местными обстоятельствами? Только после обследования местных обстоятельств можно будет с большим основанием утверждать или отрицать, занесены ли те или иные названия из других областей поселения.

В лингвистических объяснениях топографических имен также часто не считаются с разными реальными сторонами названного пункта, — ограничиваются нередко только анализом звукового вида данного имени. Так, в Албании имеется такое топографическое название славянского происхождения: *Goritsë*. Это название относится к небольшим гористым местностям и к пунктам поселений в таких местностях. Такого

же происхождения и название города *Корча* в южной Албании. Топографические справки см. в моей книге о славянском населении в Албании. Нет основания полагать, что албанское название *Goritsë* заменяет собою более раннее славянское *gorъnica* — „дикое грушевое дерево“: этому объяснению противоречит рельефное значение албанских *Гориц* и звуковой вид их: албанское имя, передающее собою славянское слово *gorъnica*, представляет г из *rn*: *goritsë*, в топографическом же названии *Goritsë* нет г.

Кроме реального описания того или иного топографического пункта, требуется располагать справками историческими. Давно ощущается потребность в полных справочниках по топографическим именам, упомянутым в исторических документах. И в этих справочниках необходимо представить не только одни названия, но и всё, что относится к ним. Топографические названия и относящиеся к ним указания, извлекаемые из исторических документов, могут представить существенные данные для определения реального значения этих названий, для их этимологии.

Несколько примеров. В грамоте Стефана Душана Призренскому Архангельскому монастырю дважды упомянуто топографическое название *Каль*: это пункты, находившиеся в Скадрском районе. При одном из этих названий есть определение *Драчевый: Драчевъ Каль*, — т. е. — *Каль* среди *драчевицы* (*Paliurus aculeatus*). *Драчевица* — не болотное растение. Она произрастает по холмам и по скатам гор. На такое положение *Драчеваго Каля* указывает и текст памятника: „прѣзь Соушицоу право на полю, на намоу и на вели доубь. и ѿ тоудоу прѣко оуз гороу на Драчевъ Каль“¹. Итак, пункт, названный именем *Каль*, находился на возвышенном месте, позади дуба, в лесистой местности. *Каль* — это передача романского *callis* — „горная лесная тропинка“ (но не слав. *каль* — „грязь“). Того же происхождения и название нынешнего села к северу от Скадра — *Калец*.

В северной Македонии, в районе Криво-Речной Паланки, есть село *Радибуш*. Справка с историческими документами прольет свет на звуковой вид этого названия в более раннее время и на его этимологическое значение. Именно, в грамоте Стефана Душана Хиландарскому монастырю (1358 г.) это село названо так: *Радибоужда*: „и Радибоуждоу Горню съ обръшиемь и съ планиномь“².

В той же грамоте показано село *Гльбочица*, находившееся восточнее села Радибужды. Это нынешнее село *Дльбочица*, недалеко от Криво-Р. Паланки. Как показывает передача названия этого села в XIV-м в. (*Гльбочица*), в его основе лежит корень *гльб*.

В отношении Македонии мы располагаем такого же значения материалом, как и по отношению к другим славянским областям. Это

¹ Гласник Учен. друш. XV, стр. 288; Селищев, Слав. население в Албании, стр. 220.

² Новаковић, Законски споменици, 435.

списки названий сел и городов. Только из отдельных статей и больших описательных работ о Македонии — работ этнографических и географических, можно извлечь и ряд дополнительных указаний. Весьма ценной в этом отношении является работа В. С. Радовановича о Тиквеше и Райце¹: именно в ней дан перечень не только сёл, но и мелких пунктов в районе каждого села и указаны природные условия и положение этих пунктов. Много мелких пунктов отмечено также в работе Т. Смелянича о Малой и Горной Реках².

При изучении этнических отношений в Македонии и истории языка ее славянского населения данные топонимии в особенности ценны при той сложности процессов, которые переживала эта страна. Мы остановимся на некоторых пунктах исторической диалектологии Македонии. Уже те немногие топонимические данные, которыми мы можем располагать теперь, оказывают существенную помощь при выяснении языковых процессов, пережитых славянским населением Македонии: показания этих данных подтверждаются справками с состоянием македонских говоров в настоящее время, справками с памятниками среднеболгарской письменности в Македонии, справками с историей и бытом населения этого края и соседних с ней областей.

Славянские топографические названия в Македонии илут из давна: исторические документы свидетельствуют об этом. Сопоставляя передачу топографических названий в памятниках письменности с звуковым видом таких имен в настоящее время, приходим к неизбежному выводу: славянская языковая среда, давшая эти названия, была одна и та же в IX-XIX веках: языковые черты названий, как они представлены в позднейшее время, или те же, что и в названиях, находящихся в исторических документах (*щ, жд* вместо **tj, *kl, *dj; o, e* вместо *ъ, ь* и др.) или появились в результате дальнейшего изменения, пережитого говорами Македонии (*Сьльне* в районе Скопья — по грамоте Милутина, — *Солне* — *Соўне* — въ позднейшее время; *Гльбочица* — по грамоте 1358 г. в районе Криво-Р. Паланки, — *Дльбочица* — в позднейшее время и др.).

Различие в звуковом виде названий современных и исторических (в передаче исторических документов) бывает вызвано не только результатами процессов, пережитых в системе македонских говоров, но и таким обстоятельством.

В документе, писанном сербом, македонское топографическое название передается с подстановкой сербских языковых черт. Эти черты отражаются и на корне и на суффиксе, если ясно было для писца значение того и другого. Напр.: *одь Доубницоу* (сравни. *доуб-* вм. *дъб- < джб-*), суф. *-ъць* (*Калогерьць, Трѣскавьць*) — в гра-

¹ Тиквеш и Райц (Населья и порекло становништва, књ. 17). Београд 1924.

² Мијаци, Горна Река и Мавровско поље (Населья и порекло станов., књ. 20). Београд 1925.

мотах Стефана Душана Трескавецкому монастырю недалеко от Прилепа¹. Но в тех названиях и формах, этимологическая и морфологическая связь которых со словами и формами обыденной речи писавшего была не ясна, подстановки сербских элементов не было. Напр.: *на Песимь Брьде, близь Роусець* — в тех же документах.

Таким образом, подобное отличие в письменной передаче топографического названия не относится к македонской диалектологии.

В Македонии в период сербской власти тут, в конце XIII-го—в XIV-м в., утверждаются различные сербские элементы в общественно-политической, культурной и бытовой жизни: в области административных и культурно-бытовых отношений проявляются эти элементы. Они исходят от сербской администрации, от сербских властелей, получивших владения в Македонии, от сербских церковных и книжных людей, появившихся в македонских городах и монастырях. Сербские правители водворяли в некоторых пунктах Македонии и сербских поселенцев. При таких обстоятельствах в македонско-болгарском населении, преимущественно в городах и монастырях, распространяются слова сербского языка, как языка господствующей среды. Из города и из монастырей отдельные слова с сербскими чертами проникают и в македонские села. Памятники македонской письменности со 2-ой половины XIV века списываются с оригиналов, принесенных из областей сербских. Тип языка сербской письменности усваивается македонскими книжниками вообще для письменного обихода. Языковые македонизмы-болгаризмы, проникшие в текст македонских списков, свидетельствуют о том, что в бытовом обиходе языком писателей македонских рукописей был не сербский язык, а язык типа болгарского². В особенности значительны болгаризмы в записях памятников и в приписках к ним³. Связи церковных людей с сербскими областями были весьма значительны и позднее, в XVI-м веке, когда сербские епархии были подчинены Охридскому диоцезу⁴, и в период со 2-ой половины XVI-го в. — до 2-ой половины XVIII-го, — в период зависимости северной части Македонии от Печьской патриархии (1557—1766 гг.).

В конце XVII-го в. и в XVIII-м, в связи с значительным понижением грамотности среди церковных лиц в Македонии и в соседних краях, сербизмы в писаниях македонцев представлены в слабой степени.

¹ Новаковић, Закон. споменици, 664-671.

² П. А. Лавровъ, Палеографическое обозрѣніе кирилловскаго письма. Птгр. 1915, стр. 46, 47, 111, 178, 305-306; П. А. Сырку, Очерки изъ истории литературных сношеній болгаръ и сербовъ въ XIV-XVIII вѣкахъ (Сборн. Отд. рус. яз. и слов. Ак. наукъ, т. LXXI, стр. 02-03, LXXVI-LXXVII, CXC, CXCI-CCXLVIII).

³ См., напр., приписки в апостоле собрания Верковича (П. А. Лавровъ, Апостоль изъ собр. Верковича. Изборникъ Кіевскій, посвященный Т. Д. Флоринскому. Кіевъ 1904, стр. 65 и след.).

⁴ Об этих областях см. в книге проф. И. Снѣгарова, История на Охридската архиепископия-патриаршия. София 1932, стр. 158-159.

Торговые сношения македонских купцов с сербскими, находившимися в новое время в более благоприятных условиях по сравнению с македонцами, также способствовали проникновению некоторых сербских черт в речь торговых людей Македонии.

При таких обстоятельствах в Македонии ряд слов традиционного болгарского языка заменялся словами с чертами сербского языка. Некоторые языковые черты сербских слов отвлечены как черты звуковой системы и подставлены вместо соответствующих черт в своих болгарских словах. Таково происхождение *к'-г'*: от заимствованных сербских слов с *h-h̄* (*кућа, веће, ћу, ћерка, међу...*) отвлечена эта звуковая черта, — отвлечена с отклонением в образовании (в македонских *к'-г'* нет фрикации), — и приобрела актуальное значение: с этими *к'-г'* македонцы стали произносить и некоторые незаимствованные слова. Показателен состав слов с *к'-г'* (в соответствии местным с *шч-шт-жд*): этот состав в говорах западной Македонии ясно обнаруживает не традиционность, а заимствованность этих слов в македонских говорах. Среди слов с *к'-г'* наиболее широко распространены в Македонии такие: *кук'а, к'ерка, век'е, к'у, к'е* (в передаче будущего времени: *к'е умри*). По говорам в Македонии *к'е, век'е, к'ерка* восприняты были с твердым *к*: *ке, веке, керка*. Как видно, среди этих слов имеются наречные слова (*век'е, мег'у*), — слова, которые чаще всего проникают из одного языка в другой при условиях культурно-общественных взаимоотношений¹. Обращаем внимание на распространение наречия *век'е*: оно находится далеко за пределами Македонии, — в Родопах и на сев.-востоке Болгарии². Также широко распространилась и манера пользоваться при передаче будущего времени сочетанием с *к'е* (*к'е носи...*). Так передается будущее время не только в Македонии и юго-западной Болгарии, но и в области восточных Родоп и по говорам сев.-восточной Болгарии³. Часто пользуются заимствованными словами или иноязычными элементами также для названия членов семьи, для дома. Это мы видим и в Македонии. Слово *кук'а* также зашло далеко на восток Болгарии⁴.

На заимствованность слова *кук'а* указывает и гласный в корне *у* вм. *ж*. На юго-востоке Македонии до сих пор сохраняется традиционное название для дома: *кѡшча — кѡшта*.

Процесс вытеснения сочетаний с *шч* (*шт*) — *ждж* (*жд*) посредством сочетаний с *к'-г'* был длителен и до сих пор не везде в Македонии закончился. Он идет с севера на юг. На юго-востоке и на юго-западе до сих пор находятся только отдельные слова с *к'-г'*. На западе в Дебрском крае представлены в значительном количестве слова с *к'-г'*, но состав их не одинаков по разным селам. Этот разнобой также свидетельствует, что *к'-г'* не представляют собой здесь фонети-

¹ Селищев, Славянское население в Албании, стр. 196-197.

² L. Miletič, Das Ostbulgarische, стр. 96 и записи.

³ L. Miletič, там же, стр. 211, 138.

⁴ См. указание Б. Цонева в Сб. за народ. умотв., XX, стр. 77.

ческих продолжателей **tj*(**kt'*)-**dj*, а являются элементами пришлыми, усвоенными под влиянием иной речи или иных диалектов. Отдельные говоры усваивали палатальные *к'-г'* независимо один от другого. Поэтому могло и не быть вполне тождественных результатов, хотя разумеется, в ряде случаев бывали совпадения.¹

Такого же происхождения был процесс вытеснения слов с традиционным сочетанием *чер-* (вместо *чр-*) и *черѣ-* (вм. *чрѣ-*): *черна*, *черѣн[ъ]*... Эти традиционные сочетания заменились новыми с *цр-*: *црна* (*църна*), *црп*... Манера произносить слова с *цр-* проявилась раньше всего в среде македонских книжных людей. Об этом свидетельствует дьяк Добре, Радов сын, переписавший трефологий в Поречском селе Калугерец „въ дѣны блговѣрнаго краля марѣка“ (Трефологий Хлудовского собр., № 164). Въ записи этого лица находится „црвие“. Сочетания с *цр-* усваивались и в среде простого населения Македонии. Но было много отдельных лиц и целых групп, которые сохраняли в своей речи прежние традиционные сочетания с *чер-*: *черна*. Сочетания *цр-цър* с меньшей интенсивностью и с большим запозданием входили в речь населения и в юго-западной Македонии, — в Охридско-Костурской области. На юго-западе Костурского края так и не вошли в обиход эти сочетания. Не отразился совсем этот процесс и у славян Албании. Все это указывает на позднее появление сочетаний с *цър-* в речи македонского населения.²

В немногих случаях черты сербского языка отражаются и на топонимии Македонии. Так, названия с *Чер-*(*Черна*...) заменились в течение времени сочетаниями с *цър-*: *Църна* (река; но в некоторых местностях сохраняется и прежнее традиционное название: *Черна*), *Цървена Вода* (в Охридском крае), *Църничани* (в Прилепском крае) и др. То же воздействие отразилось и на традиционных сочетаниях с *Чере-* (*Черешев*...): они вытесняются сочетаниями с *Цре-* (*Црешово*, в Скопском крае). Но вытеснение таких сочетаний в топонимии представлено в немногих пунктах на северо-западе. (О сохранении топографических названий с *Чер-*, *Чере-* см. ниже).

Другие явления сербского языка, — явления в отношении звукового вида и формы слова, — не отражаются на македонской топонимии. Только в тех случаях, когда пункт определялся именем владельца серба, — именем, представлявшим в звуковом отношении сербский элемент, остался след пребывания серба тут. Так, в Горнем Пологе, где в обиходной речи заменителем гласного *ж* является *ѣ* (*рѣка*, *пѣт*...), есть село *Зубовце*. Несомненно, как показывает суффикс этого имени, оно имело отношение к лицу, называвшемуся „Зубом“ (Зуб). Это было знатное лицо из сербской среды, — лицо, получившее владения в Горнем Пологе когда-то в XIV-м веке. Личное имя и прозвище „Зуб“ среди

¹ Селищев, Очерки по македонской диалект. стр. 130.

² Подробнее об этом явлении говорится в моей работе о македонских кодичах XVI-XVIII вв.

сербов, сербских властелей, было распространено в то время. Так, в конце XIV-го в. в областях Стефана Лазаревича имел владения некий Зуб. Вместе с Раденком Шишатов он получил от княгини Милицы (монахини Евгении) землю, которую раньше владела Афонская лавра св. Афанасия: — азь... благовѣрна госпогя кнегиня квра Евгения монахи... опеть приложихъ великои цркви лаврьской землю коудѣ соу оумегили Шишать и Зоубъ съ моимъ посланіемъ“ . . .¹. Такое имя носили и некоторые из знатных и богатых сербов, оказавшихся в Македонии. Так, в Струмицком крае одним из авторитетных лиц был Борис Влчозуб (Вльчозоубъ), по указанию логофета определявший межи спорного участка земли². По имени Зуба, имевшего владения в той или иной Македонской местности, получили в XIV веке названия некоторые пункты в этом владении. Так, в Струмицком крае было село *Зубово* или *Зубовце*: „село Мокране, и селиште Црквишта и селиште Макриѣво, и село Борисово, и село Зоубово“ . . . (в грамоте ок. 1378 г.); „село Зоубовце съ синоромъ . . . ; село Борисово съ синоромъ“ . . . (в грамоте 1377 г.)³. Сравн. суффиксы *-ово* и *-овце*, указывающие на отношении называемого пункта к „Зубу“, как „Борисово“ к „Борису“. Где-то на востоке Македонии находился пункт, называвшийся „*Зубово Крушье*“ (грамота ок. 1332 г.). Заметим, что о сербах, водворившихся в Струмицком крае, свидетельствуют и другие данные. Так, „въ жоупѣ Струумьсѣѣ село Градецъ . . . Михайль Лимлянинъ“. Это был богатый человек. Члены его семьи и владения упоминаются несколько раз в документе. В том же крае, в селе Каменица жил „Никола попь сръбинъ“.⁴

Один из сербских властелей по имени и по прозвищу „Зуб“ имел владения в Г. Пологе, — там, где образовался населенный пункт, получивший название *Зубовце*.

Таково значение немногих сербских элементов в топонимии Македонии.

Новые языковые черты, как результаты процессов, пережитых в системе македонских городов, отражаются и на топонимии, но отражаются не совсем последовательно: топономические слова иногда остаются изолированными от слов обиходной речи и представляют собою более ранний звуковой вид, — вид без тех изменений, которые отразились на словах обыденной речи. Например:

1) Топографические названия с *чер-*, а не с *цр-* (*цзр-*), находятся не только на юго-западе Костурского края, где в обиходной речи удержалось сочетание *чер-* (*черна, череп* . . .), но и на севере этого края (*Черновишта*), а также на западе и в центре Македонии: *Черти-камен* — острый обрывистый берег у Преспы, недалеко от Стеньского хана,

¹ Новаковић, Закон. споменѣци, 496-497.

² Новаковић, там же, стр. 437.

³ Новаковић, там же, стр. 513, 511.

⁴ Ф. И. Успенскій, Матеріалы для исторіи землевладѣнія въ XIV вѣкѣ. Одесса 1883, стр. 9, 14, 17; Споменик, III, стр. 40, 41.

Чернец — местность в районе Тиквешского села Бегниште; река *Църна* называется в некоторых Битольско-Прилепских местностях сочетанием с *Чер*: *Черна*. Названия с *Чер* были раньше и на севере Македонии. Так, один из памятников XIV века, памятник монастыря Матка у нижней Трески (Софийская Нар. Б-ка, № 294-141), отметил село *Черешнево*, — нынешнее *Црешово*, на границе со Скопской Черной Горой.

2) В Прилепском крае издавна существует село *Кривогащани*. С *щ* (*шт*) название этого села засвидетельствовано и в документе XIV в., — в грамоте Стефана Душана монастырю Трескавец: „стась въ Кривогащанехъ“¹. Но в обыденной речи теперь нет слова „гашти“, ни „гаштани“: говорят „гак’и“. С болгарским *шт* в „Кривогащани“ сравн. сербское *ћ* в названиях сел *Гаћице* в Травницкой области, *Гаћиште* в Осецкой области.

Топонимия один из источников для истории славянских говоров Македонии. В этом источнике отражаются прошлое и современное состояния македонских говоров: он свидетельствует о многих значительных процессах не только фонетических, но и морфологических. Это — процессы, пережитые в разные периоды предками современного славянского населения Македонии. Данные топонимии служат в некоторых пунктах весьма существенным дополнением к современным материалам по диалектологии Македонии. Отметим вкратце несколько языковых черт по показаниям топонимии.

1) **tj* (**kt’*)-**dj*. Топонимия Македонии в отношении замен **tj*-**dj* представляет сочетания с *щ* (*шт*)-*жд*. Имена с *щ* (*шт*)-*жд* засвидетельствованы и памятниками письменности и современными названиями. Процесс проникновения в речь македонского населения сочетаний с *к’-г’* не отразился на македонской топонимии. В двух местах, на северо-западе, в Скопском крае, и на юго-западе, в Битольском крае, есть 2 села, носящие название *Злокук’ани*. Если ограничиться внешнезвучковой стороной этого названия, то можно бы усмотреть во 2-рой части имя *кук’а* (**kqtja*). Мы не можем удовлетвориться таким внешне-формальным объяснением: семантическая сторона указанного названия побуждает отрицать предложенное объяснение: нет смысла в таком названии, как в топонимическом термине. С этим названием следует сопоставить названия сёл с корнем *куч*: *Злокучене* сёла в Преславской, Плевенской, Татарпазардж. околиях, *Кучково* село в Скопском крае, *Кучковени* — в Леринском крае (—это село упоминается и в грамоте Стефана Душана Трескавецкому монастырю: „съ Кучковѣне селиште“, „село двои Коучкаранѣ“ — в восточной Македонии (в грамоте Стефана Душана Хиландарскому м-рю, 1348 г.)². Полагаем несомненным, что корень в этих именах *куч*- имеет то же значение, что и *кук*- в *Злокук’ане*. Это значение вероятно такое же, что и в именах *куча*

¹ Новаковић, Закон. споменици, 666.

² Новаковић, Закон. споменици, 666, 442.

(„Haufen“) или *кука* („Hаске, Krücke“). Сравн. тот же корень (с изменением согласного) в *чук-а* (болгар. *чука* — „горная вершина, возвышенность“). С именем *Чука* известны в Болгарии, Македонии, в южной Албании и топографические пункты — горы¹.

Отметим несколько примеров с *шт* (*шч*)-*жд* (*ждж*, *ж*) по разным краям Македонии.

Костур: *Желегош* < *Желегождж[е]*, *Радигоже* < *Радигождже*, *Мислегож* < *Мислегождже*.

Нижняя Преспа (Долна Преспа): *Граждено*.

Охрид: *Радожда* < *Радохожда*, *Збъжде*, *Деложджа*, *Мислодежда*, *Радобужда* в грамоте Ст. Душана 1342-1345 г.²

Дебр: *Граждане*, *Радовеща*.

Кичево: *Бърждани*.

Битоля: *Драгош*. Въ записи Слепченского помянника (собр. Григоровича в Одессе, № 40) это село передано в более ясном для этимологии виде: *Драгошь*. -щ- здесь вм. **tj*: название образовано от личного имени *Драгота* — образовано посредством суффикса possessивного значения -*гъ-*. Сравн. названия сёл, образованные с иными суффиксами possessивного значения -*ин-*: *Драготин*, *Драготина*, *Драготинци* — села в болгарских и сребских краях. К *tj* восходит *щ* в названии *Маловища* (*Маловище*), сравн. у чехов *Malovice*.

Прилеп: *Кривогащани*, *Радуца* (река), *Пещерица*, *Пещани*. *Саждово*; „въ селѣ Обиждѣнхъ“ (в Прилепском крае или в соседних с ним местностях; грамота Стефана Душана Трескавцу, ок. 1337 г.). Сравн. название пункта *Обида*, упомянутого в грамоте Ив. Црноевича монастырю св. Николая Вранинского, 1469 г.³

Гостиражени. В записи Трескавецкого кодика (Ленинград. Публ. Б-ка, собр. Гильфердинга, IV, № 561) название этого села передано так: *Гостирѣжда*.

Тиквеш: *Рожден*, *Пештери* (местность у реки в районе села Сирково), *Пештера* (у сел Боянчиште и Мързен-Ораовец; было некогда село в районе нынешнего села Брушани), *Пештерица* (за селом Кочилар), *Пештерница*, *Лештевски Дол* (поле у села Г. Драчевница), *Пърждево* (сравн. название села „*Пърдейци*“ в Гевгелийском крае).

Полог: *Пеш[т]* (*Зад-Пеш* — один из пунктов села Леунова на Мавровом Поле); *Добротте* — в Дольнем Пологе, к северу от Тетова. На то, что *шт* в этом названии (*Добротте*) заменило собою *tj*, указывают топографические названия *Доброти*, *Добротин* в других краях (в Битольском, Ужицком, Зетском), *Dobrotuy* — на востоке Великопольши.

¹ О славянском корне *kuk-* и соответствиях ему см. R. Trautmann, Baltisch-slavisches Wörterbuch, 121-122.

² Новаковић, Закон. споменици, 672.

³ Новаковић, Закон. споменици, 669, 584.

Скопье: *Пештерица* местность в районе села Матка. *Побжжда* вм. *Побожжда* в Скопской Черной Горе (в грамоте Константина Тиха Асеня м-рю св. Георгия Горга, 1258-1277). Позднее название этого села передается так: *Побвждиѣ* („потъщаниемь села Побвждиѣ“, запись 1501 года). Это — нынешнее село *Побужье*: *Побуждје* > *Побужје*. В говорах Македонии *ждје* > *жеје*, как *зде* > *зје*, *сте* > *сје*: *грозје*, *лисје*. *жд* в этом имени заменило собою* *dj*; сравн. сербское *Побуђе* в Сребреницком срезе, польские сѣла с названием *Widzów* в Новорадомском, Мысленицком и Олесиньском поветах¹.

Полагаем, заменителем **tj* было *шт* и в таких названиях Скопских сѣл, упомянутых в грамоте Уроша II Милутина м-рю св. Георгия Горга (ок. 1300 г.): *Смрьдештець* (на Прѣгари подь Смрьдештцемь“), *Хващи* („въ Хваштихь“).

Кратово: „Село Дрѣвѣно съ заселкомь *Пештнъмь*“; „подь *Пештное*“ (в грамоте Ст. Душана 1347-1350)².

Криво-Речна Паланка: *Бащево*, *Радибуш* < *Радибужда* („Радибуждоу Горню“ в грамоте Ст. Душана 1358 г.)“.

Кочане: *Драгобраца*. Сравн. *Драгобраћа* в Гружанском срезе Шумадийской области.

Радовиш < *Радовишт* < *Радовиште*. В 1361 г. логофет Гюрг по поручению Ст. Душана написал грамоту „оу Радовиштихь“³.

Пункты поселний с таким названием находятся и на крайнем юге Македонии: *Радовище* в Гребенском районе, *Радовица* в Анаселицком и Кожанском районах. Сравн. села в сербских областях: *Радовић* в Бокаторском срезе, *Радовићи* в Фочанском срезе Сараевской области, поселок *Радовића Поље* в Шавницком срезе Зетской области. Сравн. сербское *ћ* — болгарское *шт*.

В восточно-македонском районе Радовишта имеется село *Врацица*. Сравн. название села „*Вракевштица*“ (с *к*—*ћ*) в грамоте деспота Г. Бранковича 1456 г., нын. *Враћевштица* в Шумадийской области.

Петрич: *Ръждѣк*.

Горы *Огражден* на востоке Македонии. С *жд* название этой планины передано и в грамотах Стефана Дечанского и Ст. Душана: „планина Ограждено“, „планина Ограждень“⁴.

Названия с *шт-жд* идут и далее на восток, в пределы западной и восточной Болгарии. — *Ръждѣвица* — село у Струмы в Кюстендильской околии. *Ръждавичьски Дроум* („до Ръждавичьского дроума“⁵ в районе этого села отмечен в грамоте Стефана Дечанского монастырю св. Николая в Орехове). *Сѣжденик*, *Грамаждано* — сѣла в Кюстендиль-

¹ Селищев, Говоры области Скопья (Макед. прегледь, VII, кн. I, стр. 45-46).

² Новаковић, Закон. споменици, 677-678.

³ Новаковић, том же, 437.

⁴ Новаковић, Закон. споменици, 401, 403.

⁵ Новаковић, там же, 644.

ской околии. *Пештера* — село в околии Радомир. *Ръждавец* — колибы в районе села Липница в околии Орхание и др.

Македония не представляла собою крайней области на западе, славянское население которой имело некогда в своей речи сочетания с *шч* (*шч*)-*ждж*(*жд*) вместо *tj*(**kt'*)-**dj*. Население, в языке которого были такие сочетания, находилось также дальше на юге, на западе и северо-западе, — в Фессалии, Эпире, Пелопонесе, в бассейнах Воюсы, Девола, верхнего Шкумби, в Призренском крае. Славянская топонимия Фессалии, Эпира, Пелопонеса, южной и средней Албании и Призренского края, славянские заимствованные слова в новогреческом и албанском языках свидетельствуют об этом. Нет ни одного топографического названия в Греции и Албании (в южной и средней), которое представляло бы *к'-г'* вместо **tj***dj*. Недоразумением было считать албанские имена *Kriökuk'i*, *Chundokuk'i*, *Kuk'a* славянскими, как подробно это разъяснено в моих очерках о славянском населении в Албании (стр. 281—284). Обстоятельства общественного, этнического и экономического содержания вызвали грецизацию славян в Греции и албанизацию в Албании. Много славянских семей ушло из Албании в Македонию. (О процессе албанизации см. в I и II главах моих очерков о славянском населении в Албании).

В Призренском крае в раннее время славянское население принадлежало к тем же группам, как и македонское, — к болгарским. Языковые черты славянской топонимии этого края являются чертами болгарскими. Болгаризмы представлены и в языке современного населения Призренского края. В течение времени направлялось сюда колонизационное движение с северо-запада, — движение славян сербской группы. В результате этого движения и господствующего значения сербского элемента в XIII—XIV вв. и позднее, при поддержке и воздействии сербской власти в XIII—XIV вв. и представителей церкви в то же время и позднее, в язык древнего болгарского населения Призренского края проникли сербские элементы. Это проникновение слабо отразилось в среде скотоводческого населения Призренской Горы: по своим чертам речь этого населения принадлежит к македонской группе¹. Значительное сербское воздействие отозвалось на населении Средской и Сириницкой (Сиринич) жуп Призренского края. Язык населения этих жуп представляет собой черты двух языковых групп: южно-сербской и македоно-болгарской. Замечания о языке этого населения см. в моей книге о Пологе, стр. 410-416. Болгаризмы в языке населения Призренского края иногда объясняют тем, что мужчины уходят на заработки в Болгарию и там усваивают некоторые особенности болгарского языка². Но это объяснение разных языковых элементов в говорах Средско-Сириницких сёл несостоятельно: в

¹ О языке ее см. в моих очерках о Пологе, стр. 407-410. На стр. 410 вкралась опечатка — напечатано: „даш“, надо: „дош“ (7-я строка сверху).

² J. Цвијић, Основе за географију и геологију Македоније и Ст. Србије, III, стр. 1103, 1106.

этих говорах находятся черты не только общеполгарские, но и типичные македонские; в Македонию же средчане не ходили на заработки.

Население Призренского края представляет болгаризмы не только в своем языке, но и в материальной культуре, — в постройке домов, в обработке полей, в своем костюме.¹

Отметим несколько топографических названий из Призренского края. Названия с *шт-жд* засвидетельствованы и современной топонимией и сербскими документами XIV в. (см. грамоту Ст. Душана Архангельскому м-рю у Призрена. Гласник Уч. друштва XV; Новаковић, Законски споменици, 682-705).

Небрегоште, Добрушта, Сеножештани (в грамоте), *Гражденик, Ображда, Любижда, Селогражде-Чрввоглажде* (в грамоте), *Торажда*. В этих словах *шт-жд* заменили собою *tj-dj* (см. Полог, стр. 329—330).

В топонимии Призренского края есть названия и с другими языковыми чертами болгарской группы. Напр. *о* вместо *ѡ*, *е* вместо *ь*: *Бозовец* или *Бозовци* (упоминается оно и в грамоте: „а мегна ІЕленцоу съ Бозовци“); *Нашец, Тупец* и др.

2) Македонские топографические названия с *чер-* вместо *чр-* перед согласными, *чере-* вместо *чрѣ-*: *Черново* (Петрич), *Чернак* (Лъгадинск), *Червеник* (на западе Дебрского края); *Локочере[v]и* (в Охридском крае), *Черепец* (в Дебрской Малесии), *Черепов[s]ка* (местность у Мало-Реканского села Скудрине), *Черепян* (в Анаселицком районе), *Черешново* (в районе Велеса).

3) *о*, вместо *ѡ*, *ь* в сильном положении.—*Бозец* (вм. *бѡзьць*; Енидже-Вардар), *Бозово* (Гребенский район), *Бозовци* (Полог), *Бозие* (у села Сушица в Малой Реке), *Бозовина* (в районе Скопского села Зелениково), *Бозаик* (в районе Скопского села Г. Водно). — С названиями, образованными от *бѡз->боз*, сравн. название сербское, в хрисовуле Милутина монастырю в Баньске (1313-1318): „*Бѡзовикъ*“², нын. *Бзовик* в Студеницком срезе Рашской области.

Добърце (производное от *дѡбр-ь*; Полог).

Песок (в районе Тиквешских сел Вешье и Джидимирци), *Песоци* (в районе Скопского села Драчева), *Дренок* (Дебр, было и в районе Штипа: „и прида краљевство ми селишта запоустѣвша отъ вѣна, име селишту: Брѣсть и Соухогрьль и Лѣсковица и Витьче и *Дрѣнокъ*“, грам. Ст. Душана, ок. 1332 г.³; *Лешок* (Полог), *Виток Рид* (в районе Скопского села Булачане).

Дебър—*Дебор* (вм. „дѡбр-“), *Дебреще*—*Дебрище* (Прилепский край, Тиквеш), *Дебърца* (в Охридской области), *Дебрец* (Кайлар); *Песја Го-*

¹ А. Haberlandt, Kulturwissenschaftliche Beiträge zur Volkskunde von Montenegro, Albanien und Serbien. Wien 1917, стр. 157.

² Споменик, IV, стр. 4.

³ Новаковић, Закон. споменици, стр. 403.

рица (у села Янче в Малой Реке), „на *Песимь* Брьдъ“ (у Прилепа; грамота Ст. Душана Трескавцу, ок. 1337 г.), *Ленишче* — *Лениште* (производное от *льн-*, у Мало-Реканских сёл Янче и Г. Мелничане, у Горно-Рекан. села Върбен, в районе Скопских сёл Морани и Студеничани; срав. *Лъниште* в районе Скопско-Черногорского села Булачане).

Праведник (Тиквеш), *Орел* (Кратово, в районе Тиквеш. села Чемерско), *Котелци* (Хрупища). *Вител* (в районе Скопского села Зелениково, у Мало-Рекан. села Галичник), *Ресен* < *Ръсьнь Станкова Ра[в]ен* (у Мало-Рекан. села Сушица), *Петрова Ра[в]ен* (у Мало-Рекан. села Д. Мелничане), весьма многочисленные названия с суффиксом *-ец* (они в изобилии находятся в районе каждого села во всех краях Македонии, и на юге, и на западе, и на севере — в Пологе, Скопье, Криво-Речной Паланке, в Кочане): *Бродец*, *Градец*, *Лисец*, *Родец*, *Бозовец* (Полог), *Гърчец*, *Дудовец*, *Топанец*, *Матановец*, *Липо[в]ец*, *Ждано[в]ец* и др. (в Скопском крае), *Блатец*, *Буковец*, *Липец* и др. (Кочане) и многие другие.

4) *ъ* вместо *ж*: *ъ* позднее изменилось: 1) в *а* (в центральной, северо-западной и восточной Македонии), 2) в *о* (в Дебрском крае, к северу от Струги, на юго-западе Преспанского и Костурского краев, в соседних районах Албании), 3) в *о^а* (открытое, слабо-лабиализированное *о*) по говорам Нижней Преспы, 4) в *а* к западу от Охридского озера (Радожда, Вэфчани и др).

Чеши-Гъс („гжъ“; Енидже-Вардар), *Лъжичари* (Енидже-Вардарь).

1) *Лажани* (Прилеп), *Дуй-Гас* („гжъ“; Мариово), *Дабница* (Тиквеш, Прилеп), *Дан*, *Дабец* („джб-“; Тиквеш), *Данче*, *Кай-два даба*, *Кай-многу дабѣа* (в районе разных Скопских сёл), *Забот* („зжб-“; гора в районе Тиквешского села Драдња), *Заголи-Гас* („гжъ-“ местность в районе Тиквешского села Криволак), *Падарница* (местность в районе сёл Усье в Скопском крае и Вариша в Райце), *Лагово* (поле у Тиквешского села Стърмашево), *Галабово Лойзе* (поле у Тиквеш. села Бесвица), *Нат-нат Мало* (т. е. Махала у пути, у дороги, „-пжть“, — в Тиквеш. селе Мързен-Ораховец), *Воденички Пат* (в районе Скоп. села Д. Солне), *Капиново* (Велес), *Капина* (в районе Скоп. села Зелениково), *Глабоки Дол* или *Длабоки Дол* (Кичево) и др.

2) *Добовяни* (к сев-зап. от Струги, по левую сторону Дрина), *Ложани*, *Гобавци* (по другую сторону Дрина), *Локачере[в]и* (к сев-востоку от Струги за Долинской речкой), *Дърварски Пот*, *Средни Пот* (в районе Мало-Реканского села Долно Мелничани), *Камен Зоп* („зжбъ“, в районе Мало-Реканского села Скудрине), *Добѣе* (в районе Мало-Рек. села Ростуше), *Хаджиева Лока* (у Мало-Рек. села Скудрине), *Лок* (у М.-Рек. сёл Требиште и Ростуше), *Глобок Дол* (у Галичника, М.-Река).

Судьба носовых гласных на крайнем юге (в Костурском крае) и на юго-востоке (в Солунском крае) была в ряде сочетаний такова: вместо *ж*, *л* перед затворным согласным стали произноситься сочетания гласного с носовым согласным *н*, *м* (*м* перед губными съгласными): *пънт*, *зъмп*, *чендо*.

Такой же результат изменения ж, л отражается и в топонимии: *Дъмбени* (Костурский край), *Гломбочани* (на юго-западе Преспанского края), *Мако[в]а Лънка* (в районе Солунского села Зарово), *Ерембица* (в районе Солунского села Сухо).

Интересное указание представляет название села *Пътеле* в районе Рудника (Леринский край). Это название восходит к имени „Пантелеймон“ (*Παντελεήμων*). Оно связано с церковью этого села, с церковью во имя св. Пантелеймона. До сих пор накануне дня этого святого колют там общественный курбан¹. Итак, сочетание *ан* перед согласными в новом заимствованном слове пережило ту же судьбу в одном из говоров Леринского края, как и в давних традиционных словах с ж: ж > ѓ.

Показания македонской топонимии относительно замен ж совпадают с показанием современных говоров. Но в некоторых местностях есть и расхождения между показаниями этих двух источников. Так, в Охридском крае, к северо-востоку от Струги, находятся села *Ложани*, *Локочере[в]и*. В этих названиях представлен гласный *о* вм. ѓ из ж. Но в обыденной речи тамошнего населения заменой ж является ѓ: *пѓт*. Раньше, в XVI-м веке, и в названиях этих сѓл был гласный ѓ, как свидетельствуют записи в Слепченском помяннике (собр. Григоровича в Одессе, № 40): „сѓло лѓкоче^р охри^а“, „лѓкоче^р“; „се^к лѓжа“^а. Повидимому, когда-то после XVI века в этих пунктах появились поселенцы с запада, в речи которых было *о* вместо ѓ (из ж). По их произношению и утвердились позднейшие названия сѓл, — названия с гласным *о*. В обыденной же своей речи это пришлое население усвоило въ течение времени произношение соседей, — слова с гласным ѓ: *пѓт*, *рѓка*... И в данном случае произошло изолирование топографического названия от изменения, переживавшегося в звуковом виде слов обыденной речи.

Иного значения расхождение наблюдается на севере. Так, обыденная речь в селах Скопского края (кроме сѓл Скопской Черной Горы) представляет гласный *а* вместо ѓ < ж: *пат*, *дап*, *рака*... Имеются слова, преимущественно в городе Скопье, с *у*: *сут*, *мука*, *рука* и др. В топонимии же нет имен с *у* вместо ж. Это, как и другие обстоятельства, бесспорно указывает на то, что слова с *у* введены были в речь населения, прежде всего в городе, а затем в речь отдельных лиц по селам, под влиянием сербским и церковно-книжным².

5) В западной Македонии пережито изменение л между согласными: л > ол (оу) — волк-воук. Тот же результат отражается и на топонимии. *Солне-Соуне* (в Скопском крае), *Долгаец*, *Заполжени*, *Волкоо село* (в Прилепском крае), *Волковия* (в Горной Реке и в Г. Пологе), *Волчани* (подземный ход в Охриде), *Волкодери* (в Ресенском крае).

¹ Новини, I, № 24.

² Селищев, Говоры области Скопья (Макед. Прегледъ, VII, кн. I, стр. 43-44, 67-68).

На востоке Македонии (в Штипе-Малешеве-Пилянце) и в соседней части центральной Македонии (в Велесе, Тиквеше, в северной части Мариова) $л > ѝ$: *жѣта* (вм. *ждта*). Тот же процесс отразился и на топонимии. *Въчек* (поле у Тиквешского села Дрен), *Въчко Камене* (поле у Тиквеш. села Конопиште), *Дъги Дол* (поле у Тиквеш. села Копанец), *Моминска Съза* (проход в Малешевской горе Влахина планина).

б) $сц > хц$ (фц), $сч > хч$ (фч). Такой процесс пережит и в Македонии и в Болгарии². *Ляхце-Ляфци* (Полог, Ресен, Битоля), *Ляхчани-Лафчани* (Кичево), *Русци* („близь Роусець“ в грамоте XIV в.) — нын. *Руфци* (Прилеп).

Из форм.

1) Названия в форме множ. числа, с окончанием *-овци*: *Бардовци* (Скопье), *Гърдановци* (Кочане), *Единаковци* (Битоля), *Ериновци* (Кичево), *Стайковци* (Скопье) и многие другие. Это окончание в обиходной речи свойственно форме множ. числа для имен лиц, чаще всего для группы родственников. Так в Македонии и в Болгарии. Много частей сёл, махал, во всех болгарских краях (в Болгарии и Македонии) носит названия по какой-нибудь фамилии на *-овци*: *Трайковци*, *Димовци*, *Поповци*, *Хаджиовци* и т. д. С таким личным именем на *-овци* (для группы лиц, объединенных родством или происхождением), стали называть и много отдельных пунктов поселений в Македонии и Болгарии.

2) Имена с окончанием на *-и* в форме множ. числа жен. рода, как и в обиходной речи болгарского типа: — *Кошари* (Криво-Речна Паланка), *Пештери*, *Глави[те]*, *Сливи[те]*, *Огради*, *Долни Лаки* (в районах Тиквешских сёл).

3) *-ишта*, — окончание формы множ. числа для некоторых имен муж. рода: *пѣтища*, *гробища*, *долища*... Так в болгарских говорах Македонии и Болгарии. В такой форме представлены бывают иногда и названия мелких пунктов в районе села. Напр. *Долишта* (поле в районе Тиквеш. села Конопиште).

4) Типичным для говоров Македонии образованием является форма множ. числа с окончанием *ин'а* (в ед. число на *е*): *пилин'а* (ед. *пиле*), *телин'а* (*теле*), *кучин'а* (*куче*), *полин'а* (*поле*), *имин'а* (*име*) и др. Формами такого же образования называют в Македонии и членов некоторых фамилий: *Савѣвчин'а* (3 дома в Скопском селе Д. Солне), *Јовѣвчин'а* (2 дома в том же селе). В такой форме бывают названы и пункты в районе села. — *Долчин'а* (Драчево в Скопье), *Борчин'а* (Д. Солне в Скопье), *Дапчин'а* (Ресава в Тиквеше). Три небольших Скопских села *Койнари* называются вместе формой *Койнарин'а*.

Членные формы. В отношении этой морфологическо-синтаксической черты наблюдаем следующее. Членными формами пользуются в названиях незначительных пунктов, — в названиях, близких к аппелятив-

² Подробнее о ней говорится в моей работе о македонских кодичках XVI-XVIII веков.

ным именам. В течении времени некоторые из этих пунктов приобрели большее значение, — стали селами. Прежняя форма их названия за ними сохранилась. Но вероятно членные элементы этой формы в таких случаях утратили свое значение определенного артикля. В отношении этого явления в болгарской топонимии представлено явление, противоположное топонимии албанской: в албанской среде обычной формой для названия топографического пункта служит форма с артиклем (употребляется в определенных условиях и нечленная форма): *Berati, Elbasani, Tomoḡi, Duṣṇiku, Fangu, Farka, Guḡa, Kata*... — В Македонии: *Врежом* (поле у Тиквеш. села Пърждева), *Градом* (пастбище в районе Тиквеш. села Праведник), *Забот* (*зъб*, — гора в районе Тиквеш. села Драдња), *Кърстот* (поле у Тиквеш. сёл Куманичева и Добротино), *Ножот* (горная местность с острыми вершинами, в районе села Никодин в Райце), *Оровот* (поле у Тикеш. села Горна Драчевица), *Скоком* (гора у Тиквеш. села Клисуре), *Золиот Осой* (поле у Тиквеш. села Чемерско), *Главите* (местность у Тиквеш. села Криволак), *Сливите* (местность у Тиквеш. села Копришница).

Голото Село (село в Енидже-Вард.), *Врежом* (село в том же крае); сравн. название одного из полей в районе Тиквешского села Пърждево *Врежом*.

В лексическом отношении славянская топонимия Македонии имеет также общие черты с славянской топонимией Болгарии с одной стороны и Албании — с другой. Таковы названия: *Порой* (*Поройница, Пороиште*), *Извор*, определение *Голем, Голема*.

Итак, северо-западная граница давних поселений славян болгарской группы доходила до нижнего Белого Дрина. Далее к югу пограничная полоса шла по южным отрогам Шар-планины к Быстрице (к правому притоку Черного Дрина). К югу от Быстрицы (Пуштерица), в Дебрском крае, бассейн Черного Дрина был густо заселен славянами. Население той же языковой, болгарской группы находилось в бассейнах верхнего Шкумби, Деволы и Воюсы. О колонизационном движении сюда, направлявшемся из Македонии, см. в моих очерках о славянском населении в Албании, стр. 50—54.

Албанское население в давнее время, в период колонизационного движения славян в бассейне Шкумби, Деволы, Воюсы, находилось преимущественно в бассейнах Ишми, Мати, к югу от соединенного Дрина. На востоке отдельные группы албанского населения близко подходили к нижнему Черному Дрину, в бассейн речки Быстрицы, название которой они передали в виде *Puṣteritsĕ*. См. 2-ю главу моих очерков о слав. населении в Албании и карту, приложенную к этой работе.

Сербское население находилось в бассейне Скадрского озера и в немногих пунктах к северу от соединенного Дрина.¹

Процесс албанизации славян в Албании был весьма длителен, как свидетельствуют лингвистические указания славянской топонимии в

¹ Селищев, Слав. население в Албании, стр. 55 и карта.

Албании и славянских слов в албанском языке, а также и указания исторические. Еще в XVI-XVII вв. в Албании находилось много славянских групп. В конце XIX века славянское население держалось только в немногих пунктах района Корчи. Албанизации подверглось много пунктов поселений и в западной Македонии. В XVIII-XIX вв. много албанцев насильственно водворилось там. Болгарское население или уходило от албанских насилий или оставалось рядом с пришельцами. В ряде смешанных сёл в Дебрском и Положском краях житейские обстоятельства заставили болгар перейти к языку пришельцев, — к албанскому. См. в I-й главе моей работы о славянском населении в Албании и в работе о македонских кодичах XVI-XVIII вв. В Пологе во многих албанско-болгарских селах пользуются в обиходе болгарским и албанским языками. Отдельные албанские слова проникают в болгарскую речь, а болгарские в албанскую. Но широкого распространения в болгарской среде албанские слова не получают. Нет албанских слов, которые вошли бы в общий обиход у болгар, напр., Полога. В славянской фонетике и морфологии Полога албанских следов не обнаруживается. Так, повидимому, обстоит дело и в других местах западной Македонии. Только в говоре окраинных теперь сёл на западе, в Радожде, в Вецчани, отражается, может быть, следующая черта албанской фонетики: образование заместителя гласного *ɛ* вторичного происхождения (вместо *ж*, при плавном *р*). Этот заместитель представляет собою гласный *ǎ* (не после губного согласного): *рǎка*, *кǎрна* . . . (но: *мока*, *бордо* . . .) Такое образование гласного вместо *ɛ* (вторичного) соответствует образованию гласного *ǎ* в албанских говорах к западу от Охрида, к Эльбасану, вместо *ǐ* (*ǎ*) других албанских говоров.

Иной языковый результат имели болгаро-сербские отношения. О языковой судьбе болгарского населения к северо-западу от Шар-Планины, в Призренском крае, сказано выше: значительное проникновение сербизмов в речь населения Средской и Сириницкой жуп и совсем слабое сербское воздействие на македонско-болгарскую речь населения Призренской Горы. Сербские поселенцы были и в Македонии. Они водворялись здесь в период сербской власти и позднее. Это были отдельные семьи. Вероятно, более многочисленны были поселенцы с сербскими чертами в своем языке на северо-западе, в Дольнем Пологе и в Скопской Черной Горе. Это были пришельцы из Призренского края и из области южной Моравы. В отношении языка это не были чисто сербские группы. Они представляли в своей речи элементы болгарской и сербской языковых групп. При сербском воздействии в период сербской власти в Македонии (конец XIII-го в.-XIV в.), при воздействии церковной сербской и сербизованной среды в это время и позднее, при торговых связях с сербскими областями в XVIII-XIX вв. проникали отдельные сербские слова в речь болгарского населения в македонских городах, а затем и в селах. Некоторые языковые черты приобрели актуальное значение и сменяют собою черты традиционные: *к'-г'* в се-

верной и центральной Македонии, *цр-* вместо *чер-* (*църни*) в разных краях Македонии (кроме юго-запада Костурского края), *у* вместо *ж* в корне слов по говорам Дольнего Полога (*рука, зуп...*). Для процесса замены *чер-* посредством *цр-* ясно время его прохождения, — со 2-ой половины XIV-го в., и продолжается до последнего времени. Обнаружена и среда, где начался этот процесс, — среда городская и церковно-книжная. В предшествующих заметках выяснен и характер заимствования *к-г'* в северной и центральной Македонии (см. выше). Заимствованием являются и сочетания с *у* в корне слов в Д. Пологе. Формальные же элементы речи этого края сохраняют связи с прежней системой, как это обычно бывает при языковых взаимодействиях (3 л. множ. числа наст. вр. на *-ат*: *несат*; вин. ед. имен. жен. р. на *-а*: *майка*; глагольный суффикс *-на*: *дигнало* (см. Полог и его болгарское население, стр. 313-315).

Москва

А. Селищев

Съчетания *šč*, *ždž* и *št*, *žd* въ българския езикъ

Въ югозападна България, въ Македония, на западъ, югъ и изтокъ отъ *k'*, *g'*- говори се очертава една говорна ивица, въ която стб. *št*, *žd* (*lešta*, *věžda*) вървятъ съ промѣнчиво мѣстно надмощие успоредно съ *šč*, *ždž* или тѣхнитѣ производни. Вънъ отъ това, *šč*, *ždž* намираме по Разложко, Ксантийско, та дори Лозенградско, а сжщо и по Самоковско. Обаче отъ самия фактъ, че въ отечеството на старобългарския езикъ или въ мѣста, близки до него, групитѣ *št*, *žd* се явяватъ съ двоенъ изговоръ, като отъ една страна имаме изговоръ *št*, *žd*, засвидетелствуванъ отъ всички известни до сега старобългарски и сръднобългарски писмени паметници, а отъ друга страна въ сегашнитѣ говори изговоръ *šč* (*št*), *dž* (*žd*), поставя се въпросъ: кой отъ двата днешни изговора е по-стариненъ? Трѣбва веднага да се подчертае, че до днесъ този въпросъ не е поставянъ така открито, а се е приемало почти мълкомъ старинността на изговора *šč*, *ždž*. Изтъкнатото по-горе противоречие между старобългарски и днешнитѣ говори се отстранява, като се допуска, че говорътъ, който е послужилъ за основа на старобълг. книжовенъ езикъ, ще да е ималъ изговоръ *št*, *žd*, но не и другитѣ говори, които днесъ иматъ другия изговоръ. Такова е общото убеждение у ученитѣ, наши и чужди, и то се гради върху следното: 1. върху затвърдилото се въ славистичната наука мнение, че стб. *št*, *žd* идватъ отъ по-стари звукови съчетания *šš*, *ždž*, и 2. върху твърденията на V. Oblak за македонскитѣ говори и на Б. Цоневъ за Самоковския говоръ, че изговорътъ *šč*, *ždž* е присжщъ на старото поколѣние, до като младитѣ произнасятъ *št*, *žd*.¹ Това се счита, отъ всички и до днесъ за достатъчно, за да се обоснове по-голѣмата старинность на *šč*, *ždž* предъ *št*, *žd*, и затова никой не е помислювалъ дори за обратната възможность, която се крие именно въ втората точка: даденъ звукъ въ своето модифицирано да достигне първичния си гласежъ, та младото поколѣние да го произнася съ старъ изговоръ, а старото — съ новъ. Достатъчно е да се спомене за пълната редукция на *a* (< *ж*, *ѡ*, *ѡ*) въ *ѡ*, за да ни се разкрие и тази възможность въ цѣлата си пълнота. Нѣма съмнение тогава, че решението на въпроса за старинността на единъ отъ двата гласежа

¹ Macedonische Studien 60. 62; Уводъ въ историята на български езикъ СБНУ. XVIII, 491.

въ нашитѣ говори ще може да разчита на убедителность само въ случай, ако фактътъ, даденъ подѣ точка втора, се подкрепи съ безпорни данни отъ говорно естество. Но преди да сторя това, ще искамъ да се спра на мислитѣ, изказани отъ други учени въ свръзка съ нашия въпросъ.

V. Oblak, първиятъ добре школуванъ и искренъ изследвачъ на македонскитѣ говори, който е проследилъ рефлекситѣ на различнитѣ праславянски звукови съчетания, които сж дали стб. *št, žd*, не решава поставения въпросъ; за него той въ тази форма дори и не сжществува, както личи отъ следния изразъ: „was mir dafür zu sprechen scheint, in dem *c', k', q* fremde Eindringlinge zu suchen und *šč (št), žd* als den alten einheimischen Reflex zu betrachten“ (Ib. 63). Не ще бжде излишно да се отбележи, че Oblak говори за *šč*, но не и за *ždž*, при все че му е много добре известно, какво въ Охридъ има и *ždž* (ib. 67). Ясно се изказва А. Селищевъ: „На западѣ, югѣ и востокѣ замѣнами етихъ звуковыхъ сочетаніи являются *št-žd* или болѣе раннія стадіи — *šč-ždž* (Очерки по македонской діалектологіи, с. 128, а сжщо и въ Полог и его болгарское население, с. 329-331). Но сжщиятъ, като прави по-нататкъ сполучливия опитъ да обясни, на що се дължи днешното широко разпространение на чуждитѣ *k', g'* въ македонскитѣ говори, е принуденъ да излѣзе пакъ отъ едно учленение *št, žd*: „Что изъ сербской фонетики оказали такое значительное вліяніе эти *k'-g'* (или звуки близкіе къ нимъ), то это находилось повидимому въ связи съ склонностью македонскихъ говоровъ развивать согласные *k'-g'* и въ другихъ условіяхъ — въ условіяхъ, сложившихся внутри самихъ говоровъ, безъ вліянія со стороны“ (ib. 138). Тукъ Селищевъ има повече предъ очи онѣзи случаи, общи на всички българи говори, при които се явяватъ *k', g'* отъ нови *ti, di*. А признаемъ ли последното като подготовка на широкото нахлуване на севернитѣ *k', g' (c', q)*, то въ такъвъ случай се налага да допуснемъ, че гласежътъ на стб. *št, žd* ще да е билъ палаталенъ (*št', žd'*), което би намѣрило пълна подкрепа и отъ страна на старобългарски.¹ Сжщо и Ст. Младеновъ е краткъ и категориченъ относно приоритета на *šč, ždž*, които „wirklich in Macedonien als Archaismen fortleben“ (Gesch. d. bulg. Spr. 148).

Срещу тѣзи малко-много ясно изказани мисли отъ споменатитѣ тукъ учени, Б. Цоневъ заема съвсемъ особено становище. Споредъ него, изговорътъ *šč, ždž*, до колкото го намираме въ онази ивица говори, които заграждатъ *k', g'* говори отъ три страни, „е съвсемъ понятенъ“ (Уводъ въ ист. на бълг. ез. СбНУ. XVIII, 400), т. е. тукъ този изговоръ е настаналъ подѣ влияние на съседнитѣ говори съ *k', g' < *tj, *kŕ, *dj*, „но когато срещнемъ подобенъ изговоръ на *ц, жд* въ говори далечъ-далечъ отъ югозападното *k', g'* наречие, въ което едва ли би се помислило за външно влияние, ще трѣбва да смѣтаме този изговоръ

¹ „Aus der aksl. Orthographie kann man noch die Weichheit dieser Gruppen erschliessen“. Vondrák, Aksl. Gram.² 314.

или за настаналъ самостоятелно, или, което е по-вѣроятно, за наследенъ отъ стари години“ (ib. 401). Като оставимъ на страна старинността на изговора *šć, ždž (ž)* въ Самоковско и Банско,¹ която изглежда Цоневу „по-вѣроятна“, трѣбва да отбележимъ, че той отдѣля еднитѣ говори отъ другитѣ, като дава предпочитане на говоритѣ по Самоковско и Банско, при все че по-късно, въ своята „История на бѣлг. езикъ“, той напуска това си гледище и се обявява за по-голѣмата старинность на *šć, ždž* изобщо (ib. 407, 409).

Впечатлението, което добиваме отъ направения тукъ кжсъ прегледъ, е, че нито единъ отъ тия учени не разглежда въпроса отъ всички негови възможни страни; не сж привлѣчени нѣколко обстоятелства, които биха имали за нашия случай много по-голѣма цена, отколкото изтъкнатитѣ по-горе две. Между тѣзи обстоятелства преднина държи наличността на *št, žd* въ старобългарския езикъ. И тия звукови съчетания съ този си гласежъ отбелязватъ една съ нищо ненарушима последовность презъ цѣлото старобългарско и сръднобългарско време. Твърдението, че последното се дължи на силната книжовна традиция, не може да се приеме безъ уговорка, защото се знае, че тази традиция не веднажъ е трѣбвало да отстѣпя предъ силния напоръ на говоримия езикъ, доказателства за което може да се намѣрятъ въ всѣки старобѣлг. или сръднобѣлг. писменъ паметникъ. Затова „упорството“ на ортографическата традиция именно въ тази точка ще трѣбва да се обясни поиначе: и да е имало нѣкаква разлика въ изговора на стб. *št, žd* по различнитѣ югозападни бѣлгарски говори, то тя се е изчерпвала съ мекостъта или твърдостъта на жбнитѣ *t* и *d*, за което имаме данни още отъ старобългарско време, но разликата не ще да е стигала до *št—štš, žd—ždž*. Една такава разлика въ изговора на въпросното звуково съчетание едва ли би останала неотбелязана, щомъ се знае, че чуждитѣ *k', g' < *tj, *tj* сж успѣли да си пробиятъ пътъ въ книжовния езикъ отъ много по-рано време (срв. Селищевъ, Очерки с. 189-140).

Въ подкрепа на тази наша мисълъ идва и топографската номенклатура, сжщо така пренебрегвана до сега. Въ нашия случай отъ значение биха били само онѣзи мѣстни наименования, що бихме открили съ *št, žd* било въ обсега на днешнитѣ *k', g'*-говори или въ албански. Изъ обсега на първитѣ бѣлгарски говори ни идватъ имена на села като *Кривогащани*, Прилепско, известно подъ това име още презъ XIII-XIV в. (Очерки 131), и *Саждово*, пакъ тамъ, сега албанско село, но населено отъ албанци преди XIX в. (В. Кънчовъ, Македония, с. 96). Много повече примѣри има отъ днешна Албания. На австрийската генералшабна карта четемъ следнитѣ имена на села съ *št, žd*: около Аргирокастро — *Bodrišta, Nepravišta, Peštani, Graždani*;

¹ Подъ Банско ние разбираме югоизточно Разложко, гдето намираме таквъ изговоръ на стб. *št, žd* (Срв. Н. Алексиевъ, Разложкиятъ говоръ. Мак. прегл., г. VI, кн. 3, с. 106-107).

около Премети и Лясковици — *Peštani, Kovačišta, Gozdarazde*; между Валона и Фйери — *Peštjani, Selišt*; около Берагъ — *Gradišta, Sazdani*; с. *Zgožda* с.з. отъ Струга, *Briždan, Graždani*, Дебърско и др.¹ Всички тѣзи запазени въ албанския езикъ славянски наименования говорятъ за изговоръ *št, žd*, което личи и отъ други заемки като *baštind-a*, а още по-добре отъ *pasterk-u „privigno“, pasterk-u „privigna“*, срещу бълг. *năщерица, năщерка* (Геровъ IV, 20), *гражд* — долната частъ на кжщата, гдето живѣе добитъкътъ (Полог 329). Ето защо, съ нищо не е оправдано твърдението на Ст. Младеновъ, че подъ писането *št* се крие изговоръ *šč* (ib. 6); тази уговорка не намираме у Селищева (Полог 330), който дори е чулъ въ Долни-Пологъ примѣри като „та го *nosreште* царот“ (ib.) и *шт'ерка* (ib. 331).

Безъ всѣкакво внимание е оставенъ и другъ единъ говоренъ фактъ: въ Дебърско, Ресенско, Костурско и Воденско *šč* има на среща си *žd*, но не *ždž* (Oblak 66-67; Мирчевъ, СБНУ XVIII 454; Селищевъ, Очерки 128), което се явява въ Охридско, а на изтокъ въ Банско (но вече *ž*) и въ една частъ отъ Самоковско. Последниятъ фактъ не е безъ значение. Той сочи, че стб. *žd* е загубило много по-рано своя палаталенъ характеръ, а следъ това то се е указало по-устойчиво на страничното влияние, та въ южнитѣ македонски говори или се е запазило, или е отстѣпило на *g'* (q) (Oblak 63) и само на нѣкои мѣста (Охридско) е преминало въ *ždž*, а въ Гевгелийско въ *žg'* (Д. Ивановъ, Гевг. говоръ 76). Това ще трѣбва да отдадемъ повечето на съгласната *ž*, тѣй като съгл. *d'* минава въ бълг. говори въ *g'* така, както *t'* минава *k'*.

Но най-важното, което е оставяно въ случая безъ внимание и на което едничкѣ Б. Цоневъ се спрѣ, за да се откаже скоро отъ него, е географското разположение на изговора *šč*, който поради по-честото си явяване може въ случая да ни ржководи. Известна географска последовностъ обаче той показва само отъ албанската граница, на западъ, до р. Галикъ, на изтокъ, и по нея на северъ презъ Дойранско (но безъ Гевгелийско), Малешевско та до Пианечко. На изтокъ отъ тази граница идватъ *št*-говори, а *šč* намираме едва задъ Пиринъ въ Банско и въ една частъ отъ Самоковско, а може би сжщо така частично и по Ксантийско и Лозенградско (Цоневъ, Уводъ 403; История 408). Въ Банско този изговоръ имаме само въ гр. Банско и селата: Добриница, Елешница, Бабячкитѣ колиби и Якоруда (Мак. пр. VI, 3, 106-7), а въ Самоковско—въ гр. Самоковъ, с. Доспей, Продановци, Рельово, Райово и Широки-долъ. Покрай този фактъ трѣбва да се изтъкне и още следното: 1. въ Дебърско, Банско и Самоковско *šč* и *št* не сж присжщи

¹ Вж. повече примѣри у Ст. Младеновъ, Приносъ къмъ изучване на бълг.-албанскитѣ езикови отношения. Год. на Соф. Ун., Ист.-фил. фак. XXIII, 6-13; А. Селищевъ, Полог и его болг. население 329-330.

на старото и младо поколѣние¹, а на едно или друго село, които не рѣдко отстоятъ помежду си на 4—5 клм.; 2. въ Долновардарско отъ изтокъ стои Кукушкиятъ говоръ, а задъ него говоритъ на с. Сухо, Гърдоборъ и Ново-село, съ изговоръ *št*², а отъ западъ, — Воденскиятъ говоръ съ този на с. Вардаровци съ *šć*. Помежду имъ заставатъ отъ една страна говорътъ на с. Бугариево съ *št* на западъ и непосредствено до него този на с. Ватилкъкъ съ *šć*, а точно на северъ надъ тѣхъ стои Гевгелийскиятъ съ своето *šk'* покрай *št*, което споредъ Д. Ивановъ е силно омекчено *št'* (ib. 76).³ Това, което прави въ случая впечатление всѣкому, е, че на едно сравнително малко пространство се явяватъ петъ различни изговора, които се разпредѣлятъ добре и географски, а именно: на изтокъ *št*, въ съседство съ него *št'*, на северъ *šk'* и на западъ *šć*, *šć*, първото отъ които е близко до *št'*. Самиятъ този фактъ ни дава достатъчно указание, въ каква посока трѣбва да търсимъ генетическата връзка между тѣзи различни изговори, която съществува надъ всѣко съмнение. И не ще бждемъ далечъ отъ истината, ако, като изхождаме отъ последното обстоятелство и вземемъ подъ внимание всичко казано до сега, си представимъ търсената генетическа връзка по следния начинъ: *št* → *št'* → *šk'* → *šć* → *šć* → *šš* → *š*. Този пжтъ на развѣтѣта намира подкрепа и въ наличността на изговоръ *šk'* въ Банско и Самоковско, та дори на северъ до Врачанско: *нушк'а* Банско, но Цоневъ (История 408) съобщава *ношча* (съ членъ!), *вашки* вм. *важди* и *важи* (срв. *št* < *žd* въ алб. *grašt-i gražd-i*, бълг. *граждѣ*. Приносъ 10), *ношк'а* Сам., Райово Сам., Локорско Соф., *ношк'а* Рила Дуп. СбНУ VI, 18, *ношк'ем* Враца. Къмъ тѣзи нѣколко примѣра нека прибавя още два съ *žg'*: *говѣжго месо* Сам. (История 407) и *премрѣжг'и* bis Койнаре, Бѣлослатинско.

Примѣритъ като *ношк'а*, *ношк'ем* явно говорятъ за вторична палатализация на *št* подъ влияние на формитъ *ден'а*, *ден'ем*, но въпросътъ, който непосредствено произтича отъ това, е, дали и въ всички други случаи и на всички мѣста имаме работа съ вторична палатализация, резултатъ на странично влияние? Най-сигурно това се явява за говоритъ западно отъ р. Галикъ, гдето по линията Гевгели—Солунъ имаме на югъ *št'*, а на северъ, непосредствено до *k'*, *g'*- граница, — *šk'*. За Банско и Самоковско, както и за другитъ мѣста, влияние отъ страна на *k'*, *g'*- говори не можемъ да очакваме, въпрѣки че и тукъ намираме единични думи съ *k'*, *g'* < *št*, *žd*, които могатъ да се проследятъ както на северъ по Самоковско, така и на югъ по Неврокопско, обаче тѣ по брой сж съвсемъ ограничени, за да бждатъ вземени подъ внимание. Затова

¹ Не е известно, по какъвъ начинъ Цоневъ е дошелъ до тази констатация, когато се знае, че той се е запозналъ непосредствено съ Самоковския говоръ въ София, и то само отъ една самоковчанка, на име Стоянка Благоева (срв. неговия Уводъ 401).

² Цоневъ (История 408) смѣта и този говоръ съ *šć*, но никакъ не е съобразилъ, че самъ *Oblak* не е сигуренъ, дали *lešča* не е „eine individuelle Eigenthümlichkeit der betreffenden Person“ (ib. 60), и причислява Новоселския говоръ къмъ *št*-говори.

³ Срв. сега Ст. Романски, Долновардарскиятъ говоръ, въ Мак. прегл. г. VIII, кн. I, с. 126 и сл.

се налага да разгледаме *šč*, *ždž* по Банско и Самоковско на отдѣлно, като сторимъ това най-напредъ съ банскитѣ *šč*, *ž*, тъй като самоковскитѣ *šč*, *ždž* могатъ да получатъ и друго обяснение, малко-много различно отъ банскитѣ *šč*, *ž*.

„Рефлексътъ на *tj* и *dj* не е единъ и сѣщъ въ говора по всичкитѣ разложки села. Въ южната частъ¹ преобладава изговорътъ *шч* и *ж*, а въ северната — *шт* и *жд*. Въ Банско произнасятъ твърде ясно *шч* и *ж*“. „Освенъ въ Банско, рефлексътъ на *tj* и *dj* въ *шч* и *ж*, макаръ и по-слабо, владѣе въ селата Добриница и Елешница. Обаче до като въ Банско *шч* е ясно експлозивна въ втората си половина, въ Елешница и въ Добриница, особено въ първата, силата на експлозивния елементъ е намалена и изговорътъ клони къмъ едно двойно *ш*. Отъ Елешница на северъ следи отъ изговоръ на *tj* като *ш* се срѣщатъ изъ бабячкитѣ колиби, гдето експлозивниятъ елементъ е вече напълно изчезналъ. Понататъкъ още на северъ могатъ да се проследятъ тия следи чакъ до с. Якоруда, гдето тоже се срѣщатъ слаби дири отъ изговоръ на единъ звукъ много по-близъкъ на *шш* и *жж*, отколкото на *шт* и *жд*“ (Н. Алексиевъ, Разлож. говоръ. Мак. пр. VI, 3, 106-7). При това ясно твърдение на Н. Алексиевъ, едва ли би могло да става дума, че, ако речемъ да опредѣлимъ възрастта на нашето явление въ Банско (югоизточно Разложко), то ще трѣбва да тръгнемъ отъ с. и., гдето изговорътъ *šč* въ своето развитие е далъ *š*. Това обстоятелство налага да се съобразимъ съ съседнитѣ говори отвъдъ запад. Родопи, а именно съ Чепинскитѣ говори, изследвани отъ Л. Милетичъ (Die Rhodopemundarten 192-225). За насъ ще бжде отъ значение състоянието на зжбнитѣ съгласни *t*, *d* предъ меки гласни. А за последнитѣ проф. Милетичъ се изказва така: „Es wurde schon hervorgehoben, dass die Haupteigenschaft des Konsonantismus der Čepinomundarten in dem starkpalatalen Charakter desselben besteht und vor allem in der ausserordentlichen Palatalisation der dentalen Konsonanten in Verbindung mit nachfolgenden Palatalen, respective präjotierten Vokalen sich äussert“ (207-8). Обаче самата палатализация на въпроснитѣ съгласни е съ различна сила, затова тукъ могатъ да се различатъ три степени: 1. *t'*, *d'*; 2. *k'*, *g'* и 3. *k''*, *g''*, „welche fast mit den serbokroatischen *c*, *č* (cyril. *ч*, *ч*) identisch sind“ (ib. 208). Друга констатация, която се прави въ свръзка съ палаталнитѣ *t*, *d*, е, че „manchmal ist ein feines Schwanken zwischen *t'*, *d'* und *k'*, *g'* selbst in der Sprache einer und derselben Person zu bemerken“ (ib. 212). Какъ стои въпросътъ съ зжбнитѣ *t*, *d* въ групитѣ *št*, *žd*? Мълчанието на Милетича въ тази точка трѣбва да се разбира, че и тукъ тия съгласни изминаватъ сѣщия пѣтъ на развитие. Това личи отъ едничкия примѣръ, даденъ отъ с.Ракитово—*košt'i*, а косвено още и отъ примѣритѣ *n'ist'ina li je?*

¹ По-право е да се каже — въ югоизточната частъ.

² Съ *k'*, *g'* Л. Милетичъ бележи и *k''*, *g''* (ib. 208).

Ракитово (ib. 211) и *zâpusti* — с. Костандово (ib. 212). Срещу тази палаталност на *t*, *d* въ Чепинскитѣ говори, цѣлиятъ Разложки говоръ идва съ твърди *t*, *d*, но наличността на палатално *x'* именно въ Банско и Якоруда (срв. Мак. пр. VI, 3, 109), което не намираме нито въ североизточната частъ на Разложко, нито дори въ Чепинскитѣ говори, свидетелствува, че нѣкога и тукъ сж били обични палаталнитѣ съгласни, които въ послѣдствие сж затвърдѣли. Трѣбва, следователно, да се допусне, че палаталниятъ характеръ на съгласнитѣ е билъ най-широко застѣпенъ и за по-дълго време запазенъ всрѣдъ помацитѣ по склоноветѣ на зап. Родопи, които сж били въ постоянни връзки съ чепинскитѣ помаци. А точно въ тѣхния езикъ *šc* е отишло въ своето развитие най-далечъ. Ето защо и тукъ се налага да се изхожда отъ едно *št*, *žd*'.

За самоковскитѣ *šc*, *ždž* сжществуваше до сега една несигурностъ. Въ всички говорни материали, печатани отъ този край, намираме все *št*, *žd*. Щастливо изключение правятъ записанитѣ отъ Д. Икимовъ материали, които намираме печатани въ СБНУ IX и нататъкъ, но тѣ всички сж все отъ Самоковъ, и е отбелязано само *šc*, но не и *ždž*. Но и *šc* не се явява въ всички случаи вм. *št*, а намираме и последното. Въ една бележка (СБНУ IX, 168) четемъ следното обяснение на тази двойственостъ въ изговора на *št*: „жителитѣ, неотколе заселени въ Самоковъ, говорятъ—споредъ г. Д. Икимовъ—*шт*, но сетне усвояватъ мѣстното *шч*.“ Това опредѣление е непълно, защото не само говорятъ на града Самоковъ познава изговоръ *šc*, а и не всички самоковски села иматъ въ говора си *št*. Мене ми се чини, че Икимовъ извлича горното правило само въз основа на лицата Чупетловски и Искровски, преселници тукъ отъ с. Чупетлово и с. Бѣли-Искъръ. Другиятъ записвачъ, Христо Марковъ, при все че е отъ с. Доспей и дава материали отъ Самоковъ (СБНУ V, 181-182), с. Доспей (V, 170-181, 182-183; VI, 29-39; XII 264-268), с. Продановци (V, 183-184), с. Рельово (X, 80-84) — все мѣста, гдето днесъ намираме *šc*, *ždž*, — не ни предава въпроснитѣ звукови съчетания съ този изговоръ, а като *št* и *žd*. Б. Цоневъ мислѣше (СБНУ XVIII, 401), че причината да не се отбележи този особенъ изговоръ отъ различнитѣ записвачи, се обяснявала „кое отъ книжовното влияние, кое отъ самия характеръ на тия самоковски звукове, на които изговорътъ може наистина да излъже ухото, понеже чувашъ едно силно омекчено *шч*' или *жц*' което може лесно да се схване като *жд*' или *шт*'.“ Такава силна мекостъ азъ не открихъ въ говора на града Самоковъ, ако и въ това отношение той да изпъква предъ говоритѣ на другитѣ села. А дали е сжществувала тя по времето, когато Цоневъ е записвалъ своитѣ материали, трудно е да се реши. Той увѣрява, че е провѣрилъ „лично отъ една стара жена самоковчанка (Стоянка Благоева), дошла наскоро отъ родния си градъ“ (стр. 401), но като се вземе предъ видъ, че сжщиятъ твърди, какво глаголитѣ въ 3 мн. ч. сег. вр. гласятъ въ Самоковско: *растѣ*, *горѣ*, *бѣра*, *гѣса* (История 490), което не е вѣрно нито съ отмѣта на ударението си, нито съ дължината на *-а*, а при това

и не е могълъ да го почерпи отъ печатанитѣ материали, може да ни усъмни, до колко Цоневъ е ималъ надеждно лице, отъ което да почерпи материалъ за Самоковския говоръ. Изтъкнатата последна особеностъ — изчезването на *-t*, заедно съ дължината на окончанието *-a*, когато е неударено — е присъща на Разложкия говоръ, до като отмѣтътъ на ударението — на Чепинскитѣ планински говори по с.-и. склонове на запад. Родопи (срв. Мак. пр. VI, 3. 112-3; Rhodopemundarten, 205, 226). Затова не ще сгрѣшимъ, ако обявимъ, че лицето, отъ което Цоневъ е почерпилъ своя материалъ, не е самоковчанка поне по майка, отъ говора на която тя е могла да възприеме реченитѣ особености.

Въ Самоковъ и въ споменатитѣ по-горе села, които изследвахъ именно въ свръзка съ поменатото явление, можахъ да установя следнитѣ изговори: *št*, *št'*, *šč*, *šč*, *štš*, респ. *žd*, *ždž*, *ždž*, *ždž*. Ще посоча само по нѣколко примѣра отъ всѣки изговоръ. (Примѣри за *šk'*, *žg'* дадохъ по-горе).

št. žd: *башшă*, *кашта*, *гашти*, *вѣжди* (Злокучене); *каштите*, *пиштòл'е*, *шт'кòл'ò* (Драгушиново).

št': *ношт'евишче* (Райово).

šč. ždž: *ношч'евàли*, *чужц'ин'ец* (Райово); *Коцѣ прàшч'а*, *пропишч'ан'е* (=протестане) Самоковъ.

šč. ždž: *шчивàл'е* (Stiefel), *шчо* (Самоковъ); *прашчà*, *опишинàта*, *шчѣрка*, *гржцàн'е* (Доспей); *забражцàн'е*, *пàсишче*, *вѣжци*, *вòшчена свеш* (Райòво); *сѣшчам се* (Продановци).

štš. ždž: *шт'шѣрка ми*, *шт'шрп*, *рàжд'жа*, *прѣжд'жа* (Райово); *шт'шир* (Широки-долъ); *шт'шо*, *пушт'шан'е*, *пишт'шòл'е* (Злокучене).

Трѣбва да отбележа, що се касае до изговора на *šč* въ говора на с. Доспей, че *č* предъ гласнитѣ *e* и *i* се учленява при отдрѣпване двата края отъ предната частъ на езика много слабо назадъ, така че само връхчето на езика опира на алвеолитѣ. Такова отдрѣпване, но малко по-чувствително, можахъ да доловя и въ другитѣ села, и това ще да е навѣрно главната причина, щото досегашнитѣ записвачи да не сж го схванали ясно, вследствие на което го предаватъ съ *št*. Това още повече важи за *ždž*, което дори и Д. Икимовъ не е доловилъ въ говора на гр. Самоковъ, а го схваналъ като *žd* и го е обобщилъ.

За разрешението на нашия въпросъ въ Самоковско особено поучителни се явяватъ следнитѣ примѣри: *пропистàнино* (Д.-баня) — *пропишч'ан'е* (Самоковъ); *опуштат* — *пушт'шан'е* (Злокучене); *пиштòл'е* (Драгушиново) — *пишт'шòл'е* (Злокучене); *ношт'евишче* — *ношч'евàли* (Райòво). Тѣзи съпоставки сж достатъчни да ни покажатъ, че въ повечето случаи имаме работа съ вторична мекостъ на *št*, която именно е причината да се яви изговорътъ *šč*. Другъ е въпросътъ, защо изговоритѣ *šč*, *ždž* намираме редовно прокарани въ говора на селата западно отъ р. Искъръ, до като тѣзи на изтокъ отъ рѣката сж задържали изговора *št*, *žd*. Причината на това почти редовно състояние искамъ да си обясня съ многото преселници отъ Разлога въ тѣзи мѣста, което се чувствува чакъ до Сепаревска-баня (Дупн.). Последнитѣ ще да сж дали

на мѣстното явление гласъкъ още въ самото негово начало. Че начен-
китѣ на това явление ще трѣбва да се търсятъ въ самия говоръ, това
става ясно не само отъ приведенитѣ по-горе примѣри, но и отъ при-
мѣри като *цвѣт'е* (Злокучене). Въ източната половина, поради хълми-
стия характеръ на мѣстносттата, преселници въ значителенъ брой не е
могло да има, и азъ мисля, че именно тукъ (Злокучене—Д.-баня) слу-
чайтѣ съ *št*, *žd* добре се пазятъ, като само въ нѣколко примѣра се
вестява другиятъ гласежъ (азъ го открихъ само въ три случая, и
то отъ с. Злокучене).

Проличава ясно, че и за *šc*, *ždž* (*ž*) въ Банско и Самоковско ще
трѣбва да изхождаме отъ по-стари палателни *št*, *žd*. Ако речемъ да
направимъ общъ изводъ отъ всичко казано до тука върху появата
на изговоритѣ *šc*, *ždž* въ нѣкои български говори, то не можемъ
да не подчертаемъ изтъкнатитѣ достатъчно ясно въ тази работа две
нѣща: 1. изговоритѣ *šc*, *ždž* и тѣхнитѣ разновидности намираме въ го-
вори, които сж въ сѣдство съ други говори, въ които жбнитѣ съ-
гласни *t*, *d* въ отбелязанитѣ съчетания сж или силно палатализувани или
повлияни отъ чуждитѣ *k*, *g*, а това обстоятелство води къмъ единич-
ното възможно заключение, че или *t*, *d* сж били въ самия говоръ
палатални, или че тѣхната палаталностъ е вторична; 2. и на дветѣ мѣста,
въ чиито говори намираме този гласежъ, имаме възможностъ да наблю-
даваме една сравнително дълга стълбица отъ гласежи, чието първо
стѣпало се явява *št*, а последно — *š*. Представенъ графически, пжтьтъ
на развитието ще е билъ *št* → *št'* → *šk'* → *šc'* → *šc* → *šš* → *š*, за да си по-
служи само съ съчетанието *št*, безъ да поддържамъ съ това, че всѣко
št иля *žd* е изминало цѣлия този пжть на развитие. Но че отъ друга
страна всички тѣзи степени въ учлението на общобълг. *št*, *žd* се на-
миратъ въ днешнитѣ български говори, това е фактъ, който е отъ ре-
шаваще значение за правилния отговоръ на поставения отъ насъ въ-
просъ. Сега, когато се опитаме да сведемъ всички сегашни гласежи
на групитѣ *št*, *žd* къмъ единъ първиченъ изговоръ *št*, *žd* (*št'*, *žd'*), едва
ли може да ни учудва разпокъсаното явяване на тия различни гла-
сежи, които се редуватъ отъ Дебъръ та чакъ до Лозенградъ, безъ да
сж успѣли да завладѣятъ нито на едно мѣсто нѣкой цѣлостенъ говоръ
и да послужатъ за негова характеристика.

Враца

Цвѣтанъ Тодоровъ

Следи отъ стб. ѝ въ говора на село Калапотъ, Зъхненско

Наследениятъ отъ праславянско време звукъ *ѝ* (=индоев. *ṛ*) се смѣта за една отъ най-типичнитѣ гласни въ старобългарския езикъ. Приема се обикновено, че нейната звукова стойностъ е била еднаква съ днешното *ѝ* въ великоруския и въ полския езикъ (вж. Vondrák, *Altkirchenslav. Gramm.*² 116; Kul'bakin, *Le vieux slave* 62). Развитието на тази гласна въ историята на най-голѣмия дѣлъ отъ българскитѣ наречия, пѣкъ и въ много други славянски езици, се характеризуватъ съ занемаряване закрѣпленето на устнитѣ и премѣстване артикулацията на гласната напредъ, до като въ резултатъ на всичко това се е достигнало до пълненъ съвпадежъ съ мекото *и* (*i*). Този процесъ е доста ранъ въ развитието на българския езикъ. Общо е схващането, че разликата между *ѝ* и *и* се е задържала въ българския езикъ приблизително до XIII в., отъ когато датува и почти пълното измѣстване на *ѝ* отъ палатално *и*. Въ всѣки случай замѣна на тѣзи вокали, при все че спорадично и повече подъ видъ на обикновена асимилация следъ меко *р*, намираме още въ старобългарскитѣ паметници. Отъ последнитѣ Клоцовиятъ сборникъ ни дава най-многобройни примѣри въ тая посока.

Както въ толкова други отношения, напр. запазване следи отъ назализъмъ, така и по отношение на *ѝ*, известни български диалекти се показватъ въ своята фонетика доста консервативни. Това сж преди всичко говоритѣ въ непосредствената околностъ на Солунъ. Пръвъ, който ни запозна съ следитѣ на *ѝ* въ говора на солунскитѣ села Зарово и Висока, бѣ покойниятъ Ан. П. Стоиловъ (вж. неговата статия „Рефлекси отъ старобългарския изговоръ на *ѝ* въ новобългарскитѣ наречия“, Псп. LVIII 565-76). Въ последно време подробни и провѣрени сведения изъ говора на сжитѣ две села се изнесоха и отъ проф. Йор. Ивановъ (вж. J. Ivanov, *Un parler bulgare archaïque. Revue des études slaves* II 93-94). Споредъ изнесения до сега материалъ се вижда, че рефлексътъ на *ѝ* въ Зарово и Висока се явява въ мнозинството случаи съ засилена гутуралностъ, като е съвпадналъ съ обикновения *ѣ* (най-често когато *ѝ* е било подъ ударение), до като рефлекси отъ старо запазено непромѣнено произношение на *ѝ* сж по-рѣдки (вж. J. Ivanov, ц. с. 93-94). За жалость, нито единъ отъ авторитѣ не ни дава примѣръ за развитие на *ѝ* и на мѣстото на меко *и*, нѣщо, което е твърде вѣроятно да се допусне въ говора на въпроснитѣ солунски села, като се има предъ видъ, че по-

добно явление сѣществува и въ други нѣкои югоизточни български говори, въ които има запазени следи отъ *ѣ*. Доказателство за това можемъ да откриемъ въ приведения отъ проф. Йор. Ивановъ примѣръ *истѣнувам (истинѣти)*, гдето очевидно имаме замѣна на *и* съ *ѣ*, дължима на аналогия. Това разпространение на рефлексна на *ѣ* на мѣстото и на етимологично *и* намира паралелъ въ случаитѣ, гдето въ сѣщитѣ говори срѣщаме така наречения вториченъ назализъмъ, развилъ се по аналогия на онѣзи примѣри, гдето следата отъ назализъмъ се явява на законното си старо мѣсто.

По-основното проучване на българскитѣ говори, направено въ най-голѣма мѣра въ крупнитѣ диалектоложки трудове на проф. Л. Милетичъ, ни изправя предъ изненади по отношение на следитѣ на *ѣ* и въ нѣкои отъ останалитѣ български говори. Установи се именно, че следитѣ отъ *ѣ* трѣбва да се смѣлятъ вече безъ съмнение за специфична старинна черта на югоизточнитѣ или рупски говори, тъй като къмъ известнитѣ следи отъ този старъ вокалъ въ говора на споменатитѣ погоре солунски села се откриха и нови, и то все въ голѣмата рупска говорна област. Подобни следи откриваме напр. въ говора на така нареченитѣ *кина*-села въ Хасковско (вж. Miletič, Das Ostbulg. 227). Най-многобройни обаче остатѣци отъ произношение на *ѣ* ни предлага Павликянското родопско наречие (вж. Miletič, Die Rhodopemundarten 80-84). Характеренъ за последното наречие е фактътъ, че аналогичното разпространение на вторично *ѣ* е засегнало почти всѣко меко *и*, което се намира подъ ударение. Звуковата стойностъ на това *ѣ* въ Павликянското наречие проф. Милетичъ опредѣля като срѣдна между стб. ѣ и и, т. е. напълно равнозначна съ днешното малоруско у. И тукъ обаче се явяватъ рефлексни на стб. ѣ като ѣ, било когато тази старобългарска гласна е стояла подъ ударение, било когато е била безъ ударение.

Презъ време на едно научно пътуване до гр. Неврокопъ и близката околностъ презъ лѣтото на 1932 год., на мене се удаде да влѣза въ близкъкъ контактъ съ настаненитѣ въ града и околнитѣ села многобройни бѣжанци отъ източна Македония. Непосрѣдствената ми задача бѣше опознаванетоъ съ източномакедонския диалектъ, който, като клонъ отъ голѣмия дѣлъ български говори, известни подъ наименованието рупски, крие специфични и важни особености, много отъ които и до днесъ сѣ останали неизвестни въ българската лингвистична литература. Още въ самото начало на работата ми, моето внимание бѣ привлѣчено отъ говора на изселницитѣ отъ голѣмото зъхненско, нѣкога особено будно, българско село К а л а п о т ъ (произнасяно отъ мѣстнитѣ жители *Калапот'* — съ палат. *т'*), въ който доловихъ архаизми, чужди днесъ на говора на останалитѣ бѣжанци отъ източна Македония. Селото Калапотъ е разположено между възвишенията Щудеръ и Шминица, клонове отъ Боздагъ, на три часа разстояние на северъ отъ Зилихово, въ единъ тѣсенъ проходъ, презъ който се минава за Елесь и други неврокопски села. Главното занятие на жителитѣ е било кираджий-

ството. Следъ войнитѣ цѣлото население на селото е било преселено въ предѣлитѣ на България. Най-голѣмата частъ отъ калапотскитѣ бѣжанци живѣе сега въ града Неврокопъ, гдето се наброяватъ около 200 кжци, образуващи специална Калапотска махала въ северозападната частъ на града. Друга малка частъ е прѣсната по неврокопскитѣ села, а трета сжщо така малобройна група изселници отъ сжщото село живѣе въ гр. Станимака. Обстоятелството, че живѣятъ въ една отдѣлна градска частъ, допринася много, щото бившитѣ калапотски селяни, сега неврокопски граждани, да пазятъ още напълно живи особеноститѣ на своя говоръ.

Следъ нѣколкократнитѣ си посещения въ Калапотската махала въ гр. Неврокопъ, гдето подложихъ на внимателно изслушване предимно бабитѣ Евдокия Тоданова, 84 годишна, и Велика Гърдавелкова, 75 годишна, можахъ да получа представа за Калапотския говоръ. Последниятъ е типиченъ рупски говоръ въ най-сжщественитѣ си особености, напр. широкото *ă* — произношение на ятовия рефлексъ, което често преминава въ *'a*, палаталниятъ характеръ на съгласнитѣ предъ меки вокали, широкото *ă*-произношение на всѣко краесловно *e*, както и редица други морфологични свойщини.

Тукъ ще обърна внимание на нѣколко старинни фонетични особености, съ които Калапотскиятъ говоръ се отдѣля отъ останалитѣ източномакедонски говори и които го поставятъ въ много по-тѣсна връзка съ родопскитѣ говори, или по-точно казано съ Павликянския и Дарѣдерския говоръ, както и съ говора на Ропката. Известно е, че единъ общъ, отъ сжщественно значение белегъ е характеренъ за всички токо-що изброени диалекти, именно еднаквиятъ палаталенъ или пкъкъ гутураленъ еровъ рефлексъ на старобългарскитѣ вокали *ъ*, *ѡ*, *ѣ* и *ѡ*, когато тѣ се намиратъ подъ ударение. Спрямо изяснения вокалъ, полученъ отъ сжщитѣ гласни и при сжщитѣ условия въ нѣкои други родопски диалекти, тази черта отразява една по-стара фаза. Калапотскиятъ говоръ ни предлага сжщата картина. Като по-характерни и порѣдки привеждамъ по-долу случаитѣ на *ă* > *'ă*, които си отбелязахъ: *фрѣт* (въ *рѡдѣ*); *свѣт* (*свѣтъ*); *поглѣндува* (*гладѣти*); *йѣдѣр* (*ѡдрѣ*); *трѣска* (*трѣска*); *сѣдна*, *сѣднаха*, *засѣднати* (*сѣд-*, съ изгубена мекостъ на предходния консонантъ); *зѣмал*, *зѣха*, *тогѡ го зѣ* (*зѣзѡ*, сжщо така съ изгубена мекостъ на предходния консонантъ). Частично изчезване на мекостъта на предходния консонантъ се срѣща и предъ еровия рефлексъ на ударено *ѡ*, напр. *тѣмно* (*тѣмнѡ*), но *едѣн* (*едѣнѣ*). Въ всички останали случаи вмѣсто ударено *ѡ* се слуша чисто, меко и тѣсно *e*. Само веднажъ отъ устата на една отъ моитѣ събесѣднички доловихъ едно особено тъмно *e* при произнасяне на думата *пет* (*пѣтъ*). Безспорно, това представляше единъ случай отъ преходната фаза, прѣко която се е дошло до днешното чисто *e* за ударено *ѡ*. Следователно, преходътъ на *'ă* въ *e* трѣбва да се търси не въ нѣкаква аналогия, а въ измѣстване артикулацията напредъ, поводъ за което е далъ палаталниятъ характеръ на *'ă*, първоначаленъ замѣстникъ на ударено *ѡ*.

Отъ много по-голѣма важность за насъ сж следитѣ отъ стб. ъ, които откриваме въ Калапотския говоръ. Тѣ се явяватъ навсяде, гдето въ старобългарски тази гласна стои на законното си мѣсто. Както и въ останалитѣ наши говори, въ които имаме зачувани следи отъ *ѣ*, това последното е повлияло и върху мекото *и*. Гутурализацията на *и*, която безъ съмнение има за изходна точка случаитѣ съ запазено *ѣ*, наследено отъ старобългарско време, е взела широки размѣри въ говора на село Калапотъ, както ще се види отъ долуприведенитѣ примѣри. Тя е настѣпвала, когато мекото *и* се е намирало подъ ударение, а най-често, когато то е бивало предхождано отъ устни, назални и плавни консонанти. Звуковата стойность на днешното калапотско *ѣ* носи по-слабъ гутураленъ характеръ, отъ колкото *ѣ* въ великоруския езикъ. Отъ къмъ учленението си то стои най-близу до срѣднгутуралното *у* въ малоруски. Такъвъ е характерътъ на *ѣ* и въ Павликянското наречие. Има обаче случаи, когато, както подъ ударение, така и безъ ударение, *ѣ* въ Калапотския говоръ засиля гутуралния си характеръ толкова много, че се слуша на негово мѣсто чисто *ѣ*, напр. *пѣтѣи* (пѣтати), но и *пѣтам*; *сѣнѣ ми* (сѣнѣ); *вѣк* (кѣк); *четѣридесте* (четѣре). Засилена гутурализация си отбелязахъ веднажъ дори на мѣстото на вторично *ѣ*, така напр. покрай *мѣнах* (минѣти) и *замѣнах*, *замѣнаха*. По-долу привеждамъ примѣри, гдето *ѣ* се явява на първично и вторично мѣсто: *бѣл*, *бѣла*, *бѣло*, *бѣли*; *тѣи* (тѣ, лично мѣстоимение 2 л. ед. ч.); да не *вѣкаш* (кѣкѣти); *ѣдѣаха рѣба* (рѣба); *рѣбинка*; на всѣка *мѣсла* (мѣсла); *замѣнах*; *четѣри* (четѣри); *сѣнѣ ми*, *сѣновитѣ* (сѣнѣ); *сѣрак*; *тѣква* (кѣкѣ); *ѣас штѣ тѣ тебѣ запѣтам* (пѣтати); *ѣарѣѣа*; да съ *развѣкаш*; *вѣк* (кѣкѣ); *убѣла*; *мѣлос*; хич не *пѣтѣи* (пѣтати); *сѣнку* (зв. пад.); та го *убѣа* нек; *мѣлостѣф*; *жѣто*; от село два *трѣмѣнка* луде; *ѣдѣн вѣсок* башѣ (кѣсокѣ); *вѣно*; стѣри си *мѣлѣтѣвѣта*; *зѣна*; *добѣтѣк* (дѣкѣкѣ); *разбѣра* са; кога *сѣнѣ ми* башѣ аснѣк; *мѣнѣло*; *трѣвѣнка* ли берѣш; како съм *сѣкнѣла*; како съ сѣ *кѣрили* лудѣто (кѣрти); от *мѣсла* умрѣа; *кѣтка*; *мѣшка* (мѣшка); тоѣ *ѣда* не пѣе, само *вѣно*; *сѣзи бѣл* жѣуф; ште *ѣа издѣгна*; *бѣва* (кѣвати); като е *пѣло* тоѣ живѣтно *ѣда*; като *пѣлѣци* хвѣркат; *родѣвѣто*; *рѣза*; не *можѣла*; *ѣа бѣх* момѣче; *зѣраха* парѣ; *зѣмаха*; *бѣа* мѣло; аф горѣта *бѣа*; *сѣрене* (сѣлѣ); *загасѣа*; *панѣѣа*; *кѣрѣла* гѣ (кѣрти); *вѣвѣѣа*; *колѣбка*; *сѣдѣѣа*; *момѣнка*; *рѣтна* го; *запѣсаха*; *трѣста*; *сѣкнѣнаха*; *сѣвѣти* *Дѣмѣтѣр*; *умѣрѣх* са; *настѣнал*; *повѣкаха* го; *пѣсѣмо*, не *бѣх* сакѣта; *слѣнѣна*; *сѣнѣско*; *кнѣга*; *кѣшта* е *мѣла*; *годѣна*; *пѣсѣано*; *спѣрат*.

София

Кирилъ Мирчевъ

Przyczynki staro- i nowo-bułgarskie.

1. S.-c.-s. *pъci* : *peką*, *ръci* : *reką*.

Jedną z charakterystycznych właściwości języka staro-cerkiewno-słowiańskiego, nieznaną w takim zakresie innym językom słowiańskim, jest — jak wiadomo — systematyczna wymiana rdzennej samogłoski *e* na *o* w formach imperatiwu czasowników z ostatnią spółgłoską rdzenną tylnojęzykową. Należą tu formy: *pъci* : *peką*, *ръci* : *reką*, *тъci* : *teką*, *ѣdzi* : *žegą*. W innych językach słowiańskich istnieją wprawdzie ślady tego zjawiska, np. czes. *rci žži*, stpol. *rcy* (Ps. Flor. i Puł.), strus. *ръci*, z czego wynika, że jest ono dziedzictwem prasłowiańskim, — nigdzie jednak nie zostało to tak konsekwentnie zachowane, jak w starocerkiewszczyźnie. Dziwnym trafem przecież w żadnej z dotychczasowych gramatyk s.-c.-s. nie znalazło ono należytego wyjaśnienia. Po większej części w podręcznikach takich uważa się naszą wymianę *e > o* za wynik redukcji i zalicza się ją zwykle do zakresu ilościowych wymian apofonicznych, odziedziczonych jeszcze z doby pra-indo-europejskiej.¹ Tymczasem dawno już wykazał H. Pedersen, że niema żadnej podstawy doszukiwać się różnicy apofonicznej między wokalizmem słów imperatiwu (optatiwu) a indikatiwu praes.² Vondrák początkowo widział przyczynę tej wymiany w nieakcentowanej pozycji *e* w odnośnych formach.³ Słusznie jednak w odpowiedzi na to przypuszczenie podniósł Rešetar, że w takim razie należałoby oczekiwać powstania form **vъdi* **nъsi* zamiast *vedi nesi*, ponieważ w nich taksamo *e* było nieakcentowane.⁴ Wobec tego że wymiana, o którą chodzi, występuje tylko u słów, w których w imper. ostatnia rdzenna spółgłoska *k* lub *g* wymienia się na *c* względnie *dz*, a nieznaną jest całkiem u innych czasowników, wydaje się niewątpliwem, że przyczyn jej szukać trzeba we wpływie zmiękczonej spółgłosek *c* i *dz*,

¹ Por. Kulbakin, Le vieux slave § 280 s. 324-5: „Les formes de l'impératif des verbes *reką peką teką žegą* ont la voyelle radicale au degré zéro“. — Lehr-Splawiński, Zarys gramatyki języka starocerkiewnosłowiańskiego, wyd. 2, s. 19: „P.-słow. *o* z p.-i.-e. *e* zredukowanego, np. imper. *ръci* por. praes. *reką*...“ — Łoś, Gramatyka starosłowiańska s. 35: „... trafia się ... redukcja dźwięku: *o* z *e*, np. *тъci* : *teką*...“ — N. van Wijk, Geschichte der altkirchenslavischen Sprache § 23 s. 94: „Urslavisch ist diese Reduktion wohl bei ... den Imper. *pъci* *ръci* *ѣdzi*“. — Mladenov, Geschichte der bulgarischen Sprache § 49 s. 100: „abg. *o* aus urslav *o₂*, idg. reduziertes *e* in unbetonter Stellung; abg. 2 sg. imper. *ръci* *vъcera* vor slav. **rekois*, **vekerōd*, vgl. *reką*, *večerъ*“

² Die Nasalpraesentia und der slavische Akzent. KZ XXXVIII s. 419-20.

³ Altkirchenslavische Grammatik wyd. 1. s. 225.

⁴ Archiv f. slav. Philologie XXVI s. 572.

na poprzedzające *e*. Z przypuszczeniem takim wystąpił jeszcze w r. 1872 E. Sievers¹, a później odeń niezależnie sformułował je dokładniej M. Rešetar² i H. Pedersen³. W szczególności Rešetar, który poświęcił naszemu zagadnieniu specjalny artykuł pt. „Zum Umlaut *e:ɔ*“, stwierdził wyraźnie, że chodzi tu o wpływ silnie palatalnych spółgłosek *c* i *dz*, przed którymi poprzedzające *e* ulegało podwyższeniu artykulacji i przechodziło w wysokie *i*, poczem dalszy jego rozwój nie różnił się oczywiście niczem od losów zwykłego pierwotnego *i* krótkiego. Pogląd ten przyjął w dalszym ciągu Vondrák⁴, kombinując go ze swym dawniejszym przez dodanie, że koniecznym warunkiem zwężenia *e > i* przed palatalnymi *c dz* była nieakcentowana pozycja odnośnej zgłoski.⁵ Po nim do poglądu Rešetara przyłączył się także Meillet,⁶ który położył nacisk na „jotację“ prasłowiańskiego *e*, wywodząc, że przy silnie „jotowanej wymowie *e (je)* w położeniu przed *c* i *dz* samogłoska ta była niejako z obu stron w otoczeniu palatalnym, co stało się właściwym powodem jej podwyższenia. Ostatnio zaś P. Diels — jedyny spośród autorów podręczników gramatyki s.-c.-s. — stanął również, choć z pewnym wahaniem, na tem samym stanowisku, że chodzi tu o wpływ następujących po *e* spółgłosek *c* i *dz*, ale uznał, że warunki, w jakich to zaszło, wymagają jeszcze dokładniejszego sprecyzowania.⁷ Istotnie: choć zjawisko samo w sobie nie ulega wątpliwości, wiążą się z niem pewne zagadnienia, które należy wyjaśnić.

Najpierw nasuwa się zagadnienie chronologii. Pedersen (1. c.) wyraził zdanie, że zwężenie *e* przed *c* i *dz* było późniejsze od drugiej palatalizacji („junger als die jungere Palatalisation“). Niejasno o chronologii tego zjawiska wyraża się Diels (1. c.). Niewątpliwie zasadniczo ujęcie Pedersena jest słuszne: zwężające oddziaływanie spółgłosek *c* i *dz* na poprzedzające *e* musiało rozpocząć się dopiero po powstaniu tych spółgłosek tj. po przeprowadzeniu tz. drugiej palatalizacji, niemniej jednak samo zjawisko zwężania *e* w położeniu przed palatalnymi było znane w języku prasłow. już dawniej. Świadczy o tem znane przejście heterosylabicznego dyftongu *ei* w *-i-* (**treies > trɛje*), a także wymiana *e* na *ɔ* przed *č ž* (zapewne też i przed *š*), widoczna w formach: *vbčera* (obok *večerb*), *mčb* (obok *mečb*), *žbžeši* (obok *žegq*), r.-cerk. *rčeši* (obok *reku*). Wynika z tego, że wąska

¹ Na zjeździe niem. filologów w Lipsku, por. Arch. f. slav. Philol. XXVII s. 142.

² Archiv f. slav. Philologie XXVI s. 571-4.

³ KZ XXXVIII s. 419-20.

⁴ Vergleichende slav. Grammatik wyd. 2. t. I s. 61-2

⁵ Inaczej ujmował Vondrák to zjawisko w wyd. 2 swojej „Altkirchenslavische Grammatik“: sądził mianowicie, że *ɔ* powstał tu z *e* bez pośrednictwa *i*, z czego wnosił, że brzmienie *ɔ* było zbliżone do krótkiego *e* (s. 15).

⁶ Le slave commun § 53 s. 43. W dawniejszym poglądzie Meilleta na nasze zagadnienie są pewne reminiscencje teorii „redukcyjnej“: „Le passage de *e > i* dans les impératifs tels que *pčci rčci* etc., est dû sans doute à ce que l'impératif tend à être une forme courte; mais comme l'a vu M. Pedersen, la présence de *c* est une condition essentielle du phénomène“.

⁷ Altkirchenslavische Grammatik § 23 s. 94 uw. 5.

odmianka *e* (ĕ) istniała w systemie wokalicznym prasłowiańskim od bardzo dawna, może nawet od początku samodzielnego życia językowego Słowiańszczyzny. Występowała ona najpierw tylko w położeniu przed *i* rozpoczynającym zgłoskę, a z czasem w miarę powstawania nowych palatalnych głosek zakres jej pojawiania się wzrastał: zarówno dzięki tz. pierwszej jak i drugiej palatalizacji spółgłosek tylnojęzykowych, które dały językowi prasłow. palatalne spółgłoski *č ž š c dz ś*, ilość pozycji, w jakich zachodziło zwięźanie *e* znacznie się zwiększyła. Wąskie *e*, nie mając samodzielnego stanowiska w systemie fonologicznym prasłowiańskim, zidentyfikowało się z krótkim *i* jeszcze w okresie przed przemianą (redukcją) tej samogłoski w *ɨ*, jak wynika z tego, że narówni z pierwotnym *i* przeszło w *ɨ*.

Drugim zagadnieniem, które w tym związku wymaga rozpatrzenia, jest sprawa wpływu akcentu na zwięźanie *e* w prasłowiańskim, którą — jak wiemy — pierwszy poruszył Vondrák, stawiając kategoryczne twierdzenie, zwięźanie *e* przed spółgłoskami palatalnymi zachodziło tylko w zgłoskach nieakcentowanych. Inni autorowie pytanie to pominęli milczeniem; jeden tylko Diels (l. c.) wyraźnie podniósł co do tego wątpliwości. Tymczasem rozpatrzenie wchodzącego w grę materiału bez wątpienia przemawia za poglądem Vondráka: wszystkie bez wyjątku formy zawierające *ɨ* z *e* przed spółgłoską palatalną miały w prasłowiańskim akcent na zgłosce poprzedzającej lub następującej po zgłosce, o którą chodzi. Szczególnie charakterystyczna jest w tym względzie oboczność *e*:*ɨ* w formach *večerɨ*: *včera*, z których pierwsza miała akcent na *e* (r. *včer*, sch. *včer*), a druga na zgłosce końcowej (r. *včerá*); zgadza się z tem nawet jedyna zachowana forma: *na včer* (którą przytacza Vondrák z Ps. Sin. 58.7); akcent padał w niej niewątpliwie na przyimek, por. r. *pód večer*, sch. *ú večer*. Zgodnie z tem również niema śladów przejścia *e* w *ɨ* w formach praes. słów jak *česati tesati*, ponieważ *e* było w nich akcentowane, por. sch. *čěšeš těšeš*.

Z kolei nasuwa się trzecia wątpliwość: Jeśli w prasłowiańskim *e* ulegało zwięźeniu przed wszystkimi spółgłoskami palatalnymi, to czemu w języku s.-c.-s. zjawisko to występuje systematycznie tylko w imperatiwie słów jak *peką* itp., podczas gdy należałoby go oczekiwać conajmniej także w formach 2-3 sg. i 1-2 pl. praes. tych czasowników? — W odpowiedzi na to należy zwrócić uwagę na dwie kategorie faktów:

1. W zabytkach s.-c.-s. spotyka się szereg form praes., zawierających *ɨ* ze zwięzonego *e* u słowa *žegą*: *zažbže* (Mar. Ass.), *pažbže* (Supr.), *sčžbže* (Sav.), *včžbžeši* (Supr.), a także w formach part. praet. pass. z taką samą głosową konfiguracją: *sčžbžena*, *včžbžena* (Supr.), *raždžženy* (Supr.)¹. W innych językach słowiańskich prócz tego czasownika formy z *ɨ* z *e* występują też u słowa *reką*: por. stczes. *žhu*, *řku*, *rčen*, *řka*, *řkl* i tp.², stpol. *žgę*, *žzesz*, *arzkč* (Bib. Zof.), *arzkac* (Bib. Zof.), strus. *žbgu*, *žbgom*, *žbžena*, *žbžaxu*, *řku*, *řkutč*, *rkuči*, *rkja*, *rkoxomč*, *rkoša*³. Wprawdzie van

¹ Por. Diels l. c. § 121 s. 248.

² Por. Gebauer, Histor. mluvnice jaz. česk. I 83.

³ Por. Sreznevskij, Materjały dla slovarja drevnerussk. I 865, III 118-9.

Wijk¹ sądzi, że *b* w s.- c.-s. *žbžeši žbžetb* nie pochodzi z doby prasłow. i powstał przez skłonność do dysymilacji (*žežeši > žbžeši*), ale wobec istnienia analogicznych form od *reka* w czes., pol. i rus. trudno się zgodzić z tem przypuszczeniem. Z tego samego powodu upada też objaśnienie Meilleta², że w formach *žbžeši* itd. o powstaniu *b* z *e* zadecydował wpływ poprzedzającego palatalnego *ž*: na poparcie tego przytacza Meillet także czes. *řku* itd., podkreślając, że w czes. „*r s' altère en ř*” — tymczasem formy *rbku* itp. istnieją też w ruszczyźnie, gdzie niema wcale przejścia *r' w ř*. Pozostaje więc przyjąć, że s.-c.-s. formy jak *žbžeši* itd. są śladami prawidłowej niegdyś wymiany *e* na *b*, która zgodnie z warunkami głosowymi zachodziła w 2 i 3 os. sg. i 1 i 2 os. pl. praes. u słów z ostatnią spółgłoską rdzenną tylnojęzykową. Wobec tego, że w 1 sg. i 3 pl. przed niezmiękczonej tylnojęzykowymi *e* utrzymywało się bez zmiany, istniała w paradygmacie praes. tych słów alternacja samogłoski rdzennej, dająca pole do wyrównywania analogicznego w jednym lub w drugim kierunku: u jednych czasowników zwyciężyły formy z zachowaniem *e*: *peka pečeši* itd., a u innych formy z *b*: pol. *żgę żżęsz*, czes. *řku* itd. Niekiedy tendencja ta przekroczyła nawet zakres form praesentis, dając początek formom jak: pol. *wrzkomo*, czes. *řkl, uřknouti*, rus. *žgomъ, rkli, rkoxomъ* i tp. Rozstrzygnięcie, dlaczego u jednych słów w tym czy w innym języku takie wyrównanie analogiczne poszło w tym, a u innych w drugim kierunku, nie da się przeprowadzić; kierunek tego rodzaju wyrównań zależy bowiem od całego spłotu rozmaitych, nieraz zupełnie chwilowych, skojarzeń psychicznych, które nie dadzą się ująć w jakąś formułę.

2. Drugim ważnym argumentem na dowód, że w większości form praes. czasowników, o które chodzi, rdzenne *e* ulegało istotnie zwężeniu w *i > b*, są urobione od nich iteratiwa zawierające w zgłosce rdzennej *i* zamiast (lub obok) oczekiwanego *ě* jako wzdłużonego odpowiednika rdzennego *e*. Należą tu: s.-c.-s. *naricati, prëricati, -ticati, -žizati*, obok *narëkati, prërëkati, tëkati, žagati*. Rešetar³ widział w nich dowód, że nie tylko *e* przed *c* i *dz* przechodziło w *b*, ale tak samo *ě* w tych warunkach zwężało się w *i*. Ujęcie takie mogłoby mieć za sobą jakie takie prawdopodobieństwo tylko wtedy, gdyby można wykazać, że zawarte w tych słowach palatalne spółgłoski *dz* powstały pod wpływem palatalizującym następnej samogłoski, albo że pochodzą z połączeń **kj *gj* (jak mniemał Rešetar). Ponieważ jednak ani jedno z tych przypuszczeń nie da się poprzeć żadnymi nadającymi się do przyjęcia argumentami⁴, przeto niemożna inaczej wyjaśnić sobie tu istnienia

¹ Por. I. c. s. 94.

² Por. Le slave commun, s. 43, 177.

³ Arch. f. slav. Philol. XXVI s. 573-4.

⁴ Niedawno J. Otębski w pracy pt. O t. zw. Baudoinowskiej palatalizacji w językach słowiańskich (Rozpr. i mater. Wydz. I Tow. Przyjaciół Nauk w Wilnie t. I z. 1 Wilno 1929) starał się dowieść, że prasłow. *-ricati* powstało z dawniejszego *-rikoiti*, ale wywody jego, nader zawile i pozbawione wszelkiego oparcia w realnych faktach językowych słowiańskich nie przekonują,

c i *dz* jak tylko wpływem poprzedzającego *i'*, z czego oczywiście wynika, że *i* w tych iteratiwach powstało wcześniej i całkiem niezależnie od *c dz*. Ponieważ zaś przy tworzeniu prasłow. iteratiwów normalnie w rdzeniu ich zachodzi wydłużenie samogłoski rdzennej występującej w rdzeniu form praes. lub inf. słów podstawowych, sam przez się nasuwa się wniosek, że nasze *i* powstało drogą wydłużenia zawartego w rdzeniu form praes. jak **rbkq rbčeši*, **tbkq tbcēši*, **žbgq žbžeši* itd. Iteratiwa typu *naricati* mogły oczywiście powstać dopiero po przejściu zwięzłego *e* w krótkie *ĭ*: przedtem musiały już istnieć iteratiwa z normalnym wydłużeniem rdzennego *e* w *ē*, a więc: *narēkati*, *tēkati* oraz **žēgati* > *žagati*. Formacje te miały zresztą i później jeszcze oparcie w zachowujących długo (w s.-c.-s. może stale) prawidłowo niezwięzłe *e* formach 1. sg. (i 3 pl.) praes. *rekq*, *tekq* itp. Oboczność iteratiwów typu *naricati*: *narēkati* stała się podstawą do tworzenia analogicznych dwójek u słów, które nie miały warunków głosowych dla zwięzania rdzennego *e*, por. *-grēbati*: *-gribati*, *-plētati*: *-plitati* itp. Iteratiwa typu *naricati* są więc pośrednim dowodem, że w s z y s t k i e czasowniki z ostatnią spółgłoską rdzenną tylnojęzykową miały przynajmniej w formach 2 i 3 sg. i 1 i 2 pl. praes. *e* zwięzłe pod wpływem następującego *č ž*.²

II. Bułg. dial. *džel'azo*, *džuna*.

W książce prof. S. Mladenowa „Geschichte der bulgarischen Sprache“ w § 64 s. 145 czytamy: „Wie bei dem explosiven *k* das Assimilationsprodukt eine Affrikata (*č=čš*) ist, so war auch bei *g* das erste Assimilationsprodukt eine Affrikata *dž*, von der später *ž* blieb. Dies wird durch die nbg. Mundarten bestätigt, in denen wir vielfach *dž* antreffen, also nbg. dial. für „Lippe“ *žuna*, *žuka* auch *džuna*, *džuka* < **gheuka*; *džel'azo*, *džil'azu* < *dželežo* < vorisl. **gelēzo*, ebenso wie oft *dz* statt *z* aus *g* bei der zweiten Assimilation“. Na s. 146 (§ 65) pisze autor: „Ein solches ursl... *dz*... haben wir in... abg. **блѣстѣ** nbg. dial. *bladze*, liter. *blazé* < Loc. -oi;... abg. **звѣзда** — nbg. dial. *džvezdá džv'ázdi*, liter. *zvezdá*, r. звѣзда usw.“ Z ustępów tych wynika, że prof. Mladenow w sporadycznie spotykanych w bułgarskich gwarach afrykatakach *dž dž* widzi bardzo stare przeżytki głosowe, sięgające swym pochodzeniem bezpośrednio doby prasłow. palatalizacji spółgłosek tylnojęzykowych.

Odnośnie do *dz* < *g* nie byłoby to samo przez się rzeczą zasadniczo nieprawdopodobną, bo przecież takie *dz* zachowało się po dziś dzień w języku polskim, utrzymywało się też w połabskim aż do ostatniego momentu istnienia tego języka. Z drugiej strony jednak nieufność do oceny wieku bułg. dial. *dz* podanej przez Mladenowa musi budzić fakt, że na

¹ Zdaje się, że dziś prócz prof. Otrębskiego nikt ze slawistów-językoznawców o tem nie wątpi.

² Niewiadomo, dlaczego Vondrák (Vergl. slav. Gram. I, wyd. 2, s. 716) — mimo że iteratiwa *-ricati*, *-žizati* wywodzi od form praes. *rbkq žbgq* — inf. *ticati* uważa za twór analogiczny wedle *naricati*.

gruncie bułgarskim takie *dz* nie utrzymało się w całej rozciągłości, jak w tamtych językach, ale tylko dialektycznie i to w niektórych wyrazach, podczas gdy pozatem normalnie zarówno w języku liter. bułg. jak i w gwarach panuje *z*, tak samo jak w całej Słowiańszczyźnie prócz języka pol. i pol. (Por. przytoczone przez Mladenowa przykłady: liter. *zeló*, *o bozě počivši*, *vrag*: pl. *vrazi*, *zvezdá*, *polza*, *podvizavam se*, *kňaz*, dial. *kňez*). W tym stanie rzeczy nasuwa się poważna wątpliwość, czy słusznem jest nieliczne przykłady z bułg. dial. *dz* wywodzić wprost z dziedzictwa prasłowiańskiego, czy też raczej nie należy ich uważać za rezultat jakiegoś drugorzędnego, nowszego procesu głosowego.

Wątpliwości te zyskują bardzo na sile w zestawieniu z wymienionemi wyżej wyrazami bułg. dial. *džel'azo*, *dżuna* zawierającemi *dż* zamiast ogł. *ž*. Wszakże nigdzie w Słowiańszczyźnie nie zachowały się ślady afrykaty *dż* jako kontynuanta prasłow. spalatalizowanego *g*. Mamy przeto wszelkie prawo przypuszczać, że utrata zwarcia zaszła w tej głosce jeszcze w dobie prasłowiańskiej, chociaż *č* nie uległo tam żadnej alteracji. Ta różnica w traktowaniu pod tym względem spółgłosek *č* i *dż* znalazła zresztą w kilka wieków później zupełną paralełę na gruncie ruskim, gdzie z kontynuantów prasłow. połączeń **tj* **dj* bezdźwięczny pozostał afrykatą *č*, a dźwięczny utracił początkowe zwarcie i przeszedł w *ž*. Wogóle stwierdzić trzeba, że dźwięczne afrykaty okazywały zawsze na gruncie słowiańskim tendencje do ztratny wstępnego zwarcia, jakiej nie znają afrykaty bezdźwięczne. O. Broch tłumaczy to tem, że u dźwięcznych zasadniczo zwarcie ma mniejszą siłę niż u bezdźwięcznych¹. Im dawniej zaś powstała odnośna dźwięczna afrykata, tem mniej prawdopodobne wydaje się zachowanie jej bez przemiany w odpowiednią szczelinową: a *dż* < *g* należałoby przecież do najstarszej serji afrykat powstałych w prasłowiańskim. Nic dziwnego zatem, że przypuszczenie Mladenowa, jakoby *dż* w bułg. dial. *dzelezo* czy *dżuna* było prasłowiańskie, musi każdemu wydać się wielce ryzykownem. Toteż nazwał je już „skrajnie śmiałem“ G. Iljinski², starając się znaleźć inne objaśnienie faktów, które Mladenow uznał za tak odległy archaizm. Sądzi on mianowicie, że początkowe *d* w wyrazach bułg., o jakie chodzi, pojawiło się wtórnie w nowszych czasach przez absorpcję końcowego *d* należącego do przyimków jak *prědъ*, *podъ* itp., które przyłgnęło do tych wyrazów „по sandhi-ческим условиям“. Ale także przypuszczenie Iljinskiego nie jest zadowalające. Tego rodzaju zjawisko — rzadkie naogół w języku — możliwe jest tylko w wypadkach, kiedy dane wyrazy szczególnie często dzięki specjalnym warunkom znaczeniowym występują w takich a nie innych połączeniach; trudno zaś wyobrazić sobie okoliczności, któreby tak szczególnie często i ściśle wiązały wyrazy oznaczające „żelazo“ i „wargę“ z przyimkami „przed, pod, nad“. Wyjaśnienia trzeba więc szukać na innem tle.

Drugorzędna zmiana nagłosowego *ž*, a także (czasem i nienagłosowego) *z* w afrykaty *dż* i *dz* nie jest wcale właściwością wyłącznie bułgarską:

¹ Por. Очеркъ физиологии слав. рѣчи § 45 s. 44.

² W recenzji książki Mladenowa RS X s. 174.

znają ją w rozmaitym zakresie także inne języki słowiańskie. Co więcej, występuje ona w nich także przy pierwotnym *z*, które nie powstało z *dz*, tak iż wtórny charakter tego procesu nie może ulegać wątpliwości. W języku polskim zjawisko to w kilku wyrazach ustaliło się zupełnie: *dzwon*, *dzwono*, *dźwięk*, *dźwięczeń* (st.-pol. *zvon*, *zwek*, *zwiąkać*), *dźgać* (obok *źgać*) st.-pol. *dziewa* (dziś tylko *ziewa* „er gähnt“). Więcej jeszcze przykładów spotyka się w małoszczyźnie: *dzwin*, *dzvonyty* (obok *zvin* *zvonyty*), *dzerkało* (ob. *zerkalo*), *dżeretó* (ob. *żeretó*) itp.¹ W niektórych gwarach małoszkich roi się niemal od takich przykładów. Do gwar tego rodzaju należy np. gwara wsi Moszkowiec w okolicy Halicza, opisana szczegółowo przez prof. J. Janową,² który w opisie swym próbuje związać to zjawisko z pewną charakterystyczną dla tej okolicy właściwością wymowy spółgłosek szczelinowych, polegającą na wymawianiu ich „z silniejszym naprężeniem grzbietu języka i ze zwężeniem szczeliny“. W tej odmiennej, bardziej energicznej artykulacji języka upatruje autor „stadjum poprzedzające tworzenie się wtórnych zwartoszczelinowych“. To samo zjawisko zauważył też Janów w mowie Huculów, gdzie przybiera ono niemięjszy zakres niż nad Dniestrem.³ Dodać tu jeszcze należy, że na gruncie małoszkim tendencja do zmiany nagłosowego spirantu przedniojęzykowego w afrykatę przekracza nawet zakres znany w języku polskim i bułgarskim, występuje bowiem, zdaje się, także u spółgłosek bezdźwięcznych: por. *cej* (zam. *sej* ten), *cucyk* (może od *suka*), choć nie jest rzeczą pewną, czy w wyrazach tych nie mamy do czynienia z objawami innej kategorii, nie mającymi związku ze zjawiskiem, o jakie nam chodzi. Niemożna oczywiście twierdzić napewno, że Janów w swym objaśnieniu uchwycił trafnie istotę rzeczy, ani też niemożna być pewnym, że na gruncie polskim czy bułgarskim działały te same czynniki fonetyczne, które w małoszczyźnie wywołały objawy paralelne z tamtymi, w każdym razie jednak z punktu widzenia metodycznego objaśnienie to ma tę niewątpliwą wyższość nad obu poprzednimi, że pozwala zrozumieć przebieg odnośnych zmian głosowych na tle jednolitem dla wszystkich języków, w których one zachodzą, bez uciekania się do przypuszczeń, nieprawdopodobnych czyto z punktu widzenia psychologicznego czy historyczno-językowego.

III. Bułg. part. praet. act. II. *donél*, *zanél*, *otnél* itd.

Dzisiejszy język bułgarski nie zachował — jak wiadomo — zupełnie form aorystu asygmatycznego ani też aorystu sygmatycznego starszego ze wzdłużoną samogłoską rdzenną. Prof. Mladenow, stwierdzając ten fakt, dorzuca uwagę, że w nowobułg. dial. formach part. praeter. act. II. typu

¹ Por. St. Smal-Stockyj, Grammatik der ruthen. (ukr.) Sprache § 32 s. 109.

² Gwara małoszka Moszkowiec i Siwki Naddniestrzańskiej z uwzględnieniem wsi okolicznych. — Archiwum Towarzystwa Naukowego we Lwowie. Dział I, t. III, zes. I. Lwów 1926. Por. § 45 s. 40.

³ Z fonetyki gwar huculskich. Symbolae grammaticae in honorem Ioannis Rozwadowski t. II s. 281.

donél, zanél, otnél zamiast *donészl, zanészl* itp. „könnte man die Spur eines Aorists **něxъ* (**doněxlъ* — *done(h)l* — *donél*) sehen, wenn diese Formen nicht analogisch entstanden sind (etwa nach *vъzél* zu *vъzéma* abg. *вѣзѣмѣ, kłel* zu *kłlná* abg. *кѣлѣхъ* usw.?)“¹ Ponieważ formy *donél* itp. stanowią swojego rodzaju „unicum“ w bułg. systemie konjugacyjnym, warto tu rozważyć, jaka może być ich geneza i czy istotnie można w nich upatrywać ślad dawnego aorystu ze wzdłużeniem samogłoski rdzennej, jak to, choć z zastrzeżeniem, przypuszcza Mladenow.

Otóż najpierw co do tego zastrzeżenia: czy jest możliwe, żeby forma jak *donél* powstała przez analogję do form jak *vъzél* lub *kłel*? — Aby pewne szeregi morfologiczne (wyrazy w całokształcie swej odmiany) mogły wywierać na siebie wzajemnie wpływ, zwany analogją morfologiczną, potrzeba, aby miały z sobą jakieś wyraźne punkty styczne czy w zakresie formalnym (jednakowo lub conajmniej bardzo podobnie zbudowane niektóre formy) czy znaczeniowym, które wywoływałyby wzajemne ich kojarzenie w umyśle mówiących i wytwarzały tym sposobem tendencję do wzajemnego coraz ściślejszego upodabniania innych składników formalnych (form czy ich części, końcówek, przyrostków lub przedrostków), początkowo różniących od siebie odnośnie szeregi. Jeśli takich wyraźnych punktów stycznych niema, to trudno przypuszczać, żeby mogły między takimi szeregami morfologicznymi zajść jakieś wyrównania analogiczne. Otóż, zdaje się, że między czasownikami *vъzéma kłlná* a słowem *nesá*, nie da się znaleźć takich punktów stycznych, któreby uzasadniały utworzenie drogą analogji na wzór *vъzél kłel* także *-nel*: sama odmiana praesentis (*nesá nesés nesé* itd. — *kłlná kłlnés kłlné*), choć całkiem zgodna, wystarczyć tu nie może, bo przecież tak samo wygląda praes. także u słów takich jak *berá, zová* (*berés beré, zovés zové*), a part. praeter. act. II. brzmi *bral, zval* i niema tam mowy o jakichś wyrównaniach. Wobec tego nawiasowe przypuszczenie Mladenowa trzeba uznać za nieprawdopodobne i rozpatrzeć pierwszą jego alternatywę.

Najpierw trzeba przytem zaznaczyć, że bułg. dial. *donél* nie jest formą specyficznie bułgarską, nieznaną pozatem nigdzie w Słowiańszczyźnie; przeciwnie: identyczne formy są powszechnie używane w języku serbo-chorwackim i to nietylko w gwarach ludowych, ale i w języku literackim, skąd niemal całkowicie wyparły pierwotne formy oparte na temacie *nes-*, por. sch. praeter. *dōneo* (*dōnio*), neutr. *dōnelo* (*dōnijelo*) itd. zamiast (i obok) *dōnesao, donēslo*. Mladenow nie mówi niestety, z których okolic Bułgarii pochodzą przytoczone przezeń formy dial. *donél* itd., ale już samo brzmienie ich: z *ě < ē* pozwala przypuszczać, że pochodzą one z obszaru zachodnio-bułgarskiego. Ponieważ zaś między gwarami zachodnio-bułgarskimi a wschodnio-serbskimi istnieje — jak wiadomo — sporo punktów stycznych, nie wydaje się rzeczą niemożliwą, że także w tym wypadku formy bułg. i sch., o jakie chodzi, pozostają z sobą w bezpośrednim związku genetycz-

¹ Por. Geschichte der bulg. Sprache § 133 s. 259.

nym. Jednakowoż choćby nawet tak nie było, to i tak ze względów czysto metodycznych, szukając właściwego dla nich objaśnienia, niemożna form tych od siebie oddzielać, codzienne doświadczenie uczy bowiem, że w języku, tak samo jak wogóle w życiu, jednakowe rezultaty są najczęściej wynikiem jednakowych przyczyn. Łączne zaś traktowanie tych form jest tu tem bardziej wskazane, że formy bułg. jako odosobnione w obrębie fleksji werbalnej nie dają wystarczających punktów zaczepienia dla zadowalającego wyjaśnienia. Mladenow przypuszcza, jak wiemy, możliwość powstania ich na podstawie przekształcenia formy I. os. sg. aor. **něxъ* przez dodanie do niej bezpośrednio przyrostka part. praet. act. II -l. Otóż tego rodzaju proces kontaminacyjny wydaje się nawet na tle nierzadkiego w gwarach bułg. oddziaływania form aor. na takie part. praet. nieprawdopodobny.¹ Nadto zaś trzeba by w takim razie przypuszczać, że forma aorystu sygm. **něx* utrzymywała się stosunkowo bardzo długo w odnośnych narzeczach bułg., co znowu jest nieprawdopodobne, skoro — jak to sam Mladenow podnosi — formy aorystu sygm. ze wzdłużoną samogłoską rdzenną już w dobie średniobułgarskiej „wurden... selten aus altertümlichen Originalen übernommen, der lebenden Sprache wie auch heute dem Nbg. waren sie ganz fremd.“² Na gruncie serbo-chorwackim natomiast formy *dōnio dōnijelo* występują w łączności z szeregiem innych form utworzonych na podstawie tak samo przekształconego rdzenia-tematu, wskutek czego łatwiej można zrozumieć proces ich powstania.

W serbo-chorw. prócz part. praet. act. *dōnio (dōneo) dōnijelo (dōnelo)* istnieje po dziś dzień kompletny (tj. — jak normalnie — bez 2-3 sg.) paradygmat aorystu: I. sg. *dōnijeh (dōneh)* 1. pl. *dōnjesmo (dōnesmo)* 2. pl. *dōnjestе (dōneste)* 3. pl. *dōniješe (dōneše)*, inf. *dōnjeti (dōnēti)* oraz rzadziej używane part. praet. pass. *dōnijet (dōnet)*. Nadto zaś takie samo przekształcenie rdzenia jak w **nesą* zachodzi w serbo-chorw. także u słowa **reka*, ale ogranicza się tam do infinitiwu i występuje tylko w drobnym odłamie dialektycznym, przedewszystkiem w Dubrowniku i okolicy: inf. *rìjet(i)* (w okolicy Kotoru także inf. *rìjeć*, co jest kontaminacją z *rìjet* i *ręc*). Formy te zestawili i zanalizował w ich rozwoju historycznym sięgającym w XV. A. Vaillant w pracy o języku pisarza dubrownickiego z w. XVI Dinka Zlataricia, która jest obecnie niewątpliwie największem repertorium wiadomości z zakresu dziejów języka serbo-chorwackiego.³ Doszedł on tam do wniosku, że dawne formy aor. **něx* i **rěx* stały się tu podstawą do utworzenia najpierw tematów inf. -*ně-* -*rě-* i tą drogą dały pośrednio początek wszystkim innym formom, opartym na tym samym temacie. Objasnienie takie jest na gruncie serbo-chorwackim zupełnie dopuszczalne dlatego przedewszystkiem, że zachował się tam dotąd aor. *dōnijeh*, a jeszcze w XV i w XVI w. istniały takie same formy od słowa **reka* (*rih, rieše -riše* itp.).

¹ Por. I. c. § 138. s. 266.

² Por. I. c. § 133 s. 259.

³ La langue de Dominko Zlatarić, poète ragusain de la fin du XVI siècle. (Paris 1931) t. II §§ 720-21 s. 295-7.

Że koniecznym ogniwem między aorystem *-nĕx* a praeter. *dōnio dōnijelo* był drugorzędny infinitivus *dōnijeti*, wynika najpierw z tego, że w sch. normalnie nie widać oddziaływania aorystu na formacje part. praet. act. II, powtórę zaś z tego, że u słowa **reka*, gdzie ten sam proces, co u *nesa*, zatrzymał się niejako w pół drogi, istnieje infin. *rĭjet(i)*, a niema part. praet. act. **rio *rijelo*.

Jeśli teraz, wobec niemożności wyjaśnienia bułg. dial. formy *donél* bezpośrednio na gruncie bułgarskim, spróbujemy zastosować tu wyniki, do jakich doszedł Vaillant w odniesieniu do paralelnych form sch., to oczywiście przede wszystkim musimy po części przyznać słuszność pogładowi prof. Mladenowa, że formy jak *donél* są istotnie jedynymi śladami starego aorystu sygm. ze wzdłużoną samogłoską rdzenną, jakie zachowały się na gruncie bułgarskim. Nadto zaś możemy usunąć trudność, na jaką wskazaliśmy wyżej, polegającą na sprzeczności chronologicznej między stosunkowo bardzo dawnym zanikiem odnośnych form aorystu a z pewnością nie tak starym powstaniem dialektycznych, nieznanych w zabytkach form jak *donél*. Trudność ta odpada, jeśli przyjmiemy, jak w sch., pośrednictwo form infinitiwu. Wprawdzie dziś infinitivus w zasadzie zanikł w języku bułgarskim, szczątków jego jednak spotyka się tak wiele w rozmaitych postaciach zarówno w języku literackim jak i w gwarach ludowych — szczególnie na obszarze zachodniobułg., że można chyba bez zbyt wielkiego ryzyka wyrazić przypuszczenie, iż gwary, które mają dziś formy part. praet. act. *donél* itp., znają jeszcze albo w niedalekiej przeszłości znały także inf. **donét*, odpowiadający sch. *dōnijeti*. Tym sposobem w formie *donél* możnaby widzieć podwójny ślad dawnych, zanikłych dziś w bułgarszczyźnie form konjugacyjnych: aorystu ze wzdłużoną samogłoską rdzenną i infinitiwu.

Kraków

Tadeusz Lehr-Spławiński

Zum Perfekt

In den meisten slav. Sprachen fungiert heute nach dem Untergehen des Imperfekts und des Aoristes das Perf. periphrast. auf *-l* als einziges Präteritum, und zwar beim imperf. Verbum als Imperfektum, beim perfekt. als Aorist und Perfekt (sowie Plusquamperfektum)¹. Dabei ist im Russ. die Kopula geschwunden (in der 3. p. teilweise schon in den ältesten Texten, sonst parallel mit der allmählichen Ausbreitung des Subjektspronomens, vgl. Sobolevskij Lekcii), während sie im Poln., Čech.² und Sloven.³ (im letzteren Falle auch in der 3. p.) erhalten ist, weil hier das persönliche Subjektspronomen gewöhnlich (ausser bei Hervorhebung) nicht gesetzt wird. Auch im Skr. herrscht heute, da der Aor. und noch mehr das Imperf. in der Umgangs- und Schriftsprache im Verschwinden sind, das Perfekt, und zwar in der ursprünglichen Funktion als Praeterit. praes. mit bewahrter Kopula (auch in der 3. p.), sonst aber als Praet. historicum ohne dieselbe, wie dies Belić in *Symbolae...* Rozwadowski II S. 47 ff. klargestellt hat. Beide Funktionen zeigt das Perf. auch im Bulg. (wobei in der 3. p. die Kopula überall fehlen kann), zeigt aber in beiden wichtige Sonderheiten. Zunächst das Praeter. praesens ist als sogenannter Admirativ und auch sonst⁴ öfters durch unser Praesens wiederzugeben. Dann ist das Praeter. histor. scharf von den noch in vollem Gebrauche befindlichen Tempora Aorist und Imperfekt derart geschieden, dass letztere eine bestimmte, ersteres eine hinsichtlich der Zeit und der Umstände unbestimmte Handlung bezeichnen, „die man nicht selten als Augenzeuge gesehen hat, sondern mehr vom Hörensagen kennt. Sein Platz wird also in Erzählungen aus der [ich setze hinzu: fernerer] Vergangenheit in Märchen, in fragenden und zweifelnden Sätzen, in Zeitungsberichten, in der indirekten Rede etc.

¹ Besonders in der russ. Schriftsprache, sonst gibt es daneben eine besondere Form (Imperf. oder Perf. der Kopula plus *-l* Form), die aber nur im Südsl. nicht gemieden wird.

² Hier kann in der 1. p. sg. pl. die Kopula wegfallen, wenn das Subjektspronomen gesetzt ist, vgl. Gebauer Hist. Mluvn. 3, 2, 421.

³ Hier sind Imperf. Aor. auf ital. Gebiete erhalten.

⁴ Zum Admirativ vgl. Weigand in *Balkan-Archiv* I 150 ff. und dazu Romansky in *Maked. Pregled* II, 3, 143 ff., IV, 1, 174 ff.; ferner aus Weigand, *Blg. Gram.*² § 92 u. 110: рѣзъкътъ значал размножаване на чхрана и добитък; изјадат всичко блажно, останало от вечергъта, за да не ги чапѣли змиитѣ; на Vodici тѣ otivat v čerkva da im se čete molitva ot sveštenika, zašto lo vĕrvat, če kojto ne si čete, poludĕval; ama prosta rabota tĕži nĕmci, edin гвоздеј ne im stiga umĕl da zabijat, pa kazvat, če nij sme bili prosti.

sein“ (Weigand, Blg. Gr.² § 92). Demgemäss wird es gewöhnlich in der 3. p. gebraucht, während für die 1. p.¹ und die unmittelbare Vergangenheit der Aorist gilt. Mladenov hat nun Symbolae... Rozwadowski II S. 205 ff. die aksl. Denkmäler unter diesem Gesichtspunkt untersucht und ist abweichend von Słoński und van Wijk zu dem Ergebnisse gekommen, dass auch hier Aorist und Perf. in der Bedeutung differenziert waren und im Neubg. immer durch das entsprechende Tempus wiedergegeben werden können (wobei die Anwendung des einen oder des anderen Tempus manchmal schwer nachzufühlen ist, besonders natürlich für uns Ausländer). Deshalb ist er abweichend von Conev der Meinung, dass diese Nuance nicht vom Türkischen mit seinem gleichbedeutenden und gleichgebildeten Perf. auf *-miš*² übernommen ist, sondern sich selbständig entwickelt hat. Obgleich man hier wie beim Albanischen (vgl. Weigand, Gram. § 140 Anm.) entsprechend Schmidts Wellentheorie Zusammenhang mit dem Türk. zugeben kann, ist Mladenovs Ansicht doch sehr gut möglich, weil diese Nuance auch sonst im Indogerm., in den baltischen und in den romanischen Sprachen und ferner im Sanskrit vorkommt³. Im Litauischen ist das Praet. (für Aorist u. Imperf.) durchaus von dem periphrast. Perf., das immer in Beziehung zur Gegenwart steht, verschieden: *jis atėjo* „er kam, ist gekommen“ (kann aber nachher wieder gegangen sein) gegenüber *jis (yra) atėjęs* „er ist gekommen und ist jetzt noch da“. Alle aktiven Partizipien (nicht nur das praeteritale) werden hier, besonders in indirekter Rede, zur Erzählung von Dingen verwendet, „die jemand nicht aus eigener Erfahrung, sondern als Gerücht oder Überlieferung berichtet“ (Senn, Lit. Sprachlehre S. 210 § 11), also entsprechend der Benennung der türkischen Form als *māzi i naqli* „Praeter. der Überlieferung“⁴. Im Lett. werden ebenso besonders die praeteritalen Participien gebraucht, vgl. Endzelin, Lett. Gram. § 767. In den romanischen Sprachen ist heute in den Umgangssprachen das zusammengesetzte Perf. vielfach herrschend geworden, vgl. Meyer-Lübke, Gram. d. roman. Sprachen III § 107. In den Schriftsprachen wird jedoch dieses Praet. indefinitum⁵ vor allem für eine vergangene Handlung

¹ Das Perf. war in solchen Fällen, wo ich mich an die Handlung nicht mehr erinnere, vgl. Romansky in Maked. Pregled II, 3, 145.

² Das diese Nuance schon in den Orchon Inschriften hat, wie mich Giese belehrt; dasselbe gilt nach Giese für das Türk. Die 3. p. kommt auch mit der Kopula *dir* vor. Übrigens wird *-miš* ebenso wie bg. *-l* als Partic. conjunkt. gebraucht.

³ Im Finnischen kann ein negatives Praet. nur durch das Perf. wiedergegeben werden: *sanoin* „ich sagte“ gegenüber *ensanonut* „ich sagte (eigtl. habe gesagt, scil. bis jetzt) nicht“; aus demselben Grunde pflegt im Slav. bei der Negation die imperfektive Verbform zu stehen.

⁴ Während die andere Form auf *-di* benannt ist *māzi i suhudi* „Praet. der Zeugen“.

⁵ Über die Geschichte dieser Termini seit dem XVI. Jh. vgl. Lerck Germ. Rom. Monatsschrift VI S. 46 f. — Wenn Vising, Franz. Studien VII, 2, 94 betont, dass das logische Perf. (Perf. praes.) in allen rom. Hauptsprachen auch durch das einfache Perfekt (Praet. definit.) nach Art der lat. Grundform ausgedrückt werde, so trifft dies für die älteren von ihm angeführten literarischen Beispiele zu, in den Darstellungen der modernen Sprachen aber gilt dies nicht als zulässig.

gebraucht, die sich auf die Gegenwart bezieht, gewöhnlich in ihr fortwirkt und dadurch im Munde des Sprechers leicht eine subjektive Färbung erhält; dagegen konstatiert das Praet. definitum rein objektiv eine in der Vergangenheit zum Abschluss gekommene Handlung. Dabei treten nun für das Praet. indefinitum Verwendungsweisen, die auf die an die bisher besprochenen erinnern. So dient es nach Haas, Franz. Syntax S. 408 in der dritten Person auch zur Erzählung solcher Handlungen, die vom Sprechenden als in der jüngsten Vergangenheit geschehen ausgesagt werden, ohne dass der Sprechende in direkter Verbindung mit der betreffenden Handlung gestanden zu sein braucht. Ferner sagt Vockeradt, Gr. d. italien. Spr. S. 206, dass es „bei der Erzählung von Tagesereignissen gebraucht werde, wenn der Sprechende dieselben nicht selbst miterlebt hat, sie also nicht hat entstehen sehen, sondern wenn er sie aus fremder Quelle hat und sie ihm deshalb als jetzt vollendete erscheinen, so namentlich bei Nachrichten, die eine Zeitung einer anderen entnimmt“; ähnlich Wiggers, Span. Gram. S. 264: Bei der Erzählung von Tagesereignissen findet der Ton der Geschichtserzählung, also das erste (=einfache) Perfektum, nur dann seine Stelle, wenn man Selbsterlebtes mitteilt; aus fremden Quellen Geschöpftes kann nur unter Anwendung des zweiten Perfektum erzählt werden, da es hier an der Berechtigung fehlt, den Standpunkt eines Historikers einzunehmen, der Erzähler vielmehr durch die Sachlage darauf angewiesen ist, das Geschehene in seinem Verhältnisse zur Gegenwart darzustellen. *Perdió su dinero en el juego...* wird derjenige sagen, welcher sich dadurch als Augenzeuge bekunden will; *ha perdido su dinero en el juego...* wird derjenige sagen, welcher nicht aus eigener Anschauung darum weiss. Dadurch wird natürlich nicht ausgeschlossen, dass auch der Augenzeuge sich des zweiten Perfektum bediene. Er wird dieses Tempus wählen, wenn es ihm nicht darum zu thun ist, die Sache in ihrem von ihm erlebten Geschehen, sondern in ihrem Verhältnis zur Gegenwart als ein jetzt vorliegendes Resultat darzustellen“. Nun sind diese span. Tempora allerdings viel umstritten worden und nach Vising (Franz. Studien VI S. 95) „scheint Wiggers Theorie mehr auf Konstruktion als auf Beobachtung des Faktischen zu beruhen“; doch haben die oben mitgeteilten Tatsachen gezeigt, dass eine solche Entwicklung dort sicher vorliegt. Wie diese Nuance des Perf., dass der Sprechende bei der Handlung nicht zugegen war, aufgekommen ist, ist bisher nicht behandelt worden, ergibt sich aber leicht aus der Entwicklung des periphrast. Perf. Thielmann hat Archiv f. l. L. II 372 ff., 509 ff. gezeigt, wie aus gewissen im (vor)klassischen Latein gebräuchlichen Formeln wie *cognitum, scriptum, emptum* usw. + *habere* (später auch *tenere*), in denen *habere (tenere)* durchaus noch selbständiges Verb war, seit dem V. Jh. aber zum Hilfsverb herabsinkt, die romanischen Formen entstanden sind; für das Germanische (*haben* und *eigan*) ist Behaghel, Deutsche Syntax II S. 271 zu vergleichen. Indem also in solchen Ausdrücken die bloße Konstatierung des Besitzes einer Sache (ich habe gekauft, geschrieben = ich habe durch Kauf, Schwarz auf Weiss) oder eines Zustandes infolge einer

vorhergehenden, durch Partizip ausgedrückten Handlung sich dadurch verschob, dass in den meisten Fällen das „Haben“ und „Sein“ als Wirkung minder wichtig erschien (und daher zum Hilfsverb herabsank) als die durch das Partizip ausgedrückte Ursache (also ich *habe* gekauft¹ > ich habe gekäuft) wurde der Ausdruck von Praes. zum Praet., jedoch zunächst derart, dass der Zusammenhang mit der Gegenwart wirksam blieb, so dass er nicht eine in der Vergangenheit völlig zu Abschluss gekommene Handlung bezeichnen kann oder, wo dies doch der Fall ist, der Sprechende bei der Handlung nicht zugegen gewesen sein darf; der letzte Schritt einer völligen Gleichsetzung mit dem Praes. histor. und teilweisen Verdrängung desselben ist dann in der Umgangssprache bei uns, frz., ung. (Simonyi, Die ungar. Spr. S. 365) und in den oben genannten slav. Sprachen geschehen.

Alle diese Entwicklungsstufen zeigt nun auch das idg. Perfekt. So fungiert es im Griech. in einer Reihe von Fällen als Praesens, besonders bei Homer: ὀδωδε „hat Geruch“ gegenüber ὀδωδη „Geruch“ (vgl. Wackernagel, Vorlesungen über Syntax I S. 166 ff.). Auch in der gewöhnlichen Funktion als Praet. praes. bezeichnet es bei Homer einen Zustand; trans. Bildungen wie τέρθηκε, δέδωκε, τετίμακεν sind erst später aufgekommen. Schliesslich wird es rein narrativ wie der Aorist (resp. Imperfekt, vgl. Wackernagel, Vorlesungen I 183) und von diesem in seiner bequemen sigmatischen Form verdrängt (Dieterich Byzant. Archiv I. S. 235); an seine Stelle tritt eine in derselben Weise wie im Roman. und German. aufgekommene Neubildung ἐχο (γε)γραμμένο(ν), die nun aber bis heute streng von Aorist geschieden bleibt. Im Lat. ist das alte Perf. schon vorhistorisch mit dem Aor. formell und syntaktisch zu einem Mischtempus vereinigt worden, in dem auch die schon vor dieser Vereinigung vorhandenen periphrastischen Perf. auf -vi, -ui (s. u.) aufgingen. Im Germanischen hat das alte Perf. schon vorhistorisch infolge des Unterganges der andern Praet., deren Funktionen mit versehen (so noch bei Ulfilas), bis die neuen periphrastischen Formen es auf Imperf. Aor. beschränkten. Sowohl hier wie im Lat. zeigt es z. T. die gewöhnlichen sekundären Endungen. Im Altindischen ist es im Veda noch oft durch unser Praes. wiederzugeben (vgl. die Beispiele bei Delbrück, Altind. Tempuslehre S. 102 ff., Renou, La valeur du parfait dans les hymnes védiques S. 102 ff., Thieme, Das Plusquamperfektum im Veda S. 36 ff.). Pānini stellt es durch seine Bezeichnung *lit* ebenso wie das Futur (*lr̥t*) und den futur. Konjunktiv (*let*) zum Praes. (*lat*) System, während die historischen Tempora in ihren Benennungen anstatt des auslautenden *t* ein *n* zeigen. Gewöhnlich bezeichnet es im Veda die Vergangenheit ganz allgemein und unbestimmt² und wird daher besonders in Fragen und Rätseln

¹ Diese Stufe kommt auch noch heute vor, z. B. *er hat viel Geld gespart*, was lit. durch „*tūri sutaupes daug pinigū*“ (nicht durch das Hilfsverb *yrā*) wiederzugeben wäre; vgl. auch das von Vising, Frz. Studien VI S. 173 zitierte span. Beispiel: *la idea que de V. tengo formada* (im Portug. ist allerdings heute *ter* < *tener* ganz farblos und überwiegt *havet*).

² Für lokalisierte Ereignisse gilt das hier narrative Imperf. oder für die unmittelbare Vergangenheit der hier darauf beschränkte Aorist.

in Nebensätzen gebraucht (Renou S. 24 ff., 81); von der direkten Rede, wo der Aorist gilt, ist es ausgeschlossen (ib. S. 37) und in der 1. p. wird es gemieden (ib. S. 82). Die Opferhandlungen, bei denen der Sänger zugegen ist, werden gewöhnlich im Aorist erzählt (ib. S. 31), Mythen wie die im Indra oder Agni oder vom himmlischen Soma im Perf. (ib. S. 39 ff.); die Verba *taks* ‚anfertigen‘ und *raks* ‚schützen‘ werden, wenn von Menschen gesagt, im Imperf., wenn von Göttern, im Perf. gebraucht. Pānini lehrt (3, 2, 115: *poṅokṣe lit.*), dass das Perf. für Handlungen *parokṣe* „ausserhalb der Augenreichweite“ gebraucht werde, wo man also nicht zugegen war. Deshalb kann es nach Patanjali gewöhnlich nicht in der 1. p. stehen; dies sei nur möglich bei Handlungen, die im Schlaf oder in der Trunkenheit oder bei Geistesabwesenheit¹ geschehen (vgl. türk. bg. oben S. 71), ferner bei Verneinung (vgl. das Finn. oben S. 71 Anm. 3). Die Praxis der guten Autoren stimmt im allgemeinen zu dieser Regel. So erzählen nach Speijer, Sanskrit Syntax S. 248 die Helden im Daśakumāracarita und im Kathāsaritsāgara ihre eigenen Abenteuer nie im Perf.; dies tritt aber sofort ein, wenn sie von anderen Personen berichten oder wenn der Autor selbst das Wort ergreift.

Also wir sehen völlige Übereinstimmung der Bedeutungsentwicklung beim periphrast. und beim alten Perf. Da sich diese beim ersteren als durch das Partizip bedingt ergeben hat, so ergibt sich der Schluss, dass das idg. Perf. auch ein Partic., ein Verbaladjektiv, d. h. ein Wurzelnomen gewesen ist, gewöhnlich mit Reduplikation, aber auch zuweilen ohne dieselbe wie in *void / veid / vid*, an welches die ihm eigenen Endungen direkt ohne Themavokal antraten. Daneben wird es in den klassischen Sprachen auch mit der Kopula verbunden: lat. *vid-istis*², *vide-*³ *runt*, *-rim* (*-sunt*, *sim*⁴), *vid-eram*, *-issem*, *-ero*, *-isse* und diese „Endungen“ drangen dann auch in den ursprünglichen, mit dem Perf. syntaktisch zusammengefallenen Aorist und haben die alten Endungen in *dixtis*, *dixem*, *dixe*, *ausim* verdrängt. In derselben Weise ist nach W. Schulze das zu diesen Wurzelnomina gehörige echte Partic. auf *-ves* (wie ai. *krtavant-*: *kṛta*) bei den vokalischen Stämmen⁵ mit der Kopula verbunden worden und hat so die betreffenden Formen von *amavi*, *domui* < **domāvi*, *monui* < *monevi* usw. geliefert, vgl. Kuhns Zeitschr. f. vergl. Sprachforschung XXVIII S. 266 ff. Ebenso sind griech. Formen wie *εἶδ-έω*, *-εἶην*, *ἦει*, *-εα*⁶ aufzufassen, vgl. G. Meyer, Griech. Gram. § 566.

¹ Als Beispiel führt Patanjali launig einen Grammatiker an, der auf der Fahrstrasse sitzt und einen Wagenzug nicht bemerkt.

² Nach Delbrück, Altind. Verbum § 56 kommen nur wenig Formen auf *-ā* in RV. vor; nach den Grammatikern ist diese Form nicht im Gebrauch und wird umschrieben (Speijer, Sanskrit Syntax S. —). Die Endung *-istī* kann verschieden aufgefasst werden und ist auch in *dixtī* eingedrungen. Nach Joh. Schmidt und W. Schulze kann auch *vidimus* < *vide-smus* hierher gehören.

³ Das könnte die alte 3. p. sg. sein, die ja nach Ausweis von osk. *deded* einmal vorhanden gewesen sein muss.

⁴ Auch hier ist das *-ī* früher als im Simplex durchgeführt.

⁵ Osk. umbr. auch bei konsonant. Stämmen in der Form *-us*.

⁶ Dem einzigen Beispiel für die 2. p. pl. *αἰνυδέατε* bei Herodot steht gegenüber bei demselben Schriftsteller *εἴτε* als Imperf. vom Verb. substant.

Solche Verbalnomina waren ursprünglich in jeder Beziehung indifferent. So haben Inf. und Part. perf. dieselbe Form noch heute im Armen. (vgl. auch Meillet, *Esquisse d'une gram. comparée de l'arm. classique* § 98) und im Alb. (vgl. Weigand, *Alb. Gr.* § 148) und ebenso hat *vid-*, neben der partizipiellen Bedeutung im Perf. und in vielen Kompositis (vgl. Grassmann, *Wörterbuch zum Rigveda* Spalte 1277) auch rein nominale Bedeutung (ib. 1278), vgl. Delbrück, *Vergl. Syntax III* S. 166. Ferner waren sie indifferent hinsichtlich des Genus¹; daher ai. *pīta* „getrunken“ und „getrunken habend“ (vgl. lat. *pōtus*) und die Part. perf. in aktiver und passiver Funktion im Neupers. (vgl. Jensen, *Neupers. Gr.* § 200 Anm. 3) und Arm. (Meillet, *Altarm. Elementarbuch* § 130); so erklärt es sich aufs Beste, dass im Griech. häufig ein aktives Perf. mit neutralem Sinn einem medialen Praes. gegenübersteht, z. B. *ἔλωλα: ἔλλυμαι* (vgl. Chantraine p. 26 ff., Wackernagel, *Vorles. I* S. 134); ähnlich im Veda, z. B. *vavārta: vārtate* (lat. *reverti: revertor*), vgl. Renou p. 140 ff. Schliesslich waren sie indifferent bezüglich des Tempus; deshalb kann ai. *suptah kumārah* bedeuten: der Knabe schläft, schlief, hat geschlafen, vgl. Speijer *Sanskrit Syntax* § 337, Brugmann *Indog. Forsch. V* S. 93, 100, 118; so wird nun klar, warum im Veda und bei Homer (doch auch noch im Att.) das Perf. so oft praesentische Bedeutung hat (Chantraine p. 18: chez Homère tous les parfaits ont proprement cette valeur) und auch lat. *memini, odi* finden die einfachste Aufklärung.

Wenn die hier dargestellte Auffassung als erwiesen gelten darf — vermutet ist sie ja schon mehrfach worden —, so wäre sie von grosser Tragweite. Denn damit würde das idg. Verb aus seiner glänzenden Isoliertheit gerückt und dem seiner Nachbarsprachen—und der nächsten Sprachen der Welt überhaupt—genähert. So ist das semitische Perfekt — wenn nicht das gesamte Verbum—ein Nomen, das in der 3. p. ohne Subjektspronomen auftritt. Das gesamte ural-altaische Verb ist nominalen Ursprungs und zeigt heute noch im Ungarischen und andern Sprachen (ursprünglich wohl überall) beim intransitiven Verb (im allgemeinen, über die Einzelheiten, vgl. Gombocz *Ungar. Jahrb. X*) ebenso besondere Flexionsendungen, wie dies bei dem seiner Grundbedeutung nach neutralen idg. Perfekt der Fall ist. Diese besonderen Flexionsendungen des „subjektiven“ Verbs werden für personalpronominelle Elemente gehalten² und stehen den Possessiv-affixen beim „objektiven“ (transitiven) Verb gegenüber. Genau dasselbe Verhältnis herrscht bei den Eskimo, nur dass hier die Personalpron. noch unverkürzt erhalten sind, vgl. Wundt, *Die Sprache II* S. 162. Diese durch das ganze Verb gehende Zweiteilung ist nun im Türkischen umgebogen in einem Zweiteilung der Tempora: Praes., Fut. und Praet. indefin. (auf *-miş*, s. o.)

¹ Vgl. ung. *sokat olvasott ember* „ein Mensch, der viel gelesen hat“, *az olvasott könyv* „das gelesene Buch“; ebenso türk. *alıyan at* „gefangenes Pferd“, *alıyan kiži* „Mensch, der gefangen hat“.

² Gombocz l. c. allerdings anders, ohne die parallelen Erscheinungen der anderen Sprachen zu berücksichtigen; vgl. H. Winkler, *Uralaltaischer Sprachstamm* S. 68 ff.

suffigieren die Personalpron., während das Praet. defin. auf *-di* und das Kondit. die Possessiva suffigieren (die 1. p. pl. auf *-k* allerdings bleibt unklar). Es darf nun die Frage aufgeworfen werden, ob nicht im Idg. einmal eine ähnliche Zweiteilung der Verbalendungen vorhanden war, die dann noch vorhistorisch so umgebogen wurde, dass die subjektiven Endungen auf das Perfekt beschränkt und sonst die objektiven (mit einem possess. Elemente) durchgeführt wurden; das Gegenüber von lat. *ferō* ($\bar{o} < o+a$): ai. *bharāmi* und gr. *φέρωμαι*: ai. *bhare* ($e < a, e+i$) wäre dann ein Rest der früheren allgemeinen Zweiteilung.

Breslau

O. Grünenthal

Единъ основенъ принципъ на нареждане думитѣ въ българското изречение

Въ реферата, представенъ на първия конгресъ на славянскитѣ филолози въ 1929 г. въ Прага, азъ се постаряхъ да изложа принципа, който въ славянското изречение регулира реда на думитѣ, съставлящи логично-граматичния подлогъ и логично-граматичното сказуемо¹. Този принципъ, въ противоположностъ на изходнитѣ основни положения на Вепкер (Die Wortfolge in den slav. Sprachen, Berlin 1900), трѣбва, споредъ мене, да търсимъ не въ традиционнитѣ граматични навици, а въ психологичнитѣ особености на изречението, т. е. въ идейното съдържание на изречението и въ отношението, което заема спрямо това съдържание въ всѣки отдѣленъ случай лицето, което изказва изречението.

Изходна гочка на моитѣ разсуждения въ споменатия по-горе рефератъ бѣха следнитѣ основни положения. Изреченията, като знаци на готови, образувани вече мисли, се разпадатъ на свойственитѣ тѣмъ логични елементи, а като изрази на психичнитѣ преживявания, които съпровождатъ образуването на тия мисли, се разпадатъ на опредѣлени психологични елементи.

Що се отнася до логичната анализа на изречението, то на времето сполучливо е опредѣлилъ нейното естество Розвадовски², а по-късно Лосъ³. Изречението, споредъ тѣхъ, безъ огледъ на броя на съставлящитѣ го думи, е винаги двучленна творба, тѣй като винаги при първа подѣлба се дѣли на две части. Тѣзи части сж подлогътъ и сказуемото. Всички останали т. н. второстепенни елементи на изречението, т. е. различнитѣ видове пояснения, не сж части на изречението, а сж части на подлога или на сказуемото. Логичната връзка, която свързва дветѣ части на изречението, се състои въ това, че подлогътъ, както се изразява Розвадовски, е отъждествяващъ членъ, а сказуемото — членъ различаващъ.

Различаващиятъ членъ опредѣля (пояснява) отъждествяващия членъ, той е следователно опредѣлящъ членъ, а отъждествяващиятъ членъ е членъ опредѣлянъ. Тѣй разграниченитѣ части на изречението сж негови логични елементи: логичниятъ подлогъ и логичното сказуемо.

¹ Stanisław Szober, Podzielność psychologiczna a układ wyrazów w zdaniu słowiańskim. Zvláštní otisk ze Sborníku Prací I Sjezdu slov. filologů. II. Praha 1931.

² J. Rozwadowski, Wortbildung und Wortbedeutung. Heidelberg 1904, 81.

³ J. Łoś, Stosunek zdania do innych typów morfologicznych. Rozprawy Wydziału Filolog. Akademji Umiejętności 46 (1910), 195-243.

Обаче изречението може да се дѣли не само логично, но сжщо така и психологично. Тази психологична подѣлба на изречението е въ тѣсна връзка съ психичнитѣ процеси, които съпровождатъ процеса на образуването на изречението, а понеже тѣзи процеси сж зависими отъ обективни, а сжщо и отъ психични обстоятелства, при които се твори изречението, то и неговата психологична подѣлба зависи именно отъ тия обстоятелства. Тукъ лежи изворътъ, отъ който произтича разликата между психологичнитѣ и логичнитѣ елементи на изречението.

Логичната подѣлба на изречението произлиза отъ логичнитѣ връзки, свързващи части на готово, образувано вече изречение, произлиза, значи, отъ причини, които се намиратъ въ рамкитѣ на самото изречение, вътре въ него. Психологичната подѣлба пъкъ на изречението произлиза, както споменахъ, отъ обстоятелствата, при които се твори изречението, опира се следователно на основа, която се намира извънъ границитѣ на самото изречение.

Въпрѣки тия явни разлики въ основитѣ на психологичната и логичната подѣлба, изречението въ психологично отношение сжщо тѣй, както и въ логично отношение, е двучленна творба. Въ психологичния анализъ, сжщо като въ логичния разборъ, разграничаваме две части, и тия части върху присжщата тѣмъ основа изпълняватъ служба, която напомня службата на логичния подлогъ и на логичното сказуемо и могатъ, следователно, да бждатъ наречени психологиченъ подлогъ и психологично сказуемо, защото психологичниятъ подлогъ въ присжтитѣ му рамки изпълнява ролята на отъждествяващъ членъ, а психологичното сказуемо — функцията на различаващъ членъ.

Подъ психологиченъ подлогъ трѣбва да разбираме тука тая частъ на изречението, която свързва идейното съдържание на това изречение съ нѣщо, което е вече дадено въ съзнанието, понеже произтича било отъ външната ситуация, при която се твори изречението, било отъ вътрешния токъ на езиковитѣ представи, отъ предходнитѣ моменти на разказа, описанието, разсжждението или разговора. Психологичното сказуемо пъкъ е тази частъ на изречението, която къмъ ситуацията, създадена отъ външни обстоятелства или отъ тока на езиковата дейность, добавя нѣщо ново, изразява нѣкое ново възприятие, изнася нѣкой новъ, останалъ преди това безъ внимание моментъ.

Отъ това произтичатъ два основни принципа:

1) Психологичнитѣ елементи на изречението не винаги отговарятъ на неговитѣ логични елементи, и

2) Думитѣ, които образуватъ психологичния подлогъ, се нареждатъ на първо мѣсто въ изречението.

Въ езици съ свободно нареждане на думитѣ психологичниятъ подлогъ заема начално мѣсто въ изречението, а психологичното сказуемо — крайно положение.

Това естествено нареждане на психологичнитѣ съставни части на изречението произтича непосредно отъ особеноститѣ на психичнитѣ про-

цеси, които придружаватъ процеса на образуването на изречението. Изречението, споредъ сполучливата дефиниция на Розвадовски, е изразъ на езикова двучленна аперцепция¹, а въ аперцепцията сжщо така, както въ всѣки актъ на перцепция, т. е. на усѣтно възприятие, се разграничаватъ два съвсемъ ясно очертаващи се момента — моментътъ на отъждествяване и следващиятъ подиръ него моментъ на различаване. Ако вследствие на получени възприятия разпознаваме нѣкакъвъ предметъ, напр. свѣщъ, лампа, мастилница, перо и т. н., като такъвъ, то това става благодарение на туй, че полученитѣ въ дадения моментъ възприятия асоциираме, т. е. отъждествяваме съ съответна паметна представа, образувана въ нашето съзнание възъ основа на миналъ опитъ. Ако такава отъждествяване не настѣпѣше, то не бихме разпознали възприемания предметъ, той би ни се представилъ като нѣщо съвсемъ ново и неизвестно. Значи, въ всѣко възприятие въ първия моментъ се извършва актъ на отъждествяване, а едва въ втория моментъ почваме да различаваме въ възприемания предметъ неговитѣ индивидуални белези, които го отличаватъ отъ другитѣ предмети, влизаци въ кръга на сжщата представа.

Понеже въ аперцепцията, изразена чрезъ изречението, тѣй както въ възприятието, актътъ на отъждествяване се извършва въ първия моментъ, а едва следъ него настѣпва актътъ на различаване, то и при нареждането на изречението, което следва свободно следъ този естественъ мисловъ процесъ, думитѣ, съставлящи психологичния подлогъ, се нареждатъ на първо мѣсто, а думитѣ, съставлящи психологическото сказуемо, отстѣпватъ на второ мѣсто въ изречението.

Това строго опредѣлено мѣсто въ изречението е именно формалниятъ белегъ на психологичния подлогъ и психологичното сказуемо. Тука, въ представенитѣ особености на психологичната подѣлба на изречението, лежи причината на разнообразието въ нареждането на граматичнитѣ части на изречението, тѣй като върху мѣстото на граматичнитѣ части на изречението влияе тѣхната роля въ психологичното разчленяване на изречението.

Тѣзи общи принципи действуватъ въ пълна сила сжщо така и въ българския езикъ. Всички спадащи тукъ възможности могатъ да се сведатъ до следнитѣ три основни случая: 1) Логично-граматичниятъ подлогъ заема начално мѣсто въ изречението, а логично-граматичното сказуемо — крайно мѣсто. Формула (s) S (s) | — (p) P (p), гдето S означава основата на граматичния подлогъ, s — второстепеннитѣ части на подлога, p — основата на граматичното сказуемо, а p — второстепеннитѣ части на сказуемото. Напр.: *Слънцето / грѣеше весело отъ лазурното небо. Ваз. — Мисълта ми / се поврѣща далеко, далеко въ миналото. Ваз. — И онова минало / повече и повече възставаше предъ мене. Ваз. — Очитѣ на Петра и на баба Станка / се наляха съ сълзи. Церков. —*

¹ Ор. с. р. 81.

Хората по земята / измърватъ съ аршинъ, а Господъ отъ небето / мърри съ късметъ. Георг. — Това / бѣше следъ войната, следъ сръбско-българската война. Георг. — Той / бѣше пѣленъ, едъръ човѣкъ, съ дълги рѣце и дълъгъ вратъ. Георг. — Моето предположение / излѣзе вѣрно. Георг. — Уважението ми къмъ това българче / растѣше. Азъ / откривахъ у него една духовна сила. Ваз. — Той / имаше дарба на словото, речъ ясна, увлѣкателна, гласъ силенъ. Ваз. — Вѣтърътъ / вѣе студено изъ планината. Ваз. — Тия нишанета / занимаваха нашитѣ млади умове. Ваз. — Всичко младо и кадърно / бѣга къмъ служба. Страната / губи здрави рѣце, здрави умове, здрави енергии. Ваз. — Всѣки мислящъ умъ у насъ / съ загриженостъ следи развитието на едно обществено и народно зло. Ваз. — Тия табли / имаха страшно значение: тѣ / бѣха орджия за морално наказание. Ваз. — Тази проста история / ме заинтересува. Ваз. — Това неочаквано откритие / го ободри. Ваз. — Очитѣ му / горѣха. Лицето / ставаше мрачно. Зловецъ огънь / блуждаеше въ погледа му. Стамат. — Книгата / безъ общество е страшна. Стамат. — Гжсти, пепелявоцвѣтни облаци / настилаха небето. Времето / тихо... Широкиятъ просторъ / мълчаливо и унило дрѣмѣше... Само орляци гарвани / крѣсливо пролитаха... Снѣжнолобата Витоша и Стара-планина... / гледаха отъ своитѣ мразовити висоти умрѣлото поле... Шосето / бѣше пусто. Нѣкаква тайна хубостъ / лежеше възъ тая картина. Ваз. — Пролѣтното слънце / лѣеше потоци отъ свѣтлина въ необозримото пространство. Окоето / можеше едва да съзрѣ понѣкога на небесната синева нѣкой тънъкъ и прозраченъ облакъ. Морето / свѣтѣше гладко. Рѣдки вълни / шавнѣха тихо. Величк. — Жълтеникавъ облакъ прахъ / се дигаше отъ колелетата... Слънцето / печеше нетърпимо отъ безоблачното лѣтно небо. Омарата / трептѣше надъ пожълтѣлитѣ стърнища... Никакъвъ звукъ отъ щурець по земята или птичка въ въздуха / не оживяваше глухотата на безлесно поле. Ваз. — Ти / си за мене любовъ и вѣра. Ботйовъ.

Такъвъ редъ на думитѣ въ изречението се случва тогава, когато логично-граматичнитѣ и психологичнитѣ части на изречението напълно се съгласуватъ. Това бива преди всичко въ описателнитѣ изречения и въ изреченията, които изразяватъ сжждения.

2) Логично-граматичниятъ подлогъ заема крайно мѣсто въ изречението, а на начално мѣсто се нарежда логично-граматичното сказуемо. Напр.: а) Минуватъ / днитѣ. Ваз. — И възкрѣсватъ сега въ глѣбинитѣ на паметта ми / бледи образи. Ваз. — Минаха се / нѣколко месеца. Ваз. — Така си мисли / горката майка. Ваз. — Него жалѣятъ / земя и небе, звѣръ и природа. Ботйовъ. — Глухо и страшно гърмятъ / окови; не чуй се отъ тѣхъ / гласъ за свобода. Ботйовъ. — Дойде и мина / победоносната войска. Ваз. — Събуди се / стариятъ великанъ Крали-Марко. Стамат. — Разкриха се / пазвитѣ на Рила и Пи-

ринъ: и голъ рѣтъ откри / котловината на Разлога. Страшимир. — Видятъ се / само яснитѣ страни. Ваз. — Направи се / градина, до-несоха се отъ вѣнъ / голѣми дървета...; съгради се още едно училищно здание...; купиха / се глобуси; образува се / и скромна училищна библиотека. — Ваз. Бѣха се изминали отъ Кетината сватба / четири години. Георг. — И дойдоха му въ ума / толкова страшни примѣри за нещастия въ рудници и подземни прокопи... Живо се изобрази предъ него / една такава картина. Ваз. — Бавно и мълчаливо чезнѣше / обжареното и заязено съ димъ и пушеци равнище. Церковски. — Грѣеше ме драголюбно / ясно слѣнце отъ небето. Славейк.

Такъвъ редъ на думитѣ се получава, когато логично-граматичното казуемо е въ изречението психологиченъ подлогъ и, обратно, логично-граматичниятъ подлогъ изпълнява функцията на психологично казуемо. Тукъ вниманието на говорещето лице се насочва главно върху действията, състоянията или явленията, означени чрезъ глагола, т. е. чрезъ граматичното казуемо, тѣ сж изходна точка за съдържанieto, изпълняватъ, следователно, ролята на психологиченъ подлогъ и се нареждатъ въ началото на изречението. Това бива преди всичко въ разказа, защото въ разказа се говори не за предмети, а за случки, т. е. за действия и състояния.

Такъвъ редъ на думитѣ се явява сжщо така винаги въ изречения, вметнати между чужди думи: *verbum dicendi*, съставляваще граматическото казуемо въ тия изречения, заема винаги предно мѣсто. Напр. *Вие знаете добре нѣмски — почнахъ / азъ.* Ваз. — *Доста, колко ми трѣбва — отговори / той.* Ваз. — *Врѣщай се по-скоро изъ ада! — прозвуча пакъ / единъ таенъ гласъ.* Ваз. — *Ето баця! — извика тамъ / червенобузо русо момче.* Ваз. — *Вашата изложба — каза / той — е хубава.* Величк. — *Никой нищо не ми е говорилъ — оправдаваше се / Ирмовъ.* Стамат. — *Отъ свирката му не можахме да заспимъ есенесъ — погълчаха / и други съседки.* Тодор. — *Виждамъ, двойка, млади хора — промълвихъ / азъ (въ недоумение).* Райч. — *Да, но все пакъ тя е само мечта — рекохъ / азъ.* Райч. — *Що плачете, бе хора — погтаряше / Георги.* Йовковъ. — *Какъ е сега, Киро? — попита го / тя.* Йовковъ.

Въ всички отъ този родъ случаи вече самото начало на чуждитѣ думи показва, че нѣкой е почналъ да говори (или да мисли): употребеното въ граматичното казуемо на вметнатото изречение *verbum dicendi (putandi)* сочи, следователно, на фактъ вече известенъ; при психологичната подѣлба на изречението то изпълнява, следователно, функцията на подлогъ, и затова се нарежда на начално мѣсто. На този фактъ обърнаха вече внимание Berneker въ цитирания по-горе трудъ, следъ него Kieckers (*Die Stellung der Verba des Sagens in Schalsätzen im Griechischen und in den verwandten Sprachen.* IF 30, 145-185), а въ последно време сжщо така Schwentner (*Die Wortfolge im Litauischen,* Heidelberg 1922, p. 12), но обяснение не дадоха: обяснението обаче се явява отъ

само себе си, като една отъ последицитѣ на посочения отъ мене общъ принципъ.

2b) Презъ рѣка Лета въ ладия Харонска /отива въ рай една глава конска. Ботйовъ. — (Бързай, странникъ, върви скоро, кжца бащина да стигнешъ). Предъ кжщата /играй хоро, презъ хорото /ти ще минешъ. Ботйовъ. — Изъ полето нейде отъ чердата /се зачува тихъ, залутанъ звънъ. Славейк. — На вършини и долини /стелятъ се мъгли вечерни. Въ далнината, изъ мъглата /вий се облакъ, врани, черни. Слав. — На нови сждбини /тукъ вихъртъ върлува. Слав. — Въ туй време /въ стаята влѣзе една висока, млада, хубава жена. Стамат. — Така /минаваха години. Стамат. — До 4 часа сутринята /се продължи вечеринката. Стамат. — Въ съседната стая /съ чу гласъ на дете. Стамат. — Въ компанията /седѣше единъ основенъ даскалъ отъ селата. Стамат. — Въ това време /се зададохъ къмъ насъ двама мои познайници. Ваз. — По стенитъ /висѣха голѣми табли отъ мукава съ мждри назидателни надписи... Предъ седалището /висѣха... черни дъсчени табли. Ваз. — Тукъ внезапно /му се представи предъ ума детинството му, баща, майка. Ваз. — Еднажъ /бѣше му се случило едно приключение. Ваз. — Но единъ день /влѣзе въ класната стая единъ непознатъ господинъ. Ваз. — Между селата Сврачево и Вирни-носъ, почти на срѣдопъть, край малкъ потокъ /се скрива между два вира кръчмата на дѣда Пуня Мигалото. Георг. — Въ ушитѣ му /ясно сега звучаха майчинитѣ му тжжни думи. Церк. — Надъ колибата /прехвърча кукумявка. Церков. — Изъ близнитѣ ливади /едва доловимо долетѣха гласове... По-наблизу нѣкъде /се слуша рижане на коне и звякане на конски букаи. Церков. — На масата /лежаха купъ ученически тетрадки. Церков. — Отъ кухнята /се зачу мекъ женски гласъ. Церков.

Въ приведенитѣ тукъ примѣри, въ противоположность на изреченията, подадени подъ 2 а), границата, която дѣли психологичнитѣ части на изречението, не отговаря на границата, дѣляща логично граматичнитѣ части: психологиченъ подлогъ е тукъ не цѣлото логично-граматично сказуемо, а само неговата второстепенна часть. Въ сравнение съ това, което видѣхме въ примѣритѣ, дадени подъ 1), тукъ разликата между психологичната и логично-граматичната подѣлба на изречението се засилва още повече, тъй като засѣга вече не само реда, въ който следватъ психологичнитѣ и логично-граматичнитѣ части, но сжщо така и границитѣ, които дѣлятъ тия части. По-близко опознаване съ съответния материалъ води до заключението, че случаитѣ, подобни на ония, дадени подъ 2 б), се явяватъ тогава, когато психологиченъ подлогъ е нѣкоя второстепенна часть на логично-граматичното сказуемо. Обикновено това е или допълнение или нѣкакво обстоятелствено пояснение, което се намира само въ външна връзка съ личния глаголъ (verbum finitum), каквото е обстоятелственото пояснение за мѣсто или за време. Ако обаче частъта на граматичното сказуемо, която заема начално мѣсто

въ изречението, е дума, която се свързва вътрешно съ значението на личния глаголъ, напр. обстоятелственото пояснение на начинъ, то тя образува психологичния подлогъ не сама, а заедно съ личния глаголъ.

3) Думитѣ, които съставятъ логично-граматичния подлогъ, понѣкога се преплитатъ съ думитѣ, съставляващи логично-граматичното сказуемо. Напр. *На изгрѣвъ слънце / дѣдо Кънчо / се събуди.* Церков. — *На моя въпросъ / той / ме изгледа полусърдито.* Георг. — *Зинало / всичко / срещу моитѣ рѣце.* Церков. — *Съ нѣкакво неземно наслаждение загледа / той / пространния къръ.* Церков.

Въ всички тукъ приведени примѣри имаме редъ на думитѣ, при който думитѣ, съставлящи граматичния подлогъ, се намиратъ въ срѣдата на изречението, между думитѣ, които съставятъ граматичното сказуемо. Такъвъ редъ на думитѣ може да бѣде назованъ срѣдноподложенъ. Трѣбва да различаваме тукъ две разновидности: въ едната, както показватъ приведенитѣ примѣри, въ началото на изречението предъ граматичния подлогъ се намиратъ само второстепенни части на сказуемото, а въ другата разновидност началното мѣсто предъ граматичния подлогъ заема основното сказуемо (самò или придружено отъ нѣкоя второстепенна часть на сказуемото).

Този преплетенъ редъ на граматичнитѣ части на изречението е сжщо така въ тѣсна зависимостъ отъ психологичната подѣлба: и тукъ, както и другаде, частицитѣ, които се нареждатъ въ началото на изречението, безъ огледъ на логично-граматичната си функция, при психологичната подѣлба на изречението изпълняватъ функцията на подлогъ, т. е. на отъждествяващъ членъ.

Констатирането на този фактъ ни се налага отъ само себе си, въпросътъ е само, где въ такива случаи трѣбва да търсимъ границата, която дѣли психологичния подлогъ отъ психологичното сказуемо.

Ако въ началото на изречението предъ граматичния подлогъ се явяватъ само второстепенни части на сказуемото, то не подлежи на никакво съмнение, че тѣ именно винаги съставятъ психологичния подлогъ и че тѣ представятъ границата, следъ която почва психологичното сказуемо. Символътъ на този родъ случаи е, следователно, формулата: $p / - (s) S (s) - (p) P (p)$. Напр.

3а) *На изгрѣвъ слънце / дѣдо Кънчо се събуди.* Ваз. — *Но въ тѣсната срѣда на своитѣ еднограждане / даскалъ Калистъ продължаваше да се радва на почитъ.* Ваз. — *Съ тѣзи думи / бае Гето ме остави безъ никакви по-нататъшни обяснения.* Георг. — *Между всички други / единиятъ бѣше толкова оригиналенъ.* Георг. — *Но заедно съ това / и окото му привикваше на мрачината.* Ваз. — *Тая нощъ / баба Цека сънува сънъ.* Ваз. — *Подиръ шестъ дена / тя прие писмо.* Ваз. — *Отъ това мѣсто / гледката на улицата е доста занимателна.* Ваз. — *Всѣки день у насъ / едно рало се напуца, единъ занаятчийски станъ опустява, единъ дюкянъ се затваря.* Ваз. — *Отъ неговата външностъ / вниманието ми се спрѣ на беседата му.* Ваз.

— Въ кржгозора презъ омарната мъглица / планинитъ очертаваха пречупенитъ си линии въ небето. Ваз. — Една сутринъ презъ августъ / служащитъ въ българския павильонъ на парижката изложба забележиха... единъ старецъ. Величк. — А въ това време / топоветъ при Драгоманъ ехтѣха. Ваз. — И тая утринъ / учитель Койчевъ се събуди твърде късно. Церков. — На другия день / ... всичко бѣше почти готово. Стамат. — Следъ единъ часъ / Гермовъ слезе долу умитъ, вчесанъ, съ други дрехи. Стамат. — Заранята / баба Цена отиде рано въ черкова. Ваз. — Току преди четвъртина часъ / Керовъ бѣше се раздѣлилъ отъ своята Adèle. Ваз. — На северъ / боръ самотенъ стои на голий брѣгъ. Слав.

Ако въ началото на изречението предъ граматичния подлогъ се нареждатъ не едно, а две или нѣколко обстоятелствени пояснения, то може тогава да се случи, щото само едно отъ тѣхъ, именно първото да изпълнява ролята на психологиченъ подлогъ, а останалитъ да принадлежатъ къмъ психологичното сказуемо, напр. *Тая зима / презъ нѣколкото ѝ по-малко лоши дни, азъ подиръ пладне избирахъ си мѣсто за разходка.* Ваз.

Въ всички тия примѣри имаме работа съ централноподложенъ редъ на думитъ при следподложно положение на личния глаголъ (verbum finitum). При централноподложния редъ на думитъ личниятъ глаголъ може обаче и да предхожда подлога. Въ такъвъ случай сж възможни въ психологичната подѣлба на изречението две разновидности: α) (p) (P) (p) — (s) S (s) / — p, или пъкъ: β) (p) / — (p) P (p) — (s) S (s) — p.

Втората разновидность се явява, когато второстепенната часть на граматичното сказуемо, която предхожда личния глаголъ, е нѣкакво външно пояснение (обстоятелствено пояснение за мѣсто или време или пъкъ допълнение); първата разновидность пъкъ се явява, когато личниятъ глаголъ заема начално мѣсто въ изречението или пъкъ когато второстепенната часть на сказуемото, която предхожда личния глаголъ, е нѣкакво вътрешно пояснение на глаголното съдържание, сочи особености, тѣсно свързани съ цѣлостта на действието, изразено въ личния глаголъ (напр. обстоятелствено пояснение на начинъ). Напр.

3b α) *Но най-много се радва Радулчо / на новата свирня.* Ваз. — *Страшно се възмущаваше челоуѣческата му природа / отъ тоя начинъ на просене.* Ваз. — *Чу се силенъ тропотъ / въ пруста.* Ваз. — *Умрѣ сиромахъ / за правда и за свобода.* Ботйовъ. — *Зададе се облакъ тъменъ / отъ къмъ гора, отъ Балкана.* Ботйовъ. — *Съ радостъ срѣща той / зора.* Ботйовъ. — *(Ни лѣхъ не дѣхва надъ полени), ни трепва листъ / по дървеса.* Слав. — *Спрѣ се орачѣтъ / предъ нивата злата.* Слав. — *Умрѣха тѣ всички / за родния край.* Слав. — *Не лѣхва нийде вѣтрецъ / надъ морнитъ поля.* Слав. — *И дрѣме той / безмѣлно.* Слав. — *Съ наведена глава той вървѣше / къмъ кщцата.* Церк.

3b β) *Съ незнаенъ трепетъ въ гърдитъ / отпуска той нога.* Слав. — *Днесъ / виждамъ азъ увѣхнали листа.* Слав.

Вземъ ли се по-внимателно въ формулитѣ, които символизируютъ реда на частитѣ на изречението въ установенитѣ по-горе три разновидности на централноподложния редъ (3 а) $p - / S - P (p)$, (3 б а) $(p) P - S - / - p$, (3 б б) $p / P - S - p$), ще забележимъ, че въ всички тия случаи граматичниятъ подлогъ се явява въ тая психологична частъ на изречението, въ която се съдържа основното граматично сказуемо (*verbum finitum*). Това обстоятелство е причината, гдето редътъ, въ който следватъ една следъ друга тия две съставни части, може да бжде обръщанъ, безъ да се наруши съ това границата на психологичнитѣ части на изречението. Редътъ: $p - / S - P (p)$ може, следователно, да се измѣни въ $p - / P (p) - S$, редътъ $(p) P - S / - p$ въ $S - (p) P - / - p$, а редътъ: $p - / P - S - p$ въ $p - / S - P p$. Напр. *Всѣки день у насъ / едно рало се напуца, единъ занаятчийски станъ опустява, единъ дюкянъ се затваря*. Ваз. (3 а) = *Всѣки день у насъ / се напуца едно рало, опустява единъ занаятчийски станъ, затваря се единъ дюкянъ* (2 б). — *А въ това време / топоветѣ при Драгоманъ ехтѣха*. Ваз. (3 а) = *А въ това време / ехтѣха при Драгоманъ топоветѣ* (2 б). — *Зададе се облакъ тъменъ / отъ къмъ гора, отъ Балкана*. Бот. (3 б а) = *Облакъ тъменъ се зададе / отъ къмъ гора, отъ Балкана* (разновидностъ на типа 1). — *Съ радостъ срѣща той / зора*. Бот. (3 б а) = *Той съ радостъ срѣща / зора* (разновидностъ на типа 1). — *Спрѣ се орачѣтъ / предъ нивата злата*. Слав. (3 б а) = *Орачѣтъ се спрѣ / предъ нивата злата* (разновидностъ на типа 1). — *Съ незнаенъ трепетъ въ гърдитѣ / отпуска той нога*. Слав. (3 б б) = *съ незнаенъ трепетъ въ гърдитѣ / той отпуска нога* (3 а). — *Днесъ / виждамъ азъ увехнали листа*. Слав. (3 б б) = *Днесъ / азъ виждамъ увехнали листа* (3 а).

Възможността на подобни колебания въ нареждането на граматичнитѣ части на изречението зависи отъ това, дали въ идейното съдържание, изразено въ психологичното сказуемо, господстващо значение получава предметната представа или пъкъ представата за нѣкакво действие, състояние или явление: въ първия случай на предно мѣсто се нарежда граматичниятъ подлогъ, а едва следъ него иде личниятъ глаголъ (*verbum finitum*); въ втория случай, обратно, предно мѣсто заема глаголътъ, а тепърва следъ него се явява граматичниятъ подлогъ. Този родъ измѣствания не влияятъ, както казахъ, върху психологичната подѣлба на изречението, но оставатъ безъ влияние върху стила на изречението, защото, ако е сполучлива предложената нѣкога отъ мене дефиниция, споредъ която „стилътъ е резултатъ на отношението, въ което се поставятъ единичнитѣ семантични предстиви, които се съдържатъ въ изречението, къмъ цѣлокупната идейна картина (*Gesamtvorstellung*), изразена чрезъ изречението“, ¹ то ясно е, че за стила не може да бжде безразлично, дали на пръвъ планъ въ психологичния подлогъ

¹ S. Szöber, *Zjawiska stylu u słosunku do innych zjawisk językowych i stanowisko stylistyki wobec językoznawstwa*. „Prace lingwistyczne, ofiarowane J. Baudouinowi de Courtenay“, Kraków 1921, str. 169.

или въ психологичното казуемо изнасяме представата за нѣкакво действие, състояние или явление. Напр. изреченията: *а въ това време / топоветѣ при Драгоманъ ехтѣха* и *а въ това време / ехтѣха при Драгоманъ топоветѣ*, ако и да сж знаци на единъ и сжщи комплексъ представи и да не се различаватъ помежду си нито въ психологичната си подѣлба, нито въ функционално-синтактичното съотношение на съставнитѣ си части, различаватъ се все пакъ стилистично, защото предаватъ малко нѣщо отлично отношение на съдържатитѣ се въ тѣхъ семантични представи къмъ изразената въ тѣхъ цѣлостна картина: въ наредата на думитѣ, която Вазовъ дава на изречението, господствуваща представа въ психологичното казуемо е предметната представа (*топоветѣ*), когато въ варианта, даденъ по-горе като възможна разновидностъ на Вазовото изречение, на пръвъ планъ въ съдържанието на казуемото се нарежда представата на действие (*ехтѣха*), а едва следъ нея се явява образътъ на предмета, който е източникътъ на явлението.

Въпросътъ за стилистичнитѣ стойности на различнитѣ видове нареждания на частитѣ въ изречението е обаче отдѣленъ въпросъ, затова се спрѣхъ само мимоходомъ върху него. Тукъ бихъ искалъ обаче да подчертая, че замѣнитѣ отъ рода на посоченитѣ по-горе измѣнятъ типа на нареждането на частитѣ въ изречението. Подъ влиянието на такива премѣствания типътъ 3 а се превръща, както видѣхме, въ типъ 2 b (втората разновидностъ на крайноподложния типъ), типътъ 3 b α се измѣня въ типъ 1 (началноподложенъ), а типътъ 3 b β се превръща въ типъ 3 а (централноподложенъ съ следподложно положение на личния глаголъ).

Посоченитѣ три типа нареждания на частитѣ на изречението — съ начално, срѣдно и крайно положение на логично-граматичния подлогъ — се ползватъ въ българския езикъ съ пълно равноправие. Нито надъ единъ отъ тѣхъ не е натежала нѣкаква закрепваща и даваща предимство езикова традиция; затова въ течението на речта тѣ непрекъснато се смѣняватъ въ зависимостъ отъ промѣнящитѣ се всѣки моментъ начини на аперцепиране идейното съдържание на изречението и отъ установяващитѣ се въ свръзка съ това едни или други граници между психологичнитѣ части на изречението. Тази възможностъ на свободно нареждане частитѣ на изречението предпазва българския езикъ отъ синтактична монотонностъ и бива използвана за повдигане художественитѣ стойности на стила. Обръща обаче внимание единъ твърде характеренъ фактъ. При голѣмата свобода, която господствува въ начинитѣ на нареждането частитѣ на изречението, не срѣщаме въ българския езикъ още едно — теоретически възможно — нареждане, именно нареждането, при което казуемото заема срѣдно мѣсто, тъй както това често се случва въ старогръцкитѣ жертвени и авторски надписи, като напр. *Ἀλκίβιος ἀνέδηκεν κισσοφόδῳ νησιώτης*, или *Μηχανίων ἀνέδηκεν ὁ γοακιταεύς*, или *Πύρρος ἐλόγησε Ἀθηναῖος* (E. Kieckers, op. c., p. 80, 81/2).

Този типъ бѣ предметъ на подробни изследвания (вж. между другото: J. Wackernagel, IF 1, 429 и нат., E. Hermann KZ 33, 506, B. Delbrück,

Grundr. 5, 65 и нат., E. Kieckers, о. с. 80 и нат.). Нѣма да се впускамъ тукъ въ неговата интерпретация, тъй като, както казахъ, той е чуждъ на синтаксиса на българския езикъ. Въ богато събрания отъ мене материалъ намѣрихъ само единъ примѣръ, който до известна степенъ подпада подъ тоя типъ. То е изречението, взето изъ съчиненията на Пенча Славейковъ: *доволенъ и веселъ / назадъ се завърна / свети Атанасъ отъ небето = ss — / p P /— s S — p*. Примѣрътъ не е отличенъ, защото, първо, явява се въ стихотворение, гдето при нареждането на думитѣ безсъмнено сж влияли съображения ритмични, второ, прилагателнитѣ *доволенъ и веселъ* изпълняватъ тукъ функцията на т. н. обстоятелствено опредѣление, а то значи, че, ако и формално да принадлежатъ къмъ граматичния подлогъ, но по значение се свързватъ сжщо така и съ личния глаголъ (*verbum finitum*), та тѣ сж, следователно, до известна степенъ сжщо така части на сказуемото, тъй като именуваатъ признакъ, който не е постояненъ белегъ на подлога, а се проявява въ него само временно, и то въ границитѣ на времето, означено въ личния глаголъ. Цитуваното изречение може сжщо така да бжде схванато като: *pp — p P — / s S /— p*, а въ такъвъ случай бихме имали предъ себе си не срѣдносказуемно нареждане, а срѣдноподложно.

Варшава

Станиславъ Шоберъ

Traitement des mots étrangers en bulgare moderne

Le bulgare moderne transcrit généralement les mots étrangers d'après la façon dont ils sont prononcés et non point orthographiés, dans leur langue d'origine: ainsi Шéкспиръ, *Shakespeare*, Тáймсъ, (*the*) *Times*, etc. D'autre part, ce n'est que dans une mesure assez restreinte qu'il cherche à „bulgariser“ ces mots, en leur appliquant des désinences proprement bulgares. On peut citer à cet égard: 1°) une série de noms masculins désignant des professions, auxquels la langue populaire ajoute le suffixe -инъ, par exemple: агéтинъ, *agent*, адвокáтинъ, *avocat*, акционéринъ, *actionnaire*, вагабóнтинъ, „*propre à rien*“, etc., et 2°) une série de noms féminins dans lesquels le suffixe -ция a été substitué au suffixe français -tion, comme абнегáция, *abnégation*, акламáция, *acclamation*, редýкция, *réduction*, etc.

En revanche, lorsqu'il s'agit de fléchir ces mots étrangers et notamment de les employer au pluriel, la langue les traite comme des mots proprement bulgares, et cela dès le premier jour de leur emprunt, c'est-à-dire sans aucun „stage“ préalable du genre de celui qu'impose aux mots étrangers, avant de les fléchir, telle autre langue slave — par exemple le russe.

En conséquence, et le genre et la flexion de ces mots en bulgare sont déterminés non point par le genre et la flexion qu'ils connaissent dans leur langue d'origine, mais bien par les lois générales qui régissent le genre et la flexion des mots proprement bulgares. C'est ainsi que les mots en -умъ empruntés au latin, comme par exemple консóрциумъ, *consortium*, sont en bulgare du masculin et non du neutre, et suivent une flexion masculine, tout de même que les mots en -ма empruntés du grec, comme схéма, *schéma*, ne sont pas davantage du genre neutre, mais bien du féminin, et sont fléchis au pluriel comme des féminins.

Les mots de provenance étrangère se laissent ainsi répartir tout d'abord en deux groupes: d'une part substantifs terminés par consonne suivie de -ъ, et d'autre part substantifs terminés par voyelle.

Les substantifs terminés par consonne suivie de -ъ sont régulièrement considérés comme masculins. En conséquence, ils font leur pluriel soit en -ове, s'ils sont monosyllabiques: ainsi актъ, *acte*, pl. áктове, асъ, *as*, pl. áсове, — soit en -и s'ils sont polysyllabiques: ainsi актýоръ, *acteur*, pl. актýори, гамéнь, *gamin*, ou plutôt „воуои“, pl. гамéни, диплóмъ, *diplôme*, pl. диплóми, костýмъ, *costume*, pl. костýми, et enfin tous les mots en -умъ provenant de neutres latins en -um, comme: мéдиумъ, *medium*, pl.

медиуми, санаториумъ, *sanatorium*, pl. санаториуми, etc. Quant aux substantifs „bulgarisés“ par l'adjonction du suffixe -инъ, dont nous avons parlé plus haut, ils sont traités comme les mots proprement bulgares en -инъ dans lesquels ce suffixe n'est pas accentué, c'est-à-dire qu'ils perdent au pluriel ledit suffixe: nous avons donc ainsi les pluriels агенти, адвокати, акционери, etc.

Parmi les substantifs terminés par voyelle, il y a lieu de distinguer d'une part ceux qui sont terminés par -а ou par -я, et d'autre part ceux qui sont terminés par toute voyelle autre que -а ou -я. Les substantifs en -а ou -я sont, en principe, considérés comme des féminins, et, en conséquence, font leur pluriel en -и: ainsi амбасáда, *ambassade*, pl. амбасáди, салáта, *salade*, pl. салáти, рáта, *versement partiel*, „tranche“ d'un emprunt par exemple (de l'italien *rata*, *portion*), pl. рáти, etc., et de même les substantifs en -ма provenant de neutres grecs en -μα, comme дилéма, *dilemme*, pl. дилéми, емблéма, *emblème*, pl. емблéми, схéма, *schéma*, pl. схéми, etc.

Toutefois, lorsque les mots d'emprunt en -а désignent des personnes du sexe masculin, ils conservent le genre masculin en bulgare et sont traités à tous égards comme les noms proprement bulgares à désinence -а, mais de genre masculin, comme бащá, *père*, слугá, *serviteur*, ect.: c'est par exemple le cas de агá, *aga*, qui fait au pluriel аги (et aussi агалáри, d'après le pluriel turc *agalar*).

Il y a lieu d'autre part de réserver une mention spéciale au mot амплуá, usité surtout dans le langage du théâtre, au sens de *rôle*, *genre de rôle*. Bien que le Български тълковенъ речникъ indique pour ce mot le genre féminin, qui serait en effet conforme au principe indiqué plus haut, il semble résulter d'une enquête à laquelle nous avons procédé dans les milieux littéraires et artistiques de Sofia: 1°) que ce mot soit généralement considéré comme neutre, 2°) qu'il reste invariable au pluriel, fait assez rare en bulgare, ainsi l'on dira: тѣзи амплуá не сж за него, *ces rôles-là ne sont pas (faits) pour lui*, et, seulement à la forme articulée du pluriel, амплуáта: амплуáта, който държи този актъръ, *les rôles que tient cet acteur*.

Quant aux mots d'origine étrangère se terminant en bulgare par voyelle autre que -а ou -я, ils sont généralement traités comme des noms neutres: ainsi бюрó, *bureau*, досиé, *dossier*, жури, *jury*, бижú, *bijou*, меню, *menu*, etc.

Pour ce qui est de la formation du pluriel, il y a lieu de faire une place à part aux noms en -о, qui seuls ont leur pluriel en -а, tandis que les noms terminés par voyelles -е, -и, -у ou -ю forment leur pluriel en -ма: ainsi депó, *dépôt*, pl. депá, мантó, *manteau*, pl. мантá, палтó, *paletot*, pl. палтá, пиáно, *piano*, pl. пиáна, etc., tandis qu'on a ателиé, *atelier*, pl. ателиéта, гишé, *guichet*, pl. гишéта, такси, „*taxi*“, pl. такси́та, пардесю́, *pardessus*, pl. пардесю́та, ревю́, *revue (théâtrale)*, pl. ревю́та, etc.

En ce qui concerne l'accord en genre, on notera que, parmi les noms d'origine étrangère terminés par voyelle autre que -а ou -я, ceux qui désignent des personnes du sexe masculin, tout en étant traités morphologi-

quement comme des neutres, conservent, dans certaines conditions, le genre masculin et constituent dans le groupe des noms neutres une catégorie analogue à celle des noms en *-a* parmi les masculins: tels sont, par exemple, аташэ, *attaché*, протежэ, *protégé*, парвеню́, *parvenu*, etc., qui font au pluriel аташэра, протежэра, парвеню́та, et qui, à la forme articulée du singulier, annexent l'élément *-to*: аташэто, парвеню́то. Mais, quand ces substantifs sont accompagnés d'un adjectif, celui-ci (de même qu'éventuellement l'article) prend la forme masculine: воёненъ аташэ, воённиятъ аташэ (*l'attaché militaire*).

Paris

Léon Beaulieux

Caribrod et la Gare d'Orsay

Dans un article paru en 1904¹, Karl Sundén attire l'attention des linguistes sur le mot anglais *twelfth-night*, qui signifie „le soir de l'Épiphanie“. Le mot provient de *twelfth-day* „Épiphanie“. En effet l'Épiphanie tombe le 6 janvier, soit 12 jours exactement après Noël, qui est le 25 décembre. Sur le composé à deux termes *twelfth-day*, on forme un composé à trois termes **twelfth-day-night*, qui redevient par ellipse un composé à deux termes *twelfth-night*. Les mots ainsi formés peuvent entrer à leur tour dans de nouveaux composés elliptiques de même type. Ainsi „le gâteau des Rois“ s'appellera *twelfth-cake*, c'est-à-dire **twelfth-night-cake*. Sundén illustre cette loi d'autres exemples anglais: *news (paper)-boy*, etc. Mais il cite également l'allemand *Sonn(tags)abend*, le danois *Frederiksborg(gade)kvarteret* et le suédois *is(källar)dricka*. Et il retrouve une variante du même phénomène dans les mots anglais *West(-Aust)ralia* „Australie occidentale“ et *to electro(exe)cute* „électro(exé)cuter“.

En 1911, Nils Bergsten² enrichit la théorie de Sundén de quelques nouveaux exemples: *coach-(office)clerk*, *fire-(insurance)office*, *dog-(star)-days*, etc.

En 1917, Otto Behaghel fournit à son tour une riche moisson d'exemples pour l'allemand³: *Öl(baum)zweig*, *Öl(baum)blatt*, *Öl(baum)berg*, *Kais(fuss)brühe*, *Kokos(nuss)butter*, *Weiss(brot)bäcker*, *Wirt(schaft)s-garten*, *Berg(werks)recht*, *Bi(schof)stum*, *Feld(berg)see*, etc. Pour ce dernier mot, on sait que le *Feldsee* est un cirque glaciaire situé au flanc du *Feldberg* et entouré d'une forêt de pins. L'épithète de *Feld-* ne peut donc lui venir que par l'intermédiaire du *Feldberg*, qui présente effectivement une croupe dénudée.

La même année, Otto Bremer⁴ signale encore quelques exemples (*Ansichts(post)karte*, *Bi(schof)smarck*) et souligne qu'il s'agit d'un fait qui vaut pour toutes les langues germaniques.

En 1919, Julius Miedel⁵ reprend la question et fournit une liste considérable d'exemples inédits: *Schnitt(waren)händler*, *Schokoladen(kauf)-*

¹ *Contributions to a study of elliptical words in modern english*, Upsala 1904, pp. 57 sqq.

² *A study on compound substantives in english*, Uppsala 1911, pp. 72 sqq.

³ „Ölzweig“, *Zeitschrift des Allgemeinen Deutschen Sprachvereins*, 32 (1917), col. 12.

⁴ „Ölzweig, Birmarck und Bayern“, *ibid.*, col. 38.

⁵ „Eine unbeachtete elliptische Ortsnamengattung“, *Zeitschrift für Deutsche Mundarten*, Berlin 1919, pp. 54-65.

haus, Licht(spiel)bühne, Flug(zeug)führer, Nadel(holz)wald, Fein(brot)-bäcker, Gas(fabrik)verwalter, Präsidenten(tochter)bräutigam, Achtstunden(arbeits)tag, etc. Il note lui aussi que la loi ne vaut pas seulement pour l'allemand et il donne un exemple grec et un latin. En grec, *Θερμοπύλαι* „les Thermopyles“ ne signifie pas „les Portes chaudes“, mais „les Portes des Bains chauds“: *αἱ πρὸς τοῖς θερμοῖς λουτροῖς πύλαι* (Hérodote, 7, 173). Les Thermopyles étaient en effet situées à proximité de sources sulfureuses dédiées à Hercule. En latin, *castra Batava*, qui a donné *Passau*, ne signifie pas „le camp des Bataves“, mais „le camp de la cohorte des Bataves“, *castra cohortis Batavorum*. En outre Miedel a le mérite de montrer que le procédé est particulièrement répandu dans la formation des noms de lieu: *Moos(burg)hausen, Gottes(haus)wald, Gärtner(platz)theater, Bismarck(strasse)schule, Frauen(kloster)gasse, Zug(wald)spitze, Bären(tal)bad, Freuden(tal)berg, Heidel(beer)berg*. Miedel ajoute qu'il n'est pas d'avis d'appeler ces composés „elliptiques“, comme on l'a fait jusqu'alors, et propose de leur réserver le nom de „Schrumpfnamen“ ou mieux encore de „Schwundnamen“¹.

En dernier lieu Wilhelm Horn² résume les travaux antérieurs sur la question, dont il donne une bibliographie très complète, ajoute quelques nouveaux exemples (*Kraft(wagen)führer*) et ramène la loi à la formule $(a+b)+c > a+c$.

Les composés elliptiques du type révélé par Sundén sont fort nombreux. Maintenant que le procédé est dûment catalogué, il est probable que les collectionneurs en identifieront de plus en plus. Pour commencer, signalons que nous n'avons trouvé nulle part, dans les ouvrages cités ci-dessus, ni l'allemand *Rat(haus)skeller*, ni le danois *København* „Copenhague“, qui ne peut pourtant guère être autre chose que „le port des marchands“: **Købmændshavn*.

La toponomastique strasbourgeoise fournit un intéressant parallèle de ces faits dans *Fünfzehnerwörth*, en français: „le Quartier des Quinze“. Le nom vient du Conseil des Quinze, qui administrait autrefois Strasbourg, ainsi que le prouvent, outre la tradition historique, la *Place du Conseil des Quinze* et la *Rue du Conseil des Quinze*. Il s'agit donc en réalité du *Quartier (du Conseil) des Quinze*. De même pour la *Rue du Fossé (du Conseil) des Treize*. Ces formes sont instructives, parce qu'elles nous montrent que le phénomène existe aussi, mutatis mutandis, en français. Il est facile d'en trouver d'autres exemples: *Gare (du Quai) d'Orsay, Gare (du Quai) d'Austerlitz, Rue (de la Gare) de Lyon*, en même *boulangerie (où l'on vend des petits pains de fabrication) viennoise*, etc.

La comparaison des exemples germaniques et des exemples français

¹ Disons tout de suite que nous n'adoptons pas les termes proposés par Miedel, 1° parce qu'ils désignent plutôt un tassement phonétique, alors qu'il s'agit bien d'une ellipse sémantique, 2° parce qu'ils ne sont guère traduisibles en une langue autre que l'allemand, alors que le phénomène, même si on ne l'envisage que dans les mots composés, apparaît dans toutes les langues germaniques.

² „Sprachkörper und Sprachfunktion“ 2, *Palaestra*, 135, Leipzig 1923, § 3, p. 5.

permet d'établir une loi plus générale du phénomène. Car si, dans les langues germaniques, il intéresse en effet les mots composés, il n'en est plus tout à fait de même en français, où il affecte les successions de déterminants commençant par la préposition *de*. Dans ces conditions, il est facile de l'analyser. Si l'on veut bien admettre que tous les éléments d'une phrase dépendent les uns des autres (*Rue de la gare de Lyon*), on trouvera que l'ellipse de Sundén peut se produire chaque fois qu'il y a double ou triple dépendance, quel que soit d'ailleurs le procédé (composition, préposition) employé pour marquer cette dépendance; ou, s'il est permis d'emprunter à l'électrotechnique une image éloquente, chaque fois qu'il y a montage sémantique en série. Autrement dit, les termes des mots composés sont les chaînons d'une chaîne dont rien ne limite la longueur. Dès lors, on conçoit que le sentiment linguistique, qui tend toujours à abrégé, se borne à nommer les deux chaînons terminaux en négligeant de mentionner les chaînons médians. C'est en vertu du même raccourcissement sémantique que nous désignons la ligne d'autobus E par le terme *Madeleine-Bastille*, sans éprouver le besoin de nommer toutes les stations intermédiaires. La formule de l'ellipse de Sundén est donc en réalité *twelfth (-day-night)-cake* ou en français *Gâteau du (soir du jour numéro) douze (après Noël)*. Inutile d'ajouter que, dès que les chaînons intermédiaires sont quelque peu nombreux ou ont disparu sans trace, il est extrêmement délicat de les restituer avec quelque vraisemblance, de telle sorte que l'étymologie des mots de ce type est souvent désespérée.

Ainsi l'ellipse n'est pas liée au procédé de la composition. C'est pourquoi elle n'est pas limitée aux langues qui, comme le grec ou le germanique, usent normalement de ce procédé. Nous avons vu que Miedel en donnait un exemple latin, et nous en avons identifié nous-même des cas en français. Nous voudrions pour terminer en proposer quelques exemples empruntés aux langues slaves.

Le russe possède des adjectifs d'appartenance, qui remplacent dans certains cas le génitif, et qui, comme lui, ne peuvent guère se traduire en français qu'avec le secours de la préposition *de*. Ainsi on dira: *Иванов дом* „la maison de Jean“. *Иванов* dépend alors de *дом*. On a de même *Иванов сын* „le fils de Jean“, qui correspond exactement au germanique *Johnson, Jensen*. Avec ellipse de *сын*, on obtient le nom de famille *Иванов*. De même, d'un ancêtre barbu surnommé *Борода* est issue la famille *Бородин*. Pour qualifier un objet appartenant à un nommé *Бородин*, il faut en principe ajouter un deuxième suffixe (*-ск*), soit: *Бород-ин-ск-ий дом* „la maison de Borodine“. Le double suffixe indique la double dépendance, car il s'agit en réalité de „la maison du fils de Boroda“. Or le village de *Бородино*, où fut livrée la bataille de la Moskova, ne peut s'expliquer que comme **Бородино село* (le village de Boroda). Mais il n'est guère vraisemblable que ce soit précisément l'ancêtre *Борода* lui-même qui lui ait donné son nom, et il est beaucoup plus probable que c'est un de ses descendants. *Бород-ин-о (село)* doit donc signifier „le village du fils de Boroda“, avec double dépendance. Or, comme

il n'y a qu'un suffixe, la dépendance n'est marquée qu'une fois. Il s'agit donc en réalité d'une construction elliptique: „le village (du fils) de Boroda“. D'ailleurs, l'ellipse est sans doute multiple, car qui saura jamais s'il s'agit de son fils, ou du fils de son fils, ou du fils du fils de son fils, etc.?

Le procédé se retrouve dans les adjectifs tirés des noms de lieu en -ск. *Томский совет* ne signifie pas „le soviet de la rivière Tom“, mais „le soviet de Tomsk“, c'est-à-dire, avec ellipse du chaînon moyen, „le soviet (de la ville) de la rivière Tom“. De même *Омский, Тобольский, Иркутский, Брянский, Рильский*, etc.

On sait d'ailleurs que *Орловский помещик, Тамбовский мужик*, etc., ne signifient pas „un propriétaire campagnard d'Orël“ ou „un paysan de Tambov“, mais „un propriétaire campagnard (du gouvernement) d'Orël“, „un paysan (du gouvernement) de Tambov“, etc. En combinant ce procédé avec le précédent on obtient, avec double ellipse, *Иркутский генерал-губернатор* „le gouverneur général (du gouvernement) (de la ville) de la rivière Irkout“.

Le même procédé elliptique nous fournit probablement l'étymologie du nom de *Caribrod*. La ville est située, comme on sait, sur la Nišava, à l'endroit où la grande route de Belgrade à Sofia et à Constantinople traverse pour la dernière fois la rivière avant de continuer vers le Sud-Est. C'est un lieu de passage extrêmement ancien. La voie romaine de Niš à Sofia y passait déjà, et le nom de *Translitis* indique qu'il y avait dès cette époque un gué pour traverser la rivière. Les Slaves ont dû l'appeler „le gué (de la route) de Constantinople“. Or on sait qu'ils avaient traduit *Constantinopolis, urbs imperatoria*, par *Carigrad* „la ville des Tsars“. *Caribrod* serait donc pour *Carigradski brod* „le gué (de la route) (de la ville) des Tsars“.

On voit que le procédé elliptique signalé par Sundén est loin d'être limité aux mots composés et aux langues germaniques. On en trouve l'équivalent en grec, en latin, en français, en russe, et dans le slave du Sud. C'est un procédé général du langage humain.

Strasbourg

Lucien Tesnière

Несколько замечаний о языке и в особенности о словаре болгарского сборника 1348 г.

Этот замечательный памятник болгарского письма середины XIV-го столетия в настоящее время находится в Государственной Публичной Библиотеке в Ленинграде под № F. I. 376. На него обратил внимание еще в 1824 г. Калайдович (Иоаннъ Эксархъ болгарскій, Москва 1824, стр. 88). Позднее, в I-ом т. Сборника статей, читанных в Оряс А. Н. (1867 г.), именно в XXXVI № „Свѣдѣній и замѣтокъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ“ И. И. Срезневский сообщил содержание заключающихся в этом рукописном памятнике статей и палеографические особенности рукописи и для образца языка и правописания напечатал:

— І ѿ Златооустаго ѿ шестаго ѿ алма (стр. 45-46) и

— Написание ѿ правѣи вѣрѣ изоущенное Кѡстантѣномъ фѣлософомъ оучителемъ ѿ бѣзѣ словѣнскомоу жъзыкоу (стр. 47-52).

Уже И. И. Срезневский обратил внимание на то, что рукопись эта написана не на пергаменте, а на хлопчатой бумаге (*βαμβαξ*), которая у балканских славян гораздо раньше, чем у русских, вошла в употребление, и на ней написаны две древнейшие болгарские грамоты — Асеня II (после 1217 г.) и Константина Асеня до 1278 г. Срезневский же указал и на некоторые характерные черты графики: 1) частое употребление „длинного“ *є* вместо *е*, обычное и в русских и в южнославянских рукописях со 2-ой половины XIV-го века с различными вариациями по форме, но изредка встречающееся уже в памятниках XII-XIII в., особенно в памятниках югославянских (Карский, Славянская кирилловская палеография, Лен. 1928, стр. 185). Об употреблении этого *є* с длинным, кверху обращенным, кончиком в Синодальном списке Новгородской летописи, сравнительно с употреблением его в более ранних русских и югославянских памятниках, я давно уже подробно писал в своём исследовании „О языкѣ Синодального списка 1-ой Новгородской лѣтописи“ (СПб. 1899), стр. 3-5; 2) употребление буквы *ѡ*, характерной для древнейших памятников XI-го в. (Супрасльской рукоп. и Хиландарских листков) с более определённым звуковым значением (после согласных в Супр., после гласных в Хиланд. листках, см. Лаврова „Палеографическое обозрѣніе кирил. письма“, Петрогр. 1914, стр. 38, 40). Более подробное палеографическое описание Сборника 1348 г. находим в только что указанной книге П. А. Лаврова, в заглавии которой по недосмотру пропущено

слово „югословянского“, см. стр. 153-157, где наш памятник поставлен в ряд с другими памятниками болгарского письма XIV-го в., в особенности рукописями времени болгарского царя Иоанна Александра, „при котором настало заметное оживление письменности“ (ib. 137), при чём П. А. Лавров справедливо указывает, что в болгарских рукописях этого времени заметно более однообразия и правильности, что в них часты знаки ударений, систематическая постановка которых отличает поздние исправленные тексты Евфимия, о времени и жизни которого мы имеем подробное исследование в книге П. А. Сырку „К истор. испр. книг в Болгарии в XIV в.“, вып. 1 (СПб. 1899).

Действительно, правописание Сб. 1348 г. характеризуется частым употреблением *ѣ* вместо *а* в положении после согласных *ж*, *ш*, *щ*, *ц* и после гласных (с утратою предполагаемой йотации) и *а* вместо *ж* в положении после мягкого *л* и мягких и твёрдых губных, а также и после гласных с утратою йотации (вообще йотированных юсов в нашем памятнике нет, как не встречается и *ю*, заменяемое, впрочем, обычным *е* с длинным языком, при чём, хотя встречаются буквы *я* и *ю*, напр. *ѣ*ко 26^{об.}, 69_з, *ѣ*влъша а а сл 27, *ѣ*вѣ 69_з, *ѣ*ности 27, даже перед *а* йотация утрачивается в положении после гласных: строеніа бжіа, своа л. 26, 26^{об.}): *начаш ж* 26, *ѣ*хлѣбъницѣ 26^{об.}, при *ж* 26^{об.} (вм. при *ж* 3 л. ед. аор.), *ѣ*жида *ж* 26 (partic. praesentis), *пощѣдѣти* 27, *моуры събиражщѣ* ... *вълагажщѣ* 27 (accus. plur.), *клѣти своѣж* 27^{об.}¹, *ѣ*нжжѣ *ѣ*дръжжщѣ 17^{об.} (= *ἐκ τῆς ἀνάγκης τῆς περιεχούσης* Leontii Neapolitani vita S. Johannis, herausgegeben von H. Gelzer, Leipzig 1893, S. 26.12); обратно: *гълаща* 27^{об.}, *въземать* 28, *въземлащеи* 28, *ѣ*тръждоу 28, *пожити та ѣмать* 27 (вместо — *имжтъ*)¹, *въ сѣтѣ цркъвь* 57^а (*εἰς τὴν ἀγίαν ἐκκλησίαν* Leont. XLII, Gelzer 84.3); последний пример особенно характерен; так как обычно из двух рядом стоящих юсов второй *ж* заменяется через *а*, и такая орфография обычно приписывается патриарху Евфимию², между тем как уже до его реформы, в болгарских текстах первой половины XIV-го века, мы находим много орфографических приёмов в духе Евфимия, который, очевидно, лишь освятил своим авторитетом то, что входило в употребление уже перед его реформою.

Другая особенность графики Сб. 1348 употребление буквы *ѣ* не только в значении этимологического общесловянского *ѣ*, но и в значении *а* в положении после смягчённых *л*, *н*, *г*, а именно, рядом с буквою *я* в начале слов в значении *ја* или *ја* в *ѣ*ко и в корне *ѣ*в- и с буквою *а* внутри слов в положении после гласных в *дѣаніа* *своа* (л. 26, Лавров, Прилож. из Сб. 1348 г., стр. 10) и др., мы находим буквы *ѣ* в таких примерах, как *ѣ*скрънѣго 26, *прѣмѣрѣжща* (вм. — *нѣжща*) 26^{об.},

¹ Некоторые из приводимых примеров я цитирую по „приложениям“, напечатанным П. А. Лавровым при его книге „Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго яз.“ (Москва 1893), стр. 10-13 (из Сб. 1348 г.).

² А. И. Соболевский, Славяно-русская палеография, СПб. 1908, стр. 78.

ѡ влѣщеиса 27 и т. п. (см. Лаврова *ibid.*), что вполне согласно с болгарским произношением в его юговосточных говорах, но в отличие от средноболгарских памятников XII-XIII в., как Слѣпченский Апостол, в 1-ой части своей почти не знающий буквы ѡ, или Паремейник Григоровича, имеющий не только ѡ в ѣко, моѡ, бытиѡ, но и обратно ѡ — в вѡнецъ, себѡ, далати¹, Сб. 1348 г. не знает ни употребления ѡ вместо ѡ после согласных, ни употребления а вм. ѡ и обратно², кроме известной и древнейшим памятникам основы трѡв- рядом с трав-, напр. цвѣтъ трѡвны л. 53.^{об.}₁₃₋₁₄ (*ἄνθος χορτον* Leont. XL, Gelz. 79.^б).

Употребление ѡ и ѡ в Сб. 1348 г. хорошо определено Соболевским в цитированной уже „Славянорусской палеографии“, с. 78: ѡ в середине слов и в предлогах, а ѡ часто в конце слов, хотя нередки отступления и колебания: тѡчиха 12.⁵⁻⁶, тѡщимса 7.^{об.}, тѡщивѡишж чрѡнца 58.^б (снизу), но тѡчиха 14.^{об.}, тѡщеславѡе 22.^{об.}. Слабые ѡ и ѡ обычно пропускаются³, но иногда их пропуск отмечается апострофом: вжасна 15.¹, брашеннжж 17.^{об.}_{сн.}, знаменавше 68.^{об.}, лѡтѡбж 7.¹⁵, хлѡбницж 26.^{об.}, даже часто и в предложных приставках и в конце глагольных форм перед возвратным сл: свѡты (*ὀποκάμισον* Leont. XXI, Gelz. 40.⁸⁻⁹) л. 25.^{об.}, прѡпоасавса . . . свѡтлемѡ 33.⁷ = *περιζωσάμενος . . . περιβάλοιον* L. XXIV. G. 50.²⁴⁻²⁵, сказашж 16.⁵⁻⁴ сн. = *ἐγνώρισαν* L. XII. G. 24.²⁰, слоучаѡ 66.^{об.} (= *τοῦ συμβεβηκότος* L. XLVI. G. 97.⁷⁻⁸), смѡтрѡна 66.^{об.}, смѡсивѡ 11.^{об.} (*συνέμιξας* LX. G. 18.¹¹), тѡщимса 7.^{об.}, хотя обычно в предлогах вѡ, сѡ и в традиционных, известных и в древне-ц.-славянских памятниках, сложениях с предлогами ѡ сохраняется: вѡ сѡборищи 14.^{об.}_{сн.}, вѡ сѡборѡ 22.⁵ (*εἰς τὴν σύναξιν* Leont. XVII. Gelz. 35.⁹), по скончани сѡбора 48.¹² (*μετὰ τὸ τελεσθῆναι τὴν . . . σύνοδον* L. XXXVI, G. 72.⁵).

Въ сочетаниях *trət, trət, tlət, tlət* обычно находим ѡ после согласного р, ѡ или ѡ после согл. л⁴: врѡгохѡ 27, ѡврѡзааше 30, дрѡжжѡ 29, ѡскрѡблѡахж 29, прѡтрѡпи 29, чрѡни 26.^{об.}, 27 (эти

¹ А. И. Соболевский, I. с.; Г. А. Ильинский, Слѣпченский Апостолъ XII в., Москва 1912, с. LXVII.

² П. А. Лавров, Обзор звук. и форм. особ. болгарск. яз., Москва 1893, с. 67—68.

³ Сравн. П. А. Лавров, *ibid.* 34.

⁴ Примеры — же р—, приводимые П. А. Лавровым (Обзор, 46), как ѡгнець пожерса 183, впрочем рядом с неправильным пожрѡса под влиянием правильных жрѡти >жрѡти, жрѡтва..., сюда не относятся, так как в них е из ѡ слогового перед неслоговым сочетанием рѡ: -*žьгь- (partic. perf.) и не могут приравняться к жельчж еванг. Шафар. и другим подобным из Одесской и Тихомировской рукописей (здесь жельч- из *žylč-, а последнее из *žylč-). Но более замечательна, не отмеченная, к сожалению, П. А. Лавровым форма подлагѡ: кржжники нѡкыа подлагы 37.^{об.}₆₋₇, чему в тексте жития Иоанна Милост. по рукописям Макар. Мин. Соф. 1319
л. 232^в 181^а соответствует хлѡвины нѡкы^а подлагы = *θόλους τινὰς ἐπιμήκεις* L. XXVII. Gelz. 57.² У Миклошича Lex. pal. подлагѡ только в значении предлога. Возможно, что в форме Сб. 1348 г. мы имеем особое образование: *dolgъ.

примеры привожу по отрывку, напечатанному в приложениях к „Обзору...“. П. А. Лаврова, стр. 10-13), дрѣжжщимъ 55.⁸, крѣченика л. 21.⁹⁶, сребро прѣвое 13.¹⁰, 13.⁹⁶, прѣвопастырь 65.³ (*ἀρχιεπίσκοπος* Gelz. 95.¹), оутврѣждение л. 214 (запись), трѣплъ 64.⁹ (*φέρων* G. 93.¹⁸⁻¹⁹), плѣни сжть 16.⁹ (= *γέμουσι* G. 24.¹²), ѡже видѣ ... плѣны 16.³ внизу (*ἃ εἶδεν...*, *γέμειν*. L. XII. G. 24.²⁰), слѣза|ми 65.⁹⁶ (*δακρύων* G. 95.²⁰), смѣкви мльвить 55.⁶ (*ἡ σκληή θορυβεῖ* L. XL. G. 80), помльчав' же 69.⁹ (*μείνας... σιωπῶν*. L. XLVI. G. 96.¹⁷⁻¹⁸), длѣжное л. 214, отметим еще блѣгарѣмъ ѣ грѣкомъ 214 (в той же последней записи, напечатанной в книге Лаврова, но проверенной мною по рукописи), безчисленноу множ'ствоу 17.⁵ (*τοῦ ἀμυθήτου πλήθους* L. XIII. G. 25.²⁰) с характерным для всех южнославянских языков совпадением исконных *tǎrt*, *tǎrt*, *tǎlt*, *tǎlt* с исконными *trǎt*, *trǎt*, *tǎt*, *tǎt* в одной звуковой разновидности *tǎt* или *tǎt*, в настоящее время обычно имеющей слабый гласный перед *r*, *l*, что прекрасно отмечено современным болгарским правописанием, но ускользнуло от внимания в остальном тонкого наблюдателя живой сербской речи Вука Ст. Караджича.

Замена сильных *b* > *e* и реже *z* > *o* встречается часто: *пришел'ци* 99.⁹⁶_{7 сн.}, *дѣшеполезнаа* л. 214 (см. примеры у П. А. Лаврова в „Обзор“ 36); *o* из *z* мною отмечено только перед согласным *v*: *зповаж* (вм. **оупъваж*) 11.⁹⁶₁₀ = *τεθαρόρηκός* L. X. Gelz. 18.⁹, *цр'ковъ* 13.⁹⁶₁₁, *любовиж* 214, но П. А. Лавров приводит еще *o* в суффиксе -*ъкъ*: *ѡстанокъ* 205.⁹⁶. Между тем как суффиксальное *ov* < *zv* обычно в болгарских памятниках XII-XIII в., и примеры *любовъ*, — *овижъ*, *цр'ковъ* и т. п. отмечены В. Н. Щепкиным в „Болонской Псалтыри“ (СПб. 1906), с. 97-100, как написанные 4-ым писцом этого памятника, а *любовъ* (много раз), *любовиж*, *цр'ко^o* рядом с несколькими примерами суф. -*ок-* (из -*зк-*) и многими сочетаниями с приставкой *со-* (*созда*, *сонъма* и друг.), формами *токъмо*, *вонъ* и друг. отмечены С. М. Кульбакиным в Охридской рукописи Апостола к. XII в. (Български старини III, София 1907 г., с. LXXXVII), в Болонской псалтыри мы находим только с *z*, в Погодинской XII в. только с *b* интересующий нас глагол: *оупъважщжж*, *оупъважщлѣ*, — *п^bвахомъ* Пс. XXXII.^{18, 22}, V. Jagić, Psalterium Bononiense, Vindob.-Berolini 1907, р. 150, 151, а в Охридской рукописи Апостола *оупваниа* л. 63 (Евр. гл. X. 23, Кульбакин, стр. 77, Срезневский, Пам. юсов. п. 291), *оуп'вание* л. 48.⁹⁶. Миклошич в Lex. pal. приводит ф. *оуповае* только из Минеи Миханов. (сербск. п. XVI в.), а Востоков в словаре ц. слав. яз. 1858 г., на что сослался и Миклошич, из Апостола XIV в. *оуповано* и из кн. Судей по сп. XVI в. *оуповаль*. Но в настоящее время мы можем привести примеры более ранние: в Слѣпченском Апостоле *вѣ оупованї* л. 24, *оупование* 45.^v_{1, 2-3} (Ильинский, Слѣпч. Апостоль XII в., Москва 1912, стр. 26, 41), в Добрш. ев. XIII в. *оупова* Мтф.

XXVII.⁴³, оуповать Лук. XI.²², оуповаете Ио. V.⁴⁵ (Цоневъ, Българ. старини, кн. I, София 1906, стр. 122, 164, 199) мы последовательно находим *по*. Что касается древне-русских памятников, то, хотя в древнейших из них XI-XIII в. находим еще *ѣ*: оупѣваніе Панд. Антиоха XI в. л. 9 (Римл. VIII.^{24, 25} = *ἐλλίς*), Псалт. Симон. до 1280 г. (пс. LXI.⁸), Мин. Пут. XI в., оупѣва Остр. ев. Мф. XXVII.⁴³, Пс. Симон. пс. XXVII.⁷, оупѣвахъ П. Ант. 9, ѣпѣвають Гр. Наз. XI в. 375 (Срезн. Мат. для слов. др. рус. яз., III, ^{1250, 1251}), однако уже в памятниках XII в., правильно соблюдающих старые *ѣ* в сильном положении, не заменяя их буквою *о*, как Сборн. Успенский (Гос. Ист. Муз. № $\frac{18}{4}$), находим оупованіемъ, -ѣ (Ж. Феодос. 1, 19), оуповати ЖФ. 23 и друг., тоже в Служ. Варл. XII в. (Срезневск. *ibid.*), и эта ненормальная с точки зрения „падения“ и „прояснения“ в сильном положении старых *ѣ* и *ѡ* форма утвердилась в русском письменном и ц.-славянском языке русской редакции. Но конечно, она возникла не на восточно-славянской почве, так как мы не находим следов корня **рѣв-* ни в в.-русских, ни в б.-русских, ни в украинских говорах (кроме заимствованного из польского яз. пѣвний). В говорах же восточно-болгарских отмечено Цоневым и вслед за ним Лавровым (Обзор 37) упуваніе, при чем оба считают вероятным происхождение его из языка церковного. Но остаётся неясным, считал ли Цонев проникшей из яз. церковного только ф. -пув- (пов-), или он вообще отрицал наличность общеславянского **рѣв-* в вост. болгарском. Если ему казалось вероятным церковное, ненародное происхождение этого слова, то откуда глаголы пѣвати, оупѣвати могли попасть в славянский язык церкви, точнее — в древнейшие письменные памятники старо-болгарского языка? Проф. С. М. Кульбакин в своей статье „О речничкој страни старословенског језика“, прочитанной в заседании Сербской Академии 10 февраля 1927 г. и напечатанной в СХХХVIII кн. „Гласа“ Српске кр. академије (Београд 1930) приводит оупѣвати в числе слов, которые, по его мнению, могут считаться „прасловенска, заједничка свима словенским језицима“ (стр. 111-130), приводя с. ѣфати се, сл. ѣрати, б. уповѣвамъ се, р. уповать („можда из ст.-сл.“), ч. oufati, п. ufać. Однако, в виду того, что в западнославянских языках мы находим не только чешск. doufati „sperare“ из *do-u-rѣvati, польск. ufać, zaufać и ufny, ufność, где *f* из *р(ѣ)в* перед гласным фонетически, перед согласными по аналогии, но и ч. реvпú, где фонетически правильно реv- из *рѣвѣ- со слоговым *ѣ* перед сочетанием *вѣ*, а также п. рwa и рwać без изменения *рv* > *f* (Brückner Słownik etym. 449), и в виду отсутствия таких образований в языках южно-славянских и восточно-славянских кроме приводимого Кульбакиным сомнительного уповный в русск. яз. (я не нашёл его ни у Даля, ни в великорусских диалектологических словарях, ни в украинском Гринченка, ни в словарях белорусского языка), напрашивается предположение, не попали ли глаголы пѣвати, упѣвати в дошедшие до нас кирилло-мефодиевские

тексты из северной — чехо-моравской языковой области. Предполагаемая Миклошичем (Etymol. Wb.) этимологическая связь с заапѣти (см. Miklos. Lex. palaeoslov.), въ незаапж и т. п. вероятно, хотя не вполне ясна; однако вероятность эта опиралась бы только на недоказанное праязычное сокращение коренного сочетания ръv- в рv > р подобно тому, как в новословенском ūrati, или как в праславянских формах bō, bōdō, bīmь (ст. слов. бж 3 л. мн. сослаг., бждж 1 л. ед. будущ., бимь 1 л. ед. желат.) из *bhūont, *bhūondom, *bhueimi, сравн. Кульбакин, Др. ц.-славянск. языка,³ 1917, §§ 96, 106, 108, стр. 153, 164, от основы *bhū-; кроме того неясно было бы появление а перед р. Вот почему гораздо более приемлема этимология, данная Бернекером в его Slav. Etym. Wb. 29 под словом *apařǫ* — *apati*, указывающим чешск. *jařati* „beobachten, betrachten“ и отрицающим связь с этим встречающегося в Шишат. Апост. 18.1 въ незапъвоу, относимого им к *řvati*. Мне же кажется, что форма Шишат. Апост., как *unicum*, объясняется позднейшим, м. б. индивидуальным, переименованием правильного въ незаапж под влиянием сходного по значению глагольного корня ръv-.

Возвращаясь к вопросу об употреблении букв з и ь в Сборнике 1348 г., заметим, что отмеченное еще Соболевским (Славяно-русск. палеогр. 1908 г., с. 78) употребление ь в конце слов не выдержано последовательно: с одной стороны, можно указать ряд случаев правильного различия з и ь в конце, с другой, встречается нередко з вместо ь и в конце, наконец при частом употреблении з „в середине слов и в предлогах“ находим в таком положении правильное ь после ч. Вот несколько примеров из 1-ой части рукописи (Жит. Иоанна Милост.): а) весь мирь 9.⁰⁶, боль 38.₁₂ (= ἀσθενής), блгодѣть 18.⁰⁶, сыновь 20.⁰⁶ сн., с(ы)новь 45.₇ (ἀνεψιός), црковь 13.⁰⁶, 10.⁰⁶ (= τὴν ἐκκλησίαν С. 16.₁₄); б) ѡгнь оустжапаше 38.⁰⁶ (С. 58.₂₀); в) рабь 48.⁰⁶ (ὁ δοῦλος), особенно часто ь вм. з после х: моглъ бихъ 57^а, рѣхъ 9.⁰⁶, ѡскоушихъ 10.⁰⁶, живж|щихъ 17.₁ снизу, 68.₉, также в ф. 3 л. ед. и мн. ч. настоящ. врем.: насытитъ 55.₁, мльвить 55.₆, простить 66.₁; г) почътенноу чьсть 65.₈ и друг. Форма огнь, как и жизнь, дат. ед. ѡгноу и др. отмечены П. А. Лавровым (Обзор 101, 103, 104) в ср. болг. памятниках, а отвердение конечного н в говорах югозападных и македонских: кон, огон, огън, огна, кона... Сравн. и Цонев, Добрш. 82¹.

Замен з через ж и обратно не встретилось, и к ним не принадлежит союз нж, последовательно проведенный во всей рукописи вместо обычного в древнейших ц. славянских текстах и текстах древнерусских нз. Это нж (2.⁰⁶, 6.₂, 39.⁰⁶ и др. = ἀλλὰ, нж тѣчкѣ 12.₃, 15.₂ = εἰ μὴ) находим и в других средне-болгарских памятниках: последовательно в Добрейш. ев. XIII в. (Мат. X. 34, XI. 9, Мрк. VI. 52, Лк. V. 31, Ио. I. 8 и др., см. изд. Цонева 1906 г., стр. 95, 96, 135, 157, 191 и др.), в

¹ Срв. огна пс. 28.7 в Синайской псалтыри (Гситлер 55, Северьянов 34а).

Слѣпч. апост. XII в. (л. 26, 30, 45, 45^{об}, 49 и др., в изд. Ильинского стр. 30, 41, 42, 43 и др.). Ему буквально соответствует ноу сербск. списка Шестоднева Иоанна Эксарха и сербо-хорв. пп Дубровницких писателей.

В значении общеславянского гласного у < праславянского \hat{u} i, см. Томсона А. И. „Фонетические этюды“ III, Варшава 1905, стр. 46-50 (Р. Ф. В. т. LIII, 245-250), его же „Beiträge zur Geschichte des Diphthongs *yi* in den slavische Sprachen“ (Z. f. sl. Phil. IV, 1927, 3/4 Н., 342-356), Т. Milewski „Przyczynek do charakterystyki wymowy prasłow. *y*“ (Bulletin international de l'Académie polonaise des sciences et des lettres, Kraków 1929, 133-134), вместо старой кирилло-мефодиевской буква *ѣ*, обычной в кирилловских рукописях XI-го века, в Сборнике 1348 г. находим последовательно *ѣ*, раннее появление которого в староболгарской письменности доказывается таким др. русским памятником, как Изборник 1073 г.¹, списанный несомненно с болгарского оригинала и сохранивший на первых 86 листах, как это давно уже отмечено Шахматовым, следы болгарского оригинала именно в постановке буквы *ѣ* вместо старейшей б. *ѣ*, лучше соблюдавшейся русскими переписчиками. Но взаимной мены *ѣ* с буквою *и*, характеризующей памятники сербского письма, мы в Сборн. 1348 г. не находим². Однако *и* вмѣсто *ѣ* последовательно встречаем здесь в отдельных словах, представляющих морфологические варианты. Так, нас не должно удивлять, если мы встречаем в нашем сборнике глагольную форму аориста бихъ в значении вспомогательной для образования сослаг. наклонения (\hat{a} могль бихъ съ творити л. 57, хотя греческий оригинал представляет здесь форму изъявительную: $\epsilon\lambda\epsilon\iota\ \eta\delta\upsilon\nu\acute{\alpha}\mu\upsilon\ \lambda\omicron\iota\eta\beta\alpha\iota$ Leont. XLII. С. 84.), так как контаминация древних форм аориста бихъ и опатива бимь, начавшаяся с форм 2 и 3 л. множ. ч. уже в древнейших македонских глаголических памятниках, является вполне обычной в текстах XI-го в.: предполагаемая форма опатива *bite вполне вытеснена формой бисте под влиянием аориста 2 л. мн. бысте, а древняя форма 3 л. мн. бж, сохраняясь наилучше в Мар. и Клоц., вытеснена формой биша в Зограф. и Ассем. почти, а в Синайск. пс. совсем (Vondrák, Altkirchenslav. Gram.², 1912, S. 511-512, Diels, Altkirchensl. Gram., Heidelberg 1932, S. 280, § 134, Anm. 5) и даже ф. 1 л. мн. бихомъ встречается уже в Зогр. Таким образом, несомненно, что и ф. 1 л. ед. ч. бихъ, отмеченная Младеновым (Geschichte der bulg. Sprache, Berlin 1929, § 135, S. 262) в изданом

¹ Сравни. Карского „Славянская кирилловская палеография“, Л. 1928, стр. 204.

² В отличие от некоторых более ранних памятников болгарского письма и языка: см. Цонева „Добрѣйшово еванг.“ 78, Кульбакина „Охридская рукоп. апостола“ CI-CII, где встречается лишь несколько случаев отступлений от правильного употребления и различения *ѣ* от *и*, также „Болонск. псалтырь“ Щепкина, с. 193-194, „Слѣпч. апостол“ Ильинского, LXVI. Но все эти памятники не свидетельствуют о потере древнего различия *ѣ* от *и*: употребление *и* вм. *ѣ* и обратно встречается только после согласн. *р* и шипящих *ж* и *ш*, а в других случаях объясняется морфологически (п о с и л а ж).

Цоневым (Бълг. Старини I, София, 1906) Добрейшовом еванг.: рекъ л бихъ Ио. гл. XIV, 2, при чём я могу указать еще „да црѣ бихъ бълъ“ Лук. XIX, 27 (Цонев, с. 179) соответственно бимъ Зогр. Мар., уже была в живом болгарском языке гораздо раньше, что подтверждается и тем, что Ягич отметил ее в Добромир. еванг. XII в. (Jagić, *Evangelium Dobromiri*, Wien 1898, I, 71), правописание которого Цонев не без основания уподоблял правописанию Добрейшова ев. В других памятниках XII-XIII в. находим колебание между архаической формой бимъ, бимъ и новой, вероятно, живой болгарской, формой бихъ (Щепкин, *Болонская псалтырь*, СПб. 1906, стр. 228, Кульбакин, *Охридская рукопись апостола*, Бълг. Старини III, София 1907, с. CXVII), но в Слепенском апостоле Ильинский (стр. LXXXIV) указывает только архаическую форму бимъ.

Другое слово, в котором наш памятник представляет последовательное написание *и* вместо ожидаемого *и*, это нинѣ, которое отмечено мною в следующих примерах Сб. 1348 (Ж. Иоанна Мил.): тѣй нинѣ прѣпита|еть х. F. I. 376. л. 18.⁹⁶ = Макар. по Соф. рук. № 1319. л. 228^a (издан. Арх. Ком. стр. 829) той же й нынѣ кормить ихъ = *αὐτὸς καὶ τὸν τρέφει αὐτοῦς* L. XIII, G. 27.⁹⁶; й нинѣ сѣ̣ е̣сть̣ главъство F. I. 376. л. 62.⁹ = М. — нынѣ Соф. ¹³¹⁹/₁₃₃₇ л. ²³⁷/₂₀₁ а (изд. Арх. К. 873) = *καὶ τὸ λαὸν ὁπάσχει κεφάλαιον* L. XLIV в. G. 90.²³; нинѣ й присно... 70.⁷ = М. нынѣ... изд. Арх. К. 880 = *τὸν καὶ ἀει...* L. XLVI. G. 103.⁶. Сравн. тоже в других средне-болг. памятн.: Ио. XVI. 12 в Добрш. (Цонев, 221). Цонев замечает, что в Добрейш. ев. *нзи*нѣ реже, *нин*ѣ чаще — много раз, как и в других ср.-болг. пам., Добрш. 78. На это среднеболгарское *нинѣ*, соответствующее польскому *pinie* (*piniejszy*), давно обратил внимание Г. А. Ильинский, посвятивший этому вопросу подробный очерк в своих „Славянских этимологиях“, указав целый ряд болгарских памятников, имеющих это отступление от старославянской и русской формы этого слова и дав вполне удовлетворительную этимологию, объясняющую разницу между общеславянскими вариантами **pin-* и **pu-*: между тем как последний имеет прекрасные соответствия в литовск. *pinai* и греч. *τὸν*, первый объясняется Ильинским из редуцированной стадии **pu-* основы **peu-* в сочетании с суффиксом *-in-*, известным в именных образованиях того-же корня в полном виде **peuin-* (Р. Ф. В. LXII, 1909, стр. 241-244), срв. др. инд. *paṁipās*, лит. *paṁipā(?)*¹, рус. *новина*; польско-болг. *pin-* объясняет Г. А. И. из праязычного **puin-*, въ котором *pu* представляет слабейшую ступень того же к. **peu-*, что в греч. *νέος*, лит. *paūjas*, словянском *повѣ*, лат. *novus* и т. д., при чём изменение *puin-* в *pin-* с утратою *u* безъ следа перед *i* суффикса вполне аналогично изменению *buin-* в *bin-* в форме *bitь* и т. д. от и. е. к. **bhū-*, **bheu-*, хотя большое сомнение

¹ В литовском словаре Kurschat'a и этого слова не нахожу; нахожу только собств. имя *Naṁipė* и *paūjėnā* „Neuigkeit“, „neuangelegter Acker“ („новъ“).

вызывает полная утрата *u* перед гласным после зубного согласного, если относить образование *pip*-к говорам праславянского языка, считая болгарскую и польскую формы унаследованными от одной общей, так как общеславянской можно считать лиш утрату *u* > *v* после губных согласных (*obiděti* из **ob-viděti*, *obaditi* < **ob-vaditi*, *obozъ* < **ob-vozъ* и т. п., но *dvigati*, *tvoj*, *svoj*, *tvoriti* и др., а *ně*- в *ně-kyj*, *ně-kъto*, *ně-kogda*..., конечно, не из **ne-vě* а из **ne-e*). Это сомнение, однако, можно устранить предположением более поздней, независимой в каждом из указанных языков, утраты *v* после *n* подобно тому, как в южнославянских языках утрату *v* после *d*, *m* мы имеем в серб. дѣгати, дѣзати, болг. дѣгам из дв-, болг. стѣоря < **сѣтворѣ* и т. п., при чём не исключена возможность и очень древнего изменения **pnivě* > *pnivě* под влиянием рядом или в соседнем говоре слышавшегося *пупѣ*. Как бы то ни было, другой этимологии, другого объяснения, кроме указанного Г. А. Ильинским, мы пока не знаем, и Brücker в своём *Slownik etymol. jez. pol.* ограничивается указанием лишь факта др. польского *pnivie*, даже не сопоставляя его с формой среднеболгарских памятников и не пытаясь дать объяснение. Миклошич же совсем опускает указание польско-болгарского *pnivě*.

Букву *ы* вместо *и* нахожу в слове *зыдъ* вм. *зидъ*¹: ѿ нждоу же ѿ зы дъ... 53.₁₂^{об.} = *ὄθεν ἔστιν καὶ ἡ πλίνθος* L. XL. G. 79.₅₋₆. Может быть, благодаря этому *ы* вм. *и*, произошло недоразумение при чтении этого места позднейшими переписчиками, принявшими сочетание „и зидъ“ за ф. 1 л. ед. аориста тематического простого, изредка встречающегося в рукоп. F. I. 376, вследствие чего в списках Макар. минеи находим 1 л. ед. аор. сигматического: *ѿзыдохъ* Соф. 1337. л. 194^а, в состав которого входит подновленная форма приставки *изъ*, получившей *з* в конце по образцу других приставок с исконным *з*, как *съ*, *въ* и друг., вместо древн. ф. *изидъ*, *изидохъ*, обычных в памятниках XI-XII в. Срав. *ѿзыти* F. I. 376. л. 56.₁₅.

Из области консонантизма важной особенностью старо- и ново-болгарского языка является различие праславянского *ǰz̑* от *z*. Это различие проведено последовательно в Сборнике 1348 г., но выражено не буквою *s*, известною в древнейших кирилловских памятниках только в числовом значении и только в некоторых среднеболгарских пам. в значении звуковом (ак. Карский, Слав. кирил. палеография, 189-190 в изд. 1928 г., указывает Погод. псалт., Слепченский апостол, Охридский апост., Орбельскую триодь и др.), а буквою *z̑* (съ крючком с правой стороны), известною в таком же значении с небольшими вариантами тем из древнейших кирилловских памятников (Хиланд. л. и л. Ундольск.),

¹ *ἡ πλίνθος*. Сравн. *зѣдѣникъ* 16.₁₁ = *κεράμιον*, чаще *зѣдѣникъ* 16._{6, 8, 13, 4} снизу = *корчагъ* в Макар. мин. по Соф. рукописям, изд. Арх. Ком. 827, также *зѣдѣрие* 23.₆ = Макар. *зѣдѣтеле* Соф. §1337. л. 169^в (Арх. Ком. 836 = *οἰκοδόμοι*) „строители“.

которые правильно различают \widehat{dz} от z , хотя именно крупнейшие из кирилловских памятников XI в. — Саввина книга и Супрасл. минея такого различия не знают. Укажу несколько примеров:

ѧлчѧть... зѧло F. I. 376. л. 4 (Мак. сѧл^w_o Соф. $\frac{1337}{1319}$ л. $\frac{153}{225}$ а) = *πεινώσι... πάνυ* G. 6.17.

оми|ловав же'его зѧло F. I. 376. л. 13^{об.} (Мак... сѧл^w_o $\frac{1337}{1319}$ $\frac{160}{227}$ г) = *συμλαθήσας οὖν αὐτῷ πολὺ* L. XI. G. 21.8, зѧло... добръ 28^{об.}_{9сн.}, = *πολὸν... καλός*. L. XXII. G. 44.15.

въ ползѧ ж F. I. 376... 16^{об.} = *εἰς τὸ συμφέρον* L. XIII. G. 25.15.

по|л'зева дѧи твоѧи... F. I. 376. л. 61^{об.}₉₋₁₀.

Формы склонения в общем сохраняются правильно, напр. *оу* в ф. род. ед. по типу древних основ на *ц/еи*: ѧ домоу 26, вѧнѧ ж доу вратъ домоу 26, или *и* в ф. род. ед. основ на *ј/еј*: влѧко вати|своего сѧ'ови гнѧв'ство F. I. 376. 21.9 (Макар. — сѧ'овѧца гнѧвѧ Соф. 1337. 166^б) = *ἀποθεραπεύσαι τὴν τοῦ οἰκείου ἀνεριῶδ μαρίαν* L. с. XVI. G. 34.3, срав. *сыновѧ мои* 21.9^б. (Мак. сѧ'овець Соф. $\frac{1337}{1319}$ $\frac{166}{228}$ г) = *ἀνεριῶς ἐμοῦ* G. 34.14. Из форм причастий отметим формы, имеющие *о* после *ш* и *щ* по аналогии местоименного склонения: *лос. sg. о вѧз|бѧснѧвшои* 50.9^б (*κατὰ τὴν διαconiσθεῖσαν*), *прѧсѧщомоу* 46.12, 13, *вѧземлѧщомоу* 46.14, *да жщомоу* 46.8^{об.}, *носѧщомоу* 37^{об.}-38.1 (по типу *тои, томоу*). Обращает на себя внимание местоимение *сѧ* вместо *сѧ'*: *сѧ' блаженѧи* 20.8^{об.} (Макар *сѧ'и блжѧныи* Соф. 1337. 165^в = *οὗτος ὁ ἀοίδεμος* L. XVI. G. 33.6), *отрокъ сѧ'* 29.9^{об.} = *ὁ παῖς οὗτος* G. 45.19.

Из форм спряжения следует отметить старый тип аориста сигматического от основы *рек-* (*гек-) — *рѧхъ* 9, 10 = *εἶπον* G. 16, *рѧшѧ*: *рѧшѧ ж нѧ|цѧ* 8.9^{об.} = *φασί τινες* L. VI. G. 13.9, при отсутствии этого типа в других глаголах 1-го класса, и вообще правильное употребление и сохранение старого различия в формах аориста и имперфекта: 3 л. мн. аориста обычно -ш ж согласно фонетическому правилу мены юсов вместо -ш ѧ, 3 л. мн. имперфекта -х ж. Изредка можно встретить формы аор. простого тематического: кроме выше указанного неправильно принятого глагольную форму аориста *йзыдъ* можно отметить още пример 1 л. ед.: *подъ црѧквь|дойдъ* л. 10.9^{об.}₅₋₆ (Мак. — *дойдохъ* Соф. 1337. 158^б) = *τὴν ἐκκλησίαν κατέλαβον* L. с. VIII. G. 16.14. Конечно, об обычных во всех старо- и средне-болгарских и древне-русских памятниках формах 3 л. ед., как рече Сб. 1348. л. 34.4 и т. п., не стоит распространяться. Стоит однако указать характерное для болгарскаго яз. прояснение *ь* въ *е* в ф. прочете F. I. 376. л. 15.9^{об.}₁₂ л. 16.3-2 снизу = *ἀνέγνω* Leont. XII. Gelz. 23.24 24.21. (Макар. прочте Архк. 827).

В Сборнике 1348 г. заметны ограничение употребления супина и замена его формою инфинитива, если не предположить, что уже в первом переводе славянский переводчик, верно следуя греческому подлиннику, передавал греческий инфинитив словянской формой инфинитива,

позднее заменённую супином в русских списках Макар. минеи, что весьма возможно допустить в виду обычного правильного употребления этой формы в языке великорусских грамот и летописей XIII-XV в. Вот примеры, показывающие расхождение в этом отношении Сборника 1348 г. и списков Макар. минеи XVI в.: и|знесъ корабникъ прода ти ѿ каситера F. I. 376. л. 13.₁ = . . . корабл^еникъ прода тѣ ѿ каситера Макар. $\frac{1337}{1319}$ Соф. л. $\frac{160^a}{826^r}$ (Арх. ком. 824) = ἐξενέγκας ὁ ναύκληρος πωλήσαι ἐκ τοῦ κασιτέρου L. X. G. 20.₁; придош ж . . . помолути | сѣ F. I. 376. л. 29.₁ = . . . помолитъ сѣ Мак. Соф. $\frac{1337. 174^a}{1319. 231^a}$ = παρῳγένοντο. . . ἐπὶ τὸ εὐχᾶσθαι . . . L. XXII. G. 45.₁₄; члѣкъ нечистъ въ хѣдѣ бл ж да | дѣ ти с' не ж. F. I. 376. л. 49.₇₋₈ = вхѣдѣ блоуда дѣ тѣ с нею . . . Мак. Соф. $\frac{1319. 235^a}{1337. 190^b}$ = ἀνθρώπος ἀκάθαρτος εἰσερχόμενος εἰς τὸ πορνεῦσαι μετ' αὐτῆς. L. XXXVI. G. 73.₁₂.

Из особенностей синтаксиса отмечу столь характерный для болгарского языка оборот Dativus possessivus: бѣ | ше сыновъ па пѣ F. I. 376. л. 20.₈^{сб.}_{снизу}, сохранённый и текстом Макар. м.: сыновець па пѣ Соф. $\frac{1337. 165^r}{1319. 228^b}$ A. к. 831 = εἶναι αὐτὸν ἀνεψιὸν τοῦ πάπα L. с. XVI. G. 33.₁₁₋₁₂.

Очень интересны особенности ударения, о котором можно было бы написать особое исследование, сравнив его с ударениями живых говоров и со знаками ударений других акцентованных текстов. Но имея в виду другую цель — дать в настоящей небольшой статье не полное исследование всех особенностей языка сборника 1348 г., а ознакомить с его интересным словарным составом, ограничиваясь и в этом отношении матерьялом лишь первых 70 листов его, обнимающих житие Иоанна Милостивого, я скажу об ударении только несколько слов. Во первых, отмечу, что в Сб. 1348 г. наблюдаем три знака: ` , ` , ^, имеющих повидимому одно значение: с па ше женѣ л. 46.₂^{сб.}_{сн.} = ἐκοιμάτο ἡ γυνή L. XXXVI. G. 70.₉, въ збѣ снѣ женѣ л. 47.₇ = ἔδαμονίσθη ἡ γυνή G. 70.₁₄, при жи женѣ л. 42.₁₃^{сб.} = γύναιον; ѿ вины 38.₈ сн., разоумѣ винѣ 38.₆ сн., быти сеи винѣ 38.₄^{сб.}_{сн.} = ἐξ αἰτίας, ἐπέγνω τὴν αἰτίαν, ταύτην εἶναι τὴν αἰτίαν Leont. с. XXVII. G. 58. 4, 5, 23. Эти знаки ударения в данных словах соответствуют живому и русскому и болгарскому произношению, но знак циркумфлекса встречается только в конечных слогах, знак же акута и в конечных и в начальных слогах: ныш ж F. I. 376. л. 47.₂ сн. = φορῶ G. 71.₂, мѣ лѣ F. I. 376. л. 59.₃ = Мак. молю Соф. 1319. л. 237^{сб.} — δυσοπῶ — формы 1 л. ед. наст. вр., имеющие то же ударение в современном живом болгарском яз. (нося, моля, Дювернуа: нѣсѣж). Отметим также формы причастий настоящего врем. нѣса F. I. 376. л. 35.₅ сн., — 56.₁₃ = φορῶν G. 53.₂₉, φέρον G. 82.₁₃, хѣтѣ F. I. 376. л. 56.₁₅ = μέλλον G. 82.₁₄, хѣтѣ 17._{2,4}^{сб.} = βουλόμενος G. 26.₁₂, хѣтѣ ща го л. 42.₆ сн. Формы 3 л. ед. аориста иде л. 41.₁₂^{сб.}, рече л. 34.₄ = ἐπλεν G. 52.₂. Ценно, что отмечено древнее ударение ф. вин. пад. мн. ч. дѣмы . . . хвалити, дѣмы мѣнити

л. 26.7. 9—10, сохранявшееся в русском литературном яз. по крайней мере в XIX-ом стол. (сравн. у Крылова), хотя возможно, что древность его не велика: древнерусские *дѣмы*, *гѣроды* (Уложен 1649 г.) едва ли не представляют место ударения первоначальной формы имен. мн.: **гѣроди*, при чём ф. имен. вин. *дѣмы* должна считаться новообразованием по типу формы имен. мн. основ на ѣ, форма же вин. мн. основ на ѣ и на *й*, как *домъ* (им. мн. *домове*), с подвижным ударением должна была бы иметь ударение на конце: **домы*, срв. *возы*, *сады* (см. Шахматова „Очерк современного русского литер. языка“, Гос. издат. 1930, стр. 110-114), так как окончание вин. мн. имело экспираторную долготу, которая перетягивала ударение коренного слога на окончание.

После этой краткой характеристики фонетических особенностей языка Сборника 1348 г. мы хотели остановиться на наиболее интересных особенностях словаря первой части рукописи, именно жития Иоанна Милостиваго, исследованного мною с этой точки зрения сравнительно с греческим текстом Леонтия епископа Неаполитанского, изданным Гельцером. Но внезапная болезнь, уложившая меня в постель, заставила меня отложить эту главную часть работы до другого случая, и в виду спешности ограничиться изложенным. Однако я должен хотя кратко упомянуть, что было издано из отдельных частей Сборника 1348 г. Кроме тех статей, которые были изданы в указанной выше статье И. И. Срезневского, не раз издавалось входящее в состав Сборника сказание „О писменехъ чръноризца Храбра“ (л. 101^{об.}-105^{об.}). Неточно, без соблюдения знаков *ъ* и *є*, на что обратил внимание С. Гр. Вилинский, оно издано Калайдовичем в соч. „Юаннъ ексархъ болгарскій“, стр. 189-192. Начало и конец напечатаны Шафариком в „Slovanské starožitnosti“ (Pr. 1837) и в Приложениях к русскому переводу „Славянских древностей“ (т. II, кн. III, М. 1847 г., с. 109-110). Акад. И. В. Ягич в своих „Разсужденіяхъ южно-слав. и русской старины о с. славянскомъ языкѣ“ (Изслѣдованія по русскому яз., т. I, стр. 297-300) издал текст сказания по рукописи, но без указания разделения страниц и строк, хотя и с соблюдением всех графических особенностей и надстрочных знаков. Проф. Вилинский, еще студентом Одесскаго университета прочитавший реферат в семинарии проф. П. А. Лаврова в 1899-1900 г. и в засед. Визан.-слав. отдел. Ист.-фил. Общ. 1 ноября 1900 г., издал этот реферат в переработанном виде в Летописи Истор.-филологич. Общества при Новорос. унив. (Одесса 1901, 8°, 56 стр.), дав в нём не только сведения о всех известных списках „Сказания“, но и о всех изданиях, исследованиях и выводах учёных по этому вопросу, а кроме того сводный текст Сказания, положив в основу его текст рукописи F. I. 376, и словарь.

Въ новейшее время П. А. Лавров в I т. „Трудов Славянской комиссии“ (Ленинград 1830 г.) издал текст Сказания в числе других материалов по истории возникновения славянской письменности (стр. 162-164),

а во введении к изданным текстам, стр. XL-XLIV, подробно говорит об изданиях и других списках Сказания.

В приложениях к „Обзору звук. и формальн. особенностью болг. яз.“ 1893 г. П. А. Лавров издал значительный отрывок из Сборника 1348 г. (стр. 10-13), именно с конца 25^{об.} по 30^{об.} и запись о времени написания рукописи на л. 214. Листы 25-30 заключают часть жития Иоанна Милостивого, обнимающего в Сборнике 70 листов и подробно исследованного мною в 1925-1927 г. со стороны его словарного состава сравнительно с греческим оригиналом *Λεοντίου ἐπισκόπου Νεαπόλεως τῆς Κυπρίου νήσου εἰς τὰ λείποντα τοῦ βίου τοῦ ἐν ἀγίοις πατρὸς ἡμῶν καὶ ἀρχιεπισκόπου Ἀλεξανδρείας Ἰωάννου τοῦ ἐλεήμονος* — по изданию Heinrich Gelzer'a „Leontios von Neapolis Leben des heiligen Johannes des Barmherzigen Erzbischofs von Alexandrien“ (Sammlung ausgewählter kirchen- u. dogmengeschichtlicher Quellenschriften V H., Freiburg-Leipzig 1893). Текст в издании П. А. Лаврова напечатан точно, но без отметки разделения строк.

Ленинград

Б. М. Ляпунов

Болгарский пятистопный ямб в сопоставлении с русским.

1. Со времен Ивана Вазова преобладающую роль в болгарской поэзии играет силлабо-тонический стих русского образца, пришедший на смену ботевскому стиху, тесно связанному с туземной фольклорной ритмикой.¹ Стих вазовской традиции пустил глубокие корни в болгарской литературе, тем не менее он до сих пор не был подвергнут научному анализу.

Предмет настоящего разбора составляет одна из характернейших разновидностей этого стиха — рифмованный пятистопный ямб. Обследована тысяча стихов одного из наиболее ярких представителей новой болгарской поэзии, Кирила Христова: первые пятьсот мужских и первые пятьсот женских стихов этого размера из „Антологии“ названного поэта (София 1922).²

Задача разбора — ответ на вопрос: как использованы в стихе просодические элементы болгарской фонологии слова, по сравнению с соответствующими элементами в русском ямбе? Оставляю на этот раз в стороне вопрос о том, как использованы элементы фразной фонологии (фразное ударение, паузы, каденции и т. п.), вопрос о ритмических отличиях рифмованного ямба от белого, а также от проблемы историко-литературного порядка (ритмические особенности отдельных поэтических жанров в творчестве Христова, эволюция его ямба, место поэта в истории болгарского стиха и т. д.).³

¹ Ср. напр. Stoyan Djoudjeff „Rythme et mesure dans la musique populaire bulgare“, Paris 1931, 32.

² Стихотворения: Скитникъ, Жени и вино, Кога печална есенъ наближава, Хей, пролъть иде, Старата пѣсенъ, Край люлката на моя синъ, Живата пѣсенъ, Могъ ultima dea, Утро край морето, Пеперуда, Въ царството на букитъ, Окото на планината, Призраци, Станси, Знание и разумъ, Погребение, Повторъ да се родя ли дойде време, Иванко, Ослѣплениятъ истуканъ, Гюргя (II) и Царски сонети (женские стихи, кончая строкой 3. сонета Следъ години, а мужские, кончая строкой 7. сонета Утромъ). — Приношу благодарность Кирилу Христову за ценные указания и за декламацию его стихов.

³ По принципиальным и терминологическим вопросам науки о стихе отсылаю к своим работам „О чешском стихе“ (Берл. 1923), „O překladu veršů“ (журн. Plán, II, 9-11), „Zum Versbau der serbokroatischen Volksepem“ (печатается в Archives Néerlandaises de phonétique expérimentale), а по вопросам общей фонологии — к Travaux du Cercle ling. de Prague IV.

2. *Метрические константы рассматриваемого стиха:*

На 10-й слог стиха всегда падает ударение. Это последний ударный слог стиха. Это последний четный слог стиха, поскольку ямб Христова знает только мужское либо женское, но отнюдь не дактилическое окончание.

На нечетные слоги стиха не может падать фонологическое словесное ударение. Фонологическим словесным ударением является в болгарском языке ударение многосложных слов (ср. наречие *са́мо* и местоимение *само́*; *пи́сане* — действие, *писане* — результат действия и т. п.). Ударение не может различать значения двух односложных слов, следовательно односложные слова лишены фонологического словесного ударения. Таким образом нечетные слоги болгарского ямбического стиха могут быть заполнены безударными слогами многосложных слов или односложными словами, но отнюдь не ударными слогами многосложных слов.¹

Те же константы налицо и в русском ямбе.

3. *Ритмические тенденции рассматриваемого стиха:*

Нечетные слоги стиха тяготеют к фонологической безударности. Эта тенденция близится внутри стиха к метрической константе, тогда как в анакрузе, т. е. в 1-м слоге, она проявляется слабее. Ритмика нечетных слогов болгарского пятистопного ямба разительно напоминает ритмику русского ямба. Процент нечетных слогов стиха с односложными словесными единицами:

Слог	1.	3.	5.	7.	9.
Христов	13,9	1	2,8	1	1
Пушкин ²	12,8	1,1	3,7	1,4	1,5

Примеры: Три жъ самъ измѣничитѣ ободри (стр. 119).

Глупци! Знай всѣки, че ще оцѣлѣй (стр. 78).

Единственъ е! Кой дейността му славна (76).

И лудо милва я: „Не, не! Ти мене (270).

Четные слоги стиха тяготеют к ударности (или в более точной фонологической формулировке — стремясь избежать безударности). Ударение падает на 75,88% четных слогов.³ Иерархия ударений: четному слогу с сильной тенденцией к ударности предше-

¹ Под углом зрения фразной фонологии, болгарский ямб наделен константой: на нечетные слоги стиха не может падать фонологическое фразное ударение. Следовательно нечетный слог стиха не может быть заполнен таким односложным словом, которому в данном контексте акцентологически подчинено другое слово.

² См. Б. В. Томашевский „О стихе“ (Лнгр. 1929, 190). Из этой книги, особенно из работы „Пятистопный ямб Пушкина“ (138-253), заимствую данные о пушкинском бесцезурном ямбе.

³ Здесь и далее мы подразумеваем под ударением любое ударение синтагмы ср. Триванх IV, 165), т. е. сюда относятся, в терминах фонологии слова, и фонологическое ударение многосложных слов и внефонологическое ударение односложных слов.

ствует четный слог со слабой тенденцией к ударности, и обратно. 10-й слог непременно ударен (100%), следовательно 8-й слог наделен слабою тенденцией к ударности, 6-й — сильной и т. д., — словом, слоги кратные четырем могут быть охарактеризованные как слабые икты, а остальные четные слоги как сильные икты. Чем последовательнее падает ударение на четный слог последней категории, тем слабее тенденция к ударности предыдущего четного слога: в виду постоянной ударности 10-го слога на 8-й слог ударение падает всего в 49,6% стихов, тогда как слоги 6-й и 4-й характеризуются соотношением: 79%—61,3%. Итак в рассматриваемом стихе четные слоги тяготеют к ударности, нечетные к безударности, сильноударные четные слоги (сильные икты) чередуются со слабоударными четными слогами (слабыми иктами), и наконец то же волнообразное движение раздваивает сильноударные слоги: 10-му слогу, постоянно ударному, предшествует 6-й, наделенный несколько пониженной тенденцией к ударности (79%), тогда как во 2-ом слоге эта тенденция снова повышается (89,5%). Эта разверстка ударений очень схожа с распределением ударений в пятистопном ямбе пушкинской лирики (2 слог — 89%; 4 сл. — 65,8; 6 сл. — 83,2; 8 сл. — 54,2; 10 сл. — 100.¹ Но следует отметить, что повышенная ударность 2-го слога по сравнению с 6-ым — для русского пятистопного ямба частный случай, — тенденция к альтернации сильных иктов нередко скрещивается с иными ритмическими тенденциями, одерживающими верх.

4. Оставив в стороне стихи с т. н. неметрическими ударениями, т. е. с односложными словесными единицами в нечетных слогах, обнаруживаем следующие акцентологические типы стихов:

Число ударных иктов.		Ударные слоги стиха.	Процент встречаемости
I	5	2.4.6.8.10.	12,4
II	4	2,4,6,10	17,8
III	"	2,4,8,10	8,6
IV	"	2,6,8,10	11,1
V	"	4,6,8,10	2,1
Итого			39,6
VI	3	2,4,10	3,4
VII	"	2,6,10	18,2
VIII	"	2,8,10	2,2
IX	"	4,6,10	2,4
X	"	4,8,10	2,1
XI	"	6,8,10	0,4
Итого			28,7
XII	2	2,10	0,2
XIII	"	4,10	0,3
XIV	"	6,10	0,2
Итого			0,7

¹ См. Томашевский, о. с. 241.

Приводим примеры отдельных акцентологических типов, при чем особо отмечаем все те схемы разверстки ударений и словоразделов (границ между словесными единицами), которые встречаются по меньшей мере в 1, 5% всех обследованных стихов.

I. буб уб уб уб у[б]¹ — 2,4%

Надъ тебе пази, мило — нѣмай страхъ (стр. 27)

И всѣки здраво вѣрва, всѣки знае (77)

буб уб уб у бу[б] — 1,6%

Да бждешъ въ друго: съ чѣстенъ трѹдъ имотъ (29)

Умира всѣчко, само дѹхъ не гѣне (82)

II. буб уб уб ббу[б] — 3,2%

Безбройни струни, арфа отъ лучи (40)

Билó е нѣщо ново, непознато (79)

бу буб уб ббу[б] — 2,3%

Жени и вино! Вино и жени (11)

Когá печална есенъ приближава (1)

буб у буб ббу[б] — 2,1%

Превáля пжть, безъ време старини (41)

На прѣсний грóбъ вити десетина (96)

III. буб уб ббуб у[б] — 1,5%

Остава старци — и потегля пакъ (4)

Вървѣме мѣлкомъ. Неизгледни нѣви (273)

буб уб буб у[б] — 1,5%

Пѣвачка — призраци. . . Еднакъвъ халь (74)

Треперятъ около брѣзитѣ бѣли (280)

IV. бубб буб у бу[б] — 2%

Потомцитѣ — понѣвга речъ една (82)

Спокойната вѣвъ хладний грóбъ почивка (41)

бубб буб уб у[б] — 1,7%

Вѣвъ призраци преврѣща всѣчко тя (73)

Привѣрженикъ на всѣчко старо, диво (96)

V. Съсъ часовѣ държáха сбрáний свѣтъ (96)

VI. Че време истината не затрѣва (94)

VII. бубб буб ббу[б] — 4,8%

Не можеше да глѣда отъ брѣгѣтъ (3)

Запѣли сж жетвѣрки чернооки (18)

бубб бубб бу[б] — 4,2%

Вестáлката край Вѣчния огнь (137)

Вратѣтъ сж подлóстени. Задрѣма (137)

буб ббуб ббу[б] — 3,2%

Пропáдаты и брѣтвѣжи и дѣла (74)

И плѣпать харамѣн. . . А горáта (74)

буб ббубб бу[б] — 1,6%

Вѣвъ мóщни, огнедѣшещи слова (82)

Да слѹшашъ пѣснопѣния грóбовни (13)

VIII. Предвѣстниче на пролѣтъá, не трай (14)

IX. Не проумѣй: не дрѣбичко човѣче (81)

X. Непомрачѣнъ отъ хитрина и злóба (93)

XI. А добродетельá на óнзи, кой (279)

XII. По вѣстницитѣ ни се споменава (75)

XIII. И по колонитѣ околóврѣсть (137)

XIV. Като че отъ земята до небѣто (93)

¹ у — ударный слог, б — безударный.

5. Распределение словоразделов в трех основных группах стихов (без неметрических ударений) — в стихах с пятью, четырьмя и тремя ударными иктами:

Слог, которому предшествует словораздел	Число ударных иктов в стихе		
	5	4	3
3	25,8	22,7	5,9
4	74,2	55,1	26,8
5	44,1	32,6	44,2
6	58,9	43,2	15
7	30,6	26	16
8	69,4	46	38,7
9	38,7	38,9	35,9
10	60,5	35,1	12,9

Во всех рассмотренных категориях стихов отчетливо проявляется следующая тенденция: словоразделы перед 6-ым и 10-ым слогом реже словоразделов перед 4-ым и 8-ым слогом; словоразделы перед 3-ым и 7-ым слогом реже словоразделов перед 5-ым и 9-ым слогом. Мы вправе рассматривать это соотношение как общую тенденцию христовского пятистопного ямба; то же явление имеет место и в русском бесцензурном пятистопном ямбе, как показывают статистические данные Томашевского о стихе Пушкина, Жуковского, Кюхельбекера и Жандра.¹ Сопоставляем разверстку словоразделов у Христова и в пушкинской лирике:

Слог, которому предшествует словораздел	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.
Христов	14	17,2	48,5	38,3	39,7	24,3	47	39,1	31,9
Пушкин	12,8 ²	27,7	34,8	62	22,6	35,8	37,4	41,2	31

Нетрудно расшифровать указанное соотношение: налицо явное стремление избежать внутри стиха словоразделов по соседству с сильными иктами. Основным просодическим противопоставлением как в болгарском, так и в русском языке является противопоставление ударного слога безударным слогам той же словесной единицы, — сильные икты стиха стремятся максимально использовать это противопоставление, — противопоставление ударного слога безударным слогам других словесных единиц менее ощутимо.

Поэтому в случае безударности икта наблюдается отчетливая тенденция к словоразделу непосредственно перед иктом или непосредственно после него: сопоставление этого слога с безударным слогом другой словесной единицы менее ощутительно, нежели сопоставление исключительно с безударными слогами той же словесной единицы, — безударность икта как бы скрадывается. Так в стихах Христова с 4 ударными иктами ближайшие к безударному икту словоразделы распределены следующим образом:

¹ О. с. 240, 243. ² См. Томашевский, о. с. 190.

Безударный икт	.. уб ббу убб бу у бббу уббб у. ¹
2.	37	58	7	9
3.	31	37	5	13
4.	85	63	18	12

Итак в четырехударных стихах безударные икты соседят со словоразделом — 2-й в 85, 6%, случаев, 3-й в 79, 1%, а 4-й в 83, 1%. Соответствующие цифры для бесцезурного пятистопного ямба Пушкина составляют, по подсчету Г. Шенгели, 89, 3%, — 72, 2%, — 80, 3%.²

Сходство болгарских данных с русскими свидетельствует, что главную роль играет в этих случаях именно наличие или отсутствие соотнесенности слогов, тогда как исследователи русского стиха (Корш, Шенгели, Жирмунский) склонны признать здесь решающим фактором побочное ударение, тяготеющее к пограничным слогам словесной единицы. „В болгарском языке общая картина склоняется к трохаическому (реже дактилическому) распределению выдыхания“: „после главного ударения в слове следует слабый слог, потом побочное ударение, далее эвентуально новое ослабление и новое усиление выдыхания; напр. . . кра̀ставица, кра̀ставица-те“³. Таким образом болгарскому языку чуждо тяготение побочных ударений к пограничным слогам словесной единицы, тем не менее и в болгарском стихе налицо тенденция к сочетанию безударных иктов со словоразделами.

6. В русском бесцезурном пятистопном ямбе расстановка словоразделов обнаруживает диэрезную тенденцию: процент словоразделов обычно выше перед 5-ым слогом, чем перед 4-ым, — перед 7-ым, чем перед 6-ым, — перед 9-ым, чем перед 8-им, а также выше перед 5-ым слогом, чем перед 6-ым, — перед 9-ым, чем перед 10-ым⁴. Обратное болгарский пятистопный ямб характеризуется полным отсутствием ямбической фразировки: словоразделы проходят преимущественно перед четными слогами — чаще перед 4-ым, чем перед 3-им, — перед 6-ым, чем перед 5-ым, — перед 8-ым, чем перед 7-ым, а также чаще перед 4-ым, чем перед 5-ым, — перед 6-ым, чем перед 7-ым, — перед 8-ым, чем перед 9-ым. В бесцезурном пятистопном ямбе пушкинской лирики число словоразделов перед 3-им и дальнейшими тремя нечетными слогами на 33% выше, чем перед следующими четными слогами, а у Христова обратно—число словоразделов перед этими четными слогами на 41% выше, чем перед предыдущими нечетными. Характерно напр., что из стихов с 5 ударными иктами 24 наделены исключительно словоразделами перед четными слогами, но только в 4 стихах все словоразделы проходят перед нечетными слогами.

¹ Примеры — .. уб ббу .. въ съседни дворове; .. убб бу .. а въ моитѣ очі . . . у бббу .. подъ ножъ и на бесило; .. уббб у .. и милоститѣ спомни.

² „Трактат о русском стихе“. М.-П. 1923, 56.

³ О. Брокъ „Очеркъ физиологіи славянської рѣчи“, § 244.

⁴ См. Томашевский, о. с. 240-249.

Примеры: *бу бу бу бу бу/б/*:

Кждѣ умрѣ денѣтъ немиль-недрагѣ (267)

Въ живѡтъ и смѣрть! Напрѣдъ или обратнѡ (265)

Для объяснения этих различий необходим предварительный анализ ритмического словаря. Рассматриваем ритмический словарь обследованных стихов Христова на фоне словаря его прозы (первые 1250 словесных единиц его повести „Виелица“, которую сам автор снабдил ударениями для антологии болгарской прозы, публикуемой под его редакцией в Софии, в издании Министерства народного просвещения):

Число слогов словесной единицы	Слог, на который падает ударение	Проза	Пятистопный ямб.	
			мужской	женский
1	1.	11,44	20,05	13,35
2	1.	17,84	15,5	20,4
2	2.	11,12	17,45	8,5
3	1.	9,52	3,5	4,35
3	2.	14,96	19,6	28,9
3	3.	6,24	6,65	1,35
4	1.	1,52	1,15	0,8
4	2.	8,24	6,15	7,35
4	3.	8,48	2,6	8,35
4	4.	1,0	2,55	1,0
5	1.	0,16	—	—
5	2.	1,52	1,25	1,15
5	3.	3,12	0,8	0,45
5	4.	2,4	1,3	2,9
5	5.	0,4	0,35	0,05
6	1.	—	—	—
6	2.	—	0,1	0,05
6	3.	0,64	0,1	—
6	4.	0,72	0,55	0,25
6	5.	0,16	0,1	0,35
6	6.	0,08	0,1	0,05

Словесные единицы с большим числом слогов единичны.

Сопоставляем словарь прозы и пятистопного ямба Христова и Пушкина с точки зрения его силлабического состава.¹

Словесные единицы	Х р и с т о в			П у ш к и н	
	Проза	5-стопн. мужск.	ямб. женск.	Проза	5-стопн. ямб
односложные	11,44	20,05	13,35	8,55	14,49
двухсложные	28,96	32,95	29,9	33,09	36,76
трехсложные	30,72	29,75	34,6	31,25	31,91
четырёхсложные	19,28	12,45	17,5	18,71	13,47
пятисложные	7,6	3,7	4,55	6,3	3,13
шестисложные	1,6	0,95	0,7	1,81	0,21
семисложные	0,24	0,1	0,4	0,27	0,01
восьмисложные	0,08	0,05	—	—	—
девятисложные	0,08	—	—	—	—

¹ См. Томашевский о. с. 197-199. Мужских и женских стихов порознь автор не рассматривает.

В ямбе обоих поэтов процент словесных единиц, охватывающих два икта, ниже, чем процент соответствующих словесных единиц в прозе. Речь идет о словесных единицах с четырьмя и с большим числом слогов о трехсложных словесных единицах с ударением на 1-ом или на 3-ем слоге. Соответственно повышен процент односложных и двухсложных словесных единиц, а также трехсложных с ударением на среднем слоге. В мужских стихах Христова такие словесные единицы, не охватывающие двух иктов, составляют 72,6%, в женских стихах 71,15%, а в прозе соответствующие словесные единицы составляют всего 55,36%. В рассматриваемых мужских стихах Христова средняя длина словесной единицы — 2,5 слога, в женских 2,75, а в прозе 2,89. Эти данные поразительно близки к аналогичным русским цифрам. Томашевский исчисляет среднюю длину словесной единицы для пушкинской прозы в 2,9 слога, а для пушкинского пятистопного ямба в 2,6—2,65 слога.¹ Замечания Томашевского о близости структуры бесцезурного пятистопного ямба к структуре прозы² верны не только применительно к русской, но и к болгарской ритмике.

Встречаемость отдельных акцентологических типов словесных единиц в пятистопном ямбе Христова существенно отличает его ритмический словарь от словаря пушкинских стихов.

Число предударных слогов	Х р и с т о в				П у ш к и н	
	Проза	5-стопн. мужск.	ямб. женск.	Проза	5-стопн. ямб	
0	40,48	40,25	38,9	32,67	30,01	
1	35,84	44,55	46,05	41,27	54,31	
2	18,48	10,15	10,15	20,82	9,73	
3	4,16	4,4	4,3	4,54	5,83	
4	0,88	0,45	0,4	0,68	0,12	
5	0,16	0,2	0,2	—	0,01	

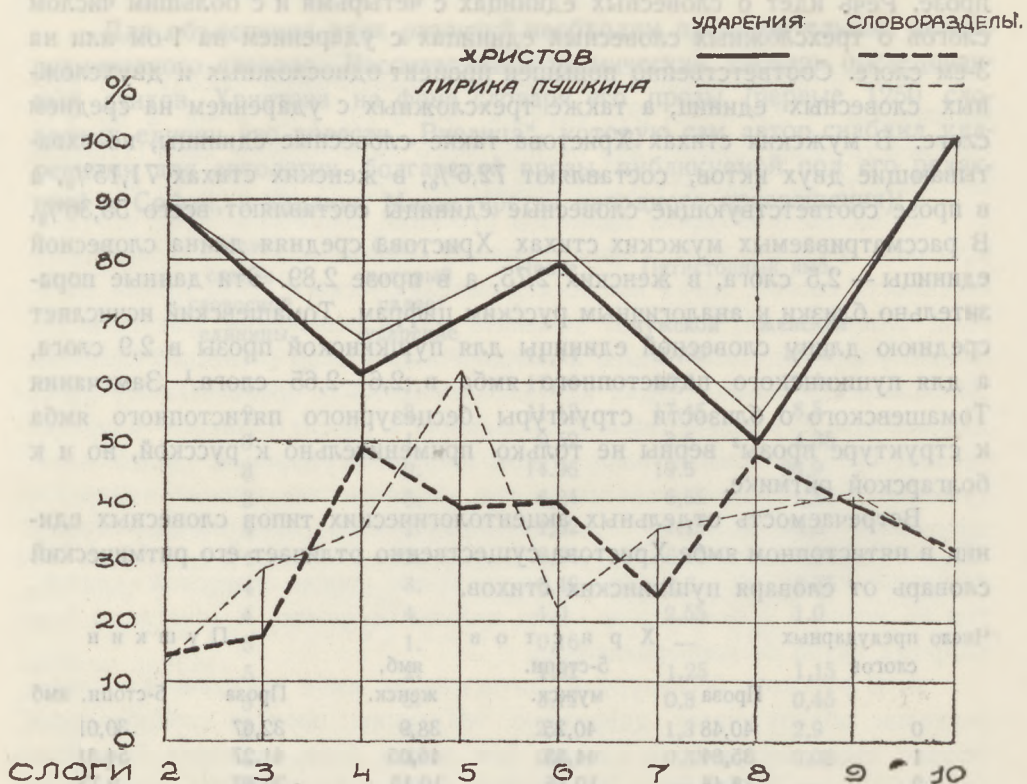
Число последударных слогов	Х р и с т о в				П у ш к и н	
	Проза	5-стопн. мужск.	ямб. женск.	Проза	5-стопн. ямб	
0	30,32	47,1	24,3	37,45	47,56	
1	43,84	39,15	61,05	40,61	42,73	
2	21,92	11,05	12,4	18,38	8,93	
3	3,84	2,6	2,1	3,28	0,69	
4	0,08	0,1	0,05	0,28	—	
5	—	—	0,1	—	—	

Словесные единицы с нечетным числом предударных слогов остаются в прозе Христова 40,16%, в его пятистопном ямбе 49,85%, в пушкинской прозе 45,81%, а в его бесцезурном пятистопном ямбе 60,15%. Начало ямба требует словесных единиц с нечетным числом предударных слогов, этим объясняется повышенный процент таких единиц в ямбе обоих поэтов по сравнению с их же прозой. Словесные

¹ О. с. 168.

² О. с. 202, 247 сл., 304.

БЕЩЕЗУРНЫЙ ПЯТИСТОПНЫЙ ЯМБ

единицы с ударением на 2-ом слоге являются наиболее распространенным типом в русской прозе, поэтому русский поэт лишь стилизует ритмический словарь прозаической речи, превращая относительное большинство в абсолютное, тогда как в болгарском стихе абсолютное большинство словесных единиц с ударением на 2-ом слоге произвело бы впечатление немотивированного насилия, ибо процент таких словесных единиц в болгарской прозе значительно ниже, чем в русской, и относительное большинство в болгарской прозе составляют словесные единицы с ударением на 1-ом слоге. Господство словесных единиц с нечетным числом предупредительных слогов в начале стиха компенсируется пониженным процентом таких единиц внутри стиха. Таким путем достигается значительная близость между ритмическим словарем болгарского ямба и прозы, но стих лишается ямбической фразировки. Приглушается ритмическая функция словоразделов; в ямбе Христова большую роль по сравнению со словоразделом играет скорее отсутствие словораздела („мост“ по терминологии современной классической метрики). Именно с „мостами“ оперирует ритмическая характеристика сильных иктов, и именно отсутствие „моста“ скрадывает безударность икта. Поскольку

внутри стиха словесные зачины трохаического склада преобладают над зачинами ямбического склада, естественно преобладают и словесные окончания трохаического склада. Легкая тенденция к нечетному числу слогов в окончаниях словесных единиц (в пятистопном ямбе Христова такие окончания составляют 52,5%, в его прозе 47,68%) особенно заметна на фоне показаний русского ямба, где тенденция скорее обратная (пушкинский бесцезурный пятистопный ямб насчитывает 43,42%, а проза 43,89% таких окончаний).

Итог: болгарский стих „вазовской традиции“, несмотря на генетическую связь с русским стихом и несмотря на одинаковость „просодических корреляций“ в обоих языках, обнаруживает наряду с разительными совпадениями и существенные расхождения с русским стихом; эти расхождения обусловлены значительным различием болгарского и русского ритмического словаря.

Брно

Роман Якобсон

Südslavische Wortstratographie und albanische Lehnwortkunde

Seitdem Franz Dietrich in einem denkwürdigen Aufsatze „Zeugnisse eines vorhistorischen Standes des Schwedischen und einer gotischen Gestalt des Altnordischen aus dem Lappischen und Finnischen“ (Höfers Z. f. d. Wiss. d. Spr. 3, 1851, 32 ff.) das Verhältnis der finn.-lapp. und germ. Entsprechungen richtig bestimmt hatte, ist sein Ergebnis Gemeingut der germanischen Sprachwissenschaft geworden (vgl. Streitberg-Michels, Germanisch in: Gesch. d. idg. Sprachw. II 2¹, S. 53 f.). Darnach enthält das Lapp. [und das Finn.] nordische Worte und Wortbedeutungen, die älter sind als die ältesten Quellen des Anord. Auf dem Gebiete der rom.-germ. Lehnbeziehungen ist es eine namentlich durch die methodologisch grundlegende Arbeit J. Juds (ZRP h 38, 1914, 1-75) gewonnene Erkenntnis, dass die entlehrende Sprache, in diesem Falle das D. und das Ndl., auch „solchen Fremdlingen Heimatrecht gewährt und sie gehalten hat, deren Stammhaus im Ursprungsland Nordfrankreich in Trümmer gefallen ist“. So macht die Wortschicht nd. *iken*, nhd. *eichen* die Masze nachprüfen, lt. (*ex*)*aequare* (*misuras*) heute an der frz.-d. Sprachgrenze Halt. Wohl aber ist *exaequare* in dieser technischen Bedeutung in pompeianischen Inschriften belegt, sein Weiterleben im Afrz. durch das heute ausgestorbene *essever* bezeugt. Auf frz. Boden ist also die Schichtenfortsetzung *aequare*, bzw. *exaequare* durch eine Versenkung unserem Auge entzogen. Jud kennzeichnet den sprachlichen Tatbestand mit dem der geologischen Fachsprache entnommenen Ausdruck: Wortverwerfung. Da es nun nicht wahrscheinlich ist, dass ein nd. *iken*, dem nhd. *eichen* entspricht, direkt aus Italien nach den Mündungen des Rheins verpflanzt worden sei, ergibt sich der Schluss, dass *aequare* einst auch im benachbarten Gallien geläufig war. Ein ähnlicher Einsturz einer alten Wortschicht liegt vor bei ndl. *wijme* salix viminalis, dessen lt. Quellwort *vimen* Weide, Rute in dem für die Entlehnung geographisch allein in Betracht kommenden Nordfrankreich fehlt. Hier ist nur die Ableitung *vimaria*, *vimetum* Weidengebüsch nachweisbar, während in Südfrankreich *vimen* sich bis heute starker Verbreitung erfreut. Das ndl. Lehnwort erweist somit das einstige Vorhandensein des Wortes in Nordfrankreich.

Es ist nun der Zweck der folgenden Zeilen, zu zeigen, dass die slav. Lehnwörter des Alb. für die Erkenntnis der einstigen Schichtung des südslav. Wortschatzes ganz ähnliche Dienste zu leisten vermögen wie die

It.-rom. Lehnwörter der germ. Sprachen für die Romania, die finn.-lapp. für das Germ. Als Beispiele werden in erster Linie solche slav. Lehnwörter des Alb. angeführt werden, die in der sprachwissenschaftlichen Literatur bisher nicht erörtert wurden, daher auch in dem jüngst erschienenen trefflichen Werke A. M. Seliščevs „Slavjanskoe naselenie v Albanii“ nicht zur Sprache gelangen. Die folgende Darstellung will daher sowohl der Geschichte und der geographischen Lagerung des slav. Wortschatzes als der Ermittlung seiner Einwirkung auf das Alb. dienen. Der wortstratigraphische Gesichtspunkt erweist sich eben auch für die Aufhellung der Tatsache der Entlehnung als wichtig. Mehrfach wird auch weiter auszuholen sein, da die Area der nachzuweisenden Kulturwörter sich zum Teil über den gesamten Osten Europas erstreckt.

Ein von der alb. Lexikographie bisher nicht gebuchtes Wort ist *brashnjë* abgetragener Schuh, ein Nomen, das in einem Aufsatz von J. P. Vruho (Lirija e Shqipërisë, Jg. 1, 1912, Nr. 34, S. 2, Sp. 4) zusammen mit *këpuçë* Schuh gebraucht wird. Wie mir Herr stud. phil. Eqrem Çabej aus Argyrokastro mitteilt, wird dieses Wort in seiner Heimatmundart vornehmlich in bildlicher Bedeutung für „unterwürfig, knechtisch; serviler Mensch“ verwendet. Eine solche Bedeutung kommt dem Nomen auch an der erwähnten Stelle des Aufsatzes von Vruho, der dem südosttosk. Gebiete entstammte, zu. Dass aber auch die Grundbedeutung „abgetragener Schuh“ im südwestl. Tosk., also in der Umgebung von Argyrokastro, durchaus üblich ist, lehrt die nominale Weiterbildung *brashnjar* Flickschuster (für frz. *savetier* gebraucht von A. Zako [Çajupi] in seiner alb. Nachdichtung von Lafontaines Fabeln: „Përralla të sgjedhura nga Lafontaine, Heliopolis, o. J. [1921], S. 187. Çajupi war aus der Umgebung von Argyrokastro gebürtig). Übrigens wird in Argyrokastro auch *brashnjar* figürlich für „unansehlicher, körperlich schwächerer, sittlich niedriger Mensch“ gebraucht. Zudem bezeugt mir Herr Schulinspektor Minga aus der Myzeqe *brashnjë* in der Bedeutung „Bauernschuh“ (aus Kuhleder). In dem so nachgewiesenen alb. *brashnjë* abgetragener Schuh u. dgl. spiegelt sich m. E. südslav. *brašna* wieder, das in dieser oder einer ähnlichen Bedeutung heute im Südslav. selbst, wenigstens nach dem gegenwärtigen Stande der Lexikographie nicht vorkommt, aber durch russ. *borošeny* Hausgerät, Habseligkeiten, Gerätschaften; Gerümpel, Kram; abgetragene Kleidungsstücke, alte Lumpen, Fetzen; Gepäck; Reisevorrat (so nach Dal' 1, 288 in Jaroslavl', Vologda, Archangelsk, Sibirien, während nach ders. Quelle in Pskov, Smolensk eine Bed. „Eingeweide, Geschlinge“ gilt) für das Ostslav. sicher gestellt wird. Morphologisch verhält sich das aus dem Alb. zu erschliessende südsl. *brašna* f.: russ. *borošeny* m. ebenso wie z. B. aksl., russ. *vonja* f. Geruch, Duft, skr. *vønja* ds.: skr. *vønj* m. Geruch (vgl. Vondrák, Vgl. slav. Gr. 2 1, 529). Ähnlich klr. *dołona* flache Hand: aksl. *dlanь*, russ. (alt) *dolony*. Hervorzuheben ist, dass ein f. *borošnja* nach Dal' auch im Russ. u. zw. als Synonym von *borošna* Roggenmehl vorkommt. Im übrigen ist die Form *brašna* im Südslav. noch heute vorhanden, u. zw. in slov. *brâšnja* Speise,

* brashnjë

Wegzehrung, das eine Weiterbildung zu slov. *brašno* ds., aksl. *brašbno* Speise, Nahrung, skr. *brášno* Mehl, blg. *brášno* ds., russ. *borošno* Roggenmehl u. s. w. (s. Berneker, E. W. I, 74 f.) darstellt und mit dem russ. *borošeny*, dem (s. o.) auch die Bedeutungen „Gepäck, Reisevorrat“ eignen, semasiologisch zum Teil übereinstimmt. Dieses südslav. *brašna* Speise, Wegzehrung ist nun mit dem aus dem Alb. für das Südslav. zu folgernden *brašna* abgetragener Schuh nicht nur homonym, sondern auch etymologisch identisch. Vereinigt doch, wie oben gezeigt, das entsprechende russ. *borošeny* alle diese Bedeutungen. Mit Recht hat daher Dal' a. a. O. unter *borošeny* auf *brašno* verwiesen. Freilich ist dann die in fast alle grammatisch-etymologischen Handbücher übergegangene Verknüpfung der Sippe von urslav. **boršbno* mit lt. *far*, *farris* Dinkel, Spelt; Schrot, Mehl; got. *bariz-eins* aus Gerste, Gersten-, anord. *barr* Gerste so z. B. Brugmann, Grdr.² I, 161, 514, 760; Walde, E. W.², 272; Walde-Pokorny, Vgl. Wb. 2, 132, 134; Berneker, Sl. E. W. I, 74; Ernout-Meillet, Dict. étym. de la langue lat. 316; Muller, Ait. Wb. 172; Trautmann, B.-sl. Wb. 27; Vondrák, Vgl. Sl. Gr.² I, 373) aufzugeben. Dazu wird man sich aber umso eher zu entschließen haben, als für die bisherige Anschauung das o. erwähnte russ. *borošeny* eine crux darstellt. So wird in der Aufzählung der Sippenangehörigen bei Berneker a. a. O. zwar russ. *borošnja* f. aller Art Mehl neben russ. *borošno* Roggenmehl verzeichnet, hingegen *borošeny* Hausgerät, Habseligkeiten, Gerätschaften; Gerümpel, Kram; abgetragene Kleidungsstücke, alte Lumpen, Fetzen; Gepäck, Reisevorrat mit Stillschweigen übergangen. Indes rechtfertigt sich eine solche Übergelung nur vom Standpunkt einer Grundbedeutung „Gerste“ (so Walde-Pokorny a. a. O. 2, 134; Niederle, Život star. Slov. 1, 181; Berneker a. a. O.), die jedoch für das Slav. lediglich konstruiert ist. In Wahrheit ist russ. *borošeny* schon auf Grund der aufgezählten Bedeutungen, die es z. T. mit slov. *brašnja* teilt („Gepäck, Reisevorrat — Wegzehrung“), von der Sippe nicht zu trennen. Die bisherige Deutung wird also dem vollständigen sprachlichen Tatbestand nicht gerecht. Alle Bedeutungen von **boršbno* und seiner Sippe, wie sie hier aufgefasst wird („Speise, Nahrung; Wegzehrung; Mehl“ für **boršbno*; ausser diesen auch „Hausgerät, Habseligkeiten, Gerätschaften; Lumpen, Fetzen, abgetragene Kleidung“ für **borš(b)nb*, **borš(b)niā*) sind sehr wohl zu verstehen, wenn man sich semasiologische Analoga wie kluss. *butóra* Reisegepäck, Speisevorrat, *butor'ine* Einrichtungsstücke, entlehnt aus magy. *butor* Reisebündel, Reisegerät, Bürde, Ranzen, Pack; Tasche, Tornister; Hausgerät, Mobilien, Möbel (Berneker, E. W. I, 104; Gombocz-Melich, Magy. Et. Szót. I, 584) und ai. *bhṛti-h* das Tragen; Pflege, Unterhalt, Speise, Kost vergegenwärtigt. (Nebenbei bemerkt, verdolmetscht Dal' *borošeny* unter anderem auch mit grossruss. *butor*, das letzten Endes mit dem erwähnten magy. Wort identisch ist). So erhalten wir einen Fingerzeig auf den tatsächlichen etymologischen Zusammenhang. Ein ursl. **bor-š-bno* (südsl. *brašno*, russ. *borošno*), **bor-š-(b)nb* (russ. *borošeny*), **bor-š-bniā* (südsl. *brašna*, russ. *borošnja*) ist Weiterbildung eines zur Sippe von **bher-* (slav.

berq, bbrati) gehörigen *s*-Stammes (vgl. ai. *bharasē* zu tragen), Weiterbildung mittelst eines *s*-Elementes, wie es in aksl. *jasli* Krippe (**ed-s-li*): lit. *ėd-es-is* Frass, lt. *esca* (Brugmann, Grdr.², 2/1, 514, Berneker E. W. I, 275), desgleichen in lt. *esse* essen (**ed-si*), *fore, dare*, ai. *stušē* zu preisen (Brugmann ebd. 525) vorliegt. Die im Slav. in der Verbalisippe von *berq, bbrati* verblasste Grundbedeutung „tragen“ ist in dieser nominalen Ableitung noch ebenso lebendig wie z. B. in **berme* (aksl. *brēme*, russ. *berémja*) Tracht, Last und in einem Teil von *-borō* (russ. *pribor* Zubehör, Gerät, das in der Bedeutung mit russ. *borošeny* Habseligkeiten, Gerätschaften, Hausgerät u. s. w. teilweise übereinstimmt, ebenso poln. *przybór* Zunahme, Zubehör, Gerät, Ausrüstung, wörtlich etwa „Zutracht“). Das inlautende *o* von slav. **boršyno, *boršynb*, an dessen Stelle man bei einem ursprünglichen *s*-Stamm *e* erwarten würde, erklärt sich ähnlich wie in slav. *kolo, kolese* Rad (Meillet, Études 357) durch Einwirkung eines *o*-Stammes mit inlautendem *-o-*. Wie also der Vokalismus des *s*-Stammes *koles-* durch die *o*-Stufe des *o*-Stammes *kolo* beeinflusst wurde, so erhielt unsere Sippe den inlautenden Vokal von *-borō* her. Die Bedeutungsentwicklung eines slav. **boršyno* und seiner Weiterbildungen ist demnach: das Tragen, die Bürde, daher Bündel, Gepäck, Reisevorrat, Speise, dann Mehl als denominatio a potiori = Speise κατ' ἐξοχήν, zur Bed. Speise vgl. ai. *bhṛti-h* Kost; andererseits das Getragene, daher abgetragene Kleidungsstücke (abgetragener Schuh, alte Lumpen, Fetzen), Hausgerät, Möbel. So eröffnet uns das alb. *brashnjë* einen erwünschten Einblick in eine südslav. Wortschicht, die sonst unserem Verständnis entzogen wäre, und darüber hinaus in die Bedeutungsentwicklung der gesamten slav. Sippe, die sich in ihrer Verzweigung besonders gut im Russ. erhalten hat. Gerade die semasiologische Entwicklung des Russ., die bisher nur bei Dal gebührend gewürdigt wurde, wird jetzt durch das alb. Lehnwort als sehr altertümlich und urslav. erwiesen.

Ein rechtsgeschichtlich sehr wichtiger alb. Fachausdruck aus dem Bereiche der Standesgliederung ist erst jüngst durch K. Tasis Λεξικὸν ἑλληνο-ἄλβανικόν, Athen 1928, bekannt geworden. Dass er slav. Ursprungs ist und die bisher nur erschlossene slav. Grundform, die somit im Südslav. der ersten Jahrhunderte nach der slav. Besiedlung der Balkanhalbinsel in lebendiger Übung war, getreu widerspiegelt, soll hier gezeigt werden. Es ist alb.-tosk. *sëmbër*, von Tasi a. a. O. S. 235, S. 238 u. συγκοινωνός, bzw. συνεταιριός angeführt. Da Tasi an der zuerst erwähnten Stelle das Wort auch mit alb. *shok në bakti* verdolmetscht, S. 238 als alb. Synonyma *ortak, shok* verzeichnet, so sind die Bedeutungen des Wortes: Teilnehmer am Vieh, Halbspänner, Genosse, Teilnehmer, Kompagnon, Sozius. Das Wort stimmt in der Bedeutung vollständig zu ngr. *σεμπρός* (zu sprechen *sebrós*) Teilbauer (Kephalenia), *σέμπρος (sébro)* συμμεριστής, συμμετοχος Teilhaber, Teilnehmer (Leukas), *σεμπρός (sibrós)*: ὁ γεωργὸς ὁ ἔχων ἓνα μόνον βοῦν συνεταριάζεται μετ' ἄλλον, ἢ ἀποτελέσει ζευγάρι, ζητεῖ συμπρόν (Velvendos) [der Bauer, der nur ein Rind hat, vereinigt sich mit einem

si albi

* sebrós

↳ n. sl. - german

* sëmbër

↳ „do stojnag 1/2 do chuden“

andern, um ein Gespann zu bilden, sucht einen sibros]; *σέμπρα σύντροφος, συνεργάτης· ὁ ἕνα μόνου βοῦν ἔχων συντροφεύει μετ' ἄλλου ἐπίσης ἕνα ἔχοντος καὶ συνεργάζεται· ὁ εἰς λοιπὸν πρὸς τὸν ἄλλον λέγεται σέμπρα* (Zagorion) [der nur ein Rind Besitzende schliesst sich mit einem andern, der gleichfalls nur eines besitzt, zusammen und arbeitet mit ihm zusammen; der eine heisst demnach in Verhältnis zum andern sebra]; *σέμπρα ἡ γυνή, ἣτις συνεφώνησέ με ἄλλην, ἵνα οἱ βόες αὐτῶν ἐργάζωνται ὁμοῦ ἐν τοῖς ἀγροῖς* (Epirus) [sebra heisst die Frau, die mit einer andern vereinbarte, ihre Rinder zusammen auf den Äckern arbeiten zu lassen]. (Vgl. zu den ngr. Bezeichnungen G. Meyer, Ngr. St. 2, 56 f.). Dieser semasiologischen Übereinstimmung des alb. Wortes mit dem ngr., die sich insbesondere auch in der speziellen, auf Gemeinsamkeit der Viehnutzung (Zusammenstellung des Gespanns) gehenden Verwendung zeigt, steht ein lautlicher Unterschied gegenüber: das alb. Wort weist inlautenden Nasal auf. G. Meyer hat a. a. O. die ngr. Nomina als Entlehnungen aus dem Slav. erkannt und unter Berichtigung von Miklosichs Ausführungen (E. W. 289, 297) in gewohntem Scharfsinn die Zusammengehörigkeit von aserb. *sebr*, kroat. *sebar* Nichtadelliger; Ackersmann, Feldbauer und russ. *sjabr* (mundartl. auch *šabr*, *šebër*, *seber*) Teilnehmer, *sebra* gemeinschaftliche Arbeit, klr. *sjabro* Nachbar, wr. *sjabr* Freund, Verwandter, (woraus lit. *s̄bras* Hälfnter, Handels-, Arbeitsgenosse¹) festgestellt, freilich ohne eine slav. Grundform oder eine Deutung

¹ Diese Lautung des lit. Wortes nach Kurschat, Lit.-d. Wb. S. 365, nach Schleicher (Donalceitis) gilt um Ragnit auch *siēbras*. Weitere Bedeutungen des lit. Nomens sind: Gefährte, Teilnehmer an einem Geschäft oder Besitz, Kollege, Kunde. Vom Nomen das Verbum denomin.: *sebrauti* etwas auf die Hälfte nehmen oder haben. Aus dem Wr. auch lett. *sebrs* (*sebrus*, *sābris*) Freund, Kamerad, Kunde, Mitwirt in einem Gesinde, Mitinhaber (z. B. eines Bienenschwarms). Die Tatsache der Entlehnung dieser lit.-lett. Wörter erkannte schon Brückner, Die slav. Fremdw. i. Lit. (1877), S. 129, S. 130, Anm. 210 (wo auch Angaben über die mundartl. Verbreitung der lit. Formen), ferner S. 183 (f. d. Lett.). Die Richtigkeit von Brückners Beurteilung der balt. Formen bestätigt jetzt Endzelin in seinem u. Mühlenbachs Lett.-d. Wb. 3 823, 1. Merkwürdigerweise bezweifelt Thomsen, Beröringer 216 diese Anschauung Brückners, hält einen lit. Inlaut *e* für ebenso gut möglich wie *ē* und betrachtet Entlehnung des slav. Wortes aus dem Lit.-Lett. als wahrscheinlicher als den umgekehrten Vorgang. Doch ist eine solche Ansicht mit vollem Recht von Endzelin a. a. O. mit Stillschweigen übergangen worden. Zeigt doch schon die Tatsache der Verbreitung des Wortes im Südsl. (und Ngr.), noch deutlicher aber die jetzt durch das Alb. hervorgekommene Gestalt des Inlauts (slav. *e*, s. auch u.), dass das Slav. gegenüber dem Balt. nur der gebende Teil sein kann. Unrichtig ist es daher, wenn die neueste Darstellung der slav. Lehnwörter im Lit. (Skardžius, Die slav. Lehnwörter im Altlit., Lpz. Diss., Kaunas 1931, S. 195) den slav. Lehnwortcharakter von *sebras* nur alternativ anerkannt, nämlich für den Fall, dass die altilit. Schreibung *sebras* mit ihrem *e* ein *ē* wiedergibt; hingegen erwägt Skardžius balt. Ursprung (unter Berufung auf Thomsen), für den Fall, dass *e* in altilit. *sebras* den Lautwert *e* habe. In Wahrheit können die altilit. Belege des Wortes (Daukšas, Postile 293, 50; Szyrwid Dict. 371) gegen das klare Zeugnis der heutigen Ma. nichts entscheiden, da ja die alit. Denkmäler *e* und *ē* nicht unterscheiden (vgl. Specht, Šyrvids Punkt. sak. S. 11 § 1). Zudem geht es in methodischer Hinsicht nicht an, die doppeldeutigen Formen der Denkmäler zum Ausgangspunkt zu nehmen, statt vorerst die Doppeldeutigkeit mit Hilfe der Mundarten zu beseitigen.

des slav. Wortes vorzuschlagen. Miklosichs völlig unbewiesene Vermutung, nach der die Sippe ursprünglich finn. sei, wird vielmehr wiederholt. Einen bemerkenswerten Fortschritt brachten dann des weiteren die trefflichen Bemerkungen Konst. Jirečeks (AsIPh 22, 1900, 212; auszugsweise wiedergegeben: Staat u. Gesellsch. im mittelalterl. Serb. I, 69), der einerseits die russ. und die südsl. Bezeichnung unter einer Grdf. **sebr̥* vereinigte, andererseits gemäss der semasiologischen Übereinstimmung des Lit., Russ. und Gr. [also weit auseinanderliegender Areen] „Hälftner, Teilhaber, Gesellschafter“ als Grundbedeutung erschloss. Das jetzt ans Licht gekommene alb. *sëmbër* Teilhaber am Vieh, Halbspänner, Genosse, Teilnehmer, Kompagnon, Sozius bestätigt Jirečeks Ansatz in lautlicher und semasiologischer Hinsicht aufs schlagendste. (Über den von Jireček für die zweite Silbe angenommenen Halbvokal *ɔ*, der nur vom Standpunkte des Südsl. zu halten ist, wird weiter u. zu sprechen sein). Das Alb. legt also auch in diesem Falle eine slav. Wortschicht bloss, die in lautlicher Hinsicht bisher direkt gar nicht überliefert, in semasiologischer jedenfalls nicht durch das Südsl. selbst, wohl aber durch das Ngr., Russ. und Lit.-Lett. bezeugt war. Nach dieser Seite tritt also das Zeugnis des Alb. verstärkend zu den übrigen. Die einzelnen Etappen der Bedeutungsentwicklung, aber auch der Ausgangspunkt des Wortes werden, wie ich hoffe, klar, wenn wir zunächst seine weitere Verbreitung verfolgen und namentlich auch den Zeugnissen der Rechtsgeschichte gebührende Beachtung schenken.

Schon in seiner Abhandlung „Die slav. Elemente im Magy.“ (Wiener Denkschriften 1871, s. v. *sebr̥**, 2. Aufl. hg. v. L. Wagner, 1884, S. 112) hatte Miklosich magy. *cimbora* (in der älteren Sprache *szimbora*), für das er nur die Bedeutung „Spiessgeselle“ vermerkte, mit aruss. *sjabr̥* socius vereinigt und eine slav. Grdf. **sebr̥* angesetzt. Dadurch, dass er später (E. W. 297) abweichend hievon die russ. Form *sjabr* in dieser Lautgestalt als Ausgangspunkt betrachtete und ihren Zusammenhang mit südslav. *sebr̥* leugnete, war der Erklärung des magy. Wortes, an der Miklosich auch im E. W. festhielt, allerdings schon durch ihren Urheber selbst der Boden entzogen. Von ungarischer Seite wurde denn auch scharfer Widerspruch erhoben, der auch gegenwärtig nicht verstummt ist (s. die Beurteilung und die ausführlichen Literaturang. bei Gombocz-Melich, Magy. Et. Szót. I, 693-695). Insbesondere war es J. Szinnyi, der (Magyar Nyelvör 22, 1893, S. 201-212) magy. *cimbora*, älter *szimbora*, für das er, dem Histor. Wb. der ungar. Sprache von Szarvas und Simonyi (Nyelvtörten. Szót.) folgend, nur zwei Bedeutungen: 1) pactio, partitio, consortium Vertrag, Gemeinschaft; 2) socius, sodalis Genosse, Spiessgeselle heranzieht, aus der Reihe der slav. Lehnwörter des Magy. zu streichen versuchte. Die Lautgestalt des magy. Wortes stimme viel besser zu rum. *simbră* societas, communio, commercium das Gemeinsame, die Vergesellschaftung, die Gemeinsamkeit, Kompagnie als zum angenommenen (föltett: Sperrdruck von mir) aruss. **sebr̥*, das Miklosich selbst im E. W. nicht mehr besonders erwähne. Hätte Miklosich die richtige Form des rum. Wortes, das er irrigerweise *sëmbër* geschrieben

hatte, gekannt, so hätte er, so meint Szinnyei, nicht an ein slav. Etymon der magy. und rum. Nomina gedacht. Das rum. *simbrǎ* selbst entstammt nach Szinnyei dem Gr.: *συμβολή* Zusammentreffen, Handgemenge, Treffen, Beitrag, Beisteuer, Hilfe, Begegnis; *τὰ σύμβολα* Handelstraktat; *σύμβολος* der begegnet, in Verbindung steht; es zeige den im Rum. gewöhnlichen Wandel von *l* zu *r*. Weiterhin sei dann das gr. Wort ins Russ. (Grossruss., Klr., Weissruss. gewandert (r. *sjabr* u. s. w.), von da in das Lit. (*sėbras*), das seinerseits, wie schon Thomsen, Berör. 215 gezeigt, die Grundlage der ostseefinn. Bezeichnungen wie finn. *seura* (**sebra*) u. s. w. geworden sei. Diese Darlegungen, die in ihrem Kern auch in Gombocz-Melichs Hist.-Etym. Wb. der magy. Sprache übergegangen sind, erweisen sich jetzt als unhaltbar. Zunächst ist zu bemerken, dass Jireček's Ansatz, der mit der älteren Anschauung Miklosch's im Wesen übereinstimmt, (nämlich slav. *sebr-*) nicht eine blosse Annahme ist, sondern, wie bereits erwähnt, durch die jetzt hervorgekommene alb. Form *sëmbër* als tatsächlich vorhanden erwiesen wird. Rum. *simbrǎ* aus dem gr. *συμβολή* (oder *τὰ σύμβολα*) herzuleiten, geht nicht an, da der hier vorausgesetzte rum. Wandel von *l* zu *r* zwischenvokalisch, hier aber das *r* postkonsonantisch ist. Somit müsste sekundärer Schwund des inlautenden Vokale (*o*) stillschweigend angenommen werden, eine Annahme, die erst zu beweisen wäre. (Diesen Einwand erheben schon Gombocz-Melich a. a. O. 694, ohne darum Szinnyei's Erklärung aufzugeben). Zum dritten aber ergäbe sich aus Szinnyei's Deutung eine weittragende Folgerung, die dieser Forscher freilich nicht zieht, die aber unleugbar in seiner Darstellung implicite enthalten ist: der gesamte Nordosten Europas (das Russische in seinen drei Hauptmundarten, die balt. und die ostseefinn. Sprachen) hätte das ursprünglich gr. Wort (*συμβολή* u. s. w.) in rum. Lautgestalt (mit *r* für *l*) erhalten. Eine solche alte Mittlerrolle des Rum. zwischen Gr. und Russ. wäre zu beweisen; für unseren Fall kommt sie umso weniger in Betracht, als die rum.-gr. Gleichung, wie gezeigt, in lautlicher Hinsicht nicht aufgeht. Mit vollem Recht betrachtet daher ein rum. Forscher (O. Densusianu Hist. de la langue roum. I. 270, 271) rum. *simbrie* nicht als gr., sondern als slav. Entlehnung, nämlich als Ableitung aus *sebrǎ*. Endlich beruht Szinnyei's Herleitung des magy. Wortes aus rum. *simbrǎ* auf einer unvollständigen semasiologischen Grundlage, indem zwar die erwähnten zwei Bedeutungen herangezogen werden, eine wichtige dritte, (jetzt bei Gombocz-Melich vermerkte, übrigens schon im ältern magy. Dialektwörterbuch (Tajszótár) belegte, dann auch in Szinnyei's Magy. Tajszótár 235 übergegangene) unberücksichtigt bleibt. Magy. *cimbora* bedeutet mundartlich (in Siebenbürgen und im Theissgebiet): „armer Bauer, der sein Stück Zugvieh mit dem eines andern zusammenspannt“. Diese Bedeutung stimmt aufs genaueste mit der oben dargelegten alb. und ngr. überein. Nun geht Jireček (AslPh 22, 1900, 212) und vor ihm schon G. Meyer (Ngr. St. 2, 57) aus den o. dargelegten Gründen gerade von dieser Bed. („Hälftner, Teilhaber“) aus; das Zeugnis des Alb., das das Wort gerade in dieser Bedeutung und zugleich in lautlich sehr altertümlicher Gestalt

(mit Nasal) zeigt, bildet demnach einen Beleg für die Altertümlichkeit dieser Verwendung, vermag somit Jirečeks und Meyers semasiologischen Ausgangspunkt zu bestätigen. Des weiteren erweist das semasiologische Zusammengehen des Magy. mit dem Ngr., Alb. und Lit., dass es sich hier um eine der leihenden Sprache (dem Slav.) angehörende Bedeutung handelt. Hervorgehoben sei auch, dass das Zusammentreffen des Magy. (*szimbora*, *cimbora*) mit dem Ngr. (σέμπρα=*sebra*) sich auf den Auslaut *-a* erstreckt. Die ungarischen Forscher suchen freilich die Verwendung von *cimbora* für „Genosse, consors“ als intern magy. Entwicklung zu erklären (Gombocz-Melich a. a. O. 695 nach dem Vorgange von G. Szarvas, Magyar Nyelvőr 10, 1881, 163, 438; 12, 1883, 483); zu dieser Bedeutung sei das Wort durch Abstraktion aus der in der älteren Literatur belegten Zusammensetzung *cimboratárs* (oder *cimborás társ*) „Vertragsgenosse“ gekommen, ähnlich wie z. B. *puszta* Wüstung, Wüste, Heide aus *pusztaföld* „wüstes Land“ entstanden sei. Die Bedeutung „Halbspänner, Teilbauer“ setze also die abstrakte Bedeutung „Vertrag, Gemeinschaft“ voraus. Doch kann von einer solchen Erklärung angesichts des Zeugnisses des Ngr. und Alb., der genauen Übereinstimmung dieser Sprachen mit dem Magy. in der Verwendung des Wortes für den bäuerlichen Halbspänner keine Rede sein. Auch der Stand der magy. Belege macht eine solche Annahme keineswegs notwendig, da für *cimbora* in der Bed. socius, sodalis Belege aus d. J. 1616 beigebracht werden (Nyelvtört. Szót. 1, 154), die gleiche Bed. für *cimborás* aus annähernd derselben Zeit (nur unbedeutend früher: 1613) belegbar ist. Zudem ergibt sich aus Meyer Ngr. St. 2, 57 eine durchaus befriedigende slav. Erklärung für den Ausgang *-a* in ngr. *sebra* gegenüber *-r* in aserb. *sebr*, russ. *sjabr*; *sebra* ist „Teilbauerschaft“, enthält also kollektives *-a*, wie z. B. slov. *gospóda* Herrenleute. Und diese kollektive Bedeutung kommt auch dem magy. Worte, das lt. mit consortium („Teilhabschaft, Mitgenossenschaft, Gemeinschaft“) wiedergegeben wird (Nyelvtört. Szót.) zu; sie führt dann einerseits leicht zur abstrakten Bed. „Vertrag“, wie auch sonst Kollektivbedeutung mit Abstraktbedeutung wechselt (vgl. gr. *θεραπεία* koll. „Dienerschaft, Gefolge“, abstr. „Bedienung“, Brugmann, Grdr.², 2/1, 645), andererseits zur Bezeichnung eines dieser Gesamtheit angehörenden Einzelwesens, also: „Teilhhaber, Genosse“, ganz wie dies in den oft erörterten analogen d. Beispielen *Frauenzimmer* (urspr. Frauengemach, dann weibliches Geschlecht, endlich einzelne Person weiblichen Geschlechtes), nhd. *Bursche* gegenüber mhd. *burse* Genossenschaft von Studenten, nhd. *Stute* weibliches Pferd aus ahd. *stuota* Pferdeherde u. s. w. (Brugmann, a. a. O. 646) der Fall ist. Den deutlichsten Beweis für diese Erklärung der Verwendung von magy. *szimbora*, jünger *cimbora* für consors liefert eben, wie erwähnt, die Tatsache des Vorhandenseins von ngr. σέμπρα in der gleichen Bedeutung (σύντροφος, συνεργάτης s. o.). Nun ist die heutige dreisilbige magy. Form aus einer älteren zweisilbigen hervorgegangen (Gombocz-Melich a. a. O. I, 695). Wir erhalten somit **cimbra*, bezw. **szimbra* als magy. Grundform. Dies stimmt nun zu rum. *simbră*, andererseits zu ngr.

σέμπρα (*sebra*), russ. *sebra* gemeinschaftliche Arbeit und bezüglich des inlautenden Nasals zu alb. *sëmbër*. Das magy. und das rum. Wort lassen zusammen mit dem russ. und ngr. eine slav. Grundform *sëbra* erschliessen, deren inlautender Nasal durch das Lehnwort des Alb. gegen jeden Zweifel gesichert ist. Die Vertretung von slav. *ę* durch magy. Vokal + dem der Umgebung homorganen Nasal ist auch sonst nachweisbar: magy. *pating* Riemen aus slav. **potęgъ* (russ. *pótjag* Knieriemen, Spannriemen, čech. *po-těh* ds.); *szatyng* Schnürband aus slav. **sătęgъ*: *sătęgnōti* zusammenschnüren (Miklosich, Slav. Elem. ², Nr. 640, 812); ähnlich bei *q*: magy. *galamb* Taube aus slav. *golobъ* ds. (ebd. Nr. 182). Auch rum. *simbră* ist nach Ausweis von Fällen wie *grindă* Balken aus slav. *gręda*, *pinten* Sporn aus slav. *peťьno* (Densusianu, Hist. de la langue roum. I. 259, 260, 271; Tiktin, Rum. Elementarb. 24) der regelrechte Reflex eines slav. *sëbra*. Es könnte noch die Frage aufgeworfen werden, ob das magy. *cimborá*, *szimbora* trotz seiner im letzten Grunde slav. Herkunft nicht unmittelbar aus dem Rum. aufgenommen, daher für das Magy. als bloss indirektes slav. Lehnwort zu betrachten sei. Eine solche Annahme wäre unberechtigt. Ist doch die Bedeutungsentwicklung des Wortes im Magy. reicher als im Rum.; sie entspricht im übrigen, wie o. gezeigt, ganz der des Ngr. und Alb., weist somit eben durch diese Übereinstimmung auf eine schon dem übernommenen slav. Stamm *sębr-* zukommende Bedeutung: Hälftrner, Teilhaber. Das Magy. und das Rum. haben somit unabhängig von einander aus dem Slav. geschöpft.

Es ist jetzt an der Zeit, nach dem Ursprung der im Vorhergehenden lautlich und semasiologisch näher bestimmten slav. Formen zu fragen. Dass keine der bisherigen Deutungen befriedige, vermerkte jüngst Rozwadowski (Sbornik otd. russ. jaz. 101/3, 1928 = Festschrift Sobolevskij, S. 361), der selbst — als Vermutung — einen Deutungsversuch vorlegt und im übrigen auf die Liter. bei Preobraženskij, Etimol. slov. russ. jaz. 2, 266 f. verweist. Man kann die bisherigen Erklärungen in 2 Gruppen einteilen: in solche, die das slav. Wort als heimisch betrachten und solche, denen es als Lehnwort gilt. Zur ersten Gruppe gehört vor allem die Deutung Bezzenbergers und Ficks (A-Reihe der got. Spr. 1874, S. 26; bezw. Vgl. Wb.³ I, 795, ⁴561), die die slav. Sippe als *-bho*-Weiterbildung des idg. Reflexivpronomens (**s(u)e-bho-*) fasst und mit got. *sibja*, ahd. *sippa*, nhd. *Sippe*, ai. *sabha* Sippe u. s. w. verknüpft. Wiewohl diese Erklärung den Beifall einer ganzen Reihe von ausgezeichneten Forschern (wie Lidén, Stud. z. ai. u. vgl. Sprachgesch. S. 54, Brugmann, Grdr.² I, 127, 520, vgl. auch XLVII, Solmsen KZ 37, 592, Walde EW² 667) gefunden hat, ist sie dennoch sowohl in lautlicher als in sachgeschichtlicher Hinsicht unbefriedigend. Die lautliche Schwierigkeit liegt in dem im Vorhergehenden erwiesenen slav. Nasalvokal, (eine Schwierigkeit, die schon Walde-Pokorny, Vgl. Wb. 2,456 hervorheben, ohne jedoch die Deutung aufzugeben). Aber auch in rechtsgeschichtlicher Hinsicht hat diese Gleichung nichts für sich, da sie eben von einer Grundbedeutung „Sippengenosse“ ausgeht. So erklärt Brugmann a. a. O. S. 127

ein [angeblich] aksl. *sebrъ* Bauer mit „Teilhaber an der gemeinsamen Feldmark.“ Ähnliche Anschauungen, denen zufolge das Verhältnis der russischen *sjabry* auf dem Sippenverbande und dem Sippeneigentum an Grund und Boden beruht, wurden allerdings zuweilen auch in der slav. Rechtsgeschichte und Lexikographie geäußert (so z. B. von Lučickij, *Sěvernyj Věstn.* 1889, Nr. 1, 2, von Lappo-Danilevskij, *Kritič. zametki po pov. sočin. A. I. Nikitskago, Ist. ekonom. byta Velikago Novgoroda*, deren Lehren ich dem sogleich zu erwähnenden Werke von V. Sergěevič 3, 395 f., 401 f. entnehme, und zuletzt im Poln. Warschauer Wb. VI, 85 u. *Siabrowstwo*); allein die grossruss. Urkunden des 14.-18. Jh., die Sergěevič (*Drevnosti russk. prava* 3, 1903, 69 f., 72, 395 f., 401, 405) untersucht hat, liefern für sie nicht den geringsten Anhalt. *Sjabry* sind im alten russischen Recht die *Eigner idealer Anteile* an einer pro indiviso genutzten Sache, somit Teilhaber gemeinsamen Eigentums. Wie wenig dieses Institut von Haus aus mit dem Sippenverbande und dem Gemeineigentum an Grund und Boden zu tun hat, ergibt sich aus der Tatsache, dass nach dem Zeugnis der Urkunden auch gänzlich fremde Personen, Bauern der Volostь, ja auch Klöster zu einander im Verhältnis von *sjabry* stehen können (Sergěevič a. a. O. S. 405). So ist denn die Bedeutung von russ. *sjabr* in der alten Sprache der von Dal' für die heutige Volkssprache (*sjaběr, sjabr* so alt u. Rjazan, *sjábor, sjabruk* im Westen, *šaběr* Orenburg, Sibir.) verzeichneten: *tovarišč, artel'sčik, pajščik, součastnik, odnosum, chozjain, tjaġol'nyj, u kogo golos na schodke* [Genosse, Innungsgenosse, Teilhaber, in gemeinsamer Rechnung lebender Partner, Fronbauer, der eine Stimme in der Gemeindeversammlung hat] im Kern durchaus entsprechend. (Ausser diesen Bedeutungen verzeichnet Dal' noch: *sošed, prijatel', znakomyj, odnoulčanin* [Nachbar, Freund, Bekannter, in derselben Gasse Wohnender], Bedeutungen, die sich gegenüber dem Bedeutungsstande, wie ihn die Urkunden wiedergeben, deutlich als sekundäre Entwicklung kennzeichnen). Auch nach Kadlec, *Valaši a valašské právo v zemích slovanských a uherských* S. 320, der an dieser Stelle die Verhältnisse der mit der Krone Polens vereinigten südwest-ukrainischen Gebietsteile im Auge hat, sind *sjabry* Genossenschafter des *dvorište*, der altrussischen Wirtschaftseinheit, die im Verhältnisse zu einander auch fremde Personen sein können. Dazu stimmt wiederum vollkommen, dass im heutigen Ukr. für *sjaber, siabró* die Bedeutungen „Teilhaber am Grundeigentum, Kompagnon an Handelsgeschäften oder Unternehmungen (Hrynčenko) lebendig sind, Bedeutungen, die den für alb. *sěmběr* nachgewiesenen durchaus entsprechen. Nicht anders sind auch die Bedeutungen des Wortes im Wruss. zu beurteilen. Hier bezeichnet *sjabruk* den „Teilhaber, Partner, Genossenschafter“ (*pajščik, součastnik*), *sjabr* den „Genossen, Gefährten, Verwandten.“ Nach dem Zeugnis der historischen Belege des Aruss. (und der u. zu gebenden Deutung) ist diese letztere Bedeutung eine späte und sekundäre Entwicklung. — Wenden wir uns nun der Geschichte des skr. *sebar* zu, so findet eine Verknüpfung mit der Gruppe von d. *Sippe* u. s. w. in ihr eben so wenig eine Stütze wie in der des russ. Wortes. Die wichtigsten, mir bekannt gewordenen rechts-

historischen Belege für das Wort im Skr. sind Dušans Gesetzbuch, die aserb. Übersetzung des Syntagma des Blastares, eine kroatische Urkunde von 1527 (bei Kukuljević, Acta croat. Nr. 225, S. 231 = Monumenta hist. Slavor. merid. I), endlich Ivan Pergošić's Übersetzung von Verböczy's Tripartitum (1574, hg. v. K. Kadlec in Zbornik za istor., jez. i knjiž. I. 5). In Dušans Gesetzbuch wird unter den *sebrī* die gesamte, nicht zu den privilegierten Ständen des Adels und der Geistlichkeit gehörende Bevölkerung verstanden (Novaković, Zakonik Stefana Dušana, S. 174, Erläut. zu Art. 44 des Gesetzbuchs; Mil. Vlajnac (Wlajnatz), Die agrarrechtl. Verhältnisse des mittelalterl. Serbiens [= Sammlung nationalökon. u. statistischer Abhandlungen d. Staatswissensch. Seminars zu Halle, 40], S. 144). Nach der ganzen Art des sozialen Aufbaus des mittelalterlichen serbischen Staates ist dies die grosse Masse der bäuerlichen Bevölkerung, sodass *sebar*, *seljak* und *zemljanin* gleichbedeutend sind (Novaković a. a. O., S. 238 Erläut. z. Art. 152; S. 257 Erläut. z. Art. 183). Dieselbe Bedeutung ergibt sich auch aus dem aserb. Syntagma des Blastares, wo *sebr* ein gr. *ἐπιτελής* zum gemeinen Volke gehörig (im Gegensatze zu *ἐπιτιμος*) wiedergibt. (Vgl. Miklosich, Lex. p.-slov.-gr.-lt. 834 u. *sebrō*, Jireček, Staat u. Gesellsch. I, 69 Anm. 1). Tatsächlich kommt noch heute in Ragusa *sebar* die Bed. „Bauer“ (= *težak*) zu, wie denn auch die älteren Schriftsteller und Lexikographen (Hannibal Lucić, Verantius, Stulli) das Wort für *rusticus* gebrauchen. Vlajnac (a. a. O. S. 147) erkennt schon in den Art. 53, 54, 55 von Dušans Gesetzbuch auch die Bed. „Untergebener, Untertäniger“. Entschieden tritt nach demselben Autor diese Bedeutung in der o. angeführten kroatischen Urkunde¹ von 1527 hervor. Es ist dies wohl ein deutlicher Niederschlag der im Geltungsbereiche des ungarisch-kroatischen Adelsrechtes gerade um diese Zeit durchgeführten rechtlichen Minderung des Bauernstandes. In derselben Entwicklungslinie bewegt sich der Gebrauch des Wortes in Pergošićs Übertragung von Verböczys Tripartitum, dem Hauptdenkmal dieses Rechtes; *sebar* (*seber*) wird hier einerseits für *ignobilis* (also = Nichtadeliger), andererseits für *homo impossessionatus* des lt. Originals (Kadlec a. a. O. S. 260) gebraucht (was die magy. Übersetzungen teils durch *paraszt* („Bauer“), teils durch *kinek jószága nincs* („der kein Grundeigentum hat“), *jószágtalan* („grundeigentumslos“), *birtoktalan* („besitzlos“), *kinek birtoka nincs* („der keinen Besitz hat“) wiedergeben (Kolosvári u. Óvári, Verböczy J. Harmaskönyve, S. 365). Fassen wir also zusammen, so hat im Skr. *sebar* die Bedeutungen: Nichtadeliger, Bauer, Untertäniger, des Grundeigentums Ermangelnder. Nirgends finden wir einen Anhalt für eine Bed. „Sippengenosse.“ Es ist wohl klar, dass unter solchen Umständen eine Verknüpfung mit got. *sibja*, ai. *sabhā* nichts für sich hat. Wie die tatsächlich überlieferten skr.

¹ Vlajnac spricht allerdings irrigerweise von z w e i kroatischen Urkunden von 1527, scheint also die Stelle selbst bei Kukuljević nicht aufgeschlagen, sondern das Zitat bei Perwolf, AslPh 8, 20 (wo 225, 231 angeführt wird), auf 2 Urkunden bezogen zu haben. In Wahrheit bezieht sich die erste dieser Ziffern auf die Nr., die zweite auf die Seitenzahl in Kukuljevićs Ausg.

Bedeutungen sich zu den im Ngr., Alb., Russ., Lit. bezeugten Verwendungen („Teilhaber, Halbspanner, Teilbauer, Genosse, Sozius, Kompagnon“) verhalten, wird sich aus den weiter u. folgenden etymologischen Erörterungen ergeben. — Einen dem bisher besprochenen ähnlichen Versuch, die slav. Sippe aus heimischen Mitteln zu erklären, unternahm in letzter Zeit Brückner, *Słown. etym. jęz. polsk.* (1926), S. 487 u. *siabr.* (Das Wort ist im Poln. nur in den sg. „litauischen“ Denkmälern bezeugt, stellt demnach, wie übrigens schon der inlautende orale Vokal erweist, eine Entlehnung aus dem Russ. dar). Brückner analysiert ein urslav. **sebr* als **sem-br*, worin **sem* zusammen sowie Suff. *-b* stecke. Das Wort bedeute gleichsam (niby) „Sippe.“ Dagegen ist zu bemerken, dass eine Stufe *sem-* zusammen im Slav. nicht nachgewiesen ist (vgl. Brugmann, *Grdr.*² II/2, 896, Walde-Pokorny, Vgl. Wb. 2, 490). Zudem vermisst man eine das ganze Wort umfassende morphologische Analyse, da Brückners kurze Bemerkung über den Wortausgang *r* nichts aussagt (s. Doroszewski *PF* 15/2, 1931, 276), es also dahingestellt sein lässt, ob *-r* als Suffix anzusprechen ist. In rechtsgeschichtlicher Hinsicht deutet auch Brückner das Wort als „Sippe“. Es gelten daher die oben gegen Ficks und Bezenbergers Erklärung beigebrachten rechtsgeschichtlichen Tatsachen, die die Annahme einer solchen Grundbedeutung ausschliessen.

Im Gegensatz zu diesen Versuchen hat nun von den Anfängen der slavischen Philologie an bis auf die Gegenwart eine Reihe von Forschern das Wort als Lehnwort gefasst, so schon Miklosich E. W. 289 (nach Šafařík), der in dem von ihm angesetzten angeblich aslov. *sebrz* den Volksnamen der Sabiren (*Σάβειροι, ἔθνος οὐρανίων*) sucht. Dass eine Form *sebrz* für das Aslov. (Ablg.) keine Gewähr hat, ergibt sich aus den oben angeführten Ausführungen Jirečeks. Zudem ist das alb. *sëmbër* die deutlichste Widerlegung eines solchen Ansatzes. Būga (bei Preobraženskij, *Et. slov. russk. jaz.* 2. 267) verweist auf den Namen des apreuss. Stammes der *Sembi*, der im Namen *Samland* fortlebt, und gibt so eine Zusammenstellung, die auch von Brückner, *Słownik etym. jęz. polsk.* 487 — unbeschadet seines eigenen, o. besprochenen Versuches — aufgenommen wird. Indes vermisst man auch hier jede Andeutung über den morphologischen Charakter des *r*; des weiteren aber ist es — und das gilt von jeder Deutung unseres Wortes aus einem Volks- oder Stammesnamen — sehr unwahrscheinlich, dass die Bezeichnung eines Rechtsinstitutes mit einem eindeutigen, auf Umfang und Abgrenzung von Berechtigungen und Leistungen gehenden Begriffsinhalt von einem Stammesnamen hergenommen sei, es wäre denn, dass der Nachweis geführt wird, dass das angeblich namengebende Volk ein solches Institut besessen, gepflegt oder ausgebildet hätte. Davon kann aber bei den bisherigen Versuchen, die auf dem blossen lautlichen Gleichklang beruhen, keine Rede sein. Ein solcher Einwand ist freilich nicht gegen Rozwadowskis o. erwähnte Vermutung (*Sborn. ord. russk. jaz.* 101/3, 1928, S. 361) — als mehr will sie der Krakauer Forscher nicht gewertet haben — zu erheben. Rozwadowski denkt zwar an den Namen der *Cimbri*, den er (gleich R. Much)

für die kelt.-lt. Form eines germ. *Himbr-* hält. Eine solche germ. Form sei aus vorgerm. *kim-ro* hervorgegangen und gehöre zur Sippe von lit. *šeimà* Hausgesinde, Familie. Germ. *Himbr-* konnte durch slav. *sebr-* wiedergegeben worden sein. Es ist klar, dass auch dieser Erklärung, wie der von Bezenberger und Fick, der Gedanke zugrunde liegt, der rechtliche Inhalt des Instituts der *sebr-* sei aus der Sippengemeinschaft, dem Familienverbände erwachsen. Dass Wort- und Rechtsgeschichte hierfür keinen Anhalt bieten, ist im Vorhergehenden zu zeigen versucht worden.

So hat der Überblick über die bisherige Literatur wohl mit genügender Deutlichkeit ergeben, dass ein slav. *sebr-* — vorläufig sei das Wort in dieser Stammesgestalt angesetzt — durchaus erklärungsbedürftig ist. Andererseits dürfte die eben gegebene Darstellung des rechtsgeschichtlichen Inhalts der Bezeichnung im Russ. und Südsl., der Bedeutungsverzweigung in den entlehrenden Nachbarsprachen des Slav., d. i. im Ngr., Magy., Rum., Alb., Lit., die Auffindung der ursprünglichen Form und Bedeutung wesentlich erleichtert haben. In lautlicher Hinsicht ist es gerade im Hinblick auf die Mannigfaltigkeit der russ. Formen: grossruss. *sjaběr*, *sjabr*, *sjábor*, *šaběr*, klr. *sjáber*, *sjabrá*, wr. *sjabr* notwendig, Akzentsitz und Intonation festzustellen. Vergleicht man diese russ. Formen mit skr. *sēbar* (bei Vuk), so ergibt sich Akzentsitz auf der 1. Silbe und steigende (gestossene) Intonation. Hat nun der Nachweis des Vorhandenseins eines alb. *sēmbēr* die schon auf Grund des Russ., Rum. und Magy. angesetzte slav. Grundform *sebr-* gegen jeden Zweifel gesichert, so können wir jetzt **sembr-* als weiter zurückliegende Vorform erschliessen. In der auf *b* folgenden Silbe setzt Jireček (AslPh 22, 1900, 212), wie schon erwähnt, *ɔ* als Vokal an, will demnach *seɔbrɔ* als urslav. Grundform betrachtet wissen; desgleichen schreibt Sreznevskij (Materialy dlja slov. dr.-russk. jaz. 2, 1300) in der 2. Silbe *ɔ*. Doch ist dieser Halbvokal durch keinen einzigen urkundlichen Beleg erwiesen. Die Entscheidung darüber, ob tatsächlich *seɔbrɔ* oder *sebrɔ* anzusetzen ist, kann daher nur die Wortdeutung bringen. Wie sich die russ. (gr., klr., wr.) Formen *sjaběr*, *sjábor*, *sjabr*, *sjáber* zu einander verhalten, lehren einerseits die von Šachmatov (Očerck drevn. perioda istor. russk. jaz.) für die Zeit seit dem 13. Jh. angeführten Formen wie *doborɔ* gut (gegenüber aksl. *dobrɔ*), *krugolɔ* rund (gegenüber aksl. *kruglɔ*), *chraberɔ* tapfer (gegenüber sonstigem aruss. *chorobrɔ*), *veperɔ* Eber (gegenüber aksl. *veprɔ*), andererseits Fälle wie russ. *ostěr* scharf (zu aksl. *ostrɔ*), gen. pl. *sestěr* der Schwestern (: aksl. *sestrɔ*) (vgl. K. H. Meyer, Hist. Gr. d. russ. Spr. I, S. 48; ders. AslPh 38, 1923, 250-257), d. h. die unterschiedlichen mundartlichen Formen *sjaběr*, *sjáber*, *sjábor* weisen auf zwei erlei sekundär entwickelte Halbvokale hin, eine Tatsache, die ihrerseits wieder auf *sjabr-* (*sebr-*) als Ausgangspunkt schliessen lässt. Eine solche Form als gemeinrussisches Durchgangsstadium ist aus den obliquen Kasus verallgemeinert worden (z. B. Gen.-Akk. *sebr(ɔ)ra*, mit regelrechtem Schwund des inlautenden, in schwächer Position befindlichen Halbvokals, des einzigen des Wortes). So ist denn dieses als gemeinruss. zu betrachtende *sjabrɔ*

selbst schon sekundär, u. zw. m. E. aus *sebr̥r̥o* entstanden, wie ja denn auch der Akzent r. *sjaběr* gegenüber skr. *sěbar* etwas Sekundäres darstellt und dem Akzent von russ. *ostěr* vergleichbar ist. Begünstigt konnte übrigens die Entstehung eines solchen gem.-russ. *sebr-* auch durch das Vorhandensein des fem. *sebrá* (aus *sebr(̥)ra*) „eine von der gesamten Bauerngemeinde verrichtete Arbeit“ werden; ein solches *sebr̥ra* ist nach Ausweis des ngr. *σεμπρα* (*sēbra*) eine schon voreinzeldialekt. Form, in der *̥* gleichfalls regelrecht schwand. Mundartlich ist dann im Ngr. (Korfu) der ngr. Feminin- (Kollektiv-) Ausgang *-ia* an Stelle des slav. *-a* getreten. Was ist nun ein so gewonnenes ost- u. südsl. *sebr̥r̥o*, bzw. dessen nach dem Obigen anzusetzende Vorstufe *sem-b̥r̥o* ? Schon o. wurde darauf hingewiesen, dass sowohl G. Meyer (Ngr. St. 2, 57) als K. Jireček (AslPh 22, 1900, 212) auf Grund der Bedeutungsübereinstimmungen der lit., ngr. und russ. Formen von „Hälfner“ als der Grundbedeutung ausgehen. Diese Annahme wird, wie gezeigt, durch die magy. und alb. Bedeutung („Halbspänner“) durchaus bestätigt. Sehr deutlich zeigt sich eine solche Bedeutung auch im lit. Verbum denominat. *sėbráuti* etwas auf die Hälfte nehmen oder haben (dann auch: freundschaftlichen Umgang mit jemand haben). Ich deute daher **sem-b̥r̥o*, das auf **sem-bur* zurückzuführen ist, als „halben Ertrag, halben Zins, halbe Abgabe scil. liefernd, bzw. empfangend“, „Halbzinsmann, Halbbauer;“ darin **sem-*: westgerm. (as., ags.) *sām*, lt. *semi*; *-bur*: mhd. *urbor(e)* f. Einkünfte oder Zins von einem Grundstück, Zins oder Rente tragendes Grundstück; *urbor* m. Zinspflichtiger, got. *gabaur* n. das Zusammengebrachte, Sammlung, Steuer, Abgabe. Es handelt sich somit um ein Kompositum, das nur einer Sprache angehören kann, in der beide Glieder vorkommen. Dem Slav. ist **sem-* halb fremd, wohl aber kennt das Germ. beide Glieder und ebenso diese Art der Zusammensetzung: as. *sāmquik*, ahd. *sāmiquēk*, ags. *sāmcwic* halb lebendig. Das *e* der 1. Silbe gegenüber den eben angeführten westgerm. Reflexen mit *ā* weist auf das Ostgerm. Die hier gegebene Erklärung wird der inneren Wortform nach durch zwei mundartliche d. Bezeichnungen des Halbbauern bestätigt: In den nnd. Rheingegenden gilt *halfwinner*, älter *halfwinne* (auch *halfe*) für *colonus partiarius* (Grimm, D. Wb. 4/2, 194), mnd. *halfwin* ds. (Schiller-Lübben, Mnd. Wb. 2, 182). Der zweite Teil dieses Nominalkompositums gehört zu mnd. *gewin* Erwerbung, Pachtung, mhd. *gewin* Erlangung, Erlangtes, Erwerb, Vorteil, Nutzen; daneben steht mnd. *win* Erlangung, Gewinn. Es verhält sich somit ostgerm. **sem-bur*: got. *gabaur* = mnd. *halfwin*: mnd. *gewin*. Eine oberd. Parallele liefert das ältere schweizerd. *halbgenössig*, das ich einer von Eug. Huber, System u. Gesch. des Schweizer Privatrechts 4, S. 768 Anm. 38 gegebenen Aufzählung älterer schweizerd. und lt.-rom. Bezeichnungen für „Pächter, Teilbauer“ entnehme. In schweizerd. *halbgenössig* hat das zweite Glied noch die ältere Bedeutung von *Genosse*: Mitgeniessender, Teilhaber.

So ist denn die Quelle der slav. und damit der gesamten osteuropäischen Sippe das Ostgerm. Wir haben demnach hier ein weiteres Zeugnis für

jene ostgerm.-slav. Beziehungen, die zuletzt Stender-Petersen in seinem trefflichen Werke „Slavisch-germanische Lehnwortkunde“ (Göteborgs Vetenskaps- och Vitterhets Samh. Handlingar 4. f., 31) kulturgeschichtlich, chronologisch und geographisch näher fixiert hat. Im Ulfilanischen Got. ist von den hier ermittelten Kompositionsgliedern nur das zweite (mit Präfix *ga-*) überliefert; doch zeigen die Ausführungen Stender-Petersens über Entlehnungen wie aksl. (u. gem.-sl.) *kъnędzъ* Fürst (a. a. O. S. 200 f.), aksl. (gem.-sl.) *тынъ* Mauer (in den anderen sl. Sprachen Zaun, Umzäunung) (ebd. S. 254 f.), aksl. *useręgъ* Ohrring (ebd. 393) u. a. m., dass es sich hier um Entlehnungen des Slav. aus dem Ostgerm. handelt, wiewohl die zugrundeliegenden germ. **kuningaz*, **tuna-*, **ausahring-* (oder **ausihring-*) gerade im Bibelgot. nicht bezeugt sind. In sachgeschichtlicher Hinsicht stellt **sębъrъ*, **sem-bur-* eine Bezeichnung dar, die sowohl für den eigentlichen Teilbau (die Teilpacht, Halbpacht) als für sonstige Nutzungsverhältnisse passend ist. Aus welcher Periode des germ. Einflusses stammt nun das Wort? Stender-Petersen weist die germ. Lehnwörter des Slav. zwei Perioden zu: einer ersten, im weiteren und eigentlichen Sinne ostgerm. (a. a. O. S. 177 ff.) und einer zweiten, got. Die Entlehnungen dieser zweiten Periode sind Urkunden einer Zeit, da die Goten selbst schon in stärkstem Masse Impulse der gr.-röm. Mittelmeerkultur aufgenommen und verarbeitet hatten. Entspricht unsere Sippe der ersten, eigentlich ostgerm. Periode, die Stender-Petersen in Übereinstimmung mit anderen Forschern in Ostpreussen lokalisiert (a. a. O. S. 148) oder der zweiten (gotischen) Entlehnungsperiode, wo Kulturwörter aus den Küstengebieten des Schwarzen Meeres und den Ländern an der unteren Donau ausstrahlten? Sprachliche Kriterien für die Beantwortung der Frage in dem einen oder dem anderen Sinne fehlen, soweit ich sehe; es können somit nur rechtsgeschichtliche Erwägungen einigermaßen weiter helfen. Man könnte fragen, ob die immerhin etwas vorgeschrittenen Rechts- und Wirtschaftsverhältnisse, wie sie durch unser Wort vorausgesetzt werden (Teilbau, geteilte Nutzung), schon für die Ostgermanen der erwähnten ersten Periode angenommen werden können. Was wir von den sozialen Verhältnissen der Germanen dieser Zeit wissen, spricht jedenfalls nicht gegen eine solche Annahme. Haben wir doch das Zeugnis des Tacitus (Germania, c. 25) über die Rechts- und Wirtschaftslage der Unfreien bei den Germanen: *frumenti modum dominus aut pecoris aut vestis ut colono iniungit*. A. Dopsch erschliesst in seinen Erläuterungen zu dieser Stelle (bei W. Reeb, Tacitus Germania hg. u. erl., Lpz. 1930, S. 156-157) mit Recht gerade aus dem Vergleich mit dem römischen colonus das Bestehen grundherrschaftlicher Abhängigkeitsverhältnisse bei den Germanen, so dass neben den Gemeinfreien, die den für ihre Familie ausreichenden Grund und Boden in Eigentum besaßen, auch bevorzugte Volksgenossen vorhanden waren, die von ihrem Besitz an andere gegen eine jährliche Abgabe ein Stück zur Benutzung verleihen konnten (Vorläufer des Lehenswesens). Auch Fustel de Coulanges, Recherches sur quelques probl. d'hist. (Le colonat rom.), S. 152 hebt das

Vorhandensein eines dem römischen Kolonat analogen Institutes bei den Germanen hervor. So konnte schon in dieser älteren Periode Rechtsinstitut und Wort zu den Slaven gekommen sein. Andererseits ist wohl zu beachten, dass gemäss der hier vertretenen Auffassung sl. **sebrǫ* als **sem-bura* „Halbzinsmann, Halbertragsmann“ ebenso wie die o. besprochenen d. Parallelbezeichnungen mnd. *halfwin*, nhd. (nd.) *halfwinner*, *halfwinne*, schweizerd. *halbgenössig* eine ziemlich genaue Übereinstimmung der inneren Wortform mit lt. *colonus partiarius* aufweist, demnach mit jener tatsächlich bezeugten lt. Bezeichnung des Teilpächters, Halbbauern (Dig. 19, 2, l. 25, § 6 Gaius ad edictum prov.), die dem 2. Jh. n. Chr. angehört. Gerade von dieser Zeit an erlangte der Teilbau in den Provinzen des römischen Reiches steigende Bedeutung (F. Kobler, Der Teilbau im röm. und geltenden ital. Recht, Marburg 1928, S. 23 f.). Das Institut hat sich namentlich in Gegenden durchgesetzt und erhalten, wo die Ernten der einzelnen Jahre wegen der Einflüsse des Klimas und des Bodens zahlreichen Schwankungen unterliegen (Kobler a. a. O., S. 8; E. Jenny, Der Teilbau, S. 46 f., 49, 101, 124). Teilbaugebiete sind daher ausser den Randgebieten des Mittelmeeres (Spanien, Portugal, Süd- u. Mittelfrankreich, Italien, Dalmatien) auch die Balkanländer, die Steppengebiete der unteren Donau, sowie Russland (Jenny a. a. O., S. 31, Kobler l. c.). So ist es auch möglich, dass das ostgerm. Wort erst bei den Goten an der unteren Donau entstand und weiterhin zu den slav. Stämmen wanderte. Dass die Bezeichnung gerade bei den Ost- und Südslaven sich erhielt, ist somit in den wirtschaftsgeographischen und klimatischen Verhältnissen dieser slav. Gebiete, die dem Verbreitungsbezirk des Teilbaus angehören, begründet. Jedenfalls ist, was ausdrücklich hervorgehoben sei, volle Sicherheit über die Zeit der Entlehnung des slav. Wortes aus dem Germ. (Ostgerm.) nicht zu erlangen, Wohl aber können wir von der gewonnenen etymologischen und semasiologischen Grundlage aus die weitere Bedeutungsentwicklung des Wortes in den verschiedenen Sprachen, namentlich im Russ. und Südsl., begreifen. Dass die Grundbedeutung „Hälftner, Teilbauer, Halbspänner“ noch im Ngr., Lit., Alb., Magy. erhalten ist, wurde erwähnt. Die Bedeutung Kompagnon, Teilhaber, Teilnehmer, die dem Worte im Russ., Klr., Wr., Lit., Magy., Rum. und Alb. zukommt, ist auch bei dem der inneren Wortform nach entsprechenden nd. *halfwinner* (Kompagnon mit der Hälfte des Gewinnes, Schiller-Lübben 2, 182), ferner bei lt. *partiarius* (= *colonus partiarius* Teilbauer, aber auch = Teilhaber, Teilnehmer) festzustellen. Wie eng aber solche Bezeichnungen mit dem Namen für „Freund“, einen Begriff, den das Wort im Russ., Wruss., Lit., Lett. (s. o.) gleichfalls ausdrückt, zusammenhängen, erweisen rom. Fortsetzer von lt. *socius*: it. *soccio* Viehpächter, frz. (mundartl.): *sosō* jemand, mit dem man das Feld gemeinsam bearbeitet (Meuse), *šüšā* intimer Freund (pikard.) (Meyer-Lübke, Rom. E. W. Nr. 8056). Die Bedeutung „Freund“ leitet dann auch leicht zu „Verwandter“ über, wofür das Wort im R., Wr. gleichfalls gilt. Parallelen bieten die germ. Bezeichnungen für „Freund“, die in der älteren Sprache (mhd. *vrunt* u. s. w.)

und in der nhd. Volkssprache noch heute zugleich die Benennung für „Verwandter“ abgeben. (Paul, D. Wb. u. *Freund*). Die skr. Bedeutung „Bauer“ leiten schon G. Meyer, Ngr. St. 2, 57, Jireček AslPh 22, 1900, 212 und Staat u. Gesellsch. d. mittelalt. Serb. I, 69 sehr einleuchtend aus der Grundbedeutung „Hälfner, Teilbauer“ ab, freilich ohne sich über die rechts- und wirtschaftsgeschichtliche Grundlage des Bedeutungswandels näher auszusprechen. Offenbar hängt die Erscheinung mit der Verbreitung des Teilbaus in den Balkanländern (s. o.) zusammen. War diese landwirtschaftliche Betriebsform einmal stark in Übung, so konnte eben der Name des Teilbauern den Bauer überhaupt (Synon. *seljak*, Novaković, Zak. Stefana Dušana S. 238, heute in Ragusa *sebar* = *tezak*) bezeichnen. Auch hier bietet das o. angeführte nd. *halfwinne(r)*, *halfe* eine Parallele. Dieses Wort, das, wie erwähnt, von Haus aus Halbbauer, Teilpächter meint, gilt mundartlich (in der Umgebung von Köln) auch für den selbständigen Bauer. Der in Grimms Wb. 4/2, 194 abgedruckte Beleg erklärt dies so, dass in der Gegend von Köln die Klöster das Grundeigentum an sich gerissen hatten, selbständige Bauern in diesem Landstrich daher kaum mehr bekannt waren, sondern eben nur *Halfen*, *Halfwinner*, ein Name, der sich auch auf die später selbständigen Bauern übertragen hat. Ein semasiologisch analoger, nur in umgekehrter Richtung verlaufender Vorgang kommt in der Bedeutung von ital. *contadino* Halbbauer, Teilpächter (urspr. „Bauer, Landmann“), ferner in ngr. ἐξοχοσύνη Teilbauer, Pächter (mundartl., in Chios, Meyer Ngr. St. 3, 31 u. κολλήγας ds.) (urspr. „der draussen, d. i. auf dem Lande Wohnende, also Landmann, Bauer“) zum Ausdruck. Die o. angeführten weiteren Bedeutungen von *sebar* im Skr. (Untergebener, Untertäniger; kroat. Besitzloser = mlt. *impossessionatus*) erklären sich leicht aus dem rechtsgeschichtlichen Tatbestande. Nach dem mittelalterlichen serb. Recht war die *baština* der *sebri* abhängig von der über ihnen stehenden, bevorzugten Klasse (Vlajinac a. a. O. 149), daher die Bed. „Untergebener.“ Andererseits gilt nach Verböczys Tripartitum im Gebiete des ungarisch-kroatischen Adelsrechtes die Auffassung, dass alles Land Herrenland sei. Der Bauer ist daher *impossessionatus*, eigentumslos. Damit dürfte wohl zur Genüge klar sein, dass sämtliche Bedeutungen unseres Wortes tatsächlich auf eine Grundbedeutung „Hälfner“ u. dgl. zurückgehen, und dass eine solche Bedeutung auch für das Südslav. anzusetzen ist. Für die Erkenntnis der südslav. Wortschicht leistet das jetzt hervorgekommene alb. *sëmbër* in lautlicher und semasiologischer Hinsicht wertvolle Dienste. Das anlautende *s-* des alb. *sëmbër*, dem Anlaut *s-* des leihenden slav. *se̋b(̋)rő* gegenübergestellt, zeigt, dass das Wort im Alb. nicht zu der allerältesten slav. Lehnwörterschicht gehört (Verf., IF 36, 151 f. Anm. 1). An dieser Beurteilung vermag auch die Erhaltung des Nasals nichts zu ändern. Denn die Wiedergabe des gem.-sl. Nasalvokals *ę* in alb. *sëmbër* ist die gleiche wie in alb. *lëndinë* Wiese, Rasen, unbebautes Land aus slav. *le̋dina* terra inculta (Meyer, E. W. 243) und analog der von *o* in alb. *dumbrë* Eichenwald, *Dumré* Landschaftsname in Mittelalbanien, südlich von Elbasan (Verf., IF 49, 1931, 278, 288) aus slav. *dobrava*

Eichenwald. Wie dieses Wort aus einer blg. Mundart stammt, die, wie die Dialekte des südwestlichen Mazedoniens (Ochrida, Kostur, Prespa), die Nasalvokale durch ein vokalisches Element + *m, n* wiedergibt, so ist dies auch bei *sëmbër* der Fall: *ë* + *m*. Diese Erscheinung lässt sich auch aus einzelnen mittelbulg. Denkmälern belegen (Vondrák, Aksl. Gr.², 141). So entstammt denn alb. *sëmbër* der Sprache der Slaven Albaniens, die diese Lauteigenheit (Seliščev, Slavj. nasel. v Alb. 290 f.) mit den genannten südwestmazed. Mundarten teilen.

Zum Schlusse dieser Erörterung sei ein weiterer Hinweis auf das Vorhandensein unseres Wortes im Alb. selbst gestattet. Jireček führt (AsI Ph 22, 1900, 212) aus Bosnien den geographischen Namen *Semberija* an; so heisst ein Teil der Nahija von Zvornik, deren Einwohner *Semberi* genannt werden. Den Namen stellen Šafařík, Sebr. spisy 2, 279 und Vuk, Lex. mit *sebar* zusammen, nicht ohne auf zwei Dorfnamen in Serbien: *Seberova*, *Seberovac* (Kreis Užice) zu verweisen. Allein wie erklärt sich die nasalierte Form in Bosnien? Keiner der genannten drei Forscher hat sich hierüber geäußert. Und doch haben sie, indem sie den bosnischen geographischen Namen mit unserem Worte zusammenstellten, m. E. intuitiv das Richtige getroffen. Die Beantwortung der Frage nach der Herkunft des Nasals in *Semberija*, *Semberi* ergibt sich, wenn wir uns erinnern, dass nach den Ermittlungen von V. Skarić über den Ursprung der orthodoxen Bevölkerung im nordwestl. Bosnien (Glasn. Zem. Muz. u Bosni i Hercegov. 30, 1918, 219-265, IJ X Abt. VII Nr. 59) gerade der Bezirk Zvornik im Mittelalter zur Einwanderungszone albanischer Hirten gehörte und z. B. den alb. ON *Lopare* aufweist. So ist denn auch der Bewohnername *Semberi* von Haus aus alb. Damit ist ein weiteres Zeugnis für das Vorkommen des Wortes im Alb. gewonnen.

Wie im Vorhergehenden das Parallelvorkommen einer slav. Sippe im Alb. und Ngr. die Blosslegung einer älteren südslav. Wortschicht nach der lautlichen und semasiologischen Seite ermöglichte, so wird bei dem nunmehr zu besprechenden dritten Beispiel der gleiche Tatbestand zu einem analogen Ergebnis führen. Aleks. Xhuvani weist in der Zeitschrift *Kopështi letrar* (Elbasan) 1 (1918-1919) Nr. 6, S. 11 für das Gr.-Alb. ein Substantiv *granë* Grenze, dessen slav. Charakter er richtig erkennt, nach. Doch stimmt das Wort nicht gleich dem von Xhuvani herangezogenen d. Grenze zu slav. (südsl.) *granica* Grenze, sondern gemäss dem Mangel des weiterbildenden *-ica* zu dem bisher nur für das Ost- u. Nordwestslav. belegten Grundwort von südslav. *granica*: russ. *granb* Grenze, Grenz-, Markstein; Berührungslinie zweier Seitenflächen, welche eine Kante bilden, Fazette; Kapitel, Abschnitt; Abteilung; poln. *grań* Grenze, Ecke, Winkel, Rand; čech. *hrana* Grenze (mundartl.), Ecke, Kante. Das gr.-alb. (somit tosk.) *granë* ist, wie die Lautfolge *-an-* im Inlaut zeigt, jedenfalls eine junge Entlehnung. Wäre das Wort in älterer Zeit aufgenommen worden, so hätte man **grërë*, allenfalls **grarë* zu erwarten. Denn dass auch noch ältere slav. Entlehnungen dem tosk. Rhotazismus unterworfen werden, zeigt

gran

einerseits alb. *tërsirë* Strick, Seil, das ich Arhiv 1, 46 (vgl. IJ XI Abt. VII Nr. 154) auf südsl. **tračina*, Augmentativ zu *trak* Binde, Band zurückgeführt habe, andererseits der ON *Gomboçari*, (südl. von Valona, landeinwärts von der Bucht von Dukati), den Seliščev, Slavj. nasel. v Alb. 219, 323 aus slav. *Gl̋bočani* herleitet. Einen indirekten Beleg für die so aus den angeführten slav. Lehnwörtern sich ergebende Chronologie des alb. Rhotazismus liefern auch die ital. Elemente des Alb., die in ihren ältesten Vertretern gleichfalls noch diese Erscheinung aufweisen: tosk. (calabr.) *putërë* Hure aus ital. *puttana* (Meyer, E. W. 359). (Helbig hat mit seiner Lehre [Weigands Jb. 10, 90], nach der in den ital. Elementen intervokalisches *n* stets als solches erhalten bleibe, dieses Wort unberücksichtigt gelassen: Thumb IF 26, 1909, S. 9 hat diese Anschauung Helbigs mit Unrecht übernommen). Ist aber der alb. Rhotazismus noch in älteren ital. Lehnwörtern nachweisbar, so folgt daraus umso mehr, dass er auch in slav. anzutreffen ist, da der slav. Einfluss früher beginnt, als der ital. (7. Jh. gegenüber der Zeit um 1000). Nun besitzt auch das Ngr. (im Peloponnes) *γράνα* tiefe Furche, die einen Acker oder Weinberg von anderen trennt (G. Meyer Ngr. St. 2, 24, wo weite Quellenbelege). Dass dieses ngr. Wort dem Slav. entstammt, erkannte schon G. Meyer a. a. O. Allerdings ist seine Angabe, dass ein „asl.“ (also altslovenisches, altkirchenslavisches) *granь* die Quelle des ngr. Wortes sei, ungenau. Meyer entnahm dieses slav. Nomen Miklosichs Lex. p.-slov.-gr.-lt., wo S. 142 *granь* angulus, limes aus dem Lex. trilingue des Theodorus Polycarpi, Mosk. 1704 angeführt wird. Das Wort ist demnach in dieser Bedeutung nicht aksl., sondern russ. Ist aber, wie sich aus dem Vorhergehenden ergibt, das jetzt ans Licht gekommene gr.-alb. *granë* Grenze junge Entlehnung, so entstammt es eher dem Ngr. als dem Slav. Denn für das Ngr. als unmittelbare Quelle sprechen dann ebenso wortgeographische als geschichtliche Gründe. Wortgeographische Gründe, da die Beschränkung des alb. Wortes auf das Gr.-Alb. auf die Aufnahme in Griechenland hinweist; geschichtliche, weil die Albaner Griechenlands nach ihrer Ansiedlung in Griechenland vom Ngr. ungleich tiefer beeinflusst wurden als vom Slav. Freilich wäre auch die Möglichkeit nicht völlig von der Hand zu weisen, dass die in Griechenland zweifellos schon gegen Ende des 13. Jh. einwandernden Albaner (s. zuletzt Sufflay, Srbi i Arbanasi 1925, S. 77) hier das Wort von einer noch am Slav. festhaltenden Lokalbevölkerung entlehnt hätten. Sprachen doch die Nachkommen der in Hellas eingewanderten slav. Milingen und Ezeriten nach Mazaris und Chalkondyles noch im 15. Jh. teilweise slavisch (Jireček, Gesch. d. Serben I, 101). Falls die von der Vulgatansicht abweichende Anschauung von P. Phurikis, nach der die Albaner schon lange vor dem 13. Jh. selbst im Peloponnes einwanderten (*Αθηνα* 40, 1928, 26-50), die dieser Forscher demnächst ausführlich begründen will, sich bewähren sollte, so hätte die hier an zweiter Stelle erwähnte Möglichkeit noch mehr für sich. Völlige Sicherheit über die unmittelbare Quelle des alb.-gr. *granë* wird jedenfalls erst zu erlangen sein, wenn der Verbreitungsbezirk des Wortes inner-

halb der gr.-alb. Mundarten genau umschrieben sein wird. Wie immer aber es sich mit dem Entlehnungsvorgang des gr.-alb. Wortes verhalten mag, so ist zu G. Meyers Ansatz des slav. Quellwortes zu bemerken, dass slav. *granb* auch gemäss seinem Auslaut nicht dem ngr. (und. alb.) Wort zu grund liegen kann. Quellwort kann vielmehr nur ein dem čech. mundartl. *hrana* entsprechendes südslav. *grana* „Grenzfurche zwischen Äckern und Weinbergen“ sein, dessen Vorhandensein im Südslav. sich eben aus unserem Lehnwort ergibt. Demnach auch hier eine Wortschicht, die durch Lehnwörter blossgelegt wird. (Das heutige skr. *grāna* Oberfläche des Fusses gehört zur Sippe, zeigt jedoch eine sekundäre Bedeutung). Mit der Feststellung eines älteren südslav. *grana* Grenze ist ein Beitrag zur Geschichte der Grenzbezeichnungen des Slav., denen L. Tesnière (BSL 30, 1930, 174-195) einen gehaltvollen, durch reiche sachgeschichtliche Daten gestützten Aufsatz gewidmet hat, gewonnen. Nach Tesnière ist **medja* „Flurgrenze“ gemeinslav., während *granica* Staatsgrenze sich nicht über das gesamte slav. Gebiet ausgebreitet hat (a. a. O. S. 184). Nun zeigt sich, dass die Grundworte von *granica*, nämlich *grana*, bzw. mit anderem Suff. *granb* gemeinslav. (ostslav., nordwestslav., südslav.) sind und dass sie gleichfalls die Flurgrenze, des näheren die Grenzfurche zwischen Äckern bezeichnen; sie sind also mit **medja* synonym. Halten wir uns die von Tesnière a. a. O. festgestellte Bedeutungsentwicklung von slav. **medja*, desgleichen die von Vendryes in seinem Aufsätze über Furche und Grenze (Mélanges Boyer—Travaux publ. p. l'Inst. d'ét. slaves 2.) erörterten Fälle wie gr. *ὄρος* Furche, Grenze vor Augen und überblicken wir die bereits o. angeführten Bedeutungen von slav. *grana*, *granb*, wozu des weiteren noch ksl. *granb* *κεφάλαιον*, caput; r.-ksl., aruss. *granb* caput, titulus; Zeichen; čech. (dial.) *hraň* Holzstoss; slovk. *hraň* Holzstoss, Kristall, poln. (mundartl.) *gróń*, *gróń*, *gruń* (neben *grań*) Berg, Hügel, Bergkette, Bergrücken kommen, so können wir die verschiedenen Bedeutungen gruppieren und damit die Voraussetzungen für die etymologische Erklärung gewinnen: 1) Einschnitt, daher tiefe Furche zur Abgrenzung von Äckern; Rand; Kante; Ecke; Winkel (vgl. russ. *kraj* Rand, Saum, *ukráj*, *ukráina* Grenzland, Ukraine: aksl. *krojǫ*, *krajǫ* schneide, spalte); 2) Abschnitt, daher Abschnitt im Buche; 3) Einschnitt, daher auch (aruss.) Zeichen (vgl. lt. *signum* Zeichen („eingeschnittene Marke, geschnittenes Bild“): *secare* schneiden Walde, EW² S. 710); 4) Abgeschnittenes (Kollekt.), daher abgeschnittenes Holz, Holzstoss (čech., slovk. *hraň*; zur Entwicklung dieser Bedeutung sei auf ahd. *holz* Wald, Holz, ags. *holt* Gebüsch, Wald, Bauholz, eigtl. „abgeschnittenes Holz“, s. Walde-Hofmann, Lt. E. W.³ S. 140 u. *callis*); 5) Einschnitt, Abschnitt, daher Bergkette, Bergrücken, Berg; eine semasiologische Parallele bietet skr. *dīo*, *dījela* Berg, Hügel, klr. *d'ij* Gebirgszug: aksl. *dělb* Teil (Berneker, E. W. I, 195); möglich wäre es auch für diese Bedeutung eine ähnliche Entwicklung anzunehmen wie für span. *sierra* Gebirgszug, arom. *šarǎ* ds.: lt. *serra* Säge. Alle hier angeführten Bedeutungen unserer Sippe gruppieren sich somit aufs deutlichste um einen

Begriffskern „schneiden, Einschnitt, Abschnitt“. Damit ist der Etymologie in eindeutiger Weise der Weg gewiesen. Solmsen (KZ 37, 580), dem Berneker E. W. I. 346 grossenteils folgt, hat im Wesentlichen richtig gesehen, wenn er slav. *granb* innerhalb des Slav. an russ. *grot* Wurfspiess, poln. *grot*, čech. *hrot* Pfeilspitze, Wurfspiess anknüpft und aus den verwandten Sprachen gr. *χαίρω* streife leicht über etwas hin, berühre, ahd. *grana* Barthaar, mhd. *gran*, *grane* Spitze des Haars, Barthaar, Gräte, Granne heranzieht. Berneker geht für unsere slav. Sippe von *granb* von einer Bedeutung „Spitze“ aus. Doch reicht eine solche Annahme, die sich allenfalls für die Bedeutung „Berg, Bergkette“ empfiehlt (vgl. gr. *ἄκρον* Spitze, Berggipfel, *ὄρος* ds.), insbesondere für die Bedeutung „Holzstoss“ kaum zu. Halten wir uns vielmehr an den eben gruppierten semasiologischen Tatbestand, so können wir Solmsens Ergebnis erweitern und zugleich etwas schärfer fassen, indem wir gr. **χαῦω*, Konj. Aor. *χαῦση* ritze, verletze, *ἐγχαῦω* schlage hinein, kypr. *χαύομαι*, *χαύζομαι* stosse an, bin benachbart (vgl. Walde-Pokorny, Vgl. Wb. I, 648) anreihen. Damit ist eine Basis **ghrēu-* gewonnen. Im Slav. ist eine Bedeutung „schneiden“, die auch im Gr. im Bedeutungsverhältnis „ritze“, verletze“: „schlage hinein (*χαῦω*: *ἐγχαῦω*) durchschimmert, herrschend geworden. Im übrigen sei auf die Bedeutungsentwicklung von lt. *caedo* hauen, schlagen, (ein- oder aus)schneiden, von slav. *sěko*, skr. *sijěcem* hauen, behauen, schneiden verwiesen. Dass auch die von Solmsen a. a. O. herangezogenen Wörter, die sich unter einem Begriff „Spitze“ vereinigen, wie mhd. *gran*, *grane* Spitze des Haars, Barthaar, Gräte, Granne hieher gehören, bedarf wohl kaum besonderer Hervorhebung. Gr. *σκόλος*, *σκόλωψ* Spitzpfahl, Spitze, Stachel: Basis (*s*)*qel* schneiden, schlagen (Walde-Pokorny, Vgl. Wb. 2, 590 f., 595), lt. *sicilis* Lanzenspitze (: *sīca* Dolch und damit zur Sippe von idg. **seq* hauen, schneiden) bieten Bedeutungsparallelen.

Wichtig sowohl für die Kenntnis der älteren südslav. und der gem.-slav. Wortschichten als für die Rechtsgeschichte ist das vierte Beispiel. Bashk. 402 bezeugt ein alb. Verbum *sodumi*, *sodomi* (1. sing. praes.), *me sodumë*, *me sodomë* (inf.) vernichten (annientare, annichilare), *i sodumun*, *i sodomun* vernichtet, *të sodumun*, *të sodomun* die Vernichtung. Das zuletzt erwähnte Verbalnomen spielt im nordalb. Gewohnheitsrecht (Kanun Lekë Dukagjin) eine wichtige Rolle (vgl. Stj. Gjeçov, Hylli i Dritës 3, 1922, 244; 4, 1923, 224). Es dient hier als Fachausdruck für das „Vernichten“ im Sinne des Strafvollzuges, d. i. für das Ausraufen des Gartens und Weinbergs, demnach für jene Strafe, die zusammen mit der Niederbrennung des Hauses und der Verbannung auf die schweren Kapitalverbrechen, Mord und Raub, begangen in Tateinheit mit Friedensbruch, gesetzt ist. (S. auch die deutsch geschriebene Darstellung des alb. Gewohnheitsrechtes von L. v. Thallóczy in seinen Illyr.-alb. Forschungen I, 423). Bemerkt sei, dass das Wörterbuch von Bashkimi und Gjeçovs systematischer Abriss des nordab. Volksrechts im wesentlichen Wort und Brauch von Mirdita wiedergeben. (Das Wörterbuch beruht nach einer frdl. Mitteilung von P. Gjergj

sodumi

86-126m-2

Fishta, dem rühmlich bekannten alb. Dichter, auf Sammlungen des Don Dod Koleci aus Mirdita; s. auch Verf., Rev. Filologică 2, 1928-29, S. 255). Dass auch die von Gjeçov dargestellten volkstümlichen Rechtsbräuche, die in ihrer Gesamtheit den Kanun ausmachen, grossenteils aus Mirdita stammen, ergibt sich aus der Rolle, die das Haus der erblichen Stammeshäupter *Dera e Gjomarku* in den Satzungen spielt (z. B. Hylli i Dritës 4, 1923, 228; Thallóczy a. a. O. 413). Ich knüpfe die o. angeführte, bisher unerklärte Wortsippe zunächst innerhalb des Alb. an *dum* „schlage“ an, das St. Th. Frashëri in der Zeitschrift Folklore (London) 40, 1929, 373 bezeugt.¹ Schon das Nebeneinander von *sodomi*, *sodumi* vernichte und *dum* schlage weist auf den slav. Charakter der Sippe; *sodumi*, *sodomi* ist vom Standpunkt der slav. Syntax nichts anderes als das Perfektiv zu dem in *dum* steckenden slav. Verbum, ganz ähnlich wie z. B. russ. *sbitb* (aus *sbitb*) abschlagen, herunterschlagen, zusammenschlagen: *bitb* schlagen. Nach den bisherigen lexikalischen Hilfsmitteln fehlt eine semasiologische Entsprechung des alb. *sodomi* u. s. w. in den heutigen slav. Balkansprachen. Es liegen hier m. E. Angehörige der Sippe von urslav. *dъmъ doŭi* vor; tatsächlich ist neben dem Simplex auch ein ksl. *sъdъmъ, sъdoŭi* conflare (Miklosich, Lex. p.-sl. 924,1) belegt. Die Sippe weist, was, wie es scheint, bisher wenig beachtet wurde, nicht nur die Bedeutungen „blasen, hauchen, wehen“ auf, sondern gilt auch für „schlagen“: russ. *duj ego* schlage ihn. Das Alter dieser russ. Verwendung ergibt sich aus der analogen Bedeutung, die der sippenzugehörigen poln. Weiterbildung *dmuchnać* „blasen“, aber auch: „schlagen, einen Hieb versetzen, hauen, prügeln“ zukommt. (Warschauer Wb. I, 466, uderzyć, palnąć, grzmotnąć, trzepnąć, trzasnąć, walać). Die Entwicklung einer Bedeutung „schlagen“ innerhalb unserer Sippe ist spezifisch slavisch, geht jedoch im Keim schon in voreinzelsprachliche Verhältnisse zurück, wie ein Vergleich mit den zu derselben idg. Basis **dheu-* (Walde-Pokorny, Vgl. Wb. I, 835, ff.) gehörigen griech. Wörtern: *θύω* stürme einher, blase, tobe; *θύνω* stürme einher, *θύελλα* Sturm, *θύνος* πόλεμος, *ὄρη*, *δρόμος*, ahd. *tunst*, *tunist* Hauch, Atem, Dampf, Dunst, aber auch: Sturm, Ungewitter zeigt. Aus einer solchen bereits voreinzelsprachlichen Bedeutung „brausen, stürmen, lärmern“ ergab sich dann eine Geltung „schlagen“, ganz so wie dies bei der slav. Sippe von *gromъ* Donner der Fall ist: russ. *gromitb* zerstören zertrümmern, den Feind schlagen, klr. *hromýty* wuchtig schlagen, russ. *pogrom* Ungewitter, Verheerung, Verwüstung; poln. *grzmieć* donnern, dröhnen, *grzmot* Donner, Getöse, *grmocić* hauen, schlagen. Die der Sippe von ursl. *doŭi*, *dъmъ* im Russ. und Poln. zukommende Bedeutung „schlagen“ (s. o.) war also nach Ausweis des alb.

¹ Den Herkunftsbereich des Verbums vermerkt der genannte Gewährsmann nicht ausdrücklich, doch handelt es sich wohl gemäss der Bemerkung auf S. 374 Anm. und nach Ausweis des Verbums *kuq* beisse, das im gleichen Kindervers wie *dum* vorkommt (= *kuç* beisse bei Tasi Δεξ. ἐλλ.-ἀλβ. 69), um ein aus Matja stammendes, also südgeg. Verbum.

sodumi, *sodomi* vernichte auch im Balkanslav. vorhanden und hatte hier die nach dem Obigen nahe verwandte, im Poln. in der verbalen Erweiterung *dmuchnać* noch zutage tretende Bedeutung „wichtig schlagen, niederschlagen, zerstören, verheeren, vernichten“. So legt das Alb. für das ältere Südslav. eine sonst verschollene Wortschicht bloss, liefert aber auch für die Ermittlung der Bedeutungsentwicklung der Sippe in anderen slav. Sprachen (russ. *дуть*, poln. *dmuchnać*) mancherlei Behelfe. Mit anderen Worten: alb. *dum* schlage spiegelt ein südslav. *dъmo*, alb. *sodumi*, *sodomi* ein südslav. *сѡдъмо* wieder; und ein solches ist ja (s. o.) belegt. Dieses im Südslav. einst vorhandene Verbum zeigt somit eine Bedeutung, die sich noch aus dem Poln. (*dmuchnać*), eine Komposition, die sich noch aus dem Ksl. belegen lässt. — Versuchen wir nunmehr, Zeit und Ort dieser alb. Entlehnungen einigermaßen zu bestimmen. Alb. *dum* schlage aus slav. *dъmo* ist nach Ausweis von alb. *u* aus sl. *ъ* alte Entlehnung (Treimer AslPh 35, 601 ff.; Verf., IF 36, 151 f., Lingu.-kulturh. Unters. 59, 109, 176, 249, 331). Seliščev (Slavj. nasel. v Albanii S. 143 f.) bezweifelt zwar diese Wiedergabe von slav. *ъ* im Alb. Doch bestehen seine Einwendungen nicht zu Recht. So soll das von mir (Lingu.-kulturh. Unters. 249, 331) auf slav. *grъstъ* zurückgeführte alb. *grusht* Faust nicht *u* aus altem slav. *ъ* enthalten, sondern ein erst sekundär aus *ʃ* entwickeltes sl.-blg. *ъ* wieder spiegeln. Diese Anschauung ist nichts anderes als eine Wiederbelebung der zuerst von Miklosich, Alb. Forsch. I, 20 alternativ aufgestellten, dann von G. Meyer, E. W. 133 übernommenen Lehre, nach der alb. **grъsh̄t* zu erwarten wäre; der Wandel von *ě* zu *u* ginge dann auf Rechnung des Alb. Indes ist mir kein Fall bekannt, in dem alb. *ě* in haupttoniger Silbe, u. zw. in relativ junge Zeit, zu *u* gewandelt worden wäre. Wenn Seliščev dies behauptet, fällt ihm die Beweislast zu. In Wahrheit sprechen aber Fälle wie alb. *gërq* Grieche, fem. *gërqinjë* Griechin aus blg. *gьrkъ*, (fem. *gьrkinja*) gegen eine solche, wie auch gegen eine allfällige andere Annahme, dass nämlich alb. *-úr-* etwa direkt slav. *ʃ* wiedergebe. Was hier zu *grusht* bemerkt wurde, gilt auch von dem anderen Beispiel für alb. *u* aus slav. *ъ*: *druhna*, n-plur. aus slav. *дръво* (Lingu.-kult. Unters. 129). Wenn Seliščev a. a. O. inlautendes alb. *u* in *grusht*, *druhna* auf die labialisierende Wirkung der umgebenden Laute (*sh*, *h* aus *v*) zurückführt, so sprechen im übrigen Beispiele wie alb. *kërpë* Fleck, Lappen aus blg. usw. *kьrpa* ds., alb. *mërshë* Aas (fehlt bei Meyer) aus blg. *mьrša* ds. deutlich gegen eine solche Annahme. Der lautliche Unterschied zwischen *kërpë*, *mërshë* einerseits und *grusht* andererseits kann also nur auf einem Unterschiede in der Entlehnungszeit beruhen. Das hohe Alter der Entlehnung von alb. *grusht* ergibt sich auch aus der Tatsache des Wandels von slav. *s* zu alb. *sh* (Verf., IF 36, 151 Anm.). Es ist eine nicht bewiesene Behauptung Seliščevs, dass dieser Wandel auch später habe eintreten können. Zudem ist die Herleitung von alb. *grusht* aus slav. *grъstъ* (mit altem *ъ*) in Übereinstimmung mit den Ergebnissen der slav. Sprachwissenschaft und der Ortsnamenforschung Griechenlands. Meillet (Le Slave commun, S. 67) lehrt, dass der Halbvokal in aksl. *rъ*

tatsächlich vorhanden (réel) war; das alb. Lehnwort bestätigt dies. Gemäss Vasmers Ermittlungen (Symbolae Rozwadowski 2, 156) ist auch in jenen Ortsnamen Griechenlands, die auf slav. Appellativa zurückgehen, slav. *z* durch ngr. *u* vertreten: *Μπούζι* aus *bъzъ*. Das hier besprochene *dum* liefert ein neues alb. Beispiel für diese Vertretung; ein weiteres wird u. bei *grryk* leichter Wind erörtert werden. Hingegen zeigt mirdit. *sodomi* ver- nichte die so häufige Wiedergabe eines slav. *z* durch alb. *o*, eine Erscheinung, die zuletzt Seliščev (a. a. O. 284 f.) unter Hinwies auf die gleiche Erscheinung in den Mundarten Südwestbulgariens und Mazedoniens behandelt. Halten wir uns diesen Umstand vor Augen, so können wir dem mirdit. *sodomi* blg.-mazed. Ursprung zuweisen. Nun zeigt allerdings Skok (Glasn. Skopsk. N. Dr. 2, 280; 5, 322), dass die mittelalterlichen skr. Mundarten der Gegend um Skutari gleichfalls *o* für slav. *z* besitzen: *Rotec* aus sl. *rъt*. (Über sonstige Formen des Namens dieser berühmten Abtei im Bezirke von Antivari: *Rtac*, *Rotezo*, *Retecium* s. Šufflay in Thallóczy's Illyr.-alb. Forsch. I, 275 f.). Das Gebiet von Mirdita liegt freilich nicht unbe- trächtlich weiter südlich; bulgarischen Einfluss hat hier Nopcsa (Wiss. Mitt. aus Bosn. u. d. Herc. 12, 1912, 238 f.) nachgewiesen. Zudem spricht die Stammesgeschichte der Mirditen ausdrücklich von blg. Vorfahren (Hahn, Alb. St. 1, 213). So bezeugen historische und sprachliche Tatsachen in gleicher Weise blg. Ursprung von *sodomi*. Dieses Urteil wird durch die Ergebnisse der kirchengeschichtlichen Untersuchungen von F. Cordignano (La Civiltà Cattolica 1929/4, 510 f.), denen zufolge die Mirditen erst spät erwähnt werden und nicht vor der Türkenzeit in ihre jetzigen Wohnsitze einwanderten, nicht erschüttert. Wollte man nämlich, auf diese Umstände gestützt, das mirdit. *sodomi* einer vor dieser Zeit im Mirditenlande ansäs- sigen slav., u. zw. skr., Bevölkerung zuschreiben, so wäre zu beweisen, dass *sodomi* dieser Bevölkerung angehörte und von den einwandernden Mirditen übernommen worden sei, somit im Sinne der Terminologie Juds (ZRPh 38, S. 3) nicht „Lehnwort im engeren Sinne“, sondern „Reliktwort“ sei. Ein solcher Beweis ist gewiss nicht zu erbringen. So werden wir die- ses Fachwort des nordalb. Volksrechts blg. Einfluss zuzuweisen haben. Jedenfalls gehört die Form gemäss der Erhaltung des slav. *s-* nicht dem ältesten slav. Lehnwortbestande an (Verf., IF 36, 1916, 151 f.), sie ist nicht vor dem 11. Jh. entlehnt. Es ist dies ein Ergebnis, das mit der von ganz anderen Ausgangspunkten gewonnenen rechtsgeschichtlichen Beur- teilung, die dem Kanun durch Nopcsa (Z. vgl. Rechtsw. 40, 1923, 371-376; Dialeria 1, 1920, Nr 4, S. 5-7=IJ IX, Abt. VII Nr 15) zuteil wurde, aufs beste übereinstimmt. Fällt doch nach Nopcsa die Abfassung des Kanun in das beginnende Mittelalter, etwa in das 12. Jh. Die o. erwähnte Form *sodumi* zeigt schon durch den Gegensatz in der Vertretung der beiden *z* (*сѡдѡмо*) ihren sekundären Charakter; sie beruht offenbar auf „Überentäus- serung“. Weil dem *o* nordalb. Gebirgsmundarten anderwärts, z. B. im Skutari, *u* entsprach, wurde hier in der zweiten Silbe *u* eingesetzt.

shuk R
= suda 'Kuck'
shuk-
 Für alb. *shuk* m. Ball, Knäuel, Kugel; etwas Zusammengeballtes, das ich als slav. Lehnwort deute, führen die slav. Bezüge nach dem gegenwärtigen Stande der südslav. Lexikographie gleichfalls in die ausserbalkanischen slav. Sprachen. Das alb. Wort fehlt bei G. Meyer, Kristoforidhi und Bashkimi, wird jedoch jetzt in Godins D.-alb. Wörterbuch unter „Ball“ (und nur unter diesem Stichwort) gebucht. Sämtliche drei, o. an erster Stelle angeführten Bedeutungen lassen sich durch Textstellen belegen, z. B. durch das vom albanischen Unterrichtsministerium hg. Lesebuch *Këndime për Shkolla fillore*, 4 (Vlorë, 1922), S. 166: *si një lësh a si një shuk* „wie ein Knäuel oder wie ein Ball“; *lësh a shuk i dhertë* „die Erdkugel, der Erdball, der Globus“. Die Bedeutung „etwas Zusammengeballtes“ ist die in Elbasan übliche (mündl. Mitteilung des Herrn E. Haxhiademi). Sonst kommt das Wort, soweit ich sehe, noch in zwei festgewordenen Verbindungen vor: 1) *të gjithë shuk e grumbull* alle insgesamt, vollzählig, mit Sack und Pack, mit Kind und Kegel (a. a. O. *Këndime* 4, 233), wörtlich „alle in Knäuel und Haufen“; die Wendung bietet somit ein typisches Beispiel für eine volkstümliche bildhafte Totalitätsbezeichnung; 2) *shuki topi* nordostgeg. Name eines Ballspieles (aus Reka: mündliche Mitteilung der Herren Baron F. Nopcsa und Bajazid Elmas Doda). Der Name bedeutet soviel wie „Ball-Kugel“ oder „Knäuel-Kugel“, ist also eine Art *ἐν διὰ δύοῖν* für dieses Ballspiel, das nach der Erläuterung der eben genannten Gewährsmänner von mehreren im Kreise stehenden Personen gespielt wird. — Alb. *shuk* Ball, Knäuel, Kugel; etwas Zusammengeballtes stimmt nun in der Bedeutung vollkommen zu russ. *súka* Ball, das nichts mit dem Homonym *súka* Hündin zu tun hat, sondern zu russ. *súkatъ*, *sučítъ* drehen, rollen drillen, zwirnen, *sku*, *skatъ* (*sčk-*) zwirnen, zusammendrehen, aufwickeln, slov. *sukati* drehen, zwirnen, skr. *sukati* drehen, poln. *sukać* drehen, aufdrehen, aufwinden, aufwickeln (Warschauer Wb. 6, 507: *sukać nici = skrećac kilka nitok w jedno* mehrere Fäden in ein Ganzes zusammenwickeln), čech. *soukati* zwirnen, spulen zu stellen ist. Ein zu dieser Verbalsippe gehöriges, dem angeführten russ. *súka* Ball entsprechendes Postverbale: *suka* Ball, Knäuel, Zusammengeballtes muss sohin nach Ausweis des alb. *shuk* einst auch im Balkanslav. vorhanden gewesen sein. Die alb. Entlehnung ist jedenfalls alt. Sie zeigt noch: a) die Vertretung von slav. *s* durch alb. *sh* (Verf., IF 36, 1916, 151 f. u. o. unter *sodomi*); b) den Genuswechsel (Verf., IF 36, 1916, 99 ff.). Sachgeschichtlich reiht sich das Wort jenen alb. Entlehnungen aus dem Slav. an, die der Begriffssphäre des Hauswesens angehören, wie *oputë* Schuhriemen, eigentlich Riemen zum Befestigen der *opingë*, *opangë* aus skr. *òputa* ds. (Verf., Stud. z. alb. Etym. u. Wortb. 112), *garraç* Blumenscherbe, zerbrochener Krug (aus slav. *gòrnъcbъ*, ebd. 108) und eine ganze Reihe anderen Nomina, die jetzt Seliščev, Slavj. nasel. v Alb. S. 147 f. erörtert. Um eine Rückentlehnung aus dem Alb. handelt es sich wohl bei blg. *sjuk* Ball zum Spielen (Gerov 5, 588). Für eine solche Annahme spricht die Isoliertheit des Wortes gegenüber der Durchsichtigkeit der sippenmässigen Zusammenhänge von russ. *súka* und des gleichlautenden aus dem alb. *shuk* zu erschliessenden südslav. Nomens.

Ein dem alb. Mutterlande fehlendes, wohl aber jetzt aus dem Italoalb. ans Licht gekommenes slav. Lehnwort ist *shpretkë* Werkzeug, Gerät, das G. Rohlf's im Sprach- und Sachatlas Italiens u. der Südschweiz (AIS) 2, Karte 200 für Acquaformosa (P. 753) bezeugt. Im Mutterlande wird hiefür *orëndi* (gleichfalls slav. Lehnwort: Pedersen KZ 33, 537_a), *vegël*, ferner das türk. Lehnwort *halat* verwendet (s. die Wörterbücher von Godin u. Busetti). Dazu kommen jetzt Neologismen wie *përdorse* u. a. Wenn it.-alb. *shpretkë* soeben als slav. Lehnwort bezeichnet wurde, so stützt sich diese Deutung nicht auf das Zeugnis der balkanslav. Sprachen, die, soweit ich sehe, keine Entsprechung besitzen, sondern auf poln. *sprzet* Gerät (Warschauer Wb. 6, 361), das demnach mit dem it.-alb. Nomen in der Bedeutung vollständig übereinstimmt. Die Sippe selbst, der die beiden Nomina angehören, ist gem.-slav.: aksl. *vspretati* συστέλλειν (Suprasl.), s.-ksl. *opretati* curare, slovak. *spratati* einräumen, ausräumen, russ. *prjatatъ* verwalten, verstecken, wegräumen, abräumen, poln. *sprzatać* ds.; sie ist im heutigen Südslav. — auch in nominalen Bildungen — durchaus lebendig: slov. *spreten* geschickt; blg. *opretna* aufschürzen, refl. sich bereit machen, *opreten* aufgeschützt, arbeitseifrig, hurtig, skr. *zaprétati* mit Asche zudecken u. a. Das it.-alb. *shpretkë* berechtigt uns also, dem Südslav. der älteren Zeit eine Wortschicht zuzuerkennen, die, wie hier gezeigt, im Poln. noch hervortritt; mit anderen Worten: im älteren Südslav. muss der Nominalstamm *spret-* Gerät, Werkzeug, die Bezeichnung eines Kulturbegriffes, vorhanden gewesen sein. Die Zeit der Entlehnung lässt sich mit Hilfe der alb. Lautgeschichte noch einigermaßen bestimmen: das Wort hat im Anlaut noch den alb. Wandel von *s* zu *š* mitgemacht. Jedenfalls ist die Quelle des it.-alb. Wortes nicht jener Dialekt, der die urslav. Nasalvokale als Vokale + *n*, *m* erhielt, demnach nicht jene Mundart, aus der das Alb. Wörter wie *sëmbër*, *lëndinë*, *dumbrë* schöpfte (s. o.). Das it.-alb. Nomen entstammt vielmehr einer slav. Mundart, die für *ę* bereits orales *e* entwickelt hatte, ganz wie dies in jenem slav. Dialekt der Fall war, dem das Alb. (Nordgeg.) folgende Wörter entnahm: *penes*, *penezi* alte, dünne Silbermünze, die nur noch als Schmuckstück dient (diese Bedeutung nach Miklosich, Alb. Forsch. 1, 28 f., G. Meyer, E. W. 327, Seliščev, Slavj. nasel. v Alb. 176), doch auch: Geld (so in der älteren geg. Liter., z. B. Bogdan, Cun. proph. 2, 52, 2), somit aus der Fortsetzung von aksl. *pěnedzъ* mit oralem *e* in der zweiten Silbe; *red* Reihe, Reihenfolge, Takt, Tempo, fehlt bei Meyer, von Bashkimi 373 als Synonym von alb. *rend* (*renn*) angeführt, somit im Nordwestgeg. üblich und aus dem Reflex von aksl. *redъ* entlehnt. Miklosich, Alb. Forsch. 1, 32 verzeichnet alb. *red* für Borgo Erizzo in Dalmatien, eine Angabe, die sich in Weigands Darstellung dieser alb. Mundart (Jb. d. Rum. Inst. Lpz. 17) nicht mehr findet. Nur aus einer solchen slav. Mundart mit oralem *e* für urslav. *ę* kann also alb. *shpretkë* stammen; und die Entnasalisierung des inlautenden Vokals ist so früh erfolgt, dass bei Übernahme des Wortes in das Alb. der Anschluss an die Entsprechung *sh*: *s* noch erreicht werden konnte. Dieses Ergebnis stimmt vollständig zu meinen Ausführungen

IF 36, 1916, 152 Anm. Wurde dort an geg. *gushē* Gans, *gushan* Gänserich (Kristoforidhi, Lex. 69 aus Gjakova), die skr. *gusa*, ev. *gusb* Gans und skr. *gūsân* Gänserich (gegenüber ursl. *gōsb* u. s. w.) entstammen, gezeigt, dass die Entsprechung alb. *sh*: slav. *s* auch nach dem Schwunde der slav. Nasalisierung wirkte, so haben wir hier ein weiteres Beispiel für diese relative Chronologie. Bemerkenswert ist, dass das it.-alb. Wort mit nordgeg. Wörtern in der Vertretung von urslav. *ǰ* zusammengeht. Entweder handelt es sich also um ein Wanderwort innerhalb der tosk. Mundart, die dem Kalabr.-Alb. zugrundeliegt, — eine Annahme, die gemäss dem Begriffsinhalt unseres Wortes durchaus möglich ist, — oder um einen Gegismus innerhalb des Kalabr.-Alb. Eine Entscheidung ist angesichts des Umstandes, dass wir die Area des Wortes im Alb. des Mutterlandes weder für die Gegenwart noch für die Vergangenheit kennen, schwierig. Beide Glieder der Alternative laufen, was die Bestimmung der slav. Quelle betrifft, letzten Endes auf das Gleiche hinaus: nicht die Sprache der Slaven Albaniens, die urslav. *ǰ* als *e + n, m* fortsetzte (Seliščev, Slavj. nasel. S. 290 f.), sondern eine nördlichere slav. Mundart (wahrscheinlich eine skr.) ist die Quelle. — Weitere slav. Entlehnungen dieses Sachbereiches (Gerätenamen) weist für das Alb. Seliščev (a. a. O. 171 f.) nach. *shpretkē* hat sich nur im Italoalb. (Kalabr.-Alb.) erhalten. Es liegt hier die öfter zu beobachtende Erscheinung vor, dass Kolonialgebiete im Wortschatz konservativer sind, ein Fall, für den das Siebenbürg.-Säc. s. im Verhältnis zu den übrigen d. Mundarten, das Kanadische Frz. gegenüber der frz. Gemeinsprache Analoga bieten.

Im Norwestgeg. gilt *grryk*, *grryku*, plur. *grryqet* leichter und frischer Wind, Brise; das Wort ist zuerst bei Bashkimi (S. 134) bezeugt, darnach auch bei Buseti, Vocab. it.-alb. S. 147 u. *brezza*. Wie sich aus der dialektgeographischen Grundlage des Wörterbuches von Bashkimi ergibt (s. o.), gehört unser Nomen der Landschaft Mirdita an. Dass es dem eigentlichen Skutar. fremd ist, zeigt die Tatsache, dass Dom E. Cozzi den plur. *grryqet*, den er in einem Aufsätze über die Landwirtschaft im Berglande von Skutari (Perparimi 1914, S. 76) verwendet, durch ital. *brezza* zu erläutern sich veranlasst sieht. Alb. *grryk* leichter und frischer Wind, Brise steht m. E. in einer sofort des näheren zu erörternden Beziehung zu blg. *gorñák* Wind, der von oben kommt, Nordwind, skr. *gōrnjak* Westwind, slov. *gornják* Bergwind, Nordwestwind, Nomina, die Ableitungen des Adj. *gorънь* „zum Berge gehörig“ sind; dem alb. *grryk* liegt ein südslav. **gor(b)nǫkǫ* zugrunde. Südslav. **gor(b)nǫkǫ* Bergwind verhält sich morphologiosch zu *gorñák* ganz so wie aksl. *oprěsъnǫkǫ* azymum, ungesäuertes Brot (= russ. *opresnók*, klr. *oprisonok* ds.): russ. *presnjak* ds., die alle zu *oprěsъnǫ*, *prěsъnǫ* frisch, ungesäuert gehören. Das alb. Lehnwort ist alt. Es zeigt a) den Wandel von alb. *rn* zu *rr*, der auch in alb. *garraç*, *gerraç*, *gerreç* Blumenscherbe, zerbrochener Krug (aus slav. *grъnъcb*, Verf., Stud. z. alb. Etym. u. Wortb. 108) nachweisbar ist; b) die Wiedergabe von slav. *ǝ* durch alb. *u*, von der schon oben die Rede war. Die zu erwartende Fortsetzung von südsl. **gor(b)nǫk* ist somit alb. **gǝrruk*, (nordalb. **grruk*). Das *y* von *grryk*

stammt aus dem Plural *grryqe*, ist demnach Umlautsergebnis, veranlasst durch das folgende *q* (*k'*), ganz so wie dies nach Meyer-Lübkes Lehre (Gröbers Grdr.² I, S. 1046, § 22) in alb. *kryq* Kreuz (bei Camarda auch *kruiq*) der Fall ist. Diese Erklärung Meyer-Lübkes ist einer anderen, von demselben Forscher (Mitt. d. Rum. Inst. Wien I, 30 f.) vorgeschlagenen, der zufolge das *y* (*ü*) in alb. *kryq* auf Rechnung des Rom., nämlich eines norddalm. *ü*-Gebietes zu setzen sei, vorzuziehen. Gilt doch in den ostgeg. Mundarten, die auch sonst *u* für das *y* (*ü*) der anderen alb. Landschaften aufweisen, noch *kruq* (Puljevski [Dibra] Rečn. I, 13; I, 24; Bageri [Reka], Kopsht malsori 23). Aus diesem Sachverhalt ergibt sich, dass *y* in *kryq* erst auf alb. Boden entstand. Wie in *kryq* entstand das *y* auch im nordwestgeg. Plur. *grryqe*, (Vorstufe **gërryqe*); Sing. *grryk* ist demnach eine Kompromissform (aus *g(ë)rruk* + *g(ë)rryqe*). Oben wurde **gor(b)nžk* als Grundform des alb. Wortes angesetzt. Das Alb. setzt somit eine Form mit hartem *n* fort, während das Aksl. *gorънъ* besitzt eine Form, die bezüglich des *n̄* mit skr. *gōrnjī*, slov. *gōrnji*, *gorēnji* übereinstimmt; andererseits weisen die blg. Mundarten vielfach *goren* mit hartem *n* (Mladenov, Gesch. d. blg. Spr. S. 136) auf, wie denn auch schon im Suprasl. das Adj. mit hartem *n* belegt ist. Die Form mit hartem *n*, die auch in mblg. Denkmälern vorkommt, ist somit alt. Sie ist — und für die Zwecke dieser Untersuchung ist dies immerhin bemerkenswert — auch im Alb. selbst als Lehnwort, u. zw. als ziemlich junges Lehnwort, nachweisbar. Die tosk. Übersetzung des „Predigers Salomo“ (Jobi edhe Ekklesiastiu, Monastir 1912) verwendet (I. 6) das für das Alb. bisher ungebuchte Nomen: *gorrën* Nordwind, Norden. Dazu kommt jetzt als weitaus älteres Zeugnis des Alb. das ndwgeg. Wort, das uns eine nominale Erweiterung kennen lehrt. Der eben dargelegte sprachliche Tatbestand stimmt gut zu dem o. erwähnten Ergebnis historisch-archäologischer und stammeskundlicher Ermittlungen, die in Mirdita bulgarische Spuren feststellen. In unserem Worte haben wir eine weitere zu erblicken. Zugleich erhalten wir eine Weiterbildung von *gorънъ*, die in den südslav. Sprachen nach dem bisherigen Stande der Lexikographie nicht direkt bezeugt ist, jedoch sonstigen Weiterbildungen von Adjektiven auf *-нъ* entspricht. Damit ist wiederum eine sonst verschollene südslav. Wortschicht blossgelegt.

Zum Schlusse möchte ich in den grösseren Zusammenhang der bisherigen Erörterungen, die den wortstratographischen Gesichtspunkt für das Südslav. hervorheben, zugleich aber auch den slav. Lehnwortbestand des Alb. zu vermehren suchen, eine südslav. Wortschicht stellen, auf die ich schon Arhiv za arb. star. 1, 1923, S. 45 f. hingewiesen habe. Es ist alb.-tosk. *purrë* heisse Asche, das ich aus südslav. *pyr* ds. herleitete und auf Grund der Wiedergabe von slav. *y* durch alb. *u* (Wędkiewicz, RS 7, 126; Jokl IF 36, 152 Anm.) der ältesten Schicht der slav. Lehnwörter des Alb. zuwies. Eine solche Nominalform ist zwar im heutigen Südslav. nicht direkt bezeugt, wohl aber kennt das Čech. *pýr*, *pyř* glühende Asche, Flockenasche. Die Annahme einer Entlehnung dieses zur Terminologie des Herdes gehö-

rigen Wortes ist umso unanfechtbarer, als ja das Slav. dem Alb. eine ganze Reihe von Bezeichnungen dieses Sachbereiches geliefert hat. (Verf., a. a. O., Lingu.-kulturh. Unters. S. 107 ff.). Gegen meine Erklärung sucht Capidan Dacor. 3 (1924) 885 f. einzuwenden, dass ein Nomen *pyr* im Südslav. nicht vorhanden sei, demnach eine Erklärung des alb. Wortes aus lt.-rom. Mitteln vorzuziehen sei. Alb. *purrë* stamme entweder aus lt. **purna* für *pruna* oder aus einem arom. **pruna* Asche, und sei in diesem Falle zu einer Zeit, bevor sich dieses mit *spodium* zu *spruna* kontaminiert habe, entlehnt. (Eine kurze Andeutung dieser Art auch bei G. Pascu, Dict. étym. macédon. 1, 1925, S. 159, Nr. 1452). Was gegen Capidans Einwand spricht, habe ich schon IJ XI Abt. VII Nr. 154 kurz zusammengefasst. Ein **pruna* kommt im Arom. nicht vor, reicht übrigens auch lautlich nicht zu, da ja nur **purna* dem alb. Nomen zugrundegelegt werden könnte; das Wort aus dem lat. **purna* für *pruna* herzuleiten, ist willkürlich, da lat. *u* im Tosk. — und alb. *purrë* ist tosk. — stets durch *y* (*ü*) vertreten ist. Eine Wiedergabe durch *u* kommt nur, wie oben erwähnt, nordostgeg. Mundarten zu. Hier interessiert jedoch vor allem Capidans Einwand, dass *pyr* nicht balkanslav. sei. Wie dieses Argument zu werten sei, wird wohl aus der gesamten vorhergehenden Darstellung klar geworden sein: wenn das Alb. eine ganze Reihe von slav. Wörtern, Formen, Bedeutungen aufweist, die im heutigen Südslav. nicht mehr belegbar, wohl aber in den slav. Schwettermundarten bezeugt sind, so ist es eben nicht weiter auffällig, wenn uns tosk. *purrë* eine ältere südslav. Wortschicht erschliesst. Bestünde Capidans Einwand methodologisch zu Recht, so könnte man auch nd. *iken* aus der Reihe der lt.-rom. Entlehnungen des Deutschen streichen, weil das Wort eben heute im Frz. verschollen ist. Im übrigen habe ich IJ XI a. a. O. auf Spuren des einstigen Vorhandenseins des Nomens *pyr*, wie sie sich aus den heutigen südslav. Sprachen ergeben, hingewiesen: das Skr. kennt das Denominativum *pīriti*, *upīriti* anfachen, *potpīriti*, *propīriti* (u. andere Verbalkomposita dieser Art); also muss es einst auch das zugrundeliegende Nomen besessen haben. Die alb. Entsprechung dieses skr. Verbums ist seit der Veröffentlichung meines Aufsatzes in Arhiv 1, 1923 zutage gekommen, u. zw. gleichfalls mit dem altertümlichen Vokalismus der Stammsilbe: für „anfachen“ besitzt das Alb. *me përpuritë* (Godin, D.-alb. Wb. S. 15). Da nun die slav. Verba auf *-iti* im Alb. durch *-is* im Praes., *-itë* im geg. Infin. wiedergegeben werden (*me gostitë* bewirten aus slav. *gostiti*, *me grabitë* rauben aus slav. *grabiti*, *me koritë* beschimpfen aus slav. *koriti*, Miklosich, Alb. Forsch. 3, S. 30 des S. A.), so weist die Tatsache des Vorhandenseins eines alb. Verbums *me përpuritë* anfachen zusammen mit der eines skr. *pīriti* ds. in einer jeden Zweifel ausschliessenden Weise auf südslav. *pyr* als Quelle der alb. Sippe.

Wien

Norbert Jokl

Über ung. vizsla, serb. vižao etc.

Unter den Namen der Jagdhunde treffen wir in den slavischen Sprachen ein Wort, welches im Anfange die Silben *viž-*, *vyž-* und *fiž-* aufweist:

Serbisch: *vižao* (gen. *vižla*) ‚der Wachtelhund, canis avicularius‘; *vižle* (gen. *vižleta*) idem; *fižlin* (in der Gegend von Cattaro und Budua) idem; *vižlica* 1. ‚Weibchen von Wachtelhund‘; 2. ‚puella impudentior, die viel umhergafft‘; *vižlād* collectivum von *vižle*; *vižlast*, -a, -o z. B. djevojka, die viel umhergafft‘; *vižljēnje* ‚Umhergaffen, τὸ circumferre oculos‘; *vižliti* verbum imperf. ‚umhergaffen, oculos circumferre‘; *vižlja* = *vižlasta žena*: siehe V u k³, IvBr. — Belege seit dem XIX-ten Jhte.

Kaj-kroatisch: *viželj* (geschrieben mit der Rechtschreibung des XVIII-ten Jhts. *visel*, *visely* bei Bellosztenecz, *visely* bei Jambresich) ‚Spürhund‘; *vižlič* (geschrieben mit der Rechtschreibung des XVIII-ten Jhts.: *vižlich*, *vizlich*, *vislich* bei Bellosztenecz ‚canis venaticus, canis sagax‘. In Linde's polnischem Wbuche sub voce *wyżeł* finden wir auch „roat. *višil*“, bei Verantius, Dictionarium, Venetiis 1595 „dalmaticè: *vixal*“; die erste Form ist als *višil*, die zweite als *vižal* zu lesen, und als ča-kroatisch zu betrachten. Belege für das kaj-kroat., respektive ča-kroat. Wort seit dem Ende des XVI-ten Jhts.

Slovenisch: *vižal* (gen. *vižla*) ‚der Spürhund‘; *vižle* (gen. *vižleta*) demin. s. Pleteršnik, Wb.; *vižla* nach Mikl. EtWb. 398; *višla* nach Linde's Wb. sub voce *wyżeł*: „Carniol. *višla*, *višla*“. Belege vielleicht seit dem XVII-ten Jhte; nach Plet. Wb. soll das Wort auch bei Habelich, Dict. vorkommen; ich finde es nicht.

Slovakisch: *vyžla* (gen. *vyžly*) ‚der Spürhund‘ Bernolák; Kálal; Pravopis 1931 (in älterer Zeit geschrieben auch: *vižla* Loos-Pech., Yancsovic; die Form *vyšla* ‚chudá‘, *nadávká ženským* s. Kálal, Slov. slov. ist eine sog. Volksetymologie von *vyžla*); *vyžlenec* (gen. *vyžlenca*) ‚der Spürhund‘ Bernolák. — Belege seit XIX. Jhrte; s. Bernolák.

Čechisch: *vyžel* (gen. *vyžla*) ‚der Spürhund; der Stieber‘; *vyželec* (gen. *vyželce*) id.; *vyželek* (gen. *vyželka*) id.; *vyžla*, *vižla* id.; *vyžle* (gen. *vyžlete*) id.; *vyžlik* (gen. *vyžlika*) id.; *vyžnik* (gen. *vyžnika* < **vyžlnik*, **vyžlnika*) id.; *vyžlenec* (gen. *vyžlenec*) id.; *vyžlín* (gen. *vyžlínu*) = *vyžlina* ‚ausgefleischte Schnauze eines Hundes‘; alle diese Wörter s. Rank, Wb. — Belege seit dem XIV.-XV. Jhte, s. *wyžle* lese: *vyžle* Prešpurský slovník.

Polnisch: *wyżeł* (gen. *wyžła*), deminutivum: *wyżełek* (gen. *wyżełka*) 1. ‚der Spürhund, Hühnervorstehhund‘; 2. ‚der Spion, der Späher‘; *wyžlica* (gen. *wyžlicy*) = *wyžliczka* (gen. *wyžliczki*) ‚die Spürhündin‘; *wyžlę* (gen. *wyžlęcia*) ‚das Junge der Spürhündin‘; *wyžlina* (gen. *wyžliny*) 1. ‚ausgefleischte Schnauze eines Tieres‘; 2. ‚Hundekopf‘, *wyžlin* (gen. *wyžliny*) (bot.) ‚Antirrhinum, Löwenmaul, Leinkraut‘; s. Konarski-Inlender, Handwb. Belege seit dem XVI-ten Jhte, s. Linde.

Kleinrussisch (ukrainisch): *vyžlića* ‚Jagavaja sobaka, fürjészó eb‘; *vyžlenjá* (gen. *vyžlenjáty*) ‚ščenok Ijagavoj sobaki‘ Hrinčenko. Nach Mikl. EtWb. 398 auch: *vyžel* und *vyžla*.

Weissrussisch: *vyžel* Mikl. EtWb. 398.

Grossrussisch: *vyžlec* ‚der Jagdhund‘; *vyžlica* = *vyžlovka* ‚der Jagdhund; weibl. Hündin‘; *vyžlok* ‚der Jagdhund‘; *vyžlik* 1. ‚der Jagdhund‘; 2. (bolan.) ‚Linaria, Löwenmaul, Leinkraut‘; *vyžlja* (plur. *vyžljáta*) ‚das Junge der Jagdhündin‘; *vyžljátnik* ‚der Aufseher über die Jagdhunde‘ s. Pawlowsky. — Alte Belege finde ich in Sreznevskij's Wb. nicht.

Wie aus den angeführten Belegen ersichtlich ist, ist das Wort — ausser dem Bulgarischen und dem Sorbischen — in allen heutigen slavischen Sprachen zu treffen, jedoch nicht in atkirchen-, ja überhaupt nicht in kirchenslavischen Texten. Es entsteht nun die Frage, ob das Wort ein Erb- oder aber ein Lehnwort ist.

Miklosich EtWb. 398 betrachtet das Wort vielleicht als Erbwort (s. darüber unten), setzt eine Grundform **vyžblz* an, führt aber aus den verwandten Sprachen nichts ähnliches an.

Bekanntlich kommt ein ähnliches Wort auch im Rumänischen, wie auch im Ungarischen vor. Das rum. Wort lautet: *vişlă* (Lexicon Budense; Tiktin; Ghetie; Varianten: *vişlă* Damé; *viļlă* Moldován, Alsófeher vm. monogr.; Puşcariu, Dacorom. III, 836) ‚canis avicularis‘. Cihac II, 459 hält es für ein slavisches, Tiktin Rum.-d. Wb. — wie es scheint — für ein ungarisches Lehnwort.

Das ung. Wort lautet sowohl in der heutigen, wie auch in der älteren Sprache *visla* (lies: *višla*) und *vizsla* (lies: *vižla*). Für das Wort haben wir reichliche Belege seit der Mitte des XIV-ten Jhts (siehe Oklevélszótár, Besztercei szójegyzék, Nyelvtörténeti szótár etc.). Das Wort kommt in der älteren, wie auch in der Volkssprache sowohl als adjectivum, wie auch als Substantivum vor. Als Adjectivum hat es folgende Bedeutungen: 1. ‚oculorum acie valens, scharfsinnig‘ (Belege aus dem XVI-ten Jhte, s. Nyelvtörténeti szótár; es kann in dieser Bedeutung von jedem beliebigen Geschöpfe gebraucht werden; vgl. *vizsla-szamár*, *vizsla-eb*, *vizsla-varjú* etc.); 2. ‚lebendig, flink, munter, wachsam, aufgeweckt‘ (Belege aus der Volkssprache, z. B. *vizsla-gyerek* s. Magyar Tájszótár). Als Substantivum hat das Wort die Bedeutung: ‚der Spürhund, canis sagax‘. Diese Bedeutung erhielt das Wort in der Zusammensetzung *visla-eb* ~ *vizsla-eb*, eigentlich: ‚scharfsinniger, flinker, wachsamer Hund‘ (*eb* = Hund), welche als Fachausdruck in der Jägersprache für den spürenden, stöbernden Jagdhund gebraucht wurde. Aus der Zusammensetzung *visla-eb* ~ *vizsla-eb* wurde dann durch Ellipse, ähnlich wie im Deutschen *Bock* in der Bedeutung ‚Bockbier‘ aus *Bockbier* einfach *visla* ~ *vizsla* ‚der Spürhund‘.

Nun können wir das Wort aus dem Ungarischen, respektive aus den verwandten finnisch-ugrischen Sprachen sowohl morphologisch, wie auch etymologisch einwandfrei erklären.

Morphologisch hatte Ignaz Halász das Wort schon im Jahre 1883 in der Zeitschrift Magyar Nyelvőr XII. 57 erklärt. Gegenüber Miklosich, der Leschka's Elenchus (erschieden Budae, 1825) folgend, in der Abhandlung „Slavische Elemente im Magyarischen“ das ung. *visla* ~ *vizsla* für ein slavisches Lehnwort hielt, und gegenüber Josef Budenz, der ähnlicher Meinung war (siehe Nyelvtud. Közlemények VI. 315, Jahrgang 1867; XXII, 411, Jahrg. 1890-1892 < russ. *выжля* = *vyžl'a* ‚junger Jadhund‘), wies er nach, dass *visla* ~ *vizsla* ein ungarisches Derivatium ist, und zwar ein Nomen agentis (daher die attributive Verwendung) aus dem Verbum *visl-* ‚spüren, stöbern‘. Das Verbum *visl-* wird auch heute in *vislat* ~ *vizslat*

herumspüren, stäubern' gebraucht. Die Wurzel *vis-* finden wir auch in der Ableitung *vizsgál* (assimiliert aus **vis-gál*) ‚forschen, untersuchen, prüfen‘. Was das Suffix *-a* im Worte *visla* ~ *vizsla* betrifft, verweise ich auf ähnliche Derivata, welche ebenfalls Nomina agentis et acti sind: *varga* ‚der Schuster; der Gerber‘, eigentlich ‚Näher‘, aus dem Verbum: *varr-* ‚nähen‘, Frequentativum: **varg-*; *morzsa* ‚das Krümchen, der Brösel‘, aus dem Verbum: *morzs-*, vgl. *morzsol* ‚bröckeln, bröseln‘.

Diese Auffassung der ungaßischen Wissenschaft blieb auch Miklosich nicht unbekannt, daher schrieb er in seinem Etym. Wb.-e (erschieden 1886) sub voce *vyžblъ*: „magy. *vizsla*, *visla*: das Wort soll von *vizsgál*, *vizslat* scrutatur stammen, und auch deshalb nicht slav. Ursprungs sein, dass *vyžla* nur č. vorkomme“. Ob Miklosich die slavischen Wörter ungarischen Ursprunges hielt, wie ihm dies von Gorjajev, Sravn. etim. slovarj 58, ferner von Preobraženskij, Etim. slovarj 103 und Iljinskij, Izvjestija otdj. russk. jaz. Rossijskoj Akademiji Nauk 1918. Tom XXIII. Kn. I, 130-131 zugemutet wird, erhellt aus den zitierten Worten nicht. Im Gegenteil. Sein „soll“ deutet darauf, dass er von dem ungarischen Ursprunge des ungarischen Wortes nicht überzeugt war.

Wie ich oben bemerkte, ist das ung. Wort auch etymologisch klar. Von den verwandten Sprachen hat das mordwinische ein entsprechendes Verbum. Im Mordwinischen haben wir das Verbum *vešems* (Varianten: *vašims*, *vešams*) ‚bitten, verlangen, suchen‘, dazu das Frequentativum: *vešnams*, *vešandams* ‚suchen, sprühen, untersuchen, verfolgen‘, siehe Paasonen, Mordwinische Chrestomathie 154; Budenz, Magyar-ugor szótár 591). Die mordwinische Wurzel *veše-* wird von Budenz, Magyar-ugor szótár 591 mit der ungarischen Wurzel *vizs-* in *vizsgál* ‚untersuchen, prüfen‘ für verwandt gehalten.

Aus dem Angeführten ist zu ersehen, dass das ung. *visla* ~ *vizsla* sich aus dem Ungarischen, respektive aus den verwandten Sprachen sowohl morphologisch, wie auch etymologisch einwandfrei erklären lässt.

Nun entsteht die Frage: in welchem Verhältnisse steht das ung. Wort zu den oben angeführten slavischen Wörtern?

Miklosich — wie ich oben bemerkte — betrachtet das Wort in seinem EtWb.-e eher als Erbwort, obwohl er sich in diesem Sinne nicht mit ausdrücklichen Worten äussert. Auch führt er aus den indogermanischen Sprachen nichts ähnliches an. (In seinen Slav. El. hält er das ung. Wort für slavisches Lehnwort, s. oben). — Gorjajev, Preobraženskij (s. oben) hielten die slavischen Wörter für ungarisch. — Oskar Asbóth, der die ungarischen Wörter slavischen Ursprunges wiederholt behandelte, war vom slavischen Ursprunge des ung. Wortes nicht überzeugt (vgl. Asbóth O.: A szláv szók a magyar nyelvben. Budapest 1893, 34).

Zuletzt untersuchte Iljinskij die slavischen Wörter (s. Izvjestija otdjelenija russk. jazyka i slov. Rossijskoj Akademii Nauk. 1918. Tom XXIII. Kn. I: 130—131). Er sucht folgendes nachzuweisen: Im Urslavischen hat

es ein **vyzъlъ* gegeben, welches nach dem Zeugnisse der lebenden slavischen Sprachen ‚canis sagax, Spürhund‘ bedeutete. Wegen dieser Bedeutung verknüpft er das Wort mit dem lat. *vigil* ‚wachend, munter, nicht schlafend → Wächter ~ wachsam, aufmerksam‘: aus **vegili-s*: zu *vegeo* ‚munter sein, lebhaft sein‘; trans.: ‚erregen, in Bewegung setzen‘; *vigeo* ‚lebenskräftig sein, in voller Kraft und Frische sein‘ (s. Walde, EtWb.²). Auch das lat. *augeo* ‚wachsen machen, vermehren‘ zieht er hierher¹ und so kommt er zu einer Basis **veg-*, **aeg-*, zu welcher die Reduktionsstufe **ug-* wäre. Dieser Stufe würde im Slavischen **yz-* > **vyz-* entsprechen, mit dem Suffix *-lъ*, eventuell mit *-li*: **vyzъlъ*, eventuell **vyzъlъ*. Und nun lasse ich den Originaltext folgen:

„Ничто не запрещаетъ намъ думать эта форма (zu verstehen ist: **vyzъlъ*) измѣнила свое *z* въ *ž* подѣ влияніемъ дублета **vyzъlъ*, гдѣ *z* смягчилось въ *ž* подѣ влияніемъ слѣдующаго мягкаго *l*, — совершенно такъ, какъ измѣнилось *s* въ *š* подѣ воздействиемъ того же звука въ общесл. *kašъlъ* изъ **kasъlъ* (ср. дц. *kašъlъ* и пр.). Впрочемъ, переходъ звука *z* въ *ž* могъ совершиться и на почвѣ отдѣльныхъ слав. языковъ, именно въ ту эпоху ихъ развитія (XII-XIII в.), когда такъ называемые „слабые глухіе звуки“ стали выпадать въ открытыхъ слогахъ: изъ косв. падежей: **vyzъlja* > *vyzъlja*, **vyzъlju* > *vyzъlju* и т. п. звукъ *ž* съ теченіемъ времени былъ перенесенъ въ именительно-винительный падежъ **vyzъlъ* > *vyzъlъ*“.

In seiner weiteren Betrachtung sagt Iljinskij, urslav. **vyzъlъ* oder **vyzъlъ* sei ursprüngliches, daher indogermanisches Gut, wogegen das ung. *vizsla* serbischen Ursprunges ist (serb. *vizъlja* > ung. *vizsla*). Nach Iljinskij kann von einem ung. Ursprunge des slav. Wortes auch deswegen nicht die Rede sein, weil das slav. Wort fast in allen Slavinen vorhanden ist, also ein gemeinslav. Wort ist.

Ich glaube, auf die — übrigens gestrichen — Ausführungen Iljinskij's mit folgenden Bemerkungen erwidern zu dürfen:

a. Es gibt slavische Wörter ungarischen Ursprunges, welche in mehreren, manchmal in allen slavischen Sprachen vorhanden sind, vgl. z. B. *hâm*, *hasan*, *chър* bei Bern. EtWb.; *hâtâr* s. Bern. EtWb. und J. Melich: Magy. Nyelv Jahrg. 1930: 161-167; russ. *šaterо* s. Melich: Zeitschr. f. slav. Phil. IV, 94-103 usw.

b. In den slav. Sprachen hat das Wort nicht nur den Anlaut *viž-*, *vyž-*, sondern auch *fiž-* (vgl. serb. *fižlîn* in der Gegend von Cattaro und Budua s. oben) und in der älteren Periode einzelner slav. Sprachen auch *viš-* (s. die Formen: *vishil*, *višla* und halte dazu auch rum. *višlă*). Ein Wechsel vom Anlaut *v-* ~ *f-* pflegt im Serbischen eher im entlehnten, als im ursprünglichen, also idg.-en Gute vorzukommen, vgl. *figânj* < *vigânj* Vuk³ und ung. *viganó*. Auf den Wechsel *ž* > *š* vor *l* oder *l'* kenne ich aus den slav. Sprachen kein Beispiel.

¹ Nach Walde, EtWb.²: „*Vegeo, vigil* usw. hat fernzubleiben“; s. auch Walde, EtWb.³ *augeo*.

c. Auch semasiologisch ist die Etymologie: lat. *vigil*, lat. *augeo*: Wurzel: **uġ-*, **auġ-*: **uġ-*: urslav. Wurzel: **yz-*, **vyz-*: **vyzlb̃* ~ **vyžel̃*, **vyzlb̃* ~ **vyzlb̃* kaum richtig. Die Wurzelbase **uġ-* könnte nur Träger einer Bedeutung sein, welche etwa ‚munter, wachsam, lebhaft sein‘ war. Diese Bedeutung erhellt aus den Bedeutungen der slavischen Wörter nicht. Die Bedeutungen sind: 1. ‚canis sagax, der Spürhund‘ (vgl. in dieser Verwendung auch čech. *slídník* ‚Spürhund‘; poln. *nasladnik* id. Mikl. EtWb. *slédz̃* ‚Spur‘); 2. ‚canis avicularis, Wachtelhund‘; 3. überhaupt ‚canis venaticus‘ > ‚Jagdhund‘. Bei der Benennung der Haus- und Schäferhunde kann die Vorstellung ‚wachsam, munter, lebhaft‘ die Hauptrolle spielen, bei der Jagdhunde kaum (vgl. z. B. die lat. Namen einiger Jagdhunde: *canis investigator*, *vestigator*, *c. leporarius*, *c. odoriferarius*, *c. ductor* im Mittelalter).

d. Auch morphologisch ist die Etymologie nicht einwandfrei. Eine einheitliche Form des Suffixes *-l-* gibt es für die slav. Wörter nicht. Das slovak. *vyžla* ‚der Spürhund‘ könnte nur mit einem *-blā*, dagegen das serb. *vīžlja*, soweit es in dem Sinne ‚der Spürhund‘ im Serbischen gibt (angenommen von Iljinskij, in Wbüchern nicht zu finden, s. oben), nur mit einem *-blja* Suffixe gebildet sein. Hier bemerke ich, dass Iljinskij's Beispiel *kašlb̃* für *-lb̃* Suffix kaum richtig ist; *kašlb̃* wird mit *-lio* Suffixe erklärt (s. Vondrák, Vgl. Gr. I² 567).

Meiner Meinung nach ist Iljinskij's Etymologie misslungen. Die slav. Wörter *vīžao* ~ *vīželj* ~ *vīžel* ~ *vyžla* ~ *vyžel*, *fizlín*, *višel*, *višla* etc. hängen mit dem lat. *vigil*, *augeo* etc. nicht zusammen. Auch wird es kaum jemandem gelingen, die slav. Wörter mit irgendwelcher indogerm. Wurzel einwandfrei zu verbinden. Demgegenüber ist es zu betonen, dass die Etymologie des ung. Wortes sowohl inmitten des Ungarischen, wie auch des Finnougrischen einwandfrei ist. Da es nun unwahrscheinlich ist, dass die Identität der slav. und des ung. Wortes sowohl in der Lautform, wie auch in der Bedeutung ein Zufall wäre, sind wir gezwungen anzunehmen, dass die slavischen Wörter letzten Endes ungarischen Ursprunges sind. Dies unterstützt auch die Tatsache, dass auch das rum. *vișlă*, *vijlă* ein ung. Lehnwort ist.

Nun erkläre ich die slavischen Wörter auf folgende Weise:

Das ung. Wort *višla* > *vizsla*, in welchem das *i* ursprünglich velar, also ähnlich dem slav. *y* war, ist in das Slovakische, in das Slovenische, in das Serbische und Kroatische als *vyžla*, *vižla*, *višla*, *vīžlja* entlehnt worden. Obwohl es in den slavischen Sprachen Masculina *a*-Stämme gibt, wurde dieses Wort in einigen slavischen Sprachen als Femininum empfunden, daher bildete sich ein Masculinum *vīžao* < *vīžal* ~ *vīželj* ~ *vyžel* ~ *vīžal* dazu, etwa nach Analogie *kīśao*: *kīśla* und ähnlicher Adjectiva. So entstand z. B. im Čechischen auf Grund von **košuta* (vgl. *košuta* ‚cerva‘) im Altčech. und Slovak. *košut*, *košūt* ‚Bock‘ (s. Bern. EtWb.; Kálal, Slov.

slovník). Im Polnischen könnte das Wort *čechischen*, im Russischen polnischen Ursprunges sein. Die slavischen Weiterbildungen wie *vížle* (gen. *vížleta*), *wyžlica*, *výžlec* etc. bedürfen keiner näheren Erklärung.

Ich halte also die slavischen Wörter für ungarische Lehnwörter. Meiner Meinung nach können die slavischen Wörter im Urslavischen nicht vorhanden gewesen sein.

Budapest

Johann Melich

Kratka karakteristika slovenskega narečja na Dolenjskem

Dolenjsko narečje slovenskega jezika je v marsikakem oziru važno; že na prvi pogled moremo zapaziti, da je po svojem obsegu eno izmed najobsežnejših slovenskih dialektov; da je ohranilo točno razlikovanje med različnimi intonacijami; da vlada v njem neka posebna mirnost, rekel bi skoro počasnost. Za vse to morajo tudi biti posebni vzroki, ki jih pač ni iskati drugje kot v načinu življenja na Dolenjskem sploh; ta način življenja pa zavisi predvsem od zemljepisnih prilik. Kdor je hodil po dolenjskih gričih in dolinah in opazoval življenje in nehanje Dolenjcev, mora opaziti, da bije isti ritem, ista žila tudi v dolenjskem narečju. Za slovenski knjižni jezik pa je dolenjsko narečje še posebej važno; sprva je itak to narečje bila knjižna slovenščina (Trubar, Dalmatin, Znojilšek, Bohorič), ki so jo polagoma pričeli pregnetati in preoblikovati drugi dialekti; pa tudi pozneje, ko je že gorenjščina dobila premoč v knjižni slovenščini, so vanjo pritekale važne in pomembne dolenjske posebnosti (Levstik, Jurčič, Stritar, Škrabec).

Razume se, da današnji dolenjski dialekt ni nikakršna enota, marveč da ima več govorov; ali ni težko dognati, da te različnosti potekajo iz enakšne in iste starejše razvojne podlage, ki je že takrat bila izkazana kot dolenjska t. j. kot različna do sosednjih dialektov (do notranjskega, gorenjskega in štajerskega); morda ne vedno, a takrat gre za enakšno splošnoslovensko podlago, ki je doživela šele pozneje posebno dolenjsko razvojno usmerjenost. Da pa meje tega kot sploh vsakega dialekta niso nikakršne neprodorne in neprehodne fronte proti sosednjim narečjem, tega seveda ne smemo pozabiti. Če imamo pred očmi bistvo dolenjskega govora in se zavedamo pravičnega pojmovanja izraza „dialektična meja“, potem moramo postaviti meje dolenjskega dialekta tako-le: na zapadu sega dolenjščina do črte Snežnik — Javornik — Rakek — Unec; njegovo severno mejo tvorijo široki gozdni pasovi pod Logatcem, potem Ljubljansko barje in pa dokaj široko, še danes malo obljudeno gričevje ob Savi; na vzhodu je odprta savska dolina od Zidanega mostu do Velike doline še dolenjska; južna meja pa so Gorjanci in pa severna meja kočevskega nemškega otoka.

Ali, kakor sem že rekel, to so meje nekdanje dolenjščine, preden se je razčlenila v današnje govore; so to meje skupne dolenjske jezikovne baze, ki se tudi danes še javlja v važnih lingvističnih faktih, kakor so: enakšen razvoj akcentuiranega in neakcentuiranega vokalizma (pri čemer nas ne sme motiti eventualna razlika v pravkar izkazanem rezultatu); isto-

vrstno poudarjanje in modulacija govora (akcentska kvaliteta, ritem, melodija, kvantitetno razmerje). Po tem, kako daleč se je v tem ali onem pravcu do danes razvila nekdanja skupna dolenjska baza, moremo razlikovati v glavnem štiri dolenjske dialektične variante: 1.) zapadni govor zavzema dokaj ozek pas ob zapadni meji na črti Plešivica — Preserje — Borovnica — Cerknica — Lož (obsega tudi še Rakitno in pokrajino Menišijo med Rakitno in Cerknico); 2) centralni dolenjski govor se razprostira odtod na vzhod do trebanjskih gora t. j. do črte Zaplaz — Medvedjek — Lisec — Golobinjek — Novo mesto — Mehovo; 3) vzhodni govor se govori ob spodnji Krki (do Kostanjevice) in ob njenih pritokih Senušanki, Lokavcu, Račni, Radovlji in pa v dolini reke Mirne; 4) v savski dolini imamo posavski dolenjski govor, ki polagoma in postopoma dobiva čedalje več štajerskih elementov. Najpomembnejša je razlika, ki jo zaznavamo na robovih med centralnim in vzhodnim govorom; vzhodni govor je namreč izredno počasen in zategel, ritem ne kaže skoro nobenih občutnih menjav; artikuliranje je nasploh ne-intenzivno, leno in zato nastajajo iz prejšnjih ozkih in napetih monoftongov široki, nenapeti diftongi; odtod današnja velika razlika *nôuč*: *nûč* za *noč* itd. pri nekdanjem skupnem dolenjskem *nûč*.

Glavne značilnosti dolenjskega narečja, ki jih hočemo zdaj podati; bodo obenem pokazale, da je kljub današnjim različnostim prvotna podlaga bila enotna, recimo splošno dolenjska in prav to še danes spaja vse te govore v éno narečje. Sproti hočemo omenjati še nekatere manj važne, a vendar značilne lokalne posebnosti in odtenke.

1) Izgovor čolenjskega dialektja je počasen; pavze so zelo zaznatne; dolžine so razločne, kračine pa so omejene le na kratko akcentuirane zloge, tuptatam na neakcentuirane posttonične, dočim so predtonični zlogi običajno jasno nadkračinski.

2) Celotni glasovni karakter je indiferenten; dolenjščina se izogiba napeti artikulaciji; vsi vokali, pa četudi so dolgo poudarjeni, so komaj slabo napeti; visoka jezična lega je temu dialektu tuja, namestuje jo nižana varianta.

3) Izredno točno je razlikovanje med padajočo in rastočo intonacijo in to v dolgih in kratkih zlogih (rastoča kračina je omejena na diftongične zloge na pr. *uàk₁ə* < *òkno*, *čàrn* < *čr₁n*, *po₁ñ* < *pótn* itd.). Dolgo poudarjeni zlogi imajo dvovršne akcente tako glede ekspiracijske sile kakor glede muzikalične višine. Zlogi pod ' imajo nizek ton; spočetka ton celo pada in šele po prvem intenzitetnem višku, ki mu sledi kratka tonična uravnanost, se pričinja rastoče dviganje. Neakcentuirani (posebno predtonični) zlogi so v muzikaličnem pogledu visoki, da, običajno so višji kot akcentuirani. Za primer navedem stavek iz centralnega govora z označbo njegove intonacijske linije:

šterakanmə kù₁ñ₁ nà₁ zə glièdat ne zùqbe.

— — — — —

.....

4) Za $\partial < \bar{v}$, b ima dolenski dialekt v dolgih zlogih \bar{a} (kakor gorenjski in zapadni slovenski dialekti); v zapadni dolensščini je ta \bar{a} kot etimološki \bar{a} ponekod lahko zaokrožen. V kratkih zlogih je ∂ ohranjen; dolenski ∂ je srednjejezični vokal, tvorjen že v zadnjem pasu osrednje ustne votline z lahnim pridvigom jezične ploskve; njegova tvorba je nenapeta, nijansa je odprta.

5) Vokal \bar{o} (iz \bar{d} in \bar{o} -) je v dolensščini prešel v \bar{a} : *múst, bûx, úkna, kûla*, gen. pl. *wút < vodz, otrúk, dú* ali *gdú < kztó*. V vzhodnem govoru prehaja ta \bar{u} preko \bar{a} (tako na pr. v Trebnjem), **uu* v *uq* (v Mokronogu), *oq, ou* (\bar{u} je odprto tvorjen): *prásû, pûlq, kakûš* (Dobrnice); *pûsada, takû* (Trebnje); *ûqs < *ûz, vozz, zgûon < zvonz, atrúqk* gen. pl., *teštôq, nebôq* (Mokronog); *puûdn < povodenj, akôl < *okûli, okoli, pa pôl < po polju* (Bučka, Radovlje; k pojavu $\bar{o} < oq$ prim. še *prûv > prûu, prou > pró; dôl > dou > dô*); *blou < bylo, akou < oko, nous, koust, boux < bogz* (Št. Jernej).

6) Kratki poudarjeni ali nepoudarjeni o je lokalno zastopan na različne načine:

a) kratko poudarjeni, predtonični in posttonični o je prešel v a (popolno akanje) v pasu Borovnica — Preserje — Ig — Grosuplje — Višnja gora, odtod v južnozpadni smeri na Velike Lipljene, Raščico, Rob, Velike Lašče do črte Velika Slevica — Medvedjek — Retje; enakšno akanje imamo še v pasu Radohova vas — Trebnje; prim. za Raščico: *atrûk, nq ûda < vodq*;

b) tudi vzhodnemu dolenskemu dialektu je akanje svojsko, a važne omejitve so te-le: lokalno prehaja $a < o$ v \bar{d} , v predtonični poziciji pa je o za labialnimi in velarnimi konzonanti prešel v u , drugače pa v a prim. *arûxi, ablačí sâ, glabôka, rakûq, nagûo, ad asé, snûp, kûš, atrûk*; posttonično: *čez ûda, na pûsada*; proti temu pa: *mučân, kustéx, grlem u xûqsta pu n ûs drû, pumoust, gulûq, gusânca, purâslu, zguni < zvoní, kulû, kumûc, pupieû < popet, pepet; pu cást, kulân, mužgânq* itd. (Mirna);

c) v Suhi krajini je akanje omejeno le na predtonične zloge, drugod je o : *atrûkam, sadtja vâs, ap tlû, apéiša, z walí — imajo, ûdo, zâ rsníco, nâ jtvô < na njivo, sujô xíšo*; v besedi *konj* je o celo zožen zaradi sledečega i , tako tudi v Dobropolju in po trebanjskih hribih: *kûqi*; v Loškem potoku je predtonično akanje vezano na zlog, ki je neposredno pred glavnim poudarkom (*gaspût, galûq, glabök, kakûš, klabûk, karûza, iznarât < jeznorit*) in pa na posttonični zaprti zlog (*pôtak, žlteznast*; prim. *kazûc: ne kozucâ*);

č) v dolini Krke od Soteske do Novega mesta akanje ni znano: *ne rǫko, woblāk, mujo. polžāne* < Poljane; pravitako nimamo akanja v pokrajini Ribnica — Sodražica — Bloke — Menišija — Lož, prim. za Sv. Gregor: *kojn, snop, op kéjdnj, sę boif, pobírat, prosil*; Topol pri Cerknici: *wotrúk, prodānu, počās, ščirjo, šišo*; a v zaprtem posttoničnem zlogu je tudi tu *a: préstar* < *prostor, kanc* (neakcentuirano, kot prepozicija rabljeno *коньць*).

7) Vzglasni *o* dobi protetični *w* samo v zapadnem govoru: *woči, wobā, wotrúk* (Lož, Menišija); *wablāk* (Borovnica, Rakitna, Preserje); *wo-* < *o-* pozna še govor okrog Toplic: *woblāk* (Cerovec); povsod drugod slišimo le *o-* ali *a-* gl. po 6. točki: *atrāk, apāunę* (Mokronog); *akōul, ači, abarnę* (Št. Jernej); *atprāulu, ap trūex, abāt* < **obutъ, abā, ān* < *onъ* (Raščica) itd.; v primerih *uākǫ, uāgǫ* (Mokronog), *uđgi* < *ognъ* (St. Jernej) nimamo opravka s protetičnim *u*, marveč je *ua* regularni zastopnik za sekundarno akcentuirani *o* gl. točko 9.; *āče* (Mokronog), *āče* (Št. Jernej) namestu pričakovanega **uāče* < *ōče* za *otъць* sta preobrazena po *ačičeta, -a* itd.; v besedi *āus* za **uāus* < *ovъsz* je *u-* disimilatorično reduciran.

8) Novoakutirani *ò* v nezadnjem besednem zlogu (tip *kóža*) in dolgi *o* sta na vsem Dolenjskem izkazana kot *uo* (v vzhodnem govoru se ta diftong seveda dalje razvije v *uo, ua*): *kúoža, úosam, núosam*; vzh. *júa* < *njó* instr. sing., *nagúo* < *nogó, zúop* < *zqbъ*.

9) Sekundarno akcentuirani *o* (tip *nóga*) je v vsi dolenjščini prešel sprva v **o*, iz česar je nato nastal *“ó* (po labiovelarizaciji); *“ó* je zdaj po asimilaciji, zdaj po disimilaciji spočel različne lokalne reflekse; upoštevati moramo še to, da je po nekod element *“* se ojačil v *u*, nakar se je drugi diftongični element skrajšal (*uo*) in takšen *ò* je mogel po točki 6. a, b preiti v *à*; tako imamo danes za *ó* v dolenjskih govorih sledeče:

a) *ó* ali *“ó* po trebanjskih hribih in v krški dolini v pasu Cerovec Uršna sela ter v sosedni okolici Novega mesta;

b) *ua* (po akanju) na črti Borovnica — Lož in v dolini Mirne: *ruàka* < *rǫka* (z analogičnim *ò*), *xuàdu* < *chodilъ, muàlu* < *molilъ, uāče, uāknu, uāl* < *vóli, uārax* in *uār̄x* < *orēchъ, uàsa* (Borovnica); *kuàje* < *koñà, nuàga, kuàstài* < *kostañ* (Mokronog); *pu nǫàc, kǫàsa bǫàgat, guwàrt, wàl* in *srátan* < *sirotъnъ, āče, ági* < *ognъ, dāst* < *dosti* (Mirna);

c) *ǫà* v okolici Št. Jerneja: *mǫàjā* < *moja, šrǫaku*;

č) *á* v okolici Šmarjete (Lukovik, Družinska vas, Šmarjeta, Radovlje); prim. *āče, zábat* < *zobati, čláuk, wàst* < *voziti (üò) > ǫà, aà > á*;

d) osrednji pas dolenjskega dialekta je asimiliral *“ò > uó, uó* in dalje v *ó*; v mlajšem času prehaja po nekod ta *ó* po novi diftongizaciji v *úo, úa*;

tako imamo: *uo, ŭò* v Menišiji, na Blokah in na Ižanskem; *ó* v pasu Grosuplje — Velike Lipljene — Raščica — Videm — Dobropolje — Suha krajina, dalje v ribniški dolini do Sodražice—Žimanic, prim. za Raščico: *dóbrŭ, kóšę <košā, vóda, le gór sókŭ <le gorē vysoko, bógat, kóje <koñā, óče, nóga, stręxóta, sręmóta; úq* v okolici Velikih Lašč (proti jugu do Sv. Gregorja, na zapad do Roba, na vzhod do Podgorice, kjer je že *ó*, proti severu do Raščice), dalje še v Škocjanu in v Malih Lipljenah, prim. *búqžáč, dúqstŭ, kúqnc, núqrc, úqgin, púqlč <polič, úqzat <voziti, acgúqrei <odzgoraj; v* Ponikvah se čuje *ŭa: rúasa, ŭáknu, xúdat <choditi.*

10) Neakcentuirani in kratko akcentuirani *—o, —ò* v nom. acc. sing. neutr. (pri subst., adj., pron., adv.) je v dolnjščini izkazan kot *-u: mléjku, sálu, kládu <klad(i)ŭu, kladivo, bagástu; ləxkŭ, səknŭ, dnŭ; čarŭu, ŭnu; inu <ino, ku <*ko(kr), ráxkŭ <ravno ko(kr); bŭl ku tã, bába ráxkŭ n strāx; —* tuptam najdemo tudi na Dolenjskem maskulinizacijo neutra; v Borovnici je oblika z *-u* običajnejša, posebno še, če sta pred končnico dva konzonanta: *diěblu, máslu, jédru, zárnu, duábŭru*, pa tudi *ujéjlu, táku* poleg *déjil <dělo, léit, bíat; v* okolici Iga je maskulinizacija popolna: *paléjn, mléjŭ* itd.; v vzhodnem govoru imamo na pr. v Mirni poleg *stáblu, uótlu, puráslu, atáklu* tudi *řákŭ, kulán, mlák, lãp urámã, kupit, gnãest, šřák, atačãn <otečeno, arjãu, čãŭ <čelo, dáŭ <dělo, sãjãu sã m iã <sãnalo, bliskãŭ pa gãrmãŭ iã; v* Lukoviku: *žãáplu, zurálu, ráklu, neríãnu* poleg *zdrãŭ, Rači-sjãŭ <Račje selo; v* Št. Jerneju: *mlák, doŭk, čiel, ŭđkŭ;* oblike *čãŭ, sjãŭ* pričajo s svojim *-ŭ* za to, da pospešujejo maskulinizacijo morfološki razlogi.

11) Sekundarno akcentuirani *e* (tip *žéna*) je preko splošnodolenjskega *é, 'é* po različno močni disimilaciji dal sledeče današnje reflekse:

a.) *ié* v zapadnem govoru: *niésem, ta siédmã, diéleč, žiéna, čiel, žiénem; za j* imamo čisti *é: jécmen, jédru, jélen, jézak; isti* diftong imamo še v vzhodnem govoru v pasu Bučka — Leskovec — Krško — Št. Jernej, le da imata oba elementa zelo odprto nijanso (skoro *éã*);

b) vsi drugi dolnjski govori imajo *éã*, za palatali (v različnem obsegu), tuptam tudi za likvidi pa *ã* (sprednji, visoki *a*) prim. Velike Lašče: *beãdru, bręãznu, čęãlu, deãbeŭ, seãstra, reãkla, zeãlen, žeãna in iãlen, neríãnu <narejeno, striãnu <storjeno, adŭšãje <odrešenje, žãulãie <*

živoljenje (à za j, č, l'); — Raščica: *jázak, zežáne* < *zažene, žána, zedužanu* < *zadolženo*, u *dęžál* (à za j, š, l', ž); — Sodinja vas: *prti iam* < *proti njemu, roiána, učan* nom. pl., *žęuláję, p'áloų, riákla, n'ásla, veš'ále*, — Trebnje: *ráklu, ap šástax, azánu* < *oženilz, ž'áplu, jáčmen, s'ástra*; — Mirna: *dęarę, meàjä, stędęanc. u peáč, zeámle* in *iáčmen, atačan, rákl, žána, pláčę, čau, urámá* < *vręme, prášáč* < **preščič, praščič*; — Mokronog: *prášáč*, gen. *prášičá* (prim. v. Velikih Laščah: *prešáč*, v Borovnici: *priěšč*), *č'áų* poleg *čáų, prlátu*; — Cerovec: *n'ásę, riáčęm, prlátu, uláglá, dážála, ur'áme*.

12.) Neakcentuirani predtonični in posttonični ter kratko akcentuirani *e* je širok glas; njegova redukcija v *ə* dolenjščini ni lastna; v vzhodnem govoru prehaja *e* > *ä*; pod akcentom je še kolikor toliko napet.

13.) Dolgo poudarjeni *e* (iz *ě*; *ě* v tipu *rébra*; *e*) je preko *e* prešel v *ię*, v vzhodnem govoru še dalje v *iě, iä* (v okolici Bučke v *ię*): *ięstęn, liet* < *ledz, ldię* < *ljudje, x riębri, ta rmięni, čięšem, iięuše, iięsax, riębra, zięle, upatię* < *upitjé, karęiitę* < *korenjé* (Vel. Laščë); *kuraiię, grięda, grięm, žięnana* < *žénina* gen. sing. (Bučka).

14.) Dolgo poudarjeni *é* je v dolenjščini preko *e* dal *ei*; po asimilaciji ali disimilaciji med obema diftongovima elementoma so se izobrazili sledeči današnji refleksi:

a.) široki *ei* (*e* je širok, ali napet; lega jezika je srednja), pod rastočim poudarkom pogosto že rahla *e*-jevska ožina, se čuje v severnozpadnem delu (Borovnica — Ig — Grosuplje — Škocjan — Turjak — Rob — Rakitna);

b.) široki *ei* (*e* pri nizki jezični legi, nenapet) v sosednjem pasu Bloke — Sodražica — Velike Lašče — Videm — Raščica — Ponikve — Suha krajina — Cerovec; le za *i* ima *e* srednjo jezično lego: *ięis, ięizdat*, dalje v *kęidän* < **tięidän*; takšen širok *ei* imamo še na vzhodu pri Bučki in Krškem;

c.) *ai* v ribniški dolini (južno od Sv. Gregorja), v Dobropolju, Loškem potoku, Menišiji in v Ložu (po palatalih je pa povsod *ei*: *čęišnę, čęiva, kęidän*); iz ribniškega govora sega *ai* v nekaterih besedah tudi v ozemlje z *ei* na severu, tako predvsem v *náisęm* < *nęsmb, naimam* < **nęmam, neimamb, nái* < *nę(stb)* v Vel. Laščah, na Raščici; *ai* imamo še po gričih na zapad od Vel. Lašč (okrog Bamčeva);

č.) v vzhodnem govoru je *ei* preko *äę* prešlo v *ä* prim. Dobrničë: *nęmaiä, adręęzat, cęnęęš*; Dobrava (pri Dobrničah): *kolänu, trábęx, čäwä*, ali *äę* pred *č, š, ž, s, z, n*: *čäęšä* < *čręšna, čęęsta, smäęš, u säęncę*; Mirna: *aräxi, träzu, nä, bäų, čävł, mläk*, poleg *čäęšä, kläęšča, aläęšęak* <

(o)lěšnik, *dvāĕ, gnāest*; Št. Jernej: *nāsəm, smarāka, črāšĭā, māšac, smāĕ, trāba* itd.

15) *u* je v centralnem govoru prešel v *ü*, tako v Menišiji, Rakitni in v vseh osrednjih dolenjskih krajih (Raščica, Lašče, Sodražica, Loški potok, Ribnica, Videm, Dobropolje itd.); izostane pa *ū > ü*, če sosednji *i* disimilatorično vpliva: *zĕ ūĭxu < ucho, ūĭpat, ūĭsta, ūĭstət sĕ, ūĭš, ūĭzda* (Loški potok); *ūĭsta, ūĭzda, paĕŭĭšĕ* (Raščica); *vūsənje > *vūsĭne* in po disimilaciji med *v-* in elementom *u* v glasu *ü* je nastalo *vĭsĭne* (Ribnica), enako *ņĕvĭmān < neumen*; v Dobropolju, kjer sicer imamo *ü*, je v primerih kakor *miūĕa < mucha, driūgu, tiūku < toliko* itd. *u* radi sekundarnega *i* ostal (drugače pa imamo pravilno *ūžna < üžina, južina*; prim. še v Loškem potoku *ünac < junac, ūtrā < jutri, ūrā < Jurij*); sekundarni *ü < u* za *o* po točki 5. je nastal ali po asimilaciji na sledeči istozložni *i* ali pa po preglasu pred *i*-jévskim zlogom: *moj > müi* (Borovnica), *> müi* (Raščica); *kó·liko, tóliko > küik, tüik* (Borovnica) *> küik, tüik* (Raščica), *kük* (Lašče), ali *külku, tülku, nülĕk < enolik, nülšən* (Loški potok).

V vzhodnem govoru je *u* doživel isti razvoj kot *u < o* gl. točko 5.; zanj imamo *ū, uu, uĕ, ou, ō* prim *būca* (Trebneje); *čālūĕst, karūĕza, ščūĕka, dūĕša* in *dōuša* (odprti *u*) v Mokronogu; *lōupca, dōuĕ, klabōuĕk, damōu < domū < domou < domov* (Šmarjeta — Št. Jernej); *sōkiā < suknja, lōkiā < luknja, kōĕiā < kuhinja, lōbga < ljubega, krōlava, drōzga, domō* (Bučka).

16) Dolgo poudarjeni *i* je povsod ohranjen, le v vzhodnem govoru doživi enakovrsten razvoj kot *ū*; preko *i* se diftongira v *iĭ, iĕ, ĕi* (z odprtim *i*); v diftongu *ĕi* je *ĕ* lokalno različen: tu je napet, tam nekoliko na znotraj artikuliran in zveni kot *ō* (napeta tvorba); prim. *aĕi, ušĕpnu, sĕ kadĭ* (Dobrnice); Mokronog-Šmarjeta: *tĕi < ty, uĕi < oĭi, krĕi < kry; šenĕca > pšenica, kušĕca, ĕĕišā < chyša, krĕiš < križ*; Št. Jernej: *vōincā < vinĕce, žvōizgaiā, vĕlōika, pĕišā < piše, Brsnĕcā, lāsĕca*; Bučka: *svĕiā < sviņa, iāva < nĭva* (razločevanje med *i* in *ĕ* je po nekod komaj možno, le subjektivno).

17) Dolgo poudarjeni *ā* je neizpremenjen; samo v zapadnem govoru doživlja rahlo zaokroževanje: *gd'ua, bāba, fānta*; pred *ā* se *l* velarizira v *l̥*.

18) Preglas *-ĭa > -iā* (v vzhodnem govoru), *-iĕ* (drugod) je po Dolenjskem zelo razširjen (*hiša > ĕišā*); samo v Suhi krajini in ob Krki od Soteske do Novega mesta ni znan.

19) *l'ā, nā* dasta po asimilaciji *l'ā, lĕā, lā*; ta pojav je v glavnem omejen na isto ozemlje, kjer imamo *ū > ü* gl. točko 15., dalje še na jugu pri Toplicah: prim. *iblĕāna < Ljubljana* (Raščica); *pĕlĕā, vĕlĕā* (Velike

Lašče); *Poljānā* < *Poljane* (Cerovec); *l̥blāna, sāinālu sā_m iā* (Ribnica); *l̥ablāna, Dēbēlāk, Mṛtnāk, sṛnāk, pēlā* (Loški potok); *Vṛblēānam* (lg); — *neāpāx, zēāslan* < *zaslōn* ne spadata semkaj (< *nepūx* gl. točko 20.), prej že *preālca* < *pralica* (Ribnica), kjer je na prehod *a* > *e* vplival *r* (prim. *mrēs, strāxū*).

20) V zapadnem (le v borovniškem predelu ne) in v centralnem govoru, pa v Suhi krajini je *a* prepozicij (prefiksov) *na, za, nad* (v neakcentuirani legi) prešel v *ē*: *nežāi, neprēi, nērūqbe, zēstūqin, ne strēiḡa, neḡaiat, zēcvilt, nešū* < *našat*; prim. že pri Trubarju: *neshil, nedluga, feshla* itd.; pojav je že dokaj star, kajti *neāpāx*: *nepūxa, zēāslan; zēslūqna, zēāšu, zēācēt zēčīqū* itd. pričajo, da je starejši kot premik akcenta v tipu *ženā*; gre tu pač za asimilacijo *ā* > *ē*, sproženo po dentalnih glasovih pred *ā*, obenem pa so mogle vplivati še druge prepozicije z etimološkim *e*, z *e* < *ē*, z *e* < *a*, po *r* (*pre, pred, brez, prez, čez, rez* < *raz* prim. *strāxū, drāḡi, prāšāl, mrēs, prāsīq* < *prasē*): *rā* > *rē* pozna tudi vzhodni govor: *rāscāxūiā* „er schreit“, *prāsū* < **prasū*, *prosō* (Dobrnice), *prāsōū* (Št. Jernej).

21) Za vokalični *r* ima vsa doljenjščina v dolgih zlogih *ar*, v kratkih pa *ar*: *sārm̄t, gārm, tārda, čār̄n* ali *čār̄n*, *pāršī, vār̄tāt, u kār̄vā*; v ribniškem govoru je vokalični element nekakšen *q*, v Suhi krajini pa je dolg: *x wār̄bi, u Kār̄ko, dār̄žu*.

22) Za nekdanji *t* v dolgih zlogih čujemo zdaj *ou*: *čōun, vōuk, vōūna, dōuga*; v neakcentuiranih zlogih je zdaj *u* (*dugā, dužnā, iābuk, iābučnāk, suziē*), zdaj *ou* (*wōuntēnu, spouznīlu, moučīm, wōukā, koukūvi, souziē, doužān*); oba refleksa imata isti izvor: *ou* naglašanih zlogov se je analogično vnesel tudi v nenaglašene in če se je to zgodilo zgodaj, je *ou* prešlo v *u* (prim. *sudāt* < *sōdat*), če pa pozneje ali še zdaj sproti, potem ostane *ou*; edini jasni primer za regularni razvoj kratkega *t* je *iābuk* in ker *‘u—*ni reduciran, ga moramo smatrati za asimilacijski produkt dveh diftongičnih elementov: *jābtko* > *jābətko* (prim. pri Dalmatinu: *jabelk, jabelk* gen. pl.) > *jābutku* (pri Dalmatinu: *jabulka*), *jābuuḡu* > *jābuk(u)*; — za *stnce* najdemo v doljenjščini različne oblike: pravilno *sōuncē* (Sobočevo pri Borovnici, Loški potok); običajna doljenjska oblika pa je *sōncē* (po redukciji *t* ali *u* pred dvema konzonantoma); *sūncē* (v ribniškem govoru; nastalo iz *sōncē, sōuncē* po asimilaciji *un* event. tudi še *tn* > *nn, n*) in s tem identično vzhodno *sōuncē* (Št. Jernej) z *ou* < *u* po točki 15.

23) *n̄* v doljenjskih govorih nima enotnega zastopnika; zanj imamo:

a) v zapadnem govoru *in* za intervokalični in končni *n̄* (na koncu zloga), drugače pa *n*: *kā̄in* < *koñb*, *kuā̄ine* < *koña*, *muā̄šne* < *mošbña* (vzhodna meja tega pasu teče od Plešivice na Podpeč, Rakitno, Rob, Sodražico, Ribnico);

b) v sosednjem predelu Raščica—Velike Lašče je bil razvoj sprva isti (*in*:*n*), nato pa je intervokalično (deloma tudi končno) *in* prešlo v *ī*

prim. za Vel. Lašče: *nešlā̄iāt*, *žā̄ie*, *kū̄qie*, *pū̄ie* < *po-njo*, *sā̄ie*, *svī̄ie*—*kā̄in*, *kū̄in* gen. pl., *kū̄ostā̄in*, *um̄in*, *ū̄qgin*, *pā̄in* — *čē̄išne*, *lū̄kne*; na Raščici:

kō̄ie < *koña*, *mā̄i*, *pū̄i* (nazaliran je ves zlog), *mō̄šne*;

c) v vseh drugih dolenjskih govorih je *n̄* v vsaki legi prešel v *ī* in

po izgubi nazalnosti v *i*: *m̄i* < *m̄ñe*, *iā̄m* < *njemu*, *zeštū̄qi*, *rā̄jen* < *rañen*, *pār ō̄giā*, *kūoi* (Suha krajina); *kuā̄ie*, *mā̄iou* < *mē̄njat*, *kuā̄stā̄i*, *čā̄siā*, *kā̄miā*

< *kamenbje*, *ā̄gi* (Mokronog); *igōu* < *njegov* (Lukovik) itd.;

č) v okolici Krškega govore *in*:*n*, prim. *pā̄in*, *sā̄ine*, *čē̄išne*, *sūkna*, *ō̄gan*.

24) *l'* je povsod podan kot *l*; za nekdanje *la* ima dolenjščina *la*, le osamljeno je *ya* (Golo pri Želimljah, Sarsko, Dolnja Slivnica, Št. Jurje, Velike Lipljene (tu govori *ya* samo še stara generacija), dalje še Stari in Novi kot pa Prezid).

25) Sekundarnega *dl* v dolenjskih govorih nimamo: *bōu* < *bodl̄b*, *pō̄u* < *padl̄b*, *sū̄* < *sē̄dl̄b*, fem. *buā̄la*, *bō̄la*, *pā̄la*, *sē̄ila* itd.

26) Dolenjščina rabi le kratki infinitiv: *bā̄st* < **bostb*, *rē̄ct*, *um̄rt*, *st̄rt*, *guā̄rt* < **gorē̄tb*, *sluā̄nt*, *žiūt* < *živē̄tb*, *kuā̄dat*, *sādāt*, *garmāt*, *iskūt*, *lā̄gāt* (Borovnica); *svē̄ituāt*, *kapuāt*, *klē̄buāt* (Vel. Lašče); *žēt*, *ž̄rt*, *klēt*, *guuā̄rt* (Mirna).

Zdaj hočemo pa navesti še nekaj ali splošnih ali pa lokalnih dolenjskih posebnosti in zanimivosti, ki sicer ne segajo tako globoko v jezikovo življenje kot dosedanje, a niso nič manj značilne za dolenjščino v razmerju do drugih slovenskih dialektov.

27) Akutirani izglasni *-ou̇* se je asimiliral v *-ú*: gen. pl. *walú*, *sənú* (v 16. stoletju še *synou*, *udou*); *damú* < *domovb*; ali *ou̇* < *t* ostane (*koū̇ca sē̄ mā*; v tem je videti časovno in kvalitetno razliko med obema *o*; *ou̇* < *t* poteka iz začetka 16. stol., torej imamo takrat *ou̇*:*ou̇* za današnji *ú*:*ou̇*); v primerih kakor *igȯu* je *ou̇* analogično vzdržan po *igō̇ua* in po adj. pos.

28) V centralnem govoru se je v deklinaciji pron. *moj, tvoj, svoj* oblika nom. sing. masc. uporabila za osnovo; po *múi* je **moi(i)ga* gen., *mojã* fem. preoblikovano v *muigã*, *muju* (pri Trubarju *muiga, muimu, tuia, suim*); lokalna asimilacija rodi še *ui > üi* in po razokroženju nastane končno *ii* (oksitoneza je kaj pogosto ohranjena); v Ribnici: *múja, túja*; v Suhi krajini: *múi, mujo, sujë*; Lukovik: *tujã, muië* nom. pl. fem.; Mirna: *múi, muiã* žd'na; Vel. Lašče: *múi, mtië < müië, túi, ttië < tvojã*; Rob: *múi, miü, mië*; Raščica: *mli < müi, miga < müigã, mima < müimü*, fem. *mië*, acc. sg. fem. *siië < svojo*; Žimarice: *u müim skadnã, müië xiše*; Loški potok: *miü, tiü*, v zapadnem in vzhodnem govoru imamo pa pravilne oblike: *muãje < moja* (Borovnica), *m'óia* (Bloke); *moãã* (Št. Jernej).

29) V centralnem in vzhodnem govoru se je *ə* pred istozložnim *ñ* razvil v *i*: *samãñ > samin* (Vel. Lašče, Ribnica, Loški potok); Vel. Lašče: *úgin, paudin, mñ(e) > umin; skadin*; za vzhodni govor prim. za starejšo dobo, ko je bil *ñ* še ohranjen, pri Dalmatinu *symin, synme, synmeh = simün, sínme, sinméix* (v nom. sg. je *i* v prvem zlogu po istem zlogu cas. obl. analogično prevzet), danes pa *sami* (Videm), *sami* (Mirna), *sami*, *mi < mñe* (Trebnje); *agi* (Mokronog), *ógi* (Videm), *uđgi, piđdi < pedñb* (Bučka); v cas. obl. *simã, ap sami* (Vel. Lašče), *s simü* (Mirna). V primerih *známije* (Raščica), *kãmine, visine* (Ribnica), *usine, wungile* (Loški potok) je *i* nastal iz *iñ* (*eñ > eñn, iñn*) ali pa po asimilaciji *ə > i* (*əl' > il', il', il* prim. *póstel'a > postil'a, póstla*). Za moderni *ə > i* prim. *ist < iäst, *jëstb, paist* (Raščica); *inãk < junak, iníca < junica, dobru itrü*; dalje še *je > i*: *ilã, ilte < jeli(te); i, ita, ite < jej(te); iza < jeza, izãn, rezizãt, iznarãt* „zornmütig“ (Ribnica, Loški potok).

30) Moderna vokalna redukcija je omejena na ekspiratorično zelo šibke zloge; po nji imamo *i, é, u > ə* na zapadu, v centru pa *u > ə, i, é > i* (posebno v končniških zlogih) ali tudi *ə*: *sãt, xãtãt, tãrdni, umãrli, patãrpi, u kãrvj, kãrxlj* itd.

31) Skupina *šč* se je asimilirala v *š* le v borovniškem in posavskem govoru; drugod je *šč* ohranjeno, le pred veččlensko konzonanco imamo *š*: *pagriëpsna, réjušna* (Vel. Lašče); v *prešičã, prãšãc, prãšãc* se je *šč — č* disimiliralo v *š — č*.

32) *črë-, žrë-* je obdržalo *-r-* le v ribniškem govoru in ob spodnji Krki: *črëiva, črpina, žrbjë, črõvõl* (Vinice nad Ribnico); *čreptiã, črãšã* (Bučka); *žrbjë, črãšã* (St. Jernej); v Loškem potoku govore *čõul, čëida*, a *žrbjë* poleg *žãbë*; oblika *čõul, čõul < črëvõl'b* je lastna centralnemu govoru

in pasu Bloke — Lož; nastala je po skrajšanju diftonga ($e\ddot{u} > \ddot{e}u, \ddot{a}u, \ddot{o}u$; prim. na Gorenjskem $\ddot{a}u > \ddot{a}u, \ddot{o}u$ v *mroula* < *mraol'a*).

33) $\chi\check{c}$ se v centralnem govoru pogosto asimilira v $\check{s}\check{c}$: *níščē, anščē* < *nihče; štī* (Raščica), *štīr* (Suha krajna), *štīer* (Cerovec); *štī* in *štīšā* < *χīša* po asimilaciji $\chi - \check{s} > \check{s} - \check{s}$ v Menišiji.

34) Govor v Loškem potoku pozna pojav *ubi->būi-*: *ubijati > ubūjet, müiza* < *u-miza* „Tischlade“, *mūwat, upūje, je upūila; mñe* > *mñn*, pojačano s prep. *vž* (enako v Ribnici in Vel. Laščah: *umñn*): *umñn, umūin, müin*; poleg *samñn* se čuje v Loškem potoku tudi *samūin*, gen. *simā*; tu gre pač za labializacijo: kakor je *i+m* po anticipaciji labialne delavnosti prešlo v $\ddot{u}+m$ (*prímem > prūmēm, Primož > Prūmaš, bitnica > biūnca* poleg *būnca* „Schwingel“; prim. *jumām* < *imam* na Vipavskem; *bił, pił > būu, pūu* v Prekmurju), tako je *m+i* po retardaciji labialnega elementa prešlo v $m^u+i > mui$. Prepozicija *mej* < **med'i* „zwischen“ je preko pojačanega *umei* (pri Trubarju *vmei*) rodila **umii > müi*; v dol. *mumā* (pri Trubarju *mumu*) < *mimo* pa gre za vokalno harmonijo *i-u > u-u*.

35) Labiovelarizacija $^a > ^o$ je posebno v Loškem potoku pogostna: *lāitamo* dat. du. *lētoma, dvāimo, obāimo, pyti nāmo* < *nama, adv. nenāglamo, sēsšramo* itd., torej vedno za *m*.

36) Govor v Ribnici in v Loškem potoku rabi oblike *lugāt, lugāk, luxkū, lugánac* < *lsgati* itd.

37) Zanimive so stare oblike gen. pl. *lúnac, lúnc* < *лонць* (pri Trubarju *luniz* Psalt. 149a), *kúnac* < *конць* (poleg *loncú, koncú*), *wúl* poleg *wolú* (Ribnica); osrednji kraji Loškega potoka rabijo gen. pl. *kús, stāun* < *козь, стѣнь*, v obstranskih vaseh pa se govore oblike na *-á* in po gen. pl. masc. so privzele še *-u*: *kozáu, kosáu, mełáu, osáu, petáu, suzáu, stazáu, ucáu*.

38) V ribniškem govoru se I. Du. glasi na *-ma*: *smā, grīēma prīdēma*.

39.) Zapadni govor ima v loc. pl. masc. neutr. končnico *-ax*: *u stārax čāsaχ, po təχ klāncax*; v Loškem potoku $^e\check{c}$, pod akcentem *-aiχ* (t. j. *-ēchz*): *sudāteχ, kúlceχ, kūineχ — kəpcáiχ, Saducáiχ* < *sodolbcēchz*.

40) Za govor v pasu Krško, Videm, Leskovec, Brege in v savski dolini navedem nekaj važnejših posebnosti: $\acute{e} > ei$; $\acute{o} > u$; *i, u* ostaneta; *e, e > iē*; $\acute{o}, \acute{o} > \acute{u}q$; $^o > ^u$; sekundarno akcentuirani *e > ié, o > uá* ali o ; akanje v predtoničnih in v kratko poudarjenih zlogih, po labialih in velarih pa $o^+ > u^+$; $n^+ > in$: *n*; akcentuacija *māgla, sārce, pāršu* < *prišət* kot v štajerskih dialektih; dolenske poteze se širijo še v pas Brežice — Velika dolina, kjer pa vendar že prevladuje štajerski element.

Edlinge ~ Kazaze

Unter dem obigen Titel hat ein Germanist, dem wir eine grosse Anzahl wertvoller Beobachtungen aus dem Gebiete der germanisch-slavischen Beziehungen verdanken, vor fast 20 Jahren einen bemerkenswerten Aufsatz veröffentlicht. Ich meine Primus Lessiak, dessen fruchtbare wissenschaftliche Tätigkeit leider frühzeitig durch ein schweres Leiden unterbrochen worden ist. Seine manchen Slavisten entgangene Abhandlung ist erschienen in der Zeitschrift *Carinthia*, Mitteilungen des Geschichtsvereins für Kärnten, Reihe 1, Bd. 103 (Klagenfurt 1913) S. 81-94. Lessiak hat eine Anzahl von deutschen Ortsnamen nachgewiesen, die die Lautform *Edling* haben. Nach ihm gibt es 9 derartige Namen in Kärnten, 4 in Steiermark und einen in Oberösterreich. Für mehrere dieser Namen lässt sich nun im deutsch-slovenischen Grenzgebiet der Nachweis erbringen, dass sie auch eine slovenische Entsprechung haben, und diese lautet, wie auch schon Lessiak festgestellt hat, slovenisch (er sagt „windisch“) *Kázaze*. Die doppelte Bezeichnung *Edling-Kázaze* ist nun nachgewiesen 1) für eine Ortschaft bei Eberndorf im Jauntal (Kärnten, östlich von Klagenfurt), 2) für einen Ort bei St. Stefan an der Gail (Kärnten, westlich von Villach), 3) für einen Ort westlich von Klagenfurt bei Ludmannsdorf, 4) für einen Ort in der Nähe von Harbach bei St. Peter in nächster Nähe von Klagenfurt (heute offenbar nicht mehr so benannt vgl. Lessiak a. a. O. 85). Ausser diesen Namen hat Lessiak a. a. O. S. 85 auch noch 4 Ortschaften in Krain nachgewiesen, die slovenisch *Koséze*, deutsch *Koses*, *Kosese* heissen. Dazu kommt auch noch ein kroatischer ON *Kasezi* s. Lessiak S. 91 nach dem akademischen Rječnik hrvatskoga jezika s. v. Es ist also eine merkwürdige Schwankung der Lautform dieses Namens festzustellen. Aus ihr hat Lessiak den Schluss gezogen, dass diese Namen nicht echt-slavisch sein können, sondern entlehnt sind und dass die schwankende Lautung sich durch örtlich und zeitlich verschiedene Übernahme eines fremden Namens erklärt.

Für die Beurteilung der *Edling-Kázaze*-Namen wichtig ist die schon lange bekannte Tatsache, dass die so benannten Ortschaften ursprünglich slavische Gemeinden mit enem altslavischen Sonderrecht umfassen und dass ihre Mitglieder persönlich frei und mit Waffenrecht ausgestattet waren. Siehe Lessiak a. a. O. 83 mit wichtigen Hinweisen auf Arbeiten von Jaksch und Puntschart.

Lessiak ist nun unter Einfluss von J. Peisker und F. Korsch auf den Gedanken gekommen, dass die oben genannten slovenischen Namen Umbil-

dungen einer turkotatarischen (avarischen) Bezeichnung für „freie Männer“ seien und sieht in ihnen die altslovenische Pluralform eines Wortes, das belegt ist in osman., kasantatar., kirgisisch, karakirg., teleut., sagaidak. usw. *kazak* „freier, unabhängiger Mensch, Abenteurer“ (s. Radloff Wb. d. Türkspr. II 364 ff.). Aus dieser Sippe stammt russ. *kazak*, ukr. *kozak*, und das poln. *kozak* wird als Lehnwort aus dem Ukrainischen angesehen. Vgl. A. Brückner Słownik etymologiczny języka polskiego S. 262. Da dieses Lehnwort in den südslavischen Sprachen in älterer Zeit fehlt, so muss Lessiak eine unabhängig vom Ostslavischen vor sich gegangene Entlehnung dieses turkotatarischen Wortes ins Slovenische annehmen, die später wieder geschwunden ist und sich nur in den erwähnten slovenischen Ortsnamen gehalten hätte. Dazu kommt aber noch, dass diese „avarische“ Entlehnung in einer eigentümlichen Form **kozagъ* anzunehmen wäre, denn nur so könnten die Formen *Kázaze* bzw. *Koséze* eine Erklärung finden aus dem N. pl. **kozazi*. Doch auch bei dieser kühnen Annahme eines sonst nirgends belegten Lehnwortes **kozagъ* bleiben genug Schwierigkeiten. Unverständlich bleibt auch dann das *s* von *Koséze*, sowie auch das *e* dieser letzteren Form.

Unbegreiflich ist dann auch noch das Eindringen des wurzelauslautenden Zischlautes von *Kosezi* in den Singular, das unbedingt angenommen werden müsste wegen des von Lessiak belegten alpendeutschen Personennamens *Kases*. Denn höchst unwahrscheinlich wäre hier die Umbildung eines **kozagъ* nach N. pl. *koza(d)zi* zu N. sing. *kozadzъ* und sehr bedenklich auch die Annahme, dass das *e* von *Koséze* durch Einführung eines slav. *-ęgъ* an Stelle von *-agъ* aufgekommen sei. Dazu kommt noch, dass mir südslavische Ortsnamen mit einem Element **kozaci* von turkotatar. *kazak* nicht bekannt sind.

Diese Gründe machen es mir unmöglich, die turkotatarische Herkunft der *Edlinge-Kazaze*-Ortsnamen anzuerkennen. Ich habe mich dagegen schon Zschr. f. slav. Phil. VII 429 ausgesprochen und stimme in der Ablehnung dieser Theorie überein mit Fr. Ramovš, der unserem Problem in einem gründlichen Aufsätze in den *Razprave znanstvenega društva v Ljubljani II* (1925) S. 303-327 ebenfalls seine Aufmerksamkeit gewidmet hat. Ramovš hat das Verdienst, gezeigt zu haben, dass die *Koséze-Kázaze*-Namen sich alle auf eine altslovenische Grundform zurückführen lassen, deren *-ě-* auf älteres *-ę-* zurückgehen muss. Mag man auch darüber im Unklaren sein, ob nicht doch noch neben *Kasędz-* auch ein *Kosędz-* den erwähnten Ortsnamen zugrunde liegt, — es ist unzweifelhaft ein Fortschritt bei Ramovš, dass er die genannten Namen auf eine Bildung mit *-ędzъ* (aus *-ęgъ*) zurückführt und die morphologische Übereinstimmung dieser Bildung mit mehreren altslavischen Nomina erkannt hat, die bestimmt Entlehnungen aus dem Germanischen sind, wie **kǫnędzъ*, **koldędzъ*, *pǫnędzъ*, *vitedzъ*, *userędzъ* usw. aus germ. **kuning-*, **kalding-*, *penning-*, *viking-*, **ausihring-* usw. Vgl. Ramovš *Razprave II* 312 ff. Auch die Schwankung der Betonungsstelle von *Kázaze* und *Koséze* hat Ramovš einleuchtend erklärt. Er hat ferner durch-

aus überzeugend geltend gemacht, dass in den slovenischen Namenformen kein thrakischer Personennamen *Κόσσυγας* enthalten sein könne, da dieser Name nur für die Balkanhalbinsel und nur für eine viel ältere Zeit bezeugt ist und sich daher chronologisch und geographisch nicht mit den Ortsnamen *Kázaze* ~ *Koséze* verknüpfen lässt. Durch das Wortbildungselement *-ędzь* ist Ramovš auf den Gedanken gekommen, dass in *Kázaze* : *Koséze* ein altgermanisches Sprachelement zu sehen sei, das im Altslovenischen ein **Kasędzь* aus **Kasęgь* ergeben habe. Dieses hält er für langobardisch und glaubt es auf langobard. *Gausus* bzw. *Gausing-*, eine Entsprechung von altnord. *Gautr* zurückführen zu müssen, die sich im Ablaut zu dem Stammesnamen der Goten *gut-* befunden hat. Die von Ramovš herangezogenen germanischen Stammesnamen gehören ganz sicher zusammen, da es unter den Germanisten als ausgemacht gilt, dass das Langobardische die hochdeutsche Lautverschiebung mitgemacht habe. Die Herleitung von *Gausus* aus *Gaut-* ist also zweifellos berechtigt. Eine andere Frage ist allerdings, ob wir sloven. *Kázaze* ~ *Koséze* über **Kasęg-* auf **Gausing-* zurückzuführen berechtigt sind. Diese Frage glaube ich verneinen zu müssen, und zwar wegen der damit verbundenen lautlichen Schwierigkeiten.

Ich bin der Ansicht, dass altgermanisches *au* im Langobardischen erhalten bleibt, wenn es in (haupttonigen) Anfangssilben vorlag und berufe mich deswegen auf die Ausführungen von Bruckner, Die Sprache der Langobarden (Strassburg 1895) S. 104 ff., wo man solche Beispiele findet wie langobard. *Gausemar*, *Gausingo*, *Aunemundus*, *Auleram*, *launegild* (=ahd. *lōngelt*) u. a. Nur ganz selten findet sich *â* für *au* in langobardischen Sprachresten und dieses ist der Fall in nebetonigen Silben, z. B. in *Rimegasus*, *Altecasus* neben *Altecausus*, *Tendelapus* neben *Tendelaupus*, s. die Belege bei Bruckner a. a. O. S. 158. Bruckner denkt in diesen Fällen an eine Kontraktion in nebetonigen Silben. Der auf Grund des von Bruckner verarbeiteten Materials gewonnene Eindruck wird bestätigt durch die langobardischen Spuren, die sich in Norditalien nachweisen lassen. E. Gamillscheg bereitet eine grössere Arbeit über diesen Gegenstand vor. Wie er mir freundlichst mitteilt, ist auch dort von einer Veränderung des altgermanischen *au* zu *a* in Anfangssilben nichts zu merken, obgleich für dieses *au* (=ital. *o*) nicht wenige Beispiele vorhanden sind.

Schwieriger lassen sich gegen eine zweite Voraussetzung der Ramovš'schen Gleichsetzung von **Kasędzь* und **Gausing* Einwände beibringen. Ich meine gegen die Annahme eines sloven. *k-* für ursprüngliches langobardisches *g-*. Unter den langobardischen Sprachresten ist altes *g* manchmal durch *k* vertreten, auch Gamillscheg bringt dafür weitere Belege in seiner Arbeit. Doch fragt sich, ob man dieses *k* bereits zur Zeit der langobardischen Herrschaft in Kärnten und zur Zeit der slovenischen Landnahme annehmen kann. Gegen ein so frühes Aufkommen dieses *k* spricht meiner Ansicht nach die Tatsache, dass Gamillscheg für ein *k* st. *g* nur langobardische Belege in der Nachbarschaft der Toscana feststellen kann und dass

die Landobardenspuren in östlicheren italienischen Gebieten, etwa in Friaul kein derartiges *k*, sondern immer nur altes *g* kennen. Auch Bruckner a. a. O. S. 158 stellt bei Behandlung dieser Frage fest, dass sich zwar Schreibungen mit *c* für *g* in langobardischen Namen sehr häufig finden, dass dieses Zeichen aber im allgemeinen erst seit der Mitte des 9. Jahrhunderts n. Chr. für *g* gebräuchlich geworden ist.

Auch wenn künftige Forschungen ein höheres Alter dieses *k* aus *g* erweisen sollten, glaube ich doch die Herleitung von *Kázaze* ~ *Kosêze* aus langobard. *Gausing-* ablehnen zu müssen, weil die Vertretung des *-au-* unbedingt eine andere im Slovenischen hätte sein müssen. Ich glaube aber mit Ramovš, dass die angeführten slovenischen Ortsnamen wegen ihres *-ędzь* aus einer germanischen Sprache stammen müssen. Da die slovenische Grundform nur **Kasędzь* oder **Kosędzь* lauten kann, leite ich diesen Namen auf einen germanischen Sippennamen **Kasing-* zurück. Ich finde diesen zwar nicht unter den langobardischen Sprachresten, doch halte ich das auch nicht für notwendig, einerseits weil solche ja nur sehr spärlich überliefert sind und andererseits, weil auch andere germanische Stämme, die die Völkerwanderung mitgemacht haben, in den Ostalpen sesshaft gewesen sind¹. Als Belege für diesen Sippennamen **Kasing-* erwähne ich: schwed. *Kasinge*, auch *Kasunge* e. Ortsname in Småland, Ukna sokken N. Tjusts härad, den E. Hellquist aus einem Sippennamen deutet, welchen er von einem Personennamen nord. *Kasi* ableitet. Vgl. Hellquist Om de svenska ortnamnen på *-inge*, *-unge* ock *-unga*, Göteborgs Högskolas Årsskrift XI (1905) Nr. 1 S. 66. Dieser ausgezeichnete schwedische Gelehrte vergleicht auch diesen schwedischen Ortsnamen mit dem englischen Ortsnamen *Chesington* südwestlich von London, der nach seiner Auffassung von agsächs. **Ceasingas* abzuleiten ist. Obgleich ich dieses **Kasing-* nur im Nordischen und auf englischem Boden vorfinde, glaube ich es doch für die Erklärung der oben genannten slovenischen Ortsnamen verwenden zu können, indem ich darin eine germanische Spur aus der Zeit vor der slovenischen Landnahme sehe. Die Namen könnten auch langobardisch sein, obgleich sie bei solcher Deutung keine spezifischen lautlichen Kennzeichen des Langobardischen an sich haben. Es ist aber daneben zu berücksichtigen, dass die Ostalpenländer auch von andern germanischen Stämmen aufgesucht worden sind (s. B. den West- und Ostgoten) und dass den Ostgermanen besonders viele Stammesnamen eigen sind, die auch bei den Nordgermanen vorkommen. Ich erinnere daran, dass wir den Namen der Goten auch auf Gotland finden; der Name der Burgunden kehrt in Bornholm wieder, derjenige der Rugier in Norwegen, der Vandalenname in Jütland, die Ambrones an der Nordsee bei Amrum und an der unteren Weichsel; die gotischen Greuthungi haben in schwedischen Ortsnamen eine Entsprechung *Grytinge* und der Name der

¹ Vgl. die historische Übersicht bei Simon Pirchegger Die slavischen Ortsnamen im Mürzgebiet Berlin 1927 (=Veröffentlichungen des Slavischen Instituts a. d. Universität Berlin Bd. 1) S. XIX.

schlesischen Silingi wiederholt sich in schwedischen Ortsnamen als Silinge¹. Obgleich das Langobardische zu den westgermanischen Sprachen gerechnet wird, finden sich dort Übereinstimmungen mit nordischen Stammennamen, wie speziell der Fall langobard. *Gausus*: schwed. *Götar* aus *Gaut-* zeigt. Durchaus verständlich wären aber auch lexikalische Beziehungen zwischen Langobardisch und Angelsächsisch wegen der ursprünglichen Nähe dieser beiden Sprachgebiete. Daher ist das Vorhandensein des englischen *Chesington* für unsern Fall nicht belanglos.

Da die slovenischen Ortsnamen vom Typus *Kázaze*:*Kosèze* mehrfach wiederkehren, so muss ihnen offenbar ein germanischer Stammesname zugrunde liegen. Obgleich *Kasing-* nur als Sippenname in den oben erwähnten beiden Fällen in Schweden und in England belegt ist, halte ich es doch für sehr wahrscheinlich, dass es auch als Stammesname im Ostalpengebiet verwendet worden ist. Es ist schon lange bekannt, dass germanische und andere indogermanische Stammesnamen von Sippennamen gebildet sein können, die eine einfache Pluralform oder eine patronymische Form eines einfachen Personennamens darstellen. Ich erinnere an den Namen der *Ermunduri* „Thüringer“, der gewöhnlich als Plural von einem *Ermundur* angesehen wird, und an die keltischen *Caturiges*, denen ein Personenne zugrunde liegt, der sich mit altgerm. *Hadurih* deckt usw. (s. dazu Hirt Die Indogermanen S. 708 ff.). Einem Slavisten können solche Fälle geläufig sein durch die Angabe der altrussischen Chronik, welche die *Radimici* von einem *Radim* und die *Vjatici* von einem *Vjatko* ableitet. Aus diesen Gründen glaube ich die *Kázaze*-*Kosèze*-Namen auf einen verloren gegangenen germanischen Stammesnamen *Kasing-* zurückführen zu müssen.

Berlin-Wilmersdorf

M. Vasmer

¹ Vgl. zu Greuthungi und Silingi die Belege bei Hellquist Göteborgs Universitets Årsskrift XI (1905) S. 121 und 39.

Употребленіе грамматическаго члена въ говорѣ Кіевской Руси домонгольскаго періода

Какъ извѣстно, вопросъ о діалектической принадлежности древне-Кіевскаго говора давно уже возбуждаетъ споры въ учёномъ мірѣ. Одни утверждаютъ, что современные малорусскіе говоры, занимающіе территорию старой Кіевской Руси, являются прямыми потомками говора Полянъ, осѣвшихъ нѣкогда, по свидѣтельству Первоначальной лѣтописи, на берегахъ средняго теченія Днѣпра. Другіе же полагаютъ, что при татарскомъ нашествіи на южную Русь значительная часть населенія Поднѣпровской (Кіевской) Руси погибла, другая же часть, спасая свою жизнь, ушла въ болѣе безопасныя, главнымъ образомъ, сѣверо-восточныя области, и такимъ образомъ Поднѣпровье лишилось своего стараго населенія и опустѣло. Только, когда татарскій элементъ сталъ ослабѣвать, Русскіе начали вновь, спустя столѣтіе, продвигаться на югъ въ двухъ направленіяхъ: съ сѣвера, со стороны Московскаго государства, и съ запада, со стороны Польско-литовскаго государства. Главную роль въ этомъ движеніи играло казачество — малорусское (изъ галицко-волынской области) и донское — великорусское. Такимъ образомъ, и въ Поднѣпровьи появилось населеніе — малорусское, но это населеніе новое, не имеющее непосредственныхъ связей со старыми Полянами. Подтвержденіе тому, что старое населеніе Поднѣпровья ушло на сѣверо-востокъ, видятъ между прочимъ и въ томъ, что былины такъ называемаго Кіевскаго цикла, былины, воспѣвающія событія Кіевской дотатарской эпохи, воспѣвающія южную, степную природу, сохранились именно на сѣверѣ, а не среди малорусскаго населенія, въ народной поэзіи котораго съ большими натяжками стараются уловить отзвуки былинныхъ сюжетовъ.

Разрѣшить этотъ споръ можетъ лишь исторія языка. Если бы мы могли, начиная съ древнѣйшихъ памятниковъ Кіевскаго нарѣчія, прослѣдить въ нёмъ постепенное образованіе характерныхъ особенностей малорусскаго языка, мы должны были бы признать правильнымъ первое мнѣніе: о непосредственной связи древне-Кіевскихъ говоровъ съ современными намъ малорусскими. Если же въ этихъ памятникахъ мы найдёмъ явленія, отдѣляющія древне-Кіевское наречіе отъ малорусскихъ говоровъ и роднящія его съ другими русскими говорами, то намъ придётся дать иное объясненіе этимъ фактамъ.

При сужденіи объ особенностяхъ древне-Кіевскаго говора ограничиваются обыкновенно тѣми рукописями, которыя съ достаточной правдоподобностью можно считать переписанными въ Кіевской области: Изборники Святослава 1073 и 1076 гг., Тріодъ Моисея Кіянина XII-XIII в., т. е. всё копиі съ церковно-славянскихъ, или точнѣе, съ древне-болгарскихъ оригиналовъ. Русскими въ нихъ являются лишь тѣ невольныя описки, или иногда умышленныя отступленія и поправки послѣдняго писца, которыя даютъ возможность до извѣстной степени догадываться объ особенностяхъ его произношенія, о его фонетикѣ, гораздо рѣже о морфологическихъ явленіяхъ его рѣчи, и то, конечно, при условіи, что мы не смѣшаемъ этихъ особенностей съ измѣненіями, внесѣнными предшествовавшими переписчиками. При современномъ увлеченіи фонетическими построеніями, при стремленіи приписать звуковое значеніе каждому случайному значку рукописи, подобные памятники почитаются особенно важными и интересными, представляя обширное поле для домысловъ изслѣдователей.¹

Однако именно Кіевскіе памятники даютъ въ этомъ отношеніи довольно мало, представляютъ скорѣе отрицательныя свидѣтельства. Именно, въ то время какъ говоры Галича и Волыни имѣли ко 2-й половинѣ XII в. уже вполне выкристаллизовавшіяся фонетическія явленія, которыя поэтому проникли даже въ традиціонное письмо, — въ Кіевскихъ памятникахъ мы этихъ явленій не находимъ. Это различіе въ графикѣ галицко-волинскихъ и кіевскихъ памятниковъ настолько противорѣчитъ принятой теоріи о единствѣ старыхъ южно-русскихъ говоровъ, о ихъ связи съ современными малорусскими говорами, что заставляетъ даже создать особую теорію *ad hoc* о революціонной графикѣ Галича и Волыни въ отличіе отъ консервативной графики Кіева (?!).² А между тѣмъ самое простое и естественное заключеніе было бы, казалось, что въ Кіевскомъ говорѣ не существовали или не были такъ ярко выражены тѣ фонетическія явленія, которыя представляли галицко-волинскіе говоры (главнымъ образомъ появленіе *ѣ* вм. *е* предъ мягкой согласной въ новомъ закрытомъ слогѣ). Однако наше положеніе по отношенію къ древне-Кіевскому нарѣчію далеко не такъ печально; его характеристику можно дополнить нѣкоторыми положительными чертами. До насъ дошѣлъ рядъ произведеній, возникшихъ въ предѣлахъ Кіевской Руси до татарскаго нашествія. Правда, дошли до насъ эти произведенія въ копіяхъ, и притомъ въ копіяхъ разнаго времени. Это обстоятельство иногда затрудняетъ наше пользованіе ими для сужденія о

¹ Наибольше крайнее выраженіе такого мнѣнія мы встрѣчаемъ у проф. Н. Н. Дурново въ его „Введеніи в исторію русскаго языка“. Часть I. Вгпо 1927 (стр. 27), гдѣ онъ говоритъ, что русскія копиі съ церковно-славянскихъ оригиналовъ даютъ болѣе надежный матеріалъ для исторіи русскаго языка, чѣмъ оригинальныя русскія произведенія (?!).

² Такую теорію высказываетъ между прочимъ проф. Н. Н. Дурново въ своей вышеуказанной книгѣ, стр. 15.

фонетическихъ особенностяхъ ихъ говора (или говоровъ), но сравненіе разныхъ списковъ одного и того же произведенія между собой указываетъ намъ, что морфологическія, синтаксическія, стилистическія свойства ихъ сохраняются въ общемъ вполне исправно. А эти явленія (ос. морфологическія) при характеристикѣ говора иногда не менѣе важны, чѣмъ фонетическія. На одномъ изъ такихъ явленій я хотѣлъ бы здѣсь остановиться.

Благодаря высокоцѣннымъ трудамъ проф. Л. Милетича¹ въ настоящее время является совершенно установленнымъ фактъ существованія совершенно однороднаго грамматическаго явленія въ говорахъ болгарскихъ и великорусскихъ, именно употребленія указательныхъ мѣстоименій *сь, си, се* и *тѣ, та, то* въ качествѣ грамматическаго члена, притомъ какъ препозитивно, такъ и (чаще) постпозитивно. Проф. Милетичъ отмѣтилъ здѣсь существованіе грамматическаго члена какъ въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, такъ и въ произведеніяхъ XVII в. (московскихъ: письма царя Алексѣя Михайловича, автобіографія протопопа Аввакума, и въ южно-великорусскомъ сборникѣ того же времени). Какъ извѣстно, между русскими говорами и говорами болгарскими замѣчается близость во многихъ отношеніяхъ: однородность подвижнаго чисто-эспираторнаго ударенія: *sin — sinovè, orèl — orli, kotèl — kotli, gorà, bàba, stàdo — stadà, slòvo — slovà, pòl'e — pol'à, nes'ь, k'ьln'ь, hlòpn'ь, umèj'ь, plàč'ь, plàvam², ògr' àh vòd'ь³* и т. п. — ср. русскія *сын — сыновья, орёл — орлы, котёл — котлы, горà, bàba, stàdo — stadà, слово — слова, поле — поля, несú, клянú, хлопну, умъю, плачу, плаваю, согрѣлъ воду* и т. д., отсутствіе различія долготы и краткости гласныхъ, сохраненіе различія между гласными *ъ* и *ь* въ ихъ историческомъ развитіи (русск. *о-е*, болгарск. *ъ* [и *о*] — *е*). Особенную близость къ болгарскимъ говорамъ проявляютъ говоры великорусскіе, въ частности сѣверно-великорусскіе: въ в-р. и нѣкоторыхъ вост.-болг. сохраняется звукъ *ы⁴*, звукъ *ѣ* переходитъ въ *е* въ великорусскомъ яз., въ зап.-болгарскомъ нарѣчьи и въ извѣстномъ положеніи въ вост.-болгарскомъ, согласные смягчаются передъ *е, і* въ великорусскомъ и вост.-болгарскомъ⁵; звукъ *а* въ положеніи между мягкими согласными переходитъ въ *е* въ сѣв.-вел.-русскомъ и вост.-болгарскомъ: с.-в.-р. *грезь, преникъ, мечикъ*, в.-б. *еми, жеби*; безударное *о* суживается, приближается къ *у* въ сѣв.-вел.-русскомъ и вост.-болгарскомъ: свр. *пуѣторà, угурецъ, уброзà⁶*, в.-б. *utide, ne mužàli⁷*; согласный звукъ *g* (*г*) произно-

¹ См. особенно его „Членътъ въ българския и руския езикъ“ (Сборникъ за нар. умотв., наука и книжн., кн. XVIII).

² Das Ostbulgarische: Die Betonung, S. 42-60.

³ Ib. S. 167.

⁴ Ib. S. 74.

⁵ Ib., S. 87 ff.

⁶ Е. Карскій, Русская діалектологія. Ленинград 1924, стр. 59.

⁷ Das Ostbulg. S. 82.

сится какъ звукъ взрывной въ сѣв.-вел.-русскомъ и болгарскомъ. Въ окончаніи 3 л. мн. ч. наст. вр. сохраняется суффиксъ въ видѣ *t* твёрдаго въ сѣв.-вел.-русскомъ и болгарскомъ: с-вр. *плетут, горят*, болг. *plētōt, gōrēt*.¹

При такихъ условіяхъ насъ не можетъ удивлять однородность явленія грамматическаго члена въ болгарскихъ и русскихъ говорахъ. Больше можетъ насъ удивлять то обстоятельство, что между говорами, представляющими столько общихъ между собою чертъ, оказываются вклиненными говоры, не имѣющіе этихъ особенностей, именно говоры малорусскіе, сохраняющіе слѣды стараго удлиненія гласной въ закрытомъ слогѣ, утратившіе мягкость согласныхъ передъ *e, i*, утратившіе различіе звуковъ *y—i* (*y—i*), имѣющіе фрикативное произношеніе *z (=h)*, не употребляющіе грамматическаго члена.

Профессоръ Вѣнскаго университета, кн. Н. С. Трубецкой въ своей статьѣ: „Einiges über die russische Lautentwicklung und die Auflösung der gemeinrussischen Spracheinheit“² указалъ на то, что при объясненіи и изученіи діалектическихъ явленій мы должны исходить изъ факта волнообразныхъ переходовъ звуковъ (и формъ?), какіе представляютъ говоры и нарѣчія одного и того же языка или сосѣднихъ родственныхъ языковъ. Самъ онъ, къ сожалѣнію, обращаетъ вниманіе въ этой статьѣ лишь на движеніе языковой волны съ запада на востокъ. Но говоры языковъ переливаются во всѣхъ направленіяхъ, и слѣдовало бы выяснитъ этотъ удивительный перерывъ волны, идущей съ сѣвера на югъ (отъ сѣв.-вел.-русскихъ говоровъ къ болгарскимъ). А между тѣмъ движеніе этой волны не менѣе важно въ историческомъ отношеніи, и разрывъ ея, быть можетъ, болѣе новаго происхожденія, чѣмъ обыкновенно принимается. Быть можетъ, до татарскаго нашествія говоры Кіевской Руси и представляли тотъ мостъ между говорами сѣв.-великорусскими и говорами болгарскими, который теперь отсутствуетъ. По крайней мѣрѣ въ произведеніяхъ, возникшихъ въ области Кіевской Руси, мы встрѣчаемъ такое же употребленіе грамматическаго члена, какъ и въ указанныхъ русскихъ и болгарскихъ говорахъ. Такъ, что касается лѣтописи, то уже А. А. Никольскій въ своёмъ изслѣдованіи: „О языкѣ Ипатской лѣтописи“, Варш. 1899 (стр. 96), привёлъ нѣсколько примѣровъ употребленія грамматическаго члена. Эти примѣры повторены и въ „Лекціяхъ по исторіи русскаго языка“ А. И. Соболевскаго (М. 1903, изд. 3-е, стр. 224). Однако Первоначальная лѣтопись представляетъ значительно больше примѣровъ употребленія мѣстоименій *сь* и *тъ* въ значеніи члена. Я приведу здѣсь замѣченныя мною формы члена по Лаврентьевскому списку, пользуясь изданіемъ 1926 г.³ съ разночтеніями изъ списковъ —

¹ Das Ostbulg. S. 82.

² Zeitschrift für slavische Philologie, Bd. I, H. 3/4, Leipzig 1924.

³ Лаврент. лѣтопись (=Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. I, вып. I. Повѣсть временныхъ лѣтъ. Изд. 2-е. Ленинградъ 1926).

Троицкаго, Радзивилловскаго и Академическаго, сравнивая и съ Ипатъевскимъ спискомъ¹.

съ: стлб. 8, ста подь горами на березѣ . . . видите ли горы сиа. како на сихъ горахъ восиаеть бл҃гдаты Бж҃ьиа . . . въшедь на горы сиа (тѣ Т. оп. А) . . . и сълѣзь съ горы сеи.

21. градокошь (городокошь Т. городъ сии И. градъ сеи РА).

59. приду въ градось (городъ свои И.)

118. призри на новыи люди сиа (свои И.)

122. заложи градъ Бѣлгородъ . . . бѣ бо любя градъ съ (городъ ѿсь И. градъ сеи РА).

124. кто помолить ся въ цр҃кви сеи, даю цр҃кви сеи ст҃ѣи Бѣи . . . написавъ клятвою въ цр҃кви сеи.

134. баше отрокъ съ (сеи РА), Георгеви же сему (И.).

139. Ст҃ополкъ же съ (оп. ИРА) ѿканьныи и злыи.

142. что придосте съ хромьцемъ симъ.

156. възлюби мѣсто се . . . оутверди ма въ мѣстѣ семь, и да будетъ на мѣстѣ семь.

191. почивъ . . . в монастыри семь.

207. такъ баше бл҃женныи съ (оп. ИРА) князь . . . избуду суетнаго сего (оп. И) свѣта.

219. стояче чересь рѣку в грозѣ сеи и пристояху совѣту сему . . . Киане же не всхотѣша [+свѣта сего ИРА] . . . възлюбиша свѣтось (свѣтось И, свѣтъ сеи РА).

тѣ: стл. 4. Афетово бо и то колѣно (А. же колѣно и то И., А. бо колѣно то РА).

5. созда столпъ то (тѣ Т. оп. ИРА).

7. вътечетъ в озеро великое Ново [и] того ѿзера внидеть устье в море Варяжское и по тому морю ити.

25. наслѣдиша землю [+ту ИТРА].

50. приведуть Русь ту.

77. съ бо бѣ^о повинень крови тои.

79. ѿскверни ся кровьми земля Руска и холмо-тъ (холмъ тѣ И. х. тои РА) . . . на томъ холмѣ нынѣ цр҃ки стоить.

82. бѣ же Варягъ то (тѣ И. тои РА).

95. извести на ѿ земля тои.

111. кр҃ти же ся в цр҃кви ст҃го В. и есть цр҃ки та (оп. Р).

123. Володимеръ же радъ бывъ заложи городъ на бродѣ томъ.

124. за не переа славу отрокотъ (зане переславъ отрокъ И. зане переславъ отроку тому има РА).

127. бѣ же единъ старецъ не былъ на вѣчи томъ.

156. оумоли игумена того.

¹ Повѣсть временныхъ лѣтъ по Ипатскому сп. Спб. 1871 (изданіе фотолитограф.)

158. да бы ны даль гору ту... вда имь гору ту.
 188. пресѣдащи браѣѣ: ноць ту у него... тако бо баше любы
 въ братьи тои.
 208. митрополитомъ тоѣа црѣкы.
 235. суть горы... и въ горахъ тѣхъ (тыхъ *И*) кличь великъ... и
 сѣкуть гору... и въ горѣ тои просѣчено оконце... (есть же путь до
 горь тѣхъ).

Нѣсколько случаевъ грамматическаго члена можно отмѣтить и въ „Поученіи“ (и посланіи) Владимира Мономаха, которое помѣщено въ той же Лаврентьевской лѣтописи (см. вышеуказ. изд., стлб. 240-256).

стлб. 241. слышавъ сю грамотицю... аще ли кому не люба гра-
 мотица си.

243.. -гѣ. ми дѣлы добрыми избыти него... аже тѣми дѣлы -гѣ. ми
 избыти... не забываете .гѣ.хъ дѣлъ тѣхъ.

244. аже та оугодьн створилъ юси... и ты же птицѣ нѣбныа
 оумоудрены.., и ты доброты створивъ.

245. тѣмъ бо ночныѣ поклоноѣ и пѣныѣ члѣвкъ побѣжаеѣ.

247. а тѣ чина бо почиваетъ (въ тѣ чинъ?).

251. вметахъ в ту рѣчку (о коророй ранѣе не упоминалось).

— ималь юсмь... тѣ же кони дикийѣ.

— сблюѣ ѣ тѣхъ часъ смртныхъ.

253. во тѣ чаѣ.

Одинъ случай грамматическаго члена отмѣтилъ въ Русской Правдѣ ак. Е. О. Карскій¹: то то юмоу все платити дѣтѣмъ тѣмъ, но этотъ памятникъ представляетъ и еще нѣсколько примѣровъ (стр. 58): а что сѣрѣзитъ товаромъ тѣмъ, (стр. 52): аче кдѣ налѣзѣтъ оудареныи тѣ своего истьча.

Значительно чаще примѣняются мѣстоменія съ и, особенно, тѣ въ значеніи члена въ „Житіи прп. Θεодосія печ.“, написанномъ прп. Несторомъ.²

съ: л. 26^с нако и въ странѣ сеи такъ сии моужь нави са.

26^д испълнь бо есть пользы слово се.

27^в родиста же блѣженаго дѣтища сего.

28^д отыти отъ страны сея... въ странѣ сеи.

30^а приведу въ сии градъ, 32^д иди въ сии градъ, 32^в

придохъ въ сии градъ, 31^в пещеру сию... на мѣсте семъ

32^с предъ дверьми пещеры сея, 32^д тѣгда възвратиши са
 въ пещеру сию.

33^а свѣтъ сии маловременныи.

33^с сии оубо оѣць нашъ ѳеодосии сѣтии.

¹ Въ своемъ изданіи этого памятника: „Р. Пр. по древнѣйшему списку. Ленинградъ 1930, стр. 17.

² Напеч. въ „Сборникѣ XII вѣка Моск. Успенскаго собора“. Вып. I-й, изд. подъ наблюденіемъ А. А. Шахматова и П. А. Лаврова. М. 1899, стр. 44—45.

- 58^d ничьсо же ми блаже въ житии семь, принесохомъ въ миръ съ.
- 63^d въ монастыри семь (2 раза)... ѿ сего мѣста.
- тѣ: л. 28^c приидоша страньници въ градъ тѣ, 32^a пришедъши въ градъ тѣ.
- 30^b властелинъ града того, 30^c всѣмъ бо града того вельможамъ въ тѣ днѣ възлежащемъ.
- 31^b хоташе възградити самъ мѣсто то.
- 31^d заповѣдано бысть по всеи странѣ тои.
- 31^a бѣша идоуще поутьмъ тѣ [мѣ?].
- 33^c наслажаа сѧ медоточьныхъ тѣхъ словесъ, иже исхожаахоу из оустъ оцѣ тѣхъ.
- 34^a много зѣла створи сѧ въ земли тои.
- 34^c спѣсти отъ прелести тоа... пребысть же на мѣстѣ томъ.
- 35^a оцѣ ти възрадоваша сѧ... неже ѿ оцѣ тѣхъ.
- 35^b донынѣ островъ тѣ зовомъ юсть.
- 35^c по ѿходѣ оцѣ тѣхъ.
- 37^c бѣ бо и самъ въ искоушени то мѣ былъ.
- 38^a творахоуть юмоу въ пещерѣ тои.
- 38^c иде въ храмъ тѣ.
- 39^c покаание юсть поуть въводѣ въ породу. того поути... дръжимъ сѧ... къ томоу бо поути не приближають сѧ змии... того бо поути шьствина соуть прискърбѣна.
- 39^d монастырь тѣ подѣбнѣ нѣси.
- 40^a дѣховьныхъ тѣхъ словесъ насыщаше сѧ.
- 40^d сего ради... повелѣние то.
- 41^a насыщаше сѧ медоточьныхъ тѣхъ словесъ.
- 41^c князю острова того... оумоленъ бысть отъ людий тѣхъ... да садеть на столѣ томъ.
- 41^d съ князьмъ... острова того... на столѣ въ градѣ томъ.
- 42^d таково ти бѣ того мужа съмѣрение.
- 43^c съповѣда самъ братии повозникъ тѣ.
- 44^b ѿбеже отъ мене страхъ тѣ.
- 45^b юже на потребоу бжествьноуоумоу томоу стадоу.
- 45^d съповѣдовахоу ѿ моужи томъ.
- 46^b како ѧви сѧ юмоу тѣ самъ прѣпѣбнѣи.
- 47^a хоташю тѣмъ сѣтою то стадо искоренити ѿ мѣста того... зѣлии ти человѣци мало помоудивъше и прѣдѣбноуоумоу томоу стадоу (събра)въшю сѧ.
- 47^c чюдо ѿ цркви тои... насыщана сѧ ѿ него дѣховьныхъ тѣхъ словесъ.
- 48^a болгаринъ тѣ въ страсъ бывъ... оумысли тѣ же болгаринъ... изнесъ сѣтою то евангелие... дѣховьныхъ тоа бесѣды насытивъ сѧ... по бжѣствьнѣмъ томъ оучении

- прѣдставляше тѣмъ трапезоу. ѿ брашнь тѣхъ мана-
стырскихъ.
- 49^c донѣдеже братъ тѣ възвраташе сѧ.
- 50^a чьрноризьць тѣ иже бѣ... сътажалъ... живаше въ
манастыри томъ.
- 52^a събрати въ кошъ оукроухы ты.
- 52^c идоушемъ тѣмъ на постыныа ты обѣды.
- 52^d въ моуцѣ тои... въ с^oтоую тоу не^oлю.
- 53^b линати въ кандило масло то... бѣхъ покрылъ съсоудъ
тѣ... влѣзе гадъ тѣ.
- 53^c пролѣи масло то... дѣховныхъ тѣхъ словесъ насы-
щана сѧ.
- 53^d на божьствнѣи тои бесѣдѣ.
- 54^a и съсоудъ тѣ... опровратихъ... обращени медъ въ
съсоудѣ томъ... обрѣте бѣчвь тоу.
- 54^b въ домоу томъ... зѣлии ти бѣси.
- 54^c прогнати на ѿ мѣста того... приде въ село то... вниде
въ хлѣвиноу тоу... ѿгнани быша ѿ вьси тоа.
- 54^d помель бѣ соусѣкъ тѣ... пометохъ соусѣкъ тѣ... на-
пълнити намъ соусѣкъ тѣ.
- 55^a боудеть на соусѣцѣ томъ... вниде въ храмъ тѣ ти
видѣ соусѣкъ тѣ.
- 55^c распоудить бжьствное то стадо.
- 55^d надъ манастырьмъ тѣмъ и чѣлвоку томоу... ѣдоущю
видѣ (прп. еоод-н) въ свѣтѣ томъ.
- 56^a на мѣстѣ томъ. сии же тако пламень тѣ явлаше сѧ.
- 56^c въ манастыри томъ... слышаша гл^oа тѣ... съмотрахъ
гласа того.
- 57^c ѣдинъ ѿ зѣлодѣи тѣхъ съвязаныхъ поковыавъ гла-
вою на село то... приходомъ къ двороу томоу... огра-
дилъ вьса та съдержаниа.
- 58^a Онѣма пришьдѣшема въ градъ тѣ... причетати сѧ не-
правднѣмъ томъ съвѣтѣ... причастити сѧ брашна того.
- 58^b ѿ вьсеа тоа ѿласти отъгнаста... ѣдиномъ сѣдѣшю на
столѣ томъ брата и оц^oа... не по закону сѣдѣша на столѣ
томъ.
- 58^c иако тѣ прочьте епистолию тоу.
- 59^b разумѣвъ блѣгый князь тѣ... оутѣшение ѣже отъ обли-
чениа того.
- 59^c пакы по мѣнозѣи тои беседѣ.
- 59^d часто приходаше къ немуу дѣовнаго того брашна
насыщанъ сѧ... ѣже исходаахуотъ ѿ медоточныхъ оустъ
тѣхъ.
- 60^b иако стольномуу томоу князю... сѣдѣшю на столѣ
томъ.

- 61^d избавить та ꙗ печали тоя.
 62^c сквозѣ пронырьство тьмьныхъ тѣхъ.
 63^b о паствѣ стѣаго того стада.
 64^b прѣдасть стѣою тоу дшю.
 64^c надъ монастырьмъ тѣмъ.
 64^d въ монастыри томъ и въ селѣхъ тѣхъ.
 67^a пришълъ въ монастырь тѣ.
 67^c къ стѣоу томоу и великому оцю нашему ѳеодосію.

Особенно часто встрѣчается слово мѣсто съ членомъ то:

Им.-вин. мѣсто то — лл. 35^b 35^d 36^d 37^b (3 раза) 40^b 56^b 66^c 66^b.

Род. мѣста того — 35^d 36^c 44^a (2 р.) 44^b 44^c 54^c.

Дат. мѣстоу томоу — 38^c 44^d.

Мѣстн. мѣстѣ томъ — 37^b 56^b 62^b 64^a; о стѣмъ томъ мѣстѣ 56^c.

Им. мн. ч. стѣа та мѣста — 41^a.

Въ томъ же Успенскомъ сборникѣ находится и „Съказаниѣ“ о свв. Борисѣ и Глѣбѣ (стр. ~~Ѡ~~—~~М~~), хотя и помѣщенное рядомъ съ Несторовымъ Житіемъ св. ѳеодосія, но не принадлежащее Нестору, такъ какъ съ именемъ Нестора имѣется иное „Чтеніе“ о Борисѣ и Глѣбѣ. Слѣдовательно оно принадлежитъ иному автору, который хотя значительно рѣже, чѣмъ Несторъ, но всё же употребляетъ оба мѣстоименія съ и тѣ въ значеніи члена.

св. л. 13^c неже въ свѣтѣ семь прельстьнѣмъ.

15^b ярославъ не тѣрпа сего зълааго оубиства.

15^c прочею же съ трѣклатиѣ приде.

15^d а съ оканьниѣ стѣполкъ побѣже.

18^d яко же и сиа страстотѣрпца въ сеи странѣ роусьскѣи земли.

тѣ. л. 10^a кѣто бо не въсплачеть сѣ съмръти тоѣ пагубноѣ.

10^b такъ бо бѣ блаженѣи тѣ.

18^d поклоннахоу сѣ на мѣстѣ томъ.

19^a възгорѣ сѣ церкы та.

19^b сътвори въ тои клѣтъцѣ.

19^c вѣнесъше въ тоу храмину... съ имѣ отрокъ, у того отрока и бѣаше нога ѣмоу соуха.

21^b въшъдъ въ домъ тѣ... бѣ бо палъ ницъ въ домоу томъ.

21^d разметаста храмину тоу, женоу же тоу акы мрътвоу сътворѣста... гдѣ еѣ повелѣша лихомъ быти цѣны тоѣ.

22^a старѣишина клирикамъ црѣкве тоя... лазоръ попъ тѣ ми ѣсть повелѣлъ.

23^a вѣдаваста стражеви томоу.

25^a не самъ бѣаше ѣѣ съзъдалъ црѣкве тоя... по оустроению црѣкве тоя.

Чрезвычайно широко пользуется грамматическимъ членомъ (иногда препозитивно, большею же частью постпозитивно) игуменъ Даніилъ въ своёмъ „Хожденіи“, написанномъ около 1115 г., настолько широко,

что пришлось бы переписать значительную часть его произведенія, если бы мы попытались привести всѣ случаи употребленія члена. Поэтому я ограничусь здѣсь приведеніемъ лишь нѣсколькихъ мѣстъ изъ его повѣствованія для образца¹.

Стр. 10.: Въ томъ градѣ Макріи, по земли той по всей... ту ся ражаеть теміанъ... имя древу тому зигія; есть образомъ акы олма древо то... и въ древцѣ томъ за корою червь, и точить древцо то червь тый, исходитъ червоточина та... и падаеть отъ древа того.

Стр. 22: Подъ тѣмъ же самомъ верхомъ... яко печерка мала... двери имуще малы... Влѣзючи же въ печерку ту дверцами тѣми малыми... яко лавица засѣчена въ томъ же камени печерномъ; и на той лавици... и есть и нынѣ лавица та святая покрыта... и суть... продѣлана 3 оконца... и тѣми оконци видѣтъ святой тый камень... И висить... 5 кандиль... и горять беспристани кандила та святая... Лавица же та святая... есть въ долину 4 лакоть... Предъ дверми же почерными лежитъ камень, 3-ю стопъ вдале отъ дворець тѣхъ печерныхъ: на томъ камени ангель... явился... надъ печеркою тою созданъ яко теремець... на верху же того теремца стоитъ Христось... подъ самымъ верхомъ тымъ непокрытымъ... дверцы трои у теремца того... тѣми бо дверцами влазять людіе... Да то есть Гробъ Господень былъ печерка та...

Стр. 46: ... есть горка мала; на той горкы былъ камень круглъ... съ того камени възнесль ся Христось... и есть мѣсто то оздано около всего комарами... на тѣхъ комарахъ... яко дворъ... помощень же есть весь дворъ той... посреди же двора того яко теремець... въ томъ же теремцы... лежитъ камень той святой... и есть на камени томъ святая трапеза, и на той трапезѣ и нынѣ литургисають.

Стр. 86: о той рѣцѣ пророкъ Давидъ глаголетъ... рѣка та нынѣ суха... и явить же ся рѣка та у моря... обонполь рѣки тоя гора высока... на горѣ той лѣсъ... пардуси въ лѣсѣ томъ живутъ... на горе той путь чрезъ гору ту страшную; неудобъ проходень есть путь той... избивають Срачине въ горѣ той... пройти гору ту... придохомъ мѣсто то страшное.

Стр. 138: ... помывають кандила... наливають каньдила та... вложить свѣтилна и не вжигаютъ свѣтиленъ тѣхъ, но тако оставляютъ свѣтилна та... (140) оумолихъ ключаря того... обლობызавъ... мѣсто то святое... и изыдохомъ изъ Гроба того святаго... (141) наполняются вся та мѣста... отъ тѣсноты людій тѣхъ; и тѣ всѣ людіе съ свѣщами стоятъ... исполняютъ церковь ту... възгремѣти всему мѣсту тому отъ вопля людій тѣхъ... (142) идохъ съ игуменомъ тѣмъ... и придохомъ къ князю тому... (143) приде къ дверемъ

¹ Къ сожалѣнію я могъ воспользоваться лишь старымъ изданіемъ „Хожденія“, сдѣланнымъ Археографической Комм. подъ редакціей А. С. Норова: „Путешествіе игумена Даніила по Св. землѣ въ началѣ XII в.“. Спб. 1864.

гробнымъ, и позрѣвъ... сквозѣ хрестыцы дверей тѣхъ... ста надъ врѣхомъ непокрытымъ тоя церкви... изыде блистаніе свѣта того... (144) изъ Гроба того святаго... възже первое ту свѣщу отъ свѣта того святаго и и изнесша... свѣщу ту... дрѣжа свѣщу ту... отъ тоя свѣща мы възгохомъ...

Сдѣланный мной здѣсь обзоръ, конечно, не является исчерпывающимъ, но всё же онъ даётъ намъ возможность сдѣлать нѣкоторые выводы. Мы разсмотрѣли здѣсь произведенія различнаго содержанія, времени и мѣста: Русская Правда — это памятникъ юридическаго содержанія, составлявшійся несомнѣнно въ Кіевѣ, или въ его области, вѣроятно нѣсколькими лицами въ періодъ приблизительно отъ 1016 до 1125 г. (см. указанное изданіе Е. Θ. Карскаго, стр. 5-6); Первоначальная лѣтопись — произведеніе историческаго характера тоже конечно кіевскаго происхожденія уже по тѣсной связи ея съ Печерскимъ монастырёмъ — по времени относится къ концу XI в.; Посланіе Владимира Мономаха — трудъ свѣтскаго лица, большую часть своей жизни проведшаго въ Кіевѣ или вблизи Кіева, слѣдовательно владѣвшаго рѣчью, принятой въ наиболѣе культурной средѣ кіевскаго населенія, относится къ концу XI в.; оба разсмотрѣнныя житія носятъ религіозный характеръ, причѣмъ „Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ“ составлено анонимнымъ авторомъ, но по всему характеру изложенія — кіевляниномъ — приблизительно въ концѣ XI в. „Житіе“ же св. Феодосія написано прп. Несторомъ, монахомъ Печерскаго монастыря до 1091 г. (см. выше указ. трудъ проф. Дурново, стр. 88); наконецъ, „Хожденіе“ игумена Даниила составлено въ началѣ XII в.; судя по нѣкоторымъ указаніямъ въ нёмъ, авторъ происходилъ изъ Черниговской области, которая въ дотатарское время была въ постоянныхъ, тѣсныхъ сношеніяхъ съ Кіевомъ, входила въ составъ Кіевской Руси. И вотъ, всё эти авторы, не смотря на различіе ихъ по происхожденію, по времени и мѣсту, въ меньшей или большей, а иногда и въ очень значительной мѣрѣ употребляютъ грамматическій членъ, — именно такой, какой существуетъ въ болгарскихъ и великорусскихъ говорахъ, и свидѣтельствуютъ этимъ о существованіи этого грамматическаго явленія въ достаточно широкомъ и развитомъ видѣ въ говорѣ дотатарской Кіевской Руси. Такимъ образомъ это явленіе связываетъ этотъ говоръ съ великорусскими и болгарскими говорами и въ тоже время отдѣляетъ его отъ говоровъ малорусскихъ, не имѣющихъ члена; это согласуется и съ выше отмѣченнымъ наблюденіемъ объ извѣстныхъ различіяхъ фонетическаго характера между памятниками кіевскими и галицко-волынскими. Иначе говоря, этимъ подтверждается давно высказанное мнѣніе о болѣе близости древне-Кіевскаго нарѣчія къ говорамъ великорусскимъ, чѣмъ къ малорусскимъ.

Братислава

Валерій Погорѣловъ

Удлинение звуков *т* и *д* в русском языке

I. В сложных, интересных и мало изученных вопросах о долготе русских согласных особенное внимание исследователя привлекают разнообразные случаи удлинения глухого переднеязычного *т* и соответствующего ему звонкого *д*. Определению и выяснению видов и условий этого удлинения мы и посвящаем наши настоящие заметки.

В форме удвоения согласных в письме данные вопросы не рассматривались исследователями русского языка¹, но узкие орфографические рамки, в которых обсуждались данные вопросы, препятствовали ясному и полному их освещению. Мы увидим дальше, как затрудняли подобные вопросы даже такого выдающегося нашего ученого, как покойный академик А. И. Соболевский, — затрудняли именно потому, что он недостаточно оценил и уяснил себе фонетическую сторону данных явлений языка.

Основным условием фонетического удлинения звуков *д*, *т*, также, как и других русских согласных, мы считаем положение их между гласными звуками. Зависимость от ударения, на которую указывали некоторые исследователи, не является существенной. Факты удлинения данных согласных не представляют вообще когда либо и где либо последовательно наблюдаемого фонетического закона: обычно это частные случаи, отмечаемые в литературном языке и в областных говорах. В отношении простых звуков *д*, *т* явления удлинения ограничиваются немногими примерами в корнях слова; в аффрикатах *ч* и *ц* удлинение *т* наблюдается чаще и яснее; здесь, как увидим дальше, оно является между прочим в ряде морфологических окончаний; однако природа данного явления везде остается по существу не морфологической, но фонетической.

II. Рассматривая случаи фонетического удлинения звуков *д* и *т*, наблюдаемого в обычной речи, мы исключаем из нашего обзора те случаи, где удлинение данных звуков вызывается риторической задачей: усиления отдельных звуков с целью обратить внимание слушателей на известные слова, как это бывает в публичном произношении, или в речи при повышенном состоянии говорящего. Первое — такие произношения, как *сиддёл*, *читтáй* в манерной декламации или в аффек-

¹ См. особенно Я. К. Грот, „Спорные вопросы русского правописания“, изд. 2-е, стр. 248-258, 338-341 (удвоение согласных в словах русских и заимствованных) и „Русское правописание“, стр. 65-69, 79-81, изд. 1885 г.

тированном чтении; последнее — в таких, например, случаях, как обычная русская угроза: „Я тебе задам!“ или провинциальная шуточная брань: Мольте у дыхала — моль те... (Добровольский, „Смоленский областной словарь“, Смоленск 1914, 199).

III. Явственное удлинение звука *т* в положении между двумя гласными мы имеем в глаголе *итти*, который многие и пишут согласно произношению. Здесь удлинение согласного *т* между гласными ясно определяется производными формами данного глагола. С одной стороны употребляются литературные *войти*, *зайти*, *найти*, *прийти* и под. после неслогового *и* (*й*), в которых нет удлинения *т*, — с другой стороны, у нас обращаются литературные *итти*, *вытти*, *притти*, и областные: *затти*, *натти*, *потти* с удлинением между звуками гласными.

Первоначальная форма данного слова, без удлинения *т*, показывается языками древне-русским и старо-славянским (*ити*), украинским (*ити*), белорусским (*іці*), сербским (*ити*), чешским (*јити*) и словинским (*ити*). Диалектически она отмечалась и в русском языке. См., напр., записи А. А. Шахматова из б. Петрозаводского у. б. Оцонецк. г. в „Северных сказках“, изданных под редакцией Н. Е. Ончукова, СПб. 1908 г., стр. 226, 243¹. Ср. также областную великорусскую форму *итить* („Словарь русского языка“, т. III, в. I, 205, изд. 1922 г.).

Удлиненная форма данного глагола (*итти*) входит в литературный язык уже с XVII века. Мы находим ее в „Уложении царя Алексея Мих.“ 1645 г. (стр. 54), у Котошихина („О России в царствовав. Алексея Мих.“, изд. Археогр. Ком. 1906, стр. 8, 9, 11 и др. с большой последовательностью), у Ломоносова (Сочинения, изд. Акад. Наук, т. V, 283), у Фонвизина (К. Петров, „Словарь к соч. и перев. Д. И. Фонвизина“, СПб. 1904), у Карамзина („История Гос. Росс.“ СПб. 1819, VIII, 59, 173) и др. Академические словари дают форму *итти* с 1792 года (ч. III, стр. 205-210). Словари 1806, 1847, 1867 года дают формы *идти* и *итти*, но в примерах предпочитают первую. Словарь 1922 г. дает только форму *идти*, совершенно не показывая *итти*. Форма *идти* охотнее употребляется в современном письме не только в силу некоторой традиции, но, повидимому, в уверенности, что это форма более грамотная. Действительно, она выдумана грамотеями времен Шишкова, но филологически не вполне обоснована. Достаточно сказать, что она не засвидетельствована памятниками древне-русского языка и ее не знает ни один из славянских языков.

В одном из живых великорусских диалектов показано удлинение согласных, между прочим и *т*, *д*, как общее явление. Проф. А. М. Селищев сообщает, что „в говоре иркутян наблюдается... преимущественно под ударением бóльшая выдержка артикуляции, затвора или фрикации²

¹ Дальнейшие ссылки на этот источник обозначаются: Шахматов, место записи, страница.

² По Томсону „при удлинении выдержки затвора получаются долгие затворные согласные. Моменты затвора и раствора не могут быть удлинены“ („Общее языковедение“, изд. 2-е, Одесса 1910, стр. 189).

по сравнению с обычным образованием *т', с', н'*: *тте*, *обраттили*, *гаддилсе* и др.“ („Диалектологический очерк Сибири“, Иркутск 1921, стр. 69). Удлинение *т* мы можем признать и в примере: *Пошли мы этто* с Павелом Гавриlichem („Материалы“¹, IX, 241, Акмолинская обл.), такъ какъ здесь, очевидно, употреблено слово „это“ в значении наречия. Вообще же в областных *этта* — здесь, *нутта* — тут затруднительно признать удлинение *т* в виду темной их этимологии.

В великорусских говорах встречаются и другие отдельные случаи удлинения *т* в положении между гласными, например: у кроватоцьки да у *тти*совья („Былины новой и недавной записи“, М. 1908, стр. 175, Архангельская г.), но они вообще весьма редки. Из памятников письменности один подобный пример мы можем указать во „Временнике дьяка Ивана Тимофеева“: *оттого боренюхъ* — о того борениях (Спб. 1907, стр. 163).

Удлиненное *д* мы склонны видеть в Угличском *утдень* в значении: будни (Якушкин, „Материалы для словаря“, 1896²). Это, очевидно, вариант к словам: *удни*, множ. (Рыбников, „Песни“, 1867, IV, 289), *уденье* (Даль) — полдень. Буква *т* в письме — плод затейливой орфографии; лексическое истолкование слова у Якушкина, вероятно, ошибочно. Следы удлинения звука *д* мы встретим още дальше в ряде новообразований, о которых говорим в отделе XIII. Частые случаи написаний и произношений в недостаточно грамотном употреблении: *поддорожник* вм. *подорожник*, *поддонки* вместо *подонки*, *подчерк* вм. *почерк* и др. под. нельзя считать исключительным следствием удлинения, так какъ здесь очевидно также смешение префиксов *под* и *по*. То же нужно сказать и о формах *подъячий* и *поддъячий*. Последнюю мы знаем, например, по рукописям Ломоносова (Сочин. IV, Примечания, 159), по Словарям Академии Наук с 1790 г. и Даля. Первая — привившееся прочно тоже старое правописание.

Обычно звук *т* в положении между гласными у нас не удлиняется. Сравните, напр., слова: *колотить*, *воротить*, *красота*, *сытый* и т. д. Впрочем, в русском языке мы имеем слишком мало слов, подобных глаголу *итти*, со звуком *т* между двумя гласными, при отсутствии согласных. Союзы *атó*, *итó*, мѣстоимения *эта*, *это* не стары по произхождению и несут на себе неполное ударение.

То же последнее нужно сказать и о сочетаниях: а ты, и ты. Слово *ути* — призывная кличка уток, если и имеет долготу, то риторическую. В словах, подобных *бáтя*, *тѣтя*, *тáтя*, *Кáтя*, несколько иного фонетического строения, долгота согласного *т* не ощущается. Думаю, что ее нет и в слове *идй*.

IV. С большой ясностью ощущается удлинение звука *т* въ сложных согласных *ч* и *ц* при положении их между гласными. Не только в

¹ Сокращение это здесь и далее обозначает изданные Академиею Наук „Материалы для изучения великорусских говоров“.

² „Материалы для словаря народного языка в Ярославской губ.“, Ярославль 1896.

XVIII веке, как правильно указывает А. И. Соболевский, но и теперь еще многие, не вышколенные произносить слова согласно с орфографией, говорят вопреки истории и этимологии слов: *лутче*, *протчие*, *притчина*¹, *порутчик*, *опритчина*² и т. п.

В диалектах удлинение звуков *ч* и *ц* в подобных случаях обнаруживается еще более ясно. Не останавливаясь на таких хорошо известных фактах диалектического произношения с долготой *т*, которые только что нами показаны, приведем несколько примеров из русских говоров с другими словами, обнаруживающими исследуемое нами произношение.

Заметим, что в приводимых далее примерах удлинение согласного *т* в сложных *ч* и *ц* означает, кроме постановки впереди данных согласных буквы *т*, также и удвоением согласных *ч* и *ц* (*лутче* и *лучче* и т. д.), что частью указывает на усиленное произношение *т*, частью является лишь особым графическим приемом наблюдателей, разными способами передающих одно и то же явление. И в нашем, и в областном произношении в составе аффрикат *ч* и *ц* удлиняется только первый звук *т*³, что следовало бы передавать написаниями *т'ш'* и *тс*: *лут'ш'е*, *битса*. В простейшей транскрипции всего точнее удлинение аффрикат передается буквами *тч*, *тц*, принятыми в обычном письме. Обозначение произношения удвоением букв *ч* и *ц* (*лучче*, *бицца*) или указанием долготы над аффрикатой создает ложное представление, что удлиняется вся аффриката⁴.

¹ Полагаем, что следует отличать две лексические формы: 1) причина — логическое основание чего-либо и 2) областное *притчина* — необыкновенный случай, происшествие: И все бы хорошо, да сделалась причина: В дозорных появился вор (Крылов „Хозяин и мыши“, „Басни“, изд. 1825 г., стр. 118, изд. 1843 г., стр. 86). Здесь корень тот же, что в слове *притча* в том же областном употреблении и значении: случай, происшествие (Экая притча случилась!). Поэтому в данном значении в приведенной басне следовало бы писать: *притчина* (вопреки принятому написанию в текстах нашего баснописца).

² Такое произношение отражалось и в орфографии XVIII века. Ломоносов писал: *лутче* (Соч. IV, 7, 131), *протчих* (IV, II, 12), также и Сумароков (X, 1782, 24), у Фонвизина укажем: *притчину* (изд. Тихонова, 244). Заметим, что сила произношения обнаруживалась здесь вопреки этимологической традиционной орфографии, установленной еще „Лексиконом“ 1704 года, который дает формы: *лучше*, *причина*, прочее. Словарь Академии Российской, конца XVIII века, повторяет эту же орфографию, однако делает исключение для слов *порутчик*, *подпорутчик*.

³ В редких случаях мы знаем удлинение и второго согласного в составе аффрикат. Так, в великорусских говорах Тункинского края б. Иркутской губ. „на конце и в закрытом слоге *ч* произносится с удлинением фриктивного элемента: „кирпичш, дочш, речшка“ и т. п. (Г. Виноградов, „Замечания о говорах Тункинского края“, Иркутск 1926, 12). В белорусских говорах известно удлинение *с* в составе *ц*: *купѣцс*, *конѣцс*, *подлѣцс* („Материалы для изучения белорусских говоров“, в. III, 137, Витебская губ. и уезд).

⁴ Различение звукового значения буквенных сочетаний *тч*, *тц* и *чч*, *цц* в значительной степени создается ложными представлениями фонетического значения письменных знаков. На самом деле, в отношении к долготе согласного звука оба обозначения передают одно и то же. Диалектологи, отмечающие, что одна группа говорящих про-

Укажем примеры рассматриваемого вида удлинения: *отчунь* — очень (АГО¹ Сергачск. у. Нижегород. г., № 136), *нѣтчаво* — нечего („Материалы“, VII, 310, Егорьевск. у. Ряз. губ.); *хотчѹ*, с слабым *т* („Сборник ОРЯС“², т. LXXI, № 5, стр. 12, Юрьевский у. Владим. губ.); в том же уезде я постоянно слышал *крупйтчатый*, *крупйтчатая* мука; ср. подобную форму в Смоленском словаре В. Н. Добровольского: *крупйтчистый* пирог — *крупичатый*. В просторечии Ленинграда и в говоре уроженцев б. Новоржевского у. Псковск. г. часто наблюдается произношение: *рабѳтчий*. В говорах Смоленской губ. В. Н. Добровольский отметил: *тряпѣччить* — *трепещет* („Смоленский этнографический сборник“, СПб. 1891, I, 39). В Чердынском у. давно показаны Далем произношения: *жеччи*, *теччи*, *леччи* (жечь, течь, лечь)³. То же *леччи* отмечено въ Тотемск. у. Волог. г. (Р. В. Ф.⁴, т. XVIII (1887), 246) и в б. Повенецком у. Олонецк. г. (Шахматов, 347).

В Смоленском словаре Добровольского находим: *жидчйнка* — тонкий, гибкий прут (правописание, очевидно, основано на ошибочном сближении с словом *жидкий*); ср. ту же форму слова с удлинением: *житчина* — тоненький прутик (Устюжский Словарь 1757 г., изданный П. К. Симоном в „Живой Старине“ 1898 г., кн. III-IV) и *жичйна* — тонкий прут, хворостина, розга (Донское, Ульянов: „Словарь русского языка“, т. II, редакция А. А. Шахматова). Ср. также: *вйтчина* — древесная ветка, хворостина („Сборник ОРЯС“, т. LXXVII, № 7, 27, Новгородск. у.), при северных *вйца* — ветка, прут. Впрочем, слово *вйтчина*, при северном переходе *и* в „ять“, возможно производить от ветка (вѣтка), и тогда звук *т* будет в нем первоначальным, а не возникшим в силу удлинения.

Есть указания, что удлинение звука *т* при *ч* особенно ясно наблюдается при отвердении *ч* („Материалы“, XI, 88; „Сборник ОРЯС“, т. LXVIII, № 3, стр. 51).

износит окончание *тчя*, *тца*, а другая *чча*, *цца*, исходят, кажется, более из самовнушения, чем из объективного наблюдения. К сожалению, такие ошибки не редки. Так, один из лучших наблюдателей белорусской речи, Н. Я. Никифоровский, замечает, что „неопределенное наклонение глагола имеет — *цца*, тогда как 3-е л. единств. и множ. ч. — *тчя*: „хацев ба жаницца, ды дела ни спаритца“ („Материалы“, III, 137). Он отличает: *прѳситца* и *звѳцца* (137), однако оговаривается, что „в местном употреблении обе формы соединяются в *цца*“ (137). Другие наблюдатели не подтверждают подобного различия. См. в том же III-м выпуске белорусских „Материалов“: *прѳсицца*, *звѳцца* (93, 109, 1 5, 125). Там же, в записанных текстах, на стр. 100, в формах изъявит. накл.: *садзицца*, *адзвѳцацца*, *муляцца* (ошибается), на стр. 105, в формах неопред. накл.: *заняцца*, *смеркатца*, *правалитца*.

¹ Сокращение это обозначает Архив Государственного Географического Общества в Ленинграде, где собраны богатые фольклорные и диалектологические рукописные материалы с конца 1-ой половины прошлого столетия.

² Сокращение это обозначает: „Сборник Отделения русского языка и словесности“, изд. Академии Наук.

³ „Толковый словарь живого великорусского языка“, изд. 2-е, СПб. 1880, т. I, стр. LI, ст. „О наречиях русского языка“.

⁴ „Русский Филологический Вестник“.

Наклонность к удлинению *ч* в современном литературном языке вызывает иногда неправильные словообразования; например, в нынешней печати встречается форма осолдатчивание вм. осолдачивание (придавание солдатского вида; существительное при глаголах: осолд́атить — осолд́ачивать; ср. укоротить — укорачивать — укорачивание).

В показанных В. Н. Добровольским для говоров Смоленской губ. произношениях: *зáiччйй* — *заячйй* (Словарь, 238, 256), *дьявóччйй* — *девичйй* („Смоленский этнографический сборник“, I, 31), точно так же, как в нередком в великорусских говорах произношении *трéттйй* — *третйй* (при *заячья*, *дьявочья*, *третья* и под.), следует признавать особый вид удлинения звуков *ч* и *t*, где долгота согласного возникла вследствие ассимиляции его последующему звуку *j*. Ср. белорусское: *сабáччы* — *собачйй*. Все такие и подобные случаи удлинения согласных вследствие ассимиляции не входят в круг материалов и задач настоящего исследования.

V. В деепричастиях, имеющих этимологические окончания *дши*, *тши*, областное великорусское произношение дает формы с большим или меньшим удлинением *ч*, изображаемые посредством написаний *тчи* и *ччи*: *ушóччи* („Материалы“, VIII, 492, Зубцовский у. Тверск. г.), *уэхатчи* (там же, 495), *зашóтчи*, *ушédчи* (там же, XI, 17, Казанский у.), *не éтчи*, *не éччи* (там же, 19), *уэхатчи*, *зашóтчи* (там же, 74, Семеновский у. Нижегород. г.), *ушétчи* (там же, 88, Инсарск. у Пензенской губ.), *эхатчи*, *приэхатчи* („Труды Московской Диалектологической Комиссии“, III, 83, Жиздринский у. Дальше обозначаем: „Труды М. Д. К.“) и т. д. В цокающих говорах, Новгородских и Псковских, эти окончания звучат как *тцы*: *ушóтцы* и под.

Сравните в памятниках Псковской обл. XV в.: *прочетче* (Каринский, „Язык Пскова“, СПб. 1909, с. 34), у Котошихина: *етчи* и *пив* (13, 151, 153), *счотчи* (15, 140), *приведчи* (103), *покрадчи* (135).

Объяснить происхождение деепричастных форм на *тчи* и *ччи* не трудно: смягченное *t* и мягкое *ш* дают в сложении мягкое *ч*, в котором *t* удлиняется, что и дает графические формы *тч* (для некоторых слов по этимологическому письму *дч*) или *чч*. Верность этого объяснения подтверждается тем, что в великорусских говорах известны формы с первоначальным *ч*, без удлинения. Так, в говоре г. Холма Псковск. г. показаны произношения: *уэхачи*, *пришóчи* („Материалы“, XI, 119), в Медынском у. Калужской г.: *уэхачи*, *приэхачи* (там же, 49). В белорусских говорах Федеровским показаны произношения: *wýsceszy*, *ra-scészy*, *zajscészy* (Карский, „Белоруссы“, т. II, ч. I, 446, Волковыский у. и др.). Они вполне нормальны и напрасно смущали автора „Белоруссов“. Ср. то же самое в старом сербском языке *дошачи* (при *дошатчи*, *дошадчи*, *дошадши*), *обашачи* (при *обашадши*), *прошачи* (при *прошадчи*, *прошадши*) (Даничић, „Историја облика српскога или хрватскога језика до свршетка XVII вијека“, У Београду 1874, стр. 379, 380).

Подобным образом и прилагательные на *дший* дали в наших говорах образования на *тчий*. Звук *д* перешел в *т* и, слившись с мягким *ш*, обратился в *ч*; затем удлинился и теперь сочетание согласных звучит как *тч* или *чч*: *млáтчий*, *прошétчий*, или *млáччий*, *прошéччий* („Материалы“, VIII, 492; XI, 17, 88 и др.; „Хрестоматия по великорусской диалектологии“, 182 и др.). Произношения такого рода не чужды и говору Ленинградской средней интеллигенции.

Так же образовалось и возбуждавшее некогда так много споров слово *ветчинá*, правильное изображение и точную этимологию которого отстоял академик Ягич (против надуманной орфографии и этимологии Грота). Действительно, уже „Лексикон трехязычный“ 1704 года (Федора Поликарпова) ставит рядом, как однозначные, слова *ветшинá* и *ветчинá*, также „Словарь Академии Российской“, ч. I, 1789, дает: *Ветшинá*, или *ветчинá*, так что в происхождении слова *ветчинá* или *ветшинá* не может быть сомнений. Промежуточная, собственно первоначальная, форма *вечинá* вовсе не редкость в живых русских говорах; не чужда она и образованному, например, Ленинградскому произношению.

VI. Давно отмечено, что „в Тотемск. у. звук *ц* иногда как бы удваивается или произносится как сочетание *тц*. Так, слово „цедить“ на Вотче произносят двояко: „*цц*ыдítь и *тц*ыдítь“ (Р. В. Ф., XVIII (1887), 231). Вероятно, образцы подобных произношений извлечены из фраз, в которых *ц* стояло после гласного звука, например: *нацедítь*, *буду цедítь* и т. п. В Мещовском уезде еще в 1850 году отмечено произношение *батцнуть* — ударить (АГО, № 56). Добровольский показывает в Смоленской г. произношение *вétцир* (ветер; белорусское *цекаю*щее произношение данного слова с удлинением *т*; Словарь, 165, под словом „дерево“). В говоре г. Мещовска Калужск. г. некогда отмечены мною произношения: *птítца*, *улитца*, *горчítца*, *спítца*, *водитца*, *акáтция*, — всё в именах сущ. именит. пад., с указанием, что здесь „правильно вставляется перед *ц* звук *т*“¹ („Материалы“, V, 231). Впоследствии подобные формы показаны и в Медынском у. той же г. (Там же, XI, 44). В Клинском у. Тверской губ. я укажу произношения: *разлúшнитца* („Сборник ОРЯС“, т. LXVIII, № 3, стр. 60), *дévитца* (64), *красáвитца* (64), *раскрасáвитца* (66, 67), *птítца* (77), *улицу* (78) и под. Для говоров Смоленской г. в Словаре Добровольского находим слово *йжитца* (ижица, последняя буква старой русской азбуки).²

¹ В настоящей работе я строго отличаю *удлинение* простых и *сокращение* долгих согласных *т* и *д* от *вставки* и *пропуска* звуков *т* и *д*.

² В малограмотных записях М. Байкова Н. Н. Дурново отметил как правило *т* перед *ц*: *лиццо*, *девитца*, *львитца*, *улитца* и под. Соответствующие произношения в говоре д. Парфенок Рузского у. и у самого писавшего автор исследования данного говора отрицает и признает здесь „искусственную орфографию“ (стр. 100). Можно возразить: откуда же могла получиться такая орфография? В письме уроженки б. Новоржевского у., которую я обучал недавно грамоте, я тоже наблюдал написания типа

В одной Двинской грамоте XV в. А. А. Шахматов указывает форму *истьцистити* ясно, по нашему мнению, свидетельствующую об удлинении *ц*, которое на месте *ч* („Исследование“¹ 79).

Удлинение *ц* для означения превосходной степени, вроде: *ццерный* — очень черный („Материалы“, IX, 181, Кирилловский у.) следует считать риторическим.

В белорусском языке покойным академиком Е. Ф. Карским для подобных произношений указан один пример из Гродненского акта XVI в.: *литцомъ* („Белоруссы“, т. II, в. I, 460) и несколько из живых говоров: *молотчанка*, *досветчоно* и др., с правильным указанием, что здесь усиленный звук *т* (496).

В живых белорусских говорах нередко наблюдается удлинение *ц* из *к* в формах склонения, при положении между гласными: *рутце*, *раце* (реке) и под. (Карский, „Белоруссы“, т. II, ч. I, 466, 467). У Клиха в говорах Новгрудского у. отмечено усиленное произношение *ц* из *к*: *гиссэ*, *sabáccy*, *тизýccy* и др. (Там же, 467). В ответах на „Программы для изучения белорусских говоров“ мы имеем довольно много указаний на удлинение *ц* в падежных формах слов *рука* и *река*: *рутце* и *руце* („Материалы для изучения белорусских говоров“, в. II, 19, Слуцкий у. Минск. г.), *у рутцэ* (в. III, 87, Слуцкий у.), *рутці* (там же, 124, Речицкий у. Минск. г.), *рутцэ*, *рётце* (там же, 125), *дзьве рутцэ* (там же, 126) и др. Здесь удлинение *ц* в разных падежных формах, по нашему мнению, явление фонетическое, а не морфологическое.

VII. Покойный академик А. И. Собелевский, с большим вниманием наблюдавший явления данного порядка, собрал для разъяснения их значительный материал, но с большой осторожностью приступал к разрешению вопроса о происхождении данного явления. Последнее суждение по этому вопросу он высказал в особой заметке, где указывает на русское литературное произношение: *протчий* (при белорусском *протчий* и *прочий*), на московское произношение и орфографию XVIII в.: *притчина*, на показания памятников письменности XVII и XVIII вв.: в *петчати*, о проротчицах, *уберетчися*, *петчи*, *постритчися*, *измотчи*, на свидетельства великорусских живых говоров: в Томской г. — *смотчись* (собраться с силами), в говоре г. Мещовска — *птитца*, *улитца* и др. По его мнению, „во всех приведенных словах *тч* и *тц* получилось из *чч*, *цц*“². Мы уже указывали, что фонетическая разница между пись-

птитца, хотя никогда не слышал у ней подобных произношений. Вероятно, мы имеем здесь дело с интимными, глубоко скрытыми ощущениями живого языка, уклоняющимися от нашего контроля, но доступными самонаблюдению.

¹ „Исследование о двинских грамотах XV в.“ СПб. 1903.

² „Русский Филологический Вестник“, 1910, № 3-4, стр. 135-136, статья: „Мелкие заметки по славянской и русской фонетике“, § 21. — В последнем, 4-м издании „Лекций“ (М. 1907) автор, указавши, что звук *ч* заменен в великорусских говорах „сочетанием *тч*“, заметил, что о происхождении этой замены трудно сказать что-нибудь определенное“ (стр. 141).

менными изображениями *тч* и *чч*, *тц* и *цц* не существенна или даже совсем отсутствует. Приводимые автором и известные нам примеры убеждают, что в письме формы с *тч*, *тц* появляются раньше, чем написания с *чч*, *цц*, поэтому никак невозможно выводить первые из последних. При этом основной пункт исследования здесь подменяется побочным. Нам необходимо объяснить: как из причина получилась *притчина* и *причина*, а не то, какое отношение между двумя последними производными формами.

VIII. Любопытны показанные некоторыми наблюдателями великорусских говоров случаи удлинения согласных в сочетании *т+с*, изображаемые буквами *тц*. Так, в Обоянском у. Курской губ. показано *атцѹда*—отсюда („Курский сборник“, IV, 76), в Воронежской губ. отмечено *атцѣдава*—отседова, *атцѣль*—отсель (Р. Ф. В. XL (1898), 22, 35), в Астраханск. г. *атцѣля* (там же, LXIII (1910), № 1, 122, в Новосильском у. Тульской г.: *отцѣль*, *отцѣда*, *отцѣлева* („Материалы“, VIII, 551, 553), в Казанском у. *отцѣли* (там же, XI, 15), в Егорьевском у. Рязанск. г. *оццудѣ* и *аццудѣ* (Шахматов, „Описание Лекинского говора“, стр. 36) и под.

Здесь очевидно *т+с* дало *ц*, в силу удлинения первого звука сложения получилось произношение, которое обозначено буквами *тц*¹.

В сущности то же самое явление дают великорусские глагольные формы на орфографические окончания *тсья* и *тсья*, произносимые, как *тца*, и числительные на орфографическое окончание *дцать*, звучащее *тцать*.

В фонетических записях глагольные формы с удлинением передаются как *тц* или *цц* (в чѣкающих говорах *тч*, *чч*). Двойной согласной, очевидно, стремятся передать более энергичное удлинение звука *т*. В фонетической транскрипции долгие *ц* и *ч* изображаются *ц* и *ч*, со знаком долготы над буквою, однако эту передачу нельзя считать вполне удачной, так как удлинение, как мы уже отмечали выше, не распространяется на всю аффрикату, а характеризует только первую ее часть, взрывной *т*. Вообще строго разграничить изображения *тц* (*тч*) и *цц* (*чч*) в звуковом отношении путем безыскусственного наблюдения весьма затруднительно. Приводя дальше для данных форм несколько примеров удлинения согласных *ц* и *ч* в великорусских говорах, мы поэтому оговариваемся, во-первых, что разница транскрипции собственно не обозначает еще разницы диалектов и частью должна признаваться, как индивидуальный графический прием того или другого наблюдателя, во-вторых, что приводимые примеры свидетельствуют лишь о распространении в живом русском языке, в данных его формах, произноше-

¹ Подобные произношения в украинском: *відци*, *відциль* (Гринченко, „Словарь укр. языка“), *видциля* (Дурново, „Хрестоматия“, 31) должны иметь другое объяснение, потому что *д* в украинском не теряет своей звонкости. Может быть данные формы — плод великорусского влияния?

ний без точного указания пределов распространения разных его степеней, что требовало бы более утонченных и совершенно новых наблюдений русских областных говоров выдающимися специалистами. Приведем несколько примеров из разных, наиболее точных описаний великорусских говоров.

В Рузском у. Московск. губ.: байца (161), кáтюцá (162), трéпуюцá (167) и др.¹ В Касимовском у. Рязанск. губ.: купаю́тца (334), тритцáть (334), пятнáтцáть (335), жанítца (335), кóнцытца (335) и др.² В Зарайском у. Рязанской г.: сабира́ица (50), пасажа́юца (51), заступа́ца (51), атапрéца (57), сади́ца (59) и под.³ В Валуйском у. Ворон. губ. жанítца, бранítца („Материалы“, IX, 92). В Мещовском у. Калужск. г.: двáццать, трíццать (164), бранíцца, жéницца, тарóпицца (165),⁴ и под. В Грайворонском у. Курской губ.: мо́лицца, бай́цца („Материалы“, IX, 151). В Нолинском у. Вятск. г.: раставáцца, облива́цца, сади́цца („Материалы“, VIII, 541). В Шенкурском у. Арханг. г.: двенацáцети, тринацáцети (8), двацáцеть, трицáцеть, семнацáцети (11), весели́цце, годи́цце, бели́цце, румени́цце (20) („Материалы“, IX). В Никольском у. Волог. г.: бранíтця, жóнитця, жгóтця; дра́чча, переве́рнечча („Материалы“, IX, 54).

Подобных примеров в нашем распоряжении множество. Все они свидетельствуют, что в великорусской массе говорящих господствует в данном окончании произношение с удлинением *т*. Вне всякого сомнения первоначально сочетание согласных *т+с* должно было дать простое *ц*. В великорусских диалектах мы еще находим эти, так сказать, „чистые“, фонетические формы. Так, в говоре с. Шалова Мещовского у. Калужской губернии показаны произношения: свáтаца, сбира́еца (137), разóльица, разóвьюца (141), разгара́ица, тарóпица (143)⁵. В Великолуцком у. Псковской г. показаны произношения: делаеца, ругаеца, рядом с делае́тца, ругае́тца („Материалы“, VI, 290). К. А. Иеропольский в рукописном сообщении о говоре деревни Сыромолотова б. Холмского у. Псковск. г. устанавливает для произношения глаголов правило: „если перед *ся* стоит *т*, то окончание *тс* переходит в *ц* и твердеет: купаю́ца, умываю́ца“. Отметим еще в Корсунском у. Симбирской г.: ни спíцца — не спится („Материалы“, VIII, 529). В Рузском у. Москов. г. по записям Н. Н. Дурново указаны произношения кáтюца („Описание гов. дер. Парфенок“, 162), дивуи́ца (169). В Зарайском у. наблюдения Ю. В. Петровской указывают при обычном удлинении и форму с его отсутствием: аста́ница (50). Как не размежеваны диалектически окончания *цца*, *тца* и *ца*, видно из того, что в Жиздринском уезде показаны все три разновидности в говоре одного лица: уби́цца, бири-

¹ Н. Дурново, „Описание говора деревни Парфенок, Рузского у. Московской г.“, Варшава 1903.

² Е. Будде, „К истории великорусских говоров“, Казань 1896.

³ Ю. В. Петровская, „Говор села Матыр Зарайского у.“, Петроград 1922 („Сборник ОРЯС“, т. ХСІХ, № 6).

⁴ „Сборник ОРЯС“, т. LXX, № 6.

⁵ „Сборник ОРЯС“, т. LXX, № 6.

гетца, пападауца — попадаются (Н. Н. Дурново и Д. Ушаков, „Хрестоматия по великор. диалектологии“, М. 1910, стр. 155, запись А. А. Шахматова). То же разнообразие в произношении первоначального сочетания *m + c* в глаголах на *ся* показывает и Брок в говоре с. Ивонина Мосальского уезда, где неопределенное наклонение на *ться* дает то согласные *тс*, то скорее *тц*, то просто *ц* (О. Брок, „Говоры к западу от Мосальска“, Петр. 1916, стр. 12).

Для старого языка мы можем указать подобные формы числительных в Двинских грамотах, изданных А. А. Шахматовым: *польтрьетьяцять*, *пятначь* (78), *двачь* (80).

В отношении к произношению данного окончания в глаголах любопытны издавна допускаемые нашими поэтами рифмы, подобные — *царица* — *зритца*, *царица* — *струитца* (Державин, „Сочинения“, СПб. 1808, ч. I, 210, „Плач царицы“), *вереница* — *разразиться* (Д. Ратгауз, „Собрание стихотворений“, СПб. 1900, 127, „Гроза“), *лица* — *творится* (184, „Пир Петрония“), *таится* — *птица* (Щепкина, „Шантеклер“, М. 1910, 97) и т. п. Такие рифмы обыкновенно рассматриваются, как недостаточные. Вернее, может быть, объяснять их тем, что в литературных говорах поэты улавливают те же оттенки произношений, которые с большой ясностью выразились в народных диалектах, т. е. удлинение *ц* в существительных на *ица*, или же отсутствие его в глаголах на *ться* и *тся*. При любом из этих условий данные рифмы могут оказаться вполне безукоризненными¹.

Белорусские источники, характеризующие живое областное произношение дают глагольные формы на *тца* и *ица*. Формы на *ца* показаны академиком Е. Ф. Карским лишь в старых памятниках („Белоруссы“, т. II, в. I, 450; ср. стр. 351).

В украинских диалектах показаны глагольные формы на *тьця*: *сходятьця*, *бютьця*, *рижутьця* и под. (Н. Дурново, „Хрестоматия по малорусской диалектологии“, М. 1913, стр. 4), *тца*: *радитца* (21), *пасѣтца* (23), *ица* и *ицьця*: *вьѣця*, *бьѣця* (5), *напицьця*, *хвалицьця* (6; тот же текст). Так же, как и в великорусских говорах, есть первоначальные, не усложненные удлинением формы на *ца*: *здаѣця* (сдается, 19), *носыця* (носится), *обыйдиця* (обойдется), *найдеця* (найдется) и под. (20).

Для сербского языка П. А. Лавров в Афонском Драгином евангелии указывает очень частые примеры с *ц* вместо *тс* в 3-м лице глаголов наст. времени ед. и множ. числа: *вино пролѣецж*, *молжцж* и под. Подобные примеры известны в говоре Тырнова в Болгарии: *купѣц ци [купет(е) си]*² и под.

Прочно утвердившиеся в нашем, русском письме формы числительных на *дцать* собственно не имеют ни фонетического, ни этимологического оправдания; санкционирующая их историческая традиция не

¹ Ср. Рад. Кошутин, „Грамматика руског језика“, I, друго изд. Петр. 1919, 438-439, § 253.

² П. А. Лавров, „Краткая грамматика болгарского языка“, СПб. 1910, стр. 37-38.

отличается большой давностью. В XVII и XVIII в. последовательно писали это окончание в виде *тцать*. Так видим в „Уложении царя Алексея Михайловича“, по изд. 1645 г.: *трицать* (41), *пятнадцати* (41). Так постоянно пишет Котошихин („О России в царствов. Алексея Мих.“): *семинацати* (33), *двацати* (98, 125), *трицать* (115), *двацать* (121), *одиннатцать* (123). В „Ведомостях времени Петра В.“, по весьма точному изданию Московской синодальной типографии 1903 года находим: *двацать* (15), *трицать* (18), *двенадцать* (17). Ломоносов следовал тому же правописанию в своих сочинениях и грамматике, в которой находим: *одиннатцать*, *двенадцать*, *тринадцать*, *девятнадцать*, *двацать*, *трицать* (§ 257). Формы на *дцать* рекомендуются, впрочем, уже Кургановым в его очерке русской грамматики, которым начинается его известный „Писмовник“ (I-е издание под названием: „Российская универсальная грамматика“ вышло в 1769 году). В литературный оборот они введены Карамзиным (Державин писал: *двацать* („Сочинения“, СПб. 1808, ч. I, 299, II, 290), *трицать* (I, 298), *осмнатцати* (III, 25) и т. п.), затем утверждены в общем употреблении грамматиками Российской Академии (1802), Греча (1827) и Востокова (1831). За ними и последующие составители грамматик настойчиво внушали пишущим неверное положение, что орфографическое „*дцать* есть сокращенное *десять*“¹. В действительности, „сокращение“ слова *десять* ни в каком случае не может дать формы *дцать*, так как при выпадении *е* имеем *дсять*, где звонкое *д*, уподобляясь следующему глухому, переходит в *т*, откуда *т* в соединении с *с* дает *ц*; при отвердении последнего из слова *десять* получается форма *цать*, а при удлинении *ц* — *тцать*. Составители старых грамматик в звуковой удлиненной форме *тцать* на месте *т* подставили *д* по неправильному истолкованию фонетики и этимологии слова.

Первоначальное окончание *цять* или *цать* хорошо сохранилось еще в разных великорусских говорах. Так, в Петрозаводском у., в записях А. А. Шахматова, находим: *двенацать* (227, 266), *двацять* (257), *трицять* (304, 325), *семнацять* (350). В Тотемском у. Волог. губернии *od'ínac'et'*, *d'võnác'ef*, *t'r'ínác'et'*, *dvác'et'*, *t'r'íc'et'* (О. Брок, „Описание одного говора из югозападной части Тотемского у.“ СПб. 1907, стр. 130). В Переяславском у. Владимирской г. указаны произношения: *пятнацать* („Труды М. Д. К.“ IX, 71), *чатырнацать* (78), *семнацатый* (78), в Чухломском у. Костромск. г.: *трицеть*, *двацеть* („Живая Старина“, 1899, III, отд. II, стр. 340), в Балахнинском у. Нижегород. г.: *двенацать*, *пятнацать* (39), *шоснацать*, *одинацать* (41), в Лукояновском у.: *двацати* (54) („Живая Старина“, 1911, в. I), в Мещевском у. Калужской губ.: *двинацати*, *двинацать* („Сборник ОРЯС“, т. LXX, № 6, стр. 144), *адиныцать* (147), в Зарайском у. Рязанск. г.: *тринацать*, *двацать*, *трицать* и др. (Петровская, 46). Вообще такие формы числительных встречаются в великорусских говорах нередко, хотя общим и наи-

¹ См. „Элементарная грамматика“ К. Говорова, Воронеж 1869, изд. 7-е, стр. 70.

более распространенным великорусским произношением данного окончания следует считать *тцать*, возникшее в силу удлинения *т*.

В белорусском языке окончание *цать* в данных числительных указано лишь по памятнику XVI в. (Карский, „Белоруссы“, т. II, в. I, 351).

Украинцы издавна писали данные числительные, подобно великоруссам, с окончанием *дцять*: одинадцять, дванадцять . . . , двадцять, тридцять и т. д. Школьные грамматики Украины послереволюционного периода идут в разброд: одни держатся старого окончания (см., например, О. Синявский, „Украинский язык“, Харьков 1923, стр. 37; М. Иогансен, „Украинский язык“, Киев 1923, стр. 20); другие, например, О. Изюмов, „Грамматика й правопис української мови“, Киев 1927, вид. 6-е, рекомендует писать: двацять, трицять (29), п'ятнацять (33) и т. д. Первое окончание, хотя и встречается нередко в записях произведений народной словесности (см., например, „Хрестоматию“ Дурново, стр. 8 и др.), повидимому, имеет лишь орфографическое значение, не фонетическое. Там, где в произношении на Украине сохранился звук *д*, мы ожидали бы за ним *с*, как это иногда и пишется, например, у Драгоманова: одинадцять. Там же, где звонкий *д* мог ассимилироваться с глухим *с*, как в говорах Галиции, должно было получиться *ц*, подобно тому, как это произошло у великоруссов. Действительно, из наблюдений О. Брока („Угросорусское наречие с. Убли“, СПб. 1900, стр. 101), видно, что числительные, имеющие у нас орфографическое окончание *дцать*, произносятся в говоре с. Убли, как и в русском языке, обычно с долгим *ц* и изредка без удлинения. Если же мы встречаем такие произношения среди украинцев СССР, то мы должны рассматривать их как результат отступления от общего правила украинского языка сохранять звонкую согласную перед глухой. Та часть украинцев нашего Союза, интеллигентная и неинтеллигентная, городская и деревенская, которая говорит одинацять, двáцять или одинацять, двацять или издавна потеряла, вполне или частично, звонкость согласных в положении перед глухими, или просто усвоила числительные, как слова часто повторяемые в общении с великоруссами, с великорусским консонантизмом.

Итак, сложные числительные, имеющие во второй части сложения сокращенное слово *десять*, во всех русских языках обычно имеют окончание с потерей *е* и с удлинением *т*, полученного из *д*; в великорусском и частью украинском достаточно распространены формы и без удлинения *т*. Этимологического правописания согласных в данном случае не имеет ни один из названных языков. Оно имеется лишь у словаков, которые пишут: *dvadsat'*, *tridsat'*, и у чехов, у которых существовало правописание *dvadset*, *tridset*. Довольно удачный компромисс между этимологией и основной фонетикой дает современное украинское правописание на *цять*, подобно письму словацкому (*dvacet'*) и чешскому (*dvacet*).¹ Великорусское окончание *дцать* оказывается псевдограмматным, не имеющим основы в живом русском языке.

¹ В польских грамотах XV-го века числительные от 11 до 19 имеют окончания *паце* и просто *паце* (Бодуэн-де-Куртенэ, „О древне-польском языке“, Лейпциг 1870, стр. 34).

IX. Обращает на себя внимание также удлинение *т* перед окончаниями прилагательных *цких* и фонетически равных ему *дский* и *тский*. Многочисленные примеры с предшествующей этим окончаниям буквою *т* дает Котошихин: кабатцкие откупщики (76), купецкие люди (106), дворецкой (78), стрелетцкие (26, 89), Вологодцким (143), Крутицким (143), Новгородская (108), посадские люди (5, 127; этимологическое *д* заменяет здесь фонетическое *т*), датской король (58), салдатские (133, 134) и т. п. Ср. в памятниках старой болгарской письменности: Арватска земя (Лавров, „Обзор“, 88). Из областных русских говоров мы имеем в этом отношении мало данных, между прочим один пример с чрезвычайно затейливой орфографией: некрутская хвиганция — рекрутская квитанция (Ответ на программы Академии Наук, № 240, Новосильск. у. Тульской г.). Сравните отмеченное в Касимовском у. Рязанской г. Е. Ф. Будде произношение: *й* кутцки — в кучке („К истории великорусских говоров“, Казань 1896, стр. 335).

X. Рядом с удлинением согласного *т* между гласными и в других положениях русские говоры представляют примеры отсутствия удлинения как в случаях, где оно должно быть по этимологическому составу слов, так и в тех случаях, где мы имеем его на лицо, как фонетическое новообразование в нашем общем произношении. Так, в Тульской губ. показано: пачерица — падчерица (АГО, № 40, запись сказки), в Смоленской: пачирка (Добровольский, Словарь), в Яранском у. Вятской г.: почевать — потчевать („Материалы“, VIII, 483), в Корсунском у. Симбирской г.: молацу, молоца, брацы (там же, 527). В Вятском словаре Н. М. Васнецова („Материалы для объяснительного областного словаря Вятского говора“, Вятка 1907) указаны слова: ачяной и очяной (отчаянный), безбческой (безотческий), некручина (рекручина).

С точки зрения отсутствия удлинения *ч* между гласными любопытны некоторые русские образования сравнительной степени. При *короткий* мы имеем в данном образовании — *короче*; следовало бы ожидать *коротче*, подобно тому, как от кроткий имеем кротче, от прыткий — прытче. Форму *коротче* мы действительно находим в журнале „Санктпетербургский Вестник“, 1779, III, 38, знаем ее и в областном просторечии (В. Долопчев, „Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи“, Варшава 1909). Однако форма *короче*, может быть, не зависит от нее. Дело в том, что в говоре Тотемского у. мы знаем форму иного образования: *коротше* („Словарь русского языка“, т. IV, 2226), которая фонетически должна дать: *короче*. От *кровок* в „Рос. Грамматике“ Ломоносова, § 221, показана чуждая нам форма сравнительной степени *к Roche*, до сих пор сохранившаяся в родном говоре Ломоносова и известная в других северных (Р. Ф. В. XXIV (1890), 50 (покроче), Ярославск. у.). Эту форму мы можем также вывести фонетически из сравнительной степени на *ше*: кротше-к Roche. Таким образом сравнительные степени *короче* и *к Roche* правильнее рассматривать не как сокращения, а как независимые варианты при формах *коротче* и *кротче*.

Форма *луче* (*лучи*), наблюдаемая в говорах (Р. В. Ф. 1913, № 3, стр. 129, Черноярский у. Астрах. г.; „Труды М. Д. К.“, XII, 175), за-свидетельствованная и в древне-русском языке, есть первоначальная. Наше живое *лутче* — ее удлинение. Книжное *лучше* — особый вариант сравнит. степени. Ср. боле и больше и под.

Формы *лутче*, *лутчий*, нетерпимые в современном письме, издавна обращались в русском литературном языке. Их постоянно употреблял, например, Ломоносов, за ним Фонвизин и др. Их можно видеть и по рифмам поэтов самого недавнего времени. Так, у Ратгауза даже без удлинения *ч*:

Блещут искры в темной *туче*,

Вянут розы на окне...

Милый друг, с тобой мне *лучше*...

(Собрание стихотворений, СПб. 1900, 148. На стр. 185 рифма: могучей-лучшей. Читайте: *лүче*, *лүчей*).

Отсутствие долготы в сочетаниях *тч*, *тц*, как показывают факты письменности, существовало уже в старом русском языке. Так, исследователь „Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку“ указывает в ней *ч* на месте *тч*: *ѡчину*, *ѡчинѣ* при *ѡчина* (Борковский, 51: „Труды Комиссии по русскому языку“, 1931, т. 1). В Двинских грамотах XV века, по указанию А. А. Шахматова, „сочетания *дц*, *тц* упрощаются в *ц*: *рячи*“, т. е. рядцы („Исследование“, 79). В Вологодском евангелии XVI века Л. Л. Васильев объясняет пропуск *т* в слове *притча* вероятной близостью произношения сочетания *тч* к *ч* („Вологодское евангелие XVI века“, Р. Ф. В., 1907, № 2, 254). У Скорины знаем: *оцу*—*отцу* (Владимиров, „Доктор Франциск Скорина“, 1888 г., стр. 275). Довольно много подобных случаев оказывается в памятниках болгарского языка. См. П. А. Лавров, „Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка“ (М. 1893): *кроци*, *причл*, *ѡца*, *дѣтца* и *дѣца* (последнее и в современном языке) и под. (стр. 106-107).

Значительное число подобных примеров дает и живой сербский язык, опускающий *т* в сочетаниях *дц*, *тц*, *дч*, *тч*: *каца* (кадца), *оца*, *оци* (отца, отци), *очајање* (отчаяние), *оченути* (одченути — отрывать ветвь) и под.

Сокращение в простые долгих согласных *т*, *д*, возникших в русском языке после выпадения глухого *ѡ*, мало привлекало внимание исследователей. Оно в известных случаях не подлежит сомнению. Не так еще давно автор настоящей статьи наблюдал в говоре ленинградской средней интеллигенции, между прочим у некоторых слушателей бывшего Института живого слова, довольно последовательно такие произношения, как *одалә*, *отолкнүл*, *отово*, *очево* и под., без долгих *д* и *т*. Об этой отличительной черте ленинградского говора он может говорить с уверенностью, основанной на долгих наблюдениях над многими лицами. Известно подобное произношение и в одном из говоров Череповецкого у.: *оцово* — от чего („Сборник ОРЯС“, т. ХСІХ, № 5, стр. 22). В укра-

инском мы можем указать: *Оче наш* (Дурново, „Хрестоматия“, 9), *ху-чий* (там же, 14, 29, сравн. ст. от *хуткий* или *хутко*).

В литературном языке, в письме и в произношении, исчезла этимологическая долгота звука *д* в слове *будень*, сохранившаяся в украинском: *буддень* и в областном Вологодском („Труды Общества любителей росс. словесн.“ 1822, ч. 1). В областных великорусских говорах явление сокращения долгих согласных в простые вообще мало привлекало внимание наблюдателей. Я могу однако указать произношение *пидисят*—*пятьдесят* (Г. Виноградов, „Замечания о говорах Тункинского края“, Иркутск 1926, стр. 13). То же у белоруссов: *підзісят* (Воуц-Леванович, „Важнейшыя рысы гаворкі вёскі Татарковічы“, Менск 1928, стр. 38, 39, Бобруйская округа). Гораздо яснее явление это выражено в болгарском языке, который уже в древних памятниках дает формы подобные *ѣдавна* (отъдавна), *ѣда* (Лавров, „Обзор“, 107), а в болгарском живом языке долгие согласные обычно переходят в простые: *педесет* из *педдесет*. Также и сербский язык сокращает долгие согласные в произношении и письме: *ѡдати* (выдать), *деведѣсет* (девяťдесят), *ѡтуда* (оттуда) и под. Долгие затворные согласные, *т* и *д*, и слитные, *ц* и *ч*, произносимые с замедлением удержания затвора, „паузы“, по указаниям О. Брока, в славянских языках, как и другие долгие согласные, „встречаются с более или менее решительной склонностью к их сокращению“.¹ Примерами этого явления показаны сербское диалектическое *odavno* (otdavno), чешские *dsega*, *otse*, произносимые в различие от русского без этимологических *d*, *t* и др. Словенский язык однако представляет примеры обратного явления: развитие и сохранение форм с удлинением. В русском (особенно великорусском) живом языке соединились оба эти течения. Мы видели в нем не завершившуюся еще борьбу противоположных тенденций: во-первых, удлинение простых согласных *т* и *д*, стоящих отдельно и в слияниях *ц* и *ч*; во-вторых, сокращение долгих *т* и *д* разного происхождения. Противоположение наклонностей говорящих по-русски особенно ярко обнаруживается в тех случаях, где в одном географически диалекте часть говорящих сохраняет возникшие издавна долготы звуков *д* и *т* или образует их вновь, между тем как другая часть, затрудняясь их произношением, обращает долгие *т* и *д* в сочетания *нт*, *нд*.

XI. Перед нами стоит вопрос, каким образом в русском языке совмещаются эти противоречия: удлинение согласных и отсутствие этого удлинения? Мы не обладаем значительной полнотой данных для решения этого вопроса, однако в наших материалах есть некоторые нити, по которым можно придти к более или менее удовлетворительному его выяснению. Если в одно и то же время, в одной и той же области, как Мещовский уезд и старый Ленинград, совмещаются противоречивые явления в произношении, то, очевидно, что источник их не может нахо-

¹ О. Брок, „Очерк физиологии славянской речи“, СПб. 1910, стр. 192 и сл.

даться в одном только областном, географическом диалекте. Приходится искать оснований более или менее твердо связать наши два вида произношения с социальными группами говорящих, разделенными по имущественному или культурному признаку.

Мы уже видели, что формы с удлинением, как *иттй*, *счѣтчи*, *сидѣтца*, *двѣтцать*, *притчйна*, *прѣтчий*, *лутче* и под. идут из правящей социальной вершины, создающей законы, прессу и литературу, почему и проводятся в последнюю официальными изданиями и выдающимися писателями, как Ломоносов, Сумароков, Фонвизин, представители класса образованных, значительных чиновников и дворян. От них литературные формы с удлинением прививаются к нижнему слою городского населения и верхнему слою сельского, которые всего вероятнее говорили первоначально *ити*, *луче*, как и теперь говорят в глухих углах провинции. Факты языка с полной очевидностью удостоверяют, например, что формы без удлинения в глаголах на *ца* и числительных на *цать* — особенность первобытных областных говоров, говоров захолустных, мало тронутых грамотой и связанной с ней промышленной и торговой культурой. Вот почему формы эти мы находим и в д. Шалове Мещовского у. (говор с диссимилятивным аканьем!), и в Петрозаводском у. Говор другой деревни Мещовского у., Калужкина, в очень слабой степени сохранил формы без удлинения и самое удлинение знает в более сильной степени (*цц*). Почему? Наблюдатель говора этой деревни сообщает, что почти все ее жители и их соседи верст на 12-15 кругом — странствующие портные и сапожники (стр. XIV), очевидно их язык более общий, более отмеченный культурой. В говоре города Мещовска удлинение, как культурная сторона языка, выразилось еще сильнее (*птѣтца*, *ўлитца* и под.; ср. старое московское произношение *притчйна*).

С эпохи установления русского литературного языка этот последний, проходя путем школы, печати и делового общения в более широкие массы населения и захватывая все более расширяющиеся круги носителей литературной речи, сам упорядочивается на основе развивающейся грамматики и орфографии, проводящих вообще этимологизацию говора и письма, устраняющую все нестойкие и не защищенные ходячей теорией произношения, в том числе и те фонетические удлинения и сокращения согласных *т* и *д*, которые были признаны неграмотными. Успех этого воздействия на массы стоящей вверху образованной кучки оказался настолько значительным, что в отношении к сокращениям долгих согласных *т* и *д* современные исследователи противопоставляют русский язык чешскому, более свободно удалившемуся в произношении слов с долгими *т* и *д* от их первоначальной этимологии.

При направлении нормирующего литературный язык сил сверху вниз, от правящих к управляемым, древние провинциальные формы слов, чуждые удлинению, как образования глаголов на *ца* и числительных на *цать*, теоретически вполне оправдываемые, не могли войти в литературное обращение. Они и теперь на всякого образованного великоросса производят впечатление слишком простонародной, „вульгарной“ речи.

Формы без удлинения, которые мы знаем в говоре старого Ленинграда (отово́, одала́, вечина́ и под.) очевидно сохранившиеся диалектизмы, твердо подавляемые книжным языком. В этом языке старое удлинение согласных *д* и *т* и новое, явившееся в группах *тт*, *тц*, *тч*, стойко упрочилось в произношении, а частью и в письме, и не только в употреблении относительно небольшого круга интеллигенции, но и в подавляющих сплошных массах городского и сельского населения. Вышколенные образованные люди, говорящие причина, впрóчем, представляются пока редкими единицами. В нашем произношении орфографические принципы восторжествовали над фонетическими лишь в тех случаях, где применение их захватывало более обширные категории слов и давно проводилось печатью и школою, почему мы и говорим: двáтцать, но не допускаем произношения литцѓ́.

ХII. Современные болгарские пeндeсeт — 50 и девeндeсeт — 90 объяснены покойным академиком А. И. Соболевским в статье, напечатанной в „Журнале министерства народного просвещения“, т. СССХIV, 1897, ноябрь, стр. 64. Объяснение это затем повторено в „Русском Филологическом Вестнике“, 1910, № № 3 и 4, т. LXIV, стр. 142, в статье: „Мелкие заметки по славянской и русской фонетике“.

Указывая в последней статье на белорусские дванацать и тринадцать, как на аналогию к болгарским пeндeсeт и девeндeсeт, Соболевский замечал: „перед нами диссимиляция предшествующего *т* с последующим *ц* и переход первого звука в *н*“. Этот переход долгого *д* в сочетании *нд*, казавшийся академику И. В. Ягичу „невероятным“, нашел себе защитника в профессоре И. М. Эндзеле. Последний в особой заметке указывал, что здесь „неудобство, заключающееся в продолжительности затвора долгого *д* (из *-дд-*), устраняется тем, что в начале этого затвора выдыхаемый воздух пропускается в полость носа“, и приводил примеры подобного перехода из диалектов латышского и литовского языков и другие¹. Насколько нам известно, никто из ученых, принимавших участие в обсуждении данного вопроса, не указал аналогичных явлений в великорусских говорах. Произношения с сочетаниями *нт*, *нд* из долгих *т* и *д* приводились разными наблюдателями еще с 50-х годов прошлого столетия, более значительное собрание фактического материала этого рода появилось затем в недавние времена. В рукописях Архива Государственного Русского Географического Общества мы можем указать: онтуда (Мосальск. у. Калужск. г., № 20), антуля (с. Златоустовское Калужск. г., № 44). Мною отмечено в Верейском у. Московск. г. антѓ́да (18), въ Московском у.: антѓ́да, антѓ́ле, антѓ́да (58)². В „Трудах Московской диалектологической комиссии“ находим: антуда (вып. X, 1928 года, стр. 18, Ефремовский уезд Тульск. г.), ан-

¹ И. М. Эндзелин, „Лингвистические мелочи“ (Русский Филологический Вестник“, 1913, № 3, стр. 113).

² „Известия ОРЯС“, 1908, кн. 1 и 3; страницы указываются по отдельному оттиску.

түля (там же, стр. 121, Сапожковский уезд Рязанск. г.), *антуда*, *антэля* (там же, в. XII, 151, Сердобский у. Саратов. г.). В Богородском у. Московской губ. показаны формы *онтэле*, *онтэда* („Материалы“, VII, 309). В говорах Никольского у. Волог. г. отмечены произношения: *ондать*, *ондас* (отдаст) (Мансикка, „Известия ОРЯС“, т. XIX, кн. 4, 10, 11). Там же указана форма *ондал* („Материалы“, IX, 52). Профессор А. М. Селищев в „Диалектологическом очерке Сибири“ (Иркутск 1921) указал несколько подобных произношений в разных сибирских говорах: *андай* (Змеиногорск; Никольское — у Семейских), *ондай*, *ондам* (между реками Ангарой и Илимом (175), *ондал* (Ишимский, Курганский и Тарский уезды, 276). В „Сказках Верхне-ленского края“ М. К. Азадовского (Иркутск 1925) весьма нередки такие же произношения: *ондай* (11), *андэльную* комнату (13), *ондам* (15), *андаёт*, *андадим* (25), *ондал* (39). В статье Г. С. Виноградова о говорах Тункинского края указаны произношения *анда*, *андай* (стр. 14). Формы этого рода известны и в белорусских говорах. В Волковыском у. Гродненской губ. показаны *andáц*, *andáцзы*, *andác*, в Новогрудском у. Минской г. *andaváj* (Карский, „Белоруссы“, т. II, ч. I, 448). Они дают более близкую аналогию к болгарским формам, чем указанные Соболевским двананцать и тринанцать, в которых сочетание *нц* обусловлено положением после слога *на*.

XIII. Для нас особенно любопытны случаи, где удлинение и последующее образование сочетания *нд* возникли из одного первоначального звука *д*. Так, Ровинский указал для говоров между Ангарой и Илимом произношение *слендом*, которое предполагает предшествующее *следдом* из *следом* (Селищев, 75). Б. Ф. Михайлов отметил подобные произношения в говорах русских военных поселян Тифлисской губ.: *аткэндова* (откуда), *антэндава* (оттуда), *анцэндава* (отсюда), *сундѳы* (сюда), *тундѳы* (туда) („Сборник ОРЯС“, т. LXXXIX, № 2, стр. 3 и 6). В Верхнеленских сказах М. К. Азадовского находим *ондарила* (15), в значении: одарила. В говорах Тункинского края Г. С. Виноградов указал *андияла* — одеяло (14). Во всех приведенных примерах мы должны предполагать удлинение первоначального *д* и затем разложение его на звуки *нд*. Сюда же, может быть, следует отнести и Печорское *сундѳак* (рыба) — судак (Ончуков, „Северные сказки“, 2). Темное Вятское *ковандека* („Словарь русского языка“, т. IV) в значении: как это? — трудно выводить из „ковѳдни“ по несходству значения и ударения. Скорее это производное из формы *кова-де-ка, с удлинением *д* и разложением его на *нд*.

Употребленіе формы именительнаго падежа женскихъ именъ на *a* при инфинитивѣ въ русскомъ языкѣ

Это явленіе давно уже привлекло вниманіе лингвистовъ. Миклошичъ (Vtgl. Gr. IV, 346) считалъ, что имя въ пол. зависимое, какъ намъ это кажется, отъ глагола въ *inf.*, на самомъ дѣлѣ есть не дополненіе, а подлежащее. Потебня (Зап. по р. гр. I-II, 417) внесъ поправку въ теорію Миклошича, опираясь на факты исторіи языка: „... Исторія выраженій образца: *Такова правда взяти Русину* (Смол. гр.) представляется въ слѣдующемъ видѣ. Первоначально весь оборотъ есть не безличнй, а опредѣленно личнй, въ коемъ *правда* есть подлежащее при *ієсть възети*, а *Русину* независимо отъ непредѣленнаго наклоненія стоитъ при *ієсть*... Затѣмъ *єсть взяти* понято какъ безсубъектное предложеніе, причемъ именительнй (*правда*) или замѣняется винительнмъ и исчезаетъ безслѣдно (*такову правду взяти*), или переживаетъ свое значеніе, т. е., оставаясь при прежней звуковой формѣ, измѣняетъ лишь внутреннюю: *взять правда*, причемъ внѣшняя форма, подобно отжившимъ обрядамъ, остается не столько по инерціи, сколько благодаря новому толкованію. Принять безусловно мнѣніе, что въ нынѣшнихъ великорусскихъ¹ говорахъ *правда* есть лишь *мнимый* винительнй, который на самомъ дѣлѣ есть подлежащее, значило бы придавать слишкомъ мало вѣсу сознанію говорящаго или, что то же, творчеству языка. Мы теперь можемъ чувствовать выраженіе *безъ денегъ вода пить* или же (дѣтямъ-сиротамъ) *будеть улличка ходить да неширокая*... лишь какъ безличныя предложенія, въ коихъ поэтому *вода*, *улличка* не могутъ быть подлежащими“. Отмѣчая, что указанное явленіе касается, въ р. яз., только женскихъ именъ на *a*, *я*, Потебня, однако, отвергаетъ попытку чисто фонетическаго объясненія его, „въ виду того, что въ литовскомъ яз. въ подобныхъ случаяхъ несомнѣннй именительнй ед. ч. м. р.: кур на дет мажас ваікялис = *куда мнѣ дѣтъ малый ре-*

¹ С. П. Обнорскій (Именное склоненіе въ совр. р. яз. I, 1927, Сб. ОРЯС, т. С, № 3, стр. 266, прим. 1) отмѣчаетъ, что это „Старая сѣверновеликорусская черта... Характерно существованіе этой особенности въ бѣлорусскомъ яз. при отсутствіи ея въ южновеликорусск. и малор.“. Впрочемъ, въ одной малорусской думѣ есть: *Чи ще жъ тобѣ не далася тяжкая неволя знати* (Срезневскій, пам. нар. яз.).

бенок (винительный былъ бы: мажа вајќяли)...¹ Шахматовъ возвращается къ теоріи Миклошича: „Замѣна винительнаго именительнымъ, писалъ онъ², объясняется, какъ кажется, тѣмъ, что инфинитивъ, по самому происхожденію своему являясь именемъ, не имѣлъ того полного глагольнаго значенія, которое имѣли другія глагольныя формы. Въ нашихъ грамотахъ послѣ инфинитива *вообще правильно стоитъ именительный, напр. въ безличныхъ предложеніяхъ, гдѣ такой именительный можно признать подлежащимъ*“ (курс. мой).

Факты исторіи языка, которые приведены ниже, показываютъ, что теорія Миклошича-Шахматова въ извѣстномъ отношеніи ближе къ истинѣ, нежели теорія Потевни³, имѣющая однако-же то преимущество, что она считается съ эволюціей языка. Но формулировалъ эту теорію Шахматовъ неудачно. Нельзя никакъ сказать, что *вообще* въ памятникахъ стараго языка (Шахматовъ, впрочемъ, говоритъ только о языкѣ грамотъ, но и для этого языка его формула оказывается черезчуръ обобщенной) „правильно“ стоитъ именительный, и мы увидимъ, что приводитъ случаи безличныхъ предложеній въ качествѣ *примѣра* такой „правильности“ — значить закрывать глаза на цѣлую категорію фактовъ, разсмотрѣніе которыхъ позволило бы уточнить теорію Миклошича-Шахм., взятую въ ея основѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ пролило бы свѣтъ на одну весьма любопытную тенденцію въ развитіи русскаго языка. Тенденція эта даетъ себя знать въ различныхъ языковыхъ сферахъ, такъ

¹ Возраженія Потевни противъ теоріи, опирающейся на предположеніе, „что основное окончаніе винит. ед. ж. р. *ѣт* имѣло двѣ замѣны: одну *я* = русск. у. другую — с отпаденіемъ *т*...“, можно подкрѣпить еще слѣдующимъ соображеніемъ: въ старомъ р. яз. засвидѣтельствовано не мало случаевъ употребленія одной и той же формы для *пот.* и *ассус.* Нпр. въ Ипат. лѣт.: оуоставлено... *за челядинъ*; поймемъ... *за князь свои Маль*; посла къ нимъ *сынъ свой Святославъ*; надѣмся на *Богъ* (Никольскій, О яз. Ип. лѣт. РФВ, XLII, 1899 г., стр. 54 сл.). Въ Р. Пр. (Ак. Сп.): А оже отведеть *чюжь холопъ любо робоу*...; Или *смердъ* оумоучать... и т. п. Въ догов. грам. Новг. съ кн. Яросл. 1265 г. ... а держати сво(и) тивунъ на половинѣ... (Изслѣдованія по р. яз. I, Шахматовъ, О яз. догов. грамотъ). Между тѣмъ, когда формы *пот.* и *ассус.* мужскихъ именъ дифференцировались, эти имена послѣ *ипп.* всегда употребляются въ формѣ *ассус.* — въ отличіе отъ женскихъ именъ на *а, я*. Вопросъ, почему же все-таки это явленіе характерно только для именъ послѣдней категоріи, остается г. обр. пока открытымъ. Можно правда [привести случаи сравнительно поздняго употребленія и мужскихъ именъ при *ипп.* въ формѣ именит. падежа, напр.: А противу послуха отвѣтчикъ будетъ старъ или маль... , ино противу послуха *наймитъ наняти вольно* (Судебн. 1497), наряду съ: А на комъ сего възыщеть жонка... , ино *наймита наняти вольно* (ib.). Затрудняюсь однако сказать, что мы имѣемъ въ первомъ случаѣ: сознательное ли употребленіе именительнаго падежа, или смѣшеніе падежныхъ формъ. Рѣдкость подобныхъ случаевъ затрудняетъ возможность даже самыхъ осторожныхъ догадокъ.

² Изслѣдованіе о двинскихъ грамотахъ XV в. (Изсл. по р. яз. 1903 г. II, вып. 3, стр. 131.

³ Этимъ, однако, я не хочу сказать, что она отмѣняетъ послѣднюю. Обѣ теоріи правильны, поскольку формулируютъ, каждая, извѣстныя тенденціи сознанія, долгое время сосуществующія и своеобразно перекрещивающіяся.

что прослѣдивъ ея обнаруженіе въ каждой изъ нихъ въ отдѣльности, получимъ возможность говорить о нѣкоторой закономерности общаго развитія. Само собою разумѣется, что здѣсь, какъ и во всѣхъ аналогичныхъ случаяхъ, желательно подкрѣпить наблюденія надъ анонимными фактами языка той или иной среды наблюденіями надъ данными языка отдѣльныхъ личностей. Для настоящей работы особенно много данныхъ удалось извлечь изъ двухъ памятниковъ индивидуальнаго творчества: *Домостроя* и *Книги о скудости и богатствѣ*. Что касается языковыхъ сферъ, о которыхъ сказано выше, то ихъ двѣ: сфера языка „приказнаго“ и сфера фольклора. Конечно, ихъ нельзя раздѣлять безусловно и безоговорочно. Однако, нельзя ихъ и смѣшивать. Я начну съ приказнаго языка, языка актовъ, ибо здѣсь матеріалъ можно датировать.

Какъ общее правило, пом. послѣ *inf.* находимъ тамъ, гдѣ *infin.* самостоятеленъ: ... или взети *гривна* кумъ за соромъ (Р. Пр. Карамз. сп.); ... по верви искати къ себѣ *татя* а любо *продажа* платити (*ib.*-характерно *татя* при *продажа*) и въ друг. случ. Въ Догов. грам. кн. Мстислава Давидовича съ Ригю, 1229 (Влад. Буд. Хрест. I), нѣсколько разъ встрѣчаемъ формулу *Такова правда оузети Роусиноу оу Ризѣ...*¹ и въ рядѣ другихъ памятниковъ. Но тамъ гдѣ *infin.* зависитъ отъ индикативной формы, чаще всего встрѣчаемъ *accus.*: *иже помыслить* отъ страны Рускія *разрушити таку* любовь (Дог. Игоря съ Грек. Лавр. сп.). А *имуть давати* намъ *твою вотчину* Тферь, и намъ ея также не имати... (Договорн. грам. Дим. Ив. съ Мих. Тверскимъ, 1368) при: А что еси изымалъ боярь... да подавалъ на поруку, съ тѣхъ ти *порука свести* (*ib.*). А *усхочеть* на немъ заплату побрати... (Суд. Казимира, 1468; впрочемъ тамъ-же встрѣч. *accus.* и при самостоят. *inf.*: ... ино ему *платити татбу* истьцю и *вину*). Весьма показательно мѣсто Судебника 1550 г.: ... И кто вотчичъ *учнетъ ту вотчину выкупати*, и тому *та вотчина выкупити*.² Ср. аналогичное мѣсто въ одной грамотѣ 1606 г.: А *учнетъ* Захарей... крестьяномъ какое насильство и *продажу чинити*... А какъ отыдутъ тѣ оброчные два года и Захарью *та деревня* Утробино и пустоши *отказати*... архим. Юсаеу... (Дьяконовъ, Акты, II, № 35).

В томъ случаѣ если при *infin.* самостоят. стоитъ *ne*, или если это *ne* находится при глаголѣ, отъ котораго зависитъ *infin.*, то вмѣсто *pop.* (*resp. accus.*), обычно — *genit.* Нпр.: ... То тѣмъ *платити* и *татьба* и *продажа*...; а села не будетъ... то *не платити ни продажи ни татьбы* (Р. Пр. Кар.). Аже будетъ сестра въ домоу, то *тои задници не имати* (*ib.*). Аже сынъ отца или матеръ не скормить до смерти, а пой-

¹ Но одинъ разъ: *Такоу правдоу* взети Роусиноу...

² Ср. так же *ibid.*: А кто вотчину свою выкупить въ тѣ урочные сорокъ лѣтъ и *та* ему *вотчина держати* за собою. Но также: А *станеть* тотъ купецъ *ту вотчину продавати*, и тѣмъ *ту вотчину* у нихъ *купити* полюбовно — примѣръ контаминаціи.

деть изъ дому, *части ему не взять* (Псковск. Судн. грам. 1397-1467).¹ Въ Судебникѣ 1550 есть мѣсто, гдѣ фигурируютъ въ одномъ контекстѣ всѣ три случая: ... *А давати ему жалобникомъ своего приказу всѣмъ управа...* *А которой бояринъ... управы ему или отказу не учинитъ...* *и велитъ ему управу учинити.*

Как и слѣдовало ожидать, въ памятникахъ фольклора намѣченная тенденція проявляется менѣе отчетливо. Изъ массы самыхъ разнообразныхъ случаевъ слѣдуетъ выбирать такіе, гдѣ, въ одномъ и томъ же памятникѣ, при различіяхъ функции *infinitiv'a* замѣчаются различія въ падежахъ зависимыхъ отъ него именъ. Нпр. Его то любимый крестникъ привязанъ на плашку бѣлодубову. Столько топоръ спустить, *голова срубить* (Рыбниковъ I, 382). Но въ той же пѣснѣ: *Хочетъ срубить буйну голову, Прикажу тебѣ Никитѣ голову срубить* и т. д. нѣсколько случаевъ. Или, въ былинѣ, Вольга и Микула (цит. по изд. Е. А. Ляцкого, Былины, Стокгольмъ, 1920): Говоритъ тутъ Вольга Все-славьевичъ: *хотя нога изломить* а двери выставить. Но *ibid*: *И не могутъ* они сошки съ земельки повыдернуть и бросить *эту сошку* за ракутовъ кустъ. Тамъ-же, трижды, варіантъ: *И не могутъ* они... бросить *этой сошки* за ракутовъ кустъ. Мнѣ ѣхать — только *положить своя буйная головушка* (Рыбн. II, 164). Но въ той же записи: *Началъ онъ своей силы пробовать* (161); *Можешь-ли вынести* изъ чиста поля *головушку?* (159). Показателенъ слѣдующій текстъ (Рыбн. II, 198): А прикажи-ка ты въ чистомъ полѣ вкопать два столбика дубовые, *класть грядочку кленовую*, ко грядочки привязать три петелки шелковыя. *Первую петелку красную шелковую — класть буйная головушка...* Въ послѣдн. случаѣ *infin.* самостоятеленъ, и это отразилось на падежѣ имени при немъ. При *класть буйная головушка* подразумевается нѣкто, кому приходится ее класть. *Infin.* здѣсь выполняетъ ту же функцію подлежащаго, что въ формулѣ *Русину правда есть взять*. Такая конструкція т. обр. соотвѣтствуетъ латинской герундивной: *mihi est, bibendum, scribenda est mihi epistula*. При всѣхъ колебаніяхъ между *pot.* и *ass.* при *infin.* въ памятникахъ фольклора, въ данномъ случаѣ, т. е. тамъ, гдѣ при *inf.* находится имя въ *dat.*, зависимое отъ *inf.* имя обычно стоитъ въ *pot.* Красныя дѣвушки замужъ выданы, а я-то Иванъ не женатъ хожу. Кабы *мнѣ-ка нажить Богосуженая*, кабы *мнѣ-ка нажить супружница* (Рыбн. II, 52). Стали тамъ жить да быть, *семью сводить...* (Солов. Будим. Ляцкій). Но въ той же редакціи: А тебѣ бы дѣвушкѣ не эдакъ бывать -- ино дома быть, *вода носить...* Въ одной пѣснѣ находимъ два случая перехода транзитивности съ *финитн.* глагола на *infin.*, т. е. *accus.* при *infin.*: *А дайте выпить чару зелена вина...* *Приказалъ налить чару зелена вина*; между тѣмъ какъ при самостоят.

¹ Впрочемъ, *ib.*: А на татей и на разбойники же, чего истецъ не возметъ, и князю *продажа не взять*.

inf. имя употреблено въ попін.: Для того я їду въ Кіевъ градъ, что надо расчислить дорожка прямоїзжая (Рыбн. II, 6).¹

Въ приказалъ налить чару, чару зависитъ уже не отъ налить; налить чару воспринимается какъ одно слово, выраженіе одного умственного образа, — зависящее отъ приказалъ. Тамъ, гдѣ въ подобныхъ случаяхъ вм. асс. — поп., это объясняется тѣмъ, что имя при infin., сросшееся съ нимъ въ одно слово, мыслится, въ силу привычки, обладающимъ неизмѣнной внѣшней формой, т. е. стало для говорящаго формулой.

Въ случаяхъ употребленія, въ безсубъектныхъ предложеніяхъ, при inf. родит. падежа имѣемъ примѣры т. сказ. обратныхъ формулъ. Нормальными утвержденіями являются утвержденія положительныя. Именно поэтому перемѣна въ управленіи глагола, обусловленная частицей *не*, настолько, какъ всякое отступленіе отъ нормы, воздѣйствуетъ на сознание, что заставляетъ — и въ тѣхъ конструкціяхъ, гдѣ обычно при infin. стоитъ форма попін., употреблять genit. Такимъ образомъ, если факты употребленія формъ асс. ж. именъ на *a* при зависимомъ inf., говорятъ въ пользу взгляда Миклош.-Шахм., то факты употребленія формъ genit. въ предложеніяхъ, выражающихъ отрицательное сужденіе, скорѣе свидѣтельствуютъ о другомъ: о перевѣсѣ, въ сознании говорящаго, однѣхъ формъ рѣчевыхъ формулъ надъ другими. Показательно, что въ бытовомъ яз. и въ яз. фольклора колебанія между assus. и поп. при infinitiv'ѣ настолько сильны, что не будь данныя этого языка подкрѣплены данными языка актовъ, мы были бы лишены возможности констатировать какое-либо различіе, въ сознаніи говорящихъ, между функціями зависимаго infin., т. е. должны были бы принять мнѣніе Потбни безоговорочно. Между тѣмъ въ томъ же народномъ языкѣ употребленіе genit. при обоихъ infin. носить гораздо болѣе отчетливо выраженный характеръ правильности. И именно сопоставляя оба эти факта — съ одной стороны значительно меньшую послѣдовательность въ различеніи формъ падежей при независимомъ и зависимомъ infinit., въ положительныхъ по формѣ сужденіяхъ, въ народномъ яз. по сравненію съ актовымъ, а съ другой, сравнительно большую послѣдовательность въ различеніи управленія въ сужденіяхъ съ частицей *не* и безъ нея, въ томъ-же языкѣ, приходимъ къ необходимости, прослѣживая параллелизмъ въ развитіи обоихъ языковъ, считаться, однако, съ различіями въ степени автоматизма, господствующаго въ каждой изъ соответствующихъ сферъ языка. Изъ этого слѣдуетъ, что слабая сторона обѣихъ

¹ Въ другой пѣснѣ при повтореніи аналогичныхъ конструкцій — любопытный примѣръ инверсіи: Ай же ты, Смертка скорая! Дай мнѣ строку хоть на три годы свой животь по церквамъ разнести и *золоту казну* по нищей братіи, мнѣ бѣ *своя душенька набѣ* (надо бы) *спасти*. И тамъ же: И дай ты мнѣ строку хоть на три часы, мнѣ-ка свой животь по церквамъ разнести, *золота казна* по нищей братіи, и *свою душу набѣ покаяти* (Рыбн. II, 258). Очевидно сказитель уже воспринималъ эти различія конструкцій и формъ съ чисто, такъ сказать, музыкальной точки зрѣнія.

сравниваемых теорій — ихъ абстрактность: „динамическая“ теорія Потєбни такъ-же неисторична, какъ и „статическая“ — Шахматова, поскольку обѣ теоріи имѣютъ въ виду языкъ вообще, между тѣмъ какъ реально существуютъ только конкретные языки отдѣльныхъ людей и тѣхъ соціальныхъ сферъ, съ которыми эти люди связаны.

Въ извѣстномъ отношеніи старинный правовой (актовый) языкъ все же сближается по своему автоматизму съ языкомъ фольклора: въ обоихъ этихъ языкахъ наличествуетъ обрядовый элементъ, съ характерными для него формулами, состоящими въ употребленіи глагола и имени общаго корня. Традиціонной формулѣ актоваго яз. *служить служба* соотвѣтствуетъ пѣсенная *дума думати*, повторяющаяся постоянно. Здѣсь глаголь и имя какъ бы сливаются въ одно слово настолько, что отъ *дума думати* производится: *думаетъ дума*: Твоя-то измѣна за столомъ сидитъ . . . , а *думаетъ дума* за единое (Рыбн. I, 390). Тѣмъ показательнѣе примѣръ воздѣйствія, въ подобномъ словосочетаніи, частицы *не*: Ахъ *не съ кѣмъ* намъ *горя размыкати* . . . *думы придумати* (Соболевскій, Р. нар. п. VI, № 190, изъ Пѣсенника изд. 1780 г.). Этому случаю слѣдуетъ противопоставить другой: А вить *некому таскати да платья чвѣтнаго*, ише *некому тратити да золота казна* (Ильи Мур. Срезн. пам. нар. яз.). Сила одной привычки здѣсь взяла перевѣсъ надъ другой. Предметы, о которыхъ говорится въ традиціонныхъ формулахъ обоихъ обрядовыхъ языковъ, преимущественно „женскаго“ рода — на *а*: *правда, ссуда, пошлина, пашня, продажа* или *дума, голова (буйна)* и т. под. Предметы „средняго“ и „мужскаго“ родовъ, употребляющіеся въ сочетаніи съ предметами первой категоріи, — обычно „неодушевленные“, т. е. имѣющіе въ ассус. и въ помп. одинаковую форму (тогда какъ такіе же предметы ж. р. на *а, я*, имѣютъ въ асс. *у, ю*). Въ родительномъ же падежѣ тѣ же слова имѣютъ особую форму, и это не могло не вліять и на преодоленіе привычки употреблять имена на *а* при *inl.* въ формѣ именительнаго падежа. Насколько, дѣйствительно, такое употребленіе было слѣдствіемъ того рѣчезоваго автоматизма, о какомъ говоритъ Потєбня, можно видѣть изъ нѣсколькихъ примѣровъ языка Посошкова и протопопа Сильвестра. Замѣчу прежде всего, что у Посошкова въ одномъ мѣстѣ проглядываетъ та общая тенденція различать функціи *infin.* въ субъектныхъ и безсубъектныхъ предложеніяхъ, о которой было сказано выше . . . Аще кто восхошетъ Богу угодити, то *подобаетъ ему въ всякомъ дѣлѣ правда творити* . . . а буде же *будетъ дѣлати прямую правду*, то подобеньъ будетъ Богу (О скуд. и бог. подъ ред. Кизеветтера). Вообще же у него и у Сильвестра замѣчается немало колебаній и непоследовательностей въ употребленіи формъ на *а* при *infin.*, чѣмъ ихъ языкъ сближается болѣе съ языкомъ фольклора нежели съ актовымъ. Нпр. *А вода святити* Генваря 6-го . . . и сейчасъ же вслѣдъ за тѣмъ: . . . и съ тѣхъ же иконъ *губку выжимати* въ ту же святую воду (Домостр. по Погод. сп.). Всегда четки въ рукахъ держати и *молитва Исусова* во

устѣхъ непрестанно имѣти... глаголати же сице *молитву* (ib.). Или у Посошкова: Всякому сотскому сдѣлать *книга записная* и пятидесятому такожде *свою*. Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести множество у обоихъ авторовъ. Но при детальномъ разсмотрѣніи ихъ можно, кажется мнѣ, подмѣтить, въ этихъ колебаніяхъ наличие закономѣрности совсѣмъ особаго рода. Только что приведенный примѣръ изъ Посошкова¹ надо сблизить съ примѣрами одной нѣсколько разъ встрѣчающейся у него аномалии: Брать *бы ту* пошлина на Кормлю... Взять *всю та скотина* на Государя... И съ покупной цѣны взять *торговая пошлина гривенную*... — разительное доказательство, что номинативныя формы на *a* воспринимаются имъ здѣсь какъ акузативныя. Такъ какъ въ формулахъ, закрѣпившихъ это употребленіе формъ на *a*, прилагательныя и мѣстоименія при именахъ попадаютъ сравнительно рѣдко, то ихъ формы оказались болѣе гибкими и ихъ измѣненія ближе отражали эволюцію сознанія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ форма прилагательнаго воздѣйствовала на форму имени. Такъ въ Домостр.:... И сама бы знала какъ *мука сѣяти*, какъ *квашня притворити*... *мѣра* и счетъ знати во всемъ, а *ѣству мясную и рыбную*... печи и варити... Или: Годовой обиходъ домовитому человѣку... ино купити годовой запасъ, *хлѣбъ* и всякое жито, .. также и *рыбу всякую*... и *икру сигаую и черную*... и которая *рыба* въ лѣто ставити и *капуста*... и тѣ суды зимѣ въ ледъ засекати... Чаше, однако, замѣчается обратное вліяніе — формы имени на форму прилагательнаго. Такъ у Посошкова: а вмѣсто пашни давать имъ... отъ своего приплоду *десятая доля*;... то и съ тое скотины отдѣлать *десятую долю* и тутъ же: такожде и въ меду и въ мылѣ... отдѣлать къ церкви *десятая доля*, а отъ продажнаго отдѣлать *десятая же часть*. То, что форма на *a* при inf. ощущалась въ бытовомъ языкѣ, акузативно, подтверждается еще любопытными колебаніями между формами именъ при infin. глаголовъ, требующихъ въ иныхъ случаяхъ *родит.* падежа, какъ у Сильвестра такъ и у Посошкова: А *вода* съ рѣки *припасати* по утру рано, а *дровъ* по тому же, а *почерпсти воды* изъ рѣки... (Домостр.). И судьемъ то дѣло выслушавъ, *высмотрѣть* хорошенько *правды и неправды*... и *высмотря ту выметку*² и посмотрѣть подъяческаго уговору... И *высмотря челобитную тонкость* взять того челобитчика... И аще зрится дѣло не невелико, *что бумаги беречь*... У нѣмецъ... бумагу вельми берегутъ; они не только бумаги но и всякой вещи берегутъ (Кн. о скуд. и бог.).

Всѣ сдѣланныя сопоставленія позволяютъ утверждать, что, говоря вообще, въ теченіе долгаго времени существовали рядомъ и боролись, въ языкѣ, двѣ тенденціи — старая и новая. Въ языкѣ актовомъ, какъ

¹ Или еще у него же:... буде за всѣми служителями смотреть... то лучше *клятва оставить*... наряду съ: И того ради весьма [потребнѣе крестное цѣлованіе и всю клятву уставленную *оставить*].

² Здѣсь у Посошкова колебаніе въ падежѣ. Вообще въ старинномъ яз. *смотреть* употреблялось чаще съ *родит. п.*

и въ языкѣ простонародномъ самостоят. inf. долгое время нерѣдко воспринимается субстантивно¹. Субстантивность infinitiv'a особенно наглядно даетъ себя знать въ одномъ мѣстѣ такого сравнительно поздняго памятника какъ *Странствованіе* Григоровича-Барскаго: Озѣмѣваетъ бо сердце отъ страха, представляя себѣ предъ очи *безвременную смерть, или звѣрми снѣденну бити* . . . (I, 154). Такіи предложенія какъ *Также и мнѣ быть своя заповѣдь нарушать*², или *А ходъ за море въ Кизыл-баши итти* прямо на полдень сѣверомъ и западомъ³, — такія же безглагольные какъ: *А будетъ я Павелко . . . куды забѣгу . . . , и на мнѣ Павелкѣ . . . та ихъ монастырская ссуда* и впродѣ крестьянство во крестьянство (Дьякон. Акты I, № 58). Наши грамматическія категоріи лишь очень отдаленно выражаютъ всѣ оттѣнки рѣчевого сознанія даже и современнаго интеллекта, тѣмъ болѣе — интеллекта примитивнаго. Не только infinit., но и, по нашимъ понятіямъ, финитная форма могла восприниматься сознаніемъ съ неглагольнымъ значеніемъ. „Внутренняя форма“ предложеній *Тая правда оузяти Русиноу и тая правда есть Роуси изъ Смольнеска до Гоцкога берега* (въ той же грамотѣ) — одна и та же⁴.

Различія между актовымъ языкомъ и языкомъ простонароднымъ — съ точки зрѣнія употребленія различныхъ падежныхъ формъ именъ на *a* при inf. — можно формулировать слѣдующимъ образомъ: для актовaго языка болѣе подходитъ взглядъ Шахматова, для простонароднаго-же — Потевни. Покуда номинативная форма на *a* вообще употребляется въ актовомъ языкѣ при inf., она употребляется болѣе или менѣе сознательно и мотивированно, тогда какъ въ языкѣ обиходномъ — поскольку онъ отраженъ въ такихъ произведеніяхъ какъ *Домострой* или *О скуд. и бог.*, — въ народныхъ пѣсняхъ, въ поговоркахъ, она употребляется чаще всего автоматически. Поэтому въ народномъ яз. она удерживается надолго, продолжаетъ жить въ языкѣ фольклора, тогда какъ въ актовомъ яз. исчезаетъ въ нач. XVIII в. Сохранились указы царицы Прасковьи, 1726 г. Они писаны типичнымъ приказнымъ языкомъ

¹ Какъ и дѣепричастная форма: И пришедъ мнѣ Ивашку *понявъ за себя та ево Богданова крестьянка дѣвка Ульянка Захарьева дочь*, на той деревни жити . . . (Дьяк. Акты, I № 20). . . . И запись на себя даетъ, что ему, *та ево работница взявъ*, у него Дмитрія съ тою своею женою служить . . . (ib. II, № 76, 1643 г.). Впрочемъ, въ той же записи: . . . что ему Костькѣ *възявъ тое ево работницу* за себя замужъ и т. д..

² Какъ тутъ всякъ человекъ на свѣтѣ завѣтъ завичаль, Но не каждый человекъ завѣтъ справлялъ. Также и мнѣ бысть своя заповѣдь нарушать, Быть натянуть свой тугій лукъ, Класть своя калена стрѣла (Рыбн. II, 350).

³ Федотъ Котовъ, О ходу въ Персидское царство 7131 г. (Временникъ ОИ и Др, XV). У него же: А въ Зенгѣ городъ былъ великъ каменной, да роспался *одна подошва звать*, а нынѣ и города нѣтъ.

⁴ Хорошій примѣръ потенциальной т. сказ. субстантивности *есть* представляеть мѣсто изъ Разр. Кн. времени ц. Михаила: . . . И столникомъ и воеводамъ . . . дворянъ и дѣтей боярскихъ . . . пересмотрѣти всѣхъ на лицо и *ести* и *нѣты* прислати къ Государю (Врем. ОИ и ДрРосс. II).

XVII вѣка. Въ нихъ есть два случая имени формы на *a* при inf. самостоятельномъ. Въ обоихъ эти имена употребл. въ формѣ accus.: Припасы, муку и прочее высылать къ намъ во дворець... Заборовской волюсти крестьяномъ... наличную учинить перечневую переписку (Р. Арх. 1865, ст. 1412, 13). Мы видѣли, что строгой правильности въ употребленіи „женскихъ“ именъ при inf. не существовало. Употребленіе номинативной формы этихъ только именъ представляло и въ формальномъ и въ смысловомъ отношеніяхъ аномалію, поддерживавшуюся исключительно инерціей обрядовой рѣчи. Отказъ отъ нея знаменуетъ собою новую эру въ исторіи русскаго языка. Это былъ первый случай устраненія языковыхъ двусмысленностей, упрощенія и уточненія рѣчи¹ — хотя-бы цѣною пожертвованія возможностью передачи нѣкоторыхъ смысловыхъ оттѣнковъ, — открывающій собою цѣлый рядъ аналогичныхъ случаевъ, — что составляетъ главное содержаніе исторіи русскаго языка въ XVIII вѣкѣ, исторіи длительной и упорной коллективной работы надъ его усовершенствованіемъ, завершающей къ началу XIX столѣтія. То, что исчезновеніе, въ актовомъ языкѣ, формы на *a* при inf. произошло, въ нач. XVIII в. сразу², свидѣтельствуеетъ о наличіи участія коллективнаго сознанія, что заставляетъ связать это явленіе съ всколыхнувшей мысль петровской реформой. Именно это — наличіе элемента сознательности въ эволюціи языка — позволяетъ считать „приказный“ языкъ періода, предшествовавшаго тому, когда сложился классическій литературный языкъ, первымъ русскимъ литературнымъ языкомъ.

Софія

П. Бицилли

¹ Краткій обзоръ этихъ случаевъ данъ мною въ докладѣ *Языкъ и Народность*, въ Трудахъ V Съѣзда Р. Уч. I, Софія 1932.

² Толчокъ, несомнѣнно, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, былъ данъ сверху. Самъ Петръ, правда, еще пишетъ:... А хто ево назоветъ дуракомъ, *тѣмъ платитъ*... по золотому, другимъ рубль, третьему *полтина*..., самымъ низкимъ *гривна* (Собственноручн. Р. Арх. 1865, ст. 674). Но Канцл. Головкинъ писалъ въ 1706 г. Однокажъ де *надобно вамъ* о томъ *подлинную вѣдомость получить* (Врем. ОИ и ДрР, 1849, прилож., стр. 4). Въ актахъ, изд. Есиповымъ, Раскольничьи дѣла, мнѣ не попало уже ни одного случая пом. при inf. †

Вербська Євангелія 1560 року

I. Опис пам'ятки

Вербська Євангелія 1560 року—це надзвичайно цікавий і цінний пам'ятник кирилівського письменства XVI-го віку. На Волині по церквах ще й тепер зберігається не мало найрізніших рукописних книжок, в більшості писаних південно-слов'янським правописом, що його бачимо і в нашій Євангелії. Вербська Євангелія — це зразок нормального Волинського писання, що панувало там в XVI віці.

Вербська Євангелія — рукопис in f^o, дуже розбитий, 31×20 см. Від колишньої оправи позоставилися тільки дві дошки, зв'язані шнурками. Від окладу нічого не позоставалося. Багатьох карток уже нема в Євангелії, напр. бракує двох початкових, в Євангелії Матвія нема від зач. 18 по 26, 31-34, 65-69, 81-85, брак Іоанна зач. 31-34, брак 1 листа по картці 217. Книжка тепер має 235 карток.

Наш пам'ятник — Євангелія-тетр. Двох початкових карток нема, тому рукопис розпочинається впрост оглавом до Євангелія: „О неповеленъ во слѣ^ѣ йти лу^ѣ лг^ѣ“. Зміст пам'ятки такий: л. 2: Θεολακτα (sic) αρχιε^ϛκ^ϛπα οхридскаго. прѣсловіе (sic) є^ѣже ѿ ма^ѣѳеѳа ст^ѣго є^ѣв^ѣліа. Л. 5: Євангелія від Матвія. Л. 59: Передмова до Євангелії Марка. Л. 60^б: Вкладний запис 1560 р. Л. 61: Бракує одної картки, зачинається зачало 2-м Євангелії Марка. Л. 98-98^б: Запис 1572 р. на вільнім місті. Л. 99: Глави Євангелія Луки. 100^б: Передмова до Єв. Луки; по цьому брак одного чи двох аркушів. Л. 102: Євангелія Луки, від зачала 3-го. Л. 169: Глави й передмова Євангелія Луки. Л. 172 порожній. Л. 172^б: Вкладний запис пані Русальської. Л. 173: Євангелія Іоана. Л. 219^б: Сказаніє єже на вса^ѣ д^ѣнь дл^ѣжно є^ѣ гл^ѣатиса 'єв^ѣліе н^ѣемь все^ѣ л^ѣѳта. Л. 228: Соборни^ѣ съ б^ѣмъ в^ѣ1 м^ѣ м^ѣце^ѣ. Л. 235^б чистий.

На початку книжки, долі, на кк. 1-4 уміщено такий цінний запис, що свідчить про фундатора пам'ятки: . . . „'Євтихій прозвище^ѣ сщасный семенов^ѣ ѿкови^ѣ кій | нада^ѣ 'єсми сію книг^ѣ. 'єв^ѣліе те^ѣро свои^ѣ вло^ѣтны^ѣ | накладо^ѣ справивши на цр^ѣко^ѣ бж^ѣію в хра^ѣ рж^ѣва | хв^ѣа з ве^ѣбой вох^ѣно^ѣскѣ хто бы сію кн^ѣгж м^ѣ ѿ хра^ѣмоу | бж^ѣіего ѿнати й на иньше^ѣ м^ѣсце ѿберн^ѣжти да б^ѣздн^ѣ на не^ѣ кла^ѣѳва ст^ѣх ѿц^ѣь триста й ѿсьмьнадеся^ѣ ѿже в ник^ѣ, а съ мною разс^ѣдить^ѣ на ѿно^ѣ св^ѣте пре^ѣ мл^ѣтвы^ѣ бг^ѣмъ. . . ~ На жаль, початку запису бракує, а в нім то й була певне докладна дата написання Євангелії. Цей вкладний запис писала та сама рука, що писала й цілу книжку; чорнило те саме.

Рік написання Євангелії подає нам донаційна грамота, вміщена на л. 60^б, написана в 1560-м році мая 1 дня. В цій грамоті власники Вербські, Михайло Іванович Росальський та Василь Ванкович Мировицький зо своїми жінками Оленою й Овдотьєю Юр'івнами Вербськими, надають церкві Різдва Христового поля на віки вічні. Грамоту писала та сама рука, що писала й цілу Євангелію, та вкладний запис на початкових листах 1-4, тим самим чорнилом. Але не виключено, що Євангелію написано й трохи давніше перед 1560-м роком.

Місце написання й постійного переховування Євангелії — село Вербая Вохнович, тепер Верба на Волині, Володимир-Волинського повіту¹.

Село Верба, в якій написано нашу пам'ятку й де вона віки переховується, знаходиться в 10 верстах на північ від Володимира-Волинського, має 602 душі населення. На жаль, тепер не позосталося слідів від колишньої св. Роджественської церкви, — нині тут церква на честь св. Архистратига Михаїла, про яку офіційльні анкети Православної Митрополії з 1925 й 1930 р. твердять, ніби вона заснована в 1813 році, а теперішній будинок — з 1895 р. Найбільшим маєтком церкви й тепер позостається земля, що була подарована їй вдавнину; землі цієї тепер 58 десятин: городної 1 дес., польової 22, сіножать 30 дес., нездатної 5 дес. Церковні землі ще й тепер носять стародавні назви: „Полюхно“ та „Селище“. Теперішня церква на краю села.

Зараз коло Верби знаходиться село Охнівка, по-народньому Вохнівка, з простарою церквою на честь св. Євангелиста Іоана. Як твердить офіційна митрополітальна анкета, церква ця заснована в 1757 р. У Вохнівці тепер попад 500 душ мешканців.

На л. л. 60^б—66 іншою рукою й іншим чорнилом написано доли такого запису:

„Се х рабъ бжїй сімеѡ^ѡ мировицкїй и^ѡ жо | ною моєю марїєю. Близаровскоѡ. нада^ѡ | есми зво^ѡ на которо^ѡ макнїфика^ѡ свои^ѡ вло^ѡ | стны^ѡ кошто^ѡ й накладо^ѡ справивши на | (бракує одного листа): ... скѡ. а хто бѣ мѣлъ єго ѡнати ажъ ѡ ѡбачи^ѡ | ши непородо^ѡ ѡкїй волно ми 'єго взѡ^ѡ й гдѣ | хотачи до прѣтла ѡдати ты^ѡ варю. й да бѣд^ѡ | на него клатва стѣ^ѡ ѡць трыста й нѣ а^ѡ нѣ | ми разсиди^ѡса пере^ѡмлѣтви^ѡ б^ѡго^ѡ на страшно^ѡ | сждѣ хвѣ. дѡ и^ѡ гѣ многа лѣта а по смѣрти вѣчнаа памѣть“.

На порожніх сторінках Євангелії вміщено ще дві грамоти, що подають цінний матеріал для історії Вербської церкви, а друга — трохи й про нашу Євангелію. Перша грамота на л. л. 98-98 б, 1572 р. мая 1-го дня, в якій Василь Ванкович Мировицький із жінкою своєю Овдотьєю Юр'івною Вербською надають церкві десятий день із млина. Друга грамота на л. 172, без дати; в ній, між іншим, читаємо: й раба Бжїѡ А^ѡк'килина Семеноваѡ рѡса^ѡскаѡ ... сіе 'єв^ѡлїе ново поправїла ѡ^ѡсамито^ѡ

¹ В Słownik geograficzny królestwa polskiego 1893 р. т. XIII ст. 213-214, під словом Werba, поплутано дві Верби на Волині — Дубенську й Володимирську. На початку описується Дубенська, а в кінці до неї додано деякі відомості, що стосуються тільки нашої Володимирської Верби.

поволокла. й блахи сребрѣныѣ дала... Обидві грамоті писала інша рука, іншим чорнилом.

Книжка була гарно прикрашена¹. Кожна окрема Євангелія розпочиналася ріжнобарвною заставкою й таким же ініціалом; дві заставки позосталися, — на л. 5 і 173 (Євангелії Матвія й Іоана), а початки Євангелій Марка й Луки загублені. На л. 5 доли посередині глечичок, а з нього направо й наліво розходяться квітки; гарний ініціал К; перший рядок (титул) — в'язь, писано золотом. Так само старанно оздоблено й ст. 173, де починається Євангелія Іоанова.

Крім цього, маємо ще ініціали на л. л. 59, 100 и 169, а на л. 57^б маленька плетінка.

II. Євангельський текст

Вербська Євангелія 1560 р. — то відпис із якогось давнього середньоболгарського оригіналу; текст його сильно відрізняється від тексту сучасного. Для порівняння подаю трохи тексту:

Вербська Євангелія:	Сучасна Євангелія:
Розділ 1 вірш 18: х ^т во же л. 6	хр ^т тово
1 ¹⁸ не совокоупистася 6	не снітиса йма
1 ¹⁸ во жтробѣ 6	во чрѣвѣ
1 ²⁰ сѣ же 6	сіѧ же
1 ²⁰ оумыслившоу 6	помыслившѣ
1 ²⁰ нависа 'емоу во снѣ 6	во снѣ нависа 'емѣ
1 ²⁰ снѣ ж v ¹ 6	сѣне
1 ²⁰ маріа 6	маріамѣ
1 ²⁰ 'еже бо въ ней рѣждшееся 6	рѣждшееся бо въ ней
1 ²¹ родит' бо 6 б	родить же
1 ²⁵ рѣдиѣ снѣ свой прѣвенец 6 б	рѣди сѣна своего прѣвенца
2 ⁴ сѣбра 6 б	сѣбрѣвъ
2 ⁵ рѣша 6 б	рѣкоша
2 ⁶ ми изыйдеѣ кнѣзь	изыйдетъ вѣждѣ
2 ⁸ на 7	йхѣ
2 ⁸ рекъ 7	рѣчѣ
2 ⁹ пришеѣ	пришедши
2 ¹⁰ великою 7	вѣлію
2 ¹¹ пришеѣше 7	вшедше
2 ¹¹ видѣша 7	ѣбрѣтоша
2 ¹² ѣвѣтъ 7	вѣсть
2 ¹² воз'вратишаѣ 7	возвратитиса
2 ¹² нж йнѣѣ 7 б	йнымѣ
2 ¹² во странѣ своа 7 б	во странѣ свою

¹ Знимки зо Вербської Євангелії подав я в своїй праці: „Wzory pism cyrylickich X—XVII w. w.“, ч. II, Варшава 1931 р., № № 111—116.

2 ¹³ ѿви* 7 б	во снѣ ѿвиса
2 ^{13.15} тоу 7 б	тамо
2 ¹³ ти рекоу 7 б	рекѣти
2 ¹⁶ низше 7 б	нижайше
2 ¹⁶ йспыта 7 б	йзвѣстнѡ йспыта
2 ¹⁸ гла* вараама 7 б	гласъ въ рамѣ
2 ²⁰ дшъ ж 8	дъши
2 ²¹ йде 8	й прійде
2 ²² во 'ірода мѣсто 8	вмѣста йрода
2 ²² битй 8	бйде
2 ²² во страу 8	въ предѣлы
3 ² гл а 8	й глгола
3 ² цр*тва 8	цр*твіе
3 ⁴ тъже 8	самъ же
3 ⁴ ѡдежду 8	рйзъ
ипокрите 14 б	лицемѣри
24 ²⁹ йспаднж* 45	спадѣтъ
24 ³² 'егда же вѣтиа 45	'егда оужѣ ваіа
24 ³³ оузрите сіа	видите
24 ³⁴ не йма* прѣйти	не мимойдетъ
прѣидетъ 45	мимойдетъ
а словеса 45	словеса же
26 ³⁵ аще мй са ключить 50 б	аще мй "естъ
1 ¹⁷ (Марк) сѣтвори ва*	сотворю васъ быти
ловца чл*ко* 61	ловца человѣкомъ
1 ¹⁸ ѡставльша мрѣжж 61	ѡстáвльша мрѣжи своа
1 ²¹ вѣнйде 16	вшѣдъ
1 ³⁴ оузами 62	недѣги
5 ² (Лука) плаклхж мрѣжж 111 б	йзмывахъ мрѣжи

Рівнеючи текст нашої Євангелії з тими текстами Євангелії Марка, що їх подає в праці „Євангеліе отъ Марка“ 1894 р. проф. Г. Воскресенський, можна ствердити, що наш текст найближчий до тексту IV-ої редакції. Але часто Вербська Євангелія подає текст, якого в праці Г. Воскресенського зовсім нема.

Для зразка подаю текст „Отче наш“ з л. 14 А ось ще „Отче наш“ з Єв. Луки, зачало 55, л. 131:

Очѣ нашъ йже | "еси на нб"се". да стїт'са йма т'во'е. | да прїидеть цр*ство твоє. да бжде* | вола твоа ѡко на нб"си й на зем'ли. | хлѣбъ ншѣ насъщствъный. пода | й на" на в'сакъ днѣ. й ѡстави на" грѣ | хы нш"а. йбо й сами ѡс'тавлас" въ | сакомоу длѣж'никж ншемоу. и не | введе на" въ напá*. нж йзбави на" ѡ лоукаваго.

III. Палеографічний опис

Цілий рукопис писаний старанним гарним півуставним кириловським письмом, яке часто можна звати молодшим уставом. В більшості письмо просте, але часом почувається легенький нахил вліво. Скрізь по 22 рядки на сторінці. Лінування мало знати. Рукопис складається із зшитків, по 8 карток у зшитку. Письмо непереривне (*scriptura continua*) від крапки до крапки. Висота літер 4-5 mm, у другій половині рукопису букви трохи більші. Чорнило сильно-чорного кольору, скрізь добре збереглося.

Форма літер — звичайна для півуставного (чи уставного) письма XVI-го віку. У **в** верхня частинка більша від долішнього вузла. Панує звичайне уставне **в**, з долішньою більшою від горішньої частиною, рідше буває кругле **в**, часте на початку зачал, писане тоді циноброю. Скрізь **з** з великим кринолиновим задом. У **ж** верхня частина менша від долішньої. У **и** з'єднуєча лінія скісна, як і у **н**. Звичайне півуставне **м**, але не рідко воно з довгим вим'ям, що опускається трохи під рядок. Очне **о** дуже часте: в слові '○к о в початковім ○ одна крапка в середині, див. л. л. 14^б, 74^б, 133, 80, 116^б, а у множині '○ чи, '○ чеси і др. дві крапки, напр. на л. л. 51, 76^б, 80^б, 105^б, 110, 92, 24^б, 146, 181, 194 і т. п., в слові безъ"○ чьство 1315 дві крапки в круглім **о**. В слові окр^тъ (окрест) початкове кругле **о** має чотири крапки, приліплених до круга, див. л. л. 15, 103, 103^б, 72^б, 138^б і др. Панує уставне **т**, але не рідке й триноге **ш**, особливо під кінець рукопису. Замість **оу** часом написано **о**, до якого зверху приробляється широку **у**, напр. на л. л. 113: кѣдѣ, ѣз'рите 209, ймашомѣ 114^б і т. н. Буква **ф** різної форми, часте перекреслене кругле **о**, але сторчова лінія не проста. Цікаво, що скрізь маємо стару форму **у**, — чаша з більшою чи меншою головою. Скрізь **ы**, хоч один раз стрів N¹ іоудейскы 54^б — певне відпис зо старшого оригіналу, що мав все **ы**. У **к** головка над рядком, **д** вузенька. У **ш** серединна лінія такої же висоти, як і бокові.

В літерах, що мають позему лінію зверху, напр. **в**, **к**, **г**, **п**, **ш**, **т**, ця верхня лінія трохи піднята догори. На останнім 22-м рядку на сторінці літери не рідко мають довгі хвости, напр. **щ** 121^б, 125^б і др., **о** 102^б, 103, 108, 119^б, 121, 123, 124^б і др. В серединних рядках цих хвостів нема.

Винесені літери то покриваються, то ні (**х**, **м**, **д**); вони звичайно¹ півуставної форми: лежаче **р**; **м** як тричі зламана крива; **д** часто має нижню довгу позему лінію, що закриває дві чи більше лінії, а верхня його части на майже як **п**.

В письмі не рідкі лігатури, цеб-то получения двох сусідніх букв, звичайно цих: **тр**, **пр**, **тк**, **лү**, **тн**, див. л. л. 3^б, 24^б, 15, 19, 21^б, 24, 24^б, 71, 167, 181 і сила т. п., особливо часто на кінці рядка л. л. 17^б, 118^б, 178^б, 181^б, 188^б, 194, 198^б, 197, 197^б, Буває получения **тх**, див. на́чинаєть 60, оў'ретъ 128^б і др.

В самім кінці рядка, в кінцевім слові писар уживає найрізніших засобів чи для закінчення слова, чи для вирівняння рядка справа. За-

соби ці такі: 1) винесення кінцевої приголосної слова чи складу над слово, 2) уживання лігатури, 3) заміна **ѣ** чи **ь** на поєрик, 4) заміна кінцевого **и** на кендему `` з винесенням приголосної: ра^м 24 б. 64, і 5) заміна **т** на **Т** (сімкове) або **т** з коромислом над рядком, а також заміна **ѡ** на **ѡ**, при тому кінцеве **ѡ** може виноситися над рядок. Коли позостається в кінці рядка вільне місце, писар часом пише **ѡ** поміж приголосними: цр^ѡъ | тво 20, въ | заша 28 і т. п.

В рукопису багато цинобри: 1) нею писано всі рубрики (вказівки на читання Євангелія долі й вгорі), 2) циноброю на маргінесах зазначено зачала, 3) кінець Євангельського читання, слово ко^ч і 4) початкова літера зачала.

На папері водний знак — вепр.

IV. Правопис Євангелія

Описуючи яку-будь пам'ятку церковно-слов'янської мови, доводиться велику увагу присвячувати правописові її, часом навіть більшу, як самій мові. А то тому, що часто фонетичні риси теї чи іншої живої мови мало пробиваються через штучний правопис, і цей останній звичайно й забирає всю увагу дослідника.

У Вербській Євангелії 1560 року, як я казав уже, дуже багато архаїзмів в мові, в словнику і в правопису. Правопис цієї Євангелії — традиційний кирилівський правопис XVI-го віку, що панував тоді не тільки на Волині, але і в цілій Україні, а можна сказати — і по цілій Слов'янщині, що писала кирилівським письмом. В основі своїй — це правопис південно-слов'янський, що був дуже поширений ув українським письменстві в XV і XVI віках, а особливо в цім останнім. Цінність нашої пам'ятки якраз у тім, що писано її дуже послідовним тодішнім правописом, який можна прийняти за загальний взірець правопису українських книг XVI-го віку, — таким самим правописом писано не тільки книги церковно-слов'янські, але й пам'ятки живої української мови, напр. Пересопницьку Євангелію 1556 року. Ось тому я опишу цей правопис докладніше, яко взірцевий для тодішнього часу.

У цім правописові бачимо такі головні складові частини: 1) правопис стародавній, що традиційно дожив аж до XVI-го віку, а почасти й далі; 2) елементи грецькі, звичайні для старшого кирилівського письменства, на яких виріс слов'янський правопис; 3) риси південно-слов'янські, тут надзвичайно сильні, що запанували в кирилівським письменстві від часу правописної реформи Євфимія, патріарха Тирновського; и 4) риси своєї живої української мови. Це взагалі елементи, що з них складається український правопис XV-XVI, а почасти й XVII-го віку; цей саме правопис, як знаємо, перейшов і до книг друкованих, тільки з часом вплив перших трох елементів тут же малів та малів.

а. Уживання окремих букв

1. Скрізь — чи то на початку слова чи в його середині — панує в нашій Євангелії **оу**, напр.: **оубо** 21, **оучителю** 23, **оумжчити** 68^б, **наоучитеса** 21, **дроугаа** 21^б, **хоула** 22^б и т. п. Так зване лігатурне **ѡ** (бо це лігатура з **о** та **ѡ**, цеб-то грецьке **ου**) тут уживається тільки в кінці рядка, коли брак місця для повного **оу**, напр.: **кѡ | стодїа** 57, **сѡкрѡ | шенїа** 22, **сѡюощѡ** 24, **миръ** 25^б, **ѡслаблен'номѡ** 63 і т. п. Одне й те слово в залежності від його місця в рядку, пишеться ріжно: **дрѡ | сїи** 77, а в середині рядка **дроусїи** 84.

2. На початку слова зазвичайно маємо **ѡ**, а не **ѡ**, напр.: **ѡвїтса** 67, **ѡвленї'є** 67 і т. п. Слова **ѡзѡкъ** *gens* нарид і **ѡзѡкъ** *lingua* мовний орган не розрізняються в письмі нашої пам'ятки, напр. тут маємо **ѡзѡкъ** 82^б, 150^б, **народам** і **ѡзѡкъ** 75^б, 146 орган мови.

В середині слова панує **ѡ**, але не рідке й **ѡ** по давньому: **бѡла | щаѡ** 17^б, **сѡщаѡ** 62, **дроугаѡ** 56^б, **сѡзїдаѡ** 54.

3. Перед голосною звичайно маємо **ї**, в інших випадках **и**, напр.: **оубїаць** 79^б, **оубїенѡ** 79^б, **третїй** 79^б, 82^б, **прїйде** 79^б, **пїю** 82 і т. п. В словах грецьких і передається через **ї**: **їроа** 71, **їдсїфѡ** 96^б і т. п., хоч можуть бути й не рідкі відступлення: **сїмона** 61.

4. Букви **ѡ** вживається в таких випадках: 1) дуже часто на початку слова: **ѡбѡ** 50^б, **ѡн'же** 23, **ѡва** 24, **ѡв'ца** 17, **ѡгнь** 62, **ѡлтарѡ** 42, **ѡблїчї** 33^б, **ѡбрѡс'тї** 33^б, **ѡбрѡмененї** 21, **ѡблѡчена** 19^б, **ѡбрѡзѡ** 40, **ѡдрѡ** 62^б, 63, **ѡстави** 61^б, **ѡчїстїтї** 62, **ѡбраще** 23^б, 46, **прїѡбрѡто** 47, **прїѡбрѡль** 33^б, **ѡженїйсѡ** 40^б, **ѡнї** 40, **ѡбою** 41 і т. п.; але часом цього не дотримується: **ѡчїстї** 42^б. — 2) Прийменник **ѡ** все пишеться **ѡ**, напр.: **ѡне** 49^б, **ѡ** **воскрешенї** 40^б, **ѡ** **ней** 61^б, **ѡ** **оученї** 61^б, **ѡ** **народѡ** 30 і т. п. — 3) В чужих словах, що в грецькім мають або й не мають **ѡ**, напр.: **ѡл'феѡва** 63, **'елеѡнстѡї** 43^б, **зевеѡѡва** 50^б, **легеѡнѡ** G³ 51^б, **їѡаннови** N³ 16^б, **їѡан'но** 61^б, **їѡна** 132^б, 23, **їѡнѡ** 23, **їѡсїфѡ** 96^б, **сїмеѡнѡ** 105^б і т. п. — 4) Коли приголосна по **ѡ** виносить над слово, тоді це **ѡ** пишеться як **ѡ**, щоби було місце для написання винесеної букви: а) **пѡа** 117^б, 121^б, **плѡа** 121, 121^б, 181, 206^б, 135^б, **нарѡа** 150^б, 161, 200^б, **дѡ** 140^б, 141^б, 142^б, **вѡ** 140^б, **вѡн'нї** 140^б, **пѡѡбен** 117 bis, **пѡк'лѡнїтї** 15, **радѡ** 143, **прѡж'дрѡ** 119^б, **дѡ'тоанїе** 154^б, **дѡ'тоїт'** 40 і т. п.; а часом маємо **ѡ** і без винесення там, де це винесення можливе: **дѡстоїть** 21^б, **трѡстї** 22, **сѡн'мїще** 61^б і т. п.; б) **ї**: **страхѡ** 123, **бг'ѡ** 40^б, 52, **дх'ѡ** 41, 177^б; в) **ї**: **нѡродѡ** 23^б, 28, 137^б, **архїерѡ** 49, **дѡлѡ** 41^б, **чл'кѡ** 22^б, 25, 42^б, **ѡученїѡ** 48^б, **грѡхѡ** 50, **перѡ** 21 і т. п.; г) **прїйдеѡ** 137^б, 63^б, **бѡхѡ** 213, **вїдѡхѡ** 178, **їдохѡ** 150^б, **ѡбрѡтохѡ** 175, **писѡхѡ** 119, **рыѡхѡ** 119, **пѡслѡужїхѡ** 48^б, **слѡшахѡ** 162^б, **їдохѡ** й **пїхѡ** 139^б і т. п. — 5) На кінці прислівників звичайно **ѡ** нема: **тако** 166^б, **їко** 166^б і т. п., але: **мѡло** 17 і др.; нема **ѡ** й на кінці прикметників у **ї**: **пѡкаженѡго** 90^б, **нѡваго** 91^б, **деѡтаго** 96 і т. п. — 6) У приставці чи прийменнику **ѡт**: **ѡ** **народа** 62^б, **ѡткрыша** 62^б, **ѡсѡнци** 33, **ѡвр'женї** 17; це **ѡ** може писатися й **ѡт**: **ѡтрѡча** 33, 103, 103^б, **ѡтрѡка** 103^б, **ѡтрѡчати** 7, **ѡтїдоша** 40, 130, **ѡтїтї** 123, **ѡт'щегїтї** 77^б і т. п.; цікаво,

що може бути навіть **ѡ**рока 102⁶, **ѡ**трѣсѣте 124⁶ і т. п. Звичайно, маємо багато прикладів, коли в вище зазначених випадках маємо **ѡ**, а не **ѡ**.

5. На початку слова дуже часто пишеться широке **ѣ**, напр.: 'ѣсте 29⁶, 'ѣси 61⁶, 'ѣже 25⁶, 23, 'ѣго 22, 24⁶, 62⁶, 'ѣще 23⁶, 70 і т. п. Значно рідше буває **ѣ** в середині слова на початку складу: развѣмѣте 74⁶, вѣмѣтаѣте 67⁶, разоумѣете 26⁶, твоѣго 33⁶, помышлѣете 113, запжстѣте 132 і т. п., або на кінці слова: 'абѣ 61⁶, 62, прокаженіе 62⁶, твоѣ 62⁶, фарисеѣ 28⁶, 64⁶, 73⁶, саддоукеѣ 30⁶, свиное 68⁶ і т. п.

6. В слові **а**н**г**ел все пишеться по-грецькому **гг**, а не **нг**: **а**ггль 102, **а**ггль 89⁶ і т. п.

7. Буква **џ** звичайно пишеться в грецьких словах, але часом і в своїх: **џ**омѣ 75, **џ**й 75, **џ**й 146, але **й** п'сй 30.

8. На кінці слів по твердих приголосних звичайно пишеться **ѡ**, але — за південно-слов'янським впливом — надзвичайно часто замість **ѡ** маємо **ь** на кінці: рекъ 7, ѡвѣтъ 7, поасъ 8, словесъ 17⁶, азъ 18⁶, законъ 20, йхъ 21, свѣтъ 21⁶, разоумѣвъ 21⁶, ѡтрокъ 21⁶, сѣаль 25, врагъ 25, ѡвѣщавъ 25⁶, часъ 27⁶, ймъ 27⁶, жестокъ 47, вамъ 80⁶, сѣтвориль 80⁶, братъ 89, оужасъ 97, бѣсъ 111, 'единъ 119⁶, недоугъ 120⁶, ѡнь 124, ѡблакъ 126⁶, сапогъ 128⁶, хлѣбъ 131, оучиль 139⁶, бракъ 140⁶, даль 144 і сотні т. п.; те саме і в словах чужих: пѣлатъ 53, назаретъ 8, їаковъ 5, талантъ 34⁶, іѡанъ 27, филиппъ 17, петръ 19, ісѣ 49⁶ і т. п. Навіть одне **й** те слово може бути написано ріжно: азъ 19⁶ — азъ 18⁶, талантъ 47 — талантъ 46⁶, 47, сѣавъ 152⁶ — сѣавъ 152, ѡвѣщавъ 31⁶ — ѡвѣщавъ 30, члкъ 64, 68⁶ — члкъ 61⁶, ѡзыкъ 75⁶ — ѡзыкъ 146, іѡсифъ 96⁶ — іѡсифъ 6.6⁶ і т. п. Часом це **ь** маємо і в середині при збігу приголосних: пѣанство 158⁶, ѡбѣдненіе 158⁶ і т. п.

9. Букви **ѡ** вживається в грецьких словах: тѡрскыа 29⁶, моѡси 31⁶, 74, моѡсеѡви 78 і т. п., хоч часом буває замість **ѡ** й просто **и**: мойсеѡви 31⁶, сѣ моѡсеѡ 77⁶, 'алавастръ мира 119⁶, миро 165⁶, 200, миро 197 і т. п.

10. Яко знак розділовий, панує крапка, що стоїть, як то було звичайним у той час, не в кінці речення, але по певнім числі слів, цеб-то в значінні нашої перетинки. Із грецькою звичаю середника (;) вживається в значінні питайника: разоумѣете ли сѣа в'са; 26⁶, хочете ли; 214, нѣ ли вѣроуѣте; 209⁶ і т. п.

11. Звичаєм тогочасного правопису власні ймення починаються малою буквою; великою буквою зачинається тільки зачало або початок церковного читання.

б. Винесення

Винесення — то надзвичайно частий спосіб скорочення слів, відомий в кирилівськiм письменствi ще від самого початку його; найбілший розвиток його — XV-XVI віки. Полягає винесення в тiм, що кiнцева приголосна слова чи складу виноситься над слово, напр.: наро 23⁶, пло

25, ше^ѣше 25, плѣве^ѣ 25^б, сѣме^ѣ 25^б, рече^ѣное 25^б, вѣ при^ѣчл^ѣ 24 і т. п. Винесеною може бути кожна приголосна; винесена буква звичайно покривається якимсь значком, найчастіше півняком \frown ; але букви д, ж, м, р, х звичайно не покриваються: прише^ѣ 23^б, хоче^ѣ 23, свої^ѣ 23, доу^ѣ 23, слоухо^ѣ 24, безво^ѣнаа 23 і т. п.

По винесеній літері ніяких знаків (ѣ чи ѣ) ніколи не ставиться: печл^ѣ 24^б, сж^ѣ 23^б, і це треба мати на увазі при знесенні винесених букв до рядка, бо пишучи повно, писар написав би ті слова: печаль, сжть.

Сполучення ст в кирилівськiм письменствi звичайно виноситься над рядок, при чому пишеться с і покривається чи особливим значком, чи, як в нашій Євангелії, звичайним: бы^ѣ 16^б, 20^б, 26^б, 62^б, 64. 122, 181, да^ѣ 18, 23, 24, 64, прѣда^ѣ 17, нѣ^ѣ 18, 125, е^ѣ 17^б, 21, 62^б, 122, вла^ѣ 17, 63, 65, 124, трѣ^ѣ 19^б, 54, напа^ѣ 92, 131, премж^ѣрѣ^ѣ 119^б, 133, радѣ^ѣ 104^б, 143, 179, старѣ^ѣ 102 і сила т. п. В нашій пам'ятці таке ст нічим не рiзниться від винесеного с: е^ѣ на^ѣ 104, ве^ѣ 77^б, 78^б, гла^ѣ 78, словѣ^ѣ 92, 23 і т. п. Коли винесені ст стоять по ѣ, то це останнє часто пишеться як ѡ.

Винесене и чи ѣ часто пишеться лежачим: ѡчи мѡ 194, оу^ѣч^ѣци твѡ 189, бж^ѣе мѡ 96, деваты^ѣ ча^ѣ 96, живо^ѣ вѣч^ѣны^ѣ 81, творѡ 178^б і т. п. У цiм випадковi може бути ѣ кендема ` , див. про це далі.

Як казав я, частіше виносяться кінцеві приголосні, але часом буває й таке винесення, що виноситься над слово склад, але голосна опускається, пишеться тільки приголосна. Так, напр., в дієсловах часто виноситься кінцеве сѣ, — с ставиться над словом, а ѣ опускається, напр.: воз^ѣвратиша^ѣ 7, дивиши^ѣ 4^б, дивити^ѣ 63, ѡправ^ѣдиши^ѣ 23, пок^ѣлѡниша^ѣ 57, постити^ѣ 63^б, прикѡс^ѣнжша^ѣ 28^б, сѣбраша^ѣ 23^б, сѣнидоша^ѣ 4^б, оубѡа^ѣша^ѣ 55^б, оужасоша^ѣ 61^б, оу^ѣчити^ѣ 2 і т. н.

Склад же дуже часто виноситься таким самим звичаєм: вы^ѣ 74, никого^ѣ 75, нѣчсо^ѣ 97, ѣко^ѣ 59, 68, 97 і т. п. Так само: па^ѣ 69^б, 136, на^ѣ 68 і др.

Коли бракує місця в кінці рядка, то кінцеве оу пишеться в і виноситься над слово: лоукавомѣ 23^б, кѣ немѣ 23^б і т. п.

Рідко виноситься цілий склад над слово, найчастіше до: вѣни^ѣша 69, изы^ѣша 76, по^ѣобна 74, по^ѣобно 25^б, оупо^ѣобисѣ 25, домѣ 18^б і т. п. Коли виноситься ди, то и зазначається кендемою ` : чю^ѣ | ша^ѣ 122, лю^ѣ 162^б, нарѡ^ѣ 123, 124^б і т. п.

В кирилівськiм письменствi віддавна панує цікавий спосiб скорочення слiв: коли в словi в сусiднiх складах однаковi голоснi, то пишеться одна голосна, а приголосна, що мiж ними, виноситься над слово: за^ѣло 60 = зачало, ве^ѣрь 90 = вечерь, посрѣ^ѣ 27, 64^б, 73, 79^б, 111 = посрѣдѣ, феѡ^ѣра 231^б = феѡдѡра, да^ѣаніѣ 135 = да^ѣстѡаніѣ і т. п. Ще приклади: за^ѣрiйноу 107, постра^ѣти 77, постра^ѣша 138, ве^ѣлиса 135^б, ве^ѣрл 71^б, 141^б, 142, ве^ѣроу 68, 91, вѣз^ѣвѣли^ѣса 144, вѣзне^ѣніа 59, ре^ѣ 23, 23^б,

55, 56, 57, 63, 63^б, 64^б, 102^б, ре^но 109^б, щте^нство 169^б, йде^н 24, пришедше^н 25, вѣ^нли 193, ѿбрѣ^нніє 231^б, коц^н срѣ^н 61^б, пѡ^нбаше 179^б, пѡ^нба'ет' 157, 180^б, пѡ^нбна 159, пѡ^нб'ни 136^б, дѡ^нинъ 17^б, 117^б, дѡ^нйна 117^б, 137, дѡ^нит' 64^б, 155, 180^б, дѡ^наше 64 і т. п.

В G¹ прикметників та займенників часно кінцеве о опускається, а г виноситься над слово: ваше^н 34, ѿ не^н 24, є^н 68^б, 69, 73, мое^н 71^б, с не^н 95, своє^н 87, мно^н 78, 'єдина^н 77, нѡ^нна^н 24, се^н 24^б, д'неш'на^н 20^б, бѣсновав'ша^нсѧ 69 і т. п.

Винесення надзвичайно часте в нашій Євангелії, так що часом писар робив його механічно, виносячи й те, що писав у рядку: глѧсь 108^б, маріамъ^нже 105.

Звичайно, одне й те слово може бути написано ріжно — повно або з винесенням, часом поруч себе: всѣхъ — всѣ^н 138, дасть 130 — да^н 124, вѣсть 136 — вѣ^н 137, 'исповѣсть — йс'повѣ^н 135, йродъ — ірѡ^н 124^б, ножь — но^н 212, пѡ^нбаєть 125^б — пѡ^нбає^н 234^б, посрѣдъ 25 — посрѣ^н 18, 25, ѧко — ѧ^н 136, дѡ^нинъ — дѡ^нтой^н 17^б і т. п.

в. Титла

Титла треба відрізнати від винесення: скорочуватись винесенням може кожне слово, а титлою — тільки святі слова (поміпа сасга). В нашій Євангелії дві форми титлового коромисла: панує молодше ^н, але єсть і стародавнє ^н, може взяте зо старого оригіналу. Титла маємо кількох типів.

Найчастіше — просте титло: слово пишеться скорочено й покривається титлою ѧггль 102, б^нъ 87, б^нже-б^не 55, бл^нгъ 81^б, бл^нга 81^б, бл^нвенъ 84, г^нъ 137, 83^б, гн^нъ 104^б, гн^не 84, гн^на 102, дх^нов'наго 59, іс^н 21, 61, кр^нщоу 108, мр^нїи 185, мл^нтвж 62, н^нбо 75^б, 90, нб^нсь 56^б, нб^нсны^н 104^б, ст^ный 61, ст^ны^н 55^б і др. Але крім цих слів, в кирилівським письменстві з часом витворилася ще група слів, що має вже даліше відношення до поміпа сасга, а проте їх все писано з покриттем: глѧти 62, глѧ 61^б, глѧъ 102, днѧъ 77 (повна форма: дньн), днѧхъ 62^б, днѧе 56, днѧїй 61, йнѧю 104, йнѧлевъ 103^б, мѧти 106^б, 137^б, мѧтри 105^б, мѧтити 69, мѧа 62, мрѧтвъ 79, ннѧъ 4, 55, 89^б, 204^б, ннѧго 103^б, ннѧїй 103^б, ѿцѧъ 79, 89, ѿцѧа 74, спѧсенїе 103^б, 105^б, спѧсена 69^б, слѧнце 62, смѧрти 92, оуѧнѧкъ 59, црѧъ 95^б, члѧкъ 64, 68^б. Ці слова часом можуть писатися й повно, без покриття титлою: кнѧзь 206 — кнѧзь 177^б, 201^б, сы^н 102 — снѧъ 55. Коли ці слова не належать до слів святих, тоді їх звичайно пишуть повно: стѧы дѧхъ 135, дхѧъ стѧый 89, але: вѧ доусѧ нечистѧ 68^б, доусѧ нечистѧый 61^б, доусѧ недоуженъ 138^б (хоч і тут бувають винятки: дшѧе нечистѧый 68^б, дхѧоу нечистѧоמוу 79).

Часте слово-титло: блѧви 72^б, 105^б, блѧгочѧтивъ 105^б, їерѧлимъ 106^б, млѧть 102^б, 103^б, прѧтль 102, црѧтво 46, 132, члѧчкый 63 і т. п.

З он — титлом пишеться мало слів: прѧркъ 71, 104, прѧрка 23, прѧрчица 106, прѧрчество 24, 74.

Не багато слів і на добро-титло, при чому воно ніколи не покривається: блгѣть 106, блгѣти 171, влѣка 139⁶, влѣко 105⁶, влѣць 229⁶, влѣчества 107, срѣце 24⁶, 136⁶. Часом і ці слова можуть писатися повно: благодать 174 — блгѣть 173⁶, двѣд — дѣвь 87⁶.

г. Надрядкові значки

Система надрядкових (діакритичних) значків у Вербській Євангелії 1560 року — звичайна на той час система, що панує по всіх тодішніх писаннях. У більшості своїй система ця штучного походження, — живо-силом перенята з письменства грецького, де вона мала й певне фонетичне значіння, але в більшості своїй стала зовсім штучною на ґрунті слов'янським. Цілу цю систему опишу тут докладніше.

Вербська Євангелія знає такі надрядкові значки: ісо (придих із оксією), паерик, придих, акценти (оксія, варія й камора) та кендема.

1. Кожна початкова голосна, а часто й голосна по голосній, має тонкого придиха ' різної форми: йдоу оуготоватй 205. Дуже часто придих на початковій голосній сполучений із оксією, цеб-то ~ (ісо), чого, річ ясна, не можна брати за наголос: йти 1, ~еси 131, ѿстави 131 і т. п. Ісо часом буває і в середині слова, на початковій голосній складу.

2. Початкова голосна складу і в середині слова, цеб-то голосна по голосній звичайно має придиха. Особливо частий він на ѣ, і не виключено, що цей придих визначає йотацію його. Найчастіше форма цього придиху звичайна ѣ: поставл'еть 47⁶, б'ыва'еть 54, приклада'ємо 60, пришива'ють 63⁶, подавл'ють 67, навл'ють 93⁶, да'ете 116, покрыва'ють 121⁶, ѿбрѣта'ють 131⁶, сказа'ет'ся 175⁶ і т. п. Часом цей придих має іншу форму, близький до камори: растѡчл'ють 22⁶, съблаж'нл'ет'ся 24⁶, на своѣмъ 25, б'ыва'ють 25⁶ і т. п., а часом маємо тут ісо: нарица'ють 87⁶, ча'ете 116 і т. п. По голосній часто пишеться ѣ в кругле, що також має придиха, але не завше: фарисее-фарисе'е 73⁶.

3. Над ю на початку слова чи на початку складу (цеб-то над ю по голосній) дуже часто ставиться великий лежачий півкруглий придих чи перевернута камора: ю'ноша 36, ю'гъ вѣю'щъ 137⁶, тою' мѣрою' 116⁶, вѣрою'ть 121, б'ываю'тъ 132⁶, оубію'тъ 134, свою' 137⁶, собою' 49, 13⁶, тобою' 20⁶, твою' 13, 14, свою' 17, 19, клатвою' 52⁶, хламидою' 54, въ галилею' 57, 61, ѿбою' 41, вѣч'нню' 48⁶, проповѣдію' іѡнниною' 23, великою' 56⁶, ноцію' 57, сатаною' 61, ѿдес'нню' 52, йсповѣдаю'тиса 20, послоушаю'тъ 71, възлагаю'тъ 41⁶, заклиною' 52, свитаю'щи 56⁶ і сила т. п.

Значок цей, як і над ѣ, визначає, певне, йотацію. У всякім разі ніякого акценту він не визначає, на що вказують такі форми, як: мнѡю' 22⁶, 49⁶, плáщаницею' 56, зáклиною' 68⁶, сѣ'ю'щаго 24⁶, знáю' 52⁶, троуж'аю'щей 21 і т. п., — в них бачимо поруч із ѣ також і правдивий знак акценту.

д. Кендема

Кендема — знак із двох варій — дуже часта в Вербській Євангелії. Значок цей грецького походження, прийшов до нас разом із південно-слов'янським впливом¹.

Розставлення кендеми надзвичайно цікаве в Вербській Євангелії, цікаве тим, що тут воно представлено повно, в послідовній системі, скільки його знає наш кирилівський традиційний правопис. Через це опишу тут кендему докладніше.

Ставиться кендему в таких випадках:

1. Найголовніше правило поставлення кендеми: її ставиться на односкладових словах, а саме:

а. В займенниках: тѣ 14⁶, 50, 50⁶, 65, 89, 175, мѣ 16⁶, 57, 108, вѣ 8⁶, 14, 56⁶, 74, 87, 207⁶, нѣ 15⁶, тѣ 47, 61⁶, 93⁶, 120⁶, 175⁶, на тѣ 12. Див. ще далі, § 8.

б. В числівниках: двѣ 3, 19⁶, 45⁶, 46⁶, 54⁶, 95⁶, 119⁶, 175, 181⁶, двѣ 3⁶, 27, 33, 45⁶, 58⁶, 69, 88, 185⁶, о двѣю 1⁶, двѣма 72⁶, ѡбѣ 50⁶, ѡбѣ 27⁶, трѣ 23, 31⁶, 49, 90⁶, 103, трѣми 52, 54, трѣщи 50⁶, 52⁶, трѣдѣса⁶ 49, 49⁶.

в. В односкладових дієсловах: бѣ 2, 47, 55⁶, 56⁶, 59, 59⁶, 60, 61, 61⁶, 62⁶, 72⁶, 173⁶, 216, бѣ 45⁶.

г. На словах-часточках або на прислівниках: сѣ, нѣ 22, 48, гдѣ 6⁶, гдѣ 175, з'дѣ 50⁶.

ґ. На деяких односкладових словах, напр.: злѣ гль 11, з'лѣ 58⁶, 116⁶, 178⁶, з'лѣ 116⁶, з'лѣ 29⁶, 117⁶, злѣ 22⁶, 54, 95, ѡѣ 146, п'сѣ 30, ѡѣ 30, тоу 7⁶, 14⁶, 26, тж 55⁶.

2. Звичку ставити ѡ на деяких односкладових словах значно поширено в той спосіб, що ставиться кендему взагалі на цім складі і в інших словах, напр.:

а. На **ты, мы, вы, ны, се, ти, та**: четѣре⁶ 3, тѣсѣщи 30⁶, нечистѣма 73⁶, в' сжботѣ 64⁶, оумѣ 54, дамы 85⁶, помѣш'лающе 63, прѣвѣнѣ 56, мер'твѣнѣ 128, бес'печѣл'нѣ 57, бѣс'нѣ 15, влѣнѣ 68, довол'нѣ 57, до'нѣ 107⁶, нѣнѣ 55, йстинѣ 4, телесѣ 100⁶, сѣго 45⁶, сѣбе 55, на ж'рѣбѣти 200⁶, хотѣ 95, хотѣше 75.

б. Ставлючи кендему над **ти**, писар ставить її також надзвичайно часто й на **-ти** в закінченні дієменника: бѣти 60, быти 49, 73, в'зѣти 13, видѣти 19⁶, 23, видѣти 50, 56⁶, вѣдѣти 121, вѣровѣти 79, датѣ 47⁶, 49, 86⁶, жѣнитѣся 35⁶, йс'кѣти 7⁶, йспол'нитѣ 11⁶, йти 8, кжпитѣ 46⁶, минжѣти 73, навѣк'ноутѣ 4, напѣсѣти 4, ѡбличитѣ 6, ѡбратѣ 13, ѡстѣти 88, ѡвратѣ 13, ѡитѣ 8, ѡкрыти 20⁶, ѡпжстѣти 6, ѡпжщѣти 63, питѣ 46, 50, 54⁶, п'люватѣ 93⁶, побдѣти 50⁶, погжбитѣ 61⁶, по'клѣнитѣ 15, по'нашатѣ 20, посадитѣ 72⁶, приз'ватѣ 16⁶, 63⁶, прикрѣватѣ 93⁶, прѣѣти 6,

¹ Про кендему див. мою працю: „Кендема (подвійний гравіс). Палеографічний нарис“, „Byzantinoslavica“.

прїити 46, просябноути 2⁶, проповѣдати 59, різ'ликовати 4⁶, різорити 11⁶, скрѣбѣти 91, славити 63, слышати 47⁶, сѣтворити 12⁶, 37⁶, 95, твóрити 21⁶, тѣжити 50⁶, оубити 18⁶, 71⁶, оуготовати 205, оумрѣти 214⁶, оучити 19⁶, 114⁶, цѣлити 21⁶, чтї 45⁶, 50⁶, 54⁶, 55⁶, 103 і сотні т. п.

в. Дуже часто стоїть кендема над **ни**: вьнидоша 127⁶, вьниде 62⁶, вьнити 62⁶, вьнидете 50, вьстанї 63, йсплньнїся 61, во каменї 56, к'нига 4⁶, сѣкнижники 55, к'нижници 51⁶, 87⁶, 48⁶, неповин'ни 21, нїколи 21, 64, нїктó 68⁶, 82, нїць 31⁶, нїчьсоже 52, 206⁶, нїчьсоже 112, 199, сѣ наем'ники 61, нїщана 49, ѿнї 56, 73, правед'ниці 48, савах'танї 55, сребр'нийк 49⁶, стáни 55⁶, сѣт'нийк 55⁶, ѿ сѣмени 58, вѣ тем'ниці 48, трѣж'нийк 47⁶ і сила т. п.

г. Ставлючи кендему над **си, вѣ, вь, дѣл**, писар пише також: сїце 2, сѣбѣ 27⁶, 71⁶, тѣбѣ 14⁶, 31⁶, 63, тобѣ 20⁶, 47⁶, 183, ѣдвѣ 59, движенїа 182⁶, дабы 75, голоубы 176⁶, быша 4⁶ і т. п.

3. Надзвичайно часто кендема стоїть над **ы**, напр.: рабы 46⁶, хлѣбы 21, 72, 114, ѿбыдж 153, славы 47⁶, главы 119⁶, в'лагы 120, недоугы 65, погыбае 15⁶, мнóгы 50, 62, нарóды 27⁶, свѣзды 7, рызы 31⁶, 54⁶, 114, 203⁶, 215⁶, йзыдоша 123, йзыдѣте 148, 177, вьзыде 185, вьзыдѣте 189⁶, разыджт'ся 50, йзыди 61⁶, йзыде 61⁶, браны 46⁶, пакы 50⁶, 51, 62, вѣ вѣкы 196, мак'кы 19⁶, свѣтил'ники 46, 211⁶, грѣш'ники 16⁶, 63⁶, слышасте 18⁶, слышаша 24⁶, слышити 24, слышавъ 16⁶, магдаљни 96⁶, плъвелы 108, слыша 87, слышиши 53⁶, слыши 4, силы 52, мѣтарыє 16⁶, сѣ мѣтары 16⁶, затворены 46⁶, дары 7, рызѣ 69⁶, класы 21, 114, бѣсы 22, 62, власы 119⁶, грѣхы 63, 120, 174⁶, пас'хы 199⁶, доухы 15, сѣ стар'цы 55, 57 і сотні т. п.

4. Часом маємо кендему і в інших випадках, напр.: 1) над кінцевом **є**: ноє 148, фарисее 28⁶, саддоукеє 30⁶; 2) над **ди**: йзыды 141⁶, бдыте 45⁶, 50⁶ і др.

5. Часом маємо по дві кендемі в слові, але в випадках, які пояснено вище, напр.: рас'хытити 65⁶, йзыти 122⁶, скрѣбѣти 50⁶, слышати 101, посылати два 70⁶, двѣ рыбѣ 72⁶, сребр'нийкы — сребр'ники 57 і т. п.

У всіх вищеописаних випадках кендема ніякого наголосу не виначає, — її пишуть тільки традиційно, наслідуючи грецькі тексти, головно на словах односкладових або й на многоскладових, коли ті склади входять до них.

6. Друге значіння кендеми, — вона заміняє **и** при винесених словах, найчастіше тоді, коли винесено склад **ди**, — тоді над словом пишеться **д**, а коло нього кендема, напр.: лю^ди 6⁶, 162⁶, наро^ди N³ 10⁶, 27⁶, 123, 124⁶, чю^дша 122, прѣ^ди 54⁶, госпо^ди 46, вьни^ди 76⁶, да^дте 46⁶, 72⁶, ро^ди 4, бло^ди 62⁶, ви^дте 72⁶, грѣ^ди 16⁶, ра^ди 4, 18, 24, свѣ^дтел'ство 18 (дуже часто) і т. п.; рідше при інших буквах: чety^ри 4, па^ди 54⁶ і т. п. Так само по прѣданї 61 = по прѣданиї.

7. Кендема " часом визначає **й** на кінці N¹ прикметників, напр. грѣческы 215, лоукавы 34⁶, члч^кы 48⁶, дрѣжав'ны 101 і т. п. хоч поруч маємо й форми повні: дрѣжав'ный 10, члч^кый 51, вѣч'ный 48⁶ і т. п.

8. Кендема постійно ставиться на займенниках сѣ 22, 27, 54⁶, 55⁶, 63, 68, 119, тѣ 6⁶, 23⁶, 27, 46, 55⁶, 115, 116, тѣ 65⁶, 209 і др. Ці займенники — це сѣй, той, і тут кендема може визначає й, пор. сѣй 6, 59, въ тѣ ча⁶ 20⁶. Ставлючи кендему над тѣ, писар пише: поскрѣбитѣ 89⁶.

9. Як то було і в грецькім письменстві, над ѵ часто ставиться кендема: въ кѵтовѣ 23, моѵси 74, моѵси 80⁶, 62⁶, моѵсеѣвы⁶ 87 і т. п.

е. Наголос

В Вербській Євангелії, як і взагалі в тогочасних рукописах, панують три значки наголосів: оксія, варія і камора (периспомена), переняти ще на початку слов'янської письменности від греків. В більшості рукописів XVI-го віку, написаних в Україні, панує південно — слов'янська система розставлення акцентових значків, те саме бачимо і в Вербській Євангелії. Система ця дуже складна, а самі значки часто не визначають наголосу. Як то було і в грецькім письменстві, акцентові значки в письменстві кирилівськім X-XVI віків мають двійне значіння: 1) допомагають читати при scriptura continua, цеб-то визначають початок чи кінець слова чи окремішність слова взагалі, і 2) визначають акцент. Поплутання цих двох значень допроваджує до того, що дуже трудно окреслити, коли саме який значок визначає акцент. А коли додамо до того, що в рукописах звичайно маємо ще й сильні південно-слов'янські впливи, тоді стане ясною та поплутана акцентова система, яку маємо в Вербській Євангелії.

Виясню тут докладно головні риси акцентової системи XVI-го віку, бо система ця майже однакова в усіх тодішніх рукописах. Систему цю можна назвати південно-слов'янською взагалі, бо місцевих елементів в ній мало.

1. Дуже часто ставиться оксія на початковому складі, в більшості — на пні слова: ѿ воды 9, гѣс'подинѣ 46, грдѣй 8⁶, дѣстѣинѣ 8⁶, еси 55, жѣнитѣся 35⁶, зѣнеже 2⁶, кѣн'чина 43⁶, кѣн'чинѣ 51⁶, лѣжить 8⁶, лѣжаше 61⁶, любити 87⁶, молиша 59, ѡгне⁶ 9, падоша 24, паде, пѣстына 61, пѣстыню 19⁶, п'шѣница 25, п'шѣницѣ 8⁶, 25, рѣщи 63, рѣкоу 7⁶, рѣче 4, 11⁶, 40⁶, 56, рѣчѣть 22⁶, рѣчено 12⁶, рѣди⁶ 6⁶, рѣдиль 50, рѣди 5, 5⁶, рѣдисѣ 4, слоѹга 79⁶, слоѹжааше 15, страна 8⁶, страны 10⁶, во странѣ 10, сѣбота 64, ѡучисѣ 55⁶, оѹчаше 61⁶, хѣдаше 54⁶, хѣта⁶ 41⁶, хранилище 88 і сила т. п.

Ця оксія на початковому складі визначає: 1) початок слова і 2) часто визначає правдивий наголос, що в південно-слов'янських мовах, особливо в сербській, звичайно на корінному складі. Але часто ця оксія збігається із наголосом українським, що так само в церковній вимові XVI віку був дуже часто корінним¹, напр.: бѣлез'не⁶ 44, ѡ бѣтѣи 4, видѣти 24⁶, зѣконѣ 41, въ зѣконѣ 21, мѣгж 52, нѣро⁶ 30⁶, нѣрода 27, 38, нѣродоу 32,

¹ Див. мою працю: „Український наголос в XVI віці“ в „Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского“, 1928 р. ст. 444-451.

ѡ наро́дѣ 30, N³ наро́ди 40⁶, A³ наро́ды 15, ѡ не́го 37⁶, плѡда 22⁶, 25, ѡ се́бе 12⁶, твѡриши 13⁶, 85, твѡрѣть 25, 52⁶, твѡра^т 13⁶, оу́ченици 32, хо́щж 21, 30, 38, 50⁶, хоу́ла 22⁶, ѡ ча́са 32 і т. п. На жаль, південно-слов'янський вплив на український церковний наголос у нас ще не досліджений. Накорінний наголос в західно-українських говорах ще й тепер надзвичайно поширений.

2. Коли слово з префіксом, то наголос все-одно ставиться на складі корінному: вѡзвѣрати 51⁶, вѡзра́стетъ 25⁶, вѡзлѡ | жи́ша 54, вѡпрѡси́ша 30⁶, ѡ за́прѣщенїи 1, за́твѡри 14, ѡсхо́даще 61⁶, ѡсцѣ́ли 27⁶, наса́ди 38⁶, негáсими^т 9, негѡ́доваша 49, ѡсо́ли^тся 11, ѡвѣ́щав' 9, ѡкро́вено 59, ѡтро́ча 79⁶, 81, ѡ повѣ́ленѣ 1, повѣ́лѣ 6⁶, послѣ́ди 9, потрѣ́бить 8⁶, привѣ́доша 22, прико́снжся 15, 31⁶, присто́упиша 10⁶, 40⁶, просвѣ́ти 34, прѣ́бываше 59, разло́учаетъ 81, разо́умѣти 24⁶, сотвѡ́ри 6⁶, сѡтвѡ́римъ 31⁶, сѡтвѡ́рите 8⁶, сѡтвѡ́ри 27, сѡтвѡ́рилъ 37, сѡтвѡ́риша 37, сѡхрáни^т 36, оубѣ́жати 8⁶ і сила т. п.

Але префікс **на** постійно приймає оксію на себе: на́па^т 14, на́писати 2⁶, на́писа 3⁶, на́писаша 4⁶, на́рече^тся 8, 11, на́рече 6⁶, на́рекоу^т 6⁶, на́рекоу^тся 11, наслѣ́дять 10⁶, на́сытл'т'ся 11, на́оучи 3⁶, на́оучи^т 11⁶, на́оучитеса 21, на́ча^т 3⁶, 19⁶, на́чала 21, на́чне^т 46, на́чнем'же 4⁶ і т. п. Так само й приименник **на** часто приймає наголос: на́ вы 22⁶, на́ дво^т 48⁶, на́ дх^тъ 22⁶, на́ зем'ли 24, на́ лѣхы 72⁶, на́ нбсе^x 11, на́ пр^тлѣ 47, на́ селѣ 45⁶, на́ сн'а 22⁶, на́ сж^т 23, на́ са 22, на́ тѣло 49 і т. п. Чи це був правдивий наголос, чи тільки зазначення початку слова, трудно про те щось твердити певного, бо не рідко маємо й такі форми, як: на́писана 4⁶, на́чалѡ 4⁶, на́ горж^т 10⁶, на́ гловж^т 49, на́ женж^т 12, на́ мно́сѣ 49 і др. Але в старій українській церковній вимові, а також в західно-українських говорах наголошене **на** не рідкість і тепер, напр. на́ віки.

Інші приставки рідко приймають наголос: по́ложж 22, по́стави 46, присту́пиша 32, вѣнж^тръ 51⁶, сѡтвѡрите 22⁶, сѣлѣ́зи 55, сѣ́зидаѡ 54⁶, приименники: вѣ́ тмж 47⁶, кѣ́ нѡмоу 15, кѣ́ пилатж 55⁶, вѣ́ новѣ^т 56, сѣ́ ни^т 55, сѣ́ нб^тсѣ 56⁶ і т. п. Форми, як: прѣ́стѣпи 32, прѣ́стѣпиша 28⁶ і т. п. вказують, що тут оксія зазначає просто початок слова, бо ж приименник все мислиться разом з наступним словом.

3. Дуже часто маємо варію (часом оксію) на кінці слова: своєѡ 8, знаменїа́ 1, з'наю́ 52⁶, постав'лю́ 47, єдина́ 33⁶, рожденї'є 59⁶, петрѣ́ 59, покровен'но́ 59⁶, ѡдрѣ́ 63, вѣ́трѣ 68 і т. п.; річ ясна — акцентним значком чи „зазначкою“ тут зазначено кінець слова в scriptura continua.

4. Дуже часто в слові зазначається його початок і кінець: втѡроѡ́ 51, бо́лащаѡ 17⁶, бо́гательства́ 25, бы́тїє 36⁶, бы́в'шоу́ 52⁶, на́писанї'є 40, за́кона́ 2, ма́рїа́ 55⁶, сж́щаѡ 62, те́бѣ 92, на́чалѡ 4⁶, на́писа 4⁶, то́гда 16⁶, 22, 52, 55, 57, то́гда 32, 40, 51⁶, 54, цѣ́н'наѡ́ 49, на́рица'ємо'є 54⁶, же́л'зію́ 54⁶, ра́зараѡ 54⁶ і сила т. п., а особливо часто, коли слово починається голосною, бо тоді на початку маємо ісо: ѡ́егѡ 4⁶, 54⁶, ѡ́бою

53⁶, оубò 53⁶, абі'є 55, йлію 55, ~единачò 88⁶, оубогаà 88, оученіє 61⁶ і т. п.

Не рідко зазначається початок і кінець групи слів: натѣломое 49, ймашитвое 47⁶, йсвои'егò 173⁶, йктомуу 79, йбѣс'ныа 62, йкамені'є 55⁶, йдроугаѣ 56⁶, йоучашеѣ 63, сѣкоустодіею 56, поѣдиномуу 91⁶, наземлю 19, назем'ли 66⁶, 73, видѣлевіа 63, кѣнемоу 62⁶, 63, вѣзем'лю 67⁶, на'очіегò 76⁶ і т. п. Ці групи слів виразно показують, що акцентні значки визначають тут тільки початок чи кінець слова.

5. Часто маємо зазначений акцент в формах імперфекта, що має ал: з'вааше 83, постилааѣхж 84, рѣзааѣхж 84, свѣдительствовааѣхж 93 і т. п.; так само єдиначò 34, прокаженачò 49 і др. Це ті форми, в яких сербські друки знають ѣ або а̄.

6. У словах зложених акцентні значки можуть бути в обох словах: мно̀гоцѣн'начò 49, ма̀ловѣре 28⁶ і т. п.

7. Південно-слов'янська й українська вимова г л а г о л а т и (російська глаголати); на жаль, у Вербській Євангелії це слово постійно пишеться скорочено, а тому немаємо докладного зазначення вимови: глѣють 31⁶, глѣши 36, глѣюще 43⁶, глѣмага 48⁶, глѣа 50, глѣааѣхж 16⁶ і т. п.

8. Часом маємо в слові декільки акцентних значків, — механічне їх ставлення по вищеподаних правилах: вѣста́ни 63, помѣшлѣа́сте 79⁶, млѣчааѣхж 79⁶, ра̀сплѣтѣ 48⁶, вѣнезааѣпж 90, 104⁶, ко́н'чина — ко́н'чина 43⁶, сѣтвòритѣ 12⁶ — сѣтвòритѣ 37⁶ — сѣтвòритѣ 95 і т. п.

9. При сполученні глухої з плавною дуже часто над ѣ ставиться оксія: трѣніє 120⁶, скрѣбѣ 208⁶, врѣзиса 9⁶, прѣси 165, врѣха 121, оутврѣдиса 64⁶, помрѣкнеѣ 89⁶, врѣтограѣ 211⁶ ѣскврѣнити 74⁶, йс'проврѣже 84⁶, влѣсви 6⁶, влѣнами 28, млѣніи 56⁶, млѣва 54 і сотни т. п. Див. про це далі. У цім випадкові дуже часто оксія визначає старий наголос.

10. Камора дуже часта в нашім пам'ятнику, як і взагалі в тогочасних рукописах. Форма її — півколо, ногами додолу. Запозичено її ще з давнього часу з грецького письменства. Ставиться камора на голоснім, але не рідко бачимо її й на сусідньому приголосному. Галовні випадки вживання її такі.

а. На деяких односкладових словах звичайно ставиться камора: бò 2⁶, 11⁶, 16⁶, 49, 56⁶, 60, 71⁶, кт'ò 13, 58, 61⁶, ктò 1⁶, мн'ѣ 16⁶, мѣ 18⁶, 19, 51⁶, 74, нѣ 64, нѣж 14⁶, 16⁶ 65⁶, сѣ 6, 15, 16⁶, 56⁶, 61⁶, 175, тоу 56, 27, 61, чтò 4⁶, 13⁶, 15⁶, 16⁶, 49, 60, 61⁶, 63, 114, 114⁶, ч'тò 52. Як ми бачили вище, на словах тоу, се може бути й кендема.

б. Коли ці односкладові слова входять у склад якихсь слів, то й над ними механічно ставиться камора: оубò 3, 17, 18⁶, 46⁶, главы G¹ 54⁶, 120, ктòбѣ 48, ктòмоу 62⁶, нѣктò 16⁶, 68⁶, 82, 114, врѣма 16⁶, мно̀го 14, 16⁶, 62⁶, 64⁶, 115, м'но̀гы 62, 50, м'но̀жество 64⁶, 115, м'но̀сѣ 130⁶, женѣ G¹ 6, 55⁶, мнѣхж 73, женѣж 1⁶, 35, храминѣж 7, вѣсѣ 133, всѣг'а 49, вѣ сѣбѣ 63, 69⁶, 87⁶, сѣго 4, 22, 70⁶, 85, сѣю 87⁶, сѣдмѣ 86⁶, сѣль 82,

словесѣ 68, сѣстра 66, сѣстры G³ 82, телесѣ 165^б, 166^б, фарисѣ'є 63^б, 64^б, ѿ фарисѣйстѣмъ 58, ничтѣ 59^б, почтѣ 16, 73^б, так само мов'си 62^б, 80^б, мов'сѣовы^х 62^б, 87 і т. п. В більшості випадків камора визначає тут правдивий акцент.

в. Знаходимо камору в якості акценту і в деяких словах, що не підходять під вищеподані пояснення: двѣри 14, 56, дрѣво 22^б, 25^б, съ горы 31^б, въ горѣ 57, ѿко 4, главѣми 54^б, женѣми 20, распѣтѣ 54^б, андрѣа 61, 65, андрѣа^ѣ 61^б, галилѣю 57, йоудѣа 64^б, сѣлѣ 7, дѣлѣ 49, тѣлѣ 56 і т. п.

г. Дуже часто, поруч з каморою, маємо в слові ще й інший значок: гоумнѣ 8^б, сѣмоу 4^б, 70^б, мнѣгаѣ 55^б, мнѣжа'є 59, 88, вѣсѣгда 94, распѣтаго 56^б, распѣта 54^б, сѣстры^ѣ 70^б, сѣбѣ 27^б, 71^б і т. п., навіть: дрѣво 107^б.

Ті самі слова, що звичайно пишуться з каморою, можуть бути й без неї: сѣбѣ 27^б — себѣ 14^б, въ мнѣсѣ — въ мносѣ 145, лоука — лоукѣ 3 і т. п. Часом замість камори може бути кендема: телесѣ 165^б, 166^б — телесѣ 100^б і т. п.

Як можна бачити з поданого матеріялу, камора — то акцентний значок і дійсно дуже часто показує правдивий акцент. Не рідко ставиться в тих випадках, як і кендема.

II. Опис мови Вербської Євангелії 1560 р.

У більшості своїй мова Вербської Євангелії — традиційна церковно-слов'янська мова, що має в собі надзвичайно багато стародавніх елементів. Головна ознака цієї мови — велика боротьба елементів давніх із новими, а тому багато з тих розділів, які нижче подаю, скоріше належать до правопису, а ні ж до фонетики.

Фонетика

I. Вокалізм

1. Ірраціональні звуки

Давні ірраціональні звуки *ѣ*, *ь* в нашій пам'ятці, річ ясна, зовсім не існують, хоч в ній і панує традиційне ставлення ерів. Оригінал, із якого списувано Вербську Євангелію, був старо-болгарським, і може він імав більш-менш правильне розставлення *ѣ* і *ь*. Вербська Євангелія в більшості своїй зберігає давнє традиційне писання ерів, але писар її знав уже добре середнє-болгарський Євфимієв правопис і повною рукою вніс його до своєї копії зо старого оригіналу. Ось через це поплутання традиційного старого правопису з правописом Євфимієвим та з елементами новими — то характерна риса ерів у Вербській Євангелії.

а. Писар пильнує ставити *ѣ* і *ь* так, як то було в пам'ятках старо-слов'янських: бѣдрѣ 50^б, вѣзѣпи 29^б, 55, 61^б, вѣнѣ 23^б, 66, вѣпѣа 68^б,

вѣсжѣ 29, дѣщи 27, 58, 69^б, 70, 200^б, дѣщере 139, дѣщер 19, лѣже 115^б, плѣть 51, рѣп'таж 113^б, 142^б, сѣн'мъ 94^б, сѣвѣт'никъ 96^б, сѣт'никъ 55^б, сѣт'никъ 96, тѣи D¹ 117, тѣк'мо 114^б, тѣщег'но 117^б; чѣсти 70^б, чѣстенъ 117^б, чѣсо 19^б, 30, 118^б, нѣчѣсоже 52, 711, 206^б, лѣсть 56, 74^б, лѣсти 175^б, лѣст'ю 48^б, пр'рчѣскаѧ 93, южѣскаѧ 23, бѣгачѣства 25, мнѣжѣство 112, бѣчѣства 104, бѣзѣ ѣчѣство 131^б, вѣ бѣчѣствѣ 110^б, рѣжѣ-ствоу 71^б, бѣгнѣжю 33^б, бѣжѣтѣвнѣи 100^б, ѣзѣвѣство 7, насѣщѣствѣвнѣи 131 і сила т. п.

б. У приставках *сѣ*, *вѣ* і *вѣз* у Вербській Євангелії звичайно маємо *ѣ*, напр.: вѣведи 131, вѣнидоша 55^б, вѣзведе 31, вѣс'тѧ 56^б, вѣстанж 56, вѣз'моу 217^б, вѣз'ми 163^б, вѣзлѣжиша 54^б, вѣлѣс'ти 177^б, вѣсташа 55^б, вѣпрошж 114^б, сѣбра 6^б, сѣвѣт'ь 57, сѣвыше 177^б, оуѣс'мнѣша^б 57, сѣсаль 132^б, сѣтвори 113^б, 114^б, сѣкровища 7, 117, сѣсждо^б 121^б, сѣблаж'на'ет'са 24^б і тисячі т. п.

в. Так само звичайно маємо *ѣ* і в прийменниках *вѣ*, *кѣ*, *сѣ*: вѣ ва^б 207, вѣ ѣстинж 55^б, 167^б, вѣ мене 202, вѣ м'нѣ^б 207, вѣ своѧ 215^б, кѣ бѣц'ю 205^б, сѣ звѣр'ми 61, сѣ марією 7, сѣ м'ною 203 і т. п.

г. Заміст *ѣ* часто маємо *ѣ*, що можливо, було в оригіналі, з якого списано Вербську Євангелію: вѣсе 74^б, вѣса 21^б, 70, 113^б, 177, вѣси 62, 68^б, 51^б, вѣсѣ^б 124, вѣсакъ 116^б, вѣсѣгда 94^б, лѣсть 67, лѣсти^б 189^б, прѣлѣстити 89^б, прѣлѣщени 191^б, мѣздж 14^б, мѣзж 181, мѣзѣ 80, нѣчѣсоже 62^б, 179, 184, нѣчѣсоже 112, 199, рѣци 40, 62^б, 119^б, стѣкляница^б 73^б, бѣзѣ чѣс'ти 27, дѣбрѣ бѣгнѣжю^б 134^б, вѣтрѣна 68, тѣма 201^б, грѣческѣи 215, крѣста 142 і багато т. п.; навпаки: кѣнижж 35 зам. кѣнижж.

д. Але одночасно з традиційним писанням *ѣ*, *ѣ*, маємо надзвичайно багато й форм із ерами вокалізованими: восхѣтѣ 6, вѣстокъ 6^б, сотвѣри 6^б, вѣсходаща 176, вѣсплѣчют'са 45, вѣскрѣшеніє 40^б, вѣс'клонитисѧ 138^б, вѣплѣщеніє 170, вѣпросѣи 162^б, вѣсплѣчют'са 45, вѣзва^б 7^б, вѣпрашажж 162, на собѣрищи^б 18, согараєт'ь 207, сон'мища 61^б, совокоуплѣша 167^б, тѣща 61^б (при тѣща 102^б), странѣнъ 48, болѣнъ 48, повинѣнъ 54, правѣдникѣи 155, прѣрчѣство 74, чѣстенъ 117^б і т. п.

Але писар постільки звик механічно писати *ѣ* чи *ѣ*, що навіть пише лѣжи^б 105^б зам. лежить. Єсть форма вѣплѣ 46^б (вѣплѣ).

е. Так само вокалізація *ѣ* в прийменнику дуже часта: во ма 190^б, 198, 202, 202^б, 211, во до^б 75, во кѧменѣи 56, во ва^б 206^б, во землю 8, во храминжж 7, во влѣка^б 7, во виѣлеемѣ 6^б, во днѣи 6^б, во ѣр'дани 8^б, во пѣжѣстѣню 9, во пѣжѣстѣнѣи 174, во бѣдрѣ 118, во тем'нищу 163^б, во галилею 9^б, во кораблѣи 10, во житницѣи 8^б, во собѣрищи^б 10^б, во снѣ 6, во оуѣтрѣи 175, во грѣбѣ^б 184, во чрѣвѣ 6^б, во люб'ви 207, во бѣгнѣ 207, во ѣма 191, 200^б, 205^б, 206, во в'сѣ^б 168, во с'воѧ 209^б, во м'нѣ^б 211, во бѣц'и 206, во ѣстинжж 162, во сон'мѣ 162, ко немоу 151^б, 22, прѣдо мною 173^б, 174^б, прѣдо'ною^б 109^б, прѣдо в'сѣми 63, со собою 200 і т. п. Як бачимо, серед поданих прикладів маємо багато вокалізованих *ѣ* й тоді, коли в рукописах російських і в сучасній російській церковній ви-

мові цієї вокалізації не знаходимо. Дуже часто вокалізація *ъ* на *о* — це ознака взагалі українських пам'яток, а в церковній вимові в Галичині ця вокалізація жива ще й сьогодні¹.

є. Вокалізація *ъ* і *ь* на *о*, *е* нашій пам'ятці, які взагалі в пам'ятках старо-українських, частенько відбувається й там, де б ми її не чекали. На мою думку, церковна українська вимова часто знала вокалізацію ерів навіть слабих (для мови російської), чому й наш писар пише: вос'кжл 55, возыйде 9, восна^т 217^б, воведи 212^б, сомиреніє 206, прѣж^е соложеніа мира 211, богатество 81^б (при богатъство 81^б, 150), ювествъвъ 59, плѣтескыа 173^б, оумерый 199 (при оум'рый 198^б, 200) і т. п.; пор. ще селивес'тра 230^б.

ж. В такому пам'ятнику, як Вербська Євангелія річ ясна, часті подвійні форми: з *ъ* і з *о* в тих самих словах: крѣвъ 138 — кровъ 134, крѣве—крове 134, тѣк'мо—ток'мо 70^б, въ виногра^а — во виногра^а 36^б, въ водѣ 174—во водѣ 174^б, въ йма — во йма 210^б, въ йстинж — во йстинж 193^б, сѣбоуде^тса 8 — собудет'са 7^б, сѣн'мище 64 — сѣн'мище 61^б, сѣт'ника—сѣт'ника 96^б і т. п., або: нйчьсоже 52, 206^б — нйчьсоже 112, 199—нйчесо^т 97; на ст. 209 написано во тѣ і перероблено на въ тѣ.

з. Форм із зниклими ерами, звичайно, дуже багато: мз'а 116 — мзъ'а 115, всѣан'ое 24^б, ѡ исхшей 1^б — йсѣхоша 24, всѣг'а 49—въсѣгда 94^б, чтѣ 79, йзгнанж 131^б, ѡвитса 67 і т. п.

и. В кінці слів *їс* та *хс* звичайно *ъ* не ставиться, якто все тоді було, хоч маємо часом *исъ* 105.

і. Замість *ъ* чи *ь* в Вербській Євангелії надзвичайно часто ставиться паєрик. Ось трохи прикладів: з'ло 64^б, 114^б, з'ла 116^б, к'то 66, ч'тѣ 67, 202^б, д'ци 137^б, р'ци 135, прав'да 11^б, в'дѣва 118, с'на 6^б, т'ма 55, 96, 113, т'мж 40, в т'мѣ 201^б, в'са 66^б, м'ній 119, ѡв'ца 17, стар'цѣй 55, 57, о слѣп'ци 58, слѣп'цоу 1, 1^б, бѣс'ній 15, прѣвъч'ное 3^б, ѡбраз'но 2^б, вер'хов'ны^т 2^б, вѣр'ный 45^б, вѣч'ный 48^б, гор'ко 52^б, сжд'ный 17^б, л'вово 59^б, л'жи 36, жен'ский 35, к'нига 4^б, к'нигъ 217, в' сѣботѣ 64^б, к' тебѣ 23^б, с' радостію 24^б, в' себѣ 24^б, распѣн'ше 54^б, видѣв'ше 16^б, шед'ше 7, бѣв'шай 55^б, вѣзыскав'шоу 3^б, радоует'са 117, мнл'са 4^б, ѡмет'са 63^б, прит'ча 58 і тисячі т. п.

Взагалі, писар при збігу приголосних ставить між ними паєрка: к'васж 25^б, п'люватй 93^б, ѡс'ти 70^б, т,воритй 190, 114, т'вора^т 2^б, зем'ли 17^б, 55, с'ребро 47^б, г'де 135^б і тисячі т. п. Часто це буває в словах чужих: 'ав'гоус'та 104, ан'дрєа 61, ѡв'ва 92, ѡр'хєлає 8, гол'гоєа 54^б, 215, ѡѡн'нь 59^б, капєр'наоумъ 9^б кон'дран'тѣ 88, мар'ко 3^б 59, мѡр'єа 130^б, маг'далыни 56^б, ѡсан'на 200^б, пав'лоу 59, пѣт'рѣ 175^б, рав'ви 77^б, 175, сал'мона 5^б, савах'танй 55, талан'тѣ 47, тѣк'тонѣ 70^б і т. п.

Те саме слово може бути написано з *ъ*, *ь* або з паєрком: чьсо 72^б — ч'со 49, 71^б, 136, вѣси-в'си 203, 139, пѡ'баєт 125^б — пѡ'баєт' 157,

¹ Див. про це мою статтю: „Українська вимова богослужбового тексту“ в „Ел-піс“ 1926 р. кн. I ст. 21.

180^б і т. п., або й без паєрка: тог'да—тогда 48^б, к'то 177—никто 177^б, м'ножає 88—множає 59, тем'ницю 163^б—темницю 178^б і сотні т. п.

В кінці рядка, за браком місця, ставиться замість *з* чи *ь* паєрик: рас' | пространи 3^б, видѣв' 15, хлѣб' 27 і т. п.

Паєрк звичайно ставиться між приголосними, але часто стоїть на першій з них. Форма його в більшості—хвиляста (*).

к. При сполученні ірраціонального з павною в більшості маємо *ь* по плавній (при чім це *ь* дуже часто має на собі оксію, див. далі; *ь* тут ніколи не буває), цеб-то позоставлено стару південно-слов'янську форму:

а) з'рѣно 201, растрѣзавъ 52, прѣси 219, въ трѣни 24, потрѣпи 34^б, вѣврѣзѣте 40, врѣхоу 11, зрѣноу 25^б, прѣвѣя 56, поскрѣбитъ 89^б, оумрѣла 70, до врѣха 176, скрѣбѣти 91, трѣніє 66^б, срѣнь 67^б, грѣличища 105^б, чрѣта 11^б, прѣстенъ 143^б, скрѣбъ 84, прѣвенец 6^б, грѣды 102^б, трѣжнико 84^б, прѣвое 104, растрѣзатиса 68^б, одрѣжимы 10^б, трѣновень 95, йскрѣнаго 13, жрѣтвѣ 87^б, мрѣзость 89, скрѣжеѣ 139^б, врѣтопъ 84^б.

б) грѣдынй 74^б, прискрѣбень 72, скрѣбъ 44, поскрѣбитъ 89^б, скрѣбла 64^б, скрѣби 45.

в) брѣв'на 116^б, дрѣко^ами 92^б, крѣвъ 188, 216, крѣста 142, крѣстиѣ 8^б, крѣститель 118^б, крѣщеніє 107, трѣсть 216.

г) влѣкъ 18, 128^б, влѣка 195^б, влѣнй 68, влѣнами 28, влѣсви 6^б, длѣгы 14, длѣженъ 34^б, 119^б, 214^б, длѣж'ни 203^б, длѣжника 119^б, злѣ (=зол) 22^б, злѣ глѣ 11, исплѣниса 26^б, йсплѣни 3^б, 208^б, йсплѣнь 28, 73, млѣва 54, млѣва 90, млѣвж 70, млѣваше 130^б, млѣнй 129, млѣнй 56^б, млѣвише 70, млѣчаше 52, млѣчаахж 64^б, ѡблѣстили 86, ѡблѣстаѣ 40, плѣза 201, плѣзй 69, 188^б, плѣзоуѣть 125^б, плѣно 133^б, плѣнь 216, стлѣпъ 138, 142, ѡ стлѣпѣ 100, тлѣцѣте 131^б, тлѣкнжв'шж 136^б, оумлѣча 40, оумлѣчить 83, оумлѣчаша 126^б, хлѣмъ 107.

д) плѣть 170, 177^б, 188, слѣзами 79, 119^б, 120, прослѣзиса 198^б.

Як бачимо, південно-слов'янський правопис витримано тут надзвичайно послідовно. Але через те, що Євангелію написано на Волині, де ці форми були зовсім чужі, маємо трохи й живих форм, із *о*, *е* перед павною: вѣвер'жет' 12, жер'тва 80^б, йзвергоша 26^б, ис'пер'ва 3^б, мер'твѣя 128, милосѣр'доую 30, пер'вѣє 65^б, привер'гоша 30, с'кор'бни 210, четвѣрт'ю 28, ѡ четвѣрт'ѣй 73, вол'неніюу 122, сѣ жѣл'чію 54^б, йспол'ненж 210^б, испо^ань 30^б, йспол'нишася 114^б, напол'ни 4^б, хол'мо 164 і т. п.

А часом маємо поруч обидві форми: вѣстрѣзающе — вѣстерьгнете 25, длѣгъ 34^б — дол'гъ 35 — до^агъ 34^б, дрѣжав'ный — держав'ный 101, наплѣниша — наплѣнише 176 і т. п. приклади боротьби старовини й правопису з живою вимовою.

2. Носові звуки

Скрізь послідовно дотримуючись давнього правопису й маючи перед очима старий болгарський оригінал, писар Вербській Євангелії пильнує писати юси по-стародавньому. Річ ясна, юси в цій пам'ятці ніяких но-

сових звуків уже не визначають, — це тільки мертва правописна традиція. Ось трохи прикладів на вживання юсів.

а. бжджцій 22^б, бжде^т 14^б, зжбъ 13, мжд'ри 18, мж^трости 2^б, мжжіе 2, 23, мжжествуоу 2^б, оумжчити 68^б, неджгъ 10^б, пж^т 10, 17, пжте^т 7^б, при пжти 24, ржцъ 32^б, въ сжботж 21, сждіа 22^б, сжд'ный 17, сжщїи 21 і т. п.

б. винж на́писанж 54^б, врѣхж 54^б, главж 14^б, на́ горж 10^б, женж 1^б, кон'чинж 16^б, соухж ржкж 57^б, С'моков'ницж, тж 54^б і т. п.

в. вѣстанж 56, идж 15, по́ложж 22, прико́снжса 15, хоцж 21 і т. п.
г. вѣстанж^т 23, крадж^т 14^б, ре́кж^т 23 і т. п.

д. бажж 55, вѣзлежахж 16^б, дівлахжса 22, стрѣжахж 54^б, хоулахж 54^б і т. п.

Як казав я вище, писар уживає юсів лише з правописної традиції, вимовляючи ж тільки за у. А через це в Вербській Євангелії скрізь повно невідповідного написання ж і поплутання ж—оу, напр.:

а. Пишеться ж замість оу, напр.: вѣсжѣ 29, джсѣ^т 17, запжстѣть 22, погжбитї 61^б, ржгающеса 55, бжра 68, йспжс'ти 55, сжхж 21^б, часж 30 і т. п. Дуже часто в закінченні D¹ пишеться тут ж зам. оу: вѣтрж 68, домж 17, авраа́мж 8^б, к'васж 25^б. іродж 7, на́родж 53^б, реж'шж 62, сѣдащж емоу 10^б, чася | мно́гж бѣв'шж 72 і т. п.

б. І навпаки, часто маємо оу зам. ж: гоубж 55, звѣз'доу 6^б, зоубо^т 26, моу^тны^т 25^б, скажоу 117, содомоу й гоморж 71, троу^т 55 і т. п.

Одне й те слово може бути написане ріжно: коустодїєю — кжс-тодію 56, ѡтждоу — ѡтждж 21^б, ѡкждоу 70^б — ѡкоудж 25 і т. п.

Крім цього, в Вербській Євангелії скрізь дотримано ще й середньо-болгарського правопису юсів. А саме:

1) Замість ж пишеться л:

а) На початку слова: ѡжи желѣз'ны 68^б, 122^б, ѡже^т желѣз'но^т 68^б, ѡроде 12, ѡродивы 46, ѡродивына 46; чашж ю^т ѡзъ пію—чмшж ѡже азъ піа 82^б, ѡжика 102, 103 і т. п.

б) В середині слова на початку нового складу: ѡз'внжтрѣдж 74^б, вѣнѣдоу 42^б, изъѡтрѣ 74^б (пор. ѡз'внжтрѣ 74^б) і т. п.

в) В середині слова: вѣнатрѣ 42^б — вѣнатрѣ 95 (внжтрѣ 74^б), има-щж 80 (пор. имжщж 80^б), ѡма^т 88^б, гла^т к'нїж'ниці 87^б і т. п.

г) А то замість такого л (що замість ж) може бути навіть н: вѣ назѣлици 19^б, южескаѡ 133 і т. п.

2. Замість ѡж пишеться ѡ надзвичайно часто (ѡж тут зовсім нема):

а. В A¹ слів основ на а: да сѣт'вора вола 181, вола т'воритї 190, на́ вечера 100, сѣтвори ве^тра 141^б, сѣтвориша вечера 200, вѣ галилеѡ 109^б, на́ земля 112^б, 122, рече прит'ча 120^б, прит'ча рече 86, вѣ те^тница 34^б і т. п.; так само: вѣ на 167, погжби^т дшж своѡ 77^б, женж своѡ 81, дроугжа 13, неповін'нжа 53, вѣ т'мж кромѣш'наѡ 40, вѣ зем'лю гени-сарѣ^тскжа 73 і т. п.

б. В I¹ тих же слів: сѣ собоѡ 90^б, сѣ мноѡ 91, с тобоѡ 92, мыш'-цеѡ своєю 102^б, сторицеѡ 82, между собоѡ 80^б, ѡженит'са ѡноѡ 81,

любити в'сеа дш'еж 87⁶, съ неа 181, йтоуріеа 107, въз'любиши в'сеа дш'еа твоёа 87, льстїа 'ем'ше 90 і т. п.

в. В дієсловах в 1-й особі однини: любла 218⁶, азъ въз'люб'ла 206, ѿстав'ла 205⁶, аминь гл'а ва^а 36, 65⁶, 71, 80, 81, 82, 84⁶, 85, възра 216⁶, разора 135⁶, азъ твора 196, 205⁶, 193, 85, 85⁶, 154, проз'ра 83⁶, сътвора 10, 81, 82⁶, 135⁶; в'роуа 79, насл'в'ствоуа 81⁶, азъ повел'ваа 79, събираа 47⁶ і т. п.

г. В дієсловах з 3-ій особі множини: бывааь 219, гл'аь 77, ѿслаб'аь 75⁶, оуб'аь 79⁶ і т. п.

д. В формах participium: в'роуащи^а 80, в'п'їащаго 107, покивааще 95⁶, негоджааще 90⁶ і т. п.

е. В таких формах, як: ѿдесн'а 83, 87⁶, 93⁶, 95⁶, 97⁶, 218, вос'кж'а 55, т'ч'їа 78 і т. п.

є. Замість такого а (що замінює ж) може бути й просто ю: мр'жа свою 10, вола А¹ 66, бж'ественжю 2⁶, дш'ж свою^а 77⁶, съ собою^а 92, мыш'пеа своєю 102⁶, любити в'сеа кр'постію 87, гл'ю ва^а 88, люблю 206⁶, мл'ютиса 141⁶, прозрю 151, азъ творю 203, гл'юще 88⁶ і т. п.

3. В слові нъ (но) постійно ставиться ж, форми нъ, но тут нема: нж 2, 3, 4, 7⁶, 11, 16⁶, нж 56, 59, 88⁶ і т. п.

4. Писар Вербської Євангелії скрізь пильнує писати правильно а, але це йому не вдається і він дуже часто пише а зам. на, а по шиплених пише а. Ось приклади:

а. чадо^а 131⁶, часть 130⁶, 137, 215⁶, час'ти 133, 215⁶, на́чатокъ 176⁶, начаша 134, 141⁶, 144, 153, нача^а 134⁶, ѿтроча 182 і т. п., але: часть 143, 167, части 203, на́чатокъ 193⁶, начала 134 і т. п.

б. быша 129, 199, в'роваша 193, 197, 199, възаша 198⁶, вид'ша 126, в'просиша 155, в'нидоша 186, въз'любиша 178⁶, въз'вистиша 182, йдоша 200⁶, могоша 155⁶, ѿставиша 170⁶, пр'даша 137⁶, р'ша 125⁶, 131⁶, 177, 182, 191⁶, 193⁶, распаша 166⁶, разум'ша 193⁶, слышаша 179⁶, 194⁶, оубиша 154⁶, ѿдоша 125 і сотні т. п.

Але разом із тим писар надзвичайно часто пише в цих самих словах а: быша 128⁶, 129⁶, 167⁶, 174⁶, 207⁶, б'жаша 51⁶, б'ша 138, 178⁶, ведоша 51⁶, видиша 129⁶, вид'ша 126⁶, възаша 125, в'нидоша 127⁶, в'просиша 174, в'селишася 139⁶, в'схот'ша 129⁶, даша 167⁶, йдоша 124⁶, 127⁶, 166⁶, 199, йз'биша 134, йз'немогоша 2, йм'ша 155⁶, начаша 160, ѿтидоша 130, пов'даша 124⁶, погребоша 146, посадиша 125, пр'йдоша 178⁶, 181, пристжпиша 140, разоум'ша 127, рекоша 125, 153, 154⁶, 178⁶, 194⁶, р'ша 46⁶, 125, 150, 152⁶, 174, 177, 186⁶, 189, 192⁶, 194, 197⁶, 198⁶, сл'шаша 129⁶, сътвориша 124, 125, оумл'чаша 126⁶, 140⁶, оум'р'ша 155⁶ і сотні т. п.

в. А³ N¹: рабына 137, вдовица 110⁶, ѿв'ца 91⁶, 195, п'шен'ца 140, п'тица 128, 139⁶, поруч: ѿв'ца—ѿв'ца 176⁶, 195 і т. п.

г. G¹ основ на ja: ѿ вона 200, ѿ галилеа 104, 162⁶, 185, ѿ іоудеа 182, 182⁶, ѿ земля 133, 179, 112, 158⁶, посредъ п'шеница 25, близ пж'стына 199⁶, але: ѿ галилеа 165⁶, ѿ дш'а 129⁶, б'л'ши пища 135⁶ і т. п.

д. Часом замість *а* маємо, з південно-слов'янського впливу, *ѣ*, напр.: клънет'са 42, клънешиса 12⁶, хоч поруч: клатиса 12⁶.

3. Доля *ѣ*

Доля *ѣ* в Вербській Євангелії дуже складна, бо тут поплутались елементи традиційні, середньо-болгарські й живі. Писар пильнував писати *ѣ* по старому, як мав у своїм оригіналі, з якого списував, тільки це не вдавалося йому скрізь.

а. Уживання *ѣ* в Вербській Євангелії дуже послідовне, — його пишеться етимологічно там, де його маємо і в старих пам'ятках. Але й відступлень від цього надзвичайно багато.

б. Склади *рѣ*, *лѣ*, що в живій східно-слов'янській мові дають повноглас, все мають тут традиційне *ѣ*: брѣма 21, брѣмена 134, ѣбрѣмененіи 21, врѣма 63⁶, 90, 189⁶ — врѣма 121 — врѣма 61 — врѣма 16⁶, 21, 82, врѣмени 7⁶, дрѣво 107⁶, 139, дрѣва 54, 107⁶, жрѣба 83⁶, 84, жрѣбци 1⁶, жрѣби 54⁶, мрѣжж 61, 218, стрѣжахж 54⁶, стрѣгоущє 104⁶, срѣдь 126⁶, оумрѣтї 92, 214⁶, оумрѣтї 40⁶, 86⁶, 219, йз'мрѣша 8, чрѣво 74⁶, 132⁶, 143⁶, 177⁶, въ чрѣвъ 23, 102, во чрѣвъ 6⁶, чрѣсла 136⁶, ѣ чрѣслѣхъ 8, прѣдасть 90⁶, прѣиди 19, прѣломи 91⁶, прѣбывашє 59, прѣданъ 48⁶, прѣложи 3⁶, прѣсловіє 2, прѣлюбодѣйствова 2⁶, ѣ прѣстоупленіи 1, прѣданіа 73⁶ і сотні т. п.; плѣвелы 9. 2⁶, плѣвелы 108, клеверѣта 34⁶, влѣкжщє 218, съв'лѣкоша 54, извлѣкоша 26⁶ і т. п.

Писар не знав уже, яке *рѣ* має писати у *ѣ*, а тому пише цей склад звичайно взагалі у *ѣ*: дрѣв'нихъ 124⁶, дрѣв'ни 125⁶, трѣми 93⁶, і навіть: прѣторъ 213, прѣто 213, 214.

Але жива мова сильно впливала на писаря Вербської Євангелії, а тому він дуже часто в цих формах пише *ре*: по брегж 69, при брѣсѣ 218, в'рема 25, временє 30⁶, сребро 47, сребр'никъ 49⁶, 53, срѣбр'никы 53, 57, 91, бесрѣбр'никж 231, оумреть 201, оум'реть 198, 198⁶, оумре 198, оум'рете 193, оум'рѣтї 201⁶, пре 76, предастьса 91⁶, прѣложены 114⁶, премж'ро 119⁶ і десятки т. п.: йз'влече 218, йз'влєкоша 218, ѣблєкоша 95, ѣблєкоша 214, ѣблєцѣте 143⁶, ѣблєчетєса 135⁶, привлєщи 218, прилєжаахж 192, прилєж'но 143 і т. п.

Одне й те слово пишеться то *рѣ*, то *ре*: врѣма 159 — время 158⁶, дрѣво — древо 116⁶, древніимъ 12⁶ — дрѣв'ни 11⁶, прѣ — пре 18⁶, прѣмждро 20, 23 — премж'ро 119⁶, 133, срѣбро 152⁶ — сребро 152, срѣбр'никы 53 — сребр'никъ 53, оумрѣтї 197⁶ — оумреть 188, 199⁶, оумре 197⁶ і багато т. п.

в. Часом маємо *е* замість *ѣ*, але не часто, і в давніх пнях і формах: бесноуѣт'са 32 (поруч: бѣсѣ 32), ѣбещ'ници 43, прилєп'шій 128⁶, Діюноше 118, более всѣ зелій 67⁶, болеє 107⁶, хотель 103. А то маємо подвійні форми, — з *ѣ* і з *е*: мѣтающа 156⁶ — метающа 25⁶, вѣнѣадоу — вѣнеадоу 42⁶, вѣроу ймете 205⁶ — вѣроу имѣте 206⁶ і т. п.

2. Південно-слов'янський оригінал виявився і в тому, що в Вербській Євангелії частенько маємо *ѣ* замість *и*, напр.: дрѣхль 81⁶, ис' корабль 68⁶, прѣ црѣ 88⁶, прѣмо 96, въз'бранѣахж 90⁶, ѣтрѣсѣте 124⁶, ѣтаг'чѣють 158⁶, поклонѣющи'са 180⁶, помыш'лѣтй 113, помышлѣющи' 99⁶, оупраж'нѣющи'са 169⁶, іар'данѣ Г' 10⁶, смѣтени 17, мнѣше 106⁶ і т. п.

Дуже часто маємо подвійні форми, з *л* (*лѣ*) і з *ѣ*, напр.: блше 73, 110⁶, 140⁶, 166, 198⁶, — бѣше 185⁶, 210, блхж 65, 70, 72, 96, 99⁶, 104⁶, 110⁶, 122, 123, 125, 126, 140⁶, 167⁶, 178⁶ — бѣхж 69, 93, 103⁶, 110, 112, 120⁶, 142⁶, 165⁶, 167, 174, 197, вѣдаахж 217 — вѣдѣахж 2, ж'най — ж'нѣй 181⁶, йдахж 142, 186 — идѣхж 186, идѣше 21, ймаше 97, 122 — ймѣше 88, 204, ѣбращете — ѣбрѣщете 191, хотахж 186, 191⁶ — хотѣхж 191, хотѣахж 2⁶, 185⁶ — хотаахж 39⁶, 53, хотѣше 189 і т. п. А часом маємо *а—ѣ*: баграницю — багрѣница 95, имате 204⁶ — ймѣте 196, 203, 216, пріаша вѣе ѣ финикъ 200⁶ і т. п.

Уживання *л* замість *ѣ* часте ще в слові пѣтель, що тут скрізь має форму тільки патель 52⁶, 92, 94, 160⁶, 162, 204⁶, 213.

Часта форма трѣва 185⁶, трѣвж 67⁶, 136, на трѣвѣ 27⁶, по трѣвѣ 72⁶, 76.

Звичайно маєм форми: ѣсти 159, 181, ѣмъ 147, ѣси 147, ѣсть 142⁶, 167⁶, ѣмѣ 159, ѣсте 218, ѣдахж 143⁶, 148, ѣдоша 188⁶, ѣли 186⁶ і др.

г. Жива українська волинська риса — вимова *ѣ* як *і*, дуже мало відбилася в нашій пам'ятці, бо автор був під великим впливом свого оригіналу: грѣш'нѣйшй 138, длѣж'нѣйшй 138, двѣрѣ — двери 139⁶, може: притрѣпѣвыи 44, сомиреніє 206, сѣмиреніа 104 (бо тут постійно сѣмѣреніє), дира 64 (пор. живе дірка).

Що писареві рідною вимовою *ѣ* було *і*, на це вказують випадки, коли він замість *и* пише *ѣ*: йзлѣтса — вѣліатй 114, ненавѣдѣти — ненавиди' 189⁶, болѣй мене 206⁶ — болій 206⁶, 207⁶ і др.

д. В чужих словах звичайно *ѣ* не маємо: ан'дрѣа 185⁶, ан'дрѣва 175⁶, ѣврѣй 3⁶, ѣвреа' 4, ѣврейскы' 3⁶ і т. п.

е. В українськiм письменствi, під впливом живої мови, виробилася певна традиція до деяких слів з *ѣ*, що бачимо і в Вербській Євангелії. Напр.:

В слові болѣзнь часто маємо *е*, напр.: болезнь 17. 197, болѣзни 15, болѣз'не' 44, 88⁶. Пор. в Крехівськiм Апостолі 1560-х років усе пишеться болѣсть, що маємо і в живій мові.

Форми где 91, 159, вез'е 47⁶ — це звичайні в українськiм письменствi форми.

Як і в інших українських пам'ятках, панує *е* в формах: телесѣ 100⁶, телесѣ 165⁶, 166⁶, о телеси 2, телеса 216, телесны' 108⁶, хоч знакі й форми з *ѣ*: тѣло 2⁶, тѣлес'ны' 169⁶. А то обидві форми маємо поруч: тѣлеси — телеси 169. Пор. живе довготелесий.

Як і взагалі в українськiм письменствi, панують форми: сѣмѣреніє

102⁶, смѣренъа 102⁶, смѣрит'са 107, 141, смѣри'са 41⁶, 149⁶, са смѣрить 33, смѣрайса 141, 149⁶, смѣренъ 21 і др., а часом маємо сомиренїє 206.

Українські пам'ятки звичайно знають тільки форми свѣдитель і т. п., що відповідає живому свѣдитель, а не свѣдѣтель. У Вербській Євангелії маємо коло сотні форм свѣди-, і ані одного разу свѣдѣ-. Напр.: свѣдитель 33⁶, 52, свѣдителя 52, свѣдители⁶ 52, свѣдительство 71, 93⁶, 112⁶, 124⁶, 157, 173, 174, 184, 184⁶, 192⁶, свѣдительства 93, 93⁶, 162⁶, 52, свѣдительствью 213⁶, свѣдительствою 184, 189⁶, свѣдительствѣши 192⁶, свѣдительстоуѣть 141⁶, 173, 173⁶, 184, 193, свѣдительствоуѣмъ 178, свѣдительствоуѣте 134, свѣдительствѣте 179⁶, свѣдительствѣ | ютъ 93⁶, свѣдительствѣ ютъ 52, свѣдительствова⁶ 175, свѣдительствова 178, 179, 181⁶, 184, свѣдительствоваахъ 93, свѣдительствѣи 150, свѣдительствѣ юще 181⁶ і сила т. п. Часто в цих формах склад *ди* виноситья над слово, а *и* передається кендемою " (див. вище), напр. це маємо на к. к. 36, 43, 62⁶, 81⁶, 88⁶, 110, 150, 177, 179, 184, 184⁶, 192⁶, 193, 196, 200⁶, 203⁶ і др.

Не маємо ѣ і в формі ѡбитель 159, 206, як то часто було в тодішніх пам'ятках.

4. Роззів (hiatus)

Під південно-слов'янським впливом ув українських пам'ятках XVI-го віку надзвичайно часті форми без йотації, як сіа, добраа і т. п. Звичайно, це були форми тільки традиційного середньо-болгарського правопису, зовсім чужі живій українській мові, чому в пам'ятках поруч із цими формами часто маємо й форми йотовані.

Те саме бачимо і в Вербській Євангелії. Ось приклади:

а. Імена власні: марїа 120⁶, 170, 217, іліа 32, іліа 55, іліа 20 і т. п. Надто багато форм із роззівом (hiatus) в Соборнику, де назви подано в G¹ хоч і тут єсть живе 'елисѣл 232 і др.

б. сждїа 22⁶, 138, братїа 23⁶, 66, 121⁶.

в. въз'не'нїа 3⁶, до скон'чанїа 57⁶, ис'чадїа 22⁶, сьгрѣшенїа 14, 14⁶, в'сѣа 25 і др.

г. Дуже часті безйотові форми в N¹: безво'наа 23, ближ'наа 62, був'шаа 57, велїа 30, великаа 88, дроугаа 21⁶, 64⁶, каа 87, 116, мак'каа 19⁶, нѣкаа 130⁶, распїтаа 55, сіа 51, 63, 120, 121⁶, четворолїч'наа 59⁶, южськаа 23 і т. п.; те саме в N³: члч'каа 31, гор'шаа 23⁶. послѣд'наа 23⁶ і др.

г. даанїа 131⁶, ѡдѣанїє 56⁶, 126, ѡдѣана 118⁶, ѡкаанї 1⁶, покаанїє 63⁶, сїанїє 2, сѣанїа 114, поасъ 8, при поасе⁶ 12⁶, прѣпоасана 136⁶, дїаволь 121, 189 і т. п.

д. вѣлїатї 64, вѣсїав'шоу 24, даати 46, 131⁶, даахъ 24, дѣаше 62, имѣаи 20, 24, имѣаше 24, йскааше 49⁶, ѡбжаѣть 142⁶, ѡдѣаха⁶ 48, ѡдѣасте 48, 48⁶, покааїлиса 20⁶, 129, прїати 6, 20, прїать 123, 173⁶, прїасте 17⁶, раскааів'са 38, стоати 139⁶, стоать 23⁶, стоаїше 175, 217, сто-

ахж 23^б, сѣати 66, 120^б, сѣаи 24, 66, сѣаше 66, 120^б, сѣаль 47^б, всѣ-
ан'ное 24^б, сѣав'шомуу 25, оубоав'са 47^б і т. п.

е. вол'неніюу 122, гоненіюу 24^б, ѡшоуюж 54^б, ѡсцѣлажщи 113,
поспѣшествуюжщоу 98 і т. п.

е. Але в цих таки формах не рідко маємо й йотацію: ан'дрѣа 61,
ѣлеа 46, сѣаніа 21, 64, поаь 8 і т. п.; N¹ прѣваа 41, втораа 41, 87
і т. п. А в A³ йотовані форми панують (на -а): бл҃гаа 22^б, болацаа
28^б, бѣд'ныа 30, бѣс'ныа, дес'ныа 12^б, добраа 11^б, злыа 13, лоукаваа
23, мѣсач'ныа, нѣмыа 30, ѡслаблен'ныа, распжстныа 12^б, сидон'скыа
29^б, слѣпыа 30, 141, тв҃скыа 29^б, хромыа 30 і т. п.

ж. Одне й те слово в тій самій формі може бути без йоти або з
йотою: A¹ быв'шаа—быв'шаа 34^б, сѣаль 25—вѣсѣа 25^б, грѣаса 213
—грѣа 212^б і т. п.

5. Інші явища вокаличні

1. Поплутання *ы* з *и* рідке в нашій пам'ятці, — писар звичайно
пише ці букви згідно з етимологією слів. Ось приклади: выса 41, прѣ-
былы 20^б, ѡедина ѡ рабынь 94 (поруч: рабыни 94). Поплутання *ы*—*и* по
р не рідке: рыбѣ—рибѣ 2^б, рызы 31^б, 54^б, 77^б, 95^б, 114, 153, 164, 203,
203^б, 215^б, рызж 116, двѣ рызѣ 107^б, рызъ 89, рызами 216^б; рызѣ
69^б (також: риза 69^б, ризы 84, 217), рым'лане 199, на крилѣ 109^б.

Інші форми: двы* 114^б, 156, 191^б — так скрізь; магдалины 96^б,
магдалын'скыа 30^б: нынѣ 166^б. Як то звичайно в українських па-
м'ятках, маємо: тысаща 76, тысащи 76^б, тысащъ 73, тысащама 142,
тысащ'нико 71^б, і поруч із тим — тисащи 69, тисащъ 142.

2. Зміна *е* на *о* по шиплячих: ше*шой 175, вѣпа*шомоу 130^б, има-
щомѡ 114^б, ѡскжщомоу 26, ѡсцѣлев'шомоу 183, ѡбладаю'щомоу 107,
послав'шомоу 183^б, слышащомоу 24^б, хотащомоу 13, слышав'шою 175
і т. п.; виолѣма 104^б (при вифлеем'скыа 191^б, тобѣ 20^б, 47^б, 183, 198^б).

3. Сполучення *ѣ*+*и* дає *ы*, напр.: ѡзыдѣше 157, вѣзыде 185, вѣ-
зыдѣте 189^б, разыде*са 209^б, ѡтыде 154^б, ѡбыдж 153^б, ѡбыимж 153^б,
ѡтыймет'са 130^б і т. п., але: ѡтити 123.

4. В ітеративних формах дієслова маємо *а*: вопрашаахж 162, вѣпра-
шаахж 73^б, 74^б, покланлаахжса 95, понашатѣ 20, понашаста 96, раж*а'е-
моѡ 102, раж*а'ѣть 209, растачаа 144^б, сматрасте 96^б і т. п.

5. Зміна *е* на *и*, по живій волинській вимові (як що тільки тут не
и замість *ѣ*): при*лож 25^б, притрѣпѣвыи 44, сѣтицаахжса 72. Так само
жива зміна *о* на *у*: та възжвж 141, але скоріше просто помилка; *у* на
ѡ: хотя народж вѣгодіе сѣтворитѣ 95.

6. Маємо форми без початкового *і*: іоуда скариѡт'скый 17, 49, 90^б,
200, 206, скариѡть 159, скариѡт'скаго 115, скариѡт'скомоу 202^б, 204.
Маємо: жѣнитѣса 35^б, женат'са 87, при ѡженит'са 81.

7. Деякі форми чужих слів: данила 230, данила 44, гаврила 231^б,
ніколы 229^б, лазарѣ 197, 197^б — лазороу 199; солѡмонѣ 136; деѡнисіа
228^б, деѡнисію 26^б; капар'наоумѣ 32^б, капар'наоумѣ 129.

II. Консонантизм

1. По *г, к, х* надзвичайно послідовно все маємо тільки *ы*: *благый* 22^б, *дрoугый* 4^б, 18, 119^б, *сапогы* 17^б, *гыбель* 49, *погыбаем* 68, 122, *длгы* 14, *кныгы* 12^б, 110, *пръгыбааще* 25, *мнogy* 15; *бракы* 1^б, *въскы-соша* 25, *пакы* 12^б, 50^б, 51, 55, 62, 62^б, *нъкый* 93, 122, *соудейскы* 6^б, *людскыя* 6^б, *въ вѣкы* 196, *ѣлин'скый* 3^б, *во кыи* 4, *к'нижники* 6^б; *въсхыщааше* 122^б, *глоухыа* 75^б, *грѣхы* 63, 120, 174^б, *доухы* 71, *мѣхы* *вет'хы* 64, 114, *пас'хы* 199^б, *рас'хытити* 65^б, *расхытити* 22^б, 195^б, *оу-тѣхы* 105^б і сотні т. п. І тільки де-не-де випадком стрічаємо: *пакы* 55 (але вказує, що тут *и* помилково зам. *ы*), *въсхыщають* 20, *покыва'аще* 95^б),

Таке послідовне додержання задньо-піднебінности *г к х* можна пояснити як відповідним оригіналом, так і живою волинською вимовою писаря.

2. Уживання *з* у Вербській Євангелії дуже послідовне, — його тут уживається так, як то бачимо в пам'ятках старо-словянських та середньо-болгарських. А саме:

а. *свъз'дж* 7, *свъз'ды* 7, *смѣа* 2^б, *селѣи* 25^б, *сѣлѣ* 7, 55^б, *сѣлѣ* 31^б, 34^б, 36^б, 62, 73, 96^б, 97, 150, *сиж'ете* 43, 134, *сиж'оущи* 39, 155, *сиж'жщѣи* 86, *сиж'оущоу* 117, *съсиж'ж* 93^б.

б. *кназь* 206^б — *кн'сь* 177^б, 191^б, 201^б, 202 — *кназь* 208^б — *кн'сь* 149^б, *кнаса* 140, 163, *кнасю* 138 — *кн'сю* 101, *кн'се* 71^б, *ѡ кнаси* 22 — *кн'си* 65^б, 190^б, *кнаси* 164^б, *пѣназь* 185, 200 — *пѣназь* 72^б, 90^б, *пѣнаса* 176^б, *пѣнасоу* 100, *стѣса* 8, 107, *просабноути* 2^б, *просабе* 66, *просаб'не* 45, *сквосѣ* 36, 64, 114, 120^б, 122^б, 124^б, 132^б, 139, 150, *стасатиса* 61^б, *стасахжса* 111, *стасаѣтаса* 166^б, *стасаѣтеса* 209, *стасавъ* 163, *ѣстасати* 218, *ѣстасай* 116, *въстрѣсающе* 64.

в. D¹: *слоусѣ* 12, 110, 138.

г. L¹: *ѡ бс'ѣ* 102^б, 178^б, *при брѣсѣ* 218, *въ недоусѣ* 169, 182^б, *на носѣ* 34^б, *въ мносѣ* 145, *ѡ м'носѣ* 130^б, 134^б.

г. N¹: *боси* 196^б, *враси* 19, *дроуси* 207, *проуси* 8, *дроусѣи* 71, 77, 125^б, 191, 218, *мнѣси* 10^б, 16^б, 21^б, 47, 62^б, 63^б, 72, 142, 157, 181^б, 188^б, 190^б, 191, 193^б, 195^б, 196^б, 197, 197^б, 199, 199^б, 200^б, 202, 215. Так само: *мнѣзѣ* 55^б, *мносѣ* 18^б, 135, 143.

д. N² A²: *носѣ* 33, 40, 56^б, 80, 119^б, 120, 144, 167, 197, 200, 203, 203^б.

е. Спосіб приказовий: *въврѣсѣте* 218.

є. Для писаря Вербської Євангелії *з* не було вже окремим звуком (дз), — він його впрост списував зо свого оригіналу, а тому він частенько таки пише ті самі слова і з *з*, напр.: *звѣз'да* 7, *звѣз'доу* 6^б, *злѣ* 95, *з'ло* 114^б, *злѣ* 178^б, *злаѣ* 74^б, *з'лѣсловѣ* 74, *з'мѣа* 43, *з'мѣю* 131^б, 178, *пѣназь* 34^б, 40 — *пѣназь* 86^б, *пѣназема* 134^б, *ѡ кн'зи* 131^б, *враси* 153^б, *држѣи* 132, *мнѣзи* 177, 118 і др. А часом маємо *з* там, де йому не належало б бути, напр.: *сѣма* 30^б, *на лосѣ* 206^б, *силота* 115 і др.; так само: по трѣвѣ *селенѣ* 72^б, хоч пор. українське сучасне *дзелений*. Поруч можуть писатися слова то з *з*, то з *з*, напр.: *стасас'теса* — *стазающаса* 78^б і т. п.

3. Диспалаталізація звуків *ж, ч, ш, щ* рано відбулася в українській мові, що бачимо по всіх давніх українських пам'ятках. Те саме маємо і в Вербській Євангелії: жива вимова писаря знала звуки *ж, ч, ш, щ* тільки диспалаталізованими, а оригінал і писарська традиція змушували його до писання звуків цих палатальними. Ось тому в нашій пам'ятці скрізь маємо повне поплутання цих двох елементів. Не забувасьмо до того, що правописна традиція наказувала писареві писати в кінці слів *ь*, а не *ъ*. Ось приклади:

а. чáдо 38, часть 46, нáчало 44, печаленъ 27, печаль 67, врача 16^б, нáчаша 21, ѡв'ча 21^б, прит'чами 23^б, прочлѧ 46^б, чюдеса 44^б, печали 24^б, плачущеса 115^б, при'чю 25, плачущей 10^б, алчущей 10^б, ѧлчюща 48, правед'ничю 19 і сила т. п. Також дуже багато: начаша 120, печали 121, чада 107^б, начаѿ 110, скон'чав'ше 106^б, нáчала 89, чáса 92, нáчало 88^б і т. п. А то поруч: нáчаѿ — начаѿ 70^б, чашж 80 — чашж 82^б, чáда 81^б — чада 89, чáдо — чада 89, нáчашж 95 — начаша 91, чаша — чашж 15^б і т. п.

б. ю'ноша 36, ѡша 51, имѡша 40^б, видѡша 24^б, слѡшаша 24^б, ваша 115^б, 116, 207, ношаше 200, нáша 14, бѡша 20^б, рѡша 21; полѡжиша 103^б, вашъ 14, нáчаша 21, сѡтвориша 21, ѡдоша 21^б, рѡша 22; чаша 50^б — чаша 51 і т. п.

в. граджщъ 9, ѡпжщъ 30^б, лежашъ 104^б, 105, вѡющъ 137^б, прѡбывающъ 174^б, роп'щжщъ 190^б, растоущъ 66, оугнѡтающъ 69^б, полоунощъ 90, тѡсжщъ 28, ѡмашъ 78^б, вѡс'ходашъ 137^б; тѡсашъ 73 — тѡсашъ 76^б, сѡходашъ — сѡходашъ 174^б, нощъ 112, 135^б, 148^б, 204^б — нощъ 50, 68^б, 91, 92, 106, пещъ 26^б — пещъ 26, 136 і сила т. п. Сполучення *шт* зам. *щ* нема ніде.

Форми: ѡскоуща 23^б, ѡскоущей 8, ѡскѡщомоу 26, звичайно, впрост списані з оригіналу.

4. Уживання *ц* в Вербській Євангелії традиційне, панує не палатальне *ц*, але й *ц* палатальне часте:

а. Часте закінчення *-ець (-ьць)*, але кінцевий *-ь* тут палатальности ще не визначає, бо він звичайний в кінці слів: слѡпецъ 29, 116^б, боголюбецъ 101, младенецъ 105, ч'тець 194, близ'нецъ 197^б, ков'чежець 204, кроупиць 146, вдовиць 156^б, рожець 143^б, старецъ 100, рибиць 76, кѡш'ниць 76^б, ѡвецъ 100, младенецъ 230; конецъ 64, 92^б, телець 144 і т. п.

б. Дуже часте закінчення *-ца, -цю*: ѡв'ца 17, пѡв'ца 228^б, п'шеница 25, ѡв'ца 17, мц'ца 32; баграницю 54^б, 95, п'шеницю 67^б, плащаницю 93, жит'ницю 108, 135^б, 160, гостиницю 130, темницю 138, 160^б, 178^б, смоков'ницю 138^б, срацицю 116, гор'ницю 159^б, оудицю 32^б і т. п.

5. Диспалаталізація *б, в, м*, згідно з живою вимовою, дуже сильна в Вербській Євангелії: голоубъ 108^б, 174^б, ѡсобъ 217, скрѡбъ 44, 89, 208^б; крѡвъ 50, 91^б, 134, 138, 216 — крѡвъ 188, любовъ 204^б, цр'ковъ 52, 54^б, 59, 84, 93^б, 95^б, 153^б, 158^б, 177, 189^б, 192, чрѡвъ 80 і т. п. також: свекровъ 137^б, чрѡвъ 80, цр'ковъ 177 і т. п.; 'есмъ 54, 93^б, 205,

ѡсмь 105, 106, 139, седмь 76, 106, 120^б, сѣдмь 86^б, також: 'есмь 112, 190^б, вѣмь 178, 194, нѣс'мь 143^б, 174, 192^б, се'мь 132^б, 155^б і т. п.

6. Диспалаталізоване *p*, як то було і в живій мові писаря, дуже часте в Вербській Євангелії:

а. врьтоградарь 217^б, дверь 195 bis, ѡлтарь 92, пастырь 195, лазарь 145^б, 197, 197^б, 200, матерь 36, 150 — мтрь 74, мытарь 17, црь 5^б, 6^б, 27, 40, 48, 53, 54^б, 55, 71, 71^б, 72, 142, 152^б, 153, 162^б, 175^б, 182, 200^б, 213, 215, 215^б.

б. вечероу 141 А¹, кесарж 214^б, лазороу 199, морж 64^б, 68, 73, ѡтароу 12, цр'оу 72, 95, 142, цр'ж 214, разорж 93^б, сьт'в'ороу—сьтворж 144^б.

в. баграницю 54, 95, ѡбращ'жеса 219, къ дверо 62.

г. Про поплутання *ry—ри* див. вище.

г. Подвійні форми часті: кесаря 107 — кесара 104, лазаря 146, 197, 200^б — лазара 146, мытарь—мытарь 149^б і т. п.

7. З південно-слов'янського впливу в Вербській Євангелії бачимо ще такі диспалаталізовані форми, мертві для мови писаря:

а. князь 208^б, п'н'назь 34^б, 40, 90^б, 72^б, п'н'назоу 100; весь 51^б, пасагающе 45^б, ѡсждж 32^б, 189, 206^б, 213^б.

б. аминь 17^б, 18, 24^б, 32, 33^б, 34, 46 — аминь 20, 34, дань 155, дн'ъ 23, 23^б, 46, 106, 128^б, 137, 139, 159 — дн'ъ 139, 159, камень 109^б, ѡгнь 15, 32, 48, сквосѣ пжстынж 122^б. Форма послѣ'нжю 138 може бути й живою на Волині.

8. В кирилівському писменстві ніколи не було сталого правопису при сполученні палатального *л* з приголосними. В мові болгарській такі написання, як доволно, силно були й позостаються живими, і власне вони найбільше поширилися і живуть в церковно-слов'янських книжках почасти ще й сьогодні. Але такі сполучення були мертвими, скажемо, для східних слов'ян (правда, в деяких українських говорах форми силно, пилно, началник і т. п. звичайні), і тому рано стали появлятися тут і інші способи писання. А з бігом часу витворилися такі способи писання: силно, сил'но, сильно, силь'но, си'но. Усі ці способи маємо і в Вербській Євангелії.

а. Найчастіше ставиться по *л* паєрик: довол'ни 108, скоудел'ниче 53, сел'ны 25^б, свѣтил'ники 46, 211^б, свѣтил'никъ 14^б, свѣтил'никъ 184^б, свѣтил'ника 11, 121^б, 143, бол'на 48^б, довол'но 4, беспечал'ны 57, наполните 176, начал'никъ 176^б, печал'ни 209, сил'ный 102^б, сил'ныа 102^б, скоудел'ни 113, скждел'ници 91, 159, оумывал'ницу 203; др'ькол'ми 51, кол'ми 131^б, 136; бол'ше 207, бол'ши 41, 135^б, бол'ша 176, 205^б, бол'шаа 137^б, бол'шаа 190^б, бол'шжю 135^б і т. п.

б. Часом і без паєрка: ѡ велзавоулѣ 132, свѣтил'никъ 133 і т. п.

в. А то пишеться фонетично, з *ь*: ко'рабль 30^б, ѡст'авльше 93, погыбельный 210^б, пристоупльше 122, пристоупльши 123^б, пришельца 42,

свѣдительство 93^б, 124^б, 157, свѣдительств'ва 93, свѣдительствоу'ете 134, свѣдительствью'тъ 52, свѣдительствов'ахж 93 і т. п.

г. Рідко маємо тут *з*: прѣльстити 44^б, прѣльсти^т 43^б, прѣльста^т 43^б, прильща'етеса 40^б, прѣльщени 157 і т. п.

г. Часом таке *л* виносить над редок: свѣдите^тств'жа 219.

д. Те саме маємо й з кінцевим палатальним *л*: ѿбите^т 206, оутѣши-те^т 206, печа^т 209, кжпѣ^т 182^б, кжпѣль 182^б, оутѣшител 208^б, при-стжплъ 34, корабль 15 і т. п.

е. Пор. ще с'пекоулатора 72, магдалѣни 96^б, також: кораб'лоу 15^б.

є. Навіть ті самі слова, часом поруч, можуть мати різні правописні форми: дрѣкол'ми 93 — дрѣко^тми 92^б, корабль 28^б — корабль 28, ѿ вел'завоулѣ — велзавоулѣ 132, пристоупль — пристоупль 35^б, раздѣлил'са — раздѣлилась 22, свѣтил'никъ — свѣтилникъ 133, свѣдительство 112^б, 219 — свѣдите^тство 216 і т. п., навіть свѣдител'ство 174.

9. Єпентетичне *л* скрізь, де ми його чекаємо: слав'ла 113, гыб'лю 143^б, срамла'са 148^б, крѣплашеса 162, люблаше 170^б, 204, дивлахжса 189^б і сила т. п.

10. Асиміляція приголосних: вожигая^т 16, бес плѣда 25, бестраха 103^б, м'л'кы 118^б, праз'никъ 94^б, 158^б, блажнахжса 70^б, съблаж'н'метъ 80, съблаж'нает' 33, съблаж'на'еть 188^б (поруч: събл'азнит'са 19^б, събл'аз'нитеса 91^б, 208, събл'аз'нат'са 92) і т. п.

11. Сполучення *dj* правильно дає *жд*: даж^ть 131, 138. 143, по-даж^ть 115^б, продаж^ть 150, ѿж^ть 181, виж^ть 191^б, 198^б і т. п. Бувають і живі форми, але рідко: ѿжъ 135^б, роженіє 59^б, роженіа 59, рожены^т 20, нжж'ници 20 і т. п. В тексті „Отче наш“ на л. 131 маємо живе по-дай зам. даждь.

12. Як то бачимо і в старослов'янських пам'ятках, в сполучення *жр*, *зр* вставляється *д*, а в сполучення *ср* — *т*. В Вербській Євангелії форми зо вставним *д* не рідкі: ж^трѣба 83^б bis, 84 bis, 152^б, 153, ж^трѣ-біа 54^б, 164, ж^трѣбіа 95^б, 215^б, bis, ѿ ж^трѣбати 58^б, на ж^трѣбати 200^б, раз^троушеніє 117, раз^трѣшитиса 139, раз^тдрѣшите 34, 199, раз^тдрѣшиса 103, раз^трѣшена 34, стрѣ^тніє 231 і т. п.

13. Деякі явища в чужих словах заслуговують уваги.

а. Так, маємо живу грецьку вимову *vt* як *vd*, що прийшла до нас разом із південно-слов'янським впливом: коста^тдина 232, пан'делеймона 232 (поруч: костан'тина 229^б і др.).

б. Букву *ѳ* писар Вербської Євангелії не вимовляв одноково, як то взагалі було на українських землях в XVI віці. Найчастіше вимовляє її як *ф*, а тому й пише: ѿ а^тримафеа 96^б, 216^б, гол'гофоу 95^б, вифаніа 197^б, вифл'ем'ска 191^б, феа^тра 231^б, 232, фома 197^б, 205, фомоу 115, матфеи 4, ма^тфеѳви 59^б і т. п.

А часом маємо тут вимову *ѳ* як *т*, хоч не часто: вит'саида 169^б (при виѳ'саиды 201), навіть: витѳаида 20^б, савах'тани (савах'дани) 55, 96.

Напис влѳео^т 7^б зам. влѳхвомъ вказує, що *ѳ* вимовлялася ще як

хв. Так само вимовлялося й *ф*, на що вказують такі цікаві форми: роухвовж 95^б (зам. роуфовоу), съ лифою^а 47^б (зам. съ лиховоу).

Через таке поплутання вимови одне й те слово може писатися ріжно: виѳанію — вифаніа 197^б, виѳелѳма 104^б — виѳелѳм'скимъ 191^б, мат'ѳей 59^б — ма^ѳѳейви 59^б і т. п.

В пам'ятці знаходимо й вимову *ф* яко *п*: прокопіа 232^б.

в. Згідно з живою вимовою, писар часом не подвоює приголосних в чужих словах: іѳанъ 103, 118^б, іѳанъ 174^б, 179, месію 175, сѳбота 165^б, филипъ 175^б і т. п., хоч звичайно пише: вис'сонъ 145^б, іѳан'нь 174, 174^б, филип'пъ 175^б, филип'па 175^б і т. п. Своє слово з двома *нн*, N¹ речівник: йстин'на 193^б.

Морфологія

1. Власні ймення на *-й* в південно-слов'янських текстах дуже часто кінчаються в N¹ на *-є*. Ці форми N¹ (їх несправедливо часом зовуть вокативом) маємо і в Вербській Євангелії: ар'хелає 8, ноє 2, 45^б, 148, м^ѳць декабрѳе 229^б (при: ѳ^ѳтов'рій 228^б, генжаръ 230, мар'тій 231^б).

Замість Іорданъ все маємо тут форму Іорданъ, напр.: ѳбонъ поль Іор'данъ 174^б, 179, на ѳ^ѳ поль іор'данъ 196^б, по ѳнж странж іор'данъ 80^б, ѳ іор'данъ 109, во іер'дани 8^б.

Цікава тут ще форма N¹ ан'дрѳа 201, ан'дрѳа 185^б. Слово тутъ муж. роду: пжтю бж'ію оучиши 70.

2. Цікаві форми зовного відмінку (V¹): іерл^ѳимъ 43 bis, капер'наоумъ 20^б, земле завоулонъ — землѳ неѳалимлѳ 10, пж^ѳ морѳ 10.

3. Палатальна приголосна в J¹ перед закінченням *-ми* передається так само, як і *л* перед *н* (див. вище): дн^ѳми 95^б, 177, сластьми 121; дн^ѳми 54^б, властел'ми 117^б, двѳр'ми 194^б, дрѳкол'ми 161^б, звѳр'ми 61, з'намен'ми 98, печал'ми 158^б; двѳр'ми 194^б, лю^ѳми 123^б, 166^б; стра^ѳтми 101 і т. п.

4. Закінчення L³, яке знаходимо в церковно-слов'янських пам'ятках, в більшості своїй було чужим в Україні, чому ці закінчення в нас постійно сильно плутали. Так само плутається воно і в Вербській Євангелії.

а. В основах на *о* муж. і середнього роду писар пильнував писати подавньому: въ градъ^ѳ 19^б, 69, гробъ^ѳ 68^б, 122, 184, грѳсѳъ^ѳ 194^б, 'єллинь^ѳ 169, і'єр^ѳлими^ѳ 180^б, народъ^ѳ 1, ѳдръ^ѳ 73^б, пр^ѳрцѳъ^ѳ 187^б, ѳгал'ми^ѳ 168, самарянъ^ѳ 180, сосждѳъ^ѳ 46, оученицѳъ^ѳ 212^б, селѳъ^ѳ 69, 72^б, 89, 122^б і т. п., въ гробъхъ^ѳ 68^б, грѳсѳхъ^ѳ 193, 193^б, законъхъ^ѳ 208, і'єр^ѳлими^ѳхъ^ѳ 182^б, народъхъ^ѳ 189^б, пр^ѳрцѳхъ^ѳ 168, чадъхъ^ѳ 54 і т. п.

Але дуже часто ці ж самі форми пише він із закінченням *-ехъ*: въ чл^ѳце^ѳ 104^б, 145^б, назыце^ѳ 88^б, 168, брѳмене^ѳ 134, лѳте^ѳ 101, 168, 219, нб^ѳсе^ѳ 18^б, 23^б, 81^б, 85, 87, 89^б, 90, 115^б, 129, 131, 136^б, ср^ѳце^ѳ 103, словесе^ѳ 110, 126, на трѳ^ѳсте^ѳ 200 і т. п.

Одне й те слово може мати ці обидві форми: ѳ хлѳбъ^ѳ 73, 169 — хлѳбе^ѳ 99^б, на ѳблацѳъ^ѳ 52, 89^б, 158 — на ѳблаце^ѳ 45.

б. Так само в основах на *i*: при двере^х 83^б, 90, при двѣрехъ 212, на люде^х 90, 157^б, въ ѿсле^х 104^б, 105, на вѣтве^х 25^б, въ напасте^х 160, въ немоще^х 169, въ весе^х 72^б. Тут це *-ехъ* правильно з *-ьхъ*.

в. В основах на *jo* сер. рода маємо правильне *-ихъ*: во дѣаніихъ 169^б, въ ср^ци^х 63, 108, 113, 157, на сѣн^нмищи^х 88, 110, 111^б, 133^б, 156^б, 212^б, въ тайлищи^х 134^б, на трѣжищи^х 87^б, 119, 133^б, 156^б і т. п. Але в муж. роді знову *-ехъ*: въ дн^ех^х 106, 106^б, 170, ѿ лицемѣре^х 74, ѿ па-стыре^х 99 і т. п.

г. Часом маємо закінчення *-охъ*: ѿ галилео^х 99^б, 138, въ іоудѣо 195^б, 199^б, на сѣн^нмищо^х 88^б, по мѣсто^х 88^б.

г. Закінчення *a* основ *-ахъ*, що було живим і для основ на *o*, дуже рідко пробивається до слів середнього роду: по мѣста 157 (певне мало бути: по мѣста^х, пор. по мѣсто^х 88^б), на распятіяхъ 73^б (також: на распяти^х 139^б).

5. Форми двійного числа звичайно зазначаються правильно: нечи-стѣма ржкама 73^б, ногама твоѣма 87^б, къ нѣгама 75, двѣма 185^б. Але жива мова увірвалася й сюди, чому маємо: ржками 114, неоумывен^нами ржками 74, по^н ногами вашими 71, оуст^ннами 74 і т. п., також: рече и^н 61 зам. йма (Мр. I⁷).

6. В G¹ прикметників панує закінчення *-аго*, і тільки часом знаходими живе *-ого*: єдиного 154, 163^б, 209^б, вѣсакого 173^б, которого 140^б і др.

7. Сполучення *ск* в D¹, d¹ і N³ перед *и*, *ѣ* переходить на *ст*: содо^{ст}ѣи D¹ 20^б, ѿ бѣсов^{ст}ѣмъ 22, при галилейстѣ^х 10, при мѣри галилейстѣмъ 61, въ мѣр^{ст}ѣи 33, ниневит^{ст}їи N³ 23.

8. L¹ прикметників має старе закінчення: въ животѣ вѣч^нѣмъ 186^б, 201, въ нб^нѣ 20, на добрѣи 25, по в^сей вселенѣи 44, але: въ доусѣ нечис^тѣ 61^б, по прѣданію же іѡан^новѣ 61, при кр^{ст}ѣ іс^вѣ 215^б, на єдино^м мѣстѣ 217.

Цікава форма J¹: гласо^м велико^м 61^б, 199, пор. в Мстиславовій Євангелії XII в.: великъмъ.

9. В третій особі однини й множини дієслів теперішнього часу панує закінчення *-ть*, особливо в першій половині книжки; в другій половині книжки дуже часте *-тъ*.

Ось трохи прикладів на *-тъ*: бждеть 67, 177^б, вѣзрастетъ 25^б, достоить 1^б, запжстѣтъ 22, йщеть 23, можетъ 65^б, 74^б, недостоить 71^б, ѡбрѣта^{ет}ь 131^б, приємлетъ 6^б, 131^б, побѣдитъ 132, послеть 68^б, потрібить 8^б, рас^тетъ 67^б, расто^ча^{ет}ь 22^б, рѣчетъ сѣажетъ 65^б, страждетъ 32, станеть 132, твѣритъ 25, 75^б, 81, оупасетъ 7, хочеть 79^б, бы-ваю^ть 132^б, возлагаю^ть 41^б, вѣроую^ть 121, послушаю^ть 71, оубію^ть 134, оуслышатъ 66^б, ѡда^ть 73^б і сотні т. п.

Але правдиву вимову писаря в цих формах трудно окреслити, бо: 1) *ь* на кінці слів тут взагалі дуже частий, 2) дуже часто кінцеве *т* виносить над слово: вѣстане^т 23, рече^т 23^б, йз^носитъ 23, рекж^т 23, станж^т і сотні т. п., і 3) часто на кінці маємо паєрик, що замінює *ъ* або

ь: пѣба'ет' 157, 180, оумрѣ'т 124. Тут маємо поруч: оумреть—оумре^т 198, 201.

Те саме бачимо і в формах із -са: предастьса 91^б, але найчастіше з паєриком: дѣл'т'са 71, мнат'са 4^б, ѿмет'са 63^б, постат'са 63^б, приложит'са 67^б, раждает'са 6^б, раздѣлит'са 65^б, радоу'ет'са 179, сѣ'ет'са 66^б і т. п.; а то і без паєрика: ѿвита 67.

Форми без кінцевого *m* рідкі: прозлѣне 45.

10. Приказовий спосіб по *д, з, л, м, н, п, р, с* і *ц* звичайно має *ѣ*: блюдѣте 33^б, 67, 90, 157, блюдѣтесж 87^б, 88^б, 89^б, 121^б, 135, бждѣте 18, 116, 136^б, ведѣте 92^б, вѣз'ведѣте 181, вѣз'йдѣте 189^б, вѣнидѣте 17, градѣте 141^б, градѣта 10, йдѣте 17, 46, 48, 49^б, 57, 72^б, 97, 128^б, 152^б, йдѣта 83^б, 91, 159, йдѣмъ 51 — йдѣ^т 62, 92, 197, 197^б, 206^б, йзидѣте 44^б, 148, 157, приведѣте 78^б, 152^б, приведѣта 83^б, 153, прїидѣте 20^б, 38^б, 48, 56, 86, 154^б, 181, 218, прїидѣта 61, 175, прѣйдѣте 72, прѣйдѣ^т 104^б, 122; воврѣзѣте 47^б, вѣврѣзѣте 218, врѣзѣте 112, вѣнемлѣте 13^б, 18, 134^б, 146^б, 156, 158^б, вѣз'мѣте 21, 40, 47^б, 124, 152^б, 176^б, 198^б, имѣте 44^б, 51, 89^б, 92^б, поймѣте 213, 214, прїймѣте 50, 91^б, 159^б; вѣз'вигнѣте 158, вѣсклонѣтеся 158, вѣс'танѣте 31^б, 51, 92, 206^б, метнѣ^т 215^б, па'нѣте 164, поженѣте 148, поманѣте 165^б, распнѣте 214; почрѣпѣте 176; съберѣте 25^б, 185^б, сѣмотрѣмъ 171, прѣдерѣ^т 215^б; йз'несѣте 143^б, ѿтрѣсѣте 17^б, 71 — ѿтрѣсѣте 124, принесѣте 27^б, 176, 207^б, 218; не бойтѣся 57; йз'сѣцѣте 152^б, ѿблецѣте 143^б, пецѣтеся 89, 135, 135^б, пецѣте^с 18, рѣцѣте 18^б, 49^б, 56^б, 57, 97, 128^б, 140, 154, рѣцѣта 83^б, 91, 153, 159, тлѣцѣте 85, 131^б і сила т. п.

Ті ж самі слова дуже часто мають не *ѣ*, але *и*, напр.: дивитеся 184, бдите 90, 158^б, видите 181, вѣдите 128^б, 158, дадите 17, 47^б, 136^б, 143^б, 152^б, прѣходите 128^б, сждите 213, ѿдите 50; вѣз'вѣли'са 144, йзгоните 17; заколите 144, млїтеся 90, раздѣлите 159^б; разорите 177, сѣтворите 136^б, 145, творите 41^б, 159^б, 176^б; просите 85, 128^б, 131^б і т. п.

Часом обидві ці формі стоять поруч себе: сѣотрѣте — с'мотрите 136, йдѣте оутврѣдите 56, йдете и принесѣте 207^б, прїимѣте ѿдите 91^б, прїидѣта и видита 175 і т. п.

Замість *ѣ* маєте *а*: йщате 85, 131^б, 136 bis. Зазначу ще оубіамъ 154^б.

11. Нестягнені форми імперфектума панують у Вербській Євангелії: вѣпрашааше 6^б, глїааше 64, гнѣваашеся 71^б, дааше 70^б, захождааше 62, йс'хождааше 8^б, 115, йскааше 115, йспытавааше 7, можааше 41, 71^б, напааше 55, пѣлѣбааше 34^б, 51^б, сказааше 68, слоужааше 62, довлѣаше 4, имѣаше 120^б, люблѣаше 197, 198^б, 215^б, ѿставлѣаше 62, творлѣаше 64^б, хотлѣаше 34^б, 71^б, 79, 218^б і т. п.; написано хоташе 54^б, але над *л* дописано *а*.

Дуже часті форми: вѣзлѣжаахж 63^б, глїаахж 4, 49, 53, 55, 63^б, 64, зваахж 65, йз'бираахж 140^б, йз'ношаахж 118, йскаахж 52, млѣчаахж 64^б, можаахж 121^б, назираахж 64^б, нападаахж 65, ѿбрѣтаахж 52, полагаахж 73^б, приношаахж 62, пранадаахж 65, просвѣщаахжся 2, роптаахж 37, ржгаахжся 54, 70, слоужаахж 9^б, 61, 120^б, слышаахж 73^б,

спаахж 46^б, оўжасаахжса, вѣдлаахж 217 — вѣдѣахж 2, дивлаахжса 61^б, дѣахж 52, ѡсцѣлаахжса 115, хотѣахж 25—хотмаахж 39^б, 53 і сила т. п.

Взагалі, писар Вербської Євангелії дуже пильно тримається стародавнього правопису. Нові форми у нього рідкі: бѣхж 63, видѣхж 65, вѣдахж 62, дивлаахжса 73, 82, ѡмѣхж 65, ѡсцѣлевахж 71, проповѣдахж 71 і т. п.

12. Часом маємо новий аорист на *-ть*: оўмрѣть женá 155^б Лк. зач. 102, оўмрѣть дѣщи твоá 123^б Лк. зач. 39, ѡумрѣть 197^б, ѡумрѣт' 124.

Інші форми: азь 'есми лоза 206^б, і поруч: азь ѣсмы лоза 206^б; хошáше да бѣ 'егò слѣша 75, вѣврѣже дабѣ ѡи погжбиль 78^б; подкоповаю 14^б.

Із складні

1. В старослов'янських пам'ятках, особливо болгарських, дуже часто форма давалного приналежности (dativus possessivus). Те саме маємо і в Вербській Євангелії: молитеса гнѡу жат'вѣ 17, ѡ ѡз'быт'ка бѡ срѣцоу ѡуста глѣють 22^б, скрежетъ зубѡ 46, 26, 139^б, кѡнчина вѣкоу 43^б, нáчало бѡлез'не 44, ѡс'тавленіє грѣхѡ 50, вѣзасте ключа разоумѣніѡ 134, лице нѡѡу ѡ зем'ли 137^б, старѣшина съборж 139, домоувл'ка 141^б, старѣйшины люде 153^б, црѣ ѡудѣѡ 162^б, ѡпжщеніѡ грѣхѡ 168, грѣхѣ мироу 174^б, начал'никъ пироу 176^б, чающи двѣженіа водѣ 182^б, воскр'шені'є животж 184, свѣт' мироу 192^б, ѡдоша вѣ срѣтені'є 'емоу 200^б, патокъ пасцѣ 215, вѣз'вращеніє моще 231, прѣнесеніє моще 232, положеніє ризѣ ѡ поасоу 232^б (поруч: положеніє поáса) 233 і т. п.

2. Ось деякі цікаві слова: блáгодѣти 110, бѣ бо великъ днѣ тоа сжботѣ 216, ѡбрѣтаѣт'са оўбо гѣ воуйка емоу сѣи 171, двѣа N' 6 (тепер: дѣва), ѡáн'на колибника (під 15 января, тепер: кѣщника), во м'нѣ не маѣть нѣчьсоже 206^б, недоуча 138^б (Лк. зач. 71), коѣю ѡблástію сѣа твѡриши 85, ѡ тоуж'ди 32^б bis і др.

В календарі маємо живі ѡмення: гаврила 231^б, данила 230, данила 44, никола 229^б, прокопѡ 232 і др.

Варшава

Іван Огієнко

Przyczynki do charakterystyki polskich czechizmów

Z geograficznego położenia i z historii Polski wynikało, że mamy tu dwa słowiańskie wpływy językowe: czeski i ruski, oczywiście nie rosyjski, bardzo późny (od końca XIX wieku) i słaby, ale zachodnioruski, biało- a zwłaszcza małoruski. Pisano o tem trochę, zwłaszcza o wpływie czeskim jeszcze w epoce Nehringa, ale metodycznego i wyczerpującego ujęcia całości dotąd niema; najobszerniejsze są o obu uwagi Brücknera (Encyklopedia polska: Język polski i jego historia, I, 1915, 119-25 i 134-41), uważającego wpływ czeski za wielki, ruski za „nieznaczny, lokalny“. Bodaj czy nie przeciwnego raczej byłbym zdania, bo czeski wpływ był czysto literacki i jednej tylko, choć ważnej dotyczy epoki, ruski zaś, choć może nie tak silny jak odwrotny polski wpływ na Ruś, był jednak niejako żywiołowy i trwa do dziś. W niniejszym artykule chcę omówić dwa niezauważone dotąd polskie czechizmy i pewne z nich do charakterystyki całego tego prądu wyciągnąć wnioski.

I. Istnieje polski wyraz *stodycz* ‘dulcedo’, unikat w językach słowiańskich. Wszystkie inne bowiem mają twory na *-b*, jak st.-pol. *stódź*, na *-tb*, jak st.-cerk. *slastb*, lub na *-ostb*, dodawane do rdzenia czy do tematu, jak już st.-cerk. *sladostb* i *sladskostb*; pomijam inne typy, jak *slastvo*, *sladbstvo*, *sladina* . . . Ta *stodycz*, jako urobiona od tematu na *-u-* (cf. Łoś, Gramatyka polska II 62), jest bardzo archaiczna. Mimo to pojawia się w języku literackim późno: nietylko średniowieczne zabytki mają stale tylko *stodkość* (różne teksty Zdrowaś Marji, Psalterze, Biblia Szarospatacka, Książeczka Nawojki . . .), ale tak jest i w pierwszym nowoczesnym słowniku Mączyńskiego (1564) pod ‘dulcedo’ i pod ‘dulcor’, a nawet Knapski (Thesaurus 1643) jako ‘dulcedo, ἡδυσμα, γλυκασμα’ podaje *stodkość*. Jest wprawdzie u Knapskiego i *stodycz* (najstarszy to zapis tego wyrazu), ale jako oboczność do *stodkie picie* i do *stódź* w znaczeniu ‘μελιτιτης, potio ex musto et melle, dulcicula potio’. Zachował się ten wyraz dwukrotnie i ze średniowiecza (1468, 1472), ale tylko na oznaczenie rośliny ‘Sium Sisarum L.’ w postaci *stodyczka* (cf. Rostafiński, Symbola ad historiam naturalem medii aevi, 1900, I 248); tegoż pochodzenia będzie podhalańskie nazwisko *Stodyczka*. Że ta nazwa rośliny była szeroko znana, dowodzą urobione pod jej wpływem od tematu nie na *-u-* inne średniowieczne nazwy roślin: *gorycz*, *goryczel*, *gorycznik*, *goryczka* (ib. I 558), podczas gdy ‘amaritudo’ w tychże co wyżej zabytkach średniowiecznych, a też u Mączyńskiego tłumaczy się przez *gorzkość*, *gorskość*.

To długie życie w ukryciu formy prasłowiańskiego pochodzenia można wyjaśnić tylko wpływem czeszczyzny. Tłumacząc z tego języka całą niemal

literaturę religijną, z niego też jako literacki wyraz na abstrakcyjne pojęcie wzięto *stodkość*, a stara *stodycz*, pozatem, że dała nazwę skromnej roślinie, jeszcze w XVII w. oznacza jedynie napój. Zdaje się, że dopiero w odnowionym języku literackim 2. połowy XVIII w. — według Lindego u Krasińskiego i Niemcewicza — *stodycz* dostąpiła zaszczytu oznaczania wdzięku lub zalety charakteru, ale gdy się to raz stało, prędko zdobyła popularność i niemal zupełnie usunęła sztuczną, wprost niezgrabnie dziś brzmiącą *stodkość*.

Małorus. *solodyč* m. 'солодковый корень', podane u Hrinczenki jako używane na Rusi węgierskiej, i wielkorus. *solodyžnik* 'растенье солодковый + корень', podane u Dala³ bez oznaczenia pochodzenia, nie zmieniają oczywiście powyższych polskich faktów.

II. Istnieją w języku polskim podwójne formy całej deklinacji zaimków *mój, twój, swój*: *moja, moje, twój, twojej, twójemu, twoją, twoim, swoich, swoim, swoimi...* i *ma, me, mego, twej, twemu, twą, swym, swych, swymi...*; jedynym, którego ściągać nie można, jest męskoosobowy nom. plur. *moi, twoi, swoi*. Notują to wszystkie gramatyki, tak opisowe języka dzisiejszego jak historyczne, ale żadna z nich nie zastanawia się ani słowem nad ich do siebie stosunkiem. A przecież nie jest to rzecz tak prosta: od najdawniejszych zabytków aż do dzisiejszego dnia istnieją dwa zupełnie równorzędne szeregi i ani żaden nie wziął góry ani nie wyrobiło się jakieś ich zróżnicowanie funkcjonalne? Przypatrzmyż się tak dzisiejszym, jak i dawnym stosunkom.

Otóż wbrew temu, coby można wnosić z gramatyk A. Małeckiego, Kryńskiego, Szobera i innych, formy te w dzisiejszym dialekcie kulturalnym wcale nie są równoważnościowe; nie wystarczy też powiedzieć, że kontrahowane są rzadsze. W rzeczywistości w języku swobodnym zdecydowana większość osób używa wyłącznie form nieściągniętych, znaczna mniejszość posługuje się obok nich także niektórymi ściągniętymi, mianowicie: a) *mego, twego, swemu, mym, twych, swymi*, ale i to rzadko, podczas gdy b) form zakończonych na samogłoskę ściągniętą: *ma, twa; twe, swe* (nom. sg. neut. i niemęskoosobowy nom. plur.); *ma, twa, swa*, nie używa chyba nigdy nikt. Występują natomiast te formy w uroczystszych przemówieniach, u osób mówiących trochę patetycznie lub książkowo, wreszcie w piśmie, ale i to odnosi się tylko do form typu a), nigdy do typu b). Ja sam używam w piśmie, dla krótkości, niektórych takich form a), którychbym nigdy nie użył w mowie.

Jeszcze dalej posunięte to w dialektach ludowych, które formy ściągniętych właściwie nie znają. Coprawda, przeważna część opisów dialektów rzecz tę zupełnie pomija, ale niektóre zaznaczają to wyraźnie, np. Janczy dla małopolskich (samo południe) Sromowiec (M.P.K.J. I 62), Magiera dla pd.-zach.-małopolskich Sułkowic (ib. V 334), Świdarska dla małopolsko-mazowieckiego Łowickiego (P.F. XIV 328). Ja w swych po całej Polsce wędrowkach nie zwracałem na to dostatecznej uwagi, ale

skłonny byłbym twierdzić, że formy ściągnięte wogóle nie istnieją, co najwyżej wyjątkowo w niektórych przypadkach (gen. sg. m.-n.). — Z wątpliwych szczegółów drukowanej literatury wymieniam: 1) z gwary lasowskiej (Sandomierskie) wyjątkowy instr. sg. f. *mom* obok *m^ojom* i *mojô* przy wyraźnym zaznaczeniu, że w innych formach fem. są tylko formy nieściągnięte, jedyne też w instr.-loc. sg. m.-n. i w całym dualu i pluralu (Matusiak, Rozpr. Filol. VIII 138); 2) z Krzęcina (na zach. od Krakowa) ściągnięte obok nieściągniętych w całym sing. masc. i neutr. przy braku ściągniętych w fem. i w plur. (Dobrzycki ib. XXVI 361-2), co nie wydaje mi się zupełnie wiarygodnym wobec faktu, że Krzęcin leży między wymienionymi wyżej Sułkowicami a wsiami na pd. od Chrzanowa, w krórych formy ściągnięte pojawiają się bardzo rzadko, i to tylko w utworach wierszowanych (Jaworek, M.P.K.J. VII 348 i ustnie); 3) z pogranicza czeskiego na Śląsku Cieszyńskim, gdzie w całej deklinacji mają być formy podwójne (Bystroń, Rozpr. Fil. XII 54); byłby to widoczny wpływ czeski, zaznaczam jednak, że ja z całego Śląska (M.P.K.J. IV 215-20 passim) nie wyniosłem jakoś ani jednej formy ściągniętej.

Osobno jednak trzeba postawić północo-zachód. U Kaszubów najbardziej zachodnie nadmorskie dialekty, dziś już wymarłe, miały tylko formy ściągnięte, np. nom. sg. f. *mω*, nom. sg. n. *mê*; pozatem kontrakcja występuje tylko w gen. i dat. sg. m.-n., typ *mêw^o*, *mê^u*, a tylko zupełnie wyjątkowo trafia się czasem w innych, np. w instr.-loc. sg. m.-n. *mîm*, gen.-loc. pl. *svêx*; Jastarnia, na półwyspie helskim, ma wyłącznie formy nieściągnięte (Lorentz, Geschichte der pomoranischen Sprache 161). W zgodzie z tem notowałem formy kontrahowane w gen. i dat. sg. m.-n. dialektu borowiackiego, niegdyś pomorskiego (M.P.K.J. III 223), a trafia się to nawet na Warmji (ib. 454). Wreszcie dla pn.—wschodniej Wielkopolski wyraźnie to stwierdza Tomaszewski: „*m^oiygu*, rzadziej *mygu*“, a nawet *sv^ooje* obok *svê* (Gwara Łopienna, P.K.J. nr 16, str. 72).

Trzeba więc przyjąć, że na pn.-zachodzie Polski istnieją formy ściągnięte, ale wyłącznie w gen. i dat. sg. m.-n. — pozatem jednak w języku ludowym ich niema. Nie można bowiem uważać za ludowe trafiających się zupełnie sporadycznie form przejętych z ksiązek do nabożeństwa lub gotowych zwrotów w rodzaju społeczno-ekonomicznego hasła: *swój do swego*.

Te fakty języka dzisiejszego rzucają pewne światło na dziwne stosunki języka staropolskiego, dziwne, chociaż dotąd jednego tylko zdziwiły człowieka: Vondráka. Píše on mianowicie (Vergl. slav. Gram.¹ II 105): „Es ist auffallend, dass diese Formen [t. j. kontrahowane i niekontrahowane] neben einander bestehen konnten und heutzutage noch bestehen. Man kann sich die Erhaltung der unkontrahierten Formen etwa unter dem Einflusse des N. Sg. *mój* erklären“. Zresztą nikt. Nawet Łoś Gram. pol. III 187-95, przy wszystkich pokolei przypadkach przytacza oba rodzaje form, np. *moje*, *twoje*, *swoje* obok *me*, *twe*, *swe* stwierdzając tylko, że są od najdawniejszych czasów; jedynie w zbiorowej akademickiej Gramatyce języka polskiego (1923), str. 265, zaznacza on, że w instr. sg. fem. ściągniętych *mą*, *twą*, *swą*

niema jeszcze w Psalterzu Florjańskim [a więc około 1400, ale w Puławskim, z drugiej połowy XV w., obok *swoją* już *swą*]. Istotnie już w w. XIV Kazania Świętokrzyskie mają acc. sg. fem. *swoję* i *swą*, mają kontrahowane *swego*, loc. sg. m.-n. *swem* — i do dziś dnia ani się te dwa typy nie różnicowały znaczeniowo czy składniowo ani żaden z nich nie zwyciężył? A gdyby kto powiedział, na podstawie przytoczonych przeze mnie wyżej danych, że formy kontrahowane w gwarach ludowych zanikły, w dialekcie kulturalnym zaś utrzymały się tylko jako oboczne, to trzebaby przyjąć dziwne zjawisko, że zaginęła forma krótsza, a więc wygodniejsza, a równocześnie nowsza, a więc świeższa.

Do wyjaśnienia sprawy pomoże porównanie z bliskim językiem, w którym to samo zjawisko rozwinęło się silniej i według zupełnie jasnych norm.

W języku czeskim ściągnięcie nastąpiło w tych formach w epoce przedpiśmiennej, i z wyjątkiem formy *moji* nastąpiło w zupełności (cf. Gebauer, *Histor. mluvn.* I 563, III 1, 491-2). Toteż zabytki językowe nie dają tu bynajmniej obrazu tej dowolności, jaką widzimy w zabytkach staropolskich. Tak np. Žaltář Wittenberský, z połowy XIV wieku, na ogromną ilość tych form ma jedną jedyną nieściągniętą *cofti mogye* (31, 3), ale wydawca Gebauer zaznacza w przypisku, że ten werset wpisany został później, przyczem wpisujący nie rozumiał dobrze tekstu staroczeskiego. — Równie prosto przedstawia się rzecz w dialektach. „Dialektologie moravská“ Bartoša mimo że niewszędzie te formy podaje i mimo braku czasem precyzji w ujęciu sprawy, daje jednak geograficzny obraz zupełnie jasny: gwary „czeskie“ i przeważna część hanackich mają tylko ściągnięte formy; dopiero ku wschodowi występują nieściągnięte, i to najpierw, na linii Morawy, obocznie, potem, na samym pn.-wschodzie, koło Holeszowa, Lipnika, wyłącznie; zupełnie już nie mają w tych zaimkach kontrakcji dialekty laski i, oczywiście, słowacki, gdzie pojawia się już inne skrócenie: *mojho*, *tvojho*, typowo słowackie, ale trafiające się też w dialektach małopolskich.

To geograficzne ujęcie, według którego wschodniomorawskie formy nieściągnięte są pierwotne, nie zgadza się z ujęciem Gebauera, wedle którego są one nowotworami: *mojeho* na wzór *našeho*. Ale to był pogląd człowieka, co się nigdy nie zajmował dialektologią: na dnie tego ujęcia leżał jakiś jednolity język praczeski, zamknięty w sobie, odrazu się zmieniający na całym swym obszarze, a twardo odgraniczony od tak bliskiego sąsiada jak polszczyzna. Sprzeciwia się to i ogólnym dzisiejszym zapatrywaniom i faktycznemu stanowi wschodniomorawskich dialektów, będących jednym pasmem przejść od zachodniej czeszczyzny do polszczyzny. Istniejące na tym czeskim wschodzie sporadyczne zwroty, jak *na mů věru*, Gebauer uważał za resztki stanu dawnego, gdy równie dobrze można je uważać za późniejszy wpływ dialektu kulturalnego. Powoływał się na Blahoslava (1571), który formy niekontrahowane uważał za polonizmy, jakby ten Blahoslav był nowoczesnym lingwistą i nie mógł uważać za polonizm zjawiska pierwotnego, a tylko jako archaizm zgodnego z polskim. Oczywiście pojmowanie nieściągniętych form wschodniomorawskich jako pierwotnych zu-

pełnie nie przeszkadza uważaniu literackich czeskich nieściągniętych za analogiczne nowotwory, jak to czyni także Trávniček, Příspěvky k českému hláskosloví (1926) 15-6, który się jednak w sprawie form wschodnich nie wypowiada.

Jeżeli do tego dodamy, że formy typu *meho* występowały czasem dawniej (1590-1670) w języku górnołużyckim (Muka, Hist. u. vergl. Laut-u. Formenlehre der niedersorbischen Sprache 406, uważa je za analogiczne do *teho*, *jeho*, co oczywiście też możliwe), ale że niema ich zupełnie ani język dolnołużycki ani połabski (Lehr-Spławiński, Gram. połabska 188-9), to otrzymamy następujący obraz geograficzny. W obrębie języków zachodniosłowiańskich konsekwentną kontrakcję przeprowadziły dwa niezależne od siebie ośrodki: 1) Czechy, skąd, jako z silnego ośrodka kulturalnego, szerzyła się ona bezpośrednią drogą ustną na Morawy, ale nie do ich wschodniego krańca, później zaś drogą literatury oddziaływała na pisany język polski (i, niewykluczone, na górnołużycki); 2) zachodnie Pomorze, z czym w związku kontrahowane formy niektórych przypadków na Kaszubach i w innych dialektach pomorskich aż po północną Wielkopolskę.

A więc: w języku czeskim obraz jasny, tak co do chronologii, jak co do konsekwencji systemu i zgody języka literackiego z dialektami ludowymi — w języku polskim zaś niejasność wewnętrzna (dziwna obcość form), sprzeczność między językiem literackim a narzeczeniami. Na znanem tle historyczno-kulturalnem wniosek prosty: formy ściągnięte są w literackiej polszczyźnie, przynajmniej jako całość systemu, pochodzenia czeskiego. Ogólny zaś ich rozwój wygląda w bardzo grubym i niepełnym zarysie — bo cała rzecz wymaga jeszcze szczegółowych badań —, jak następuje.

Pierwsi pisarze polscy, znalazłszy wielką pomoc w istnieniu pisanego języka czeskiego, wprowadzili też do polszczyzny czeskie formy ściągnięte zaimków dzierżawczych, wygodne choćby dlatego, że krótsze. Przez cały wiek XV i XVI równouprawnione, tak się upowszechniły, że zatraciło się poczucie ich obcości, czemu mogło pomagać istnienie w dialektach północno-zachodnich niektórych takich form. Toteż przetrwały upadek wpływów czeskich, który poza literaturą religijną znacznie był wcześniejszy od Białej Góry.

Nie na powstanie, ale na utrzymanie się typu *mego*, *twemu* mogła może wpłynąć, oczywiście tylko pośrednio, ruszcyzna. Wprawdzie dzisiejszy literacki język ukraiński w zgodzie z przeważną ilością zachodnich gwar małopolskich posiada formy krótsze, ale ściągnięte inaczej, mianowicie w *moho*, *tvoho*, nieco rzadziej też w dat.: *momu*, *svomu*; ściągnięcie w *-e* pojawia się na terenie małopolskim zupełnie wyjątkowo. Pomagać utrzymaniu się tych form w literackiej polszczyźnie mogłaby więc tylko istniejąca u tak licznych Polaków z Rusi świadomość istnienia ruskich form krótszych, i to istnienia ich tylko w tych dwu przypadkach.

Oba omówione tu czechizmy unaoczniają znany zresztą fakt, że wpływy czeskie miały w polszczyźnie charakter czysto literacki. Bardzo ważne przy pierwszych próbach pisania, musiały upaść z chwilą, gdy literatura i język literacki na własnych stanęły nogach; pozostałe resztki czeskie powoli, powoli, ale wciąż giną. Był to więc zupełnie inny rodzaj wpływu, niż np. w języku rosyjskim wpływ starocerkiewny, który można było bardzo ukrócić, ale którego wyraźnych śladów już stamtąd nikt nigdy nie usunie. Inny też, niż zachodnioruski wpływ na polszczyznę, wpływ żywy i wzajemny, polegający na trwającym do dziś pięćsetletniem współżyciu. Zdaje mi się, że te są ich główne znamiona.

Kraków

Kazimierz Nitsch

W sprawie genezy formacji: pierwiastek

W artykule p. t. „Do fonetyki grup spółgłoskowych“ w księdze jubileuszowej Baudouina de Courtenay („Prace lingwistyczne ofiarowane Janowi Baudouinowi de Courtenay dla uczczenia jego działalności naukowej 1862—1921“, Kraków 1921) starałem się m. in. uzasadnić pojawienie się w kilku przykładach polskich spółgłoski *t* drogą rozwoju fonetycznego ze spółgłoskami *n*, *ł* między spółgłoskami (str. 224-226, też 228). Do liczby przykładów tej kategorii zaliczyłem również i formacje *pierwiastek* wzgl. *pierwiastka* (fem.), t. j. wyprowadzałem formy te od podstawnika **pierwiasny*, nie zaś, jak to czyni Słownik Warszawski, od **pierwiasny*.

Podobnie tłumaczy, ale bez wywodów, J. Rozwadowski [„*pierwiastka* < *pierwiasnka* (z głuchem *n*)“] por. E. P., II (1915), 412; też w Gramatyce zbiorowej (Kraków 1923), str. 190, gdzie cytuje również mój wspomniany wyżej artykuł.

Obecnie [1929] potrąca o moje wywody G. Iljinskij w artykule swoim p. t. „Одна балтійско-славянская морфологическая изоглосса“, pisząc z powodu moich wywodów w ten sposób: „Оставляя пока в стороне вопрос, в какой степени вероятна гипотеза, что *n* между согласными могло перейти в *t*, я обеими руками подписываюсь под тем положением Уłaszyn'a, что и *pierwiasnek* и *pierwiasnka* образованы от прилагат. **pierwiasny*“ (P.F., XIV, 593)¹.

Podkreśliwszy mój wywód polsk. *pierwiasnek* z **pierwiasny* (prasl. **přvēsno*), do przytoczonych przezemnie przykładów innoślwiańskich (crksł. i słoweń.) dodał Iljinskij jeszcze od siebie ukr. первісний. Wszakże w przypisku na str. 596 z powodu polsk. *czerwiasty* pisze: „Следовательно, напрасно Уłaszyn (o.c.) выводил **pierwiasty* непосредственно из *pierwiasny* (вернее S.W. s.v.)“.

¹ Mimochodem tu zaznaczę, że, aczkolwiek, w związku z powyżej przytoczonymi przykładami, operujemy formą **pierwiasny*, A. Brückner w swoim Słowniku Etymologicznym gołosłownie nietylko *pierwiastek* po staremu wywodzi „od *pierwiasny* albo *pierwiasny*“ (?! H. U.), ale nawet bezpośrednio dalej i „*pierwiosnek*, albo *pierwiasnek* (? H. U.), od tegoż samego“ (str. 410), popełniając przytem jęczcze tę zwykłą i właściwą mu niedokładność, że nie zaznacza czy takie formy, od których wywodzi, istnieją czy też nie. Niedokładności Brücknera petryfikuje ostatecznie i n d e x, np. znajdujemy tam *pierwiasny* i *pierwiasny* (również bez gwiazdek), ale przecie wyrazów tych nie notuje żaden słownik [Lindego, Mrongowjusza, Orgelbranda, Warszawski, Karłowicza (gwarowy)]. Są to Brücknerowskie konstrukcje a d h o c ukute, czego nie zaznaczono. W ten sposób wprowadza się niefachową publiczność w błąd.

Jest to jakies nieporozumienie, gdyż, przedewszystkiem, nigdy i nigdzie nie wywodzil form **pierwiasty* z **pierwiasny* (autor podaje bez gwiazdki), nastepnie, ani nie rekonstruuje form **pierwiasty*, ani tez nia operuje, lecz przeciwnie przeciwstawiam sie potrzebie jej rekonstrukcji; dalej, cytata u Iljinskiego ze Słownika Warszawskiego („вернее S.W. s.v.“) jest mi zupełnie niezrozumiala, gdyż wyrazów jako hasłowych **pierwiasty*, **pierwiasny* w Słowniku tym wcale niema; ostatniej formy zreszta i jako niehasłowej równiez niema; wreszcie, wywód polsk. *czerwiasty* z **čьrvěstь*, czyli od przymiotnika, utworzonego z suf. *-ēs-*, a oznaczającego, według Iljinskiego, „różne stopnie koloru i zabarwienia“, — wydaje mi sie nieuzasadnionem, gdyż pol. *czerwiasty* nie oznacza, jak mniema autor, „barwę“, lecz znaczy: „robaczywy, червоточный“, zgodnie ze zwykłym znaczeniem tego żywego i rozpowszechnionego w języku polskim sufiksu (por. też niżej).

Dzięki tym nieporozumieniom autor zaciemnil swoje wywody w zakresie wyrazów i form polskich. Nie wiemy więc, jak tłumaczy Iljinskij oboczna formę do *pierwiasnek* — mianowicie *pierwiastek* (obie oznaczają to samo!): czy jedną wywodzi od **pierwiasny*, a druga od **pierwiasty*? Przez to też i tezę moja co do $t \leq n$ postawil poniekad pod znakiem zapytania.

Należy więc raz jeszcze rozpatrzeć oboczność tematów: *pierwiasn-* // *pierwiast-* w szeregu wyrazów polskich, t. j. odpowiedziec na pytanie, czy sprowadzają sie oba te tematy do jednego i do którego, czy też oboczność tę uznac należy za pierwotną.

Oto wyrazy polskie oparte o owe tematy; podaję przytem znaczenie (ze S.W.), gdyż właśnie wielce ono waży w dalszych rozważaniach.

I) *pierwiasn-*:

pierwiasnek, nka pl. *nki*: 1) stp. = „człowiek poczynający, niewprawny w co, pierwszy raz robiący coś, nowicjusz“, np. „Jezus swiezo narodzony przez jasność gwiazdy *pierwiasnkom* pogańskim (t. j. tym z pomiędzy pogan, którzy najpierwsi o Chrystusie wiedziec mieli. S.W.) okazał się“ (Wujek. L.); 2) (pl.) = „pierwocina, początek, zaranie, zawiązek, zarodek, pierwsza doba, pierwsza chwila, pierwszy krok, pierwsza próba“, np. „Wybil kaźdą rzecz *pierworodzona* w ziemi ich, *pierwiasnki* wszystkich robót ich.“ (Leop. L.).

II) *pierwiast-*:

a) *pierwiastek,tku* pl. *tki*: 1) stp. = „człowiek poczynający itd.“, por. I, 1 (S.W. przykadu nie podaje, ale przytacza tę formę s. v. *pierwiasnek* 1.); 2) (pl.) = „pierwocina itd.“, por. I, 2, np. „Tam słodkie wieku mego *pierwiastki* strawilem (zob. L.), lub: „*Pierwiastki* zboża ziemi twej ofiarujesz w domu Pana Boga twego“ (Wuj. S.W.); 3) stp. botan. dzieś *pierwiosnek*; 4) astronom.; 5) chemicz.; 6) fizycz.; 7) gramat.; 8) matemat.; 9) mineralog.

b) *pierwiastka*, i pl. *i* (forma żeńska poprzedniej): 1) stp. = „ta, co daje początek czemu, co jest pierwsza w czym“, np. „Marja matką i pierwiastką nieśmiertelności“ (Skar. L.); 2) = „osoba, która pierwsze dziecię rodzi“ (S.W. przykładu nie podaje); 3) = „pierwszy raz rodząca“ (o samicach zwierząt), np. „Nie beczą owce i nie ryczą bydła, niemasz pierwiastek“ (Wad. SW.); 4) stp. = „krowa przy pierwszym cielęciu; krowa po pierwszym ocieleniu“ (SW. przykładu nie podaje); 5) stp. = „pierworodny płód żeński“ (SW. bez przykładu); 6) stp. = „pierwiastkowanie, pierwszy poród, pierwsze rodzenie“, np. „Choćby po porzucie, choćby po pierwiastce potrzeba koniecznie krowę doić dla przysuszenia wymion“ (Haur. L.); 7) botan. dziś *pierwiosnek*; 8) weteryn. „Młódka klacz, pierwszy raz rodząca“ (SW. bez przykładu).

Pozatem mamy pochodniki od tych form (sub II): *pierwiastkowy*, *pierwiastkować* itp.

Wreszcie mamy jeszcze formy z tematem podstawowym *pierwiastn-*: *pierwiastny*, *pierwiastnik*. Nie czynią one żadnych trudności; są to bowiem terminy matematyczne, nowotwory wsteczne od *pierwiastek* (matem.). Cyтата z Z. Krasińskiego w S.W.: „W niej pierwiastne tylko cienie“ — oczywiście nowotwór poety.

A zatem rozpatrzenie owych sub I i II przytoczonych przykładów, prowadzi do wniosku, że morfemy słotwórcze: *-asn-* i *-ast-* w formacjach tych nie są wykładnikami, ani w najmniejszym stopniu, jakichkolwiek bądź różnic znaczeniowych. Już ta okoliczność nasuwa przypuszczenie możności sprowadzenia tych dwóch tematów do jednego pierwotnego. Brückner (l. c.) i *pierwiasnek* i *pierwiastek* wywodzi apodyktycznie od **pierwiasty* — ale w takim razie zjawia się pytanie: skąd się wzięło owo *n*? Czyżby Brückner wywodził *pierwiasnek* z **pierwiastny*, **pierwiastnek* z zanikiem następnie międzyspółgłoskowego *t*? Ale **pierwiasty* to typowe adjectivum, pocóżby znów miano tworzyć nowe z suf. *-ny*?

Ilijnskij zaś, zdaje się, wywodzi *pierwiasnek* od **pierwiasny*, ale *pierwiastek* od **pierwiasty*, chociaż niema do tego podstaw ani w znaczeniu derywatów, pochodników: *pierwiasnek* // *pierwiastek* (fem.—*stka*), wykazujących identyczność znaczenia, ani w znaczeniu podstawników: **pierwiasny* // **pierwiasty*, które, jeśli istniały, musiały wykazywać różnicę znaczenia.

Formacja **pierwiasny*, wraz ze znaczeniem, jest jasna wobec form innosłowiańskich: crksł. *прѣвѣснѣ* (*прѣвѣснѣнѣ*), słoweń. *prvešnji* (por. *prvešnica* // *prvešnjica*), ukr. *первісний*. Natomiast, czy są podobne podstawy do tworzenia formy **pierwiasty*? Odpowiednich form innosłowiańskich nie znam. Pozatem suf. *-asty* // *-asty* (alternujące z *-aty* // *-aty*) tworzą przymiotniki nie od przymiotników, lecz od rzeczowników, np. *brzuch*: *brzuchasty*, *batwan*: *batwaniasty*, *cebula*: *cebulasty*, *czerw*: gw. *czerwiasty*, *dąb*: *dębiasty*, *drop*: *dropiasty*, *gęba*: *gębasty*, *głowa*: *głowiasty*, *grań*: *graniasty*, *gruda*: *grudziasty*, *koniec*: *kończasty*, *krzak*:

krzacasty, śpic(a): śpiczasty, skrzydło: skrzydlasty, trawa: trawiasty, widła: widlasty, żyła: żylasty itd. Znaczenie tych przymiotników: „mający kształt czegoś, obfitujący w coś, podobny do czegoś, wyposażony w coś — i mianowicie w to, co wyraża rzeczownik“. Odprzymiotnikowe zaś przymiotniki, tworzone z tym sufiksem, zdarzające się bardzo rzadko, wydają się być nowotworami, np. *okrągły: okrąglasty, zielony: zieleniasty* (SW. obu nie zna!) — znaczeniowo zaś wyrażają modyfonację znaczenia przymiotnika podstawowego i właśnie nie w kierunku „usilenia, podkreślenia, powiększenia“ znaczenia podstawnika, lecz odwrotnie osłabienia, umniejszenia. [Normalnie dla wyrażenia tej modyfikacji znaczenia najczęściej używa się suf. *-awy* wzgl. *-owaty*, np. *biały: białawy // białowaty, zielony: zielonawy // zielonowaty* itd.] Widzimy więc że **pierwiasty* wyłamuje się z obu tych kategorii i dlatego wątpić należy w możliwość istnienia takiego przymiotnika, tembardziej w czasach dawniejszych.

Dla konstrukcji zatem formy **pierwiasty* brak podstaw. Wywód Iljinskiego gw. *czerwiasty* z kontaminacji *črvěš* i *črvota* (rekonstrukcje ?), a **pierwiasty* z kontaminacji **přrvěš* i **přrvota* — najzupełniej mnie nie przekonują, niema bowiem danych do odrywania suf. *-asty* od *-asty*, a *-asty // -asty* od *-aty // -aty*. Por. W. Vondrák, Vergl. slav. Gram. I, 446 nst.=2 wyd. str. 593 nst.; też Ułaszyn, Słowotwórstwo, E P. III, 28= Gramat. zbior., str. 235. Natomiast, przyjąwszy za podstawową dla form *pierwiastek // pierwiastka* (fem.) formę **pierwiasny*, poświadczoną przez stp. *pierwiasnek* i popartą odpowiednikami innosłowiańskimi, zupełnie dobrze tłumaczy się $t \leq n$ w grupie międzyspółgłoskowej (*-stk- \leq -snk-*). Przykładów nie brak. W moim artykule, oprócz omawianego przykładu (*pierwiastek*), przytoczyłem jeszcze cztery: *czostek* (\leq *czosiku \leq* *czosnku*), gw. *piostka* (\leq *piosnka*), *przęstka* (\leq *przęstka*), *tartka* (\leq *tartka*). U Rozwadowskiego spotykam w Gramatyce zbiorowej nowy przykład: *Mystki \leq* *Mystki* (por. też R.S. VIII, 270; również ks. St. Kozirowski „Nazwy geograficzne i osadźcy ziemi średzkiej“, [1931], str. 27). Mamy zatem aż sześć przykładów dla ilustracji formuły, podanej przezemnie w wymienionym artykule (str. 228). Powtarzam ją tu z drobnymi modyfikacjami natury wyłącznie zewnętrznej:

Spółotwarte (*n, t*) w grupach pomiędzy spółgłoskami zostają zamienione najbliższymi artykulacyjnie spółgłoskami o mniejszej rozbieżności pod względem elementu szmerowego w stosunku do otoczenia:

$$k + n/t + k \geq k + k + k \text{ (consonant).}$$

Przy sposobności zaznaczę, że nie widzę konieczności dla wytłumaczenia formy *pierwiosnek* ‘primula’ (bot.), sprowadzać do praformy apofonicznej: *-ēs- // -es-* (str. 597), jak to czyni Iljinskij. Formę *pierwiosnek* tłumaczę inaczej. Przecież obok *pierwiastka* (o krowie) mamy gw. *pierwiostka* (\leq *pierwiostka*); przypuszczać więc można, że **pierwiasnka* (bot.) brzmiała w stp. **pierwidsnka*; samo przez się narzucała się asocjacja z *wiosna*

(por. u Syrenjusza: „Biała bukwica, paraliżowe ziele, pierwiosnką zwane, jakoby rzekł pierwszy na wiosnę kwiat“. L.), co ostatecznie ustaliło formę *pierwiosnek, pierwiosnka*.

Poznań

Henryk Ułaszyn

Sk r ó t y. EP. = Encyklopedia Polska (wyd. Akad. Umiej. w Krakowie). — L. = Linde. — PF. = Prace Filologiczne. — RS. = Rocznik Słowistyczny. — SW. = Słownik Warszawski (8 tomów).

Stpol. cyrki „cerkiew“

Zanik dawnej deklinacji na *-a-* i przejście należących tu rzeczowników jużto do odmiany na *-a-*, jużto do odmiany na *-ŷ-*¹ jest faktem tak dobrze znanym, że nawet niema się co przy tem dłużej zatrzymywać. Proces, o którym mowa, tkwiący korzeniami swemi w przedhistorycznej dobie języków słowiańskich, dokonał się ostatecznie w tym ich okresie rozwojowym, który ilustrują pierwsze zabytki pisane. Stąd też przynajmniej pewne jego przejawy możemy śledzić na konkretnych przykładach.

Zdawaćby się mogło, że wobec niedużej liczby zarówno rzeczowników, składających się na odmianę *-a-*, jako też zabytków, w których jej formy dostrzegamy, obznajomieni jesteśmy doskonale z każdym w tym zakresie szczegółem. Tymczasem wcale tak nie jest i gdy się lepiej zbada zabytki, okazuje się, że jeszcze można będzie wzbogacić dotychczasowe wiadomości o deklinacji, krórá się tu zajmujemy. Ich pomnożeniem będzie także niniejszy przyczynek.

Z pośród form przypadkowych odmiany na *-a-* szczególnie rzadko notują zabytki bardzo wczesnie ginący nom. sg. Największą liczbę tej właśnie formy dostarczają zabytki starobułgarskie². Rzecz to całkiem zrozumiała. O wiele rzadziej widzimy ją gdzieindziej, a w zabytkach staroczeskich zupełnie jej brak³. Historyczna Gramatyka polska J. Łosia (Część III, Odmienność. Lwów 1927, str. 133) poucza, że staropolszczyzna przekazała 3 wyrazy deklinacji *-a-* w starożytniej formie nominatywu sg., a mianowicie: *kry* „krew“ (najwcześniejszy przykład z r. 1398), *jętry* „żona brata“ (w. XV), oraz *świekry* „matka męża“ (w. XV)⁴. Nie jest to jednak wszystko. Dorzucić do nich można jeszcze *cyrki* „cerkiew“⁵.

Wyraz ostatnio przytoczony występuje w trzynastowiecznej nazwie miejscowej Domaniewa *cyrki*: *Domaycerke* (!) 1234 i 1235, *Domanigeva*

¹ Por. bułg. *църква, свекрва*, ale *крѡвь, любовь*; serb. *crkva, svekrva*, ale *kro, ljubav*. W języku polskim *cerkiew, krew, chorągiew* i t. d., ale wyjątkowo także *tykwa*, przyczem przypominam stczes. *tykev*.

² W. Vondrák, *Altkirchenslavische Grammatik*. Berlin 1912, str. 424.

³ J. Gebauer, *Historická mlůvnice jazika českého III/I*. Praha 1896, str. 337.

⁴ Vondrákova *Vergleichende slavische Grammatik II* w obu wydaniach (I, 1908; II, 1928 opiacowane przez O. Grünenthala) wymienia tylko stpol. *kry*, jakkolwiek stpol. *jętry* i *świekry* wylicza już A. Meillet, *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave II*. Paris 1905, str. 268.

⁵ Formy zależne tego wyrazu u Łosia l. c.; podobnie trzech wyrazów wyżej wspomnianych.

cyrki
Łos' Doman. 232/

Cirki 1267, dziś pol. Domajowice, niem. Thomaskirch w pow. olawskim na Śląsku. Znajdujemy go zaś w Codex diplomaticus Silesiae XIV, Wrocław 1889, str. 41.

Na zakończenie kilka słów o szacie zewnętrznej naszego wyrazu. Podane zapisy odczytują *cyrki*. Nadaję im więc taką postać, jakąby z pewnością miał ten wyraz np. w XV w. Czy jednak tak wyglądał on w w. XIII? Trudno na to odpowiedzieć stanowczo. Być bardzo może, że brzmiał jeszcze *cirky*.

Lwów

Witold Taszycki

Przyczynki do białoruskiej dialektologii

I. *Postùx... hràšy...*

Na pograniczu akania i okania w miejscowości Lusino (gm. chotyńska, pow. łuniniecki), leżącej jeszcze na terenie okajacem, choć już z licznymi śladami akania (sąsiednie, położone na północ Hancewicze wybitnie akają), istnieje zjawisko dość częstego występowania samogłoski *o* na miejsce etymologicznego *a* w pozycji nieakcentowanej oraz mniej częste fakty występowania samogłoski *a* na miejsce etymologicznego *o* i *o*, pochodzącego z *e*, pod akcentem. Przykłady: *postùx, tobùn, kol'ieka, boby, horbùz, mol'ina, posòl'a, zohuòn, znokòmyi, storỳnno, mol'ènka, mošỳna, rukòvicy, od noròda, robỳje, nedomożnùu, kol'ùžki, storỳx, dùmoju, pryieħol'i; hràšy, tătka, sakàlik, saràčka, nałàhi, zanàzy, katàraja, iahà, u vàscy.*

Są to typowe hyperpoprawności powstałe jako rezultat wachania się izofony akania — okania w takiej kolejności: 1° powstanie akania, 2° przejście akania w okanie, 3° napowrót cofanie się okania przed akaniem, co jest procesem żywym i to dalekim jeszcze do zakończenia.

Otóż w związku z drugim procesem powstały formy typu *postùx*, natomiast z trzecim *hràšy*. Skoro bowiem najpierw zarzucając akanie zamieniono nieakcentowane *a*, pochodzące z pierwotnego *o*, na *o*, to również, w wyniku tej samej tendencji, w licznych wypadkach zastąpiono przez samogłoskę *o* i takie nieakcentowane *a*, które było pierwotnem. Chcąc więc uniknąć akania zwiększono ilość wypadków okania, przyczem zachowano niezmiennem, co należy podkreślić, etymologiczne akcentowane *a*: *kožù, skožy, kozàc, kozàu* ale *kàže, kàžuc; polil'i* ale *pàl'ic, pàl'ac; pońič* ale *pan; na rokù* ale *rak; došì* ale *dam.*

Następnie gdy skolei staje się aktualnem zaniechanie okania na korzyść akania to zamianie podlega nie tylko każde nieakcentowane *o* na *a*, lecz również zdarzają się sporadyczne objawy zastąpienia i akcentowanego *o* przez *a*, wskutek czego tym razem, chcąc uniknąć okania, powiększa się ilość wypadków z samogłoską *a*. Ponieważ jednak, proces zanikania okania, co już wyżej było nadmienione, jest dopiero w stadium początkowym i naogół biorąc jest to miejscowość w przeważającej ilości wypadków jeszcze okająca, przeto występują tam obok nielicznych jeszcze nowych hyperpoprawności typu *hràšy*, daleko liczniejsze stare typu *postùx* (znamienną pod tym względem jest zapisana przeze mnie oboczność *nedol'òko* || *nedal'àko*).

Fakty powyższe mają i ogólniejsze znaczenie, dostarczają bowiem w zjawisku występowania samogłoski *o* na miejscu etymologicznego, nieakcentowanego *a* (typ *postùx*) nienotowanej dotąd przewagi okania nad akaniem, dotychczasowe bowiem dane, pochodzące zarówno z pogranicza białorusko-małoruskiego, jak i z gwar wielkoruskich (izofona okania-akania), zgodnie świadczą o szerzeniu się na całej linii wymowy akającej.

II. 1. pl. fut. złożonego typu *kościmo*.

Do form 1 os l. mn. czasu przyszłego złożonego znanych i dostatecznie wyjaśnionych, jak białoruskie gwarowe *kościmem*, *kościmom*, *kościmam* (П. Бузук, Спроба лінгвістычнае географіі Беларусі I 1 str. 86-7) należy dodać jeszcze niecytowaną postać *kościmo*. Występuje ona w zachodniej części terytorjum o typie 1. pl. praes. i fut. *idòm*, *bùdom*, *kościmom* (co do rozprzestrzenienia tych form, patrz u mnie Lud Słowiański II 2 str. A 189 mapa). Notowałem ten typ w powiecie łuninieckim, we wsiach: Malkowicze: *p'isàcimo*, *spàcimo*, *dremàcimo*, *śedźcimo*; Borowiki: *dàcimo*, *trymàcimo*, *kušàcimo* Wólka: *batamùcimo*; Krasna Wola: *my żyćmo*. Omawiana forma powstała albo jako rezultat haploglogji z niezachowanego **kościmomo*, albo też, co prawdopodobniejsze, jest rezultatem wyrównania postaci *kościmom* do licznych form 1. pl. (znaczeniowych praes. i fut.) zakończonych na *-mo*: typ *žnomò*, *zovomò*, *bùdomo*.

III. *Kabàn* 'kogut'.

W języku białoruskim oprócz nazw koguta, zawierających pień **pě-* i etymologicznie całkiem jasnych, jak *pětùx*, *pěveń*, *pěvùn* występuje dialektycznie jeszcze jedna nazwa, o etymologii dotąd nieznannej, *kabàn*. O istnieniu tego wyrazu znajduje się króciutka wzmianka w jednej z prac E. Karskiego, że we wsi Działłowicze (pow. łuniniecki) „пѣтухъ называється *кабáнь*“ (Отчетъ о поѣздкѣ въ Бѣлоруссію въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1903 г. Извѣстія Имп. Русск. Географ. Общества XLI str. 734). Otóż jak stwierdziłem jeszcze przed kilkoma laty zajmuje ten wyraz znacznie szerszą przestrzeń, występując nad dolnym (z wyjątkiem miasteczka Kożangródka) i średnim biegiem Cny we wsiach: Malkowicze, Lipsk, Wołuta, Bostyń, Działłowicze, Borowce, Kupowce, Wólka, Dworzec, Wiczyn, Jażówki, Jażwinki, Cna, Drebsk i Rokitno. Przyczem od północy graniczy *kabàn* z nazwą *pětùx*, od pozostałych zaś stron z wyrazem *pěveń* (co do izoleksy *pětùx* — *pěveń* patrz K. Moszyński, Ethnogeographische Studien in Ostpolen. Kraków, 1929, str. 142).

Etymologia tego wyrazu, co było już wyżej nadmienione, nie jest dotychczas znana, choć wyraz ten przedstawia interes dla językoznawcy z tego choćby względu, że — jak wiadomo — *kabàn* jest ogólnie znanym w językach ruskich wyrazem, ale w znaczeniu 'wieprz', 'odyniec'. Ponieważ zaś

występuje on w pierwszym znaczeniu i w miejscowościach tylko co przytoczonych, przeto domaga się wyjaśnienia ten dziwny fakt, że w mowie jednego człowieka tak ogólnie znane ze zwierząt domowych jak wieprz i kogut noszą jedną i tę samą nazwę.

Otóż zjawisko to jest stosunkowo świeżej daty i jest przykładem typowej homonimji. Ponieważ *kaβàn* 'kogut' to wyraz rodzimy, powszechnie używany, podczas gdy *kaβàn* 'wieprz' jest późną pożyczką z języka rosyjskiego, która nie zdążyła się jeszcze gruntownie zakorzenić w mowie ludności, posługującej się przeważnie rodzimymi nazwami: *vapruk* na oznaczenie samca kastrowanego i *knyr* lub *knòraz* niekastrowanego. Nie-rodzimość wyrazu *kaβàn* 'wieprz' we wsiach nad Cną zgadza się całkowicie z pochodzeniem tego wyrazu w języku rosyjskim, gdzie skolei również nie jest rodzimym, będąc pożyczką z tureckiego (patrz K. Lokotsch, Etymologisches Wörterbuch der europäischen Wörter orientalischen Ursprungs, Heidelberg 1927, str. 78, nr 975).

Pozostaje więc do wyjaśnienia etymologia rodzimego, słowiańskiego wyrazu *kaβàn*. Łączę tę nazwę z rodziną wyrazową o prasłow. pniu **kob-*. Nic nie sprzeciwia się takiemu łączeniu: ani strona znaczeniowa, ponieważ pień ten występuje często w nazwach ptaków (choćby prasłow. **kobьсь*, następnie **kobuzь*, **kobezь*... patrz Grz. Iljinskij, Pol. kobieta, Jeszcze o „kobiecie“. MPKJ IV oraz Извѣстія отдѣл. русск. яз. и сл. Имп. Ак. Наукъ XVI 4 str. 25), przedewszystkiem zaś w polskiej dialektycznej nazwie koguta *kobut* (o istnieniu jej patrz K. Nitsch, Z geografji wyrazów polskich, R. Sl. VIII str. 90 i 87 mapa) oraz w słoweńskiej nazwie kury *čiba* (Извѣстія отд. русск. яз. и сл. Имп. Ак. Наукъ XVI 4 str. 25-6); ani też strona formalna, przyrostek bowiem *-an* łatwo daje się wydzielić, występując w nazwach ptaków wogóle i kogutów w szczególności (por. wielkoruskie *курàнъ*, *курухàнъ* 'Meleagris gallopavo', *курухтàнъ* 'Tringa pugnax', Вл. Даль, Толк. слов. жив. великорус. яз.³ II str. 575-8 oraz polską dialektyczną nazwę koguta *kurón* < *kuràn*, K. Nitsch op. cit. str. 85-6 i 87 mapa). Trudność zaś polegająca na samogłosce pienej *a* zam. *o* (*kaβàn* występuje wyłącznie na terenach okających) upada, istnieje bowiem cały szereg wyrazów jak wsch. - małoruskie (również i pd. - białoruskie z terenów okających) *bahàto*, *bahàtyi*, *haràcii*, *haràzd*, *kačàn*, *kažàn*, *kałatàty*, *xal'áva*..., gdzie zamiast etymologicznego *o*, w pozycji przed zgłoską z akcentowaniem *a*, występuje *a* (por. też prasłow. oboczność **baràнъ* || **boràнъ*). Te zaś wyrazy wyjaśniano trojako. Widziano w nich: 1°, pożyczki z gwar akających, tak Ст. Кульбакинъ, Украинскій языкъ, Чаркòw 1919 str. 32-3 oraz О. Курило, До питання про українські форми з ненаголошенням *a* на місці етимологічного *o* (Багатий, гарячий та инш.). Ювілейний збірник на пошану М. С. Грушевського II Кijów 1928; 2°, asymilację nieakcentowanego *o* do znajdującego się w następnej zgłosce akcentowanego *a* — od Potebni niemal wszyscy, patrz literaturę u Iljinskiego, До питання про асиміляцію голосних в українській мові. Записки істор.-філ. відділу

Укр. Ак. Hayk VII-VIII str. 56; wreszcie 3°, pozostałości stopy wzdlużeniowej pr.-ind.-europejskiej apofonji wokalicznej, tak jedynie Iljinskij w tylko co cytowanym artykule.

Z tych trzech możliwości w odniesieniu do wyrazu *kabàn* pierwsza odrazu odpada, ponieważ wyraz ten nie występuje na terenach akających. Druga możliwość asymilacji, pojętej jako zjawisko wybitnie sporadyczne, wskutek czego obok *bahàtyj, kažàn, kačàn...* występuje *hromàda, komàr, otàva...*, jest teoretycznie całkiem możliwa. Wobec jednak faktu niezachowania się postaci **kobàn*, stwierdzenia natomiast przez K. Oštira, w jego pracy *Drei vor-slavisch-etruskische Vogelnamen (astrěbъ : : āραχος, lunjъ : : vel, kanja : : capys)*, Ljubljana 1930 str. 81, istnienia stopy wzdlużeniowej w pniu **kob-* (**kanja : *kobyсь, *kobuzь*) skłaniam się do widzenia w wyrazie *kabàn* jeszcze jednego przykładu na zachowanie się stopy wzdlużeniowej w językach słowiańskich.

IV. Spółgłoski *g, k*, zero dźwięku zamiast *γ, χ, h*.

W systemie fonetycznym języka litewskiego brak jest, jak wiadomo, szczelinowych tylnojęzykowych *γ* i *χ* oraz krtaniowego *h*. Dlatego zbiałoruszczeni Litwini nie posiadają w swej fonetyce tych dźwięków, zamieniając spółgłoskę *h* na zero dźwięku, *γ* zaś i *χ* na odpowiednie zwarte *g* i *k* (co do zamiany *χ* na *k* patrz artykuł E. Karskiego w księdze ku czci Floryńskiego oraz Българуссы II 1 str. 481). Przykłady ze wsi Pieregańce, gm. baranowskiej, pow. lidzkiego: *umnò, èto, paavaryć, na kaò; agnàvìska, grackòjka; kl'ep, kamùt, kvost, kvòjka*.

Kraków

Leszek Ossowski

České dativy (lokály) tobě, sobě a tebě, sebě

1. Dativy zájmena 2. osoby a reflexiva mají v slovanských jazycích buď *-o-* nebo *-e-*. Ve většině slovanských jazyků jsou tvary s *e* a formy s *o* shledáváme v češtině, v polštině a na velké části ruštiny (veskrze v maloruštině, v běloruštině a částečně ve velikoruštině). O jejich vzniku a zčásti i vývoji viz u Hujera ve Sborníku filologickém II (Praha 1911), 197 a násled.

Chci si všimnouti podrobněji češtiny, která má tvary obojí. Stará čeština má jen *tobě, sobě*, nová spisovná čeština rovněž, dnešní dialekty pak dílem tvary *ty, dílem ony*. Západní nářečí, t. j. nářečí v Čechách, na západní a ve střední Moravě, mají většinou tvary *tobě, sobě*. Jen v nejjihnějším cípu Čech, v t. zv. nářečí doudebském, jsou tvary *tebě, sebě*¹. Východní část českého jazykového území má řidčeji tvary s *o* a častěji s *e*. Na celém Slovensku jsou jen tvary s *e*; na př. ve spisovné slovenštině *tebe, sebe* (*-e* ztrátou jotace z *-ě*), v západním nářečí t. zv. bělohorském *tebě sebě*². Ve Slezsku jsou tvary *tobě, sobě* na Opavsku, tedy v části západní, tvary *tebě a sebě* pak v části východní, na Těšínsku³. V moravské laštině, t. j. v nářečí severovýchodního cípu Moravy, patřícího jazykově ke Slezsku, žijí tvary s *o*, *tobě, sobě*. Na východní a jihovýchodní Moravě, v nářeční skupině zvané moravkoslovenská, jsou dílem tvary *ty, dílem ony*; tvary s *e* shledáváme nejčastěji v t. zv. nářečí kopaničářském na samých hranicích moravských, tedy v sousedství slovenského nářečí⁴.

2. Je otázka, jaký je genetický poměr mezi obojími tvary a jak se vyvíjely. Gebauer⁵ předpokládá, že byly v praslovanštině jen tvary *tebě, sebě* a tvary s *o* že vznikly vlivem starých instrumentálů *toú, sobú*, které se časem v češtině změnily v *tebú, sebú*, ale držely se až do století XV.⁶ O dialektických tvarech *tebě, sebě* připouští dvojí výklad: buď že jsou to tvary

¹ V. Kočsmích, O podřečí doudebském (Praha 1868), 10. Srovn. i Jos. Mrázek v Jihočeském přehledu II (1927), 228.

² K. Suchý, Der Dialekt der Marchebene in Ungarn (Praha 1915), str. 40.

³ J. Loriš, Rozbor podřečí hornoostravského ve Slezsku (Praha 1899), str. 48.

⁴ J. Bartoš, Dialektologie moravská I (Brno 1888), str. 23, 31, 73, 90, 35 a násl.

⁵ J. Folprecht, Příspěvek k mluvě lidu slováckého na moravs. Podluží 37. — A. Kašík, Popis a rozbor nářečí středobečevského (Praha 1908), 64.

⁶ Historická mluvnice jazyka českého III 1, str. 522-523, 528.

⁶ K výkladu této změny srovn. Hujer ve Sborníku filologickém II, 206 (poznámka).

starobylé, tedy praslovanské, anebo nové tvary vzniklé z *tobě, sobě* vlivem *tebe, sebe*. Podle Gebauera lze si tedy vývoj v češtině představovati dvojím způsobem: a) praslovanské tvary *tebě, sebě* zanikly před XV. stoletím v celém jazyce, byly nahrazeny tvary *tobě, sobě* a z nich časem v některých nářečích vznikly tvary *tebě, sebě* (*tebe, sebe*), shodné s praslovanskými; — b) praslovanské tvary s *e* se na části jazykového území zachovaly, na části pak byly před XV. stoletím nahrazeny novými tvary *tobě, sobě*. Gebauer se nerozhoduje pro žádnou eventualitu. Weingart¹ pokládá dialektické tvary s *e* za praslovanské a předpokládá tedy vývoj *b*.

Historický vývoj dialektů neznáme po chronologické stránce tak podrobně jako vývoj spisovné češtiny a tak ze starých památek písemných přímo nevyplývá pro naši otázku nic. Ale přece máme dvě svědectví, jedno ve vzniku a vývoji zájmených tvarů, druhé v hláskové stránce dialektických tvarů *tebě, sebě*.

Toto druhé svědectví, dosud nepovšimnuté, záleží v tom, že skoro ve všech dialektech mají dativy tvrdé, nepalatální *t* před *e*, ač se v některých z nich *t* před původním *e* (nebo z *o*) všude jinde palatalisovalo. Tak v kopaničářském nářečí hrozenkovském je *čěptý* < *te-*, *čětka*, *prscěň*, *plecěný* atpod. — ale *ch tebe* < *k...*². Podobně v kopaničářském nářečí březovském: *tětka*, *těptý*, *post'el* atpod. — *k tebe*³. Nebo v lašském (slezském) nářečí hornoostravském se vyslovuje na př. *čepťo*, *četka*, *ňeseće*, ale *tebě*⁴. Východní slovenština má *persceň*, *sce*, *poscelka...*, ale *tebe*⁵. V jednom nářečí východoslovenském, zvaném cotácké, je vedle dat. *tebe* důležitý také tvar *sebe* (< *-bě*), tedy s počátečním *s-*, ač je jinde před původním *e* palatální *š*, na př. *poňeše*, *šedzmero*⁶.

Co se týče vzniku našich dvojích tvarů, je třeba si uvědomiti, že není správné domnění Gebauerovo, jako by praslovanština byla měla původně jen tvary *tebě* a *sebě*. Hujer (l. c.) přesvědčivě ukázal, že dat. (lok.) zněl v praslovanštině původně **tobě* a že nejen *tobě*, nýbrž i *tebě* jsou novotvary podle hláskoslovně náležitého genitivu *tebe* < **teve* a analogického **tobe* < **tove*, časem zaniklého. A podle vývoje u 2. osoby můžeme předpokládati i **sobě* a v *sobě* i v *sebě* spatřovati rovněž tvary analogické, nové. Tím padá předpoklad jediných původních tvarů praslovanských, s *-e-*, nelze pokládati tvary *tobě, sobě* za pozdní novotvary a tak se naskytuje potřeba znova uvažovati o původních poměrech v češtině. Při tom je nutno přihlížeti k onomu důležitému poznatku o nepalatálních *t-* a *s-* v některých dialektických tvarech *tebě, sebě*, který má beze vší pochyby nemalý

¹ Časopis pro moderní filologii a literatury VII (Praha 1921), str. 103.

² Fr. Bartoš l. c. 40, 41.

³ Tamtéž 44.

⁴ Loriš l. c. 19.

⁵ S. Czambel, Slovenská reč I (T. Sv. Martin 1906) passim. — O. Broch, Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im östlichen Ungarn (Kristiania 1897) 57 a passim, a Weitere Studien... 34 a passim.

⁶ O. Broch, Studien... 57 a passim.

význam pro otázku vývoje našich tvarů a může do jisté míry osvětliti také původní stav v češtině.

3. Nepalatální *t-* a *s-* dativních (lokál.) tvarů *tebě, sebě (tebe, sebe)* lze a priori vykládati trojím způsobem:

a) V oněch nářečích byly původně tvary *tebě, sebě*, v nich vzniklo palatalisací *t'e-, ce-* a *še-*, ale časem se ujalo nefoneticky *te-, se-*. Mohlo by jíti jen o analogii podle instrumentálu, nikoli genitivu, neboť v genit. čekáme *t'ebe, cebe, šebe* za původní **tebe, *sebe*. V instr. bylo původně *to-, so-* (**tobojq, *sobojq*), ale od 14. století — podle svědectví staré češtiny — začalo se ujmáti *te-, se-*, až úplně ovládlo. Podle tohoto výkladu by byly vznikly dativy *tebě, sebě* s nepalatálním *t-* a *s-* nejspíše až v století 14. nebo později, kdy už měl instr. *te-, se-*. To se nezměnilo v *t'e-, ce-, še-*, protože palatalisace už nebyla živá. Byla by možná domněnka, že se dativní *t'e-, ce-* a *še-* změnilo v *te-* a *se-* už vlivem staršího instrumentálu *tobú, sobú*, ale není příliš podobno pravdě, že by tvary s *to-, so-* působily na tvary s *t'e-, ce-* a *še-*.

b) Dativy *tebě, sebě* mají *t-* a *s-* fonetické: zněly původně *tobě, sobě* a dostaly časem *-e-* analogií podle genitivu (akusativu), který zněl původně *tebe, sebe*, anebo snad i podle pozdějšího instrumentálu *tebú, sebú*. Zase by šlo o vývoj až v pozdější době, kdy se nově vzniklé dativní *te-bě, se-bě* nepalatalisovalo v *t'e-, ce-* a *še-*, protože palatalisace nebyla už živá.

c) Ona nářečí měla původně vedle sebe v dativě (lok.) tvary dvojí, *tobě, sobě* — *tebě, sebě*. Vlivem *to-, so-* nevzniklo *t'e-, ce-, še-* anebo spíše vzniklo, ale změnilo se v *te-, se-*. Šlo by zkrátka o hláskové vyrovnání, křížení obojích tvarů. Tvary *tobě, sobě* časem zanikly a zůstaly *tebě, sebě*.

4. Při výkladu a) lze se dovolávat jen té okolnosti, že *te-* s nepalatálním *t-* nalézáme nejen v dativě, nýbrž i v genitivě, který zněl původně zcela nepochybně **tebe* a kde tedy čekáme v některých východ. nářečích čes. jazyka *t'-* nebo *c-*. Tak je tomu v hrozenkovském *tebjá*¹. Tu je potřebí předpokládati vliv instrumentálu s *to-* nebo s pozdějším *te-* jak na dativ (*tebe*), tak na gen. Ale tak silný vliv instrumentálu je dosti málo podoben pravdě, protože vidíme zpravidla, jak instrumentál v celém svém vývoji podléhá vlivu jiných tvarů. Zněl v praslovanštině původně **tobojq* a podle genitivního nového tvaru **tobe* (z **tove*), časem zaniklého, dostal podobu **tobojq* anebo podle genit. *tebe* a dativu *tebě* pak podobu **tebojq*². V češtině historické zněl do začátku XIV. století *tobú*, v slovenštině *tohou* a podle genit. *tebe* anebo i podle dativu změnil se na většině území čes. jazyka v *tebú* atpod. V střední slovenštině skoro celé pak šel vliv jiných pádů na instru-

¹ Jak vzniklo koncové *-a (-ja)* z původního *-e*, je otázka, která pro nás nemá význam.

² O. Hujer ve Sborníku filologic. II, 205 a násl.

mentál ještě dále: *tebou* se změnilo podle gen. a dat. *ťebe* v *ťe-bou* (ve spisovném pravopise *tebou*), někde v *ťebó*¹; srovn. sub 4.

Na druhé straně je důležitá okolnost, že dativ působí na genitiv nebo naopak. Vidíme to zcela nepochybně v kopaničářském nářečí blatnickém, kde je instr. *tebú, sebú*, dat. *tobě, sobě* a gen. (akus.) *tob'a, sob'a*². Genitivní *-o-* může býti jen z dativu, nikoli z instrumentálu. Vliv dativu na gen. — nebo opačně — lze dobře pochopiti, neboť jde o pády sobě bližší, než jsou gen. a dat. na jedné straně a instr. na druhé. Proto se nabízí výklad, že hrozenkovský gen. *tebja* vznikl místo očekávaného *ce-* vlivem dativu, nikoli instrumentálu. Pak je však nutné předpokládati, že dat. neznel původně *tebě*, protože by se byl změnil v *ce-*, nýbrž buď že zněl původně *tobě* nebo *tobě* a *tebě*, takže časem vzniklo *tebě* s nepalatálním *t-*; srovn. sub 3 výklad *b)* a *c)*.

Mínění, že na genitiv působil dativ, nikoli instrumentál, má oporu i v jiných faktech. Tak v nářečí hornoostravském je pro gen. (akus.) a dat. (lok.) stejný tvar *tebě, sebě* a z něho vzniklý *teje, seje*. Podle pádové přípony *-ě* je to od původu tvar dativní (lokálový). Je tu tedy jeden tvar pro gen. (akus.) a dat. (lok.) jako u zájmena 1. osoby.; srovn. dále. Bylo-li před vznikem tohoto jediného tvaru nějaké hláskové vyrovnávání, bylo zajisté v okruhu těchto pádů, t. j. působil buď gen. na dat. nebo obráceně a sotva tu byl vliv instrumentálu, jak jsme viděli výše. Vycházíme-li z předpokladu, že dat. (lok.) zněl původně **tebě*, nevysvětlíme dobře onen jednotný tvar pro gen. (ak.) a dat. (lok.) *tebě*, neboť praslovans. **tebě* by bylo dalo *cebě* a gen. **tebe* by zněl *cebe*, takže pak nebyla příležitost k vyrovnávání mezi oběma tvary. Bez nesnázi však vyložíme hornoostravsk. *tebě, sebě*, předpokládáme-li, že dat. (lok.) zněl původně buď jen *tobě, sobě* nebo *tobě, sobě* a *ťebě, šebě*; tu mohlo vzniknouti v dat. *tebě, sebě*, tím se dativ velmi sblížil s gen. *cebe, sebe* a časem místo gen. (akus.) nastoupil dativ (lok.). Je dobře možné, že před splynutím obojích tvarů podlehl gen. vlivu dativu a že nabyl podoby *tebe*, t. j. dostal *t-* místo *c-*, jak jsme viděli v nářečí hrozenkovském.

Ve východoslovenském nářečí cotáckém je pro gen. (ak.) a dat. (lok.) rovněž jediný tvar, a to *tebe, sebe*.³ Kdybychom se domnívali, že byl původní dativ *tebě, sebě*, nevyložili bychom onen jediný tvar *tebe, sebe*, protože by bylo bývalo v gen. *cebe, šebe* a v dat. *cebě > cebe, šebě > šebe*. Musili bychom předpokládati vliv instrumentálu, ten je však málo podoben pravdě jednak se zřením k okolnostem uváděným výše, jednak zde i proto že zní *tobu, sobu*, t. j. že si zachoval kořenné *o* a že by se byl tedy velmi odlišoval od gen. a dat. Zase však bez obtíží pochopíme cotácké poměry, při předpokladu, že dat. zněl původně buď jen *tobě, sobě*, nebo tak i *tebě, sebě*; další vývoj by byl býval jako v nářečí hornoostravském. Splynutí

¹ A. E. Boutelje, *Zwei Gemermundarten* (Praha 1928) str. 63.

² Fr. Bartoš l. c. 35.

³ Srovn. poznámku 6 na str. 260.

genitivu s dativem bylo zde podporováno tím, že v dat. vzniklo z *tebě, sebě* ztrátou jotace *tebe, sebe*, takže se oba tvary odlišovaly jen kořenovou souhláskou (v gen. *c-*, *š-*, v dat. *t-*, *s-*).

Při výkladě o vzájemném vlivu genitivu a dativu můžeme se dovolávat i jiných slovans. jazyků. V starorus. památkách se nezhvězda vyskytují vedle dativních (lok.) tvarů *тебѣ, себѣ* i tvary *тебе, себе*; nelze to vykládati míšením hlásek *ѣ* a *e*, nýbrž jde bez pochyby o nahrazování dativu tvarem genitivním, t. j. o splynutí obou pádů a tvarů¹. Podobně se nahrazuje dat. *meně, tebě, sebě* genitivem *mene, tebe, sebe* v černoohorských nářečích.²

Není vyloučeno, že na splynutí genitivu s dativem působilo aspoň někde splynutí obou pádů u zájmena 1. osoby, mající různé příčiny. Tak je ve všech západních nářečích, pro gen. (akus.) a dat. (lok.) jediný tvar *mně*. Ke splynutí vedlo to, že se původní akus. **mę* začal od jisté doby vyslovovati *mně*, t. j. stejně jako dat. lok., a že se podle genitivu-akusativu *mne* začalo v genitivě užívatí onoho akusativu *mně*. Pro naši otázku je důležité, že se jednotný tvar vyskytá také ve východních nářečích. Tak v nářečí hornoostravském³ je jediný tvar *mně* (vedle *mě*) vzniklý tak, že se původní gen. (-akus.) *mne* vyslovuje *mně* jako dat. (lok.) Místy v Gemeru na středním Slovensku žije universální tvar *mne*⁴ mající původ v tom, že v tomto nářečí není vůbec *ň*.

5. Tak tedy v těch východních dialektech, kde je gen. (akus.) s *te-* anebo kde je pro gen. (akus.) a dat. (lok.) jediný tvar s *te-* a kde se *t* před původním *e* palatalisovalo (=dialekty A), byl původně dat. *tobě* sám nebo vedle *tebě*. Také u reflexiva můžeme předpokládati *sobě* nebo *sobě* i *sebě*, a to pro nářečí cotácké a podle něho i v oněch druhých východ. nářečích. Podobá se zajisté velmi pravdě, že u obou zájmen byly původní poměry stejné, neboť tak je tomu i v dobách historických⁵.

Naskytá se nyní otázka, co lze ze stavu A vyvozovati pro ostatní nářečí čes. jazyka, pro původní stav v celém jazyce a pro jeho vývoj.

V střední slovenštině (= B) je rovněž dat. s *-e-*, ale s *t-*, *t'ebe* (ve spisovném pravopise *tebe*). Tu je a priori možné vycházeti z původního tvaru **tebě* a podle něho i ze **sebě*.

Dativy *tebě, sebě* jsou také v těch nářečích, kde se *t* před původním *e* (anebo z *b*) nepalatalisuje (=C): v čes. nářečí doudlebském, místy v nářečí moravsko-slovenském, slezském (lašském) a hojně v západ. slovenštině; srovn. sub 1. Tu čekáme nepalatalní *t-* nejen v dat., nýbrž i v gen., at' vycházíme z původních tvarů *tebě sebě* či *tobě, sobě* či z obojích. Je

¹ A. И. Соболевский, Лекции по истории русск. языка⁴ (Москва 1907), 158.

² A. Leskien, Grammatik der serbo-kroa. Sprache (Heidelberg 1914), 447.

³ Loriš 1. c. 48.

⁴ Boutelje 1. c. 63.

⁵ Tuto paralelnost tvarů u zájmena 2. os. a u reflexiva budu předpokládati také v dalších výkladech.

důležité, že tu můžeme a priori předpokládati jako v B jeden původní dativ, *tebě, sobě*.

Ve většině západních nářečí a v některých východních (=D) jsou tvary *tobě, sobě*. Tu je možné se domnívati, že jsou to tvary pračeské.

6. Kdybychom dnešní stav v nářečích B, C a D pokládali za původní pračeský a přihlíželi k tomu, co bylo vyloženo v A, byl by býval trojí:

- a) *tobě, sobě* nebo *tobě, sobě* // *tebě, sobě* v A;
- b) *tebě, sobě* v B a C;
- c) *tobě, sobě* v D.

Tento pračeský stav není však příliš podoben pravdě proto, že by předpokládal dosti značnou dialektickou roztržičnost čes. jazyka již v samých začátcích jeho vývoje. Pračeština zajisté nebyla docela jednotná a brzy se v ní začaly vyvíjeti nepochybné rozdíly nářeční, ale sotva si lze představovati vývoj tak, že za původní praslovanský tvar **tobě, *sobě* vzniklo na jedné části jazykového území českého *tebě, sobě*, na druhé *tobě, sobě* a na třetí že se ujaly tvary obojí. Pochopili bychom tento vývoj, kdyby ony tři různé původní tvary byly v třech souvislých zeměpisných oblastech. Ale vidíme, že nářečí v Čechách mají sice většinou *to-*, *so-*, ale doudeleština *te-*, *se-*. Moravská slovenština a laština mají rovněž tvary obojí, takže by bylo potřebí předpokládati pro jednu část *tobě, sobě*, pro druhou *tebě, sobě*, pro třetí buď tvary s *-o-* samy nebo vedle tvarů s *-e-*. A podobně by tomu bylo bývalo i na Slovensku. Takovéto pestré zeměpisné rozložení tvarů lze tuším sotva předpokládati jako pračeský stav. Musíme proto míti zato, že byly v pračeštině nějaké poměry jednotnější, t. j. že dnešní poměry vznikly až později.

7. Předpokládati stav b), t. j. jen tvary *tebě, sobě*, pro celý čes. jazyk jako tvary původní, pračeské, dobře není možné, protože bychom bez nesnází nevyložili vývoj v době předhistorické a historické. Nabízí se tu dvojí výklad Gebauerův: 1. původní tvary *tebě, sobě* byly časem nahrazeny v celém jazyce tvary *tobě, sobě* analogií podle instrumentálu a z nich někde zase vznikly tvary *tebě, sobě*, a to podle genitivu; — 2. tvary *tebě, sobě* se v některých nářečích zachovaly, v jiných se změnily podle instrumentálu v *tobě, sobě*. Srovn. sub. 2.

Viděli jsme však výše (sub 4), že tak silný vliv instrumentálu na ostatní pády není dosti podoben pravdě, alespoň pro nářečí A, a že je naopak dobře dosvědčen vzájemný vliv dativu na genitiv nebo obráceně. Se zřením k těmto okolnostem je potřebí předpokládati pro A jako pračes. tvary buď *tobě, sobě* samy nebo vedle *tebě, sobě*. Ale tu bychom mohli opakovati námitku jako sub 6, že předpokládáme pro pračeštinu pestrý dialektický stav, protože nářečí A netvoří jednu souvislou oblast.

Druhý Gebauerův výklad nemá do sebe dosti přesvědčivosti dále proto, že předpokládá velmi pronikavou změnu jediných pračes. tvarů s *-e-* zase v jediné tvary s *-o-*.

Se zřením k praslovanským poměrům není konečně příliš podobno

pravdě, že jsou tvary s *-o-* až pozdní české novotvary, kterými byly nahrazeny původní praslovanské a pračeské tvary s *-e-*. Srovn. sub 2.

8. Zbývá tedy pro pračeštinu jako pravdě podobný stav buď *a)* nebo *c)*, t. j. že celá čeština měla původně, v začátcích svého samostatného vývoje, buď *tobě, sobě* || *tebě, sebě* nebo jen *tobě, sobě*. Oba tyto předpoklady jsou a priori dobře možné, protože nenarážíme při nich na potíže po stránce dialektického rozvrstvení pračeštiny. Jde nyní o to, jsou-li možné i po stránce vývojové, t. j. lze-li při nich bez nesnází vyložit vývoj až k dnešnímu stavu. Lze to jak při *a)*, tak při *c)*.

Vycházíme-li z původního českého, pračeského stavu *a)* = *tobě, sobě* || *tebě, sebě*, vyložíme dobře dnešní stav v nářečích A tak, že podle *tobě, sobě* vzniklo *tebě, sebě* s nepalatálním *t-* a *s-*, že *tobě, sobě* časem zaniklo (srovn. sub 3 *c)*) a že někde proniklo *te-* i do genit. (srovn. sub 4). Pochopíme bez nesnází dnešní stav v nářečích B a C: tvary s *-o-* časem vyhybnuly, a stav v D: časem zanikly tvary s *-e-*.

Proti tomuto výkladu by se snad mohlo namítati to, že v střední slovenštině (v B) vlivem *tobě* nevzniklo *tebě, sebě* s nepalatálním *t-* jako v A, nýbrž že zůstalo *těbě* > *těbe* a že je *tě-* dokonce v instr. *těbou* který vznikl z *tobou*. Ale tato námitka není přesvědčivá, neboť slovenský stav lze dobře pochopiti při předpokladu stejném pro celý čes. jazyk. Slovenský vývoj by byl býval tento: dat. (lok.) *tobě, sobě* časem zanikl, zůstal jen *těbě, sebě* > *těbe, sebe*, a protože i gen. měl *tě-*, *těbe* > *těba*, změnil se pozdější instr. *tebou*, vzniklý z *to-*, v *tě-*. Místy v Gemeru však zůstalo *to-, so-, tobó, sobó*¹. Není žádnou závadou ta okolnost, že by se střední slovenština byla později vyvíjela jinak než nářečí A.

Domněnce, že měla pračeština v dat. obojí tvary, nebylo by možné vytýkati ani to, že předpokládá různý dialektický vývoj: v A vzájemný vliv obojích tvarů, v B nikoli, v A, B, C zánik tvarů s *-o-*, v D tvarů s *-e-*. Tento vývoj je až z pozdějších dob, kdy byl už čes. jazyk rozčleněn dialekticky. Podle svědectví staré češtiny mají dialekty D jen *tobě, sobě* nepochybně od začátku století 14., od kdy jsou hojné a souvislé památky. Do sklonku stol. 13. není tolik památek, abychom mohli s jistotou tvrditi, že v té době tvary *tebě, sebě* už nebyly.

Máme-li zato, že v pračeštině byly jen tvary *tobě, sobě*, je jasný dnešní stav v dialektech D; byl by se tu zachoval stav pračeský. Bez obtíží bychom vyložili stav v nářečích A: podle *-e-* genit. *tebe, sebe* by bylo v dat. z *tobě, sobě* vzniklo *tebě, sebě* s *t-* a *s-* nepalatálním. V dialektech C by se bylo rovněž podle genitivu vyvinulo *tebě, sebě* z *tobě, sobě*.

V střední slovenštině (v B) by šlo o tento vývoj: *tobě sobě* se změnilo podle genitivu v *těbě, sebě* > *těbe, sebe* a podle těchto pádů dostal *tě-* také instrumentál. Snad se nabízí námitka, že tu jde o vliv genitivu na dativ, nikoli opačně jako v A. Ale jako sub 7 je třeba míti na mysli, že se stejný původní stav nemusí vyrovnávati ve všech dialektech stejně.

¹ Boutelje I. c. 63.

Za původní *ležal, ležala ... // leželi, -eli* vzniklo v jedněch nářečích *ležel // leželi*, v druhých *ležal // ležali*; za původní *švec // ševca* je *švec // ševca, -e* i *šefc // šefca, -e* atpod.

Na otázku, který z těchto dvou pračes. stavů přijmouti, je dosti těžko odpovědět, protože nejsou žádné rozhodné okolnosti, které by podporovaly jeden výklad proti druhému. Více se podobá pravdě předpoklad o pračes. tvarech *tobě, sobě* i *tebě, sebě*, protože praslovanský vývoj vedl ke vzniku obou nových tvarů. Výsledek podrobnějšího rozboru čes. tvarů historických a zření k poměrům praslovanským je tedy dilematický, ale přece jen má význam po té stránce, že se dosavadní výklady o vývoji v češtině ukázaly ne dosti přesvědčivé.

Brno

Frant. Trávníček

Zur Entwicklung der Gutturale in den slavischen Sprachen

I

In seinem Aufsatz „De moderne phonologie en de omlijning van taalkategorieën“ (De Nieuwe Taalgids XXVI, 66 ff.) kritisiert N. van Wijk die moderne Phonologie. Im Gegensatz zu der sogenannten „phonologischen Schule“, die den teleologischen (zielstreberischen) Charakter der Lautentwicklung betont und den Sinn der Lautveränderungen im Schaffen regelmässig und zweckmässig gebauter phonologischer Systeme erblickt, möchte N. van Wijk die prinzipielle Sinnlosigkeit der Lautentwicklung behaupten. Neben solchen Lautveränderungen, die scheinbar danach streben, Unregelmässigkeiten im Baue der Lautsysteme zu beseitigen, gibt es nach der Ansicht N. van Wijks auch solche, die eine vorhandene Harmonie zerstören, ohne sie durch eine neue zu ersetzen. Als Beispiel einer solchen destruktiven Lautentwicklung führt N. van Wijk den Wandel $g > \gamma > h$ in gewissen slavischen Sprachen an. Der Wandel $g > \gamma$ hat dem alten x einen stimmhaften Partner verschaffen, aber das alte k eines solchen Partners beraubt, — so dass das neuentstandene System dem alten vollkommen gleichwertig war. Durch den Wandel des aus g entstandenen γ zu h (im Ukrainischen, Slowakischen, Tschechischen und Obersorbischen) wurden aber sowohl k als x isoliert, und jede Harmonie wurde zerstört. — „Freilich, — fügt N. van Wijk hinzu, — fühlt man in einem Paradigma wie tschech. *baχ* (geschr. *bûh*): *boha* noch immer den Wechsel $x:h$ als eine Korrelation, aber das System hat dennoch unleugbar etwas von seinem regelmässigen Baue eingebüsst, — was umso auffallender ist, als die verschiedenen slavischen Sprachen den Wandel $g > \gamma > h$ unabhängig von einander durchgeführt haben (Op. cit. S. 74).

Als Vertreter der „phonologischen Schule“ möchte ich nun hier zeigen, dass die Entwicklung der Gutturale in den slavischen Sprachen keineswegs sinnlos ist, und dass sie im Bestreben nach einer regelmässigen und zweckmässigen Struktur des Lautsystems ihren Grund hat.

II

Zuerst müssen einige Behauptungen N. van Wijks berichtigt werden.

Vom phonetischen Standpunkte aus darf das stimmhafte h freilich nicht als „stimmhafter Partner“ des x gelten, da diese zwei Laute zu

verschiedenen Artikulationsstellen gehören. Vom phonologischen Standpunkte (d. i. vom Standpunkte der sprachlichen Funktion der betreffenden Laute) liegt aber die Sache ganz anders. Jene Slaven, die den Wandel $\gamma > h$ mitgemacht haben, empfinden das h als stimmhaften Partner zu x , so dass in ihrem Bewusstsein die Gleichung $h:x=z:s=\dot{z}:\dot{s}$ lebt.¹ Daher besteht auch heute noch in diesen Sprachen ein γ als phonetische Variante zu h (zum Teil auch zu x), ohne von einem phonetisch ungeschulten Tschechen (bezw. Slowaken oder Ukrainer) bemerkt zu werden.² Dieses γ kann dialektisch das h ersetzen, wie es z. B. in den ugrorussischen Mundarten des Ukrainischen der Fall zu sein scheint³. Ein fakultatives Schwanken zwischen γ und h lässt sich auch in südgrossrussischen Mundarten an der Grenze mit ukrainischen Gebieten beobachten: derselbe Mensch spricht dasselbe Wort bald mit γ , bald mit h aus. Der Übergang vom rein-süd-grossrussischen γ zum rein-ukrainischen oder weissrussischen h ist so allmählig abgestuft und mit so starken individuellen Schwankungen verbunden, dass man für diese Erscheinung keine genaue Isoglosse zeichnen kann, — was eben daran liegt, dass es sich hier nicht um einen phonologischen, sondern um einen phonetischen Unterschied handelt.⁴ Das stimmhafte laryngale h und das velare γ sind in den slavischen Sprachen bloss zwei phonetische Realisierungen desselben Phonems, — nämlich des stimmhaften Gegenstückes (der „stimmhaften Korrelate“) zu x . Das slavische x weist eine ziemlich offene Artikulation und daher ein verhältnissmässig schwaches velares Reibegeräusch auf.⁵ Bei der akustischen Wahrnehmung von x und (stimmhaften) h empfindet das ukrainische, tschechische und slowakische Ohr nur den Unterschied in der Stimmbeteiligung als relevant, hingegen das Vorhandensein eines mässigen velaren Reibegeräusches bei x und das Nichtvorhandensein eines solchen bei h — bloss als eine irrelevante, „selbstverständliche“ Begleiterscheinung des Stimmbeteiligungsgegensatzes. Durch den Wandel $\gamma > h$ hat sich also im phonologischen Systeme der betreffenden slavischen Sprachen gar nichts geändert, und Ludevít Novák (Op.

¹ Ludevít Novák stellt dies für das Slowakische fest (Sborník Matice Slovenskej VIII, 19 f.), es gilt aber sicher auch für das Tschechische, Ukrainische und Obersorbische, wo in dieser Hinsicht genau dieselben Verhältnisse herrschen.

² Vgl. J. Zubatý in Sborník Filologický I, 106 f., Fr. Trávníček, „Přispěvky k dějinám českého jazyka“, 25 f., über γ im Slowakischen — L. Novák Op. cit. 14 (z. B. *boγ bi dal* für Boh by dal). Im Tschechischen tritt γ regelmässig nicht nur für altes x (wie in *abγ dal* = abych dal), sondern auch für altes auslautendes h (z. B. *būγ bi dal* = Būh by dal) auf. Ich glaube auch im Inlaute öfters γ statt h vor stimmhaften Geräuschlauten gehört zu haben.

³ O. Broch in Arch. f. slav. Phil. XVII, 337, „Угровусское нарѣчје села Убли“, 17.

⁴ Vgl. Verf. in Travaux du Cercle Linguistique de Prague IV 230 f.

⁵ O. Broch „Slavische Phonetik“, 40. — Selbst das ukrainische und das tschechische x , die bedeutend „enger“ als das russische sind (vgl. O. Broch, Op. cit. 78 f., 91), weisen ein viel geringeres Reibegeräusch als das oberdeutsche (geschweige denn das holländische) *ch* auf.

cit. 20) sagt mit recht, dass dies ein rein phonetischer Wandel gewesen ist.¹

III

Die Behauptung N. van Wijks, die einzelnen slavischen Sprachen hätten den Wandel $g > \gamma > h$ unabhängig von einander durchgeführt, lässt sich — wenigstens, was den Wandel $g > \gamma$ betrifft, — nicht begründen. Ferd. Liewehr, der die Ergebnisse der Diskussion über das Alter dieses Wandels im Tschechischen in durchaus objektiver und einleuchtender Weise zusammenfasste (Slawistische Schulblätter, III 24 ff.), formulierte die Sachlage so: „Trávníčeks Annahme, wonach das alte slaw. g ungefähr seit dem Beginne des XII Jhd. in γ übergegangen sei, ist nicht besser gestützt als die Hypothese, dass die γ -Aussprache bereits in urtschech. Zeit zurückreiche“. Dasselbe gilt auch für das Slowakische und Obersorbische.² Die äusseren Zeugnisse erweisen sich überall als vollkommen wertlos: die Graphik der alten Denkmäler in lateinischer Schrift beweist nichts, da der Buchstabe g auch ein spirantisches γ bezeichnen kann (wie in alt- und mittelhochdeutschen Handschriften); die Lehnwörter beweisen auch nichts, weil Sprachen die nur ein γ , aber kein g besitzen, das fremde g durch γ wiedergeben (vgl. z. B. südgrossruss. *cjyarkä* Zigarette, *t'il'jraf* Telegraph, *čžetä* Zeitung usw.),³ und, umgekehrt, das fremde γ in einer Sprache, die diesen Laut nicht besitzt, nur durch g wiedergeben werden kann (vgl. z.

¹ Eine Störung des regelmässigen Baues des Lautsystems kann in diesem Falle nur ein fremder Beobachter empfinden, in dessen Muttersprache x , γ und h drei gesonderte Phoneme sind, — wie es ja tatsächlich im Holländischen der Fall ist. Trotzdem N. van Wijk ein beneidenswertes Sprachtalent besitzt und mit erstaunlicher Präzision mehrere slavische Sprachen praktisch beherrscht, gelingt es ihm nicht immer sich von seinem unterbewussten holländischen Lautempfinden zu emanzipieren. Dies wird auch durch eine andere Stelle seines oben zitierten Aufsatzes bestätigt, wo N. van Wijk selbst angibt, das er die mouillierten (palatalisierten) Konsonanten als „Konsonant+j“, die Aspiraten als „Konsonant+h“, die Afrikaten als „Explosiva+Spirans“ empfindet und diesem Empfinden einen objektiven Wert beimessen will (Op. cit. 75). Dieses Empfinden erklärt sich aber einfach dadurch, dass die Muttersprache N. van Wijks keine von den drei erwähnten Phonemarten besitzt. Für einen Russen ist ζ ein ebenso einheitlicher Laut, wie etwa l , und das Verhältnis $t : t'$ beurteilt der phonetisch nicht geschulte Russe genau so, wie das Verhältnis $t : d$. Nur solche fremde Phoneme, die in der Muttersprache des Beobachters gar kein Equivalent besitzen, werden von ihm als Lautverbindungen empfunden. Der Vertreter einer Sprache, dem der Gegensatz „Tenuis: Media“ oder „Fortis: Lenis“ vollkommen fremd ist, wird sicher unsere d , b , g auch als Verbindungen von t , p , k mit einem unbestimmten Blählaut empfinden. — Bei der Erforschung des phonologischen Systems einer fremden Sprache muss man sein eigenes Lautempfinden ausschalten, sich ganz objektiv auf den Standpunkt des „Eingeborenen“ setzen und seine Lautauffassung zu ermitteln suchen.

² Für das ostslavische Gebiet ist die spirantische Aussprache des stimmhaften Gutturals bereits durch die ältesten Quellen (Konstantinos Porphyrogenetos!) gesichert.

³ Freilich ist das bayerische g eine stimmlose Media. Die Slawen empfinden aber solche stimmlose Mediae als stimmhaft (was z. B. in Österreich als Merkmal des „Slavischen Akzents“ gilt).

B. die Wiedergabe des türkischen und neugriechischen γ durch g im Bulgarischen und Serbokroatischen)¹. Was die inneren Zeugnisse betrifft, so lassen sich in den Einzelsprachen nur *termini ante quos*, aber keine *termini post quos* für den Wandel $g > \gamma$ angeben². Somit ist die Ansicht A. A. Šachmatovs, dass der Wandel $g > \gamma$ eine dialektische Erscheinung der urslavischen Periode war (Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи рускаго языка §§ 62, 71 Anm.), bis jetzt von niemandem wiederlegt bzw. als unmöglich erwiesen worden. Zieht man aber in Betracht, dass dieser Wandel nicht etwa an verschiedenen, von einander getrennten Punkten der slavischen Welt auftaucht, sondern in einer Gruppe von Sprachen bzw. Dialekten, die entweder auch heute noch aneinander grenzen, oder (wie das Obersorbische und Tschechische) sicher einmal in geographischer Berührung standen, — dann muss man doch zugeben, dass A. A. Šachmatovs Annahme entschieden viel wahrscheinlicher ist, als die entgegengesetzte, wonach das Südrossrussische, Weissrussische, Ukrainische, Slowakische, Tschechische und Obersorbische, alle unabhängig von einander zufällig denselben Wandel $g > \gamma$ erlebt hätten.—Daher glaube ich doch die Annahme A. A. Šachmatovs aufrechterhalten zu dürfen und betrachte den Wandel $g > \gamma$ als eine dialektische Erscheinung der späterslavischen Zeit.

Was den Wandel $\gamma > h$ anlangt, so gehört er sicher zu einer viel jüngeren Periode. Da es sich dabei bloss um die Veränderung der phonetischen Realisierung eines Phonems handelt, muss der Vorgang darin bestanden haben, dass das stimmhafte h zuerst bloss als eine seltene „stilistische“ (fakultative) Variante neben γ auftauchte. Eine Zeitlang dürften beide Varianten (γ und h) nebeneinander gelebt haben (d. i. derselbe Mensch konnte in demselben Worte bald γ , bald h aussprechen, ohne den Eindruck eines Sprachfehlers zu erwecken), wobei, vielleicht, h ursprünglich nur in gewissen Stellungen bevorzugt wurde. Mit der Zeit wurde aber die Variante h immer mehr gebraucht, bis sie schliesslich zur normalen Grundva-

¹ Freilich soll das Altungarische im XII Jh. noch die stimmhafte gutturale Spirans (aus finn.-ugr. $*k \sim *g$) besessen haben. Dieser Laut kam aber nur zwischen Vokalen oder im Auslaute nach einem Vokale vor, und seine Aussprache in einer anderen Stellung dürfte für die damaligen Ungaren ebenso schwierig gewesen sein, wie etwa für einen heutigen Deutschen die Aussprache eines gutturalen Nasals („ ng “) im Anlaute oder nach Konsonanten. Ausserdem zeigt die weitere Entwicklung dieses altungarischen Lautes, — nämlich seine Vokalisierung, — dass er eine ganz besonders offene Bildung aufwies, was für das altslowakische $*\gamma$ der Zeit der ungarischen Landnahme nicht angenommen zu werden braucht. Daher wurde das $*\gamma$ der slowakischen Ortsnamen im Altungarischen ursprünglich nicht durch die altungarische stimmhafte Spirans, sondern durch das explosive g wiedergegeben. — Ich benütze diese Gelegenheit, um Herrn Dr. Julius von Laziczius, der mich über den heutigen Stand des γ -Problems in der ungarischen Sprachgeschichte liebenswürdig informierte, meinen herzlichsten Dank auszusprechen.

² Solche „*termini ante quos*“ für das Tschechische sind: die Stimmbeteiligungsassimilation ($kde = \text{spr. } gde$, vgl. Verf. in Zeitschr. f. slav. Philol. I, 292, R. Jakobson, Slavia IV 812 ff.) und der Schwund der reduzierten Nasale (— das, was gewöhnlich als „Entnasalierung der Nasalvokale“ bezeichnet wird), — vgl. Verf. in Slavia VI, 671.

riante wurde¹. Der ganze Vorgang kann sehr lange gedauert haben, und zur Bestimmung seiner Chronologie fehlen uns sichere Anhaltspunkte².

Da der Buchstabe *h* sich im Bewusstsein der mittelalterlichen Schreiber mit dem stimmlosen deutschen *h* oder mit *x* (= „ch“) assoziierte, so ist es wenig wahrscheinlich, dass man diesen Buchstaben als Bezeichnung der stimmhaften gutturalen Spirans γ verwendet hätte, wenn neben diesem γ nicht auch ein stimmhaftes *h* als seine fakultative Variante (d. i. als eine andere aber allgemein zugelassene Aussprache desselben Phonems) bestanden hätte.³ Daher beweisen wohl die ersten *h*-Schreibungen bei slavischen Namen in lateinischen Urkunden, dass zu jener Zeit (d. i. für das Tschechische — die zweite Hälfte des XII Jh.)⁴, das stimmhafte *h* als phonetische Realisierung des „stimmhaften Partners“ von *x* bereits vorkam. Aber weder über den Zeitpunkt, wo dieses stimmhafte *h* zur Grundvariante des betreffenden Phonems wurde, noch über den Zeitpunkt, wo es zuerst als fakultative Variante neben γ auftauchte, können wir aus den Sprachdenkmälern etwas sicheres erfahren. Dass der endgültige Sieg der Variante *h* verhältnismässig spät erfolgte, — das dürfte ziemlich wahrscheinlich sein.⁵

¹ Zur Terminologie („Variante“, „stilistische Variante“, „Grundvariante“) vgl. Tra-vaux du Cercle Linguistique de Prague IV, 319 ff., sowie meine „Polabische Studien“ (=Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien, Phil.-hist. Kl. 211, 4) S. 116 f.

² H. Barteks Annahme, wonach der slowakische Wandel $\gamma > h$ gleichzeitig mit dem altungarischen Vokaleinschub zwischen zwei anlautenden Konsonanten eingetreten sei (s. Revue des Études slaves XI, 47), beruht auf einem logischen Fehler, wie L. Novák (Op. cit., 6 f.) ganz richtig bemerkt. Aber auch die Behauptung Fr. Trávníčeks (der sich auch L. Novák anschliesst), dass der Wandel $\gamma > h$ jünger als die Stimmbeteiligungsassimilation sei („Přispěvky k dějinám českého jazyka“ 17 ff.), kann nicht aufrechterhalten werden. Das *x* in tschech. *Bûh, lehký* (spr. *bûx, lexki*) beweist nur, dass zur Zeit der Stimmbeteiligungsassimilation das γ im Auslaute und vor Geräuschlauten noch nicht zu *h* geworden war. Damit ist aber noch lange nicht erwiesen, dass es damals auch in den anderen Stellungen (vor Vokalen und Sonorlauten) noch nicht zu *h* geworden war, bzw. die fakultative Variante *h* neben sich gehabt hat. Im Auslaute d. i. in Fällen wie *abych byl* (spr. *abiγ bil*) ist ja das durch Stimmbeteiligungsassimilation entstandene γ bis heute noch nicht zu *h* geworden.

³ Freilich, glaubt Fr. Trávníček, dass die Bezeichnung des γ durch den Buchstaben *h* die nächstliegende war (Op. cit. 27: „Pro hlásku γ neměla latinská abeceda, z níž česká vznikla, znak, a proto staří písaři sáhli k liteře *h*, označující zvuk podobný“). Es ist aber schwer dieser Meinung beizustimmen. Sprachen, die sich der Lateinschrift bedienen und ein γ besitzen, bezeichnen diesen Laut gewöhnlich durch *g* oder durch Buchstabenverbindungen. — Wenn in einigen in neuerer Zeit entstandenen Lateinschrift-Systemen der Sprachen der U d. SSR das γ durch *h* bezeichnet wird (wie z. B. in der ossetischen Lateinschrift), so beruht dies auf der traditionellen Aussprache des lateinischen *h* als γ in den russischen Mittelschulen. — Die Wiedergabe des altungarischen γ durch *h* in alten Denkmälern hängt offenbar mit der sehr offenen Bildung dieses Lautes zusammen (vgl. oben S. 270 Anm. 1).

⁴ Bergmann in Listy filologické XLVIII, 237, vgl. auch E. Schwab in Arch. f. slav. Philol. XXXIX, 293 ff.

⁵ Die von A. Mazon in Revue des Études slaves VII, 261 ff. verzeichneten tschechischen Glossen in hebräischer Schrift scheinen zu beweisen, dass das velare γ

Die Ansätze zum Wandel $\gamma > h$, — d. i. die Schwächung des velaren Reibgeräusches des γ und, vielleicht, das erste sporadische Auftreten der fakultativen Variante h (sei es nur in sehr beschränktem Umfange, z. B. etwa nur zwischen breiten Vokalen und beim raschen oder beim nachlässigen Sprechen usw.), — können aber sehr alt sein, ja, vielleicht bereits in späturslavische Zeit zurückreichen.

IV

Nun gehe ich zu meinem Hauptthema, zur phonologischen Erklärung der Entwicklung der Gutturale in den slawischen Sprachen über. Das auffallendste Ereignis in dieser Entwicklung ist wohl der Wandel $g > \gamma$.

Dieser Wandel vollzog sich in allen urslavischen Dialekten, in denen dz (aus g) zu z geworden war, mit Ausnahme a) jener Dialekte, in denen urslav. c und \check{c} zusammengefallen waren, und b) jener, in denen urslav. x zum laryngalen Hauchlaute geworden war und die Tendenz zum völligen Schwunde zeigte.

Um diese Verhältnisse richtig deuten zu können, muss ich die phonologischen Begriffe „Korrelation“ und „Disjunktion“ erörtern. Es gibt in jeder Sprache zwei oder mehr Phonemenpaare, die das gleiche Verhältnis aufweisen, z. B. im Lateinischen $d:n = b:m$ oder $p:t = b:d$. Wenn ein solches Verhältnis als der Gegensatz zwischen dem Vorhandensein und dem Fehlen eines bestimmten Merkmales empfunden wird, ist es eine Korrelation. Alle übrigen Verhältnisse zwischen zwei Phonemen sind Disjunktionen. So ist das Verhältnis $d:n$ im Lateinischen ein Korrelationsverhältnis, weil es erstens dem Verhältnis $b:m$ gleich ist, und zweitens, weil es als „Fehlen der Nasalierung: Vorhandensein der Nasalierung“ empfunden wird. Das Verhältnis $p:t$ im Lateinischen ist dagegen eine Disjunktion, weil es nicht als Gegensatz zwischen Fehlen und Vorhandensein irgendeines Merkmales empfunden werden kann. Ebenso ist das Verhältnis $s:l$ im Lateinischen eine Disjunktion, weil es keinem anderen lateinischen Phonemverhältnisse gleich ist. Daraus ist ersichtlich, dass eine Korrelation, um als solche empfunden zu werden, immer in mehreren Paaren von Phonemen desselben Lautsystems auftreten muss. Daher kann es vorkommen, dass dasselbe Phonemenpaar in der einen Sprache als Korrelationspaar, in der anderen als Disjunktionspaar empfunden wird, — je nachdem, ob in derselben Sprache noch andere gleichgeartete Phonemenpaare bestehen oder nicht. — Die Korrelationen können sich zu Bündeln verbinden; als Beispiel eines dreigliederigen Korrelationsbündels sei das altgriechische

um die Mitte des XIII Jh. noch nicht von h besiegt war. Übrigens könnte die Orthographie dieser Glossen auf Tradition beruhen, da tschechische Glossen in hebräischen Schriften im XIII Jh. nicht selten waren, — worauf mich R. Jakobson aufmerksam macht. — Falls J. Zubatý's Auffassung der Schreibungen wie *chlupý*, *v chromadě* usw. in einer Hs. des Reiseberichtes von Kabátník aus dem Ende des XV Jh. richtig ist, dürfte h um diese Zeit noch nicht als Grundvariante betrachtet werden. Allerdings lassen auch diese Schreibungen andere Deutungen zu.

chische Verhältnis „Media: Tenuis: Aspirata“ ($\delta : \tau : \vartheta = \beta : \pi : \varphi = \gamma : \kappa : \chi$) angeführt. — Die Korrelationen verleihen dem phonologischen System einen regelmässigen Bau, und die meisten Sprachen streben danach, die Zahl der isolierten, d. i. an keiner Korrelation teilnehmenden Phoneme auf ein Mindestmass herabzusetzen.¹

Das urslavische Geräuschlautsystem kannte nur zwei Korrelationen: die Stimmteiligungskorrelation und die Annäherungs- oder Verschlusskorrelation. Dabei ist unter Stimmteiligungskorrelation der Gegensatz zwischen stimmhaften und stimmlosen Geräuschlauten, unter Annäherungskorrelation—der Gegensatz zwischen Geräuschlauten mit vollständigem Verschluss und solchen mit unvollständigem Verschluss zu verstehen. Bei dieser zweiten Korrelation ist es unwesentlich, ob der mit vollkommenem Verschluss beginnende Geräuschlaut eine Explosiva oder eine Affrikate ist. Wesentlich ist nur, dass bei der Artikulierung des einen Gliedes des Korrelationspaares ein vollständiger Verschluss an einer bestimmten Stelle des Mundraumes erfolgt, während bei dem anderen Gliede an derselben Stelle nur ein unvollkommener Verschluss, d. i. eine Enge gebildet wird.

Ursprünglich umfasste die Annäherungskorrelation nur zwei Phonemenpaare, — $k : x$ und $\check{c} : \check{s}$. Dabei war die Beziehung dieser Korrelation zur Stimmteiligungskorrelation ziemlich unbestimmt. Als Regel galt nur, dass beide Glieder des Korrelationspaares als solche stimmlos sein mussten. Daher konnte nur eines von den beiden Gliedern jedes Korrelationspaares ein stimmhaftes Gegenstück besitzen: im Paare $k : x$ war es der Verschlusslaut ($k : g$), im Paare $\check{c} : \check{s}$ — der Engelaut ($\check{s} : \check{z}$).²

Neue Zustände traten ein, als die (durch die zweite und dritte Palatalisierung der Gutturale entstandenen) palatalen k' , g' zu c , dz wurden. Zu den zwei früheren Phonemenpaaren ($k : x$ und $\check{c} : \check{s}$) gesellten sich nun zwei neue, — $c : s$ und $dz : z$.³ Dabei war unter diesen vier Paaren das Paar $dz : z$ das einzige, deren Glieder stimmhaft waren. Die meisten urslavischen Dialekte empfanden dies als eine Störung des Systems und gaben daher die Unterscheidung von dz und z auf. Nur im äussersten Nord-Westen (in den vorlechitischen Dialekten) und im äussersten Süden (in einem Teile

¹ Näheres darüber s. in meinem Artikel „Die phonologischen Systeme“ (Travaux du Cercle Linguistique de Prague IV 96 ff.) und in der dort angegebenen Literatur.

² Der Laut $d\check{z}$ kam im Urvslavischen nur in der Verbindung $\check{z}d\check{z}$ vor, die vom Sprachbewusstsein als $z\check{z}$ empfunden werden musste. Somit war $d\check{z}$ damals kein selbständiges Phonem, sondern nur eine „kombinatorische Variante“ der Aussprache des Phonems \check{z} .

³ Dabei waren c , dz immer mouilliert und durften nur vor vorderen Vokalen stehen, s , z waren vor vorderen Vokalen mouilliert, vor hinteren und vor Konsonanten — nicht mouilliert. Zu jener Zeit hatte aber die Mouillierung keine phonologische Geltung und war bloss eine „selbstverständliche Art der Aussprache“ aller Labiale und Dentale vor vorderen Vokalen. Daher braucht sie nicht durch spezielle diakritische Zeichen angegeben zu werden.

der vorbulgarischen Dialekte) blieb der Unterschied zwischen *dz* und *z* aufrechterhalten; in allen übrigen Dialekten fielen *z* und *dz* zusammen, wobei das seltener vorkommende *dz* überall zu *z* wurde.

Diese Beseitigung des *dz* aus dem phonologischen Lautsysteme der meisten urslavischen Dialekte schuf aber eine ganz neue Situation. Es standen nunmehr im Geräuschlautsysteme all dieser Dialekte zwei Phonemengruppen einander gegenüber. Einerseits — die reinen Verschlusslautpaare *t: d, p: b* (sowie *t', d'* — namentlich in jenen Dialekten, in denen die aus **tj, *dj* entstandenen randpalatalen Verschlusslaute noch keine weiteren Veränderung erfahren hatten)¹, bei denen nur der Stimmbeteiligungsgegensatz bestand. Andererseits — die dreigliederigen Phonemengruppen, bei denen die Stimmbeteiligungskorrelation sich mit der Annäherungskorrelation kombinierte. Zwei von diesen Bündeln zeigten eine ganz klare Struktur: dem stimmlosen Engelaute stellten sie einerseits einen stimmlosen Verschlusslaut (Affrikat), andererseits — einen stimmhaften Engelaute gegenüber (*c: s: z, č: š: ž*). Der dritte, gutturale Phonembündel passte aber in dieses System nicht gut hinein. Das Verhältnis *k: g* war dasselbe wie *t: d, p: b*, — und dennoch konnten die Gutturale sich nicht den reinen Verschlusslautpaaren anschliessen, weil neben *k* noch ein *x* stand, wobei das Verhältnis *k: x* offenbar ein Annäherungsgrad-Verhältnis war. Andererseits, konnten aber die Gutturale nicht mit den anderen dreigliederigen Phonembündeln (*c: s: z, č: š: ž*) verbunden werden, weil sie eine andere Struktur aufwiesen. Das Nichthineinpassen der Gutturale in das phonologische System war ein Problem, das alle urslavische Dialekte, welche *dz* verloren hatten, unbedingt lösen mussten².

Die einfachste Lösung dieses „Gutturalproblems“ bestand in der Verwandlung des *g* in den Engelaute *ɣ*. Dadurch bekam das stimmlose *x* ein stimmhaftes Gegenstück, während *k* nur die Rolle des „Verschlusslaut-Partners“ des Engelautes *x* beibehielt. Hiemit wurden bei den Gutturalen dieselben Verhältnisse wie bei den Sibilanten hergestellt, und das ganze Geräuschlautsystem bekam einen ganz regelmässigen Bau: zwei (bezw. drei) reine Verschlusslautpaare — *t: d, p: b* (und dial. *t': d'*), — und drei dreigliederige Phonemenbündel — *c: s: z, č: š: ž, k: x: ɣ*. Es ist daher auch ganz begreiflich, dass dieser Weg von den meisten in Betracht kommenden urslavischen Dialekten (namentlich vom Vorsüdrussischen, Vorslowakischen, Vortschechischen und Vorobersorbischen) eingeschlagen wurde.³

¹ Dies war damals in den südslavischen Dialekten der Fall und, ausserdem, auch im vorschlowakischen, wo der Wandel *d', t' > dz, c* erst später eintrat. Vgl. Verf. in *Zeitschr. f. slav. Phil.* VII 385 ff.

² In den Dialekten, die *dz* bewahrten, bestand dieses Problem nicht: das gleichzeitige Bestehen der Paare *k: x* und *k: g* war hier durch die Analogie des Nebeneinanders von *c: s* und *c: dz* gestützt. Erst als in diesen Dialekten *dž* zum selbständigen Phonem wurde, gerieten die Gutturale in eine Sonderstellung, da zwischen *g: k: x* einerseits und *dz: c: z, dž: č: ž: š* andererseits kein Parallelismus bestand.

³ Später erlitt dieses System in den einzelnen Dialekten starke Veränderungen, von denen die wichtigste wohl die Ausbreitung der Stimmbeteiligungskorrelation auf alle

Aus dem Gesagten ist ersichtlich, dass der Wandel $g > \gamma$ zwei phonologische Tatsachen als Voraussetzungen brauchte: das Vorhandensein der als Vorbild wirkender Phonemengruppen $c : s : z$ und $\check{c} : \check{s} : \check{z}$, und das Gefühl der Zusammengehörigkeit von x und k . In den Dialekten, wo diese Voraussetzungen fehlten, konnte der Wandel $g > \gamma$ nicht eintreten.

Dies erklärt uns, warum der Wandel $g > \gamma$ weder in den vornordrussischen noch in den vorniedersorbischen Dialekt des Urslavischen eindringen konnte. Im Vornordrussischen waren ursl. c und \check{c} (aus \check{c} und $*tj$) in einem Mittellaute zusammengefallen, den ich konventionell durch \check{c} bezeichne. Darauf weisen die bereits in den ältesten novgoroder Denkmälern vorkommenden Fälle der Verwechslung von Ψ und Υ (ferner auch der Zusammenfall von ursl. sc und $s\check{c}$, z. B. nordruss. *уенка* < $*sc\check{e}p\check{z}ka$, *уепумъ* < $*sc\check{e}riti$ usw.). Dieser Mittellaut konnte weder zu s , noch zu \check{s} als korrelativer „Verschlusslaut-Partner“ treten. Und somit war überhaupt die Annäherungskorrelation aufgehoben. Es bestand nur die Stimmbeteiligungskorrelation, die fünf Phonemenpaare ($t : d, p : b, k : g, s : z, \check{s} : \check{z}$) umfasste, und ausserdem zwei isolierte „unpaarige“ Geräuschlautphoneme — \check{c} und x .

Dieselbe Entwicklung muss auch für das Vorniedersorbische angenommen werden. Heute sind im Niedersorbischen urslav. $*c$ und $*\check{c}$ in freier Stellung beide durch c vertreten, in gewissen Konsonantengruppen dagegen durch \check{c} (z. B. in *čk, čm, šc* usw.). Freilich glaubt K. E. Mucke aus der deutschen Lautgestalt niederlausitzischer Ortsnamen wie *Bretschen, Tschecheln, Tscheren* u. dgl. schliessen zu dürfen, dass urslav. $*c$ im Niedersorbischen im XII und XIII Jh. „noch allgemein üblich war“.² Einerseits gibt es aber in der Niederlausitz genug Ortsnamen, wo im Deutschen ein „z“ für urslav. $*\check{c}$ steht (z. B. *Zernitz*), und andererseits befindet sich unter den von K. E. Mucke a. a. O. verzeichneten Ortsnamen auch der Name *Tschirkau*, wo das deutsche *tsch* für urslav. $*c$ steht (urslav. $*c\check{r}k\check{z}ov$, — heute n.-s. *cyrkej*, o.-s. *cerkej*). Daraus folgt m. E., dass im Niedersorbischen, ebenso wie im Nordgrosrussischen, urslav. $*c$ und $*\check{c}$

Geräuschlaute war. Am frühesten trat diese Neuerung wohl im Vorslowakischen ein, wo bald nach dem Wandel $g > \gamma$ neue c, dz aus t', d' (=urslav. $*tj, *dj$) entstanden (vgl. Zeitschr. f. slav. Philol. VII 387 f.). Das neue dz wurde nicht mehr beseitigt, sondern nach dem Vorbilde von $c : dz$ wurde zu \check{c} ein $d\check{z}$ und zu k ein g neugeschaffen (durch verschiedene Neubildungen, expressive und schallnachahmende Wörter, sowie durch Entlehnungen aus fremden Sprachen). Somit wurden die alten dreigliederigen Phonemenbündel in viergliederige umgesetzt ($c : dz : s : z, \check{c} : d\check{z} : \check{s} : \check{z}, k : g : x : \gamma$). Das Ukrainische scheint viel später als das Slowakische und hauptsächlich unter fremdem Einfluss zu den Phonemen $dz, d\check{z}, g$ dekommen zu sein. Heute gehören aber diese Phoneme zum phonologischen System der ukrainischen Schriftsprache und vieler ukrainischer Mundarten.

¹ Vgl. N. Durnovo in *Revue des Études slaves* VI 216 ff. und R. Jakobson „Remarques sur l'évolution phonologique du russe“ (= *Travaux du Cercle Lingu. de Prague* II) 46.

² K. E. Mucke „Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache“, 166.

ursprünglich in einem Mittellaute **c* zusammengefallen waren, der von den Deutschen bald durch *z*, *tz*, bald durch *tsch*, *zsch* wiedergegeben wurde, und der sich später in freier Stellung zu *c* und in gewissen Konsonantenverbindungen zu *č* entwickelte. Es steht nichts der Annahme im Wege, dass der Zusammenfall von **c* und **č* bereits im vorniedersorbischen Dialekte des Urslavischen stattgefunden hat.

Die durch den Zusammenfall von *c* und *č* bewirkte Beseitigung der Annäherungskorrelation gab eine befriedigende Lösung des „Gutturalproblems“.¹ Dies war auch der Grund, warum der Wandel *g* > *γ* weder in den vornordrussischen, noch in die vorniedersorbischen Dialekt des Urslavischen einzudringen vermochte. Und in der Tat, fallen heute die Isoglossen des explosiven *g* und des Wandels *č* > *c* in sorbischen Sprachgebiete miteinander überein. Was das Russische betrifft, so liegt zwischen dem Gebiet des „Cokanje“ (Zusammenfall von *č* und *c*) und den echt-südgrossrussischen Dialekten mit *g* > *γ* und Unterscheidung von *č* und *c* noch ein ziemlich breiter Streifen von Dialekten mit bewahrtem *g* und mit Unterscheidung von *č* und *c*.² Diese Dialekte sind aber verhältnismässig neuen Ursprungs und scheinen durch Dialektmischung entstanden zu sein. Früher mussten sie durchwegs das „Cokanje“ (d. i. die Nichtunterscheidung von *č* und *c*) gekannt haben, wie dies, unter anderem, aus der mordwinischen Behandlung von *č* und *c* in russischen Lehnwörtern hervorgeht.³ Somit muss ursprünglich auch auf ostslavischem Gebiete die Verbreitzone des explosiven *g* mit der Zone des Zusammenfalles von *č* und *c* identisch gewesen sein.⁴

¹ In Zeitschr. f. slav. Philol. I, 293 habe ich die Vermutung ausgesprochen, dass der nordgrossrussische Zusammenfall von *c* und *č* vielleicht unter dem Einflusse westfinnischer Sprachen eintrat (nachher bemerkte ich, dass V. Černyšev bereits 1902 im Русский Филологический Вестник XLVII 117 f. auf denselben Gedanken gekommen war). Der Gegensatz zwischen *č* und *č*, der bis heute noch in den Sprachen der Komi (Zyrjanen) und Udmurten (Wotjaken), sowie in einigen Dialekten der Mari- (Tscheremissen-) Sprache besteht, ist von den Westfinnen sehr früh aufgegeben worden, während die Unterscheidung *š* : *ś* von ihnen noch lange beibehalten wurde. Daher ist die Annahme eines westfinnischen Einflusses auf das Nordgrossrussische in dieser Frage durchaus nicht unwahrscheinlich. Aber, selbst wenn eine westfinnische Sprache als Vorbild für den Zusammenfall von *č* und *c* im Nordrussischen gedient hat, lag der Beweggrund für die Nachahmung dieses Vorbildes im Bedürfnis nach der Beseitigung der Annäherungskorrelation. Mit Recht sagt R. Jakobson (Op. cit. 46): „C'est seulement sous l'angle des intérêts du système phonologique que l'on peut comprendre cet emprunt isolé aux Finnois“.

² Dies sind die „nordgrossrussischen Dialekte der Volga-Gruppe“ und die „mittelgrossrussischen Dialekte“ nach der von N. N. Durnovo, D. N. Ušakov und N. N. Sokolov (im „Опыт диалектологической карты“) angenommenen Terminologie.

³ P. Ravila in Annales Academiae Scientiarum Fennicae B, XXVII (=Mélanges de philologie offerts à J. J. Mikkola), 256 f. und 261 f.

⁴ Dabel muss bemerkt werden, dass selbst in den erwähnten Dialekten mit explosivem *g* und Unterscheidung von *č* und *c* (ebenso wie in der russischen Schriftsprache) die Annäherungskorrelation nicht mehr besteht: — *č* ist „weich“ und dorsal gebildet, wodurch die Empfindung seines engeren Zusammenhanges mit dem immer „harten“

Eine dritte mögliche Lösung des „Gutturalproblems“ bestand in der Laryngalisierung des x , d. i. in der Verwandlung des x in einen stimmlosen laryngalen Hauchlaut (den ich zum Unterschied vom stimmhaften h durch $ḥ$ bezeichne). Dadurch schied dieses Phonem aus der Gutturalgruppe aus, und das Annäherungsgrad-Verhältnis $x:k$ wurde aufgehoben. In den Dialekten, die diesen Wandel vollzogen haben, kommt das velare x noch vor, aber bloss als eine fakultative (oder kombinatorisch-fakultative) Variante des $ḥ$, und wird dabei so tief im Rachen und mit so schwachem Reibgeräusch artikuliert, dass man es jedenfalls nicht mehr als „Engelaut-Partner“ zu k empfinden kann. Die weitere dialektische Entwicklung dieses $ḥ$ ist einerseits durch sein Stimmhaftigwerden in gewissen Stellungen, andererseits durch die Tendenz zu seinem völligen Schwund (wobei als Ersatz für $ḥ$ oft stimmhafte Laute, g, v, j auftreten) gekennzeichnet.¹ Heute kann $ḥ$ oder seine weitere Entwicklungsformen in bulgarischen und serbokroatischen Dialekten beobachtet werden. Die ursprünglichen Grenzen des Wandels $x > ḥ$ lassen sich aber nicht mehr bestimmen.² Jedenfalls darf dieser Wandel als eine Lösung des „Gutturalproblems“ betrachtet werden. In den urslavischen Dialekten, die diesen Wandel kannten, entstand ein System, — $t:d, p:b, (t':d'), k:g, c:s:z, č:š:ž, ḥ$, — in welchem alle Geräuschlautphoneme ausser $ḥ$ ihre „Partner“ gefunden hatten.

Die Tendenz, das velare Reibgeräusch der gutturalen Spiranten abzuwächen, ist allgemein slavisch. Auch das nord- und mittelgrossrussische, sowie das polnische x weisen ein sehr schwaches Reibgeräusch auf, so dass viele Beobachter diesen Laut geradezu für eine Mittelstufe zwischen x und $ḥ$ (h) halten.³ Aber weder das Polnische, noch das Nordrussische sind in dieser Hinsicht so weit, wie die südslavischen Dialekte gegangen. Die Ursache dieses Unterschiedes ist begreiflich. Im Nordgrossrussischen war die Abschwächung des velaren Reibgeräusches des x bloss eine Folge der isolierten Stellung, die dieses Phonem im phonologischen Systeme nach der

und apikal gebildeten $š$ unmöglich gemacht wird; — x zeigt ein sehr schwaches velares Reibgeräusch und wird viel tiefer im Munde artikuliert, als es bei k der Fall ist, wodurch der Zusammenhang von k und x sowohl akustisch wie artikulatorisch stark gelockert erscheint; — endlich gehört c zu den „mouillierungs-unfähigen“ Konsonanten (d. i. zu solchen, die kein mouilliertes Gegenstück besitzen), während s zu den mouillierungsfähigen gehört.

¹ Auf Einzelheiten der mundartlichen Entwicklung will ich hier nicht eingehen, möchte aber doch betonen, dass alle diese Einzelheiten (auch die von R. Bošković in *Јужнослов. филолог* IX, 179 ff. erörterten) sich vom phonologischen Standpunkte aus leicht deuten lassen.

² Es ist z. B. fraglich, ob jene vorbulgarischen Dialekte, welche dz bewahrt hatten, und bei denen folglich das „Gutturalproblem“ gar nicht bestand, ursprünglich die Laryngalisierung des x mitgemacht haben. Die heutige Verteilung der Reflexe des ursl. x kann ja auf sekundären Verschiebungen beruhen.

Vgl. O. Broch „Slavische Phonetik“, 40 und 67, wo auch Urteile anderer Beobachter angeführt sind.

Aufhebung der Annäherungskorrelation einnahm.¹ Im Polnischen ist die Abschwächung des velaren Reibgeräusches beim x ebenfalls eine Folge der Isolierung dieses Phonems, das im heutigen polnischen phonologischen System das einzige Geräuschlautphonem ohne stimmhaften Partner ist.² In beiden Sprachen (im Polnischen und im Nordgrossrussischen) handelte es sich bloss um eine Änderung der phonetischen Realisierung des Phonems x , die Stellung dieses Phonems im Lautsystem blieb dabei unberührt. Dagegen war in den südslavischen Dialekten die Laryngalisierung des x nicht eine passive Folgeerscheinung, sondern die unmittelbare Ursache der Isolierung (oder, besser gesagt: das Mittel zur Isolierung) des x im Lautsystem. Es handelte sich hier also nicht bloss um eine phonetische, sondern um eine phonologische Veränderung. Darum war sie hier auch viel radikaler als die Veränderung der Aussprache des x im Polnischen und Nordrussischen.³ — Was die Sprachen mit durchgeführtem Wandel $g > \gamma$ anlangt, so konnte in ihnen das x keine nennenswerte Abschwächung des velaren Reibgeräusches erfahren, da eine solche Abschwächung das Verhältnis $x:k$ (und, folglich, auch die Gleichung $x:k=s:c=\acute{s}:\acute{c}$) leicht trüben könnte. Dagegen durfte in diesen Sprachen die stimmhafte gutturale Spirans unverhindert „entvelarisiert“ werden, da sie in keiner unmittelbaren Beziehung zu k stand, und da für ihre Beziehungen zu x vor allem der Stimmbeteiligungsgegensatz relevant war. Und so sehen wir auch, dass in den meisten in Betracht kommenden Sprachen die Abschwächung des velaren Reibgeräusches des γ bis zur Verwandlung dieses Lautes in ein

¹ Die Chronologie der Abschwächung des velaren Reibgeräusches des x im Nordrussischen lässt sich natürlich nicht bestimmen. Die Erscheinung scheint verhältnismässig jung zu sein. Der Umstand, dass die Letten in russischen Lehnwörtern x durch k wiedergeben, zeugt von einem deutlich velaren Charakter des betreffenden Lautes. Damit ist aber nicht viel gewonnen, da das nordrussische x auch heute, trotz der Abschwächung des Reibgeräusches, doch noch eher velar als laryngal ist.

² Die isolierte Stellung des x vom Standpunkte der Stimmbeteiligung lockerte auch seine Beziehung zu k : das Verhältnis $x:k:g$ war nicht dasselbe wie $s:z:c:dz$ und $\acute{s}:\acute{z}:\acute{c}:d\acute{z}$. Die Isolierung des x hatte zur Folge nicht bloss die Abschwächung seines Reibgeräusches, sondern auch den Umstand, dass es vor y und e ($< b, o je$) nicht palatalisiert wurde, während bei k, g die Palatalisierung in gewissen Stellungen (namentlich vor auslautendem e) heute sogar phonologische Geltung bekommen hat (vgl. z. B. solche Wortpaare, die *Polskę: polskie, drogę: drogie*). Über das palatale x der heutigen polnischen Schriftsprache vgl. K. Nitsch in *Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademji Umiejętności XXXVI/3*, S. 5 ff.

³ Daher darf die energisch durchgeführte Laryngalisierung des x in südslavischen Dialekten nicht durch die Wirkung eines „Substrats“ erklärt werden. Freilich findet man den Wandel $x > h$ auch in den benachbarten nichtslavischen Sprachen: einerseits — im Albanischen, andererseits — im Ungarischen. In diesen Sprachen scheint aber dieser Wandel verhältnismässig jung zu sein, und wer weiss, ob er nicht gerade unter slavischem Einflusse eingetreten ist. Jedenfalls ist, auch wenn die Laryngalisierung des x ein fremdes Vorbild gehabt haben sollte, darüber dasselbe zu sagen, was oben (Anm. 24) über den Zusammenfall von c und \acute{c} im Nordrussischen gesagt wurde: der Beweggrund zur Nachahmung des fremden Vorbildes lag im Streben nach einer Lösung des Gutturalproblems.

stimmhaftes *h* durchgeführt wurde, — wobei aber das entsprechende Phonem doch die Rolle der stimmhaften Korrelate zu *x* beibehielt.

Eigentümlichkeiten in der Behandlung der Gutturale weisen gewisse čakavische und slovenische Dialekte auf. In einigen von ihnen ist *g* zu *ɣ* geworden, — ganz wie in den erwähnten zentralur-slavischen Dialekten. In slovenischen Mundarten finden wir auch weitere auffallende Erscheinungen: in den einen wechseln *g* und *ɣ* miteinander als fakultative Varianten desselben Phonems, in den anderen ist *g* überall als Verschlusslaut bewahrt, ist aber im Auslaute zu *x* geworden, in noch anderen sind *g* und *x* in einem *h* zusammengefallen, in noch anderen ist selbst *k* zu ' (d. i. zum „festen Vokaleinsatz“, zu einer Art laryngalen Verschlusslaut) geworden usw. Aus Raumangel kann ich hier auf diese eigenartigen Verhältnisse nicht näher eingehen und behalte mir vor, an anderem Orte und auch in anderem Zusammenhange ausführlicher darüber zu sprechen. Hier sei nur angedeutet, dass ich die sonderbare Entwicklung der Gutturale im Slovenischen als das Ergebnis eines Kampfes zwischen zwei Lösungen des „Gutturalproblems“, die einerseits durch den Wandel $g > \gamma$, anderseits durch die Laryngalisierung des *x* geboten wurden, auffasse.

Die obigen Ausführungen lassen sich in folgenden Sätzen zusammenfassen. — Das ur-slavische phonologische Geräuschlautsystem war durch die Stimmbeteiligungskorrelation und durch die Annäherungskorrelation beherrscht. — In den ur-slavischen Dialekten, die *dz* ($< g'$) beseitigt hatten, herrschte eine Strukturregel, wonach stimmlose Verschlusslaute nicht gleichzeitig an beiden obengenannten Korrelationen teilnehmen durften. — Um diese Regel mit dem Vorhandensein der drei Gutturale in Einklang zu bringen, nahmen die verschiedenen ur-slavischen Dialekte folgende Änderungen vor: a) in den einen wurde die Annäherungskorrelation überhaupt aufgehoben (und zwar, durch den Zusammenfall von *c* und *č* in einem Mittellaut); b) in den anderen wurde die Annäherungskorrelation beibehalten, aber das Korrelationspaar *k:x* aufgelöst (und zwar, durch Verwandlung des *x* in einen Laryngallaut; c) in den dritten wurden die Gutturale der Regel angepasst (und zwar, durch den Wandel $g > \gamma$). — In allen slavischen Sprachen herrscht die Tendenz, das velare Reibgeräusch der gutturalen Spiranten abzuschwächen. Da aber das velare Reibgeräusch das Kennzeichen des an einer bestimmten Stelle des Mundraumes gebildeten unvollkommenen Verschlusses ist, kann die erwähnte Abschwächung nur bei jenen slavischen gutturalen Spiranten eintreten, die im System der betreffenden Sprache nicht an der Annäherungskorrelation beteiligt sind.

Somit glaube ich behaupten zu dürfen, dass die Entwicklung der Gutturale in den slavischen Sprachen einen Sinn hat und durchaus zweckmässig ist.

Ze slovníka východoevropských pastevců

W. Schulze ukázal v *Ungarische Jahrbücher* 8, 1928, 290 n., že lotyšský způsob jmenovati krávy podle dne, kterého se vylihly (*svētaļa* podle *svētdiena* 'neděle', *pirmāļa* podle *pirmdiena* 'pondělí', *uotāļa* podle *uotrdiena* 'úterek', *trešūļa* podle *trešdiena* 'středa', *cečuļa* podle *cečurdiena* 'čtvrtek', *piektaļa* podle *piektdiena* 'pátek', *sestaļa* podle *sestdiena* 'sobota'), je úplně běžný u Rumunů banátských, sedmhradských, moldavských i makedonských, a vyslovil správnou jistě domněnku, že se tento zvyk vyvinul na Balkáně a odtud pronikl daleko na sever až k Lotyšům. Ohlíží se také po spojovacích členech mezi těmito dvěma krajními body, v nichž se s tímto způsobem jmenování krav setkáváme, ale nenalézá nic jiného než nepatrné stopy v rus. *pjateljna* a *serednja* 'vacca die veneris, mercurii emta aut nata', jež uvádí Miklosich *Vergl. Gram.* II. 127.

Ale tento zjev vyskytuje se na velkém prostoru mezi územím jazyka lotyšského a rumunského i jinde: nalézáme jej na území jazyka českého a na území jazyka polského.

V češtině nalézáme jej v některých nářečích moravských. Bartoš ve své *Dialektologii moravské* 1 (1886) 317 mezi jmény, jimiž bývají nazývány krávy v dialektech, o nichž tento díl *Dialektologie* jedná, uvádí také jména vzniklá „dle času, kdy se krávy ulíhly, nebo kdy jim jméno dáno“; jména taková jsou: *neděla*, *ponděla*, *houtera*, *středula*¹, *patěna*, *sobota*. Ve svém *Dialektickém slovníku moravském* (Praha 1906) uvádí výrazy *středula*, *-le* 'kráva uléhla ve středu' a *sobota* 'jméno krávy ulehle v sobotu' jako výrazy valašské.² Bohužel není studium lexikální stránky lidové mluvy české a zejména studium zeměpisného rozšíření jednotlivých slov tak da-

¹ Suffix *-ula* mají mnohá jména krav uvedená v Bartošově *Dialektologii* 1. 316 n., na př. jména daná podle barvy jako *černula*, *hnědula*, *sivula*, *šedula*, *barnula*, *šmarula*, ale i jiná jako *hvězduľa* (s hvězdou na čele), *křížula*, *pasula* (přepásaná), *bosula* (červená s bílými nohami), *srnula*, *kozula*, *kavula* (vedle *kavěna*, *kavčena*), *strakula*, *tisula* (barvy takové jako tis), *březula* (černá, hřbet a ocas bílý), *borula*, *vrbula*, *květula* (hodně po bílu strakatá), *bystrula*, *vesula* (veselá), *jiskrula*, *mazula* (mazlena), *lizula*, *pecula*, *běhula*, *střečkula*, *rohula* (*roškula*), *věncula* (s rohy do věnce). V. i *Dialektologie* 1, 142. Srv. dále *sivul'a*, *černul'a* z nářečí středobečevského (Kašík, *Popis a rozbor nářečí středobečevského*, Praha 1908, str. 53) a hornoostravské *sivula*, *březula*, *starula* (Loriš, *Rozbor podřečí hornoostravského ve Slezsku*, Praha 1899, str. 34).

² Podle Bartošovy *Dialektologie* uvádí jména tato také Kott, *Slovník česko-německý* VI. 349, 1140, VII. 348, 732, 791.

leko, abychom mohli říci alespoň přibližně, kde všude jsou výrazy, o němž nám tu jde, v užívání. Ale tolik lze říci, že příklady ním na ten čas známe jsou z východní Moravy, zejména z nářečí valašského (ve slovníku Bartošově jsou oba výrazy tam uvedené označeny jako valašské). Je-li něco podobného někde na Slovensku, nevím; vím jen, že Kott VII. 348 a po něm Kálal, Slovenský slovník (Baňská Bystrica 1924) uvádí slov. *pondula* 'kráva v pondělí narozená', příklady jiné mi známy nejsou. Není takových jmen v Čechách.¹

O polských jménech tohoto způsobu dovidáme se z Karłowiczova Słownika gwar polskich, který však bohužel rovněž obyčejně nedává, v kterém kraji je to ono slovo běžné. U Karłowicze nalézáme tato jména: *niedziocha* 'nazwa krowy urodzonej w niedziele' (3. 299), *wtorocho*, *wtorucha*, *wtorula*² (6. 179), *środula*, *środocha* (5. 358), *czwartocha* 'nazwa krowy, która się urodziła we czwartek' (1. 292), *czwartula* (jeżeli cielę urodziło się we czwartek, to je nazywają 'czwartula', ib.), *piątula* 'krowa urodzona w piątek' (4. 84), *sobula*, *sobola* (5. 186). Přesně lokalisovány máme takovéto názvy pro nářečí šlemieňské na severním svahu Karpat, kde se vyskytují jména *wtorula*, *środula* a *sobula* (St. Ramułt, Gwara ślemieńska, I. Słownik, Poznań 1930, str. 88, 75, 70.).³

I tyto třeba značně úryvkovité a neúplné údaje ukazují zcela zřetelně, že se tento způsob jmenování krav podle dní šířil tak jako jiné výrazy a věci s pastevnictvím souvisící od jihu podál Karpat k severu: zatím dva pevné body na severním svahu Karpat, nářečí valašské na Moravě a šlemieňské v Polsku, jsou toho zřetelným svědectvím.

Praha

O. Hujer

*niedziocha Nadrab.**niedziocha Jyp. N. 1, XII, 6!**piątocha**piątula Krak.**środula**sobula Nadrab.*

¹ V seznamu dobytka dvora zámorského na r. 1823 je dlouhá řada rozmanitých jmen, jimiž se tam zvaly krávy (jsou otištěna v časopise „Od Trstenické stezky“ 11, 1931-1932, 87); je mezi nimi několik jmen odvozených od jmen měsíců (*únorka*, *dubna*, *května*; srv. i *pomlázka*), ale jmen utvořených od názvů dní tam není. Za povšimnutí stojí jméno *černula*.

² Suffixy *-ocha*, *-ucha*, *-ula* střídají se u těchto jmen tak jako u obdobných jmen vztahujících se k barvě dobytčete; na př. *białocha*, *białucha*, *białula* (1. 73), *czarnocha*, *czarnucha*, *czarnula* (1. 271 a 272) atd.

³ Ramułtův slovník uvádí ještě několik jiných jmen krav, utvořených suffixem *-ula*: *brzezula* 'nazwa krowy maści srokatej (biała z czarnem lub czerwonym)' — srv. s tím výše uvedené *březula* z nářečí moravských —, *čisula*, *čisulka* 'nazwa krowy maści cisowej' (srv. morav. *tisula*), *starula* 'nazwa starej krowy, šwini, kotki' (srv. hornoostrov. *starula*), *śiwula* 'nazwa krowy o śiwej śerści' (také hornoostrov. *śiwula*, středo-*dobč. śiwul'a*), *bocula* 'nazwa krowy zwykle gniewliwej lub patrzacej z podełba'.

*wtorocho a wtorocho Ropczyce**" Nadrab.**środula Ropcy.**środula Zakop., Krak., Nadrab., Bzdry.**wtorocho Zakop.*

Окончание *-ou-* за род. п. мн. ч. въ славянскитѣ езици

Значителенъ интересъ представятъ въ историята на славянскитѣ езици нѣкои явления изъ областъта на формообразуването (морфологията), които сж били наблюдавани отдавна, но и до днесъ не сж подробно изследвани. Така 'въ всички днешни славянски езици, безъ българския, който изобщо е загубилъ своята склонитбена система, и безъ днешния сърбохърватски, се забелязва една обща, ако и неравномѣрна пространствено и хронологически тенденция къмъ разпространение на окончанието отъ *-и*-основи за G. pl. *-ou-* (съ възможнитѣ фонетични измѣнения) при повечето склонитбени категории. Това окончание, както е известно, още въ старобългарскитѣ паметници се явява и при думи отъ *-о-* и *-jo-*основи. Сжщиятъ преносъ на окончания не само отъ *-и-* къмъ *-о-*основи, но и обратно, се наблюдава и при други падежи въ ед. и мн. ч. въ старобългарския езикъ. Подобни факти се дължатъ на общепознати и твърде важни езикови процеси, въ реда на които е преди всичко и тѣй наречената аналогия (морфологична асимилация).¹

Интересно би било да се освѣтлятъ по-пространно нѣкои въпроси въ свръзка съ причинитѣ на тая аналогия, като се приведе и сравни повече материалъ, използванъ отъ историко-граматически и диалектологически съчинения върху отдѣлнитѣ славянски езици.

Изпълнението на тая задача би могло да стане последователно по обяснителенъ и описателенъ начинъ, т. е. ако въ първата частъ на опита се набележатъ главно нѣкои доводи, които биха могли да оправдаятъ широкото приложение на споменатия случай отъ аналогия, а въ втората повече описателно се даде образътъ на съвременното и, до колкото е възможно, на историческото разпространение на това окончание.

1. Още въ 1867 г., въ студията си „Склонение основъ на *-у-* въ славянскихъ языкахъ“ (СПбгъ, стр. 12), Шлайхеръ обръща внимание на широкото разпространение на падежното окончание *-ou-* и на неговото почти изключително господство въ лужишкитѣ наречия. Той само отбелязва безъ каквито и да било разяснения това явление, като го намира за

¹ Явно е, че аналогията е по-честа въ склонението, понеже тамъ съществува по-голяма разноформеностъ въ окончанията, отъ колкото при спрежението, гдето това видословно свойство е по-ограничено за смѣтка на разновидността, която получава коренътъ на думата.

твърде занимателно и поучително. Две години по-късно Янъ Гебауеръ въ труда си *Slovanské jazyky, v Praze 1869*, стр. 20, все още нѣма ясна представа за причинитѣ на аналогията и нейния обсегъ, та мисли, че окончание *-ov-*, „което се е развило, за да се избѣгне зѣвътъ“ въ славянскитѣ езици, е замѣстило само въ мжжки родъ старото окончание *-ъ*. Другъ единъ авторъ — полскиятъ ученъ Калина, въ съчинението си „*Formy gramatyczne języka polskiego, Lwów 1883*, стр. 40, — като говори изобщо за влиянието на *-и*-основи върху *-о*-основи казва: „причината за тая аналогия спада къмъ многобройнитѣ неразгадани процеси, които срѣщаме въ природния свѣтъ“. За пръвъ пжтъ по-точни сведения по занимаващия ни въпросъ намираме по отдѣлно за всѣки славянски езикъ въ сравнителната граматика на Миклошича, *Vergl. Wortbildungslehre der slavischen Sprachen III, Wien 1876*. Специално за полския езикъ Бодуенъ де Куртене още въ 1870 г. въ *KZ. VI*, стр. 59, казва следното: „*Eine Hauptursache dieses Prozesses erkenne ich in der Deutlichkeit der Endung -of und in der Bestimmtheit des Zusammenhanges zwischen der Lautform und der Function*“. Въ сравнителната славянска граматика на Вондракъ — *Vergleichende slavische Grammatik II, Göttingen 1928*, — не е представенъ достатъчно богатъ и разнообразенъ материалъ, нито сж дадени по-подробни обяснения.¹

2. Влиянието на *-и*-основи върху *-о*-основи, както е известно, още въ стб. езикъ засѣга не само *G. pl.*, но и други падежи, преди всичко *Dat. sing.* и *Nom. pl.* Не сжществува обаче нѣкаква необходима връзка между формитѣ на тия падежи при условията на тѣхното аналогично образуване. Въ нѣкои отъ днешнитѣ славянски езици окончанието за дателенъ падежъ ед. ч. *-ovi* се обуславя или предимно отъ акцентни причини, както е да кажемъ въ словенския (вж. V. Oblak, *Zur Geschichte der nominalen Declination im Slovenischen, AfsIPhil. XI*, стр. 404), или пжкъ отъ разпредѣлението на думитѣ на категории въ зависимостъ отъ значение, чуждоземски характеръ и пр., както е напр. въ полския езикъ, въ който между друго и всички чужди думи иматъ въ *Dat. sing.* *-о*-основи окончание *-ovi*. (Впрочемъ, стремежътъ къмъ разпространение на *-ovi* въ *Dat. sing.* мжжки родъ, както въ полски, така и въ малоруски е почти на пжтъ да се осжществи изцѣло, докато въ ческия езикъ това окончание се явява още само при имена на лица). Сжщото окончание носятъ въ стб. езикъ имена като *Аньдрѣови, Иосифови* (*Dat. sing.*), които изглежда сж били възприемани като чужди. Колкото за именителното

¹ Въ ръководствата по стб. езикъ сжщо не е отдѣлено достатъчно мѣсто на въпроса за тая аналогия. Вж. А. Leskien, *Handbuch der altbulgarischen Sprache*⁶ 1921, стр. 77 сл., 83 сл.; W. Vondrák, *Altkirchenslavische Grammatik*², Berlin 1912, стр. 397 сл.; St. Kul'bakin, *Le vieux slave*, Paris 1929, стр. 223; J. Łoś, *Gramatyka starosłowiańska*, Lwów 1922, стр. 90 сл.; T. Lehr-Spławiński, *Zarys gramatyki języka staro-cerkiewno-słowiańskiego*, Poznań 1923, стр. 39; H. Ułaszyn, *Język staro-cerkiewno-słowiański*, Poznań 1928; по-подробно у N. van Wijk, *Geschichte der altkirchenslav. Sprache*, Berlin u. Leipzig 1931, 170 и сл., и у P. Diels, *Altkirchenslavische Grammatik I*, Heidelberg 1932, 153 и сл.

окончание мн. ч. *-ove* (въ отдѣлнитѣ славянски езици *-ovi*, *-ovje* и др.) и то не е въ прѣка зависимость отъ окончанието за G. pl. *-ov*, тъй като напр. въ чешкия езикъ неговото разпространение е твърде ограничено (въ нѣкои диалекти, като да речемъ Злинския и Долнобечевския, това окончание е изцѣло непознато; срв. V. Flajshans, *Staročeské sklonění substantiv kmene -u*, *Listy Fil.* XVII, стр. 454), а въ малоруския и бѣлоруския диалектъ е изникнало подъ полско влияние, до като окончание *-ov* за G. pl. се явява, както ще видимъ, доста често, и то въ различни склонения на споменатитѣ езици. Отъ друга страна, трѣбва да се приеме, че и хронологически аналогията въ G. pl. предхожда тая въ Nom. pl.¹ Всичко това дава основание да се разглежда само сждбата на окончание *-ov*² за G. pl., безъ огледъ на нѣкаква необходима връзка съ другитѣ падежни окончания отъ старитѣ *-u*-основи, които съдържатъ срчка *-ov*: *ovi*, *ovje*, *ovja*, *ove*, *ovi*, *ovъ* и пр.

3. Известно е, че праезичното окончание за G. pl. при *-o*-основи е било *om*, (< *o-om*, срв. R. Gauthiot, *La fin de mot en indo-européen*, Paris 1913, стр. 132; T. Milewski, *Slavia* XI, 225 сл.), което въ славянски следъ съкращение окончателно дава *-ъ*, до като въ литовски дължината на вокала остава: *u*, *ū*. Окончанието пкъ на *-u*-основи *-ovъ*, напр. въ типичната дума *сынъ*, G. pl. — *сыновъ*, се е получило отъ сливането на основния дифтонгъ *eu* съ окончание *om* (*om*): *syneuom* > *synovъ*.³ Както при *-u*, така и при *-i*-основи настѣпва разлика въ тоя падежъ между славянски и литовски: славянското окончание показва пълна степенъ, до като литовското — слаба: *sanū* (срв. *Nuĵer, Slovanská deklinace jmenná, v Praze* 1910, стр. 124).

Въ акцентно отношение формата за G. pl. съ окончание *-ъ* представя значителенъ интересъ. Въ праславянско време, нѣколко вѣка преди гласовото загубване на ероветѣ, тукъ се е извършила промѣна на интонацията, а заедно съ това и промѣна на мѣстото, което е заемало ударението. Тая промѣна, която е известна подъ името метатония, споредъ нѣкои изследвачи, въ тоя падежъ е една отъ най-трудно опредѣлимитѣ⁴. Холандскиятъ славистъ Н. В. Вейкъ въ статията си „Къ интонацій праславянскихъ падежей на *-ъ*“, *Изв. Отд. русс. яз.* XX, 3 (1915), стр. 39 сл., доказва, че едва въ края на праславянската епоха G. pl. се

¹ Срв. R. Nahtigal, *Oblike po osnovah na -u- v starocerkevnoslovanskih spomenikih*, въ *Zbornik filoloških i lingvističkih studija* A. Beliču, Beograd 1921, стр. 92; Kul'bakin, *Le vieux-slave*, Paris 1929, стр. 228.

² Съ фонетични промѣни: *iv*, *ev*, *ūv*, *ou*, *ū*.

³ Срв. у Brugmann, *vrgl. Gr.* 2. I, стр. 695: прасз. **(u)om*, **sun(u)om*, гр. *δοϕου*, лат. *passum* (контрахирано: *passum*), гот. *mannē*, стгн. *manno*. При *-ā-* и *(i) iē-*основи (Brugmann, *Kurze vrgl. Gr.* 1904 стр. 395) окончанието е може би *om* < *-ā-om*; и *(i)om* < *(i) iē-om*.

⁴ Срв. Vondrák, *Vrgl. sl. Gr.* I², стр. 234 сл.

изравнилъ съ Nom. Acc. sing., понеже $\bar{z} < om$ не е действувалъ на предходната сричка така, както $\bar{z} < \bar{om}$.

Ако и да не е напълно сигуренъ въ интонационно отношение характерътъ на флексията, която е дала въ слав. *-z* въ G. pl. на повечето основи¹, знае се, че тоя *-z* е носилъ ударение, нѣщо, което наблюдаваме и въ Киевскитѣ листи (тамъ често се срѣщатъ форми за род. мн. ч. съ завършекъ \bar{z}) и, чакъ когато ероветѣ потъмняватъ и започватъ да губятъ гласовата си боя, ударението се отмѣта съ единъ слогъ (премѣства се на предходната сричка), при което новоударената сричка подъ влияние на акута се удължава, рус. диал. *post*, чes. *půst*, пол. *bóg* (въроятнo и *bok* е било *bók* въ предисторичното време на полския езикъ)², рус. *post*, *postá*, срхр. *kònj(a)*, диал. *kónj*, *žén*, щок. *žénā*, чакав. *ženā*. Срв. Vondrák, Vrgl. sl. Gr. I² 264 сл.³

Окончанието *-ov-* въ славянскитѣ езици съ подвижно ударение е акцентувано само тогава, когато основниятъ вокалъ е кратъкъ или има циркумфлексна интонация, напр. рус. *bogóv*, срв. срхр. *zúbā* и пр. (Вж. Vondrák, Vrgl. sl. Gr. II², стр. 27)⁴.

4. Въ езиковото мислене нѣма непоколебима, точно опредѣлена представа за подробнитѣ признаци на различнитѣ склонитбени категории. Поради това, че нѣкои падежи се асоцииратъ съ еднообразието на морфема имъ, а други съ многообразието на сжщия, проличава една психологическа разлика, при затъмняването на която се създава податна почва за всевъзможни аналогии. При всички падежни схеми въ повечето славянски езици сравнително еднообразие въ завършека е присжщо на Dat. pl. (*om*, *am*), Loc. pl. (*ax*, *ex*, *ix*) и донѣкжде на Instr. pl. (*ami*, *mi*) (срв. Baud. de Courtenay, Charakterystyka psychologiczna języka polskiego, Епс. pol. I, t. II, 176-7). За G. pl. обаче може да се каже тъкмо обратното. Изобщо, формата на тоя падежъ е била твърде неустойчива, и то не само въ славянскитѣ езици. Измежду германскитѣ езици въ готския окончание *em* е превзело не само *-o-* основи, но и други нѣкои склонитбени групи (вж. Brugmann, Vrgl. Gr. 2, 1, стр. 690: *gastē*, *reikē*, *suniv-e*, *guman-e*; старото окончание $\bar{o} < *om$ се е запазило само въ нѣкои случаи: *gibō* и пр.). Сжщо така и латинското окончание *-ium-* за G. pl. *-i-* основи е прониквало твърде често въ консонантнитѣ склонения (Brugmann, op. с. 694).

¹ Кульбакинъ въ рецензия на Nahtigal, Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung 1922, Slavia II (1923), стр. 728, се обявява за възходящия характеръ на окончанието.

² Срв. А. Abele, K otázce o zdlužení etc., Slavia IV, стр. 442 сл.

³ Jagić още въ 1864 г. въ Кнјиževnik I, 2, стр. 160, изказва предположението, че въ стб. езикъ Nom. sing. се е различавалъ въ акцентно отношение отъ G. pl., и то, споредъ него, въ следния смисълъ: *pàbъ*: *pábъ*.

⁴ Nahtigal въ Akzentbewegung etc., Heidelberg 1922, стр. 90 сл., мисли, че G. pl. на *-ovъ* въ рус. произлиза отъ **ovъ* съ акутенъ *-z*. Срещу това вж. Кульбакинъ въ Slavia II, стр. 730.

На аналогията, като на общепризнатъ и важенъ езиковъ факторъ, още първитѣ по-сериозни лингвисти обърнаха достатъчно внимание (срв. съответната за времето литература у St. Smal-Stockij, Arfs/Phil. VIII, стр. 194-5). Любопитенъ случай на аналогия имаме и при G. pl. въ славянскитѣ езици. Несъгласията по отношение на числото на старитѣ *-и*-основи при сжществителнитѣ имена въ старобългарския езикъ и до сега не сж окончателно отстранени. Едни причисляватъ къмъ това склонение само нѣколко положително засвидетелствувани думи, други разширяватъ малко тѣхния кръгъ. Известно е, че до сега сж били вземани предъ видъ въ това отношение само следнитѣ стб. думи: *сѣинъ, золь, връхъ, домъ, медъ, полъ, ледъ, чинъ, санъ, грѣхъ, гроздъ, надъ, миръ*.

Върпки малобройността си, тия думи сж оказали известно влияние на думитѣ отъ другитѣ склонения, главно на ония отъ *-о*-склонение. Още въ най-старитѣ старобългарски текстове срѣщаме G. pl. *-о*-основи съ окончание *-овъ*: *грѣховъ, градовъ, даровъ, бѣсовъ, сждовъ, плодовъ* и др. (Kuľbakin, Le vieux-slave, Paris 1929, стр. 227)¹. Тукъ-таме и при *-jo*-основи се наблюдава съответното окончание *-евъ*: *врачевъ* (Зогр. Сав. Супр.) *зноевъ* (Супр.), *змиевъ* (Супр.) (срв. Kuľbakin, op. c. 248.)

Въ старобългарския езикъ все пакъ аналогията се задържа въ рамкитѣ на *-о*- (*-jo*-)склонение, като само въ единъ случай при думата (*и*)*сполинъ*, G. pl. *споловъ* (Супр. 485, 10) засѣга и консонантнитѣ основи (срв. Kuľbakin, op. c., стр. 243).

За аналогичния преносъ на окончание *-овъ* отъ *-и*- къмъ *-о*-основи до сега сж известни следнитѣ причини: 1) едносричността (resp. двусричността отъ праслав. и може би отъ стб. гледище) на думитѣ отъ *-и*-основи, която е съвпаднала съ едносричността (resp. двусричността) на много думи отъ *-о*-основи, 2) еднаквостта въ рода (изключително въ м. родъ) на думитѣ отъ дветѣ склонения, 3) съвпадежътъ на формитѣ за Nom. Acc. sing. съ G. pl. при *-о*- (*-jo*-)основи, нѣщо, което предизвиква потрѣба да се потърси ново окончание за последния падежъ, и 4) нѣкои автори намекуватъ за необходимостта отъ симетрия въ склонитбената схема, което значи, че има стремежъ къмъ приравняване на всички падежи по отношение на броя на сричкитѣ имъ.²

Освенъ тия причини, които сж предизвикали аналогията, ще да е имало и други, които пъкъ сж способствували въ по-късно време за задържането и разширението ѝ. Върху главната отъ тѣзи причини ще се говори по-долу.

¹ Само въ Супрасълския сборникъ се срѣщатъ 15 случаи отъ аналогично *-овъ*. На диалектични разлики трѣбва да отдадемъ факта, че въ Клоповия сборникъ и Синайския псалтирь нѣма оконч. *-овъ* при *-о*-основи. Срв. и Nahtigal, въ Zbornik filoloških i lingvističkih studija A Beliču, стр. 92.

² Изложено подъ 1) и 2) засѣга специално преноса на оконч. *-овъ* отъ *-и*- къмъ *-о*-склонение, а това подъ 3) и 4) не засѣга изключително него.

5. Двусложнитѣ *-и-*основи (днесъ едносрични), като *сынъ, воля, медъ, домъ, връхъ, полъ, миръ, чинъ, долъ, (кратъ)* и др., сж притеглили отъ начало сжщо тѣй двусложнитѣ *-о-*основи, до като се създаде почва и за по-широка аналогия. Нѣкои мислятъ, че въ южнославянскитѣ езици, въ които сжщо аналогията обсъга Dat. sing. и Nom. pl., и днесъ явлението се намира въ сжщото състояние, както го наблюдаваме въ старобългарскитѣ паметници, до като северно-славянскитѣ езици сж твърде много напреднали, като сж дали пълна свобода на тоя процесъ¹. Като косвено доказателство за по-силното влияние на *-и-*основи върху *-о-*основи въ северната и източна група славянски езици може да служи и досѣщането на Кульбакинъ въ Le vieux-slave, стр. 221, да противопостави севернослав. **bogъть* (instr. sing.) на южнослав. **bogоть*.

Въ българския езикъ, като изключимъ изрази отъ рода на *вѣки вѣковъ*², нѣмаме следи отъ стария G. pl. на *-ov-*. Окончанието *-ove* обаче въ мн. ч. е станало редовно за всички почти едносрични основи въ ед. ч. мъжки р., съ изключение само на нѣкои *-jo-*основи (*мъже, коне*) (вж. Л. Милетичъ, Старото склонение въ днешнитѣ български наречия, 1890, стр. 10 нт.; St. Mladenov, Geschichte der bulg. Sprache, 235). Което е интересно, едносричността е била такъвъ силенъ признакъ, че аналогията е пренебрегвала прѣчкитѣ отъ страна на рода. Затова имаме, покрай *синове, ножове, кралево, днови* (Битолско)³, сжщо и *жалбове* (Дупнишко), *кърво* (Кратовско) и пр. (срв. Л. Милетичъ, ib., стр. 11).

Въ сърбохърватския езикъ, гдето за пръвъ пжтъ въ паметникъ отъ 1405 г. се наблюдава форма за G. pl. *краевъ* (срв. Ružičić, Slavia V, стр. 229), и въ словенския езикъ принципътъ за едносричността при посочения вече преносъ на окончания е билъ сжщо въ най-широка мѣрка прилаганъ (срв. Даничић, Историја облика српскога или хрватскога језика до свршетка XVII в., у Биограду 1874, стр. 58 сл., 72 сл.). За по-сетнешнитѣ измѣнения станали въ сърбохърватския езикъ ще се говори по-долу.

6. Еднаквостта на рода безспорно е била много важно условие за извршването на аналогията въ старобългарския езикъ. Въ повечето отъ днешнитѣ славянски езици обаче аналогията става и безъ огледъ на рода, което личи отъ множество примѣри, нѣкои отъ които ще бждатъ на съответното мѣсто посочени.

7. Завършекътъ *-ov-* се явява при безокончателния G. pl. по времето, когато, поради изчезването на крайнитѣ ерове, формитѣ за Nom. Acc. sing. на *-ъ* съвпадатъ по гласежъ съ формата за G. pl. Като доводъ за това може да послужи факта, че аналогията не засѣга въ стб. езикъ както основитѣ отъ ж. родъ, така и всички консонантни склонения,⁴ гдето не е станалъ горниятъ съвпадежъ. Второ указание, че

¹ Срв. Nahtigal, въ Zbornik filol. i lingv. studija A. Beliču, стр. 91.

² Срв. въ Охридския диалектъ — *вековъ*, Шапкаревъ Сб. кн. 3, 21.

³ Окончание *-ove* се измѣня на *-ovi* вследствие на влияние отъ *-о-*основи.

⁴ Съ изключение на единствения по-горе приведенъ случай.

това предположение е вѣрно, съставятъ нѣкои морфологични процеси въ полския езикъ. Така напр. явно е, че *-ov* въ G. pl. на полското склонение се дължи на стремежа за различие отъ Nom. sing. при отношението на формитѣ *cygan: cyganów* срещу *mieszczanin: mieszczan*. Сжщо така въ полския езикъ *-ov* не се явява въ думи, които изобщо нѣматъ ед. ч.: *Niemiec* (G. pl.) и пр. (срв. P. Diels, Zum altpolnischen G. pl. der Maskulina, AfslPhil. XXXVIII (1923), стр. 146, 148).

8. На въпроса, може ли да се приеме, че благозвучието (еуфонията) е дало потикъ за разпространението на формитѣ съ *-ov*, споредъ мене, трѣбва да се отговори отрицателно. Нѣма достатъченъ брой доводи, за да се поддържа това. Забележката на Ягича въ Rad IX (1869), стр. 78, че *-ov* се наблюдава въ полския, велико- и малоруския езици само при думи на *sko* и *ko* (пол. *chłopisków, wilczisków*), т. е. такива, които биха имали неблагозвученъ безокончателенъ G. pl., не се покрива напълно съ истината. Още въ най-старитѣ паметници на тия езици това окончание се срѣща и при други думи, а приведенитѣ форми днесъ не само че не сж безизключителни, но сж и по-рѣдки.

9. Не може да се отрече сжществуването на склонность къмъ симетрия на формитѣ въ дадена склонитбена система. Тоя усѣтъ за успоредность отъ къмъ броя на сричкитѣ, които иматъ отдѣлнитѣ форми, е повече езиково-психологическа сжщность, която може и да не придобие звукофизиолошко очертание, т. е. да нѣма слухово-изговорна форма. Въ това се убеждаваме отъ срхр. езикъ, въ който следъ изчезването на *ъ(ь)* въ наследенитѣ отъ праславянско време родителни падежи за мн. ч., последнитѣ се държатъ известно време въ обща и безизключителна употреба като безокончателни форми, ако и да иматъ дължина на последния слогъ, която би могла да изпълни службата на уравнилителъ. Едва по-късно въ 14 в., както е известно, най-напредъ въ щокавското наречие започва да се прибавя къмъ кратката форма за G. pl. окончание *а*, фактъ, който е билъ предметъ на много и най-различни обяснения. Единъ отъ последнитѣ опити върху причинитѣ за появата на *а* при повечето основи въ срхр. езикъ (съ изключение на нѣкои негови кайкавски и чакавски говори) принадлежи на G. Ružičić (Razvitak srpskohrvatskog Gen. pl. на *-a*, Slavia V (1926), стр. 214-232). Въ случая не ни интересуватъ изводитѣ на тоя авторъ, понеже тѣ нѣматъ прѣко отношение къмъ нашата работа. Спираме вниманието си само върху твърдението му, че отсъствието на окончание или едносложностьта на формата не сж били никакви несъгласия, които езикътъ трѣбва да отклонява въ тенденцията си за ясность, симетрия и пр. (срв. ор. с. 217). Мене ми се струва, че тая мисълъ не е напълно вѣрна и би могла да се обори съ нѣкои примѣри отъ отдѣлнитѣ езици, та да стане ясно, че не само въ сърбохърватския езикъ склонностьта къмъ симетрия е показала известно действие, но и другаде сж се породили процеси, които подпомагали нейното сжществуване. Тогава ще стане безпредметенъ въпросътъ, който авторътъ задава, защо речената тенденция

не се е появила още по-рано, или защо това несъгласие не е било премахнато въ чакавски и кайкавски и останалитѣ славянски езици (sic! м. б.).

Въ срхр. напр. окончание *-ov-* приематъ, както се забеляза, обикновено двусрични основи и много рѣдко трисрични, и то особено думи съ \sim и окситонична дължина въ Nom. sing. Когато думата има въ Nom. sg. дължина, въ pl. се съкращава поради това, че хармонията съ прибавката на *-ov-* ще се наруши (срв. А. Leskien, *Grammatik der serbokroatischen Sprache*, стр. 340; А. Селищевъ, Введение въ сравнит. грам. слав. языковъ I 1914, стр. 102). Наблюдаваме следователно *gǫvrān* (gen. *gǫvrānovi* и *gǫvrāni* и пр. Въ полския езикъ тѣй нареченото „wzdłużenie zastępcze“ е сжщо явление отъ уравновесителенъ характеръ: N. pl.: *nodze* — G. pl. стпол. *noog*, пол. *nóg*; въ чешкия езикъ срѣщаме отъ *vrata* — G. pl. *vrát*, въпрѣки че отъ друга страна *dilo* въ G. pl. става *děl*, *vrāna* — *vrān*, но въ стчес. *diel*, въ словашки и днесъ *diel*, а отъ *čas* — въ чес. G. pl. *čas*, *rúk* и др.¹ Изобщо при акцентнитѣ явления усѣтътъ за симетрия е ималъ свой дѣлъ и свое оправдание. Самъ Ružičić въ цитувания погоре трудъ на стр. 226 казва: „Важно е, че G. pl. като граматична категория е ималъ особеността да се удължава (разширява) съ особени частици (партикули)“. Тая особеностъ тъкмо е резултатъ на известни причини, върху които недостатъчно се е спрѣлъ авторътъ на горната статия.

Мнозина сж склонни да отдадатъ необходимото значение на принципа за симетрия, като обаче опредѣлятъ споменатата тенденция съ по-други изрази, а именно: изразителность, яснота и пр. (срв. Brugmann, *Vrgl. Gr.* 2, 1, 692 и др.) Тоя принципъ намира подкрепа и въ обстоятелството, че род. пад. мн. ч. поради своята кратка форма често приема и други окончания, не само *-ov-*. Така още въ стб. срѣщаме G. pl. *дъщерей* вм. правилното *дъщерь* (вж. Kul'bakin, *Le vieux-slave*, стр. 264), срв. горно-литов. *moteriū*, въ срхр. окончание *a+h* (Vondrák, *Vrgl. sl. Gr. II*, стр. 38 сл.), въ чес. *ih* (J. Gebauer, *Hist. mluv. III*, стр. 151)², въ малополски и силезийски диалекти *ich*, *ik* (Nitsch, *Dialekty języka polskiego*, въ *Gram. jęz. pol. Ak. Um.* стр. 470 сл.) въ кашубски *uch* (Lorenz, *Geschichte der pomoranischen (kaschubischen) Sprache* 1925, стр. 147), въ велоруски *-ej*, въ м. рус. *ich*, *och* дори *ach* (отъ м. пад. мн. ч.) (срв. St. Smal-Stockji, *Über die Wirkung etc.*, стр. 239, Н. Дурново, *Очерк истории русского языка*, Москва 1924, стр. 306.)³ Не е излишно да се добави,

¹ Срв. J. Gebauer, *Historická mluvnice jazyka českého*, III, § 37, стр. 89; Vondrák, *Die Imperative und die Genitive Pl.* *ArfsPhil.* XX, стр. 55. Въ случая наблюдаваме метатония, при която кратка или циркумфлексна сричка приема новоакутна интонация, а акутна сричка — новосиркумфлексна интонация. Срв. Т. Lehr-Spławiański, *O prastowiańskiej metatonji*, Kraków 1918, стр. 20.

² За чешкитѣ диал. форми на *ich*, *uch*, *uj*, *l* срв. J. Gebauer, *Hist. mluv. III*, стр. 23, 58. Формитѣ на *-ix* и въ другитѣ славянски езици сж преминали отъ склонението на прилагателнитѣ.

³ По занимаващия ни въпросъ срв. и Е. Карскій, *Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорѣчи*, Москва 1886, стр. 126.

че още О. Wiedemann, Beiträge zur altbulgarischen Conjugation, St. Petersburg 1886, стр. 21, забелязва наченки отъ корелация между предложнитъ и безпредложнитъ старобълг. глаголни форми за 2 и 3 sg. на сигматичния аористъ: *прода||дасть, отъда||дасть*, която сжщо би могла да се счита за резултатъ отъ склонността къмъ успоредностъ.

10. Аналогията, която ни занимава, е започнала, нѣма съмнение, въ праславянско време. Интересно е, че единъ погледъ върху акцентировката, стара и сегашна, на думитъ отъ нѣкогашното *-и*-склонение, открива нова възможностъ за уподобяване и изравняване на формитъ отъ *-и*- и *-о*-склонение. Още въ 1883 г. Т. Maretić въ Rad LXVII, стр. 8-9, твърди „da je kvantiteta temtskoga vokala u gen. pl. uzrokovala kad više, kad manje, da je *-ov-* prodr'o u taj padež i u ostale padeže plur.“ Всички стари сжществителни отъ *-и*-основи иматъ дълга или кратка, но винаги падаща интонация: **sŭnъ, *ĉinъ, *ŭbъxъ, *dŏmъ, *mĕdъ, *rŏlъ* и пр. Въ срхр. езикъ оконч. за мн. ч. *-ovi* приематъ двусложни основи пакъ съ падаща интонация (срв. Leskien, Gram. der serbokr. Sprache, стр. 340). Ето защо и въ стб. езикъ, гдето вече можемъ да наблюдаваме развоя на аналогията, най-напредъ сж попаднали подъ нейно влияние ония думи отъ *-о*-склонение, които сж имали сжщата интонация: *даръ (dâr), длъгъ (dĭg), джбъ (dŏbъ), ледъ (lĕdъ), родъ (rŏdъ)* и пр.¹

11. Къмъ посоченитъ вече причини за появата на оконч. *-ов-* въ склонения, гдето то не е било първоначално познато, струва ми се, може да се прибави още една сжщо така важна и твърде интересна причина, на която се дължи не само задържането на аналогията, но и нейното усиляне въ по-ново време. Споредъ мене, не бива да се отминава мълкомъ богатството отъ прилагателни (особено притежателни) и нѣкои наречия на *-ов-* още въ праславянско време, а особено днесъ въ отдѣлнитъ славянски езици. Дори и да приемемъ, че тѣзи многобройни образувания съ *-ов-* не сж дали първия потикъ за аналогията въ склонението, самиятъ имъ успореденъ развой съ падежното окончание *-ов-* е способствувалъ и за размножението на последното.

Суфиксъ *-ово-* (стинд. *-ava*), както е известно, служи за образуване не само на прилагателни притежателни отъ рода на *volovъ* (за живи сжщества), *trъnovъ* (за материя), *surovъ, jalovъ* (за качество)², но и на прилагателни отъ род. падежъ на нѣкои мѣстоимения: *jegov, ѓegov, onogov, togov* (въ Шуменския говоръ и днесъ *тогов*, срв. L. Miletić, Das Ostbulg. 290; Е. Атанасова, Изв.С.С. III, 336), *jihov* (срв. Vondrák, ArislPhil. XXXI, стр. 389, и Vrgl. sl. Gr. I, 523). При *-a-* и *-i-*основи прилагателнитъ се образуватъ съ суф. *-ino-*, напр. *južъnъ*, но въпрѣки това и *jgovъ*, което показва, до каква степенъ е билъ обикнатъ суф.

¹ Срв. St. Kul'bakin, Le vieux-slave, стр. 223 сл.

² Суф. *-ово-* се срѣща често при прилагателни, произведени отъ чужди думи: *eschidъnovъ* и др.

-ovo-. Думитѣ отъ ср. родъ съ адвербиална употреба, като напр. *jako*, *kako*, *tako*, сж образували чрезъ суф. *-co-* прилагателнитѣ *jakovъ*, *ka-kovъ*, *takovъ*. Къмъ тая група спадатъ и прилагателнитѣ *inakovъ*, *jedi-nakovъ*, *opakovъ* и пр.¹ Има и случаи, когато суф. *-ovo-* е загубвалъ своята редовна функция, та е ставало нужда думата да се видоизмѣни, като приеме и друго, ново окончание: *duchovъnъ*, *grêshovъnъ* и пр.

Единъ важенъ моментъ отъ развоя на тия прилагателни и отъ тѣхното въздействие надъ други граматични категории съставя субстантивирането имъ като мѣстни имена (чес. *domov*, *venkov*, пол. *Kra-ków*, рус. *Черниговъ* и пр.).

Необходимо е да се спремъ на въпроса, върно ли е предположе- нието, че въ праславянско време сж били твърде обикнати прилагател- нитѣ на *-ov-* и други нѣкои образувания съ сжщия суфиксъ.

Още L. Geitler въ студията си „O slovanských kmenech na -i-“, Listy fil. III (1876), стр. 64, като обръща внимание на факта, че и въ санскритски срѣщаме форми като *ârtavá* (принадлежащъ къмъ годишнитѣ времена) отъ *rtú* (опредѣленъ срокъ отъ време), поддържа мисълта за чрезмѣрното разширение на *-ov-* при прилагателнитѣ (срв. стб. и нб. *бѣ-совъскъ*, *врѣховънъ*, *брѣговитъ*, *виноватъ* ib. 61-64), или дори при глаго- литѣ отъ IV спрежение въ стб. езикъ (*радовати*, *становити*, *жаловати* и др. I. с.). Ческиятъ филологъ Flajšhans въ Listy fil. XVII стр. 278, като говори за многочисленитѣ прилагателни на *-ov-*, *-ovity*, *-ovař* и производни съ суф. *-ov-*, които намира въ староческия езикъ, изказва увѣреностъ, че въ праславянско време е имало по-голѣмъ брой *-i-*основи, отъ колкото обикновено се мисли. Полскиятъ ученъ Z. Klemensiewicz въ *Szczaćki niezłoż. odmiany rozumiotników w staropolszczyźnie*, Prace fil. XII, 121, по-сочва силната склонность къмъ употреба на прилагателни съ оконча- ние *-ow* въ старополския езикъ. Хронологически е разгледалъ распро- странението на думитѣ съ оконч. *-ov-* въ ческия, а отчасти въ полския и лужишкитѣ езици, Joz. Straka въ студия подъ насловъ: „Původní tvo- řivost českého jazyka pŕipouci *-ovo*“, část I—II, Tabor 1912. И той отбелязва много мѣстни имена на *-ov-*, нѣкои отъ които още въ па- метници отъ 12 в. (вж. I, стр. 16; II, стр. 4). Отъ представения мате- риалъ личи, че склонността къмъ оконч. *-ov-* отъ най-старо време растѣла постепенно, до като къмъ 17-18 в. настѣпилъ известенъ за- стой, прекъснатъ отново въ 19 в. Интересно е, че дори такъвъ езикъ, като сърбохърватския, който днесъ има въ склонението ново оконча- ние *a* на мѣстото на безокончателния G. pl., или на онзи съ *-ovъ*, показва, особено въ миналото, доста голѣмо богатство отъ къмъ прилагателни на *-ov-*. Известни сж срхр. форми *lätov*, *vàgov*, *lòrov* и

¹ Срв. и адвербиалнитѣ образувания като *pravъ* < *prôvo* (Vondrák, Vrgl. sl. Gr. I, стр. 525). Въ днешния бълг. езикъ съ най-много прилагателни притежателни си служатъ въ Охридско и отчасти въ Щипско. Въ народнитѣ пѣсни и въ обиходния езикъ се срѣщатъ изразитѣ: *богова брада*, *юнаковъ гробъ* и т. н.

пр., за които както Miklosich, Vrgl. Gr. II, стр. 231, Flajšhans, Listy fil. XVII, стр. 147, Leskien, Gram. der serbokr. Sprache I, § 552, така и, съ незначително измѣнение, Vondrák, Vrgl. sl. Gr. I, 413, P², 525, погрѣшно мислятъ, че сж изникнали подъ чуждо влияние, като приели маджарския суф. -ó и повлияли на другитѣ прилагателни. Самиятъ фактъ, че оконч. -ов- е разпространено достатъчно много и въ други славянски езици, ни кара да приемемъ тъкмо противното, както прави и Г. Ильинскій въ Лужносл. филолог V (1925), стр. 53-68, въ статья подъ насловъ: „Сербохорватскія прилагателныя съ суфиксомъ -овъ и русско-кашубскія окончанія род. п. ед. ч. м. и ср. р. -ва/-во“. Тамъ той пише и, споредъ мене, съ достатъчно основание: „Одной изъ особенностей сербохорватской морфологии, на которую до сихъ поръ не въ достаточной степени обращалось вниманіе въ научной литературѣ, является сравнительное обиліе прилагательныхъ именъ съ основой на -о-, распространенныхъ секундарнымъ суффиксомъ -овъ. Таковы напр.: *гдѣловъ*, р. п. *голдѣва*, *лудѣвъ*, *празновъ*, *крвновъ*, *дрвновъ*, *лѣсовъ*, *бѣловъ*“ (стр. 53-68)¹. Нѣма да се занимаваме съ изводитѣ на автора въ тоя неговъ трудъ, понеже тѣ разрешаватъ съвсемъ друга задача (да се докаже, че рус. кашуб. форми *бѣлова*, *голова* принадлежатъ не къмъ *бѣлый*, но къмъ *бѣловъ*, *golovъ*, т. е. че окончанието за G. sing. -ва, -во не може да се получи отъ -га, -го, както обикновено се мислѣше), по-важно е да се убедимъ въ правотата на твърдението му, че още въ праславянско време почти всѣко прилагателно е могло да приеме суф. -овъ, а сжщо така — още тогава да се субстантивизира (ib. стр. 59). (Срв. относно прилагателнитѣ на -ов A. Vaillant, BSL., № 1 (1928), стр. 40-43).

Приемемъ ли това, явно е, че съ право можемъ да предполагаме влияние отъ страна на многобройнитѣ прилагателни съ оконч. -ов- върху G. pl. на склоненията, особено въ днешнитѣ слав. езици. Като характеристика на прекалената склонность къмъ оконч. -ов- могатъ да послужатъ нѣкои примѣри на неорганично -ов- изъ склоненията въ по-късни (срѣднобългарски) паметници, напр. Dat. pl. *рабовомъ*, Acc. pl. *рабовы*,² Loc. pl. *рабовѣхъ* (срв. Scholvin, ArislPhil. II, 512), *воловохъ*, *родовѣхъ* (срв. Vondrák, Gram. der altkirchsl. Sprache² стр. 424). Срѣща се и формата *сынову* (G. dual) вм. *сыноу*. Отъ днешнитѣ славянски езици въ чешки паметници се намиратъ случаи като G. pl. *hodowowъ*,³ *synouowъ*, Dat. pl. *dedowowъ*. Неорганичното окончание -ов- се срѣща още въ следнитѣ падежи въ чешкия езикъ: Dat. Loc. sing. masc. и въ Nom. Acc.

¹ У Ильинскій сж приведени всичко 20 такива примѣри. Срв. у Leskien, Gram. der serbokr. Sprache, стр. 309 сл.: 1) отъ лични имена — *djeverovъ*, *kutovъ*, 2) отъ имена на животни — *lavovъ*, *paikovъ*, 3) отъ други имена — *jugovъ*, *mrázovъ* и пр. Вж. и Т. Maretič, Rad LXVII, стр. 28-29.

² Въ Добрейшовото евангелие (стр. 127 а 15) acc. pl. *волковы*.

³ Тоя примѣръ както Flajšhans, op. cit., стр. 467, така и Gebauer, Histor. mluv. jaz. čes., стр. 56, смѣтатъ, споредъ мене, неоснователно, за грѣшка на писача.

pl. masc. Въ словенския езикъ сжщо така се срѣщатъ подобни форми, нѣкои отъ които още А. Шлайхеръ въ „Склонение основъ на *-y-* въ слав. яз.“, стр. 11 сл., посочва: *moževou, dnévou* и др. У L. Tesnière, *Les formes du duel en slovène*, Paris 1925, стр. 195, 215, сж приведени формитѣ за Dat. Instr. dual: *synovoma, rogôvoma*. И сърбохърватскитѣ отъ 14 в. насамъ *sinôv-â, sinôv-ah* и под. могатъ да се причислятъ съ известна уговорка къмъ горнитѣ примѣри.

Въ нѣкои славянски езици днесъ имаме едно вторично падежно окончание *-ov*, което се е получило по звукофизиологиченъ пжтъ отъ окончанія съ другъ гласовъ строежъ. Такова е било окончанието въ ст. сръбски за Instr. sing. ж. р. *-a-*основи: *oq > oju > oц > ov*¹: *вѣтровъ, лозовъ, главовъ* (срв. Даничић, *Историја obl. etc.*, стр. 37), въ словенския езикъ (замурски диалекти) се откриватъ сжщитѣ форми на *-ov-* (срв. Nahtigal, *Čas. za slov. jezik* III, 1921, кн. 1, стр. 1-23, кн. 2, стр. 71-2), въ стчес. за Loc. sing. м. родъ *-o-*, *-u-*основи: *dolôv, dolûv* (срв. Flajšhans, *Listy fil.* XVII, стр. 284), а въ южночески, както и въ нѣкои сръднословашки диалекти Dat. и Loc. sing. иматъ оконч. *-ov-* вм. *-ovi-*: *bratrov, susedov* (срв. F. Trávníček, *O českem jazyce*, Praha 1924, стр. 120)². Сжщиятъ звукофизиоложки преходъ на окончанието за Instr. sing. ж. родъ намираме и въ галицийскитѣ и карпатски малоруски форми *рибоу(в), землеу(в), дори костеу(в)*, (срв. Житецкій, *Очерк литературной истории малор. нарѣчя XVII в.*, Киев 1889, стр. 129, и St. Smal-Stockyj i Gartner, *Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache*, Wien 1913, стр. 240), както и въ вел. рус. *женовъ*, известна още отъ 15 в. (срв. обяснението на последната форма у А. Соболевскій, *Замѣтки по слав. морфологии*, *Slavia V* (1926), стр. 453, гдето авторътъ се старае, независимо отъ схващането на Н. В. Вейкъ, *Slavia II*, стр. 5-16, който намира, че нѣма връзка въ развоя на тия форми въ отдѣлнитѣ славянски езици, да оправдае сжществуването на тия образуванія съ влияние отъ страна на окончанието на много славянски мѣстоименни наречия като *понева-же, снова, покудова, едѣва, одѣва* и др.).

Освенъ това, въ словенския езикъ, поради аналогия въ рамкитѣ на едно и сжщо склонение, се срѣща косвенъ падежъ съ завършекъ *-ov* вм. именителенъ, напр. *molitov* (подобно на нашето *любовъ* и *црѣковъ*) (вж. и Oblak, *ArfsIPhil.* XI, стр. 406, 420).

Въ малоруски формитѣ за им. пад. ед. ч. *молитов, конов, перезов* вм. *молитва, конва, перезва* се обясняватъ отъ St. Smal-Stockyj, *Über die Wirkungen der Analogie etc.*, *ArfsIPhil.* IX, стр. 59, като аналогични на *морков* и др. отъ тоя родъ. Дори и Acc. sing. *голов* вм. *голову*, той обяснява по тоя начинъ (ib. 59). Отъ посоченитѣ примѣри се вижда обилието на неорганични форми съ завършекъ *-ov*.

¹ Въ нѣкои сръднобълг. паметници намираме за тоя падежъ въ сжщия родъ и число оконч. *oq*.

² Последнитѣ форми обаче J. Mk. въ *Slavia IV*, стр. 191, смѣта за погрѣшни.

12. Отъ интересъ е и самото системно изложение на материала, който ни запознава съ разпространението на оконч. *-ов-* при съществителнитѣ въ отдѣлнитѣ славянски езици. Въ тоя случай трѣбва да се изтъкнатъ и съществуващитѣ изключения, като се даде и за тѣхъ, ако това е възможно, едно правдиво обяснение. Ще почнемъ съ южната група отъ славянскитѣ езици, които сж запазили склонението.

Въ срхр. езикъ до 14 в. се срѣщатъ редовни форми съ *-ов-* (при *-о-*, *-јо-*основи), като *анделовъ*, *апостоловъ* и т. н., и дори въ 13 в. при основи на *-і-*: *господовъ*, а следъ 14 в., когато се прибавя вече новото окончание *а*, писано и като *ьъ*, та се получаватъ форми за G. pl. *синова*, *волова*, *блатова*, старитѣ род. падежи на *-ов-* се срѣщатъ вече по-рѣдко. Въ 15 в. намираме при *-о-* основи ср. родъ *дилов*, *перов*, *селов*, а при *-і-*основи м. родъ *путов* (срв. Даничић, Историја обл. etc., стр. 79).

Въ словенския езикъ оконч. *-ов-* е проникнало въ *-о-*, *-јо-*основи м. и ср. родъ, а въ нѣкои отдѣлни случаи и при *-а-* основи ж. родъ и консонантнитѣ склонения. Всъде то сподѣля своето влияние съ окончание *-і* отъ *-і-* основи. Известно е, че още въ Фрайзингенскитѣ откъслечи наблюдаваме тая аналогия. Въ днешния словенски езикъ, покрай *dobov*, имаме още *konjov*, ср. р. *dreuiou*, *čudežov*, диал. *polou*, *šyrcou*, *imenou*, ж. р. *jabkov* (срв. Oblak, ArslPhil. XII, 42).¹

Въ Остромировото евангелие, като най-старъ паметникъ отъ руска редакция, намираме 3 пжти формата за G. pl. *грѣховъ* и само 1 пжтъ *грѣхъ*. Въ Светославовия Изборникъ (1076 г.) *-ов-* е засвидетелствувано и при *-јо-*основи, напр.: *вождевъ*. До 15 в. разпространението на това окончание расте, а следъ това то е пренесено вече и къмъ други основи, та покрай *мѣстовъ*, *дѣловъ*, *сердцовъ*, *лошадѣвъ*, *ряцовъ* (срв. Дурново, Очерк исторіи русс. яз. стр. 274; Meyer, Historische Grammatik der russischen Sprache, Bonn 1923, стр. 131 сл.; T. Vetter, Zur Geschichte der nominalen Declination im Russischen, Leipzig 1883, стр. 30, 63 сл.) и *сѣстровъ*, *книговъ*, *пѣсневъ*, *дневъ*, *девковъ*, особено чести въ север.-великоруски и южно-великорус. диалекти. К. Меуер въ цит. съчинение стр. 131-132 е наклоненъ да смѣта, че ударението въ руския езикъ е отъ значение, когато се касае за изборъ на окончание, тъй като и тукъ, както въ словен., се наблюдава борба между *-ов* отъ *-и-*основи и *-еј* (въ словен. *-і*) отъ *-і-*основи. Така напр., сборни имена съ неударено окончание *-ья-* като *дерѣвья* или конкретни имена отъ ср. родъ съ неударено окончание *-ье-* (*платье*) приематъ въ G. pl. *-евъ*, resp. *-ьевъ*: *дерѣвьевъ*, *платьевъ*, до като *путьѣ* става въ G. pl. *путьѣй*, *мнѣніе* — *мнѣній*. Тукъ, както се вижда отъ примѣритѣ, играятъ роля и семантично-образователни моменти, които, споредъ мене, ограничаватъ

¹ Вж. само за литературнитѣ форми въ днешния словенски езикъ Karl Pečnik, Praktisches Lehrbuch der slov. Sprache⁶ (Bibliothek der Sprachenkunde № 31, Wien, Leipzig). За жалость, не разполагамъ съ книгата на Ramovš, Historična slovnica slov. jezika I. II. Ljubliana 1922. 1928.

значението на ударението. Дурново въ цит. съч. стр. 286-8 опредѣля по-добре условията, при които аналогията докарва ту оконч. *-ov*, ту оконч. *-ej*. Въ началото *-ov* е било еднакво застъпено както при твърдитѣ, така и при мекитѣ основи, а после при мекитѣ бива замѣстено съ *-ej*. Имена отъ ср. родъ могатъ да приематъ оконч. *-ov*, ако основата е акцентувана и заврѣшва на *к, ц, j*, напр. *облаков, ушков, яблнков, ружьев, кушаньев, солнцев, оконцев*, но *яйчек, колечек, зилний, событий, колец* и др. Обаче и тамъ, гдето *-ej* е спечелило почва, често се явява *-ov*, т. е. при основи на шушкави съгласни: *ножов, ключов, товарищов*, покрай *ножей, ключей, лещей* (стр. 287). Наблюдаватъ се и други колебания въ диалектитѣ: *сыновьев* покрай *сыновьей*, или обратно *свадьбей* покрай *свадьбовъ* (стр. 288).

Трѣбва да се подчертае, че измежду великорускитѣ говори *-ov* най-често се срѣща на северъ и на югъ. Още по-голѣмъ достѣпъ е намѣрило оконч. *-ov* > *-iv* въ малоруския езикъ (сев. малоруски и карпатски *-iv-*): *панів, років, боjarів, морів, царствів, пунів, бабів, землів*, диал. *жабав, птицав, гостів, костів, радошчів, церквів* и дори *небесив*. На малоруска територия се срѣщатъ много градски и селски мѣстни названия отъ рода на *Черчывцив, Станывцив* и др. (Срв. St. Smal-Stockuj, Über die Wirkung etc., ArfsI Phil. VIII, стр. 238, 430, IX, 62; Н. Дурново, Очерк исторіи русс. яз. стр. 59, 62, 239, 305, 413, 423, 430).

Въ граничитѣ малоруско-бѣлоруски говори на Полесието оконч. *-ov-* е токо-речи повсемѣстно разпространено (вж. Е. Θ. Карскій, Матеріалы для изученія северно-малор. говоровъ, С. Петерб., вып. I, 1898, стр. 10-39).

Въ бѣлоруския езикъ въ известни случаи мѣстото на ударението решава, дали да приеме нѣкоя склонитбена категория оконч. *-ov-*. Това явление е, безъ съмнение, ново. При ударение на основата обикновено приематъ *-ov* имена отъ ср. родъ: *варотав, письмав* и диал. имена отъ ж. родъ, които въ другитѣ падежи иматъ ударение на основата: *сѣстрав, лисицав*, но *дзявок* (Дурново, ц. с., стр. 302). Е. Θ. Карскій въ „Обзор звуков и форм“ etc. посочва и други примѣри отъ бѣлоруски: *дноў* (стр. 124), *имѣнаў* (стр. 125), *кумоў, волбоў* (стр. 102), *кѣняў, царбоў* (стр. 103). При основи, които заврѣшватъ на шушкави съгласни, оконч. *-ov* отстѣпя мѣстото си на *-ej*, както и въ вел. руския езикъ. Последното окончание приематъ и основи на *-r-* въ Ковненско, а въ Минската и Могилевската областъ сжщитѣ иматъ окончание *-ov*. Иначе въ почти всички бѣлоруски склонения намираме G. pl. на *-ov* (*оў, еў*).

Още въ най-старитѣ паметници на полския езикъ (Kazania świętokrzyskie, Psalterz Florjański) се срѣщатъ доста примѣри за аналогичния преносъ на оконч. *-ov-* къмъ *-o-* (*-jo-*) основи: *wrogow, krolew, kozłow, nieprzyjacielow, ielenow* и др.¹ Особено било обикнато това окончание

¹ Срв. J. Hanusz, Zur Statistik der Declinationsformen im Altpolnischen, ArfsI. Phil. VI, стр. 11.

въ времето отъ 16-18 в., когато се появили форми съ *-ou* и въ другитѣ склонения, та покрай *uczniów* (и днесъ обаче още *uczni*), *pożów* (и *poży*), размножаватъ се и *naczyniów*, *stajów*, *dnów*, *nazwisków*, *chłopiśków*, *wojsków*, *podwodów*, *ręków*, *cmów*, *myszów*, *pieśniów*, *waszmościów*, *wsiów*, *grów*, *uczuciów* и пр.¹ Следъ голѣмия разцвѣтъ на тия форми въ 18 в., тѣ почватъ да се занемаряватъ въ литературния езикъ, безъ да се губятъ въ диалектитѣ (срв. К. Nitsch, *Dialekty języka polskiego*, въ *Gram. jęz. pol. Ak. Um.* стр. 470). Днесъ въ великополския диалектъ (Познанско) формитѣ съ *-ou* иматъ най-широко разпространение. Въ южно-кашубския диалектъ, който граничи съ полскитѣ говори, това окончание е сжщо така познато въ повечето склонения² (вж. J. Łoś, *Krótką gramatyka historyczna języka polskiego*, Lwów 1927, стр. 100, 101, 108, 118, 122).

И въ ческия езикъ, особено по диалектитѣ му, оконч. *-ou* (съ фонетични измѣнения *-uov*, *-ŭv*, *-uo*, *-ŭ*, *-ó*) е намѣрило достѣпъ почти въ всички склонения (срв. Gebauer, *Hist. mluv. etc.* I, 243, 435; III, стр. 17). Flajshans въ *Listy fil.* XVII, 464 сл. посочва при *-ā*-основи ж. родъ: *dušiev*, *veřejnov*, *mandlŭ*; при *-ja*-основи: *patriarchov*; при *-i*-основи ж. родъ: *věciev*, *kviev*; м. родъ: *dnov* (*dnuov*), и при други основи: *loktov*, *drobtuov*, *kamenov*, *kořenov*, *ramenuov*. И въ ческия езикъ, както и въ другитѣ славянски езици въ по-ново време, въ G. pl. *-o*-основи прониква оконч. *-i* отъ *-i*-основи. Обаче все пакъ оконч. *-ou* има още надмощие. И Gebauer въ *Histor. mluv. etc.*, дава следнитѣ разнообразни примѣри: *volov* (стр. 322), *osobov* (авторътъ мисли, че е отъ *Nom. sing. osob*, стр. 93, 193), *družbŭv*, *husithv* (стр. 198), *zemanov* (стр. 74), *otczow*, *mužiev* (стр. 108), *howaduow*, *hleznov* (стр. 141), *dussyev* (стр. 212), *panošov*, *rádcŭv* (стр. 231), *knězŭv* (стр. 244), *krejčŭv* (стр. 254), *hostov*, *kmetov* (стр. 347), *kuřatov* (стр. 423) и др. Отъ запазенитѣ полабски езикови паметници се вижда, че оконч. *-ou* въ G. pl., съ изключение само на единъ случай, е пренесено изцѣло въ *-o*-(*-jo*-) склонение. Тоя падежъ при другитѣ склонения, не е засвидетелствуванъ, ако не се смѣта единъ примѣръ на безокончателенъ G. pl. *-a*-(*-ja*-) основи (срв. Т. Lehr-Spławiński, *Gramatyka połabska*, Lwów 1929, стр. 168, 176).

Най-сетне трѣбва да се обърне внимание на състоянието на окончание *-ou* въ дветѣ лужишки наречия — долно- и горно-лужишки. Интересно е да се припомни, че тукъ това окончание е най-широко застъпено. Изключенията, които общо ще бждатъ разгледани малко по-долу, въ лужишкитѣ говори сж съвършено незначителни. Разширението на това падежно окончание въ всички диалекти на долно-луж. и въ повечето на горно-луж. езикова областъ става по времето, когато се

¹ Vaudouin de Courtenay пръвъ събщи, че оконч. *-ou* за G. pl. се срѣща въ диалектитѣ и при имена отъ ж. родъ, срв. KZ VI, стр. 57 сл.

² Срв. F. Lorenz, *Geschichte der pomoranischen (kaschubischen) Sprache*, стр. 149, 157.

наблюдава сжщото явление и въ полския языкъ¹. Безсъмнено, между тия аналогични факти сжествува прѣка зависимостъ, и това може да бжде още едно доказателство за генетическата общностъ на полския языкъ съ (долно)лужишкия диалектъ. Поради обилие на примѣри отъ всички склонения, става излишно тѣхното изброяване. Такива могатъ да се намѣрятъ достатъчно въ токо-що цит. съч. на К. Mucke, *Histor. und vrgl. Laut- und Formenlehre der niedersorb. Sprache*, стр. 300-378, и у G. Karl, *Grammatik der wendischen Sprache in der Oberlausitz*, Bautzen 1925, стр. 22-48.

Любопитно, ако и доста трудно е да се отговори на въпроса, защо именно въ лужишки *-ov-* е намѣрило най-благоприятна почва за развой. Споредъ мене не е безъ значение сжествуването на едно просто обстоятелство, което би могло да подкрепи предположението ми въ дадения случай. Известно е, че лужишкитѣ наречия, както отъ друга страна словенскиятъ языкъ, словинскитѣ наречия и тукъ-таме нѣкои малоруски говори още пазятъ форми за дв. число, и то въ най-жива употреба. Що се отнася специално до лужишки, окончанието за G. dual. въ долнолуж. по всички диалекти гласи *-oши* (вм. старо *-и-* отъ *-o-*основи), а въ горнолуж., покрай сжщото оконч. въ по-старо време отъ развоя на езика (до 1721 год. въ източни говори), гласи и само *-ow*. Дори и да приемемъ, че крайното *-и* въ оконч. за G. dual. изпада подъ влияние на оконч. *-ow* въ G. pl. (както напр. въ стб., срв. Нијег, ц. с., стр. 119 сл.), все пакъ налична е връзката между тия две окончания, и тенденцията къмъ влияние може да бжде проявена и въ обратна посока. Доказателства за междусобната зависимостъ на тия падежи намираме въ следнитѣ факти: 1) при склоненията на имена отъ ж. родъ въ луж. влиянието на *-и*-основи се забелязва само при тия два падежа: G. dual. съ оконч. *-oши*, или *-ow*, *'-oши* или *'-ow* и G. pl. съ оконч. *-ow-*, *'-ow-*, 2) въ словенския языкъ формитѣ за G. dual. често се замѣстватъ съ тия на G. pl. напр. *kraylov*, *rogov*, *rogovov* (вж. L. Tesnière, *Les formes du duel en slovène*, стр. 181), 3) двойствено число е влияло формално на множествено и въ щокавското наречие на срхр. языкъ (срв. Ružičić, *Slavia V*, стр. 224), и въ старопол. и малоруски языкъ, както и въ нѣкои стари моравски наречия (срв. H. Gaertner, *Prace fil.* XIV, 166, и 4); сжщо и въ кашубския диалектъ, гдето, както се изтъкна, *-ov-* въ мн. ч. е доста разпространено, има формаленъ съвпадежъ при много думи между дв. и мн. ч. въ род. падежъ (срв. F. Lorenz, *Geschichte der pomor. Sprache*, стр. 153).

13. Като се иматъ предъ видъ размѣритѣ, до които аналогията е стигнала и въ другитѣ слав. езици, трѣбва да се отбележи, че изобщо

¹ Отъ известни мѣста у Chojan, *Linguae Vandalicae sonatus* (von Chojanus), 1650 г. личи, че оконч. *-ov-* въ луж. не е било въ 17 в. още така широко разпространено, срв. Mucke, *Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorb. Sprache*, Leipzig 1891. стр. 327.

думитѣ отъ м. и ср. родъ сж по-склонни да приематъ оконч. -ов. Това не е случайно и се дължи на една особена причина. Ние знаемъ именно, че слав. езици, както балтийскитѣ и романскитѣ, сж приближили ср. родъ до мъжки (тѣй наречената вирилизация на ср. родъ), а сж го отдалечили отъ женския, за разлика отъ германскитѣ (главно скандинавски), които, обратно, сж приближили ж. родъ до мъжкия, а сж отдалечили ср. родъ отъ него.

14. Въ всички славянски езици, а най-вече въ чакавското наречие на срхр. езикъ¹, сж запазени и до днесъ остатъци отъ старитѣ падежни форми, които можемъ да смѣтаме като наследство отъ праславянско време. Характерното тукъ е еднаквостта на условията, при които сж спазени тия морфологични архаизми въ отдѣлнитѣ славянски езици и дори тѣхната лексикална еднаквост². Така, стариятъ род. падежъ мн. ч. е запазенъ обикновено: 1) при *Pluralia tantum*, 2) при употреба въ частиченъ смисълъ, 3) следъ числителни, 4) при мѣстни и семейни имена, 5) при думи, които означаватъ прибори, части на тѣлото, маса, тежестъ или време.

Въ всички славянски езици, отъ които е приведенъ материалътъ за тая статия, се срѣщатъ като остатъци следнитѣ думи въ род. пад. мн. ч.: **kratъ*, словен. *pętkrat* (но и *kratov*, срв. Tesnière, ц. с., стр. 65), чес. *krat*, пол. *kroć*; **čas*, малорус. *час*, чес. *čas*, словаш. *čas*, пол. *czas* (*dotychczas*); **raz*, велрус. *раз*, чес. *ráz*, словаш. *ráz*, пол. *raz*, луж. *raz*; **vols*, малорус. *волос* (вел. рус. обаче *волосов*), чес. *vlás*, пол. *włos*; **godъ*, малорус. *год*, чес. *hod*, пол. *góđ* (но и *godów*), кашуб. *gùòđ*, луж. *góđ*; **zobъ*, словен. *zób*, велрус. *зуб* (но и *зубов*), малорус. *зуб*, пол. *zab*; **sqsědъ*, малорус. *сусид*, чес. *súsěd*, пол. *sąsiad*; **peněz*, слов. *pěnez*, чес. *peněz*, луж. *pjenjez*; **rog*, слов. *ròg*, велрус. *рог*; **mōž*, словен. *mōž*, чес. *muž*; **voz*, словен. *vòz*, чес. *voz*; **prijetelъ*, малорус. *прижатель*, чески *přátel*.³

Въ случая отъ значение е да се покаже, дали по-характернитѣ остатъци отъ стария G. pl. се срѣщатъ най-малко въ два слав. езика.

Въ словен. езикъ се намиратъ още форми като *lās*, *pòt*, *vòl*, *brâv* и пр., въ малорус. *аршин*, *християн*; въ малорус. и бѣлорус. *солдат*, *человек*, (*чоловiк*), *рик*, *пуд*, *турок*, *татар*; въ малорус. бѣлор. и вел. рус. *глаз*, *саног* и пр., въ чес. *bòh*, *školník*, *dvor*, *hřiech*, *oblak*, *věk*, *par*, *měsiec*, *tisúc*; въ пол. *skot*, *lalent*, *akt*, *statut* и пр.

¹ Срв. А. Беличъ, Изв. Отд. русс. яз. и слов. XIV, 2, стр. 208.

² Подразбиратъ се само думи принадлежащи къмъ старото -о- склонение.

³ Примѣритѣ не изчерпватъ поставения въпросъ; тѣ сж събрани само отъ историческитѣ граматика на отдѣлнитѣ слав. езици, а не направо отъ диалектологичнитѣ описи, използването на които, безсъмнено, би увеличило числото имъ. Срв. още Ogonowskyj, Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache, Lemberg 1880, стр. 126; St. Smal-Stocky, ArsisPhil. VIII, стр. 238; Diels, ib. XXXIII, стр. 145-149.; Scholvin, ib. II, стр. 492, 540.

Що се отнася до другитѣ южнославянски езици — българския и сърбохърватския, въ първия Л. Милетичъ въ студията си „Старото склонение въ днешнитѣ български наречия“, София 1890, стр. 24 сл., отбелязва нѣкои остатъци отъ стария род. пад. мн. ч. ж. р., като пояснява, че се дължатъ на числителното, следъ което постоянно сж се повтаряли: *за много годин, девет годин, хиляда душ* и пр. St. Mladenov въ *Geschichte der bulg. Sprache*, Berlin, Leipzig 1929, стр. 238, прибавя още следнитѣ примѣри: *pes, ieniĉer, (do) nebes, (do) kol'an*.¹

И въ срхр. езикъ стариятъ G. pl. е тукъ-таме запазенъ, и то почти при сжщитѣ думи: *godin, stotin, ovac* и пр. Другъ е случаятъ, когато въ народнитѣ пѣсни поради метрически причини се натъкваме на изкуствени съкращения, като напр. *dŭkât* вм. *dŭkâtâ, volov* вм. *volovâ, tovar* вм. *tovarâ* и др.) срв. T. Maretiĉ, *Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika*, Zagreb, 1899, стр. 149, 172).

Посоченитѣ изключения не могатъ да иматъ едно общо за всички обяснение. Най-многобройни сж ония примѣри, които сочатъ на редовна употреба съ числително име. Това е било изтъквано отъ мнозина. Още въ 1883 г. T. Vetter въ дисертацията си *Zur Geschichte der nominalen Declination im Russischen*, Leipzig, стр. 31 сл., обяснява запазването на старитѣ форми за G. pl. въ рус. така: съединени съ числителни, тѣ се стереотипизирали и мжчно се подавали на модернизация. Специално за думитѣ *волос* и *глаз* авторътъ мисли, и то несъстоятелно, че тѣ сж били смѣтани за думи отъ ср. родъ, и поради това въ ном. pl. иматъ оконч. *-a*.

Единъ отъ новитѣ автори на руска историческа граматика, споменатиятъ вече K. Meyer, *Histor. Gram. etc.* стр. 126, обяснява консерватизма на езика въ разглежданитѣ случаи само съ честата употреба на тия думи.

По-горе цитуваниятъ Vetter (ц. съч. стр. 30) намеква за една особеностъ въ Остромировото евангелие, която хвърля по-друга свѣтлина върху цѣлия въпросъ. Въ тоя паметникъ именно, авторътъ забелязва, че оконч. *-ov* носятъ ония сжществителни, които следватъ следъ други сжществителни, но въ никой случай не и следъ предлогъ. (Предлогътъ е повечето едносриченъ и се изговаря ведно съ следната дума).

Остатъцитѣ отъ стария G. pl. сж главно едносрични думи съ сиркумфлексна интонация въ Ном. pl. и съ метатониченъ род. п. мн. ч., и въ акцентно отношение образуватъ съ предходното име (главно числително), на което даватъ ударението си, една цѣлостъ.² Това здраво

¹ Въ разказитѣ на Т. Г. Влайковъ, въ които се отражаватъ нѣкои старинни и днешни черти на Пирдопския говоръ, намираме остатъкъ отъ G. pl. въ думата *драмъ* (срв. Съчинения, т. II, София 1926, стр. 138).

² Срв. аналогични случаи съ ударението на Composita — предлогъ + име: *наржка, отъзми, отъглади* и мн. др. F. Logenz въ нѣколкократно цит. съч. *Geschichte der rom. Sprache*, стр. 104, изтъква нѣкои акцентни явления въ словинскитѣ диалекти, които могатъ да се взематъ като продължение на праславянски състояния. Той посочва напр., че акцентното цѣло добива ударение върху предлога, ако следното име е носѣло

утвърдено въ съзнанието цѣло се разрушава, когато вм. едносложно въ повечето случаи числително се яви многосложно съществително и като послѣдствие настѣпва разкъсване на акцентната цѣлостъ, та вториятъ компонентъ се отдѣля съ свое ударение, добивайки възможность за удѣljenje съ оконч. -*ов*. По тоя начинъ е възможно да се обяснятъ много отъ случаетѣ, при които се употрѣбѣ стария *G. pl.* не само въ руския, но и въ другитѣ славянски езици, тъй като явлението се отнася до общославянско време.

Остатъцитѣ отъ *G. pl.* при народности имена, като напр. рус. *татар*, *турок* и др. трѣбва да се тълкуватъ вече по другъ начинъ. Днесъ изглежда крайно наивно напр. твърдението на А. Востоковъ (Грамматика церковно-словенскаго языка, С. Петербургъ 1863¹², стр. 23), че народностнитѣ имена сж запазили стария род. пад., понеже били заети отъ стари книги. Тукъ формата за *Nom. sing.* *татарин* не е съвпадала съ тая на *G. pl.*, и затова не е било необходимо да се явява окончание -*ов* въ род. пад. мн. ч. (сжщо както при консонантнитѣ склонения). По-сетне аналогията да се запази стария *G. pl.* е действувала обаче и при такива народности имена, при които реченитѣ падежи формално съвпадатъ.

И въ други славянски езици, и то не само при разгледанитѣ имена има усамотени случаи на подобно различие между формитѣ за *Nom. sing.* и *G. pl.*, поради което стариятъ род. пад. мн. ч. се запазва, срв. чes. *Nom. sing.*: *oblaka*, *G. pl.* *oblak*, може би и пол. *sąsiada* — *sąsiad* (вж. за полската форма В. de Courtenay, KZ. VI, стр. 57; и P. Diels, ArfslPhil. XXXVIII, стр. 149).

Аналогията, която бѣше предметъ на тая статья, както е известно, се наблюдава въ достатъчна мѣрка още въ стб. езикъ. Къмъ причинитѣ ѝ тукъ се направи опитъ да се прибавятъ нѣкои нови, като се подчерта, че влиянието на многобройнитѣ прилагателни на -*ов*- е дало своитѣ резултати особено много въ нѣкои славянски езици, и то въ по-късно време (16-18 в.) отъ развоя имъ. При това трѣбва да се счита за достатъчно правдоподобно и предложеното обяснение на повсемѣстното разпространение на оконч. -*ов* въ луж., както и онова за запазването на нѣкои стари родителни падежи мн. ч. въ славянскитѣ езици.

София

Ив. Лековъ

установено (неподвижно) ударение и обратно, ако това име е било съ подвижно ударение, и при съединението съ предлога, продължава старото акцентно отношение. Срв. и J. Rozwadowski, Jęz. polski I, 255-9.

O możliwości chronologizacji cech w gwarach przejściowych

Sprawa ustalenia czasu powstania cech językowych w gwarach mieszanych i przejściowych jest niezmiernie ważną dla oceny procesu rozwojowego tych gwar, dla odtworzenia całej ich przeszłości. Niewątpliwie zarówno gwary mieszane, jak też i przejściowe są wynikiem pewnego mieszania się ludności i zależnie od charakteru tego procesu¹ i czasu, przez jaki się on odbywał, mamy w rezultacie jużto dialekty mieszane, jużto przejściowe. Nieraz przy sprzyjających warunkach mogą powstać odrazu na linii zetknięcia się dwóch różnych grup dialektycznych gwary przejściowe, przeważnie jednak — zdaje się — z gwary mieszanej wytwarza się z biegiem czasu gwara przejściowa. Bez względu jednak na to, jak się będziemy zapatrywali na drogę rozwojową obu typów gwarowych, nie ulega wątpliwości, że z dzisiejszego punktu widzenia trzeba je rozróżniać; jeden z nich, tak zw. gwara przejściowa, odznacza się tem, że ma konsekwentnie rozwinięte cechy raz jednej, to znów drugiej swej gwary macierzystej, a tymczasem gwara mieszana wykazuje w obrębie jednej i tej samej cechy wymieszanie: raz rozwój idzie w zgodzie z jedną, drugi raz z drugą gwarą macierzystą.

Przy rozpatrywaniu genezy gwary przejściowej ze szczególnem zwróceniem uwagi na chronologję cech pytamy się, czy 1) powstała ona przez wzajemne sąsiedztwo dwóch (lub więcej) dialektów i wtedy można się starać ustalić czas zaistnienia tego sąsiedztwa; 2) czy należała ona pierwotnie do typu *a*, ale jużto przez sąsiedztwo, jużto przez wymieszanie, dostała się w obręb wpływów typu *b*, co w rezultacie dało typ kombinowany *c*; należy tu więc ustalić, czy pierwotne *a* + późniejsze *b* dało *c*, czy też pierwotne *b* + późniejsze *a* wytworzyło typ mieszany wzgl. przejściowy *c*. Jestto najczęstszy wypadek rozpatrywany na gruncie słowiańskim i jemu poświęcę najwięcej uwagi; 3) czy wreszcie przejściowość jest wynikiem wymieszania się ludności na nowym obszarze, a w takim razie, kiedy ono nastąpiło i kiedy ślady mieszaniny zaczęły się zacierać i dały w ostatecznym wyniku jednolity typ przejściowy?

¹ Zależnie przedewszystkiem od tego, czy wzajemne wpływy powstały drogą sąsiedztwa, wskutek wyższej kultury i t. p., czy też przez wymieszanie się ludności (n. p. w czasie kolonizacji) dwóch różnych typów gwarowych.

Posuwając się od jednej gwary do drugiej mamy niemal zawsze do czynienia z przejściowością, ale dopiero na granicy zetknięcia się dwóch różnych języków całe zagadnienie nabiera większej ostrości; nieraz pozanaukowe względy jeszcze bardziej podsycają zainteresowanie i kwestja przeszłości gwar przejściowych staje się rozstrzygającą przy ustaleniu dawnej i obecnej przynależności językowej takich gwar; że stąd już tylko jeden krok do ustalenia charakteru narodowego przedstawicieli gwar przejściowych, nie trzeba chyba dodawać.

Na linii zetknięcia się dwóch różnych języków niezawsze — rozumie się — muszą się wytworzyć gwary przejściowe; bynajmniej, im różnice między dwoma językami silniejsze, a naturalne, czy inne przeszkody dla wzajemnego obcowania większe, tem granica ostrzej jest zarysowana. Na gruncie słowiańskim możemy obserwować w różnych stopniach ostrość takich granic przy zetknięciu się i sąsiedztwie dwóch języków słowiańskich.

Weźmy przykład z pogranicza polsko-słowackiego: dosyć ostra jest granica polsko-słowacka na Spiszu i Orawie, dosyć zatarta w ziemi Czadeckiej; zupełnie to zrozumiałe. Na Spiszu oddziela Polaków od Słowaków właściwie pas kolonij niemieckich, więc właściwego zetknięcia się dwóch języków słowiańskich niema; granica polsko-słowacka na Orawie jest stosunkowo nowa (od 16 w.), a tymczasem w Czadeckim dawne sąsiedztwo obu języków musiało wywołać zatarcie się granicy i powstanie gwar przejściowych; o tem obszerniej niżej.

W ostatnich czasach dwie grupy dialektów przejściowych były przedmiotem częstego omawiania, przyczem próba ustalenia czasu powstania zjawisk językowych odgrywała pierwszorzędą rolę przy określaniu ich przynależności językowej, choćby tylko w odległej przeszłości. Myślę tu o gwarach przejściowych i mieszanych na granicy językowej polsko-czeskiej i serbsko-bułgarskiej. Prawdopodobnie w przyszłości zajmę się obszerniej obu temi grupami dialektycznymi, a obecnie idzie mi tylko o pokazanie, że ustalenie względnej chronologii w gwarach tego typu jest rzeczą bardzo niebezpieczną, na bardzo kruchych opartą podstawach. W stosunku n. p. do gwar laskich twierdzono, że cechy stare są w nich przeważnie czeskie, nowsze zaś głównie polskiego pochodzenia; nasuwał się więc prosty wniosek, że był to ongiś dialekt czeski, który uległ polonizacji. Nie jest to wykluczone, ale na podstawie względnej chronologii cech dowieść tego nie można. I tak n. p. sądzę, że czeski rozwój grup *tolt*, *tort* > *tlat*, *trat* mógł się zupełnie dobrze pojawić w tych gwarach nawet kilka wieków po polskiej palatalizacji spółgłosek. Aby moje zapatrywanie o niemożliwości wyciągania wniosków ze względnej chronologii cech w takich gwarach wyjaśnić i twierdzenie to udowodnić, przedstawię szczegółowiej rozwój kilku cech w gwarach niezmiernie podobnych do typu laskiego, a mianowicie w przejściowych gwarach słowacko-polskich w Czadeckim.

W ziemi Czadeckiej — jak to gdzieindziej szczegółowiej przedstawiłem¹

¹ Por. streszczenie mej pracy: Les dialectes polonais dans le district de Czaca, Bulletin de l'Academie Polonaise des Sciences et des Lettres, décembre 1931.

— mamy dwie zasadnicze grupy gwar: 1) gwary czysto-polskie (rozumie się też z nieznacznym wpływem słowackim) i 2) gwary mieszane i przejściowe polsko-słowackie, które kiedyś były z pewnością polskimi. Wybieram dla przykładu gwarę wielkiej wsi (właściwie miasteczka) Turzówki, gdzie w centrum starsze i młodsze pokolenie mówi bezwzględnie po słowacku i to z wielkimi wpływami języka literackiego, ale na peryferjach tej wsi, zwł. u starych ludzi, gwara trzyma się jeszcze zupełnie dobrze. Jest to gwara wybitnie przejściowa z większością może cech słowackich, ale nie bez pewnych konsekwentnie przeprowadzonych rysów polskich. Z bardzo obszernego materiału, zebranego przeze mnie w tej wsi w 1930 r., wybieram tylko następujące cechy, których rozwój — jak sądzę — wyjaśni dostatecznie moje sceptyczne stanowisko w sprawie wspomnianej względnej chronologii. Poniżej przedstawię rozwój następujących cech: 1) nosówki, 2) grupy **tolt* i **tort*, 3) zachowanie się samogłosek *ě* i *e* przed następującą spółgłoską przedniojęzykową twardą, 4) zwięzienia pierwotnie długich samogłosek, 5) palatalizacja spółgłosek, 6) rozwój **r*, 7) rozwój **g*. Przejdźmy te cechy po kolei:

1) Utrzymanie nosowości zanotowałem w następujących przykładach: *bonk breňci*, *gymba*, *jence* 3. sg., *jentavy* 'jąkający się', *paľonk* 'pająk', *paľončina* 'pajęczyna', *stenkač*, *stenko* 3. sg., *žondlo* oraz nazwisko: *xrenšč*, ale apelatywum: *xrust* 'chrząszcz'.

Poza wymienionymi przykładami rozwój nosówek zgodny z językiem słowackim; przykłady na *ę*: *čaški*, *hradel* 'grządziel w pługu', *hratka*, *jara-bica* 'jarzębina', *jazyk*, *klāči* 3. sg., *po kolādže*, *maso*, *mešac*, *pāšć*, *pāta*, *pā-tek*, *pātka* 'piętka w kosie', *pātro* 'piętro nad gumnem', *pažitka* 'szczypiórek', *prādza*, *pradže* 3. sg., *prašlica*, *stehna* 'uda', *vacej*, *zvaska* 'swora w cepach wzgl. rodzaj bantu przy krokwiach szczytowych', *žáč*. Taki sam rozwój i w kategoriach gramatycznych: 1) *prašď*, *čelā* i t. d., 2) *kravy stoja* i t. d.

Przykłady na *o*: *duha*, *duška* 'dąga w beczce', *haľuže*, *hluboki*, *hoľup*, *horučka*, *hušeňice*, *huši*, *husta*, *xrust* 'chrząszcz', *kluba* 'biodra', *kružel*, *ku-kol*, *obruč*, *okruhle*, *paľus*, *prut* 'pręt w kosie', *rubač*, *ručňik*, *ruka*, *rukavice*, *rukof*, *slučka* 'pętla na końcu sznura', *stupe* 3. sg., *sušek* 'sąsiek na ziarno', *sušet*, *do sušeda*, *udzić* 'wędzić', *uhel*, *uski*, *utor* 'wątór w beczce', *zubadło* 'wędzidło', *zuby*, *žaluč* 'zoładź'. — Stale też $o \geq u$ w kategoriach gramatycznych: 1) *na trovu*, *na rosu*, *staňinu udzić*, *ja kopem hluboku studňu*, *nabič kosu* i t. d.; 2) *z babu*, *s kosu*, *kijaňu* instr. i t. d.; 3) *oni su*, *nazyvaju* i t. d.; 4) *spivajucy*, *stojucy* i t. d.

Pod względem rozwoju nosówek gwara Turzówki przypomina bardzo typ laski; i tam również nosowość spotykamy w zupełnie nielicznych sło-

wach, które można równie dobrze uważać za resztki dawniej powszechnie używanych polskich nosówek, jak też i za zapożyczenia z gwar sąsiednich. Niewątpliwie niegdyś polska gwara Turzówki najwyraźniej wskazuje, że rozwoju nosówek na wzór czeski, czy też słowacki nie musimy wiązać z ogólnym czesko-słowackim rozwojem samogłosek nosowych, lecz że mógł on nastąpić na drodze zapożyczeń wyrazowych i kategorii morfologicznych znacznie a znacznie później. U młodszego pokolenia w Turzówce nie spotkamy nawet tych drobnych śladów nosowości i, biorąc pod uwagę tylko ich sposób mówienia i nie znając historycznej przeszłości tej gwary, trudno by się było domyśleć, że kiedyś powszechnie panowała w niej wymowa nosowa.

2) Bardzo podobny obraz przedstawia też rozwój grup **tolt* i **tort*; ślady polskiej przestawki tych grup plątają się w kilku zaledwie słowach, zresztą spotykamy rozwój słowacki *tolt* > *tlat* i *tort* > *trat*; resztki polskiego rozwoju: 1) *dtúto*, *xłop*, *plúkać* 'prac', *plutno*, *vlukno*, *vlúcić*; 2) *brúzda*, *zrost* 'gęstwina', *krok*, *kročo* 3. sg., *mrofce*, *trok* 'gałganek'.

Poza wymienionymi przykładami spotykamy stan taki sam, jak w języku słowackim; przykłady: 1) *blato*, *dłań*, *hładny*, *hłas*, *χładno*, *kłańnice*, *klas*, *na klatku*, *młaci se* (obok rzadszego, ginącego *młúcić*), *młade mlyko* 'pierwsze mleko po ocieceniu, tak zw. *šara*', *mładuxa*, *młady pan* 'panna i pan młody na weselu', *plameń*, *stama*, *slańina*, *stávik*, *vlasy* i t. d.; 2) *brada*, *brańić*, *bravec*, *drahi*, *hraχ*, *kłada*, *na kołovraće*, *kratki*, *mras*, *smrat*, *vrabec*, *vrana*, *vrata*, *zahrada*, *zdravy*, *zrak* i t. d.

Przy omawianiu rozwoju nosówek i grup *tolt*, *tort* podałem wszystkie istniejące w Turzówce „polonizmy“, gdyż przeszedłem z obiektami cały wchodzący tu pod uwagę materiał; podane przykłady nowego rozwoju na wzór słowacki są tylko wyborem z zapisanego przeze mnie materiału. Z dyspalatalizacji samogłosek przed przedniojęzykowymi twardymi wybieram tylko przykłady dla *ě* i *e*, i to wszystkie, jakie zdołałem zapisać.

3) Z wyjątkiem *cały* stale w tej pozycji *ě* > *e* wzgl. *y*: *beły*, *bledy*, *ćelo*, *ćesto*, *hńyzdo*, *hvezdy*, *kresto*, *koleno*, *leto*, *myno*, *myzga*, *pena*, *pysek*, *poleno*, *śedto*, *śeno*, *ścena*, *śnedańe*, *sušet*, *vedro*, *vyter*, *želesko*. Dla dyspalatalizacji *e*)*o* nie mam przykładu; wszystkie wykazują rozwój zgodny z językiem słowackim: *ćetka*, *červený smrek* 'modrzew', *džery*, *fčety*, *fčera*, *met*, *metta*, *péro*, *popet*, *prścenek*, *sedmy*, *šesty*, *šestra*, *streda*, *štfero*, *večer*, *vesety*, *vrečeno*. Ponadto w kategorii imiesłowu stale: *postaveny*, *uplečeny* i t. d.

4) Samogłoski pierwotnie długie ulegają zgodnie z ogólną polską tendencją zwężeniu, i to **ā* > *o*, **ē* (< **e*, **ě*) > *y* wzgl. *ě*, *ō* > *u* wzgl. *ů*; oto kilka przykładów: *bujok*, *corek*, *fortux*, *χok*, *kabot*, *łajdok*, *nokova*, *syrovotka*, *na trovu*, *zašote*; stale w kategoriach: *boť se* ale *baťa se*, *stoť* ale

stata, kričot ale *kričata*, nie wspominając już o częstej pozycji nom. sg. f. przymiotników, n. p. *kožušano vesta* 'serdak', czy też 3. os. sg. czasu teraz. typu *čako, romigo* i t. d.; $\bar{e} > y \| 'y$ wzgl. \bar{e} : *člyf \| člěf, člyp, lyska, mlyko, syr, vycě, žrybe*; $\bar{o} > u$ wzgl. \bar{u} : *gluk* ale *głogi, hnúj, sül, tvaruž, vút* i t. d. Z brakiem oczekiwanego zwężenia spotkałem się bardzo rzadko; na kilkadziesiąt przykładów zwężenia dawnych długich samogłosek tylko kilka wykazuje jego brak.

5) i 6) Pod względem palatalizacji spółgłosek stan zupełnie identyczny z językiem polskim z wyjątkiem wargowych które przed **i* i **e* dyspalatalizowały się; ponadto $\bar{r} < *r$ we wszystkich pozycjach zastąpione przez *r*. Przykładów polskiej palatalizacji spółgłosek wyliczyłem dosyć przy poprzednich punktach, więc teraz jeszcze kilka przykładów braku palatalności: a) *bravec* 'prosić', *hřebeň, kopeňec* 'bróg', *kopec, kopem, na peci, svedrik, urve še, vrabec, žrybe*; b) $\bar{r} > r$: *kurimy* 'palimy', *ostre* 'ostrze', *oreži, paprica, priňdže* 3. os., *pričeš, prez* 'bez', *streža, strevicy* 'trzewiki', *skriňa, svoreň, vřečeno*.

7) O ile palatalizacja spółgłosek na wzór polski (poza wspomnianem zastrzeżeniem co do wargowych) oraz zastąpienie dawnego \bar{r} przez *r* są cechami bardzo konsekwentnie przeprowadzonymi, to rozwój $g > h$ wykazuje pewne wahanie: obok przeważającej słowackiej zmiany $g > h$ mamy też kilka słów z zachowaniem *g*, co już to jest pozostałością po dawnej polszczyźnie, już to osadem rumuńsko-węgierskim. Poniżej wyliczam wszystkie zapisane przykłady w porządku alfabetycznym; najpierw słowa z *g*: *cygan, gajst* 'nafta', *gašić, gluk, głogi, gombik* 'okrągły guzik', *goveč, govědži* 'drób', *grapa, gymba krava še gži, myzga, romigo* 3. sg., *sagaty* 'nagi', *ščegle* 'szczebile', *twagar, vargi*.

Pozatem notowałem tylko *h*: *dłuh'i, drahi, duha, hałuže, haňba, hat* (*haduf* gen. pl.), *hładny, hłas, hłava, hl'ina, hłuboki, hłuži, hñije* 3. sg., *hnúj, hñyzdo, hodaju* 3. pl., *hody* 'odpusť', *hoji* 3. sg., *hotup, hoły, hohñi, hora, horši, horučka, hotovy, hradel, hraž, hrap, hrapki* 'grabli w kosie', *hratka, hrbaty, hrdło, hřebeň, hriva* 'kalenica', *hrptovo košć, hrube, hruda, hryž, hryže* 3. sg., *hvezda, na humñe, huňa, huš, hušeňice, husta, ihla, kohut, z ñeho, noha, nohavice* 'spodnie', *okruhte, pehi, přiňlavok* 'część we wozie', *prinohi* 'rączki pługa', *šňahu* gen. sg., *stehna* 'uda', *taķeho* gen. sg., *trho trovu, truhla, uheł, vaha, vytyrho* 3. sg., *zahrada, zh'ibač še, zohlavok*. Na 81 zapisanych przykładów mamy 15 przykładów z *g* a 66 z *h*; jeżeli zaś z tego materiału wydzielimy słowa z *g* pochodzenia polskiego, to wtedy stosunek słów z *g*:*h*=8:66.

Z całego przytoczonego materiału z Turzówki widzimy, że starsze cechy wokaliczne (denazalizacja, rozwój **tolt, *tort* i brak dyspalatalizacji

*e i *ĕ w określonych warunkach) wykazują rozwój zgodny z językiem słowackim, a cecha bezwzględnie młodsza, t. j. zwężenie samogłosek pierwotnie długich, rozwinęła się zgodnie z tendencjami języka polskiego. Przy właściwościach konsonantycznych rozgraniczenie chronologiczne nie jest już tak wyraźne. Wnioskowanie na podstawie tej względnej chronologii o pierwotnej słowackiej podstawie gwary Turzówki i późniejszym polskim wpływie okazuje się zupełnie zawodne, gdyż wiemy na podstawie relacji historycznych i innych, że była to gwara w niezbyt odległej przeszłości polska i wskutek tego „stare” słowackie cechy mogły się w niej pojawić dopiero w XIX w.!

Bardzo zwł. pouczające jest zachowanie się \check{r} , które w całym szeregu gwar polskich na Spiszu i w polskich wyspach językowych na Słowaczyźnie zostało wyparte przez r słowackie; rozumie się, że w tych wypadkach nie mamy do czynienia ze stosunkowo wczesną słowacką dyspalatalizacją \check{r} , lecz z zupełnie późnym zastąpieniem polskiego \check{r} przez słowackie r , co w różnych stadjach możemy obserwować na pograniczu polsko-słowackim.

Przykład gwary Turzówki bardzo jaskrawo wskazuje, jak nieraz niezmiernie lekkomyślne jest wyciąganie wniosków ze względnej chronologii cech w gwarach przejściowych, a nadto rzuca ciekawe światło na sam proces powstawania tego rodzaju gwar; szczegółowe rozpatrywanie jednak drogi rozwojowej gwar przejściowych, czy też mieszanych nie jest celem niniejszego artykułu, gdzie szło jedynie o zwrócenie uwagi na niemożliwość chronologizacji cech w tych dialektach. Stwierdzenie tego faktu jest dosyć przykre i mimowoli nasuwa się pytanie, czy jednak zawsze względna chronologia cech w tych gwarach jest zupełnie zawodna, czy zawsze mogą one powstawać w dowolnym chronologicznym następstwie?

Zdaje mi się, że jedynie wtedy możnaby mówić o chronologicznych warstwach dialektów a i b , które w wyniku dały typ kombinowany c , jeżeli granica chronologiczna między typem a i b występuje wyjątkowo wyraźnie. Tam, gdzie się ona zaciera, t. j. gdzie nie możemy powiedzieć, że n. p. wszystkie cechy typu a są bezwzględnie staremi, a wszystkie cechy typu b nieporównanie młodszymi, albo odwrotnie, to w takim wypadku oznaczenie pierwotnego dialektu na podstawie względnej chronologii jest zupełnie niemożliwe; wtedy bowiem nie potrafimy rozstrzygnąć czy dawne typ a + późny b dał c ; czy naodwrot dawne b + późniejsze a rozwinęło się w c ; jeden i drugi porządek chronologiczny jest wtedy zupełnie możliwy.

Kraków

Mieczysław Małecki

Константинъ Философъ (Св. Кирилъ) като царски пратеникъ при сарацини и хазари

Славянскиятъ първоучителъ Константинъ Философъ, покрай другитѣ си дѣла, е ходилъ като царски пратеникъ въ столицитѣ на сарацинитѣ и хазаритѣ. Сведенията, които пространното му славянско житие¹ дава за тия пратеничества, могатъ да бждатъ използвани както при изучаване културнитѣ отношения на Византия къмъ съседнитѣ ѝ народи въ IX в., така и за попълване характеристиката на този бележитъ мжжъ; а на тѣхъ досега не е обърнато достатъчно внимание. Поради това ние имъ посвещаваме тая си статия.

Споредъ житието, Константиновитѣ пратеничества при сарацини и хазари имали за целъ защитата на християнската вѣра; въ тѣхъ философътъ водилъ препирни съ сарацински и еврейски учени и успѣлъ да вземе връхъ надъ еднитѣ и другитѣ. Първитѣ препирни сж изложени твърде накратко, а вторитѣ — по-подробно. За тѣхъ Константинъ написалъ цѣла книга, която братъ му архиеп. Методий превелъ на славянски съ нѣкои съкращения, а авторътъ на житието съкратилъ още повече. За тия съкращения последното казва (гл. X): „а иже хочеть съвршениихъ сихъ бесѣдъ искати истыхъ, въ книгахъ ѿго обрещеть ю, ѿ елико прѣложи оучитель нашъ архиепискоупъ Методіе, раздѣлюе на осмъ словесъ... Отъ многа же мы оукрацъше въ малѣ положихомъ ѿ елико памети ради“. Понеже житието е било написано съ поучителна целъ, именно да даде на читателя възможность да подражава на светеца (то се слыше подобить се ѿмоу, гл. I), не може да има съмнение, че при съкращаването на препирнитѣ сж били изпустнати главно

¹ Житието носи заглавие: „Мѣсеца февара въ дѣи днь. Паметь и житие блаженаго оучителя нашего Константина Философа, прваго наставника словѣнскоу языкоу“. Ние правимъ изпискитѣ си по преписа отъ XV в., запазенъ въ манастира Св. Онуфрий въ Львовъ и преиздаденъ отъ проф. А. Теодоровъ-Баланъ въ книгата му „Кирилъ и Методи“ (София 1920), стр. 29-67. На стр. 68 отъ последната, вм. манастиръ Св. Онуфрий, погрѣшно е посочена Московска дух. академия; но грѣшката биде поправена въ статийката на сжщия авторъ „Къмъ тѣй нареченитѣ Панонски жития“ въ Годишника на Софийския университетъ, Истор.-филол. факултетъ, т. XIX, 8, и отдѣл. отпечатъкъ, стр. 5. На сжщата стр. 68 отъ книгата сж посочени по-раншитѣ издания. Неотдавна покойниятъ руски проф. П. А. Лавровъ преиздаде сжщото житие по ржкописа на нѣкогашната Московска дух. академия въ книгата си: Материали по исторни возникновения древнейшей славянской письменности. Труды Славянской комиссии, т. I. Издательство Академии наук СССР. Ленинград 1930, стр. 1-66; но за цельта на нашата статия иова издание не представя предимства, затова не го използвахме.

подробности за мѣстата и обстановката, а може би и за нѣкои лица. Въ всѣки случай, умѣстно е да се зададе въпросъ, дали самитѣ сведения на житието за въпроснитѣ препирни иматъ автентиченъ характеръ. По нашето мнение, на този въпросъ трѣбва да се отговори утвърдително, защото между тѣхъ и историческитѣ сведения отъ епохата на Константиновитѣ пратеничества сжцествува съгласие. Съ мненията, които повдигатъ нѣкои подробности, не могатъ да разрушатъ последното. Такива подробности има главно въ разказа за сарацинското пратеничество. Най-важна въ случая е грѣшката, по която въ време на последното Константинъ билъ на 24 г.: „бѣ же тогда философъ .к. и .д. лѣтомъ“ (гл. VI); а отъ арабскитѣ извори се вижда, че въ 851 г., когато философътъ билъ на 24 г., византийско пратеничество въ столицата на халифа не е имало. Но въпросната грѣшка може да се обезсили и обясни възъ основа на други подадки въ житието. И наистина, въ последното се казва, че, когато сарацинитѣ подигнали хули срещу византийцитѣ, загдето вѣрватъ въ троеличенъ Богъ, и имъ предложили да изпратятъ свои учени, за да водятъ препирня съ тѣхъ относно вѣрата въ Бога, разпоредбата за изпращането на Константина излѣзла отъ императора (Михаила III): „съборъ же сътвори царь, и призвавъ и рече ѹмоу: слышиши ли, философе, чѣто глаголють скврньнии агарѣни на нашоу вѣроу?“ (гл. VI). Пакъ на царя се приписва инициативата и за станалата преди разглежданото пратеничество препирня на Константина съ сваления патриархъ иконоборецъ Йоанъ (Анисъ) за почитането на иконитѣ; но тогава, редомъ съ царя, се турятъ и патриции (гл. V): „царь же съ патрикии оустроивъ, философа посла нанъ (Анниса)“. При постригването на философа за свещеникъ и поставянето му за учителъ по философия разпоредбитѣ идѣли отъ царицата (Теодора) и логотета. Императоръ Михаилъ III почналъ да се мѣси въ ржководството на държавнитѣ работи, когато станалъ на 15-16 год., т. е. 853-854 год., следователно, споредъ житието, и препирнята съ патриарха Йоана, и пратеничеството при сарацинитѣ сж станали не по-рано отъ тия години, инакъ казано, не когато философътъ е билъ на 24 год. Отъ друга страна въ житието се казва, че наедно съ Константина билъ изпратенъ при сарацинитѣ и асикритъ Георги (приставише же къ ѹмоу асикрита Георгия и послаше¹ ѹ); а отъ арабски изворъ, именно отъ хрониката на Табари, се знае, че пратеничеството, въ което участвувалъ последниятъ, е било въ края на 855 и началото на 856 г. Споредъ Табари, Георгиевото пратеничество имало за цель размѣна на пленници. Въ него участвували много патриции и слуги около 50 души². На пръвъ погледъ, сведенията на Табари не се

¹ Ние считаме за излишно да се спираме на грѣшката „полаща“ вм. послаша, която се взимаше за прозвище на асикрита Георги и сжщо се считаше отъ нѣкои за доказателство, че авторътъ на житието не е знаялъ точно името на последния.

² А. Васильевъ, Византия и арабы (Спб. 1900), т. I, прилож. IV, стр. 54.

съгласуватъ съ житието, което представя асикрита Георги за помощникъ на Константина и не говори за никаква размѣна на пленници. Това даде поводъ на нѣкои учени да се усъмнятъ въ автентичността на житейния разказъ и да мислятъ, че неговиятъ авторъ не е знаелъ добре нито целта, нито годината на пратеничеството, та затова нѣма защо да се вѣрва и на изложенитѣ отъ него препирни¹. Между това, щомъ подробноститѣ се проучатъ по-основно, ще се види, че противоречието между сведенията на Табари и тѣзи на житието може да бжде отстранено. Относно годината, трѣбва да се допусне, че е станала грѣшка при преписването, като е било написано .к̄д. вм. .к̄ѣ, понеже цифрениѣ букви д и ѣ сж близки по форма и понеже въ житието (именно въ разказа за препирнята съ патр. Йоана, който вѣрви непосредствено преди онзи за сарацинското пратеничество) има тенденция да се изкара, че Константинъ е проявилъ мждростъ още въ млади години. Подобна грѣшка се срѣща и въ проложното Методиево житие по Станиславовия прологъ отъ 1330 година, въ който вмѣсто д̄гста стои д̄гста². Колкото за това, гдето житието представя пратеничеството зарелигиозно, а Табари — за таково, което трѣбвало да извърши размѣна на пленници, противоречието се отстранява, щомъ се приеме, че и двата извора сж непълни и че взаимно се допълнятъ. Арабскиятъ историкъ говори само за размѣна на пленници въ Киликия, понеже тя го интересува, но, както се каза, съобщава, че наедно съ асикрита Георги, който ржководѣлъ размѣната, имало и много патриции. Дали и асикритѣтъ, т. е. секретарѣтъ на едно отдѣление въ централното управление на империята, е ималъ чинъ патриций, не е казано; но защо сж били „много патриции“? При по-раншната размѣна на пленници въ 845 г., сжщиятъ Табари съобщава за двама началници отъ грѣцка страна³. Явно е, че при размѣната отъ 855-6 год. само частъ отъ пратеничеството, на чело съ Георгия, наричанъ отъ Табари „великъ пратеникъ на гърцитѣ“, е останала въ Киликия, а другата наедно съ Константина Философа е отишла въ Багдатъ, между друго, да занесе отговоръ до халифа и да изпълни желанието му за религиозенъ споръ.

¹ Най-далечъ въ съмненията си отиде проф. Брюкнеръ, който допуска най-много, че Константинъ е придружавалъ асикрита Георги, препиралъ се е въ пжтуването съ нѣкой арабинъ и ще да е чель съчинението на своя съвременникъ Никита Византийски срещу мухамеданитѣ, чиято отайка (Niederschlag) намираме въ житието (Die Wahrheit über die Slavenapostel, Tübingen 1913, стр. 26). А въ сжщностъ, философъ Никита е писалъ защита на християнското учение за Бога срещу нападкитѣ на сарацинитѣ 10-на години следъ пратеничеството на асикрита Георги, когато импер. Михаил III е ималъ за съуправникъ Василия Македонецъ, следов. не по-рано отъ 866 год. (вж. Krumpholtz, Byzantin. Literaturgeschichte, II изд., стр. 79). При това, Никита говори само за Бога, а въ Константиновата препирня сж засегнати повече други въпроси. Когато е писалъ Никита, Константинъ е билъ въ Моравия.

² П. Лавровъ, Материалы, стр. 101; Й. Ивановъ, Български старини изъ Македония, изд. II (1931 г.), стр. 289.

³ А. Васильевъ, ib. 48.

Табари има предъ видъ първата часть отъ пратеничеството, а житието — втората; освенъ това, следвайки житейнитѣ византийски похвати, последното говори само за своя светецъ, Константина. Но защо никой византийски хронистъ не говори за пратеничествата на Константина? На този въпросъ на хиперкритицитѣ¹ може да се отговори така: отъ времето на Константиновитѣ пратеничества до насъ не е дошла нито една византийска хроника: и продължителтъ на Теофана, и Псевдо-Симеонъ Магистъръ, и Генесий, които разказватъ за събитията отъ онова време, сж по-сетнишни, съвременници на Константина Багрянородни. Това личи, между друго, и отъ стремежа имъ да очернятъ, колкото се може повече, импер. Михаила III и вуйчо му Варда, за да оправдаятъ облагодетелствувания отъ сжщитѣ тѣхенъ убиецъ Василий Македонецъ, дѣдо на Константина Багрянородни. Тѣзи хронисти се интересуватъ отъ дворцовитѣ скандални истории на младия Михаилъ III, а не отъ полезнитѣ за държавата пратеничества, заповѣдани отъ него. Но, ако тѣ пропускатъ да говорятъ за разглежданитѣ пратеничества, това не значи, че последнитѣ не сж станали, щомъ за тѣхъ съобщаватъ други — за сарацинското отъ 855-6 — Табари, а за хазарското — Анастасий Библиотекаръ въ писмото си до Гаудериха.

Автентичността на разглежданитѣ пратеничества се доказва и отъ това, че въ сведенията за тѣхъ нѣма шаблонностъ: житието ги различава добре и по времето на препирнитѣ, и по обстановката имъ, и по участвуващитѣ въ тѣхъ лица, и по начина на разискването, и по резултатитѣ. Въ случая дори не става дума за сжщински диспутъ, за какъвто се разказва въ шаблоннитѣ препирни (напр. въ оная на Св. Силвестра съ легендарния Замврий, помѣствана въ житието на този светецъ, въ хрониката на Амртола и другаде), а за разговори между гостъ и домакини въ време на обѣдъ: „на обѣдѣ же сѣдеще агарѣни, моудра чедъ и книжна... искоушающе и въпрашаоу глаголюще... (гл. VI)... югда хотѣхоу на обѣдѣ сѣсти оу кагана, въпросише юго... (гл. IX). Каганъ же възъмъ чашоу рече... философъ же възъмъ чашоу рече“... (гл. IX). Нѣкои подробности явно сочатъ съвременникъ и не могатъ да бждатъ внесени отъ сетнешно далечно лице. Такова е съобщението, че отвънъ по кжщигѣ на християнитѣ въ сарацинската земя, презъ гдето преминалъ Константинъ, имало образи на дяволи. Отъ арабски извори се знае, че фанатикътъ халифъ Мутавакилъ (847—861) билъ заповѣдалъ, християнитѣ въ държавата му да турятъ отвънъ на кжщигѣ си дървени фигури на дяволи, да носятъ върху дрехитѣ си жълти кърпи и пр., за да се отличаватъ отъ мохамеданитѣ. — При излагане на пратеничеството въ Хазарско, житието посочва, че пжътта минувалъ презъ Азовско море и Каспийския проходъ на Кавказкитѣ планини: „поути се ютъ хазарьскаго на Меотьскою језеро и Каспискаа врата Кавькажьскихъ горъ“ (гл. IX). По това посочване се узнава, че хаганътъ

¹ Brückner, ib.

е билъ на лѣтуване въ старата хазарска столица Балангаръ, която се е намирала на около 300 килом. на югъ отъ устието на Волга и на 100-на килом. на северъ отъ Каспийската врата (Дербентъ). По-новата столица е била при самото устие на Волга въ двойния градъ Сарыгшаръ (западната частъ) — Хамлихъ (източната).¹ Самитѣ препирни въ дветѣ пратеничества се водятъ по различенъ начинъ. Сарацинитѣ били горди съ силата си и се държели надменно къмъ християнитѣ, като били убедени, че самото могъщество на тѣхната държава доказвало превъзходството на вѣрата имъ, тѣй като Господь помага на правовѣрнитѣ. Халифътъ Ал-Мамунъ, въ 832 г., дори предложилъ на императора Теофила да приеме мохамеданството.² При такова държане Константинъ както ще видимъ по-долу, не е могълъ да си служи съ богословски доказателства, а е прибѣгналъ къмъ цитати отъ корана и къмъ доказателство *ad hominem*. Еврейскитѣ учени въ столицата на хагана сж се държали самоувѣрено, но коректно. Тѣ знаели добре Вехтия заветъ, затова Константинъ въ препирнитѣ си съ тѣхъ си служи почти изключително съ цитати отъ него. Хаганътъ и първенцитѣ му се отнасяли къмъ философа почитателно, но не могли да схващатъ добре нито библейскитѣ текстове, нито много отвлѣчени доказателства, затова той употребявалъ прѣдъ тѣхъ доказателства отъ здравия смисълъ. Сами тѣ го молили да постѣпва така: „съкажи намъ чьстѣнии моужоу притѣ чами и оумомъ вѣроу, ѱже юсть лоучьши всѣхъ“ (гл. IX). Автентичността на разказа за хазарското пратеничество, въпрѣки поучителната тенденция на житието, изпѣква много добре и въ думитѣ, съ които първиятъ съветникъ на хагана завършилъ препирнитѣ: той призналъ, че победата била на страната на Константина, но несъзнателно изповѣдалъ, че сжди за правотата на християнската вѣра главно по силата на Византия и по разумността на нейнитѣ рѣководители: „ѱко даль юсть Богъ власть надъ всѣми юзькы цароу хрестиянскоу и моудрость съврѣшеноу, тако и вѣроу въ нихъ“ (гл. XI). Тия подробности, явно, не сж шаблонни.

Но не бие ли на шаблонъ това, гдето житието представя, че въ три последователни пратеничества въ различни страни императорътъ се обръщаль все къмъ Константина? На нѣкои учени това се видѣ подозрително; но, като се размисли, какви качества сж били потрѣбни на лицето, за да извърши въпроснитѣ пратеничества, ще се види, че авторътъ на житието, ако и да има желание да изтѣкне дарбитѣ на своя герой, служи не на шаблонъ, а на истината. Преди всичко Константинъ е билъ избранъ да защитава християнската вѣра като лице, което по длѣжностъ трѣбвало да извърши това. Той билъ преподавател на философия въ специално училище, гдето се допускали и чужденци, и тъкмо за това той носѣлъ служебна титла „философъ“. Длѣжността препо-

¹ J. Marquart, *Osteuropetsche und ostasiatische Streifzüge*, Leipzig 1903, стр. 18-19.

² А. Васильевъ, същото съчин., прилож. IV, стр. 48.

давателъ на философия му осигурявала нѣкои служебни права и редовна заплата, или, както казва житието, той я е заемалъ „съ всакою слоужбою и помощію“. Па и независимо отъ служебната си титла, Константинъ се считалъ отъ своитѣ познати за философъ още следъ свръшването на учението си при прочутитѣ учени на IX в., Лъвъ Солунски и Фотий. При тѣхъ той изучилъ 7-тѣ предмета, които въ срѣднитѣ вѣкове съставляли на западъ подготовителния курсъ на университетското образование: „И наочи се Омироу и геометрии, и оу Льва и оу Фотия диалектицѣ и всѣмъ философиискимъ оучениемъ, къ симъ же и риторикии, ариѣмитикии, астрономии и моусикии, и всѣмъ прочимъ елиньскимъ хоудожствомъ“ (гл. IV). Въ очитѣ на своитѣ съвременници Константинъ билъ философъ не само поради подготовката и службата си, а и поради голѣмитѣ си дарби, природната си мъдрость и чиститѣ си нрави. Италианското житие (*Vita cum translatione S. Clementis*), което не знае за наукитѣ и службата му, казва, че той „справедливо се наричалъ философъ поради чудния си умъ, що проявявалъ по необикновенъ начинъ още отъ ранно детинство“ (*qui ab mirabile ingenium, quo ab ineunde infantia mirabiliter claruit, veraci agnomine Philosophus est appellatus—гл. I*). А длъжность на тогавашенъ философъ било преди всичко да разяснява и защищава учението за троеличността на Бога. Трѣбва да се има предъ видъ, че по времето на първоучителитѣ догматиката се е считала за частъ отъ философията.¹ Затова императорътъ нарича Константина „служителъ на Св. Троица“: „то яко светые троице сы слоуга и оученикъ шѣдь противи се имъ (агарѣномъ)“. По сжщата причина, когато, 10-на години по-късно, наново станало нужда да се защити християнскитѣ догматъ за троеличността отъ нападки на сарацинитѣ, това било възложено не на нѣкой епископъ, а пакъ на философъ, именно на спомнатия Никита Византийски. Споредъ Йоана Дамаскина, баща и основателъ на срѣдновѣковната философия, последната е любовь къмъ премъдростьта, а истинската премъдрость е Богъ; затова истинската философия се състои въ любовь къмъ Бога. Сжщественъ дѣлъ отъ философията, по тогавашнитѣ разбираия, съставятъ догмитѣ за безконечността на Бога, за троеличността му и за изкуплението на хората отъ грѣхопадението. Съ други думи, тогавашната философия е била единъ видъ високо богословие. Затова, ако и житието да не споменува, че Константинъ е изучилъ богословието, въ това не е можелъ да има никакво съмнение: като философъ, той не може да не бжде богословъ. А за да се разбере, защо и чистиятъ животъ на Константина го е правѣлъ въ очитѣ на императора и на придворнитѣ истински философъ, а не само такъвъ по професия, трѣбва да се иматъ предъ видъ думитѣ

¹ Теодоръ Дафнопатъ (първата половина на X в.), въ житието на Теодора Студита, казва за този светець, че „прекаралъ съ пълно усърдие цѣлата философия, както етиката и догматиката, така и ония отдѣли, които съдържатъ диалектиката и похватитѣ за доказване“.

на Соломона, че „в' слохъдожнѣ дѣшѣ не внидетъ премѣдрость, ниже обитаетъ в' тѣлеси повиннѣмъ грѣхѣ.“ И Григорий Богословъ, на когото Константинъ се е старалъ да подражава, въ I-то си богословско слово учи, че за философствуване сж способни само люде, които сж изпитали себе си, които сж прекарвали живота си въ съзерцание и, преди всичко, сж очистили или поне очистватъ и душата, и тѣлото си; а за нечистия може би не е и безопасно да се докосва до чистото, както за слабото зрение не е безопасно да се срѣща съ слънчевия лжчъ. Затова именно житието изтъква, че по-важна и отъ учението е била Константиновата кротость: „боле же оучения тихъ образъ на себѣ навлаю“. Този възгледъ е сподѣлялъ и самиятъ Константинъ. Когато неговиятъ покровитель, логотетъ Теоктистъ, го попиталъ, що е философия, той отговорилъ: „тя е разбиране на божитѣ и човѣшкитѣ нѣща, до колкото човѣкъ може да се приближи до Бога, и учи човѣка да действува по Божи образъ (и ако дѣтелию оучить чловѣка по образу и по подобию быти сътворшешему)“. И така, императорътъ, който добре е познавалъ Константина, го е изпращалъ да защитава догмата за троеличността на Бога не само като философъ по професия, а и като такъвъ по дарби и чистъ животъ. А младиятъ още философъ наистина ималъ разнообразни дарби: той билъ остроуменъ и досѣтливъ, ималъ даръ слова, умѣлъ да излага мислитѣ си достъпно и картинно и да се съобразява съ личнитѣ особености на събеседницитѣ си. Освенъ това, той билъ тихъ и скромненъ, па ималъ и прилична външность, та не действувалъ на последнитѣ отблъсквателно.

За изпращането на Константина като царски представителъ предъ чужди владетели не е било безъ значение и знанието на чужди езици, по което той надминавалъ дори знаменититѣ си учители. За жалость, житието не дава достатъчно сведения за това му предимство. То съобщава по-късно (гл. XVI), че, когато се препиралъ съ противницитѣ на славянската книжнина въ Венеция, Константинъ казалъ: „хвалю Бога моего, отъ всѣхъ васъ паче языки глаголю“ (ѣ вм. срѣдноб. и отъ ѣж), но не казва изрично, кои езици е знаялъ. Не може да има съмнение, че е знаялъ латински, а, споредъ житието, изучилъ е въ Херсонъ за кжсо време и еврейски, следъ което, безъ особено учене, можалъ да разчете и самарянски книги. Последното кара да се допустне, че Константинъ е знаялъ било отъ Солунъ, било отъ Цариградъ, сирийски езикъ, съ който и еврейскитъ (арамейски), и самарянскитъ сж много близки. Едно сетнешно проложно житие направо твърди, че Константинъ е изучилъ и латински, и сирийски въ Цариградъ: . . . „и четири языки философии научився: и нѣлиньскы и римьскы, сурьскы, жидовьскы“. ¹ Въпросното житие не е никакъ сигуренъ източникъ, но знанието на сирийски трѣбва да се допустне независимо отъ него; този езикъ е трѣбвалъ на Константина за четене съчиненията на сирийскитѣ отци, а въ войската, въ-

¹ П. Лавровъ, Материалы, стр. 101.

роятно и бащината му, тогава е имало много сирийци, отчасти преселвани, отчасти избѣгали отъ арабитѣ. За славянски нѣма защо и да споменуваме. Знанието на езици сжщо така ще да е произвеждало впечатление на императора и придворнитѣ, които сж знаели добре подготовката му. Последната е била много по-обширна, отъ колкото я откриватъ дветѣ разглеждани пратеничества. Константинъ е билъ човѣкъ съ голѣми дарби и, подобно на своитѣ учители Лъвъ и Фотий, се е интересувалъ отъ разнообразни знания. Въ Византия не е имало тая дифференцировка на философско-научнитѣ знания, която сжществува сега, а въ епохи на възраждане, каквато е била оная, която е следвала следъ иконоборството, всѣкога се забелязва стремежъ къмъ многостранность въ знанията. За часть отъ Константиновата подготовка ние добиваме сведения вѣнъ отъ житието: за стихотворческата му дарба и за знанието наизустъ на философско-богословскитѣ съчинения на Псевдо-Ареопагита съобщава Анастасий Библиотекаръ въ писмото си до еписк. Гаудериха и до импер. Карлъ Плешиви; за богословскитѣ му познания и професорскитѣ му похвати на излагане можемъ да сждимъ по съчинението му „Написаніе о правѣи вѣрѣ“ и пр. Тукъ не е мѣсто да се прави подробна характеристика на тоя забележителенъ човѣкъ: за цельта на нашата статья обаче е потрѣбно да кажемъ нѣщо за неговата свѣтска подготовка, на която до сега не е било обърнато внимание. Житието му, което въ първата си часть е доста повлияно отъ условнитѣ житейни похвати, оставя въ сѣнка тая страна отъ неговото възпитание; но то все пакъ дава материалъ, по който можемъ да я схванемъ. Въ гл. IV то разказва, че логотетъ Теоктистъ, откакъ разбралъ скромността на Константина и стремежа му да замѣни суетнитѣ нѣща съ небеснитѣ, далъ му власть надъ своя домъ и му позволилъ да влиза смѣло въ царския палатъ: „Оузрѣвъ же ѿго такова соуща логофетъ, дасть ѿмоу власть надъ своимъ домоу и въ царевоу палатѣу съ дръзновениемъ выходити“ (гл. IV). Това ще да е било, когато Теоктистъ наистина е ималъ власть да разреши на покровителствувания отъ него младъ философъ свободенъ входъ въ царския дворець. Откакъ отстранилъ брата на царица Теодора, Варда, въ единъ видъ почетно заточение, логотетътъ постепенно се сближилъ много съ последната, направилъ си новъ домъ съ баня и градина близу до царския дворець и наредилъ, желѣзната порта на новия му домъ да се пази отъ дворцови служители (папии) — което ще каже, че е считалъ новия си домъ за часть отъ двореца. Почнали да го подозиратъ, че той крои да се ожени за царицата или за една отъ дѣщеритѣ ѿ, та да стане съуправитель-царь. Тогава именно стариятъ му домъ, въ който ще е живѣлъ и Константинъ, ще да е билъ оставенъ подъ надзора на последния. Въ дома на логотета младиятъ Константинъ ще да е доусвоилъ навици и маниери на човѣкъ отъ висшето общество, на каквито билъ понавикналъ и въ бащиния си домъ, а съ надзираването му — и известна житейска опитность. Колкото за позволеніето, той да влиза сво-

бодно въ царския палатъ, то ще да е било дадено съ двойка целъ — отъ една страна, да се запознае съ дворцовия етикетъ и съ предметитъ на изкуството въ него, а отъ друга — да има възможность да се срѣща съ младия царъ и да му въздействува съ мирния си характеръ и съ знанията си. Житието съобщава още, че Константинъ, въ беседитъ си съ логотета, му преподалъ накратко философското учение (сътвори нему оучение философско, въ малѣхъ словесехъ великъ оумъ съказавъ); но отъ по-нататъшнитъ думи ва сжщото може да се заключи, че въ беседитъ си съ своя покровитель, младиятъ философъ не само е преподавалъ, но се е и училъ, като усвоявалъ държавнически възгледи. Безъ такава практическа подготовка, логотетътъ не би му предложилъ да се ожени за една негова племенница, за да може да бжде назначенъ отъ царя за управитель на княжество, по всѣка вѣроятность славянско, а следъ това — и за стратигъ (и кнежение приемъ больше чай, въ скорѣ бо и стратигъ боудеши). Константинъ не приелъ предложението на логотета, защото не ламтѣлъ за свѣтска дейность и не е искалъ да се намѣсва въ политическитъ борби; но подготовката му при логотета и дворцовата полировка му помагали по-сетне при изпълнение на възлаганитъ му пратеничества, когато той е трѣбвало да се държи като високопоставено лице, за да представя царя съ достоинство („чъстнѣ“), да държи тостове на владѣтелски трапези, да не се учудва на богатствата на халифа и пр. Не може да се гледа на предложението на логотета само като на житеенъ похватъ, при все че на житията е свойствено да представятъ, че светцитъ се отказватъ отъ почести и чинове, защото житието би могло да представи, че му е предлагана служба въ самия Цариградъ. То явно стои на реална почва, когато говори за „кнежению“ и стратигство, отъ каквито логотетътъ наистина е ималъ потрѣба да бждатъ въ ржцетъ на преданъ нему човѣкъ. А че и съ външността си, изтънченитъ си обноски и изобщо съ държането си Константинъ е произвеждалъ впечатление на околнитъ, — въ това не може да има съмнение. Анастасий Библиотекаръ, единъ отъ ржководителитъ на папската канцелария и самъ папа за малко време, го нарича, въ писмото си до Карла Плешиви отъ 875 г., великъ човѣкъ и наставникъ съ апостолски животъ (*vir magnus et apostolicae vitae praeseptor*).

Сега да видимъ какъ е изпълнилъ Константинъ възложенитъ му отъ царя Михаила III пратеничества въ столицитъ на сарацинитъ и хазаритъ. Въ столицата на халифа философътъ нѣмалъ възможность да прояви добре своитъ философско-богословски познания — толкова повече, защото инициативата въ задаването на въпроситъ е била на страната на неговитъ противници. Но тука сж му паднали случаи да покаже остроумието и досѣтливостта си, да използва научнитъ си знания и да защити престижа на империята и предимствата на християнската култура. Желанието на сарацинитъ да унижатъ християнитъ заличало, още когато Константинъ влѣзълъ въ тѣх-

ната земя, вѣроятно въ областъта Киликия, гдето асикритъ Георги е трѣбвало да размѣня пленници. Още тогава водачитѣ обърнали вниманието му върху унизеното положение на тамошнитѣ християни, като посочили върху кжцитѣ имъ изображения на дяволи, за които се спомена, и го попитали, може ли да отгатне, що значи това. Той съумѣлъ да обърне унижението на християнитѣ въ тѣхно достойнство, като казалъ, че дяволитѣ, явно, не могатъ да живѣятъ наедно съ християни, та бѣгатъ вѣнъ отъ кжцитѣ имъ, а мохамеданскитѣ кжци сж добро жилище за тѣхъ. — Истинска препирня съ сарацинскитѣ учени философѣтъ ималъ само тогава, когато билъ на трапеза съ тѣхъ. Халифѣтъ не е билъ на последната, затова житието не говори за него. Въ случая то остава вѣрно на историческата действителность. Мутавакилъ (847-861 г.) се е държалъ високомѣрно и враждебно съ християнитѣ, та едва ли е удостоивалъ пратеницитѣ имъ да седатъ на една трапеза съ него. Види се затова и импер. Михаилъ III се е държалъ гордо предъ сарацинскитѣ пратеници. Дошлиятъ въ Цариградъ презъ априль-май 860 г. пратеникъ, ако и да е билъ прибранъ въ двореца и да се е явилъ въ тържествена ауденция при него, не е чулъ нито една негова дума, а е виждалъ само климане съ глава, когато преводачѣтъ превеждалъ думитѣ му.¹ Първиятъ въпросъ на сарацинскитѣ учени (моудра чедъ и книжна, наочена геометрии и астрономии и прочнимъ оучениемъ) е ималъ за цель да унизи християнитѣ, като изтъкне отсъствието у тѣхъ на еднакви възгледи по религиознитѣ въпроси и като противопостави единомислието на мохамеданитѣ (и вси дръжимъ се по законъ него (Махмета), ничесоже прѣступающе; а вы християни... овъ сице, овъ инако...). Дали Константинъ не е знаялъ, че и мохамеданитѣ иматъ секти, не е известно; но той не влѣзълъ въ пререкание по тоя въпросъ, а го използвалъ, за да изтъкне възвишеностъта на християнското богословие. Той казалъ, че християнскитѣ Богъ е като бездѣнно море, та могатъ да го преплуватъ само силнитѣ по умъ, и то съ негова помощъ, а отъ слабитѣ, които се опитватъ да го преминатъ на гнили кораби, едни се удавятъ, други пѣкъ едва могатъ да си отдѣхнатъ и лениво се клатушкатъ; а Мохамедовото учение е тѣсно, та лесно се прескача и усвоява, защото не се издига надъ човѣшкитѣ обичаи (нѣсть бо кромѣ людъскаго обичаа). Християнитѣ се стремятъ да достигнатъ чистотата на ангелитѣ, а мохамеданитѣ, на които законѣтъ не запрещава дори гнѣвуване и плѣтски наслади (нѣсть вамъ вѣстегноуль гнѣва и похоти), могатъ да паднатъ въ животинство. Едва следъ туй Константиновитѣ събесѣдници повдигнали въпроса, по който пратеницитѣ на халифа въ Цариградъ били изказали желание да се води препирня; но сторили това въ несериозна форма. Тѣ, не безъ ирония, казали, че, както вѣрватъ християнитѣ въ уче-

¹ А. Васильевъ, същото съчин., I, прилож., стр. 58. Но византийскитѣ церемониалъ, както го излага Константинъ Багрянородни, не само допускатъ пратеницитѣ на багатскитѣ халифѣ да седатъ на императорската трапеза, но ги и поставялъ предъ франкскитѣ (вж. Васильевъ, същ. съчин., I, ветжплението, стр. 13).

нието си за Бога, като му приписватъ синъ и духъ, могатъ да дойдатъ дотамъ, че да твърдятъ и за жена, та да заговорятъ и за разплодяване на много богове. Въмѣсто да философствува, Константинъ си послужилъ съ корана, въ който сѣщо се говори за раждане отъ дева чрезъ Божи духъ. Това е доказателство *ad hominem*, защото самъ той не вѣрвалъ въ корана; но нема въ случая цельта е била да се философствува? Той искалъ да затвори устата на противникитѣ и сполучилъ. Други два въпроса, повдигнати отъ последнитѣ, сѣщо имали характеръ повече на закачка, именно, защо християнитѣ не изпълняватъ Христовата заповѣдь — когато ги ударятъ по едната страна, да обърнатъ и другата, а отварятъ войни на сарацинитѣ, и защо, ако правятъ това, както имъ отговорилъ Константинъ, за да избавятъ едновѣрцитѣ си отъ тѣхнитѣ рѣце, не се съгласятъ да плащатъ за тѣзи едновѣрци по жълтица на човѣкъ, та да иматъ вѣченъ миръ. Щомъ Христосъ е плащаль данѣкъ, питали тѣ, защо и неговитѣ последователи да не плащатъ на такъвъ великъ и силенъ народъ, какъвто сѣ измаилтянитѣ, за братята и приятелитѣ си? Явно е, че Константиновитѣ противници сѣ искали да изтъкнатъ величието и силата на своето царство (дани не даете сицему великому и крѣпкоу ъзыкоу измаилтъскоу. . .). И на последния въпросъ Константинъ отговорилъ *ad hominem*, а не съгласно съ интимното си убеждение, което изказаль по-после при хазаритѣ. Той казалъ, че християнитѣ продължавали да плащатъ данѣкъ на римското царство, както е правилъ и Христосъ. Нѣколкото други въпроси, които сарацинскитѣ учени задали на философа, не сѣ споменати въ житието, но то бележи, че и тѣхната цель е била да го вкаратъ въ затруднение и да изпитатъ знанията му (и ина многа въпросише искоушающе отъ вьсѣхъ хоудожьствию, ѡже и сами оумѣахоу). Тия въпроси ще да сѣ били научни (отъ хоудожьствию), на които арабскитѣ учени не се надѣвали, че ще може да отговори младиятъ имъ събеседникъ, свещеникъ. Когато той отговорилъ и на тѣхъ, тѣ останали зачудени отъ остроумието, изобретателността и знанията му, та го попитали, какъ така съумява да отговори на всичко (како ты вьса си оумѣеши?). Отговорътъ на философа далъ да се разбере, че ударитѣ на противникитѣ сѣ били насочени въ сѣщность противъ престижа на гръцо-римската култура, но че тя е неуязвима. Той изтъкналъ, че мохамеданитѣ безъ право се хвалятъ съ своята образованость, която, въ сравнение съ християнската, е като мѣхъ вода при цѣло море: тѣ приличали на безумецъ, който напълнилъ мѣхъ съ вода и ходѣлъ да се хвали съ нея предъ люде, които имали цѣла бездна съ тази жидкость. Следъ това той побързалъ да напомни, че всички изкуства на сарацинитѣ сѣ произлѣзли отъ християнскитѣ народи: „а отъ насъ соуть вьса хоудожьствию ишьла“. Този отговоръ е ядката на препирнята, въ която Константинъ е схващаль задачата си не като чисто богословска, а повече като обществено-културна. А че сарацинскитѣ учени наистина сѣ имали за цель да докажатъ превъзходството на своята образованость предъ византийската, открива ни

онова, що му показали следъ обѣда. Тѣ направили предъ него нѣщо, за което вѣрвали, че ще го смае, и за което житието само загатва, безъ да го обясня, та не се знае, дали е било оптически фокусъ, или нѣ какво механическо приспособение: „по сихъ же показаше ъмоу дивы (смайващи нѣща) твореще, врьтоградъ (градина) несаждень, иногда отъ земли изникноущъ“. Благодарение на познанията, които получилъ при Лѣва Солунски, Константинъ можалъ да обясни, въ какво се състояло показаното. Най-после му отворили стаитѣ, въ които се пазѣли богатствата на халифа: „виждь, философе, дивноѹ чюдо, сила велика, и богатъство много Амермнино (*Ἀμερμονίης* — върховенъ емиръ), владыкы срациньска“! Целъта била сжщата—да се покаже превъзходството на халифа предъ византийския императоръ. Но Константинъ, който билъ виждалъ предметѣ на изкуството въ цариградския дворецъ — златни лѣво̀ве и грифове, златенъ тронъ, златенъ яворъ съ механически пѣещи птички и пр., не се показалъ учуденъ: той добре играелъ ролята си на царски пратеникъ и на представителъ на византийската култура. — И така, не може да има съмнение, че разказътъ за Константиновото пратеничество при сарацинитѣ нѣма нищо общо съ шаблонитѣ изложения на религиозни препирни. Дори въ разказа за чудото, което споредъ житието станало съ Константина въ края на сарацинското му пратеничество, именно избавянето му отъ отрова, дадена отъ противницитѣ му, — дори въ този разказъ е хвърлено легендарно покривало върху истинска случка — начало на стомашно разстройство; но за него тука не е мѣсто да се говори.

Въ столицата на хагана препирнитѣ на философа сж носѣли повече религиозенъ характеръ. Между друго, разисквани били два чисто богословски въпроса — за троеличността на Бога и за въплъщението на Сина. Първиятъ отъ тѣхъ е билъ повдигнатъ предпазливо отъ самия хаганъ непосредствено следъ Константиновата наздравница на официалния обѣдъ. И на двата въпроса философътъ лесно можалъ да отговори, защото тѣ отъ вѣкове съставяли предметъ на препирни между евреи и християни. По-труденъ излѣзълъ въпросътъ на единъ увлѣченъ въ мохамеданство хазарски първенецъ, именно, защо християнитѣ не признаватъ Мохамеда за пророкъ, когато той въ корана говори за Христа като за великъ пророкъ. На този въпросъ Константинъ отговорилъ не съгласно съ Новия заветъ, въ който се споменуватъ пророци и по времето на апостолитѣ (Агавъ, Юда, Сила и др.), а възъ основа на Даниила, споредъ когото съ Христа се свръшватъ всѣкакви пророчества. И въ този случай, както предъ сарацинскитѣ учени въ Багдаты, философътъ си послужилъ съ доказателство *ad hominem*, като използвалъ единъ пророкъ, въ който и съветницитѣ на хагана, и самиятъ хаганъ твърдо вѣрвали. — Отъ препирнята по въпроса за Месия за насъ е важна изказаната отъ Константина мисълъ, че Византийската държава нѣмала националенъ характеръ. Когато еврейтѣ, за да докажатъ, че Христосъ още не билъ дошелъ, напомнили, че споредъ пророка Да-

нила, откакъ настане Христовото царство, римското ще се свърши, а то още продължавало, — философътъ отговорилъ, че последното наистина не съществува вече, защото Византийското царство не е римско, а християнско: „наше бо царство нѣсть римьско, нѣ Христово.“ Този му отговоръ противоречи на казаното предъ сарацинскитѣ учени, че християнитѣ продължавали да плащатъ данѣкъ на Римското царство, но той е съгласенъ съ владѣщия тогава въ Византия възгледъ, по който за поданицитѣ на последната важи вѣрата, а не народността. По силата на този възгледъ, византийскитѣ поданици се наричали и сами, и отъ хрониститѣ само „християни“. Самитѣ братия Константинъ и Методий, които не сж били чисти гърци, сж действували съгласно съ казанія възгледъ.

Но за хагана и неговитѣ съветници, които мъчно вниквали въ отвлѣчени богословски учения, били по-важни въпроситѣ за обредитѣ и начина на живението. Самитѣ евреи придавали на последнитѣ голѣмо значение. Между друго, тѣ укорили християнитѣ, че употрѣбаватъ икони. Константинъ, който билъ добре подготвенъ по въпроса за иконитѣ, та се решилъ да влѣзе въ препирня дори съ учения по-раншенъ патриархъ Йоанъ (Анисъ), лесно отбилъ укора¹, но по въпроса за чистотата се намѣрилъ въ по-голѣмо затруднение. Еврейскитѣ учени поддържали, че християнитѣ се явяватъ престѣпници на единъ законъ, свързанъ съ чистотата, и ядатъ нечисти животни — свини и зайци; освенъ това, еврейтѣ считали своя народъ за благословенъ чрезъ Сима, Ноевия синъ. Особено напирали тѣ върху обрѣзанието, като се връщали да говорятъ три пѣти за него. Въ препирнята си по тоя въпросъ, Константинъ, както и при сарацинитѣ, постѣпилъ повече като диалектикъ, отъ колкото като строгъ богословъ, като обърналъ онова, съ което еврейскитѣ учени се хвалѣли, въ оржжие срещу тѣхъ. Така, споредъ него, Мойсеевата заповѣдь, да не се ядатъ свини и зайци, била дадена, за да се поограничи лакомията на еврейтѣ (вашего же ради лакомия, гл. X); обрѣзването пъкъ било заповѣдано, за да се напомни на Аврама да не води две жени. По сжщата причина Господъ, съ повреждане жилата въ бедрото на Якова, му далъ да разбере, че не прави добре, гдето се сношава съ четири жени. Аврамъ не разбралъ урока, но Яковъ го разбралъ и престаналъ да се сношава съ жена. Дали тѣзи своеобразни тълкувания сж Константинови, или сж съществуваели и преди него, или сж взети отъ нѣкой апокрифъ, не се знае; но въ тѣхъ той явно остава вѣренъ на стремежа си да издигне християнитѣ и да унизи еврейтѣ и мохамеданитѣ. Такава е била задачата му

¹ При разискването на въпроса за иконитѣ, Константинъ е използвалъ познанията си по еврейски езикъ, като посочилъ, че въ последния има 10 имена за понятието образъ. Самитѣ препирни обаче ще да сж били водени на грѣцки, който е билъ познатъ и на еврейскитѣ учени и при двора на хагана. И наистина, Константинъ цитува кжсь изъ молитвата на Мойсея по грѣцкия преводъ на Акила, предпочитанъ отъ еврейтѣ предъ онзи на 70-тѣ тълковници: „Акила бо така глаголетъ“ (гл. IX).

като представител на императора. И когато, следъ препирнитѣ съ еврейскитѣ учени, хаганътъ и неговитѣ съветници помолили философа да имъ даде възможность да разбератъ, коя вѣра е най-добра, не чрезъ библейски доказателства, а съ здравия смисълъ, той побързалъ да покаже превъзходството на християнския законъ, като изтъкналъ, че той, подобно на изкуснитѣ лѣкари, които съ горчиви лѣкарства докарватъ здравие, чрезъ своитѣ ограничения води хората къмъ вѣчно блаженство. — Пакъ като царски представителъ, а не само отъ философска нелюбостежателность, постъпилъ Константинъ, когато, въ последнитѣ дни отъ стоянето си при хагана, отказалъ да приеме неговитѣ дарове, а поискалъ освобождението на намиращи се въ негова власть гръцки пленници, вѣроятно изъ черноморскитѣ прибрѣжни византийски градове. Съ това той искалъ да изтъкне, че, като човѣкъ на императора, той нѣма нужда отъ нищо¹.

И така, отъ препирнитѣ на Константина съ сарацини и евреи се вижда, че той и въ дветѣ пратеничества е действувалъ не само като богословъ, а и като царски човѣкъ, който защитава престижа на империята и християнската култура. Затова дори братъ му Методий, ако и по-старъ и нѣкогашенъ управител на славянско княжество, човѣкъ съ високи лични качества, се е държалъ спрямо него предъ чужди хора като неговъ подчиненъ, или, както преувеличено се изказва житието му, „яко рабъ“. Царски представител билъ Константинъ и когато действувалъ въ Моравия и Панония, и когато въ Римъ сполучилъ да добие папско одобрение за славянското богослужение. Едва въ последнитѣ минути на своя дѣненъ животъ той можалъ да каже, че престава да служи на императора: „отъселъ нѣсмь азъ ни царю слоуга, ни иномоу никомоуже ни земли, нь тъкмо Богу въседръжителю“.

София

Юрд. Трифоновъ

¹ Продължателятъ на Теофана разказва, че изпратениятъ отъ импер. Теофила пратеникъ при халифа Ал-Мамуна (той билъ синкель Йоанъ Граматикъ, сетнешниятъ патриархъ иконоборецъ), и до като да стигне въ Багдаты, и тамъ раздавалъ на лѣво и на дѣсно подаръци, които смаяли сарацинитѣ (гл. IX; вж. и Васильевъ, Византия и арабы, I, прилож., стр. 129-130).

Козма Пресвигеръ и новгородскіе еретики XV вѣка

(Къ вопросу о болгарскихъ литературныхъ произведеніяхъ лревнѣйшей эпохи на русской почвѣ)

Новгородскій архіепископъ Геннадій вскорѣ по прибытіи въ Новгородъ (въ концѣ 1484 года) долженъ былъ вступить въ борьбу съ новоявившейся здѣсь ересью.

Послѣдователи этой ереси отвергали христіанское ученіе о Св. Троицѣ и о божествѣ Иисуса Христа, іерархію, таинства, обрядность и проч. На долю архіепископа Геннадія выпала тяжкая обязанность обличенія еретиковъ, ихъ вразумленія, а также и забота о выясненіи сущности ихъ ученія для успѣшнаго прекращенія его распространенія въ народѣ.

Цѣлый рядъ лѣтъ ушелъ у архіепископа Геннадія на работу въ этомъ направленіи, — работу особенно трудную потому, что ему противодѣйствовали многіе представители московскихъ гражданскихъ и духовныхъ властей. Архіепископъ Геннадій считалъ необходимымъ предать еретиковъ соборному отлученію и настаивалъ на созывѣ для этого особаго собора. Съ просьбами о созывѣ этого собора онъ настойчиво обращался въ Москву, гдѣ однако, по его словамъ, — „положили то дѣло ни за что“.

Какъ извѣстно, старанія архіепископа Геннадія увѣнчались однако въ концѣ концовъ успѣхомъ, и въ октябрѣ 1490 года въ Москвѣ состоялся соборъ, на которомъ и было разслѣдовано дѣло о новгородскихъ еретикахъ. На соборѣ этомъ въ основу сужденія объ ученіи еретиковъ было положено посланіе архіепископа Геннадія, который излагалъ подробно и обстоятельно то, чему учили еретики.¹

Несомнѣннымъ нужно считать, что архіепископъ Геннадій стремился понять ученіе еретиковъ, съ которымъ ему пришлось бороться, а также готовился къ обоснованному выступленію противъ нихъ съ самыхъ первыхъ моментовъ своего прибытія въ Новгородъ.

Такого рода допущеніе въ полной мѣрѣ подтверждается тѣмъ посланіемъ, которое архіеп. Геннадій въ февралѣ 1489 года, т. е. раньше,

¹ Дѣятельность архіеп. Геннадія въ Новгородѣ изложена въ статьѣ А. Кремлевскаго въ т. IV „Православной богословской энциклопедіи“ (Петроградъ 1903); здѣсь (ст. 204-205) указана и литература объ арх. Геннадіи. Весьма обстоятельно объ арх. Геннадіи у Е. Голубинскаго „Исторія русской церкви“ т. II, ч. I, стр. 549-607, въ отдѣлѣ о митрополитѣ Геронтіи.

чѣмъ за годъ до указаннаго выше собора, — отпривилъ архіепископу Ростовскому Іоасафу.¹ Въ посланіи этомъ архіеп. Геннадій сообщаетъ архіеп. Іоасафу цѣлый списокъ книгъ и спрашиваетъ, находятся ли онѣ въ какомъ либо монастырѣ Ростовской епархіи. Книги эти необходимы архіеп. Геннадію „занеже тѣ книги у еретиковъ имѣются“. Въ этомъ списокѣ Геннадій упоминаетъ и „Слово Козмы Прозвѣтера на новонавившю^е ересь богъмилю“.

Такимъ образомъ, новгородскіе еретики, въ XV в. „злословившіе Христа и мать Божию, ругавшіеся надъ крестомъ, называвшіе иконы болванами и уничтожавшіе ихъ, не вѣрившіе воскресенію мертвыхъ и проч.“,² — имѣли въ своемъ распоряженіи сочиненія Козмы Пресвитера, въ которыхъ онъ въ порядкѣ обличенія излагалъ ученіе болгарскихъ еретиковъ X в.

Это даетъ намъ полное основаніе считать, что движеніе религиозной мысли въ Новгородѣ въ концѣ XV в. является весьма важнымъ моментомъ въ изученіи вопроса о судьбѣ соч. Козмы Пресвитера на русской почвѣ.

Козма Пресвитеръ одинаково интересовалъ и новгородскихъ еретиковъ и главнаго руководителя борьбы съ ними новгородскаго архіепископа Геннадія. Обѣ стороны должны были находить въ томъ, что писалъ Козма, матеріаль для себя. Этимъ мы должны между прочимъ объяснять и тотъ фактъ, что наиболѣе полные и исправные списки соч. Козмы Пресвитера дошли до насъ съ явными чертами новгородскаго правописанія.

Отмѣчая это, мы не можемъ не предполагать, что произведенія Козмы Пресвитера въ виду сказаннаго выше распространяемы были на Руси и въ специальныхъ переработкахъ, извлеченіяхъ, а, можетъ быть, и толкованіяхъ.

Вопросъ о томъ, чтò новгородскіе еретики заимствовали изъ представленныхъ Козмой изложеній ученія болгарскихъ еретиковъ X столѣтія, какимъ путемъ они это заимствовали и какъ развивали и воспринимали, не можетъ быть здѣсь мной разсматриваемъ. Это вывело бы меня изъ области ознакомленія съ исторіей распространенія русскихъ текстовъ соч. Козмы Пресвитера и вызвало бы на очередь разсмотрѣніе многихъ специальныхъ вопросовъ церковной и общественной жизни на Руси въ XV вѣкѣ. Пришлось бы въ этомъ случаѣ заняться и вопросомъ о существованіи у новгородскихъ еретиковъ и собственныхъ литературныхъ произведеній.

¹ Въ 1847 г. посланіе это по рукописи Троицко-Сергіевской Лавры издано въ Чт. Общ. Исторіи и Древн. Оно со ссылкой на эту рукопись отмѣчено въ от. I Описанія Горскаго и Невоструева (Москва 1855, стр. 137). Въ 1880 г. посланіе это напечаталъ А. Н. Поповъ въ Библиограф. матеріалахъ II-VII (Москва). Срв. у М. И. Соколова, Матеріалы и замѣтки по старинной слав. лит., в. I (Москва 1888), стр. 116, прим.

² Такъ формулировалъ ученіе новгородскихъ еретиковъ архіепископъ Геннадій въ посланіи своемъ, оглашенномъ на соборѣ 1490 г.

Несомнѣнно, что въ пылу жестокихъ преслѣдованій еретиковъ представители русской православной церкви не останавливались передъ уничтоженіемъ всего, что напоминало о ереси, а вмѣстѣ съ этимъ стремились возможно шире распространять литературныя произведенія, обличающія еретиковъ.

Произведенія¹ Козмы Пресвитера обличителямъ новгородскихъ еретиковъ несомнѣнно были весьма полезнымъ руководствомъ. Болгарскій писатель X вѣка не только подробно и обстоятельно „бесѣдовалъ“ объ ученіи современныхъ ему болгарскихъ еретиковъ, но высказывалъ и такія мысли, которыя были примѣнимы для обличенія вообще еретиковъ. Произошло это оттого, что Козма Пресвитеръ ученіе новоявившихся въ Болгаріи еретиковъ X вѣка излагалъ на фонѣ общаго своего пониманія еретичества и отрицательнаго отношенія къ нему, какъ къ величайшему грѣху. Перечисливъ рядъ грѣховъ, Козма замѣчаетъ — „вси ти грѣси не сѣтъ точьни еретичьствоу“, а въ другомъ мѣстѣ говоритъ — „всакъ грѣхъ хауждии есть еретичьства“ (В. л. л. 484 об., 498 об. П. л. л. 35 б, 48 а.)², „еретическа оученіа — сѣтъ по истинѣ врата адова“ (В. л. 499 а. П. 48 б).

Архіепископъ Геннадій и его сотрудники не могли не признать этотъ общій фонъ произведеній Козмы Пресвитера подходящимъ для обличенія новгородскихъ еретиковъ. У нихъ должно было явиться желаніе выступить противъ этихъ еретиковъ съ мыслями Козмы объ „еретичествѣ“.

Новгородскіе еретики, которые, какъ мы знаемъ, имѣли въ своемъ распоряженіи произведенія Козмы Пресвитера, конечно, пользовались для своихъ цѣлей лишь тѣмъ, что въ нихъ могло подкрѣпить и обосновать ихъ ученіе, — т. е., именно, находящимся у Козмы Пресвитера изложеніемъ ученія современныхъ ему болгарскихъ еретиковъ.

Обличительная часть въ произведеніяхъ Козмы должна была быть для новгородскихъ еретиковъ непріятна. Они ее не могли распространять, — они ее должны были скрывать. Мысли Козмы Пресвитера, осуждающія „еретичество“, выясняющія его опасность и вредъ, должны были быть распространяемы именно обличителями новгородскихъ еретиковъ. Это даетъ намъ право предполагать, что произведенія Козмы Пресвитера и были распространяемы на Руси въ спеціальной обработкѣ, заключающей въ себѣ все то, что не могло быть пріятно новгородскимъ

¹ Въ настоящей статьѣ я говорю о „произведеніяхъ“ Козмы Пресвитера, такъ какъ считаю, что имъ было написано два произведенія, слитыя впоследствии въ одинъ текстъ подъ общимъ заглавіемъ. Объ этомъ я говорю въ статьѣ — „Козма Пресвитеръ“ въ 1 книгѣ (год. I) „Български прегледъ“ (София 1929).

² Буквой В. здѣсь я обозначаю текстъ соч. Козмы по тексту въ сборникѣ Волоколамскаго монастыря 1493 г. (см. ниже). Буквой П. для удобства справокъ здѣсь обозначаю текстъ Козмы по Погодинской рукоп. XVII в., по которой соч. Козмы были изданы мной въ 1907 г. въ СПб. Во второй приведенной мной цитатѣ слово „хоуждии“ нужно, конечно, понимать въ значеніи — *ἐλάσσον, τίποτ.*

еретикамъ, но что было признаваемо важнымъ для обличителей ихъ, какъ средство борьбы.

Такого рода предположеніе подтверждается разсмотрѣніемъ одной изъ дошедшихъ до насъ русскихъ статей.

Въ принадлежавшемъ библиотекъ Свято-Троицкой Сергіевой лавры сборникъ русскаго письма XVI вѣка (полууставъ, переходящій въ скоропись) № 770 (1554) находится статья — „Козмы пресвитера ѿ слова его еже на еретики“. Статья эта въ сборникъ въ четвертую часть листа (по 24 строки) занимаетъ 27 листовъ — съ 186 а по 199 а включительно.¹

Авторъ этой статьи² имѣлъ въ своемъ распоряженіи текстъ произведеній Козмы Пресвитера, по полнотѣ приближавшійся къ тексту того типа, который мы имѣемъ въ сборникъ Волоколамскаго монастыря 1493 г. и въ сборникъ XVI вѣка собранія рукописей Соловецкаго монастыря, находившихся въ библиотекъ Казанской Духовной академіи.³

Текстъ въ обѣихъ этихъ рукописяхъ писанъ также на четвертой части листа по 22-23 строки почеркомъ нѣсколько болѣе крупнымъ, чѣмъ рассматриваемая статья; — занимаетъ онъ здѣсь значительно

¹ Въ „Описаніи славянскихъ рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергіевой лавры“, часть III (Москва 1879), сборникъ этотъ описанъ на стр. 187-189. Здѣсь указано, что данная статья находится на л. л. 185 об. — 200 об. Это указаніе не вполнѣ вѣрно. Текстъ статьи собственно начинается на л. 186 а, такъ какъ на л. 185 б. находится только заглавіе статьи и двѣ строки текста. Кончается статья на листѣ 199 а, такъ какъ на л. 199 об. безъ особаго заглавія идутъ отдѣльныя изреченія: М я д р о г л ѣ с ѣ, слыша ли еси слово таино, да ѿмре с тобою. . . Эти изреченія занимаютъ л. л. 199 б., 200 а., 200 б. и 20 строкъ л. 201 а, въ концѣ котораго и начинается отмѣченная въ „Описаніи“ бесѣда „Василія Великаго, архіеп. Кесаріа Кападокейскаго — на Рожд. Христова.“ Данная статья „Козмы Пресвитера отъ слова . . .“ мной была списана еще тогда, когда я приготавлилъ къ печати свое изданіе „Св. Козмы Пресвитера на еретики. . .“ (С. Петербургъ 1907), но использована мной не была. Занявшись нынѣ разсмотрѣніемъ этой статьи, я долженъ указать, что въ Болгарской академіи наукъ среди снимковъ фотографическихъ, исполненныхъ въ 1914 году профессорами В. Златарскимъ и Й. Ивановымъ въ библиотекахъ Россіи, хранятся и снимки этой статьи, но безъ указанія на то, что статья находится въ сборникѣ, принадлежавшемъ библиотекѣ Св.-Тр. Сергіевой лавры. Эти снимки помогли мнѣ восстановить мои старинныя выписки изъ различныхъ рукописей. О весьма цѣнной работѣ, произведенной проф. В. Златарскимъ и проф. Й. Ивановымъ въ Россіи въ 1914 г., см. ихъ докладъ въ „Лѣтопись на Българската Академия на наукитѣ“ III (1914 г.).

² Эту статью я вездѣ ниже называю — „статья въ сборникѣ № 770“.

³ Свѣдѣнія объ этихъ текстахъ соч. Козмы Пресвитера см. въ моемъ изданіи — „Св. Козмы пресвитера слово на еретики“ по Погодинскому списку XVII в. (С. Петербургъ 1907). Въ настоящее время мной къ печати приготовленъ текстъ соч. Козмы Пресвитера по списку Волоколамскому съ разночтеніями по цѣлому ряду другихъ списковъ. Въ данной статьѣ я пользуюсь этимъ приготовленнымъ мной къ печати текстомъ, ссылаясь на листы Волоколамскаго списка, который я обозначаю буквой В. Для облегченія справокъ я привожу и указанія на совпадающія мѣста и въ Погодинскомъ спискѣ по указанному выше моему изданію 1907 года; Погодинскій списокъ, какъ сказано выше, отмѣчается буквой П.

большее числа листовъ: въ Волоколамскомъ сборникѣ съ л. 484 а до 564 а, а въ сборникѣ Соловецкаго собранія съ л. 5 об. до 67. Такимъ образомъ, размѣръ статьи сборника Троицкой лавры № 770. — „Козмы пресвитера ѿ слова его . . .“ почти вдвое меньше, чѣмъ полные тексты его произведеній.

Устанавливая это, мы не можемъ не заинтересоваться вопросомъ, какого характера сокращенія призналъ желательнымъ сдѣлать авторъ статьи № 770 при изученіи полнаго текста Козмы Пресвитера. Отвѣтомъ на это должно послужить разсмотрѣніе текста данной статьи сравнительно съ полнымъ текстомъ его сочиненій.

Авторъ разсматриваемой статьи безъ всякихъ пропусковъ передаетъ согласно съ полнымъ текстомъ то, что Козма сообщаетъ въ началѣ своей бесѣды о появленіи различныхъ ересей. Козма послѣ этихъ указаний дѣлаетъ общее замѣчаніе, что было вообще много различныхъ ересей — ѿви сице и ѿви сице бладахъ . . .“ и приводитъ въ подтвержденіе этого сообщенія о появленіи еретиковъ въ землѣ болгарской при царѣ Петрѣ. Авторъ статьи въ сборникѣ № 770 — замѣчаетъ (л. 186б) и „много различно несмыслънии бладахъ . . .“ и совершенно опускаетъ сообщеніе Козмы о появленіи ереси въ Болгаріи.

Сохранивъ съ нѣкоторыми незначительными сокращеніями все, что Козма говоритъ въ видѣ общей характеристики ставшихъ предметомъ его обличенія еретиковъ, авторъ статьи въ сборникѣ № 770 замѣчаетъ (л. 186 об) вообще о еретикахъ „и ина многа бладоуѣ . . . иже лукавии дѣаволь въ толікѣ пропасть пагѣбнѣю ввел еѣ . . .“ Послѣ этого въ статьѣ сборника № 770 сравнительно съ полнымъ текстомъ Козмы большой пропускъ. Козма (В. л. 489 об. ср. П. 39 об.) ставитъ вопросъ — „что бо глѣють ѿко нѣ бѣ сътворилъ нѣбсе ни земля“ и разъясняетъ еретикамъ ихъ заблужденіе ссылкой на Колос. I, 16, 17 и др., что „бѣмъ сътворена быша всѣ ѿ на нѣбсе и ѿже на земли . . .“ Авторъ статьи въ сб. № 770 все это опускаетъ.

Въ предложенномъ дальше разсужденіи Козмы о святости креста авторъ статьи въ сб. № 770 сохраняетъ вопросъ — „кѣи ѿбо хрѣтіани не просвѣщаеѣса крѣто хѣвы . . .“ (л. 189 а), но опускаетъ слѣдующія слова Козмы: „кто ли не веселитса видѣ крѣты на высокѣ мѣстѣ стоаща на ни же прежѣе жьрѣахъ бѣсо члѣци закалающе сѣны своѣ и дщери . . .“ (В. л. 491 об., ср. П. 41 об.).

Въ той части текста соч. Козмы, которая въ нѣкоторыхъ рукописяхъ носитъ заглавіе — „ѿ комканіи“, авторъ статьи въ сборникѣ № 770 дѣлаетъ значительныя сокращенія. Отмѣтивъ, что еретики „дѣюѣ не хѣс творилъ лѣтѣргію“, онъ сохраняетъ отдѣльныя мысли Козмы въ опроверженіе этого заблужденія и указываетъ (л. 189 б.), что мы должны помнить, что „предаша ны въ писаѣи стѣи мѣжѣ, и самовѣци бывше бжѣіа таина“. Изъ того, что авторомъ

статьи сборника № 770 не внесено изъ этой части соч. Козмы интересно указать слѣдующее мѣсто, которое имѣется во всѣхъ полныхъ текстахъ его: „кто бо вы оуказа повѣдите ны. како нѣсть то речено ѿ томъ стѣѣ хлѣбѣ и ѿ чаши. како то вы иеретици блазнащеса бесѣдвете. како ѿ тетраванглѣ то есть речено. и ѿ праксъ аплѣ ане ѿ стѣмъ комканіи. тѣло наричете тѣтраванглѣ. а кровь праксъ.. (В. л. 493 б.). Опущено также и дальнѣйшее находящееся у Козмы о времени, когда написаны Евангелія (В. л. л. 494 а, 494 б. Ср. П. 43 об.) и „праксъ аплѣ“.

Въ части текста соч. Козмы, имѣющей заглавіе — „ѿ црковнѣ чинъ слово“ или „о литургіахъ“, говорится, какъ извѣстно, о тѣхъ укорахъ, которые дѣлали болгарскіе еретики, говоря „нѣ бжїе преданье комканіе и чинъ црковны“. (В. л. 495 б. Ср. П. л. 45 об.) и хуля „ерѣа и вса саны црковны“. Авторъ статьи сборника № 770 опускаетъ здѣсь все, что приведено Козмой, какъ изложеніе мыслей еретиковъ по данному вопросу, т. е. тѣ обвиненія, которыя предъявлялись [еретиками епископамъ и попамъ. Тутъ не сохранены указанія еретиковъ болгарскихъ на то, что „попове оупиваются, граблѣ и ино зло въ таинѣ творлѣ и нѣсть имъ воспрѣтащаго ѿ тѣ дѣлесъ злыи“. (В. л. 497 а. Ср. П. л. 46 об.). Авторъ статьи въ сб. № 770 сохраняетъ лишь тѣ мысли Козмы, которыя выясняютъ необходимость почитать тѣхъ, которые „в рѣкъ своею держатъ агньца бжїа.“ (л. 190 б.). вмѣстѣ съ этимъ въ статьѣ дѣлается напоминаніе — „аще и грѣше е ерѣфи, но нѣ ерети. вса бо грѣ хоуши еретичества“ (л. 190 б.).

Сохранивъ указанія, которыя Козма дѣлаетъ еретикамъ, что „колицы силнии дрѣвнїи цари и князи и хытречи покъшаше ѿборити црковъ божию, е е вѣра хрѣтиа ска и не возмогоша“ (л. 191 а), авторъ статьи въ сб. № 770 опускаетъ очень многое изъ того, что у Козмы говорится послѣ этого. Разсматривая все въ дальнѣйшемъ опущенное авторомъ статьи въ сборникѣ № 770, мы должны вывести заключеніе, что онъ здѣсь дѣлалъ пропуски съ опредѣленнымъ намѣреніемъ не вносить въ свою работу того, что являлось изложеніемъ ученія еретиковъ, которыхъ обличалъ Козма. Такъ здѣсь пропущены указанія о томъ, что еретики болгарскіе отмечаютъ „законъ даныи бгѣомъ моусіеви“. (В. л. 500 а. Ср. П. л. 49 а.). „Иѡана прѣтечу и зарю великаго слнца безчѣствуютъ“ (В. л. 501 а. Ср. П. л. 50 а), „прчѣа бгѣомтрега наше іс хана не чтоуѣ“, „не кланяютса икона“ (В. л. 503 а. Ср. П. л. 51 об.), „своа си оученїа честно творлѣ. бающе никакы басни. како оучить а бласти ѿць и дѣаволь“. (В. л. 506 а. Ср. П. л. 54 об.), „дѣавола творца всеи твари бжїи наричють“. (В. л. 506 б. Ср. П. л. 55 а) и т. д.

Изъ приводимыхъ Козмой на эти „ученія“ болгарскихъ еретиковъ возраженій авторъ статьи въ сборникѣ № 770 удерживаетъ лишь такія,

которыя могутъ считаться обличающими вообще еретиковъ: „еретици оулавляю^т члѣки на пагѣбѣ, вѣрѣ хр^тиан^{ск}ую погѣбити мыслѣ, всѣе безъ ума матѣще“ (л. 191 б., въ полныхъ текстахъ здѣсь читается: — безъ ума томаще сѧ въ свой м^лтва^х) и др. под.

Въ дальнѣйшемъ опять пропуски тѣхъ мѣстъ соч. Козмы, въ которыхъ заключается передача наиболѣе яркихъ заблужденій болгарскихъ еретиковъ. Такъ авторъ статьи сборника № 770 опускаетъ указаніе Козмы, что болгарскіе еретики — „на высотѣ хоулоу вѣщаю^т глѣше. по дѣволи воли соуща всѧ н^бо сл^нце. звѣзды. въздѣ. землѧ. ц^рквы и вся бж^їа дѣволу предають...“ (В. л. 509 б. Ср. П. л. 57 об.), „слышаще бо въ е^вгаліи г^а рекша притчю ѿ двою сн^х. х^са оубо творять старѣшаго сн^а меншааго же еже заблѣдилъ ѿца дѣвола м^нать. и сами и мамоноу прозваше. и того творца нарицають и строителя земнымъ вѣщемъ...“ (В. л. 510 а. Ср. П. л. 57 об.). Опущены въ статьѣ сборника № 770 и разсужденія Козмы, обличающія ученіе болгарскихъ еретиковъ, отрицавшихъ, что „законнаа женитва чиста естъ“. (В. л. л. 510 б—513 а. Ср. П. л. 58 а.)

Сохранивъ для общей характеристики еретиковъ выраженіе Козмы: „и тацѣ съще мн^нса ничто^х зла твораще. лѣкавыи бо дѣво^ѿ ѿслеплае^т и^ѿ ѿчи. и в^моллае^т грѣ^х. да творащеи зла мн^нса не твораще зла нічего^х...“ (л. 191 об.), авторъ статьи въ сборникѣ № 770 переходитъ къ той части произведенія Козмы, которая въ полныхъ спискахъ имѣетъ заглавіе — „ѿ ненавидѣнїи еретическомъ“.

Эту часть произведенія Козмы авторъ статьи въ сб. № 770 соединяетъ съ дальнѣйшей частью, которая въ полныхъ спискахъ имѣетъ заглавіе — „ѿ исповѣданїи еретичестѣ“. Этотъ обширный матеріалъ (онъ по списку В. занимаетъ л. л. 513 а—525 а. Ср. П. л. 60 а и далѣе) — авторъ статьи въ сб. № 770. передаетъ на л. л. 191 б (половина), 192 а и 192 б. Здѣсь опущены разсужденія Козмы по поводу такихъ пунктовъ ученія болгарскихъ еретиковъ: „с^тое кр^сщеніе ѿмѣщѣтъ. гнѣшающе сѧ кр^стимыхъ младенецъ“ (В. л. 514 а, 514 б. Ср. П. л. 60), „младенца не достойны творять къ себѣ приносити. н^ѣ г^ѣ ч^ѣты нарече“ (В. л. 515 а. Ср. П. л. 61), „чюдеса гн^ѣ развращають“ (В. л. 515 б. Ср. П. л. 61 б.), „ц^ркве распѣтъ мн^н свѣща. многогл^ня же лит^вргїа мн^нать и ины м^лтвы бывающаа въ ц^рквѣ...“ (В. л. 518 а. Ср. П. л. 63 об.), „сами в себѣ исповѣдъ творять... не точью мѣжи то творять но и жени...“ (В. л. 523 б. Ср. П. л. 68 а.) и др.

Благодаря всѣмъ этимъ пропускамъ у автора статьи въ № 770 получился здѣсь пассажъ очень небольшого сравнительно размѣра съ мыслями, которыя могли быть васказаны вообще для обличенія всякихъ еретиковъ.

Для общей характеристики работы автора статьи в сборникъ № 770 я приведу здѣсь этотъ пассажъ почти полностью (л. л. 191 б—192 б.):

„Гѣ же ѿ хрѣтолюбци моли вы вса, не всакомъ дѣхъ вѣрѣ имите. но искъшати дѣхы аще ѿ баѣ соуѣ. аще ли прелстаѣ коѣ ѿ ваѣ, безъ милости есте сѣа вса вѣдѣще. аѣ вѣстанауѣ зли еретици прельщающе злокозньнѣ.¹ аще бо и имѣте вѣрѣ. или прѣимете а с любовію в доѣ свои. или какъ и радоѣ сѣтворите. се прорекоѣ ваѣ. с нимѣ ѿсоудѣте вѣ вѣчныа мѣкы. еретика бо реѣ апѣль, по единѣ и вторѣ наказаньи ѿмещиѣ. вѣдѣи ако сѣвратиѣ таковыи и сѣгрѣшаеѣ саѣ сы ѿсѣжденъ. аще вѣчноуѣ лгати по своему ѿбычаю, глѣще наѣ хрѣтиани есмы. не имѣте им вѣрѣ, лживѣ бо соуѣ, акоѣ и ѿць и дѣавоѣ. аѣ бо стии апѣли и стии ѿци вѣзграѣшиа и навчишиа сѣ многыа твѣдоѣ. тоѣ еретици разорити покъшаюѣса вса блѣгаа развращающе² на свою си пагыбѣи. кланяюще жеѣ не творѣѣ крста на лицѣ своеѣ. прочаѣ словеса иѣ и гнѣснаа творѣѣа злоковарнѣ сѣплетены. аѣ глѣюѣ и творѣѣ акоѣ не имѣюще ѣма.³ аще лиѣ кто иѣ вѣпрашаеѣ таѣ ли творите и глѣете. то ѿмещѣтѣ и сѣ клатвою глѣюѣ нѣсмы таѣи акыѣ то ны мнѣте и толмиѣ ѿмещоуѣ всѣѣ своиѣ словѣѣ и дѣлеѣ, акоѣ мнѣти иѣ нѣчсоѣ зла имѣща. ѿтаѣ ино ѣченіе вѣзѣвижюще, нови ѣчители мнашеѣ. и сѣзѣбо ѿсѣженѣа творѣѣ си. прельщающе люѣи и готовѣще на приѣте сѣа пагыбелнаѣ. ѣчаѣ же своа сѣ неповиноватиѣ властелеѣ своиѣ. хѣлаше богатыа. црѣ ненавидаѣ рѣгаюѣса старѣшинаѣ ѣкорѣют болары. мрѣскы боѣу мнаѣ работающаа црѣю и всакомъ рабѣ не вѣлаѣ работати гнѣѣ своему, мнѣ оперѣрѣчѣвиѣи еретици несмыслоѣ. выѣ вѣзлюблениѣ, аще коѣ разѣмѣете держаще еретичскѣю вѣрѣ. ти ѣмѣѣ кто ваѣ ѣчити, ѣчите и наставите а на истовыи поуѣ...“ —

Этимъ пассажемъ заканчивается в сборникѣ № 770 изложеніе мыслей и идей Козмы, находящихся в той части полного текста его сочиненія, которую я считаю самостоятельнымъ его произведеніемъ.⁴ Это произведеніе было посвящено Козмой специальной и главной его задачѣ — о б л и ч е н і ю современныхъ ему болгарскихъ еретиковъ. Эту задачу свою Козма и выполнилъ разборомъ ложности ученія болгарскихъ еретиковъ на основѣ общаго признанія „еретичества“, какъ самаго тяжкаго грѣха. Авторъ статьи сборника № 770 старательно и усердно

¹ В полныхъ текстахъ это мѣсто о приходѣ в мѣръ ложныхъ пророковъ построено на Мтѣ. 24, 24; авторъ статьи в сб. № 770 вмѣсто словъ „лѣжѣи прѣрци“ — употребилъ „зли еретици“, а дѣятельность ихъ обозначилъ вообще словами — „прельщающе злокозньнѣ“.

² Словами „вса блѣгаа развращающе“ авторъ статьи в сб. № 770 передалъ цѣлый пассажъ полныхъ текстовъ о томъ, что еретики „хаѣ не исповѣдаютъ сѣтворившаа чюдеса“ (В. л. 515 об. Ср. П. 61 б).

³ Словами начиная сѣ „прчааѣ“ авторъ статьи в сб. № 770 сжато передаетъ извѣстный пассажъ в соч. Козмы объ еретикахъ: „аще бо быша оумѣ имѣли...“ и т. д. (В. л. 517 а Ср. П. л. 62 об.).

⁴ См. мою статью — „Козма прѣзвитерѣ“ — „Български прегледѣ“, год. 1, кн. 1, 1929, стр. 28.

устранилъ въ своей работѣ всѣ тѣ данныя, которыя исключительно характерны были для ученія болгарскихъ еретиковъ, оставивъ только тѣ мысли Козмы, которыя примѣнимы были вообще къ еретикамъ. Благодаря этому у него, какъ это можно видѣть изъ приведеннаго выше пассажа, получилось произведеніе вполне пригодное не только для обличенія всѣхъ тѣхъ, которые вообще впали въ какую либо ересь, но и для удержанія вѣрныхъ сыновъ православной церкви отъ еретическихъ заблужденій.

Такимъ образомъ, авторъ статьи въ сб. № 770 обнаруживаетъ явное стремленіе изготovitъ на основѣ сочиненія Козмы такое произведеніе, которое было бы пригоднымъ для поучительнаго чтенія особенно въ то время, когда распространялась какая либо ересь. Въ соблюденіе этой задачи авторъ статьи въ сборникѣ № 770 пользуется указаннымъ образомъ и матеріаломъ, находящимся и въ той части полного текста Козмы, которую мнѣ представляется возможнымъ считать самостоятельнымъ его произведеніемъ, назначеннымъ вообще для поученія и слитымъ съ обличительной его бесѣдой.

Изъ предложеннаго здѣсь Козмой матеріала авторъ статьи въ сборникѣ № 770 останавливается главнымъ образомъ на той части, которая въ полныхъ текстахъ соч. Козмы имѣетъ заглавіе — „о вѣрѣ“ или „о вѣрѣ того же Козмы“. Въ этой части своего разсужденія Козма ставитъ исходнымъ положеніемъ — „да не съ еретики и съ жидъми ѡсѣдимса подобае^ѣ ны въ слѣдовати съыхъ словесъ“. (В. л. 545а. Ср. П. л. 87а). Въ развитіе этого положенія онъ, какъ обобщеніе, даетъ цѣлый рядъ анаѡематствованій тѣмъ, которые вѣрятъ неправо.

Авторъ статьи въ сборникѣ № 770 приводитъ большинство этихъ анаѡематствованій, — именно главнымъ образомъ тѣ изъ нихъ, которыя болѣе или менѣе имѣютъ характеръ общееретическихъ заблужденій, опуская такія, которыя должны быть признаны направленными Козмой специально противъ болгарскихъ еретиковъ. Такъ въ сборникѣ № 770 мы не находимъ такихъ анаѡематствованій: „иже вса твари видима и невидима, не мни^т б^гмъ сътворены да бѣде^т проклѣ^т“, „иже не творить б^ггоданаго мѡѡсіемъ закона. но ѡ себѣ никако блдѣтъ. да бѣдетъ проклѣт^т“, „иже женитвѣ ч^твю хв^ли^т и богатыѣ носѣщаѣ брачнаѣ ризы съ гав^ніемъ да бѣде^т проклѣ^т...“, „иже маса надѣщаѣ хв^лити и вино в заканѣ п^ющаѣ и недостойны съща г^леть тѣмъ внити въ ц^рствіе б^жіе да бѣдетъ проклѣ^т...“ (В. л. л. 545а, 546а. Ср. П. л. 88а). Взявъ изъ дальнѣйшаго длиннаго разсужденія Козмы о томъ, какъ „лѣпо е^ѣ намъ ѡчи^ѣтити са ѡ грѣхъ наши“, — положеніе, что „по^ѡбае^т намъ всегда въ заповѣде^ѣ б^жіа^ѣ пребывати“. „и не дати злы^ѣ мыслемъ ц^рр^ѣствовати“ (л. 194б), авторъ статьи въ сборникѣ № 770 ставитъ вопросъ „б^жк^ѣдѣ сѣ вса раждаю^ѣсѣ. не лѣвѣ ли л^ѣ ѡ небытъѣ кни^ѣна^ѣ и ѡ лѣности ереискы...“ Этимъ вопросомъ авторъ статьи въ сборникѣ

№ 770 переходит къ той части произведенія Козмы, — которая въ полныхъ текстахъ (В. л. 557 аб. ср. П. л. 98а) имѣетъ заглавіе — „ѡ епѣкпѣхъ и ѡ попѣхъ или только — „ѡ епископѣхъ“, а затѣмъ къ заключительной части всего произведенія.

Предложенныя Козмой разсужденія объ обязанностяхъ епископовъ и поповъ, — пастуховъ „словесныѡ вецъ бжій“ — авторомъ статьи въ сборникѣ № 770 приводятся безъ особенныхъ сокращеній, перестановокъ и измѣненій. Существеннымъ пропускомъ является опущеніе извѣстнаго мѣста: „подражайте Ивана прозвитера новаго его и ѡ ва самѣ мнози знають бывшего пастыха и ексарха и в земли болгарьстіи...“ (В. л. 562а-562б. Ср. П. л. 102а). Закончивъ изложеніе мыслей Козмы объ епископахъ и попахъ, авторъ статьи въ сборникѣ № 770 изъ заключительной части сочиненія Козмы беретъ нѣсколько фразъ: „не зазрите никто грѣбости моеи и безоую семъ. дѣхъ бо иде хоче дыше... вездѣ бо вса каже не тою вѣрны но и въ поганы вса влекы себе на слѣво...“ (л. 197а). Но эти слова у автора статьи въ сборникѣ № 770 не являются заключительными; онъ возвращается далеко назадъ и беретъ изъ сочиненія Козмы фразу, находящуюся передъ той частью, которая въ полныхъ текстахъ носитъ заглавіе — „ѡ богатыѡ или „ѡ почитаніи книѡ: „и мы того ради износи данна ны таланта, ради хотащи внимати и къпити бесцѣнны бисерь¹“. Послѣ этого въ статьѣ сборника № 770 приводится изъ озаглавленной въ полныхъ текстахъ части — „ѡ богатыѡ или „ѡ почитаніи книѡ“ (В. 555 а. Ср. П. л. 95 аб.) выписка изъ извѣстнаго пассажа Козмы: „ты бога еси имѣа исполнь ветхы и новы завѣтъ, и ины множайша² книги, исполнены и препрѣны словѣ и рѣчи всацѣ, и самже вса вѣси. сего единого не вѣдѣлъ еси еще, еже дѣшу свою положити за браю свою вѣскю бо затворяши спѣны поу преѡчима чѣлкѣ, крыа бжѣтвенаа словеса ѡ браа своеа...“ (л. 197 а).

Используя безъ особыхъ сокращеній приведенныя здѣсь Козмой разсужденія о томъ, что „словеса бжѣтвенаа... не того дѣла писана быша. да крыемъ а въ срѣцѣ или в хлѣвинѣ...“, авторъ статьи въ сборникѣ № 770 приводитъ и изъ другихъ мѣстъ сочиненія Козмы отдѣльныя положенія о необходимости помнить, что „нбны црѣ браю нариче вбогыа“, о матеріальной и духовной помощи которымъ надлежитъ заботиться. Заканчивается въ сборникѣ № 770 статья слѣдующимъ (л. 199а) нѣсколько измѣненнымъ положеніемъ Козмы, взятымъ изъ того же отдѣла — „ѡ богатыѡ: „и потщите часто

¹ Въ полныхъ текстахъ это мѣсто читается такъ: „не тебе дѣла износи данаго ны таланта на не имающи и хатащи ради къ богу приставити бесцѣнны бисерь“. (л. 554 б. Ср. П. л. 95 б).

² Въ полныхъ текстахъ этого слова нѣтъ.

почитати стѣла книги и нищаа миловати,¹ да погузбите грѣхы своа. и капла бо ре^н часто каплющи водоли^ѣ каме^н...“

Выше я высказалъ предположеніе, что находящаяся въ сборникѣ № 770 статья неизвѣстнаго автора — „Козмы Презвитера ѿ слова его еже на еретики“ — должна быть отнесена къ числу тѣхъ произведеній, которыя создавались на Руси въ XV вѣкѣ для специальной цѣли борьбы съ новгородскими еретиками.

Предложенное мной сопоставленіе этой статьи съ сочиненіями Козмы Пресвитера по моему мнѣнію подтверждаетъ это предположеніе.

Авторъ статьи въ сборникѣ № 770 старательно опускалъ все то, что у Козмы Пресвитера съ наибольшей яркостью и несомнѣнностью направлено было противъ болгарскихъ еретиковъ. Въ этомъ направленномъ Козмой Пресвитеромъ противъ болгарскихъ еретиковъ матеріалѣ новгородскіе еретики XV в. могли черпать подтвержденіе для своихъ мыслей. Авторъ статьи въ сборникѣ № 770, конечно, не желалъ оказывать имъ въ этомъ помощь и содѣйствіе. Съ такой же старательностью онъ удерживалъ все то, что у Козмы являлось обличеніемъ вообще „еретичества“, какъ самаго страшнаго грѣха.

У автора замѣчается стремленіе не входить въ особыя детальныя указанія еретическихъ заблужденій; у него ясно обнаруживается желаніе представить общую картину „еретичества“. „Да не съ еретики и со жѣи^ими ѿсѣдимся“ — вотъ то пожеланіе, съ которымъ авторъ статьи въ сборникѣ № 770 обращается (л. 194 об.) къ своимъ читателямъ среди построенныхъ имъ увѣщаній и наставленій объ ужасѣ еретическихъ ученій.

Могло-ли быть полезнымъ такого характера произведеніе архіепископу Геннадію при выпавшей на его долю главной роли въ борьбѣ съ новгородскими еретиками? На этотъ вопросъ я позволяю себѣ отвѣтить утвердительно.

Насколько мы знаемъ ересь, съ которой познакомился по прибытіи своемъ въ Новгородъ архіепископъ Геннадій, хотя и была названа „ересью жидовствующихъ“, — не была чѣмъ-либо стройнымъ, однообразнымъ. Современники различали „разныя ереси“, которыхъ держались тогда разныя лица.² Во всѣхъ этихъ ересяхъ было одно лишь общее. Это то, что Козма Пресвитерь называлъ „еретичествомъ“. Это, конечно, весьма затрудняло детальное изученіе еретическихъ ученій, распространявшихся въ Новгородѣ и изъ Новгорода. Однако такое нелегкое проникновеніе въ тайны еретическихъ ученій не освобождало архіепископа Геннадія и его сподвижниковъ отъ осужденія этихъ ученій, именно, какъ вреднаго

¹ Въ полныхъ текстахъ (В. л. 557 а. Ср. П. л. 97 а) послѣднихъ двухъ словъ у Козмы здѣсь нѣтъ.

² См. у академика М. Н. Сперанскаго въ „Исторіи древней русской литературы“ (Московскій періодъ, изд. 3, Москва 1921) очень яркій очеркъ о ереси жидовствующихъ стр. 53 и далѣе.

и опаснаго „еретичества“. Это было признано однимъ изъ неотложныхъ способовъ борьбы съ еретиками, окончательное рѣшеніе судьбы которыхъ должно было состояться на соборѣ въ 1490 году. Подготавливая матеріалы для этого собора, архіепископъ Геннадій, не пожелалъ упустить время для обличенія новгородскихъ еретиковъ на мѣстѣ, т. е. въ Новгородѣ и для этого поставилъ на очередь вопросъ объ изготовленіи соотвѣтствующихъ литературныхъ произведеній. Для такого рода произведеній необходимы были матеріалы и образцы изъ области существовавшей уже обличающей еретиковъ православной литературы. Ознакомленіе архіепископа съ „словомъ Козмы Пресвитера“, которое такъ усиленно онъ, какъ мы знаемъ, разыскивалъ, — явилось причиной и появления дошедшей до насъ въ русскомъ сборникѣ XVI вѣка статьи — „Козмы Пресвитера ѿ слова его еже на еретики“.

Статья эта въ виду спеціальной переработки и группировки высказанныхъ Козмой Пресвитеромъ мыслей, а также своего назначенія служить для борьбы съ новгородскими еретиками XV вѣка — должна быть несомнѣнно признана весьма цѣнной и интересной при изученіи вопроса о болгарскихъ литературныхъ произведеніяхъ древнѣйшей эпохи на русской почвѣ.

Разсмотрѣнная нами переработка произведеній Козмы Пресвитера вызвана была тѣмъ спеціальнымъ интересомъ, который былъ проявленъ къ нимъ въ XV в. въ Новгородѣ русскими людьми, увлекшимися рационалистическимъ движеніемъ мысли.

Среди разныхъ ересей, которыя вліяли на образованіе ученія новгородскихъ еретиковъ XV в., — была и дуалистическая массалианская ересь. Это мы знаемъ изъ того, что говоритъ о новгородской ереси архіепископъ Геннадій очень опредѣленно и неоднократно въ своихъ посланіяхъ и докладахъ; о знакомствѣ новгородскихъ еретиковъ съ массалианской ересью упоминаетъ и Иосифъ Волоколамскій въ своемъ „Просвѣтителѣ“.¹

Такого рода указанія несомнѣнно должны вызвать вопросъ о томъ, какимъ путемъ къ новгородскимъ еретикамъ дошли свѣдѣнія о дуалистическихъ положеніяхъ. На этотъ вопросъ могутъ быть даны вполне удовлетворительные отвѣты тѣми изслѣдователями ученія новгородскихъ еретиковъ XV вѣка, которые съ особеннымъ вниманіемъ будутъ исходить въ своихъ изученіяхъ изъ показанія архіепископа Геннадія о томъ, что новгородскіе еретики пользовались сочиненіями Козмы Пресвитера.

Софія

М. Попруженко

¹ Въ 1877 г. в Ж. Мин. Нар. Просв. напечатана статья И. Панова — „Ересь жидовствующихъ“. Авторъ даетъ весьма обстоятельныя указанія о сущности этой ереси; здѣсь и извлеченія изъ посланій арх. Геннадія.

Славянская Библия.

Въ числѣ библейскихъ изданій на 900 языкахъ Славянская Библия не занимаетъ выдающагося положенія ни по древности происхожденія, ни по обширности вліянія. Но это — наша, Славянская Библия, и потому она заслуживаетъ всегдашней памяти нашей и спеціальнаго воспоминанія — особенно по такимъ достопамятнымъ случаямъ, каковъ настоящій.

Славянская Библия есть памятникъ общеславянскаго христіанскаго воскресенія, основа, начало и спутникъ культуры всѣхъ славянскихъ народовъ. Правильнѣе сказать, тутъ одно неразрывно отъ другого и второе обуславливается первымъ, потому что христіанство воплощаетъ „свѣтъ истинный“, призываетъ всѣхъ къ чистой просвѣщенности и обязываетъ къ свободному прогрессу. Значитъ, Славянская Библия является неизмѣннымъ и внушительнымъ призывомъ къ религиозно-христіанской цивилизаціи въ самомъ широкомъ, общегуманитарномъ смыслѣ. Съ другой стороны, она „по своему происхожденію“ „въ началѣ своемъ (согласно словамъ знаменитаго митрополита Московскаго Филарета Дроздова, † 1877, XI, 19, въ извѣстной его запискѣ „О догматическомъ достоинствѣ и охранительномъ употребленіи греческаго семидесяти толковниковъ и славянскаго переводовъ Священнаго Писанія“, Москва 1858) не есть произведеніе обыкновенной учености, но плодъ апостольской ревности святыхъ Кирилла и Меѳодія“, озарена сіяніемъ священности по самому возникновенію, первоначальному христіанско-миссіонерскому примѣненію и всегдашнему церковно-богослужебному употребленію, какъ священнѣйшая книга всего христіанскаго славянства.

Изложеннымъ рѣшительно констатируется специфическая ответственность самага библейскаго содержанія, и лишь достоинствомъ послѣдняго точно опредѣляется степень полезности и благотворности христіанскаго просвѣщенія въ прошломъ, спасительность его въ трагическомъ настоящемъ и живительность для смутнаго будущаго, которое непременно должно быть возрождающе — свѣтоноснымъ, ибо безъ такой бодрящей увѣренности все минувшее станетъ напраснымъ, а нынѣшнее — бессмысленнымъ. Всѣ эти существенные вопросы рѣшаются тѣмъ простымъ фактомъ, что наша Славянская Библия даетъ органическое объединеніе Вѣтхаго и Новаго Завѣта, гдѣ первый свидѣтельствуєтъ объ историческомъ предуготовленіи второго, который описываетъ уже всецѣлое, божественное завершеніе всемірнаго процесса. По-

сему вся Славянская Библия по своему идейному характеру оказывается христіанскою книгой, хотя и различной по силѣ выраженія этой стихіи согласно ходу вселенской исторіи.

Это несомнѣнное свойство принудительно требуетъ научно выяснить, насколько истинна и законна такая сплошная христіанизация Славянской Библии, и нѣтъ ли тутъ пристрастнаго перенесенія позднѣйшаго на раннѣйшее, которое естественно рисуется подготовляющимъ и оправдывающимъ моментомъ? Понятно, что при подобномъ положеніи христіанское увѣнчаніе не будетъ обезпеченнымъ сразу своимъ фактическимъ предвареніемъ и, слѣдовательно, не безспорнымъ по своей нормальности въ историческомъ развитіи челоуѣчества.

I.

Отсюда и все дѣло пріобрѣтаетъ глубочайшее значеніе для нашей вѣры и культуры и должно быть разсмотрѣно не менѣе принципиально. Здѣсь въ отношеніи Славянской Библии вся разгадка заключается въ томъ, что ветхозавѣтная ея часть есть воспроизведеніе греческой передачи еврейскаго оригинала въ „переводѣ LXX-ти толковниковъ“ и по своему содержанію всецѣло зависитъ отъ греческаго прототипа. Такъ неизбѣжно двигается старый и практически едва ли разрѣшимый (ранѣе Рим. XI, 25 сл.) споръ о сравнительномъ достоинствѣ LXX-ти и нынѣшняго еврейскаго текста, именуемаго масоретскимъ. Они весьма сильно различаются между собою, а касательно мессіанско-христіанской стихіи чаще всего совсѣмъ противоположны, почему при одинаковомъ библейскомъ основаніи получились и продолжаютъ существовать столь взаимоисключающіе и реально непримиримые выводы, какъ іудейство и христіанство. Не виновны ли въ этомъ LXX толковниковъ, давшихъ произвольную, даже антибиблейскую интерпретацію традиціонныхъ библейскихъ текстовъ? Вѣдь издавна провозглашалось, что этотъ переводъ равенъ по своей гибельности акту слитія Израильтянами при Синаѣ золотого тельца, и что по окончаніи работы мракъ покрылъ всю землю на три дня, какъ тьмою называется и установленный по сему случаю постъ¹. По сравненію съ этою злочестивою фальсификаціей еврейская масоретская редакція рекомендуется божественно неприкосновенною и челоуѣчески неповрежденной, для которой справедлива абсолютная догма рабби Акибы бен-Іосефа († около 132 г. по р. Хр.), что въ ней всякое слово, частица и буква имѣютъ значеніе и служатъ спеціальнымъ цѣлямъ². Въ такомъ случаѣ и цѣнность греческой версіи будетъ условливаться тѣмъ, насколько послѣднее утвержденіе, выдаваемое за нѣкую аксіому, фактически пра-

¹ См. у проф. Н. Н. Глубоковскаго, Благовѣстіе св. Апостола Павла по его происхожденію и существу, книга II (С.-Петербургъ 1910), стр. 841.

² См. у Prof. H. B. Swete An Introduction to the Old Testament (Cambridge 1914), p. 440.

вильно и научно неотразимо. Объ этомъ должна намъ точно сказать объективная исторія формироваія масоретскаго текста.

Зарожденіе его относится къ послѣднѣйшему времени и связывается съ именемъ Ездры (около половины V-го вѣка до р. Хр.), который даже почитается вторымъ Моисеемъ, какъ возстановитель священныхъ еврейскихъ писаній. Говорится и больше того, что въ виду утраты подлинниковъ онъ вдохновенно „написаль“ ихъ по памяти. Видимо, участіе Ездры въ реконструкціи библейской письменности было огромное, почти творческое. Подробностей этой работы мы не знаемъ, но о характерѣ ея можемъ судить съ достаточною вѣроятностію по всей реставраціонной дѣятельности Ездры. Онъ стремился создать чистое іудейство, чуждое всякихъ внѣшнихъ вліяній и самонамалѣйшихъ постороннихъ соприкосновеній. Его идеаломъ былъ „народъ Божій по закону Господню“, свободный отъ несродныхъ примѣсей по плоти и номистически корректный по духу. Въ этомъ направленіи Ездра былъ непреклоненъ до крайности и неумолимъ до безпощадности, чего частію требовала и его непримиримая націоналистическая задача. Въ этихъ интересахъ новый Моисей расторгнулъ сотни (если только не тысячи) легализированныхъ браковъ евреевъ съ иноплеменницами, заставивъ мужей опустить такихъ женъ — даже со всѣмъ потомствомъ (1 Езд. X, 3). Совершалось это жестоко насиліе для того, чтобы отдѣлить сѣмя Израилево отъ иноплеменниковъ (Неем. IX, 2) и чтобы это „святое сѣмя“ не смѣшивалось съ отвратительными народами (1 Езд. IX, 2, 14), а впредь воспрещались Израильтянамъ всякія брачныя связи съ иноплеменницами (1 Езд. IX, 12. Неем. X, 10), вплоть до нынѣшнихъ временъ.¹

При столь тяжелой заботливости о плотскомъ очищеніи Израіля для всего будущаго — какъ можно было не поусердствовать еще больше о наичистѣйшемъ традиціонномъ легализмѣ? А съ другой стороны, и самая безжалостная плотская чистка не могла бы пройти гладко безъ обязывающаго письменнаго авторитета въ богооткровенномъ издревле законѣ, который посему нужно было представить во всей точности и строгости. Во всѣхъ отношеніяхъ систематическая ревизія священныхъ еврейскихъ книгъ оказывалась необходимою и основоположительною во многообъемлющей реформаторской работѣ Ездры. Мы согласны, что для всесовершеннаго исполненія этого важнаго и труднаго книжнаго дѣла у него едва ли было достаточно свободнаго времени и сосредоточеннаго спокойствія, но это требовало лишь опытныхъ помощниковъ, какихъ Ездра имѣлъ и по другимъ частямъ осуществлявшейся реорганизаціи. И преданіе іудейское утверждаетъ, что тогда была образована и функционировала такъ наз. „Великая синагога“ въ количествѣ 120 чле-

¹ См., напр., въ № № 4,237 и 4,262 за 28 октября и 22 ноября 1932 г. Парижскихъ „Послѣднихъ Новостей“ поучительную исторію о канторѣ синагоги въ Нотр-Дамъ-де-Назаретъ, Кацѣ, котораго Парижская еврейская консисторія уволила за то, что онъ женился на христіанкѣ, хотя и перешедшей предъ бракомъ въ іудейство.

новъ по примѣру совѣта старѣйшинъ при Моисеѣ (Исх. XVIII, 21-26, XXV, 1). По совокупности всѣхъ данныхъ я считаю это извѣстіе вполне достовѣрнымъ и фактически соответствующимъ всѣмъ историческимъ условіямъ. Дальше понятно, что книжническая пурификація гармонировала съ практической очистительностію, а разъ послѣдняя была націоналистически-исключительною, (Неем. XIII, 3: „они отдѣлили все иноплеменное отъ Израиля“), то одинаковою должна быть и первая, божественно узаконяющею націоналистическій эксклюзивизмъ. Все сомнительное въ этомъ партизанскомъ смыслѣ было исключено и уничтожено, или ограничено по своему значенію и вліянію, какъ, напр., даже книга пророка Даніила, а остальное внесено въ канонъ, неприкосновенный ни по достоинству, ни по количеству, ибо къ этимъ книгамъ уже „нельзя ничего прибавить, или отнять отъ нихъ, ни перетолковать“ (Jos. Flavii Contra Apionem I, 8). Всякое непочтительное касаніе ихъ „оскверняло руки“, т. е. дѣлало ихъ святотатственно — скверными. Въ свою очередь и увеличеніе каноническаго сборника стало фактически невозможнымъ по причинѣ объявленнаго прекращенія во Израилѣ пророчества, которое замѣнялось какимъ-то темнымъ сурогатомъ въ „батьколь“, означавшемъ туманные отголоски невѣдомаго голоса свыше.

Такъ Ездра создалъ себѣ еще и славу „печати завѣта“, заключивъ путь для дальнѣйшей канонической литературы и санкціонировавъ окончательный письменный авторитетъ въ своемъ единственномъ кодексѣ. Продолжатели должны были строго охранять его и примѣнять буквалистически пунктуально. На нихъ (въ лицѣ мужей Великой синагоги) падала спеціальная миссія — воздвигать и укрѣплять ограду вокругъ закона въ Ездриной редакціи, чтобы никто не могъ проникать туда и всѣ лишались самомалѣйшихъ способовъ къ свободному распоряженію тамъ. Напротивъ, уполномоченные стражи номизма были облечены догматическимъ величіемъ и рѣшительнымъ самовластіемъ. Провозглашалось и принималось непререкаемо, что слова книжниковъ имѣютъ бѣльшее значеніе, чѣмъ слова закона Моисеева¹. Практическое осуществленіе послѣдняго, разчитаннаго на полупатріархальныя условія быта, нимало не сходныя съ позднѣйшими, оказывалось явно невозможнымъ даже относительно по прямому смыслу номистическихъ заповѣдей, но оно хорошо облегчалось тѣмъ, что новымъ законникамъ достаточно было найти нѣкую „асмахту“, или точку опоры, и они уже въ правѣ были дѣлать всякіе выводы и всѣ нужныя имъ приспособленія теоретическаго и практическаго свойства.

Это были господа и владыки вѣры и дѣла, безконтрольные и безспорные въ узко націоналистическомъ храненіи закона по его специфическому пониманію и тѣсному толкованію. А о результатахъ этого равви-

¹ Ср. проф. Ив. С. Марковски, Въведение въ Св. Писание на Ветхія Заветъ (Софія 1932), стр. 168, п. 3. По Sanhedrin X, 3, „постановленія мудрецовъ важнѣе предписаній Торы“.

нистического абсолютизма краснорѣчиво говорятъ нѣкоторые ясные и яркіе факты. Еврейская Библия въ своемъ подлинникѣ была недоступна большинству іудейскаго народа и при чтеніи въ синагогахъ требовала помощи парафразовъ и таргумовъ. Казалось бы, послѣдніе служатъ самымъ благимъ и разумнымъ цѣлямъ и должны имѣть широкое распространеніе, однако строжайше воспрещалось записывать ихъ, — конечно, потому, что тамъ могли быть вольности и уклоненія отъ раввинистическаго трафарета, почему даже (яко бы) либеральный Гамалиилъ I приказалъ изъять изъ употребленія таргумъ на книгу Іова¹. Правда, все это скрывало подлинное библейское содержаніе отъ религиозныхъ еврейскихъ массъ, но такъ тому и полагалось быть у невѣжественнаго въ законѣ, проклятаго народа (Іоан. VII, 49) со стороны забравшихъ ключи разумѣнія, которые сами не входили и входящихъ не пускали (Лук. XI, 52. Мѣ. XXIII, 23). Они ревниво преграждали всякія независимыя вѣянія и съ фанатическою суровостію устраняли „свободную“ религиозно-мистическую литературу, какъ лишающую царства небеснаго даже простаго носителя ея, хотя она выросла и распространялась именно подъ воздѣйствіемъ раввинистическаго террора, безслѣдно уничтожившаго всѣ оригиналы апокрифически-апокалиптическихъ произведеній². Мало того: подвергалась подобной немилостивой участи и вполне корректная религиозно-назидательная литература, разъ она не способствовала номистическому шовинизму, а проповѣдывала религиозно-гуманитарную мораль. Примѣръ сему — благочестивая книга Сирахова: вскорѣ послѣ греческаго перевода она совсѣмъ исчезла въ еврейскомъ текстѣ, каковой случайно и фрагментарно сталъ отыскиваться лишь съ конца прошлаго столѣтія.

Значитъ, узко націоналистическая работа Ездры продолжалась и укрѣплялась неизмѣнно библейскимъ ея оправданіемъ. Законъ Господа небесе и земли, Творца и Зиждителя всяческихъ, абсолютнаго свѣточа для всего міра и человѣчества былъ объявленъ и сдѣланъ исключительно привилегіей избраннаго Израиля. И вдругъ среди такой сгущенной атмосферы возсіяло христіанство со своимъ универсалистическимъ пониманіемъ и богочеловѣческимъ осуществленіемъ библейскихъ предначертаній. Какъ должны были фанатичные законники реагировать противъ этой живой и неотрицаемой реальности, которая опрокидывала все ихъ дѣло и самую религиозную доктрину? Въ первомъ отношеніи они отвѣтили убійствомъ ненавистнаго имъ „мятежника“, стараясь изгладить самое имя его (Дѣян. IV, 17-18. V, 28), а воплощенную имъ истину личнаго божественнаго Избавителя Библии подмѣнили націоналистическою идеею о мессіанизмѣ всего Израиля, какъ народа Божія и страждущаго искупителя за весь грѣшный, отверженный міръ гоевъ. Библейскій текстъ не

¹ Проф. Н. Н. Глубоковскій, Благовѣстіе св. Апостола Павла II, стр. 868.

² Ср. проф. Н. Н. Глубоковскій, Благовѣстіе св. Апостола Павла, кн. I (С.-Петербургъ 1905), стр. 832-835.

могъ противорѣчить этому деспотическому активизму, но обязывался санкционировать его въ качествѣ богоустановленной нормы, и, слѣдовательно, долженъ быть вполне соотвѣтственнымъ сему по всему содержанию. Такъ у масоретовъ оно и есть фактически до столь близкаго согласія, что это не можетъ не казаться тенденціознымъ. И если греческая интерпретація LXX-ти вносила дисгармонію, то ее искусственно дискредитировали измышленными диффамациями и ослабляли созданиемъ и поощреніемъ новыхъ греческихъ переводовъ, неудовлетворительныхъ и грубыхъ, но болѣе пригодныхъ для іудейскаго націоналистическаго строительства, буквалистически — тупо поддерживавшихъ его библейскую основу.¹ Даже самый традиціонный распорядокъ библейскихъ синагогальныхъ чтеній потерпѣлъ нѣкоторыя антихристанскія модификаціи (см. Ludwig Venetianer, *Ursprung und Bedeutung der Propheten-Lektionen*, Leipzig 1909), ибо онъ допускалъ персонально-мессіаническія примѣненія и огражденія, какъ видно на примѣрахъ Христа Спасителя въ Назаретской Синагогѣ (Лука IV, 16 сл.) и Апостола Павла въ Антиохіи Писидійской (Дѣян. XIII, 14 сл.).

Все должно подражать и подчиняться стереотипному шаблону подъ строжайшею цензурой іудейскихъ законниковъ. И намъ извѣстно изъ преданія, что духовный возродитель іудейства послѣ Римскаго разгрома, рабби Акиба, уничтожилъ всѣ библейскіе манускрипты, легализовавъ лишь одинъ текстуальный типъ, который размножался и распространялся только въ удостоверенныхъ копіяхъ по разсмотрѣніи и разрѣшеніи ихъ избранными номистическими вершителями, какъ и нынѣ всѣ подлинныя Библии еврейскаго издательства до точности совпадаютъ между собою не просто по тексту, но и въ самомъ распредѣленіи его по страницамъ, строкамъ, слогамъ и даже буквамъ. Сказанное сейчасъ находитъ подтвержденіе и въ томъ, что сохранившіяся донынѣ еврейскія рукописи произошли не ранѣе X вѣка; — какъ это случилось, когда новозавѣтныя имѣются у насъ отъ конца IV-го столѣтія, а папирусные фргаменты и старше? Еврейскихъ вариантовъ тамъ чрезвычайно мало, а старинныя отмѣтки *keri* и *ketib* весьма немногочисленны и несущественны, между тѣмъ необъятное количество новозавѣтныхъ разночтеній создаетъ чисто „вулканическія“ опасности для реконструкціи первоначальнаго вида новозавѣтныхъ писаній: — чѣмъ объяснить эту поразительную странность, когда еврейскія начертанія представляютъ неизмѣримо больше поводовъ для всякихъ недоразумѣній по сравненію съ греческими итацизмами (при диктантѣ)? И какъ разумно постигнуть, что эта особенность явно направлена противъ персоналистическаго мессіанизма, который догматически отвергается и еврейскою ученостію и іудейскою вѣрой? Въ послѣдніе годы свои извѣстный Берлинскій профессоръ и академикъ Адольфъ фонъ Гарнакъ занялся разысканіемъ догматическихъ корректуръ въ греческомъ новозавѣтномъ текстѣ, частице — въ по-

¹ Ср. проф. Н. Н. Глубоковскій, *Благовѣстіе св. Апостола Павла II*, стр. 844-845.

слани къ Евреямъ (*Zwei alte dogmatische Korrekturen im Hebräerbrief: Studien zur Geschichte des Neuen Testaments und der alten Kirche I, Berlin 1931, S. 235-252*). Въ конкретныхъ случаяхъ эта попытка мнѣ кажется необоснованною и неудачной, но если самая эта идея възможна для Новаго Завѣта, то почему она считается научно еретическою для Ветхаго? По какимъ соображеніямъ и мотивамъ провозгласили ее принципиально немыслимому еврейскіе и іудайстическіе библеисты? А мы слишкомъ хорошо знаемъ, что ни одинъ умный преступникъ не оставляетъ документальныхъ изобличеній своего дѣянія... И коль скоро съ религіозною убѣжденностію онъ находитъ послѣднее правильнымъ и необходимымъ, тогда для него обязательно представить и оправдывающую норму, какою здѣсь являлся соотвѣтствующій библейскій кодексъ. Тутъ для желательнаго редактированія находились всѣ моральныя побужденія и основанія, а фактически данная работа могла совершаться легко и почти незамѣтно въ виду еврейскаго начертанія, *scriptio continua* и отсутствія пунктуации и вокализации, гдѣ малѣйшіе штрихи способны измѣнять смыслъ. Послѣ сего въ дальнѣйшемъ открывался неограниченный просторъ для всякихъ нападеній и апологій въ потребныхъ интересахъ, ибо твердо свидѣтельствуется, что раввинистическіе корифеи могли вѣшать цѣлыя горы законовъ на единомъ волоскѣ...

Противъ предшествующаго всегда ссылаются на необыкновенную внимательность іудейства къ буквалистической скрупулезности и благоговѣйному охраненію текстуальной библейской неповрежденности. Легендъ на этотъ счетъ столь много, что нельзя не усумниться въ ихъ объективной вѣрности и фактическомъ безпристрастїи. А историческія свѣдѣнія таковы, что иногда надолго пропадала даже „книга закона Господня, данная рукою Моисея“, и съ нею надо было знакомить самого благочестиваго царя іудейскаго Іосію, для котораго все содержаніе оказалось новымъ и поразительнымъ (4 Цар. XXII, 8-20. 2 Пар. XXXIV, 14-28). Не говоритъ ли это о крайней небрежности, или — скорѣе — объ умысленной преднамѣренности? Что касается частныхъ, то достаточно напомнить, насколько евреи доселѣ дорожатъ своими генеалогіями и чтутъ „отцовъ“ и предковъ, а въ дѣйствительности въ этой самой области господствуетъ поразительнѣйшая путаница въ именахъ множества историческихъ лицъ, не исключая первосвященниковъ, у которыхъ иногда совсѣмъ невозможно установить истинное *populi principium*. При указанныхъ условіяхъ никакъ не слѣдуетъ забывать, что патристическіе авторитеты, допуская текстуальную *hebraicam veritatem* (блаж. Іеронимъ), вовсе не считали ее абсолютной, относительность же простирали до того, что знаменитый Александріецъ Оригенъ, великій знатокъ Писанія и текстуальный критикъ, предполагалъ специальное изъятіе изъ оригиналовъ іудейскими учеными цѣлыхъ библейскихъ отдѣловъ (напр., о Сусаннѣ), неблагопріятныхъ для іудейской репутаціи, а св. Іоаннъ Златоустъ, тоже имѣвшій нѣкоторый доступъ къ еврей-

ской Библии, часто говорилъ о намѣренныхъ ея искаженіяхъ, особенно въ мессіанскихъ мѣстахъ, со стороны іудейскихъ справщиковъ¹.

Совкупность всѣхъ приведенныхъ данныхъ обязываютъ насъ допустить систематическое корригированіе оригинальнаго библейскаго текста еврейскими редакторами съ рѣшительнымъ устраненіемъ всѣхъ другихъ разновидностей, которыя или прямо уничтожались, или погибали въ генизахъ. И чѣмъ меньше извѣстно намъ о подробностяхъ этой „критической“ работы, тѣмъ болѣе она оказывается неясною и специфически іудейской, но все-таки нѣкоторые этапы этого процесса достаточно безспорны въ существенныхъ чертахъ. Первый — въ концѣ VII вѣка до р. Хр. при іудейскомъ царѣ Іосіи, когда первосвященникъ Хелкія „нашелъ“ въ храмѣ книгу закона Господня, гдѣ весьма изобличались отступленія Израильтянъ отъ Іеговы для каждаго другимъ богамъ и возстановлялась номистически наказующая строгость заповѣдей Моисеевыхъ. Безспорно, что это было не новая „книга“, а старое Второзаконіе, или даже все Пятокнижіе, въ коемъ теперь „открытъ“ былъ болѣе опредѣленный смыслъ отмѣченнаго характера. Значить, тутъ была ревизія въ пользу ритуально-номистическаго ригоризма, чтобы строго и точно соблюдался узаконенный культъ богочитанія для обособленія іудейства отъ язычества.

Вторую стадію составляетъ реформа Ездры, направлявшаго всю жизнь еврейства по тѣсному руслу националистической исключительности и въ этомъ именно смыслѣ „написавшаго“ (при участіи членовъ Великой синагоги) всю Библию. Эта рецензія была болѣе обширной, захватывавшей всѣ ветхозавѣтныя книги и выдѣлившей въ „канонъ“ только пригодныя для раввинизма писанія съ безусловнымъ воспрещеніемъ увеличивать его составъ и перетолковывать легализованный библейскій текстъ. Она продолжала и распространяла прежнюю ревизионную политику въ сторону внутренней религіозной замкнутости Израиля, который теперь, естественно, становится отрицательнымъ и потомъ даже враждебнымъ ко всякимъ другимъ теченіямъ, если послѣднія посягали на его „неотъемлемое достояніе“ и дѣлали „іудейскую собственность“ общедоступною внѣ Израильской номистической ограды и, пожалуй, по библейскому разрѣшенію.

Этотъ неизбежный выводъ долженъ былъ отчетливо формулироваться послѣ успѣха греческой версіи LXX-ти, популяризовавшей по всему тогдашнему свѣту персоналистической универсальной мессіанизмъ, и рѣшительно сдѣланъ около временъ Христа Спасителя, а окончательно закрѣпленъ въ масоретской редакціи (VII-X в. по р. Хр.), въ которой еврейская Библия стала націоналистически-мессіанской и потому антихристіанской.

Для всѣхъ этихъ трехъ ревизій была величайшая жизненная нужда, и удовлетвореніе ея являлось религіозною необходимостію, которая

¹ См. проф. Ив. С. Марковски, Въведение въ Св. Писаніе на Вѣтхія Заветъ стр. 88, 215.

морально облегчала и даже поощряла редакционную работу. И къ чему она наклонялась, какъ не къ тому, чтобы Библия „смоклала“ говорить мессіански-христіански? Но мы знаемъ и видимъ, что священную тетраграмму, выражавшую самую сущность божества (ср. Исх. III, 13-14), послѣдственное іудейство сдѣлало „шемъ гаммефорашъ“ — неизреченнымъ именемъ, никому невѣдомымъ, поскольку и самъ первосвященникъ вспоминалъ его и могъ произносить только однажды въ годъ въ великій день очищенія (10-го тишири) и лишь въ полномъ уединеніи во мракѣ святого святыхъ.

Послѣ сего что же удивительного и чудесного, если и здѣсь еврейская Библия „замолчала“ поіудейски?...

II.

Обратимся теперь къ греческому переводу LXX-ти толковниковъ. Главное его отличие заключается въ персоналистически—мессіанскомъ характерѣ пророчествъ, которыя потомъ вполне логично и нормально получили христіанское примѣненіе въ отношеніи личности Господа Искупителя. Почему это случилось и нѣтъ ли тутъ хронологически — обусловленной тенденціозности?

Но въ періодъ совершенія этого перевода (въ Александріи за время отъ Птоломея Филадельфа до Птоломея III Еввергета между 285 и 221 до р. Хр.), разумѣется, не было христіанства даже въ болѣе и менѣе ясномъ предвѣдѣніи и не существовало специальныхъ мессіанскихъ напряженій въ предполагаемыхъ производящихъ кругахъ, а преданіе увѣряетъ, что запросъ исходилъ изъ Александріи однако мотивировался исключительно библіофильскими побужденіями и былъ удовлетворенъ съ благословенною успѣшностію самыми компетентными авторитетами на основаніи апробированныхъ экземпляровъ, присланныхъ іудейскими вождями изъ Палестины вмѣстѣ съ уполномоченными переводчиками. И еслибы дѣйствительно преобладали въ Александрійскихъ сферахъ пристрастныя мессіанскія увлеченія, то какъ отсюда объяснить увеличеніе времени отъ сотворенія міра до Христа у LXX-ти (5508 лѣтъ) противъ еврейскаго счета (4004 года) почти на цѣлую треть (1504 г. г.) по сравненію съ послѣднимъ? Не гораздо ли правдоподобнѣе, что тутъ была точно воспроизведена особая еврейская редакція? Тоже должно думать и касательно другихъ уклоненій текстуально-фактическаго характера, напр., въ различномъ распредѣленіи главъ въ книгѣ пророка Іереміи. Къ этому именно заключенію склоняютъ и разныя другія наблюденія. Такъ, Самарянское Пятокнижіе въ Полиглоттахъ Парижской (1645 г. г.) и въ Лондонской Бріана Вальтона (1657 г.) имѣетъ до 6,000 вариантовъ сравнительно съ масоретскою рецензіей, часто примыкающихъ къ переводу LXX-ти. Развѣ это не свидѣтельствуеетъ документально въ пользу текстуальной обоснованности греческой версіи¹?

¹ Ср. къ сему и замѣчаніе у Prof. H. B. Swete, An introduction to the Old Testament in Greek (Cambridge 1914), p. 438: „A careful analysys of the Samaritan text led Ge-

Для ослабленія ея достоинства приводятъ древнія позорящія легенды, но онѣ больше походятъ на злославленные диффамациі по партійно-религиознымъ предубѣжденіямъ. Вѣдь въ тѣхъ же древнихъ сказаніяхъ не менѣе рѣшительно сообщается о безупречности и спасительности переводческой работы, почему совершеніе ея было для всего міра свѣтлымъ праздникомъ, который и праздновался торжественно каждый годъ на островъ Фаросъ (близъ Александріи)¹. А нѣкоторые факты удостовѣряютъ, что греческій переводъ LXX-ти былъ въ Египтѣ не просто достопримѣчательною книгой, но имѣлъ и богослужебное употребленіе у тамошнихъ іудеевъ². Равнымъ образомъ онъ нѣкогда достаточно цѣнился и въ самой Палестинѣ³, гдѣ широко ходитъ сходный съ нимъ текстъ. Упрекаютъ, что въ немъ приняты разные сомнительные апокрифы, невѣдомые іудейству и не постулирующіе къ еврейскимъ архетипамъ, а потому весь греческій библейскій канонъ не получилъ ни распространенія, ни авторитетности. И это все крайне преувеличено, ибо, напр., Сирахъ былъ знакомъ Филону⁴, котораго столь уничижительно третировало раввинистическое іудейство, а наиболѣе греческая по языку и концепціямъ книга Премудрости Соломоновой допускаетъ догадки (даже со стороны іудейскихъ ученыхъ), что за нею стоятъ древніе еврейскіе первоисточники⁵.

Сопоставленіе еврейской масоретской Библии и греческаго перевода LXX-ти въ объективномъ историческомъ освѣщеніи и безпристрастномъ толкованіи научно заставляеть меня формулировать въ итогѣ, что греческая интерпретація воспроизводитъ независимый отъ масоретскаго еврейскій текстуальный типъ. Объ немъ мы ничего не знаемъ въ точности, но, очевидно, это одинъ изъ тѣхъ, который не подвергся ревізійному досмотру іудейскихъ цензоровъ и не испыталъ корректуръ отъ раввинистическаго правовѣрія, а въ текстуальной новозавѣтной критикѣ доминируетъ аксіома, что „нейтральные“ тексты, не затронутые ревізіями специальныхъ справщиковъ содержатъ чтенія болѣе древнія и ближайшія къ авторскимъ оригиналамъ. Съ этой точки зрѣнія и еврейская первооснова LXX-ти должна почитаться наименѣе поврежденною текстуально и гораздо древнѣйшею сравнительно съ масоретскою ре-

senius to the conclusion, which is now generally accepted, that the fact of the two Pentateuchs (the Greek and Samaritans) often making common cause against the printed [Massoretic] Hebrew Bibles indicates a common origin earlier than fixing of the Massoretic text, whilst their dissensions shew that the text of the Law existed in more than one recension before it had been reduced to a rigid uniformity“.

¹ См. проф. Н. Н. Глубоковскій, Благовѣстіе св. Апостола Павла II, стр. 843.

² Ibid. II, стр. 1111-1112.

³ Ibid. II, стр. 843.

⁴ Ibid. II, стр. 163, 330.

⁵ Ibid. II, стр. 440 сл.

дакціей, сформировавшейся подъ антихристіанскими настроеніями и законченной уже въ позднія христіанскія времена (X в.).

Всѣмъ изложеннымъ прямо возвышается текстуальное достоинство LXX-ти, какъ независимаго объективнаго свидѣтеля подлинной *hebraicae veritatis*, превосходящаго масоретскій ретушированный текстъ своею древностію и безспорною достовѣрностію содержания, напр., въ мессіанскихъ пророчествахъ. Это заключеніе полностью приложимо и къ нашей Славянской Библии, которая пріобрѣтаетъ особую религіозно-научную важность, какъ памятникъ древнѣшей библейской традиціи и какъ почтенный свидѣтель Византійско-греческаго оригинала для священнаго Кирилло-Меѳодіевскаго труда. Твердо держась этого положенія, славянская наука и confessiо никогда не доходила до крайностей въ оцѣнкѣ своей Библии, какъ это пыталась сдѣлать Константинопольская церковь, провозглашавшая LXX автентичнымъ текстуальнымъ выразителемъ подлинника. Мнѣ извѣстенъ лишь одинъ случай этого рода, когда латинствующій Оберъ-Прокуроръ Русскаго Св. Синода, властный графъ Н. А. Пратасовъ († 16 января 1855 год.), „подалъ (Господарю Императору Николаю I) мысль объявить славянскій переводъ Библии самодостовѣрнымъ, подобно латинской Вульгатѣ“, но (по словамъ митрополита Московскаго Филарета) „Святѣйшій Синодъ . . . не провозгласилъ текста славянскаго исключительно самостоятельнымъ и тѣмъ прозорливо преградилъ путь тѣмъ затрудненіямъ и запутанностямъ, которыя въ семъ случаѣ были бы тѣ же, или еще большія, нежели какія въ Римской церкви произошли отъ провозглашенія самостоятельнымъ текста Вульгаты“¹. Принималось и примѣнялось только то, что славянская Библия представляетъ достопочтенное истолкованіе слова Божія въ мѣру ея согласія съ греческою версіей LXX-ти, а послѣдняя уважалась вполне, но ничуть не возвеличивалась исключительно. Напротивъ, у Русскихъ были колебанія въ точнѣйшей дозировкѣ ея корректности по соотношенію съ масоретскою реконструкціей. Въ исторіи Русскаго богословія были увлеченія въ томъ и другомъ направленіи, нашедшія наиболѣе яркое выраженіе въ новое время (см. у проф. И. Н. Корсунскаго, Труды Московской Духовной Академіи по переводу Св. Писанія и твореній св. Отцевъ на Русскій языкъ за семьдесятъ пять лѣтъ (1814-1889) ея существованія въ „Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. Отцевъ“ ч. XLV за 1890 г., кн. 2, стр. 341-405). Одни рѣшительно перевозносили текстъ еврейскій, сводя всѣ разности LXX-ти преимущественно къ недоразумѣніямъ и перетолкованіямъ греческихъ переводчиковъ (проф. П. И. Горскій-Платоновъ, †1904, X, 21: Нѣсколько словъ о статьѣ Преосвященнаго Епископа Теофана „По поводу изданія священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта“ — въ „Православномъ Обзорѣннн“ 1875 г., № 11, стр. 504-540; О недоумѣніяхъ, вызываемыхъ Русскимъ пе-

¹ См. у проф. И. А. Чистовича, Исторія перевода Библии на Русскій языкъ 2-е изданіе, С.-Петербургъ 1899, стр. 130.

реводомъ свящ. книгъ Ветхаго Завѣта *ibid.* 1877 г., № № 1, 2 и 4, стр. 69-104, 260-284, 681-702; Народная Библия во времена Христа Спасителя въ „Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. Отцевъ“ 1880 г., ч. XXVI, стр. 1070-1085, въ книгѣ „Годичный актъ въ Московской Духовной Академіи 1-го Октября 1880 г., Москва 1880, стр. 7-22, и въ „Православномъ Обзорѣніи“ 1880 г., № 10, стр. 363-375). Другіе не менѣе энергично и убѣжденно защищали греческую интерпретацію, считая масоретскую рецензію тенденціозно-исправленной (епископъ Теофанъ Говоровъ, † 1894, I, 6: По поводу изданія книгъ Ветхаго Завѣта въ Русскомъ переводѣ въ „Душеполезномъ Читеніи“ 1875 г., № 11, стр. 342-352, и тоже подъ заглавіемъ „Право — слово объ изданіи книгъ Ветхаго Завѣта въ Русскомъ переводѣ“ въ „Домашней Бесѣдѣ“ 1875 г., вып. 47, стр. 1212-1219; О нашемъ долгѣ держаться перевода 70 толковниковъ въ „Душеполезномъ Читеніи“ 1876 г., № 5, стр. 3-21; Объ употребленіи новаго перевода ветхозавѣтныхъ писаній *ibid.* 1876 г., № 9, стр. 100-106; Библия въ переводѣ 70 толковниковъ есть законная наша Библия въ „Домашней Бесѣдѣ“ 1876 г., вып. 20, 22 и 23, стр. 499-503, 527-529, 579-590; Рѣшеніе вопроса о мѣрѣ употребленія еврейскаго нынѣшняго текста по указанію церковной практики *ibid.* 1876 г., вып. 28, стр. 699-709; Какого текста ветхозавѣтныхъ писаній должно держаться? въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ 1876 г., № 19, стр. 1-2; О мѣрѣ православнаго употребленія еврейскаго нынѣшняго текста по указанію церковной практики *ibid.* 1876 г., № 23, стр. 1-5, а къ сему относящіяся сюда статьи проф. И. С. Якимова, † 1885, въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ 1876 г., № № 13, 19 и 35, стр. 1-3, 2-4, 1-4: По поводу мнѣнія одного Епископа о значеніи Русскаго перевода ветхозавѣтныхъ священныхъ книгъ, изданныхъ по благословенію Святѣйшаго Синода; Отвѣтъ преосвященному Теофану; О мѣрѣ православнаго употребленія еврейскаго нынѣшняго текста, по указанію церковной практики. См. еще у проф. о. І. Н. Королькова, Преосвященный Теофанъ, бывший епископъ Владимірскій, и полковникъ С. А. Первухинъ въ ихъ взаимной перепискѣ... съ приложеніемъ статьи „Сужденія епископа Теофана и епископа Порфирія о переводѣ Св. Писанія на Русскій языкъ“, Кіевъ 1915, стр. 65-69, 96-139). Тѣмъ не менѣе оба эти научныя теченія никогда не достигали въ Русской наукѣ взаимоисключающей крайности и по возможности примирялись,—однако съ предупрежденіемъ митрополита Московскаго Филарета (въ его „Запискѣ“): „дабы при употребленіи еврейскаго текста въ пособіе къ изъясненію священнаго Писанія не дать мѣста произволу, поставить въ семь дѣлъ преграду противъ уклоненія отъ точности православныхъ догматовъ, и охранить священную важность текста семидесяти въ древней его чистотѣ, — для сего въ ученіи о священномъ Писаніи, или въ священной герменевтикѣ, должны быть предлагаемы охранительныя правила, извлеченныя изъ существа дѣла, и изъ примѣровъ церковныхъ и отеческихъ“. Подъ этими вдохновеніями былъ начатъ и, не смотря на авторитетные и обоснованные протесты (напр.,

митрополита Киевскаго Филарета Амфитеатрова, + 1857, XII, 21), былъ совершонъ (1858-1875 г. г.) — при участіи всѣхъ Духовныхъ Академіи и приглашенныхъ ученыхъ людей — волею и смотрѣніемъ Св. Синода Русскій переводъ Библии¹, который служилъ первоосновою и для новѣйшаго Болгарскаго перевода (Софія 1925).

Не отказывалась отъ принципа руководственного верховенства LXX-ти и Русская наука. Такъ, проф. В. Н. Мышцынъ писалъ, что „нельзя безусловно и во всемъ отдавать предпочтеніе тексту мазоретскому, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ греческій переводъ сохранилъ лучшее сравнительно съ подлинникомъ чтеніе, — чтеніе вѣрное и первоначальное, вслѣдствіе чего переводъ LXX имѣетъ не только авторитетъ изъ начала въ христіанской церкви употребляемаго перевода, но и авторитетъ наилучшаго критическаго средства при исправленіи текста мазоретскаго; употребленіе его не церковное только, но и научное“ (въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ 1895 г., № № 2 и 3, стр. 214—288, 345—377: Нуженъ ли намъ греческій переводъ Библии при существованіи еврейскаго подлинника?). Въ свою очередь проф. И. Н. Корсунскій въ специальной обширной диссертациі по данному предмету („Переводъ LXX: его значеніе въ исторіи греческаго языка и словесности“, Свято-Троицкая Сергіева Лавра 1897) формулировалъ два тезиса, что а) „переводъ LXX, во многихъ своихъ мѣстахъ, имѣетъ большое значеніе для возстановленія первоначальнаго вида подлиннаго еврейскаго текста Библии“, а б) „съ другой стороны переводъ этотъ, по разнымъ причинамъ, во многомъ отстываетъ отъ еврейскаго подлинника“. Посему нельзя было встрѣтить въ Россіи научнаго библейско-экзегетическаго сочиненія, гдѣ бы не утилизировался систематически этотъ греческій текстъ. Но разъ онъ, по меньшей мѣрѣ, считался равноправнымъ еврейскому, то — наряду съ послѣднимъ — должны были стать и общедоступнымъ для безпрепятственнаго пользованія изслѣдователямъ и любителямъ Писанія. По этимъ подбужденіямъ предпринимались попытки Русскаго перевода прямо съ LXX-ти, напр., епископомъ Чигиринскимъ Порфиріемъ Успенскимъ (+ 1885, IV, 19), изъ подобныхъ работъ котораго имѣется въ печати лишь „Псалтирь“ (2-е изд., С.-Петербургъ 1906); въ новое время этотъ великій научно-церковный подвигъ былъ подъятъ и энергически осуществлялся профессоромъ Казанской Духовной Академіи П. А. Юнгеровымъ (+ 1922, III, 27), успѣвшимъ выпустить почти весь библейскій текстъ въ Русской обработкѣ по LXX-ти

¹ См. проф. И. А. Чистовичъ, Исторія перевода Библии на Русскій языкъ, 2-е изданіе, С.-Петербургъ 1899. Проф. И. Н. Корсунскій: въ „Прибавленіяхъ къ Твореніямъ Св. Отцевъ“ за 1889—1891 г. г.; Памяти святителя Филарета, митрополита Московскаго (къ исторіи редакціи Русскаго перевода Священнаго Писанія), Москва 1894; Филаретъ, митрополитъ Московскій, въ его отношеніяхъ и дѣятельности по вопросу о переводѣ Библии на Русскій языкъ, Москва 1886. А. В. Гавриловъ, Труды митрополита Московскаго и Коломенскаго Филарета по переложенію Новаго Завѣта на Русскій языкъ, С.-Петербургъ 1893.

(Пятокнижіе Моисеево въ греко-славянскомъ и Русскомъ переводахъ: Книга Бытія, Казань 1917. Книга Іова въ русскомъ переводѣ съ греческаго текста LXX, съ введеніемъ и примѣчаніями, Казань 1914. Псалтирь въ Русскомъ переводѣ съ греческаго текста LXX, съ введеніемъ и примѣчаніями, Казань 1918. Книга Притчей Соломоновыхъ въ Русскомъ переводѣ съ греческаго текста LXX, съ славянскимъ переводомъ, введеніемъ и примѣчаніями, Казань 1908. Книги Екклесіастъ и Пѣснь Пѣсней въ Русскомъ переводѣ съ греческаго текста LXX, съ введеніемъ и примѣчаніями, Казань 1916. Книги пророковъ — великихъ: Исаи Казань 1909, Іереміи и Плачь Іереміи, Казань 1910, Іезекиіля Казань 1911, Даниіла Казань 1912; малыхъ пророковъ, Казань 1913; неканоническія книги, Казань 1907).

III.

По своему соотвѣтствію LXX-ти и славянскій переводъ получаетъ высокій и широкій интересъ. Это, конечно, драгоцѣнный памятникъ славянской литературы и съ такой стороны справедливо и тщательно изучался въ Россіи специалистами въ историко-литературномъ и филологическомъ отношеніяхъ; этому собственно больше служили и многочисленныя текстуальныя изданія. Однако при этомъ въ достаточной мѣрѣ соображались и библиологическіе запросы (см., напр., проф. И. С. Якимовъ, Критическія изслѣдованія текста славянскаго перевода Ветхаго Завета въ его зависимости отъ текста переводы семидесяти толковниковъ въ „Христіанскомъ Читеніи“ 1878 г., ч. I, стр. 706—742; ч. II, стр. 235—250, 314—340, 536—562; В. К. Лебедевъ, Славянскій переводъ книги Іисуса Навина по сохранившимся рукописямъ и Острожской Библии, С.-Петербургъ 1890; проф. Ѳ. Г. Елеонскій: По поводу 150-лѣтія Елизаветинской Библии, С.-Петербургъ 1902; Слѣды вліянія еврейскаго текста и древнихъ, кромѣ 70-ти, переводовъ на древнѣйшій славянскій переводъ Библии, С.-Петербургъ 1905; проф. А. В. Михайловъ, Опытъ изученія текста книги Бытія пророка Моисея въ древне-славянскомъ переводѣ, Варшава 1905), ибо славянскій переводъ является воспроизведеніемъ почтеннаго греческаго прототипа и традиціонно-авторизованнымъ истолкованіемъ библейскаго содержанія, почему здѣсь долженъ подлежать научному изученію уже съ текстуально-экзегетической стороны. Работы этого рода въ болѣе извѣстной мнѣ Русской наукѣ направлялись главнѣйшимъ образомъ на возстановленіе древнѣйшаго славянскаго текста, существовавшего ранѣ XV вѣка, чтобы подойти къ Кирило-Меѳодіевскому оригиналу (см. у проф. Г. А. Воскресенскаго, Кирилло-Меѳодіевскій переводъ Библии въ „Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. Отцевъ“ 1885 г., ч. XXXVI, стр. 229—252) и въ немъ пріобрѣсти вѣрнаго свидѣтеля его греческаго прототипа, который тогда служилъ бы и объективною мѣрой точности труда славянскихъ первоучителей, а равно характера библейско-христіанской просвѣтительности, принесенной ими славянству и проникавшей всю нашу культуру даже до сего дне.

Больше всего способствовалъ этому предпріятію приснопамятный ректоръ Московской Духовной Академіи протоіерей А. В. Горскій († 11 октября 1875 г.), который особенно послужилъ сему дѣлу въ (совершенномъ имъ вмѣстѣ съ К. И. Невостревымъ) „Описаніи славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки“ (въ 1855—1869 г. г. вышло въ Москвѣ пять книгъ, для коихъ см. Указатель именной и предметный Е. М. Витшинскаго, Варшава 1915, а шестая, приготовленная еще въ 1863 году, выпущена въ свѣтъ лишь въ 1921 году подъ редакцію Н. П. Попова), гдѣ онъ открылъ, собралъ и обозрѣлъ огромный матеріалъ и намѣтилъ новыя перспективы для плодотворной работы по генезису и реституціи Славянской Библии. По справедливому и компетентному сужденію проф. Г. А. Воскресенскаго († 1918, III, 10/23), — это, „есть, можно сказать, неисчерпаемая сокровищница критически очищенныхъ фактовъ для исторіи священнаго библейскаго текста“ (славянскаго). Работа пошла гораздо интенсивнѣе и систематичнѣе, сосредоточиваясь на достиженіи завершительнаго итога. Для Новаго Завѣта особенно важны ученые труды и текстуально-критическія изданія вышеупомянутаго проф. Г. А. Воскресенскаго (Древній славянскій переводъ Апостола и его судьбы до XV в., Москва 1879; Характеристическія черты четырехъ редакцій славянскаго перевода Евангелія отъ Марка по сто двадцати рукописямъ XI-XVI вв., Москва 1898 [къ сему см. „поправки, дополненія и замѣчанія“ проф. М. Д. Муретова въ особой брошюрѣ Сергіевъ Посадъ 1897]; Евангеліе Марка по основнымъ спискамъ четырехъ редакцій рукописнаго славянскаго евангельскаго текста съ разночтеніями изъ ста восьми рукописей Евангелія XI-XVI вв., Сергіевъ Посадъ 1894; Древне-славянскій Апостолъ: Посланія святаго Апостола Павла по основнымъ спискамъ четырехъ редакцій рукописнаго славянскаго апостольскаго текста съ разночтеніями изъ пятидесяти одной [—семи—] рукописи [—сей] XII-XVI вв.; вып. 1-й — Посланіе къ Римлянамъ, Сергіевъ Посадъ 1892; вып. 2-й — Посланіе къ Коринѳянамъ I-е, Свято-Троицкая Сергіева Лавра 1906; вып. 3-5 — Посланія къ Коринѳянамъ II-е, къ Галатамъ и Ефесянамъ, Сергіевъ Посадъ 1908) — съ разными руководящими и информирующими трактатами по этому предмету (напр., Къ вопросу о научномъ изданіи славянскаго перевода Библии въ сборникѣ „Въ память столѣтія Московской Духовной Академіи“, ч. I, Сергіевъ Посадъ 1915). У него всѣ рукописные тексты распределены на четыре послѣдовательныя стадіи согласно ихъ типическимъ отличіямъ и все развитіе славянскаго перевода представлено въ историко-литературномъ процессѣ безъ непосредственнаго соотношенія съ греческими рецензіями, хотя и при случайныхъ иллюстраціяхъ изъ греческихъ разночтеній. Здѣсь славянскій переводъ обрисовывается лишь какъ научно провѣренный и литературно взвѣшенный специальный памятникъ славянской письменности.

Дальше и прозорливѣе пошелъ въ отношеніи Ветхаго Завѣта проф. И. Е. Евсѣевъ († 1821, VII, 22—VIII, 4), который въ двухъ тщательныхъ

диссертацияхъ (Книга пророка Исаи въ древне-славянскомъ переводѣ въ двухъ частяхъ: I — славянскій переводъ по рукописямъ XII-XVI вв.; II — греческій оригиналъ славянскаго перевода книги пр. Исаи, С.-Петербургъ 1897. Книга пророка Даниила въ древне-славянскомъ переводѣ: введе- ніе и тексты — славянскій и греческій, Москва 1905) далъ не толь- ко реконструкцію славянскаго перевода книгъ пророковъ Исаи и Да- ниила, но и возсозданіе самой греческой первоосновы въ предпола- гаемой для нихъ типической „редакціи“. Этой идеѣ онъ посвятилъ по- томъ всѣ свои труды и для ея реализаціи употребилъ энергическія уси- лія (Рукописное преданіе Славянской Библии, С.-Петербургъ 1911. За- писка о научномъ изданіи славянскаго перевода Библии и проектъ означен- наго изданія: къ 200-лѣтію со времени перваго царскаго указа объ усо- вершеніи славянскаго перевода Библии, Спб. 1912. Столѣтняя годовщина русскаго перевода Библии, Петроградъ 1916. Очерки по исторіи славян- скаго перевода Библии, Петроградъ 1917), чтобы въ концѣ концовъ обезпечить изданіе славянскаго Holmes-Parsons'a съ равнымъ ученымъ совершенствомъ и документальнымъ преизобиліемъ.

Такъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ и при участіи цѣлыхъ поко- лѣній многочисленныхъ ученыхъ накопился въ Россіи огромный мате- ріаль для этого великаго общеславянскаго дѣла — свыше 4.000 спис- ковъ славянскихъ рукописей разныхъ типовъ для ветхозавѣтныхъ книгъ и еще больше для новозавѣтныхъ. Были и полезныя справочныя пособія (напр., П. А. Гильтебрандта: Справочный и объяснительный сло- варь къ Новому Завѣту, два тома, С.-Петербургъ 1883, 1885; Спра- вочный и объяснительный словарь къ Псалтири, Спб. 1898), научныя предваренія, ученые работники и матеріальныя средства. Настала пора объединить и воплотить совокупными усилиями всѣ главнѣйшіе резул- таты въ наилучшемъ славянскомъ текстѣ. Для совершеннѣйшаго вы- полненія этого грандіознаго плана была образована и функционировала (съ 1915 года) при Петроградской Духовной Академіи Библейная ком- миссія изъ авторитетныхъ ученыхъ по научно-критическому изданію Славянской Библии, которое было разсчитано — примѣрно — на девять большихъ томовъ: 6 — для Ветхаго Завѣта и 3 — для Новаго. Осу- ществленіе этой колоссальной задачи было бы чрезвычайно плодотвор- нымъ приобрѣтеніемъ для всей ученой библиологіи, не говоря объ исклю- чительной цѣнности для нашего богословія, общеславянской филологіи и литературы, но все прекратилъ бѣшеный и дикій большевизмъ...

Однако — неужели погибла и самая эта славная задача? Я этого не думаю, ибо въ такомъ случаѣ нужно бы согласиться, что пропала и вся славянская вѣковая цивилизація, а какой Геростратъ найдется среди истин- ныхъ ученыхъ во всемъ мірѣ? . . . И вотъ я, едва плавающий по перебра- сывающему бѣженскому океану старецъ, твердо вѣрую, что это святое дѣло будетъ доведено до блестящаго увѣнчанія совмѣстными трудами славянскихъ жрецовъ науки, въ родѣ чествуемаго юбиляра. Всѣ мы

должны неизмѣнно помнить, что Славянская Библия, объемлющая все славянство по его культурно-христианскому рождению и возрастанію, есть живительный источникъ и органической центръ общеславянскаго единенія, которое обязательно воспитывать и лелѣять въ библейской колыбели и съ библейскими славянскими благословеніями. Посему нельзя сочувствовать, а нужно противиться вытѣсненію изъ нашего православнаго богослуженія этого родоначальника и Ангела-хранителя нашего разными націоналистическими суррогатами, чаще всего вульгарно-грубыми, принижающими божественную выпренность до простонародной ординарности, взаимно разобщающими славянскіе народы даже въ общественный молитвѣ, а тѣмъ самымъ ослабляющими всѣхъ братьевъ-славянъ и ведущими къ внѣшней и духовной подневольности. Но наша Славянская Библия золотыми письменами начертываетъ предъ нами свой свѣтлый идеалъ и провозглашаетъ священный завѣтъ всѣмъ славянамъ:

будемъ едины и станемъ свободны!

Софія. 1932, XI, 9 (X, 27) — среда.

Н. Глубоковскій

Из области „вопросо-ответной“ югославянской письменности

Среди многочисленных, в течении веков популярных, в юго-славянской письменности текстов „Вопросо-ответов“, только частью изданных и далеко еще достаточно не исследованных, внимание мое остановил на себе своей своеобразной формой поздний (XVI-XVII в.) сербский текст Югославянской академии (из собрания И. Кукулевича) с сигнатурой: III. а. 20. Текст этот не безызвестен уже в научной литературе: еще в 3-ей книге „Književnik'a“ (1866) И. В. Ягич дал несколько выписок из этой рукописи, в числе их и из нашего текста (стр. 130); упоминает этот текст и В. Н. Мочульский в своем исследовании „Следы народной библии“ (Одесса 1893); он обратил внимание и на форму этих „Вопросо-ответов“, но ограничился лишь указанием на близость ее к форме латинских текстов (стр. 56-57).

Сложность вопроса о происхождении и истории „Вопросо-ответов“ в славянских и русской литературах, почти безконечное разнообразие дошедших до нас текстов, неясность их взаимоотношений вместе с трудностью определения иноземного оригинала их или оригиналов,¹ — все это, взятое вместе, заставило обратить внимание и на этот малоизвестный в науке загребский текст в надежде при помощи изучения его своеобразной формы несколько осветить историю, по крайней мере, одной из групп этих „Вопросо-ответов“.

Загребский текст по типу относится к числу текстов т. н. „анонимных“, т. е. таких, в которых не названо имен собеседников (что, как известно, характерно для текстов, называемых „Беседой трех святителей“), или таких, которые в заголовке не имеют имени (яко бы) автора. В рукописи текст озаглавлен: „Указь господа нашего Исуса Христа“ (начало его: „Жить Христос на земли 33 лѣта и 3 мѣсеца“). Но, несомненно, на этих листах (107-109 об.) под одним заглавием, приведенным выше, мы имеем перед собою не один, а два различных текста, помещенных друг за другом вслед; между листами 107 и 108 пропал один лист; на л. 108 читается продолжение „Указа“: „изидоше егуптене фараонови, понеже проклетъ бысть Хамъ . . . зачеху се не-

¹ Обзор текстов и научной о них литературы см. у Nachtigal'я „Ein Beitrag zu den Forschungen über die sogenannte „Беседа трех святителей“ — Archiv Ягича, т. т. XXIII и XXIV.

вѣрни езици“;¹ после же этих слов идут без всякого заглавия краткие вопросы и ответы, из коих каждый вопрос начинается словами: „Рци ми“, ответ — словом: „Рече“ — почти всюду. Что с этих пор в рукописи мы имеем перед собою отдельный текст, видно не только из того, что эта группа вопросо-ответов имеет свою форму, только что указанную, но и по подбору вопросов и ответов она ничего общего не имеет с текстом, изданным Тихонравовым в цельном виде, а наоборот, обнаруживает точки соприкосновения с другой группой „анонимных“ же „Вопросо-ответов“, как это сейчас будет видно.² Считая, следовательно, указанную часть загребского текста бывшей когда-то самостоятельной статьей, мы, в самом деле, найдем у нее точки соприкосновения по составу с другими также отдельно встречающимися подобными текстами, в частности с следующими: с сербскими же XVII в. „Словом о небеси и земли“ и „Исправлением о Новом Завете“ (изд. в Starinach, XXI, 208 и 214), болгарским текстом XVIII в. — „Словом сказания от бития“ (изд. там же, VI, 50) и болгарским XVI в. (из Ловчанского сборника, изд. Йорд. Ивановым, „Богомилски книги и легенди“, стр. 259); в этих текстах часть вопросов и ответов на них, при том идущих почти всегда кучкой и в том же приблизительно порядке, оказывается общей с загребским текстом:³ это позволяет думать, что все эти тексты (разумеется, в частях сходных), хотя и непосредственно восходят к какому-то общему первоисточнику; помимо этой кучки одинаковых вопросо-ответов, и в других местах сопоставляемых текстов встречаются также сходные вопросо-ответы: видимо, они также принадлежали этому предполагаемому общему ядру и только со временем отбились от него, попав в разные места разных текстов, что вполне удовлетворительно объясняется подвижностью и растяжимостью состава всех вообще „Вопросо-ответов“, как своеобразной литературной формы. Т. е. мы можем и с этой стороны объединить перечисленные тексты.

Присматриваясь же ближе к самым чтением сходных по содержанию вопросо-ответов во всех сравниваемых текстах и принимая при этом во внимание различие текстов какъ по времени, так и по местностям происхождения списков, а также общую им всем небрежность (малограмотность) письма, объясняемую той не высокой степенью культурности среды, где по преимуществу вращались произведения, подобные „Вопросо-ответам“, — мы можем заключать, что эта группа вопросо-ответов восходит и по переводу к одному первоначальному тексту, не смо-

¹ Ср. Тихонравов, Пам. отреч. лит., II, 447 — русская по изводу статья из Измарагда с заглавием: „Указ господа нашего Исусъ Христа“; ее текст почти буквально совпадает с отмеченной частью сербского загребского; далее же сходство русского текста с загребским совершенно прекращается.

² Ближе других загребский текст стоит к текстам, которые Р. Нахтигаль (Архив Ягича, XXIV, 324) объединяет под названием „Adamfragen“ первой редакции. Загребский же текст в полном его виде остался ему не известен (он знает его только по выписке Ягича, указанной мною выше).

³ См. в Примечаниях к издаваемому ниже загребскому тексту.

тря на кажущиеся текстуальные различия между ними. Т. о. в этой группе, взятой, как одно целое, мы можем видеть, хотя бы отчасти, отражение того первоначального иноземного оригинала, которому обязаны своим происхождением эти славянские переводные тексты, если нам до сих пор и не удалось среди довольно уже многочисленных приведенных в известность иноземных, прежде всего греческих, текстов найти подобную славянской кучку идущих подряд вопросо-ответов, тогда как для отдельных вопросо-ответов мы находим соответствующие иноземные тексты. Стремясь же возможно точнее представить себе по славянскому переводу этот иноземный оригинал, мы невольно должны обратить и на форму, в которую облечены эти вопросы в загребской рукописи: на эту последовательно выдержанную „вводную формулу“ — „Рци ми“, тогда как в остальных сравниваемых текстах ей соответствует обычное: „Вопрос“. В пересмотренных мною греческих текстах (по изданиям Красносельцева, Мочульского и др.) подобного последовательного (да и заметного вообще) применения этой „формулы“ мне не встретилось.¹ Но эта формула, и именно в таком применении и, как это мы видим в загребском тексте, в виде: „Dic mihi“, с довольно раннего времени встречается в латинских текстах (правда, не столь последовательно), как это уже отмечали исследователи славянских текстов (Красносельцев, Мочульский, Нахтигаль). К числу таких текстов относятся: два Шлеттштадских (один — более обширный — IX века, другой — отрывок — VII в.), Мюнхенский и Парижский (первый — IX в., второй — VIII в.).² Для нас в данном случае наибольший интерес представляет первый Шлеттштадский текст, состоящий из двух частей (вероятно, восходящих к отдельным первоначально текстам): из них вторая (вопр.-отв. 39-86) и применяет упомянутую формулу: „Dic mihi“;³ и по содержанию (точнее

¹ Изредка это: „Рци ми“, встречается и в других текстах „Вопросо-ответов“, но с иным оттенком смысла, напр.: „Вопросъ. Рци ми десять словъ святымъ евангелиемъ. Отвѣтъ: 1. Искони бѣ Слово . . . 10. гьма его не объять“; или: „Григорие рече: рци 10 словъ отъ евангелія . . .“ (Порфирьев, Новозав. апокрифы, стр. 383, 393). Или же с иным переводом греческого: „Отвѣтъ . . . Повѣждь ми, како захечу се православнии езыци? . . . Да скажи ми, що дръжить землю? . . .“ (Тихонравов, Пам. отр. лит., II, 441, 441, 443). Предполагая, что и эти тексты в конце концов восходят к греческим же подлинникам, полагаем, что эта формула не была чужда и византийским текстам. И действительно, въ виде единичных случаев мы и встречаем ее в греческих текстах, каковы, напр.: XIII в. Венский (Theol. CLIII) или XIV в. (Кутлумушск. 178) — по одному случаю, оба в начале памятника (см. Р. Ф. В. 1903 г., текст № IV и Красносельцева „Addenda“, стр. 73).

² Издания их: 1) Monatsberichte der Königlich-Preussischen Akademie der Wissenschaften. 1872, Februar, S. 100-114; 2) там же, S. 115; 3) Zeitschrift für deutsches Altertum, herausgg. v. Haupt, III, H. 1 (1872), 166-180; 4) Romania 1872, 483-9.

³ В ней с интересующей нас формулой четыре вопросо-ответа: 39, 40, 41 и 67 как раз начинающие собой эту часть, бывшую, как сказано, когда-то самостоятельным памятником. Начало же каждого вопроса и ответы уже имеют, сверх того, обычные: Interrogatio и Responsum, что следует считать уже последующим осложнением первоначальной формы, отчасти заставившим выпустить в части вопросо-ответов более

говоря, по подбору тем вопросов) текст этот дает больше точек соприкосновения с загребским текстом, нежели другие латинские, а также с близко ему родственными славянскими перечисленными.¹ С другой стороны, как известно, эти латинские тексты (кстати сказать, находящиеся друг к другу во взаимоотношениях аналогичных славянским текстам и греческим, имея ряд общих всем им вопросо-ответов) по своему происхождению должны быть сочтены переводными с более ранних греческих, как показывают оставшиеся в них грецизмы.² Т. о. следует предположить еще более раннее, нежели старейших латинских текстов, появление подобных „Вопросо-ответов“ в византийской письменности; в греческих, до сих пор известных, рукописях таких текстов, однако, не обнаружено; но, по основательным соображениям Н. Ф. Красносельцева, такие тексты, несомненно, существовали даже несколько ранее VI века (не позднее этого века на Западе может быть констатировано присутствие таких, идущих от греческих, текстов латинских), при чем для показания устойчивости рукописной традиции греческих текстов тот же Красносельцев приводит такой пример: в греч. тексте „Вопросо-ответов“ Неаполитанской рукописи XVI века, в виде вставки, сохранился отрывок такой „Беседы“, явившейся, судя по ее содержанию, не позднее половины V века.³ Т. о. интересующая нас теперь формула, сохраненная латинским текстом IX века, также могла восходить к греческому тексту с подобным же началом каждого вопроса (чтонибудь вроде: *Ἐπέ μοι*); эта формула на Западе продолжала жить и встречаться и много позднее, напр., в так называемых загадках о значении чисел и цифр (идущих от тех же вопросо-ответов вроде „Josa monachorum“ или „Interrogationes“), где она имеет то же применение, что и в старых текстах: „Dic mihi, quid est unus, duo...“⁴ След подобной же формулы в греческих текстах (правда, очень слабый) отмечен был мною выше (стр. 352, примечание). Все эти соображения касательно

раннее: *Dic mihi*, бывшее в оригинале Шлеттштадского текста. Последовательное применение формулы в Загр. можно рассматривать, как след первоначального греческого текста, или же восстановлением этой первоначальной формулы, если в его оригинале она уже не была выдержана. В данном случае для нас это — безразлично: формула „Рци ми“ во всяком случае — след первоначальной формы греческого оригинала, след которого сохранил и Шлеттштадский текст в перечисленных вопросо-ответах.

¹ См. Примечания к издаваемому загребскому, а также реконструкцию „Adamfragen“ первой редакции у Нахтигала (Архив Ягича, XXIV, 324-329) и его примечания к ней.

² На это в свое время указано было и Р. Мейер'ом (издателем Парижского текста) и И. Н. Ждановым (Сочинения, I, 787-8). Нагляднее всего эта зависимость латинских текстов от греческих, в том числе и первой Шлеттштадской рукописи, видна из вопроса 39 — о происхождении имени Адама: приведенное в ответе объяснение его из начальных букв названий четырех звезд (Anatole, Dusis, Arctus, Misimbria) возможно только при принятии греческого оригинала для ответа.

³ См. „Addenda“ к изданию А. Васильева: „Anecdota graeco-byzantina“ (М. 1893) — (Одесса 1898), стр. 10 отд. отт. Самый неаполитанский текст см. там же, стр. 64 и 67.

⁴ Ср. А. Н. Пыпин, Очерк истории старинных повестей и сказок русских (СПб. 1858, стр. 145) со ссылкой на Villemarqué, Bazaz-Breiz, éd. 4, I, 25-27.

сходства формы загребского текста с весьма древними латинскими, сходства, подкрепляемого также точками соприкосновения между ними и в самом содержании вопросо-ответов, ведут нас к такого рода предположению: латинские старые тексты, переведенные с греческого, вместе с содержанием этих последних, сохранили, хотя бы частью, и самую форму, которая рано вышла из употребления на Востоке, заменившись иной (напр. Ἐρώτησις-Ἀπόκρισις), и т. о. донесли до нас в латинской форме эту старую греческую формулу. Признавая же греческими по происхождению славянские вопросо-ответы и в загребской рукописи, мы должны продолжить наши выводы в таком виде: древний византийско-греческий текст „Вопросо-ответов“ перешел на Запад, где переведен был на латинский, испытал на себе влияние западной культуры (как это увидим в дальнейшем), затем вернулся на Восток, будучи вновь переведен с латинского на греческий: от этого-то перевода и пошел тот греческий текст, с которого сделан (вероятно, довольно рано) славянский перевод, сохраненный поздней сравнительно загребской рукописью. Что предполагаемый нами греческий оригинал славянского перевода испытал на себе западное влияние, т. е. мог идти отъ греческого же, но переведенного с латинского текста (в свою очередь, переведенного ранее с греческого, как указано было выше), — об этом мы можем судить по некоторым особенностям загребского текста и родственных ему, нами указанных; так, в нем говорится не только об изобретении латинской грамоты какими-то Нунаилом и Умамом и Брентулом (Ив. № 31),¹ но и об изобретении греческой грамоты Меркурием (во всех слав. текстах), в чем нельзя не видеть следа западного влияния (Меркурий вм. Гермеса, как это находим, напр., у И. Малалы или Г. Кедрина);² на то же будут указывать: определение первой христианской церкви — Св. Петр в Риме (Пол. 209 или Следы стр. 78 № 27), имена Мартина³ и папы Сильвестра (у нас № № 29 и 23). Т. о. загребский текст, вместе с другими родственными, сохранил некоторые особенности старого своего греческого оригинала (в том числе формулу: „Рци ми“), уже исчезнувшие из наличных, нам доступных теперь, текстов.

Продолжая анализ загребского и родственных ему текстов, мы можем, кажется, еще ближе подойти к характеристике этого оригинала и наметить историю его на славянской почве, хотя бы предположительно и в самых общих чертах. Из деталей текста в загребском списке прежде

¹ В позднем болгарском тексте (Starine, VI, 50): Умамь Уберстурь.

² Ср. у Мочульского, Следы народн. библии, стр. 74.

³ Мартин, именно эпизодом отдачи одежды нищему, лежащим в основе вопросо-ответа № 23, особенно популярен был на Западе (ср. изображения этого эпизода в изобразительных искусствах). Примеры привожу не только из загребского текста, но и из других родственников, принадлежащих к той же группе, исходя из того предположения, что все эти тексты в аналогичных частях восходят к одному первоначальному переводу, при чем, в силу не раз упомянутой подвижности состава памятников этого типа, в течении веков одни из текстов сохранили одни подробности, иные — другие.

всего обращает на себя внимание необычный и в других родственных текстах не встретившийся вопросо-ответ № 13: „Рци ми, колико рода от Хама? — Рече: бугари и вси некръщени“. Такое недружелюбное отношение к болгарам и зачисление их в одну группу с некрещенными народами, странное в югославянском списке XVI-XVII в., наводит, однако, на не лишённые, быть может, интереса соображения отчасти хронологического свойства: нельзя ли предположить, что такой отзыв о болгарях вышел из-под пера грека и в то время, когда болгары, особенно тогда враждебные византийцам, действительно крещены еще не были? иначе сказать: эта вставка в более ранний греческий текст произошла не позднее еще IX века, когда и отношения греков к болгарам дружелюбностью далеко не отличались в силу общих политических отношений между ними, и болгары были еще не крещеным народом, язычниками в глазах греков?

Ведь, могла же в неаполитанском списке XVI века застрять вставка из текста, восходящего к V веку! Если такое предположение возможно и могло бы быть подтверждено фактически, то мы имели бы ценное указание на то, не позднее какого времени мог быть по составу и оригиналу, с которого делался славянский перевод;¹ в таком случае удовлетворительно объяснилась бы и своеобразная форма вопросо-ответов в загребском тексте: эта форма применялась еще до IX века, тогда как в последующее время она вышла из моды;² а это было бы согласно с нашим предположением, что славянский перевод сделан с архаичного по типу греческого текста. В согласии с этим будет и предположение о раннем времени самого перевода „Вопросо-ответов“ этой группы на славянский язык: в целом ряде их (каковы: Ловчанский изд. Йорд. Ивановым, Тиквешский изд. Начевым, Белградский изд. Новаковићем и др.) тексты ее подверглись влиянию богомилства,³ чего не могло бы быть в сравнительно позднюю эпоху славянских литератур. Следовательно, в загребском тексте мы имеем перед собою поздний (и, естественно, уже не сохранивший первоначальной чистоты) сербский список с весьма старого славянского перевода, сделанного с архаичного, случайно попавшего на славянскую почву греческого списка. Загребский список, ценный, надо полагать, для истории греческих текстов, ценен и для истории югославянской письменности, как восходящий по времени перевода к раннему периоду этой письменности. По таким поздним спискам, каковы известные нам теперь тексты из относящихся к одной группе с загребским и сам загребский, восстановить последовательную историю этой группы на славянской почве до настоящего времени за-

¹ Видеть же здесь шовинистическую выходку какого либо серба XVI-XVII в. против болгар, конечно, нет оснований.

² Старший из известных нам греческих текстов — Кутлмушский — относится к XI веку; см. Йорд. Иванов, Богомилски книги, стр. 264-5, ср. Мочульский, Следы народн. библи., стр. 30.

³ Ср. Йорд. Иванов, ук. соч., стр. 270, и Мочульский, ук. соч., стр. 64.

труднительно, начиная с вопроса о месте перевода; все же (разумеется, только предположительно) можно думать, что перевод появился впервые на почве болгарской, раз он появился так рано и так рано попал в число популярных среди богомилов текстов и, как близкий к мирозозерцанию и интересам грамотных масс, дожил почти вплоть до XIX столетия, подвергаясь, естественно, постоянным изменениям в своем составе; к болгарскому же оригиналу можно возводить на основании языка и весь загребский сборник, где оказался наш текст „Вопросо-ответов“; к тому же по языку оригиналу восходят и другие из отмеченных нами текстов. Преимущество загребского текста перед остальными — в том, что сохранил старую форму памятника и отчасти кое-какие черты, дающие возможность наметить, хотя бы в некоторой степени, ядро первоначального перевода.

Вопросо-ответы

(По рукоп. Югослав. академии, III. а. 20).

1. Рци ми, колико образъ имат сльнце? — Рече тисущу.
2. Рци ми, колико звѣздъ дръжить подь собою? — Рече: 7 тисущъ
3. Рци ми, колико бысть Адамъ живь? — (Рече:) 900 лѣт.
4. Рци ми, колико лежа Адамъ въ муце? — Рече: тисуща и 90 лѣт.
5. Рци ми, кто попрѣво начель молити бога? — Рече: Енох.
6. Рци ми, кто обрѣ(те) латинску книгу? — Рече: Матусаль.
7. Рци ми, кто обрѣте грѣчку книгу? — Рече: Меркуриѣ.
8. Рци ми, бугарску? — (Рече:) Куриль.
9. Рци ми, кто раздели землю на 3 чести? — Сѣмь и Хамъ и Афеть
10. Рци ми, колико земле дръжить Сѣмь? — Рече: 21.
11. Рци ми, колико земле дръжить Хамъ? — Рече: 11.
12. Рци ми, колико земле дръжить Афеть? — Рече: 24.
13. Рци ми, колико рода от Хама? — (Рече:) бугаре и вси некръщени.
14. Рци ми, колико рода Афетова? — Рече: вси грѣци и латине.
15. Рци ми, кто съ ослетемь бе(се)дова? — Рече: Аввакумъ пророкъ.
16. Рци ми, кто насмеясе отцу своему въ плты? — Рече: Хамъ, за то бысть робъ.
17. Рци ми, кто замисли сьнь? — Рече: Адамъ, егда възеть ему богъ ребро и сьтвори Евву.
18. Рци ми, котори грѣхъ не ище бога? — Рече: еже се бога не отринеть и не прѣдас(ть) се демону.
19. Рци ми, колико корабъ широкъ? — (Рече:) онѣхъ 30 лактеи, а нашихъ нес(ть) много.
20., елико онѣхъ? : 1, а н(а)шихъ 7.
21., що беху оніи чловѣци? : Длъзи вѣлми, душегубци, за то и ихъ богъ погуби.
22. Рци ми, колико ковчегъ въ корабли? — Рече: 31, где бѣху звѣріе и все животно.
23. Рци ми, кто бога виде нага? — Рече: Мартиніѣ.

24. Рци ми, кто повѣле у бога? — Рече: Михаила.
25. Рци ми, кто сѣд(ѣ) на престолѣ божіи и паки побеже? — (Рече:) Сотона, Іюда.
26. Рци ми, кто въ гробѣ лежаше, а гробъ ходеше, а онъ пояше? — Рече: Іонна въ чрѣвѣ кутовѣ.
27. Рци ми, колико хлапка рода? — (Рече:) 47.
28. , отъ кого суть а гръчьскаго 21.
29. Рци ми, кто врага свеза? — (Рече:) Светиі Сіливестріе.
30. Рци ми, кто бысть рождень, а душею мрътвь? — Рече: Лазарь.
31. Рци ми, кто бысть по смрти живь? — (Рече:) Ларіа.
32. , кто прьво бога виде? — Рече: светіи Петрь и Павль.
33. , кто му цркъвь сътвори? — (Рече:) Іаковъ Іерусалимь.
34. Рци ми, кто бысть прьвы діакон? — Рече: Стѣфанъ.
35. Рци ми, кто бысть прьвы попь? — Рече: Мелхиседекъ.
36. Рци ми, кто ходитъ подѣ тешкымъ брѣменемъ, рекше под чловѣчскимъ грѣси? — Рече: Попь.
37. Рци ми, колико ѣсть раа? — (Рече:) 2.
38. , гдѣ седитъ Адамъ? — (Рече:) На востоцѣ на землы.
39. Рци ми, сущіимъ затворень? — Рече: пламенемъ, а другіи на небеси, гдѣ седи Іліа и Енох, иже самрты не въкусиста.
40. Рци ми, (где?) сут мльнѣ муку? — Рече: под землею.
41. Рци ми, колико душъ исходятъ умирающе день и ноць? — Рѣче: 12 тисуць, а 24 тисуце еже ѣсть прираждають (се?).
42. Рци ми, колико праведникъ? — Рече: 77, иже почивають Аврааму на лоне, а ины тлькутсе въ вратѣхъ мученіа.
43. Рци ми, колико хот(д?)ѣт грѣшници по муце? : 5 тисуце, 3 мукъ и хѣт(?).
- Богу нашему слава въ вѣк вѣка. Ам(и)нь.

Примечания к тексту

Обозначения текстов. Ив. — Йор. Иванов, Богомилски книги и легенди (София 1925), стр. 259-264; Прим. — Ст. Новаковић, Примери књижевности и језика старога и српско-словенскога (Београд. 1889), стр. 445-446; Следы. — В. Н. Мочульский, Следы народной библии (Одесса 1893);¹ Пол. — J. Polívka, Opisi i izvodi iz jugoslavenskih rukopisa u Pragu (Starine, XXI (1889), стр. 197 и сл.); Нов. — Ст. Новаковић, Бугарски зборник прошлога века (Starine, VI (1874), стр. 47 и сл.); Моч. — Греческие тексты т. н. „Беседы трех святителей“ (Рус. Фил. Вестн. 1901 г.); Красн. — Н. Ф. Красносельцев, Addenda к изданию А. Васильева „Anecdota graeco-byzantina“ (Одесса 1898); Красн.¹ — Красносельцев, Еще к вопросу об источниках „Беседы трех святителей“.

¹ Тот же текст, который издал и Поливка раньше.

1. Ив. № 5: Колико образъ имать слънце и луна. — Тисжща образъ имать слънце, а луна 340 образъ.

3. Прим. 445: Колико жить Адамъ на земли. — 930 лѣтъ. То же — Следы 72 (№ 10) и Пол. 209; Шлеттшт. IX, вопр. 4: *Quantos annos vixit Adam?* 930.

4. Моч. 8 № 45: *Ποσα ἔτη ἐποίησεν ὁ Ἀδὰμ εἰς τὸν ἄδην.* — *Τετράκις χιλία πέντε ἔτη;* ср. Красн. № 4, 6: П. ѣ. ѣ. ὁ Ἄ. ἔξω καὶ ὁ παράδεισος κεκλεισμένους. — *Πέντε χιλιάδας καὶ πεντακοσία.*

5. При. 445, Нов. 50, Ив. № 29, Пол. 209, Следы 73 (№ 14).

6. Прим. 446: Кто прьво научи книгу. — Матусаль; то же — Пол. 209, Следы 73 (14); Нов. 50: Кто би живъ 109 (900) лета и штеше да яде и да пие и да учи книга. — Матусаиль. Кои наиде латински книги. — Да учи Умамъ Иберетуръ; то же — Ив. № 30-31 (вм. „Да учи“ — „Нунаиль и“).

7. Прим. 446, Ив. № 32, Пол. 209, Следы 74 (№ 15); Нов.: Ами кои извади гръч-книги. — Рече: Меркурия; в Шлеттшт. рукоп. IX в. вопрос 44: *Quis primus dicit litteras.* — *Mercurius gigans et Enoch filius Japhet...*

8. Прим. 446, Пол. 209, Следы 74 (№ 6): словенску; Прим. 446; Ив. № 33: Куриль философъ; Нов. 50: Кирь филозофъ.

9. Пол. 209, Следы 75 (№ 19): Кто раздѣли землю на 4 (sic) чести. — Ное 3 сыновомъ: Симу, Хаму и Афету; Прим. 446: ... 4 чести: Симу, Хаму, и Афету и Мунту, иже родисе ему по потопе; Красн.¹: *Εἰς πόσον διεμέρισεν Νωὲ τὸν κόσμον τοῖς υἱοῖς αὐτοῦ.* — *Ὅλον τὸν κόσμον ἐμέρισεν εἰς τρία μέρη. Πῶς ἐκαλοῦντο.* — *Σήμ, Χάμ, Ἰαφεθ.* В Шлеттшт. рук. VII в. вопр. 12: *Quantos filios habuit Noe.* — III: *Sem, Cham et Japhet, qui inter se diviserunt terram.*

15. В рукоп. вм. „Рци ми“ — „Рече“. Пол. 215; Нов. 52: Кои сась муле думаше. — Рече: пророкъ Авакумъ.

16. Нов. 51: Кои се насеме башти си. — Рече: Хамъ. В Шлеттшт. рукоп. IX в. вопр. 27: *Servi quomodo vel quo ordine facti sunt.* — *De Ham, qui de Noe patri suo risit.* В Парижск. рук. VIII в. вопр. 33: *Quis de Noe risit.* — *Filius ejus* (цитата по Мочульскому, Следы, стр. 111).

19-22. Текст рукописи в этом месте испорчен при списывании с оригинала (также, быть может, уже искаженного), при чем части оригинала не попали в копию. Ср. Прим. 446: Колико бысть (ковчег) въ дльготу. — 330 лакать. А ва широту. — 50 лакать. А во висоту. — 30 лакать; Пол. 209 — то же (только опущен последний вопросо-ответ). Ср. Красн. № 4, 21: *Πόσον μῆκος εἶχεν ἡ κιβωτός.* — *Τὸ μῆκος πῆχεις τριακοσίας, τὸ πλάτος τριάκοντα καὶ τὸ ὕψος τριάκοντα;* Моч. 9 № 59: П. м. ѣ. и. — *Τριάκοντα τὸ ὕψος καὶ τὸ πλάτος πεντήκοντα.*

23. Пол. 215, Нов. 52. Ср. в Житии Мартина, еп. Фригийского: „пущенъ бысть на болгары (в греч.: *πρὸς βαρβάρων*) на брань...“ Он отдалъ нищему (это был Христос) часть своей „понявы“; ночью во сне явился ему Христос и сказал: „занеже алчна накормилъ мя еси и

нага об'лекъ, буду с тобою и помогу ти“ (Четья Минея Макария, под 12. X).

24. Текст испорчен, повидимому, каким-то пропуском.

26. Нов. 55: Кои пророкъ не погребень би, а гробъ го носеше и въ гробъ мрътавь пееше. — Рече: Иоанъ (sic) во чреве китове; то же — Пол. 199 (опущено: „не“); Следы 108 № 56: Кто от пророкъ живъ сѣде пояше, а гробъ му хождаше. — Ионна въ чрѣвѣ китовѣ. Ср. Красн. № 7, 39: *Τίς ζῶν ἐτάφη καὶ ταφείς οὐκ ἀπέθανεν, τὸ μνήμα αὐτοῦ περιελάτει καὶ νεκρὸς ἐφαλλεν.* — *Ὁ Ἰωνᾶς ἐν τῇ κοιλίᾳ τοῦ κήτους.* Ср. лат. — (Par. VIII.) *Quis est vivus sepultus et sepulcrum ejus? Jonas in ventre coeti.*

27. хлапка=хляпска? Ср. Кпјиževnik, III, 130.

28. Искажено пропусками.

29. В Житии Сильвестра (в Четьей Минее Макария под 2. I) такого эпизода не указано. Этому вопросу-ответу по смыслу до некоторой степени соответствует у Нов. 52: Кои свеца диавола. — Света Марина.

30. Текст искажен; ср. Нов. 54: Ами кои умре и ште воскресна. — Лазарь; ср. в греч. Моч. 12 № 8: *Τίς μία γεννηθεὶς, δευτέρου ἀπέθανεν.* — *Ὁ Λάζαρος* (там же см. 18, № 67 и 20, № 5). М. б. вм. „душею“ следует: „дващи“? Ср. в лат. (Paris. VIII, Münch. IX): *Quis semel natus et bis mortuus? Lazarus; (Schlettst.): Qui fuit bis mortuus et semel natus? — Lazarus.*

31-33. Повидимому, пропущены в начале: „Рци ми“.

33. Повидимому, в одном вопросу-ответе слиты два: Кто постави прьво црковь богу (Соломон), и: Кто бысть прьви епискупъ (Иаков в Иерусалиме), — Пол. 209, или Нов. 50: Кои прьво сътвори богу црква. — И рече: Соломонъ царь. Кои би први патрихарь во Иерусалимь. — Рече: Яковъ. Оба вопроса здесь рядом, а за ними — о Стефане. Следы 78 № 27, Пол. 209: Кая бысть прьва црковь христіаньска. — Светыи Петрь въ Римѣ (ср. у нас вопр. 32); Ив. № 35: Кто бысть прьвы епископъ въ Иеросалиме. — Иаковъ.

34. Нов. 50: Ами кои би архидияконъ. — Беше свети Стефанъ; Ив. № 36: Да кто прьвыи архидіаконъ — Светыи Стефанъ.

35. Ив. № 37: Да кто бысть прьвыи попь. — Мелхиседекъ, сынъ Ноевъ, звань бысть призвитирь; Нов. 50: Ами кои би Мелхиседекъ. — Сынъ названь бистъ презвитерь; Красн. № 1, 13: *Πρωτος ιερεὺς πρωτος ἐπὶ τῆς γῆς.* — *Μελχισεδεκ [καὶ Ἀβραάμ — лишнее];* там же № 3, 10: *Τίς πρωτος ιερεὺς ἐγένετο ἐπὶ τῆς γῆς.* — *Ὁ Μελχισεδεκ;* ср. лат. (Par. VIII): *Qui primus sacerdos fuit be pē ipse? Melchisedec.*

36. Искажено перестановкой. Ив. № 38: Кто ходитъ подь брѣмемь тежцѣмь. — Попь, от чловѣкъ грѣхи приемлетъ; Нов. 50: Кои ходи по темно (sic) време (sic). — Попь чловечески грехи приимать.

37-39. Искажены и перепутаны между собою.

38. Ив. № 40: Где сѣдитъ Адамъ. — На четвертом небеса, провоздаеть праведныхъ въ рай, а грѣшнихъ въ мжкж; ср. Нов. 50: ... во-

проси: де седи Адамъ. — На 4 небо, проважда праведни въ рай, а грешни въ муки.

39. Повидимому, вторая половина (со слов: а другиі на небеси) должна быть отнесена к вопр. 37-му. В рукоп. „Ехон“ вм. „Енох“.

40. Ср. Нов. 52: Рече: Где е тьмна мука. — Хоть (подь?) земля-та.

41. Ср. Нов. 50: Колко души раждать са на день и на ношть излазеть. — 12 и 24, толко-зи са души раждать.

42. Ср. Ив. № 42: Да колико есть въ нихъ (душах) праведнихъ. — 3 почиваатъ на лонѣ Аурамли, а друзи душж тлькуатса въ врата мжчнаа.

Москва

М. Сперанский

О происхождении Египетскаго Патерика

1. Среди Патериковъ церковнославянскихъ такъ называемый Патерикъ Египетскій занимаетъ довольно скромное мѣсто. Наиболѣе распространенными были, кажется, во-первыхъ тотъ „Сводный“ Патерикъ, которому недавно Ереминъ посвятилъ прекрасную работу¹, во-вторыхъ славянскій переводъ „Большаго Лимонарія“, состоящій изъ Патерика Алфавитнаго и изъ собранія анонимныхъ статей, извѣстнаго подъ названіемъ „Патерикъ Іерусалимскій“². Нѣкоторой популярностью пользовались тоже Патерикъ Синайскій, т. е. славянскій переводъ Луга Духовнаго (*Λεγιὸν Πνευματικὸς*) Іоанна Мосха, и тотъ сборникъ, который по-гречески называется *Ἀνθολὸν ἁγίων βιβλος*; для обозначенія этого текста годилось бы весьма хорошо славянское названіе „Скитскій Патерикъ“, употребляемое, однако, въ рукописяхъ церковно-славянскихъ въ смыслѣ болѣе широкомъ и даже весьма неопредѣленномъ³. Менѣе распространеннымъ былъ, кажется, Патерикъ Египетскій, встрѣчающійся въ относительно небольшомъ количествѣ рукописей. Ереминъ, I. I. XV, 63, приводитъ три рукописи, содержащихъ этотъ текстъ: Тр.-Серг. Лавр. ч. 710, 1493-го года; Толстого Q I, ч. 76; Каз. Дух. Ак., Солов. ч. 458 (635) (Описаніе II, 154-161), сообщая при этомъ, что есть и другія. Мнѣ же по тѣмъ каталогамъ, которыми имѣлъ возможность пользоваться, извѣстны слѣдующіе экземпляры этого Патерика: Тр.-Серг. Лавр. 710 (Арсеній, Описаніе слав. рукописей библ. Св.-Троицк. Серг. Лавры III, Москва 1879, стр. 99-104, № 710 (1915), 1493 г.), Царск. 363 (П. Строевъ, Рукописи слав. и рос., принадлежащія... И. Н. Царскому, Москва 1848, стр. 352, № 363, нач. XV в.), Толст. III, 12 [=выше упомян. рукоп. Q I, ч. 76] (К. Калайдовичъ и П. Строевъ, Обстоятельное описаніе сл.-р. рукописей... Э. А. Толстова, М. 1825, стр. 567, № III, 12, XVII в.), — Выгол. мон. 40 (Е. Барсовъ, Описаніе рукописей и книгъ, хранящихся въ Выголексинской библ., С.-П. 1874, стр. 33 и сл., № 40, XVII в.), — Петрозав. арх. д. 36 (А. Викторовъ, Описи рук. собр. въ книгохрани-

¹ „Сводный“ Патерик у південно-слов'янських, українському та московському письменствах. Записки іст.-філол. відділу Укр. Ак. Наук XII (1927), 48-77; XV (1927), 54-101.

² Этому тексту я посвятилъ двѣ статьи, которыя выйдутъ въ журналѣ *Byzantinoslavica*.

³ См. В. Преображенскій, Славяно-русскій скитскій патерикъ (Кіевъ 1909) и мою статью: *Was ist ein Paterik Skitskij?* *Mélanges-Mikkola* (1931), 348-353. Книга Преображенскаго мнѣ къ сожалѣнію недоступна.

лицахъ Сѣверной Россіи, стр. 293, № 36 (238), XVI в.), — Олон. 95 (В. И. Срезневскій, Описаніе рук. и кн., собр. для И. Ак. Наукъ въ Олонецкомъ краѣ. С.-П. 1913, стр. 92 и сл., № 95 (Сѣв. 516), сер. XVI в.), — Синод. 216 (Савва, Указатель для обзорѣнія Моск. Патр. (нынѣ Синод.) библіотеки, М. 1858, стр. 218). Такъ какъ не всѣ каталоги славянскихъ рукописей мнѣ были доступны¹, этотъ списокъ не претендуетъ на полноту. Изъ выше приведеннаго каталога Олонецкихъ рукописей я узналъ, что Египетскій Патерикъ вошелъ тоже въ составъ Макарьевскихъ Четыхъ-Миней; къ сожалѣнію, „Оглавленіе“, составленное арх. Іосифомъ, мнѣ недоступно. І. Смирновъ, Синайскій Патерикъ въ древне-слав. переводѣ (1917), пользовался для Ег. Пат. рукописью № 657 библіотеки Моск. Дух. Академіи (I. I. 218).

Въ противоположность названіямъ „Скитскій Патерикъ“ и „Лавсаикъ“, которыя въ языкѣ писцовъ имѣли весьма неопредѣленное значеніе и употреблялись ими для обозначенія различныхъ Патериковъ,² терминъ „Патерикъ Египетскій“ всегда обозначаетъ одинъ и тотъ же текстъ. Не знаю, когда возникло это названіе; въ научной литературѣ оно встрѣчается часто, за то въ многихъ древнихъ рукописяхъ текстъ нашъ выступаетъ подъ названіемъ: Сказаніе о египетскихъ черноризцахъ. Составъ этого текста намъ хорошо извѣстенъ, благодаря подробнымъ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ о. Арсеніемъ и Е. Барсовымъ въ составленныхъ ими каталогахъ. Я пользовался главнымъ образомъ описаніемъ рукописи 710 Тр.-Серг. Лавры; этого описанія совсѣмъ достаточно для опредѣленія происхожденія Египетскаго Патерика.

2. До сихъ поръ господствующимъ мнѣніемъ было, кажется, слѣдующее: „Египетскій Патерикъ — это Лавсаикъ Палладія, епископа еленопольскаго, собравшаго свѣдѣнія объ отцахъ египетскихъ пустынь по порученію византійскаго сановника Лавса, отъ имени котораго сборникъ и получилъ свое названіе (*τὸ Λαυσαϊκόν*³, *historia Lausiaca*)“. Такъ писалъ безъ всякихъ оговорокъ авторъ статьи о Патерикахъ въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона (XXIII, 8)⁴, и еще недавно Єреминъ I. I. XV, 63 высказалъ то же самое мнѣніе, при чемъ цитируетъ одну статью арх. Сергія, явившуюся въ „Чтеніяхъ въ Общ. любит. дух. просвѣщенія“, 1882. Эта статья мнѣ недоступна, и по этому весьма возможно, что въ настоящей работѣ повторю нѣкоторыя мысли, высказанныя Сергіемъ полстолѣтія тому назадъ. Думаю, однако, судя по краткимъ замѣчаніямъ Смирнова, I. I. 72 и сл., что работа Сергія, написанная на тему

¹ Весьма полезный списокъ каталоговъ составилъ Е. Карскій, Славянская кирилловская палеографія (Ленинградъ 1928), 16 слл.

² См. стр. 361 прим. 3 и у Єремина I. I. XV, 61-64, 84 („Назвы „Лавсаикъ“ та „Скитскій патерикъ“ у старовину були терміни родові, а не видові“).

³ О формахъ *Λαυσαϊκόν* и *Λαυσαϊκόν* см. у Бутлера, *The Lausiaca history of Palladius II*, 8.

⁴ Лучше Смирновъ, I. I. 217: Пат. Ег. = „*Ἡ κατ' Αἰθιοπικῶν τῶν μοναχῶν ἱστορία*“. Но эта весьма краткая характеристика правильна только для первой части Ег. Пат. См. ниже.

„Лавсаикъ и исторія Египетскихъ монаховъ“, посвящена главнымъ образомъ греческимъ и латинскимъ редакціямъ этихъ двухъ памятниковъ. О взаимныхъ отношеніяхъ этихъ текстовъ авторъ высказалъ мысли, очень похожія на результаты изслѣдованій Прейшена и Бутлера (см. ниже).

Еслибъ мы знали Historia Lausiaca только по той редакціи, которую издалъ Migne въ XXXIV-омъ томѣ Греческой Патрологии, то можно бы предположить, что церковнославянскій Патерикъ Египетскій представляетъ собою переработку этого греческаго текста. Но уже не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эта болѣе длинная редакція Historia Lausiaca возникла вслѣдствіе сліянія болѣе древней редакціи того же самаго текста съ другой книгой, извѣстной по-латыни подъ заглавіемъ: Historia monachorum in Aegypto, а по-гречески подъ заглавіемъ: *Ἡ κατ' Αἴγυπτον τῶν μοναχῶν ἱστορία*; см. E. Preuschen, Palladius und Rufinus. Ein Beitrag zur Quellenkunde des ältesten Mönchtums (Giessen 1897) и C. Butler, The Lausiatic History of Palladius (Cambridge, 1898/1904, 2 тома). Если сопоставить славянскій текстъ Египетскаго Патерика съ тѣмъ и съ другимъ изъ этихъ двухъ греческихъ текстовъ¹, то намъ представится слѣдующая картина:²

Ег. Пат. Заглавіе: Сказаніе о егупетскихъ черноризцехъ соответствуетъ заглавію *Ἡ κατ' Αἴγυπτον τῶν μοναχῶν ἱστορία*.

„	„	гл. 1	—	Hist. Mon.	Prologus.	
„	„	гл. 2	—	„	I.	Περὶ Ἰωάννου τοῦ ἐν Λυκῶ.
„	„	гл. 3	—	„	II.	Περὶ τοῦ ἀββᾶ Ὡρο.
„	„	гл. 4	—	„	IV.	Περὶ ἀββᾶ Βῆ.
„	„	гл. 5	—	„	VI.	Περὶ Θεωνᾶ.
„	„	гл. 6	—	„	VIII.	Περὶ Ἀπολλῶ.
„	„	гл. 7	—	„	III.	Περὶ Ἀμμωνος.
„	„	гл. 8	—	„	IX.	Περὶ Ἀμμοῦν.
„	„	гл. 9	—	„	X.	Περὶ Κόπρη.
„	„	гл. 10	—	„	XI.	Περὶ Πατερομουθίου.
„	„	гл. 11	—	„	XII.	Περὶ ἀββᾶ Σοῦρου καὶ Ἡσαίου καὶ Παύλου (καὶ Ἀνοῦφ).
„	„	гл. 12	—	„	XIII.	Περὶ Ἑλλῆ.
„	„	гл. 13	—	„	XIV.	Περὶ Ἀπελλῆ πρεσβυτέρου.
„	„	гл. 14	—	„	XV.	Περὶ Ἰωάννου.
„	„	гл. 15	—	„	XVI.	Περὶ Παφνουτίου.
„	„	гл. 16	—	„	XVII.	Περὶ Πιτυρίωνος.
„	„	гл. 17	—	„	XVIII.	Περὶ Εὐλογίου πρεσβυτέρου.

¹ Весь Ег. Пат. переведенъ съ греческаго. Поэтому не нужно останавливаться на вопросѣ, какую редакцію Hist. Mon. надо считать болѣе древней, греческую или латинскую. Первую изъ этихъ гипотезъ отстаиваетъ Бутлеръ, вторую Прейшенъ (см. тоже R. Reitzenstein, Historia Monachorum und Historia Lausiaca, Göttingen 1916).

² Главы Hist. Mon. привожу по изданію Прейшена, для Hist. Laus. пользовался изданіемъ Бутлера.

"	"	гл. 18	—	"	"	XXIII.	<i>Περὶ τῶν ἐν τῇ Νιτροία μοναχῶν.</i>
"	"	гл. 19	—	"	"	XXI.	<i>Περὶ Ἀπολλωνίου μάρτυρος.</i>
"	"	гл. 20	—	"	"	XXII.	<i>Περὶ Διοσκόρου.</i>
"	"	гл. 21	—	"	"	VII.	<i>Περὶ Ἡλίας.</i>
"	"	гл. 22	—	"	"	XIX.	<i>Περὶ τοῦ ἀββᾶ Ἰσιδώρου.</i>
"	"	гл. 23	—	"	"	XX.	<i>Περὶ Σαραπίωνος πρεσβυτέρου.</i>
"	"	гл. 24	—	"	"	XXIV.	<i>Περὶ Ἀμμωνίου.</i>
"	"	гл. 25	—	"	"	XXVI.	<i>Περὶ Κρονίδου (LP³ Κορωνηλίου).</i>
"	"	гл. 26	—	"	"	XXVII.	<i>Περὶ Εὔδαγρίου.</i>
"	"	гл. 27	—	"	"	XXVIII.	<i>Περὶ Μακαρίου.</i>
"	"	гл. 28	—	"	"	XXIX.	<i>Περὶ Ἀμμοῦν.</i>
"	"	гл. 29	—	"	"	XXX.	<i>Περὶ Μακαρίου τοῦ πολιτικοῦ.</i>
"	"	гл. 30	—	"	"	XXXI.	<i>Περὶ Παύλου τοῦ ἀπλοῦ.</i>
"	"	гл. 31	—	"	"	XXXII.	<i>Περὶ Πιάμμονος πρεσβυτέρου.</i>
"	"	гл. 32	—	"	"	XXXIII.	<i>Περὶ Ἰωάννου.</i>
"	"	гл. 33		— статьи о Брахманахъ; смотри ниже.			
"	"	гл. 34					
"	"	гл. 35					
"	"	гл. 36	—	Hist. Laus.	"	<i>Ἀντίγραφον... Λαύσω πραιποσίτω.</i>	
"	"	гл. 37	—	"	I.	<i>Ἰσιδώρος.</i>	
"	"	гл. 38	—	"	II.	<i>Δωρόθεος.</i>	
"	"	гл. 39		— " " XVII/XVIII. οἱ δύο Μακάριοι.			
"	"	гл. 40					
"	"	гл. 41	—	"	"	XX.	<i>Παῦλος ὁ ἐν Φέρομη.</i>
"	"	гл. 42	—	"	"	XL.	<i>Ἐφραίμ.</i>
"	"	гл. 43	—	"	"	XLII.	<i>Ἰουλιανός.</i>
"	"	гл. 44	—	"	"	XLIII.	<i>Ἀδόλιος.</i>
"	"	гл. 45	—	"	"	XLIV.	<i>Ἰννοκέντιος.</i>
"	"	гл. 46	—	"	"	XLV.	<i>Φιλόρωμος.</i>
"	"	гл. 47	—	"	"	XLVII.	<i>Χρόνιος.</i>
"	"	гл. 48		— " " XLVIII. Ἐλπίδιος καὶ Εὐσθάτιος.			
"	"	гл. 49					
"	"	гл. 50	—	"	"	L.	<i>Γαδδανᾶς.</i>
"	"	гл. 51	—	"	"	LI.	<i>Ἡλίας.</i>
"	"	гл. 52	—	"	"	LII.	<i>Σαββάτιος (ред. В¹; другія: Σαβᾶς)¹</i>
"	"	гл. 53	—	"	"	LVIII.	<i>Οἱ ἐν Ἀντινόφ μοναχοί.</i>
"	"	гл. 54	—	"	"	LVIII.	<i>Σολομών.</i>
"	"	гл. 55	—	"	"	LVIII.	<i>Δωρόθεος.</i>
"	"	гл. 56	—	"	"	LVIII.	<i>Καλίων.</i>
"	"	гл. 57	—	"	"	LXI.	<i>Μελανία ἢ νέα.</i>
"	"	гл. 58	—	"	"	LXV.	<i>Διήγησις Ἰππολύτου.</i>

¹ См. то же Patr. гр. XXXIV, 1217. Въ многихъ мѣстахъ славянскій текстъ болѣе похожъ на греческую редакцію, напечатанную въ XXXIV-омъ томѣ Patr. гр. чѣмъ на редакцію, изданную Бутлеромъ.

"	"	гл. 59	—	"	"	LXVI.	<i>Σενηριανός (ТВ¹; другія: Οδηρός)</i>
"	"	гл. 60	—	"	"	LXIX.	<i>Παρθένος ἐκλεουσα.</i>
"	"	гл. 61	}	смотри ниже.			
"	"	гл. 62					

Итакъ, изъ 62-хъ главъ Египетскаго Патерика первые 32 переведены съ греческаго текста *Historia Monachorum*. Судя по даннымъ, сообщеннымъ о Арсеніемъ, я склоненъ думать, что вся *Hist. Mon.* была переведена на церковнославянскій языкъ кромѣ главъ V. и XXV. и эпилога; не исключена, однако, возможность, что кое-гдѣ по двѣ главы греческаго текста слились въ одну. Какъ бы то ни было, славянскій переводъ *Hist. Mon.* до того полонъ, что безъ оговорокъ можно сказать, что Египетскій Патерикъ содержитъ переводъ этой книги. За то изъ *Hist. Laus.* переведены только отрывки.² Весьма правдоподобно, однако, что переводъ былъ сдѣланъ съ греческой рукописи содержавшей обѣ части, т. е. *Hist. Mon.* и неполную *Hist. Laus.* За такое предположеніе говорятъ и тѣ главы, которыя въ Ег. Пат. находятся между первой частью и второй. Эти главы, приписанныя традиціей тому-же Палладію, который сочинилъ *Hist. Laus.*, встрѣчаются въ самомъ дѣлѣ въ нѣкоторыхъ греческихъ рукописяхъ, содержащихъ и *Hist. Mon.* и *Hist. Laus.*; см. у Прейшена I. I. стр. 140 (Coisl. 83; C¹), 143 (Paris gr. 1627; P⁵) и у Бутлера т. II, стр. LXIX (Turin, Univ., graec. C. IV. 8; T). Въ этой послѣдней рукописи статьи о Брахманахъ вставлены между *Hist. Laus.* и *Hist. Mon.*, и вообще въ тѣхъ кодексахъ, которые содержатъ и тотъ и другой текстъ, *Hist. Laus.* стоитъ на первомъ мѣстѣ, — по скольку не имѣемъ дѣло съ той переработанной редакціей *Hist. Laus.*, въ составъ которой вошла и *Hist. Mon.* За то славянскій текстъ былъ переведенъ вѣроятно съ такой греческой рукописи, гдѣ порядокъ частей былъ обратный; ср. сирійскій кодексъ, описанный Бутлеромъ I, 90 подъ номеромъ DCCCCXXXIII, гдѣ за собраніемъ апофтегмовъ слѣдуетъ *Hist. Mon.*, за нею опять апофтегмы, затѣмъ статья о двухъ Макаріяхъ, — отрывки изъ *Hist. Laus.*, — апофтегмы. — Статьи о Брахманахъ напечатаны у Биссея (E. Bissaeus), *Παλλαδίου περί τῶν τῆς Ἰνδίας ἐθνῶν καὶ τῶν Βραχμάνων* (Londini MDCLXV); о другихъ изданіяхъ см. F. Pfister, *Kleine Texte zum Alexanderroman* (Heidelberg 1910) VII и сл.

Что касается статей 61 и 62 Египетскаго Патерика, мы не располагаемъ достаточнымъ количествомъ данныхъ, чтобы составить себѣ мнѣніе объ ихъ содержаніи. Номеръ 61 начинается разсказомъ объ отцѣ Антоніи, извѣстномъ намъ тоже изъ греческаго Патерика Алфавитнаго

¹ См. тоже *Patr. gr.* XXXIV, 1218.

² Отдѣльныя главы *Hist. Laus.* встрѣчаются тоже въ славянскомъ переводѣ Большаго Лимонарія. Не знаю, существуетъ ли полный текстъ церковнославянскій этого памятника. Болѣе поздній переводъ (конца XVII-аго или начала XVIII-аго вѣка) находится въ библиотекѣ Хлудова (А. Поповъ, *Описаніе рукописей... библиотеки А. И. Хлудова*, Москва 1872, стр. 373, № 186).

(*Ἀντώνιος* 1¹), изъ латинскаго перевода *Ἀνδοῶν ἀγίων βιβλος* (*Verba Seniorum*, interprete Pelagio, VII, 1² и изъ собранія апофтегмовъ „*auctore probabili Rufino*“ (*Verba Seniorum* III, 105). Но этотъ разсказъ обнимаетъ всего около десяти строкъ, а глава 61 Египетскаго Патерика распространяется на пять страницъ. Что въ ней слѣдуетъ за разсказомъ *Ἀντώνιος* 1, можно было бы узнать только изъ самой рукописи. Точно также глава 62 содержитъ гораздо больше, чѣмъ тотъ маленькій разсказъ объ отцѣ Арсеніи, первыя слова котораго приводитъ составитель каталога; этотъ разсказъ встрѣчается тоже въ выше приведенныхъ сборникахъ (Алф. Пат. *Ἀρσένιος* 1, 2³, *Pat. II*, 3⁴, R. 190⁵). При такихъ неполныхъ свѣдѣніяхъ нельзя сказать, откуда переводчикъ Египетскаго Патерика — или, пожалуй, одинъ изъ позднѣйшихъ писцовъ — взялъ главы 61 и 62. Весьма возможно, что онѣ находились уже въ греческомъ оригиналѣ славянскаго перевода; такихъ смѣшанныхъ сборниковъ весьма много и среди греческихъ и среди славянскихъ патериковъ. Обращу вниманіе на то, что и въ рукописи 710 1р.-Серг. Лавры и въ рукописи Царскаго 363 и еще въ другихъ рукописяхъ нашего текста за Патерикомъ Египетскимъ слѣдуютъ другія статьи. Изъ начальныхъ словъ главъ 61 и 62, приведенныхъ о. Арсеніемъ въ каталогъ рукописей Лавры, можно съ увѣренностью вывести только одно заключеніе къ сожалѣнію отрицательнаго характера: переводы разсказовъ объ Антоніи и Арсеніи не взяты изъ славянскаго редакціи *Ἀνδοῶν ἀγίων βιβλος*, которая переводитъ тѣ же разсказы иначе, чѣмъ Египетскій Патерикъ. Вотъ начальныя ихъ слова по одной рукописи этого текста, а именно по Cod. slav. 152 Национальной Библиотеки въ Вѣнѣ: Стѣи авѣ антоніи. сѣдѣ иногда въ поустѣи. въ зньїни бы⁶. и въ мнозѣ мѣрацѣ помышленіемъ (л. 36^г, 19-21). — Ѡцѣ арсеніи еще сжи въ полатѣ црїи. помѣли сѣ къ боу глѣ. гїи. настави мѣ како спсѣ сѣ (л. 1^г, 20-1^г, 2). Важнѣйшія различія Егип. Патерика слѣдующія: черноризецъ вм. авѣ, лѣности вм. зньїни, тмѣ вм. мѣрацѣ, помыслѣмъ вм. помышленіемъ, — черноризецъ вм. Ѡцѣ, единаче вм. еще, црїи отсутствуетъ. Въ славянскомъ переводѣ Алфавитнаго Патерика, по крайней мѣрѣ въ извѣстной мнѣ редакціи его, первый изъ приведенныхъ выше разсказовъ отсутствуетъ, второй же начинается такъ: Авѣ арсенію юще соущоу въ полатѣ, помѣли се боу глѣ. гїи настави мѣ како спсѣ со се⁶. Словомъ авѣ и конструкціей съ *dativus absolutus* этотъ переводъ отличается отъ Египетскаго Патерика; поэтому не думаю, чтобы глава 62 этого сборника была заимствована изъ славянскаго перевода Патерика Алфавитнаго. Приведенные здѣсь факты говорятъ за высказанное выше предположеніе, что главы 61 и 62 находились уже въ

¹ *Patrologia graeca* LXV, 76.

² *Patrologia latina* LXXIII, 893.

³ *Patr. gr.* LXV, 88. — ⁴ *Patr. lat.* LXXIII, 858. — ⁵ *Patr. lat.* LXXIII, 801.

⁶ По рукописи 726 Народной библиотеки въ Бѣлградѣ (л. 6^в, 10-12).

греческомъ оригиналѣ Египетскаго Патерика. Въ самомъ дѣлѣ эти главы встрѣчаются въ многихъ рукописяхъ славянскаго текста; не знаю, къ съжалѣнію, существуютъ ли и кодексы, кончающіеся главой 60.

3. Безъ подробнаго изслѣдованія полнаго текста Египетскаго Патерика нельзя будетъ рѣшить, какой греческой редакціей пользовался переводчикъ славянинъ. Скудныя свѣдѣнія, которыми располагаемъ въ настоящій моментъ, даже не позволяютъ намъ узнать, отличается ли текстъ славянскій отъ напечатанныхъ Прейшеномъ и Бутлеромъ текстовъ какими-нибудь пропусками или прибавленіями болѣе значительныхъ размѣровъ. Но есть, однако, разночтенія, на которыя стоитъ указать и теперь; м. б. смогутъ служить исходнымъ пунктомъ для будущихъ изслѣдованій. Въ заглавіи 25-ой главы славянскаго текста поражаетъ насъ имя Корнилій, встрѣчающееся тоже въ греческихъ рукописяхъ L и P³¹ Hist. Mon.; остальные рукописи пишутъ: *Περὶ Κορινθίου* (-*δίου* P²); см. у Прейшена I. I. стр. 85. Вообще эти двѣ рукописи образуютъ одну группу (см. тамъ же стр. 138, 141); и вотъ съ этой группой переводъ славянскій вообще имѣетъ много общаго; укажу пока только на прибавки (*тоѡ*) *μαθητοῦ Ἀντωνίου* LP³ въ заглавіи главы XXVIII. (=гл. 27 Ег. Пат.) и *μαθητοῦ τοῦ ἀγίου Ἀντωνίου* LP³ въ заглавіи главы XXXI. (=гл. 30 Ег. Пат.) и на тѣ многочисленныя мѣста, гдѣ въ заглавіяхъ слово *ἀββᾶ*², соотвѣтствующее славянскому чръноризьць, встрѣчается или только въ рукописяхъ LP³ или же въ нихъ и еще въ нѣсколькихъ другихъ³ (гл. 5, 6, 7, 8, 9, 12, 14, 15, 16, 17, 20, 21, 23, 26, 28 29, 30 Ег. Пат.). Есть, однако, и такія разночтенія, которыя напоминаютъ намъ о другихъ редакціяхъ; такъ, напримѣръ, въ житіи гл. 19, соотвѣтствуетъ греческому варианту *ἐν τῇ πολιτείᾳ* P⁵, — рече, гл. 11, = *φησίον* C¹ p,⁴ — эпитетъ пророкъ въ заглавіи главы 2 встрѣчается тоже въ переводѣ армянскомъ.

Еще болѣе труднымъ было бы сопоставленіе главъ 36—60 съ различными редакціями Hist. Laus.; здѣсь взаимныя отношенія греческихъ рукописей (включая прототипы переводовъ сирійскихъ, латинскихъ и т. д.) въ многихъ пунктахъ весьма неясны, и въ разныхъ мѣстахъ славянскій текстъ отличается значительно отъ всѣхъ использованныхъ Бутлеромъ рукописей. По этому укажу пока только разночтенія въ заглавіяхъ, отмѣченныя мною на стр. 364 и сл. (гл. LII. и LXVI. греческаго текста).

4. Располагая пока только отрывками, напечатанными о. Арсеніемъ, думаю, что не стоитъ составлять полный словарь этого скуднаго и довольно случайнаго матеріала. По этому сообщу только нѣсколько словъ, которыя считаю цѣнными для опредѣленія языкового облика переводчика:

¹ Codex Leidensis Voss. fol. 46, Sc. X; Codex Paris. gr. Bibl. Nat. 1600, Sc. XI.

² Точнѣе: род. пад. (*тоѡ*) *ἀββᾶ*.

³ Ср. тоже заглавіе гл. 11, гдѣ славянскій текстъ пропускаетъ слова *καὶ Ἀνοῦφ* отсутствующія тоже въ рукописяхъ греческихъ P² P¹ C¹ LP³ и въ редакціи δ.

⁴ p=Rufini historia monachorum, Patr. lat. XXI.

- ἀββᾶς — чръноризьць¹ passim.
 ἀκηδία — лѣность 61.
 ἀναχωρητής — чръноризьць 18, 31 (походьникъ 54 ??).
 ἀντίγραφον — отъписьание 36.
 ἀξιοῦσθαι — достоинъ быти 48 (ἄξιος — достоинъ passim).
 ἀρετή — доброта 14; добродѣѣние 18.
 ἀσκηθῆναι — троудити сѧ 60; ἀσκησις — троуди, -ѣ 12, 40;
 ἀσκητής, ἀσκητικώτατος — троудьникъ 38, 46.
 βίος — житие 27, 35, 51; жизнь 50.
 γαμετή — жена 30.
 γενναῖος (Patr. gr. XXXIV, 1043) — доблѣ 39.
 γνώμη — нравъ 17.
 γνώσις (ἐπίγνωσις) — разоумъ 1, 17, 53.
 δέξιος — деснѣ 47.
 διά — ради 57.
 διηγῆσθαι, -ήσασθαι — съповѣдати 27, 33, 39 (у Бутлера: λέγειν, но Patr. gr. XXXIV, 1043: διηγῆσασθαι) 57; διήγημα — съповѣдание 58 (съповѣдание — διηγοῦμενος 34).
 ἐγγώριος — домашнѣ 18.
 ἐνάρετος — оудобродѣѣннѣ 2, добра дѣла испльненѣ 15.
 ἐξαιρετος — израдѣ 26.
 ἐπειδή — понѣ еже 57.
 ἔτι — единаче 62.
 εὐγενέστατος — добра рода 58.
 θεοφιλέστατος — боголюбьць 46.
 καταλαβεῖν ἐπ' αὐτοφώρῳ — досити 30.
 κελία — келиѣ 24.
 κοσμικός — облашь 52.
 κρημνώδης — стѣннѣ 16.
 κόμη — вьсь 47.
 λογισμός — помыслѣ 26, 61.
 μακαρίζειν — блажити 36.
 μοιχεύεσθαι — блждити 30.
 μοναχός — чръноризьць passim (μονάζων 51).
 μόνος — тѣчиж 34 (тоже у Смирнова, I. I. 218).
 μύριοι — тѣмъ 47.
 ὀκνεῖν — лѣнити сѧ 39.
 παράλιος — подлѣгъ морѣ 37.
 περιτυχεῖν — сълоучити сѧ 46, 59.
 πολιτεία — житие 19, 49.
 σοφὸς καὶ λόγιος — добрѣ и хьтрь 26.
 σπήλαιον — пештера 16, 38, 51, 55.
 συντυχεῖν — сълоучити сѧ 11.

¹ Слова церковнославянскія привожу въ нихъ наиболѣе классической формѣ.

σχῆμα — образъ 32.

τις — нѣкыи, нѣкъто *passim*.

ὑπερβάλλειν (-εσθαι) — оудолѣти 4, прѣходити 14, (приимати 18 ?).

φιλοθεΐα — любобожество 33.

φιλομαθία — любооучение 33.

φιλομόναχος (вар.: -άξων) — чрьноризьць любл 52.

φιλοπονία — люботроуждение 33.

φραεα — кладлзъ 24.

Изъ отрывка, напечатаннаго у Смирнова, I. I. 218, прибавлю еще:

ήλικία — врьста.

φιλονικότατον — ретиж.

Судя по этому списку, словарный материалъ нашего текста весьма интересенъ. Переводчикъ Египетскаго Патерика употреблялъ рядомъ съ такими „классическими“ словами какъ добродѣннис *ἀρετή*¹ (ср. Jagić, Z. aksl. Ар. III, 50) и такія болѣе позднія слова какъ досити.¹ Уже теперь можно сказать, что онъ не принадлежалъ ни къ кругу помощниковъ Кирилла и Меоодія, ни къ школѣ Климента, епископа болгарскаго. Нужно надѣяться, что въ ближайшемъ будущемъ кто-нибудь, кому доступна будетъ хотя бы одна рукопись Египетскаго Патерика, возьмется за подробное изслѣдованіе этого текста.

Лейденъ

Н. Ванъ-Вейкъ

¹ Въ еванг. св. Марка XIV, 40 въ редакціи Б., см. у Г. Воскресенскаго, Евангеліе отъ Марка (Серг. Посадъ 1894), стр. 330.

L'oeuvre de Nicolas Katranov

Parmi les jeunes Bulgares que, durant les années 40, la générosité d'un évergète de leur pays, le marchand Denkoglu, avait dotés d'une bourse d'études à l'Université de Moscou, Nicolas Katranov, de Svištov,¹ était sans doute celui qui inspirait aux siens les meilleurs espoirs. Étudiant à la Faculté d'histoire et de philologie, il attestait des dons véritables et un beau dévouement à la libération de son peuple². Il avait réalisé déjà une oeuvre, du moins en manuscrit, et que connaissaient bien ses amis et quelques-uns de ses maîtres. L'homme exerçait la séduction d'une noblesse d'âme un peu rude, et la jeune fille qu'il aimait l'avait préféré à un brillant dilettante „romantique, enthousiaste, épris de littérature et de musique, spirituel, facilement amoureux“, Vasilij Karatëev, le voisin de campagne d'Ivan Turgenev à Spasskoe. Nicolas Katranov, atteint par la tuberculose, dut quitter la Russie. Son protecteur, Denkoglu, prit de lui le soin le plus affectueux et l'emmena à Vienne pour consulter des médecins. On ne put le sauver. Il mourut peu après, âgé de vingt-quatre ans, et, comme Insarov, semble-t-il, à Venise. L'art d'un romancier l'a sauvé de l'oubli: qui, de nos jours, se souviendrait de lui si le roman vécu par Karatëev et par lui, consigné dans un cahier intime, n'avait inspiré à Ivan Turgenev *A la veille* (Наканунѣ) et la figure d'Insarov?³

Il ne convient pas, assurément, d'identifier sans réserve la personne réelle de Katranov avec celle d'Insarov qui n'est qu'une incarnation romanesque. Mais on ne saurait oublier que, si Turgenev a dû apporter à cette incarnation toute sa liberté de créateur, il n'en a pas moins utilisé, comme à son ordinaire, des notes brutes enregistrant des fragments de réalité, celles-là même qu'il tenait de Karatëev. Ce sont, pour ainsi dire, ses points

¹ De Svištov, d'après le témoignage de Georgi Iliev, l'auteur du fameux *Abécédaire* (Български букварь), paru à Moscou en 1844 (préface), aussi d'après une lettre de Konstantin Vasiliov, professeur de Sofia, à Najden Gerov, du 19 mai 1852, voir „Изъ архивата на Найдень Геровъ“, t. I, Sofia 1911, p. 53. Le témoignage de Spiridon Nikolaevič Palauzov (dans une lettre inédite, datée du 23 novembre 1851), suivant lequel Katranov serait né à Rusčuk, ne peut être retenu: voir *Revue des Études slaves*, V (1925), p. 257, note 1, et surtout *Сборникъ на Българ. академия на наукитѣ VI* (1916), pp. 96, 100, 111 et 148 article d'Ivan Šišanov).

² Болгарскія пѣсни... издалъ П. Безсоновъ, М. 1855, p. XV: „...весьма даровитый и горячо преданной задачамъ своего родного слова, и потому много общающій въ будущемъ“.

³ Sur la genèse de *A la veille* et la mise en oeuvre par Turgenev de l'autobiographie romancée de Karatëev, voir *Revue des Etudes slaves*, V (1925), pp. 245-258.

de repère documentaires, l'on sait de reste, par la confrontation de ses projets avec le texte définitif, combien ces points se laissent aisément déterminer. Nous ne les chercherons pas, cela va de soi, dans les parties qui sont de par leur nature les plus fictives et les plus factices, celles où l'écrivain développe suivant sa fantaisie l'aventure sentimentale de son héros. Mais nous aurons toute chance de les trouver là où il loge le plus volontiers ses documents, à savoir dans la notice biographique qui concourt à la présentation du personnage. Et nous les trouvons en effet. Ce sont bien, suivant toute vraisemblance, l'activité et l'œuvre même de Nikolas Katranov que nous découvrons, au chapitre XI de *A la veille* la fiche d'Inсарov: „Il étudiait l'histoire russe, le droit, l'économie politique, traduisait des chansons et des chroniques bulgares, réunissait des matériaux concernant la question d'Orient, composait une grammaire russe pour les Bulgares et une grammaire bulgare pour les Russes...“¹ Activité multiple qui ne s'inspirait pourtant que d'une seule pensée: faire connaître aux Russes la cause bulgare; activité trop dispersée pour aboutir à la fois à tous les buts qu'elle visait, mais qui avait atteint déjà à la réalisation d'une œuvre au moins, et d'une œuvre qui, par bonheur, nous est restée.

* * *

Nicolas Katranov avait composé un recueil de chansons et de proverbes de son pays. A son départ de Russie, il en avait remis le manuscrit à Bezsonov en l'autorisant à en prendre copie, et ce manuscrit avait constitué, avec ceux de Venelin, la matière principale du mémorable volume sorti en 1855 des presses de l'Université de Moscou: Болгарскія пѣсни изъ сборниковъ Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и другихъ Болгаръ, издалъ Петръ Безсоновъ. Bezsonov n'avait d'abord songé qu'à publier le recueil de Katranov, mais il s'était bientôt aperçu qu'une bonne part, la moitié environ, était faite de notes prises par d'autres Bulgares soit dans la péninsule, soit dans les colonies de la Russie méridionale. A. F. Weltman, qui pouvait revendiquer quelque droit à la composition de cette moitié, en avait autorisé la publication. I. I. Molnar, de son côté, avait communiqué à Bezsonov une cinquantaine de chansons rassemblées par Venelin; et dès lors le slaviste russe, disposant des trois recueils de Katranov (la moitié du manuscrit due à Katranov lui-même), de Katranov-Weltman (la moitié due à d'autres notateurs), et Venelin, avait aperçu l'intérêt qu'offrirait une sorte de *corpus* des textes populaires recueillis jusqu'alors, y compris le petit nombre de ceux qui avaient été publiés antérieurement par Vuk (dans le *Dodatak* aux Vocabulaires comparés de l'Académie de Saint-Pétersbourg, Vienne 1822), par Bogoev (Български народни пѣсни и пословици, Пешта 1842), par la revue Москвитянинъ (1845, VI, № 12) et par le Цариградски вѣстникъ (1853).² Deux essais devaient précéder cet ensemble: l'un sur l'épopée serbe et l'épopée bulgare considérées dans

¹ Наканунъ, XI, éd. stéréotypée Glazunov, p. 295.

² Bezsonov, *op. cit.*, introduction, pp. XV-XVI.

leurs rapports réciproques,¹ l'autre sur les traits particuliers du bulgare moderne.² Ouvrage de compilation fait par un travailleur d'esprit curieux, mais mal préparé, plus aventureux que critique, historien de la littérature peu sûr et linguiste moins que médiocre. Ce livre était prématuré, mais, malgré ses défauts, il demeure utile et marque une date. Sans Katranov il n'eût probablement pas existé.

L'apport de Katranov, qui est à l'origine du volume, y est en effet considérable, à savoir: sur un total de 60 pièces, 22 pièces, dont 7 du recueil de Katranov proprement dit et 15 du recueil de Katranov-Weltman. Ces 22 pièces, jointes aux 22 dues à Venelin, constituent le gros de la collection, le complément en étant fourni par 12 pièces de Bogoev, 2 de Vuk et 2 du *Moskovitjanin*. Les notes de Bezsonov sont assez explicites pour que l'inventaire de cet apport soit établi à coup sûr, et nous pouvons voir combien l'importance en est grande:

Pièces empruntées au recueil de Katranov.

- 1) VI, p. 46: Лагушъ.
- 2) XXIV, p. 122: Стоянъ и соколъ.
- 3) XXVIII, p. 139: Бояна.
- 4) XXXIII, p. 166: Драганъ и Стефанъ.
- 5) XXXIV, p. 172: Хайдуки: Милошъ, Страшилъ.
- 6) XLVI, p. 234: Выборъ воеводы: Троянецъ Загорець.
- 7) XLIX, p. 244: Смерть Индже воеводы.

Pièces empruntées au recueil de Katranov-Weltman.

- 8) V, p. 39: Вълко.
- 9) XV, p. 73: Марко Королевичъ.
- 10) XVII, p. 86: Стоянъ идетъ въ хайдуки.
- 11) XVIII, p. 90: Стоянъ и Ирина.
- 12) XX, p. 99: Стоянъ и сестра его борятся съ медвѣдцей.
- 13) XXII, p. 104: Стоянъ пашетъ.
- 14) XXVII, p. 135: Мирчѣ и Бояна.
- 15) XXIX, p. 143: Елена.
- 16) XXX, p. 148: Тодора.
- 17) XXXV, p. 177: Страилъ.
- 18) XXXVI, p. 182: Три брата, Антонъ, Эвстаеий.
- 19) XXXVII, p. 187: Наню и Герче.
- 20) XXXVIII, p. 192: Чавдаръ и Лалу.
- 21) XXXIX, p. 198: Иванчѣ и его дядя.
- 22) XL, p. 201: Никола и сестра его Еленка, Вълчанъ.

Il suffit de se reporter à l'*Index* (Показалець) de A. P. Stoilov pour mesurer le prix, dans l'histoire des traditions bulgares, des textes rassemblés par Katranov.

¹ *Ibidem*, pp. 1-136. ² *Ibidem*, pp. 137-156.

* * *

Mais Katranov n'a pas borné là son oeuvre. Il était poète. Son rival Karatêev l'ignorait sans doute, et rien, par suite dans le roman de Turgenev non plus, ne pouvait nous le faire pressentir. C'est au regretté Ivan Šišmanov que revient le mérite d'avoir trouvé dans le Цариградски вѣстникъ (vol. III, n° 123, du 30 mai 1853) un petit lot de poésies de l'étudiant de Moscou. J'en ai reçu la copie de sa main, le 28 décembre 1925, en même temps qu'une lettre d'une charmante bonne grâce où il m'invitait à les publier à la suite de l'étude que je préparais alors sur la genèse de *A la veille* (Наканунъ). Il me parut de mon devoir de lui laisser le soin de cette publication: je souhaitais que ce maître de l'histoire littéraire fût tenté, à cette occasion, d'évoquer en pleine lumière la curieuse figure de Katranov, comme seul, avec toute son expérience, il était à même de le faire. Sa mort rend vain cet espoir. Je ne puis, aujourd'hui qu'il n'est plus, que répondre tardivement à sa requête, heureux de rendre à sa mémoire un témoignage de reconnaissante amitié et d'associer le souvenir de sa grande oeuvre d'historien à l'hommage adressé au doyen vénérable des études de linguistique et de philologie bulgares.

Les cinq pièces découvertes par Ivan Šišmanov ne révèlent pas un grand poète, mais du moins une âme poétique, toute pleine d'échos de chansons paysannes, de légendes populaires et de ballades romantiques. Les trois premières nous frappent par la fraîcheur de l'inspiration amoureuse et la sûreté de la facture. La quatrième est d'une fantaisie rustique qui ne va pas sans humour. La cinquième est une traduction assez libre de la chanson de Mignon: *Kennst du das Land, wo die Citronen blühn?* C'est peu sans doute de ces quelques vers pour juger d'une oeuvre poétique qui a pu être abondante, mais c'en est assez pour nous faire apparaître Nicolas Katranov sous un jour nouveau. L'Insarov de *A la veille* serait autre, à coup sûr, si Turgenev les eût connus. Leur place est dorénavant à la suite du roman, en appendice: ils le prolongent et l'éclairent.

Les voici d'après la copie établie à mon intention par Ivan Šišmanov, et dont mon distingué confrère St. Romanski a bien voulu, si obligeamment, vérifier quelques détails:

Стихотворенія написаны отъ Николая Катранова

1.

Изъ твои очи, салза ся точи,
какъ сладакъ медь,
 И са облѣли образи бѣли,
Какъ съ дробень ледь:
 А изъ клепачи лациять гледачи,
Какъ въ ношь звѣзди,
 И ми сердцего, какъ сланце въ лѣто,
горятъ съ зари.
 Рачи да капне, преди да пламне
мое сердце,
 Една салзица, като росица
на мой лице.

2.

Ахъ, ичмикъ-агъ ти ми видишь
 на клепачъ-агъ що изникна,
 Кога вчера отъ прозорцъ-агъ | ти ми смigna;
 Аль не знаишь ми на сердце-то
 Какъ далбока люта рана
 отъ твой погледъ ядовити,
 Охъ, на винаги остана.

3.

Нима ти трагна вечь отъ мене?
 На истина ль та изгубихъ азъ?
 Ичи въ уши ми научени
 ющъ сяка дума, секи глась.
 Какъ патникъ сутрень гледъ издига
 Напраздно въ чистото небе,
 Ако надъ него чучулига,
 у въздухъ скрита синь, пѣе,
 Така разглежда съ сардце тѣсно,
 мой гледъ и въ доль и въ боръ и въ салъ.
 Тебъ выкаты сички мои пѣсни
 варнися либе пакъ назадъ

4.

Мѣсяцъ въ люлка малко дѣте
 съ свѣтлина облѣлъ, какъ съ мялко.
 Що така тойз' мѣсяцъ свѣти?
 Пита мене дѣте сладко.
 Как' ся сланце уморило
 да пече цѣль день отъ горѣ
 Богу станало е мило
 И така му Богъ говори:
 Легни сланце задъ гора-та,
 почини си малко ти.
 Та слѣдъ тебе на земя-та
 сичко нѣщо ще заспи.
 И ся сланце помолило на златъ мѣсяцъ,
 на свой братъ:
 Братко запали кандило,
 Та обиколи весь свѣтъ,
 И разглѣдай, кой тамъ плаче
 Кой не ще кротко да спи.
 Кой ся красти, кой не рачи,
 та ми утрѣ убади.
 Сланце спи, а мѣсяцъ ходи,
 варди хората да спятъ
 Додѣ сутрень-та да доди
 да ся пакъ тѣ сабудятъ.
 Мѣсяцъ въ сланчова пакъ вратня
 ще потропа тропъ, тропъ, тропъ,
 Ставай сланце, стана пладнѣ
 и отхожда въ церква полъ,

Испропѣха вече пѣтли-те,
вика ходжа-та въ градъ-атъ
Мѣнци дранкаты на моми-те
и ковачи-те коваты.
Ставай сланце та день Божи
на земя-та проводи;
Работа си за да може
всякъ челякъ да нареди.
И ще сланцето да стане
и испита : що ? добрѣ !
Хора-та нощъ-та са спали
иль са ся носили злѣ
Ако нѣ, въ магла повито . . .
и на супрено ще изгрѣй
Даждъ ще рукне и сардито
буйна буря ще завѣй.
И дѣца-та се ще можатъ
да въ градинка са сбератъ
На зайдне да ся расхождатъ
китки цвѣте да бератъ
И замыслило ся дѣте,
много на небе гледало
И камъ мама си рацѣ-те
сетнѣ съ салзи то простряло.
Богородице ти мило !
причини да слушамъ азъ
Тазъ молитва съ дѣтски гласъ.

[5.]

Ти знайш ли тозъ¹ край, протокаль-атъ гдѣ зрѣй.
изъ шума на сланце лимонъ-атъ ся грѣй.
Дѣ гроздове вѣтръ прохладенъ люлѣй
дѣ съ миртъ-атъ прегарнатъ ся лаврѣ големѣй.
Ти знайш ли го либе мой, тамъ самъ азъ,
готова да фракна съ тебе всякъ часъ
Ти знайш ли тазъ каша, тамъ стр(ѣ)ха лащѣй,
на гарди колони, тамъ хубость ся смѣй.
Тамъ мраморъ-атъ диша, искусство живѣй,
и вика отъ мен' на едно да блажѣй.
Ти знайш ли го, либе мой, тамо бы азъ,
живѣла сасъ тебе несваршени часъ.
Ти знайш ли тозъ край, дѣ ся вѣчно маглѣй,
дѣ грозна вѣялица² всякога вѣй,
Дѣ въ облаци вѣйся патека, какъ змѣй
реве водоскокъ и во бездна ся лѣй.
Ти знайш ли го, либе мой, тамо самъ азъ
готова съсъ тебе да умра и тоз' часъ.

* * *

Nicolas Katranov était mort dans l'été de 1853. Dès 1855, Bezsonov faisait paraître à Moscou le recueil de chansons bulgares dont il devait l'idée à la collection manuscrite de Katranov, et, en 1859, Turgenev

¹ Écrit: токъ.

² Écrit: вѣялица.

achevait le roman dont le jeune Bulgare était le héros: *A la veille* (Наканунъ).

C'est à ce moment même que, par une coïncidence saisissante, qui m'est obligeamment signalée par mon distingué confrère St. Romanski, un recueil de Constantinople, le Мѣсяцословъ-тъ на българскъ-тъ книжнинъ (за 1859: година втора и третя), publiait comme le témoignage d'un camarade d'études de Katranov à Moscou, Savva Filaretov, la pièce de vers suivante, datée de Moscou, 17 août 1853. Si naïve que soit cette poésie, oeuvre d'un poète qui déclare lui-même son inexpérience, elle vaut d'être évoquée comme le souvenir touchant d'un ami:

Стихотворение.

Кога на 1853 год, ми дойде се въ едно време печално извѣстие за преждевременна-та смъртъ на двоица отъ наши-тъ най-надежны млади — смъртъ, коя послѣдовала въ Прага и въ Венеция, — тогава азъ усѣгихъ въ себе си таква силно душевно потрясение, кое може да разумѣ само она човѣкъ, кой е ималъ злочестие да изгуби приятели, които онъ отъ все сърдце е обичалъ за нхна нравственна чистота. — Нито до тогава, нито пакъ послѣ съмъ ималъ притязаніе да пишѣ стихове, нъ въ това извъредно душевно настроеніе, умыслень, подъ сѣнка-та на едно дърво въ градина-та, надраскалъ съмъ надъ кора-та на една книга, която са прилучи въ то време въ рѣцѣ ми, прилагаемо-то тука въспоминаніе въ такъвъ видъ, въ какъвъ-то тука са види. Азъ го не наричамъ, нито Ви го пращамъ като Стихотвореніе. Нъ като нареждахъ сега книги-тъ си, случайно забѣлжихъ тѣзи драканищъ надъ речена-та книга, и менѣ дойде желаніе да споменѣ пакъ свои-тъ умрѣли приятели и съученицы, като имъ поворѣж тыя исти-тъ думи:

Въспоминаніе.

За Никола Д. Катранова отъ Свищовъ, който са поминѣ въ Венеция на 1853 година, на дваесе-четыре-годишенъ възраст, а са е училъ въ Императорскый Московскый Университетъ.

За да обикнемъ добры-тъ хора,
Намъ не ни трѣба тѣй много време.
Двѣ-три недѣли, или четири,
Безъ много думы, безъ увѣренья,
А тамъ усѣщашъ — какъ ти въ сърдце-то
Любовь и дружба се вкореняватъ

Онжъ годинѣ, по това време,
Далечъ отъ мѣсто гдѣ сме родены (1)
Далечъ отъ майка, баща, роднины
Въ древня столица на родно племе
Мы са видѣхме и запознахме,
Чувства высокы тукъ ны сближихъ.

1) На 1852 год. заварихъ Ник. Катранова въ Москва. Поживѣхме заедно съ него до 2 недѣли. Извѣстнъ-тъ Родолюбецъ г. Денкоглу узна отъ лѣкарь-тъ, че Катрановъ е боленъ отъ чахотка, зе го съсь себе си и го заведе у Виенж гдѣто го гледахъ лѣкаре. Искусство-то като не можи да му помогне посовѣтовахъ му да отиде на по топълъ климатъ въ Венециѣ дано нѣщо (sic), но и това не помогна. С. Ф.

Азъ още помніж, не ще забравіж
 Твои-тѣ думы прошалны милы,
 Кога да тръгнешь по пжть желѣзень
 Далечь да идешь здраве да тръсишъ
 Азъ още помніж твой-тѣ въздышкы,
 Тежки печалны, като прѣдгробны!

Сякашъ да бѣше жива-раздѣла,
 Гаче ли нѣшо намъ іж прѣдсказа
 Гаче безъ да щешь нѣкаква жалость,
 Печаль дълбока и неугѣшна,
 Бѣ на лице ти изображена:
 Тѣй ты ны изгледа—та послѣ тръгнж.

Другари вѣрны, до часъ послѣдній,
 Бѣхж са собрали да та проваждатъ:
 Единъ-прѣдъ-другы та пригър(ш)тахж,
 Весело здраве ти пожелахж!
 Тѣ са възвихж, нъ азъ съгледахъ
 Кога изъ очи сълзы ронихж . . .

Минж са зима, дойде и Пролѣтъ
 Азъ се погледвамъ и са надѣж:
 Книгж не пишешь, не са убаждашь,
 По това мысляхъ скоро да дойдешь.
 Нъ що да чуиж, що да ми кажіжтъ:
 „Умрѣлъ Катрановъ, умрѣлъ горкый-тѣ“!

Каква загуба и каква жалость:
 Каквы надежды и благы мысли,
 Са изгубихж и са затрихж!
 Още пожално, кога помыслиж,
 Че онъ поминж въ млади години,
 Въ возрастъ любезень, пълень отъ силы!

Нъ сълзы наши тукъ не помагатъ,
 Божіж-тж сждбж не измѣнаватъ!
 Духъ животворень що си ты ималь,
 Любовь кѣмъ брата що си ты питаль
 Вѣчно да вѣжтъ изъ твой зеленъ гробъ,
 Одушевляватъ Българскый младъ родъ!

Прощавай брате, прощавай друже,
 Нека ти бжде на утѣшене —
 Сълзи отъ срдце отъ съжалѣне,
 Да са утѣши твоя-та сѣнка,
 Дѣто отеждѣ чујжтса думы:

„Умрѣлъ Катрановъ, умрѣлъ горкый-тѣ“!

Москва 1853. год. Август. 17.

Савва Филаретовъ

Paris

André Mazon

Към биографията на Георги С. Раковски

До сега е издирвано и писано доста много за Раковски, създадена е цѣла литература, както по отдѣлни въпроси, така и цѣлостни изложения за неговия животъ, обаче все пакъ оставатъ въпроси неизяснени или непрецизирани, които тепърва очакватъ да получатъ своя опредѣленъ отговоръ. Съ помощта на нѣколко десетки документи, извлѣчени изъ Виенския държавенъ архивъ, ще се опитаме тукъ да хвърлимъ малко свѣтлина върху нѣкои моменти отъ житието на голѣмия народенъ деецъ и литераторъ.

Следъ избухване на Кримската война сцената на житието на Раковски, което до тогава съ малки изключения се е разигравало вжтре въ границитѣ на Турската империя, се пренася вънъ отъ нея. Раковски е компромитиранъ предъ турскитѣ власти, първо, поради своитѣ неуспѣхи и неустойки въ търговията и задълженията си спрямо влиятелни турци, които го преследватъ сждебно, но още повече е изложенъ той поради своето русофилско държане презъ време на Кримската война. Съ избухване на сжщата той бива назначенъ за главенъ преводчикъ при турската войска въ Шуменъ, после — въ Калафатъ. Виждайки въ лицето на руситѣ освободители на отечеството си, Раковски се опитва да създаде въ България мрежа за подпомагане на руското командване. Издаденъ обаче на турцитѣ, той билъ арестуванъ и, като руски шпионинъ, изпратенъ окованъ въ Цариградъ подъ стража, за да бжде сжденъ. Знаейки обаче какво го очаква, той успѣва изъ пжтя да избѣга и, следъ нѣколко месечно криене въ Цариградъ и другаде, въ началото на 1855 г. се прехвърля презъ Дунава въ Влашко. Отъ това време мѣсто на неговата дейность, до самата му смрътъ въ 1867 г., става изключително чужбина — Австрия, Ромъния, Сърбия и Русия, тласканъ вече по нелегални пжтища, съ буенъ стремежъ за добиване права, свобода и независимостъ за своя народъ, за събаряне турската власть.

Искаме тукъ да се спремъ на нѣкои моменти именно отъ емигрантския животъ на Раковски, обаче, преди да сторимъ това, ще зачекнемъ единъ въпросъ отъ малко по-раншно време.

Разкриването на противотурската дейность на Раковски, въ битието му като главенъ турски воененъ драгоманъ въ Калафатъ, довело, както се каза по-горе, до арестуването и изпращането му, тежко окованъ въ желѣза, за Цариградъ, на сждъ; обаче изъ пжтя за тамъ той успѣлъ да се освободи и укрие отъ военната стража, която го придружавала.

По въпроса, какъ е можалъ той да извърши тая трудна задача на своето освобождение, съществува въ науката известна несигурностъ поради нѣмане достатъчни данни и стремежа на по-старитѣ биографи да украсяватъ разказа си съ разни легенди. Ето защо и най-новитѣ научно-критични биографии се затрудняватъ и въздържатъ да усвоятъ нѣкоя отъ предаванитѣ по това версии.¹

Самъ Раковски въ Съдържанието къмъ своята недописана автобиография („Съдържание на Житието ми“) казва накратко следното по въпроса: „50. Затворенъ въ Шуменъ отъ Юмеръ Пашж. 51. Поляцитѣ въ казашкый полкъ съ Съджкъ-Пашж и пр. 52. Испроводенъ желѣзовързанъ отъ Юмеръ-Пашж въ Царыградъ. 53. Свободното ми вхождане въ Царыградъ. 54. Съкрытъ въ Царыградъ съставямъ хайдушкж четж отъ 12 души на 1854...“.² Малко по-подробенъ, но не изчерпателенъ е той и въ своето писмо-автобиография до Ив. С. Ивановъ, гдето четемъ: „И така подъ строгж стражж ме управи за тамо (т. е. Цариградъ), като писа твърде злѣ за мене. Азъ знажхъ въ Царыградъ каква сждба мя чѣкаше, то естъ смъртъ, и така рѣшихъ ся да ищж срѣдство за да отбѣгна, кое благополучно успѣхъ да извърша въ пжтя въ нашж Старж майкж планинж. Отъ тамо тайно непознатъ ся управихъ въ Цариградъ, и кѣту чюхъ че Русійскіи войски минжли Дунава, събрахъ абіе 12 избрани момцы Българы... и пр.“³.

Отъ тия думи на Раковски се вижда ясно, че неговото освобождение се е извършило още въ Балкана („кое благополучно успѣхъ да извърша въ пжтя въ нашж Старж майкж планинж“), гдето сж станали нѣкои случки, които той, навѣрно заради краткостъ, не посочва по-подробно. Тая именно празднота сж се опитали да попълнятъ по-старитѣ биографи на Раковски възъ основа на устното предание.

Черню Поповъ⁴ разказва, че Юмеръ-паша изпратилъ Раковски подъ силна военна охрана отъ Шуменъ за Цариградъ. Изъ пжтя обаче той успѣлъ да заблуди своитѣ пазачи и да изпрати, по двама свои съмишленици българи, на Екмекчи Мустафа-бея — неговъ старъ кредиторъ, който му билъ предлагалъ да се потурчи, за да му даде дъщеря си за жена и да му прости дълговетѣ, — писмо, въ което му съобщавалъ, че е наклеветенъ и арестуванъ, и че, ако му помогне да се освободи, ще изпълни желанието му — да се потурчи и вземе дъщеря му. Докаранъ следъ това въ Цариградъ и изведенъ предъ султана, Раковски е билъ помилванъ отъ сжщия по ходатайство на Мустафа-бея, ко-

¹ Б. Пеневъ, Г. С. Раковски. София 1917, стр. 34, 133. М. Арнаудовъ, Г. С. Раковски; животъ, произведения и идеи; въ „Университетска библиотека“, кн. 23, София 1922, стр. 52 сл.

² Съчинения на Г. С. Раковски, изд. М. Арнаудовъ въ „Универ. библиотека“, кн. 18, София 1922, стр. 4.

³ Съчинения на Г. С. Раковски, стр. 17.

⁴ Ч. Поповъ, Чърти изъ живота на Сава С. Раковски, II издание. Руссе 1893, стр. 32-34.

муто и билъ предаденъ, да живѣе у него и да се подготви и приеме мохамеданството. Раковски почналъ сега да ходи въ джамия, да извършва турскитѣ церемонии и да се приготвява за исляма, но единъ день изчезналъ и хваналъ Балкана, начело на 12 млади българи хайдуги, въоръжени отъ попъ Христа при българската църква въ Цариградъ.

Сжщото разказва Иванъ Адженовъ¹, съ незначителна разлика въ нѣкои подробности, именно че на пжтъ презъ Балкана Раковски спрѣлъ съ охраната си въ Котелъ, гдето му били снети веригитѣ, че въ Цариградъ билъ посрещнатъ и освободенъ отъ Мустафа-бея, заведенъ при великия везиръ и помилванъ.

Тая сжщата версия следва въ своя трудъ за Раковски и д-ръ Боби Петровъ² съ следното само отклонение: „Въ Котелъ роднинитѣ на Р. придумали бумбаширя да не връзва Р. съ вериги, когато пжтували по-нататъкъ, така че Р., когато потеглили за Цариградъ, не билъ вече вързанъ. Подпомогнатъ при това отъ другаритѣ си, които тайно го съпровождали, той изкустно се изплъзналъ изъ ржцетѣ на стражата и се скрилъ изъ Балкана. Тежка зима било тогава. Р. видѣлъ, че въ планината не може да се стои вече, въ малкитѣ градове и села могълъ лесно да бжде заловенъ, затова решилъ да се отпрати за Цариградъ и тамъ се укрилъ у Мустафа-бея... и пр.“

Тая е първата версия за начина на освобождението на Раковски. Въ нея сжществена роля се отдава на Мустафа-бея, който го билъ освободилъ. Само д-ръ Б. Петровъ, който съгледалъ³ противоречието между нея и личното свидетелство на Раковски въ посоченитѣ по-горе негови автобиографни съчинения, вмѣтва въ изложението още и това, че Раковски билъ освободенъ отъ другаритѣ си въ Балкана, но не се отказва съвсемъ и отъ твърдението за съдействието на Мустафа-бея, безъ да забележи, че съ това разказътъ му става безсмисленъ; защото освобождениятъ веднажъ Раковски нѣмало защо да прибѣгва до своя кредиторъ Мустафа-бея за помощъ, особено пжкъ срещу унижителното обещание, че ще приеме исляма. Въ всѣки случай тая версия има въ основата си устни разкази на съвременници или очевидци, но неизвестно точно на кои, защото споменатитѣ биографии не опредѣлятъ: Поповъ казва въ предговора си⁴, че се е ползувалъ отъ разказитѣ на близкия приятель на Раковски, Йосифъ Дайнеловъ, който е живѣлъ въ Цариградъ и е могълъ да знае подробности тжкмо около интересувания ни въпросъ, обаче не казва изрично, че и въ случая се е ползувалъ отъ него, а посоченото противоречие на тая версия съ личното свидетелство на Раковски прави невѣроятнo свидетелството на Дайнеловъ. Адженовъ

¹ Ив. П. Адженовъ, Свѣдѣния и записки за живота на Георги Сава Стойковъ Раковски. Руссе 1896, стр. 28-29.

² Д-ръ Б. Петровъ, Биография на Георги Стойковъ Раковски. София 1910, стр. 66-67.

³ Ц. с. стр. 67, заб. 1.

⁴ Ц. с. стр. 3.

сочи общо на устни разкази¹, отъ които се е ползувалъ, безъ да посочва отъ кого и какво. Б. Петровъ пъкъ казва², че се е ползувалъ отъ устни разкази на очевидеца роднина на Раковски, Киро Стояновъ, на В. Д. Стояновъ, Матей Поповичъ и др., но въ нашия случай сжщо не опредѣля точно изворитѣ си, а само за началната частъ отъ разказа си сочи на Киро Стояновъ³. Поради несигурността на тая версия и противоречието, въ което тя се намира съ приведеното свидетелство на самия Раковски, отъ което излиза, че неговото освобождение е станало въ Балкана, че въ Цариградъ той се е явилъ тайно, но свободенъ, най-критичниятъ биографъ на Р., Боянъ Пеневъ, я отхвърля, понеже въ нея „не може да се долови границата между измислицата и истината“.⁴ Сжщо и М. Арnaudовъ изтъква, че не може да се провѣри истината.⁵

Има обаче и втора версия за освобождаването на Раковски, която Пеневъ⁶ отхвърля като най-фантастична, а и Арnaudовъ⁷ я качествява като романтична. Тя се дължи, изглежда, на В. Стояновъ, може би по спомени отъ самия Раковски, и гласи така: „Кога да преспатъ — стражата съ окования Р. — въ едно българско село преди Котелъ въ Ришкия проходъ, Раковски купилъ на войницитѣ-турци всѣ какво питие и съ помощта на една пила захваналъ да изпилява веригитѣ си. Но войницитѣ се събудили, и тогава Р., като разкъсалъ съ сила веригитѣ си, побѣгналъ съ по-голѣмата частъ отъ желѣзото на крака навънъ, следъ като отрѣзалъ главата на едного отъ стражата. Съ ятаганъ и пушка въ ржка той си пробилъ пжтъ на двора, гдето убилъ още двама, и поелъ презъ дълбокия снѣгъ за гората надъ селото, гдето се освободилъ съвсемъ отъ веригитѣ си“. Сжщата версия и навѣрно отъ сжщия произходъ намираме още у Ю. Ивановъ⁸, който добавя, че „всичко това станало презъ месецъ мартъ 1854 год.“

Тая втора версия, която отдава освобождението на Раковски на единъ устроенъ отъ него комplotъ и по-добре отговаря на смѣлия и предприемчивъ неговъ характеръ, въпрѣки своя романтиченъ и фантастиченъ видъ, изглежда, че има въ основата си истината. Първо, защото тя не само не противоречи, както първата версия, но и се съвпада съ личното свидетелство на Раковски, споредъ което освобождението му станало въ „наша Стара майка планина“⁹, и второ, защото намира потвърждение въ едни нови официални данни, източникътъ на които изглежда да е билъ самиятъ Раковски. Именно, въ единъ офи-

¹ Вж. ц. с., заглавната страница.

² Ц. с., стр. VI.

³ П. т. 67.

⁴ Ц. с. 133 заб. 23.

⁵ Г. С. Раковски, стр. 52.

⁶ Ц. с. 134 заб. 23.

⁷ Ц. с. 52, 54.

⁸ Ю. Ивановъ, Българский периодически печатъ. София 1891, стр. 39-40.

⁹ Вж. тукъ по-горе стр. 379.

циаленъ рапортъ на директора на Върховното полицейско управление въ Виена, фелдмаршалъ фрайхеръ фонъ Кемпенъ, до австрийския министъръ-президентъ и на външнитѣ работи, графъ Карлъ Буолъ Шауенщайнъ¹, въ който се даватъ сведения за личността и живота на Раковски, четемъ между другото следнитѣ редове: „Той е родомъ отъ Казанъ въ България и презъ последната руско-турска война се намираще на служба у турцитѣ, като преводчикъ, биде обаче узнатъ като шпионинъ и осъденъ на смъртъ; обаче следъ убиване на двама турски войници, които го охранявали, той се спасилъ отъ смъртъта. Следъ това той престоялъ 8 месеца въ Балкана въ обществото на български разбойници... и пр.“. Тия данни австрийската полиция е дължала, както се вижда отъ рапорта, на повѣрителни изявления на Раковски, правени отъ него навѣрно предъ лица, съ които се намиралъ въ близъкъ контактъ, та нѣма основание да се съмняваме въ тѣхната достовѣрностъ. Въ всѣки случай тѣ идватъ да покажатъ, че посочената отъ насъ втора версия има въ основата си историческата истина и че освобождението на окования и силно охраняванъ Раковски въ Балкана е станало по насилственъ начинъ, чрезъ избиване стражата. Може да се предполага, че това е било извършено не само отъ Раковски, но и съ помощта на негови въоръжени другари съмишленици².

*

Ще се спремъ сега по-нататъкъ на нѣкои моменти отъ живота на Р. презъ емигрантството му и на отношението на турското и на австрийското правителство къмъ него.

Когато Р. напустналъ въ началото на 1855 г. отечеството си, бѣгайки предъ опасността на преследване и залавяне отъ турската властъ, и пристигналъ въ Букурещъ, той е трѣбвало и тукъ да се крие въ околноститѣ, защото тогава Влашко било окупирано отъ турски и австрийски войски. Както при криенето си въ Котелъ, така и тукъ той се отдалъ на литературни занятия, работилъ надъ поемата си „Горски пжтникъ“ и пр., но скоро се принудилъ да се прехвърли въ Бѣлградъ, а следъ това (1856 г.) — въ Нови-Садъ въ Австрия, продължавайки и тукъ литературнитѣ си работи.³ Презъ това време назрѣва у Р. окончателното и опредѣлено решение за неговата бждеща дейность, именно: „открита борба съ турското правителство чрезъ пресата и сабята“.⁴ Впрочемъ за него другъ изходъ не е имало: да се върне въ отечеството си, до като е сжществувала турската властъ, е било невъзможно; това

¹ Wiener Staatsarchiv, № 2927 В.М., 2 XII 1857.

² Това заключение се потвърждава иначе и отъ споменитѣ за Раковски на баба Гуна Вълкова Петранова, вж. у М. Арнаудовъ, Изъ миналото на Котелъ, въ „Годишникъ на Соф. Университетъ — Истор.-филологически факултетъ“, XXVII (1930-31). София 1931, стр. 32.

³ Б. Пеневъ, ц. с. стр. 38-40. М. Арнаудовъ, Г. С. Р. 58 сл.

⁴ Съдържанието на Житието на Раковски, т. 64, вж. Съчинения, стр. 4.

обстоятелство се е отразило на неговата дейность. Първоначално той се отдалъ на борба чрезъ пресата. Той отдава особено значение на печатната борба и пропаганда въ подготвянето и издигането на своя народъ. Тоя видъ дейность повече подхожда на неговия темпераментъ, на неговата натура, която така много прилича на оная на Неофита Бозвели; въ нея вижда той, както всичко показва, своето призвание. Той не е скромниятъ, тихиятъ, неизмѣнниятъ, желѣзниятъ апостолъ Левски, а е многошумниятъ, стихийниятъ и страшенъ пропагандаторъ, който увлича, възпламенява и създава настроения. Въ 1857 г. той съветва да не се предприема въстание въ западна България на чело съ дѣдо Иванъ Кулинъ. Едва по-късно, въ 1862 г., при стечение на обстоятелствата, той прибѣгва до сабята, а следъ това пристѣпя и къмъ организиране на българското революционно дѣло. Раковски предпочита перото предъ сабята. Именно на борба чрезъ перото се отдава той въ Нови-Садъ.

Въ това направление е повлияла върху него твърде много срещата и сближението му въ Нови-Садъ съ видния тогава сръбски публицистъ, просвѣтителъ и националенъ деятель д-ръ Данило Медаковичъ, редакторъ на „Сръбски дневникъ“, който е билъ душата не само на политическото, но и на литературното сръбско движение. Медаковичъ ималъ своя печатница, издавалъ два вестника — единъ политически и другъ литературенъ, печаталъ популярни книги за народа, уредилъ читалище и просвѣтно дружество въ Нови-Садъ. Освенъ това той завелъ смѣла борба съ австрийската политика и срещу австрийската и турската властъ.¹ Общуването съ Медаковича, неговиятъ примѣръ и подкрепа насочили стѣпките на Раковски. И той почва да печати въ печатницата на Медаковичъ и съ негово съдействие, освенъ другитѣ си литературни трудове, още в. „Българска дневница“, възнамѣрява да издаде и седмиченъ литературенъ листъ, основава въ Нови-Садъ българско читалище и просвѣтно дружество; опитва се да основе „Българско учрѣдничество“, което съ време да превърне въ „Дружество словесности“ и което да издава български вестникъ, популярна литература, учебници за българскитѣ училища и пр. Раковски се занимава въ Нови-Садъ съ издирване българското минало, събира народни пѣсни, прави езикови проучвания и пр.² Въ близкъ контактъ съ Медаковичъ, Раковски опредѣля изобщо своята просвѣтно-национална програма, която остава мѣродавна за него и по-късно, било въ Одеса, било въ Бѣлградъ, било въ Букурещъ.

Литературната дейность на Раковски въ Нови-Садъ е преследвала не само просвѣтни, но главно политически и пропагандаторски цели. Той се старае да буди и възпитава националното и политическо съзнание въ българскитѣ народни маси. Въ такъвъ духъ е билъ съставенъ печатаниятъ отъ него трудъ въ Нови-Садъ „Прѣдвѣстникъ Горскаго

¹ J. Скерлић, Омладина и њена книжевност. Београд 1906, стр. 65. Б. Пеневъ, ц. с. стр. 40-42.

² Б. Пеневъ, ц. с. стр. 40 сл.

пжтника“, така е билъ редактиранъ и в „Българска дневница“. Въпрѣки огледното внимание къмъ султана, което впрочемъ му се налагало отъ австрийската цензура, която поради приятелскитѣ отношения между Австрия и Турция не позволявала да се пише нищо лошо за него, Раковски защитава и идеализира Русия, а напада съ остри изрази турцитѣ, тѣхната жестокость, некултурность и недостъпность за цивилизация, бичува дълбоката поквара, разврата и упадѣка на турското управление и рисува тежкото положение на притиснатия български народъ.¹ Въ Българска дневница, отъ която Раковски иска да създаде единъ български просвѣтно-националенъ независимъ органъ, който да способствува, щото „народътъ да добие гражданска, държавна и църковна правда, и народна свѣсть“, се печататъ статии и дописки отъ България, въ които се разкриватъ и силно нападатъ беззаконията и изстѣпленията на турската администрация и на грѣцкото духовенство и непоносимата неволя на българина.² При всичко че въ тия писания революционниятъ идеалъ на Раковски, ясно формулиранъ и прогласенъ следъ това въ Горски пжтникъ (1858 г.) и призоваващъ вече открито на борба противъ турската държава, е даденъ още въ съвсемъ прикрита форма, все пакъ той се чувствува и налага.

Колко силна, резултатна, а следователно и опасна е била тая сдържана агитация на Раковски, се вижда отъ поведението на турското правителство, което веднага се почувствувало засегнато и взело мѣрки за противодействие.

Следъ излизането на Прѣдвѣстникъ Горскаго пжтника и проникването му въ турската империя, турскитѣ власти взели строги мѣрки противъ неговото разпространение, както за това свидетелствува самъ Раковски.³ Ограничителни мѣрки сж били взети отъ В. порта противъ влизането въ Турция и на други подобни пропагандаторски издания, особено пѣкъ на вестника на Раковски Българска дневница, който е билъ считанъ за най-пакостенъ, опасенъ и възбудителенъ между тѣхъ.⁴ И когато тия мѣрки не дали резултатъ, Портата се обърнала къмъ австрийското правителство и поискала спирането на вестника.

Пробниятъ брой на Българска дневница излѣзълъ на 4 мартъ 1857, а на 26 юний, следъ преодоляване спѣнкитѣ отъ страна на австрийската власть и цензура, последвалъ първиятъ редовенъ брой. Вестникътъ събудилъ голѣмъ интересъ и очаквания и намѣрилъ значително разпространение въ България, Цариградъ, Влашко, Богданско

¹ Съчинения на Г. С. Раковски, стр. 44. Б. Пеневъ, ц. с. 42, 45-46.

² Съчинения на Г. С. Раковски, стр. 116 сл. Б. Пеневъ, ц. с. 53 сл. Д-ръ Б. Петровъ, ц. с. стр. 95.

³ Вж. Съдържание на Житието ми, т. 70; Съчинения на Г. С. Раковски, стр. 5, сжщо стр. 17.

⁴ Wiener Staatsarchiv. Ali Pascha à Prince Kalimaki 21 X 1857 — annexe à la dépêche à Baron Prokesch. Vienne № 3, 7 XI 1857.

и Сърбия. На 18 октомврий с. г. излъзълъ 18-иятъ брой, който се оказалъ последенъ.¹

Спирането на Българска дневница, на която се възлагали такива надежди, да бжде единъ български просвѣтно-националенъ, агитационенъ публиченъ задграниченъ органъ, свързанъ при това съ името на Раковски, е било едно голѣмо събитие както въ дейността на Раковски, така и въ културно-обществения животъ на българитѣ. Това събитие се е рисувало до сега отъ биографитѣ на Раковски само въз основа на даннитѣ, които самъ Раковски дава въ нѣкои свои съчинения или писма, които обаче даватъ само едната страна на нѣщата и довеждатъ до нѣкои неточности. Въ Съдържанието на Житието си Раковски посочва: „т. 72. Издание то тамо (въ Нови-Садъ) на Българска Дневница. т. 73. Сношения та ми съ Сръбско то Княжество въ Бѣлградъ. т. 74. Приследование то ми отъ Австрійско то Правителство поради еднж нотж кој-то бѣ дала Порта та. т. 75. Затворенъ въ Земунъ. т. 76. Освобождение то ми отъ тамо“². — По-подробно разказва Раковски въ своето писмо-автобиография до Иванова³, какъ единъ день го призовали въ полицията въ Нови-Садъ и му съобщили, че имали висока заповѣдь да го отправятъ задъ граница, защото агитиралъ противъ Турция и за българската независимостъ и за гдето напечаталъ Предвестникъ Горскаго пѣтника. Искането на Раковски, да му се даде време да се приготви за пѣтъ, не било уважено. Гръцкиятъ виенски консулъ, баронъ Сина, до когото той се обърналъ телеграфически за покровителство, като гръцки поданикъ, отсъствувалъ тогава отъ Виена и не му помогналъ. Така той билъ отправенъ за Зеблинъ, отгдето искали отначало да го предадатъ на Бѣлградския паша, но следъ неговитѣ протести е билъ изпратенъ по Дунава презъ Оршова за Влашко.

Като се основава на тия данни, Б. Пеневъ предполага, че австрийскитѣ власти не ще да сж гледали съ добро око на Раковски поради сношенията му съ Сръбското княжество⁴, но това предположение не се потвърждава. Не отговаря на истината и твърдението на д-ръ Б. Петровъ, че въ своята нота до австрийското правителство В. порта искала да ѝ се предаде Раковски⁵. Сега, когато разполагаме съ дипломатическата преписка по тоя въпросъ, можемъ да установимъ по-точно развитието на въпроса около спирането на Българска дневница и изгонването на Раковски отъ Австрия.

Отъ една депеша отъ 21. X. 1857 г. на турския в. везиръ Алипаша до турския посланикъ въ Виена, принцъ Калимаки, ние узнаваме,

¹ Б. Пеневъ, ц. с. 52 сл. Арнаудовъ, Г. С. Раковски, стр. 60, 62. Д-ръ Б. Петровъ, ц. с. 85-96.

² Съчинения, стр. 5.

³ П. т. стр. 19.

⁴ Ц. с. 57.

⁵ Ц. с. 101. — Ч. Поповъ (ц. с. 61) е съвсемъ краткъ по въпроса, като намѣсва и Цариградския гръцки патриархъ. Ив. П. Адженовъ (ц. с. 38-40) разказва сжщо споредъ даннитѣ у Раковски, само че ги поукрасява.

че въ началото на октомврий 1857 год. между последния и австрийското правителство били заведени разговори около българската революционна пропаганда, изхождаща отъ австрийскитѣ територии, и че Австрия се показала наклонна да вземе противодействащи мѣрки¹. Тази готовностъ предизвикала споменатата депеша на Али-паша, съобщена въ повѣрителенъ преписъ и на австрийския министъръ-президентъ и на външнитѣ работи. Отъ общитѣ фрази на тая телеграма се вижда ясно, че турцитѣ сж повдигали тукъ въпроса за дейността и специално за литературно-агитаторската дейностъ на Раковски презъ 1857 г. въ Нови-Садъ, значи, на австрийска територия. Телеграмата сочи на утопичността на идеята за една славянска империя, съ която подлгватъ мирния български народъ, и осжда „криворазбрания национализъмъ, който една шепа авантюристи търсятъ да извикатъ въ славянскитѣ населения на дветѣ империи посрѣдствомъ вестници и други огненни публикации. Между тѣзи публикации особено се отличава единъ новъ вестникъ на български езикъ, публикуванъ на австрийска територия отъ единъ индивидъ, на когото престжпленията го бѣха довели до каторгата.“ Али-паша изкусно свързва въпроса съ общата русофилско-славянска пропаганда въ славянскитѣ области на Австро-Унгария и, като сочи идентичността на интереситѣ на дветѣ страни, не се съмнява въ сътрудничеството имъ въ случая, и че ще се взематъ мѣрки „за унищожение на злото въ самия му коренъ“².

Австрийското правителство не се забавило да отговори чрезъ своя цариградски посланикъ, баронъ Прокешъ³, че „колкото се отнася до срѣдствата, употрѣбавани отъ българската революционна пропаганда, то взело мѣрки да събере сведения за въпросния български вестникъ въ Австрия, но че за улеснение на работата е желателно, сама В. порта да даде нѣкои по-точни сведения за неговия редакторъ и за мѣстото, гдето се обнародва. Нѣколко дена преди това то се обърнало и къмъ министра на австрийската полиция, фелдмаршалъ фрайхеръ фонъ Кемпенъ⁴, съ съобщението, че „В. порта, като посочва на пропагандата, насочена, както тя казва, противъ държавния авторитетъ, е натоварила тукашния си посланикъ да привлече вниманието на императорското правителство, съ молба за съдействие, върху единъ вестникъ, излизащъ отъ кратко време на австрийска територия на български и съставенъ въ най-превратенъ духъ (in dem subversivsten Geiste), който се публикува отъ единъ бившъ затворникъ и, въпрѣки бдителността на турскитѣ погранични власти, намира достъпъ въ казаната провинция“; — и съ молба за полицейски издирвания „и въ утвърдителенъ случай да вземе подходни мѣрки, та да бжде премахнато споменатото отъ турското правителство зло“.

¹ Wiener Staatsarchiv. Annexe à la dépêche à Baron Prokesch. Vienne, 7 XI 1857 № 3.

² П. т.

³ Wiener Staatsarchiv. Wien, 7 November 1857 № 3.

⁴ Wiener Staatsarchiv. Wien, 2 November 1857.

Ясно е прочее отъ тия официални писма, че постъпките на В. порта сж визирали публицистично-литературната дейность на Раковски въ Нови-Садъ и специално Българска дневница, които тя окачествявала и считала като „българска революционна пропаганда“, „насочена противъ държавния авторитетъ на Турция“. При това В. порта не е поставила искане да ѝ се предаде Раковски, както твърди Б. Петровъ, а само да се взематъ мѣрки за премахване злото; а австрийското правителство е предоставило на полицията да вземе подходнитѣ за целта мѣрки, безъ да опредѣля, какви именно.

Какъ се е постъпило по-нататкъ, узнаваме отъ две докладни писма на министра на полицията до министъръ-президента Карлъ графъ Буолъ Шауенщайнъ, едното отъ 30 ноемврий, другото отъ 2 декемврий¹. Първото се отнася повече до Българска дневница, а второто — до дейността на Раковски. Австрийската полиция е наредила обширни издирвания и по двата тия въпроса. По нейна подкана председателството на сръбско-банатското намѣстничество направило особень подробень докладъ относно Българска дневница и върху участвуващитѣ лица въ редакцията, и тоя докладъ би могълъ да ни даде сигурно нѣкои интересни подробности, но той, за жалость, не се намѣри въ книгата на архива. Повдигнатитѣ отъ турското правителство обвинения по списването на Българска дневница били намѣрени „само отчасти основателни“ и, види се, че не сж давали основание на властта за спиране [вестника². Защото известно е, наистина, че Раковски е държалъ смѣтка за приятелството между Австрия и Турция и не е нападалъ султана въ своитѣ писания въ Нови-Садъ³. И ние узнаваме неизвестния до сега фактъ, че Българска дневница е била спрѣна не поради съответното искане на В. порта, а по друга причина. Още на 3 октомврий 1857 г., значи още преди повдигане въпроса отъ турския посланикъ, „по-нататъшното излизане на вестника съ заповѣдь № 10,056 на мѣстната власть биде прекратено до тогава, догдето издателятъ задоволи постановленията на наредбата за пресата“⁴. Въ какво именно е била нарушена тая наредба, не се казва; но ние се досѣщаме лесно, като имаме предъ видъ следното.

Още когато Раковски поискалъ отъ властта разрешение за издаването на Българска дневница въ Нови-Садъ, били му поставени да изпълни две условия: 1. Да бжде редакторътъ австрийски поданикъ, и 2. Да внесе гаранция отъ 2500 фиоринта. Раковски не билъ въ състояние да изпълни нито едно отъ тия условия, защото не е разполагалъ съ

¹ Wiener Staatsarchiv № $\frac{8310}{\text{Pr.: II}}$, 30 November 1857; № $\frac{2927}{\text{B. M.}}$, 2 Dezember 1857.

² П. т. № $\frac{8310}{\text{Pr.: II}}$, 30 XI 1857.

³ Б. Пенева, ц. с. 42, 54.

⁴ Цит. писмо № $\frac{8310}{\text{Pr.: II}}$ отъ 30 XI 1857.

пари, а е билъ поданикъ гръцки. Съ помощта на д-ръ Д. Медаковичъ, който се съгласилъ, щото вестникътъ да излиза отъ негово име, удовлетворено е било първото условие, но втората точка се оказала неизпълнима. Пакъ ходатайството на Медаковичъ предъ познатитѣ му австрийски чиновници довело до единъ изходъ, именно да се отложи внасянето на гаранцията¹. Следъ това материалното положение на Раковски не се е подобрило, за да може да внесе гаранцията; и когато следъ нѣколко месечно отлагане той не изпълнилъ поставеното му въ началото второ условие за печата, властта издала заповѣдь за спиране на вестника, до като бжде то изпълнено отъ редактора. Това трѣбва да е било споменатото нарушение на наредбата за пресата, поради което Българска дневница престанала да излиза. Запрещението на властта не влѣзло обаче веднага въ сила, защото то носи дата 3 октомврий, а последниятъ брой на вестника е отъ 23 октомврий.

Запрещението е имало обаче времененъ характеръ, защото Министерството на полицията „си предоставило да съобщи своевременно на правителството за по-нататъшното излизане или пълното прекратяване на тоя български седмичникъ“².

Много по-тежъкъ е билъ вердиктътъ на австрийската полиция надъ Раковски: той е трѣбвало да напустне за винаги австрийската територия като опасенъ човѣкъ. Освенъ това, отъ второто писмо ние научаваме интересни нѣща за него. Той, който фактически е редактиралъ Българска дневница, е фигуриралъ предъ властта като „български преводчикъ при седмичника“. Ималъ е гръцки паспортъ и се издавалъ за търговецъ, който не веднажъ е дохаждалъ отъ Влашко въ императорскитѣ земи, предприемалъ тука голѣми пътувания и „отдавна вече обърналъ върху си внимание съ своето занятие и начинъ на живѣне, които не се сходятъ съ мнимото негово качество, както и съ обстоятелството, че отъ своитѣ чести пътувания въ Влашко донасялъ винаги съ себе си значителни парични сръдства“. Раковски се носилъ съ идеята, споредъ повѣрителни негови изявления, да възбуди въстание въ България и да участвува въ него³.

На 4 ноемврий 1857 г. Раковски е трѣбвало да напустне Нови-Садъ, и, разбира се, заедно съ това е била решена и сждбата на Българска дневница, на която Раковски е билъ душата. Забележително е, че самата австрийска власт е била разтревожена отъ присѣтствието на неуморния народенъ деецъ върху австрийска земя. И ние четемъ въ споменатото второ писмо: „Споредъ тия указания изгонениятъ на 4 м. м.

¹ Б. Пеневъ, ц. с. 52.

² Цит. писмо № $\frac{8310}{\text{Pr.: II}}$ отъ 30 XI 1857.

³ Цит. писмо № $\frac{2927}{\text{В. М.}}$, 2 XII 1857. — За арестуването и екстернирането на

Раковски подъ стража вж. сжщо д-ръ И. Касабовъ, Моитѣ спомени отъ възраждането на България съ революционни идеи. София 1905, стр. 10.

отъ всички области на австрийската империя Георги Стефанъ (sic) Раковски се явява опасенъ политически партизанинъ, чието естѣпане пакъ въ Австрия трѣбва да се възпрепятствува съ всички разполагаеми сръдства“. Поради това полицията настоява предъ правителството да се взематъ всички мѣрки, за да се попрѣчи на неговото възвръщане на австрийска земя¹. Въ резултатъ на това австрийското Вншно министерство нарежда до австрийскитѣ посланици въ Цариградъ, Петербургъ и Атина, до генералнитѣ консули въ Букурещъ, Яшъ и Бѣлградъ, а чрезъ тѣхъ и до консулскитѣ австрийски власти въ тия страни, щото, ако Г. С. Раковски се яви и поиска виза за влизане въ австрийска територия, да му се отказва безусловно².

На запитването на своето правителство отъ 2 ноемврий за по-подробни сведения за Раковски цариградскиятъ австрийски посланикъ пратилъ на 25 ноемврий рапортъ съ описание на престѣпленията, въ които се обвинявалъ сжщиятъ; но този важенъ докладъ, който би ни запозналъ съ нѣкои подробности отъ живота на Раковски, не можа да се намѣри между книгата въ архива. Посланикътъ съобщилъ следъ това, че на 29 ноемврий издалъ на единъ отъ оцетенитѣ отъ Раковски, Мустафа Агя-бей, едно писмо до австрийското бѣлградско консулство, понеже сжщиятъ ималъ намѣрение да действува за арестуването му.³

И следъ изгонването на Раковски отъ Австрия В. порта продължила да го следи и поискала сведения отъ австрийското правителство, кжде се е отправилъ. Последното отговорило, че Раковски, който билъ снабденъ отъ гръцкото генерално консулство въ Виена на 1/13 юний 1857 г. съ паспортъ за пребивание въ Влашко и Сърбия, напустналъ Нови-Садъ на 4 ноемврий, а на 8 ноемврий билъ каченъ въ Землинъ на параходъ и отправенъ презъ Оршова за Влашко⁴. Изобщо както турското правителство, така и австрийското проявява интересъ за понататъшнитѣ стѣпки на Раковски, което свидетелствува за значението, което тѣ сж му отдавали. Въ началото на следващата година управлението на Темешварската областъ въ Австрия взима предохранителни мѣрки срещу преминаването на австрийската граница отъ Г. Раковски⁵. Преминалъ въ Ромъния, Раковски не е билъ оставенъ спокоенъ, а билъ и тукъ следенъ отъ турската властъ, която подготвяла арестуването му въ Болградъ, та той е трѣбвало да забѣгне въ Русия⁶.

¹ Пакъ тамъ.

² Wiener Staatsarchiv. An Flm. Kempen, Wien 8 Dezember 1857.

³ Wiener Staatsarchiv. Ber. aus Constantinopel, № 86 F. 18 XII 1857.

⁴ Wiener Staatsarchiv. Сжщото; Weisung an Flm. von Kempen, Wien 28 XII 1857; Ber. von Flm. von Kempen № $\frac{3252}{B. M.}$, 30 XII 1857; Weisung an Prokesch. Wien 9 I 1858.

⁵ Вж. протоколитѣ на Информационното бюро, 19 I 1858, № 187 въ Виенския държавенъ архивъ; у д-р А. Ивић, Архивска грађа о југословенским и културним радницима, кн. III. Изд. Срп. краљ. акад. „Зборник за историју, језик и књижевност српског народа“, кн. V, Београд 1932, стр. 498.

⁶ Д-ръ Б. Петровъ, ц. с. 105-106. Б. Пеневъ, ц. с. 60.

Съ своята дейност Раковски е продължавалъ и по-нататъкъ да интересува, занимава и държи въ напрежение турскитѣ та и австрийскитѣ власти, особено следъ установяването си въ Бѣлградъ.

Следъ изгонването си отъ Нови-Садъ Раковски се отправилъ отъ Влашко за Русия, гдето останалъ въ Одеса две години; недоволенъ обаче отъ ограниченията на руската цензура, въ началото на 1860 г. презъ Влашко отишелъ и се настанилъ въ Бѣлградъ, гдето намѣрилъ благоприятни условия за своята просвѣтно-литературна и националистична работа. Новиятъ сръбски князь Милошъ Обреновичъ, който се явявалъ приятелъ на славянитѣ и врагъ на Турция, му далъ своето покровителство¹. Тукъ той почналъ да печата своитѣ готови трудове, а отъ септемврий 1860 г. се заелъ да издава в. Дунавски лебедъ, като единъ видъ продължение на Българска дневница, гдето третираше българскитѣ национални проблеми — църковния въпросъ, просвѣтата, политическото положение и пр., — и защищавалъ българската кауза. Особено отъ началото на 1861 год. Раковски напада силно непоправимото турско управление и, заплашвайки съ революция, подхранва революционното настроение въ българскитѣ сръбди. Остри статии пише Раковски и противъ руската политика, която поощрявала изселването на българитѣ отъ Вѣдинско въ Русия².

Въ декемврий 1860 г. Р. поискалъ отъ австрийското правителство, чрезъ бѣлградския консулъ Боровичка, да се позволи на неговия вестникъ достъпътъ въ Австрия. Въ своето отношение по тоя случай до министерството Боровичка заявява, че нито се застъпва, нито се противопоставя на това искане; самъ забелязва, че „въпросниятъ вестникъ води бедно и неизвестно съществуване и е останалъ незабелязанъ“³. Следъ сондиране на Министерството на полицията, което се съгласило на това, дадено било на Раковски исканото разрешение⁴. Обаче, както и Боровичка забелязва, редакцията на Дунавски лебедъ сръбщала парични затруднения, защото наистина абонатитѣ не плащали, а това наложило най-подиръ спирането на вестника⁵.

Турското правителство слѣдило стѣпките на Раковски и не се забавило да поиска на нѣколко пѣти отъ Сръбското княжество предаването му, било като политически, било като обикновенъ престѣпникъ; получило обаче решителенъ отказъ отъ сжщото, тъй като то покровителствувало българския водачъ⁶.

¹ Б. Пеневъ, ц. с. стр. 72 сл. Д-ръ Б. Петровъ, ц. с. 110 сл.

² Б. Пеневъ, ц. с. 72, 76 сл. Ив. Шишмановъ, Раковски като политикъ, вж. Сборникъ на Бѣлг. акад. на наукитѣ IX (1918), стр. 15 сл. Д-ръ Б. Петровъ, ц. с. 112-125.

³ Писмо на консула Боровичка до Външното Министерство въ Виена, Бѣлградъ 8 XII 1860 у Д-р Ивић, Архивска грађа, стр. 334.

⁴ Външното минист. до консула Боровичка, Виена, 2 I 1861, у д-р Ивић, ц. с. стр. 334-335.

⁵ Ср. последния брой на Дунавски лебедъ отъ 24 XII 1861; сжщо Съчинения на Раковски, стр. 427.

⁶ Вж. писма на Р. до Дайнеловъ отъ 21 II 1861 и 24 III 1861. Ч. Поповъ, ц. с. 97, 107-109. Б. Пеневъ 74-75. Д-ръ Б. Петровъ 117.

Събитията на полуострова и частно въ Сърбия, гдето новиятъ сръбски князь Михаилъ Обреновичъ насочва своитѣ усилия и внимание къмъ освобождение на сръбскитѣ земи отъ турското робство и къмъ създаване подъ свое ръководство на една голѣма югославянска държава, каратъ и Раковски въ служба на родината си да смѣни „перото“ съ „сабята“. Той се готви да използува евентуалната сръбско-турска война, за да подготви и вдигне въ България голѣмо въстание; влиза въ връзка съ българскитѣ войводи-хайдути, а на 25 ноемврий 1861 год. съставя единъ планъ за въстанически действия за освобождение на България. За целта той почва да работи за създаване една българска легия, подкрепянь въ това и отъ сръбското правителство, което смѣтало отъ своя страна да използува българскитѣ революционери за своитѣ цели. Чрезъ писма и пратеници Раковски влѣзалъ въ връзка съ българитѣ въ Виена, Букурещъ, Браила, и поискалъ и получилъ тѣхната материална подкрепа за легията и за дѣлото. Привлѣченъ е билъ и Конаки Богориди. Отъ стеклитѣ се отъ разни мѣста нѣколко стотинъ българи доброволци той формиралъ, подготвилъ и издържалъ наистина една българска легия, която взела храбро участие въ обсадата на турския гарнизонъ на Бѣлградъ. Когато обаче при намѣсата на великитѣ сили Сърбия отчасти била удовлетворена съ отстранение на турскитѣ гарнизони отъ Сърбия, съ изключение въ Бѣлградъ, за голѣмо неудоволствие на Раковски българската легия трѣбало да бжде разпуснатата презъ септемврий 1862 г. по заповѣдъ на сръбското правителство. При всичко това Раковски не само не скжсалъ съ последното, но продължилъ да поддържа близки връзки съ него, надѣвайки се, види се, на неговата помощъ въ по-нататъшното развитие на работитѣ. Той билъ замѣсенъ въ една голѣма доставка на оръжие за Сърбия, а следъ това въ 1863 г. се явява като пратеникъ на сръбския князь въ Цетина и Атина за сключване съюзъ на балканскитѣ народи противъ Турция, въ който да участвуватъ и българитѣ. Раковски се отправилъ, следъ завръщането си отъ тая мисия, отъ Бѣлградъ за Букурещъ, гдето продължилъ дейността си за сключване балкански съюзъ. Разчитайки сега главно на Ромъния, той се установилъ окончателно въ ромънската столица, опитвайки се да започне пакъ и тукъ новъ български вестникъ, а следъ това и да организува българското революционно дѣло¹.

Всички тия събития и действия изтъкнали Раковски като центъръ на организираната българска революционна и печатна дейность противъ Турция. И ние виждаме наистина В. порта, силно разтревожена отъ тая дейность, да търси срѣдства за противодействие и за улавяне и обезвреждане на опасния български водачъ. Следъ като сръбското правителство отказало, както казахме, да предаде Раковски, В. порта се обърнала къмъ Австрия. И една обширна преписка се създава така около името и личността на Раковски.

¹ Д-ръ Б. Петровъ, ц. с. 130-179. Б. Пеневъ, ц. с. 88-116. Вж. Споменитѣ на Касабовъ стр. 18-37.

Али-паша съобщилъ на австрийския посланикъ въ Цариградъ, че, споредъ неговитѣ сигурни сведения, въ българското революционно движение „съучаствува и Конаки Богороди (бившиятъ молдавски князь, живущъ тогава въ Виена), който ималъ въ Бѣлградъ тайна среща съ единъ именуемъ Раковски, българинъ по рождение, багабонтинъ, който на времето тайно напусналъ Цариградъ вследствие на една кражба и въ Бѣлградъ станалъ редакторъ на единъ вестникъ“. Споредъ Али-паша, „тоя човѣкъ (Раковски) е центрътъ на всички български атентати, които се кроятъ въ тоя градъ“. „Конаки Богороди е шефъ на Българския комитетъ въ Виена. Тоя комитетъ събралъ напоследъкъ 25,000 дуката, въ която сума Богороди внесълъ самъ 5,000. Виенскиятъ комитетъ е въ кореспонденция съ българскитѣ комитети въ Дунавскитѣ княжества и въ Одеса, а чрезъ единъ грѣцки свещеникъ въ интимни връзки и съ руската легация въ Виена, която обещала на Богороди значителна сума отъ руското правителство, щомъ пукне въ България първата пушка“.¹ Обстоятелството, че К. Богороди е билъ замѣсенъ въ тогавашнитѣ български революционни предприятия, че се е срѣщалъ съ Раковски въ с. Груя отъ татъкъ Дунава (не въ Бѣлградъ), че парично е помагалъ на българската легия, което се знаеше отъ друго мѣсто², сега се потвърждава и отъ тоя рапортъ, който му отрежда видно мѣсто въ българскитѣ работи тогава. Разтревожената В. порта помолила австрийското правителство да нареди да се следи и наблюдава „тоя активенъ и опасенъ български комитетъ въ Виена“, стоящъ въ връзка съ Раковски³.

За действията на Раковски било обаче заинтересовано и обезпокоено и австрийското правителство. Въпросътъ за него и за виенския български комитетъ, на чело съ К. Богороди, то отнесло до виенската полиция⁴. Военното австрийско министерство имало сведения, които съобщило и на полицията, че „българина Раковски основалъ въ Сърбия нѣколко наборни бюра, и че нѣкой си Орѣшковичъ билъ натоваренъ съ създаването на една легия отъ чужденци за Сърбия⁵. Австрийското правителство получило пъкъ сведения: „че нѣкой си Раковски развивалъ въ Бѣлградъ като руски агентъ забележителна дейностъ въ интереса на панславизма. Че недавна билъ адресиранъ до него отъ Петербургъ единъ черногорски пратеникъ, който, снабденъ съ 5,000 лири стерлинги, билъ опредѣленъ за България, за да затули очитѣ на по-нисшитѣ турски власти при подготвянето на евентуални бунтове. Че освенъ това тия срѣдства щѣли да бждатъ употребени за откриване на училища, които

¹ Wiener Staatsarchiv. Ver. aus C-pel, № 93 A-C. 17. XII 1862.

² Д-ръ Б. Петровъ. 140, 141 заб. 3. Писмо на Т. Райновъ до Раковски отъ 13 VI 1862. Ив. Касабовъ, Мойтѣ спомени. София 1905, стр. 22-26.

³ Wiener Staatsarchiv. Ver. aus C-pel. № 93 A-C. 17 XII 1862.

⁴ Вж. протоколитѣ на Информ. бюро въ Държ. виенски архивъ, 17 XII 1862 № 7860 у Д-р Ивић, ц. с. III 429.

⁵ Вж. Проток. etc., 13 II 1862, № 1146 у Д-р Ивић III 429.

да служатъ за разсадникъ на панславистични стремежи“¹. Разтревожено отъ тия сведения, то се отнесло до своя бълградски представител за провѣрката имъ. Управяващиятъ бълградското австрийско консулство, Васичъ, отговорилъ съ единъ дълъгъ рапортъ, който, въпрѣки нѣкои неточности, поради подробната характеристика, що дава за Раковски, ще приведемъ тукъ текстуално.

„Генералното консулство наблюдава съ будно око индивиди отъ вида на Раковски и нѣма да пропустне да съобщи на В. Пр. неговитѣ по-нататъшни действия. Онова, което можяхъ да схвана отъ собствени наблюдения, ще си позволя да съобща тукъ, толкова повече, че отъ това може приблизително да се сѣди за вѣрността или невѣрността на съобщенитѣ на В. Пр. планове на Раковски.

Раковски е родомъ отъ България и като ученикъ отишелъ въ Русия, за да бѣде тамъ възпитанъ за учителъ. Въ Одеса, гдето му било опредѣлено пребиванието, той останалъ и следъ свръшване на учението си и общувалъ много съ тамошнитѣ българи. Изглежда, че той още въ онова време взелъ решение да поеме ролята на посрѣдникъ на революцията и влѣзълъ въ тѣсни връзки съ разнитѣ български комитети. Отъ 8 години той живѣе много порядъчно, безъ да притежава собственъ имотъ или извори за печалба, и на времени изразходвалъ значителни суми за политически цели. При това той се носѣше съ такова самохвалство (Ostentation), че при всички негови предприятия изпъкваше на пръвъ планъ желанието му да накара да се приказва много за него, и да представя революционни мухи за слонове. Азъ смѣтахъ, че това негово многошумно държане, така малко съвмѣстимо съ революционни действия, трѣбва само така да се обясни, че Раковски иска да оправдае по тоя начинъ изпращанитѣ му отъ българскитѣ комитети пари и да ги подбуди да му прашатъ нови.

Следъ като Раковски напустналъ Одеса, той прекаралъ само малко време въ България, защото неговото явяване тамъ не веднажъ го излагало на опасността да бѣде арестуванъ. Въ всѣки случай той се яви тукъ като бѣжанецъ, само че не се съгласяватъ даннитѣ за неговото бѣгство, защото, до като едни твърдятъ, че той трѣбвало да избѣга поради своитѣ политически интриги, други казватъ, че той окралъ единъ турчинъ, и че последниятъ дошелъ дори въ Бѣлградъ, за да рекламира крадеца, но трѣбвало да си отиде безъ да успѣе. Последната версия произхожда отъ турски източници и заслужава малка вѣра, защото у турскитѣ управници не е нѣщо необичайно да нареждатъ да се арестуватъ политически интриганти подъ обвинението за обикновени престѣпления, та после да бждатъ избивани въ затвора безъ разследване.

Раковски дойде преди 4 години въ Бѣлградъ. Въ тоя градъ, който особено подхожда за пребивание на хора, които се занимаватъ съ югославянски революционни действия, защото лежи въ центра на югосла-

¹ Wiener Staatsarchiv. Weisung an Wassitsch, Wien № 58. G. 26 II 1863.

вжнитѣ и се намира подѣ власти, които на подобни стремежи не поставятъ никакви граници, Раковски започналъ своята дейность съ основаване единъ българо-френски вестникъ подѣ името Дунавски лебедъ.

Разбира се, този листъ се заемаше изключително отъ статии, които рисуваха сжществуването на Турция за по-дълго време като една невъзможность. Споредъ съответното политическо положение се даваха на българското население съвети, какъ то може да съдействува за пропадане на държавата. Като най-ефикасно срдѣство се препоръчваха при всички обстоятелства малки, но многобройни въстания. Този вестникъ се е челъ много малко и е коствувалъ на българскитѣ комитети суми, които не сж въ никакво съотношение съ услугитѣ, които е принесълъ на дѣлото на революцията.

За онова, което бѣше опредѣлено да се извърши миналото лѣто въ Бѣлградъ, Раковски е билъ така своевременно осведоменъ, че той могълъ да се снабди съ значителни парични срдѣства още преди избухването на неприятелствата. Въ деня на бомбардировката той притежавалъ нѣколко хиляди дуката. Една чанта съ 1500 дуката му била грабнатата отъ единъ плячкосващъ сърбинъ, който обаче е билъ веднага уловенъ и застрелянъ.

Отъ него день той се зае съ организуването на една зависеща отъ него и издържана съ негови срдѣства българска легия. Обаче предприятието не стоеше въ никакво съотношение съ разполагаемитѣ за това срдѣства. Следъ изтичане на около 4 месеца били набрани само около 80 души, и отъ тѣхъ само 20 облѣчени, а най-много половината само снабдени съ оржжие. Това обаче не прѣчеше на Раковски, облѣченъ въ единъ фантастиченъ костюмъ и заобиколенъ отъ нѣколко адютанти, ежедневно да инспектира легията.

Когато, поради решенията на конференцията, легионитѣ въ Сърбия трѣбваше да бждатъ разпуснати, прѣснали се и българскитѣ легионери. Самиятъ Раковски не счете вече въ свой интересъ да почне да издава пакъ Дунавски лебедъ, а живѣе, както се види, безъ работа, ту въ единъ, ту въ други ресторантъ на Бѣлградъ. Той прекарва нѣкои седмици въ пжтуване изъ вътрешността на Сърбия, безъ да зная, какви цели преследва съ тия пжтувания. Неговитѣ врагове твърдятъ, че той отсжствува отъ тукъ, за да накара комитетитѣ да вѣрватъ, че агитира въ България, гдето обаче нѣма срдѣства да отиде. Съ императорското руско консулство въ Бѣлградъ Раковски не изглежда да стои въ нѣкакви връзки. Днесъ той е въ Бѣлградъ, който той не е напускалъ отъ три седмици.

Относно сумата отъ 5,000 лири стерлинги, които Русия искала да прати чрезъ Раковски на българитѣ, трѣбва да забележа, че преди малко седмици единъ куриеръ на тукашното руско консулство заминалъ за Видинъ съ пари. Дали съответнитѣ суми сж предназначени за обикновени или извънредни разходи на рускитѣ консулства въ България, не мога да кажа. Може би тая парична пратка да се смѣта въ

ония 5,000 лири стерлинги. До колкото азъ бѣхъ въ положение да наблюдавамъ хода на рускитѣ интриги въ тия страни, видѣхъ, че правителството винаги си е служило съ консулитѣ и тѣхнитѣ довѣрени агенти, при което отъ опредѣленитѣ за това пари нарѣдко повече отъ една трета била употрѣбявана за ония цели, за които били опредѣлени. За нѣкаква контрола въ такива деликатни отношения не може да става и дума. Руското правителство, което се мами отъ своитѣ собствени чиновници, и навѣрно знае това, надали би повѣрило на единъ така несигуренъ човѣкъ като Раковски значителна сума за тайни цели.

Освенъ руското правителство, има сжщо отдѣлни руси, въ това число членове отъ императорската фамилия, които чрезъ пѣтници въ тия страни правятъ дарения на църкви и училища. Може да се приеме, че всички руси, които срѣщаме тукъ като туристи, носятъ за такива дарения една по-голѣма или по-малка сума. Обаче азъ считамъ за невѣроятно, че Раковски получава приноси отъ подобни извори. Последнитѣ се ограничаватъ, навѣрно, само върху крайно оскждно идващитѣ сега помощи на българскитѣ комитети.

Цѣлото държане на Раковски изглежда да го сочи като единъ човѣкъ, който използва политическото лековѣрие на своитѣ сънародници за егоистични цели. Понеже Раковски намира при това само своята лична издрѣжка, то азъ бихъ преценилъ не особено високо дее-способността на българскитѣ комитети, а отъ тѣхния изборъ на Раковски за агентъ азъ бихъ теглилъ неблагоприятно заключение за тѣхната практическа дейность“.¹

Тоя отговоръ на консула Васичъ, въпрѣки нѣкои неточности и невѣрности, дава интересна характеристика отъ незаинтересовано лице за личността на Раковски. Той е билъ отнесенъ отъ Външното министерство до австрийското Министерство на полицията².

До колко Раковски бѣ привлѣкълъ върху си вниманието на разнитѣ дипломатически срѣди, се вижда отъ обстоятелството, че и англичанитѣ се интересували за него. Едно съобщение на английския посланикъ, че „рускиятъ агентъ Раковски“ се намиралъ въ Виена, принуди австрийското правителство да нареди до австрийската полиция „да го следи непрекъснато и внимателно и да съобщава всички поважни случки и наблюдения за него“.³ Обаче Раковски не се оказалъ записанъ въ виенската полиция и най-щателни издирвания на сжщата не могли да установятъ присѣтствието му въ Виена⁴, защото той въ действителность не заминалъ за тамъ.

¹ Wiener Staatsarchiv. Consularsbericht Belgrad № XIII 10 III 1863.

² Wiener Staatsarchiv. Weisung an d. Polizeiministerium, Wien № 84 G. 17 III 1863. — Къмъ характеристиката на Васичъ срв. и бележитѣ за личността на Раковски у П. Кисимовъ, Исторически работи. Моитѣ спомени. София 1903. ч. IV стр. 9. Сжщо и у д-ръ I. Касабовъ, Моитѣ спомени, стр. 9 и 15.

³ Wiener Staatsarchiv. Weisung an d. Polizeimin. № 155 G. Wien 24 IV 1863.

⁴ Wiener Staatsarchiv. An das Minist. des Aüssern № 5371 B. M. Wien 16 Juni 1863; 11 Juli 1863.

В. порта следила най-зорко стъпките на Раковски и търсила случай да тури ръка на него и да го обезвреди. Тя го считала за „опасенъ човѣкъ, замѣсенъ въ всички интриги, които се съчиняватъ въ Румелия противъ авторитета на императорското правителство“. Като знаело вече, че той се намира въ гръцката столица съ политическа мисия (презъ пролѣтѣта на 1863 г.), тя предизвестила своя бѣлградски консулъ Мехмедъ Али-бей за тръгването му отъ тамъ за Бѣлградъ презъ Австрия, та тоя ималъ среща съ австрийския военачалникъ, генералъ Филиповичъ, за да го помоли да охранява двата пътя отъ Триестъ за Бѣлградъ, презъ Сиферъ и Пестъ. Генералътъ обещалъ да извърши това охраняване, а също да поиска отъ Виена особено пълномощие, та да може да арестува Раковски и го експедира споредъ турското желание въ Видинъ. Обаче, три дни следъ това обещание на австрийския генералъ, Мехмедъ Али-бей узналъ, че Раковски пристигналъ вече въ Бѣлградъ, че слѣзълъ въ хотелъ „Корона“, и че въ време на пътуването си се отбивалъ въ Катаро, за да се види съ князь Никола въ Цетина.

Всички тия сведения Али-паша съобщилъ на турския управляващъ въ Виена, Кямилъ-бей, и настоятелно го поканилъ да ги съобщи на австрийското правителство и да поиска неговото съдействие за улавянето на Раковски.

„Вие можете да бждете сигурни, писалъ той, г. управляващъ, че ние сме длъжни да арестуваме на всѣка цена тоя опасенъ човѣкъ въ интереса на спокойствието на нашитѣ провинции; но, за да постигнемъ тоя резултатъ, крайно необходимо е благосклонното съдействие на Импер. и Кралско правителство на Негово Величество, защото е очевидно, че Раковски днесъ преминава австрийска земя, за да стигне своята цель.

Руското правителство не ще прѣчи на арестуването на тоя индивидъ. Принцъ Горчаковъ ни декларира, че Раковски е станалъ врагъ на руското правителство, защото не поиска да се подаде на неговитѣ сънища, и че, ако ние бихме го обесили дори, то това би му направило голѣмо удоволствие.

Азъ ви каня прочее да следите движенията на въпросния индивидъ и да направите постъпки предъ г. контъ Рехбергъ, да благоволи да даде инструкции, гдето е нужно, и особено на генералъ Филиповичъ, като го натовари да арестува Раковски“¹.

Австрийското външно министерство отнесло въпроса при преписъ на горното писмо до австрийската полиция.² Обаче последната, преди да пристъпи къмъ работа, повдигнала косвено нѣкои възражения, като поискала да знае гледището на външния министъръ по това, „дали тур-

¹ Wiener Staatsarchiv. Dépêche a Kiamil Bey a Viënnë, Constantinople, 15 juillet 1863. № $\frac{7841}{64}$.

² Wiener Staatsarchiv. Wien 30 VII 1863.

ското искане за арестуване и предаване на Раковски може да се счита отъ гледна точка на интернационалното право за напълно основателно; формата, въ която е направено то, достатъчна ли е и дали, следователно, съществува задължение за императорското правителство или дали е поне въ нашъ интересъ и може ли да се оправдае задоволяването на това искане на турското правителство.“¹ Тия възражения на министра на полицията противъ евентуалното арестуване и предаване на Раковски били напълно усвоени отъ австрийския министър-президентъ и на външнитѣ дѣла. Той заповѣдалъ на австрийския цариградски посланикъ да съобщи на В. Порта следното: „Между Австрия и Турция нѣма никакъвъ договоръ за взаимно предаване на престѣпниците. И при все че, въпрѣки това, отдавна между дветѣ страни обикновено да е ставало предаване на обикновенитѣ престѣпници и на дезертъоритѣ — на които обаче виновността винаги трѣбваше да се докаже по достатъченъ начинъ — и то при всегдашна претенция и респективно осигуряване на взаимнообразностъ, все пакъ обаче този обичай не може по никой начинъ да бжде приложенъ върху Раковски, защото, дори ако се предположи, че повдигнатитѣ срещу него въ най-несигурна форма подозрения се докажатъ, той принадлежи въ категорията на политически компромитираниѣ.“

Обстоятелството, че ние се противопоставяме на арестуването и на следващото отъ това предаване на единъ такъвъ индивидъ, чието поданство при това трѣбва да се смѣта за съмнително, трѣбва толкова по-малко да удивява турското правителство, защото въ това отношение и то винаги е следвало подобенъ пжтъ на действие“.² Този отговоръ билъ съобщенъ същевременно и на австрийската полиция съ забележка, че „съ това може тоя въпросъ да се смѣта за ликвидиранъ“.³ Алипаша приелъ това решение на австрийското правителство, което му било съобщено отъ австрийския посланикъ въ Цариградъ, графъ Лудолфъ, и което осуетявало надеждата за залавянето на Раковски, съ видимо неудоволствие и между другото забелязалъ, че, „що се отнася до политическитѣ козни на Раковски, то той напоследъкъ се е опиталъ още да посрѣдничн въ Атина за едно споразумение между българитѣ и гърцитѣ, което обаче се разбило о несъвмѣстимостъта на претенциитѣ на дветѣ страни“.⁴

При всичко че австрийскиятъ президентъ графъ Рехбергъ счелъ „въпросътъ за Раковски за закритъ“, сѣнката на Раковски продължавала и следъ това все пакъ да тревожи както австрийци, така и турци. Раковски е вече установенъ въ Букурещъ, но и тукъ е наблюдаванъ зорко

¹ Wiener Staatsarchiv. Wien № $\frac{7146}{B. M.}$, 5 VIII 1863.

² Wiener Staatsarchiv. № 301 G. 13 VIII 1863.

³ Wiener Staatsarchiv. Пакъ същото; вж. също писмото на Polizeiministerium отъ 16 VIII 1863.

⁴ Wiener Staatsarchiv. Bericht aus Constantinopel № 69. E. 24 VIII 1863.

отъ своитѣ противници. Презъ 1864 г. на австрийската полиция било донесено, че страшниятъ български революционеръ, който веднажъ вече въ 1857 г. билъ за винаги изгоненъ отъ всички територии на Австрия, се готвѣлъ да дойде отъ Букурещъ въ Виена, и то съвсемъ тайно. Отъ това било изведено заключение, че това пътуване на Раковски сигурно е свързано съ политическа целъ. Австрийската полиция била алармирана. Тя предполагала, че Раковски носи съ себе си важни кореспонденции до италиански комитети, съ които той се намиралъ въ връзка, и че ще се стараете, ако самъ не може да замине за Италия, да ги достави отъ Виена. Действително въ 1862 и 1863 г. Раковски е билъ въ връзка въ Бѣлградъ и въ Атина съ единъ виденъ италиански агентъ и агитаторъ, Марко Антонио Канини,¹ та австрийцитѣ основателно сж могли да се опасяватъ отъ едно взаимодействие на италианскитѣ и българскитѣ революционери, още повече, че въ 1862 г. легендарниятъ италиански герой Гарибалди, съ геройскитѣ дѣла на който се пълнѣлъ „Дунавски лебедъ“, въ очакване на предстоящата революция въ Брешия, издалъ една прокламация къмъ поробенитѣ народи на изтокъ за сговоръ и борба противъ тиранитѣ и ги поздравявалъ братски отъ името на Италия.² Разтревожената австрийска полиция дала нареждане до всички имперски областни власти „да взематъ мѣрки, щото Раковски при появата му на австрийската граница да бжде безусловно върнатъ, а ако встѣпи въ вжтрешността, да бжде безогледно изгоненъ отъ държавната територия“. Като съобщила това свое решение на австрийския министъръ-президентъ, тя поискала сжщевременно отъ него „да обърне вниманието на съответнитѣ австрийски представители върху тоя опасенъ индивидъ и да ги задѣлжи да не даватъ на Раковски никаква консулска виза за пътуване въ Австрия“.³ Действително, Външното министерство побързало още следъ една седмица да издаде едно окръжно въ горния смисълъ до австрийскитѣ представители въ Цариградъ, Букурещъ, Галацъ, Яшъ, Русчукъ, Бѣлградъ и Сараево, и съобщило за това и на полицията.⁴ По такъвъ начинъ Австрия затворила херметически своитѣ граници за Раковски.

Месецъ следъ това се обаждатъ и турското правителство чрезъ своя виенски посланикъ, който, като съобщава на графъ Рехбергъ за това, че „Раковски, който се занимавалъ тогава съ основаването на единъ български революционенъ вестникъ въ Букурещъ, се готвилъ да дойде наскоро въ Австрия, за да събере единъ фондъ за печатница, моли го да вземе нужнитѣ мѣрки чрезъ австрийскитѣ власти въ Оршо̀ва и по продължение на влашката граница, та да арестуватъ тоя

¹ Вж. Н. Милевъ, Раковски въ споменитѣ на единъ италианецъ, сп. „Слънце“. София год. III 1921 св. II стр. 214 сл., 217 сл.

² П. т. стр. 210. Ив. Шишмановъ, ц. с. стр. 16.

³ Wiener Staatsarchiv № 450 З. В. М. 30 IV 1864.

⁴ Wiener Staatsarchiv № 256 G. Wien 8 mai 1864; № 258 G. Wien 8 mai 1864.

индивидъ, еднакво опасенъ за дветѣ империи, когато премине на австрийска почва“. Отъ друга страна той изтъква, че „Раковски подържалъ чести сношения съ сръбския агентъ въ Букурещъ, Магазиновичъ, та моли, щото австрийскиятъ букурещки консулъ да следи отблизу действията и държането на тоя български агитаторъ и, ако може, да осведомява В. порта за неговитѣ комплоти“. Най-подиръ той съобщава още, че, споредъ неговитѣ сведения, българскиятъ търговецъ Симонъ Оканъ, живущъ въ Бѣлградъ, криелъ въ своитѣ складове въ тоя градъ, разположени по брѣговетѣ на Сава, голѣми количества муниции, за които се вѣрва, че принадлежатъ на сръбското правителство и сж предназначени да бждатъ тайно пренесени въ Босна, а може би и въ България; затова моли австрийскитѣ рѣчни власти да бдятъ и, ако ги откриятъ при преноса, да ги конфискуватъ¹.

Австрийското външно министерство се отнесло вследствие на това на 18 юний до своитѣ представители въ Букурещъ и Бѣлградъ за наблюдение върху дейността на Раковски и за уяснение на въпроса за мунициитѣ у търговеца Оканъ, въ които се примѣсвало и името на Раковски. Поканено е било и Министерството на полицията да направи своитѣ разследвания. Така стѣпките на Раковски били следени отъ много страни. Издирванията обаче не дали резултатъ. Интересно е въ всѣки случай да се изтъкне тука, че австрийското правителство и сега, както и по-рано, се е държало негативно спрямо турското искане да арестува и предаде Раковски, но въ сжщото време се пазило да го допустне на австрийска територия².

София

П. Никовъ.

¹ Wiener Staatsarchiv. Vienne, le 13 juin 1864; за сношенията на Раковски съ сръбски агенти вж. сжщо Протоколитѣ на австр. информ. бюро у д-р Ивић, ц. с. 430. — За превода на оржжията презъ Ромъния за Сърбия, вж. д-ръ Б. Петровъ, ц. с. 158 сл.

² Wiener Staatsarchiv. Weisung an Gen.-Konsul in Bukarest, Wien 18 VI 1864 № 366 G. An d. Polizeim. Wien 18 VI 1864 № 366 G.; вж. сжщо Протоколитѣ на информ. бюро, 18 юний 1864 № 6553 у д-р Ивић, ц. с. стр. 430.

Rivendicazioni bibliografiche italo-bulgare

Non è vero che l'Italia nei secoli passati abbia ignorato il mondo slavo, le sue genti e le sue favelle, la sua storia e la sua civiltà! Non è vero che la cultura slava sia stata in Italia una sfinge misteriosa, avvolta in veli impenetrabili! Infondata e falsa è la „legenda“, la nuova leggenda che il retaggio slavo della cultura italiana si sia protrato sino ai grandi sconvolgiment! politici e spirituali dell'ultima guerra con pochi cenci di versioni indirette dal russo o dal polacco, con poche cianfrusaglie di critica e di storia letteraria russa. La verità è ben altra!

L'Italia s'interessò di cose slave prima e più di tante altre nazioni occidentali e non occidentali, rivelando già da bel principio quella tradizionale versatilità e universalità d'ingegno, che all' „homo sapiens“ della cultura germanica congiunse l'„homo humanis“ della filosofia italiana.

E proprio l'umanesimo — il benemerito e tipico movimento italiano, che all'Europa incivilità dettò per lunga e gloriosa serie d'anni i suoi dogmi ed i suoi gusti — rinnovando lo scibile umano, avviò anche la storiografia ed i generi affini verso nuovi orizzonti e col suo acuto e capace tacitismo l'educò a considerare ed illustrare non solo l'uomo „vecchio“, ma anche l'uomo nuovo, non solo le proprie genti, ma anche le genti altrui, i popoli finora ignoti, le più remote ed oscure e „barbare“ contrade. Sorsero così, per merito di Italiani ambasciatori, legati, viaggiatori o studiosi in terre slave, delle storie di Russia, Polonia, Boemia e di Slavi meridionali, che tuttora possono essere considerate dei preziosi contributi „slavistici“ e che allora primeggiarono nel campo della storiografia slava. — Non sono altamente riassuntive ed eloquenti le figure e le opere di Enea Silvio Piccolomini, di Filippo Buonaccorsi, di Paolo Giovio, di Alessandro Guagnini, di Antonio Possevino e di Marco Marulo? E dopo l'umanesimo ed il rinascimento la controriforma o reazione cattolica dimostrò come mai chiara e bella comprensione non solo degli Slavi, ma anche dello slavismo, ed esplicò attività sì poderosa specialmente nel campo storico e linguistico che divenne poi promotrice di nuovi moti presso gli stessi Slavi. Lo studio dello slavo e l'educazione di missionari slavi, che Roma curò in seno alle sue istituzioni, tutte le grammatiche ed i dizionari italo-serbo-croati-sloveni che i pionieri della Reazione improvvisarono con mirabile competenza, e le difficili e talvolta monumentali edizioni di testi glagolitici, cirilliani e slavo-latini, che la Propaganda „lanciò“ o promosse, e le infinite e dense relazioni che sono state scritte su vari problemi slavi

e le animate discussioni che si sono sprigionate sul paleoslavo e sul glagolito, tutto un complesso magnifico di „disquisizioni“ e di „manuali“ fa fede di un movimento slavistico che onora altamente la cultura umanistica e cattolica d'Italia. E procedendo nei secoli si vedrà che anche la garrula Arcadia non restò insensibile alle aure slave e — per dare un esempio solo — proprio a Roma, nel cuore d'Italia, ispirò quell'„Accademia della lingua slava“, che, purtroppo, finora è stata sì poco studiata. Il preromanticismo poi, caldeggiando sempre più le varie tendenze dell'„oltramontaneria“ italiana, colse anche la nota slava e, specialmente per merito del Fortis (e le ultime celebrazioni goethiane fra gli Slavi, hanno rilevato unanimamente l'importanza della sua opera!) si orientò più volte verso il culto delle tradizioni popolari serbo-croate. Ma l'astro che maggiormente brillò in quest'epoca è il piarista piemontese Francesco Maria Appendini, che giustamente può essere considerato un vero slavista e che gli Slavi stessi degnarono di parecchi studi (una dozzina circa). E che nel periodo del romanticismo le tendenze slavistiche della cultura italiana abbiano avuta l'occasione di intensificarsi e di arricchirsi, è fatto sì logico ed „analogico“ che non vale la pena rilevare a parte. Basti pensare ai ripetuti saggi di versioni — dirette! — ai vari spunti di filologia ed all'attività polonistica di Sebastiano Ciampi. Quando infine il romanticismo sfociò gradatamente prima nell'epoca eroica del Risorgimento e poscia nel periodo preparatorio dell'Unificazione, l'indirizzo slavistico della cultura italiana si sviluppò su scala più larga e dal campo variopinto delle opere d'informazione generale si spinse sino ai rami di diverse specializzazioni. Qui a decine e lì a centinaia sorsero le opere che trattarono degli Slavi in generale e delle loro famiglie in particolare, comprese persino le colonie disseminate nei mandamenti d'Italia. Le versioni si fecero sempre più frequenti e più accurate e specialmente quelle dal russo o di opere russe raggiunsero un numero considerevole. A queste fecero corona vari scritti di critica e di storia letteraria, di filologia e di glottologia, di cultura generale e di discipline particolari, dal tobianesimo al tolstoismo, dal nichilismo al glagolismo, dai dizionari pratici agli studi dialettologici. Molti di questi lavori ebbero scarso valore e scarsa importanza; furono numerosi i plagii, i rimaneggiamenti, i calchi, le versioni, i raffazzonamenti ecc.; ma non vi mancarono le prove originali, le affermazioni di gusto e di erudizione, le raccolte organiche, gli studi comparativi, le documentazioni. Molti dei loro autori scrissero a caso, senza programma e senza meta speciali, altri invece si occuparono con coscienza e predilezione spiccata e di sè lasciarono memoria in opere che verranno sempre ricordate con gratitudine ed ammirazione: parlo appunto del Biondelli e del Tommaseo, del De Gubernatis e del Teza, del Ciampoli e del Verdinois, del Guyon e del Musoni e di altri ancora!

A riassumere ed illustrare il retaggio di opere slavizzanti o slavistiche, che la cultura italiana produsse nel corso di parecchi secoli, ci vorrebbe tutto un libro di documentazione di idee e di fatti, corredato da cen-

tinaia di note, da migliaia di scritti e da uno spoglio coscienzioso di tutta una valanga di riviste e di giornali. Lo sostituiranno pertanto gli „Ap-punti storico-bibliografici per la storia della slavistica italiana“, che ho in corso di pubblicazione e che varranno non solo a confermare quanto finora è stato accennato qui, ma che anche rivendicheranno alla cultura italiana, quanto ad essa aspetta nella storia della slavistica in genere.

Venendo a trattare da vicino delle pubblicazioni italiane di argomento bulgaro, ci preme dire tosto che non presumiamo certo di fare delle scoperte o delle rivelazioni „sensazionali“. A noi interessa unicamente confutare il „nulla di fatto“ che in argomento finora, purtroppo, è valso. Si tratta di segnalazioni e di contributi che a sè presi non hanno grande importanza, ma che d'altra parte acquistano interesse e vivacità se si paragonino con quanto è stato fatto altrove. Non si dimentichi qui che la Bulgaria, e come stato e come nazione, è stata ignorata da tutta l'Europa per interi secoli e che ancor al principio del secolo XIX. gli stessi studiosi di cose slave stentaron a „scoprirla“ ed a riconoscerla! Ora la situazione generale è ben cambiata, ma un tempo non lo era così! . . .

Gli umanisti, gli storici, i letterati ed i poligrafi italiani del rinascimento non si occuparono espressamente della Bulgaria; pure ci fu chi di loro fu edotto anche di cose e di fatti bulgari e ne fece cenno in opere di vario argomento, con maggiore o minore proprietà e larghezza. Lo fu sopra tutto in quegli eclettici Itinerari o Libri di viaggio, che con grande varietà d'intonazione e di informazioni descrissero la penisola balcanica e l'impero Turco. Eccone alcuni esempi: — Il veneziano Benedetto Ramberti, cogliendo il frutto delle sue pellegrinazioni in Asia ed in Europa, pubblicò tre fortunati libri di „cose dei turchi“, in cui ci sono soventi richiami a regioni bulgare, vivaci descrizioni di Sofia, Filippopoli, Andrianopoli, della Macedonia ecc., racconti di leggende locali (p. es. quella di „Carmanlig“ cioè Ćirmen o Ćrnomen alla Marica, il fatale campo di battaglia del 1371), abbozzi di costumi nazionali ecc.¹ Antonio Veranzio nell'umanistica narrazione di un viaggio da Budapest ad Adrianopoli descrisse, con Tolomeo alla mano, Zophia cioè Sofia, ricordò le vicende brigantesche (hajdutin) del villaggio „Vaccharel“, dipinse a lungo le donne bulgare di Zuha Klyssura, cioè di Suha Klisura ecc.² Orientatissimo negli ambienti bulgari si dimostrò Antonio Pigafetta nel suo Itinerario più precisamente nel capitolo XXI intitolato: „Seguita il viaggio per la Bulgaria, dal Monte Rodope infino a Nissa³. Quivi ed altrove egli non fa mistero delle sue simpatie per la Bulgaria, ricorda le prime sedi dei Bulgari, il paese „de Byleri“, la

¹ B. Ramberti, Libri tre delle cose dei Turchi, Venezia 1539, II. ed. 1541, III ed. 1545 e s.

² A. Verantius, Iter Buda Hadrianopolim, anno 1553 exaratum . . . , pubbl. da A. Fortis, Viaggio in Dalmazia, Venezia 1774, e completato da L. Szalay, Monumenta Hungariae historica, Scriptores, t. II, p. XV, 288.

³ Itinerario di Marc'Antonio Pigafetta, gentil'huomo vicentino, Londra 1585, apresso Nolfio Inghlese.

„Grande Bulgaria“, rivendica la Tracia alla Bulgaria „parlandosi bulgaro da Zemische in qua“, cura delle diligenti descrizioni topografiche di Adrianopoli, Sofia, Niš, cita volentieri voci bulgare, le traduce, ne spiega l'etimo ecc. A „Zuha Clissura (Suha Klisura) „che è quanto a dire secca clissura, villa de Bulgari, ed è così detta dai monti contigui sterili e sechi“, l'autore si sofferma a descrivere delle danze e dei canti popolari bulgari, eseguiti da belle „putte“ delle quali „tre o quattro cantavano a vicenda, rispondendosi a modo di cori, canto barbaro e rusticale, et altre a due a due pigliavansi per mano... Nel principio cominciano pian piano, et poi soccesivamente andando crescendo il passo vengono infino a tanto, che fortemente galopano, seguitando tuttavia il canto loro, il quale ancor egli proporzionevolmente va crescendo infino al cridare altamente di sorte che quale è il ballo, tale è il canto aspro e barbaresco“...

Accenni o menzioni speciali di fatti bulgari comparvero spicciolatamente anche in storie particolari ed in storie universali e cooperarono a tener desta la memoria del soppresso stato bulgaro e della sua ormai delirata nazione. Per esempio l'acuto e noto umanista raguseo, Lodovico de Cerva, detto il Tuberone, nei Commentari dei suoi tempi (1490—1522), seguendo le vicende di alcuni stati balcanici e danubiani, ricordò anche i Bulgari, benchè politicamente „passivi“ già da un pezzo¹. Il Giambullari nella sua chiara ed elegante „Istoria dell' Europa“ dedicò un brano del libro quinto anche ai Bulgari, limitandosi forzatamente ad un periodo di tempo che va dall' 887 al 947; Vincenzo Pribevo o Priboevo da Lesina dettò in latino tutta un' orazione slavistica, in cui i Bulgari figurano decorosamente assieme agli altri Slavi: orazione umanistica che ebbe la sua eco e che riapparve anche in veste italiana per i tipi degli Aldo². E così via!

All' epoca della Controriforma il ricordo della Bulgaria si fece più intenso e interessò direttamente gli artefici italiani del grande movimento. Appena finito l'interminabile e laborioso Concilio di Trento, apparvero i primi „visitatori“ cattolici in Bulgaria (il primo „visirator“ sembra sia stato l'arcivescovo Ambrosio di Antivari nel 1565) ed informarono Roma sulle condizioni speciali del popolo e della chiesa bulgara. Alle „visitazioni“ seguirono le relazioni, che raccolsero un mare di notizie sui Bulgari, sui paoliziani, sui „ciproviensi“ e via di seguito. Miste alle relazioni apparvero diverse descrizioni di vario carattere. E man mano che la propaganda si intensificava, Roma trovava modo di istituire dei posti gratuiti nei Seminari d'Italia per alunni Bulgari, inviava loro libri ed aiuti speciali quando ritornavano in patria, aumentava il numero dei „missionari bulgari“ e faceva tutto ciò che fosse possibile per avvicinare il „regno di Bulgaria“ o „Vulgaria“, come talvolta erroneamente (ma il passaggio *bul=vul* è inte-

¹ L. de Cerva, Commentaria de temporibus suis, cfr. l'ed. di Ragusa 1784.

² V. Pribevus, De origine successibusque Slavorum, Venezia 1552. Della origine et successi degli Slavi, Oratione di M. Vincenzo Pribevo... Tradotta dalla lingua latina nell' italiana da Bellisario Mallaspalli, Venezia 1595.

ressante per l'interpretazione dell' etimo in *bugarstica*) si legge nei documenti dell' epoca. Non staremo qui certo a dire ulteriormente quanto la chiesa romana ha fatto per i Bulgari ed in quali e quanti modi abbia dimostrato il suo interessamento diretto. — Lo studio speciale del prof. Milev¹ — per non parlare d'altri — e la raccolta di documenti del Fermentžin² ce ne dispensano a priori. Ricorderemo solamente che il primo libro bulgaro stampato, l' „Abagar“ di F. Stanislavov, vide la luce appunto a Roma nel 1641³. E ricorderemo ancora che le tendenze slavistiche della Controriforma improntarono di sè anche la storiografia ed ancor una volta diffusero il nome ed il ricordo dei Bulgari. Il benedettino Mauro Orbini nel suo semistorico e semilegendario „Regno degli Slavi“ dedicò un centinaio di pagine a „li Bulgari natione slava“⁴. Ed il libro dell' Orbini è opera che ebbe grande diffusione, perchè ispirò varie cronache regionali (il Lucari per es.), fu letto, commentato è rimaneggiato ampiamente⁵, influì direttamente su storiografi russi, bulgari, serbi e croati, fu insomma un' opera che di sè lasciò luminosa e bella scia⁶. Sarebbe bastato il solo libro dell' Orbini per tenere a lungo vivo il ricordo dei Bulgari. Comunque non vi mancarono accenni nemmeno altrove. Lo storico veneziano Gian Nicolò Doglioni nell' „Anfiteatro d'Europa“ parlò particolarmente anche della Bulgaria⁷. L'insigne e valoroso storico dalmato Giovanni Lucio ricordò i Bulgari persino nella sua documentaria storia di Dalmazia⁸. Ma quello che è più, i Bulgari, più precisamente il loro „drammatico re“ Tervel, ispirarono persino dei poeti italiani. Il pistoiese Francesco Bracciolini, allargando le fonti d'ispirazione all' ormai esausto poema religioso, scrisse in ottava rima tutta una „Bulgheria convertita“, densa di mirabilia, ma scarsa di arte e di storia⁹.

Bella e nuova ripresa dell'orientamento italiano verso il mondo slavo si manifestò all'epoca gloriosa delle guerre di indipendenza. Allora il riavvicinamento sia politico che spirituale fra Slavi e Italiani, fu sì sentito, che sorse a Torino una Società per l'alleanza italo-slava e patrocinò un accordo con gli Slavi meridionali e cercò adesioni in Italia, in Boemia, in „Rutenia“,

¹ Н. Милевъ, Католишката пропаганда въ България презъ XVII вѣкъ, София 1914.

² Acta Bulgariae ecclesiastica vol. XVIII di Monumenta spectantia historiam Slavorum Meridionalium, Zagreb 1877.

³ E questa attività o tradizione editoriale di Roma si mantenne a lungo. Ultimamente ebbi occasione di scoprire una nuova edizione romana. Cfr. A. Cronia, Една книга отъ Римъ за католическитѣ българи въ Тракия, „Училищенъ прегледъ“, София 1930.

⁴ M. Orbini, Il Regno degli Slavi oggi corrottamente detti Schiavoni, Pesaro 1601.

⁵ M. Rosa, Breve compendium nationis gloriosae totius linguae illyricae, Madrid 1638.

⁶ L. Rava, Mauro Orbini primo storico dei popoli slavi, Bologna 1913.

⁷ G. N. Doglioni, Dell' Illiride ossia Dalmatia, Croatia, Bossina, Servia, Bulgaria, Carnia, Carinthia et Stiria, Venezia 1623.

⁸ G. Lucio, De regno Dalmatiae et Croatiae, Amsterdam 1666.

⁹ F. Bracciolini, La Bulheria convertita, Roma 1637. Ho in corso di pubblicazione uno studiolo su questo argomento.

in Bulgaria ecc.¹. I riflessi nel campo culturale furono davvero lusinghieri. Quando poi, più tardi, i Bulgari iniziarono la loro attività rivoluzionaria e guerresca nei Balcani, anche in Italia incominciarono a germogliare le vere pubblicazioni di argomento bulgaro. Il famoso o famigerato congresso di Berlino del 1876, l'insurrezione della Rumelia e la guerra serbo-bulgara del 1885, i moti macedoni del 1894, 1902, 1905 e le guerre balcaniche del 1912 furono fonte d'ispirazione a vari scritti, che apparvero in riviste e giornali o in volumi a sè. Nemmeno i tentativi di riavvicinamento fra Cattolici e Ortodossi all'epoca di Leone XIII, passarono senza ripercussione e ci fu chi-compreso lo stesso pontefice-pensò anche ai Bulgari². Fatto è che nella seconda metà del secolo diciannovesimo, quando Italia e Bulgaria, raggiunta una prima unificazione, si rinnovavano in un successivo periodo di raccoglimento e di transazione spirituale, le pubblicazioni italiane di argomento bulgaro non furono più una „rarità“ o una „novità“ bibliografica. Non diremo qui delle opere che trattarono in genere dei popoli o degli Slavi balcanici ed in cui apparvero capitoli o squarci informativi sui Bulgari³, perchè ci verrebbe di abusare un pò troppo dell'ospitalità di spazio che ci è concessa. Ricorderemo invece le opere che trattarono espressamente della Bulgaria. Di queste talune ebbero carattere descrittivo, altre preferirono il tono apologetico e propugnarono con simpatica franchezza la causa bulgara. La maggior parte delle pubblicazioni ebbe carattere generico, si tenne per entro i limiti della cultura e dell'informazione generale e non oltrepassò di molto il repertorio delle solite opere di divulgazione. Non mancarono però gli scritti su argomenti particolari e su regioni speciali e „spinose“. Fu così che apparvero dei libri anche sulla Macedonia e sulla Dobrugia e trattarono la „vexata quaestio“ con molta serenità. Dalla serie multicolore di coloro che scrissero di cose bulgare, emerge la figura del versatile Mantegazza, che trattò sempre le questioni bulgare con ammirevole imparzialità e, dove potè, mise in evidenza la simpatia che i Bulgari dimostrarono per il popolo italiano⁴. Fatta la breccia nel campo storico e politico, larga-

¹ Cfr. „La Concordia“, Torino 1849, a. II; A. Anzilotti, Italiani e Jugoslavi nel Risorgimento, Roma 1920.

² P. Balan, La chiesa cattolica e gli Slavi in Bulgaria, Serbia, Bosnia, ed Erzegovina, Roma 1861; L. Triepi, I papi e i Bulgari, appunti e ricordi pei giorni nostri, Roma 1877; Leone XIII, De Bulgarorum et Slavorum christiana origine, Roma 1881; P. Presutti, La S. Sede e gli Slavi, Roma 1881.

³ Si tratta di una trentina di opere che ricorderemo altrove.

⁴ C. A. Ivaldi, I massacri di Bulgaria ovvero la guerra turco-slava, Firenze 1877; A. de Huhn, La Bulgaria dei Bulgari, note di un testimone oculare, Milano 1886; L. Torelli, L'opinione di un resuscitato dei tempi di Cavour intorno alla risposta dello Czar al dispaccio del principe Alessandro di Bulgaria, Venezia 1886; V. Mantegazza, Due mesi in Bulgaria, Milano 1887; E. Cimbali, La Bulgaria e il diritto internazionale, Roma 1887; A. Carrera, Storia della Bulgaria, Milano 1888; G. Menarini, La Bulgaria e l'avvenire degli Slavi, Roma 1892; A. Colocci, In Bulgaria, ricordi di viaggio e di guerra, Roma 1893; G. Rossi, L'apostasia bulgara e la chiesa cattolica, Genova 1896; A. de Gubernatis, La Bulgarie et les Bulgares, journal de voyage et études, Firenze 1899; La Bulgaria contemporanea, Milano 1906; La grande Bulgaria, Roma 1912; A. de Bene-

mente intesi, la nota bulgara ebbe occasione di penetrare anche in altre sfere e prendere contatto diretto con la stessa letteratura, sia amena, che scientifica, sia originale, che di riflesso. Per esempio Carlo Ughi fu sì impressionato dalle atrocità che i Turchi commettevano in Bulgaria, che scrisse un carme fremente e ne fece appello all'Europa¹. Il Canini nei suoi favolosi „libri dell'amore“ accolse anche saggi di poesia amorosa bulgara, sia pure da versioni di lingue occidentali². Il De Gubernatis nella voluminosa Storia Universale della letteratura dedicò, tra altro, un capitolo anche al teatro bulgaro³. Il Ciampoli nei due modesti manuali di letterature slave incluse tutto un tratteggiato di storia della letteratura bulgara⁴. Come sia stato eseguito questo tratteggiato non vogliamo dire qui⁵: è compito nostro la storia non la critica delle pubblicazioni „bulgarizzanti“ d'Italia; per il caso nostro è già molto significativo il fatto che esse sieno esistite. A titolo quindi di informazione storica diremo ancora che in questa epoca apparvero anche i primi tentativi di versione dal bulgaro. Il Teza, così benemerito nel campo degli studi slavi in Italia, pubblicò nel 1903 una raccolta di canti popolari russi e bulgari⁶. Giovanni Kušar in un'antologia di „canti jugoslavi“ introdusse alcuni saggi di versione da Ivanov, Vazov e Stojkov⁷. Il Ciampoli da ultimo curò tutto un florilegio di poesia popolare bulgara⁸. Sarà bene notare ancora che tra i vari tentativi fatti in Italia, al principio del secolo ventesimo, di istituire qualche cattedra di lingue slave in sede d'Istruzione superiore, anche la lingua bulgara trovò i suoi patrocinatori. E fu proprio Graziadio Ascoli che nel 1911 propose all'Istituto Orientale di Napoli, non solo l'insegnamento del russo, che già esisteva, ma anche quello del bulgaro e del serbo-croato⁹.

Non basta! Le affermazioni più belle della produzione „bulgaristica“ d'Italia si manifestarono nel mondo della stampa periodica, che meglio di

detti, Le scuole e l'educazione nazionale in Bulgaria, Roma 1913; C. Zoli, La guerra turco-bulgara, Milano 1913; B. Maineri, La Bulgaria, Firenze 1915; D. Jotzoff, La Bulgaria attraverso sedici secoli, Trad. dal francese, Milano 1915.

F. Musoni, La Macedonia e la questione d'Oriente, Udine 1894; V. Mantegazza, Macedonia, Milano 1903; R. Foà, Il problema Macedone, Roma 1903; F. Guicciardini, Impressioni di Macedonia, 1904; B. de Luca, Il confine della Dobrugia e la vertenza romeno-bulgara, Roma 1913 (ometto qui le altre sue pubblicazioni di argomento essenzialmente rumeno o albanese).

¹ C. Ughi, Un episodio delle turche atrocità in Bulgaria, Parma 1876.

² M. A. Canini, Il libro dell'amore, Venezia 1885, 5 v.

³ A. de Gubernatis, Storia universale della letteratura, Milano 1883-1885, 23 v.

⁴ D. Ciampoli, Letterature slave, Milano 1889-1891.

⁵ In altra sede prenderemo in particolare esame il prospetto del Ciampoli.

⁶ E. Teza, Canti di popolo dalla Bulgaria e dalla Russia, Venezia 1903, Atti Istituto Veneto.

⁷ G. Kušar, Canti Jugoslavi, Rocca S. Casciano 1910.

⁸ D. Ciampoli, Canti popolari bulgari, Lanciano 1913.

⁹ B. Guyon, Balcanica, Milano 1916, l'articolo „Per la riforma dell'Istituto Orientale di Napoli“, p. 45 e p. IX dell'Introduzione.

qualsiasi altro genere o organo riflette ed in sè assembla i vari gusti e indirizzi dell'epoca da cui procede. Tutta una serie di giornali e riviste, che va dal 1848 ai giorni della guerra mondiale, ci porge una messe variegata di studi e di articoli bulgari, in cui la storia si alterna alla politica, i quadri generali si succedono a notizie particolari, le descrizioni geografiche si scambiano con parallelismi italo-bulgari e fra saggi di versioni spuntano anche prospetti o appunti di storia letteraria. Di tutti questi scritti gli uni sono brevi e sommari e gli altri più estesi e più dettagliati; gli uni sono contributo diretto degli Italiani, gli altri tratto gentile di collaborazione straniera. Le riviste e i giornali che ospitarono tutto questo repertorio, sono organi che a caso trattarono anche argomenti slavi, oppure sono periodici che in varie occasioni mostrarono la loro predilezione per temi slavi. In ogni caso le note bulgare dei loro programmi sono squilli e segni importanti, che nel nostro compito di „rivendicazione“ non potevano essere trascurati.¹

E squilli e note bulgare divennero sempre più vivaci e frequenti nel periodo postbellico. Ma a questo punto cessa la nostra missione. Da qui incomincia il nuovo quadro della cultura italiana in generale e dei suoi orientamenti slavistici in particolare quadro, che è stato già studiato ed

¹ Eccone alcuni esempi:

„L'osservatore triestino“, Trieste 1848, n. 3. s.: Cenni sulla letteratura bulgara.

„Rivista contemporanea“, Torino 1862: C. Vojnović, La penisola slavo-ellenica.

„La Rivista Europea“, Roma 1878: C. Farcy, Il Nuovo oriente.

„La Rassegna settimanale di politica, scienze, lettere ed arti“, Firenze 1878: La penisola balcanica dopo la guerra.

„La Nuova Antologia“ Firenze: A. Bruniati, La nuova Bulgaria, 1880; P. Lamberteschi, Un nuovo episodio della questione d'oriente, 1885, I documenti diplomatici relativi alla Bulgaria, 1886; G. Lamberteschi, I destini della Bulgaria, 1886; P. Lamberteschi, La questione della Bulgaria, 1887.

„La Rassegna Nazionale“, Firenze: V. Grabinski, La crisi bulgara, 1885; G. Marcotti, Le tre Bulgarie, 1891.

„Revue Internationale“, Firenze-Roma 1886; F. H. Geffcken, La Bulgarie et le droit d'intervention.

„Fanfulla della Domenica“, Roma 1888: G. B. don Bosco Ghirandi, La casa di Savoia e la Bulgaria.

„Vita Nuova“, Firenze 1889; G. Vassilieff, La letteratura bulgara moderna.

„Il Diritto Croato“, Pola, dal 1888 al 1895 ha parecchi saggi di versioni dal bulgaro.

„Cronaca Dalmatica“, Zara 1899; I. Stojkov, La ballata del morto, trad. di G. Kušar.

„Natura ed Arte“ Milano: A. Bruniati, In Macedonia, 1903; B. de Luca, Allo scioglimento del nodo macedone, 1905; Idem, Il Museo nazionale bulgaro, 1908; Idem, Il garbuglio balcanico, 1908.

„Rassegna Contemporanea“ Roma: P. Levi, Bulgarie et Italie, 1908; F. M. Martini, Macedonia desolata, 1913.

„Il Marzocco“, Firenze: Y. La Boliva, Medaglioni balcanici: Basilio il detto il Bulgarotono, 1912; Idem. Cenerentola imperatrice nella leggenda bulgara, 1913; B. Guyon, Relazioni fra Serbi e Bulgari nella tradizione letteraria, 1913; Idem, La leggenda di Troia presso gli Slavi del Sud, 1883; La Macedonia nella filologia e nella politica, 1913; Idem, I guerrieri e i poeti nelle guerre balcaniche, 1914; Y. La Boliva, Le antiche origini dell'antagonismo greco-bulgaro, 1913.

illustrato esaurientemente dai miei compagni di lavoro e che, quindi, non ha bisogno di essere „scoperto“ o „rivelato“ qui. Noi si è voluto dire quanto finora non è stato detto. E pur guardando con serenità alle superbe vette della cultura italiana, abbiamo raccolto con fiducia anche quei segni di „parva sapientia“, „sine quibus magna constare non possunt“ (S. Girolamo).

Zara

Arturo Cronia

Il nuovo movimento slavo-bulgare, che si è sviluppato in questi ultimi anni, ha una grande importanza per la storia della cultura e della lingua bulgare. Questo movimento ha il suo centro in Sofia, dove si sono radunati i più famosi scienziati e letterati bulgari. Il loro lavoro è stato molto fruttuoso e ha portato a nuove scoperte e a nuove interpretazioni di molti problemi della lingua e della cultura bulgare. In questo articolo si vuole dare un'idea generale di questo movimento e dei suoi risultati. Si parlerà della sua origine, della sua diffusione e dei suoi scopi. Si parlerà anche della sua influenza sulla cultura e sulla lingua bulgare. Infine, si parlerà della sua importanza per la storia della cultura e della lingua bulgare.

Il movimento slavo-bulgare ha una lunga storia. Si è sviluppato in Bulgaria da molti anni. Ha il suo centro in Sofia, dove si sono radunati i più famosi scienziati e letterati bulgari. Il loro lavoro è stato molto fruttuoso e ha portato a nuove scoperte e a nuove interpretazioni di molti problemi della lingua e della cultura bulgare. In questo articolo si vuole dare un'idea generale di questo movimento e dei suoi risultati. Si parlerà della sua origine, della sua diffusione e dei suoi scopi. Si parlerà anche della sua influenza sulla cultura e sulla lingua bulgare. Infine, si parlerà della sua importanza per la storia della cultura e della lingua bulgare.

Il movimento slavo-bulgare ha una lunga storia. Si è sviluppato in Bulgaria da molti anni. Ha il suo centro in Sofia, dove si sono radunati i più famosi scienziati e letterati bulgari. Il loro lavoro è stato molto fruttuoso e ha portato a nuove scoperte e a nuove interpretazioni di molti problemi della lingua e della cultura bulgare. In questo articolo si vuole dare un'idea generale di questo movimento e dei suoi risultati. Si parlerà della sua origine, della sua diffusione e dei suoi scopi. Si parlerà anche della sua influenza sulla cultura e sulla lingua bulgare. Infine, si parlerà della sua importanza per la storia della cultura e della lingua bulgare.

Личные имена у Достоевского¹

Каково назначение личного имени в разговорном языке, какую языковую функцию оно собою несет? Назначение это, конечно, в наименовании, в стремлении выделить из известной группы индивидуальное конкретное. Но ведь и в других случаях закрепление словом служит такому же выделению конкретного из общего. В чем же отличие личного имени от имени вообще? Абсолютной границы здесь провести нельзя, но можно выделить тенденцию, направление, в котором идет дифференциация личного имени от имени вообще. Задача имени личного (как и имени собственного вообще) дать наименование конкретному, неповторяющемуся.² Конечно, тут не играет значения, как и вообще в языковом мышлении, абсолютная неповторяемость, а только в языковом представлении принятая, в языковым убеждением обусловленная. Совершенно безразлично, что Иванов много, но в каждом данном случае Иван один, для данного языкового сознания неповторяем. Отсюда вытекает чрезвычайно важное следствие, в тенденции личного имени свое отражение находящее.

Это тенденция отрыва личного имени от слово-смысла, разрыв с семасиологической стороной слова.³ В своем пределе личное имя не имеет иного смысла, кроме наименования, т. е. оно служит этикеткой. Я подчеркиваю, что нить, связывающая личное имя со слово-смыслом, не порвана, что она сохраняется, как чистая форма, которая всегда может, при благоприятных условиях, быть заполнена известным содержанием.

О связи личного имени со слово-смыслом говорит прежде всего то, что первоначальное имя „кличка“ еще эту связь сохраняет, напр. „швец“, „кузнец“ и т. п. Отражения этой связи постоянно встре-

¹ В первоначальном виде прочитано в „Пражском Лингвистическом Кружке“, 6 лек. 1932 г. См. отчет в „Prager Presse“ от 10. XII. 1932.

² В своем определении имени личного я не расхожусь с определением имени собственного вообще, которое дает Axel Peterson в своей работе: „Le passage populaire des noms de personnes à l'état de noms communs dans les langues romanes et particulièrement en français; étude de sémantique“. Upsala 1929.

³ Под наименованием и слово-смыслом я понимаю то, что Фр. Слотти вкладывает в понятия „Meinung“ и „Bedeutung“, различая в слове две функции: die Nennfunktion и die Deutfunktion. Ср. работы Fr. Slotty: „Satz und Sinn“ (Сборник „Charisteria...“, Pr. 1932, стр. 92-94), „Das Wesen der Wortart“ (Сборн. „Donum natalicum Schrijnen“, Chartres 1929, стр. 130-141), „Wortart und Wortsinn“ („Trav. du Cercle linguist.“ Pr. 1929, I, стр. 93-106).

чаются в современном языке, но это только следы происхождения, т. е. явление это представляет интерес генетический. Назначение-же личного имени в том, чтобы освободиться от всяких смысловых ассоциаций. Все-же нужно иметь в виду, что за наименованием скрыт родовой признак, т. е. его отнесенность к известной категории смысловых знаков: Жучка, Фиделька—собаки; Иванов, Петров—люди. Отсюда возможность обратного процесса—отпадения наименования в слово-смыслы: жучка—собака, ванька—извозчик. Здесь следует оговорить разницу между т. н. номенклатурой и наименованием (ср. напр. „фиалка“ и „Фиалкин“). В первом случае родовое, т. е. множественное, является определяющим — сначала „фиалка“, как собирательное или „фиалки“, а затем каждый отдельно цветок—фиалка; во-втором случае напр. Ивановы, как неповторяющееся единичное во множественности или как соединение нескольких конкретных единичных Ивановых. Здесь особенно ярко видно, что объединение наименований личных ничего кроме фикции не представляет: между отдельным Ивановым и Ивановыми (в случае обозначения семьи) никакой связи по признакам, как это имеет место между „фиалкою“ и „фиалками“ не имеется. Ивановы чисто условное наименование, сохраняющее только формальное значение множественности. Там же, где Ивановы не является наименованием семьи или рода, там мы имеем дело только с совпадением имени, но не с коллективным признаком. Есть только каждый раз один Иванов, но нет Ивановых, как есть Иван, но нет Иванов.

Итак—в живом языке наименование является чистой функцией, с подразумеваемым, за ним стоящим слово-смыслом, носящим характер словесной категории, родового признака. Отсюда вывод: в живом языке личное имя не дает права ни на какие заключения от имени к лицу; здес возможна чистая случайность связи, иногда весьма забавная, но и только (напр. „портной Портнов“). Исключения имеют место только в порядке исторического происхождения наименований и связи с определенной языковой структурой. Отсюда имена, дающие возможность заключать о происхождении, напр. имена лиц духовного происхождения: Ангелов, Воскресенский, Аллилуева; имена сословного характера—князя Трубецкие, купцы—Титовы, имена выдающие национальность — Шмидт, Тибо и т. п. Но это остатки происхождения, история, а не функция имени в живом языке.

2. Личное имя в литературе.

По отношению къ литературе, или вернее личного имени в системе поэтического языка, вопрос стоит так: какова функция личного имени въ творчестве, покрывается ли она вполне тем, что имеет место в разговорном языке или структура языка поэтического вносит функциональное изменение и в применении к наименованию. Другими словами, есть ли особая поэтика личного имени?

На первой ступени, или вернее основное назначение личного имени и в творчестве остается тем-же: оно—в наименовании лица, в выделении его из ряда других, в закреплении его в сознании писательском (в процессе творчества) и читательском. В этом порядке выбор имени может проходить в отсутствии всякого специфически-творческого процесса, в простом закреплении лица первым подвернувшимся именем. Но уже и здесь следует выделить один случай, когда—уже в целях специфических, с творчеством непосредственно связанных, выбор имени определяется задачами мнемоническими. Избранное имя является знаком другого, которое писатель подразумевает для себя (отнюдь не для читателя). Это происходит в том случае, когда художественный образ генетически связан с „прототипом“, образ которого писатель пытается в себе каждый раз оживить, когда в процессе творчества возвращается к художественному образу, с ним связанному. Этим приемом очень часто пользуется Салтыков-Щедрин. Так известно, что он для своих губернских очерков широко пользовался фамилиями вятских чиновников, только слегка их переделывая. Вот несколько примеров:

Фейер — Сарапульский городничий Дрейер.

Ижбурдин, купец — сарапульский купец Ижболдин. Здесь любопытный случай подмены одной семасиологически-значущей единицы другою: бурд (ср. бурда) — болд (ср. болда).

Живновский, исправник — исправник Животский.

Балящев — майор Вельяшев.

Фютяев — губернатор Тюфяев.¹

Довольно часто по этому способу избираются имена Толстым. Так Марья Дмитриевна Ахросимова имела своим прототипом Настасью Дмитриевну Афросимову. Любопытно, что по совершенно другому пути избрания имени для того-же прототипа пошел Грибоедов, изобразив Афросимову под видом Хлестовой. Случай такого мнемонического приема избрания имени отмечает Б. М. Эйхенбаум в „Декабристах“ Л. Н. Толстого. Он устанавливает, что в П. И. Лабазове, герое „Декабристов“, отразились черты декабриста Д. И. Завалишина. „В таком случае и самая фамилия героя могла образоваться из обратного чтения и осмысления начальных букв фамилии Завалишина: лаваз—лабаз. Толстому важно было для себя сохранить какую-нибудь ассоциацию с подлинной фамилией (как это всегда у него), а метод перемены фамилий путем обратного чтения был тогда распространенным и известным именно в дворянской среде: так из фамилии Suchard Николай I сочинил фамилию Драшусов, а фамилия Шубин превратилась у внебрачных потомков в фамилию Нибуш. В „Декабристах“ Толстой не мог поступить так, как он поступил в „Войне и Мире“ (Волконский—Болконский, Трубецкой—Друбецкой, Безбородко—Безухов), потому что и Волконский и Завалишин

¹ Иванов-Разумник, М. Е. Салтыков-Щедрин. Т. I. 1930 г., стр. 128-129.

были живы; надо было изменить фамилию так, чтобы для читателя она была совершенно непонятной, а для автора сохранила бы связь с подлинной фамилией и не звучала бы как совсем выдуманная. Это и достигнуто обратным чтением¹.

Этим приемом Достоевский воспользовался однажды для своеобразной „литературной мести“. Адвокатский „крючок“, предъявивший иск к Раскольникову от имени его квартирной хозяйки Зарницыной, носит имя Чебаров и был в чине надворного советника. Поверенный издателя Стелловского, испортивший столько крови Достоевскому в связи с работой над „Игроком“ для собрания его сочинений, был надворный советник Бочаров.²

Однако, таких случаев мнемонического построения имен (я не имею в виду тех случаев, когда фамилия по своему общему звуковому составу только напоминает действительно существующие фамилии, не подразумевая при этом под нею никого определенного как напр. ген. Крахоткин—Крапоткин, Версилов—Брусилов) у Достоевского почти нет. Один любопытный случай, показывающий, как этот прием может быть усложнен, я здесь все-же отмечу. Известно, что юродивый из „Бесов“ — Семен Яковлевич отражает черты юродивого Ивана Яковлевича Корейши. М. Альтман в недавней своей работе „Прыжов и Достоевский“ убедительно показывает, что имя Семен Яковлевич получилось из контаминации двух исторически существовавших юродивых: Ивана Яковлевича и Семена Митрича³.

Установление категории мнемонического выбора наименования является не только теоретической роскошью, но имеет и практическое значение для историка литературы. Как мы видели в случае с Толстым, писатель довольно тщательно зашифровывает источник происхождения наименования. Это объясняется не только чувством писательского такта, нежеланием обидеть кого-либо, но и стремлением скрыть от читателя прообраз, творческий возбудитель. Историк литературы очень часто заинтересован в том, чтобы этот источник раскрыть. Я не являюсь сторонником чрезмерной погони за такого рода „прообразами“ и не думаю, что спор о Бакунине и Спешневе, как прообразах Ставрогина, далеко подвинул нас вперед в понимании самого художественного образа Ставрогина⁴, но все же не могу не признать, что иногда такого рода

¹ Б. Эйхенбаум, „Повесть о декабристах“ Л. Толстого. — „Каторга и Ссылка“. 1931. № 6 (79), стр. 138. Подчеркнуто мою. А. Б.

² См. Долинин, Письма, II, прим., стр. 509.

³ Сравнивая Семена Митрича и Ивана Яковлевича, мы находим, что они . . . родные друг другу. Вот из этого-то сопоставления двух имен юродивых Прыжова: Семена Митрича и Ивана Яковлевича и создал Достоевский имя своего юродивого Семена Яковлевича (ср. Прыжов, „26 юродивых“). М. Альтман, Прыжов и Достоевский. — Каторга и Ссылка. 1931. № 8-9 (81-82), стр. 70.

⁴ См. кн. „Спор о Бакунине и Достоевском“. М. 1926; Л. Гроссман. „Спешнев и Ставрогин“ в журн. „Каторга и Ссылка“, 1924, № 4, стр. 130-136.

раскрытие дает ключ к пониманию чисто литературных проблем. Так напр. с того момента, когда я пришел к выводу, что имя „Федька Каторжный“ стоит в связи с именем „Ванька Каин“ и таким образом приводит нас к литературному источнику этого образа, мне стало понятно стилистическое оформление этого образа. В частности пословичный характер языка Федьки Каторжного выдержан совершенно в стиле „Жизни и похождения российского Картуша, именуемого Каином“: ср. „пыль да копать, притом нечего и лопать“, „вот тебе луковка попова! облуплена готова! знай почитай, а умру поминай!“ (Ванька Каин); „либо сена клок, либо вилы в бок“, „чорт в корзине нес, да растрес“ („Бесы“).

Сюда же должны быть отнесены и другие случаи литературных прототипов, раскрытие которых иногда бросает неожиданный свет на все произведение писателя, уясняя его направленность, т. е. давая возможность тем самым исследователю установить его телеологию, которою определяется в конечном счете вся структура произведения. Так в установлении роли образа Чацкого в творчестве Достоевского мне отчасти помог сам по себе незначительный случай в совпадении имен. Два дальних родственника Кати из „Униженных и Оскорбленных“ носят имена Левиньки и Бориньки. Их композиционная роль в произведении Достоевского в значительной мере повторяет роль двух завсегдатаев Английского клуба, Левона и Бориньки, появляющихся в знаменитом монологе Репетилова из „Горя от ума“. Не может быть сомнения, что здесь перед нами не случайное совпадение имен, а указание на связь художественных замыслов. Здесь я не могу останавливаться на том, к какого рода выводам из раскрытия этой связи можно придти.¹

Как мы видели, в этом случае выбор имени обусловлен творческим процессом; он происходит в целях облегчения процесса творчества, но еще без учета момента творческого воздействия на читателя или слушателя.

Но даже там, где писатель как будто берет первое подвернувшееся имя для наименования действующих лиц, он в этом выборе ограничен. Прежде всего писатель остается в сфере своей языковой структуры, т. е. невольно пользуется имеющимися в распоряжении языка фактурой и исторически сложившейся семантикой имени. Если бы себе на одну минуту представить, что писатель в романе из великосветской жизни переименовал своих героев в порядке наугад выхваченных фамилий телефонной книжки, то можно заранее сказать, что он погубил бы свое произведение с первых же шагов. Когда возражают против всяких попыток осмыслить в творчестве писателя его систему наименований,

¹ См. мою работу „Горе от ума“ в творчестве Достоевского — „Slavia“. 1931. X, стр. 88-108.

то совершенно упускают из виду, что „простая случайность“, на которую принято ссылаться, здесь невозможна. Особенно часто в этих возражениях мне приходилось встречаться со своеобразным доводом „от вывески“. Зачем ломать себе голову над происхождением имени, там где писатель, может быть, просто шел по улице, увидел на вывеске первое попавшееся имя, запомнил его и им назвал своего героя. Но, ведь, даже и в таком случае, это значит только то, что из сотен имен врезалось в память писателя одно и оказалось художественно действенным, т. е. оправдало себя поэтически, стояло в какой-то связи с общим художественным стилем и заданием автора. Без такого соответствия имени общей структуре произведения оно не могло-бы себя художественно оправдать. Т. о. самое элементарное требование поэтики имени заключается в согласовании всей системы наименований с общим художественным строем произведения.

Всегда-ли это требование соблюдается? К сожалению, далеко не всегда. Есть писатели без музыкального слуха к имени, чисто механически воспринимающие эту весьма существенную задачу. Такой своеобразной глухотой отличался напр. Л. Н. Толстой. Он охотно прибегал к приему незначительного звукового сдвига действительно существовавших фамилий, как напр. Болконский—Волконский, Куракин—Курагин и т. п. При этом он часто не чувствовал, как его новообразования чужды духу русского языка (напр. в имени Друбецкой, созданном по аналогии с Трубецкой). Вообще Л. Толстой не отличался изобретательностью в крещении своих героев; этим объясняется отчасти и то, что он в разных произведениях пользуется именем Нехлюдова, хотя художественно в его творчестве это и не оправдано.¹ Кажется, единственная его удача—это имя Халтупкина (Воскресение“), поэтому оно было воспринято на общем фоне толстовского творчества, как исключительное достижение.²

Можно прямо сказать, что несоблюдение указанного выше требования поэтики наименований чаще всего выдает несовершенство начинающих писателей. Общее впечатление какой-то внутренней несогласованности, шаткости произведения, как это на первый взгляд может и ни казаться странным, связано часто именно с нарушением этого требования. Очень тонко эту сторону подметил недавно проф. Кс. Шалда в своей статье о новейших чешских романах. При разборе одного из

¹ Прием наименования одним и тем же именем героев нескольких произведений идет от комедии XVIII в. и, вероятно, связан с т. н. устойчивыми типами. См. напр. у Мольера. Отсюда этот прием напр. перешел к Островскому, кот. использовал его для создания одного цельного образа. Так Глумов в „Бешеных денег“ дополняет образ Глумова в ком. „На всякого мудреца довольно простоты“. Этого нельзя сказать про Нехлюдова.

² См. А. Г. Горнфельд, „Об одной фамилии у Льва Толстого“. Сб. „О русск. писателях“. Т. I. Спб., 1912, стр. 255-261.

современных романов, выдающих как-раз такую скороспелость, он показал, как случаен и антихудожествен подбор имен в нем. Такому безразличию в выборе имен проф. Шалда противопоставляет тщательность, с какою выбирали имена своих героев Бальзак и Диккенс¹.

Достоевский является исключительным мастером такой общей аранжировки имен в своих произведениях. И любопытно, что это мастерство обнаружилось уже в первом его произведении. „В „Бедных Людях“, говорит В. Виноградов, подробно исследовавший это произведение со стороны его формы, „общая сентиментальная канва романа определяет и названия действующих лиц: Девушкин — „девственно-добродетельный старичок“, с соответствующим именем — Макарь, из которого, по его собственному признанию, „пословицу сделали“, и Доброселова, имя которой — Варенька, ведет к заглавиям сентиментальных романов начала 19-го века (вроде „Катенька или Дитя несчастья“ Дюкре дю Мениля). Но имена действующих лиц в „Бедных Людях“ интересны не только указаниями на сентиментальный тон, осложненный юмором (Девушкин — Макарь): в них с резкой и преднамеренной подчеркнутостью символизирован сдвиг старых сентиментальных тем и героев, которые должны, как Тереза и Фальдони, пойти в услужение героям и общим тенденциям поэтики натуральной школы. Ведь недаром Тереза и Фальдони, имена которых по словам предисловия к этому роману, „были для любимейших наших писателей украшением их сочинений“, сделаны слугами, исполняющими поручения Макара Девушкина“²,

Там, где выбор имени кажется на первый взгляд совершенно случайным, при ближайшем рассмотрении проглядывает вполне сознательное отношение писателя. В этих случаях методологически правильно обратить внимание на те случаи, где сам писатель дает мотивировку выбора имени. В сатирическом журнале „Искра“ (1860 г., № 24) автор одной заметки обнажает прием нарочитого присвоения фамилии: „У уездного судьи Окорокова (недаром жирна фамилия!) устраиваются вечера, на которые допускаются только особы, знающие французский язык“. Такой же пример обнажения приема отмечает Викт. Шкловский в рассказе Чехова „Страшная ночь“. Здесь говорится о человеке, всюду наталкиваемом на гробы. Соответственно сюжету, с явным пародированием рождественских рассказов, подобраны встречающиеся имена. Так сам рассказчик носит фамилию Панихин, живет он у Успенья на Могильцах, в доме чиновника Трупова. Друга его зовут Упокоев, который жил в комнатах купца Черепова, в Мер-

¹ „Průřez částí dnešního románu českého“. — Šaldův zpisník, 1932, V, 1-2, стр. 12-13.

² В. Виноградов, „Школа сентиментального романтизма. Роман Достоевского „Бедные Люди“ на фоне литературной эволюции 40-х годов.“ Сборн. ст. автора „Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский“. Лен. 1929, стр. 339-340. Тереза и Фальдони — герои романа Леонарда „Тереза и Фальдони или Письма двух любовников, живших в Лионе“.

твом переулке. Второй его приятель зовется Погостов¹. Тургенев в „Трех встречах“ доказательством от обратного подчеркивает внутреннюю связь имени с лицом: „Пелагея Федоровна, по описаниям, также не отличалась красотой, да и сверх того, при одной мысли, что женщину, виденную мною в Сорренто, могли звать Пелагеей, да еще Бадаевой, я пожимал плечами и злобно смеялся“². Действительно, таинственная героиня рассказа только под именем Бадаевой посетила поместье, в котором ее видел рассказчик. Пусть ее имя дальше и не названо, но уже отрицанием одной возможности такого непоэтического наименования, как Пелагея Бадаева, читатель предрасположен к замещению неизвестного имени именем внутренне соответствующим художественному образу. Достоевский как-бы мимоходом дает понять внутреннюю оправданность фамилии Е же ви ки на, одного из действующих лиц „Села Степанчикова“. Вот какой диалог происходит между Обноскиным и Ежевикиным:

Обноскин:

„... все я забываю вашу фамилию... как биш вас?...

Ежевикин:

„-Ах, батюшка! да фамилья то моя, пожалуй, что и Ежевикин, да что в том толку? Вот уж девятый год без места сижут-так и живу себе, по законам природы. А детей-то у меня, просто семейство Холмских! Точно как по пословице: „у богатого телята, а у бедного ребята“³.

Это еще не символика имени, а простой прием словесного подбора, его оправдание; брошенное как-бы мимоходом, оно создает внутреннюю гармонию. А вот другой пример к объяснению происхождения имени Птицын. В рукописях к „Идиоту“ имеется такая строчка: „Геро-княжна. У ней знатная родня. А он просто Птицын“⁴.

Конечно, писатель очень редко дает прямое объяснение мотивов, по которым он выбрал то или иное имя. Оправданность такого выбора становится ясной в итоге всей суммы художественных приемов писателя. Во всяком случае, он исходит из убеждения, что имя в художественном произведении не случайно, что между лицом и именем должна быть внутренняя связь. Так Голыдкин, незадачливый герой „Двойника“ не склонен случайностью объяснять свою фамилию:

¹ В. Шкловский, Теория прозы. М. 1929, стр. 76.

² См. соч. 1898 г., т. V, стр. 251.

³ Собр. худ. произв., т. II, стр. 335.

⁴ Рукописи к „Идиоту“, стр. 52. Для нас здесь не имеет значения то обстоятельство, что Птицыным первоначально предполагалось назвать главного героя романа „Идиот“. См. интересный фельетон „О птичьих фамилиях“ П. Бицилли в газ. „Голос“ (София). 1929 г. от 4. II.

„Эх ты, фигурант ты этакой! — сказал господин Голядкин, ущипнув себя окаменевшею рукою за окаменевшую щеку: — дурашка ты этакой, Голядка ты этакой — фамилия твоя такова!“ (гл. IV).

Здесь явно содержится намек на корень гол, голый, глад—гладкий и, как отметил проф. Н. Е. Осипов, ассоциации протягиваются к ляд, ляжка, ляг, лягаться¹. Поэтому совершенно по особому воспринимаются в таком созвучии такие строки, как: „лягнул своей коротенькой ножкой“, „как-будто бы собирался кого-то лягать“². И эту внутреннюю связь имени с образом Достоевский часто подчеркивает несколькими как-бы невзначай брошенными словами. Олсуфий Иванович Берендеев — „маститый старец, статский советник“ („Двойник“), Зерщиков, содержатель игорного дома, в котором Подросток выигрывает на зеро („Подросток“, П. с. х. пр., стр. 242), Трусоцкий — в доме Захлебниных „трусил вслед за всеми“ своей характерной походкой („Вечный Муж“, гл. XII), Разумихин — „рассудительный“ что и фамилия его показывает („Прест. и Нак.“, Полн. собр. худ. пр. т. V, стр. 386).

Все это случаи, когда еще можно говорить о простом художественном оправдании выбора фамилий, а не о символистическом их использовании. Конечно, в каждом отдельном случае установить грань перехода от простого гармонического подбора к настоящей смысловой ассоциации между образом и его именем бывает очень трудно. Но уже сейчас мы вправе сказать, что в отличие от разговорного языка поэтика личного имени в художественном произведении связана с оживлением смысловых сторон имени. Другими словами, тенденция личного имени в художественном произведении обратна той, которая существует в языке разговорном. Голая форма вновь заполняется содержанием, сквозь имя начинают просвечивать смысловые оттенки, создающие вокруг имени пока еще только в смутных очертаниях намеченную смысловую атмосферу. Во всем объеме с этим явлением мы встретимся позже, когда перейдем к именам-символам. В творчестве личное имя имеет тенденцию вернуть себе утраченную связь между словом и слово-смыслом, стать вновь семантически значимым.

3. Евфония и ритмический рисунок имени

Прежде чем вернуться к этому процессу оживления личного имени в творчестве, надо несколько выяснить другое требование, вытекающее из специфических особенностей художественного произведения, предъявляемое поэтикой имени в творчестве. Это требование сводится к евфонической оркестровке именного материала произ-

¹ Конечно, смысловые ассоциации здесь притягиваются по законам т. н. „народной этимологии“ и ничего общего с научной этимологией не имеют.

² Н. Е. Осипов, „Двойник. Петербургская поэма“ Ф. М. Достоевского (Заметки психиатра). Собрн. „О Достоевском“ под моей редакцией, т. I, стр. 51-52.

ведения. Как и всякий словесный материал, имя входит в произведение в своей звуковой оболочке, т. е. отражается на музыкальной стороне произведения. Следовательно, художник не может относиться безразлично к звуковой стороне имени своих героев.

Эту связь между звуковой оболочкой имени и его сопровождающим словесным материалом ярко выявляет Андрей Белый, когда идет в обратном порядке: к исторически данному имени подбирает евфонически другое слово. Вот пример:

„ . . . дыра темного коридора, из глубины которого может в детскую выскочить минотавр, Янжул; и я по жран“¹.

Достоевский в своем творчестве также не чужд евфоническому подбору имен. Так мы встречаем у него „прием звукового повтора“ в подборе имен трех сестер Епанчиных:

*Александра-Аделаида-Аглая*².

Имя, отчество и фамилия героя „Преступления и Наказания“ подобраны у него „с звуковым упором на *р*“, при чем создается впечатлительное какого-то рокошущего звука: ра-ра-ра:

*Родион Романович Раскольников*³.

Для выяснения ритмического построения имени следует обратить особенное внимание на те места, где определенное имя впервые появляется в произведении. Я почти уверен, что очень часто общий ритмический рисунок определяет собою выбор того или иного имени. Для поэзии это особенно ясно, ср., напр. след. отрывок „Евгения Онегина“:

„С своей супругою дородной
Приехал толстый Пустяков;
Гвоздин, хозяин превосходный,
Владелец нищих мужиков;
Скотинины, чета седая,
С детьми всех возрастов, считая
От тридцати до двух годов;
Уездный франтик Петушков;
Мой брат двоюродный, Буянов,
В пуху, в картузе с козырьком
(Как вам, конечно, он знаком),
И отставной советник Флянов,
Тяжелый сплетник, старый плут,
Обжора, взяточник и шут“⁴.

¹ „На рубеже двух столетий“. М. 1930, стр. 169. Янжул — профессор Московского университета.

² Отмечено Тыняновым: „Гоголь и Достоевский“, стр. 21.

³ Отмечено А. Соловьевым: „О фамилиях у Достоевского и о фамилии Достоевского“ — „Россия и Славянство“ (Париж), № 168 от 13 февр. 1932 г.

⁴ „Евгений Онегин“, гл. V, п. XXVI. Часть фамилий здесь литературного происхождения.

Совершенно прав проф. А. В. Соловьев, когда обращает внимание на ритмическое строение фамилий, выделяя, напр., хореические фамилии — Лёнский, Рудин; ямбические — Гринёв; амфибрахические — Онёгин, Печёрин, Лаврецкий¹. Но он не проследил зависимость имени от общего ритмического рисунка. В частности, я думаю, для выбора полного русского наименования, по имени, отчеству и фамилии, общий ритмический рисунок играет решающую роль. Ср. Аркадий Николаевич Кирсанов, Евгений Васильевич Базаров. Может быть этим объясняется любовь к парным именам отечествам в русском литературном языке: Иван Иванович, Акакий Акакиевич. Вероятно, в силу этого Достоевский часто предпочитает и на письме фонетическую передачу имен отчеств: Пётр Александрыч („Униж. и Оскорбл.“), Пётр Захарыч, Семён Семёныч („Идиот“).

Строгий подбор языкового материала, в том числе и имени героя, легко почувствовать в таком начале „Двойника“:

„Было без мáлого вóсемь часóв утра,
когда титулárный совéтник
Яков Петрóвич Голя́дкин
очну́лся пóсле дóлгого сна́,
зевну́л,
потяну́лся,
и открýл,
накóнец,
совершённó глазá свои“.

Таким образом, сочетание Яков Петрович Голядкин не может рассматриваться, как случайное, как комбинация подвернувшихся писателю имен. Оно детерминировано по нескольким линиям законов поэтики имени. Во первых, как мы видели, фамилия Голядкин находится во внутренней связи с самим творческим замыслом произведения; во вторых — имя это входит в систему привычных наименований, типа: Боткин; в третьих — всё сочетание подчинено определенному ритмическому и музыкальному рисунку; оно выдержано в дактилическом размере и содержит „звуковой повтор“ — Як. Такой анализ наименований со стороны их внутренней закономерности можно-бы в каждом отдельном случае провести и дальше, при чем, вероятно, взаимная связанность наименований с произведением определились-бы еще четче.

4. Оживление генетической связи

Самое обычное использование наименования в направлении оживления связи между его звуковой оболочкой и смысловой стороной идет по линии восстановления генетической связи. К этой категории прежде всего относится генетическая связь между именем и национальностью именуемого лица. При этом художник опирается не столько на семан-

¹ Проф. А. В. Соловьев, там же.

тически значимые части имени, сколько на общую языковую структуру имен данного народа. Обычно при этом писатель выводит иностранцев и уже одним именем определяет их происхождение. Весьма частым явлением в этом случае бывает „эмотивное“ (ироническое, сатирическое, саркастическое, насмешливое и т. п.) изображение, в силу этого и структура имени претерпевает сдвиги в соответствующем направлении. Приемы такого рода сдвигов могут быть очень разнообразны.

Было бы очень интересно на конкретном материале проследить, каким путем достигается здесь желаемое впечатление. Для этого можно подобрать весьма показательный материал. Вот несколько примеров, на которых вскрывается механика такого рода образований.

Герой рассказа Тургенева „Бреттер“, обрусевший немец, называется Федор Федорович Кистер. Лучков, бреттер, желая вызвать его на открытое столкновение, придает его фамилии оскорбительный характер. Вот соответствующий отрывок:

„Здравствуйте, г. Кнастер.
Кистер взглянул на него с недоумением.
Мое почтение, г. Кнастер, повторил Лучков.
— Меня зовут Кистер, милостивый государь.
Вот как-с, г. Кнастер . . .

.

На другой день Лучков, тотчас после ученья, опять подошел к Кистеру и обратился к нему со словами:

— Ну, как вы поживаете, г. Киндербальзам¹.

У Достоевского в „Униженных и Оскорбленных“ Маслобоев, с иронией и раздражением говорит о молодом немце Генрихе, которого полюбила мать Нелли. Это был, по его словам:

„Идеальный человек, братец Шиллеру, в то же время купец, молодой мечтатель, одним словом вполне немец, Феферкухен какой-то.

— Т. е. это фамилия его Феферкухен?

— Ну, может и не Феферкухен, чорт его дери, не в ней дело.“

Затем, в дальнейшей беседе, он его именует уже Фрауенмильх, чем опять вызывает недоумение собеседника:

— Стой, какой Фрауенмильх?

— Ну, тот, как его! Фейербах-то . . . тьфу, проклятый Феферкухен.

Затем появляется в таком же порядке, вслед за Феферкухеном, Фрауенмильхом, Фейербахом, еще и Брудершафт.

На этих примерах легко проследить, по каким принципам создаются эмотивные иностранные фамилии.

¹ Соч. 1898 г., т. V, стр. 38.

В наименованиях иностранцев Достоевский идет чаще всего традиционным в русской литературе путем. Фамилии и имена создаются по довольно примитивным законам, опирающимся на повседневный быт и на историческую традицию.

Чаще всего у Достоевского фигурируют немцы, и здесь он пользуется определенными штампами: Адам Иванович Шульц (У. и О.), Каролина Ивановна (Дв.) и т. п.¹

Известный эмотивный оттенок, часто улавливаемый только привычным ухом, имеется в фамилиях „петербургских“ чиновников немецкого происхождения, как напр. губернатор „фон-Лембке“ (Б.), Антон Антонович фон-Блюм (Б.). Дальше в направлении претворения фамилий идет некоторое шаржирование, как в таких случаях: Амалия Ивановна Липпехель (П. и Н.), барон Вурмергельм (Игр.) и т. п. По этому же типу построены „французские“ фамилии, Де-Грие (Игр.), Манго (П. и Н.), учитель Жюль Тибо (Ид.): Альфонсина Карловна Вердень (Игр.). Здесь следует выделить один случай, когда Достоевский играет на двусмысленности звуковой оболочки: мадам Жарни (Д. С.) воспринимается на фоне русских императивов—пырнй, махнй и т. п. Для англичан: мистер Астлей (Игр.), лорд Пиброк (Игр.), для итальянцев: князь Барберини (Игр.), для евреев: Бумштейн (прототип — Бемштейн) (Зап. из М. Д.). Неуловимо эмотивны польские фамилии у Достоевского: Врублевский (Бр. К.), ксендз Слоньцевский (Бесы), Мусялович, Подвысоцкий (Бр. К.).

К этой же категории генетического оживления имени надо отнести имена и фамилии, дающие возможность заключать от имени к профессии, роду занятий. Тут прежде всего надо выделить штампы, установившиеся в языке, благодаря частоте применения. Сюда относятся: ключница Маланья (С. Ст.), кухарка Марфа (Ид.), прислуга Марья (Подр. и Б.), извозчик Ваня (Б.), кучер Варлам (С. С.)

¹ Примеры к этой и дальнейшим категориям легко будет подобрать каждому при помощи „Словаря личных имен у Достоевского“, который появится в ближайшее время во II-м томе сборника „О Достоевском“, выходящем в Праге под моей редакцией. В наименованиях произведений Достоевского, из которых взяты имена, дальше всюду пользуюсь сокращениями, принятыми в этом „Словаре“. Воспризываю их здесь для удобства пользования: Б. Л. — Бедные Люди; Дв. — Двойник; Госп. Пр. — Господин Прохарчин; Ром. в дев. п. — Роман в девяти письмах; Хоз. — Хозяйка; Полз. — Ползунков; Сл. С. — Слабое Сердце; Ч. Жена — Чужая Жена и муж под кроватью; Ч. Вор — Честный Вор; Е. и С. — Елка и Свадьба; Б. Н. — Белые Ночи; Нет. Незв. — Неточка Незванова; М. Гер. — Маленький Герой; Д. С. — Дядюшкин Сон; С. Степ. — Село Степанчиково и его обитатели; Ун. и Оск. — Униженные и Оскорбленные; Зап. из М. Д. — Записки из Мертвого Дома; Скв. Ан. — Скверный Анекдот; Зимн. Зам. — Зимние Заметки о летних впечатлениях; Зап. из подп. — Записки из подполья; Крок. — Крокодил; Игр. — Игрок; В. Муж — Вечный Муж; Пр. и Нак. — Преступление и Наказание; Ид. — Идиот; Б. — Бесы; Подр. — Подросток; Бр. К. — Братья Карамазовы.

и т. д. Общая традиционная окраска не без личной изобретательности лежит на выборе фамилий чиновников всех рангов: писарь Писаренко (обнажение приема), писаря Астафьев, Океанов (Г. П.), Дятлов, Гриденко. „Маленькие“ чиновники: Горшков (Б. Л.), Зимовейкин (Г. Пр.), Червяков, Бабушкин; средние и высшие чиновники: Олсуфий Иванович Берендеев (Д.), Нестор Игнатьевич Вахрамеев (Д.), Федор Петрович Захлебнин (В. М.), Антон Антонович Сеточкин (Д.); полицейские чиновники: письмоводитель Занетов (П. и Н.), пристав Флибустьеров (Б.), мировой судья Качальников (ср. Начальников). Купеческие фамилии у Достоевского носят черты традиционные, напр. Вахрушин (ср. Бахрушин), Бородуев, Самсонов, Сафронов, Севостьянов или с оттенком эмотивным: Припухлов, Семен Семенович Шелопаев (П. и Н.), Колотушкин (У. и О.), Сизобрюхов. Интересна градация по чинам имен военных. Вот солдат Дранишников (Зап. из М. Д.) и солдатка Скипидарова (Кр.); унтер-офицер Острожский, он же и тюремный надзиратель (Зап. из М. Д.); мичман—Осетров (Подр.); подпоручик и штабротмистр—Зверков (Зап. из Подп. и С. С.), поручик—Жеребятников, гусар—Шаблыкин; капитан—Картузов (Б.); генералы Русапетов (С. С.) и Загорянский (Игр.). При обозначении врачей подчеркивается их преимущественно немецкое происхождение: Крестьян Иванович Рутеншпиц (Дв.), Герценштубе, Гранц (Подр.), лекарь Кох (В. М.). Отметим здесь забавный случай раскрытия механики такого рода сочетаний. В „Подроске“ фигурирует Лихтен, доктор Едмунд Карлыч, причем порядок слов именно такой, несколько необычный. Если составить из начальных частей фамилии и имени отчества сокращение, то получится слово: лекар (Л-Е-Кар. .). Своеобразна и русская модификация имени врача: медик Костоправов (Чест. В.). Красочны фамилии студентов: Кислородов, Антип Бурдовский (Ид.), учителей: Дарданелов, Колбасников (Б. К.), гимназистов: Булкин,, Тузиков.

Наиболее интересным в этой категории наименований для Достоевского является его система имен родовой аристократии. Здесь он далеко переходит за все в русской литературе установившиеся традиции, приемы по резкости отрицательной окраски к манере сатирической литературы. Начиная от как-будто безобидных на первый взгляд имен: граф Наинский, князь Нильский, князь Выгорецкий (И.), граф Завилейский (В. М.), кн. Щегольской (П. и Н.) и кончая такими вызывающими фамилиями, как княгиня Безземельная (П. и Н.), графиня Залихватская (Д. С.), Дурь-Зажигины (Игр.) князь Свинчаткин (Дв.), Достоевский сам вскрывает прием такого формирования фамилий, заставляя в „Униженных и Оскорбленных“ Маслобоева в состоянии раздражения против аристократии сочинять такого рода фамилии: барон Помойкин, граф Барабанов, граф

Бутылкин¹. Теперь становится понятным, почему Достоевский дал своему Идиоту, аристократу духа, такую скромную незначущую фамилию, как князь Мышкин. Вряд ли можно отрицать, что между системой наименований Достоевского аристократических фамилий и художественным изображением им этого слоя существует самая тесная внутренняя связь.

Я брал в этой категории всюду имена второстепенных действующих лиц. Методологически это правильно, так как тогда к выбору мотивов не примешивается то особое значение, которое в художественном произведении имеет главное действующее лицо. Это значение должно отражаться и на выборе его имени, причем эти мотивы оттесняют такие сравнительно второстепенные оттенки, как вопрос о происхождении, национальности и т. п.

Как мы видели, в этой категории наименований Достоевский мало оригинален, он идет чаще всего по уже проложенной его предшественниками тропе. Достоевскому даже можно поставить в укор грубоватость в использовании приемов обличительной комедии XVIII в., примененной им в отношении к высшему аристократическому слою. Здесь перед нами все же любопытный пример оживления старого приема в видоизмененной несколько функции.

5. Традиция в поэтике имени

Писатель в своей практике наименований опирается на определенную традицию, выработавшуюся в данной литературе. Эта традиция в русской литературе с XVIII в. шла в направлении от аллегорического построения имен через преодоление этого приема путем использования кажущаяся „безразличных“ фамилий, действительно в данном языке встречающихся, к построению символическому, в достаточной мере завуалированному, требующему раскрытия символа имени путем тщательного анализа всей структуры произведения. Эпоху в поэтике имени составил Гоголь, опиравшийся в своем творчестве имен на живую народную стихию. Его имена сами по себе уже имели большую художественную силу и воспринимались современниками, как элемент творческий, а не безразличный. А. Смирнова-Россет рассказывает в своих воспоминаниях о впечатлении, которое произвело первое чтение Гоголем своей комедии „Женитьба“ в небольшом кружке на ее квартире:

„В июле месяце (1842 г.) я оставалась в Петербурге, и Гоголь предложил мне прочесть новую его комедию „Женитьба“. После обеда Вяземский, Плетнев, Аркадий, Тютчев — мы сидели в гостиной, и он начал читать в руко-

¹ Характерно, что у Тургенева эмотивный характер носят помещицьи фамилии, ср. напр. Стрыганиха (прозвище по типу: Салтычиха; „Певцы“), Хряк-Хруперский („Чертопханов и Недоплюскин“), Зверков („Ермолай и Мельничиха“) и т. п. Впрочем и у него встречается граф Бобошкин („Накануне“).

писи. Смех был постоянный: Подколесин, сваха, капитан Жевакин, Яичница — всё, начиная с фамилий, возбуждало смех¹.

Влияние Гоголя на всю последующую литературу в области поэтики имени было огромно. Сказалось оно очень сильно и на Достоевском, особенно в первый период его деятельности. В „Братьях Карамазовых“ имеется интересный эпизод, несколько приоткрывающий отношение самого Достоевского к гоголевским именам. Максимов, эпизодическое лицо романа, уверял, что он тот самый „помещик Максимов“ из „Мертвых Душ“, которого Ноздрев высек в пьяном виде. В связи с этим он рассказывает своими словами эпизод из „Мертвых Душ“ о пьянстве с Кувшинниковым. При этом он от себя прибавляет:

„У Гоголя всё это только в виде аллегорическом, потому что все фамилии поставил аллегорические: Ноздрев-то ведь был не Ноздрев, а Носов, а Кувшинников — это уже совсем даже и не похоже, потому что он был Шкворнев. А Фенарди действительно был Фенарди, только не итальянец, а русский, Петров-с, а мамзель Фенарди была хорошенькая-с...“²

Тут не без легкой иронии по отношению к „аллегоричности“ имен у Гоголя. Но в произведениях Достоевского особенно первого периода его словарь имен воспринимается неизбежно на фоне поэтики „натуральной“ школы. Оплеваниевы, Паскудины, Скоролуповы, Заушины, Млекопитаевы, Маслобоевы — всё это гоголевское наследие, продолжающее определенную традицию.

В большинстве случаев мы имеем здесь дело с художественным использованием семантики имен, дающего комический оттенок. Так Фердыщенко (Ид.) воспринимается на фоне гоголевского Крутоотрыщенко. Часто Достоевский, там где это входит в его литературное задание, пользуется гоголевскими именами в целях стилистических. Особенно это имеет место в „Двойнике“. Здесь появляются знакомые нам гоголевские герои: Петрушка, ставший лакеем Голядкина, немка Каролина Ивановна, перекочевавшая сюда из „Шинели“, среди гостей на балу у генерала появляются гости Бассаврюковы: „хорошая дворянская фамилия, выходцы из Малороссии“, подумал о них про себя Голядкин. Но уже здесь, как я пытался показать в другом месте, гоголевская окраска стоит в самой тесной связи с самим замыслом „Двойника“³. Прием сочетания имен с инверсией типа: Ки фа Мокиевич и Мока Кифиевич Достоевски использовал в „Романе в девяти письмах“, как это показал проф. Н. С. Трубецкой в своем докладе о юмористических рассказах Достоевского в строгом соответствии с общим замыслом этого произведения, наименовав его парных героев именами Иван Петрович и Петр Иванович⁴. Элементы худо-

¹ А. О. Смирнова - Россет, Автобиография. М., изд. Мир. 1931, стр. 275. Подчеркнуто мною.

² Собр. худ. пр., т. X, стр. 98.

³ См. „Гоголь и Пушкин в творчестве Достоевского“ в журн. „Slavia“, т. VI, кн. I.

⁴ См. мое изложение доклада Н. С. Трубецкого: „Dostojevskijs humoristische Erzählungen“ — Prager Presse, 1932, 19. III.

жественной полемики с Гоголем, которой проникнуты „Бедные Люди“, скрыты уже в противопоставлении имени Девушкина гоголевскому Башмачкину. Замена мертвой „шинели“ живой человеческой личностью, Варенькой Доброселовой, любовь к которой преобразила Девушкина, пробудила в нем и человеческое достоинство и негодование против несправедливости судьбы, эта замена мертвого живым дана уже семантически в фамилиях обоих героев¹. Всё это говорит о том, что Достоевский не просто воспринял традицию Гоголя в творчестве имени, но преодолел эту традицию совершенно так же, как и преодолел традицию всей натуральной гоголевской школы.

Есть еще одна сторона в литературной традиции, с именами связанная, которую обычно мало учитывают. Некоторые имена, семантически безразличные, благодаря художественному образу, с этим именем связанному, заполняются известным содержанием. Имя Татьяны в русской литературе, после Пушкина, уже не безразлично, оно стало поэтически действенным, и его художественное использование до известной меры затруднено тем, что с ним связаны уже некоторые ожидания, неисполнение которых отражается на художественном восприятии. Этим объясняется, напр., то, что после Пушкина имя Татьяны, насколько я вспоминаю, не появляется в роли главной героини классической литературы, несмотря на его распространенность в быту, как раз по обратной причине. И в тех случаях, где такого рода художественно насыщенное имя повторяется у ряда писателей, можно до известной меры предполагать, что заложенная уже в самом имени аккумулятивная сила принята в расчет, что она использована в свою очередь в целях усиления художественного впечатления. Поэтому „совпадение имен“ и выводы из такого рода совпадений делаемые заслуживают внимания. В своих работах о Пушкине и Достоевском, сближая „Пиковую Даму“ с рядом образов Достоевского, я указал уже на то, что повторяющееся имя Лизы („Слабое Сердце“, „Записки из подполья“, „Бесы“) в творчестве Достоевского не является случайным, что и оно является звеном в ряду других художественных средств, заставляющих воспринимать эти образы на фоне пушкинской „Пиковой Дамы“². Я думаю, что „бедная“ Лиза Карамзина оставила свою традицию в русской литературе не менее сильную, чем Татьяна Пушкина, и ответ ее трагической судьбы лежит на несчастной воспитаннице старой Графини из „Пиковой Дамы“, на трогательном образе тургеневской Лизы „Дворянского Гне-

¹ См. мою раб. „Шинель“ Гоголя и „Бедные Люди“ Достоевского. — „Записки Русск. Истор. Общ. в Праге“, т. I, 1927 г. Отдельные наблюдения над гоголевской традицией наименований у Достоевского рассеяны в работах В. Виноградова „Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский“. Л. 1929, Ю. Тынянова „Достоевский и Гоголь“. П. 1921 (см. также „Архаисты и новаторы“).

² См., кроме упоминавшейся уже работы „Гоголь и Пушкин в творчестве Достоевского“ („Slavia“, т. VIII, стр. 82-100, 297-311), статью „Сумерки героя“ в „Научных Трудях Русск. Народн. Унив. в Праге“, т. IV, стр. 158-172.

зда“ и на искаженных ужасом чертах мучительно погибшей Лизы Тушиной из „Бесов“¹. Так в имени, художественно оплодотворенном художником, воскресает та магическая сила, которую ему приписывает народная вера. Совсем не безразлично, как назвать своего будущего героя; уже само имя заключает в себе известные творческие импульсы, толкает образ в определенном направлении. Поэтому изучение рукописи произведения в его творческой истории, дающее иногда возможность проследить колебания в выборе имени героев, представляет для исследователя большой интерес. Проследить процесс создания наименования, проникнуть в самую механику выбора имени была бы весьма соблазнительной задачей.

6. Процесс выбора имени

Только изредка удается у Достоевского проследить, и то только с известной степенью вероятности, каким путем он пришел к выбору того или иного имени. Но и то небольшое, что здесь можно установить, заслуживает нашего внимания.

Иногда можно догадаться, из какой области взято имя, каким путем оно попало в сферу внимания Достоевского. Так внешне безразличная фамилия Лебедева в „Идиоте“ могла отложиться в памяти Достоевского в связи с делом Умецких, которое играло столь значительную роль в процессе творческих раздумий Достоевского в период его работы над „Идиотом“. В этом деле фигурировал священник Лебедев и его имя могло переключат т. обр. в роман².

Я же отмечал внутреннюю причину, по которой „Идиот“ получил такую скромную незначащую фамилию кн. Мышкина. По догадке проф. Сакулина, фамилию эту Достоевскому мог подсказать „Мышкинский уезд“. Дело в том, что творческое внимание Достоевского было привлечено уголовным делом одного крестьянина, зарезавшего мещанина Сулова за часы, в то время как он раздувал самовар, и сделал это он, будто-бы со словами: „Господи, прости Христа ради“. В тетр. № 11, стр. 87 у Достоевского случай этот пересказан; он же нашел свое отражение в „Идиоте“, где кн. Мышкин говорит о нем Рогожину. Убийца, поразивший воображение Достоевского, был Балабанов, крестьянин Мышкинского уезда, Ярославской губ.³

¹ Традиция может сказаться и не в простом перенесении имени, а в повторении приема образования имени. Так Пушкин своим Онегиным и Ленским создал „речную“ традицию в русской литературе. К ней прикинул Лермонтов, явно опираясь на Пушкина, своим Печориным. Между прочим, отмечу, что Пушкин и в „Барышне-Крестьянке“ использовал прием сходного построения имен, очевидно, для усиления внутреннего единства. На этот „древесный“ характер имен Муромский и Берестов (ср. также Дубровский) обратил внимание М. Альтман в своей работе „Барышня-Крестьянка (Пушкин и Карамзин)“ — „Slavia“, 1931, X, 4, стр. 788).

² См. П. Н. Сакулин, Работа Достоевского над „Идиотом“. — Из Архива Достоевского. Идиот. М. 1931, стр. 207.

³ Случай этот рассказан в „Моск. Ведомостях“ от 5 ноября 1867 г.. В более ранних тетрадах, №№ 9 и 4, среди заметок к „Идиоту“ имени Мышкина еще нет. См. Сакулин, упом. раб., стр. 188.

Особенный интерес представляют те случаи, когда имя героя в процессе творчества меняется. Любопытно, что часто в окончательной редакции имен их семантологическая окраска сглаживается, имя обезличивается. Оно как бы сыграло уже свою роль для автора, роль смыслового символа. Так, напр., имя Версилова было переименовано из Брутилова, что связано с Брутом, благородным изменником своему внешнему долгу. Версилов тоже является изменником своему классу, оставаясь верным служителем благородных его идеалов.¹

Овров из „Неточки Незвановой“ именовался ранее Веров; врач Варвинский из „Братьев Карамазовых“ носил сперва имя Первинский, а затем Варвевский; разбойник Коренев из „Записок из Мертвого Дома“ был Каменев. Имя Разумихина было сначала Вразумихин, а Лужин по ошибке называет его Рассудкиным. И едва ли в этом случае некоторый разрыв между образом в романе и его наименованием не отражает эволюцию самого образа в процессе творчества. Имя Шатов встречается уже в рукописных заметках к „Преступлению и Наказанию“. В связи с этим романом мы находим и объяснение самой фамилии, но странным образом в применении к Раскольникову. Достоевский писал в письме Каткову в сент. 1865 г., давая свое истолкование образа Раскольникова:

„Молодой человек, исключенный из студентов университета, мещанин по происхождению, и живущий в крайней бедности, по легкомыслию, по шатости в понятиях, поддавшись некоторым странным, недоконченным идеям, которые носятся в воздухе, решил разом выйти из скверного своего положения. Он решил убить одну старуху, дающую деньги на проценты...“²

Фамилия Долгорукый, присвоенная страннику Макару в „Подростке“, тоже находит свое объяснение в рукописном наследии писателя. В одном из рукописных вариантов к роману Достоевский говорит о Макаре:

„Я признаю его дворянином и верую, что недалеко время, когда дворянином станет весь русский народ“.³

Совершенно прав В. Комарович, исследовавший подробно ход работы Достоевского над „Подростком“, когда говорит:

„И, конечно, только потому, что эта вера Версилова была верой Достоевского, страннику Макару „из крепостных“ присвоена княжеская фамилия — Долгорукый“⁴.

Степан Трофимович Верховенский, как известно, генетически связан с Грановским, как сокращенно Гр-ий он и именуется в ру-

¹ В. Комарович, Генезис романа „Подросток“ — „Литер. Мысль“. III, стр. 372. Ср. мою работу: „Достоевский в художественной полемике с Толстым“. Пр. 1931, стр. 12.

² Красн. Арх. 1923, кн. 4, стр. 365-375.

³ См. „Начала“, кн. 2, стр. 220.

⁴ Генезис романа „Подросток“. — „Литер. Мысль“. 1925, III, стр. 374.

копиях. Свое позднейшее имя он получил, вероятно, от одной характерной частности, отмеченной в черновых вариантах к роману, где сказано: „Гр-ий во весь роман постоянно пикируется с сыном верховенством“¹.

Во всех этих случаях мы в своих объяснениях выбора имени можем опереться на прямое или косвенное свидетельство писателя, а не только заключать на основании внутреннего анализа имени в сопоставлении с творчеством. Второй путь ведет нас к вопросу о символике личного имени.

7. Символика имени

Между поэтикой „заглавий“ и поэтикой „имени“ имеется известное сходство. На эту связь между заглавием и личным именем, между прочим, указывает и такой эпизод из истории творчества Островского. В черновой рукописи комедии „Бедность не порок“ комедия эта носила заглавие „Гордым Бог противится“, чем еще больше подчеркивалась гордость главного персонажа, Гордея Карпыча². Эту внутреннюю связь объясняется и постепенно установившийся в литературе прием озаглавливания произведения по имени главного действующего лица, как напр. „Евгений Онегин“, „Анна Каренина“ и т. п. Названием „Братья Карамазовы“ Достоевский дает понять, что настоящим героем романа являются Карамазовы, как целое. Мне уже однажды приходилось мимоходом останавливаться на вопросе о поэтике заглавий, и я считал тогда возможным определить заглавие, как „намек на содержание“ произведения³. Личное имя в художественном произведении несет ту же функцию, оно является „намеком на содержание“ героя. Это только намек, но он будет тем поэтически действенней, чем удачней такой намек. Имя в поэтическом произведении, как кличка — прилипнет и не отлипнет. Как и в кличке, часто нельзя объяснить, чем вызвана такая удача, в чем ее смысл. Правда, нельзя всегда ссылаться на необъяснимость связи между лицом и его наименованием. Очень часто эта неразрывная ассоциация образуется задним числом, и мы на имя или вернее в имя вкладываем то, что заключено было первоначально только в образе. Так ошибочно думать, что имена кн. Андрея Болконского, Левина, Рудина, Лаврецкого находятся в какой-то внутренней связи с их содержанием. Но, если и не всегда отчетливо можно себе это уяснить, все же несомненно в таких именах, как Чичиков, Обломов, Тентетников, Манилов, Коробочка такая связь существует.

У Достоевского, в большинстве случаев такая внутренняя связь между именем и образом чувствуется, и она идет в направлении ожи-

¹ См. „Свиток“, I, стр. 103.

² Н. Кашин, „Островский и Мольер“ — „Slavia“. 1926. V, стр. 1147,

³ См. мою статью „К уяснению историко-литературных понятий“ в „Изв. Отд. Русск. Яз. и Сл.“ 1918, XXIII, кн. 1.

вления семантики имени. Такие имена, как Лебезятников, Сви-
дригайлов, Фетюкович¹, Быков, Вельчанинов, Мармела-
дов, Смердяков говорят сами за себя. Но все же следует сделать
попытку разобраться в общих направлениях, по которым идет Достоев-
ский в своем осмысливании фамилий своих героев.

Первый, самый основной признак, по которому Достоевский рас-
полагает своих героев — это окраска по признаку положи-
тельности или отрицательности. Не вдумываясь еще в имя,
вы сразу воспринимаете его, как приятную, эстетически приемлемую,
симпатичную, или наоборот, она вызывает в вас разные степени оттал-
кивания. Это легко улавливается, когда вы сопоставите имена героев
внутри каждого произведения. Так в „Бедных Людях“:

Макар Алексеевич Девушкин
Варвара Алексеевна Доброселова

с одной стороны,

Господин Быков — без имени отчества, с другой.

Или в „Идиоте“:

Настасья Филиповна Барашкова Аглая Епанчина
Кн. Лев Николаевич Мышкин Парфён Рогожин
Коля Иволгин Ганя, Гаврила Ардалионович Иволгин.

Уже по одному этому распределению имен можно сказать, кто
выйдет победителем в борьбе за князя Мышкина. Какими сложными пу-
тями при этом шел Достоевский в поисках нужных ему оттенков, ко-
торые бы дали имени соответственную окраску, видно хотя-бы из того,
как возникла у него фамилия Рогожин. В образе Рогожина, как по-
казали специальные исследования, отразились черты некоего Мазу-
рина, убийцы Ильи Калмыкова. „Грубо и тяжело звучащие фамилии:
Мазурин и Рогожин“ выдают их внутреннюю связь².

Так и в „Братьях Карамазовых“ уже в одних именах обеих сопер-
ниц можно уловит „намеки“ на их внутреннее содержание:

Грушенька Светлова — Катерина Ивановна Верховцева.

¹ Фетюкович — комбинация из двух реальных фамилий, двух русских адвокатов, одного блестящего столичного — Спасовича, другого — провинциального Дуракова, запомнившегося Достоевскому по одному судебному делу. Получилась удачная контаминация: фетюк, вм. дурак и окончание -ович. Приведу здесь, кстати, пример, показывающий, как сам писатель воспринимает эту связь между „идеями“ лица и его именем. Андрей Белый в своих воспоминаниях рассказывает: „... позднее с юным С. М. Соловьевым сидели мы на бульваре, и я, наблюдая, прохожих, силился увидеть „идею“, т. е., нечто типичное, чтобы мгновенно симпривизировать фамилию, выражающую сущность прохожего; я восклицал: — Вот идет Соня Алова с мисс Мак! Проходила девочка с гувернанткой. Раз я воскликнул: — Фетюков. И услышал в ответ: „Здравствуйте!“ Фетюков оказался знакомы С***: ятак увлекся его типом „идеи“, что не узнал в нем знакомого“. — „На рубеже двух столетий“. 1930. стр. 337.

² См. В. С. Дороватовская-Любимова, „Идиот“ Достоевского и уголовная хроника его времени. — „Печать и Революция“. 1928, № 3, стр. 38.

Что самому Достоевскому было далеко не безразлично, как он зовет Грушеньку, видно из одного попутного замечания в рукописных заметках к роману, где сказано: „Nota bene, фамилия Грушеньки Светлова.“ В. Комарович не без основания склонен видеть внутреннюю символическую связь в фамилии Грушеньки с корнем свет. До известной меры в самой фамилии Грушеньки предугадывается ее победа над своей соперницей Катериной Ивановной Верховцевой, имя которой намекает на ее гордость, стремление взять верх¹.

Этим стремлением к распределению свето-теней, унаследованным от комедии нравов XVIII вѣка, объясняется и наличие такого типического начала в фамилиях Достоевского, как верх:

Верховенские
Верховцева,
Верхитины,

ср. также:

Версилов,
Вельчанинов.

Этим вызывается и деление фамилий на „светлые“ и „темные“, как:

Светлова,	Мурин,
Светлицына,	Капмаров,
Доброселова,	Карамазов,
Барацкова,	

на фамилии преступные, как:

Зверков²,
Бубнова,
Федька Каторжный,

на фамилии „липкие“:

Липутин,
Лебезятников,
Смердяков,
Оплеваниев,
Опискин,
Обноскин,
Видоплясов³.

¹ См. введение В. Комаровича к новым текстам „Бр. Карамазовых“ в немецком издании: „Die Urgestalt der Brüder Karamasoff“, стр. 230.

² Ср. у Тургенева: Александр Силыч Зверков помещик в рассказе „Ермолай и Мельничиха“, сославший мельничиху:

³ Здесь я беру название „липкие“ в чисто условном смысле, так как одним словом нельзя передать всех оттенков, вкладываемых в такого рода имена, должствующие вызвать эмоцию гадливости, пренебрежения и т. п. Сюда относятся такие фамилии, как Халтюпкина у Толстого, Кукушина у Тургенева, Подхалюзин у Островского. О последнем Н. Кашин в одной из своих работ об Островском говорит: „Несомненно, что имя, избранное автором исключительно с целью подчеркнуть характер действующего лица, стало нарицательным благодаря художественности самого образа“. „Островский и Мольер“ — „Slavia“ 1926 г., т. V, кн. 131.

Из имен Достоевского больше всего внимания привлекли два имени: Карамазов и Ставрогин. Оба имени находили себе неоднократно символическое объяснение. Однако, очень часто эти объяснения, на мой взгляд, переходят за границы допустимости такого рода интерпретаций. Что касается имени Карамазовы, то прежде всего в нем выявляется признак, объединяющий весь род, — это темное, черное начало. Достоевский сам вскрывает именно это семантическое значение избранной им фамилии. Штабс-капитанша Снегирева, здороваясь с Алешей, называет его „Черномазов“ и, когда Снегирев ее поправляет, она полуизвиняясь, говорит: „Ну, Карамазов, или как там, а я всегда Черномазов“. П. Бицилли, исходя из анализа имени Карамазов, думает, что оно было создано применительно к одному лишь Карамазову, к Ивану. Ибо он является „единственным подлинным Карамазовым, единственным истинным воплощеннем „чистой“ идеи „русского европейца“¹. Но к такому выводу он пришел только потому, что привлек в качестве посредствующих звеньев еще две фамилии, сыгравших будто-бы свою роль при создании имени Карамазов, это — фамилии Карамзин и Каракозов. Я вовсе не вижу необходимости осложнять сравнительно простой и легко уловимый семантический смысл имени Карамазов догадками об отражении в нем и „преступности“ Каракозова и „европеизма“ Карамзина. Нет никаких оснований с такою категоричностью, как это делает П. Бицилли, утверждать, что „Карамазов несомненно происходит от Каракозов“. Штабс-капитанша Снегирева здесь ближе к истине, сопоставляя только две семантические единицы: кара (черный) и „маз-“ (мазь, мазать). Типологическим посредником могла быть, напр., такая фамилия, как Алмазов. Символические наименования обычно создаются не столь сложным путем, и вряд ли правильно для подкрепления гипотезы Бицилли напоминать, что „нашумевший выстрел первого покушения на Александра II отозвался в душе Достоевского, как выражение темной (кара—черный) силы русского нигилизма“, как это делает проф. А. В. Соловьев. Путь создания имени Карамазов мог быть психологически тот-же, что и при создании такой значущей фамилии, как Смердяков. Несмотря на многие нити, связывающие творчество Достоевского с Карамзиным, все же нельзя непременно по созвучию начала фамилии Карамазов с именем Карамзина заключать, что здесь имеется намек на карамзинский „европеизм“ (который, кстати, Достоевский никогда не воспринимал, как исходный момент русской „идеи“ европеизма). Здесь в истолковании символического значения имени заходят слишком далеко.

В непосредственной связи с именем Карамазов стоит другое имя: Кармазинов. Принимая во внимание пародийный замысел этого образа, связанного с Тургеневым, можно вполне принять догадку Ю. Никольского, что „самая фамилия Кармазинов, от „кармазинный“

¹ П. Бицилли, „Происхождение имени Карамазовых“ — „Россия и Славянство“. 24. X. 1931.

(сrαμοίσι) — багровый, намекает на сочувствие этого „нувеллиста“ красным“¹.

Но опять вряд-ли здесь следует увлекаться и прибегать к истории польской шляхты, как это делает А. В. Соловьев. Думать, что Достоевскому надо было знать, что у поляков существует „шляхта кармазынова“, т. е. „потомки каштелянов и воевод, заседавших в пурпуре в Санате, бывших аристократией среди формального равенства шляхты“, для создания имени Кармазинов — на мой взгляд просто чрезмерное увлечение в истолковании внутреннего смысла имен. От Кармазинова к Карамзину, конечно, ближе, и сопоставление проф. Бицилли в этом случае имеет за собою известные основания, особенно если припомнить, какую роль сентиментализм карамзинской школы играл в творчестве Достоевского.

Кажетвя, впервые Вяч. Иванов связал имя Ставрогина с греч. „σταυρός“, крест. „Поэт определенно указывает на его высокое призвание: недаром он носитель крестнаго имени („σταυρός“ — крест), говорит он в своей известной работе о „Бесах“². Но уже дальнейшее распространительное толкование, по которому в имени Ставрогина и вторая часть „гин“ связывается с греч. „γυνή“ мне кажется натянутым. Вероятнее всего Достоевский пришел к этому имени через посредство фамилии Ставровский, которую носил один из его родственников³; он мог фамилию эту символически осмыслить и, сохранив ее значущую часть, преобразовать по типу русских фамилий Онегин, Каратыгин и т. п. Вообще, надо отметить, что попытки объяснить символически имена Достоевского, исходя из их греческого корня, мне представляются мало убедительными. Так сопоставление имени Парфения с παρθένιος, Настасьи с ἀνάστασις, как это делает Вяч. Иванов, мне кажется не проливает света на символику Достоевского. Я думаю, ему была чужда такая манера использования имени. Кроме Ставрогина, я знаю только один случай, который мне кажется убедительным случаем, отмеченный уже Юр. Тыняновым, это имя Фалалей в „Селе Степанчикове“: „... имя Фалалей, говорит Тынянов — типичная, семантически значущая (Фалалей — ротозей словесная маска“)⁴. Неправильно также искать особого символа, исходя из греческого яз., в именах сестер Епанчиных, Александра, Аделаида и Аглая. Здесь для Достоевского решающую роль сыграл „прием звуковых повторов“, на что уже было указано. Разве

¹ Юрий Никольский, „Тургенев и Достоевский (История одной вражды)“. София. 1921, стр. 60.

² Вяч. Иванов, „Основной миф в романе 'Бесы'“ — „Русск. Мысль“. 1914, № 4, и сборн. статей автора „Борозды и Межи“. 1916, стр. 69. Ср. немецк. текст в кн. „Dostojewskij Tragödie — Mythos. Mystik“. Tübingen № 32, стр. 53.

³ Дочь деда Достоевского, Федора Темофеевича Начаева от второго брака была замужем за Дмитрием Ивановичем Ставровским. См. „Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского“. Лен. 1930, стр. 19.

⁴ Достоевский и Гоголь, стр. 45.

только имя Соня Мармеладова дает законное право, в связи с мотивами священного писания, сопоставить его с Софией — высшей мудростью Божьей и Любовью.¹

Особенно это становится убедительным при сопоставлении с тем, что Соня жила в квартире портного Капернауова. Символический характер этого имени вне всякого сомнения². Этот прием связывания символа с именем хозяина дома или квартиры, на которой живет герой, был уже применен Достоевским в его „Хозяйке“. Так хозяин дома, где разыгрываются в буквальном смысле слова „кошмары“ Ордынова, носит фамилию Кашмаров, а фамилия мужа Катерины, на квартире которого он остановился, Мурин³.

Не подлежит сомнению символический характер имени Раскольниковова. Здесь, однако, возможно двойное толкование. Одно — исходит от истолкования семантической части, как раскол — раздвоение, другое — выдвигает связь корня с расколом — раскольниковством, одержимостью одной мыслью, фанатизмом и упрямством⁴. Оба толкования, на мой вполне законны, ибо в таких случаях возможно самое разнообразное использование звуковых сочетаний в целях воживления известного представления. Во всяком случае, символический характер имени здесь сознательно подчеркнут.

В заключение мне еще хотелось отметить, что и в тех случаях, когда Достоевский почему либо оставляет своего героя без полного имени, это у него художественно оправдано. Так в „Бесах“ рассказчик Антон Лаврентьевич не имеет полной фамилии, а только обозначен сокращением Г-в. Исследователю творчества Достоевского нетрудно это сокращение расшифровать, ибо под именем Горянчикова писатель уже однажды вывел себя в „Записках из Мертвого Дома“. Такую же роль играет писатель Иван Петрович в „Униженных и Оскорбленных“, и он тоже лишен фамилии. Этот прием находится в тесной связи с той ролью, которую в творчестве Достоевского играет герой за кулисами, тот странный наблюдатель чужой жизни, который всюду присутствует и все видит, но сам остается по существу вне действия, или вернее — именно он то и является единственным лицом, вмещающим в себе всю сложную трагедию человеческих страстей.⁵ Отсюда и его связь с личностью автора, что дважды подчеркнуто в творчестве Достоев-

¹ См. Р. Плетнев „Достоевский и Евангелие“. — „Путь“, XXIV, стр. 62.

² Отмечено у Плетнева, упом. раб. стр. 61.

³ См. мою работу: „Драматизация бреда („Хозяйка“ Достоевского).“ — Сб. „О Достоевском“ под моей ред. Пр. 1929, т. I, стр. 89. Этим же приемом воспользовался Чехов в рассказе „Страшная Ночь“ (см. выше).

⁴ Первого взгляда держится от Ю. Попович (J. Поповић) в своей работе „Философија и религија Достоевскога“. Сремски Карловци 1923, стр. 32; второй, более распространенный взгляд, поддерживается напр. проф. Соловьевым в уже отмечавшейся работе.

⁵ См. мою ст. „Тайна личности Достоевского“, в сб. „Православие и культура“. Берл. 1923, стр. 187, и в кн. „Tajemství osobnosti Dostojevského“, Praha 1929.

ского: и Г-в (Горянчиков) и Иван Петрович дают полное право на такое истолкование. Так и в большом и малом Достоевский последователен в своем творчестве: тут перед нами полное единство, если хотите — структура, и творчество личного имени из этой структуры не выпадает, а находит свое определенное место. Поэтика имени находится в таком случае в тесной связи с общей поэтикою писателя и может быть понята только в системе его творческих приемов.

Прага

А. Бем

Su di una probabile genesi del „Minorenne“ di D. I. Fonvizin

Di fronte alle due lettere inviate dal Fonvizin all' Jelaghin nel 1769 durante il periodo della sua ultima licenza, lettere che rivelano una tal piena maturità, una tale sicura padronanza di sè nell' uomo che le ha scritte, da formare un impressionante contrasto con quelle che a un dipresso nella stessa epoca ha mandato alla famiglia, il lettore non può non rimanere esitante nel giudicare se si trovi di fronte ad un essere di diabolica scaltrezza, o a un individuo che realmente ha vissuto una delle lotte più dure della propria esistenza. Il Fonvizin dell'adolescenza, e quegli che ci apparirà dal concludersi di questa crisi alla morte, fornendoci agio a supporre l'una e l'altra delle due interpretazioni, ci lasciano nella piena drammaticità di questo dubbio. Non è difficile che egli, sentendosi chiuso in un vicolo cieco, e vedendo chiaramente davanti a sè la propria vita soffocata senza più scampo, abbia sentito ad un certo momento; più fortemente di ogni altra volta, l'impossibilità di rinunciare al piano dei suoi ideali e ad una giusta ambizione. Quali siano le ragioni che lo hanno indotto a questa improvvisa reazione, quando le sue condizioni di vita sono perdurate le stesse per tutti gli anni del suo servizio, non è difficile determinare qualora si pensi alla rinata fiducia verso l'Jelaghin e le sue promesse, accolte con esagerato entusiasmo, e supervalorizzate con la fantasia dell' uomo che si aggrappa alla sua ultima speranza. La delusione provocò la nota lettera al padre dell' 11 settembre (68) e la richiesta del congedo. A Mosca, poi, le cose passarono in altro modo che non a Pietroburgo. La tranquillità e gli affetti della famiglia, la soddisfazione del proprio lavoro, e cioè del lavoro letterario, la considerazione degli amici per il suo ingegno, dovettero presentargli con maggior chiarezza, e questa volta con maggior calma, il quadro della sua vita coll' Jelaghin, in ancor più evidente contrasto con quello delle proprie e più intime aspirazioni. Fossero pure il „mostro“ del suo protettore, e il perfido Ministro creature della sua isteria e della disperazione che gli faceva riversare sugli altri la colpa dei propri insuccessi, fatto si è che la sua situazione era realmente quella di un uomo finito sotto ogni riguardo nella carriera. Vita di amarezze, e quelle generate dalla fantasia sono ancor più raffinate; senza speranze per il futuro, e senza alcuna di quelle soddisfazioni così proprie della debolezza dell'uomo e perciò così profondamente umane. Egli giunse al punto di preferir la sorte

incerta e rischiosa del letterato, unica che lo compensasse di tante rinunce, a un ritorno a Pietroburgo nelle condizioni di prima.

Le sue lettere ci fan vedere come egli cercasse fino da allora questa via di uscita, tentandone le possibilità, sforzandosi di gettarne le basi col contratto con Vever, la pubblicazione del *Sindei*, di cui parta nella prima lettera, e ancora con quella dello Josif e del Silli. Ma questo lavoro di preparazione ci denunzia in più un altro fatto, e cioè che a Mosca finora egli non aveva trovato nulla da sostituire al suo impiego coll'*Jelaghin*. Nessuna possibilità si era ancora aperta dinanzi al futuro segretario del Panin, e l'idea stessa di aver cercato una via diversa dell'iniziata carriera politica ci mostra com'egli si fosse ormai attaccato all'ultima ancora dopo falliti tutti i tentativi possibili. Di qui si spiega anche il tono conciliante di alcuni passi della prima lettera, e soprattutto la nota più mite di quelle che segue, dove abbondano perfino le frasi adulative („Il vostro giudizio mi è indispensabile“, egli dice parlando della commedia. Etc.), poichè le speranze, passando ancor più il tempo, si sono ridotte agli estremi, e neppur la letteratura lo ha condotto a qualcosa; se pure essa non è stata un pretesto per minacciare l'*Jelaghin* col fargli intravedere la possibilità di perdere il sottoposto, maggiormente compensato pe'l suo ingegno altrove che non con lui, e provocarne così l'amor proprio. Tono conciliante che salva con ammirabilmente calcolato temporeggiare il carattere di completa rottura che egli ancora si riserbava per tema di perdere, già quasi perdute le altre possibilità, anche quella unica realtà.

Queste lettere appartengono indubitatamente al '69. Il tenore di esse non è tale da farcele supporre scritte in una licenza precedente alla lettera al padre dell'11 settembre 1768, ma conseguenti a questa. Esse sono l'ultimo documento e il risultato di quella crisi che ebbe la sua fase più acuta negli ultimi tempi del servizio. La pubblicazione del *Sindei* risale d'altra parte, e questo potrebbe togliere l'ultimo dubbio, proprio a quest'anno¹. Resta solo a stabilire a un di presso l'epoca in cui l'una e l'altra vennero inviate. Quasi sicuramente il Fonvizin fu mandato in licenza, com'era avvenuto altra volta, per le vacanze natalizie non foss'altro che per salvare un'apparenza burocratica, e la durata di sei mesi gli fu concessa in vista delle ragioni „note“ all'*Jelaghin*, cui si accenna nel primo paragrafo, e che certo furono, da quanto si può intravedere, un pretesto d'ordine finanziario familiare. Vere o no che fossero, l'intento fu raggiunto, e restando „sette settimane“ ancora alla scadenza, si può con quasi certezza assegnare la data alla metà del marzo. L'altra lettera, dandoci chiaramente a capire che la scadenza del permesso è ormai prossima, dovrebbe essere tutt'al più di un mese dopo. La „commedia“ che nella prima si dà per quasi finita, adesso lo è già completamente, ma lo stile delle due è talmente diverso, l'allusione ad un eventuale ordine dell'*Jelaghin* per farlo tornare è a tal punto

¹ Nonostante la traduzione fosse già da un pezzo ultimata. Dai *Zapiski Porosina* si sa che la rappresentazione del *Sindei* „Tradotto dal Signor Fon-Vizin“ risale alla sera del 10 novembre 1864.

un invito, che dubiteremmo che le due lettere appartenessero alla stessa epoca, e che la seconda risalisse ad un tempo molto anteriore, se la frase „se la vostra compiacenza sarà così grande a mio riguardo da concedermi di restar qui ancora mezz'anno“ non ci togliesse dal dubbio. Il riparlare stesso della „commedia“ non sarebbe ancora argomento sufficiente a distruggere l'impressione di forte diseguaglianza dei due caratteri. Questi non si possono conciliare che con quel risultato di tentativi falliti cui ho più sopra accennato, e con la paura da parte del Fonvizin che l'Jelaghin, disgustato, non finisse per concedere una licenza in perpetuum. Degli stessi tentativi di una carriera letteraria neppure si parla più. Il contratto con Vever non è più una questione delicata che lo costringe a esitare. La risposta dell'Jelaghin dovè, invece, bruciare e il Fonvizin per tema di peggio lasciò da parte l'elenco delle mille ragioni già usate.

La lettera del marzo era un vero e proprio *ultimatum*. Il quadro che di sè stesso dà il nostro scrittore è quello di un uomo che aggioga a meraviglia i suoi affari, che anzi in mezzo a questi si sente così a posto che gli diviene scrupolo — si noti l'abilità del sottolineare questo moto onesto della coscienza — rubare i denari allo stato, dato che col lavoro che gli si fa fare è cosciente di non guadagnarsi il magro stipendio che riceve. Di un uomo che a servire sotto l'Jelaghin usa a costui quasi una finezza e un rispettoso riguardo, andando incontro ad ogni interesse personale, e che cerca, seccato, il modo più pulito per cavarsela. C'è poi il „milione di ragioni“, mai espresse, che gli impediscono di vivere col Luxin mentre adesso riposa nella pace e nella contentezza della famiglia, e gli affari con Vever che stanno lì a dire al Ministro di stare accorto nel trattare col suo protetto come ha fatto fin'ora. Questa è la prima parte della lettera che tende tutta a dare all'Jelaghin una simile impressione, e a colpirlo come si è già detto nell'amor proprio di protettore. E come dirgli che tutto ciò che ha fatto non ha condotto a nulla e che egli da sè sa meglio cavarsi d'impiccio. Ma le carte si scoprono nella seconda parte dove risiede l'*ultimatum* che è, oserei dire, di una sfacciata raffinatezza. Egli rientrerà a Pietroburgo nel termine dovuto, troncando i propri interessi, solo se sua Eccellenza „si degnerà di considerare [ciò] come indispensabile per la mia fortuna“. L'ultimo capoverso della lettera è il colpo definitivo. L'offesa è portata in pieno all'Jelaghin: „E chi mi può garantire che non sia dimenticato da voi? Per un uomo occupato dagli affari mezz'anno è un tempo abbastanza lungo per dimenticare un intero centinaio di persone, non soltanto una“. L'indecenza della frase non tanto è evidente come strattagemma per destare nell'Jelaghin la coscienza del protettore, quanto pe'l fatto che si denunzia come una vera ingratitudine a suo riguardo. Va bene che fu torto dell'Jelaghin di non aver saputo comprendere il Fonvizin e di non averlo incoraggiato riuscendo a trar da lui, come impiegato, ciò che fu possibile di lì a qualche mese al Panin, ma egli avendo appunto un'opinione errata del giovanotto dimostrò col continuare a tenerlo presso di sè, col concedergli lunghe e ripetute licenze, col non impicciarlo in lavori

di responsabilità ai quali lo giudicava inadatto, di comportarsi realmente come protettore affezionato e disinteressato in riguardo forse alla considerazione che di lui aveva come scrittore.

Queste non furono le prime lettere scritte dal Fonvizin dopo ottenuta la licenza; si parla di „filosofia“ e di „scherzi“ certamente appartenenti ad altre ormai andate perdute, e d'altra parte la calcolata politica di esse sarebbe in disaccordo col loro autori se fossero giunte da Mosca come prime e tarde notizie e così già duramente precise nel loro programma. La „commedia“ di cui si parla ha lasciato dei dubbi circa a quale delle opere del Fonvizin si riferisca. Egli vi ha lavorato durante i sei mesi del congedo, e circa l'aprile del 1769 l'ha finita. È da escludersi a priori un rimaneggiamento del *Brigadiere*; la lettera parla chiaro e non è affatto da dubitare che si tratti di un lavoro assolutamente nuovo. Ma le commedie finite del Fonvizin non sono molte: quattro in tutto, se qualcuna non è andata perduta. Il *Corion* era già ultimato nel '64, così che la frase „ho quasi finito di scrivere la mia commedia“¹ che segue immediatamente allo „scrivo versi“ non si può prendere nel valore di un „a proposito“. La scelta dell'istitutore si sa che appartiene agli ultimi anni dello scrittore, tanto che si pensa di identificarlo con lo Hoffmeister di cui si parla nei *Zapiski* di I. I. Dmitrjev. Non può trattarsi che del *Minorenne*. Ma come giustificare i tredici anni decorsi da questo periodo al giorno della rappresentazione?

Ciò che colpisce, leggendo la prima volta questa commedia, è un senso di forte slegatezza fra alcune parti di essa, non sfuggito neppure al maggior critico del Fonvizin il Vjázemskij, quasi qualcosa vi fosse stata aggiunta sopra a guisa di uno strano quadro la cui scena dipinta ad affresco si incorniciasse in un fondo a mosaico. Rileggendo a più riprese, questa impressione va man mano afforzandosi, fino a che si crede di riconoscere qualcuna delle parti sovrapposte, a portare gradatamente alla luce il sottopiano del paliusesto. Inoltre è da domandarsi come un uomo giunto alla sua maturità e alla sua completezza artistica, e che ha dimostrato di saper creare nella *Prostattova* un personaggio così al di sopra delle figurezioni assai schematiche della prima opera giovanile, e di precorrere con essa alcuno di cinquant'anni il teatro moderno, può essere caduto in una inabilità tale nella costruzione della propria commedia. Il *Brigadiere* come opera d'arte di maggiore unità artistica, di maggiore equilibrio in ciascuna delle sue parti, è senz'altro superiore al *Minorenne*. L'azione finisce regolare, senza intoppi, con una tale ricchezza di mezzi, anzi, da fare stupire. Nonostante la schematizzazione, nonostante una certa piattezza, non vi è tuttavia nessuna parte che stia al di sopra o al di sotto del tutto, in modo da creare una sensibile stonatura; così che il lettore, da nulla tur-

¹ Il parlare della commedia è pure un'astuzia che tende a toccare l'Jelaghin nel lato più sensibile del suo affetto per il Fonvizin che, come si è detto, consistè più in un apprezzamento del dono dello scrittore che non di quelli del funzionario.

bato in quell'aura di mediocrità, finisce con l'ambientarvisi e non più notarla. Ogni scena ha il suo preciso valore rispetto all'azione e che i critici dell'ottocento abbian pure detto quello che vogliono, nessuna di esse può esser tolta nè disposta in altro modo poichè ciascuna ha la sua propria e insostituibile funzione. Tutto questo non si può dire del *Njedorosl'*. Il disequilibrio fra tutte le sue parti è fortissimo, senza di esso la commedia sarebbe stata un capolavoro; due o tre personaggi sembrano perfino creati da autori diversi; togliamo, se per il momento non vogliamo cercarne un'altra, tutta la seconda scena dell'atto quarto fra Sofia e Starodum (vi si può includere anche la prima che non è che un breve monologo di Sofia); nessuno che prima ignorasse la commedia potrà in alcun modo rendersi conto della mutilazione. Anzi quella se ne avantaggerà.

Il *Minorenne* ha subito un rimaneggiamento. Nel 1769, ancor fresco il Fonvisin della gloria del *Brigadiere*, e desideroso di continuarla, si mise all'opera durante il periodo della licenza. Il *Njedorosl'* poteva costituire, a lavoro compiuto, anch'esso un fattore di emancipazione dall'*Jelaghin*, come il contratto con Vever e la pubblicazione del *Sindei*. Perché non fu pubblicato o rappresentato negli anni che seguirono alla sua creazione? A questa domanda non è difficile rispondere qualora si tenga presente che il 9 dicembre dello stesso anno il Fonvisin fu nominato consigliere di Corte, servendo sotto il Panin con uno stipendio di 1300 rubli in luogo degli 800 che riceveva dall'*Jelaghin*, e che il nuovo posto per il quale dovè brigare tutta l'estate, assai più che per cercare di mettere in scena la propria opera, lo portò completamente in un altro campo d'attività che lo tolse necessariamente da qualsiasi altra cura. Debuttare, lui, con gli stessi „ozi letterari“ che l'avevan fatto giudicare cattivo impiegato dall'*Jelaghin*, nel servizio col Panin, dopo la precedente esperienza, egli dovè considerarlo pericoloso. Gli incarichi particolari, come la spedizione segreta che forse non fu l'unica, e per la quale ricevè un compenso di 500 rubli, aggravavano ancora di più le sue abituali mansioni alle quali non è difficile immaginare con quale impegno e quale passione egli dovè consacrare tutto se stesso. Si trattava di consolidare una vittoria di fronte all'*Jelaghin* che aveva perduto un dì pendente passato a servire sotto un personaggio ben più altolocato, e a quel tempo ancora molto potente pe' i favori di Caterina. Ma anche a parte una così poco importante quistione di ripricco personale, al Fonvisin non dovè mancare una buona dose di entusiasmo destatagli dalle speranze rinate, dalla vita nuovamente apertasi in tutta la sua ricchezza di possibilità dinanzi a lui, e da quell'affetto sincero verso il Panin che dimostrò anche nel seguito duraturo, e che non poco lo impegnò moralmente a darsi anima e corpo alle sue mansioni. E spiegabile come dopo le disillusioni sofferte con l'*Jelaghin* questo affetto misto di gratitudine dovesse sorgere.

Parlare di una rielaborazione del *Njedorosl'* senza cercar di mostrare in cosa questa sia consistita, quale sia stata la prima stesura e quali le parti sovrapposte o rifiuse, significherebbe lasciare aperto uno dei pro-

blemi più interessanti che toccano da vicino sia la critica alle opere che la biografia del Fonvizin. Certo è che occorre più mostrare che dimostrare, come in tema di attribuzioni nella storia dell'arte, ma quando non si hanno basi documentarie su cui poggiarsi, questa è l'unica critica possibile, se pur passibile di essere o no accettata.

Una cosa che si noterà subito è come nella commedia ci siano due personaggi principali. Due personaggi la cui azione non è tanto autitetica quanto disgregante, e che sembrano attrarre le sorti di essa in due parti nettamente distinte. Starodum e la Prostakova. Prima dell'arrivo dello zio di Sofia tutta la commedia converge su quella come su un pernio che a partire dal quarto atto, si sposta completamente nella persona del *raisonneur*. Ma sarebbe errore pensare che questo spostamento sia uno spostamento dell'azione, chè si riduce solo ad un valore di preponderanza nelle parti. E in fatti, se osserviamo da vicino quale valore abbia la presenza di Starodum sulla scena, vedremo che non ne ha nessuna. Tutta la funzione mutamento nelle sorti dell'azione è sostenuta dalla sua lettera: uno dei „punti“ che nella poetica della commedia antica erano destinati di prammatica a rialzare le sorti, a ridestare l'interesse, a costituire la „sorpresa“. La „lettera“ „era uno degli strattagemmi più usati, quasi un luogo comune (si pensi, nella commedia francese, ai due famosi biglietti di Célimène nel *Misanthrope*) come la „risoluzione del processo“. Ora la lettera di Starodum è in valore appunto del processo di Dobroljubov che muta il destino della ragazza col matrimonio d'amore, anche se qui ha accentuazione e valore maggiori. Essa rende inutile la presenza del personaggio. Quanto maggiore effetto avrebbe prodotto il sostituirvi l'improvviso apparire del vecchio zio come un improvviso fulmine a ciel sereno? Ma occorreva sacrificare tutta la scena della lettura di essa che è fra le più riuscite, e forse per questo il Fonvizin non seppe risolversi come doveva a modificare il piano poccedente. Vediamo ancora quale parte egli abbia nella salvazione al momento in cui si tenta di capire Sofia. Chi trae la ragazza dall'impiccio è, insieme con Pravdin, Milon il quale appare in scena con la sua comica sciabola sguainata; Starodum non dice che qualche mezza frase, e quella che provoca la bellissima battuta della Prostakova: „Ha perdonato! Ah, Dio te lo renda. . . Ora si avrà il fatto suo questa marmaglia di nemici pagati!“ non è proprio indispensabile che egli la dica, e non avrebbe affatto stonato in bocca a Milon, formando anzi un bel contrasto di generosità con la sua spada minacciosa. La scena stessa mi ha tutta l'aria di essere stata in un primo tempo qualcosa di ben più importante di quello che non appaia adesso, rimasta lì come una trovata, un colpo di scena al quale sia dispiaciuto ormai rinunciare. Adesso costituisce quasi una inutile sorpresa, una complicazione in più di sovraccarico. Pravdin per arrogarsi il diritto di amministrazione dei beni non aveva certo bisogno di aspettare uno scandalo di ordine prettamente familiare, e Sofia per andar sposa a Milon, avendo il consenso dello zio, non era indispensabile che passasse attraverso ai pericoli di un rapimento per dar diritto al suo ufficiale salvatore di

sposarla. Rivolgamoci infine un'ultima domanda: se tutto ciò è inutile alla logica dell'azione, non costituisce l'atto di per se stesso una pennellata finale al carattere della Prostakova come l'atto più grandioso ed enorme suggerito della sua fantasia perversa? Purtroppo no. La parola „sorpresa“ che ho più sopra adoperata per definire il rapimento di Sofia, non ha il valore della sorpresa dell'antica commedia ma di un reale stupore che ci fa sentire il gesto della Prostakova come eccedente di quella linea sulla quale l'autore l'ha condotta. È una dissonanza, e tanto più sgradevole in quanto, lontana dal costituire una stonatura, e cioè qualcosa di eterogeneo che si può eliminare, non è che un pesare della mano dello scrittore sopra i tratti del suo carattere. In altre parole è una forsatura di questo alla quale l'equilibrio del Fonvizin, fino ad allora mostratosi perfetto, non l'avrebbe sottoposta se la scena stessa non gli avesse fatto giuoco in un primo tempo, come *deus ex machina*.

Non credo di esser troppo lontano dal vero nel supporre che il ratto doveva dilazionare ancora di qualche scena l'arrivo di Starodum, se non forse impegnarsi l'azione senza la presenza di costui che non avrebbe quindi ulteriormente figurato fra i personaggi della commedia della prima stesura. Fornendo il maltrattamento dei servi e dei contadini pretesto a Pravdin di prendere le redini dell'amministrazione, occorre a Milon a sua volta un pretesto per strappare Sofia dalle mani della Postakova, e se si vuole da quelle di Skotinin e di Mitrofan. Starodum è di troppo in questa circostanza. Abbiamo veduto come la sua presenza non si dimentichi la funzione della lettera — non influenzi in nulla l'azione. Osserviamo ancora come egli non riesca a incastrarsi nel dialogo quando quattro, cinque persone sono sulla scena, ma come invece la sua parte si svolga tutta nei dialoghi a due, a tre; dialoghi non sempre in stretto argomento coi fatti, anzi quasi mai, ma di un moralizzare generale e svariato. Questi dialoghi costituiscono intere scene che, tolte, non danneggiano il corso della commedia ma giovano anzi alla sua economia. Ho detto che le prime due scene del quarto atto si possono senz'altro sottrarre; a queste aggiungiamo le altre due prime del terzo e la prima del quinto; potremmo spingerci più in là. Come conciliare tutto ciò con la tessitura del Brigadiere, opera per di più giovanile, combinata così precisa come un giuoco di scacchi?

Esisteva nella prima stesura Pravdin? Per me non ci è dubbio; solo che la sua azione, poi arricchitasi con la presenza di Starodum, era ristretta ad una aspettativa dell'ultimo colpo di scena con l'appropriazione dell'amministrazione da parte dello Stato. E per quanto si possa supporre che essa doveva esser limitata in riguardo a quell'equilibrio fra *raisonneurs* e personaggi, dimostrato perfetto già nel Brigadiere, costituiva tuttavia già una evoluzione rispetto a quest'ultimo. Quanti sono, infatti, i „personaggi onesti“ della prima commedia? Due: Sofia e Dobroljubov. Nel *Minorenne*, oltre la coppia degli amanti si ha un terzo personaggio che ha già valore diverso dal solito *raisonneur*: egli è un rappresentante dello

Stato, una impersonificazione delle nuove riforme. Nel *Brigadiere* si dice che in oggi si dà giustizia a chi ha ragione e non a chi paga di più, come un tempo. Qui il Fonvizin non si è più contentato di accenni, ma ha portato sulla scena un vero e proprio funzionario. Starodum costituirebbe il quarto personaggio onesto. Era un superare tutte le norme della commedia; un vero colpo di testa. Creare del *raisonneur* un personaggio principale, crearne una figura indimenticabile e tipica, e non lasciar più che l'azione costituisse una critica indiretta delle piaghe sociali usando solo della derisione e del ridicolo per combatterla, ma unirvi una critica diretta ed un esempio, ecco quale dovè esser l'intento del Fonvizin quando, passati alcuni anni, rileggendo la commedia scritta nei mesi della licenza a Mosca sentì di dover superare con qualcosa di non ancora mai fatto il *Brigadiere*, e tutte le opere dei suoi contemporanei. Ciò che aveva fatto non gli bastava più.

A comprendere come l'idea di una maggior valorizzazione dell'elemento morale nella commedia abbia potuto indurre il Fonvizin ad una revisione di essa, e guidarlo, ci aiuta la considerazione che da questo periodo, salvo qualche piccolo ritorno che non ha avuto seguito e dei cui probabili sviluppi, appunto per questo, non è possibile giudicare, tutte le sue opere prendono un indirizzo teoretico, lasciano la veste artistica per assumere direttamente un carattere gnomico. Cos'è che abbia potuto indurlo a ciò è difficile precisare. Troppi documenti ci mancano, soprattutto per questa seconda metà della sua vita, e le poche lettere e le testimonianze che ci restano toccano molte da lontano la sua persona perchè possiamo farcene un'idea sicura. È certo che il successo tributatogli come persecutore di vizi sociali, la crisi di coscienza generata dalla *Poslanije*, non certo, come ho mostrato altrove¹, quale elemento religioso, dovettero avere una partecipazione, per quanto indiretta, a questo mutarsi. Non bisogna neppure dimenticarsi che passando egli, e questo elemento è assai importante, al servizio del Panin, memore di quell'esame cui il ministro lo aveva sottoposto nel sessantaquattro in quella sera durante la quale, vestendosi, lo aveva fatto attendere per presentarlo al Principe, si sentì impegnato di fronte al nuovo protettore non solo come dipendente ma anche come uomo. Frutto di tutto ciò fu uno stimolo alla lettura di libri filosofici che certamente compirono da soli la trasformazione. Il Fonvizin aveva già preso a sentirne il gusto dopo i consigli del senatore Teplov. E quell'aria di eticismo nella quale respirava tutta l'Europa del settecento, dietro la guida della Francia, finì con l'avvolgerlo. Ma fu proprio in queste letture che egli mostrò appieno l'insufficienza del suo autodidattismo. È veramente curioso vedere su quali libri egli si sia soffermato, rubandovi perfino a man bassa, a volte, gli errori, e, all'opposto di quell'ubriachezza che ne aveva tratta Caterina, con quale leggerezza egli abbia giudicato i

¹ Il presente lavoro è tratto da uno studio biografico sul F. di prossima pubblicazione presso l'Istituto per l'Europa orientale in Roma.

più grandi ingegni dell' illuminismo; l'unico per il quale abbia sentito un po più di rispetto — è quasi una incomprensibile contraddizione — è stato proprio l' ateo Voltaire che lo affascinò col suo stile brillante.

Ho cercato per quanto mi è stato possibile fra i documenti dell'epoca, anche non riguardanti direttamente il Fonvizin, tracce di conversazioni o scritti del Panin di argomento morale, e in genere filosofico, a ciò spinto da quel magnifico Piano presentato per l'educazione dello Tsarevič che in un primo tempo mi aveva fatto pensare alla probabilità di una più diretta influenza del ministro sugli indirizzi del Fonvizin, e che mi avrebbero fornito una cronaca più palpabile del passaggio dall'arte alla teoria avvenuto in quest'ultimo. Devo riconoscere che il risultato che ne ho ricavato è relativo e più alto a farmi considerare il Panin più come uomo interamente dedicato alla politica, e che per caso puramente accidentale si sofferma a fare qualche riflessione o risponde a problemi postigli, che non come uno che si diletta a promuoverne¹. Non essendo quindi possibile azzardare opinioni in proposito, occorre restringerci alla nostra supposizione, lasciando insoluto uno dei problemi di maggiore importanza che tocchino la biografia del Fonvizin. Se le testimonianze ci mancano, le opere che han tenuto dietro al Njedoros' in luogo di aiutare ad una comprensione ci pongono il curioso esempio di un uomo il quale dotato di singolari qualità di artista, abbandona l'arte per darsi a una scienza nella quale dà mediocrissima prova di sè. Se come scrittore egli fosse stato egualmente un mediocre il problema non sussisterebbe in quanto arte e filosofia potrebbero considerarsi nei riguardi di lui occupazioni qualsiasi quali quella di far l'acquirente di quadri come fece in Italia mostrandosi, senza farsi gran torto, intenditore un pò grossolano. E, all'opposto, se invece di ripeter luoghi comuni e plagiare ci avesse dato un pensiero originale in luogo di due originali commedie, potremmo senz'altro affermare che nella filosofia egli avesse trovato la propria strada anche se tardi nella vita. Purtroppo la filosofia non fu che una pretesa e nel suo lato praticistico, e fondamentale, una polemica.

L. Savoj

¹ Tracce di conversazioni di ordine morale e filosofico fra il F. e il generale Pietro Panin fratello di Uikita, si possono ritrovare nell'epistolario pubblicato dal principe Vjazemskij.

Hviezdoslavovy dramatické zlomky

Pavel Országh Hviezdoslav měl v svém oravském zákoutí, v Náměstově a v Kubíně, pramálo možnosti poučit se o technice opravdové umělecké scény, a zejména mu chyběla představa moderní režie a výpravy. Za mlada viděl sice na chvíli Pešť a Prahu, v dalším životě zavadil i na nějaký den o Krakov a Vídeň, ale to naprosto nestačilo, aby z toho co pro svou dramatickou činnost vytěžil. Proto viděl drama a divadlo příliš knižně, tak, jak je mohl vychutnávat ze světových dramatiků, jimiž se v své knihovně obklopil.

Snad nikdy neuvědomil si tohoto nedostatku tak, jako o divadelních slavnostech v květnu r. 1918 v Praze a pak po převratu, když několikrát přišel do Prahy jako poslanec Národního shromáždění a navštívil pražské Národní divadlo a vinohradské Městské divadlo. Napiatě naslouchal moderním kusům a hercům a žasl nad součinností režisérovou s auktorem a nad výpravou. Provázel jsem ho tehdy několikráte, a vždy se rozhovořil o problémech moderního dramatika na velkém divadle, kde s ním spolupracuje tolik složek, a umínoval si, že v tomto novém duchu přepracuje aspoň svého Heroda a Herodiadu a snad se i pokusí ještě o nové drama, možná že o Jánišíkovi, či o nějaké osobitě slovenské drama, snad z venkovského života, kde by se dal hojně uplatnit slovenský kolorit a folklor. Doznával, že mu v hlavě stále ještě blýská na novou tvorbu, avšak že se rád vrací i k svým opuštěným zlomkům, zapadlým v starých papírech, ale dosud stále živým a zvoucím, aby se jich ještě jednou tvořivě dotkl a vzbudil je dohotovené k životu. Dostali jsme se tak na jeho dramatické prvotiny (Vzhledanie, 1868, Sokol VII, Pomstu, 1869, Sokol VIII, Otčím, 1871, Napred), ale Hviezdoslav prozrazoval, že to byl u něho jen první dramatický nával, že následovala řada námětů a osnov, jež bohužel uvázly jako zlomek, právě snad proto, že nebylo naděje že by se dostaly na jeviště, když ho život odhodil stranou všeho divadelního světa.

Výsledkem všech těchto hovorů bylo, že mně básník zaslal jednoho dne tříšť starých papírů, popsaných tužkou i inkoustem, zažloutlých desítilíty, a na nich vedle lyrických a epických náčrtů objevily se i dramatické osnovy a pokusy. Vybral jsem je, seřadil, a tak jsem shledal, že dramatický Hviezdoslavův program byl za mlada, zejména počátkem sedmdesátých let minulého století, veliký a pozoruhodný, a že zasahal do antiky, do uherské a československé historie, že mířil k slovenskému společenskému a selskému životu a že hledal náměty i z německé

literatury. Dramatický Hviezdoslavův profil se tím vším značně obměnil a doplnil dalšími důležitými rysy a odstíny, tak že tyto zanechané a polostlelé zlomky zasluhují skutečně důkladnějšího pozoru a rozboru.

a. Antické látky.

1. Lukrecie.

Koncem šedesátých let minulého století zaujala na kežmarském gymnasiu mladého studenta Pavla Országha, pozdějšího Hviezdoslava, i římská historie, jak o ní četl v Liviovi a v učebnici. Uchytil jej tu zejména příběh Lukreciiny¹. Vypsal si do poznámek historku o ní a sestavil její děj již jako dramatickou osnovu pro chystané drama o Lukrecií. Podstatou dramatu byla znásilněná Lukrecie Tarquiniem Sextem, její sebevražda a pak následek toho všeho vyhnání Tarquinia Superba z Říma. Na tento půdorys bylo nastaveno několik rušných scén, — obléhaná Ardea od Římanů, vzpoura lidu vůči královi a jeho synovi Sextu, pád královského trůnu, a zase intimnější dějstva, návštěva Tarquiniův v Lukreciině domě, Sextovo násilí, Lukreciina žaloba přátelům, její smrt a pohřeb a konečně nastolení jejího otce Spuria Lukrecia za mezikrále. Országh jako pilný Shakespeareův čtenář² obklopil hrdiny chystaného dramatu i lidovými typy a slavnostními výjevy a projevy.

Zdá se, že konečným nárazem, aby tento příběh dramaticky zpracoval, byla školní německá úloha „Charakter des Tarquinius“, Országh zpracoval tuto úlohu jako spor Collatinovy manželky Lukrecie s Tarquiniem Sextem, z jehož návštěvy v manželově nepřítomnosti rozvíjelo se drama násilného cizoložství, zaplacené smrtí znásilněné a pádem dynastie. Charakter Tarquiniův byl tu vyložen jeho násilným činem.

Országh poznámkoval si úlohu na konceptu konfrontací příbuzenských svazků Tarquiniových a Lukreciiných, aby z nich vyvodil přesně rozestavu dramatického konfliktu. Co pokládal dramaticky za nejvypiatější okamžik označil v německém textu latinským citátem: „Tace, inquit, Lucretia. Sextus Tarquinius sum. Ferrum in manu est; moriere, si emiseris vocem“.³ Po těchto slovech drama rychle dozrávalo.

¹ Srv. Livius, ab urbe condita, I. 1., c. 57-59. Je pravděpodobné, že na Országha působil i Tacitus (6. Ann. II) a snad i Ovidius (Fast. 2, 741,795).

² Országh v této době Shakespeara i překládal a vypisoval si do svých poznámek o něm i jednotlivé soudy. Z K. E. Štorcha si na př. vypsal, že Sh. jest dramatický velikán, nevyčerpaný, nevyčerpatelný, jako život lidský, který se v něm zrcadlí. Je svět pro sebe, blankyt nejčarovnější poesie, duch pravdy, nevyrovnaný pozorovatel a idealista. Z Börna zaznamenal si apotheosu Hamleta. Ještě na konec života vzpomínal Országh, že se Shakespearem po celou dobu školování i spával, bylť mu nevyčerpatelnou studnou vznešených lidských pomyslů. — Ze studentské doby dostaly se do Hviezdoslavovy knihovny i knihy Lad. Névya: A Tragédia elemélete (1871), A drámai koezeptajak (1873). — V Országhových papírech dochoval se i opis úloh pro divadlo na př. úloha Palárikova Drótara. Országh hrával divadlo v Kubíně jako právník a byl jako herec v novnách chválen. Staral se tedy o divadlo i prakticky.

³ Országhova úloha je zkratkou Liviových kapitol I., 57-59 a obsahuje všechny její dramatické momenty. Latinský uvedený citát jest z c. 58, 2. — Podle Livia zdra-

Takto pripraven dal se Országh do vlastního dramatu. Podle zachovaného rozvrhu mělo se soustřediti na obraz skvělého královského dvoru Tarquinia Superba a na jeho vládu bez práva, zákona a mravu, na boj kolem Ardeje, násilí Tarquinia Sexta, tragiku Lukrecie před sebevraždou a na vyhnání krále jako důsledek pychu na Lukrecii. V dramatu měli míti významné úlohy vedle protagonistů i Spurius Lukretius, Publius Valerius, Tarquinius Collatinus a Junius Brutus.

V Országhových papírech zachovaly se z dramatu čtyři rozdělané a nedokončené zlomky: 1). Tábor u Ardeje (rozhovor dvou vojáků o králi, vojenském životě, jeho lopotě a dlouhé chvíli), 2). Svátek Latinů (při němž vedle hodovného veselí zavznivaly hlasy proti Tarquiniovi a jeho zverstvům) 3). Lukrecie ve Vestině chrámu, v modlitbách za manželovu věrnost (Lukrecie bála se jít do manželova tábora, jakoby tušila, že se připravuje pádem její cnosti pád jejího muže, 4). Tarquiniův monolog před zavřenou branou Říma¹, jenž jedině vypracován a zaslouží, aby byl doslova uveden:

„Zavretá brána! nestidatý shon
zaznal si svojho pána, oh bohovia
otvorte mi, lebo moja ruka
oslábla a ľud, čo som ho pohánal,
pohánat ide mňa. Čo som ním mrskal:
mnou ide mrskat. Krv som jeho pil:
on smadne za mojou. Či jej mámo tolko,
že zahasím smäa týchto suchých skál,
čo obývaju Rím? Oh, ty mesto!
Ženieš ma prútom! Prestaň, pozhovej!
Buď milosrdné! Či som ja nebol,
keď s nariekalo? — Tu hlá prisahám,
že ukruštenstvo moje vzalo koniec!
Veď muselo, ach! tieto pištale,
čo zovie svet nohamí, tak zatruchlia,
berúc mi dušu! Vy tam, milé hviezdy!
Vy plakať chcete nad bedou Tarquina!
Neplačte, prosím vás, ale spomocte!
K Olympu všetky s prosbou shrňte sa,
vyprieste: aby hrom uderil každú
dušu odbojca besnu! na rumoch
postavil tron Tarquinov, prosteže!
Ale nie, veď tá já ver pokorím,
nezbedný Ríme, — och ale slabý som;
však mi zšedively vlasy? Kdo povedá,
že vraj od zlosti? —

Tento metricky nepravidelný a nedůsledný monolog vepsal si Országh do svého oktávanského sešitku „Magyar irálygyakorlatok“ a podepsal jej

matisoval drama o Lukrecii i Fr. Ponsard. Bylo hráno v Odeonu a pojato jako odpor vůči romantikům.

¹ Monolog opírá se sice o Liviovu zprávu (Tarquinio clausae portae exiliumque indictum), ale není vyloučen i Vergiliův vliv (6. Aen. 819,646).

Országh Pál, VIII. ostal. tan.. Tak jest zlomek Lukrecie bezpečně i datován, vznikl v šk. r. 1869/70.

Országh zřejmě pokračoval dramaticky, podnícen úspěchem dvou prvních otištěných prvotín. Proč nepokračoval v Lukrecii, nelze dnes uhadnout, snad jej odstrašila zkušenost s red. Nedobrym, jemuž poslal jakousi smutnohru a nedostal na ni odpovědi, jak si stěžoval z Kežmarku neznámému adresátu v dopise ze dne 22/9 r. 1869. Zlomky Lukrecie jsou však až na účinný monolog příliš nepatrné, aby se dal pokus o Országhovo antické drama hodnotit. Nejsou ani obrazově a výrazově zvlášť osobité, aby naznačovaly budoucího směrdatného tvůrce.

2. Silvius a Valerie.

Z římské historie zaujal se Országh ještě o problém vestálství. Chtěl jej řešiti na svěřenci Servia Tullia Silviovi, vychovávaném u hlavního kněze Vesti na chrámu Flavia, jenž zahořel láskou k Vestálce Valeriei a přivodil jí potupu a smrt za porušený slib čistoty.¹

V Országhových papírech zachoval se o tom jen latinsko-slovensko-německý zápis, podle papíru, inkoustu a písma soudě ze šk. r. 1869/70.

b. Historické náměty uherské a československé.

V Prešově na právnických studiích osnoval Országh i dramata z dějin Uher a Čech, pokud do uherských dějin zasáhly. Stalo se to asi vlivem župčanského faráře, historika a dramatika Jonáše Záborského, k němuž právník Országh chodíval a jehož rukopisné dějiny Uher asi četl. Záborský poučoval jej asi i o literatuře předmětu, tak že překvapující Országhova znalost pramenů vlastně ze Záborského. Záborský působil na mladého přítele asi i jako dramatik. Některé vybrané Országhovy látky souvisí přímo s látkami a náměty Záborského.

1. Matúš Trenčanský.

Országh si psal do studentských sešitů poznámky o dramatických látkách. Na prvním místě zaznamenal si jméno Matúše Trenčanského a literaturu o něm: Dalimila (vyd. 1850, str. 175/6), L. Štúra (Spevy a piesne 1853), Viktorina (Gramatik 1860, 225), Hurbana (Olejkár 1846), Annales regum Hungariae 1763), Fesslera (Gemälde aus den alten Zeiten der Hungarn 1808), Fejéra (Codex diplomaticus 1829), a J. Gotčára (program b. bystř. gymn. 1854).

Záborský věnoval době Matouše Čáka čtyři dramata a Vilém Pauliny Tóth chtěl mu věnovat drama a napsal o něm román. Není tedy divu, že i Országh zatoužil tuto oblíbenou postavu představití po svém. Z úmyslu zbyl však jen záznam.

¹ Námět připomíná vestálské drama Julie a Licinia, jež zpracoval Jony a zhudebnil Spontini (La Vestale). Bylo představeno v Paříži r. 1807. Tentýž námět zpracoval dramaticky i Mercadante (La Vestale 1841).

2. Felicián Záh.

K době Matouše Trenčanského druží se i paladin Karla Roberta Felicián Sáh, jemuž věnoval Záborský v své známé tetralogii o této době druhé drama a jehož postava, patrně vlivem župčanského faráře, uchýtila i Országha.

Z chystané hry zachovaly se tři zlomky, zřejmě náběhy k pětiaktové tragedii, v níž měly vystupovati tyto postavy: uherský král Karel Robert, jeho manželka Alžběta, její bratr polský pretendent Kazimír, nádvorník Felician Záh, jeho dcera Klára, pohárník Celényi a Mikuláš Omodej. Je však dochován i variant scénáře, podle něhož do hry přibyly i další osoby: palatin Jan Druget, jeho žena Katarína, jejich děti Mikuláš, Helena a Marie, Záhův syn Jan, Pojža a dcera Soba s manželem Kopayem, Robertovy děti Ludvík a Ondřej, královský vychovatel Gyulatr a šašek Rikkancs. Országh četl k dramatu i příslušnou maďarskou literaturu, což dokazují maďarské přípisky k charakteristice některých jmen (trónorákos, vármag).

Országh byl pravděpodobně na rozpacích, kterak drama začítí. První fragment začíná první dějství v Záhově paláci Záhovým monologem o tom, že opustil svojet' za královský dvůr a za přízeň vlašských pánů. Připadá si sklaman, prožil i smutné dny. Druhý fragment rozvírá scénu Matoušovým táborem u Rozhanovic, z něhož vystoupili Mikuláš a Ladislav Omodějovci (v scénáři neuvedení) a mluví o bratru Janovi, s nímž jest nutný smír, protože se blíží boje za svobodu a osobní spory musí ustoupiti tomuto velikému cíli. V další scéně exponoval poradu Drugetovu se Záhem. Třetí fragment uvádí hru na rozhanovická pole, k bohatýrskému stolu válečníků, mezi nimiž povstal Matúš (v scénáři také neuveden), aby povzbudil druhy k ranním bojům, jež je ověncí slavou.

Všecky tyto tři zlomky jsou tak nepatrným náběhem ke hře, že si dnes nelze představití, kterak by byl Országh děj osnoval dále a pokud by byl závislý na Záborském.¹

3. Jan Jiskra.

K dramatu Jan Jiskra z Brandýsa sebral si Országh jen literaturu, patrně pomocí Záborského: Palacký (Dějiny čes. národa IV, I, 445), Jan Kadavý (Vzájemnost ve příkladech mezi Čechy, Moravany a Slováky, 1843, 28), Jireček (Perly české, 1855, 76), V. Hanka (Obrazy z dějin českých, 189), Archiv český (I, 329-31, II, 20, 21, 267, 409, 411, 413, 428), Kollár (Slávy dcera, zn. 403 s výkladem), Dlúgos (Historia Polska 82), Joannes de Thurocz (Chronika Hungarika), Josika (A csehek Magyar-országón), Belius (Notitiae Hungariae).

¹ Felician Sáh vystupoval s Karlem Robertem a s Mikulášem Omodejem již v Záborského Bitvě u Rosanoviec (Básně dramatické 1865). Z jeho trojaktové smutnohry Felician Sáh (tamtéž) převzal Országh většinu osob. Přidal k nim jen Ludvíka a Ondřeje (Robertovy děti), vychovatele Gyulatra a šaška Rikkancse. Se Záborským souvisí Országh i ideově. Sáh si uvědomil i u něho, že povolil přilít Vlachům, že zanedbal své a že si proto zasloužil pádu.

Vedle Josiky ponukli Országha k námětu o Jiskrovy nepochybně J. Záborský (Huňadovci)¹ a L. Kubáni (Valgata), již oba zobrazili zápas Jiskrovců s Huňadovci o severní Uhry.

4. Talafus z Ostrova.

Z Jiskrovy družiny uchytil Országha i Talafus z Ostrova a z Říčana. Schnul si k této látce — zase asi návodem Záborského — tuto literaturu: Tomašik (Památi Jelšavské a Muránské, 562), Archiv český (I. 225/6, III 347, IV 331, 387), Gallimachus (De rebus Vladislai), Schwandtner (Scriptores r. hung. 480), Jireček (Cas. č. Mus. 1859).

K Talafusovi dal Országhovi podnět asi Bohumil Janda Cidlinský lyricko-epickou básní o něm z r. 1864.

5. Huňadovci.

S námětem o Jiskrovi i Talafusovi těsně souvisela látka Hunyadich, bojujících s Jiskrovcí o severní Uhry. Országh pustil se do ní asi po příkladu Kubániho (Valgata) a Záborského (Huňadovci), ale ztrnul na zlomku prvního dějství. Bylo psáno prosou, umístil je v dvoraně hradu Huňada a zahájil je rozmlouvou dvou panošů o vzájemné chuti vyrazit do světa za turnaji. Hovor je hodně verbalistický, přeplněný obrazy a přirovnáními, jest i hláskově hodně suggestivní, plný zvukodobek, Országh přimísil k němu značnou příměs ze svého lyrického inventáře. Podle Shakespearova zvyku exponoval některé složky děje a některé rysy hrdin hovorem podružných osob.

Náčrt jest nepropracován a pochází asi z r. 1872.

6. Dětvan.

V Országhových Huňadovcích byl by býval ústředním rekem pravděpodobně král Matiaš, Hunyadův syn, protože v rozhovoru panošů jeho zjev se již kmitá. Országh věnoval mu ještě jeden dramatický pokus, Dětvan, prstonárodní činohru v pěti jednáních. Dochovaný scénář této hry má tyto osoby: Král Matiaš. Nádvorník Rozhoň. Zvolenský župan Laňovský. Zvolenští páni v králově průvodě Hajnoš, Peterdí a Nemeš. Selský synek Martin s otcem, matkou a milenkou Elenkou. Průvodkyně Elenčiny Marka, Zuzka, Julka, Hanka, Katrenka. Mládenci a děvy z Dětvy a královští četníci a polovníci.

Országh zpracoval jen čtyři scény prvního dějství, v nichž exponoval lidový živel a na konec na scénu uvedl krále Matiaše. Akt odehrává se na dětvanské polaně v podvečer, počíná zpěvem dětvanských dívek a hovorem o jejich milostných radostech a bolech, z nichž jest patrné, že všechny žárlí na Martinovu milou, Elenku. Vystoupením této milenecké dvojice soustředil Országh pozornost k jejich vztahu.

¹ Kapitán horních Uher Jan Jiskra má v Huňadovcích Záborského velkou úlohu v 3. dějství.

Povšimla jiho i družina krále Matiaše, ženoucí se přes scenu v lovu za jelenem. Ukončil ji král s Rozhoněm a s Batorym, okouzlený přírodou a lidem a rozhorovaný pro svobodu všem.

Országh nanesl do scén mnoho účinného dramatického vzruchu. Na slabounkou nitku chudého děje zavěsil přilehavé zpěvy žen i mužů, protagonisty obklopil jakýmsi chorem, jenž jejich názvuky z rozhovoru a z intonace písní rozvinul v písnové i slovní dozvuky, zpestřil scenu i tanečním rejem a hlomozivým ruchem polovníků, — šlo mu zřejmě o kolorit i o melodiku Dětvy, aby se slovenský národopisný živel kraje v hře uplatnil co nejvíce.

Sceny navazoval sice trochu panopticky, někde průhledně naznačuje, kdo se za chvíli na scéně objeví, ale dramatickou linii zvedal s důmyslnou stupnovitostí, od lidové massy k jejím protagonistům, od královského průvodu ke královu zjevu, jímž dějství vyvrcholilo.

Országhovi šlo sice o to, aby uchoval individualitu osob a aby je exponoval podle jejich povahy, ale často jej tu překonal vlastní zážitek, tak že z té oné postavy promluvil vlastně sám. Proto mluví prosté dětvanky a dětván ci leckdy v obrazech a myšlenkách⁸, jak mluvíval mladý básník v své poesii. Některé životní jevy, na př. přástky, připadají suggestivní reminiscencí z básníkova dětství, a zejména Matiašovo zbožnění přírody a lidu u Viglasu připomíná mladistvé Országhovo rozkochání slovenskou přírodou a jejím lidem.

Országhův Dětván nevznikl však jen z historického zájmu o Huňádovce a z touhy oslavit pod jeho maskou přírodu a lid. Nechtěl také býti jen výsledním vyznáním básnickových dosavadních zážitků ze styku s lidem a přírodou. Byl vedle toho, všeho i zřejmou daní Sládkovičově slavné básni Dětvanu, jež na Országhovu duši dolehla nezapomenutelně suggestivní

¹ Zuzka rozešla se na př. s milým, jako se rozcházejí „tie dva chodníky, čo vedú sem“; Hanka podezírá, že děvčata zahlédla něco jako „vlásek“, a robí z toho „bukovú kladu“, že se v hovoru vymkly „z kol'aji“; Marha vykládá, že se Martin ubírá chodníkem lehce, jako by to „poletovalo ptáče, utekala Hrona rybka, zohýňala sa v dol jedlicová chvojka“. Král Matiaš si libuje: „Rozkošná príroda! Ako čo by sa teraz bola narodila! Na sever vrchole s posledním slunečným lúčom. Kráľovský to výhl'ad a pohl'ad! Na západ belase hole; ani čo by sa u nich tá modriva nebeská sľatovala, tu polia bujná, s lesmi milo sa kloniacimi, tam Hron striebrojasný — a dolu čo mi najvatšu oku lahodí, milé doliny a v nich dediny. V dedinách ľud môj, ktorý ma miluje a ktorý ja milujem. Pani! slavný to pohl'ad odtialto, akého som jak živa nezažil. Vo vytržení som. Dojem to k nevysloveniu. Kraj ten musí mať vznešených junákov. Kraj je to môj, a junáci sú moji.“ Nad chyceným jelenem král uvažuje: „Bujarý roháč. Ubožák! Dajte mu volnosť! Dnes, keď volnosti pocit ma preperil, nechcem, aby zviera ztročené pozralo na mňa. Moja milosť jeleňovi! Volnosť a príroda! Tu dám dýchať, túto trovíš. Bez rany bez krve. Šťastný panovník, ktorý nevycedil kvapky krve!“ — Jinak Országh snažil se osvojit si techniku lidové poesie: Martin nazývá Elenku „jarou holubicí“, „malovanou rúžičkou“, velebí její „trnkové“ oči a letěl za ní jako „holub“ přes dětvanské polany a háje. Polovníkům připadají děvčata jako „srnky“, jako „květ“ a „fiala“, mladenci je hlídající jako „ohniví drací při pokladech“.

silou a stvořila v jeho Dětvanu řadu vědomých i podvědomých souvislostí.¹ Někde Sládkovič prosvítá z Országhova zlomku přímo jako na palimpsestu a zasahuje jeho stavbu, pojetí i výraz. Formálně působila vedle Shakespeara i antika svými chory² a vedle ní snad i Schiller (Nevěsta messinská) jež Országh čítal s oblibou.

Zlomek Dětvan vznikl asi na podzim r. 1872 nebo v zimě r. 1873 jeť psán na smluvním aktě, datovaněm z tohoto období. Országh jím sáhl poprvé s takovou úsilností a tak reálně k lidu a k přírodě, jakoby v předtuše, že se k nim ještě jednou později podobně reálně vrátí v svých epických skladbách.

7. Stan Dóžův.

Országha lákala z maďarských dějin i pozdější doba, spor o trůn a o Uhry, vedený Turky, Rakušany a Zápolovci. Vybral si z nich jako protagonisty selského vůdce Dóžu a Zápolu. Ze zamýšleného dramatu „Stan Dóžův“ uchovaly se tři zlomky. První představuje chasu pod košatým stromem, kterak si povídá o „dějepisu, trapopisu, bolopisu, slzopisu, hladopisu, žízňopisu a mozolopisu“ svého života. Při tom zjeví se nad neobyčejný oblak, jako drak a orel, s ohromným zobákem a ohnivýma očima. Vykládají si to jako znamení nebes, jež nedlouho před tím zkravěla ohnivým křížem a tak patrně naznačila, že se zase žene Turek a že bude vojna. Druhý zlomek tvoří dialog Zápolův s kardinálem Bakáčem. Zápolu netají se svou vášnivou touhou po trůnu, hoří za ním „jako milenec za šuhajkou“, ale bojí se, že mír s Turky potrvá, že nedojde ke křížácké vojně a trůnu nedosáhne. Bakáč v řeči, stupňované gradacemi (drahý vojvodo! milý vojvodo! slavný vojvodo!) slibuje mu trůn, ukazuje mu papežskou bullu, že mír s Turky bude zrušen a že se tak rozevře Zápolovi cesta k vítězství nad pohany a tím i k trůnu. Třetí zlomek začíná obrazem křížáckého tábora, v němž se řemeslníci podle svého řemesla těší, jak budou trápit Turky, na př. krejčí, že je rozstříhají jako nohavice a p. Za nimi objeví se Dóža a ješitně se holedbá svou velikostí a rozchází se docela se svou dosavadní ženou selkou Ilonou, protože ho čeká po zápase s Turky a se Zápolou koruna.

¹ Možná, že tu zapůsobil i Nezabudov básní „Matěj Kamzík“ (oslavou Pohroní a jeho lidu), jež byla právě otištěna v Orlu (1872).

Se Sládkovičem má Országh velmi četné souvislosti. Převzal osoby Dětvanu a vynechal z nich jen některá jména lidová — Janko Zvalovie, Kubo, Stach, Matej, Dúrko. Stavba obou Dětvanů je podobná a u Országha uplatnily se ze Sládkoviče hlavně tyto strofy: I/5, 6, 7, 10, 11, II/88, 99, III/109, 112, 120-125, 166-170. Jde tu o shodné pojetí Elenky, Martina, Matiaše a jeho družiny. Országh někde změnil jen situaci, na př. u Sládkoviče se dral za Elenkou voják, u Országha lovcí. Országh věnoval se více průvodu Martina i Eleny, přimísil do něho i žárlivou Katrenu a Matiaše pojal jako horovatele pro volnost a přírodu.

² Országh obklopil chorem i Elenku i Martina, hlavně při okamžicích souhlasu nebo odporu.

Drama mělo být psáno (a zlomky jsou i psány) pětistopým daktylotrochejem a prósou a ocitlo se pod patrným vlivem Shakespearova Macbetha (Zápolovo vydražďované úsilí o moc a trůn) a Goethova Fausta (Bakáč mluví se Zápolou úlisně jako Mefisto ve Faustu a oba sehrávají dvojhru, sladkou a úlisnou tváří v tvář, a současně nedůvěřivou a nenávisťnou v bočných poznámkách). Prostředky jsou tentokrát dramaticky umírněné, oproštěné obrazové přítěže a výrazového zbytečného verbalismu, ač i do nich někde zalehla obrazová struktura epická¹.

V hře měl vystoupiti i temešvářský pop Lofincz, Bathory, Bánfy a kuruci, ale do dochovaného fragmentu se nedostali.

Podnětem k tomuto osnovanému dramatu byl asi Országhovi vedle uherských dějin zase Záborský se svým Dóžou² a snad i Kalinčák se svou povídkou Knieža Liptovské.

8. Sv a t b y.

Z tureckého prostředí volil Országh ještě jednu hru, tentokrát pětiaktovou smutnohru Sv a d b ý. Zbyl z ní jen jeden výjev, osvobození dcery zvolenského župana Alžběty z tureckého jařma a její úžas, že ji osvobodil syn hor Ondřej Braniak a dobyl tak práva nad ní, jehož dříve zle užíval turecký paša Ahmed se svým náčelníkem Haledem.

9. Marie Séčovská.

Országh četl jako kežmarský student Národní kalendář, vydaný v B. Bystřici r. 1867, a zalíbila se mu v něm práce Tomášikova Vešelinovo dobytí Muráňa. Mnoho si v ní zatrhal, zejména v příběhu Vešelinovy lásky k Marii Szécsi. V Prešově na studiích vzpomněl si pravděpodobně na dramatickosti příběhu a ujasnil si historickou sestavu osob, snad zase přispěním Záborského. Tak načrtl si v poznámkách nejdříve jakési biografie Fr. Vešelína, Marie Sečovské-Rimavské, její sestry Evy, hraběnky Illiesházyové, a Barbory, hraběnky Thurzové, paní Hrachovské z Hrachova a j., kdo měl v jeho hře vystupovati. Marii si podle toho charakterisoval jako smělou, hrdinskou, krásnou, ale i slabou, Vešelína jako udatného, smělého, jemného a vtípného. Dal jim odraz i v lidu (sluhou Naděm a poslem Kadašem).

Přes tuto důkladnou přípravu zmohl se tu Országh však jen na úvodní monolog Marie Séčovské s dvěma komornými u hrobky ze-

¹ Dóža přirovnává na př.: „jak pod vichrom zhusta rachotiacim pokrývajú sa lesy tak sa uhne tábor pod vánkom hlasov Dožových.“. Zápolo uvěří spíše, že „nebe svalí sa, Dunaj na hor pôjde, než by věřil Bakáčovi.“ Vidi oblak na nebi „neobyčajný“, — je jako „šarkán jako velikánský orel, napřed zobák jako velká, křivá kosa, dvě křídla, dvě širé plachty, jakými se sedlač z zimě v leťe přikrývá. Na dvou místech dva ohnivé body, oči jako krev. Kde sedne, bude běda“.

² Dóža Záborského (Divadelní hry 1870) dodal Országhovi řadu hlavních osob. (Georg Doža Sekel, vůdce selského povstání, Lavrine, Mésároš, Jan Zápolo, Jakub Banfi, Bátory). O Bakáčovi Záborský jen mluví, ale charakterisuje jej také jako zloducha a zrádce. I Záborského drama je soubojem Dóžovým a Zápolovým.

mřelého manžela Bethlena, v sedmihradském Bethlenově zámku v Kološváru, na němž mělo drama začítí.

Je možno, že k podnětu a osnově Országhova dramatu o Marii Séčanské přispěli i Němci a Maďaři, snad Ebert, Gyöngyösi, Kisfaludy, Sziget, Petöfi, Arany, Ruttkay a j.

10. Janošík.

U Záborského jest možno hledati podnět i k Országhovu Janošíku. Záborský svou hrou „Janošíkova večera“ prokázal r. 1870, co sociálně živné síly má na Slovensku oblíbená Janošíkova postava a co by se z ní proto pro dobu ještě dalo vytěžiti.¹ Országh chtěl patrně pojmuti Janošíka v tomto smyslu. Nasvědčuje tomu aspoň jeho poznámka o rázu této pěti-aktové smutnohry, již chystal a již si připravoval nejdříve rozborem Janošíkova charakteru: chtěl ho představití jako typ vysoce mravní, jenž se snaží vymaniti lid z panské poroby, zakročuje vůči nepravosti tvrdě a ukrutně, zastává se lidu, i když mu lid hned nedůvěřuje a nakonec jej zrazuje.

Vypracoval zase jen torso, pravděpodobně počátek prvního dějství. Několik načrtnutých scén představuje Janošíka u umírající matky, její pohřeb, Janošíkovu milou Zuzku, Janošíkův rozhovor s lidem, jeho pronásledování dráby, napadajícími i Zuzku, Zuzčino osvobození Janošíkem a jeho odchod na Královu holi v čele zbojníků. Všecky tyto scény jsou zrovna nabitý dramatičností, tak že jí zbylo asi málo na ostatní čtyři akty. Mají i dojmavé scény, zejména umírání, smrt a pohřeb Janošíkovy matky, vypravený s obyčejovou tklivostí, utrpení Zuzčino pro lásku k Janošíkovi a souručenskost lidu, vzbouřeného proti pánům a jejich drábům. Dramatičnost scén stupňoval Országh i tím, že Janošík musil své posice v lidu dobývat, že musil i matku přesvědčiti o správnosti svého zbojnictví, že ho ani lidé, jichž se zastával, hned neuhodlí, a pochopili ho až ve chvíli konfliktu na život a na smrt. Zvlášt' je tu oslavena moc lásky. Zuzka uvěřila v něj hned a nesla ho svou věrou a láskou.

Drama bylo psáno prósou a zhostilo se tentokráte vši nadměrné obrazové přítěže. Je silné ustavičnou akcí. Kterak by bylo asi pokračovalo, vysvítá ze zlomku Országhovy hry Dvanásti sokoli, jež navazuje na Janošíka těsně.

11. Dvanásti sokoli.

Országhova hra Dvanásti sokoli začíná své první a jedině dochované dějství v salaši na Králově holi rozhovorem valachů se zbojníkem o radostech a trampotách jejich zaměstnání a valachovou svatbou².

¹ Országh pracoval nezávisle na Záhorském. Přidal na př. Zuzku a Janošíkovu matku a obohatil drama Janošíkovým vztahem k nim. — V Černokňazníku I otiskl báseň Janošík s milou i Vilém Pauliny-Tóth.

² Obdoba takovéto valašské besedy jest v Lýře, v písni Sedím si na grúni. Píseň má docela i dramatickou formu. Országh představil někde prostého valacha příliš slo-

Při tom dojde zpráva o smrti Janošikovy milé. V další scéně u kapličky při vatře zjevují se Janošikovi zbojnici, Hrajnoha a Jelčík, a děsí se k Janošikově zlosti každé zavznělé střelné rány. Konečná scéna — svatojánská — jest naplněna lidovými zvyky, pálením ohňů na horách, spuštěním věnců a podobnými pověrečnými výkony.

Zdá se, že Országhovi šlo v této hře, zniklé vřesové, hlavně o průvodní národopisný živel, do něhož kontrastem zasadil Janošikovský problém. Nasvědčuje tomu jeho německý výpisek „Der Johannisabend bei den Slaven“, v němž se vykládají svatojanské ohně jako slovanský kult slunce a popisují všechny slovanské zvyklosti, spojené s tímto kultem, písně, tance, hry pověří a p.. Po Shakespearově vzoru (Sen noci svatojanské) chtěl tu Országh vedle Janošikovského dramatu stvořiti i jakousi feérii, vrcholící v zbožnění horské přírody a v zvyklostech svérázného slovenského lidu, jehož představitelským typem byl právě Janošík a jeho družina.

Při osnově a zpracování dramatu spolupůsobil asi i dojem ze Šafařika (Slavení slovenských pacholků) a z Botta (Smrť Jánošíkova).

„Dvanásti sokolí“ jest nesporně jiné drama, než Országhův Janošík, protože jejich dochovaný zlomek jest výslovně označen jako první akt a z Janošíka se dochoval zlomek, také výslovně označený jako první akt. Janošík měl býti pravděpodobně o d ů v o d n ě n í m, proč jest Janošík zbojník, Dvanásti sokolí měli ukázati, jak dovedl provádět zboj uprostřed horské přírody a jejího lidu.

c. Slovenské hry lidové a společenské.

Országh vkládal do historických dramát velmi rád slovenský lidový živel¹, aby uchycoval národopisnými a folkloristickými prvky a aby aspoň tak v nich uplatnil vedle dějinných postav, někdy cizích, slovenskost. Činil tak zvláště při přírodních sceneriích, od nichž se malebně odrážely lidové zvyklosti a slavnosti a jejichž kouzlo bylo zmocněno melodikou lidového zpěvu, lidové hudby a tanečním rejem. Je přirozeno, že někdy chtěl středem dramatické pozornosti učiniti jen lid a že osnoval i hry z jeho bezprostředního života. Projevilo se to i v několika zlomcích, jež ukazují, že nejmocnějším básnickovým zážitkem byl přece jen slovenský venkov uprostřed přírody, a že právě tento venkov dral se mu do dramatu s touž silou, jako se vedral do jeho mladistvé lyriky a pozdější epiky.

žitě. Na otázku, odkud jest, odpovídá na př. takto záhadně a mnohomluvně: „ja som nie prameň, abych z pod zeme prúdil a povedal bych ti: zo zeme idem; ani som nie hlas kukulienky, abych ti povedal, že z hrdla tejže sa viniem; nie som listie, abych ti povedal, že odtrhnutý sem ma dohání vichor: moje odtiaľ je, obzri sa, zo všetkých týchto hôr a dolín, z hôr preto, bo sú šumotné, burácne, z dolín su pokojné tomu, ktorému hora sa dosť nahučala v ušiach. Ale sa zpytuješ ešte aj kde a kde idem? Môj smer je za s len do tých hôr a do tých dolín.“ Podobně nákladně vypravuje druhý valach o ztrátě své kravky.

¹ V poznámkách uvedl Országh, že se k dramatu hodí jako průvodní živel lidové zvyklosti, na př. vánoční a j. kdekoli lze uplatniti báječné a nadpřirozené bytosti s doprovodem zvuků, světla a slínů.

1. Ilona Žltovlas.

Dochovaný náčrt ukazuje, že v Ilonč Žltovlas měl být znázorněn boj dcery s otcem o právo na lásku a že tento boj měl skončiti vítězstvím milenců za pomoci velkomožné vrchnosti. Osob bylo několik, Ilona Žltovlas a Tomáš jako milenci, její rodiče jako odpůrci jejich lásky a pocestný, velkomožná paní a její úředníci jako jejich příznivci.

V náčrtu jest však i jiné řešení. Za měsíčního večera přijde k Iloně ve chvíli přástek pán (čert), chce se s ní oddat, ale místo do svatební kaple zavede ji do starého hradu a podvede ji.

V dodatku k náčrtu jest exponováno tatranské jezero a pastýř na něm si prozpěvuje o tatranském máji.

Z osnované komposice jest patrné, že básník kolísal mezi reálním a férickým pojetím a že měl cílem obraz přírody a lidu.

K Iloninu přívlastku Žltovlas došel pravděpodobně četbou Kollárových Národních zpiewanek¹, kde se o žlutém vlase vábné frajerky nejednou zpívá.

Námět pochází pravděpodobně ještě z Kežmarku, z r. 1870, nebo z první doby prešovské, z počátku sedmdesátých let. Országh jej později zpracoval i jako baseň.

2. Vajanský večer.

Stavění májů a všechen lidový rej kolem nich měl být středem lidové hry Vajanský večer, z něhož se dochovalo částečně jen první dějství. Zahajuje je sbor ověčených děvčat zpěvem sóla, duett i choru. První sólo naznačilo základ hry:

Na Tatrách pozdní lúč,
už hasne, hasne ver!
Vajansky vlá večer,
tajemství lásky klúč...
Oj, Jane, Jane, Vajane!
Či sa ti tvoja dostane?

Co se nad krajem nese toto sólo, opakované chorem a zakončené duettem dvou milých, změní se scenerie v náves v noci. Mládenci Matěj, Juraj, Andrej, Martin, Josef a Laco blouzní o svých milých, věrné, nevěrné a mrtvé a v toto blouznění vpadá nepokojem své lásky Zuzka. Scéna končí stavěním májů, hlučnými žerty, praskáním bičů, zvoněním zvonců, hrou na gajdy a fujary a prstonárodnými hrami.

Jako leitmotiv nese se nad hrou výkřik Oj Jane, Jane, Vajane, dolehlý suggestivně v Országhovu mysl se Sládkovičovy básně. Sládkovič zaznává i z celého motivu hry, jeho Dětvan vyžádal si tu na Országhovi novou daň.

¹ Srv. N. Zp. I/17 (už som zunovala žlté vlasy česat), 18 (panenka má žltie vlasy), 71 (mala žlte vlasy, po nich tulipány), II/8 (Katorina má žluté vlasy). — Mluva v hře nesouhlasí vždy s přirozenou podstatou. Ilona má tak ráda milého, že by mu podala hlavu k zabítí, „ani ten baranček“. Pocestného nechce rušiti svým nářkem, protože on má v myslí „jasné obrazy“ a ona „obraz nejasný“, t. j. neví o milém.

Országh sice nenaznačil doby, kdy se hra odehrává, ale snad ji chtěl spojit podle nejasné narážky s dobou tureckého jařma¹.

Papír a písmo, na němž jest zlomek zachován, nasvědčuje pozdějšímu vzniku, snad až koncem sedmdesátých let.

3. Margita.

V Országhových papírech jsou čtyři koncepty k jednoaktové smutnohře Margita.

První jest psán prósou. Vystupují v něm tři osoby-ovdovělá selka Mrežková, její pastorkyně Margita a pacholek Janko. Odehrává se v chýži Mrežkové a jde o spor macechy s nevlastní dcerou o lásku k pacholku Jankovi.

Druhý, také prosaický, jest věnován Margitině milkovní s milencem.

Třetí prosaický koncept má změnu ve jménech. Macecha sluje Obrenkule a Margitin milenec Jurko Slabinov. Omezil se jen na macešino sužování pastorkyně Margity.

Čtvrtý koncept, psaný pětistopým nepravidelným jambem v čtyřverších střídavě rýmovaných, přenesl děj do ranního šera na pobřeží Oravy. Začíná Margitinou apostrofou zory, aby ji dovedla v propast smrti pro nenavistný macešin odpor k lásce s Jankem. Pokračuje prosaickým rozhovorem Margitíným s pastýřem, jenž Margitu varuje, aby nechodila po břehu noci za soumraku do Turce, zahyne. Pastýř se dohaduje, že Margita utíká před macechou.

Námět vznikl asi r. 1873, jeť psán na právnickém aktě, datovaném dne 25/8 r. 1873.

Básníkovi dalo podnět k Margitě asi lidové podání. I tu měly se asi uplatnit nejvíce přírodní a lidové prvky, a Margitina tragika měla se od nich účinně odrážeti.

4. Nepojmenovaný zlomek.

V básnickových zlomcích jest i fragment beze jména. Jde o pohádkovou hru o princeznině prstenu. Dostali jej Lomidrevo, Valivrch a

¹ Martin připomíná Josefovi, že byl „bohatýrem“ v bojích s Turky. Řeč měla býti v hře hodně ozdobná, často na úkor přirozenosti. Matěji je na př. milá nevěrna. Nazývá to „zatětim sekery do dubu své duše. Josefovi milá zemřela. Podobá se proto „zvadlé jasení“. Zdá se mu, že se změnila v modrokvětvý len v poli a že ten len vystírá na louce, polévá jej vodou a aspoň tak se jí těší. Zuska uběhla Matějovi. Hledá ji a uvažuje o tom: Jestliže se přichýlila k olšovému keři, vyškubne jej ze země. Stalali se hadem a ovinula se kolem proufoví či posměšně krkající žábou a houkající sovou, zašlápně hada podpadkem, rozsekne žabu kosou a sově vyloupne oči a vyškube peří za živa. Országh přizpůsobuje se sice volbou obrazů venkovskému ovzduší svých hrdin, ale jejich struktura a moment psychologického užití neshoďuje se vždy s jejich prostou skutečností.

² Országh snažil se voliti i prostředky z lidové poesie. Někde však mluví Margita nepřirozeně (k milenci): „tvoja reč zasiahla v dušu moju, zrástla na veľký růžový háj, na ktorého každej halúzke spieva po jednom vtáčku, — a vieš, čo spieva? O našej vzájomnej láske“.

Miesiželezo za to, že ji osvobodili. Fragment končí příchodem Lokěbrady.

Országh promítl hru na divoké úbočí mezi vrchy a lesy, do mračné, vichřivé noci, a její hrdiny posadil na skalní balvany k vaře, zapálené před zazáchnou jeskyní. Načrtl ji jen v obryse a naznačil jen dějový pochod.

5. Oravský polovník.

Fragment Oravský polovník byl osnován jako činohra, pravděpodobně v Kežmarku v. 1867/8, kdy psal Országh ještě maďarské verše a měl tyto hlavní osoby: šlechtice Lánošiho a jeho syny Antona a Bertalana, bohatou dědičku Lanku Vysockou, střelce Juraje Halíka, a Martina, Julu a Havrana, jako polovníky Antonový, a Porka, Šurinu a Šuvara jako polovníky Bertalanovy. Je psán v značně nepravidelných verších, pětistopým jambem a zase trochejem, sesíleným suggestivní anaforou (mezi 22 verši ve verši 1, 8, 13). Obrazí spor Bertalanův s Antonem, pro nějž odešel Bertalan po rozhovoru s otcem do ciziny. Tato scéna má ještě variant, Országh se o ni pokoušel dvakrát.

6. Dostaveníčko.

Z této jednoaktové osnované frašky zpracoval Országh jen jeden výjev. Právnik Polovský čeká na milou, jejíhož srdce rychle dobyl, a pochvaluje si, že se mu tak bude dařit i jako advokátovi, že dobude půli světa. Monolog hemží se právníckými výrazy (apelace, jurisdikce, nullita, argument, pakt), jest živý, zertovný. Básník jím obrazil jistě figurku z prešovské právníké akademie a její snadný milostný lov v revíru malého města. Výjev jest tak bezprostřední, že jej Országh psal jistě v Prešově počátkem sedmdesátých let. Má variant s obměněným jménem hrdiny (Chvojka) a promítnutý do zahradní dvorany Dubravských, s jejichž dcerou jest na večer smluvena studentova schůzka.

7. Kostrub.

Z prešovského prostředí vyvolil si Országh asi i figurky k jednoaktové frašce Kostrub. Namlouvačka Šepleta namlouvá starému mládenci starou pannu Brčku a ukazuje mu její mladou podobiznu. Komika jest v tom, že všichni chtějí napálit jeden druhého a napálí se vlastně všichni. Fraška jest sice zase jen naznačena a nedořešena a nedohotovena, ale ku podivu ostře vidí do lidí a psychologicky je ostře zachycuje. Byla psána brzy po gymnasijních básníkových studiích, protože se dovolává Cicerona, Sapho a Heliconu. Působil na ní asi Záborský svou fraškou, jest však vtipnější a životnější.

8. Zolvica.

V Prešově vznikla asi i smutnohra Zolvica, drama bratra a sestry, jež rozvedla nevěsta. Dochovaly se tři fragmenty. V prvním, prosaickém, psychologicky velmi vystižně představil Országh pozvolnou změnu, již způsobí v oženěném bratrovi jeho mladá žena, kterak zvrátí jeho vroucí

náklonnost k osiřelé sestře postupně v rozpaky, chlad, nedůvěru, lhostejnost a konečně v nenávisť, jak soustavně se vkrade v dům dvou sourozenců, aby pomalu, ale jistě vyštvala švakrovou ze dveří. Již tu ustoupila ve vzrušeném okamžiku prosa verši, a na prosto ustoupila v druhém fragmentu Zolvice, v tklivém monologu zhrzené sestry, hledající útěchy v smrti, v cestě za pohrobenými rodiči¹. Sem vnikla i rmutná melodika lidové písně o osiřelém dítěti. Třetí zlomek znovu propracoval problém a vyslovil jej podobně jako první, ale psychologicky ještě dovedněji, citově účinněji dramaticky vyhoceněji, konfrontovav nakonec všecky tři hrdiny dramatu v rozhodném sváru a nezastavitelné tragice uštvané Zolvice.

9. Krajský.

V kubínském prostředí zachytil Országh ze zemansko-úřednického života dva dobré typy, krajského Eliáše a jeho ženu Estéru, v ustavičné rozepři o peníze, věno, v shonu po zbohatnutí (třeba Janošikovým pokladem, hledaným na Choči), ve vzájemné nedůvěře a v ustavičném podezírání z nekalých úmyslů jednoho ke druhému, což se obráží i v poměru k jejich mladé dceři. Druhá verše uvádí do děje jinak, nadáváním krajské sluhám. Orszéghovi se podařilo najít několik pěkných výjevů z venkovského filistrovství a z rodinné chamtivosti.

Hru si připravoval pečlivě postranními poznámkami, kterak má vyhlížet scéna, seznamem úřednických názvů a i výpisky nadávek, jež pak vložil v druhé verši do úst Krajské (škvarkár, trochár, vešeniar, trubiroh, memlas). Popsal si tu i vyšnokubínský kroj (zlatý čepec, bělavá, hedbavná šatka, živůtek s particemi kordované botky). Do poznámek si připsal i ironickou poznámku o zemanu Morici Zmeškalovi (snad kreslil částečně jej).

d. Ruský a jihoslovanský námět

Dobový slovenský zájem o Slovany, projevený v politice a v literatuře, nutkal i Országha, aby se s ním básnicky vyrovnal. Vedle lyriky učinil tak i dramaticky, vyhledav si dramatickou látku z Ruska a ze Srbska.

1) Svatopluk, veliký kníže ruský.

Országh poznamenal si v poznámkách, že dramatik má pilně studovati kulturní a lidový život, z něhož tvoří, a že zvlášť u slovanské látky jest důležitá obeznámenost s bájeslovím, folklorem, dějinami a vzdělaností vůbec. Proto si pročetl i nemecký překlad Karamzina a v něm našel pravděpodobně podnět i materiál pro hru „Svatopluk, veliký kníže ruský“.

Měla to býti pětiaktová smutnohra, ale zbyly z ní v zlomku jen dva akty, psané veršem značně nepravidelným, pětistopým nebo šestistopým jambem nebo daktylotrochejem, se zřejmými stopami metrických rozpaků.

¹ Zolvice nemluví tu vždy přirozeně podle své povahy, nýbrž jakoby byl mluvil básník sam o sobě: „venku zuří fujavice, počasí to podobné mé duši“, „růže krvácející lásky“ a pod.

První dějství jest veliký a mohutně působivý monolog umírajícího knížete Vladimíra v hradě Berestově, přerušovaný odpověďmi a útěšlivými poznámkami velkokněžny Anny a dvořanů Igora Pulkovína a Ivana Polovce. Vladimír připomněl si na konec života své osudy a osudy říše, od pohanství k pokřesťení, pomýšlil na svůj vztah k přátelským i nepřátelským národům, velebil si přátelskou dohodu s Polskem, Uherskem a Českem a zauvažoval i nad synem Jaroslavem a synovcem Svatoplukem, s nimiž měl nedorozumění, nyní právě vysvětlená a usmířená. Protože jest Vladimírův konec blízko, přichází metropolita Michal s církevním komonstvem a přináší mu smír s bohem. Vladimír přijímá v kapli svatě Olgy milost boží a s ní i poselstva od Borise, Jaroslava, Boleslava, Štěpána a Oldřicha, donášející mu hold svých panovníků. Dějství končí přeměnou, umístěnou do Kijeva před chrám Matky boží, kde vznikl po Vladimírově smrti spor pretendentů o trůn. Hlásí se o něj zejména Boris a Svatopluk, jenž jest proti tomu, aby se zatajila Vladimírova smrt, dokud nepříjde Boris, a jenž sám se prohlašuje pravoplatným panovníkem ruského lidu, což lid před chrámem i vítá a pozdravuje.

Druhé dějství pokračuje na volném kijevském prostranství a vyplňuje je rozhovor občanů o následnících trůnu. Vladimírova vdova jest pro Borise, ale lid ji odmítá a posílá ji zpět do Cařihradu, byla vždy Rusku cizí a jest mu cizí i tímto návrhem. Většina dvořanů i lidu hlasovala pro Svatopluka. Přeměna druhého aktu nastoluje Svatopluka a jeho choť Horislavu ve velkoknížecí síni za jáсотu bojarstva i měšťanstva na trůn. Předcházel však Svatoplukův dotaz ke všem, zda s tím souhlasí, — doklad Országhovy anachronisace idealisace panovníkova vztahu k ruskému lidu.

K prvnímu aktu dochoval se i variant, kde jest na víc Vladimírův nářek nad hnětem svědomí, že kdysi s trůnu odstranil Jaroslava, bázeň, aby mu podobně některý ze synů před smrtí nesrazil koruny, a úvaha o nadcházející smrti.

Országh si hru připravil podrobným seznamem soudobých historických osobností, přesným určením jejich vztahů a seznamem míst, na nichž by se mohl děj odehrávat. Některé charakteristiky vypsál si k nim německy doklad, že četl Karamzina německy.

Mělo to býti zřejmě drama většího slohu, následnický zápas o trůn¹. Snad drama Záborského a Palárikovo o dimitriádě zapůsobilo, že chtěl vytvořiti cosi podobného. Országh byl pln podobných zážitků i z historických

¹ Podle ukázek soudě, básník chtěl účín dramatu zvýšit obrazově a výrazově. Volil k tomu někdy prostředky epické, časté parallelismy, anafory, epanafory a pod. Nestačilo mu na př., aby někoho označil hrdinou, musil jej přirovnat k nerozbořitelné věži, k ocelové hradbě a bdělé strážci, o niž si vrah zlomí šlit a rozbije pyšné čelo. Nedovedl se spokojiti označením, že někdo pláče, musil se rozpovídat, že v „očích nosí slzy a kropí jimi vše, jako hvězdná noc, kropí svět rosou“. Svatopluk je charakterisován podobně obšírně: „mocný konár severnej smrečiny, prúd Dnepru, vietor stepov, oblak požehnavajúci polia“. Mluví-li kníže Vladimír o bohu jako „nezlomném štítu“, je to anachronism a anticípacia lutherského pojmu.

dramat Shakespearových. Snad chtěly býti vybaveny a vybity v ruském prostředí i ony.

Zlomek byl psán zase na právnickém aktě, datovaném ze října r. 1872. Vznikl tedy asi koncem r. 1872 nebo počátkem r. 1873.

2. Kosovo pole.

V studentském poznámkovém sešitě v oddíle „látka dramátová“ vypsal si Országh podrobnosti o srbské porážce tureckým Amuratem a Bajazetem r. 1389 na Kosově poli. Popsal si tu všechny účastníky i osobnosti s nimi souvislé v historii zejména srbského cara Lazara Grebjanoviče, jeho syna Štefana, vdovu po Dušanovi Silném Jelenu, Vuka Brankoviče, Vukašina, Miloše Obiliče, Ivana Kosančiče, Milana Toplicu, Amureta a Bajazeta, již měli mít dramate hlavní úlohy. Országh pamatoval i na jejich prostředí dvořanstvo, služebnictvo a lid a myslil i na výpravu scény, zejména na obraz Kosova pole. Poznámky čerpal z dějin i ze srbských zpěvů, zejména pokud šlo o Lazara a jeho dcery.

O vlastní vypracovávání dramatu se pravděpodobně nepokusil.

K zamýšlenému dramatu dal Országhovi popud zase asi Záborský (smutnohrou „Ztroskotanie Srbska“), ale snad i V. Hálek (Králem Vukašínem). Országh chtěl však představití dobu o jednu generaci mladší.¹

e. Německé podněty.

Országh vedle Shakespeara čítával rád na studiích i Schillera a Goetha. Z Goetha vzrušila jej zvláště „Ballade über den vertriebenen und zurückgeführten Grafen“, jejíž obsah si zvláště vypsal a v níž dramaticky zvláště hodnotil výjev, kdy prosí matka s dětmi knížete za pěvce-žebráka („ein schönes Bild auf dem Theater“).

Goethe zapůsobil na mladého dramatika Országha i Faustem. V nepojmenovaném zlomku, jemuž by byl dal snad název Šuhaj, jde o zápas šuhaje s Mefistem. Šuhaj symbolisuje a allegorisuje národ, Mefisto národní boje a překážky. Drama mělo míti tři akty a zachoval se z něho jen jejich ideový postup.

V prvním dějství postřehuje Šuhaj, že se ho vmocňuje d'ábel a obrací mu na ruby veškeré vztahy, k rodičům, k národu, k řeči, k přírodě, k bohu. Nutká jej, aby svoje opustil a zamiloval si cizí. Ukazuje mu, jako kdysi Kristu, s Tater jiné království, s jiným rodem a s jiným bohem. V druhém aktě d'ábel dílo dovršil a Šuhaje domovu zcela zcizil, zvláště láskou cizí ženy. V třetím dějství Šuhaj se s d'ablem rozešel a chtěl jej překonati. Odešel domů, ale doma ho již nepoznali a nepřijali, ba donutili ho vrátit se k ďablu a znovu proklít život.

¹ Ze Záborského převzal Országh Lazara, Štejana, Vuka Brankoviče a Maru. — S Hálkovým Králem Vukašínem má společny tyto osoby: Lazara Grbljaniče, vdovu Jelenu, Vukašina a Kralevice Marka.

Zlomek zajímá aplikaci mefistofelské myšlenky a řešením problému odrodilství. Jeho nebezpečí poznal Országh z vlastní studenkové zkušenosti. Proto do zlomku zalehl i jeho zážitek. Je škoda, že drama nebylo napsáno, osnova slibovala práci velmi zajímavou.

f. Hesla a výzvy.

Některé náměty, vytušené v historii, působily na Országha tak, že si je musil naznačiti do poznámek jako hesla, jež by jej mohla jednou vyzývat k zpracování. Tak naznačil aspoň směr, kterým by se byl chtěl dáti, zbyli by mu čas a dostavila-li by se inspirace.

Jsou to tyto názvy s pozadím budoucí dramatisace: Zahynutí polabských Slovanů. Mojmir. Rastislav. Zdirad. Jaroslav ze Sternberga. Otakar. Záviš. Ctibor ze Stiborice. Juraj Poděbradský. Žerotín. Jan Sobieski.

Kdyby byl Országh všechny tyto náměty skutečně provedl a kdyby byl jimi doplnil řadu dějinných postav, jež exponoval ze slovanske a hlavně české historie v svých načatých zlomcích, byla by vznikla jakási dramatisovaná legenda slovanského světa. Országh tuto legendu i vycit'oval. Uskutečnil z ní však jen legendu slovenského světa v svých pozdních epických básních, a to ještě jen v zlomku, protože smrt jej zastihla dříve, než její započatou osnovu mohl dokončiti.

Podaný soupis, přehled, rozbor a výklad Országhových dramatických zlomků ukazuje, že Országh za mlada vážně pomýšlel vedle známých dramatických prvotin ještě na šestadvacet látek, jež naznačil osnovou a namnoze i částečným zpracováním. V jeho mladé hlavě opravdu blýskalo i na drame vybuchovaly z ní tvůrčí jiskry bez přestání, že ani nepostačoval je zechycovati a určovati jejich ráz a směr. Zaznamenával si jen jejich vzlet, ale ne stačil je rozdmýchat v tvůrčí žár. Posuňoval to na zítřek, ale když přišel, byly tu již nové výbuchy a nedovolily mysliti na to, co bylo včera. Tak se v jeho dílně hromadily skizzy k dramatickým portrétům, náčrty k dramatickým akcím a situacím, pokusy o nosnost jejich dramatické linie, náznak jejich architektury, ale čas je brzy zavál nánosem lyrických a epických osnov a fragmentů a konečně tvorbou v jejich duchu, při čemž na drama při venkovském osamění beze styku s divadlem nebylo již dosti chuti a někdy ani ne dosti času. Tak pohozeny mezi sežloutlým Hviezdoslavovými papíry ležely tyto fragmenty a byly určeny k zániku. Básníka snad ještě občas vyděsily ze snů, zejména na konec tlačily se mu některé postavy neodbytně v mysl, ale rafije života namířila již ke dvanácté, zůstalo při dobré vůli.

Jejich pouhá existence má však značný literárně historický význam. Prokazuje dramatičnost mladého Országhova ducha a staví jej za mlada vedle lyrika a epika k uvědomělým dramatikům. Vysvětluje i jeho dramatičnost v pozdější lyrice a epice, jež tu měla předchozí uvědomělé školení.

Ráz těchto zlomků určuje i okruh jeho mladých literárních zálib, hlavně v antice, Shakespearovi, Schillerovi a v lidovém padání. Značně tu překvapuje jen jeho těsná souvislost se Záborským. Vliv tu byl nepopíratelně vnitřní a Országhovy cesty z Prešova na župčanskou faru jsou tu nyní vysvětleny vlastním tvůrčím zájmem.

Jest nesporno, že Országhovy dramatické zlomky patří dnes jen literární historii. Přispívají především psychologii jeho básnického růstu a určují raz a směr jeho tvořivé expanse. Jsou ovšem i svědectvím, že Országhův duch byl strom bohatý, že stále vyháněl nové a nové větve a bez přestání byl v zeleni a v květu. Třebas s budoucího Hviezdoslavova bohatě listnatého a květnatého stromu opadaly bylo zlomky jako zdánlivě zbytečné větvičky a jako suché listy, přece k němu vším právem patří a obohacují jeho podstatu. Proto zasloužily, aby byla o nich řeč, aby i ony byly přihlášeny a konečně vtěleny v mladou Orszoghovu tvorbu a doplnily a dokreslily konečnou Hviezdoslavovu literární podobu.

Bratislava

Albert Pražák

Staré Město

Moravská osada z doby říše velkomoravské

Jakkoliv je doba říše velkomoravské v IX. století jednou z nejdůležitějších v starých slovanských dějinách a jakkoliv o politickém jejím vývoji a pádu po r. 906 máme poměrně dosti zpráv a dosti rozkladů, přece vnitřní její obsah a její kulturní ráz byly velmi málo známy. Je to teprve nedávno, co moravský archaeolog J. L. Červinka podnikl záslušnou práci sebrat všechen archaeologický materiál moravský z IX.—XI. století¹. Nicméně ani tam kultura doby velkomoravské nevystupuje v dostatečné míře a to proto, že Červinka shrnul v jeden obraz celá tři století moravských dějin, jež se mezi sebou obsahem dosti odlišují a následkem toho velkomoravská kultura století IX. zůstala opět v jakémsi přítmí, k němž se ostatně sám Červinka staví s nedůvěrou. Je proto velmi zajímavá a důležitá, že se v posledních pěti letech odkrývají v Starém Městě u Uherského Hradiště zbytky osady, zejména její hřbitovy, jež náležejíce ponejvíce IX. století, předvádějí nám archeologickou kulturu doby, kdy tato slovanská osada zde existovala pod vládou knížat Mojmir, Rastislava, Svatopluka, a dokud ji, jak se podobá, také nepostihlo zpuštění maďarské, někdy po bitvě u Bratislavi r. 906.

Obec Staré Město leží na záhybech řeky Moravy bezprostředně vedle Uherského Hradiště, tvoříc jeho předměstí. Dnešní jméno jeho — Staré Město — ukazuje již samo, že na jeho místě byla kdysi osada původní a teprve, když v polovině XIII. století na vedlejším ostrově a zátocinách Moravy povstalo město nové, proti Uhrům založené a opevněné, — odtud eji jméno Uherské Hradiště, — ujal se pro původní osadu název „Město jStaré“. Již tato stručná historie vede nás tedy k poznání, že zde byla před XIII. stoletím osada starší, na niž ostatně narážejí i listinné památky, ale pro tuto starší existenci nebylo dosud dokladů, nebo jen nepatrné zbytky ukazující asi na XI. století. Staré Město nemělo dříve v moravské archeologii žádného zvláštního významu.

Věc se však obrátila, když tam byly započaty r. 1927 nové výkopy pod vedením místního učitele A. Zelnitě u za účasti Státního archeologického ústavu v Praze. Při těchto pracích přišlo se především u severní strany na rozsáhlé pohřebiště slovanské s kostrami v jamách uloženými v místech „Na valech“ řečeném, a dále na části jiných hřbitovů na jižní a západní straně města, při čemž se zároveň revidovalo i celé archeologické

¹ J. Červinka, Slované na Moravě a říše velkomoravská (Brno 1928).

okolí Starého Města. Výsledek dosavadního kopání je odkrytí 318 hrobů z velkého pohřebiště mimo menší skupiny na jihu a na západě, dále nové ohledání a zjištění několika valů v Starém Městě i v okolí směrem k dnešnímu Velehradu, který se nachází asi 4 km. dále k západu.

Tento výsledek dosavadních výkopů pod valem, dále prozkoumání valů v městě i v okolí, vykazuje poměrně bohatý inventář mnoha kulturních předmětů, jež vesměs podle svého rázu náležejí IX a počátku X. století. Nebudu nyní vyčítati nálezy jednotlivé, ač jsou mezi nimi věci, které zasluhují speciálního povšimnutí např. bohatý zlatý šperk z hrobů č. 106¹. Chci se omeziti jen na ocenění celku a vyložití, jakou důležitost mají staroměstské nálezy pro sporné otázky doby velkomoravské, zejména pro otázku starého Velehradu, sídla Methodiova.

Z inventáře velkého pohřebiště vidíme předně, že na tomto místě musila v době velkomoravské existovati veliká osada. Ležíc na ostrovu a zátočině řeky Moravy, byla vysazena nebezpečným jarním záplavám, před kterými ji chránily umělé náspy. Bylo to typické slovanské hradiště vodní, jaké u Slovanů ve vých. Nemecku popisuje již v X. stol. Ibráhím ibn Iákúb². Mimo tyto před vodou chránící náspy byla však obehnáno ještě valy, které se táhly po terrainu, k západu se mírně zdvihajícím. Za druhé je zřejmo, že touto osadou resp. vedle ní podél řeky Moravy a jejího východního přítoku Olšavy táhla se obchodní cesta hojně užívaná, neboť valná část inventáře z hrobů dobytého ukazuje na silný import z ciziny. Obchod, který se zde a dále na Moravě rozvíjel, byl především obchod byzantský, jenž byl dříve a na nás Čechách a na Moravě jen slabě doložen.

Za třetí, vidíme, že osada existovala po celé IX. století pravděpodobně i v VIII. a potom aspoň na počátku X. století. K tomuto chronologickému odhadu vede nás hojná slovanská keramika staršího rázu, dále i jednotlivě věci rázu keszthelského (Keszthely v Uhrách) a také to, že se valná část hrobů nalézala pod valem, který podle všeho byl zbudován asi v XI. nebo XII. století.

Celkem vzato, nejdůležitějším výsledkem dosavadního bádání je zjištění, že v IX. stol. a poč. X. byla země Moravská cílem obchodu byzantského a některými věcmi, hlavně z kategorie šperků, přímo zaplavována. Do doby objevů v Starém Městě vykazovaly jen Uhry vliv byzantské industrie od doby keszthelské (*hunnsko-avarské*) až do příchodu Maďarů a do první doby jejich usídlení v zemi. Nyní vidíme, že i Morava patřila do obvodu silného byzantského obchodu. Nemůžeme jej sice doložití již ze VI—VIII. století, poněvaž není pro to zjištěných starších nálezů³, ale v IX. století a na počátku X. je to zjevné. V hrobech je plno byzantských naušnic, kollierů, závěsů, gombiků, prstenů, křížků a pod. věcí.

¹ Největší část inventáře byla publikována A. Zelnitíem a mnou ve Zprávách archaeol. ústavu I. 1929, I a Zelnitíem ve Sborníku Velehradském I. 4 (1930), II. 17 (1931), III. 45 (1932).

² Srv. mou Rukověť slov. archeologie (Praha 1931) 106.

³ Nové moravské výkopy gotské kultury, kde můžeme čekat i věci provenience byzantské, nejsou ještě publikovány

Tento čistě archaeologický zjev nepřekvapující nabývá nyní ještě důležitého významu historického, především pro jednu spornou otázku.

V české historiografii byl dávny a velký spor o sídlo sv. Methodia na Moravě, kde jako arcibiskup působil a kde vůbec bylo státní středisko a hlavní sídlo knížat velkomoravských. Je přece na jev, že mocný Rostislav nebo Svatopluk měl někde své stálé honosné sídlo, třeba o něm historické správy nemluví. Že musilo býti na střední Moravě ukázal dobře J. Hudeček¹. Tam byla *urbs antiqua Rastici* připomenutá fuldskými annály k r. 871. Od konce XIII. století objevuje se však pojednou v české historické literatuře legenda, že sídlem tím, knížecím i biskupským byl Velehrad u Uher. Hradiště, asi 4 kilometry od Starého Města vzdálený a tuto starou legendu pokusili se v nové době někteří vynikající historikové hájiti, rozbirající v tom smyslu pramenny listinné². Ale neméně bylo i odpůrců legendy, kteří ukazovali na místa jiná, v poslední době zejména na mohutný hrad Rostislavův Děvín na Dunaji u Bratislavy, vzpomenutý fuldskými annály r. 864 (*Dovina*) a k němuž se vztahovaly i jiné současné zmínky o nad míru silné pevnosti Rostislavově. Proti Velehradu jako domnělém sídle knížete i biskupa ukazovalo se zejména na to, že není v staré historii vůbec znám před XII. stoletím, kdy teprve na místě dnešního Velehradu založen byl cisterciácký klášter, jenž patrně výše uvedenou legendu vytvořil, — a potom na to, že není tam archeologických stop po nějakém starém a velkém sídle, na něž již samo jméno ukazovalo. Neboť Velehrad znač „Velký“ hrad¹.

První argument vedený proti Velehradu nemá sice plné váhy, neboť z listin o založení kláštera a prvních donacích (1202, 1220, 1228) vysvítá že křesťanská osada blíže velehradského kláštera existovala již před tím. Ale faktum je, že jméno *Velehrad* není zapsáno před r. 1131 (*villa Veligrad*) a také nebylo důkazu, že osada existovala při tomto místě již za doby sv. apoštolů a že byla již tehdy osadou vynikající. Jestli že se však dnes novými výkopy objevilo, že stará představa o archeologické bezvýznamnosti Starého Města není správná, že poblíže kláštera Velehradského byla již v IX. století osada velká, opevněná a poměrně bohatá, zřejmě jakési středisko obchodní a kulturní, pochopíme ihned, jaký význam nabylo nyní Staré Město v otázce cyrilomethodějské.

Nejsme sice ještě tak daleko, abychom mohli určitě říci, že Methoděj, stav se moravským biskupem, usídlil se na Velehradě a že starý Velehrad existoval již tehdy na místě Starého Města nebo poblíže něho, ale každým způsobem nabývá celá otázka dnes nového osvětlení a zraky naše se znovu a s větší nadějí obrací k Velehradu staré tradice, jež přece musila mít nějaké důvody, proč sídlo Methodiovo připoutala na toto místo. A rovněž pro Rastislavovo sídlo (*antiqua urbs Rastici* r.

¹ Sborník Velehradský III. 21 sl.

² Byli to hlavně V. Brandl, H. Jireček, B. Dudík a nove J. Hudeček.

⁴ Srv. rozbor J. Červinky v spisu Děvín a Velehrad 62. (Krom. 1902). Nověji Červinka opustil výklad „velký“ hrad a vykládá „hrad Velův“.

871) chance zde stoupají. Srovnejme jak listiny z počátku XIII století patrně na základě staré tradice označují Velehrad dvakrát jako starý, bývalý hrad, r. 1202: „ad vallum antiquae civitatis“ a r. 1208: „Velegrad civitas primo, modo burgus“.

O sv. Methoději víme jen, že byl pochován na Moravě ve velkém chrámě. To co podrobněji vypravuje Proložné Žití, je sice patrně zpráva očitého svědka, některého učenníka biskupova, ale máme to doloženo teprve z textu zapsaného v XIII. století¹. Nicméně je to povahou svou zpráva pozitivní, neboť si pohřeb arcibiskupa v IX. století nemůžeme jinak představit, než že byl uložen v chrámě, u oltáře a v kamenném sarkofagu. Proto správy Pannonské legendy a Proložného Žití o hrobu můžeme přijmouti za věrohodné.

Čeho se však nedovídáme ze starých věrohodných legend, je to, kde to bylo, kde byl chrám s pohřbem Methodiovým. Nechci již dnes tvrditi, že byl v Starém Městě. K tomu dnešní jak historický, tak archeologický materiál nestačí. Povedouli nás však nové výkopy k dalším výsledkům ve smyslu dosavadním, budeme musít přijmouti, že to bylo buď v osadě na místě Starého Města, kde se připomínají dva kostely r. 1202 a 1253, z nichž jeden (už r. 1202) byl opuštěný, tedy prastarý a druhý zasvěcený sv. Georgiu, tedy patronu především byzantskému, — nebo na samém Velehradě, kde patrně před příchodem cisterciáckých mnichů a před výstavbou velkého kláštera existoval také již starší kostel, v jehož základech by se musil hledat biskupův sarkofag.

Ostatně je celé okolí nejen prosyceno tradicí, která mohla byt ovšem uměle živena, ale má i historické památky, které nasvědčují, že zde bylo jakési staré středisko knížecí moci. Srv. kámen „Kráľův stůl“ zvaný², vzpomenutý již listinou Přemysla Otokara z r. 1228 a sousední les Rakoš, o jehož významu srv. vyklad J. Hudečka ve Velehradském Sborníku (III. 41). To vše vede nás dnes více než kdy jindy, abychom sídlo knížete i biskupa moravského hledali v tomto kraji. Ovšem, přesně kde bylo, poví nám teprve zkoumání budoucí.

Před několika týdny proběhla novými správami, že v lese mezi Osvětimany a Salaší, několik kilometrů za Velehradem a nedaleko místa, kde se nalézá kostelík sv. Klimenta vzpomenutý již r. 1358, nalezen byl neveliký plochý kámen s hlaholským nápisem, obsahujícím prosbu k sv. Methodiovi, aby za nás orodoval.

Z něho pobouřené veřejní mínění učinilo ihned náhrobní desku sv. Methodia, očekávajíc pod ní vlastní pohřeb. Ten se však nenašel. Kámen, kdyby nápis byl pravý, mohl býti jen jakousi pamětní deskou, zasazenou na paměť sv. Methodia o němž tradice v lidu zdejším neustále žije. Ale je to hrubě novodobé falsum, jak rozbořem písma (nemožného pro IX stol.) ukázal prof. J. Vajs (Národní Večerník 13. VIII. 32).

Praha

L. Niederle

¹ Srv. J. Ivanov, Българ. старини 288².

² Srv. Sborník Velehradský I. 16.

Ю да

(Страничка из славянской мифологии)

В огромном сонме всевозможных сверх-естественных существ, которыми болгарский простолюдин привык издавна населять своим воображением окружающую его природу, мало можно указать столь же поэтических, сколь и загадочных фигур, как Ю да. Что она представляет одну из многих разновидностей нимф или вил, с этим согласны все исследователи болгарского фольклора. В народных песнях и сказках юда является по большей части с теми же атрибутами и аксессуарами, что и ее родные сестры: самовилы и самодивы, только характер ее обыкновенно далек от тех благодушия и благоволения к людям, какими так часто бывают преисполнены другие вилы, начиная со знаменитой по-сестримы Марка Кралевича и кончая какой-нибудь заурядной самодивой, спешащей на помощь к раненому юнаку с целебными травами: роль злого гения людей юдам вообще более присуща, чем доброму. Хотя обитают юды большей частью в глубоких реках, озерах, водоворотах, морских волнах, но, все-таки, признать юды и с к л ю ч и т е л ь н о водными существами мы не имеем права, так как они чувствуют себя одинаково дома и в горах, и в лесах и даже на облаках. Образ их жизни почти ничем не отличается от жизненного уклада самовил или самодив: как и эти последние, они любят собираться перед восходом солнца на сборища, купаются в озерах и ведут хороводы. Подобно самодивам, и юды имеют по белой рубашке, которая называется с е н к о й. Если юда потеряет свою сенку или кто-нибудь ее украдет, то она мгновенно превращается в обыкновенную женщину¹.

Мы сказали, что юды отличаются злым характером, но это наблюдается, впрочем, не всегда: в некоторых случаях они проявляют к людям не менее благожелательное отношение, чем самодивы или самовилы. А так как и эти последние, с своей стороны, не везде и не всегда проявляют одинаковое благодушие, то, в сущности, между юдами и прочими вилами нет никаких резких индивидуальных отличий, и если бы не странное имя первых, то никто бы даже не сказал, что мы имеем здесь дело с различными мифическими персонажами, — до такой степени схожи портреты тех и других! Но чем поразительнее сходство их изо-

¹ Более подробную характеристику юд, как мифических существ, см. в ценной статье С. Ангелова „Самовилитѣ въ българската народна поезия“. „Изв. на Сем. по слав. филология“ (София) III, 18 и сл.

бражений, тем неожиданной подписью *юда* под одним из них. Что же дало повод к такому названию?

На этот вопрос никогда не было в науке недостатка в ответах, но ни один из них нельзя признать даже в слабой степени удовлетворительным.

Над происхождением имени *юда* задумывался еще Гильфердингъ. Указывая, что юды особенно часто появляются в озерах, реках, колодцах и т. д., он считал возможным сблизить их название с др.-инд. именем какого-то водяного чудовища *yádas*¹. Хотя происхождение этого слова и в настоящее время остается загадочным², все же уже а priori можно быть уверенным, что болгарская юда не имеет ничего общего с др.-индийским монстром; ведь др.-инд. *й* ни в коем случае не может соответствовать слав. *'и*.

Из представления об юде, как о водяном божестве *par excellence*, исходил также Афанасьев. Но, в противоположность Гильфердингу, он не пошел искать ключа к объяснению на экзотический восток, — ему посчастливилось подслушать гораздо более точное эхо на самой Руси, а именно в известном эпитете морского царя русских сказок — *чудо-юдо*; впрочем в некоторых произведениях русской народной словесности под таким двойным именем выступает и самостоятельный мифический персонаж, — в роли несколько напоминающей римского Нептуна. Первую часть эпитета Афанасьев толкует как „великан“ (ср. дрс. *чоудъ, чоудъ*); ведь „известно, что в давнюю эпоху развития религиозно-поэтических воззрений на природу все ее могучие силы (вихри, буря и гроза) олицетворялись в титанических образах великанов“.³ Что касается второй части *юдо*, то она представляет собой не что иное, как имя известного апостола-предателя Христа, — „имя, которое в период христианства стали придавать черту и другим демоническим существам“.⁴ Следовательно, по мнению Афанасьева, это последнее имя продолжает жить и в болгарской юде, но первоначально она представляла собой лишь простое олицетворение известного атмосферического явления, напр., облака или дождя.⁵

Напротив, Geitler считал юду чисто-водяным божеством, водной нимфой, *ундиной* в буквальном смысле слова: он находит возможным связать ее даже этимологически с лт. *unduo* „вода“ и лат. *unda*.⁶ Но если бы это было так, то в болгарском языке интересующее нас имя не могло бы начинаться звуком *ю-*: иде. *-ип-* могло бы дать в праслав. языке, а следовательно, и в болгарском только *р*, и потому на месте теперешней *юды* мы должны были бы ожидать **взда*.

¹ „Вестник Европы“ 1868, № 9, 201.

² Uhlenbeck в своем Altind. Wb. 237 признает его „unklar“.

³ Поэт. возвр. II 236.

⁴ I. с.

⁵ оп. с. 182, 185.

⁶ Poetické tradice Thrakú 7, 17.

Может быть, по этой причине, гипотеза Geitler'a не сразу получила отклик в научной литературе, и еще в 1875 г. Dozon, комментируя изданные им болгарские народные песни, не нашел ничего лучшего, как связать ее с именем Иуды Искаротского: „Ce nom de *youda*, говорит он, *il vient, peut-être, de celui de Judas, l'apôtre détesté qui livra Jésus et décèlerait ainsi un confusion avec le mauvais esprits du christianisme*“.¹ Таким образом, Dozon, независимо от Афанасьева, пришел к тому же мнению о происхождении юды, что и этот последний.

Но даже такой артист в разыскивании всякого рода книжных реминисценций в народной поэзии, каким был Веселовский, признал это мнение недостаточным, и в 1883 г. в своих „Разысканиях в области русского духовного стиха“ повторил мнение Geitler'a (не называя, впрочем, его имени), что „юда-самовила, собственно, самовила водная, „морская вила“ болгарской повести о Троянских деяниях: *юда* от корня *und-*; сл. лат. *unda*, болг. *уда* (!) и онежск. *унда* (!)“². Эту же этимологию в 1889 г. он привел еще раз в одном из следующих выпусков своего капитального труда.³

По словам Niederle⁴, Jagić высказал догадку, что самовила и юда представляют не что иное, как результат народно-этимологического осмысления *Sybilla Judaea*, героини некоторых средневековых легенд. К сожалению, я не мог дознаться, где Ягич выступил с таким объяснением. Niederle по этому поводу цитирует ASPH. VII 639 и даже прибавляет, что с его гипотезой согласился Веселовский в Разысканиях XV 295, но в обоих указ. источниках я не нашел ни слова об этом.

Не упоминает о мнении Ягича и Илиев; для него, как и для Dozon'a, не подлежит сомнению, что в образе юды продолжает жить Иуда Искаротский. „Во всяком случае, говорит он, юда значит дьявол, простонародная этимология, сбитая с толку женским окончанием слова, отождествила его с женскими мифическими существами, известными под именем вилы, самовилы и самодивы“.⁵

Наконец, несколько слов посвятил юде Leger в своей *Mythologie slave*. Хотя ему известна мысль Ягича о происхождении Самовилы юды из лат. *Sybilla Judaea*⁶, она удовлетворяет его также мало, как и сближение с лат. *unda*. Сам же он склонен отождествить юда с р. *яга* и пол. *jędza*⁷, не замечая, что такой этимологии противятся элементарные законы славянской фонетики.

Таковы все известные мне мнения, высказанные в научной литературе по поводу болгарской юды. Как ни разнообразны они по своим

¹ Chansons populaires bulgares inédites, Paris, 339.

² VII. 265.

³ XV, 295.

⁴ Život starých slovanů II, 1², 61.

⁵ МСБ. VII 348.

⁶ И он, впрочем, не указывает, где она была изложена.

⁷ Русс. перев., 153.

отправным точкам и конечным итогам, все они, помимо одинаковой внутренней несостоятельности, имеют общий методологический недостаток, — они стараются объяснить имя *юда* слишком издалека: то из др.-инд. корней (Гильфердинг), то из фракийских (Гейтлер), то из семитских (Афанасьев, Dozon, Илиев), то из латино-семитских (Ягич, Веселовский). Между тем принципы здоровой этимологической методологии разрешают обращаться к показаниям посторонних и тем более экзотических свидетелей лишь после того, как исчерпаны все возможности объяснить данное слово из его ближайшей среды, т. е. в нашем случае — из языков славянских (в первую очередь) и из тех языков, которые некогда составляли с ними единое органическое целое, т. е. языков балтийских (во вторую очередь). Только в том случае, если стук в дверь этих языков останется без всякого отклика, этимолог имеет право пригласить на консультацию сначала языки, находящиеся в более отдаленном родстве с балтийско-славянскими, а потом и те языки, которые не имеют с ними по происхождению ничего общего.

Как мы видели выше, этому постулату всякого осторожного этимологического исследования соблюл верность только Leger, сопоставив *юду* прежде всего со слав. *jędza*, но, к сожалению, такой комбинации противоречат и вокализм и консонантизм корней обоих слов. Однако неудача Leger не должна нас смущать; ведь при более тщательных и систематических изысканиях всегда можно надеяться найти более точные параллели болгарской *юде*.

А в данном случае действительность даже превосходит наши ожидания: в славянских языках употребляются образования, которые, так сказать, сами напрашиваются на сопоставление с *юдой*. Но, конечно, я имею в виду при этом не б. глагол *юдя* „льстить, обольщать“, который производит впечатление глагольного denominativi от *юда* (насколько, верно, другой вопрос), а польск. глагол *judzić* „дразнить, раздражать, подстрекать“. Правда, Malinowski P F. I 182 и за ним Berneker I 457 считают это слово заимствованным из лт. *jud ti* „двигаться, шевелиться“, *jūsti* „начинать двигаться, шататься и т. п., но безо всякого основания: против этого говорят и география польского слова, и его значение и — главное — следы подобных образований в других славянских языках. Это, во-первых, мр. *юдити* „подстрекать, искушать“: полное совпадение второго значения украинского глагола с главным значением болгарского *юдя* показывает, что Berneker (о. с.) не был близок к истине, считая первый полонизмом, и что б. *юдя*, если и есть denominativum, то гораздо более древнее, чем можно было бы предполагать при первом ознакомлении с глаголом. На глубокую древность этих форм косвенно указывает и р. *юла́* „бойкий, ловкий человек“ и *юлѣть* „суетиться, егозить“: по всей вероятности, эти слова возникли чисто-фонетически

из **judla* и *judliti*¹, т. е. образованы от того же корня *jud-*, что и *judzić*. Принимая во внимание все эти образования, я ни на минуту не колеблюсь присоединиться к тем ученым, которые, как Baudouin-de-Courtenay², Brückner³ и Trautmann⁴, считают и *judzić* исконно-родственным с упомянутой балтийской семьей слов. Это обстоятельство обязывает нас более близко познакомиться с ее отдельными членами, чтобы, таким образом, точно выяснить, с какими из них сохранила наибольшее число черт фамильного сходства б. *юда*.

Кроме отмеченных уже нами двух лт. глаголов: *jūsti* „начинать двигаться“ и *judēti* „двигаться, шевелиться“, в состав рассматриваемой группы слов входят еще такие интересные образования, как лт. *judūs* „сварливый“, *judimas* „ссора, брань“, *judra* „вихрь“: значения этих слов несколько не противоречат представлению о болгарской нимфе как о существе злобном и в то же время находящемся в состоянии вечного движения⁵. А если мы вспомним теперь, что *юда* в болгарском языке означает не только „вилу“, но и „беспокойного ребенка“, т. е. как раз то понятие, которое мы констатировали в р. *юла* то мы невольно придем к мысли, что б. *юда* представляет не что иное, как субстантивированную форму прилагат. лт. *judūs* со значением, „существо беспокойно суеющаяся, вертлявое“ и в переносном смысле „капризное, сварливое“.

Но не отрицая глубокой древности такого рода значений, я, все-таки, далек от мысли считать их единственными. Дело в том, что в балтийских языках слышатся слова, которые совпадают с б. *юда* звук в звук, но их значения имеют несколько иной оттенок. Я разумею именно лт. *jauda* „обман, обольщение“ и лтш. *jauda* „сила, могущество“. Так как болгарская *юда*, с одной стороны, является олицетворением сверхъестественной силы и могущества, а, с другой стороны, воплощенной хитростью и обманом, то отождествление ее с балт. *jauda*, совмещающем в себе оба значения и в то же время совпадающем с нею в фонетическом отношении, не только не заключает в себе ничего смелого, но даже диктуется простой логикой. . . И это тем более, что наше умозаключение находит себе полное подтверждение в образовании от имени *jauda* лт. глаголе *jaudinti* „возбуждать и поддерживать в комнибудь желание, страсти, обольщать“: совпадая с б. глаголом *юдя*, п. *judzić* и мр. *юдити* звук в звук, он является в то же время их точнейшим синонимом!

¹ Некогда Matzenauer (Cizi slova 186) пытался вывести р. „юла из голл. *joal* щеголь“, нн. *joli* „красивый“ (из фр. *joli*), но, конечно, эта этимология в настоящее время может иметь лишь исторический интерес.

² IF. XXI 194.

³ KZ. XLVIII 171, SE. 208.

⁴ Balt.-slav. Wörterb. 109.

⁵ Недаром одним из любимейших образов болгарской народной поэзии является картина пляшущих самодив или самовил.

Объединяя все эти лексикальные данные, мы приходим к выводу, что праслав. прилаг. *judъ* обозначало не только „вертлявое, сварливое“ существо, но и существо „соединявшее могучую силу с коварством“. Но и этот нюанс не исчерпывает всего сложного комплекса оттенков, которые составляло значение праслав. прилагательного **judъ*.

Ведь не следует забывать, что в литовском языке, рядом с *jáudinti* с указанным значением, слышится возвратная форма того же глагола *jáudintuis* со значением „волноваться, burzyć się“. Но именно такое же значение имеет др.-инд. глагол *ud-yodhati*, не случайно совпадающий со своим лт. соответствием и в отношении вокализма корня; кроме упомянутого значения др.-инд. глагол имеет еще „вскакивать, нападать с гневом“. А образованные от низшей ступени изучаемого корня *ieudh* — др.-инд. *yúdhate* значит „борется, сражается“, *yúdh* — „сражение“, ав. *yuidyeintu* — „они борются“, гр. *ῥοιμή* — борьба, стычка“ и лат. *jubere* „приказывать“ (ср. Trautmann о. с.)

И эти значения как нельзя лучше согласуются с нашими представлениями о болгарских юдах: одним из наиболее любимых мотивов болгарских песен и сказок является рассказ о борьбе или состязании и юды с каким-нибудь юнаком, а иногда даже и с простым пастухом. Но особенно хорошо подходит представление о „бурном, свирепом, все-сокрушающем существе“ к портрету Морского царя русских сказок: танцуя на дне моря, он подымает такие волны, с которыми не может бороться ни один корабль. Такое могучее водяное существо вполне зазлуживает эпитета *чудо-юдо*, т. е. „чудовища, производящего бурю“. Следовательно, Афанасьев был на верном пути, когда сравнивал с болгарской юдой вторую часть этого эпитета, во всяком случае, он был более близок к истине, чем Бубрих, который в наши дни услышал в *чудо-юдо* отголосок имен германских племен *чуди* (тевтонов) и ютунгов (насельников теперешней Ютландии)!¹

Итак, после всего сказанного очевидно, что иде. корень **ioudh-* имел довольно разнообразные значения. Надо полагать, что, перейдя на балт.-славянскую почву в виде *iaud-*, он не утратил ни одного из них, и потому образованное от него прилагательное **jaudas* могло означать и „могучего“, и „коварного“, и „бурно-мятущегося“ и просто „суетливого“. На славянской почве это прилагательное, по известным законам славянской фонетики, изменилось в *judъ*, но значения его остались те же. Этим и объясняется, почему в форме им. п. ед. ср. р. *юдо*, как определение *чудо* (т. е. чудовище) имеет в р. языке значение „бурное“, почему в болг. языке в форме им. п. ед. ч. ж. р. *юда* значит „беспокойного ребенка“, и почему в форме глагольного *denominativi* в трех слав. языках (б. *юдя*, п. *judzić* и мр. *юдити*) означает „подстрекать, обольщать“. В связи с этим, как эпитет самовилы или самодивы, прилагат. *judъ*, точнее его форма им. п. ед. ч. ж. р. *юда* первоначально могло иметь

¹ Язык и литература I 89.

самые разнообразные значения и „могучая“, и „коварная“, и „вертлявая“, и „сварливая, злобная“; тот или другой оттенок зависел от ситуации, в какой выступает в песне или сказке самодива или вообще от характера песенного мотива. А если так, то первоначально *юда* не имела никакого отношения к языческим верованиям славян: это имя служило лишь простым определением или эпитетом вилы. Впрочем, есть много болгарских песен, в которых и в настоящее время *юда* отправляет свою исконную функцию epitheton ornans самовилы. Напр. в обращении: „Юдо самовило! отпусти ми брата!“ (Милад. № 7) — первое имя указывает не на самовилу особого рода, а на ее характер и, сообразно с этим, мы можем вкладывать в ее значение довольно разнообразный смысл: „коварная“, „злая“, „могучая“ и т. п.

Подобным образом, в стихах:

Подрукна се димна юда,
Димна юда самовила
(Илиев № 273)

юда представляет, по существу, такое же определение, как и *димна-дивна*.

Но само собой разумеется, что в роли такого рода определений прилагательное *judъ* могло употребляться только до тех пор, пока в языке сохранялись остальные его формы. Когда же они вышли из употребления, и когда, вследствие этого, первоначальное значение корня стерлось, то *юда* срослось со следующим именем (вила, самодива, самовила) почти в такое же органическое целое, как и *юдо* в р. сочетании *чудо юдо*. При таких обстоятельствах, *юда* естественно стало осознаваться в мозгу болгарских певцов и их слушателей как особая разновидность самодивы или самовилы. Еще один шаг дальше, — и Юда в этом значении стала отвлекаться от следующего за ним имени и употребляться в качестве совершенно самобытного баснословного существа.

Такого рода примерами абстрагирования эпитета от определяемого им имени и дальнейшей его персонификации кишит история мифологии любого народа. На болгарской почве ускорению этого процесса могло способствовать, помимо требований эвфемизма, еще смешение *юды* с Иудой Искаротским. В пользу последнего соображения особенно говорило бы следующее обстоятельство. Далеко не всем известно, что у карпаторусов также отмечено верование в *юду* „род злого духа, нечистой силы“; ср. *нечистый дух юда юдит христианина, аби один другого бив* (Гринченко IV 531). Судя потому, что в цитированной фразе речь идет о христианах, естественно думать, что в лице *юды* здесь выведен предатель Христа. Но если в этом контексте *юда* является случайно, и если будущие специальные исследования об этом мало известном образе украинской демонологии докажут, что *юда* выступает в украинском фольклоре и в других ролях, то из факта равенства б. *юды* с ее украинской тезкой останется сделать только один вывод, а именно,

что начало субстантивизации формы *юда*, а, следовательно, и олицетворения ее в самостоятельную мифологическую фигуру, относится, по крайней мере, в зародыше еще к эпохе славянского племенного единства¹.

Москва

Г. Ильинский

¹ В пользу последнего предположения особенно говорил бы тот факт, что *Juda* встречается также в румынской народной поэзии, где она играет роль морского царя, совершенно так, как и *юдо* в русских сказках. На это сходство обратил внимание еще Веселовский (Разыскания VII 265) и справедливо заключил из него, что румыны заимствовали данный мифологический образ у своих славянских соседей.

СЪЛЗИ И ДЪЖДЪ

Дали *Rot*, а съ него и *Solmsen*, е сполучилъ, като свързва лат. *ploro* „плача“ съ *pluor* „дъждъ“¹, това ние до днесъ сигурно не знаемъ и вѣроятно никога не ще узнаемъ. Всѣки обаче отъ насъ може лесно да забележи, колко поразителна е приликата на дъжда — особено когато той се стича по гладки предмети, повисва по тѣхъ на капки и пада долу — съ сълзитѣ.² Нищо чудно прочее, че сълзитѣ и дъждътъ се тѣсно свързватъ помежду си въ примитивната психика. И не трѣбва далече да ходимъ, за да намѣримъ доводи за това. Тѣй напримѣръ, както е записалъ О. И. Джейнаровъ въ 1891 г., споредъ разказа на старъ арменски селянинъ изъ Елизаветполската околия въ Транскавказия, презъ време на бурята плачатъ всички обитатели на небето, а дъждътъ сж именно тѣхнитѣ сълзи.³ Сжщо така по нѣкои мѣста въ Русия дъждътъ минава за сълзи на светиитѣ.⁴ Витебскитѣ бѣлоруси различаватъ обикновения дъждъ отъ такъвъ, който пада, когато небето е ясно; този последниятъ представя сълзитѣ на праведнитѣ покойници.⁵ Въ Литва, когато вали дъждъ, а слънцето свѣти, простолудието се е научило да казва, че „кralицата плаче“⁶. И тѣй нататъкъ.

Добре е известно, колко голѣмо значение има дъждътъ за земедѣлеца. Особено остро се проявява то, очевидно, въ области съ сухъ климатъ. Но и жителитѣ на мѣстности, гдето валежитѣ сж изобщо изобилни, проявяватъ твърде силно безпокойство въ случай на суша, особено пролѣтна, т. е. най-страшната.⁷ А когато най-после дойде очакваниятъ дъждъ, наричатъ го направо „жито“⁸, „хлѣбъ“⁹, „съкровище“¹⁰ и т. н.

¹ A. Walde, Lateinisches etymologisches Wb., 1910, стр. 593.

² Сравни тукъ, що се отнася до интерпретацията на подобна картина отъ народа, м. др. и диалектична великоруски изразъ: *окна плачуть* „прозорцитѣ се потятъ, овлажняватъ“, буквално „прозорцитѣ плачатъ“; пол. *okna płaczą* „прозорцитѣ се покриватъ съ роса“, буквално — както по-горе.

³ Этнографическое обозрѣніе, 1900 г., № 2, стр. 170.

⁴ А. Аванасъевъ, Поэт. возр. славянъ на природу, т. I, 1865, стр. 600.

⁵ Н. Я. Никифоровскій, Простонародныя примѣты и повѣрія..., 1897, стр. 215.

⁶ Ludwik z Pokiewia, Litwa, 1846, стр. 24.

⁷ Срв. напр. Cz. Pietkiewicz, Polesie rzeczyckie, т. I, 1928, стр. 83 сл.

⁸ Schriften der Naturforschenden Gesellschaft in Danzig, N. F., т. 5, св. 3, 1882, стр. 227 (съ позоваване на източника: Н. Frischbier, Preussische Sprichwörter und volksthüml. Redensarten, 2. Sammlung, 1876, 2168). Сжщото у курпитѣ (пол. Kurpie) — устно отъ г. А. Chełnik.

⁹ Cz. Pietkiewicz, I. с., стр. 84.

¹⁰ Изъ собственитѣ ми бележки, които се отнасятъ до околността Маїkinia въ Мазурската областъ.

Безпокойството, което обхваща земеделца през време на суша, и страхът предъ разорение и гладъ сж причинявали, както е известно, отъ хиляди години възникването на най-различни магии, които иматъ за целъ да докаратъ дъждъ. Сжществуватъ стотици такива магии. Неги е забравила дори срѣдна и западна Европа. Въ Полша напримѣръ, споредъ резултатитѣ отъ изследванията, които ржководихъ въ 1930/31 год., тѣ сж извънредно многобройни, разнообразни и — съ малки изключения — прастари.

При голѣмото изобилие на магитѣ за дъждъ, отъ една страна, и тѣсната асоциация на дъжда съ сълзитѣ или плача, отъ друга, би било почти чудно, ако никоя отъ тия магии не се основаваше на тази асоциация. И действително, еднакво изъ екзотичнитѣ страни¹, както и изъ европейскитѣ (resp. изъ славянскитѣ и тѣмъ съседнитѣ), знаемъ обреди, очевидно основани на убеждението, че плачѣтъ докарва дъждъ. Тѣй въ нѣкои бѣлоруски области, за да докаратъ дъждъ през време на лѣтната суша, закопаватъ въ гробищата кукла, плачейки надъ нея като надъ мрътвецъ.² До колкото този бѣлоруски обичай не е билъ до сега използванъ въ по-широката етнологична литература, до толкова други подобни на него и срѣщани у ромънитѣ и въ северна България, отдавна сж обърнали върху си внимание. Изъ Ромъния ги знаемъ днесъ точно благодарение на М. Vulpesco³. Обредитѣ тамъ иматъ външенъ изгледъ на сжщинско погребение. Тѣхната целъ е, както въ Бѣлорусия, да се докара дъждъ. Участничитѣ, resp. участничкитѣ плачатъ, като да сж оплаквачки, и проливатъ истински сълзи; а понеже плачѣтъ е задължителенъ, то онзи, който не може да заплаче, натрива си очитѣ съ чесънъ. Единъ откъслекъ отъ погребална пѣсенъ ясно говори за дъждъ, който трѣбва тѣй да пада, както падатъ сълзитѣ на оплаквачкитѣ.

Описания на подобни български обичаи е събралъ подробно проф. М. Арnaudовъ⁴. И той дава сведения за погребение на кукла, а тѣй сжщо и за плачъ: „при погребението... плачатъ като надъ сжщъ умрѣлъ човѣкъ“. Българскиятъ обредъ се изврѣшва сжщо тѣй за докарване дъждъ, и то при това било през време на суша, било ежегодно презъ пролѣтѣта, въ установенъ день, сжщо както и въ Ромъния.

Най-вѣроятно за по-добри резултати на магичния актъ често закопаватъ куклата близко до нѣкаква вода⁵, или пѣкъ — като изключение, — наскоро следъ като я закопаятъ близко до вода, изваждатъ я,

¹ Вж. за примѣръ Legey, *Essai de folklore marocain*, 1926, стр. 27 сл. (описаниятъ гукъ обичай се основава на използване ритуалния плачъ на млада мома съ цели аграрномагични).

² Е. Р. Романовъ, *Бѣлорусскій сборникъ*, т. 8, 1912, стр. 61.

³ М. Vulpesco, *Les coutumes roumaines périodiques*, 1927, стр. 160-165.

⁴ Списание на Българската академия на наукитѣ, кн. 4, 1912, стр. 48-54. Срв. отъ сжция: *Die bulgarischen Festbräuche*, 1917, стр. 47-49, а сжщо и Д. Мариновъ *Народна вѣра и религ. народни обичаи*, 1914, стр. 553-556.

⁵ Арnaudовъ, *Списание*, стр. 49, 52, 53; Мариновъ, *l. c.*, стр. 555.

за да я хвърлят въ водата¹, или пъкъ, най-после, изобщо не я закопаватъ, а направо я пускатъ въ водата². Въ двата последни случая става, може би, кръстосване на обряда съ друга често срѣщана магия за дъждъ, основавана на хвърляне въ водата кукли, животни и др. п.

До колкото въ свѣтлината на всичко онова, за което е речъ погоре, не може да има съмнение, че най-сжществениятъ моментъ въ днешния ромънски обредъ, а изглежда и въ бѣлоруския, е оплакването на погребванитѣ кукли, до толкова не сме сигурни, дали така е било по-рано, въ епохата, когато интересуващиятъ ни обредъ е възникналъ. Голѣмата оскъдность на материала не ни позволява да решимъ това сега. Заслужава обаче да се посочи, че обикновеното досегашна тълкуване на българско-ромънскитѣ обичаи, което вижда въ тѣхъ последнитѣ реминисценции на югозападно-азиятскитѣ и грѣцкитѣ обреди, свързани съ култа на Тамуза resp. (Адона-)Адониса или Атиса, ни най-малко не е безусловно сигурна. Защото цѣлата проблема може да се постави малко по-иначе, отъ колкото се е правило до сега, и при това по такъвъ начинъ, който наистина не ще се твърде понарави на класическитѣ филолози, които се занимаватъ между друго и съ етнология, но затова пъкъ добре ще отговаря на съвременното състояние на тази наука. Именно, етнологитѣ днесъ сж увѣрени, че съвременната народна култура е запазила, между друго, и многобройни елементи въ форми по-първични отъ ония, които знаемъ отъ писменитѣ паметници на Вавилония, стара Гърция и пр. Тѣ търсятъ примитивнитѣ форми на дадени културни елементи — безъ да обръщатъ премного внимание на абсолютната хронология — по периферията на тѣхния обсегъ, въ непросвѣтенитѣ области и у най-долнитѣ слоеве, а не въ самитѣ срѣдища на буйна (нѣкогашна или съвременна) цивилизация.

Въ дадения случай съвсемъ не е изключено, най-старото ядро на стария и не твърде ясенъ откъмъ произхода си обредъ — оплакване на Тамуза-(Адона-) Адониса³ — да е билъ единъ магически актъ, който е ималъ за целъ да докара дъждъ и е билъ идентиченъ съ тоя, който до днесъ ни е запазила архиконсервативната Бѣлорусия, т. е. такъвъ, въ който антропоморфичната кукла играе съвсемъ второстепенна роля, тѣй като не се касае за нея самата, но за изобилния колективенъ плачъ.⁴ Тази магия е могла въ

¹ Vulpesco, стр. 161.

² Vulpesco, стр. 162 (отъ две различни мѣстности), 164; Арнаудовъ, стр. 49; Мариновъ, стр. 555.

³ Вж. за този обредъ: J. G. Frazer, Adonis, Attis, Osiris (= The Golden Bough, ч. IV въ 2 тома, 1907) или сжщия, Le rameau d'or, т. 3, 1911, стр. 143 сл., сжщия, Der goldene Zweig, 1928, стр. 472 сл. Вж. сжщо Арнаудовъ, Списание, стр. 60 сл.; Vulpesco, I. c., стр. 165 сл.; Н. Арсеньевъ, Плачъ по умирающемъ богѣ (Этнографическое обозрѣніе, 1912 г., № 1/2).

⁴ Бѣлоруската практика изглежда съвсемъ елементарна. Тя, види се, спада къмъ огромната група елементарни магични актове, при които предметътъ, надъ който непосредно се извършва действието, което има за целъ да извика искания резултатъ, не играе никаква сжществена роля. Решаваще е единствено самото действие. Срв. напримѣръ

известна епоха да се кръстоса негде въ югозападна Азия съ митоветѣ, които се отнасятъ до нѣкое отъ тамошнитѣ божества (до Тамуза)¹, и по този начинъ да даде начало на култови обреди. Тѣзи обреди следъ това сж се ризпространили на по-малко или по-голѣмо пространство достигайки, може би, м. др. и до земитѣ, които лежатъ на северъ отъ Понта, като се и напластяватъ върху по-старата проста магия.

Въ всѣки случай, тукъ имаме предъ себе си страница отъ историята на културата, която съвсемъ не е още разчетена по начинъ напълно сигуренъ.

Краковъ

К. Мошински

обръщането наопаки дрехи и пр. за да се обрне злото, — унищожаването нѣкакъвъ какъвъ да е предметъ (пречупване тояга, разбиване гърне) за да се унищожатъ магично нѣкакъвъ опредѣленъ обектъ, — затварянето напр. катанецъ и пр., когато се отнася до затваряне челюститѣ на хищни пакостници и т. н. и т. н. Колкото до предметитѣ, тукъ е задължително само едно съвсемъ естествено ограничение: тѣ трѣбва да подхождатъ за действието, което има да се извърши надъ тѣхъ.

Въ интересуващата ни бѣлоруска практика такъвъ предметъ, *par excellence* подхождащъ за колективно „голѣмо“ оплакване, е „мрътвецътъ“ (срв. голѣмия плачъ като на умрѣлъ, споменаванъ въ житието на Св. Теодосий, или „безмѣрния плачъ“ въ житието на Константинъ Муромски: L. Niederle, *Slov. starožitnosti, Oddíl kulturní*, т. I, 1911, стр. 245).

¹ Останки отъ тѣзи митове е събралъ В. Meissner, *Babylonien und Assyrien*, т. 2, 1925, стр. 24 сл.

Märchen und Buch

In seinem Artikel „Сказительство и книга“¹ spricht der bekannte russische folkloristische Sammler und Forscher M. K. Azadovskij eine Reihe interessanter Sätze aus und stellt eine Reihe von Problemen auf, die nicht nur für den Erforscher des russischen Märchens, sondern überhaupt für alle Folkloristen von Bedeutung sind. Über eine Reihe von Fragen, die den von Azadovskij berührten verwandt sind, haben sich einige europäische Gelehrte ausgesprochen. Ich halte es für nützlich, die von Prof. Azadovskij auf Grund russischen Märchenmaterials gezogenen Forderungen zu vergleichen mit denen europäischer Gelehrter, hauptsächlich Slavisten, denen anderes folkloristisches Material zugrundelag. Ich erlaube mir meinerseits, das von M. K. Azadovskij angeführte Material zu ergänzen und meine Meinung über die von ihm berührten Fragen zu äussern.

Ich greife der Reihe nach einige der Sätze Azadovskijs heraus.

Ich schliesse mich der richtigen Bemerkung Azadovskijs an, dass seit langem die Vorstellung unhaltbar ist, nach der „die Forscher so gern das schon gedruckte Märchen verdächtigten, das in ihren Augen schon minderwertig war und deshalb oft garnicht aufgeschrieben oder zum mindesten nicht in die gedruckten Sammlungen aufgenommen wurde“². Als eine aktuelle Aufgabe der gegenwärtigen Folkloristik erscheint die Erforschung der Märchen oder überhaupt mündlichen Erzählungen, deren „literarische“ Herkunft bestimmt anzunehmen ist. Dafür ist natürlich vor allem festzustellen, woher die mündliche Literatur ihr Material geschöpft hat, und in jedem einzelnen Falle, auf welche literarische Quelle diese oder jene nach dem Volksmund aufgezeichnete Erzählung zurückgeht.

Besonders wichtig erscheint in dieser Hinsicht die Erforschung der weltlichen Handschriftenliteratur des XVII. und XVIII. Jahrhunderts, in der man Anekdoten und Novellen trifft, die den Märchen vom Fabliautyp nahe stehen, die im Repertoire derjenigen mündlichen Prosa eine so grosse Rolle spielen, die bei den Bauern aufgezeichnet wurde und wird. Leider gibt es bis jetzt noch kein mehr oder weniger vollständiges Verzeichnis der Anekdoten und Erzählungen, die in die Sammlungen der Scherze (жарты) und Fazetien eingegangen sind, das eine Vorstellung von dem Repertoire der handschriftlichen Literatur des 17. und 18. Jahrhunderts geben könnte,

¹ Язык и Литература. Научно-исследовательский институт речевой культуры. Т. VIII. Изд. Академии Наук СССР. Ленинград 1932, S. 5-28.

² Ibid. S. 9.

die der gegenwärtigen mündlichen Literatur sehr nahe steht. Von grossem Interesse sind auf den Handschriften auch die Anmerkungen ihrer Besitzer, mit Angabe von Rang und Namen der vorigen Besitzer. Aus diesen Anmerkungen geht klar hervor, wie diese Handschriften aus den höheren Schichten in die niedern hinabsanken¹.

Nicht weniger interessant ist die Frage der Erforschung der Texte zu den volkstümlichen Holzschnitten (лубочные картины) und ähnlicher Literatur. Wie gross die Bedeutung der volkstümlichen Holzschnitte im kulturellen Leben von Stadt und Land war, erhellt daraus, dass „allein in zwei Bezirken des Moskauer Gouvernements nach statistischen Feststellungen vom Jahre 1879 jährlich² ungefähr drei Millionen Holzschnitte ausgemal wurden“.³ Dabei wurden durchaus nicht nur ausgemalte Holzschnitte verkauft.

Ich gestatte mir, hier eine Reihe von Arbeiten anzuführen, die in dem Artikel Azadovskijs nicht vermerkt sind. Die Holzschnitte, die nach Rovinskij klassischer Sammlung „Русскія народныя картинки“ erschienen sind, sind noch wenig erforscht. Über die Bildchen vom Ende des 19. und dem Anfang des 20. Jahrhunderts existiert eine kleinere Arbeit von С. Vetrinskij „Народныя картины“.⁴ Der Autor behandelt übrigens auch die Märchen, deren Text den Holzschnitten beige gedruckt wurde. „Die Märchen“, sagt Vetrinskij, „denen Rovinskij grossen Raum anwies, sind an Zahl stark zurückgegangen“.⁵ Indessen geht aus der Aufstellung Vetrinskij hervor, dass die Zahl der Märchensujets sich vergrössert hat. Ich kann auf Grund einer Besichtigung der Holzschnittsammlung des Russischen Historischen Museums die Angaben Vetrinskij durch folgende Holzschnittbildchen mit beige gedrucktem Märchentext ergänzen: 1) Сказка о Вавилѣ, Могучемъ богатырѣ (1890 г.); 2) Русская народная сказка о Иванѣ Багатырѣ и Лягушкѣ (1889 г.); 3) Сказка о курочкѣ — черный хохолокъ; 4) Сказка о бычкѣ — золотые рога.

Wertvoll ist auch Kalmykovas oben erwähnte Arbeit über Holzschnitte, die hauptsächlich Bilder aus der Mitte des 19. Jahrhunderts behandelt, die in die Sammlung Rovinskij nicht mehr Eingang gefunden haben, aber auch von Vetrinskij nicht berücksichtigt worden sind.⁶ Interessant

¹ Leider kann ich mich hier nur auf mein Gedächtnis verlassen, da das Manuskript meiner Arbeit über Scherze und Fazetien mir nicht zur Hand ist.

² Gesperrt von mir.

³ Калмыкова, Русскія лубочныя картины въ ихъ просвѣтительномъ значеніи для народа за послѣднее 75-тіе нашей жизни. — Подвѣка для книги (1866-1916). Литературно-художественный сборникъ, посвященный 50-лѣтію издательской дѣятельности И. Д. Сытина. Москва 1916. Стр. 166.

⁴ Миръ Божій, декабрь, 1903, Спб.

⁵ Вѣтринскій, *op. cit.* S. 12.

⁶ Den volkstümlichen Holzschnitten dieser Periode war bis zu dem Erscheinen des Artikels von Kalmykova überhaupt keine Forschungsarbeit gewidmet, abgesehen von zwei kleinen Arbeiten L. Blümers, die keine speziell wissenschaftlichen Ziele verfolgten: „Чему могут служить лубочныя картинки“, Спб. 1859, и „Современныя лубочныя картины“, erschienen in der Zeitschrift „Свѣточъ“. Учено-литературный журналъ, кн. V, 1860.

ist schliesslich auch der Atlas der s. g. Prostoviken (простовики), herausgegeben von Sytin. Es ist bedauerlich, dass die von dem „Комитет Грамотности при Вольно-Экономическом Обществе“ veranstaltete und am 29. September 1891 eröffnete Ausstellung volkstümlicher Holzschnitte, auf der mehr als 5000 Bilder vereinigt waren, nicht zu grösseren Arbeiten Anlass gegeben hat. Es erschienen nur Zeitungsartikel.¹

Was die Erforschung der volkstümlichen Literatur angeht, vor allen von Märchen, so steht die Sache ziemlich schlecht. Indessen besteht kein Zweifel, dass die Volksbücher bei den Bauern eine grosse Rolle spielen und auf die mündliche Literatur einen starken Einfluss ausüben, besonders, wenn man in Betracht zieht die grossen Auflagen der Volksbücher, oft von mehreren hunderttausend Exemplaren², und ihre energische Verbreitung durch Hausierer (офени) in den abgelegensten Ortschaften³. Es ist zu bedauern, dass es für gedruckte Volksmärchen noch keine solche Arbeit gibt wie die von A. C. Jakub über Volksliedbücher⁴. Von den Arbeiten über

¹ Ich führe die Titel folgender Aufsätze an: Н. С. — По поводу выставки лубочных картинъ. Новое Время, № 5597, 28 сентября 1891 г.; von unbekanntem Verfasser — Выставка лубочныхъ картинъ, Новое Время, № 5599, 30 сентября; Ф. Булгаковъ — О народныхъ картинкахъ, Новое Время, № 5609, 10 октября.

Ich zitiere aus einem Artikel folgende Stellen, die auf die grosse Verbreitung der Holzschnitte hinweisen: „Die Ausstellung bietet ein reiches Material, auf Grund deren man sich eine Vorstellung machen kann von der Entwicklung des künstlerischen Geschmacks im Volke in den letzten 75 Jahren. Jedem, der nur etwas mit dem dörflichen Leben vertraut ist, ist bekannt, welches Interesse unser Volk jeder Art von Bildern entgegenbringt und alles sammelt, was irgendwie nach Bildern aussieht — sei es irgendeine Gravüre, ein Konfektbildchen oder einfach eine Etikette von irgendeiner Schachtel. Es ist schwer, ein Bauernhaus zu finden, wo nicht an der Wand irgendein Bildchen angeklebt ist. Öffnet man den Koffer eines beliebigen Soldaten oder einer beliebigen Köchin, so wird man stets finden, dass der Déckel mit allen möglichen Bildchen, Etiketten usw. beklebt ist. Н. С. По поводу выставки лубочныхъ картинъ.“

² Азадовский, op. cit., Seite 20-21. Vgl. auch Португаловъ, „Задачи интеллигенции и ея обязанности по отношению къ народу“, wo statistisch nachgewiesen wird, dass fast durchweg die Volksbücher neue literarische Erzeugnisse ins Volk getragen haben. Vgl. auch Виктор Шкловский, „Матвей Комаров житель города Москвы“. Прибой-Ленинград 1929.

³ „Das gedruckte Wort anonymer Schriftsteller hat schon seit Jahrzehnten seine Leute gehabt: Korbflechter (коробейники), Hausierer (офени) u. s. w., die es nicht nur im ganzen europäischen Russland, sondern in den abgelegensten Dörfern Sibiriens verbreitet haben. Und das zur Zeit, als es für die Kreise der gebildeten Leute selbst in den Gouvernementshauptstädten keine Buchläden gab, Bücher und Zeitungen nur langsam und in dürftiger Anzahl durch die Post aus den hauptstädtischen Zentren zu ihnen kamen! Da war es die Bücherware des Hausierers, die Stoff zum Verwundern und zum Nachdenken brachte. Sie war ein steter Gegenstand des aufmerksamsten Studiums von Leuten, die sich aufrichtig für das Leben des Volkes interessierten... Es hat sich gezeigt, dass man zu der statlichen Zahl der jährlich gedruckten Volksbücher noch die sie übertreffende Zahl der jährlich ausgegebenen Holzschnitte hinzuzählen muss, die noch Puschkin zu einer Aufzeichnung anregten und die er in seine Reiseaufzeichnungen übernommen hat“ (Калмыкова, op. cit., Seite 164).

⁴ А. С. Якубъ, Современныя народныя пѣсенники. Извѣстія II отдѣленія Академіи наук. СПб. 1914. I книга.

das Volksbuch, die von Azadovskij nicht angeführt sind, führe ich den Artikel von Čehov an, „Лубочныя книги“, in der schon von uns erwähnten Sammlung zu Ehren Sytins „Полвѣка для книги“.¹ In dieser Arbeit gelangt der Verfasser zu sehr traurigen Folgerungen bezüglich der Erforschung des alten Volksbuchs. „Das russische Volksbuch (лубочная, или народная литература) hat keine Geschichte. Es ist nicht nur von niemand aufgezeichnet, sondern der grösste Teil des Materials ist unwiederbringlich verloren. Wir haben nicht die Möglichkeit, irgendwann ein vollständiges Verzeichnis der volkstümlichen Ausgaben nicht nur des 18. Jahrhunderts, sondern sogar der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts aufzustellen. Mit dem volkstümlichen Holzschnitt hat sich die Lage bedeutend günstiger gestaltet. Es hat sich ein Mann gefunden, der sein ganzes Leben der Sammlung und der Erforschung dieser Denkmäler gewidmet hat. Es ist das Verdienst Rovinskijs, eine Sammlung russischer Kunstwerke dieser Art zusammengebracht zu haben, der kein westeuropäisches Volk etwas ähnliches an die Seite zu stellen hat.“

„Auf dem Gebiet des Volksbuches ist etwas ähnliches noch nicht geleistet“.²

Ich wiederhole noch einmal: Der Einfluss der handschriftlichen Erzählungen und Anekdoten, ebenso wie der hauptsächlich den Volksbüchern entnommenen Erzählungen auf das Repertoire der früher und jetzt noch bei den Bauern im Umlauf gewesenen mündlichen Erzählungen ist unverkennbar, und die Erforschung der aus Büchern entnommenen mündlichen Erzählungen muss die Aufmerksamkeit der Forscher auf sich lenken.

Indessen weist die genauere Betrachtung der Erzählungen des 17. und 18. Jahrhunderts einerseits, und der Scherze und Fazetien andererseits darauf hin, dass durchaus nicht das ganze Repertoire, das durch Vermittlung von Buch und Handschrift in das bäuerliche Milieu verfiel, vom Volk übernommen wurde und in die mündliche Volksliteratur überging.³

¹ Seite 149-162.

² S. 152.

³ Vgl. Beobachtungen des Sammlers tschechischer Märchen, Kubin: „Der Märchen-erzähler ist immer ein Stück Dichter. Aber er hat sich nur auf einen gegebenen Kreis von Stoffen festgelegt; er lässt sich nicht auf andere ein, als auf die, die er selbst kennt. Sag, lies ihm einen Stoff vor, damit er ihn sogleich (oder gar erst nach einer Zeit) erzähle, er ist dazu nicht im Stande. Er hat in seiner Vorstellungswelt nicht mit dem dazu notwendigen Vorgang Fuss gefasst. Aus dem gleichen Grunde sind auch sehr populäre Stoffe, die sonst durch Literatur, Puppentheater und auf andere Weise verbreitet sind, nicht in seinem Stoffkreis. Frage ich ihn: „Kennt Ihr Dornröschen, Däumling, Hänsel und Gretel, Schneewittchen?“ . . . so antwortet er: „Vielleicht habe ich es einmal gehört, aber ich kann es nicht erzählen“. Und in der Tat, diese Stoffe sind in der Gegend nicht bekannt, sie sind ihm auch nicht in den Kopf eingegangen. Ähnlich ist es mit der vermeintlichen Lektüre. Warum kennt er nicht „die zwölf Monde“, „Verstand und Glück“, wo er es doch neben anderen angegebenen Erzählungen gleichfalls lesen konnte? Und so interessante, zündende Stücke! Und wenn aus 5—6 angegeben Büchern, warum nicht auch aus Kalenský, Kosfál, Třebizský, und hundert andern, die bis zum Überfluss in der Öffentlichkeit verbreitet sind? Auch Flugblättersgeschichten (vgl. Šolk u. a.) drin-

Und selbstverständlich ist es, dass bei weitem nicht jede mündliche Erzählung in die handschriftliche und sonstige Literatur Eingang fand. Ohne die Bedeutung des Einflusses der volkstümlichen Literatur auf die mündliche Tradition zu leugnen, darf man doch diesen Einfluss nicht masslos überschätzen.

Wenn wir zunächst die volkstümliche Anekdote ins Auge fassen, die nicht selten einen bedeutenden Prozentsatz des mündlichen Repertoirs auf dem Dorfe ausmacht (vergleiche z. B. die Sammlungen von Ončukov, der Brüder Sokolov¹ u. a.), so sehen wir, dass vieles in diesem Repertoire nicht aus Büchern dahin geraten konnte, da ähnliche Anekdoten aus Gründen der Zensur nicht in Büchern, besonders nicht in volkstümlichen, abgedruckt sein konnten. Dieses „zensurwidrige“ Material spielt auch bei den europäischen Völkern eine bedeutende Rolle im Repertoire der mündlichen Erzählungen.

Ferner ist der Stil der gedruckten Märchen der 17. und 18. Jahrhunderts oft weit entfernt vom Stil der Volksmärchen, und wenn die handschriftlichen oder in Volksbüchern verbreiteten Märchen die Sujets der mündlichen Prosa bereichert haben, so haben sie auf die Bereicherung der Form bedeutend weniger gewirkt.²

Betrachten wir jetzt näher einige Probleme der Erforschung der mündlichen Erzählungen, die aus Büchern und Handschriften in das volkstümliche Repertoire gekommen sind. Hier tauchen vor allem zwei wesentliche Fragen auf, die von Professor Polívka aufgestellt sind: „Wichtig ist sowohl was den Inhalt betrifft — was übernommen wird — als auch was die Form betrifft — wie es übernommen wird.“³

Ich zitiere auch eine wertvolle Bemerkung von Professor Durnovo:

„Die Untersuchung der volkstümlichen Umschöpfungen Puschkinscher Gedichte und die Aufsuchung anderer Spuren des Einflusses Puschkins auf die gegenwärtige Volkspoesie würden einerseits der Frage der Volkstümlichkeit Puschkins zugute kommen — einer häufig gestellten aber bis jetzt noch nicht wissenschaftlich bearbeiteten Fragen. Andererseits scheint es uns, dass die Erforschung der Lieder, die so zu sagen vor unseren Augen zu Volksliedern werden, in methodischer Hinsicht sehr wichtig ist, und dass man die Erforschung des Volkslieds gerade mit solchen Liedern beginnen sollte. Die Volkslieder literarischer Herkunft könnten beim Vergleich mit den Originalen die Gesetze des Volksliedes erhellen.“⁴

gen in Unmengen ins Volk, und doch erzählt er sie nicht. Er kann es nicht“. Diskuse o Kubínových pohádkách. II. Jos. Š. Kubín. Slavia. Casopis pro slovanskou filologii. R. IV. 1925-1926. S. 574-575.

¹ Ончуковъ Н. Е. Сѣверныя сказки. — Зап. Геогр. Общест. по отл. этногр., т. XXXIII. Спб. 1909. Соколовы Б. и Ю. Сказки и пѣсни Бѣлозерскаго края. М. 1915.

² Vgl. Jiří Polívka, Slovanské pohádky. I. Úvod. Vychodoslovanské pohádky. Práce Slovanského ústavu v Praze. Sv. VI. V Praze 1932. S. 243.

³ Diskuse o Kubínových pohádkách I. J. Polívka. Slavia. R. IV. S. 572.

⁴ Н. Н. Дурново, „Узникъ“ Пушкина въ народной передель. Пушкинскій сборникъ. Статьи студентовъ Московскаго Университета, подъ ред. проф. А. И. Кирпичникова. Москва 1900, стр. 237.

Das von Professor Durnovo über Gedichte von Puschkin Gesagte kann man auch auf die Gedichte anderer Dichter anwenden, die in die mündliche Literatur Eingang gefunden haben, ebenso auch auf prosaische Erzeugnisse, die in das Repertoire der mündlichen Erzählungen eingegangen sind.

Ich verweise auf einige Wege, auf denen die Untersuchung von literarischen Erzeugnissen, die in die mündliche Literatur gedrungen sind, weiter gehen kann. Einer dieser Wege ist, die Veränderungen nachzuweisen, die handschriftliche und gedruckte Märchen, Anekdoten und Erzählungen bei der mündlichen Wiedergabe erlitten haben. Ferner ist auch folgende Laboratoriumsarbeit zu empfehlen: Der Forscher liest einem Märchenerzähler aus einem Buche ein Märchen, eine Anekdote usw. vor und zeichnet dann die Wiedergabe des Vorgelesenen durch den Märchenerzähler auf. Es ist zu empfehlen, die Wiedergabe zuerst unmittelbar nach der Vorlesung zu veranlassen, dann aber noch ein oder mehrere Male nach Verlauf einiger Tage oder sogar Wochen, wobei man auch aufzeichnen sollte, wie der Märchenerzähler das Vorgelesene anderen wiedererzählt, das heisst, es den Forderungen seines Auditoriums anpasst. Das sind nur Hinweise. Ein erfahrener Folklorist wird selbst während der Arbeit die konkreten Methoden herausfinden.

Indem wir mit verschiedenen Methoden arbeiten, können wir Prinzipien aufstellen, nach denen sich literarische Erzeugnisse verändern, wenn sie sich der mündlichen Tradition unterordnen.

Gehen wir zur Untersuchung der weiteren Behauptungen Azadovskijs über. Völlig richtig sind seine Folgerungen: 1. Das Analphabetentum ist in keinem Falle ein unbedingter Beweis für die Echtheit der Märchenerzählkunst; 2. Die Kenntnis der Schrift braucht nicht nur kein zerstörender Faktor zu sein, der schmerzhaft in die Sphäre des Märchenerzählens eindringt, sondern 3. dient manchmal als neue und schöpferische Quelle des letzteren¹. Ich verweise auf die überzeugenden Beispiele, die Azadovskij einführt, und die beweisen, dass Kenntnis der Schrift oft nicht nur bei den gewöhnlichen Märchenerzählern, sondern auch bei den hervorragenden angetroffen wird². Ich möchte die Behauptungen Azadovskijs durch einige klare Beispiele bekräftigen, die Professor Murko anführt bei der Behandlung der Lebensbedingungen der serbo-kroatischen epischen Lieder.

„Aufmerksamkeit verdient die Tatsache, dass sehr viele der Sänger (in Kroatien) schon die Elementarschule durchgemacht haben; dasselbe gilt auch für Montenegro und Alt-Serbien, wo dank der serbischen Propagandatätigkeit schon lange vor dem Kriege Schulen bestanden. Viele der Sänger haben Lesen und Schreiben gelernt. Die Sänger, die nur die mündliche Tradition bewahren, sind in der Minderheit; viele haben Lieder auch

¹ Азадовский, *op. cit.* S. 14.

² *Ibid.* S. 10-14.

von anderen Sängern und aus Büchern gelernt, jüngere sogar nur aus Büchern¹.

Und weiter: „Hauptsächlich Unteroffiziere, aber auch einfache Soldaten sangen auf den Schlachtfeldern, auf den Verbandsplätzen, in den Lazaretten, im Urlaub, dann auch in der Friedenszeit im Sinne des Volksepos verfasste Lieder über den Beginn und die verschiedenen Epochen des Balkan- und des Weltkrieges. Einige Lieder fanden auf mündlichem Wege Verbreitung, andere wurden bald auf Flugblättern gedruckt („na karti“), dann in Büchelchen und Büchern, nach denen die Sänger diese Lieder lernen“².

So beeinflusst zweifellos die Kenntnis der Schrift die mündliche Volksliteratur, und vor dem Forscher steht die ziemlich schwierige Aufgabe, zu verfolgen, wie augenblicklich die mündliche Tradition mit der schriftlichen sich vermengt. Ich verwerte hier einige Beobachtungen. Im Dorfe Bavykino (Bezirk Serpuchovskoj, Gouvernement Moskau) zeichnete ich im Jahre 1914 vorzugsweise von Kindern Märchen auf. Die männliche Bevölkerung des Dorfes arbeitete fast das ganze Jahr in Moskau. Es waren das Handwerker, Bäcker, Konditoren, Juweliere usw. Im Dorfe wohnten hauptsächlich Frauen und Kinder. Aus den Aussagen der Kinder, die mir Märchen erzählten, ging hervor, dass sie die Märchen von analphabetischen Bäuerinnen gehört hatten, aber auch ebenso von Verwandten, die des Lesens und Schreibens kundig waren: von den Eltern, älteren Schwestern usw. Ausserdem hatten einige der Kinder, die mir Märchen erzählten, schon die Schule besucht. Es ist sehr wahrscheinlich, dass ein Märchen, das man von einer analphabetischen Bäuerin gehört hatte, sich unter dem Einfluss eines ähnlichen Märchens, das man in einem Buche gelesen hatte, veränderte. Es konnten Kontaminationen entstehen: ein Märchenerzähler konnte z. B. aus einem Buche beginnen und mit einer der mündlichen Tradition entnommenen Erzählung schliessen. Als eine solche Kontamination erscheint mir z. B. das Märchen von dem Begräbnis eines Hundes, das mir die des Lesens unkundige 65-jährige Bauernfrau Uljana Sokolova erzählte. Der Anfang dieses Märchens erinnerte an ein Märchen aus der Fibel, das Ende war eine der seltenen russischen Varianten, ausserdem in einer Form erzählt, in der es aus Gründen der Zensur unmöglich in ein populäres Buch gelangen konnte³. In demselben Dorfe habe ich übrigens auch einige

¹ M. Murko, *Za národní epiku po Jugoslavii*. II. Československo-jugoslovenská revue. Broj 4. Godište I. Decembar. 1930. S. 154.

² *Ibid.* S. 156.

³ Ich führe dieses Märchen an, das ich noch nicht veröffentlicht habe:

Была у хахла Серка, ну да сабака. Ну жила ана у ниво пака уш да старысти. Ну хахол её и прагнал: ана ланть ни можит. Ну Серка идеть, ей нафстречу волк. „Ну ты, куды ш, сабака, идеш?“ — Мне хахол прагнал. Ну, гъварить, ты стара: лаить ни можишь. — „А дети у ниво есть?“ спрашиваить волк у Серки. — Есть — гъварить. „Где ваш хахол та жиеть?“ гъварить. „Ну пайдём у ниво ис колыбели унисем рибенка. Я панису, а ты беуи атымай“. Хахол увидал за ним вдагонь. Сабака атняла у волка рибенка. Хахол гъварит: — Пайдём, Серка, анять, да самый смерти буду кармить. —

Märchen von dem 7-jährigen Knaben Aleksandr Burcev aufgeschrieben. Die Schule hatte er nicht besucht; sein Vater, ein Juwelier, und seine Mutter konnten beide lesen und schreiben. Alle seine Märchen mit einer Ausnahme erinnerten stark an Varianten aus der Sammlung Afanasjews, der bekanntlich besondere Ausgaben für Kinder hatte, und dessen Märchen in die Fibeln und Schullesebücher Eingang fanden. Es ist interessant, dass die loci communes bei Aleksandr Burcev und bei Afanasjev verschieden waren. Hier waren offenbar Buchtraditionen und mündliche Traditionen ineinander übergegangen. Wie schon oben erwähnt, lernen die jugoslawischen Sänger ihre Lieder auch aus Flugblättern und Büchern. Diese Lieder, sagt Professor Murko, haben sich den Vorwurf zugezogen, dass sie „nisu spievane kao treba“, „doch man hofft, dass sie im Laufe der Zeit im Mund der Sänger besser werden“.¹ Dieser Hinweis Professor Murkos beweist, dass zwei literarische Traditionen miteinander im Kampfe liegen, wobei die eine von ihnen, die Buchtradition, sich unter dem Einfluss der anderen verändert. Dieses Problem steht augenblicklich im Vordergrund und lenkt die Aufmerksamkeit vieler Gelehrter auf sich.² Das von Professor Murko angeführte Beispiel bezog sich auf das Volkslied. Mit dem Märchen verhält sich die Sache natürlich etwas anders. Vor allem erleidet der Text von Gedichten weniger leicht Änderungen in der mündlichen Wiedergabe, wenn gleich auch hier die Veränderung oft weit gehen kann (man braucht nur Puschkins Gedicht „Гусар“ mit den von den Bauern aufgezeichneten Versionen zu vergleichen, die in Sprechversen (сказовый стих) abgefasst sind.³ Die aus Büchern stammenden Märchen, Erzählungen, Anekdoten usw., die nicht durch die Reihenform beengt sind, unterliegen natürlich noch grösseren Änderungen als Gedichte. Andererseits kann ein Märchen oder eine mündliche Erzählung, da sie weniger stark durch die Form gebunden ist als das Volkslied, sich leichter unter dem Einfluss der aus Büchern stammenden Märchenerzählungen usw. verändern.

Zu der Erklärung Azadovskijs, dass „das persönliche Analphabetentum

Ну Серка пажила и памерла. Ну хахол к свищеннику просит пахаранить Серку. Свищенник сказал: „Нильзя“. Он ему: — Я тибе 500 дам за эта толька пахарани маво Серку. Ана мне, гърить, младенца спасла. — Свищенник паслал к дьякыну. Ну и дьякын сагласился за 300 рублей. „Иди, гъварит, к пасаломщику. Ну и пасаломщик сагласился за 200 рублей. Ну и пахаранили Серку. Данисли владыки, што свищенник пахаранил Серку. Ну свищенника хатели растрить. Пришел свищенник к хахлу. Ну патом: „Съезди, гъварит, к владыки. Хатяты миня расстрить“. Ну хахол паехал. — Ваша приасвищенство, памилуйти батюшку. Он мине маладенца спас, Серка та. Я за то ево и харанил. Уш я вам заплачу, ваша приасвищенства за эта. Толька ни растригаити батюшку. — Он (= владыка) гъварит: „Я за то ево бранил, что харанил, да ни званил!“

¹ Ibid. S. 156.

² Vgl. Julius Schwietering, Das Volkslied als Gemeinschaftslied. Eupharon. XXX. В. 1929.

³ Vgl. meinen Artikel: Стихотворение Пушкина „Гусар“, его источники и его влияние на народную словесность in der Sammlung „Очерки по поэтике Пушкина“. Verlag Эпоха. Берлин 1923. S. 145-195.

dieses oder jenes Märchenerzählers nicht bedeutet die „Reinheit“ seines Repertoires im Sinne der Unberührtheit von literarischen Einflüssen jeder Art“, füge ich meine eigenen Beobachtungen hinzu, die ich an Leuten machte, die dem Einfluss eines Milieus ausgesetzt waren, in dem man des Lesens und Schreibens kundig war. So hatte der Märchenerzähler Klementjev¹ vieles von einem Geistlichen gehört, der seinen Gemeindegliedern vorlas, und in sein Repertoire waren ohne Zweifel Erzählungen aus Büchern gedrungen. Im Bezirk Serpuchovskoj zeichnete ich ein Lied auf „Как вы храбры на бумаге, да хранит вас Маромет“, das die Bauern nach ihrer Erklärung vom Geistlichen gelernt hatten. Ich führe ferner die Beobachtungen Professor Murkos über das slawische Epos an. „Sogar bei den Blinden“, sagt er in seiner Arbeit „Nynější stav jihoslovanské národní epiky“², „ist es nicht unbedingt sicher, dass sie dieses oder jenes Lied auf mündlichem Wege, von anderen Sängern kennengelernt haben, da irgend jemand das Lied vorlesen konnte oder sie es vielleicht von einem anderen Sängern gelernt haben, dem es der Geistliche, der Lehrer oder sonst jemand mitgeteilt hatte“. Betrachten wir die weiteren Behauptungen Azadovskijs. Wenig überzeugend erscheint uns seine Hypothese, dass „der Kreis der Märchenerzähler, der Meister in dieser Kunst, früher enger war.“³ Diese Hypothese baut sich auf Material und Beobachtungen auf, die von den Sammlern von Bylinen und Märchen im Norden, besonders im Bezirk Onega, gesammelt wurden, und zwar in letzter Zeit, in der das „Absinken und Aussterben“ der Märchenerzählerkunst zu konstatieren ist. Nach meiner Ansicht, begeht Azadovskij hier einen Fehler, indem er die wenig zuverlässige und gefährliche Methode der Analogie verfolgt. Auf Grund einer, durch eine Reihe von Faktoren bestimmten, Periode des Zustands der mündlichen Tradition zieht er Folgerungen für eine andere Periode, in der viele Faktoren der ersten Periode fehlen und neue an ihre Stelle getreten sind. Sogar wenn man die These Azadovskijs annimmt, dass in einer Verfallsperiode der mündlichen Literatur die Zahl der Märchenerzähler sich vergrößert, und zwar proportional der „Vulgarisation und dem Anwachsen der Amateure“⁴, kann man doch unmöglich daraus

¹ Leider ist es mir noch nicht gelungen, die von K. M. Klementjev erzählten Märchen zu veröffentlichen. Die von ihm erzählten Legenden habe ich veröffentlicht in „Нѣсколько легенд Шенкурскаго уѣзда Архангельской губерніи (Живая Старина. Год. XXV. 1916. Приложение № 6. Петроградъ 1917. S. 071-076), seine Erzählungen über seine Träume in meinem Artikel „Vpravování sedláků o jejich snech a sny v pohádce“ (Národopisný věstník československý. Roč. XXIII, č. 3, S. 225-232) und seine Aussagen über Aberglauben in „Вѣрованія великоруссовъ Шенкурскаго уѣзда“ (Этнографическое обозрѣніе. Год. 28-й. Кн. СХІ-СХІІ, 1916, № 3-4. Москва 1918. S. 42-80).

² Národopisný věstník československý. Roč. XXII, č. 1. S. 8.

³ М. К. Азадовский, op. cit. S. 17.

⁴ Jedenfalls lässt sich diese Beobachtung nicht für alle Fälle des Aussterbens ethnographischer Erscheinungen verallgemeinern. Viele ethnographische Fakten finden während ihres Absterbens keine Verbreitung in weiteren Kreisen. Oft verhält es sich so, dass nicht nur das betreffende ethnographische Faktum selbst an Umfang verliert und die Kennzeichen der Blütezeit schwinden, sondern dass auch die Zahl seiner Trä-

den Schluss ziehen, dass in einer Blüteperiode die Verringerung der Vulgarisation proportional erfolgte einer Verringerung der Zahl der Märchenerzähler. Man kann eine andere Hypothese aufstellen: dass früher im Dorfe das Fehlen schriftlicher Literatur nicht nur zur Erhöhung der Meisterschaft beitrug, sondern auch dem quantitativen Entstehen von Werken der Volkspoese. Ich bin geneigt zu glauben, dass der Schluss vom „Aussterben der Märchenerzählerkunst im Norden, das von einem Anwachsen der Zahl der Erzähler begleitet wird“, sich durch „Besonderheiten der Sammlungsmethode“ erklärt. Während früher die Aufzeichnungen mehr zufällig und nur bei wenigen, hauptsächlich bei den besten Erzählern, vorgenommen wurden, setzt jetzt mehr und mehr die massive Erforschung ein, die kopfweise Umfrage in der Bevölkerung einzeln vorgenommener Bezirke. Während früher Märchen vorzugsweise nur bei den besten Märchenerzählern aufgezeichnet wurden, werden sie jetzt bei einer grossen Zahl von Erzählern aufgeschrieben. „Das Absinken der Erzählerkunst ist unstreitig“; doch als sehr strittig erscheint es, dass das Absinken der Meisterschaft von einem Anwachsen der Menge der Erzähler begleitet sein soll. In der Blüteperiode des Märchens gab es Meistererzähler, die eine Minderheit bildeten, und Amateure, die in der Mehrzahl waren. In der Verfallsperiode blieben vorzugsweise nur die Liebhaber übrig, und von ihnen zeichnen die Sammler ihre Märchen auf.

Wenig wahrscheinlich erscheint mir ferner die Annahme Azadowskijs, dass „der Prozentsatz der Schrifkundigen unter der Märchenerzählern um so höher ist, je beschränkter ihre Anzahl“.¹ Wollten wir aus dieser Annahme die Konsequenzen ziehen, so würden wir zu dem Schluss gelangen, dass in den Perioden, als noch alle russischen Dorfbewohner Analphabeten waren, es auch keine Märchenerzähler gegeben hätte. Nach dieser Hypothese gäbe es bei analphabetischen Völkern gar keine oder fast gar keine Märchentradition. Das aber widerspricht den Tatsachen.

Uns scheint es bewiesen zu sein, dass es in der Volkspoese eine Periode geben kann, in der sie friedlich mit der Literatur kulturell höherer Schichten zusammenlebt, von dort neues Material übernimmt und es nach ihrer Art umarbeitet. Es ist das etwas Ähnliches, wie wenn eine literarische Schule Material von einer anderen übernimmt und es nach ihrer Art umschafft. Eine andere Frage ist, wie lange dieses Zusammenleben der sogenannten Volkspoese mit der gedruckten Literatur andauern kann

ger sich verringert. So steht es z. B. mit den Kennern und Pflegern der volkstümlichen Hochzeitssänge und -bräuche oder der Zaubersprüche, auf dem Gebiet der materiellen Kultur etwa mit den Hinterglasmalern bei den Čechen und Slovaken. Besonders strittig ist die Frage, ob es früher mehr oder weniger Märchenerzähler gegeben hat. „Häufig hören wir, — sagt Prof. Polívka, — dass es früher mehr Märchenerzähler gab und dass sie besser waren als heute... Der serbische Sammler Gajo Popović, der 1914 seine Sammlung aus Kroatien der Serbischen Akademie vorlegte, schrieb in der Einleitung, dass es in seiner Gegend früher viel mehr Märchenerzähler gegeben habe“. Jifi Polívka, Slovanské pohádky I. S. 14 u. 15.

¹ M. K. Азадовский, op. cit. S. 19.

und wozu es schliesslich führt. Die Lösung dieser Frage hängt teilweise von dem Verhalten der kulturell höherstehenden Kreise der Bevölkerung zu den Erzeugnissen der Volksliteratur ab. Es wird interessant sein, das Fortleben der russischen Bylinen im 19. Jahrhundert mit dem des jugoslawischen Epos in derselben Zeit zu vergleichen.¹

Als einer der stärksten Unterschiede zwischen dem serbokroatischen und dem russischen Epos erscheint der, dass im ersteren Fall alle Klassen und Stände der serbokroatischen Gesellschaft das Volksepos kennen und seine Träger sind. „Es gibt keine Gesellschaftsschicht und keinen Beruf“, sagt prof. Murko, „wo es nicht Sänger epischer Lieder gäbe. Auf dem Dorfe sind die Sänger in der Mehrzahl Bauern, in den Städten Handwerker. Hauptsächlich unterhalten die Hirten in den Bergen sich mit Gesang epischer Lieder. Natürlich sind die Lieder auch bei den Haiduken kultiviert worden, die in der Türkei, aber auch in den christlichen Ländern, hauptsächlich aus idealen Motiven gegen die bestehende Gesellschaftsordnung kämpften. Unter den Sängern gab es und gibt es bis jetzt mohammedanische adlige Begs von vornehmer Herkunft und Geistliche aller Konfessionen bis zum orthodoxen Metropoliten. Besonders liebevolle Pflege fand das Volkslied bei den Popularität geniessenden Mönchen des Franziskanerordens. „Der Kult des Volksliedes ging bei ihnen so weit, dass ich (sagt Prof. Murko) im Jahre 1909 in einem katholischen geistlichen Seminar zu Mostar die „Gusli“ auf dem Lager jedes Seminaristen sah“².

Ausser solchen Liebhabern des epischen Gesangs treffen wir, besonders unter den Mohammedanern im nordwestlichen Teil Bosniens und weiter nach Süden auch berufsmässige Sänger an. Doch haben diese Sänger, die in der letzten Zeit gewöhnlich in den türkischen Kaffeehäusern sangen, besonders im Winter und im Ramasan-Monat, auch noch eine andere Beschäftigung. Früher freilich gab es unter ihnen auch Professionalisten im vollen Sinne des Worts, die von Hof zu Hof der mohammedanischen Adelligen zogen und dort Wochen und Monate lebten, die Wirte und ihre Gäste durch ihre Lieder erheiternd. Viele Adelige hielten sich ihre eigenen Snger, sogar auch Christen. Ganz anders verhält es sich mit dem russischen Epos. Pfleger dieses Epos waren in letzter Zeit nur die Bauern in der von der Zivilisation unberührten Dörfern.

Ob nun aber die Intelligenz als Schützerin der mündlichen Tradition erscheint oder nicht, die Literatur übt allmählich ihre zerstörende Wirkung auf die mündliche Poesie aus, und das jugoslawische wie das russische Epos und Märchen treten ihr ihre Stelle ab.

Das alles soll uns, solange es noch nicht zu spät ist, veranlassen, mit aller Kraft die Frage nach dem Einfluss des Buchs auf das Märchen in Angriff zu nehmen, um auf diese Weise vieles im Leben nicht nur des gegenwärtigen, sondern auch des Märchens der Vergangenheit zu erhellen.

Münster i. Westf.

P. Bogatyrev

¹ З. Н. Куприянова, Песни деревни Погромны. Язык и Литература, т. VIII. S. 30.

² М. Murko, Nynější stav jihoslovanské národní epiky. S. 7.

Zur Erforschung der bulgarischen Volksepik

Über die Gründe, welche mich veranlasst haben, die gesamte südslavische (bulgarische und serbokroatische) Volksepik mit neuen Methoden und neuen Zielen und auf ihrem Terrain selber zu untersuchen, habe ich zuletzt in „Forschungen und Fortschritten“ (8. Jahrg. Berlin 10. und 20. August, № 23-24) unter dem Titel „Neue Forschungen zur südslavischen Volksepik“ gesprochen. Stand die Erkenntnis fest, dass das Volksepos der balkanischen Slaven eine literarhistorische, ethnographische, soziologische und künstlerische Einheit ist, deren nicht nur für die Slavistik wichtige Probleme nur gelöst werden können, wenn sie vom Gesamtgebiet aus betrachtet werden; stand es ferner fest, dass die Zeit der rein philologischen Arbeitsweise für unser Forschungsgebiet endgültig vorüber ist und dass man das ganze Problem jetzt an der Stelle anpacken muss, an der hundertundfünfzig Jahre lang die Forschung erfolglos, weil achtlos vorübergegangen ist; nämlich von der rhapsodischen Seite her, so ist es unabweisbar, einer Expedition zur Erforschung und grammophonischen Aufnahme der Volksepik in Mazedonien (Sommer 1931) ein entsprechendes Unternehmen auf bulgarischem Gelände folgen zu lassen.

Die dringlichsten Aufgaben einer solchen epischen Forschung sind also: 1) Erfassung des südslavischen epischen Gesamtgebietes; 2) grammophonische Thesaurierung des vom Untergang bedrohten rhapsodischen Materials.

Auf Grund unserer bisherigen Kenntnisse lässt sich das epische Gesamtgebiet in drei grosse Zonen teilen, über die wir verschiedengradig unterrichtet sind. Am besten kennen wir dasjenige epische Gebiet, das durch die Interessen Herders, Goethes und Jakob Grimms sowie durch die grundlegenden Sammlerarbeiten des Vuk Karadžić und nicht zum wenigsten durch seine hohen künstlerischen Werte „klassisch“ geworden ist: die Epik des westbalkanischen serbokroatischen Berglandes, die wir der Kürze wegen mit dem seit Cvijić traditionell gewordenen Ausdruck „dinarisch“ bezeichnen. Es ist dies die Epik der serbokroatischen Guslaren, eine von einem individuellen einzelnen Volkssänger zur einsaitigen epischen Fiedel (*gusle*) mehr oder weniger spielmannsmässig vorgetragene epische Kunst, deren Kernpunkt in den Gebieten Montenegros, der Herceg-Bosna und des Stari Vlah liegt und die nach den kolonialen Rändern zu immer dünner wird, bis sie an der Süd- und Ostgrenze dieses Gebietes von zwei anderen charakteristischen Zonen abgelöst wird.

Die zweite epische Zone ist die der zentralbalkanischen Gebiete mit dem Kernpunkte in Mazedonien. Dieses Gebiet war vor unserer Expedition von der rhapsodischen Seite her vollkommen unbekannt, obwohl zahlreiche, wenn auch oft nicht einwandfreie Texte darüber vorlagen. Wir fanden hier nun eine eigentümliche Vortragsart, die im bäuerlichen Milieu zumeist in einem merkwürdigen Gruppen-, Chor- und Rundgesang bestand. Instrumentalbegleitung oder Zwischenspiel häufig aber nicht obligat und zweifellos unursprünglich. Diese rhapsodische Art unterscheidet sich wesentlich von der dinarischen Guslarenart. Auch zwischen den von uns in Süd- und Südwestmazedonien untersuchten Resten eines dortigen professionalistischen Guslarentums und dem dinarischen klafften grundlegende Unterschiede auf, die sich zum grossen Teile aus der Tatsache erklären, dass das von den mazedonischen Professionalisten verwendete Instrument keine einsaitige Fiedel mit alter Tonalität ist, sondern eine bereits moderne dreisaitige und temperierte Geige darstellt (Forschungen von Prof. Becking). Neben diesen beiden rhapsodischen Arten liegt eine dritte: der instrumentlose Solovortrag begabterer und anspruchsvollerer Einzelner, von denen wir in Veles noch Glanzstücke der Fabulierung und Diktion aufzeichnen konnten. Aber auch hier ergeben sich grundlegende Verschiedenheiten zwischen dieser und der dinarischen Individualiepik.

Es ist selbstverständlich, dass alle diese Unterschiede die Einheit des epischen Gesamtgebietes nicht zerstören können, im Gegenteil, sie bedeuten oft Zwischenstücke, Nuancierungen, Polaritäten, die erst, wenn man sie synoptisch verwertet, dem Gesamtproblem Schärfe und Tiefe verleihen.

Die dritte Zone lässt sich heute vorerst nur ganz allgemein bestimmen, denn sie ist es, die jetzt erst zur Diskussion gestellt wird. Die zentralbalkanische Epik, wie wir die zweite Zone zunächst einmal rein geographisch und zum Unterschiede von der westbalkanischen („dinarischen“) bezeichnen wollen, fliesst über die politischen Grenze nach Osten auf bulgarisches Gebiet hinüber. Unsere Fragebogen und sonstigen Erkundigungen belegen die Epik der zweiten Zone oft auf Kilometernähe bis zur jugoslawisch-bulgarischen Staatsgrenze. Erkundigungen auf bulgarischem Boden lassen vermuten, dass auch das Tal der Struma zu der gleichen Zone gehört wie das Vardartal und dass sich die Ausläufer dieser Zone über Pirin- und Rilagebirge bis in die eigentlichen Rhodopen fortsetzen. Man kann das jedoch erst mit Gewissheit beurteilen, wenn auch diese Gebiete von unseren Fragebogen und persönlicher Einsichtnahme in das Terrain erfasst worden sind. Es ist nämlich denkbar, dass die eben genannten Landschaften auch Beeinflussungen von der dritten Zone aufgenommen haben, für die mir ein vorläufiger geographischer Kurzname nicht recht zur Hand ist. Es handelt sich um diejenigen staatlich zu Jugoslawien und Bulgarien gehörenden Landschaften Ostserbiens, des heutigen Moravabans, um die West- und Osthänge der Stara Planina und um das sogenannte Schopluk um Sofia herum. Da der Stammesname der Schopen westlich wie östlich der jugoslawisch-bulgarischen Staatsgrenze gebräuchlich ist, so gestatte ich mir — bis

auf Widerruf — diese ebenfalls rhapsodisch noch ganz unbekannte Zone vorläufig die „schopische“ zu nennen. Das ist dadurch gerechtfertigt, dass mir vorläufig aus dieser Zone gerade das der „Šopluk“ um Sofia herum sowie bis zur bulgarischen Westgrenze am besten bekannt ist. Unsere theoretischen, d. h. noch durch keine persönliche Arbeit auf dem Terrain verbesserten Kenntnisse gehen aber schon heute viel weiter nach Osten, reichen weit hinauf auf die Srědna Gora (Sänger in Koprivštica!) und den Balkan und gehen an der Stara Planina und im Iskartale hinauf bis zur Donau in den Vidiner Kreis.

Um eine geplante Grammophonexpedition auf dieser dritten und auf den zum Königreich Bulgarien gehörenden Landschaften der zweiten Zone mit rascherem Erfolg und verringerten Kosten vornehmen zu können, habe ich meine Schülerin, Fräulein Dr. Greta Sykora, der Arbeiten auf dem Terrain von Mazedonien her sowie von ihren eigenen Erhebungen auf der Insel Vis vertraut sind, mit einem bulgarisch-tschechoslovakischen Staatsstipendium nach Bulgarien schicken können. Sie hat mit verständnisvoller Unterstützung des bulgarischen Unterrichtsministeriums teils durch Fragebogen, teils durch persönliche Erhebungen im Sommer 1932 ein westbulgarisches Gebiet überschauen können, das etwa durch das Viereck Caribrod—Orhanié—Samokov—Küstendil abgesteckt wird und wird im Winter 1932-33 noch den Vidiner Kreis dazustellen. Das Zentrum dieses Vierecks ist Sofia und das Sofioter Feld. Durch diese Vorarbeiten werden festgestellt: die Ortschaften, in denen die Epik noch lebt; Namen, Repertoire, rhapsodische Fähigkeiten, Eignung für grammophonische Aufnahmen der Sänger sowie die Haupttatsachen, die man über die lokale Vortragsart wissen muss, ehe man sich der Mühe und den Kosten eines persönlichen Besuches und der Aufnahmen unterzieht.

Die zweite Zone ist von grosser sachlicher und methodischer Wichtigkeit. Hier kreuzen sich zwei narrative Liedarten, die ältere rezitative Epik im gemeinsüdslavischen Zehnsilbler und die neuere, nicht im Zehnsilbler gesungene, lyrisch produzierte Ballade (zumeist Hajdukenballade). Da die lyrische Vortragsart, selbst wenn sie narrativ bleibt, der Todfeind der rezitativen Epik ist, ihr Verderber, so wird man hier beide Arten neben- oder oft schon ineinander betrachten können. Hier werden wir ferner und aller Voraussicht nach noch Material finden, das in den weiter nach Westen zu liegenden jugoslavischen Gebieten dieser zweiten Zone seit langer Zeit ausgestorben ist oder ausgestorben sein soll (Genaueres weiss niemand darüber). Von hier aus werden wir die grosse geographische und sachliche Lücke wenigstens theoretisch schliessen können, die die dritte Zone von der ersten trennt, während die Zusammenhänge mit der zweiten Zone auf der Hand liegen.

Aber so verständlich diese Zusammenhänge zwischen der zweiten und dritten Zone auch sind, so unklar werden die Dinge, wenn wir beginnen, diese Übereinstimmungen mit den Unterschieden zu vergleichen, welche zweifellos die dritte Zone von der zweiten trennen. Und noch verwickel-

ter werden die Dinge, wenn wir sehen (und dass können wir schon jetzt), dass die dritte Zone Eigentümlichkeiten bringen wird, die sie nicht mit der zweiten, sondern mit der ersten Zone verbinden. Wie dies Mosaik des Nebeneinander zu einem geschichtlichen Nacheinander umgeschichtet werden kann, wird später Sorge sein.

Nach dem Material über das wir heute schon verfügen, schaut die Epik des Šopluk folgendermassen aus.

Das Wichtigste: sie lebt kräftig. Kaum ein Dorf in der Umgegend von Sofia und weiter weg bis Dragoman, Tränsko, Orhanié, Vakarel, Ihtiman, Radomir, in dem nicht eine Anzahl von guten epischen Sängern zu finden wäre, Männer und Frauen, und zwar sehr viele Frauen. Und diese Frauen sind durchaus nicht immer alte Frauen; sie spielen auch hier durchaus nicht die bescheiden Rolle der letzten Bewahrerinnen einer einst hochstehenden, von Männern gepflegten, jetzt von ihnen abgetanen Kunst. Sie singen ihre Lieder nicht nur zur Unterhaltung ihrer Kinder — Epos das zum Wiegenliede verklungen — sondern singen sie wie die Männer bei den festlichen Gelegenheiten der Familien- und Dorfgemeinschaft. Auch die Männer sind keineswegs nur alte Männer, man findt Knaben, Jünglinge, viele Männer zwischen zwanzig und dreissig Jahren. Bei vielen Sängern und Sängerinnen steht die mündliche Familientradition des epischen Singens ausser Zweifel, ein paar andere haben schon aus einer „pěsnopojka“ gelernt, als deren Herkunft einmal Mazedonien angegeben wird.

Das Repertoire bilden hauptsächlich Lieder über Krali Marko, daher heissen dann die epischen Lieder überhaupt „Kralimarkovski“. Beliebt sind die Motive von Marko, seiner Frau Elena, die er verstossen will (Ču se čudo u Prilepa grada, Če mi Marko Elena poprošta) und von seinem Sohne, dem kleinen Ognjanče, von seinem Buder Andrijaš und seiner Schwester Šaina (Mnogo Marko iz krajini šeta, Durde najde brata Andrijaša, Durde najde i sestra Šaina), von Marko, von Gjuro Temišvaraj, von Sibina Jan-kula und dete Golomeše (Šetba šeta Temišvaraj Gjuro, Šestra šeta tri godini vreme, Da si najde prilika za sebe), Kämpfe Markos mit einer moma vojvoda in der Stara Planina, die Kämpfe Markos mit elnem žalti Evrein (Sedi Marko s majka da večera, Suha leba i ljuta pipera), Marko und Bela od Kostura, wobei ein starče belobradje vorkommt: Na poljana sedi belobradje, Toj si sviri starče sas guslina, Aj sviri od Bele od Kostura, Taj zaplini Markov Prilep grada, I zaplini Elena nevesta . . . Beliebt ist auch die bekannte kučka Pavlovica und das motiv, das wir so oft in Mazedonien hörten, von Denica devojka und Marko (oder Miluš), der für sie die Donau überschwimmt, und das ebenfalls in Mazedonien weitverbreitete Lied, wie Krale Šišmanine seine služba feiert (Služba služi u sveta Nedela, pa pokani krali i banove), aber vergisst hier Marko und Grujo malo dete einzuladen, meist steht sonst an Stelle Šišmanins Marko, dann das alte herrliche Lied von Markos Gericht über die Diadochen Dušans, von Marko und Filip dem Ungarn u. s. w. Aber auch neue Lieder über die Balkankriege stehen auf dem Repertoire, das nur danz obenhin und zur Eröffnung

der ländlichen Unterhaltung festgestellt wurde, denn erfahrungsgemäss erweist sich der Liederbestand eines Sängers nach eingehenderer Exploration viel grösser. Eine systematische Niederschrift aller in der Umgebung von Sofia bekannten Epen würde einen dicken Band Füllen.

Was die rhapsodische Seite anlangt, so findet man zahlreiche Abar-ten, die diese „schopische“ Epik bald näher zur zentralbalkanischen, bald näher zur westbalkanischen, bald selbständig erscheinen lassen. Wir finden den Einzelvortrag der Frauen und Männer mit und ohne Instrument, dann den von uns in Mazedonien festgestellten Gruppengesang, gewöhnlich zu zweit, wobei einer „führt“, der andere respondiert unter Wiederholung jedes Verses. Die Rolle des Instruments ist sehr verschieden, niemals aber obligat. Als Instrumente findet man zumeist dasjenige Instrument, das auch für Südmazedonien als epische Begleitung charakteristisch ist: die mehr- (drei- oder auch vier-)saitige Geige primitiver Form, genant gädülka oder kemené auch gäsle. Seltener scheint der Kaval zu sein, häufiger der Dudelsack. Das Instrument begleitet zuweilen den Gesang, zumeist aber liefert es nur Vor- und Zwischenspiele zwischen den Versen der Einzelsänger oder der Versgruppen der Gruppensänger. Der Professionalist ist ohne Instrument auch hier nicht zu denken. Die Spuren des einst auch in der Umgebung von Sofia blühenden epischen Handwerks der auch hier zumeist mit körperlichen Gebrechen behafteten Professionalisten lassen sich in einzelnen Exemplaren sowie in der Tradition noch auffinden; sie müssen aufgespürt werden, damit sie mit den wichtigen Professionalisten von Prilep und Umgegend verglichen werden können, die wir 1931 genauer untersuchen konnten. Eine einsaitige echte Gusle ist uns bisher auf bulgarischem Boden nicht vorgekommen, weder in einem Exemplar, noch in der Überlieferung, wohl aber hat sich der aussergewöhnliche Fall ereignet, dass ein trefflicher alter Sänger in Verdikal bei Sofia, der zunächst ohne Begleitung sang, und zwar das alte Lied mit dem Motiv von „Uroš und den Mrljavčevići“, in seinem Gesange fortfuhr, indem er die Gädulka von einem lyrischen Sänger übernahm, jedoch nur die mittlere der drei Saiten benutzte, und zwar ganz in der Weise der dinarischen Guslaren! Es besteht also hier auch noch diese Überlieferung, was von ausserordentlicher Wichtigkeit für die ganze epische Frage ist. Es ist zu vermuten, dass man auch im jugoslawischen Schopluk auf erhaltene Reste einstiger individueller Guslaren stösst, im Svrljig z. B. Dass sich die Tonalität und die Vortragsart dieser Sänger zur einsaitigen Gusla von der durch die dreisaitige modernisierten Art sachlich und historisch unterscheiden muss, ist nach unseren mazedonischen Erfahrungen zu erwarten.

Wenn durch die Arbeit auf dem Terrain nichts anderes erreicht würde, als die grammophonische Aufnahme wenigstens der rhapsodischen Hauptarten der bulgarischen Epik, so würde sich das ganze Problem der süd-slawischen Epik wesentlich klären lassen.

Български паралели къмъ Хесиодовитѣ

ΕΡΓΑ ΚΑΙ ΗΜΕΡΑΙ v. 727 sqq. и 756 sq.

Между голѣмия брой най-разнообразни житейски наставления, които съдържатъ Хесиодовитѣ *Εργα και ημεραι*, намираме следнитѣ запрещения:

1. Μηδ' ἀντ' ἡλίον τετραμμένος ὀρθὸς ὀμιχεῖν
αὐτὰρ ἐπεὶ κε δὴ, μεμνημένος, ἔς τ' ἀνιόντα
μήτ' ἐν ὄδῳ μήτ' ἐκτὸς ὁδοῦ προβάδην οὐρήσης
μηδ' ἀπογυμνωθεῖς· μακάρων τοι νόκτες ἔασιν. 730
5. ἐξόμενος δ' ὃ γε θεῖος ἀνὴρ, πεπνυμένα εἰδώς,
ἦ ὃ γε πρὸς τοῖχον πελάσας εὐερχέος ἀλῆς.
μηδὲ ποτ' ἐν προχοῆς ποταμῶν ἄλαδε προερόντων 757
μηδ' ἐπὶ κρηναῶν οὐρεῖν, μάλα δ' ἐξαλέασθαι¹

„Недей да п... правъ обърнатъ срещу слънцето. Сжщо когато залѣзе, помни, до изгрѣвъ да не си п... нито на пжтя, нито извънъ пжтя вървейки, нито отголенъ. Нощитѣ принадлежатъ на блаженитѣ. Благодестивиятъ и мждъръ мжжъ клекналь (върши това) или приближенъ до стената на добре ограденъ дворъ“.

„Недей да п... въ устията на вливащитѣ се въ морето рѣки, нито при извори, но грижливо ги избѣгвай“.

За ст. 1 срв. Plin. n. h. XXVIII 69: Magi vetant eius (sc. urinandi) causa contra solem lunamque nudari aut umbram cuiusquam ab ipso respergi. Hesiodus iuxta obstantia reddi suadet, ne deum aliquem nudatio offendat. Сжщото предписание се срѣща и у питагорейцитѣ, Diog. Laert. VIII 17: Πρὸς ἡλίον τετραμμένον μὴ ὀμιχεῖν. Подобно Iambli. protr. XX 16.² За ὀρθὸς ὀμιχεῖν срв. Herod. II 35: οὐρέουσι αἱ μὲν γυναῖκες ὀρθαί, οἱ δὲ ἄνδρες κατήμενοι. — За ст. 6 и 7 срв. Herod. I 138: ἐς ποταμὸν δὲ οὔτε ἐνουρέουσι οὔτε ἐμπύουσι (οἱ Πέρσαι), οὐ χεῖρας ἐνλπορίζουσαι, οὐδὲ ἄλλον οὐδένα περιορῶσι, ἀλλὰ σέβονται ποταμοὺς μάλιστα.

Подобни или сжщитѣ забрани намираме и въ българскитѣ народни обичаи и повѣрия. Особено често се срѣща запрещението да не се ходи по малка нужда срещу слънце:

¹ U I. v. Wilamowitz-Moellendorff, Hesiodos Erga, Berlin 1928, 124 ff. и 128 f., смѣта стиховетѣ 728, 730 и 757 sq. за по-сетнешни прибавки.

² Вж. Th. Wächter, Reinheitsvorschriften im griechischen Kult, RGVV. IX 1, 134 и Anm. 3 и Jos. Heckenbach, De nuditate sacra, RGVV IX 3, 55 sq.

„Чжлек нж бива да са пжкаи срьошту слонцуту, чж і голем грех и порстжтж на ракетж, ду крѣаі нжхтетж, жда му са пуджульат“ (отъ Рупчосъ, М. Сб. Н.У.К. VIII 139₃₅).

„Кои моча на каде сжнце, не може да се ожене“ (отъ Щипъ, М. Сб. Н.У.К. X 122₅).

„И човекъ нѣкои пат спрема сжнце да не се ѣзмоча и спрема сжнце да не лежи, іа настрана нека лежи, оти ѣсточна страна іе цжрквата, іе завжртена натакаі, и сжнцето ѣзгрева ѳтаден.“

„Кога ти се слѹчи дѣнье пакос да ти се прѣви, или сабаіле си се ѣзмочал спрема сжнце, или на лево си стѣнал. На човекъ, што не печали, или пакос стѣрил „си се ѣзмочал спрема сжнце“ му вѣкаіат“ (отъ Велесъ, М. Сб. Н.У.К. XVI-VII 236₅₅₋₅₆).

„Срѣцу слѣнцето или въ водата не трѣба да се пикае, защото който пикае, умира майка му (отъ Трѣвна, М. Сб. Н.У.К. VI 91₅).

„На капките коаштини, на гробѣе и среашту слоанцету, и на смети¹, га пикаіе чилеак, струшеава гу (разболѣва се)“ (отъ Ахъръ Челебийско, М. Сб. Н.У.К. I 75₈).

Не е добре сжщо така да се пикае и нощемъ:

„Не пикай нощно врѣме или надвечеръ, преди да плюнешъ три пжти; гледай да не пикаешъ на зелено мѣсто (трѣва) и на корени отъ дървета“ (отъ Битолско, М. Сб. Н.У.К. XII 123₃).

„Нокъно врѣме не чѣнило да се моча пот джрво, оти се оградисуело“ (отъ Велесъ, М. Сб. Н.У.К. VII 125₁).

„На расжрсница да не моча човекъ нокъно време, оти нефела“ (пакъ отъ Велесъ, М. Сб. Н.У.К. XVI-VII 236₅₈).

„Нефела да пикаешъ нощна доба подъ джрво, подъ стрѣха и подъ капавица“ (отъ Охридъ, М. Сб. Н.У.К. XV 67).

Приведенитѣ български повѣрия (или нефели) сигурно не ще да сж единствени. Ако се поразрови българскія фолклоръ, навѣрно ще излѣзатъ на яве още много други подобни.

Хесиодъ, както и другитѣ древни автори не ни съобщаватъ, защо споменатитѣ деяния трѣбва да се избѣгватъ. Само за последния случай въ *Ерѹа* стои: 759 τὸ γὰρ οὐ τοι λωίον ἐστίν. Напротивъ въ българскитѣ съответствия се казва изрично, че въпроснитѣ деяния водятъ следъ себе си било болестъ (полова немощ?), било смъртъ на майката на този, който е извършилъ забраненото деяние, било нѣкакви други неприятности.

Th. Wächter op. cit. 134 Anm. 3 обяснява забраната по отношение на рѣката съ това, че и рѣката се е смѣтала за *λέμενος* на рѣчнитѣ богове, а срещу слѣнцето съ това, че чрезъ заголването се обиждало самото слѣнце¹. Следователно и въ двата случая се прегрѣшава спрямо известно божество.

¹ Срв. „Дека истураме помята, не бива да се моча, оти кѣе оградисаме“ (отъ Щипъ, М. Сб. Н.У.К. X 125. 94).

Сжщата представа навърно играе роля и въ забраната по отношение на нощното време. Защото нощното време споредъ широкоразпространеното върване е изпълнено съ духове, особено съ лоши. Споредъ Хесиодъ нощитъ принадлежали на *οἱ μάκαρες* (=починалитъ). Въ българскиятъ повърня се забранява да се ходи по малка нужда нощемъ подъ дърво или върху корени. Навърно, защото и дърветата иматъ, споредъ народнитъ вървания, души или пъкъ сж свърталища на разни духове¹, които могатъ да си отмъстятъ на осквернителя.

Въ всички тѣзи забрани обаче не е изключена възможността да се касае за повърнето, че зли или ревниви демони се стремятъ да грабнатъ при пръвъ удобенъ случай половата сила на мъжа.

Изхождайки отъ българскиятъ съответствия и отъ ст. 753 sqq. *Μηδέ γυναικείῳ λουτρῶ χροά γαιδρύνεσθαι ἀνέου' λευγαλέη γάρ ἐπι χρόνον ἔστ' ἐλί καί τῷ ποιῆ*², ще трѣбва да се приеме, че и въ древността се е вѣрвало, че тѣзи, които престѣпятъ споменатитъ забрани, се разболяватъ.

София

В. Бешевлиевъ

¹ J. G. Frazer, *Der goldene Zweig*, Leipzig 1928, 990 ff.

² „Мжжъ не бива да се кѣпи въ женска баня. Защото ще си навличе за известно време печално наказание“.

Bulharské pohostinství v Lužici

Hornolužický zábavně-poučný beletristický měsíčník *Lužičan*, založený v Budyšině a vydávaný známým lužicko-srbským buditelem J. A. Smolefem, vytiskl v devátém ročníku v roce 1868, v dubnovém čísle na str. 56-7 známou bulharskou pohádku o pohostinství s názvem *Hospodliwosc* a s podpisem *Bołhafska bajka*. Pohádku podal tehdejší redaktor *Lužičana* budyšínský učitel K. A. Fiedlef. Pohádka je podána ve znění, jež přepisují úplně doslovně, i v soudobém pravopise:

Jako bě luby Bóh swět stworił, chcyšë wón tež raz widzeć, kak su čłowjekoj na nim žiwí. Duž stupi z njejba dele na Staru Planinu (Balkan), bu čłowjek v podobje šedźiwca z dołhej bělej brodu a v bělej rubnicy (Gewand), wza kij do ruki a poda so přez swět do Bołhafskeje. A wón džěše dołho, jedyn cyły dzeń, přez puste hory, hač skónčnje z wječora do jeneje wsy přińdže, hdžež chcyšë přenocować. Wón zastupi do prjenjeho twarjenja sydze so na proh, njeryčeše ničo, ale mysleše za něčim. Nichtó njebě doma, jeno hospoza; ta činješe swoje džěło a jeho njewidžeše. Tola tu přińdže jejný muž wot woranja z pola domoj, a jako wón teho šedźiwca wuhlada, zwjeseli so wulcy jara a džěše: „Nanko! ty sy jara stary a sy sprócný wot swojeho puća. Pój dale do khěže nutř, wotpoč, a sy-li khudy, chcu će ze wšëm zastarać, štož je namaj luby Bóh wobradžił. Poručej jeno!“

Šedźiwc na njeho pohladny z radosciwym wokom, zańdže do domu a so posyny. Bórzy na to pozběžeštaj so tón bur a jeho žoná a přihotowaštaj wječer, tak derje hač móžeštaj a wot teho najlěpšeho, štož mještaj, a stajštaj ju na blido. Hospodař a hospoza jědžeštaj, ale tón šedźiwc nochcyše jěšć; wón při jědži jeno nuchaše, mjelčeše a zhladowaše na wobeju, kak so wonaj wjeseleštaj a wjeseleše so z nimaj. A wonaj jeho nuzowaštaj, prosywi: „Nanko, čeho dla njeješ? Ty wostanješ hlódný; bjeř a daj sebi slodžić, spytaj z najmjeńša; po požadanju tule wšo, štož mamy, před tobu stej“. Ale šedźiwc na to jeno tak wjele wotmolwi: „Jěztaj wój samaj, jěztaj! Ja za něčim myslu“.

Jako běštaj so nasyciłoj, wšitcy třo wot blida stanychu. Hospoza wuńdže ze jstwy, zo by džěcatko nasyciła, kotrež płakaše. Tu rjekny šedźiwc k jejnemu mužej: „Wěš, hospodarjo, kak mohł mje ty pohoscić (bewirthen), hdy by chcyl? Ja njemožu něštožkuli jěšć, ale ja mam žadanje po pječenym čłowškim mjasu. Moř za mnje swojeho małeho synka, wumyj jeho derje, polož jeho cyłeho na pónoj a staj to do pjecy. Ale bjeř so na kedžbu, zo će twoja žona njewidzi, hewak by synk płakał. Hospodař znaprëwi: „To je, nanko, štož žadaš? Čeho dla mi to njejsy dawno wozjewił, zo by

w mojim domje njesedzał jako hlódny hósć? Njejsym či prajił, zo je wšo twoje, štož je namaj luby Bóh wobradził? Zawěrnje, ja mam starych ludzi, kaž ty sy, wulcy lubo a moja wutroby mi praji, zo sy ty dobry a prawdosćiwy čłowjek. To hnydom wohladaš; počakaj jeno khwilku, hač sym či přihotował, štož žadaš“.

Na to wuńdze bur ze jstwy; jeho žena bě mjez tym za swojim džěłom šla a bě džěčo samo wostajila, zo by při mēsačku hrajkalo, dóniž wusnyło njeby; žena njewjedžeše, što ma so stać. A jejny muž zhrabny džěčo a je ruče mori; potom položi je cyłe na pónoj a zankny je do pjecy, zo mać ničo pytnyła njeby, dóniž spječene njebě; na to džěše zaso k šědźiwcej, sydže so k njemu a rozmłowješe so z nim. Jako běštaj tak khwilu hromadže powjedałoj, šědźiwce njejabcy womjelkny, poča nuchać a rjekny gospodarzej: „Dha dzi tola a hladaj za tej pječenju; wona derje wonja, snano je hižom hotowa“. Bur postany a džěše; wón pěk wotewri, zo by za pječenju hladal a ju wucahnył.

Ale što tam wón wuhlada! Wón s podźiwanjom prosty stejo wosta. Cyła pěk a wšo twarjenje so blyšćeše wot džěsćoweje jasnoty, pónoj a džěčo přewobročištej so do złota a swěćeštej so jako slónco. Džěčo sedžeše hižom na pónwi jako wulki hólćec, rjany, strowy a poľny radosće; na hlówje mēješe krónu z parlow a dro' okamjeni, po boku jemu mječ na pasu wisaše, w prawicy dzeržeše łopjeno ze złotym pismom, w ľewicy pak čěčik pšěncowych klóskow: a to wšitko jasnješe so kaž woheń, dokelž bě wšo ze złota. Bur so wróci, zo by šědźiwcej prajił, kajki dziw je so stał, a so woprašal, što ma činić, tola šědźiwce tam wjacy njebě; wón steješe před khěžu a k njemu džěše: „Dobre derjebyće! a kaž dotal, tak budžtaj tež dale prawje a w pokoju žiwaj! Za waju dobrej wutrobje změjetaj bohatu plódnosć na polu a mjez stadłom, a zohnowanje a měr tón Knjez spožči waju džěčom a wnukam (Enkeln), a waju wón junu k sebi wozmjě a wamaj hosćinu wuhotuje we swojim njebjeskim domje“. Na to so šědźiwce z jejnu wočow zhubi — wón džěše něhdže druhdže nocować.

* * *

Namanuje se otázka, jak se tato pohádka dostala do Lužice. Jaké byly v té době v Lužici vědomosti o Bulharsku a bulharské literatuře? Zdali se mohla dostat do lužického měsíčníku z přímých styků anebo z druhé ruky?

Vysvětlil jsem dosti podrobně ve svém Zawodě do studija serbskeho pismowstwa (Budyšin 1929), zejména v kapitole desáté (str. 134 a d.) a v kapitole jedenácté (str. 148 a. d.), jak lužičtí buditelé — Handrij Zejleř, Jan Pětr Jórdan, Jan Arnošt Smoleř a Michal Hórnik — položili svou práci úplně na základy slovanské, jak navazovali styky s celým slovanským světem, dychtivě sledovali všechno, co se ve slovanském světě děje, a hned podle možnosti to ohlašovali svým krajanům. Byly to tehdy dva zdroje, z nichž lužičtí buditelé čerpali: wratislavský, kde působili na universitě dva čeští vědci a spisovatelé — Fr. Lad.

Čelakovský a J. E. Purkyně, a pražský, kde se v Lužickém semináři na své kněžské působení v Lužici připravovali mladí nadaní lužičtí jinoši. Z Vratislavě vyšel Smolef, z Prahy Jórdan a Hórnik. Zprvu zejména Jórdan a Smolef byli hlavními nositeli slovanské myšlenky v Lužici. Ti dva vytvořili tehdy v Německu svými Jahrbücher pevnou základnu slavistických studií a přenesením jich do Budyšína za účasti Kř. B. Pjecha učinili z lužické stolice důležité slovanské středisko. Jejich dílo mělo úspěch a bylo známo ve slovanském světě, zvláště když po odchodu Jórdanově mocně nastoupil Hórnik. Slovanští vědci a spisovatelé rádi zajížděli do Lužice a našli tam útulek dokonce někteří slovanští uprchlíci v bouřlivém roce 1848. Ve svých Dopomnjeňkách ze živjenja J. E. Smolerja v budyšínském časopise Mačicy Serbskeje 84,1931, str. 60, si Smolefův syn Marko živě vzpomněl (Smolef a slowjanscy hosćo), jak často bývali u nich Slované hosty a jak mezi nimi byl také nějaký bulharský biskup Nikolaj, jenž uprchl před Turky a vytrval ve Smolefově rodině, dokud nedostal pozvání do Ruska, kde v jednom kláštře našel nový domov. Který bulharský biskup to byl a odkud, není, bohužel, napsáno.

Smolef sám při všech příležitostech, kdy mluvil o slovanském světě, mluvil také o Bulharsku. V 22. čísle budyšínské Tydženské Nowiny v roce 1843 psal na př. o příslušnosti lužických Srbů k ostatním slovanským národům. Tyto národy Smolef hned také vypočetl: „Rusojo, Boľharjo, Iljerscy, Serbja, Polacy, češi a Łužiscy Serbja“ a odhadl jejich počet přes 80 milionův. Zprávy o Bulharsku čteme pravidelně v Tydženské Nowině, pozměněné pak v Serbske Nowiny, jež vycházejí podnes. Byly a jsou to zprávy hlavně všeobecné a politické. Spíše kulturní poznámky začali Smolef a Hórnik tisknouti v beletristickém měsíčníku Łužičan od r. 1860. Zde čteme občas o bulharské literatuře. Tak na př. v ročníku 4. na str. 63 drobné zprávy literární, na str. 192 o Ikonomovi a jeho Lovčanském vladykovi, o cařihradské Gajdě v redakci Slavejkova a j. V témže ročníku vytiskl Michal Hórnik poutavý přehledný článek o Turcích a Jihoslovanech, kde promluvil ovšem také o Bulhařích, kteří „liča so za narod šěsć milijonowy“ (str. 120), při čemž Hórnik také upřímně promluvil o nutnosti osvobození všech balkánských Slovanů (! str. 186). Zajímavá je zpráva v 5. ročníku Łužičana, str. 16, že chce Bulhar A. Petrovič vydávati v budyšínském knihkupectví Smolefově-Pjechově bulharsko-německý slovník.

Není účelem tohoto příležitostného článku vyčerpati doklady lužických vědomostí o Bulharsku v té době, neboť to by zasloužilo samostatné oboustranné monografie. Chtěl jsem jen na toto vděčné a dosud nezpracované téma upozorniti. Jisté je, vzdělaní Lužičané o Bulharsku a bulharské literatuře věděli. Věděli o ní především členové buditelské družiny Smolefovy-Hórnikovy.

A k této družině náležel také Karel August Fiedler (1835-1917), jenž po odchodu z rodných Njezdašec u Hodžije v Horní Lužici saské vychodil budyšínský učitelský seminář stavovský a na tento seminář se vrátil v r. 1858 po krátkém působení v Kamenci a Jitru jako učitel. A zde

jíž zůstal po celý další plodný život, v pilné práci úřední i spisovatelské, jako nadaný lyrik i prosaik. Přimknul se úplně k vlastenecké a slovanské družině Smolefově-Hórnikově a ochotně za Hórnikova vedl v l. 1866-73 Lužičana. Jeho básnickou činnost výrazně osvětlil a souborně vydal lužický literární historik Ota Wičaz v knížce Wutrobine nalěčo Mathildy Stangec a Khorle A. Fiedlerja (Budyšín 1923), jeho život a dílo celkově charakterisoval Adolf Černý v Čas. Mač. Serb. 70. 1917, str. 58 a d. Bulharská pohádka v podání Fiedlefově ušla pozornosti Ad. Černého.

Jako druzí vzdělání Lužičané té doby i Fiedleř se zájmem se učil druhým slovanským jazykům, z nichž občas rozmanité drobnosti překládal. V Budyšíně k tomu měl dosti pomůcek a v osobě Smolefově i Hórnikově dosti porady.

Odkud měl Fiedleř text bulharské krásné pohádky o pohostinnosti?

Jak je dobře známo, vyšla tato pohádka po prvé v Erbenově sbírce *Sto prostonárodních pohádek a pověstí slovanských v nářečích původních*, krátce zvané *Čítanka slovanská* a vydané v Praze r. 1865. Erbenovi ji dodal Bulhar Konstantiv Pavlov, o němž jinak zatím nic není známo. Je to vlastně zlomek větší pohádky, jak víme ze studie M. Drahošana v sofijském Sborníku za narodni umotvorenija 1, str. 65 a d., *Славянскитѣ сказанія за пожертвуваніе собствено дѣте*. Drahošanov uvedl tři bulharské varianty, jež redakce Sborníku doplnila ještě dvěma varianty jinými, ale uvedl také řadu dokladů z literatury ruské, srbské, a mimo to z literatur neslovanských. Drahošanov chtěl ukázati na to, že nelze pohádku zvatí přímo bulharským originálem, nýbrž že její pramen je někde na Východě, a v obětování živého dítěte shledával živly budhistické. Bulharskou typičnost viděl nejspíše v lásce k chudásovi. Pro nás ovšem krásná a od pradávna všem Slovanům společná je pohostinnost. To se asi Lužičanu Fiedleřovi nejvíce líbilo, snad vedle živlu lásky k starci a chudásovi, neboť to jsou vlastnosti ještě dnes v Lužici životné.

Fiedleř měl bulharskou pohádku pravděpodobně z Erbenovy *Slovanské čítanky*. Erben český překlad pohádky vytiskl již v roce 1859 v pražském almanachu *Kytice* u K. Jeřábkové, na str. 230, kde také v poznámenáních na str. 232-3 vytiskl krátkou poznámku o získání textu pohádky a jejím rázu, kteroužto poznámku do českého překladu *Vybraných bájí a pověstí národních jiných větví slovanských* (Praha 1869) nepojal. Také V. Tille v novém přetisku *Vybraných bájí a pověstí* v Praze 1905-07, I-III, Světová knihovna, poznámku tuto pominul, za to J. Horák ve své edici *Erbena* v *Laichtrove Žni z literatur* v Praze 1925, str. 363, poznámku vytiskl přímo z Erbenova rukopisu v knihovně Národního musea v Praze.

Erbenova *Slovanská čítanka* byla v Lužici dobře známa. Především proto, že Erben se přímo stýkal s pražskými lužickými seminaristy, mezi něž chodil, od nichž se dožadoval lužických textů, jež také dostal, a s nimiž dokonce rozmanité slovanské a lužické pohádkové texty probíral. Docházelf Erben po smrti Hankově do pražského Lužického semináře jako

duchovní poradce při jejich pracích a cvičeních v lužickém jazyce, jak jsem krátce vložil ve své stati Z archivu pražské Serbowky ve Sborníku prof. J. Máchala v Praze 1925, str. 288-9 a znova v Čas. Mač. Serb. 80, 1927, str. 51.

O Erbenově Slovanské čítance psal Lužičan již v. r. 1862, roč. 3, str. 127, hned při prvním svazečku čítanky. Z čítanky vůbec asi seminaristé překládali, jak je zřejmo z pozdějšího vydání J. Šewčika, „Bajki a basnički“ v Jubilejních spisech Serbowki, Budyšín 1899, kde čteme M. Bjedricha pohádku Rybakowoy syn, vlastně úpravu slovinské pohádky Ribčev sin z Erbenovy čítanky.

K. A. Fiedleř nebyl Serbowčan, ale se Serbowčany se stýkal. Neuvedl, odkud pohádku má, ale srovnání jeho podání s Erbenovým zněním nás hned přesvědčí, že ji mohl mít jen od Erbeny.

Celkem je pohádka téměř doslovně v tom znění, jak ji známe jednak z českého překladu Erbenova v Kytici r. 1859, jednak z bulharského textu ve Slovanské čítance 1865 207-09. V českém překladu má název Bulharské pohoštění, v originále Българско гостоприемство, Fiedleř vynechal přídavné jméno bulharské — snad proto, že dal do podpisu bulharska pohádka, snad i proto, že to považoval za charakteristiku všeobecně slovanskou, také lužickou, a nikoliv jen bulharskou.

V některých případech si Fiedleř upravil text podle svého, to jest přidal tu a tam nějaké slůvko, aby lužické znění bylo výraznější. Tak na př. napsal, že Bůh přišel „skónčnje z wječora do jeneje wsy“ ... Skónčnje v originále chybí a není ani v Erbenově českém překladě. Místo doslovného znění Erbenova: muž přišel z pole domů od pluhu (отъ полето, отъ плугъ-тъ си) napsal Fiedleř wot woranja z pola domoj; manželé připravili gostbž, t. j. hostinu, Fiedleř napsal wječef, večefi, tedy pro venkovany přirozeněji; rovněž tak napsal Fiedleř, že po jídle wšitcy tfo wot blida stanychu, v originále je pouze станжжж — stejně jako v Erbenově překladu: vstali. K výrazu Bóh neopomněl si Fiedleř přidat oblíbené stále lužické epitheton luby. Souhlasněji s bulharským zněním napsal Fiedleř w prawicy za bulh. въ деснж ржжж, kdežto Erben ve svém překladu má jen: v ruce. Fiedleř také přidal větu, že udivený sedlák „so woprašal (co má dělat), což není ani v původním znění ani v Erbenově překladu.

Z několika shod můžeme souditi, že Fiedleř užíval českého Erbenova znění, ať je již měl z Kytice 1859 anebo z nějakého opisu tohoto překladu od pražských seminaristů. Tak shodně s českým Erbenem přidal, že sedlák se zaradoval wulcy jara (velmi), stařeček nechtěl jěsć (ničehož požit), stařeček so z jejneju wočow zhubi jim s oči zmizel místo pouhého bulh. отъиде.

Poněkud kruté se zdálo Fiedleřovi, aby se ten venkovan mohl vesele baviti, když vlastně dítě zesvětil smrti: slůvko vesele, весело, jednoduše vypustil.

Na dvou místech neporozuměl Fiedler bulharskému ani českému znění. Za bulh. да тл не види жена ти, чи ще да т ж жи, které v českém překladu Erbenově správně zní: aby tebe neviděla tvá žena, sic by plakala, napsal Fiedler chybně: zo će twoja žona njewidzi, hewak by synk płakał. A podobně ještě dále za bulh. дору заспи, безъ да знаю, какво и що ще да бжде, u Erbena: dokud neúsne (dítě), nic nevědouc, co a jak se mělo dít, omylně je u Fiedlefa: doniž wusnyło njeby; žona njewjedzeše, što ma so stać.

Celkem je lužické podání zajímavé tím, že to byla první a dosud snad jediná bulharská pohádka, známá v Lužici.

V závěr mohu učiniti ještě jednu poznámku k výkladu M. Drahomanova v uvedené studii na str. 87, kde se spisovatel zmiňuje o motivu zralých obilných klasů v rukou dítěte, t. j. zázraku rychlého vzrůstu obilí. Drahomanov našel doklad také v známé lužické lidové legendě Marinečeknenje, kterou četl ve Smolefových Pěsničkách I, str. 276, kde venkovan na dotaz bificův o prchání P. Marie odpovídá:

„Nedawno je jena (žona) nimo šta,
dyž sym tón ječmenik dosywał“.

„Och ty mi 'lupy mužiko,
to je mi wo dwanaće nedželkow“.

Lužický filolog Michal Nawka vytiskl v roce 1923 v Budyšině Pokěrluški ze serbskeho luda (částečný otisk z Katolského Posla 1922) a tu na str. 12-3 vytiskl jiný variant této legendy: Swj. Marinečeknenje, kde se zpívá v příslušných verších:

„Njeje tu žónska nimo šta
ze swojim móličkim džěčatkom? —“

„Njedawno jena je nimo šta
hdyž sym swoj ječmjjenik dosywał.“

„Och ty mi hlupy mužiko,
to džě je jednaće tydžeńkow
abo tež dwanaće njedželkow!
Ty sy stary a njejsy strow!“

Nawka uvedl tam ještě některé jiné odkazy.

Praha

Josef Páta

Из исследований в области албанской иммиграции на территории б. России и УССР

Имеющиеся в нашем распоряжении библиографические и статистические материалы дают возможность говорить о двух, ничем, впрочем, друг с другом не связанных, группах албанской иммиграции на территории б. России. Первая из них восходит ко второй половине XVIII в. и имеет своим центром Крым и Одессу; вторая — к началу XIX в. и сосредоточивается в Бессарабии, откуда в 60-х гг. часть ее ответвляется и продвигается далее на восток на Азовское побережье в район б. Бердянского у. Таврич. губ.

Первая из названных выше групп албанской иммиграции имеет своим исходным моментом так наз. первую русско-турецкую войну 1769-1774 годов, когда эмигрантам царского правительства удалось организовать в тылу у турок специальное „греческое войско“, которое, под начальством капитана Стефана Мавромихали, принимало затем активное участие во всех сражениях с турками на стороне России вплоть до заключения Кучук-Кайнарджийского мира в 1774 г. По окончании военных действий, в 1775 г. это „греческое войско“ или, „как они сами себя называли, албанцы“ были переселены в Россию. Они называли себя „албанцами“, замечает по этому поводу известный исследователь Бессарабии и Новороссийского края А. Скальковский, вероятно оттого, что большая часть состояла из арнаутов или шкипетеров, обыкновенно именуемых албанцами. — В 1777 г. в судьбе этих иммигрантов принимает участие Потемкин, называя их „албанским войском“. В следующем 1778 г. Суворов поддерживает пред царским правительством их интересы: „Бога ради, пишет он, осемьяните албанцев, или наконец они вымрут, как древняя меклембургская армия“ ... и т. п. После занятия Крыма русскими войсками в 1784 г. эти албанцы были водворены в г. Балаклаве, а также в нескольких селах на территории между Балаклавой и Ялтой: Кадыкой, Карани, Алси, Камары, Керменчик, Балта-чокрак. Аутка и др. Численность этого крымского албанского населения к 1850 г. выражалась в цифре 2.660 душ о. п. В своем целом составе оно называлось — „Балаклавский греческий пехотный батальон“, носило особую военную форму и обязано было нести на южном берегу Крыма карантинно-пограничную охрану.

Во второй раз с албанцами мы встречаемся в материалах в связи с основанием г. Одессы (1794), где — „для обитания служивших в Сре-

диземном море, на флотилии греков“, был отведен специальный район, известный под именем Хаджибей, и была организована специальная „Комиссия для поселения греков и албанцев“. Памятником заселения г. Одессы албанцами служат сейчас названия двух улиц, Большая и Малая арнаутские улицы. Академик П. Кеппен (P. von Koerpen) в своем — „Хронологическом указателе материалов для истории инородцев Европейской России“ (СПб. 1861) под „1795 апреля 19“ отмечает: „Именным указом графу Зубову поручено было в г. Одессе и окрестностях его, из единоверных народов, греков и албанцев, коих числилось тогда от 200 до 300 человек, составить дивизион до 500 человек, по примеру греческого полка“. По переписи 1797 г. в Одессе было зарегистрировано, между прочим, греков и албанцев 269 душ¹.

Вторую группу албанской иммиграции на территории б. России, как было отмечено выше, образуют бессарабские албанцы. По данным, сообщаемым А. Скальковским, в 1821 г. в Бессарабии и в Новороссийском крае (Херсонская и Таврическая губернии) в общем числе местного болгарского населения (46,598 душ), „по самому достоверному числению, сделанному тогда самими колонистами“, греков и албанцев было 900 душ о. п.².

Центром первоначального поселения албанских иммигрантов в Бессарабии была колония Каракурт в Измаильском округе, основанная — „албанцами или арнаутами, переселившимися сюда из Турции во время войны 1808-1811 г.“ По данным, относящимся к 1826 г. и сообщаемым А. Клаусом, в Бессарабии насчитывалось тогда 119 албанских семейства в составе 305 м. и 285 ж., а всего 590 душ населения³. Для 1844 г. А. Скальковским показано в Каракурте 160 семейств с общим числом 1.092 человека. Эта же цифра албанского населения повторена им и под 1846 годом⁴.

По данным, имевшимся в распоряжении академика П. Кеппена, на 1 сент. 1850 г. арнаутов в Бессарабии насчитывалось 1328 душ об. п., которые территориально распределялись следующим образом: в Измаильском округе — в г. Болграде 37 д. и в колонии Каракурт 1060 д., в Кагуло-Прутском округе — в кол. Чишмекей 9 д.; в Верхнебуджакском окр. — в колониях Комрат 164 д., Чадыр-лунга 8 д. и Бешгёз 9 д.⁵.

В своем „Хронологическом указателе“ 1861 г. тот же автор сообщает следующее: „Единственные в Болгарии арнауты, жившие в числе

¹ См. А. Скальковский, Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. I. Одесса 1850, стр. 277-283.

² А. Скальковский, Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса 1848.

³ А. Клаус, Наши колонии. СПб. 1869, стр. 320.

⁴ Там же, стр. 100.

⁵ P. von Koerpen, Die Bulgaren in Bessarabien. Bulletin de la Classe des sciences historiques, philolog. et politiques de l'Académie Imp. de Sciences de St.-P. T. XI, № 13-14 (№ № 253, 254). 1854 г.; то же: Mélanges Russes, T. II, 1851-1855, pp. 369-378.

до 300 семейств в деревне Деви, близ Варны, 1809 или 1810 г. отправились через Галац в Бессарабию, где и были поселены в татарской деревне Чумае (что ныне хутор Чумай), на правой стороне р. Ялпуха, выше нынешней болгарской колонии Курчи и хутора Бурлачела, в б. Кагульском у. В 1820 г. эти арнауты, из первоначального числа которых не мало вымерло, а некоторые, может быть, и возвратились в Болгарию, — наделены землею, вследствие указа 29 дек. 1819 г. о даровании болгарам прав колониальных.¹ С этого времени они постоянно живут на левой стороне озера Ялпуха, при речке Сарлыке, в колонии Каракурт, в которой в 1850 г. находилось 109 арнаутских семейств, состоящих из 1060 душ о. п.

Во всей же Бессарабии находилось 154 сем. арнаутов с 686 м. и 642 ж. пола душами. . . По парижскому трактату 18-20 марта 1856 г., колония Каракурт отошла к Молдавии. В это время по 9-ой ревизии в ней находилось 123 семейства, и в них 617 душ м. п.

В 1862 г., в связи с предоставленным правом населению южной части Бессарабии, отошедшей по парижскому трактату в Молдавии, переселиться в Россию, значительная группа каракуртских албанцев вместе с болгарскими выходцами из измаильско-болгарского района эмигрировала на побережье Азовского моря в Бердянский у. Таврической губ., образовав здесь три албанские колонии: Гаммовка (Джандран), Георгиевка (Тююшки) и Девненское (Таэ).

Всероссийская перепись 1897 года, показавшая в Бессарабской губ. 848 д. албанцев, в Херсонской — 37 д. и в Таврической — 11 душ, дала явно неверные цифры, искажившие действительное положение вещей. В то время как А. Клаус уже для 1869 г. показал в Бердянском у. (названные выше три албанские колонии) 490 д. и 194 семейных двора, перепись 1897 г. нашла в том же Бердянском у. всего только одного албанца — женщину (?), а в общей сводке населяющих Россию народностей показаны албанцы или арнауты, только — „проживающие в Бессарабской губ. (Измаильский у.)“ в количестве 936 душ.² Очевидно, бердянские албанцы в переписи 1897 г. показаны как татары и турки, первые в количестве 479 душ, вторые — в количестве 296 душ, хотя мне, лично и непосредственно знающему Бердянский у. и его население в течение, по крайней мере, сорока пяти лет, доподлинно известно, что отмеченные уже Клаусом в 1869 г. три албанские села в Бердянском у. никуда не исчезали и по сей день благополучно здравствуют на своих старых местах жительства; что, впрочем, никакого массового выселения из них за время после 1869 г. и вплоть до настоящего дня не происходило, и что ни одного ни татарского ни тем более турецкого населенного пункта на территории Бердянского у. в 1897 г. не су-

¹ Т. е. на албанцев было распространено действие указа, изданного специально для болгар (Н. Д.).

² См. — „Общий свод по империи“, т. II, 1905, стр. XVI.

ществовало. Во всяком случае, по полученным мною непосредственно в 1923 году от местного Районного Исполнительного Комитета официальным данным, население названных трех албанских сел выражалось в следующих цифрах:

с. Гаммовка	456 м.	481 ж.,	всего 937 душ
с. Георгиевка	655 —	635 —	— 1920 —
с. Девненское	385 —	438 —	— 823 —
Итого:	1496 —	1554 —	— 3050 —

Отбросив из этой цифры: 1) русское население прилегающих хуторов приблизительно в количестве 290 душ, и 2) единичных болгар и гагаузов, которые могли показать своим родным языком язык болгарский или турецкий (гагаузы), общее число албанского населения на территории УССР для 1923 г. выразилось бы приблизительно в цифре 2760 душ. Последняя всесоюзная перепись 17 дек. 1926 года отметила всего по СССР 3.057 душ албанцев по народности, и 3.008 душ — по языку, в том числе соответственно: в европейской части СССР 3033—2971 и в азиатской части 24—37.¹ Основная масса этого албанского населения сосредоточена в трех названных выше селах на территории б. Бердянского у. на Азовском побережье в 25-28 км. на ю.-в. от г. Мелитополя в районе с. Покровка 2-ая. Этнографические и языковые наблюдения среди этого населения производились мною в период времени, начиная с 1911-го и по 1925 г., с известными, конечно, перерывами, в связи с гражданской войной и интервенцией, в с. Гаммовке при содействии местного уроженца, албанца по национальности, народного учителя Д. Ф. Фучаджи.

О своей бывшей родине до эмиграции в Россию на территорию нынешнего своего поселения наши украинские албанцы вообще ничего не знают. Однако, после долгих розысков удалось установить, что кое у кого из старшего поколения хранится в памяти, что родиною их была когда-то moldova, откуда, бежав за границу, они были поселены „царем России“ на настоящих местах их жительства (т. е. — в названных выше трех селах). Старик из с. Девненское, Димитрий Серемов, теперь уже скончавшийся, рассказывал, что каракуртцы (албанцы) и калинчакцы (болгары) прибыли когда-то в Девну, из Девны пришли в Бессарабию, при чем каракуртцы основали здесь с. Каракурт, а калинчанцы с. Калинчак. По воспоминаниям жителя с. Гаммовки, Мих. Конст. Кочева (60 лет), дед которого Димитрий Кочев пришел из болгарского с. Девны в бессарабское с. Каракурт в возрасте 28-30 лет и умер 85 лет от роду в 1885 г. в с. Гаммовке, переселение наших украинских албанцев из с. Девны в бессарабское с. Каракурт имело место приблизительно в 1828-1830 годах (?). Житель с. Гаммовки, Ив. Д. Сербинов рассказывал,

¹ См. В. П. Шибасев, Этнический состав населения европейской части Союза ССР. Ленинград 1930. Изд. Ак. Наук СССР.

что, будучи солдатом в империалистическую войну 1914-1918 гг., он был отправлен с отрядом во Францию, откуда попал на солоникский фронт и был в Албании; оказалось, что — „тамошние каракурты говорят по-нашему“.¹

Вопрос о том, как каракуртские албанцы-арнауты, христианско-византийского вероисповедания и говорящие по-албански и по-турецки, попали из Албании или албанских национальных районов Македонии в болгарское с. Деви, а оттуда в Бессарабию, после весьма обстоятельной статьи г. Д. Яранова — „Преселническо движение на българи отъ Македония и Албания къмъ източнитѣ български земи презъ XV до XIX вѣкъ“ — можетъ считаться, въ основном, решенным.²

Обычным разговорным языком у нашего массового украинского албанского населения служит албанский язык. О своем родном языке наши украинские албанцы говорят: *un zalahët arnaûtçe* — „я говорю по-арнаутски“, или: *un kam arnaût g'ûhë* — „я имею (у меня) арнаутский язык“. Одинаковою популярностью с албанским языком в местном массовом обиходе у наших украинских албанцев пользуется также турецкий язык, так что турецкий и албанский языки представляют собою здесь как-бы два в одинаковой мере близкие народу его родные языки. В отдельных семьях, в результате смешанных браков, можно услышать, наряду с албанской и турецкой речью, также и болгарский язык; кроме того, мужское население поголовно, в отдельных случаях отчасти и женское, говорит по-русски. Что касается собственно албанского языка наших украинских албанцев, то по основным характерным чертам своей фонетики и морфологии он должен быть отнесен к южному или так называемому тоскскому наречию. Не останавливаясь сейчас подробнее на этих особенностях, чему мною посвящена специальная монография, печатающаяся в „Трудах“ Института Славяноведения Академии Наук СССР, приведу здесь для характеристики этого языка несколько детских сказочек Л. Н. Толстого в переложении на язык украинских албанцев; это переложение было сделано мною в с. Гаммовке под руководством моего учителя Д. Ф. Фучаджи. Источником мне служила оказавшаяся под рукою книжечка Л. Н. Толстого — „Новая азбука“ (изд. 26-ое, Москва 1905).

№ 1.

vàne d'imte n'i màl'te. šùme mbètkan n'i màl'te, nak d'ì(j)tkan, ku tэдàlen ga màl'i de nok d'ì(j)tkan, ku štup'lja. atò g'èkkan čan de vătkan n'i dè de vгétkan ahüren fšàtne de àrtkan m(è)tà. —

¹ Приведенные показания собраны в 1925 г.

² См. „Македонски преглед“, год. VII, кн. 2 и 3. София 1932, стр. 63-118.

Русский текст: Пошли дети в лес. Долго были в лесу, не знали, где (=куда) выйти из лесу и не знали, где дом. Они услышали колокол (=стало им слышно звон); и пошли на голос (=они и пошли на звон); и нашли тогда село и пришли домой (=в дом). —

(„Новая азбука“ Л. Н. Толстого, стр. 27).

№ 2.

n'i m'i egraz itka d'ëne pa ubëka vrëçke. m'í(v)u škòjtka ga vrëçka, vgètka šùme te ngrëne. m'iu k'l'inka tomàx pa hëngrka àke šùme, ger umb'ùška bàrku. kur up'ìlna d'ìle, m'iu vátka m(ë)tà, amà bàrku k'l'inka àke i p'l'òte, pa ajò nok mèntka te škòne n'i vrëçket. —

Русский текст: (Одна) мышь прогрызла землю (=пол) и сделалась дыра. Мышь прошла через дыру, нашла много еды. Мышь была жадна и ела так много, пока наполнился живот. Когда взопло солнце, мышь пошла домой, но живот был так полон, и она не могла пройти в дыру. —

Текст Л. Н. Толстого: Мышка грызла пол и стала щель. Мышь прошла в щель, нашла много еды. Мышь была жадна и ела так много, что у ней брюхо стало полно. Когда стал день, мышь пошла к себе, но брюхо было так полно, что она не прошла в щель. — („Новая азбука“, стр. 31).

№ 3.

k'ör ner'l vátka m(ë)tà nàten. ajù sèlka ta vet'lu k'ir'l. i k'ùšme axmàk k'ju ner'l, dëk sel ta vet'lu ketè k'ir'l, i vet'lu k'ör, per se asëjt k'ju k'ir'l? k'ju k'ir'l dùhet asëjt, dej ner'l, dëk šox, mos ib'irë atë. —

Русский текст: Слепой человек шел домой ночью. Он нес при себе свечу. Какой глупый этот человек, что несет при себе эту свечу. Сам слеп, для чего ему эта свеча? Эта свеча нужна ему, чтобы человек, который видит, не ударил его. —

Текст Л. Н. Толстого: Слепой шел домой. Была ночь. Слепой нёс перед собой свет. Какой глупый слепой, несёт свет перед собой, — а сам слепой, для чего ему свет? А нужно свет ему для того, чтоб зрячий не сбил его с ног долой. — („Новая азб.“, стр. 40).

№ 4.

vátkan d'ënte n'i kërte. n'i ketè vakèt n'i kartàl fertel'òjtka mal' dënavat. d'ëñka š'irën pa vátka ma atë. garvàn'i epàka k(ë)tò pa štòjtka vet'lu m'is te hàje. ajù umentòjtka: k'ju pùne nok èšte hort zor; sèla otbèn de un atë gesèn mu i m'ire; kartàle axmàk, ajù jògel'ne š'irën emùr, pa un otmàr e atë e mäjmen kòç(ë)ne.

udëñka tašë k'ju ga l'ëši kòçet ma tuet'lut d'òjne i dàška te ngrëre, pa nok mèntka, de nok d'i garvàn'i k'ùš tevet'iut d'òjne ga l'ëši te k'lte. çobàn'i àrtka, ek'itka garvàn'it këmбет ga l'eš, ngròjtka atë de ehëska. —

Русский текст: Шли овцы по полю. В это время один орел летел над овцами. Поймал ягненка и ушел с ним. Ворона увидела это и смотрела сама мясо покушать. Она подумала: это дело не есть очень трудно; давай сделаю и я это дело еще лучше; орел глуп, он маленького ягненка взял, а я возьму вон того жирного барана.

Поймала теперь эта за шерсть барана своими когтями и хотела поднять, но не могла и не знает ворона, как свои когти из шерсти вынуть. Пастух пришел, вынул вороны ноги из шерсти, убил ее и бросил. —

Текст Л. Н. Толстого: Ходили овцы по полю. Откуда ни взялся орел, — упал с неба, впелся когтями в ягненка и унёс его. Ворона видела это и хотела тоже мяса поест. Она сказала: Это не хитра штука: Дай, я то же сделаю, да еще лучше. Орёл глуп, — он малого ягненка взял, а я вон того жирного барана выберу“. Взлясь барану ворона когтями прямо в волну, хотела поднять — не может. И не знает ворона, как самой из волны когти выдрать. Пастух пришел, вырвал вороне ноги из волны, убил ее и бросил. („Новая азб.“, стр. 45). —

Представляют ли собою наши украинские албанцы подлинных албанцев или же это далекие потомки албанизированного славянского населения западных окраин балкано-славянского мира, сказать пока трудно. Единственным показателем этнической принадлежности народа в данном случае служит только арнаутский яз., осознаваемый народом, как родной его язык, отличающий его от иноязычной окружающей его среды и тем самым поддерживающий так называемое национальное самоопределение коллектива. Других показателей в нашем распоряжении пока нет. Однако, внешний облик украинского албанца, тип его жилища, костюм, хозяйство и вообще вся материальная сторона его быта и основные установления его традиционной обрядности ничем не отличаются от его ближайших соседей — болгарских иммигрантов, составляющих этническое окружение бердянских албанцев, хотя в сознании местного албанского населения никогда и не отождествляемых с собою. Конечно, столетия совместной бок-о-бок жизни албанских эмигрантов с болгарями сначала на территории Болгарии, затем в Бессарабии и, наконец, на Украине, при общности хозяйственных и политических условий и методов народно-хозяйственной жизни, могли произвести известную нивелировку и в области народного быта исконных албанцев и при том не только в его материальной части, но также и в части морально-бытовой. Такой, теоретически допустимой возможности, было бы однако, недостаточно для объективного решения вопроса о том, кто такие наши украинские арнауты по своей исконной национальной принадлежности, ибо все современные этнологические данные говорят скорее о былом тождестве их с болгарями. При окончательном решении данной проблемы следует к тому же иметь в виду, что и болгары, и албанцы, и сербы, и греки, и румыны, и прочие балканские народы в своих языках и в своих бытовых установлениях вскрывают множество точек этнической и языковой общности, что говорит если не об этнической общности и единстве, то об известной этнической близости друг к другу их хозяйственно-племенного субстрата в прошлом. Во всяком случае, после известных исследований проф. Л. Милетича¹ и недавно опубликованной в „Македонском прегледе“ работы г. Д. Яранова,² в нашем распоряжении имеется сейчас множество показаний, свидетельствующих

¹ Д-ръ Л. Милетичъ, „Арнаутитѣ“ въ Силистренско и слѣди отъ носовки въ тѣхния езикъ. „Пер. сп.“ LXI, С. 1901; Его же, Старото българско население въ сѣвероизточна България. С. 1902.

² См. выше, примеч. 2 на стр. 508.

о том, что не только повсюду в Болгарии, но также и во Фракии, и в Северо-восточной Болгарии местное население называет обычно „арнаутами“ не только подлинных албанцев, но также и болгар — переселенцев из Албании и западных районов Македонии (XVI-XIX вв.); что в различных районах Болгарии встречаются сейчас посёлки с соответствующим наименованием, в роде, напр. с Кара-Арнаут в Кеманларском окр. и с Бей-Арнаут в Разградском окр.: сс. Арнаутлар, Эски-Арнаутлар, Горно- и Долно-Арбанаси; Арнаутино, Арбанаси и пр. Проф. К. Иречек, как известно, склонен был видеть въ бессарабских албанцах селения Каракурт, откуда родом и наши украинские бердянские арнауты, подлинных албанцев-тосков, выселившихся в Бессарабию из разградских сел Бейарнаут и Караарнаут. Проф. Л. Милетич, лично посетивший и обследовавший население села Караарнаут и других сел с „албанцами“ — выходцами из с. Караарнаут, пришел к убеждению, что как в прошлом, так и в настоящем это подлинныя македонские болгары, выходцы из Костурского и Воденского районов в Македонии. В виду подобных фактов, проф. Милетич рекомендует более скептически относиться ко всем старым известиям об „албанских“ колониях в северн. и южн. Болгарии. Однако, проф. Милетич не отрицает и того факта, что вместе с македонскими болгарями эмигрировали в Болгарию и подлинныя албанцы тоскского наречия. Таких албанцев он отмечает, напр., в сс. Атнауткёй или в Бей-Арнаут в Разградском окр. Если бессарабские албанцы селения Каракурт — выходцы арнауты из болгарского села Бей-Арнаут, согласно утверждению проф. К. Иречека, то показание последнего о национальной принадлежности этих албанцев находит себе, таким образом, подтверждение в позднейшем показании проф. Л. Милетича. Тем самым можно было бы считать решенным и вопрос о подлинной национальной принадлежности и наших украинских арнаутов. Однако, поскольку для его решения мы имеем в своем распоряжении пока только один языковой показатель, вопрос должен остаться открытым, потому что, если исходить только из языкового показателя, с одинаковым правом можно было бы наших албанцев отнести и к туркам, ибо, кроме албанского языка, в массовом своем обиходе они не с меньшею, если не с большею охотою пользуются и турецким языком; такой, именно, вывод об этнической принадлежности наших украинских албанцев и был сделан, как видели мы выше, всероссийскою переписью 1897 года.

В помощь языковому показателю мы привлекаем и показатель этнографический, т. е. наблюдения в области народного быта и творчества. В свете этого материала интересующий нас вопрос приобретает несколько большую перспективную четкость. Оказывается, что множество частных бытовых обрядностей у наших украинских албанцев в деталях воспроизводят именно болгарский народный быт, и таким образом этнически наши албанцы, говорящие по-турецки и по-албански, сближаются с болгарями. В пользу этого сближения говорит и тот факт, что ни у бессарабских каракуртских албанцев, обследованных

мною в 1910 г., ни тем более у их выселенцев, украинских албанцев приазовья, непосредственно знакомых мне по неоднократным моим поездкам сюда, начиная с 1911-го и кончая 1925 годом, не сохранилось ни одного албанского текста, т. е. ни одной албанской сказки и ни одной албанской песни, что и вынудило меня в свое время для текстуальной иллюстрации языка украинских албанцев прибегнуть к переложению на албанский язык оказавшихся у меня под рукою нескольких толстовских сказочек. Как бессарабские албанцы (с. Каракурт), так и украинские албанцы приазовья поют турецкие и болгарские песни, первые — на турецком языке, вторые — на болгарском, и в обрядовом быту пользуются болгарскими формулами. Когда же мои настойчивые и многолетние поиски оригинальных албанских текстов увенчались, наконец, успехом, и мне удалось получить записанный от 82-летнего крестьянина с. Геаргиевки Симеона Степановича Жекова албанский текст песни о юнаке Яни Янаки, то оказалось, что это единственное и последнее произведение народно-песенного творчества, случайно сохранившееся у наших албанцев в памяти старика Жекова и сейчас, после его смерти, несомненно забытое здесь, в виду отсутствия у наших украинских албанцев национальной песенной традиции, представляет собою албанский перефраз известной болгарской народной баллады на тему о поисках матерью юнака Марка пропавшего без вести сына с вопросами матери о его местонахождении, обращенными к солнцу, к месяцу, к ясной зоре и пр., которую в том же приазовском районе поют и соседи албанцев болгары¹, не говоря уже, конечно, о широкой популярности этого песенного мотива у болгар на полуострове.

Ленинград

Н. С. Державин

¹ См. мои — „Болгарские колонии в России“, т. I, София, 1904, стр. 184-185.

Старият търновски църковен кодекс

Въ Търновската митрополия се пазят два кодекса¹: старъ и новъ. Първият е доста богатъ изворъ за живота на Търновската църква подъ фенерска власть презъ XVIII и XIX в. Това негово значение ще да е потикнало презъ 1910 г. покойния софийски гимназиаленъ учителъ П. Чилевъ да се занимае съ тоя паметникъ. Той описа неговото съдържание², обаче твърде кратко и безъ никакви цитати отъ текста; не е разчелъ подписитѣ на много търновски митрополити и на подведомственитѣ имъ епископи; отбелязалъ е съ общи думи много документи

¹ Народътъ ги нарича кондики. Тази дума е изопачение на гръцката *κώδιξ* (лат. *codex*), която по общо значение съответствува на турската *тефтеръ*. Въ документитѣ си нашиятъ паметникъ е наричанъ *кѡдиѣъ* (стр. 92, отъ 1843 г.), *кѡдикъ* (стр. 271, отъ 1867 г.) и *кѡдика* (стр. 210, отъ 1854 г.). Но формата кондика е съществувала въ живия български езикъ още въ XVI в., както се вижда отъ житието на Св. Никола Софийски. Думата *κώδιξ* е означавала *βιβλίον* (книга), а като технически терминъ — сборникъ отъ официални актове. Тѣй е наричалъ Юстинианъ Велики своя сборникъ отъ закони, сжщо и нѣкои византийски писатели (вж. за това цитати у Du Cange, *Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis*, I, Vratislavae 1891, col. 773, 774). Матей Граматикъ (въ половината на XVI в.), авторъ на житието на Св. Никола Софийски, нарича кондика протоколната книга на турския съдъ. Сигурно това название сж употребявали тогава изобщо софийскитѣ българи. Споредъ изяснението на Софийския кадия, свидетелитѣ

трѣбвало да се приематъ отъ сжда съ ^м ^м *записаніе законны и прихѡдецаго въ кондице нашимъ* ^а *писаніи* (П. Д. Сырку, *Очерки изъ исторіи литературныхъ сношеній болгаръ и сербовъ въ XIV-XVII вѣкахъ*, С. Петербургъ 1901, стр. 96). Сждията запиталъ турската тѣлпа: „намиратъ ли се между васъ достовѣрни свидетели, нже къ *записанію кондыкъ* *ѣже на*

^х *соудыци сѣгашети мѡгѡщны*, че този (Никола) доброволно е пристѣпилъ къмъ нашата вѣра, както казвате“ (*ibid.*, стр. 97). И презъ църковната борба кондиката е била книга съ обществено или официално значение: „книга, въ кождо да сж забелѣжаватъ сегашнители и бжджщи лица на настоящелството“ (Лѣтоструй или Домашенъ календаръ, изд. на Хр. Г. Дановъ и С-ѣе, 1870 г., стр. 117). Възъ основа на това, Г. А. Дювернуа пояснява: „Кондика . . . — законникъ, перечень“ (Словарь болгарскаго языка, I, Москва 1889, стр. 1010). Сжщо и Найденъ Геровъ, опредѣляйки, че „кондикъ“ е „книга за записване въ нея нѣща, които трѣбва да се помнятъ“, различава: „Сельскій кодикъ, църковнѣй кодикъ, училищенъ кодикъ, монастирскѣй кодикъ“ (Рѣчникъ на Българскѣй языкъ, 1897 г., Пловдивъ, II, Е-к, стр. 381). Първитѣ синодчи протоколи на Бѣлг. екзархия сж наречени кодики (надсловъ на кн. I за 1872-1874 г.: *Свѣщенѣй кодикъ на синодалнытѣ дѣланиа на Българската Бискупіа*, сжщо въ кн. II за 1874-77 г. и въ кн. III за 1877 г., но тукъ безъ епитета *свѣщенѣй*).

² Подъ заглавие „Старата кондика на Търновската митрополия“ въ Списание на Бѣлг. академия на наукитѣ, III, стр. 149-162.

отъ частноправенъ характеръ, съдържащ. ценни материали за историята на гражданското и църковното право; допустналь е и фактически грѣшки. Зная отъ опитъ, че въ всѣки паметникъ единъ изследвачъ, ако го проучи лично, може да открие важни известия или черти, които предшественитѣ му не сж забелязали или сж счели за неважни. Ето защо отдавна искахъ да изуча тая търновска старина. Това успѣхъ да постигна едвамъ миналата есенъ.

Кодексътъ представя голѣма ржкописна книга съ листа 2°, подвързана, съ дебели корици, обвити съ кожа и украсени съ златни кръстове по срѣдата и цвѣтя по краищата. Следъ заглавния листъ е прибавена на мушама хубаво изображение на Св. Богородица, седнала на престолъ съ Младенеца на скута, съ надписи МР ΘΥ (отъ дветѣ страни на Св. Богородица) и IC XC (отъ дветѣ страни на Младенеца). Хартията е плътна, бѣлезникава и грапава, съ воденъ знакъ на едни листа разперилъ крила орелъ и съ вѣнецъ на глава, а на други — ваза съ подпора и съ букви подъ нея RW. По листата сж прокарани 8 водни успоредни отвесни линии. Въ кодекса сж нумерувани 354 страници, които въ действителность съставляватъ 360 стр.¹ Отъ тѣхъ 57 сж праздни² и 28 откжснати³ или 85 стр. безъ текстъ, ако се приеме, че откжснатитѣ листа не сж били писани⁴.

Въ кодекса има около 230 документа съ разнообразно съдържание. Една часть отъ тѣхъ уреждатъ църковни дѣла, а друга (по-голѣмата) — частнограждански въпроси на християнитѣ. Къмъ първата група се отнасятъ: а) актове (20 заедно съ 1 образецъ) за изборъ на епархийски и викарни епископи, б) ентронистики или встжпителни актове (3) на търновски митрополити (1 на Илариона Критски и 2 на Неофита Византиецъ), в) образецъ на епископска ентронистика, г) образецъ за изповѣдь на новъ епископъ, д) описи (19) на архиерейски и храмови вещи, е) официални писма (5 на царигр. патриарси — 1 на Кирила и 4 на Йоакима до търновския митрополитъ Григорий, 1 отговоръ на последния), ж) писмени оставки (4) на епархийски епископи, з) провѣрителни актове за архиерейски и др. църковни вещи, и) на знача-

¹ Първенъ сж били нумерувани 349 стр., както е видѣлъ Чилевъ (пос. ст. стр. 149), а после — останалитѣ 4 листа съ моливъ, та се явяватъ 349 стр. + 1 (обратната нумерувана страница на листа, на който е означена 349 стр.) + 10 стр. отъ нумеруванитѣ листа 350, 351, 352, 353, 354=360 стр.

² Стр. 4, 47, 66, 73-82, 161, 172, 193, 194, 196, 197, 270, 272-326 (у Чилевъ погрѣшно 270-327 — п. ст., стр. 161), 350обр., 351. Чилевъ погрѣшно бележи, че на стр. 193 има документъ (п. стр.): тоя изборенъ актъ се намира на стр. 195. Две праздни страници следватъ не, както пише Чилевъ (стр. 162), следъ „I-а нумерувана страница“, сир. следъ обратната страница на листа съ № 349, а следъ II нумерувана страница по Чилевото броене или 350 стр. по новата нумерация.

³ Стр. 67-72, 86, 87, 93, 94, 107-124. Чилевъ не е забелязалъ, че стр. 67-72 сж откжснати, та казва общо, че 66-82 сж праздни (п. сп. стр. 157). Сжшо смѣта за праздни откжснатитѣ стр. 107-124 (п. ст., стр. 159).

⁴ Нѣма остатъци отъ писмо, та това е твърде вѣроятно.

телни за енорийски свещеници и игумени, к) брачни (отъ тѣхъ 5 бракоразводни), л) продавателни за енории, м) енорийски решения и н) 1 предписание на турската власть. Отъ втората група сж: а) удостоверения (за рождение, честность, правонаследяване, за заемъ или изплатенъ дългъ), б) спогодителни между наследници или съдружници, в) пълномощни за получаване парични суми (отъ наследство, бракоразводъ), г) завещания, д) продавателни за частенъ имотъ, е) лѣтописни бележки и ж) частни заявления. Нѣколко изборни актове сж написани на друга, по-тънка хартия и сж залепени въ кодекса на праздни страници съ червенъ восъкъ. Въ такъвъ видъ има сжщо описи и заявления.

Търновскиятъ кодексъ, както се вижда отъ заглавието му¹, е билъ съставенъ отъ Димитъръ Стояновъ, вѣроятно търновець, който на 1 августъ 1763 г. го подарилъ на търновския храмъ „Св. Богородица“ въ Балъкъ-пазаръ, днешната катедрала² (разрушена бѣ отъ земетръсь въ 1913 г., а сега е възобновена), за да ѝ служи за регистъръ (*κατάστιχον*), като се вписватъ въ него не само инвентарътъ на тая църква, както мисли Чилевъ³, а и общественитѣ и църковни вещи на гр. Търново и околнитѣ манастири. Дали по волята на дарителя или по решение на настоятелството на църквата тая книга била опредѣлена за тая цель, това не е известно, но Търновската митрополия скоро я присвоила и почнала да вписва въ нея и свои решения, съ което я превърнала въ свой кодексъ. Тъкмо за да ѝ придаде такъвъ характеръ, тя е поставила на чело (стр. 2) на книгата свой важенъ официаленъ документъ

¹ *Κατάστιχον τῆς ἐκκλησίας τῆς παναγίας τῆς παλῆς παζάρῃ εἰς τὸ ὁποῖον γράφωμεν τὰ τῆς πολιτείας τοῦ νοῦ βῆ δσον τὰ πολιτικῶ καὶ μοναστηριακῶ λεγῶ σκευῆ νὰ γράφονται εἰς τὸ παρὸν κατάστιχον.*

*Τὸ παρὸν κατάστιχον ὑπάρχει ἀφιέρωμα τῆ κύρι δμητροῦς στοιάνῃ εἰς μνημόσυνον αὐτοῦ καὶ τῶν γονέων. *Αμὴν: —*

1763: *Ἀγῶστῃς: πρώτη: εἰς Μέγαν τόρνοβον:*
ὁ γράφας ἐλάχιστος δῆλος
**Ιωάννης χατζῆ Ἀθανασίου.*

² Ср. Чилевъ, п. ст., стр. 150, заб. 1.

³ *Ibid.*, стр. 149-150. Такова твърдение се опровергава не само отъ съдържанието на наслова, но и отъ факта, че въ тая книга нѣма описъ на речената църква, а три дни следъ подаряването на книгата, на 4 августъ 1763 г., сж били вписани „свещенитѣ вещи на града и митрополията“ подъ заглавие: 1763: *Ἀγῶστῃς: 4: Ἰδὲ γράφωμεν τὰ τῆς πολιτείας καὶ τῆς μητροπόλεως τὰ λεγῶ σκευῆ ἐν πρώτοι* (стр. 3). Последната дума показва, че този описъ е билъ първиятъ документъ, вписанъ въ *κατάστιχον*'а. Нѣма основание и за другото твърдение на Чилевъ, че дарителтъ Димитъръ Стояновъ билъ неграмотенъ (п. сп., стр. 150). Заглавието е написано отъ Йоанъ хаджи Атанасиу, по всѣка вѣроятность, защото той билъ служебно лице — краснописецъ въ църквата „Св. Богородица“ и като на такъвъ му било възложено да надпише книгата. Поради това подчинено положение хаджи Атанасиу се нарича „най-малкъ робъ“ (слуга). Изразътъ *κατάστιχον τῆς ἐκκλησίας τῆς παναγίας... εἰς τὸ ὁποῖον γράφωμεν* (регистъръ на църквата „Пресв. Богородица“..., въ който пишемъ), показва, че писарьтъ билъ свързанъ съ тая църква. Многого правописни грѣшки го издаватъ, че и той не е билъ много грамотенъ.

(актъ за изборъ на епарх. епископъ), използвайки за това първия празенъ листъ, оставенъ отъ този, който е вписалъ на 3 стр. описа на градскитѣ и митрополийскитѣ „свещени вещи“. Съ същата целъ тя е попълнила съ изборни актове празнитѣ 5, 6 и 7 страници, оставени сигурно за продължение на тоя описъ¹. Навѣрно, това е станало при митрополитъ Калиника, ако се сжди по факта, че отъ негово време сж първитѣ документи на Търновската митрополия, вписани въ *κατάστιχον*'а (отъ 1772 и 1780 г.).

Въ развитието на Търновския кодексъ се забелязватъ три фази: 1) отъ 1763 до 1822 г. (до заемането на търн. катедра отъ Илариона Критски), 2) отъ 1822 до 1840 г. (до първото кириаршество на митр. Неофитъ Византиецъ) и 3) отъ 1840 до 1867 г. (при митрополититѣ Неофитъ и Григорий). Тѣзи фази отразяватъ промѣни въ живота на Търновската църква презъ единъ вѣкъ (1763-1867 г.). Презъ първата фаза въ кодекса се вписватъ на гръцки езикъ не въ строгъ хронологиченъ редъ² (отъ 2-3 и отъ 5-27 стр. включително) почти само описи на купени или подарени църковни вещи (сждове, одежди, имотъ), провѣрителни актове за тѣхъ, нѣколко актове за изборъ на епископи и епископски оставки. Това оскъдно съдържание въ началната частъ на кодекса, по всѣка вѣроятностъ, се дължи на обстоятелството, че тогавашнитѣ търновски митрополити, поради низко образование и тѣсенъ умственъ крж-

¹ Това личи отъ факта, че чакъ на 8 стр., следъ митрополийски документи отъ по-късно време, е помѣстенъ описъ на вещитѣ въ църквата „Св. Богородица“ въ Балъкъ-пазаръ отъ 4 августъ 1763 г. (у Чилевъ погрѣшно: 1762 г., п. ст., стр. 152). Тоя описъ е написанъ съ почеркъ, подобенъ на тоя на Йоана х. Атанасиу.

² Споредъ търновския митр. Иларионъ Критски, документитѣ сж били вписвани „безредно, както се е случвало“ (въ долупос. му актъ); сжщо споредъ Чилевъ: „безъ огледъ къмъ хронологическия редъ“ (п. ст., стр. 152). Но това не е напълно точно: документитѣ сж отъ 1780 (изб. актъ), 1763 (описъ на ц. вещи), 1772 (провѣр. актъ), 1763 (описъ на ман. вещи), 1781 (изб. актъ), 1804 (изб. актъ), 1763 (описъ на ц. вещи), 1782 (оп. на архир. в.), 1779 (сжщо), 1792 (сжщо), 1797 (сжщо), 1803 (сжщо), 1804 (сжщо), 1804 (изб. актъ), 1806 (оп. на арх. в.), 1820 (провѣр. актъ), 1809 (изб. актъ), 1813 (сжщо), 1813 (сжщо), 1813 (сжщо), 1813 (сжщо), 1818 (еписк. оставка), 1816 (удост.), 1818 г. (изб. актъ). За вписването на док. 1 и 7 дадохъ обяснения по-горе. Док. 3 е въ зависимостъ отъ док. 2 като потвърждение на неговото съдържание. Мѣстото на док. 9 може да се обясни съ това, че за продължение на № 7 сж били оставени нѣколко празни страници (10-15), които после сж били използвани за речения и за следващитѣ док. 10, 11, 12 и 13. Сжщо така се обяснява и мѣстото на док. 16. Док. 21 не билъ поставенъ веднага следъ док. 19 (на стр. 25 вм. на стр. 26), вѣроятно защото, следъ съставянето на док. 19, митр. Макарий е запазилъ една страница (25), за да впише нѣкой новъ изборенъ актъ или еписк. оставка, та да има хронологична последовностъ между съставенитѣ при тоя митрополитъ актове за епископи. Поради това, че при митр. Макария не е билъ съставенъ такъвъ документъ или пъкъ защото билъ изгубенъ (за избора на Софрония Врачански нѣма актъ въ кодекса, при все че неговиятъ отказъ се споменува въ избора на приемника му Антимъ въ 1804 г.), тая страница е използвалъ за подсѣщаната целъ Макариевиятъ приемникъ Йоаникий, като залепилъ на нея еписк. оставка отъ 1818 г. Възможно е било да се изгуби единъ изборенъ актъ, когато билъ написанъ не направо въ кодекса, а на отделенъ листъ, както се е практикувало въ Търново.

гозоръ, не сж схващали практическото и историческото значение на една архива, отразяваща колкото е възможно по-ярко живота на повърнатата имъ църква. Търновският митрополитъ Иларионъ Критски, като е видѣлъ кодекса въ това състояние, се очудилъ на това толкова голѣмо безгрижие на своитѣ предшественици.¹ Не знаемъ, дали е имало другъ, по-старъ кодексъ въ Търновската митрополия, както допуска Чилевъ². Имайки предъ видъ, че тази митрополия, както всички други митрополии въ Турция, е разглеждала и дѣла на своитѣ пасоми, то не може да се допустне, че тя не е издавала писмено своитѣ решения по такива въпроси. Изглежда обаче тя е вржчала на тжжителитѣ документи, безъ да вписва тѣхния текстъ въ кодекса си.³

Тоя видъ на търновския кодексъ билъ измѣненъ отъ образования търновския митрополитъ Иларионъ Критски. По силата на негово предписание⁴ отъ 1 декемврий 1822 г.⁵, въ кодекса вече били впис-

¹ Той казва това въ встъпителния си актъ отъ 1822 г. Документътъ е вписанъ въ кодекса на стр. 28-29.

² П. ст., стр. 149. Трѣбва да отбележа, че нѣкои митрополии, подведомствени на Охридската патриаршия, напр. Костурската и Корчанската, сж имали свои кодекси още презъ XVII в., а първата и презъ XVI в. (вж. Н. Gelzer. Der wiederaufgefundene Kodex d. heiligen Klemens, въ Berichte über die Verhandlungen d. kön. sächs. Gesellschaft d. Wissensch. zu Leipzig, 55 B., 1903, S. 72, 82 и сл.; срв. моята История на Охрид. архиепископия-патриаршия, София 1932 г., стр. 276).

³ Презъ XVII и XVIII в. не ще да е имало общоприетъ канцеларски редъ въ една помѣтна църква. Въ костурскитѣ кодекси сж били вписвани и решения на Охридския синодъ по брачни и наследствени въпроси. Корчанскиятъ кодексъ билъ предназначенъ за поменикъ на дарители, както това изрично се казва въ неговото заглавие (у Gelzer, н. ст., S. 72), но при все това и въ него били вписвани завещания, утвърждавани отъ охридския патриархъ (ib., S. 73, 74). Обаче, въ кодекса на самата Охридска патриаршия нѣма такива документи. И въ Цариградския диоцезъ ще да е имало митрополийски кодекси, подобни на костурскитѣ, та толкова тягостно впечатление е направила на митр. Илариона първата частъ на Търновския кодексъ.

⁴ То се съдържа въ сжщия му встѣп. актъ.

⁵ Той го мотивира така: епархийскитѣ архиереи иматъ неизбѣженъ дългъ не само да се стараятъ съ съвети и внушения да прекратяватъ спороветѣ и раздоритѣ между християнитѣ, но и да мислятъ за срѣдствата, чрезъ които може да се предотвратяватъ бждещи несъгласия. За тая цель много е полезно да се вписватъ въ митрополийския кодексъ църковнитѣ актове за различни дѣла: сждебни решения, изплатителни увѣрения (*ἐξοφλητικά*), спогодби (*συμφωνικά*), договори за прикъ (*προικοσυνφορικά*), завещания и др. такива. „Предписваме — казва той още — за напредъ, колкото такива писма ще се съставятъ съ църковно свидетелство или съ знание и съгласие на кириарха, всички да се записватъ въ настоящия кодексъ и, когато стане нужда, да се издаватъ преписи отъ тѣхъ, удостовѣрения отъ кириарха, ако той присѣтствува, или отъ неговия намѣстникъ, и да се показватъ, за да се прекрати всѣкакво изследване на тия дѣла. Предписваме и да се пазятъ документитѣ за такива дѣла въ митрополийския ковчегъ, като въ прибѣжише, та, когато има нужда, да се търсятъ и показватъ, когато трѣбва. Не само тѣзи, но и такива документи, които ще се съставятъ между християнитѣ по общо съгласие и споразумение безъ църковно знание, и тѣхъ считаме за полезно да се записватъ въ този кодексъ и да се пазятъ въ ковчега на митрополията, тѣй като така съ време тѣ ще бждатъ по-ценни, когато се преписватъ отъ свещения кодексъ на митрополията и, ако е потрѣбно, може да се изпращатъ (разбира: въ турскитѣ

вани хронологично само на грѣцки и решенията на църковната власт по различни спорове между християнитѣ, сѣщо тѣхни завещания и частни спогодби. Завещаващиятъ (*ὁ ἐπιστάτης*) кодекса билъ длъженъ, преди да запише нѣкаква частна спогодба, да извика дветѣ страни и точно да изследва, дали тоя тѣхенъ актъ е станалъ по тѣхно взаимно съгласие.¹ Въ това свое нареждане митр. Иларионъ е изказалъ желание, щото и приемницитѣ му да спазватъ установения отъ него редъ, „за да не се прѣчи на общата полза“. Приемницитѣ му не сѣ нарушили тоя редъ.

Въ третата си фаза кодексътъ по съдържание има сѣщия видъ, както презъ втората фаза, но външно се различава: наредъ съ грѣцкитѣ документи отъ време на време се явяватъ и бѣлгарски. Първиятъ такъвъ документъ е отъ 1 юний 1839 г. Утвърдителниятъ надписъ съ името на новия търновски митрополитъ Неофитъ е грѣцки, но е примѣсенъ съ бѣлгарски букви и името на митрополита има бѣлгарско окончание: † *Торноу Неофитъ ἐπιβεβαίω*². Може да се мисли, че надписътъ не е билъ поставенъ отъ митр. Неофита, защото той би го написалъ изцѣло на грѣцки, както въ другитѣ утвърдени отъ него документи. Обаче едва ли може да се приема, че цѣлиятъ надписъ принадлежи на архиерейския намѣстникъ³ — бѣлгаринъ и съставителъ на документа, както твърди Чилевъ⁴, понеже тоя търновски свещеникъ, ратникъ за възтържествуване на бѣлг. езикъ въ митрополийската канцелария и частно инициаторъ за побѣлгаряване на митрополийския кодексъ, не би се показалъ тѣй непоследовенъ, че да постави грѣцки надписъ въ единъ бѣлг. документъ, представящъ отъ себе си махаленски договоръ съ даскалъ Петко и подписанъ отъ 31 свидетели⁵. При това актътъ не би ималъ правна стойностъ за даскалъ Петко, ако е носѣлъ фалшивъ митрополитски надписъ. Не може да се допуска, че тоя надписъ билъ поставенъ въ деня, когато е билъ написанъ, защото Неофитъ е билъ ржкоположенъ за търновски митрополитъ чакъ на 27 априлъ 1840 г.⁶, а не ще да е билъ избранъ отъ патриаршеския Синодъ въ м. май 1839 г., защото тогава още не е билъ формално отстраненъ търн. митрополитъ Панаретъ⁷, ако и да негодувалъ противъ него

учреждения) и двама свидетели отъ митрополията, за да засвидетелствуватъ тѣхната истинность.

¹ Въ сѣщия документъ.

² У Чилевъ не е точно: Торноу Неофитъ (стр. 157).

³ Навѣрно, сакеларий попъ Генчо, който на първо мѣсто е подписалъ акта. По почеркъ твърде си приличатъ текстътъ и подписътъ на попъ Генчо. За да впише акта въ митроп. кодексъ, той е трѣбвало да изпълнява нѣкаква длъжностъ въ митрополията. И офикията му „сакеларий“ не ще да е била праздна титла, както сега.

⁴ Пос. ст., стр. 157.

⁵ Срв. по-доле, стр. 525.

⁶ Това съобщава той въ встѣпительния си актъ отъ сѣщата година (стр. 89).

⁷ Споредъ Неофита Бозвели, търновчани сѣ подали чрезъ свои пратеници жалба до Високата порта противъ митр. Панарета въ 1840 г. (Мати Болгарія, изд. на Мин.

народътъ. Обаче поради факта, че въпросниятъ документъ не е завѣренъ отъ Панарета, трѣбва да се мисли, че около 1 юний 1839 г. тоя митрополитъ е заминалъ отъ Търново, а митрополията е управлявалъ архиер. намѣстникъ заедно съ митрополитския дяконъ Иларионъ¹. Възможни сж две предположения за произхода на надписа. I. Гръцкобълг. часть (Торно̀ву *Νεόφυτῶ*) била поставена отъ сакелария попъ Генчо или отъ дякона Илариона², като и двамата сж разбирали Неофита Хилендарски Бозвели, за когото В. порта въ началото на 1840 г. е настоявала предъ патриаршията да бжде ржкоположенъ за търновски митрополитъ, вмѣсто Панарета³; а втората часть (*ἐπιβεβαίωι*) е прибавилъ после приемникътъ на Панарета, гъркътъ Неофитъ. II. Цѣлиятъ надписъ билъ поставенъ отъ митр. Неофита: отъ желание да угоди на инородното си паство, въ 1840 г., когато заелъ търн. катедра, той си направилъ печатъ съ бълг. надписъ⁴, позволявалъ да се вписватъ въ кодекса актове на български, като ги удтвърждавалъ на гръцки, може и да е почналъ да учи бълг. писмо, та възможно е да е написалъ въ документа името и титлата си съ бълг. букви.

При митр. Неофита сж вписани въ кодекса на български 27 документи (разни удостовѣрения и завещания), отъ които 25 сж утвърдени отъ него: 1 е отъ първото му кириаршество (1840-1846), другитъ отъ второто (1848-1858)⁵. Ловчанскиятъ епископъ Иларионъ, въ качеството

нар. проsv., София 1925, стр. 45). Т. Бурмовъ твърди сжщото (Българо-гръцката църковна распря, София 1902, стр. 8). Срв. проф. М. Арнаудовъ, Неофитъ Хилендарски Бозвели, София 1930, стр. 390.

¹ За това като че ли сочи фактътъ, че въ документа той се е подписалъ втори (преди попъ Иванъ Недьовъ), съ официална титла: Ἰαρίωνῆς δίακονῆς τῆς Τερνοῦβῆς. Понеже документътъ въ кодекса е самиятъ оригиналъ, а не преписъ, то договорътъ е билъ сключенъ въ самата митрополия и за договорницитъ дяконъ Иларионъ ималъ значение не само на свидетель, но и на представител на духовната власть.

² Формата Торно̀ву, както видѣхме, е употребилъ и дяконъ Иларионъ въ подписа си, само че звука у пише съ ѱ, а въ надписа е у, каквото е и въ подписа на сакелария попъ Генчо (по^н Генчу), и въ текста. Въ *Νεόφυτῶ* зв. *т* е предаденъ съ бързописно гръцко *τ*, само че горната завивка представя остра издадена налѣво и отворена кукичка. Така е изразенъ тоя звукъ въ повечето думи на текста и въ думата *μαρτυριεσάμεν* въ подписа на сакел. попъ Генчо.

³ Срв. Бурмовъ, п. съч., стр. 9; Арнаудовъ, п. съч., стр. 390, § 18.

⁴ (ми)трополитъ
търновскій
Неофитъ

1840 г. Това се чете въ печата му (голѣмъ и кржгълъ), съ който е завѣренъ описътъ на архиер. одежди, съставенъ въ Търново на 15 августъ 1840 г. Съ български печатъ е утвърдилъ той и описанието си за посрѣщането на султана Абдулъ Меджидъ въ Търново.

⁵ На стр. 92, 125, 179, 183-184, 184, 187, 189-191, 204, 205, 207, 209, 210, 211, 212-213, 214, 216, 220, 221, 223, 224, 226, 231, 232, 234, 235, 236, 243, 250. Повечето отъ утвърденитъ актове иматъ надписъ: Ὁ Торно̀βου Νεόφυτος ἐπιβεβαίωι, а завещанията на Ганчо Георгиевъ отъ 1848 г. и х. Калчо Петковъ отъ 1850 г. сж завѣрени съ подписъ на митрополита, който казва, че удостовѣрява истинността на подписа на завещателя и свидетелитъ (въ I-то завещ.) или само на завещателя (въ II-то завещ.).

си на „епитропъ“ на търновския митрополитъ презъ 1857 и 1858 г., е утвърдилъ на български три документа, написани на български¹. Въ сжщата междина отъ време сж били издадени и удостоверения на гръцки, но безъ митрополитски утвърдителенъ надписъ². Приемникътъ на Неофита, Григорий (1858-1867), сжщо е допустналъ да бждатъ вписани въ кодекса нѣколко български документа, нѣкои отъ които е утвърдилъ на гръцки³. И той ималъ български печатъ⁴. Последниятъ по време документа въ кодекса е български. Съставенъ билъ на 16 мартъ 1867 г., следъ отстранението на митр. Григория. Българскитѣ документи, сравнително съ гръцкитѣ, сж твърде малко⁵, но тѣ сж характерно указание както за постепенно засилваното народностно съзнание на търновци, тѣй и за приспособителната политика, която търн. митрополити Неофитъ и Григорий се опитвали да водятъ, за да запазятъ епархията си.

* * *

Гръцкитѣ документи не сж еднакви по езикъ. Въ противоположностъ на охридскитѣ йерарси отъ XVII и XVIII в., търновскитѣ митрополити, отъ които има актове въ кодекса (Калиникъ, Матей, Даниилъ, Макарий, Иларионъ, Иоаникий, Константинъ, Неофитъ и Григорий), сж владѣли добре книжовния гръцки езикъ. Това се обяснява съ обстоятелството, че тѣ не сж били туземци (българи) съ мѣстно гръцко образование, а сж се учили и живѣли въ гръцки центрове. Царигр. патриаршия ги е назначавала, безъ да пита търновското паство. Естествено било тя да избира за обширната търновска епархия висши клирици, предани на нейнитѣ интереси, и носители на гръцка култура, чрезъ която да се е замайвало съзнанието на бълг. население, предимно на неговитѣ първенци, и съ това да се обезплодявала почвата за развитие на автокефалистиченъ стремежъ. Актоветѣ за избори на епископи и епископскитѣ оставки сж написани на сръдновѣковенъ гръцки езикъ, по образецъ на подобни документи, съставяни въ Царигр. патриаршия за изборъ на митрополитъ. Сжщо и едно бракоразводно, издадено въ 1830 г. отъ митр. Константия (стр. 44). Изобщо обаче въ митрополитскитѣ актове господствува книжовниятъ новогръцки езикъ. Очевидно, ако самитѣ митрополити не сж съставяли документитѣ по частноправни въпроси, въ Търновската митрополия е имало добъръ

¹ На стр. 241-242, 246, 247.

² стр. 244, 245, 249.

³ стр. 251, 254, 263-264, 265-268, решение на Търн. община, залепено на корицата. Надписътъ му гласи: *Ἐπιτροπὸν Γρηγόριος ἐπιβεβαίωσι*. На друго мѣсто ще опиша подробно тия и другитѣ документи на кодекса.

⁴ Тоя печатъ съ надписъ „Митрополитъ тирновскій Григорій“ е сложенъ на червения воскъкъ, съ който на стр. 252 е залепена една везирска заповѣдь отъ 1859 г.

⁵ При митр. Неофита отъ 129 документи 32 сж български (заедно съ утвърденитѣ отъ Илариона Ловчански), 97 — гръцки или около 1 : 3; при митр. Григория отъ 23 док. ѡ сж бълг., 17 гр. или сжщо около 1 : 3.

гръцки секретаръ, какъвто напр. е билъ Константинъ Мегавулисъ при второто управление на митр. Неофита¹.

Противоположна картина представятъ отъ себе си описитѣ на църковни и манастирски вещи, съставени въ 1763, 1767, 1775, 1777, 1778, 1792, 1804 г.² отъ търновски граждани—свещеници, епитропи или първенци. Тѣ сж написани на простонароденъ гръцки езикъ, пълни сж съ граматически и правописни грѣшки.³ Тѣзи документи ни показватъ, че презъ втората половина на XVIII в. гръцкото писмо е било разпространено въ Търново, но тамошното гръцко училище не ще да се е различавало отъ келийното българско⁴, пъкъ и търновскитѣ младежи не сж се увличали отъ гръцката образованостъ, а се ограничавали да научатъ гръцко четмо и писмо само за свои практически нужди. И въ Търново,

¹ Той е завѣрилъ единъ описъ на архир. вещи въ Търн. митрополия отъ 1849 г., като се подписалъ *ὁ Γραμματεὺς Κωνσταντῖνος Μεγαβούλης* (кодексъ, стр. 128-129). Самото му име сочи на неговата гръцка народностъ. За него срв. Арнауловъ, п. съч., стр. 210, 424, 430, 530. Че е имало подобни чиновници въ Търн. митрополия, това се вижда и отъ съобщението на Неофита Бозвели, че при обиколка изъ епархията търн. митрополитъ билъ придружаванъ и отъ двама граматизи (отъ *γραμματεὺς*) (Мати Болгарія, изд. на Мин. нар. просв., стр. 33).

² Описитѣ отъ 1767 и 1775 г. сж зачергани.

³ *ἐκκλησίας, πολιτικῶν, εἰς μνημόσυνων*, вин. пад. за означение на мѣсто (*εἰς Μέγαν τὸρνορον*) (въ заглавието на кодекса); - върху простото оконч. *α* ср. р. мн. ч. им. п. и предъ дълга сричка (*πολιτικῶν* и др., *πολιτείας*) (загл. и описъ отъ 1763 г., стр. 3); *γράφωμεν* (*ibid.* и стр. 8, 9); *ἐν πρότοι, ἀργυρῆ* (им. п. ед. ч. ж. р., вм. *ἀργυρῆ*) (п. оп.); *ἐπιτάριων* (*ib.* и стр. 8); *ἰδὲ* вм. *ἰδὼ* (стр. 3 и 9), *ἐν πρότοις* (стр. 5), *ἐν πρότοι* (стр. 8), *ἀστερίσκω* (стр. 6), *ἄσαις σαμναῖς* (стр. 9, почеркъ на Йоанъ Атанасиу) им. п. вм. съ оконч. *αι*; *παλαιὰ χρόνια, κενδρια, δνωμα* (стр. 8); *ἠκόνας, εἰς τὸν καινῶρον τὸν μαχαλά, ἐπίρωμεν* (стр. 9). Сжщо и въ подписитѣ на търн. свещеници: *σαηλάροῦς παπᾶ Θεόδωρος, σκευδ-φύλαξ παπᾶ Σταμάτης, παπᾶ νικῶ(λας?)* (стр. 12-13) *Σακιλᾶλος πα Θεόδωρος, πρότο-παιας* (пров. актъ, стр. 15). Въ подписитѣ на мирянитѣ: *χ: ἠλία, χ: γεόργιος διμος, Θεόδωρος προεστός, χ: μαργαρίτι, γεόργης, χ: νένω, κωνσταντηνός, σταύβρης, κρηνάκος* (стр. 13); *ἰκονόμος, μαργαρίτη, γηωβήτζα μάρις, χ. νευεος, χ: γεωργι μάρις, κρηνακος* (пров. актъ, стр. 14); *χ: τζι πιέτοῦ, λρόην προεστός, στόηνος, χ: σταήκος, γιώργης* (пров. актъ, стр. 15); *χ: νενω, γεωργι, χ: κρηῦς, παναγιότις, πας κᾶλις χ: μαργαρίτις, νικῶλας* (стр. 16). Въ нѣкои описи (стр. 3, 8 и 9) сж употребени чуждици, взети изъ народния бълг. езикъ: *πατερίτζα, πράβα* (брава), *πλακαρένια, калтарима, соѣма, εἰς τὸ μεχτέπι, πλακτζε*. Описитѣ отъ 1777 г. (на вещитѣ въ ман. Св. Троица, 17ῶ7, 1775 и 1778 г. (на вещитѣ въ търн. църква Св. Богородица въ Долна-махала) взематъ надмошие по неграмотностъ. Никакъвъ правописъ не е спасенъ, бъркатъ се ударенията , \ , негде вм. ударение стои придихание, много думи нѣматъ никакво ударение: *εδο τα ὀτη κωνητά, εὐροσκοπτε, τηράδος, теφβέντι, та γράφῶς, να ἦνε, ἐνδιμισιν, αργυρο, ἀργυρις, ἀφιμένα* (349 обр.); *ταῦσα; ἐπιρέτισιν, μοναστήρη, χρίας, λήφανα, σταβρόν, χρисῶδῶλα* (стр. 350); *εβαγγελη, παρᾶ δι-νομε, ἔπη στατή, λευτέρι, κυβερνάει, ἀφιέροσε* (стр. 351); *οκτονβριῖς, ἀσιμηγία, παραδίνομε, ἐπιτηρόπῶς* (стр. 352); *εὐδοσκοпτε ἀσιμένηα σκεβη, ηγδμενῆαν* (стр. 352 обр.); *ομιόνῶς* (349, обр. 350); *ἦνε* (*ib.*), *σίμερον* (*ib.*), *τῖν* (*ib.* и стр. 352, 352 обр.), *κᾶτῶς* (стр. 352, 352 обр.), *κερόν* (стр. 352, 352 обр.).

⁴ Въ гръцкитѣ *κοινὰ σχολεῖα* (общински училища), които сжществували до 1821 г. въ манастиритѣ и енорийскитѣ църкви, се изучавали предметитѣ четене на часословъ и псалтиръ, писане и смѣтане (срв. Арнауловъ, п. съч., стр. 147).

както въ Охридъ и др. бълг. църковни центрове, гръцката просвѣта не е могла да направи голѣми завоевания главно поради това, че тя е била чужда за душата на мѣстното население.

Презъ първата половина на XIX в., когато просвѣтното гръцко движение особено се засилило чрезъ добре уреденитѣ гръцки училища (въ Цариградъ, Букурещъ, Смирна, Кидония, островитѣ Хиосъ и Андросъ, Атина, Янина), преустроено било и гръцкото училище въ Търново¹. Отъ него излизали вече по-грамотни граждани, както личи отъ гръцкитѣ подписи на търновци въ документи отъ това време въ нашия кодексъ². Почнало да се цени по-високото образование. По-заможни младежи отъ Търново и отъ близки градове (Свищовъ, Елена, Казанлъкъ, Калоферъ, Котелъ, Сливенъ) сж следвали въ по-горни гръцки училища³, а нѣкои (Никола Пиколо, П. Беронъ) — и въ Западна Европа⁴.

Въ гръцкитѣ актове звукътъ *б* се предава съ π^5 , λ^6 или $\mu\lambda^7$; зв. ϑ — съ ϵ или η^8 , a , ou , o^9 ; ц, ч, дж — $\tau\zeta^{10}$; турскитѣ звукове: δ съ $\cdot\delta$ ¹¹ $ш$ — σ^{12} , $дж$ — $\tau\zeta^{13}$. Начертанието на буквитѣ: τ е

τ , τ - τ a - ξ ; ϵ - λ , δ ; ω - ρ , ρ ; ou - θ .

¹ Г. Димитровъ съобщава, че митр. Иларионъ е открилъ такова училище презъ 1832 г. (Княжество България, ч. I, Пловдивъ 1895 г., стр. 185), но не посочва извора.

² Трѣбва да отбележа, че повечето отъ тѣзи документи (разни удостоверения) сж преписи, но при все това могатъ да се взематъ подъ внимание подписитѣ на търновскитѣ граждани (заявители и свидетели), понеже митрополийскиятъ писаръ, който ги вписвалъ въ кодекса, е спазвалъ тѣхнитѣ особени форми. За влиянието на това училище срв. Г. Димитровъ, п. стр.

³ Срв. Ив. Д. Шишмановъ, Нови студии изъ областта на бълг. възраждане, I, София 1926, стр. 450, заб.; Арнаудовъ, п. съч., стр. 150 и 156.

⁴ Василь Априловъ, като осжда между другитѣ бълг. граждани и търновци за тѣхното гърчеене, казва, че тѣ сж били образовани, знаели правилно гръцки, учили сж нѣмски, френски, ромънски (Денница ново-болг. образования, I, Одесса 1841, стр. 71).

⁵ $\pi\alpha\lambda\delta\kappa$ $\lambda\alpha\zeta\acute{\alpha}\rho\iota$ (стр. 1 и 3), $\tau\zeta\omicron\rho\lambda\alpha\tau\zeta\eta\delta\omega\nu$ (стр. 3 и др.), $\pi\epsilon\lambda\iota\gamma\rho\alpha\delta\iota\omicron\nu$ (стр. 34), $\lambda\omicron\iota\tau\zeta\theta$ (стр. 53).

⁶ $\pi\rho\acute{\alpha}$ (стр. 58 и др.); $\gamma\mu\pi\iota$, $\cdot\lambda\delta$, $\cdot\pi\iota\nu$, $\pi\iota\rho$, $\cdot\pi\iota\zeta\iota$ (въ речитѣ на митр. Илариона предъ султанъ Махмуда II, стр. 63-64).

⁷ $\delta\acute{o}\mu\beta\omicron\rho\iota\epsilon$ (стр. 13).

⁸ $\kappa\rho\acute{\epsilon}\sigma\tau\omicron\varsigma$ (стр. 95) $\kappa\rho\eta\sigma\tau\omicron\nu$ (стр. 134).

⁹ $\lambda\alpha\kappa\alpha\rho\tau\zeta\eta$ (стр. 44), $\tau\theta\rho\nu\omicron\nu\beta\omicron\nu$ (стр. 14, 18), $\tau\omicron\rho\nu\acute{\omicron}\beta\theta\varsigma$ (стр. 1, 2).

¹⁰ $\tau\zeta\acute{\alpha}\nu\eta$ (стр. 13 и 14); $\tau\zeta\alpha\rho\beta\epsilon\nu\sigma$ или $\tau\zeta\epsilon\rho\beta\epsilon\nu\sigma$ (стр. 2, 24 и др.), $\lambda\alpha\tau\epsilon\rho\iota\tau\zeta\alpha$ (стр. 3); $\lambda\acute{o}\phi\tau\zeta\theta$ (стр. 2 и др.); $\gamma\acute{\epsilon}\nu\tau\zeta\omicron\varsigma$, $\nu\iota\kappa\omicron\lambda\iota\zeta\omicron\varsigma$, $\pi\acute{\iota}\epsilon\nu\tau\zeta\omicron\varsigma$ (стр. 15); $\tau\zeta\omicron\rho\lambda\alpha\tau\zeta\eta\delta\omega\nu$, $\lambda\alpha\tau\zeta\eta$ (стр. 1, 15 и др.).

¹¹ Въ казанитѣ речи на митр. Илариона: $\acute{\epsilon}\cdot\delta\acute{\epsilon}\rho\omicron\iota\varsigma$, $\kappa\omicron\nu\cdot\delta\rho\epsilon\tau\lambda\omicron\nu$, $\acute{\epsilon}\cdot\delta\epsilon\lambda\mu$, $\cdot\delta\omicron\beta\lambda\epsilon\tau\iota\nu\iota$, но и $\delta\omicron\beta\lambda\epsilon\tau$ въ всгжит. му актъ (стр. 28-29), $\acute{\epsilon}\phi\acute{\epsilon}\nu\cdot\delta\iota\mu\acute{\iota}\zeta$; сжщо и митр. Неофитъ $\cdot\delta\epsilon\beta\lambda\epsilon\tau\iota$ (стр. 89).

¹² Митр. Иларионъ въ сжщитѣ си речи: $\gamma\mu\iota\omicron\nu\nu\acute{\epsilon}\sigma$, $\delta\omicron\nu\sigma\omicron\nu\mu\alpha\nu\lambda\alpha\rho\iota\nu\iota$, $\sigma\epsilon\rho\phi\iota\nu\acute{\epsilon}$, но и: $\sigma\omicron\delta\mu\iota\omicron\nu\omicron\rho$, $\sigma\epsilon\rphi\kappa\epsilon\tau\lambda\omicron\delta$.

¹³ Сжщиятъ: $\beta\omicron\nu\tau\zeta\acute{\epsilon}\tau\iota$.

* * *

Отъ първата и втората частъ на кодекса се добива впечатление, че презъ тая епоха (XVIII в. и първитѣ три десетилѣтия на XIX в.) въ Търново гръцката грамотность е господствувала надъ църковно-славянската. При все това последната не е била забравяна. Въ описа на вещитѣ въ Преображенския манастиръ отъ 1763 г. се споменава едно сребърно българско евангелие (*εδαγγέλιον ἀσιμένιον βουλγάριον*).¹ Въ единъ гръцки провърителиенъ актъ отъ 1797 г.² единъ отъ свидетелитѣ се е подписалъ съ ц. слав. букви: *гнчс*.³ Въ едно гръцко пълномощно, издадено отъ митр. Константинъ на 13. II. 1830 г., подписитѣ на двама свидетели⁴ сж ц. славянски: *χ. Γωάνης ἄγγελ, Γίνης χ. αθανάσης (ικανχсф?)*⁵ Първиятъ свидетель ще да е употребилъ гръцкия глаголъ *μαρτυρῶ*, безъ да го побългари⁶, по подражание на гръцкитѣ свидетелски подписи, при които стои сжщата понятна за търновци юридическа формула. Подписвайки името и презимето си въ негръцка форма, той пише чисто гръцка дума на църковнославянски, сир. старобългарски, сигурно отъ чувство на особена почитъ къмъ това писмо и отъ убеждение, че то трѣбва вече да измѣсти гръцкото писмо. Въ едно гръцко спогодително за наследство отъ 1834 г. двама отъ наследницитѣ, братията монаси Прокопий и Теодосий, синове на търновеца Атанасъ Кантарджоглу, сж се подписали на говоримъ бълг. езикъ, само че въ кодекса, гдето документътъ е преписанъ, подписитѣ имъ сж предадени съ гръцко писмо: *αζ προκόπιε και(в)ότς πίση στκόρε ή αζ ζημς σκλόλενο (=σκλόλεν?)* (аз Прокопие каквоту пиши утгоре и аз жи съм склонен); *ή αζη θεοδόσιε καισμέσα ιστακνευ(?) σας πράταση σας⁷ νικόλα καιβото πίση στ γόρε ή σκλδναιβαμσα* (и ази Теодосие как сме са истъкмили със брата си със Никола каквото пиши утгоре и склунявам са).⁸ Въ документа не е казано, отъ кой манастиръ сж били тѣзи монаси, но се съобщава, че, съгласно съ спогодбата, тѣ сж взели голѣмата

¹ Стр. 5. Въ описитѣ на вещитѣ въ търн. (долномахал.) църква „Св. Богородица“ отъ 1767 и 1775 г. се говори за „български обици“ (*βδραγάρικα σκολαρίκῃ, σκολαρίκῃνα βδλγάρικα*) (стр. 351 и 352). Не сж ли имали тѣзи накити бълг. надписи, та затова сж така наречени?

² Тия документи все пакъ говорятъ противно на твърдението, че „дори въ едно Търново, и то въ началото на XIX в., само единъ дюкенджия въ цѣлата чаршия по име Панайотолу могълъ да напише записъ, и то съ гръцки букви“ (П. Кисимовъ, Исторически работи. Моитѣ спомени. Пловдивъ 1898 г., I, стр. 90 и IV, стр. 78; срв. Арнауловъ, цит. съч., стр. 200).

³ Стр. 14. Въ гръцкия провър. актъ отъ 1803 г. едноимененъ свидетель се е подписалъ на гръцки: *γένιζος*. Не се знае, дали дветѣ лица сж тѣждествени.

⁴ Другитѣ 9 свидетели сж се подписали на гръцки.

⁵ Стр. 41.

⁶ Напр. въ форма *м а р т о р и с в а м ъ*, която се явява въ по-сетнешни документи на кодексъ.

⁷ Последната буква не е ясна, но по начертание прилича на *ς*.

⁸ Стр. 60.

кжца на баща си въ „Вароша“ (*τὸ ἐν Βαρουσίῳ*), като подарена отъ баща имъ на манастира „Св. ап. Петъръ“ (*εἰς τὸ μοναστήριον τοῦ ἀποστόλου Πέτρου*), който, нѣма съмнение, се е намиралъ въ Търновско¹. Вѣроятно двамата монаси се подвизавали въ казания манастиръ, гдето слав. грамотность ще да е вирѣбела, ако се сжди по славянскитѣ надписи отъ началото на XIX в. въ близкия до Търново Преображенски манастиръ. Независимо отъ това, обстоятелството, че тия монаси сж се подписали въ грѣцки документъ на български езикъ, а не на грѣцки, ни скланя да мислимъ, че въ двата оригинални екземпляра, дадени на дветѣ спогодени страни, тѣ сж се подписали съ ц.-слав. писмо, което митр. Иларионъ Критски или неговиятъ секретаръ сж транскрибирали съ грѣцки букви, понеже не сж го владѣбели. Документътъ представя самолично арбитражно решение на митр. Илариона и ималъ такава правна стойность за спогоденитѣ наследници, че братията монаси, за хармония съ текста, биха изразили своето съгласие на сжщия езикъ (грѣцки), на който църковната власть е съставила акта, ако сж го знаели. Въ всѣки случай, дори да приемемъ, че и въ оригинала тѣ сж се подписали съ грѣцко писмо, поради незнаене на ц.-славянското, фактътъ, че сж написали изповѣдь на български, говори, че тѣ сж били привърженици на българската просвѣта².

Отъ посоченитѣ факти, поставени въ свръзка съ други³, може да се заключи, че и преди да започне духовноосвободителното движение въ Търново, тамошнитѣ митрополити сж проявявали известна търпимостъ къмъ българския езикъ. Ако първитѣ две части отъ кодекса на Търн.

¹ Може би той е билъ днешниятъ Петропавловски манастиръ.

² Загадъчно е, че въ описитѣ на митрополийскитѣ вещи (архиерейски одежди и книги) отъ 1779 и 1792 г. не се говори за български книги (стр. 10, 11, 12-13). Не можемъ да се съмняваме, че въ Търновската митрополия, бивша бълг. патриаршия, отначало е имало старобълг. книги (богослужебни и богословски). Кога и какъ тѣ сж изчезнали — това е единъ твърде интересенъ въпросъ, на който обаче не може да се отговори положително, по нѣмане достовѣрни вѣсти. Не почива дори на нѣкакво ясно старо предание твърдението, че търн. патриаршеска библиотека е била изгорена около 1794 г., както мислѣлъ Юрий Венелинъ, или отъ Илариона Критски въ 1822 г. Първото съобщение, което е чулъ Ю. Венелинъ въ 1830 г., е много общо (патр. библиотека била изгорена скоро следъ въдворяването на грѣцкитѣ екзарси въ Търново). Второто пъкъ съобщение, чуто отъ В. Григоровичъ въ 1845 г., ако и да е по-конкретно, не може да се смѣта за достовѣрно, защото, очевидно, то е стѣкмено въ свръзка съ подетата къмъ 1840 г. борба на търновци противъ грѣцкитѣ владици. Ако наистина Иларионъ Критски е извършилъ таково аутодафе, то синътъ на търновския свещеникъ, който е разправялъ на Венелина за библиотеката, е щѣлъ да посочи именно тоя митрополитъ. По тоя въпросъ срв. Йорд. Ивановъ, въ Сборника въ честь на Л. Милетичъ, София, 1912 г., стр. 169; Юрд. Трифоновъ, Преданието за изгорена ст. българска библиотека въ Търново, въ Сп. на Бълг. акад. наукитѣ, кн. XIV, стр. 1-42; Ив. Д. Шишмановъ. Нови данни за историята на бълг. възраждане, въ стария Бълг. прегледъ, год. IV, кн. IX, стр. 58 сл.; Арнаудовъ, п. съч., стр. 138-139.

³ Ср. у Йор. Ивановъ, п. ст., стр. 158 сл.; моята Ист. на Охр. архиеп. патриаршия стр. 281 сл. Такова значение има и фактътъ, че върху надгробната плоча на Илариона Критски има надписъ на грѣцки и ц.-славянски.

митрополия съдържатъ по-малко български отражения, това се дължи на обстоятелството, че народността на търновци не е била още силенъ.

Третата фаза на кодекса ясно отразява решителната борба въ Търново между гръцката и българската образованостъ. Българ. документъ отъ 1 юний 1839 г.¹ е изразъ на воля за народно самоутвърждение у търновскитѣ духовни и промишлени сръди. Отъ свидетелитѣ 5 сж духовни лица (сакеларий попъ Генчо, дяконъ Иларионъ, попъ Иванъ Недьовъ, попъ Иванъ Самоводченецъ и попъ Никола) и 26 миряни, отъ които 17 д. сж означили своя занаятъ: 2 казанджии, 2 абаджии, 1 терзия (шивачъ), 4 папуджии (обущари), 1 ахтаръ, 2 бакали, 1 джамджия, 1 калпакчия, 2 басмаджии и 1 берберинъ (бръснарь). Отъ всичкитѣ свидетели, 26 д. (5-тѣ дух. лица и 21 миряни) сж се подписали на български съ ц.-слав. писмо, като попъ Генчо и попъ Иванъ Недьовъ сж означили своето свидетелско качество съ глаг. *м а р т о р и с в а м ъ*², 20 — съ сжщест. *м а р т о р ъ* (ъ)³ (мнозина безъ ъ и ъ), 1 — съ думата *с в і д і т і л ъ*, трима не сж употрѣбили никакъвъ терминъ. Петима отъ свидетелитѣ миряни сж се подписали на гръцки, като всички сж предали имената си въ българ. форми⁴, но четирма се нарекли *μάρτυς* и 1 *μάρτυρ*. Договорътъ е написанъ съ ц.-слав. писмо на мѣстенъ говоръ⁵, примѣсенъ съ ц.-слав. думи, съ фонетично-etimологиченъ правописъ: ъ и ъ въ края на думитѣ; ѣ, който е общъ белегъ за зв. я, или гръцко ε вм. etimol. ѳ⁶; а вм. ѝ въ сръдата на думитѣ⁷ и вм. etim. ж въ глаг. окончание⁸; і предъ гласна и по нѣкога предъ съгласна и като окончание⁹; ы въ корена и окончания¹⁰. Звукъ *дж* се предава съ ц, тч (само въ названието папуджи); о — рѣдко съ ѡ¹¹; т — съ т и бързописно гръцко τ, у — съ ѳ и у въ начало на думитѣ. Нѣкои отъ свидетелитѣ сж пишели бързописно букви ъ, ъ, б (съ двояко начертание), в, д. Виждатъ се и гръцки букви η (наредъ съ и), ϑ, η; употрѣбаватъ се придихания ' — (върху начално у и рѣдко върху о, η, і) и безразборно ударенията . . . Има думи безъ ударение (най-вече въ подписитѣ) — единъ признакъ, че грамотнитѣ българи почнали да съзнаватъ ненужността на тия старинни знакове.

Гръцкитѣ подписи показватъ, че тѣхнитѣ автори не сж владѣли добре гръцката грамотностъ: зв. *ай* се предава съ *аη* вм. *аї*, имената

¹ Срв. тукъ, стр. 518.

² Срв. тукъ, стр. 523, забел. 6.

³ Отъ гр. дума *μάρτυς* (свидетель).

⁴ ха *Ραηκς*, ха *νενς*, *μαραρρητ* *Στεριβ*, *ηβαντζς*, *νικολα*.

⁵ Често представка у вм. о, III л. ед. ч. сег. вр. и вм. е, I л. мн. ч. сег. вр. *ми* вм. *ме*, мѣст. *са* вм. *се*, предл. *сосъ* (=съ).

⁶ *накой*, *недалкъ*, *мъ*, *ѡнези дрѣгни-те*.

⁷ Крастю.

⁸ *да..дадѣтъ*, *зематъ*.

⁹ *сващеницы*, *нѣколи*, *казанци* и др.

¹⁰ *мы*, *ѳбѣ амη* и др.

¹¹ *дрѣгггг*, *Гларѡнъ*.

не носятъ грѣцки окончания, при това дветѣ имена на единъ свидетель сж безъ ударения¹. Поради тѣзи белези и факта, че тѣзи свидетели сж подписали бѣлг. документъ, може да се твърди, че тѣ сж били свободни отъ гъркоманство. Свикнали съ грѣцкото писмо, което сж усвоили на младини, тѣ, поради напреднала възраст или недостатъчна воля, не сж научили бѣлг. писмо. Отъ тая категория грамотни търновци билъ и завещателтъ Илия Стефановъ, който е подписалъ на бѣлгарски съ грѣцко писмо² завещанието си отъ 1846 г., написано на грѣцки и подписано на сжщия езикъ отъ 10 свидетели. Изглежда, че нѣкои отъ свидетелитѣ съ бѣлг. подписи, напр. попъ Генчо³, сжщо така първенъ сж се учили на грѣцка грамотность, а после на бѣлгарски (въ училище или сами), та затова се колебаятъ въ белега за звука *и* (*и*, *η*) и употрѣбаватъ и други грѣцки букви. Разглежданиятъ документъ изобщо свидетелствува, че къмъ 40-тѣ години, сигурно, най-вече следъ откриването на бѣлг. взаимоучително училище въ Габрово (1835 г.), жаждата за бѣлг. писмо се усилва между търновскитѣ граждани, особено всрѣдъ еснафитѣ. Забележително е, че въ 1839 г. духовни лица сж пишели вече на бѣлгарски.

Въ сетнешнитѣ бѣлг. документи се виждатъ все по-малко църковнославянски форми и бавни отстѣпления отъ стария правописъ и графика. Въ едно удостовѣрение на бѣлг.⁴ отъ 1843 г. за изплатенъ дългъ на ман. Св. Троица, въ края на думитѣ се употрѣбавя почти само *ъ*; *х* или *ε* вм. етимол. *ѣ*⁵, но и *ѳ* — за етимол. *ѡ*⁶; *і* — все предъ гласни, *ы* рѣдко; *η*, *φ*, *ы* не се срѣщатъ; ' вм. *ъ* (прѣд').⁷ Всичкитѣ петима получатели сж се подписали на бѣлгарски, като трима съ бързописно *в*, а 1 и съ бързоп. *ъ*. Въ завещанието (оригиналъ на бѣлг.) на Генчо Георгиевъ отъ 1848 г. вече преобладава новобѣлгарското писмо (дори се употрѣбавя *ж*: Тжрново), но само завещателтъ и двама отъ свидетелитѣ сж се подписали на бѣлгарски съ прибавка *м а р т о р ъ* или *м а р т ъ р ъ*, а другитѣ 7 свид. — на грѣцки.⁸ Сжщо и въ едно грѣцко продавателно отъ 1850 г. продавачтъ се е подписалъ на бѣлгарски⁹, но жена му и свидетелитѣ — на грѣцки. Това показва, че грѣцката

¹ Вж. стр. 525, заб. 4.

² Стр. 98: *Ήλίας Στεφάνο ηζβεστάβαμ* (у Чилевъ, стр. 158, неточно: *ὄζβεστάβαμ*).

³ Споредъ единъ документъ въ кодекса (стр. 105), сакеларий попъ Генчо е умрѣлъ въ 1846 г.

⁴ И тукъ има диалект. форми на док. отъ 1839 г.: *зѣмаѣмн*, *зѣмн*, *нѣмамн* да дѣ-камн, *са*, *соск*. Освенъ тѣхъ: *ѡсемъ* вм. *ѡсемъ*, *въ нашнтѣ*, *пѣсмѣ* (стр. 92).

⁵ *ѡрѡховица*, *ѡшн*, *мѣсто-то*, *тѣзн*, *нашн-те*.

⁶ *ѡ монастѣрк* (2 пжти).

⁷ Графическа особеность и на тоя документъ е, че не познава белега *ж*, като тъмния звукъ отъ *з* предава сжщо съ *а* (нататакъ). Негова регресивна графична черта с избылието на *ω* (*ѡговѡрѡѡ*, *согласнѣганω* *цѣркωкнω*, *чѣстнѣкирагω*, *Ѣмѡѡнъ*, *ѡртакѡѡгѡ*: вж. и думитѣ въ с. стр., бел. 4 и 5,

⁸ Стр. 125.

⁹ Стр. 177: асъ Пѣтаръ Смилоглѣ *ѡверѡвамъ гѡрнитѣ*.

грамотностъ още се е държала упорито въ Търново. При все това несломимъ е напънътъ на бълг. грамотностъ да измѣсти гръцката, както се вижда отъ увеличението на бълг. документи въ кодекса. Тя прониква и между търновскитѣ чорбаджии, както се вижда отъ единъ гръцки описъ на вещитѣ на Плаковския манастиръ „Св. Илия“ отъ 1841 г.: 9 свидетели сж го подписали на български съ ц.-слав. писмо и отъ тѣхъ петима съ титлата *чорбаџи*.¹ Въ митрополията ще да е имало и писарь, който е знаелъ български. Къмъ такова заключение ни води фактътъ, че много отъ бълг. документи въ кодекса, както и отъ гръцкитѣ, сж преписи отъ оригиналнитѣ екземпляри, дадени на спорещитѣ или помиренитѣ страни. Хвърля се още въ очи, че много отъ подписитѣ на духовни лица сж български.² Дори търновскиятъ протонотарий свещ. Димитъръ, който по-рано се е подписвалъ на гръцки³, е подписалъ на български завещателя Недѣлко Георгиевъ поради неграмотността му въ неговото завещание отъ 1857 г.⁴

¹ Описътъ е залепенъ въ кодекса на стр. 354.

² Йером. Софроний, игуменъ на Плаковския манастиръ, въ описа на сщия манастиръ отъ 1841 г.; аксиополскитъ (сетне ловчански) епископъ Иларионъ, икономъ попъ Георгий, х. попъ Дионисий, игуменътъ на Капиновския манастиръ х. Паисий и попъ Тодоръ въ бълг. завещание на х. Калчо Петковъ отъ 1850 г. (стр. 189-191); попъ Дионисий, икономъ попъ Георгий и игуменътъ х. Паисий въ гръцко удостовѣрение отъ 1850 г. (стр. 181); протопопъ Петко въ бълг. удостовѣрение отъ 1851 г. (стр. 179); попъ Йорданъ Константиновъ съ новобълг. писмо („азъ попъ Йорданъ Константиновъ и свидѣтелствувамъ“) въ гръцко завещание на х. Славчо Стефановъ отъ 1851 г. (стр. 185-186); попъ Теодосий (съ гр. л) въ бълг. докум. отъ 1852 г. (стр. 205); икономъ п. Илия въ бълг. докум. отъ 1854 г. (стр. 204); протопопъ П(етко?) (търн. енор. свещеникъ) и хартофилаксъ попъ Иванъ въ бълг. докум. отъ 1854 г. (стр. 207); монахъ х. Иларионъ Ангеловичъ отъ Търново въ бълг. докум. отъ 1854 г. (стр. 210 и 211); попъ Георгий Ивановъ въ бълг. докум. отъ 1854 г. (стр. 211); попъ Димо Георгиевичъ (търн. енор. свещеникъ) отъ с. Хотница въ своето задължително на гръцки отъ 1855 г. (стр. 218), въ противоположностъ на тримата митрополийски чиновници, които сж го назначили (вж. тукъ, бел. 9); протопопъ П(етко?) Н., попъ Георгий, попъ Иванъ Кръстевъ и попъ Йорданъ въ спогодително на бълг. отъ 1855 г. (стр. 221); търн. енор. свещеници протопопъ Петко, хартофилаксъ попъ Иванъ и попъ Иванъ Кръстевъ свое задължително на бълг. отъ 1855 г.: прѣтопапа п. Петко *оѣврѣвама*, хартофилака попъ Иванъ *оѣврѣвама*, попъ Иванъ Кръстевъ *оверѣвама* (стр. 223); търн. енор. свещеникъ Никола въ 1858 г. (88); 11 лѣсковски свещеници своето задължително на бълг. отъ 1858 г., другитѣ трима го подписали на гръцки (стр. 251); ловчанскитъ епископъ Иларионъ въ бълг. документи (срв. по-горе, стр. 520).

³ Въ гръцки докум. отъ 1855 и 1856 г. (стр. 218 и 227).

⁴ Понѣже Недѣлко Петровъ не знай да пиши опредѣленъ самъ (съ бързоп. б.) отъ него да подпнша името мѣ азъ протонотарій попъ Димитрій а той сам си оѣдѣра печата си (стр. 242). Обработениятъ му почеркъ показва, че той и по-рано е владѣелъ бълг. писмо, но като митрополийско длъжностно лице е се подписвалъ и на гръцки. Частно споменатитѣ въ бел. 8 гръцки документи сж били подписани на гръцки: първиятъ (задължително на попъ Димо Георгиевичъ) и отъ други двама официали, архим. Прокопий и архидяконъ Иеремия, а вториятъ (свидетелство за имотъ на църквата „Св. Богородица“ въ Долна-махала, Търново) отъ сщия архимандритъ, енор. свещеникъ въ сщата църква, и отъ 10 свидетели миряни. Изглежда, че, поради своето официално положение, попъ Димитрий е нѣмалъ смѣлость да манифестира въ тия два случая своето национално чувство.

Изобщо въ кодекса се очертава зигзагообразно настѣпление на бълг. грамотност¹ и заедно съ това на бълг. националенъ духъ. Презъ 5 и 6 десетилѣтия — до 1854 г. бавно, а после по-смѣло — зачестяватъ въ кодекса смѣсенитѣ² и чисто бълг. документи. Представя ни се по нѣкога различие между бащи и деца: първитѣ поклонници на родното писмо, вторитѣ — на гръцкото³, сигурно подъ влияние на по-високо гръцко образование, но това сж били случаи безъ значение. Споредъ моитѣ изчисления, тоя процесъ отъ 1850-1867 г. може да се представи въ следнитѣ цифри:

А. 1) Гръцки документи само съ гръцки подписи . . .	30
2) „ „ „ съ гръцки и бълг. „ . . .	14
3) „ „ „ само съ бълг. „ . . .	4
	48
1) Български документи само съ бълг. подписи . . .	14
2) „ „ „ съ бълг. и гръцки „ . . .	21
	36

или бълг. писмо е застѣпено въ 54 документа (=36+14+4), а гръцкото — въ 70 документа (=48+21).

Б. 1) Бълг. докум. съ подписи: бълг. 217 и гръцки 95 или около 2:1

2) Гръцки „ „ „ „ 59 „ „ 363 „ „ 1:6

Като се вземе предъ видъ, че имената на 10-на търновски първенци съ гръцки подписи се повтарятъ въ гръцкитѣ документи, броятъ на лицата съ гръцки подписи въ тия документи трѣбва да се намали съ 1 на 10, сир. имаме съотношение 1: 4⁴. При това не може да се мисли съ сигурностъ, че въ нѣкои чисто гръцки документи⁵ нѣкои подписи не сж предадени погърчени отъ митрополийския писарь, който ги е преписалъ въ кодекса. Трудно е да се правятъ опредѣлени заключения за националната насока на заявителитѣ и свидетелитѣ — мѣстни люде — по тѣхнитѣ гръцки подписи. Търновски граждани, които често се явяватъ въ документитѣ съ гръцки и бълг. подписи, или пъкъ сж служебни лица, или иматъ гръцко презиме, сж следнитѣ: Янко Евстатиу⁶, Лука х-

¹ Това двуборство ясно се вижда още въ споменатия описъ на Плаковския манастиръ, гдето 9 свидетели сж се подписали на български (съ ц. слав. б.), други 9 — на гръцки.

² Гръцки текстъ съ бълг. и гръцки подписи, гръцки текстъ само съ бълг. подписи или пъкъ бълг. текстъ съ бълг. и гръцки подписи.

³ Вж. по-доле, стр. 529.

⁴ Отъ свидетелитѣ съ български подписи само двама-трима се повтарятъ, и то въ малко документи.

⁵ Напр. буди ми такова съмнение гръцкото свидетелство отъ 1857 г., гдето подписитѣ на всички свидетели свещеници и първенци (13 отъ Търново и 8 отъ Габрово) сж гръцки, а съдържатъ бълг. форми *Μετδρολόφ*, Ν. Τ. *Μάροβιτζ*, Атан. х. *Γωάννοβ*, *πολ ηβάντζ*, *Πέτρο* х. *Μάνιφ*, Д. *Χησαπτζόφ*, *Ἀνδρέα* Д. *Χησαпτζόφ*. Наистина, такива сж били възможни и въ оригинала (срв. по-доле стр. 530, заб. 16), но странно е, че нито единъ подписъ на свидетелитѣ габровци не е български, когато Габрово съ своето бълг. училище е било разсадникъ на бълг. просвѣта.

⁶ Стр. 134, 147, 148, 150, 155, 159, 163, 179, 184, 187.

Параскева¹, Евстатий х. Николау², Евстатий х. Н. *Σέλβελη*³, Д. х. Ничу (въ 1858 г. гръцки учил. настоятел)⁴, Рали Д. Мъждраковъ⁵, лъкарътъ Марко Павлу⁶, х. Минчо х. Цачу⁷, х. Димо Минчоолу⁸, Кръстю х. Недю (въ 1858 г. гр. учил. настоятел)⁹, х. Ангелъ х. Христу (въ с. г. с. длъжностъ)¹⁰, х. Славчо х. Пасхали (въ с. г. с. дл.)¹¹, Ангелъ Баку — кожаръ (*βυρσοδέφνης*) и епитропъ на търн. църква „Св. Богородица“ въ Д.-махала¹², х. Теодоръ Пенчу — епитропъ на търн. ц. „Св. Богородица“ въ Вароша¹³, Евстатий Андреоглу¹⁴ или Андреу¹⁵, Атанасий х. Иоанну¹⁶, Ив. Великоглу¹⁷, Атанасий х. Николау¹⁸, Дим. Николау¹⁹, Дим. Иоанну²⁰, К. Димитриадисъ²¹, Александъръ Фурнаракисъ и Йоанъ Мавридисъ²², икономъ попъ Георгий²³, сакеларий попъ Маринъ²⁴, архим. Прокопий²⁵, архидяконъ Йеремия, йерод. Мелетий, синътъ на монаха х. Илариона — монахъ Евгений²⁶. Нѣкои отъ тѣхъ сж пишели и български: икономъ

¹ Стр. 134, 163, 184 (2 док.), 239, 240, 247, 262, 264.

² „ 134, 147, 148, 150, 155, 159, 163, 171, 184 (2 док.), 187, 240, 244, 247. Той е билъ баща на братия Е. Паница въ Виена (П. Кисимовъ, п. съч., I, стр. 49).

³ Стр. 184, 186, 187, 242.

⁴ „ 171, 217, 224, 228, 231, 238, 243, 244, 247.

⁵ „ 239, 240, 244, 247.

⁶ „ 134, 171, 244, 247.

⁷ „ 134, 147, 150, 155, 159, 163.

⁸ „ 147, 150, 155, 159, 163.

⁹ „ „ „ „ „ „

¹⁰ „ 163, 186, 217, 244. За гъркоманството му срв. Кисимовъ, п. съч., I, стр. 85.

¹¹ „ 163, 217.

¹² „ 235: *ἐπίτροπος τῆς παναγίας βαροῦση*.

¹³ „ 202, 203, 207, 227.

¹⁴ „ 147, 148, 150, 155, 159, 163, 244, 262.

¹⁵ „ 239, 240.

¹⁶ „ 147, 148, 150, 155, 159, 163, 238, 243.

¹⁷ „ 134, 163, 176.

¹⁸ „ 176, 186, 238.

¹⁹ „ 133, 244.

²⁰ „ 147, 148, 150, 155, 158, 163, 264.

²¹ „ 264.

²² „ 147, 171, 247.

²³ Въ два чисто гръцки документа отъ 1850 и 1857 г. (стр. 134, 244). Не може да се отъждестви съ попъ Георгий отъ 1855 г. (вж. тукъ, стр. 527, заб. 2), защото той не се нарича икономъ. Чредникътъ на търновската църква „Възнесение“ по име попъ Георгий сжщо се явява съ гръцки подписъ въ чисто гр. док. отъ 1849 г. (стр. 176), но не се знае, билъ ли е тѣждественъ съ нѣкого отъ споменатитѣ едноименници.

²⁴ Явява се съ гръцки подписи въ 1852, 1858 и 1860 г. (стр. 198, 249 и 256). Не се знае, дали е билъ тѣждественъ съ търновския гръцки учител попъ Маринъ. Едноименно лице е било избрано въ 1832 г. за енорийски свещеникъ въ търн. църква „Св. Константинъ“ (стр. 53). Съ втория документъ, писанъ отъ друга ржка, а само подписанъ отъ него, попъ Маринъ обещава да не се мѣси въ чужди на своето звание работи, а да се занимава само съ своитѣ служебни длъжности, за да не се съблазни никой отъ християнитѣ. Той ще да е вършелъ обществена дейность, неодобрявана отъ църковната власть, която го и принудида да даде такова обещание.

²⁵ Стр. 206, 227.

²⁶ „ 218, 206, 211.

попъ Георгий¹, Ив. Великоглу², Кръстю х. Недю³, х. Минчу х. Цачу⁴, х. Димо Минчоглу⁵, Атанасъ х. Николау⁶, Дим. Николовъ⁷. Други, изглежда подъ влияние на общото течение, по-късно сж научили бълг. писмо: Евстатий х. Н. Селвели⁸, Лука х. Параскева⁹, Евст. х. Николаевъ¹⁰, Рали Д. Мъждраковъ (Маздраковъ)¹¹, Атанасъ х. Ивановъ¹². Трети пъкъ, подписвайки се на гръцки, сж подчертавали своя бълг. родъ, пишейки презимената си въ бълг. форма: *μῆζδρακόφ*, *μῆζδρακόφ* дори съ т: *μῆζδρακόφъ*¹³, *Ἀγγέλος μῆζακόφ*¹⁴, *Δ. γ. Νιτσοφ*¹⁵. Сжщо такава колебание се забелязва и у други лица¹⁶.

¹ Стр. 191 (завещ. отъ 1850 г.)

² „ 84 и 187.

³ „ 179, 187, 208, 224, 242.

⁴ „ 184, 187, 210, 211. За неговото участие въ църковната борба вж. П. Никовъ, Възраждане на българския народъ. Църковно-национални борби и постижения. София, стр. 73. Той е билъ убитъ отъ турци въ 1855 г. (П. Кисимовъ, ц. съч., I, стр. 18 и 77).

⁵ Стр. 179, 184, 187, 216, 231, 243.

⁶ „ 187: *Ἰτάνασъ χ. Νικολάφ*; стр. 239 и 240, (ако е билъ тъждественъ съ Атанасъ х. Николовичъ). Кисимовъ съобщава, че Танасаки х. Николовъ билъ баща на майоръ Паница и по-младъ братъ на Статаки (Евстатий) х. Николау. Споредъ него, различнитъ окончания въ фамилитъ имъ имена се дължело на това, че първиятъ се научилъ да пише български, а вториятъ — още не (п. съч., стр. 49). За обществ. дейностъ на Стати х. Николовъ вж. у сжщия, п. съч., IV, стр. 30.

⁷ Стр. 184 (2 док.), 228, 239 и 240 (скороп.), 247: Николаевъ.

⁸ „ 243 (завещ. отъ 1857 г.): *Εὐσταθίου χ. Ν. Σελβελίη σφιδετῆλ.*

⁹ с. док.: *Λεκά χα παρσκειβα* и стр. 247 (док. отъ с. г.) Споредъ Кисимовъ, той е билъ търговецъ и образованъ „подъ влиянието на гъркоманството, което владѣеше въ Търново“, но обичалъ народа си (п. съч., II, стр. 102).

¹⁰ Стр. 247 (пос. док.). Срв. тукъ, с. стр., заб. 6.

¹¹ „ 247 (док. отъ 1857 г.).

¹² „ 271 (общ. актъ отъ 1867 г.)

¹³ „ 239, 245, 247. ¹⁴ Стр. 202. ¹⁵ Стр. 208. За гъркоманството му срв. П. Кисимовъ, п. съч., IV, 31; Никовъ, п. съч., стр. 92.

	съ гръцки подписъ	съ бълг. подписъ
Горноорѣх. сакеларий попъ Петъръ	въ 1855 г. (стр. 219)	въ 1862 г. (стр. 268)
Пенчо Николау	„ 1851 г. („ 184)	„ 1862 г. („ 265)
Синоветъ на х. Славчо Стефановъ	„ 1851 г. („ 186)	„ 1856 г. („ 224)
Павли х. Йоанну	„ 1857 г. („ 244)	} „ 1855, 1857, 1858 г. (стр. 215 смѣсено: <i>Πάβλη</i> х. <i>Ιω. σφιδετῆλ</i>), 247.
Георгия х. Николау	„ 1858 г. („ 247)	
Янаки Поповичъ	„ 1857 г. („ 240)	} „ 1857 г., но съ приб. <i>μάρτυς</i> (239)

Къмъ тая категория се отнасятъ още х. Никола Берберъ и Станю Папуджи, съ гръцки подписи въ единъ документъ (стр. 162-163), сжщо Стефанъ Ахтаръ и Недѣлко Казанджи (съ гр. подписи въ докум. отъ 1850 год., стр. 134), ако тѣ сж били тъждествени съ едноименнитъ въ бълг. док. отъ 1839 г. (стр. 84). Съ гр. подписъ се явява Станю Папуджи още въ споменатия документъ отъ 1850 г., а съ бълг. — въ бълг. документъ (съ смѣсени подписи) отъ 1851 г. (стр. 187). Кисимовъ споменава Стоянчо Пенювъ ахтаринъ като добъръ гражданинъ, начетенъ човѣкъ и водителъ на търновскитъ еснафи (п. съч., I, стр. 79, заб. 1). Не е ли билъ тъждественъ съ Стефанъ Пенювъ ахтарина отъ 1839 г.? Гръцки е подписътъ и на х. Николау Евстатии въ речения документъ отъ 1850 г., но, ако той е билъ единъ и сжщъ съ съуче-

Като ревнителъ на бълг. грамотность може да се смѣтатъ още кожухарскитъ еснафъ въ Търново¹ и частно кожухарьтъ Ганю Ивановъ отъ с. Мирданъ², чорбаджи Иванъ Кисялко³, Лечо Баковъ кожарь (табакъ)⁴, Петъръ Муткуроглу или Муткуръ⁵, Танасъ Ив. Муткуръ⁶, х. Славчо Стефановъ⁷, х. Георги Д. Кесимовъ⁸, Недѣлко Петровъ⁹, х. Калчо Петковъ отъ с. Кованли¹⁰, Петъръ Смилоглу¹¹, Ж. Икономовичъ¹², х. Иванъ х. М. Пенчовичъ¹³. Н. Златарски, Смиль Тодоровъ,

ника на П. Кесимовъ Николай Евстатиевичъ (п. съч., I, стр. 46, заб. 13), той е ималъ и българско образование. Подписали сж се въ бълг. патрон. форма: Гено *νέτιςφ* въ 1850 г. (180), *Λουκάς ιπτάχοφ* въ 1854) г. (стр. 202, х. М. *Πόλοβιτς* въ 1862 г. (стр. 262), Йоаникий х. М. *Петровиτς* въ с. г. (стр. 262). П. Кесимовъ споменава Йоанъ х. Петровичъ като свой съученикъ презъ 1845 г. въ бълг. училище (п. съч. I, стр. 46, заб. 13).

Явяватъ се веднажъ съ гръцки подписи: търновскитъ свещеници сакеларий Йоанъ въ 1849 г. (стр. 186) и попъ Кириакъ въ 1862 г. (стр. 264); арбанашкитъ (?) попъ Маргаритъ и попъ Никола въ 1852 г. (стр. 198), скевофилакъ попъ Христо — чредникъ въ арбан. църква „Св. Димитъръ“ въ 1860 г. (стр. 257); горноорѣховскитъ икономъ попъ Христо, архим. Григорий, сакелий попъ Анастасий въ 1855 г. (стр. 219); габровскитъ протосингелъ х. попъ Силвестъръ и икономъ попъ Иванчо въ 1857 г. (стр. 244); протомайсторъ Йоанъ Елевтериу (стр. 215). Може да се допуска, че не сж знаели българско писмо или не сж гледали благосклонно на него въ тоя моментъ: попъ Кириакъ, понеже е подписалъ на гръцки неграмотната *Μαριόβρα χ. Κυροόβη* въ бълг. документъ; скевоф. попъ Христо и горноорѣх. духовни лица, понеже документитъ съ тѣхнитъ подписи не сж чисто гръцки (въ I: 1 бълг., 5 гр. подп.; въ II: 1 бълг., 12 гр. подп., въ това число и тоя на сакелария попъ Петъръ).

¹ Стр. 235 (неговъ протоколъ отъ 1857 г.)

² „ 234, 236. Той самъ си написалъ на български завещанието отъ 1856 г., макаръ и да не е билъ упражненъ въ писане.

³ Неговъ подписъ въ гръцко удостовѣрение отъ 1850 г.: *Ιωάνη κισαλκῆς χερκασι* (стр. 181).

⁴ Стр. 207, 215, 256, 257.

⁵ „ 210, 242.

⁶ „ 242.

⁷ Той е подписалъ на български (съ ц. слав. б. и 2-3 бързоп. — а, в.) завещанието си отъ 1851 г. (стр. 185-186): ха Славчъ Стефановъ, макаръ че петимата му синове (Константинъ, х. Никола, Иванъ, х. Ставро, Димитъръ] (срв. тукъ, стр. 530, заб. 16) и зеть му Георгий Недю се подписали по гръцки. Сжщо и въ продавателното си отъ 1855 г. (стр. 216).

⁸ Неговото завещание отъ 1851 г. е на български (стр. 183-184); неговъ гръцко-бълг. подписъ въ докум. отъ 1857 г.: ха *Γεόργη D. свид. Кесимовъ (съ бързоп.б.)* (стр. 232). Споредъ неговия синъ П. Кесимовъ, той едвамъ знаелъ да подписва името си, научилъ го билъ голѣмиятъ му братъ Никола Гайтанджията отъ Тръвна на буквара отъ „азъ-земля-еръ“ и малко на смѣтане (п. съч., I, стр. 4, заб. 1).

⁹ Самъ безграмотенъ, той е далъ децата си въ бълг. училище: тѣ (8 синове и дщери) сж подписали на български завещанието му отъ 1857 г. (стр. 242)

¹⁰ Въ неговото завещание (преписъ) отъ 1850 г. на български (стр. 189-191) се чете подписъ: *Ίαζъ χασιη Κάλχο Πίτκοβκῆ οὐκράβαμъ горнитъ ѱ си οὐδараμъ мюхюра.*

¹¹ Срв. по-горе, стр. 526, заб. 9. Изглежда, че жена му не е била българка. Тя се казвала Триандафилу, и нейниятъ подписъ е гръцки въ докум. отъ 1850 г., въ който мжжътъ ѱ се подписалъ на български (стр. 177).

¹² Стр. 267, 264 (неговъ бълг. подписъ).

¹³ „ 264 („ „ „ „).

Н. Михайловски, Г. М. Табаковъ и Антонъ Христовъ, заедно съ Р. Д. Мъждраковъ, Атанасъ х. Ивановъ и протонотария попъ Димитъръ, сж дали чрезъ официалния актъ отъ 1867 г.¹ изразъ на твърдото решение на търновското гражданство да изтика гръцкия езикъ. Пишели сж български и други занаятчи: Никола Димовъ Бояджи², Тодоръ Минчовъ Касапъ³, Ангелъ Стаевъ Тютюнджи⁴.

Вънъ отъ Търново гръцката грамотность, изглежда, е намирала приемъ въ Горна-Орѣховица⁵, обаче и тамъ постепенно е била измѣствана отъ бълг. писмо, усвоявано отъ младитѣ.⁶ Българската грамотность е господствувала презъ 50 и 60-тѣ години на XIX в. въ Лѣсковецъ,⁷ Трѣвна,⁸ Казанлъкъ,⁹ Севлиево¹⁰ и търновскитѣ села (Дебелецъ,¹¹ Присово,¹² Плаковския¹³ и Присовския¹⁴ манастиръ, Беброво¹⁵).

¹ Стр. 271. Срв. тукъ, стр. 520.

² „ 179: Никола Димовъ Бояџи свидетелъ.

³ „ 242.

⁴ С. стр.

⁵ Гръцки документъ отъ 1855 г. е удостовѣренъ отъ 13 горноорѣховчани, отъ подписитѣ на които само 1 е български (стр. 219; срв. тукъ, стр. 531, заб. 16). Стариият горноорѣховчанинъ Янаки Георгиу е подписалъ на гръцки своето завещание отъ 1862 г., сжщо и 9 свидетели (стр. 265-268).

⁶ За това говори фактътъ, че това завещание било написано на български и подписано на сжщия езикъ отъ синоветѣ на Янаки Георгиу (Велисарий, Йорги, Атанасъ) и 4-ма свидетели.

⁷ Въ 1855 г. въ с. Сѣновецъ било издадено бълг. свидетелство, угвърдено съ „печать лѣсковѣцкѣн“ и отъ 9 свидетели, отъ подписитѣ на които 1 е само гръцки, а другитѣ сж български. Отъ последнитѣ единъ се пише чорваџи, другъ (Сава Цанко Михайловски) — писаръ (стр. 220). Лѣсковчанецътъ Коста Стойчу се е подписалъ на български въ гръцки пълномощни отъ 1856 и 1857 г. (стр. 230 и 240) и прашалъ децата си въ българско училище (срв. тукъ, с. стр., заб. 11). За задължителното на 14-тѣ лѣсковски свещеници срв. тукъ, стр. 527, заб. 2.

⁸ Бълг. текстъ съ свидетелски подлиси (5) въ пълномощното на трѣвненката Ана х. Христова отъ 1856 г. (стр. 231).

⁹ Бълг. подлиси на заявителката Елена Груева отъ Казанлъкъ и 10-тѣ свидетели въ гръцко пълномощно отъ 1856 г.

¹⁰ Заявление на тамошни първенци отъ 1862 г. на бълг. до Търн. митрополия (залепено на последната стр. на кодекса).

¹¹ Жената на споменатия Коста Стойчу (заб. 22), Петра, дъщеря на Иванъ Тотоглу отъ с. Дебелецъ (Дебелецъ), и нейнитѣ деца сж подписали на български сжщитѣ документи (стр. 230 и 240) и друго гръцко пълномощно отъ 1857 г. (стр. 239), а сама — и гръцко пълномощно отъ 1856 г. (стр. 228). Заявления на бълг. отъ 1862 и 1864 г. до Търн. митрополия отъ жителитѣ на с. Дебелецъ (залепено на посл. стр.)

¹² Заявления на бълг. отъ 1862 и 1864 г. до Търн. митрополия (залепени на посл. стр.).

¹³ Срв. тукъ, стр. 517.

¹⁴ Заявление на игумена му йером. Мелетий отъ 1866 г. на бълг. до Търн. митрополия (залепено на посл. стр.).

¹⁵ Бълг. подлиси на бебровци Станю Ивановъ и Никола Стояновъ въ спогодително отъ 1859 г. (стр. 254); заявление на бълг. отъ 1862 г. до Търн. митрополия отъ жителитѣ на с. Беброво (залепено на посл. стр.).

И въ документитѣ отъ тѣзи две десетилѣтия графиката и правописътъ¹ сж църковнославянски съ спорадични отклонения, както преди,² но вече колебливо се употрѣбѣва ѣ въ корена за звукове е или я;³ за тъменъ зв. а—ж⁴, з или ъ⁵ наредѣ съ а⁶. Частно общинскитѣ актѣ отъ 1867 г. е написанъ, навѣрно отъ Н. Златарски⁷, на книжовенъ български езикъ съ църковнослав. писмо⁸ и етимологиченъ правописъ,⁹ но неиз-

¹ Звукъ я съ а; дж—ц (цѣкѣ, стр. 207, вж. и тукъ, стр. 532, заб. 2 и 7); звукъ и съ и, ѣ, ѱ, съвсемъ рѣдко ѣ (ѣканъ, ѣкономъ); безразборна употрѣба на з и ъ, което тукъ-тамъ преобладава; срѣща се ѱ вм. з: кам¹, пред¹ (1855 г., стр. 222); придыхания и ударения дори въ общинския актъ отъ 1867 г. Зв. е, както и по-рано, се предава съ е; наредѣ съ ѳ се употрѣбѣва и ѳ: панѳъ (въ 1850 г., стр. 181 и 182): минѳъ, чѳан(къ) (въ 1850 г., стр. 182); Лодчанскѣи (въ 1857 г. стр. 241, 246); ха ѣванѳъ (въ 1857 г. стр. 243).

² Завещанието на горноорѣховчанина Янаки Георгиу, продавателно отъ 1862 г. (стр. 263-264) и нѣкои отъ споменатитѣ заявления сж написани съ новобългарско (бързописно) писмо. Сжщо отдѣлни подписи: на попъ Йорданъ Константиновъ (вж. тукъ стр. 527, заб. 2), на х. Славчо Стефановъ въ докум. отъ 1855 г. (стр. 216), нѣколко свидетели въ общинския актъ отъ 1867 г. (стр. 271). Бързоп. букви има въ една-две думи на завещанията на х. Г. Д. Кесимовъ и х. Славчо Стефановъ, сжщо въ нѣкои подписи (въ всичкитѣ подписи на докум. отъ 1852 г. бързоп. д, м, а, з (стр. 205). — Патронимното окончание овъ нерѣдко се предава фонетично увъ, по нѣкога ѳ за етим. в (Станѳъ 181, попъ Гейрѣнъ Аванѳъ 211, вж. и тукъ заб. 1); оконч. а ж. р. ед. ч. съ ж въ задължителното на лѣсковскитѣ свещеници отъ 1858 г.: плевж, владиковжтж ливадж, всакж мартж, сипатикж (стр. 251).

³ Въ 1852 г., стр. 205: мѣстнишъ, свидѣтели; въ 1854 г., стр. 204: насаждна, оутѣрин е наредѣ съ смѣса, ѳваракамъ (подп. на заявителя икономъ попъ Илия); въ с. г., стр. 210: исповѣда, рѣцѣте, мѣсто въ 1855 г., стр. 209: извѣстїе, раздѣлавателъ; въ с. г., стр. 220: лѣсковѣцкїи; въ с. г., стр. 221: намѣриха, но и нѣколко; въ с. г., стр. 222: свидѣтелствено, ѳвѣривамъ, но и ѳваракамъ; въ с. г., стр. 223 (актъ на търн. свещеници): ѳвѣрателно, промѣненїе и др., но въ единъ подп.: ѳваракамъ, както и въ 1857 г., стр. 243. Така и въ 1856 г., стр. 231 и въ 1857 г., стр. 250: свидѣтелъ; а въ 1857 г., стр. 242: Нидалковъ оутѣрива. Чл. тѣ почти съ е: цѣрковните, ѳрганѣшкитѣ (въ 1851 г., стр. 183-184), горнитѣ (въ 1852 г., стр. 188, сжщо въ 1854 г., стр. 207); горепїсанитѣ (1852 г., стр. 205); керемїднитѣ (1854 г., стр. 207), тамъ и: прѣстѣтѣ.

⁴ Въ 1850 г., стр. 184: препорѣчванїа; въ с. г., стр. 190: сждовици; въ 1851 г., стр. 179: джѣриѳъ. Вж. и пред. забел.

⁵ Въ 1850 г., стр. 183-184: търново; въ 1852 г., стр. 205: джѣриѣте, прѣсто, кпцата; въ 1854 г. (?), стр. 208: Крестїю; въ с. г., стр. 210: рѣцѣте; въ 1857 г., стр. 241-241: Българското, съ прѣста.

⁶ Въ 1850 и 1851 г., стр. 184: Димитаръ, —ъ; въ 1850 г., стр. 189: хакатъ; въ 1854 г., стр. 207: праетенъ, кам¹; стр. 208: Петаръ; въ 1855 г., стр. 217: Крестїю; въ с. г., стр. 223: Крестїювъ; въ 1857 г., стр. 250: саки. Вж. у П. Кесимовъ, п. съч., I, заб. 16 за братовия му подписъ: х. Димитаръ Георгиевичъ. Споредъ сжщия „юсовиятъ“ правописъ (ж, ѳ, ѱ вм. у, о, е по правописа на Хрїстаки Павловичъ и К. Фотиновъ) билъ въведенъ въ търновското блг. класно училище отъ даскалъ Пеню Давидовъ въ 1847 г., по случай минаването на Василъ Априловъ презъ Търново (п. съч., I, стр. 39).

⁷ Текстътъ и неговиятъ подписъ си приличатъ по почеркъ. Той билъ блг. учителъ и секретаръ на Търновската църковна община (Кесимовъ, п. съч., I, стр. 53 и 60).

⁸ Съ придах.) — и удар. , , но а почти е замѣнено съ я.

⁹ ѳ въ края на думитѣ следъ твърда съгласна, ѳ за меко оконч. (ст. блг.) (днесъ, шестнайсѣтъ, осемъ, седемъ, властѣ), по аналогия съ деятелнитѣ имена на аръ: Хайдаръ белъ; ж за тъменъ звукъ ѳ отъ голѣма носовка (присѣтетѣто) и въ други думи (Фазжъ), ѳ за

държанъ напълно (*ѣ* въ корена на думитѣ и въ члена *тѣ*, но не и въ представитѣ и наставкитѣ).¹

Търновскиятъ кодексъ буди интересъ още и съ лексичния си материалъ (имена и термини). Гръцкото влияние личи, но то е толкова слабо, че не може да се съзре у търновското гражданство стремежъ за погръчване на личнитѣ имена², нито пъкъ да се твърди, че „говоряниятъ езикъ между търговцитѣ“ въ Търново „билъ гръцки“.³ Гр. Търново все си оставалъ българска срѣда, за която гръцкиятъ езикъ е ималъ само официаленъ характеръ въ църквата⁴, както турскиятъ — въ държавния животъ. Гръцкитѣ думи въ българската речъ, както и турскитѣ, сочатъ само на неизбѣжно влияние на една другородна власт или на властуваша нация. Като изключимъ общепотрѣбителнитѣ християнски гръцки имена, които се срѣщатъ въ кодекса⁵, на гръцко влияние ще да се дължи употрѣбата на имената: Диаманди (стр. 16), Доксана (*Δωσάνα*) (98), Евпрепия (130), Елевтерий (19, 215), Зои въ Арбанаси (44), Кера (221), Кириаки (44, 265), Кириакиъ (13, 14, 264), Лампуса (40), Лукакисъ (42), Маргаритъ (13, 14), Мариора (34, 42, 264), Мосхо⁶ (205), Панайотъ (16, 61, 92), Роксандра въ Свищовъ (132), Севаста (въ заявл. на севлиевци отъ 1862 г.), Сотиръ (61), Ставри (13), Ставро (185),

сжщия звукъ отъ *ѣ* (подтвърдяватъ, търново, църква); *ы* като оконч. им. п. мн. ч. тв. скл. (долноподписаннитѣ гражданы, ѣдѣжы и др.), и предъ гласна. Веднажъ оконч. р. п. *я* е предадено съ *ѣж* (*кѣж*), вѣроятно по диалектично влияние.

А

¹ представитѣлн, закѣлѣжнитѣ, погрѣшно: пригѣдаха.

² Противно на поддържаното гледище за гръцкото влияние въ бѣлг. градове (срв. Мих. Арнаудовъ, цит. съч., стр. 124 и 160), въ Търново дори първенцитѣ сж носѣли обикновени лични имена и, както ще видимъ, негръцки презимена. Примѣритѣ, приведени отъ Г. Димитровъ (Княжество България, I, стр. 177), сж за отдѣлни бѣлгари, преселени въ градове съ гръцко наследство.

³ Г. Димитровъ, п. съч., стр. 184.

⁴ П. Кисимовъ ни увѣрява, че въ Търново „по онова време“ (между 1830 и 1840 г.) въ всичкитѣ църкви се е чело и служило на гръцки отъ свещеници търновци и отъ околнитѣ села (Лѣсковецъ, Бѣляковецъ, Самоводени и др.). Гръцкиятъ езикъ е билъ проникналъ въ висшето градско общество. Всички напр. въ църквата „Св. Константинъ“ изговаряли „Кирие елейсонъ“ или други кратки гръцки молитви, заучени отъ слушане, но безъ да разбиратъ значението имъ. Ако и думата гръкъ да е станала синонимъ на гражданинъ, а бѣлгаринъ — на селянинъ, но гражданитѣ изобщо не сж знаели гръцки (п. съч., I, стр. 9, 10). Дори около 1848 и 1850 г. е имало благочестиви граждани, които не разбирали нищо отъ гръцки езикъ, но по навикъ искали да се извършва богослужението на гръцки (ib., стр. 24). На всѣки случай, влиянието на гръцкия езикъ въ Търново не е било по-силно, отколкото въ Струмица презъ това време (вж. писмото на архим. Ризовъ отъ 1847 г. до Василь Априловъ, у Йорд. Ивановъ, Българитѣ въ Македония, София, 1915, стр. 127).

⁵ Петъръ, Андрея, Ангелъ, Михалъ, Георгий, Димитъръ, Теодоръ, Пантели, Атанасъ, Сергий, Евстатий, Христо, Апостолъ, Анастасия, Елена, Ефросина, Ефимия, Евгения, Параскева. По западно влияние се срѣщатъ между търновци имената Виталий (стр. 39), Венетия (61), а по книжно — Велисарий (57, 265); по влашко — Драгулъ (*δράγυλας*, *δράγυλης* 15), Радулъ (*Ῥάτουλας* 40), Йорги (265).

⁶ Ако се смѣта за форма отъ *μόσχος*.

Стаматъ (13, 14), Стерю (84), Теодораки (57), Триантафила (177), Янаки (57, 95, 265). Обаче бълг. просопонимия (по корень и форма) господствува въ кодекса: Ангелица (60), Богданъ (*Πογγάν*) (43), Бойчо (54), Болю (60 *Πόλιος*, 179), Ванко (срв. 132), Вачо (*Βάτζιος*) отъ Лѣсковецъ (30), Вельо (13), Вѣнко (125), Витанъ (43), Вълчо (*Βόλτζος*) (95), Ганю (236), Гено (180), Генчо (14, 15, 135, 137), Гецо (214), Гицо (84), Гуньо (203), Данчо (182), Дечо (61), Димо (13), Димчо (15), Добре, Добри (13, 84, 209, 250, 251), Дончо (61, 84), Драганъ (191), Еленко (*Ἐλέγκω*) (35, 39, 262), Ена (*Ἄνης* 40), Еню (222, 262), Зафирица (35, 42), Иванъ (84, 245), Ивана (61), Иванчо (*Ἰβάντζω*) (244), Йованъ (*Γιοβάννου* 43, *Γιοβάννη* 96), Йованчо (*Γιοβάντζος* 38, 53, 130, *Ἰωβάντζιος* 185), Иовица (*ἰωωβήτζια* 14), Йовчо (43, 57, 61), Йонко (232), Калчо (181, 191), Карадимо (8), Катинка (35, 42), Кою (33), Кольо (61, 84 и др.), Косярко (срв. 240), Коцина (*Κότσηνα* 9), Коцо (9), Кръстю (84, 208 и др.), Кулчинъ (8), Куня (46), Кънчо (98, срв. 251), Кънчика (*ἀλο τὴν κόντζικαν* 59), Лечо (178, 216), Мара (61), Мила (205), Мира (с. стр.), Минко (33), Минчо (58, 133 и др.), Митьо (132), Найда (61), Начо (57), Недю (61, 84 и др.), Недѣлко (40, 84, 242), Ненко (15), Нено (12), Неню (130), Ненчо (84), Нечо (180), Николчо (15), Ничо (137), Павунъ (211), Пано (срв. 190 и тукъ стр. 533, заб. 2), Панчо (102), Пауна (262), Пейна (352), Пело (срв. 132), Пенко (37, срв. 95 и 97), Пенчо (43, 58), Пеню (срв. 95), Петко (46, 84), Пею (*Πέιους* 46), Пея (м. име 208), Първанъ (84), Ради (133, 191), Радко (191), Райко (61, 84), Рачо (срв. 221), Рисава (205), Руси (14, 221, *Ῥήσης* въ Арбанаси 26, 32), Санта (*σαντήν* 60), Сивчо (205), Славчо (185), Смиль (178, 271), Стайко (15), Стамо (31), Станка (61), Станко (15), Станчо (58, 182), Стойна (61), Стойно (15), Стоянъ (12, 40 и др.), Сжби (250), Танко (214), Тачо (41), Теню (137), Течо (*Τέτζο* 57), Тихъ (12, 61), Тоньо (*Τόνιος* 3), Тончо (46, 265), Тотю (268), Цане (13), Цанко (220), Цачо (срв. 210), Ценю (срв. 132), Цоко (срв. 48), Цвѣта (251), Цвѣтко (84), Цоню (84), Янко (*Γιάγκος* 35, 87), Яно (57).

Бълг. имена отъ м. р. се предаватъ съ гръцки окончания *ης* (*στογιάνης* 14), *ας* (*δράγσλας* 15), *ος* или пъкъ *ους* съответно на диалектното у или ю, но нерѣдко и въ чиста бълг. форма *дѣмлюе*, *дѣмѣс*, х. *пѣтѣвъ*, *Стсан*, *станкс*, *вѣнкс* и др.¹ Сжщо така въ повечето презимена сж запазени патронимнитѣ диалектни или книжовни форми. Дори въ гръцкитѣ документи, наредъ съ обикновената гръцка патронимна форма (род. оконч. *ου*, *ου*), се употрѣбя и българска. Оконч. *идης*, се явява само въ нѣколко презимена². Въ кодекса се срѣщатъ много вида народни *patronimia*: а) безъ морфологична промѣна на бащиното име³, б) съ турско

¹ Стр. 13, 14, 15.

² Срв. тукъ стр. 529. *Καραγεωργίδης* е нареченъ сръбскиятъ князь Александъръ въ описанието на митр. Неофитъ за посрѣщането на султанъ Абдулъ Меджида (стр. 100).

³ *Σάββας* х. *ηλιά*, *νένος* *δῆμος* (стр. 13); *κωρηάκος* *τζάνι* (13, 14), *дѣмѣс* х. *γεωργι* (14), *παναγιώτης* *τριφθν* (16), Стати *Ἀνδοιά* (38), Никола *Στογιάν* (40, 61), *μύσχο* *μαρίν*

окончание оглу¹, в) съ [оконч. овъ² или увъ, ювъ³, г) съ оконч. и чъ⁴, д) много рѣдко съ оконч. ски (скій)⁵ и инъ⁶. Има и презимена, образувани отъ названието на упражняваното занятие или родното мѣсто⁷.

(205), Крастю х. Нѣдю (84, 179 и др.), Станю Колю и Димитръ Самуилъ (84), Никола Ангелъ (171), Димитаръ Никола (171, 184), х. Диму Минчу (179 242), Тодоръ попь Иван (181), Данчо Станчо (182), Стоянь Тодоръ (191), Кольо Павли (с. стр.), Христо Драганъ (с. стр.), Кочо Павунъ (211), Диму Добру (въ ркп. Дрѣвръ 250), Павли х. Йоанъ (247), Лука х. Параскева (247), П.(опъ) Димитрій Коста (251), Смиль Тодсръ (271). Вж. и тукъ стр. 521, заб. 3, стр. 523.

¹ Евстатий Георгъоглу (30), х. Петъръ Минчогу (32), Никола *Κιετεντζογλοῦ* (38, 61), Дим. Стамбологу (53), *Ἰερτζὲ ὀγλοῦ* (57), Анастасъ Рахногу (с. стр.), Христо Бояджиогу (с. стр.), Иванъ Великогу (84, 176), Янаки *Ἰωρτακчиωλ* (92), Конст. Станчогу (133), Ради Музракогу (133), Кръстю Момчогу (*κρηστον μομτζιογλου* 134), Петъръ Смиогогу (177), Никола х. Йованоглу и Василь Акчогу (180), х. Димо Минчогу (184), Нѣдю Кабакчогу (188), х. Ник. х. Гергогу (208), Петъръ Муткурогу (210), Стеф. А. Камбурогу (210), Йоанъ Тотогу (228), Петра Тотогу и Коста . . . Косяркогу (240), Стоянчо Диногу (242), Евстатий Андреогу (244), Стаматъ Стамболиогу (246), Петъръ Пенеогу (246), Петко Папазогу (353).

² Евстатий *Δασκαλῶφ* въ 1833 г. (58), Петъръ *Σαλονῶφ* въ 1835 г., *τὸν κυρίων Μουσταῶφ* въ с. г. (61), Янко Васильовъ и Първанъ Стояновъ (87), Парашкевѣ Стефановъ и х. Панаотъ Пенчовъ (sic) въ 1843 г. (92), *Ἰβανъ Минчῶφ* въ 1850 г. (182 и 191), Никола Димовъ Бояджи въ 1851 г. (179), х. Георгий Д. Кесимовъ въ с. г. (183), х. Стоянь Пановъ и х. Радко х. Пановъ (191), Василь Юфчовъ въ 1854 г. (211), Йованчо *Χρηστοφ* въ 1856 г. (225), х. Христо *Δασκαλῶφ* отъ Гръвна въ 1856 г. (231) и мн. др. Вж. и тукъ, стр. 527, заб. 2; стр. 530.

³ Попъ Иванъ Недювъ и др. въ 1839 г. (84), Ник. Тимкувъ (87), Анастасия Бонюва въ 1851 г. (179), Дончу Станчувъ въ 1850 г. (181), Минчу Иванувъ въ 1854 г. (210), Лечу Бакувъ (215), Никола Костювъ и Коста Стойчувъ въ 1857 г. (240), Сжби Николовъ и Мария Добрюва въ с. г. (250), попь Добри Добрювъ и попь Стефанъ Иконумувъ въ 1858 г. (251), Йорги Иванувъ, Атан. Иванувъ въ 1862 г. (268). Вж. и тукъ, стр. 530, заб. 6.

⁴ Йоанъ и Скарлати *Πέτροβιτζ* отъ Арбанаси въ 1822 г. (32), Симеонъ х. Пенчовичъ (sic) въ 1843 г. (92), Венко Георгиевичъ (sic) въ 1848 г. (125). Ник. Д. *Τσένοβιτζ* 93, Ангелъ *Πέλοβιτζ* и Никола *Βάρκοβιτζ* въ 1849 г. (133), Митю *Ταλάκοβιτζ* отъ Свищовъ въ 1850 г. (132), Нѣдю *Μήντζοβιτζ* въ с. г. (180), *παπᾶ Γεόργια Εὐθύνωβιτζ* (вин. п.) въ с. г. (190), Ник. *Γεώργιοβιτζ* въ 1851 г. (186), Константинъ и Кирилъ *Ροῦσσοβιτζ* въ 1852 г. (198). Янко Василиевичъ (sic) (206), Пея В. Ботювичъ (209), Никола Георгиевичъ въ 1855 г. (216), Атан. х. Николовичъ и др. въ 1857 г. (240), попь Никола х. попь Никувичъ въ 1858 г. Вж. и тукъ, стр. 527, заб. 2; стр. 530, заб. 16.

⁵ Сава Цанко Михайловски въ 1855 г. (220). Н. Михайловски. Вж. и тукъ, стр.

⁶ Тончо Цокинъ (*τσοκίνη*) въ 1830 г. (45), х. Боню *Δέλην* въ 1834 г. (60).

Поради посоченигъ примѣри не може да се поддържа твърдението на П. Кисимовъ, че руското оконч. овъ било въведено по-сетне отъ рускитѣ възпитаници, „а до тогава названията имахъ турското прозвище оглу“ (п. съч., стр. 46, заб. 13). Може би бълг. учитель въ Гърново Пеню Давидовъ да е прикачвалъ на своитѣ ученици оконч. и чъ (споредъ бел. на Кисимовъ отъ 1845 г.) (loc. cit.), но не може да се отрече и руско влияние за употрѣбата на тая патронимна форма.

⁷ Попъ Иванъ Самоводчанецъ въ 1839 г. (84), Георгий Врачаницъ (sic) (87), х. Христу х. Стоянь Еденали и Михаль х. Стоянь Елена въ 1857 г. (171), Евст. х. Н. Селведи (вж. тукъ, стр. 530, заб. 8), Коста Стойчу Лѣсковчали (229), Слави Калпакчи въ 1775 г. (352), Танасъ *καλεϊάν* въ 1829 г. (40), х. Гюрушъ (*κιοουροσσης*) *γούναρις* въ 1830 г. (41), Стоянь Касапъ въ с. г. (44), Цоню Казанджи и др. въ 1839 г. (стр. 84),

Употрѣбвали сж се и само прѣкори¹. Нѣкои сж прибавяли къмъ презимето си още названието (въ повечето случаи турско) на занятието². Дори духовни лица предаватъ имената си съ народни окончания³. Нѣкои отъ географскитѣ имена сж предадени въ турската имъ форма⁴, други въ българска⁵.

Въ бълг. документи на кодекса се срѣщатъ много малко думи грѣцки или отъ грѣцки произходъ: I. монастиръ и кириархъ (189), хартофилака (им. п.) (207), протонотарий (218, 271), протопапа (209), папа (по-често попъ), епитропъ (190, 246), свѣтаго Тѣрносъ (190, 210), св. Икѣсполюсъ (190), хариза (204), дѣлѣникъ (190), дѣлѣтникъ (241)⁶, керемиди, маргаритъ и пендара (209), емпатикъ (вм. емватикъ) (251), *πρωτα ἐξαδέλφια* (220)⁷; II. марторъ (84), мартуръ (184, 207, 228), марторисвамъ (84), темель (207), катагодно (183), кириархина (вин. п.) (190), даскаль (84, 190), енориятинъ (= чредникъ) (207), на Патріархото (209). Влиянието на турския езикъ е по-голъмо: названия на занаяти—акаретъ (84), серги параси, сергии (90), кирхана, чаиръ, казанъ, ханъ, одаи, гелира (= приходътъ)⁸, мюхюръ (182, 190), вакуфъ (184), орташки (205), сокакъ, ибрикъ, бакрачи, джубе, черкезъ, чаршафъ, пешкиръ, *λιννα* чичекли, келеме⁹, хакъ (189), минасипъ и махла (221), викиль и векиль (250). Сигурно подъ влияние на говоримия бълг. езикъ и въ

Георгий Налбантъ въ 1841 г. (353 обр.). Йованъ Налбантъ въ 1850 г. (134), Велчо Басмаджи въ с. г. (174), Минчо Устабаши въ 1851 г. (178).

¹ Петъръ *τοῦ Βασιλῆ Παλάση* въ 1829 г. (40), Никола Пикуло (*πικουλον, πικκολος*) въ 1830 и 1833 (45 и 48), х. Георгий Кесимъ (177), Йоанъ Кисялку чорбаджи въ 1850 г. (181), Ради Балабанъ въ с. г. (191), Петъръ Муткуръ (242).

² Ник. Кетенджогу *κατιμάλης* въ 1829 г. (39), Никола Кириаку *καπιζουμάλης* въ 1830 г. (41 и 43), Илия Йовчу Фурнаджи, Дим. Богданъ *γούναρη* (43), Христо Георгиу Сапунджи и Христо Василиу Куюмджи въ 1830 г. (43), Янаки Николау Бакърджи въ с. г. (44), Стефанъ Пенювъ Ахтаръ въ 1839 г. (84), Гуньо Петру *ταμπάκης* въ 1854 г. (263).

³ Имен. форми: *ἡγδμενα...* кѣр Пахоміе въ 1843 г. (92), *χα Παισίε ἡγδμενα* и *πα Γεώργιε ἡκονομή* въ 1850 г. (181), папа Дюннѣла *ὑβερῶβα* въ с. г. (с. стр.). Вж. тукъ, стр. 523 за монаситѣ Прокопий и Теодосий.

⁴ *Λόφτζας* (22), *Σούμλαν* и *Ῥουσιζούμι* (63), *Κιζανλήμι* (100), но и *Καζανληκίου*. (46), *Βοκί Ζαγара* (100), *Τελετζᾶ* (228), и *Δεμπετζᾶ* (239).

⁵ *τῆς Λιασκοβίτζας* (31, 57), *τῆς Γκαлатонίτζας* (57), *τῆς Ῥαχοβίτζας* (57), *τοῦ Τεμνίσου*, *ΓαпрѠβон* (100, 244), *Τράβνια* (61), *Τολαβна* (231, 269), *Προεσλάβон* и *Τζεοβеноῦ* (6, 7 и др.), *ῬаχѠвон* (6), *Βράτζας* (6, 10), *Τζερεпτιουон* и *ΚαρλουѠвон* (140), *Πελιγρᾶδίου* (34), *εἰς ΜαρινѠπολιν* (42). Арбанаси въ грѣцкитѣ документи е наречено *Ἀλβαντοχωρίον* (26), *Ἀρβανιτοχωρίον* (83), *Ἀλβανιτοχωρι* (169), но и *Αρναουτκιοι* (40). Въ единъ бълг. документъ (183-184): *ἀλβανῆσκητῆ*, но и *ἀρκανῆσκητῆ*.

⁶ Като объяснение на бълг. название *Дрѣвниъ завѣтъ* (с. стр.).

⁷ Употрѣбени сж като объяснение въ изречението: „тѣ сж *ѡйкови* чѣда на Пѣтра: *ἡλιν да речѣмы...*“

⁸ Всички тия думи въ завещанието на х. Калчо Петковъ (189-191).

⁹ Въ свидетелство за прикя отъ 1854 г. (207). На това влияние се дължатъ турскитѣ названия на квартали и мѣстности въ Търново: Балькъ-пазаръ (вж. тукъ стр. 515) Дервишъ-чешме (стр. 9), Баждарлъкъ (*εἰς τὸ παζαρολίχη* 58), Гедикъ (*εἰς Γεδίκη* 136). Вж. за турски думи въ народната речъ сжщо и въ описитѣ тукъ, стр. 521, заб. 3.

гръцкитѣ митрополийски документи сж употрѣбени чуждицитѣ *ἀσδοράχων* (3), *ἀπὸ ζαλαχανᾶν, βατανλῆς* и *καζάνια* (30-31), *ζαλχανῶν, μπακαρίκια* (42), *τζορπατζίδων* (18, 31, 57), *χατζίδων* (18), *δοβлет* (28), *δεβлѣти* (89), *μαχαλά* (55), *μαχαλέ* (57, 65, 104), *καχβεχανά* и *τζаѣо* (181), *γκιαορίοи* и *τζου-ροούкион* (155), *καψιμάλης* (39, 41), *χοτζѣти* (57, 181), *σενетіон* (57), *μεχхеμέ* (135), *μεχхеμέν* (181); сжщо търговскитѣ термини *τεποζιτάта, τὰ ἀβάντζα, τὰ πελάντζα* (42), *τὸ σάλδος* (48), както и *τὴν πόρταν* (57), *ἐν βαροσίω* (60), *βαρούση* (234).

Търновци съ бълг. образование, вижда се, сж съзнавали нуждата отъ очистване на своята речъ отъ чуждици. На тѣхно езиково творчество се дължатъ българскитѣ названия на разнитѣ видове частно-граждански актове и правни понятия: показателно¹ начертание (92), или само начертание (179, 214), согласително церковно писмо (92) или само согласително писмо² (221, 246), отакмително писмо (222) или само утакмително (246) и потакмително (426), митрополско склонение и склонително писмо (87), свидетелствено писмо (220)³, отпустително писмо (209), обещателно писмо (223)⁴, продавателно писмо (210, 211)⁵, свидетелствено заплатително писмо (232)⁶, назначение (204), душевнѣ завѣтъ (265) или духовнѣ завѣтъ⁷, саморучно писание и отеческо наставление (205), писаръ (128)⁸, свидетель (84, 179, 205, 231 и др.)⁹, свидетелемъ (87), отакмявамъ (87), са утакмявамъ (205), до последньо дукато (210)¹⁰, нито дукато¹¹, сждовище (190), печать (242), душеизпълнители (265), стопанъ (221), стопаница (205)¹². Сжщо и титли: за търновския митрополитъ — преосвященейши (251), честни (190, 232), честнейши (92), всечестни (222), господаръ (205), пастиреначалникъ (232)¹³; за епископъ — боголюбивейши (190), преосвещенство (246)¹⁴, за свещеникъ — благовейнейши (190)¹⁵, за видна жена — господжа (247)¹⁶.

¹ Срещу гр. *ἐνδεικτικόν* (106 и др.), *ἀποδεικτικόν* (32 и др.).

² Срещу гр. *συμφωνητικόν*.

³ Срещу гр. *μαρτυρικόν γραμμα* (97 и др.) или *ἐμμάρτυρον γραμμα* (95 и др.).

⁴ Срещу гр. *ὀποσχετικόν* (215).

⁵ Срещу гр. *πωλητήριοιον γραμμα* (105 и др.).

⁶ Срещу гр. *ἐξοφλητικόν* (30 и др.).

⁷ Срв. тукъ, стр. 537, заб. 7.

⁸ Срещу гр. *γραμματεὺς*.

⁹ Срещу гр. *μάρτυς* и вм. *мартуръ*.

¹⁰ Срещу гр. изразъ *μέχρι ὀβόλου* (30).

¹¹ Срещу гр. изразъ *οὐδὲ ὀβολον* (62). Смыслътъ на двата израза е, че дългътъ билъ изплатенъ напълно. 1 пара е съдържала 3 дукаци (П. Кисимовъ, цит. съч., I, стр. 7).

¹² Срещу гр. дума *οικοκῆρης* (247).

¹³ Срещу гр. дума *πανιερότης, σεβάσμιος, σεβασμιώτατος* или *пансебасмиос, κύριος ἀρχιποιμήν*.

¹⁴ Срещу гр. *θεοφιλέστατος, ιερότης*.

¹⁵ Срещу гр. *εὐλαβέστατος*.

¹⁶ Срещу гр. дума *κυρία, κυρά*.

Заедно съ това се забелязва въ кодекса и стремежъ за освобождение отъ църковнославянската речъ. Поради това, че книжовниятъ бълг. езикъ се установявалъ бавно, естествено е било съставителитѣ на бълг. документи да иматъ за основа мѣстния говоръ, както е ставало и въ други бълг. центрове. По-чести диалектни черти сж: посоченитѣ по-горе патронимни окончаня, им. оконч. *у* или *ю* (вм. книж. *о*) на личнитѣ¹ и др.² имена, зв. *я* срещу етимол. *ѣ* подъ ударение и предъ твърда сричка; а по-рѣдки: вин. оконч. *ж* за ж. р. *а* скл., членна форма *о* вм. *а* за вин. п. м. р.³, чл. ф. ед. ч. *атъ* вм. *я* за вин. п. прил.⁴, *ми* или *мы* за I л. мн. ч. сег. вр. наредъ съ *ме*, *и* за III л. ед. ч. сег. вр. наредъ съ *е*⁵, *е* вм. гр. или бълг. книж. *и*⁶, *ѣ* срещу книжовно *о*⁷, зв. *ш* вм. гръцкия зв. *с*⁸, представка *у* вм. *о*⁹, зв. *дж* вм. *ж*¹⁰, мин. свършено съ спом. глаг. и *мамъ*¹¹. Прилаг. форма *митрополски(-а)* (92, 210, 271) (вм. митрополийски) ще да е образувана по аналогия съ бълг. топогр. имена, свързани съ думата *поле* (Маринополе, Етрополе). Въ кодекса се срѣщатъ малко диалектни думи: *стріка си* (179), струваме (=правимъ) (84, 250), презржчикъ, фумерки¹², *шійдетъ*, шелакено (207), ази (60), *сосъ* (84). Изобщо бълг. документи не сж обременени съ диалектизми. Това се обяснява 1) съ обстоятелството, че търновскиятъ говоръ стои близко до книжовния езикъ (срѣдногорския говоръ), и 2) съ това, че съчинителитѣ на документитѣ (църковни длъжностни лица) не страдали отъ диалектомания, а се стремили да се приближатъ къмъ езика на тогавашнитѣ бълг. книжовници, което особено личи въ завещанията, и резултатъ на което е написаниятъ на книжовна речъ общински протоколъ отъ 1867 год.

София

Ив. Снѣгаровъ

¹ Срв. тукъ, стр. 525, заб. 4.

² *нашитѣ*, *писмѣ* (92); на училищиту славянску, Грѣческоту (125), *дѣ гѣ пѣнѣша* (250).

³ Вж. тукъ, стр. 533, заб. 3; *прѣста* (255), но и съ *прѣста си* (240).

⁴ *митрополскѣатъ* (92).

⁵ Въ док. отъ 1839 г. (84), сжщо въ завещ. отъ 1850 г. (183-184).

⁶ *ѣгѣмѣнь* (182), *ѣромон(ахъ)* (опись на Плаковския м-ръ), вж. и монашескитѣ имена тукъ, стр. 523.

⁷ *мѣнастѣръ* (183) (отъ манастирь) покрай *монастѣръ* (92).

⁸ *Парашкѣа* (92).

⁹ Вж. тукъ, стр. 525, заб. 5.

¹⁰ Срв. тукъ, стр. 538.

¹¹ го *йма*^м *ѡтвѣрдѣно ѣ наставлено* (докум. отъ 1852 г., стр. 205).

¹² Може би, отъ ромънската дума *fumage*.

Единъ документъ отъ времето на борбитѣ за църковна независимостъ

Годината 1861 бѣше една отъ най-тежкитѣ и най-сѣдбоносни години на борбата, която българскитѣ народъ води за своята духовна независимостъ. Духовното единство на народа, тѣй спонтанно изразено въ подетата борба и тѣй сполучливо обединено въ лицето на Илариона Макариополски, бѣше застрашено. Бѣше подготвенъ и се нанасяше единъ страшенъ ударъ на това духовно единство. Замислениятъ планъ за заточението на българскитѣ владици се осществяваше. Турското правителство бѣше решило да се заточатъ българскитѣ владици въ единъ моментъ, когато тържествено се посрѣщаше духовниятъ водачъ на унията — архиеп. Йосифъ Соколски. Това поддържане на унията, задоволяването на всички искания на униятитѣ по уреждането и озаконяването на разнитѣ униятски църковни и граждански институти, когато на православнитѣ се отказваше всичко или биваха залѣгвани само съ обещания, не можеше да не подеиствува съкрушително върху духа на българитѣ. Съблазънта, очевидно, бѣ голѣма. Слабитѣ духомъ, нетърпѣливитѣ или пѣкъ силно запаленитѣ отъ умраза къмъ гърцизма и несправедливостта на патриаршията българи лесно можеха да бждатъ спечелени за унията. Обезглавяването на бѣлг. народъ чрезъ заточението на владицитѣ, особено съ отстраняването на Илариона Макариополски, бѣше твърде благоприятно за униятитѣ. Но то неминуемо водѣше къмъ разцепление.

За народното единство и за неговото запазване се борѣха владицитѣ начело съ Илариона Макариополски и свѣтскитѣ дейци около тѣхъ. Въ името на това духовно единство тѣ бѣха готови да жертвуватъ и живота си. И това създаде едно обаяние у народа отъ личността и дѣлата имъ. Тѣ бѣха обикнати. Въ тѣхно лице българитѣ виждаха въплъщението на своята духовна сила и единство. И тази любовъ силно и непосредствено бѣше изразена въ тържественото посрѣщане, устроено на Илариона Макариополски на 20 априль 1861, когато той, по нареждането на правителството, трѣбваше да слѣзе отъ Йеникьой въ Цариградъ, за да отиде въ българския метохъ, отъ гдето щѣше да бжде пратенъ на заточение. Това посрѣщане, трогателно по своята величавостъ и неочакваностъ, направило силно впечатление не само на гърцитѣ и турцитѣ. Очевидно, то силно е засегнало и униятитѣ, а особено неговитѣ идеолози. Дали предъ съвестта на тия дейци-унии, който измѣняха на православието,

на народнитѣ традиции и духъ, които се подадоха на чужди домогвания за ново закрепостяване на народа, не изблигнаха укоритѣ и угризеніята за досегашната имъ противонародна дейность? Не съзнаваха ли тѣ своята заблуда, погрѣшнитѣ насоки на своята дейность?

Нѣма съмнение, че за тия, които чистосърдечно, искрено сж вѣрвали, че унията ще донесе духовна независимостъ на българския народъ, спонтанно изразената почитъ и любовъ къмъ Илариона на 20 априль 1861 година, и самоотвърженото застъпничество на сжщия този народъ за осъденитѣ на заточение владици презъ следващитѣ дни до Великденъ, както и събитията около празника, противодействието, което се извърши отъ българитѣ за спирането на заточението и пр. и пр. оказаха своето въздействие. Унията замираще. . .

Интересно е това, което е ставало въ душата на главния деецъ на унията — Драганъ Цанковъ.

Споредъ сведенията, съ които разполагатъ нѣкои съвременници и историци на тия събития, Драганъ Цанковъ е развивалъ голѣма дейность и е направилъ редъ енергични постѣпки да склони Илариона Макариополски, Авксентий Велешки и Паисий Пловдивски да отстъпятъ и да приематъ унията. Той е ималъ задъ себе си мощната подкрепа на турското правителство, силата на французката политика и. . . нетърпеливостта на нѣкои отъ дейцитѣ, които бѣха готови на всѣка цена да се отдѣлятъ отъ патриаршията. Но, очевидно, и нему трѣбва да е направило много силно впечатление това, което е станало около посрѣщането на Илариона Макариополски. Нѣщо повече. Може би той за пръвъ пжтъ ясно разбра фаталността на своето дѣло, което заплашваше духовното единство на българския народъ, и, понеже не можеше да го спре, пожела да го осъществи чрезъ запазването на единството. Затуй той веднага следъ посрѣщането на Илариона пише следния интересенъ документъ, който, въпрѣки краткостта си, говори твърде много:

„Преосвященный Владыко,

Г. Иларионе Макариополски,

Г. Г. Братията ви трѣбува да ви са казали моити приказки, които имъ рекохъ вчера за Ваше Преосвященство. Сега пакъ сжщити си чувства Ви изжавамъ. Не мислете, че народътъ на каквото чувство е днесъ, че ще бжде и утрѣ на сжщото чувство. Той сичко ще забрави, а В. П. само ще страдате.

Бждете увѣрени, че сичкитѣ съединенъ български народъ, както и духовенството му ще Ви приеме съсъ голѣмо въсхищеніе.

Нека оставимъ сичко на страна, и елате направете Единството въ народътъ.

20 Априлія 1861

Галата

Вашъ най-покоренъ слуга

Д. Цанковъ“

София

Г. Ст. Пашевъ

Добруджанското Хаджиматеево завещание.

Въ сп. „Македонски прегледъ“, год. VI, кн. 3, стр. 85-89, проф. Л. Милетичъ предава въ факсимиле едно твърде интересно завещание отъ 1828 година. Завещанието е написано на народенъ езикъ съ редъ църковноправни примѣси и носи името на настанения въ Добруджа котленецъ, Хаджи Матей, известенъ на времето си човѣкъ и ктиторъ на бургаския манастиръ „Св. Анастасий“.¹

Самото завещание започва съ характернитѣ стереотипни думи за ролята на добрия християнинъ въ неговия личенъ животъ, църквата, обществото и семейството (навсѣде правописътъ е изцѣло запазенъ, както е предаденъ въ самия оригиналъ):

„Все милостивіи богъ сичките световни добрини дади на человетецѣ да си испотриабяватъ секи и богоугодно и душеспасително на животат си да ги има путь своята си влась и пудирь животат си да ги придава на своити си законні наследници и на други богоугодни рабути, каквото произволение има и защото е неизвещенъ страшніе смертніатъ часъ, затова и неизбежима должнустъ секиму человетеку да управи и да настанѣва животат си і именито си и телесно и душевно, затова и ась смирени і грешніи сякуги кату слушамя евангельскиетъ гласъ господа бога моего: готови бѣдети, защо не знаити, когдѣ господъ преидетъ да не пришетъ внезапно (внезапно?) обръщеть ви спяща, за дубро расудихъ іощи на животат си и дури іощи умать ми е непроврединь, да настанѣ и да утакмѣ сина си и дащирити си, и пудирь смърта ми да ни стани пумижду имь нѣакуи прекусловеніе и несогласіе заради моито именіе.“

Тѣй, както е дадено, това дълго встъпление преди всичко напомня ония молитвени думи, съ които се започва голѣма часть отъ старобългарскитѣ и сръбновѣккови наши паметници, включително тия отъ правенъ характеръ. Явно е още отъ начало, че тука тоя старецъ, нареждайки своитѣ задължения на човѣкъ, който си вече отива, издава не само молитвени настроения, но влага и установени познания за реда, по

¹ Съ право г. Л. Милетичъ, който изучава езиковата страна на Добруджанското завещание, предполага, че Хаджи Матей ще да е ималъ възможность да се учи на книга въ Добруджа, или въ близката Ромъния, и че тамъ ще да се е образовалъ чрезъ четмо и въ общение съ по-издигнати люде, за което свидетелствува и това завещание. Завещанието ние наричаме добруджанско за улеснение, толкова повече, понеже върху му нѣма означено мѣстото на издаването.

който сж били поставяни наследственитѣ завещания отъ по-опитни познавачи на правото, специално на старото екложно право.

Въ действителность, въ случая сме изправени предъ традиции, познати на наши домашни юристи дълго преди епохата, въ която е живѣлъ завещателтъ. Пжтьтъ на тѣзи традиции е дълъгъ. Той започва непосредствено следъ покръстването на българския народъ. Минава презъ XI и XII вѣкъ, за да се засили още повече презъ следващата епоха до установяването на турската власть въ българскитѣ земи. Че въ края на XVIII и началото на миналия вѣкъ тия традиции не сж затихнали, това говори само въ полза на силното влияние на Еклогата върху нашия правенъ животъ и къмъ завършека на най-тъмнитѣ отъ всички времена на далечното минало.

Нѣма исторически данни, отъ които да сждимъ, познавалъ ли е завещателтъ екложното право, за да напише въ завещанието си предговоръ, който толкова много да прилича на ония встѣпителни молитвени думи, съ които започва гражданскоправната материя на обширната редакция на Законъ сѣдний людъмъ, или тая на Еклога Леона царя (Е. Л. ц.) по глава 49 отъ печатния славянобългарски Номоканонъ. Може би Х. М. да е научилъ правото на Еклогата отъ влашкитѣ законници, както възможно е да е училъ тамъ и славянобългарското писмо и четмо. Може би учители да сж му били духовни лица, щомъ толчина отъ тѣхъ се подписватъ върху самото завещание. А може би той да е научилъ това право въ нѣкой манастиръ. Ктиторството му на Бургаския манастиръ още повече засилва последното предположение.

Най-добре отъ всички обаче говори набеязаниятъ въ самото завещание материалъ.

Въ предговора на Екл. Л. ц., както и въ по-дългитѣ ѝ статии, които се отнасятъ до наследството по законъ и до завещанието (срав. зач. II, ст. 4 и 5, сжщо зач. V, ст. 1 сл.), срѣщаме размишления за Бога и за човѣцитѣ, които до голѣма степенъ напомнятъ цитирания по-горе пасажъ, включително и поясненията за „своити си законни наследници“, за „други богоугодни рабути“, за това, че завещателтъ трѣбва да бърза съ написване завещанието „дури иощи умать ми е нипроврединъ“ (неповреденъ), и за това, че завещанието трѣбва да бжде така съставено и изпълнено, та между наследницитѣ да не стане „нѣакуи прекословеніе и несогласіе заради моито именіе“.

Ето какъ започватъ цитиранитѣ пасажи на Екл. Л. ц. и на първо мѣсто — какъ започватъ встѣпителнитѣ думи:

„Владыка и творецъ всѣхъ Богъ нашъ, создавы человѣка, и почте его самовластіемъ: законъ емоу добродѣтельная оубо рещи... правду всѣхъ земныхъ произволше... таковаго благочестиваго закона и силы исповѣданіе и добро разсужденіе вещи“; (зач. II, ст. 5:) „нако же подобаетъ родителема... молитва бо отца оутверждаеть домъ“; (зач. V, ст. 5:) „аще родителя своя имѣють присная чада и едино отъ нихъ оставать безъ памяти, да разоудятъ послуси тая и аще многажды

обращутся оукоривше родителя или ино что на оустрашеніе ею показавше, да пребываетъ недвижно родителю оуставленіе“. Тази последната заповѣдь за покорство, което децата дължатъ на родителитѣ при получаване на наследство по завещание, е свързана не само тука, при Екл. Л. ц., но сжщо тъй — и въ Добруджанското Х. М. завещание, гдето се казва: „акули накои отъ тяхъ ни слуша туй отеческо зарачени(е), и заповеданни(е), богъ да го суди и на този сватъ и на одзи“.¹ За пълнота длъжни сме и тукъ да отбележимъ, че въ обширната редакция на Законъ сждный людъмъ (сравни статията „о умираиіи“, т. е. за грижитѣ които умиращиятъ, преди да почине, е длъженъ да положи за своитѣ наследници), срѣщаме единъ изразъ, който може да се постави въ паралелъ съ казаното и за Екл. Л. ц. и за Добруджанското Х. М. завещание, т. е. за „неизбежимата должнустъ секому челоуѣку да управи и да настанва живота си і именито си“: „аще будетъ умирайя повелѣлъ кому устроити имѣніе . . . та да ему будутъ нужна скончати все“.² Не може да се знае, дали завещателтъ е ималъ възможностъ, при подписване на завещанието или по-рано, да е проучилъ или да ималъ предъ видъ и обширната редакция на З. С. Л., но ние сме длъжни и тука да изтъкнемъ сходството, за да се види какъ изворитѣ за правни познания, по всѣка вѣроятностъ, не ще да сж били черпени само отъ едно мѣсто. Ние ще имаме случай да видимъ и въ следващитѣ сравнения, какво внимание и каква точностъ, съобразно съ старитѣ текстове, се е опитвалъ да приложи съставителтъ на този правенъ актъ.

Първата грижа на завещателя е да натъкми сина и дъщеритѣ си — „да настаня и да утакма сина си Хаџи Петра и дащирити си Юва и Хаџи Ниделна“:

„Заради това своеручно утакмихъ (повтаря той още веднажъ) сина си и дащирити си и ги разгелихъ (вмѣсто — раздѣлихъ?) тъй: пер(в)о, имъ давамъ и оставямъ моята отеческа молитва и благословеніе,³ второ, син ми Хаџи Петръ, каквото суци наследникъ мои, оставямъ гу на уцак(а)т си мои и на моито си мѣсто, и зарать този му дадухъ в сичката куца и сичката пукашнина и срищу каштата дигенатъ; и му дадухъ дету и на (а)брашки пидисе и четири дни⁴; и тасъ пролятъ

¹ Проф. Л. Милетичъ твърди въ езиковитѣ си проучвания, че и тукъ сме исправени предъ една формула, която напомня подобни изрази въ старобългарскитѣ грамоти, особено влахобългарскитѣ. Тая формула безспорно води своето начало отъ установеното презъ епохата законодателство и отъ писанитѣ правни сборници, отъ които е преминало въ повелитѣ (хрисовулитѣ) на нашитѣ царе и на влашкитѣ владетели.

² Разликата въ правописа, която се явява между оу=у въ цитиранитѣ текстове веднажъ по Екл. Л. ц. (оу по чуждо влияние), други пжтъ у, както е въ нашитѣ чисти старобългарски паметници, оставяме неизмѣнена, както я намираме.

³ По Екл. Л. ц. „чти отца твоего, да придетъ молитва, молитва отца оутверждаетъ домъ“ (зач. II, ст. 5).

⁴ По-долу се казва сжщо: на една отъ дъщеритѣ „дадухъ нь Аврашувата тепавица осимьдисе дни на гудината“. Безспорно, тука се отнася до дадени на сина и на дъщеритѣ права, по редъ и за точно опредѣлени дни презъ годината да използватъ

ми излазоха офци, кози осимъ стотинъ и дваиси, и тяхъ дадухъ сичкити; този му дадухъ на сина си Хази Петра“. И понеже завещательтъ, при подѣлбата на своитѣ имоти между сина и дъщеритѣ си, изброява подробно и точно това, което оставя на последнитѣ — върху което ще се повърнемъ на особено — трѣбва да отбележимъ, че по главния и основенъ въпросъ, правото на синоветѣ и на дъщеритѣ да наследятъ своитѣ родители, завещательтъ е следвалъ постановленията на Еклогата, която, ако и да дава редъ предимства на синоветѣ, т. е. на действителнитѣ наследници на бащиния имотъ и продължителитѣ на рода („син ми Хази Петръ, каквото си су щ и наследникъ мои“), не изключва отъ наследство и дъщеритѣ.

Известно е, че въ това отношение, екложното право, обилно възприето на старобългарска и сръдновѣкова българска почва, заема значително по-друго положение отъ положението, което заема напр. Юстиниановото право. Последното, следъ вѣковното развитие на старото римско право, гледа еднакво, както на мъжа, тъй и на жената. Тя може да бжде носителка на редъ права и задължения, независимо отъ правата и задълженията на мъжа. Въ наследството правата на братията и сестритѣ общо взето сж поставени на еднакви начала. При все че отсетне византийскитѣ василевси (отъ династията на Македонянитѣ) се върнаха (съ Прохирона — на старобългарска почва „Законъ градскій“, Епанагогата и Василикитѣ) къмъ Юстиниановото право, не сж могли да се отклонятъ въ практиката отъ голѣмото влияние на екложнитѣ разбирания по материята (въздействието на които е твърде голѣмо презъ VIII и IX вѣкъ, безъ да спре и презъ следващитѣ вѣкове). Споредъ Еклогата, жената и дъщеритѣ не сж лишени отъ наследство, ако и на сина, продължителя на бащиния родъ и бащиното семейство да сж¹ дадени редъ предимства. Постановленията на Екл. Л. ц., зач. VII, ст. ст. 1 и 2, тѣзи на обширната редакция на Законъ сждный людъмъ, въ стат. „о раздѣлени дѣтемъ“ и „о умираиі“, недвусмислено говорятъ за това¹.

Ще цитираме само най-сжщественитѣ части на тия старобългарски компилации и преводи на Еклогата, за да се види, колко вѣрно е копираля завещательтъ екложното право въ тази най-сжщественна частъ на завещанието: да раздѣли имотитѣ си между сина и дъщеритѣ си; да не ги даде само на първия, когото оставя на „моито си място и на уцакат си мои“, и да не означи, че това, което дава на дъщеритѣ, е дадено въ видъ на прикя, а не въ видъ на наследство по завещание.

„Аще кто безъ завещанія оумрутъ, и боудутъ емоу ча да², или внучата сіи да наслѣдуютъ. Аще ли естъ оумершему отецъ, или мати,

тепавицата (изглежда — водна тепавица), позната подъ името „Абрашовска“, известно на Котленци.

¹ Срв. ориг. Ecloga Leonis, по Zach. v. Lingenthal, tit. VI, с.с. 1-8; срв. сжщо за завещанието tit. V, с.с. 1-6.

² Трѣбва да отбележимъ тукъ, че отъ нашитѣ стари закони единствено по тази материя говори, по отдѣлно за братия и сестри, кратката редакция на Синтагмата (срв.

дѣдъ или баба, или прочи, си наслѣдовати не могатъ, чадомъ и внучатамъ соушимъ. Аще ли не будетъ чадъ или внучатъ, естъ же има отецъ, дѣдъ, баба, или ближнии прочи, да наслѣдуютъ“ (Екл. Л. ц., зач. VII, ст. 1). Независимо отъ това, че тука се подчертава — въ втора линия — имотътъ да остава на родителитѣ на наследодателя,¹ нѣщо съ което завещанието не се занимава, въ центра се поставятъ правата на децата, безъ да се прави разлика между братията и сестритѣ. Постановленията обаче, които следватъ, отново подчертаватъ предимството на братията, защото, когато дойде редътъ на сестритѣ, тѣ се „украшаватъ“ съ брачни ризи — „брачными ризами оукрашати и пристрою пояти, ѿкоже хошетъ“ (Екл. Л. ц., зач. V, ст. 5). Завещателтъ въ нашия случай, като е ималъ предъ видъ, че дава наследство и на сина си и на дъщеритѣ си, безъ дори да каже, че за облѣклото („брачни ризи“) на тѣзи последнитѣ, опредѣля: тѣ трѣбва да получатъ часть отъ наследството, и то, както ще видимъ, само въ движими имоти и пари. На сина си оставя къщата или, както той я нарича, „оѿака“², дава му недвижитѣ имоти, изброени изцѣло, и го остава „на моито си мѣсто“, точно въ духа на разпоредбитѣ за наследството по законъ и по завещание (за последнитѣ, срав. Екл. Л. ц., зач. V, ст. ст. 1, 2, 3 и 4).

Успоредно съ това могатъ да бждатъ приведени и постановленията на обширната редакция на Законъ сждный людъмъ — цитираната вече статья „о раздѣленіи дѣтемъ“:

„А се, иже отецъ не уравнаеть дѣтей, овому мало прѣдасть, а овому много, а другаго лиха сътворить за гневъ нѣкакъ: да ся раздѣлить всѣмъ на части“.

Завещателтъ въ Добруджанското Х. М. завещание е билъ свободенъ, разбира се, да разпореда, какво да получи всѣки единъ отъ братията и сестритѣ. Но, въпрѣки това, той се придържа строго къмъ даденитѣ норми, съобразно съ правилата, които му представатъ възможность да види въ разпоредбитѣ си законность: „да ги придава (имотитѣ) на своити си законни наследници“. Следвайки пжтя на тази законность именно, завещателтъ нито на едно мѣсто не върви въ разрѣзъ съ принципитѣ, установени при подѣлба по екложния законъ, тѣй като по правило (сравни цитираната статья „о раздѣленіи дѣтей“) бащата наследодателъ не може да остави на едното отъ децата (сестри и братия) много, на друго — малко, или пѣкъ съвсемъ да иска да ги лиши отъ наследство. Това би могло да стане по законъ, само ако децата сж сторили нѣкоя пакость

у Т. Флорински, прил. V, глав. 4, о наслѣдствованіи: „Нисходящи любо мужьскы полъ, любо женьскы подь боудуть...“.

¹ Това обстоятелство, между другитѣ, говори за грижитѣ, които сж употребявали законодателитѣ да запазятъ имотитѣ за старото семейство, за задругата, разбираване твърде подходно за българскитѣ народни схващания.

² Турска дума оджакъ — куминъ, огнище. — която олицетворява дома, къщата. Сръ. руския изразъ „огнищанинъ“ — пазителъ на огъня (индоевр. — свещенія домашенъ огънь = ignis; сжщо Herr der Schole).

на родителитѣ си или сж били дрѣзки къмъ тѣхъ: „аще многожди обрящутся оукоривше родителя“ (зач. V, ст. 5); срав. сжщо зач. II, ст. 5, или стат. „о сыну непокоривѣмъ“ и стат. „о умираиїи“ отъ обширната редакция на З. С. Л.¹ Тука, въ нашия случай, такива причини нѣма. И бащата еднакво се грижи за всички свои законни наследници, включително и за съпругата си. Но на първо мѣсто той поставя сина си, и то не само като му дава най-голѣмата и най-сжществената частъ отъ наследството, но и като му заповѣдва да остане на бащино мѣсто въ родителската кжща, въ което се съзира една тенденция, проявена сжщо така подъ влиянието на екложнитѣ компилации на старобългарска почва². Предимствата, които завещателтъ дава на своя синъ, като му предоставя, пакъ въ духа на постановленията на Еклогата, въ която се подкрепя продължението на живота на голѣмото семейство, да има всички недвижими имоти, показва, какъ той гледа на предназначението на тѣзи имоти.

На дѣщеритѣ си завещателтъ е опредѣлил само движимъ имотъ и пари. Сжщото е направилъ и по отношение на жена си — само пари. Не е забравилъ — това се само мимоходомъ споменава — и други външни лица и мѣста:

„И на сина си дадухъ и на даширити си дадухъ и на жената си дадухъ и на други мѣста дадухъ и гу раздадухъ“, и заврѣшва съ единъ твърде оригиналенъ край, който сжщо намира своето оправдание въ постановленията на екложното право: раздалъ е всичко това „дури иоци умать ми е нипроврединъ“.

Преди всичко този изразъ „нипроврединъ“ се явява твърде характеренъ, поради мѣстото, което му се дава непосредствено следъ изброяването на групитѣ и лицата, между които се подѣля имотътъ. Него намираме и въ Екл. Л. ц., и то сжщо тѣй следъ като въ зач. II, ст. ст. 4 и 5, се изброяватъ лицата, които могатъ изобщо да наследватъ. Въ зач. V, ст. 1 се казва: „Возбраняются завѣты творити иже отъ недоуга въ подвиженїи соуще“.

Положението на завещателя, който поради неджгъ не може да завещава, се засилва още повече съ следващия подиръ това изразъ: „аще ли отъ нѣкїя немощи въ таковия недоуги (глухъ, нѣмъ и пр.) впадающе“. Въ нашия случай завещателтъ подчертава, че е здравъ и на ума си, безъ да е имало нужда да подчертава това, тѣй като отъ самото заве-

¹ Най-типични обаче оставатъ постановленията на зач. VII, ст. 4: „отпадутъ же законнаго наслѣдїя не ключенїя ради: дѣти оубо аще своя родителя бїють, и аще тяжко ругаются имъ, или аще въ прегрѣшенїи глаголють на ня, или оклеветаютъ“ и редъ „аще“ други тежки провинения на децата къмъ родителитѣ, между другото — дори и непокорство на дѣщерята да се ожени по искане на родителитѣ.

² При наличността на изрази „саморучно утакмихъ сина си и даширити си“, който въ по другъ видъ се повтаря още веднажъ („тай каквото саморучно пиша“), не може да се предположи, че завещанието е било писано отъ нѣкое духовно лице, запознато добре съ екложното наследствено право, и че изразътъ саморучно е билъ могълъ по нѣкакъвъ начинъ да има само формално значение.

щание се вижда, че въ моментътъ на писането му той не е ималъ душевни или пъкъ физически недостатъци, които биха му прѣчили да действа като човѣкъ съ отговорности. Трѣбва да се каже, че това подчертаване обикновено има значение, да не би завещателътъ да разпише съ трудъ събрания имотъ и да не го раздаде на външни мѣста, точно ония „други мѣста“, за които се само споменава въ това завещание и за които може би се говори въ другъ завещателенъ актъ, нестигналъ до насъ. Тѣзи „други мѣста“ могатъ да бждатъ подалечни роднини, на които е било оставено по нѣщо, или пъкъ могатъ да бждатъ нѣкои богоугодни заведения, манастири, църкви и пр., както обилно се е практикувало нѣкога, практикува се и днесъ въ срѣдата на нашия народъ.¹ За богоугоднитѣ или други подобни дарения приживе или въ случай на смрътъ, Екл. Л. ц. въ зач. VIII, ст. 1, дава нѣкои твърде интересни подробности, които напомнятъ установяването по пжтя на благотворителността на разнитѣ видове орфелинати, църковни, манастирски фондации и пр.,² нѣкои отъ които ще да е ималъ предъ видъ завещателътъ.

На дъщеритѣ си, завещателътъ дава часть отъ покщчината (разни прибори), часть отъ другия движимъ имотъ и пари:

„И офци і дадухъ сто и пидисе женски, и гуведа и дадухъ, нь Абрашувата тапавица осимьдисе дни на гудината, и парі и дадухъ гроша шесъ хиляди; тозі и дадохъ на дащиря си Јова отъ имението си п ай. И на Х(аџи) Ниделна дащиря си дадухъ перво (изброяватъ се домакински прибори „от пукашнината“) и офци и дадухъ сто и пидисе женски и гуведа и дадухъ десить женски . . и друго и дадухъ на Абрашувата тапавица осимьдисет дни на гудината, и парі и дадухъ³ гроша шесъ хиляди турі — дадухъ на дащиря си“ (още веднажъ се повтаря името ѝ). — „И на баба хаџика дадухъ гроша две хиляди и петъ стотинь. От имението си, щото ми богъ дарува, този дадухъ на сина си и на дащирити си и на жената си, и за мени си уставамъ гроша две хиляди и петъ стотинь за погребеніето си мой“. Този пассажъ заврѣшва съ увѣрението, че други имоти завещателътъ нѣма, а каквото е ималъ, далъ го е, както вече знаемъ, на „други мѣста“.

¹ Практиката показва сега, пъкъ така е било въ по-старо и въ най-старо време, че законнитѣ наследници почти винаги сж атакували такива дарения. Може би по тази причина и въпросниятъ завещател не споменава въ това си завещание нищо за тѣхъ.

² За тѣзи видове завещания въ първоизворитѣ на византийското право, преминали следъ покрѣстването на бълг. почва, срав. Zach. v. Lingenthal, *Historiae Juris Graeco-Rom.*, герм. изд. *Gesch. d. gr. r. Rechtes*, стр. 205. — Що се отнася до въпросната статия на старобългарска почва, ето най-сжщественото мѣсто: „Аще ли и къ браку приити си не восхотятъ до к. лѣтъ тѣмъ благочестивымъ домомъ и манастиремъ и церквамъ, таковыя останки хранити, и по семъ не скудно реченымъ наследникомъ отдавати“ и пр. Ако и тука да се отнася до наследници, които искатъ да станатъ духовни лица, постановлението е твърде характерно.

³ Навсѣде спазваме правописа, както е даденъ въ факсимилето и въ печатния видъ съ новобългарски шрифтъ по „М. пр.“, год. IV, стр. 88 и 89.

Едно пресмѣтане на онова, което, заедно съ недвижимитѣ имоти, е било дадено на сина, и това, което е било дадено по отдѣлно на всѣка една отъ дъщеритѣ, дава да се види, че тука сж възпрети два отъ най-сжщественитѣ принципи на екложното наследствено право. На първо мѣсто дъщеритѣ иматъ право, ако не изключително, то предимно само на пристрой (прикя) и на движимо имане, нужно за обзавеждане въ новото домакинство, въ което тѣ встѣпватъ следъ оженването си: „нако же подобаеъ родителемъ чада казати же (думата е за дъщеритѣ), и брачными ризами оукрашати и пристрою пояти нако же хоцетъ“.¹ За да бжде пълно обаче, къмъ това постановление трѣбва да се каже на второ мѣсто, че даденитѣ имотни части въ прикя, стока, пари и пр. не могатъ да надминатъ една четвъртъ отъ цѣлото: „що дати ей на-строение въ правду . . . четвертую часть отъ имѣнія его“.²

Точно този е конкретниятъ случай, като се вземе, че на сина е дадена кжщата, а сжщо и другитѣ недвижими имоти, осемстотинѣ глави дребенѣ добитъкѣ и пр., а на дъщеритѣ сж дадени по една опредѣлена сума пари (види се за обзавеждане на бждецитѣ имѣ домакинства) и всичко близу триста глави дребенѣ добитъкѣ, по нѣколко крави, използване на „Абрашовата трепавица“ презъ известно време отъ годината. Трѣбва да се каже, че това разпредѣление на дадения имотъ напомня основнитѣ норми, препоржчвани отъ екложното право, но то не е далече и отъ правото на другитѣ по-късни правни сборки, сжщо тѣй отъ значение за по-късната епоха, преди завладяването на полуострова отъ турцитѣ. На първо мѣсто тукъ стои Прохирона—на старобългарска почва „Законѣ градскіи“³, сетне Василикитѣ, особено преведената на старобългарски презъ XIV в. и по-късно кратка и обширна Синтагма на Матей Властарѣ⁴, която е имала особено въздействие върху нашето право и презъ турската епоха. Въ цитиранитѣ мѣста, tit. XXX, с. 1 сл., Прохирона („Законѣ градскіи“), ако и да се връща къмъ Юстиниановото право, като усилва правата на жената и ги почти изравнява съ тия на мжжа, запазени сж известни положения, които напомнятъ известнитѣ вече различия въ това отношение въ Еклогата. Твърде характерно е, че дори Синтагмата отъ първата половина на XIV вѣкъ идва насрѣща на едно надставяне наследственоправнитѣ интереси на братията предъ тия на сестритѣ:

„Аще отецъ прикю дае своеу дъщери съгласы довлѣтисе ей данное о неи прикю и не имѣти ей части отъ югова наслѣдіа не здрав-

¹ Срв. Екл. Л. ц., зач. II, ст. 5.

² Ако и това постановление да се отнася предимно до жената (майката), подразбира се, че въ сжщитѣ отношения сж поставени и дъщеритѣ съ прикята. Тази частъ, която жената взима въ размѣри отъ една четвъртъ, не бива да надминава въ парична оценка десетъ фунта злато: „четвертую часть посиля моужа, нако литръ десять, и прочая пріати нако не совѣщанномъ его наслѣдникомъ. . .“

³ Proch., tit. XXX, с. 1 сл. срав. и Ерапаг. tit. XXX.

⁴ Срв. Т. Флоринскій, Законод. дѣятельности Душана, Кіевъ 1888, стр. 174 сл.

ствуеть съгласіе сіе“. И сетне: „Не възбраняте се наслѣдовати безъ завѣщанія томоу оумирающу дъщи, прикію подвластным аставшим тое братіямъ съвъносеціи и иже прѣжде брака даръ“; идватъ отношеніята, които се създаватъ за имота на дъщерята, изразенъ въ пристрой и пр., ако тя почине. Следващитѣ постановления отъ тази глава IV („о наслѣдствованіи“) на кратката Синтагма¹ сж дадени въ сжщия духъ и очертаватъ правата на дъщерята въ по-ограничени размѣри отъ тия на братията: „оумершаго же родителемъ къ отложенію чеда неправеднѣише и имѣніа лишенномъ быти, нъ съблюдати се третіе оубо прикіе въ помень оумършаго, третіе же родителемъ и третіе оставшеи странѣ“.² Тука, съ едно малко отклонение отъ разбираніята на Екл. Л. ц., се подчертава значението, не вече на едната четвъртъ, но на едната трета, за това, което трѣбва да получатъ дъщеритѣ въ видъ на „прикіе въ помень оумършаго“, когато другата една трета остава на родителитѣ, а последната трета отива за „оставшеи странѣ“. Важното е за насъ въ случая, че оставенитѣ за „баба хаѣка“ две хиляди и петстотинъ гроша, заедно съ еквивалентната сума отъ толкова пари „за погрибеніето си“ (на завещателя), отговарятъ въ значителна степенъ на оная трета, за която споменава Синтагмата, и оная четвъртъ, за която говори Екл. Л. ц., като право на жената (не вече на родителитѣ — за издръжка, погребение и пр.), а сжщо и на дъщеритѣ.

Спрѣхме се на бързо на тази подробностъ, за да се види какъ, по пжтищата на влияния, за които стана дума по-горе, всичкото това право на нашето сръдновѣковіе, като се почне отъ Еклогата и се дойде до Синтагмата, поради дългото му положение на наша почва, е оставило своитѣ дълбоки следи и презъ турската епоха, за да може, по различни пжтища, най-вече поради запазването му въ нашитѣ църковни и други християнски центрове, да упражни такова голѣмо, ако и далечно влияние и върху разглежданото Добруджанско Х. М. завещание.

Като добъръ познавачъ на екложното право, завещателтъ почти въ всички разпоредби, вписани въ завещанието, се ржководи отъ това право, като му е останалъ вѣренъ и въ заключителната часть съ „благословіята“, която дава на децата си („і имъ оставямъ мойта отеческа молитва и благословеніе“³), и съ законитѣ къмъ тѣхъ, ако не изпълнятъ последната му воля⁴, и най-сетне съ привличането на нуждното

¹ Срв. Т. Флоринскій, Прилож. V, стр. 175, 176.

² Т. Флоринскій, Памятники. Прилож. V, 177.

³ Срв. Екл. Л. ц.: „накоже подобаеъ родителема, творящимъ емоу... чти отца твоего и матеръ твою, да приидетъ ти молитва, молитва бо отца оутвердетъ домъ, клятва же материя искореняетъ до основанія“ — зач. II, ст. 5.

⁴ Подобень изразъ на проклятие имаме и въ Добруджанското завещание: „акули некои от тѣхъ ни слуша туй отеческо зарачани и заповедании, богъ да го суди и на този свѣтъ и на онзи“. Този изразъ е твърде близко свързанъ съ нѣкои постановления на екложното право на наша почва, а сетне е миналъ и върху хрисовулното право, нѣщо, което основателно отбелязва и г. Л. Милетичъ, М. пр., VI, 3, 87.

число свидетели, които да потвърдят истинността на наследодателния актъ.

Само въ това последното отношение Еклогата на старобългарска почва по правило изисква „седми достовърни послухъ“ (зач. V, стр. 2), а на разглежданото завещание сж повече отъ седемъ. Тѣхъ завещателтъ нарича „благовеннейшии свещеници и почтенейшии старци и чорбаѣи“. Тѣ сж десетъ. Това последното обстоятелство, разбира се, не противоречи на установената норма. Въ Екл. Л. ц. се казва (V, 2): „написанъ бываеъ завѣтъ, во едино и тоже время отъ седми достовърнымъ послухъ, на то призванымъ и въ томъ на то написанымъ“, което се отнася най-малко „до седемъ“. Повече може. Но ако сж по-малко (петъ и три), трѣбва да сж настѣпили изключителни условия, за които говори една отъ следващитѣ статии (V, 4). И завещателтъ въ нашия случай е засилилъ числото на свидетелитѣ, едно като знатенъ човѣкъ и второ, за да укрепи още повече значението на последната дума за тѣзи, които ще има да я изпълнятъ. Това личи между другото и отъ завѣрката, която прави мѣстниятъ владика — „Нашего митрополита светаго Пре(с)лава Герасима“.¹

Заключителнитѣ думи въ завещанието сжщо напомнятъ предписанията на екложното право, и по-специално ония на статията „о умираѣи“² отъ обширната редакция на З. С. Л., т. е. Закона за сждане на хората.

Така, на първо мѣсто завещателтъ подчертава, че неговата последна воля важи и „претъ бога и претъ человецити и претъ всако судилище земно“, и на второ мѣсто, че завещателниятъ актъ трѣбва да бжде подписанъ саморжчно отъ него самия: „тай каквито саморучно пиша“. Въ старобългарския текстъ направата на фразата е друга, но смисълътъ е единъ и сжщи: „но аще естъ строй не противятся суду повелѣнїя умершаго строящему, глаголетъ противу женѣ и дѣтемъ, да скончаеъ волю умершаго“.³ „Строй“ е онзи поставенъ отъ бащата или отъ сжда настойникъ, който ще изпълни постановленията на завещанието⁴. Законътъ го задължава: първо, да не се отклони въ нищо отъ волята на завещателя, и второ, да не се противи на сжда, т. е. да приеме за правилни всички решения, които представителитѣ на сждебната власть установятъ като законни, защото въ разпоредбитѣ на завещателя може би има положения, които не отговорятъ на закона („а се же отецъ не уравнаеъ дѣтей, овому мало предаеъ, а овому много, а другаго лиха сътворить за гнѣвъ нѣкакъ: да ся раздѣлить всѣмъ на части“). Тука

¹ На владиката Герасимъ—следъ подписа му, който личи на бѣлото поле отгоре на завещанието, стои думата „ѣлїверво“, срѣщана и въ по-стари завещания отъ сжщия родъ. Известно е, че у насъ презъ турско време общинитѣ и митрополицитѣ сж били центрища и за наследственоправни дѣла.

² Осемдесета по редъ.

³ Сравни сжщата статия „о умираѣи“ още въ началото.

⁴ Изпълнители на завещанието могатъ да бждатъ обаче сждътъ, майката и самитѣ деца, когато сж пълнолѣтни и съгласни помежду си.

изразътъ „да се раздѣлитъ всѣмъ на части“, отговаря точно на волята на законодателя да нѣма незаконни подѣлби на имоти, които да могатъ да бждатъ оспорвани предъ сжда; срав. освенъ това постановление на стат. „о раздѣлени дѣтемъ“ отъ общ. ред. на З. С. Л., още и постановленията на зач. II, ст. ст. 4 и 5, и зач. V, ст. ст. 1—4 отъ Екл. Л. ц. Саморжното подписване на завещателя¹ затвърдява убеждението и въ него самия, че следъ смъртта му разпоредбитѣ въ завещанието нѣма да се оспорватъ отъ никоя страна. Това саморжчно подписване, отъ друга страна, се явява и като единъ положително установенъ фактъ, който важи за изпълнителитѣ, включително за сжда, комуто принадлежи общия надзоръ. Въ случая отъ Добруджанското Х. М. завещание се вижда, че компетентнитѣ сждилища (за християнитѣ въ Отоманската империя) по наследствени дѣла могатъ да бждатъ само духовнитѣ сждилища, тѣй като тѣзи последнитѣ сж, следъ падането на второто българско царство, непосредственитѣ приемници на сждебната юрисдикция въ тази областъ, и то за цѣлата епоха отъ края на четирнадесетия до следъ срѣдата на деветнадесетия вѣкъ.

Единственото сжществено отклонение отъ екложното право въ Добруджанското Х. М. завещание се отнася може би само до числото на свидетелитѣ. Освенъ поменатата завѣрка отъ страна на мѣстния митрополитъ, тука се даватъ свидетелски подписи, подобно на исканитѣ отъ Еклогата на старобългарска почва „д о с т о в ѣ р н ы й послухъ“ (зач. V, ст. 2), така:

„И преть благоговеннейшии свещеници и почтенеициіи старци и чорбаѣи и гу потъписвамъ сас тѣхното сведетелство“.

Въ текста не се посочва числото на свидетелитѣ. Тѣхното число се вижда обаче отъ изброенитѣ въ долното твърде тѣсно поле подъ текста имена, отъ които повечето сж на свещеници, а нѣкои имена — на тогавашни знатни люде, между които и „чорбаѣи Хаѣи Жечу и Хаѣи Добри“. Споредъ това, общото число на свидетелитѣ възлиза на десетъ, вмѣсто седемъ, както се иска отъ екложното право: „написанъ биваеть завѣтъ, во едино и тоже время отъ седьми достовѣрнихъ послухъ, на то призванымъ“ (зач. V, ст. 2), или вмѣсто по-малко отъ седемъ, при изключителни случаи: „аще кто на коемъ любо мѣстѣ завѣщааетъ написаниемъ, или не написаниемъ, седьми насе не обрѣтающимся послухомъ, то и предъ пятію завѣщааетъ наже о себе“ (зач. V, ст. 4). Споредъ Екл. Л. ц. дори и това число може да бжде намалено: „ащели преди трети обрящется, нетверду завѣтующему быти совѣту“ (зач. V, ст. 4 доле); но въ такъвъ случай могатъ да се явятъ непълноти, евентуално и оспорвания². Безспорно, това предупреждение въ постановле-

¹ Специално постановено, това саморжчно подписване срѣщаме и въ зач. V, стат. 2 на Екл. Л. ц.: „и въ томъ на то написанымъ и назнаменающимъ завѣщающеми хотящу и своимъ написаниемъ свою рукою“; следва, какъ трѣбва да се подреждатъ — името, башиното име и пр. (христово, т. е. кръщелно име).

² Това предубеждение става излишно, и за изпълнение на волята на завещателя при по-малко отъ (3) души свидетели не би имало опасностъ, само ако завещанието е трѣб-

нията на Екл. Л. ц., тъй ясно доловимо въ ст. 4 на въпросния зачатъкъ, е накарало компетентнитѣ съветници на завещателя или—самия него, ако приемемъ че той е добре познавалъ екложното право, да бждатъ внимателни и да искатъ завещанието да се завѣри отъ компетентната тогава църковна власть, като бжде при това дори приподписано вмѣсто отъ седемъ души свидетели, които биха били достатъчни, отъ десетъ души достовѣрни свидетели или, както самиятъ завещатель ги нарича, „почтенеиши старци и чорбаѣи“.

Подписътъ на завещателя, който тука напомня повече едно обикновено написване на собственото име, бащиното име и презимето, отъ колкото действителенъ подписъ (вж. напр. подписа на владиката Герасимъ въ горното поле надъ текста), е скрепенъ съ печать. Интересно е да отбележимъ тука, че, споредъ Екл. Л. ц., зач. V, ст. 2, завещанието трѣбва да бжде саморжчно подписано, предполага се — при грамотность: „своимъ написаниемъ свою рокою“. И това правило е безспорно запазено при нашия случай, тъй като на две мѣста въ текста завещательтъ казва, че е написалъ завещанието си самъ съ собствената си ржка. Ако и подписътъ да нѣма външния видъ на такъвъ, трѣбва да го приемемъ като саморжчно сложенъ отъ ржката на завещателя. Сложениятъ подъ подписа печать (на Хаѣи Матей Хаѣи Георгювичъ) не ни дава право да приемемъ, че завещательтъ не се е подписалъ саморжчно, особено пъкъ като се знае голѣмото разпространение на печатитѣ отъ този родъ презъ турско време.² Не сж подпечатани само имената на свидетелитѣ, написани въ сжщия характеръ, както е текстътъ на завещанието и както е името и презимето на завещателя. Имената на свидетелитѣ сж написани почти на самия доленъ ржбъ на завещанието, безъ да бждатъ придружени отъ печати, по всѣка вѣроятность, или защото не е останало мѣсто, или защото е било излишно, щото имената на такива знатни лица („достовѣрнии послухъ“ и пр.) да бждатъ подпечатвани.

Къмъ завещанието има и едно допълнение, което—по всичко личи, а най-вече по допълнителната датировка — е било написано осемъ години по-късно. Съ тази бележка, завещательтъ прави допълнителни разпоредби, като оставя на дъщеритѣ си (за зетьове не става дума) още

вало по принуда да бжде завѣрено въ „време на война“ или „на дълъгъ пжтъ“. Срав. Екл. Л. ц. зач. V, ст. 7. Тѣзи алтернативни положения, известни и на Юстиниановото право, сж преминали отсетне и въ Прохирона, срав. Proch., tit. XXI, с. 15, и въ Епаногогата, Epan. tit. XXIX, с. с. 8, 16. За подписа на завещателя и на свидетелитѣ сравни и оригиналната византийска Еклога, Ecl. tit. V, с. 2 сл. (Proch., tit. XXI, 4; Epan. tit. XXIX, с. 4 сл.).

² За този родъ печатни завѣрки въ наследственитѣ старобългарски актове не знаемъ нищо. Известни сж само цитираниитѣ постановления за начина на подписването тъй, както ги дава Екл. Л. ц., зач. V, ст. 2 сл., и оригиналната Еклога, tit. X, с. 2. Една по-късна новела на визан. почва, Nov. CXLV (119), с. 9, постановява: ако завещательтъ не е грамотенъ, това става чрезъ приподписване отъ други. Подробности вж. у Zach. v. Lingenthal, Gesch. d. gr. r. r., 152.

пари, а на едната отъ тѣхъ, „Х(аци) Ниделла“, освенъ пари, е построилъ и къща („та направихъ къща“), съ което още веднажъ се подчертава, че се намираме предъ едно завещание, изпълнено още приживе на завещателя: „да настаня и да утакмя сина си Хаџи Петра и дащирити си Юва и Хаџи Ниделла и пудиръ смърта ми да ни стани пумижду имъ науки прекословеніе и несогласіе заради моито именіе“. По този начинъ тука не става дума за единъ наследодателенъ актъ, споредъ който (срв. статия „о умираиіи“ отъ обширната редакция на Законъ сждный людъмъ) всичко се оставя въ ржцетѣ на тѣзи, които наследватъ, на сжда и на настойниците, а — за една подѣлба, извършена приживе и облѣчена въ всички форми на по-старитѣ закони, но предадена въ видъ на завещание¹.

Затова, както и да погледнемъ на правната природа на Добруджанското Х. М. завещание, то се явява като единъ типиченъ представителъ на схващанията на старобългарското екложно право въ новитѣ времена, отъ началото на миналия вѣкъ, и говори само по себе си, колко дълбоко е била всадена традицията на това право въ срѣдата на нашия народъ и презъ дългото турско господство. Въ Добруджанското завещание личи при това ролята и значението на нашитѣ църковни общини и църковни власти въ миналото като първостепенни центрове за мѣстно правораздаване, автономни презъ сжщата турска епоха, освенъ въ църковно, още въ административно и въ сждебно отношение.

София

Владиславъ Алексіевъ

¹ Разглежданото завещание е датирано два пжти, веднажъ презъ 1828, 10 септември, други пжтъ презъ 1836 година, безъ да се даде месеца и деня. Мѣстожителството или мѣстоиздаването на завещанието не сж дадени, по всѣка вѣроятност, защото имотитѣ сж били разпрѣснати, а освенъ това и завещателтъ още приживе самъ подѣля богатствата си.

Litterae keneziales

Матерьялы для исторіи колонизаціи Подкарпатской Руси на Волошскомъ правѣ

Колонизація на волошскомъ правѣ имѣла на Подкарпатской Руси, въ общемъ, такое-же значеніе, какъ колонизація на нѣмецкомъ правѣ въ западно-славянскихъ земляхъ. Матерьяловъ для исторіи этой колонизаціи имѣется, однако, сравнительно немного. Болѣе значительное количество (50) грамотъ XIV-XVII ст., касающихся колонизаціи Подкарпатской Руси на волошскомъ правѣ, опубликовалъ только Ф. Легоцкій (Történelmi Tárg, 1890, 1894 г. г.). На матерьялѣ, опубликованномъ Легоцкимъ, основана, главнымъ образомъ, извѣстная работа К. Кадлеца о волошскомъ правѣ въ той ея части, которая касается Подкарпатской Руси¹. Въ своей публикаціи Легоцкій, однако, не указываетъ, гдѣ находятся оригиналы печатаемыхъ имъ актовъ.² Только недавно, работая въ архивѣ б. мукачевско-чинадѣвской доминіи, я имѣлъ возможность установить, что эти грамоты были опубликованы Легоцкимъ на основаніи копій, имѣющихся въ урбарѣ названной доминіи, составленномъ въ 1649 году.³ Притомъ оказалось, что значительная часть этихъ грамотъ, несмотря на интересъ, который онѣ представляютъ, опубликована не была⁴.

¹ Valaši a valašské právo (Прага 1916), стр. 242 сл., 262 сл.

² Легоцкій пишетъ только (Tört. Tárg, 1890, стр. 164), что у него имѣется 85 грамотъ и что изъ нихъ онъ печатаетъ 50. Слѣдуетъ сказать, что кромѣ печатаемыхъ нами 33 грамотъ въ урбарѣ имѣется дѣйствительно еще три грамоты (на мадыарскомъ языкѣ), которыя, однако, къ категоріи „litterae keneziales“ не принадлежатъ, вслѣдствіе чего мы ихъ здѣсь не печатаемъ.

³ „Urbarium seu connumeratio colonorum sive jobbasyonum — principissae d. d. Susannae Lorantffi — principis d. d. Georgii Rakoczi — relictæ viduæ — in bonis ad arcem Munkacz pertinentibus — per egregium Michaelem Cheh in anno 1649 conscriptum et inchoatum“. Урбаръ хранится въ архивѣ б. доминіи въ Мукачевѣ.

⁴ Считаю нужнымъ указать на то, что въ дунковицкой грамотѣ 1568 г. (Dumkofalva, Tört. Tárg, 1890, стр. 489) пропущено въ концѣ грамоты обозначеніе границъ, которое гласитъ: „Haec eadem Demkofalva his nititur terminis ac finibus: primo, ex inferiori parte ejusdem Dumkonis aedium infessus est humi lapis grandis, inde vergit trans montem, tenden(tem) trans montem ad rivulum Rabonicza, inde rursus ex parte possessionis Ruszko szallása tendit vetus et antiqua semita ad possessionem dominorum Homonnajensium Brisztra vocatam, in lapide rivuli Abbova A.(?) sub domo Jo(ann)is versus tendens. Item ex parte Brisztra rursus amicit ingenti petra(!) vulgo Abbova keő vocata, inde — (r)abbovasio(?) rursus ad fluvium Rhabonicza. Qui fines inditi fuerant eidem villae antea per egregium Demetrium Kerepeczi, officialem olim arcis Munkacz ac caeteros quam plurimos honestos viros oppidi Munkacz“ (стр. 299). Кромѣ того, въ текстъ отдѣльныхъ грамотъ, изданныхъ Легоцкимъ, вкрались ошибки, и на нѣкоторыя, болѣе

Печатаемая нами грамоты являются, такимъ образомъ, дополненіемъ къ публикаціи Ф. Легоцкаго, основаннымъ на томъ-же источникѣ.

Въ виду недостатка мѣста ограничиваюсь только самыми необходимыми примѣчаніями, тѣмъ болѣе, что лучшимъ комментариемъ къ печатаемымъ грамотамъ является названный выше трудъ К. Кадлеца. Текстъ грамотъ печатаю дословно, съ тѣмъ, что въ грамотахъ, которыя были подтверждены Н. Эстергази и У. Дершфи въ 1613 году, привожу формулу подтвержденія только въ одной грамотѣ (н. 8), считая, что повторять ее въ остальныхъ грамотахъ было бы безцельно. Въ топографической номенклатурѣ придерживаюсь названій, установленныхъ А. Петровымъ въ его трудѣ: *Národopisná mapa Uher* (Прага 1924), съ тѣмъ, что въ примѣчаніяхъ привожу названія имѣющіеся въ урбарѣ или-же въ трудѣ Легоцкаго, *Beregvármegye monographiája* (I-III, Ужгородъ 1881), поскольку эти названія отличаются отъ современныхъ, установленныхъ А. Л. Петровымъ.

1. Дешковица (1581)

Nos Franciscus Magoczi, cottuum Beregh et Thorna comes etc. Memoriae comendamus tenore praesentium, significantes, quibus expedit universis, quod providus Andreas Desko, in nostram veniens praesentiam, supplicavit nobis, ut litteras infra scriptas, spectabilis ac magnifici quondam piae memoriae Casparis Magoczi, fratris nostri observantissimi confirmare dignaremur. Quarum quidem litterarum tenor talis est. Caspar Magoczi, cottuum Thorna et de Bereghcomes, sacratissimae coesareae regiaeque majestatis consiliarius etc. Memoriae comendamus tenore praesentium, significantes quibus expedit universis, quod nos ditionem praefatae sacratissimae coesareae regiaeque majestatis, domini domini nostri clementissimi, arcem videlicet Munkác, nobis impignoratam, ac possessiones ad eandem arcem pertinentes amplificare semper volentes, silvam sive locum inter Alpes et montes, ad hanc praefatam arcem pertinentes, sitam Andreae Desko dedimus et concessimus imo damus et concedimus eidem haeredibusque et posteritatibus ejusdem universis, ut idem Andreas Desko in praenotato loco villam sive possessionem de novo colocoet et aedificet ac more aliorum scultetorum sive keneziorum libertinus sit et habeatur, consueta tamen servitia et dona semper praestare debeat et teneatur. Cujusquidem loci nomen Andras falva indidimus, metas quoque ejusdem loci seu villae has concessimus: ab oriente et meridie rivulus Sygo nuncupatus, ab occidente vero fons scaturiens nomine Risko et mono Sztrintura dictus, a septemtrione vero silva vulgo Czeresnyefa appellata ac ultra semitam Sygo usque ad pumaculum montis Keóhegy praenotati, in circuitu loci se exten (dentis). Subditorum vero, qui illic condescenderint, censum

важныя изъ нихъ, считаю нужнымъ обратить вниманіе. Такъ, въ *Tört. Tá. 1890*, стр. 483 вмѣсто „qui — decem porcos habuerit, eidem portiones — exsolvant“ слѣдуетъ читать: „redemptiones solitas exsolvant“, вмѣсто „hominibus, qui — movendo venerint“ слѣдуетъ читать: „moran(do) venient“, на стр. 475 (Страбичово) должно быть: „primo illac officialis non descendat pro residentia et si venerit, teneatur sibi provisio de uno prandio vena coena tantum. Item ostensio sanguinis laesi hominis fiat ad poenam unius marcae“. Въ *Tört. Tá. 1894*, стр. 59 вмѣсто „Pudjolví“ должно быть „Potpolucz“, стр. 62 вмѣсто „parte Perekraszna“ — „Po Perekresznyi“, вмѣсто „Sztines“ — „Zteny“, вмѣсто „Kiscsorna“ — „Kiczorna“, на стр. 63 вмѣсто „Szolocsin“ — „Zalaczin“, на стр. 66 вмѣсто „Timkovics“ — „Timkonis“, в. „Vascovics“ — „Vasconis“, на стр. 69 в. „Stanko Bundasz“ — „Szaúka Budasz“, в. „Csertészovadka“ — „Chertisovaczka“, на стр. 71 в. „Pabukova“ — „Pabuzova“.

usque ad quinquennium, servitia vero usque ad quadriennium peperimus, concessimus et condonavimus, imo parcimus, concedimus et condonamus. Harum nostrarum vigore et testimonio litterarum mediante. Datae in arce Munkacz die 12 mensis Maji anno Dni millesimo quingentesimo octuagesimo primo. Nos itaque praefatas litteras in omnibus punctis, clausulis et articulis ac in omni sui parte acceptavimus et confirmavimus, harum nostrarum vigore et testimonio litterarum mediante. Datum ex arce nostra Munkacziensi, die decima octava mensis Augusti anno millesimo sexcentesimo undecimo: Franciscus Magoczi m. p. L. S. (ср. 201).

2. Гукливый (1588 г.)¹

Sigismundus Rakoczi comes cottus Thornae, sacrae coesar. regiaeque majestatis consiliarius etc. Memoriae comendamus tenore praesentium significantes universis, quibus expedit. Quod nos ditionem sacrae coesareae regiaeque majestatis, domini domini clementissimi arcem videlicet Munkacz et possessiones ad eandem pertinentes amplificare et augmentare volentes, providis Petro Peczkovicz et Joanni similiter Peczkovicz de Hukliva, fratribus couterinis, juxta fluvium Nagy Hukliva, ipsorumque haeredibus et posteritatibus dedimus et concessimus sculletiam seu keneziatum possessione. Nagy Hukliva vocata, metas autem possessionis praefatae Nagy Hukliva (reliquarum vicinarum possessionum jure et meta loco manente) has concessimus ab oriente quantum rivulus Nagy Hukliva scindit seu separat, a meridie usque ad cacumen Alpium super eminentis, a parte occidentali seu parte possessionis Eökörmezeo erit in meta seu termino mons Rüh seu Szaruhegy vulgo nuncupatus, a septentrione usque ad montem Clyva: a parte autem possessionis Polonicza, Supanya usque ad verticem montis nominati Beszked, quantum idem separat seu distinguit et usque terminum possessionis Vereczke. Ea conditione, ut idem Petrus Peczkovicz et Joannes similiter Peczkovicz dictam possessionem Nagy Hukliva sub termino sex annorum a data praesentium extraneis colonis et non ad ditionem arcis Munkacz pertinentibus condescendere faciat et populosam reddat. Colonis autem ad eandem Nagy Hukliva condescendentibus intra quinquennium (ab) omnibus censibus, taxis, datis, collectis libertatem dedimus et concessimus. Hi vero Kenezii Petrus Peczkovicz et Joannes similiter Peczkovicz, eorumque haeredes et posteritates universi ea omnia sicut et coeteri Kenezii ab antiquo ad eandem arcem Munkacz praestare solent, praestare et solvere teneantur. Addendo praeterea, quod si sub praemisso termino annorum sex praedictam possessionem Nagy Hukliva dicti Petrus Peczkovicz et Joannes similiter Peczkovicz colonis populosam condescendere neglexerint, etiam ipsi kenezii ad instar aliorum colonorum ad omnia servitia adstricti sint et teneantur. Harum nostrarum vigore et testimonio litterarum mediante. Datum in arce Munkacz die vigesima prima Octobris, anno Dni millesimo quingentesimo octuagesimo octavo. Ut supra. L. S. (Ср. 130).

3. М. Лохово (1592)²

Nos Sigismundus Rakoczi, comes cottus Thornensis etc. memoriae comendamus tenore praesentium significantes quibus expedit universis, quod cum omni studio in dies laboremus et conemur pro nostra facultate bona et possessiones ad arcem istam Munkacz pertinentes populorum et incolarum numero ordineque bono meliorem reddere et decorare, hujus itaque ad instantiam suas petitiones, consideratis fidelitatibus eorum Joanni Paczka possessionem Kis Loho filiis ejusdem videlicet Lucae et Laurentio Paczka nunc existentibus et post haec futuris in una sessione, domo seu curia Joannis Paczkai quoadusque simul cohabitarent, Keneziatum sive libertatem in eadem possessione Kis Loho dedimus et contulimus, ab omnibusque taxis tam ordinariis, quam extraordinariis servitiisque ad arcem istam Munkacz praestare solitis liberum et exemptum habere volumus, omnibus denique libertatibus, quibus caeteri Kenezii ab antiquo freti et gavis

¹ Hukliwa.

² Kis Loho. Легоцкий, Beregv. monogr., III. 385: Lenyuvci.

sunt ipsique utantur concessimus, cum vero aliquis illorum supra dictorum filiorumque eorundem a domo seu sessione illa se amoverit aliamque in sessionem contulerit, statim pro ut reliqui coloni ad omnia servitia praestanda solutionesque taxarum sint adstricti debeant ac teneantur. Molamque farinariam seu scultatoriam¹, in qua molare criseosque seu gausapas sulcare pro sua utilitate possint aedificare et extruere; hoc adjecto, ut ea praestare teneantur, quae reliqui Kenezii ad istam arcem pertinentes annis singulis praestare debent, ex ovibus, capris, porcis, apibus decimas dare non teneantur. Quae possessio supradicta ab oriente Lohoviczi Szölö vocata, a meridie cacumen montis Cherkocz, ab occidente fluvius Matasso terminati finibus. In cuius rei memoriam firmitatemque perpetuam litteras nostras sigillo proprio munitas dandas et concedendas esse duximus. Die 5 Martii anno Domini millesimo quingentesimo nonagesimo secundo. Sigismundus Rakoczi m. p. (стр. 268)¹.

¹ На поляхъ приписка: А. 1657 die 29 7-bris ezen levelket beadták és az mi kegyelmes asszonyunk neve alatt confirmáltatni akarják.

4. Куштановица (1597)²

Sigismundus Rakoczi, comes cottus Thornensis ac consiliarius sacrae coesareae regiaeque majestatis etc. Memoriae comendamus tenore praesentium, significantes universis, quibus expedit, quod nos ditionem praefatae sacrae coesareae majestatis, dni dni nostri clementissimi, arcem videlicet Munkacz et possessiones ad eandem pertinentes amplificare et augmentare volentes, provido Sandrino Kosztan, alias cohabitatoris Kendereske, suis haeredibus et posteritalibus, dedimus et concessimus scultetiam seu keneziatum possessionis Kapufalva vocatae, metas autem praefatae possessionis Kendereske ab occidente (!), ab altera parte Kerepeczke usque ad fluvium Jenczmin ab oriente nec non ad viam Repede a septemtrionali vocitatis (!). Ea conditione, ut idem Sandrinus Kosztan dictam possessionem Kapufalva, sub termino sex annorum a data praesentium, extraneis colonis et non ad ditionem arcis nostrae Munkacz pertinentibus Kapufalva condescendere faciat et populosam reddat. Colonis autem ad eandem Kapufalva condescendentibus intra quinquennium ab omnibus censibus, taxis, datis, collectis libertatem dedimus et concessimus. Ipse vero kenezius Sandrinus Kosztan, et sui haeredes posteritatesque universi, ea omnia, sicut coeteri kenezii ab antiquo ad eandem arcem Munkacz praestare solent, praestare et solvere teneantur. Addendo praeterea, quod si sub praemisso termino annorum sex praedictam possessionem Kapufalva dictus Sandrinus Kosztan colonis populosam condescendere neglexerit, etiam ipse kenezius, ad instar aliorum colonorum ad omnia servitia adstrictus sit et teneatur. Harum nostrarum vigore et testimonio litterarum mediante. Datum in arce Munkacz, septima die mensis Januarii, anno millesimo quingentesimo nonagesimo septimo. Sigismundus Rakoczi m. p. L. S. (стр. 169).

5. Мельничный (1597).³

Nos Sigismundus Rakoczi, comes cottus Thornensis, sacrae coesareae regiaeque majestatis consiliarius etc. Memoriae comendamus tenore praesentium, significantes universis, quibus expedit. Quod nos ditionem praefatae sacrae coesareae regiaeque majestatis dni dni nostri clementissimi arcem videlicet Munkacz et possessiones ad eandem pertinentes amplificare et augmentare volentes, providis Andreae et Demko Hriczikovicz eorumque haeredibus et posteritalibus universis dedimus et concessimus scultetiam seu keneziatum possessionis Melisna (!), metas autem possessionis ejusdem Melisna reliquarum vicinarum possessionum jure et meta loco manente, concessimus ea conditione, ut iidem Andreas et Demko Hriczikovicz dictam possessionem Melisna sub termino sex annorum a data praesentium extraneis colonis et non ad ditionem arcis Munkacz perti-

¹ Sulcatoriam. Ср. Tört. Tár, 1894, 55 u Bartal, Glossarium, 425.

² Kosztanfalva.

³ Melniczna.

nentibus condescendere faciant et populosam reddant. Colonis autem ad eandem Melisna condescendentibus intra quinquennium ab omnibus censibus, taxis, datis et collectis libertatem dedimus et concessimus. Ipsi vero kenezii Andreas et Demko Hriczиковicz, eorumque haeredes et posteritates universi, ea omnia sicut et coeteri kenezii ab antiquo ad eandem arcem Munkacz praestare solent, praestare et solvere teneantur. Addendo praeterea, quod si ipsi sub praemisso termino annorum sex praedictam possessionem Melisna dicti Andreas et Demko Hriczиковicz colonis populosam reddere, condescend(ere)que neglexerint, etiam ipsi kenezii, an instar aliorum colonorum ad omnia servitia adstricti sint. Harum nostrarum vigore et testimonio litterarum mediante. Datum in arce nostra Munkacz die 5 Martii anno Dni millesimo quingentesimo nonagesimo septimo. Ut supra. L. S. (стр. 151).

6. Вел. Быстрый (1597).¹

Nos Sigismundus Rakoczi, comes cottus Thornensis, sacrae coesarae regiaeque majestatis consiliarius etc. Memoriae comendamus tenore praesentium, significantes quibus expedit, quod nos ditionem prefatae sacrae coesarae regiaeque majestatis, domini dni nostri clementissimi, arcem videlicet Munkacz et possessiones ad eandem pertinentes amplificare et augmentare volentes, provido Joanni ed Gregorio Melles ejusque haeredibus et posteritatibus dedimus et concessimus scultetiam seu keneziatum possessionis Bisztra. Metas autem praefatae possessionis, reliquarum vicinarum possessionum jure et meta loco manente, concessimus ea conditione, ut iidem Joannes et Gregorius Melles dictam possessionem Bisztra sub termino sex annorum ad data praesentium extraneis colonis et non ad ditionem arcis Munkacz pertinentibus condescendere faciant et populosam reddant. Colonis autem, ad eandem Bisztra condescendentibus, intra quinquennium ab omnibus censibus, taxis, datis, collectis libertatem dedimus et concessimus. Ipsi vero kenezii, Georgius et Joannes Melles, et ipsorum haeredes posteritatesque universi, ea omnia, sicut et coeteri kenezii ab antiquo ad eandem arcem Munkacz praestare solent, praestare et solvere teneantur. Addendo praeterea, quod si sub praemisso termino annorum sex praedictam possessionem Bisztra dicti Georgius et Joannes Melles colonis populosam condescendere neglexerint, etiam ipsi kenezii ad instar aliorum colonorum ad omnia servitia adstricti sint et teneantur. Harum nostrarum vigore et testimonio litterarum mediante. Datum in arce Munkacz, die vigesima octava mensis Junii anno Dni millesimo quingentesimo nonagesimo septimo. Ut supra m. p. L. S. (стр. 153).

7. Арданово (1592)².

Nos Sigismundus Rakoczi, comes cottus Thornensis ac sacrae coesarae regiaeque majestatis consiliarius etc. Memoriae comendamus tenore praesentium significantes quibus expedit universis, quod cum filii Pauli Ziczko, olim incolae possessionis Ardanhaza, Thomas, Gregorius et Jacobus Ziczko, nostram venissent in praesentiam, orantes obnixae, ut in exemptione se libertate eadem, qua patrem ipsorum, quondam Paulum Ziczko retinuerimus, ipsos quoque retineremus. Quorum justis praecibus annuentes, hanc eisdem non inviti largiti sumus, concedentes, ut ab omnibus taxis, oneribus, servitiisque ordinariis ad arcem hanc Munkacz praestare solitis exempti et supportati habeantur. Ea tantum praestare teneantur, ut alter eorum semper uno equo promptus et paratus sit, ut quandoque res postulaverit, operam ipsis demandatum ad arcem Munkacz concernentem, propriis suis expensis exequi possint. In cujus rei firmiter testimonium, praesentes nostras litteras, sigillo nostro munitas, dandas et concedendas esse duximus. Datum in arce Munkacz, die vigesima sexta Aprilis anno millesimo quingentesimo nonagesimo nono. Ut supra. L. S. (стр. 207).

¹ Nagy Bisztra.

² Ardánháza.

8. Воротница (1602)¹.

Nos Nicolaus Eszterhazi de Galantha et Ursula Dersffi de Szerdahely etc. memoriae comendamus praesentium tenore, significantes, quibus expedit universis, quod exhibitae et praesentatae sunt nobis litterae spectabilis et magnifici domini, piae memoriae quondam Francisci Magoczi, domini nostri observantissimi infra scriptorum eorumque successorum nominibus et in personis, supplicantes, ut easdem in omnibus punctis, clausulis et articulis confirmaremus.

Quarum quidem litterarum tenor talis est. Nos Franciscus Magoczi, colituum Bereghet Thorna comes etc. damus pro memoria, quod nos ditionem arcis nostrae Munkacz amplificare et augmentare volentes, provido Michaeli Beringye de Voroťniczna eorumque (!) haeredibus et posteritatibus universis intra metas possessionum nostrarum Ribocz et Bubulista nuncupatarum, scultetiam seu Keneziatum concessimus cum omnibus suis libertatibus, quemadmodum caeteri nostri Kenezii libertatibus hactenus usi et gavisi sunt, gaudeant simul cum cunctis suis certis et veris metis et antiquis limitibus de jure et ab antiquo ad eandem pertinentibus ac pertinere debentibus salvo jure et meta aliarum possessionum nostrarum permanentibus, dedimus, donavimus et concessimus, imo damus, donamus et concedimus ea conditione, quod ea quoque annuatim dictus Michael Beringye Voroťniczai ipsiusque haeredes et posteritates universi quae caeteri Kenezii ab antiquo ad dictam arcem nostram Munkacz praestare solent et solvere, praestare et solvere debeant et teneantur cum pecunia bellica, quae annuatim et tempore necessitatis belli per Ke(ne)zios et libertinos dictae arcis nostrae Munkacz exigi solent in omni puncto sint modis omnibus adstricti, harum nostrarum vigore et testimonio litterarum mediante. Datum in arce nostra Munkacz die 23 Aprilis a. 1602. Nos itaque praefatas litteras in omnibus punctis clausulis et earum articulis accepimus et confirmavimus harum nostrarum vigore et testimonio litterarum mediante. Datum in arce nostra Munkacz die 1 Januarii a. 1613. Nicolaus Eszterhazi m. p. L. S. (стр. 269).

9. Грабово (1604)².

Nos Franciscus Magoczi, comes cottus Thornensis etc. Memoriae comendamus tenore praesentium, significantes universis quibus expedit. Quod nos ditionem sacrae coesarae regiaeque majestatis domini dni nostri clementissimi, arcem videlicet Munkacz et possessiones ad eandem pertinentes amplificare et augmentare volentes, providis Stephano Zidor, Joanni et Ladislao Zidor de Porosko ac haeredibus et posteritatibus eorundem juxta fluvium Hrabovecz dedimus et concessimus scultetiam seu keneziatum possessionem Hrabovecz a rivulo nomen sumptae(!), metas autem reliquarum vicinarum possessionum jure et loco manente, eisdem concessimus a plaga Porosko usque metam Magnificorum dominorum Homennajensium, ab occidente usque ad fluvium Visnyczke, a meridionali plaga usque ad rivulum Strichko, ea conditione ut idem dicti kenezii dictam possessionem Hrabovecz sub termino sex annorum a data praesentium extraneis colonis, et non ad ditionem arcis Munkacz pertinentibus condescendere faciant et populosam reddant. Keneziatum vero alternatim possidere concedimus. Colonis autem ad eandem Hrabovecz condescendentibus intra quinquennium ab omnibus censibus, taxis, datiis, collectis libertatem dedimus et concessimus. Ipsi vero praedicti kenezii, Stephanus, Joannes et Ladislaus Zidor ac haeredes et posteritates universi ea omnia sicut et caeteri kenezii ab antiquo ad eandem arcem Munkacz praestare solent, praestare et solvere teneantur. Addendo praeterea, quod si sub termino sex annorum jam praenominatorum praedictam possessionem Hrabovecz dicti kenezii populosam condescendere neglexerint, etiam ipsi kenezii, more aliorum colonorum ad omnia servitia adstricti sint et teneantur. Harum nostrarum vigore et testimonio litterarum mediante. Datum in arce Munkacz, die vigesima Januarii,

¹ Verotniczna.

² Zidorfalva.

Anno Dni millesimo sexcentesimo quarto. Franciscus Magoczi m. p. L. S. Nicolaus Eszterhazi confirmat m. p. (стр. 289).

10. Копиновцы (1607)¹.

Н. Эстергази и У. Дершфи подтверждают въ Мукачевѣ 1 января 1613 г. грамоту Ф. Магочи.

Nos Franciscus Magoczi, cottuum Beregh et Thorna comes etc. memoriae comendamus tenore praesentium significantes, quod nos ditionem arcis nostrae Munkacz amplificare et augmentare volentes, providis Thomae Lengyel, Sandrino Bageza, Joanni, Jacobo et alteri Sandrino Thomae et Andreae similiter Kenéz, eorumque haeredibus et posteritatibus universis in possessione Nagy Mogyeros paenes torrentem similiter Mogyeros et Szerenczefalva nuncupatorum, salvis tamen dictarum possessionum metis permanentibus, scultetiam seu Keneziatum concessimus, quo uti, frui et gaudere possint et valeant tam ipsi, quam eorum haeredes et posteritates universi ea conditione, quod praenominati nostri Kenezii eorumque haeredes et posteritates universi, dum ad perfectam, hospitaalemque pervenerint aetatem, ea omnia, quae caeteri nostri Kenezii ab antiquo ad dictam arcem nostram praestare, solvere et inservire debeant et teneantur, sintque modis omnibus adstricti, quod si nollent, non possint aut non curarent, ex tunc iidem Kenezii, eorumque haeredes et posteritates universi ad omnia servitia rustica peragenda sint adstricti, harum nostrarum vigore et testimonio litterarum mediante. Datum ex arce nostra Munkacz, die 20 mensis Aprilis anno post mille sexcentesimo et septimo (стр. 274).

11. Микуловцы (1607).²

Н. Эстергази и У. Дершфи подтверждают въ Мукачевѣ, 1 января 1613 г. грамоту Ф. Магочи.

Nos Franciscus Mágoczi, cottuum Beregh et Torna comes etc. memoriae comendamus, quod nos ditionem arcis nostrae Munkacz amplificare et augmentare volentes, providis Sandrino Gergely, Laurentio ac Thomae Sandor de Kis Mogyeros, fratribus suis carnalibus eorumque denique haeredibus et posteritatibus universis Keneziatum et libertatem, quo sicut caeteri nostri Kenezii utuntur et gaudent, uti frui et gaudere possint concessimus ea conditione, quod dicti Kenezii eorumque haeredes et posteritates universi ea omnia, quae caeteri nostri Kenezii ab antiquo ad eandem arcem nostram Munkacz praestare et inservire solent, praestare et inservire solvereque debeant et teneantur, sintque modis omnibus adstricti cum pecuniis bellicis per eosdem annuatim solventibus (!) imo dedimus et concessimus harum nostrarum vigore et testimonio litterarum mediante. Datum ex arce nostra Munkacz, die vigesima secunda mensis Aprilis, Anno Dni millesimo sexcentesimo septimo (стр. 275).

12. Мѣдяница (1607)³.

Н. Эстергази и У. Дершфи подтверждают въ Мукачевѣ, 1 января 1613 г. грамоту Ф. Магочи:

Nos Franciscus Magoczi, cottuum Beregh et Thorna comes etc. Memoriae comendamus tenore praesentium, significantes quibus expedit universis. Quod nos ditionem arcis nostrae Munkacz amplificare et augmentare volentes, providis Philippo et Jacobo Botla de Medencze, eorumque haeredibus et posteritatibus universis keneziatum et libertatem, quo sicut coeteri nostri kenezii utuntur et gaudent, uti, frui et gaudere possint, concessimus cum sessione sua ibidem empta, ea conditione, quod dicti kenezii, ipsorumque haeredes et

¹ Nagy Mogyeros.

² Kis Mogyeros.

³ Medencze.

posteritates universi ea omnia, quae coeteri kenezii ab antiquo ad eandem arcem nostram Munkacz praestare et inservire solent, praestare, inservire, solvereque debeant et teneantur sintque modis omnibus adstricti, cum pecuniis bellicis, per eosdem annuatim solventibus(!) imo dedimus et concessimus. Harum nostrarum vigore et testimonio litterarum mediante. Datum in arce nostra Munkacz, die vigesima secunda mensis Aprilis anno post mille sexcentesimo septimo. (стр. 204).

13. М. Брестовъ (1607)¹.

Н. Эстергази и У. Дершфи подтверждаютъ въ Мукачевѣ, 1 января 1613 г. грамоту Ф. Магочи:

Nos Franciscus Magoczi, cottuum Beregh et Thorna comes etc. Memoriae comendamus tenore praesentium, significantes, quod nos ditionem arcis nostrae Munkacz amplificare et augmentare volentes, provido Simoni Kopcza de Kis Breszto ipsorumque (!) haeredibus et posteritatibus universis dedimus et concessimus scultetiam sive keneziatum inter possessiones Kis Dobrovicza, Zuppetnyk et Nagy Breszto nuncupatas, earumque scilicet possessionum metis permanentibus, ea conditione, quod dictus Simon Kopcza praefatam possessionem Kis Breszto sub termino futurorum sex annorum spatio a data praesentium extraneis condescendere et populosam reddere faciat colonis. Colonis autem ad eandem possessionem Kis Breszto condescendentibus intra quinquennium ab omnibus censibus, taxis, datiiis, collectis libertatem damus et concedimus. Ipse vero Simon Kopcza kenezius ea omnia sicut coeteri kenezii ab antiquo ad praefatam arcem nostram Munkacz praestare solent, praestet et solvat tam ipse, quam haeredes et posteritates ipsius universi habeant et teneantur cum pecunia bellica, addendo, quod si sub praemisso termino annorum sex praefatam possessionem Kis Breszto colonis populosam reddere et condescendere neglexerit, ex tunc ipse kenezius, instar aliorum colonorum, ejusque haeredes et posteritates universi, ad omnia servitia sint modis omnibus adstricti. Harum nostrarum vigore et testimonio litterarum mediante. Datae in arce nostra Munkacz, die 24 Aprilis, anno Dni millesimo sexcentesimo septimo. (стр. 159).

14. Ивашковцы (1607)².

Н. Эстергази и У. Дершфи подтверждаютъ грамоту Ф. Магочи (Мукачево) 1 января 1613 г.:

Nos Franciscus Magoczi, comitalus Beregh et Thorna comes, memoriae comendamus tenore praesentium, significantes quibus expedit universis, quod nos ditionem arcis nostrae Munkacz amplificare et augmentare volentes, providis Ladislao et Petro Ivasko de Ivaskofalva, ipsiusque haeredibus et posteritatibus universis scultetiam seu keneziatum concessimus, ea ratione, quod praefati Ladislaus et Petrus Ivasko possessionem Ivaskofalva intra metas possessionum nostrarum Gaalfalva, Hattmegg et Nadilossina nuncupatarum, salva earumque possessionum meta permanentibus (!), intra spatium quinque annorum extraneis et non ad ditionem nostrae arcis Munkacz pertinentibus colonis condescendere et populosam reddere faciant, quibus colonis intra spatium quinque annorum ab omnibus datiiis, taxis, collectis et servitiis libertatem dedimus et concessimus. Praefati enim Ladislaus et Petrus Ivasko ea omnia, quae coeteri nostri Kenezii ab antiquo ad arcem nostram Munkacz praestare et solvere solent, tam ipsi, quam haeredes ipsorum universi annuatim praestare et solvere debeant et teneantur, sintque modis omnibus, una cum pecunia bellica, ab eisdem tempore necessitatis ab eisdem (!) exigi solita, astricti. Hoc etiam addito, quod si praefati Ladislaus et Petrus Ivasko supranominatam possessionem intra spatium jam dictorum annorum condescendere, populosamque reddere neglexerint, praesentiae litterae cessant, ipsique kenezii instar aliorum colonorum nostrorum

¹ Kis Bresztó.

² Ivasko Tapfalva. Лерцкій, specit., III. 327: Vaskovicza.

ad omnia servitia rustica, nec non solutiones sint astricti. Harum nostrarum vigore et testimonio litterarum mediante. Datae ex arce nostra Munkaczienſi die 24 Aprilis 1607. (стр. 195).

15. Скотарскій (1607)¹

Н. Эстергази и У. Дершфи подтверждаютъ въ Мукачевѣ, 1 января 1613 г. грамоту Ф. Магочи:

Nos Franciscus Magoczi, cottuum Torna et Beregh comes. Memoriae comendamus tenore praesentium, significantes quibus expedit universis. Quod nos ditionem arcis nostrae Munkác amplificare et augmentare volentes, providis Andreae Palkovicz Ladislao scilicet Palkovicz et Jacobo Gyuczak scultetiam seu Keneziatum concessimus una cum haeredibus eorum universis, ea conditione, quod dicti Kenezii possessionem Szkotar intra metas possessionum nostrarum Hukliva et Vereczke nuncupatarum, salva eorum meta permanentibus (sic), intra spatium sex annorum condescendere et populosam reddere extraneis et non ad ditionem arcis nostrae Munkacz pertinentibus colonis faciant: colonis autem noviter condescendentibus intra spatium praedictorum annorum ab omnibus datiis, collectis, taxis, servitiis libertatem concessimus, ipsi tamen kenezii perallegati ea omnia, quae caeteri nostri kenezii ad arcem nostram Munkác ab antiquo praestare et solvere inservireque debeant et teneantur, sintque modis omnibus adstricti, hoc quoque non praetermisso, quod tempore necessitatis, dum pecunia bellica, more solito a scultetis seu keneziiis, ad ditionem dictae arcis nostrae Munkác pertinentibus exigi jubemus, casquoque tam ipsi, quam haeredes eorum universi persolvere annuatim ne recusent. Si autem intra terminum sex annorum dictam possessionem Szkotar populosam reddere neglexerint, extunc instar aliorum colonorum ad omnia servitia rustica, cessatis litteris his kenezialibus², harum nostrarum vigore et testimonio litterarum mediante. Datae ex arce nostra Munkác, 24 Aprilis anno post mille sexcentesimo septimo. (стр. 123).

16. Ильковцы (1608).³

Nos Franciscus Magoczi comes cottuum Beregh et Thorna etc. Memoriae comendamus tenore praesentium significantes, quibus expedit universis. Quod nos ditionem arcis nostrae Munkacz amplificare et augmentare volentes, providis Janko, Joanni, Georgio et Lucae Vylko, jobbasyonibus nostris in ditione arcis nostrae Munkacz Vilkofalva nuncupata degentibus, et in Cottu Bereghienſi habitis, in vicinitate possessionum Nagy Bobolistya, Ribocz et Szerencz falva Keneziatum seu libertatem in filios filiorum, haeredesque et posteritates eorum universos, dedimus ed concessimus, hac videlicet conditione, quod praedicti Kenezii antefatam possessionem nostram Vilkofalva in cottu Bereghienſi existentem, habitam, omni studio, opera et labore jobbasyonibus non ad arcem nostram Munkacz pertinentibus replere, populosamque reddere debeant et teneantur. Quiquidem jobbasyonibus intra spatium sex annorum integrorum ab omnibus solitionibus, servitiis, datiis et collectis tam ordinariis, quam extraordinariis immunes sint et habeantur, expleto vero sex annorum spatio ad omnia servitia, quae coeteri nostri jobbasyonibus adstricti, praestant et inserviunt, ipsi quoque praestare et inservire debeant et teneantur. Simili modo etiam praefati Kenezii more aliorum Keneziorum nostrorum in ditione arcis praedictae existentium, solitos labores, solutiones et id genus alia cum pecuniis bellicis annuatim persolvere debeant et modis omnibus sint adstricti. In cujus rei firmiter testimonium has nostras litteras sigillo nostro confirmatas eisdem dandas et concedendas esse duximus. Actum in arce nostra Munkacz, die 30 Januarii anno millesimo sexcentesimo octavo. Franciscus Magoczi m. p. L. S. (стр. 276).

¹ S. Skotarszka.

² Пропускъ въ текстѣ.

³ Ilkofalva.

17. Облазь (1608).

Н. Эстергази и У. Дершфи подтверждаютъ въ Мукачевѣ, 1 января 1613 г. грамоту Ф. Магочи:

Nos Franciscus Magoczi comes comitatum Beregh et Thorna. Memoriae comendamus tenore praesentium, significantes quibus expedit universis. Quod nos ditionem arcis nostrae Munkác amplificare et augmentare volentes, providis Laurentio et Thomae Kenéz jobbasyonibus nostris, in possessione Oblazfalva degentibus, keneziatum seu libertatem dedimus et concessimus in filios filiorum (quae praefata possessio nostra in vicinitatibus „Also Visnycze Kezépseo“ Visnycze et Lyncz existit), ita, ut praedicti kenezii nostri ab omnibus laboribus, servitiis, datis et collectis immunes sint et habeantur, hoc unico excepto, quod ea omnia, quae ab antiquo coeteri kenezii nostri annuatim praestare soliti sunt unacum pecuniis bellicis praedicti quoque kenezii nostri praestare debeant et teneantur, sintque modis omnibus adstricti, harum nostrarum vigore et testimonio litterarum mediante. Actum in arce nostra Munkacz die nona mensis Februarii a. 1608. (стр. 308).

18. Белебово (1608)¹.

Н. Эстергази и У. Дершфи подтверждаютъ въ Мукачевѣ, 1 января 1613 г. грамоту Ф. Магочи:

Nos Franciscus Magoczi, comes cottum Beregh et Torna, memoriae comendamus tenore praesentium, significantes quibus expedit universis. Quod nos ditionem arcis nostrae Munkác amplificare et augmentare volentes, providis Joanni et Michaeli Kenéz, jobbasyonibus nostris, in possessione nostra Kis Belebál degentibus eorumque haeredibus et posteritatibus universis scultetiam seu keneziatum dedimus et concessimus una cum molendino, ad eandem possessionem nostram pertinentem, interposita tamen ista conditione, ut praedicti kenezii antefactam (!) possessionem nostram extraneis colonis et non ad ditionem nostram pertinentibus omni opera et studio intra spatium unius anni condescendere populosamque reddere debeant et teneantur, nec non etiam, instar reliquorum keneziorum nostrorum, omnia ea, quae ab antiquo unusquisque praestare solitus fuerat, ipsi quoque kenezii praestare debeant sintque modis omnibus adstricti, ad solutionem bellici sumptus, annuatim praestandi. Si vero intra praefatum unius anni spatium dictam possessionem nostram populosam reddere neglexerint, ad omnia servitia omnesque labores coloniales sicut et coeteri jobbasyonones per amissionem keneziatu sint adstricti, harum nostrarum vigore et testimonio litterarum mediante. Actum in arce nostra Munkác die 14 Februarii anno Dni 1608. (стр. 302).

19. Вел. Лохово (1608).²

Н. Эстергази и У. Дершфи подтверждаютъ въ Мукачевѣ, 1 января 1613 г. грамоту Ф. Магочи.

Nos Franciscus Magoczi, cottuum Beregh et Thorna comes etc. Memoriae comendamus tenore praesentium, significantes quibus expedit universis, quod nos ditionem arcis nostrae Munkacz amplificare et augmentare volentes, provido Jacobo et Domiano Soltesz jobbasyonu nostro ejusque haeredibus et posteritatibus universis Keneziatum sive libertatem dedimus, in possessione nostra Nagy Loho nuncupata in vicinitate Bobolistya, cum certis suis metis et antiquis limitibus, ea tamen conditione, ut dictus Jacobus et Demianus Kenezii praefatam possessionem nostram extraneis colonis et non ad arcem nostram Munkács pertinentibus intra unius anni spatium condescendere faciat et populosam reddat, quibus noviter supervenientibus colonis intra sexennium libertas conceditur. Ipse vero dictus Kenezius instar aliorum Keneziorum omnia quaecunque an-

¹ Kis Belebál.

² Nagy Lohó.

nuatim ad hanc nostram arcem Munkács quilibet Keneziorum praestare solitus est, praestare debeat et teneatur, sitque modis omnibus ad bellici sumptus solutionem. Si vero intra praedictum unius anni terminum praefatam possessionem nostram populosam reddere neglexerit, ad omnia servitia more jobbasyonum nostrorum reliquorum compellatur, harumstrarum tenore et testimonio litterarum mediante. Actum in arce nostra Munkacziensi, die 21 Februarii anno 1608 (стр. 267).

20. Дѣлокъ (1610)¹

Nos Franciscus Magoczi, cottuum Beregh et Thorna comes etc. Memoriae comendamus tenore praesentium, significantes quibus expedit universis. Quod nos certis quibusdam ob causis domum providi Francisci Kenezii in possessione nostra Papfalva et cottu Bereghiensis existentem et habitam pro se ac filio suo Gregorio ab omni censuum, taxarum et contributionumstrarum, tam ordinarium, quam extraordinarium, servitiorumque quorumlibet plebeorum exhibitione, nec non decimarum et ditiarum² quarumlibet, nobis quotannis provenire debente pensione, ad boeneplacitum nostrum exemptos et supportatus duximus. Ita tamen, ut idem Franciscus Kenéz, et eo mortuo filius suus Gregorius, tempore necessitatis, toties quoties necessitas postulaverit, unum equitem, sive peditem boene armatum ad latus nostrum, ubicunque fuerimus, expedire debeant et teneantur, prout eximimus et supportamus modo praescripto, harumstrarum vigore et testimonio litterarum mediante. Quo circa vobis universis et singulis, generoso ac egregio praefecto arcis nostrae Munkacziensis, decimatoribus item quibusvis, modernis scilicet et futuris, pro tempore constituendis, cunctis etiam aliis quorum interest seu intererit praesentium notitiam habituris harum serie comittimus et mandamus, quatenus nos quoque a modo in posterum memoratum Franciscum Kenéz et Gregorium filium ejus, ratione praenominatae domus, agri dationumque (?) suarum, item pecudum, pecorum universorum ad nullam omnino censuum, taxarum et contributionum, tam ordinarium, quam extraordinarium, servitiorum item quorumlibet plebeorum exhibitione, necnon decimarum, nonarum ac aliarum quarumlibet dationum pensionem cogere et compellere aut propterea eosdem in personis rebusque suis aut bonis quibus vis impedire, molestare, aut quovis modo damnificare praesumat, nec sitis ausi modo alicui. Secus non facturi. Praesentibus perlectis exhibenti restituti. Datae in arce nostra Munkacziensi, die 28 mensis Aprilis, anno Dni millesimo sexcentesimo decimo.

Franciscus Magoczi m. p. L. S. Nicolaus Eszterhazi confirmat. (Стр. 174).

21. Выш. Ростокъ (1611).

Н. Эстергази и У. Дершфи подтверждаютъ въ Мукачевѣ, 1 января 1613 г. грамоту Ф. Магочи.

Nos Franciscus Magoczi, cottuum Beregh et Torna comes, Sacratissimae Coesarae Regiaeque Majestatis consiliarius etc. Memoriae comendamus tenore praesentium, significantes quibus expedit universis, quod nos ditionem arcis nostrae Munkács et pertinentium earundem in cottu Bereghiensis existentium amplificare et augmentare volentes, provido Joanni Litonovicz, haeredibusque et posteritatibus suis universis in possessione nostra Nagy Rosztoka, quae his circumdatur finibus Malezu ab una, ab altera vero Oztru, scultetiam seu keneziatum dedimus et concessimus tali conditione, ut idem Joannes Litonicz(!) praedictam possessionem more usitato extraneis et non ad ditionem nostram spectantibus subditis intra spatium sex annorum populosam reddere, muneraque annua, instar coeterorum nostrorum keneziorum praestanda, una cum bellici sumptus pensione debeant et teneantur(!). Colonis autem, ad eandem possessionem denuo condescendentes, intra spatium sex annorum ab omnibus servitiis, taxis, censibus, datis et

¹ Papfalva.

² Вм. datiarum.

collectis libertatem dedimus et concessimus, ita tamen, ut praedictae possessionis metae vicinis colonis ne adveresentur. Itoc addito, quod si idem kenezius Joannes Litonicz praedictam possessionem Rosztoka intra spatium sex annorum colonis extraneis populosam reddere neglexerit, ex tunc instar aliorum colonorum nostrorum ad omnia servitia rustica adstrictus sil. Harum nostrarum vigore et testimonio litterarum mediante. Datae ex arce nostra Munkacziensi die 8 mensis Junii, anno Dni 1611. (стр. 110).

22. Ниж. Росток (1611).

Н. Эстергази и У. Дершфи подтверждаютъ въ Мукачевѣ, 1 января 1613 г. грамоту Ф. Магочи:

Nos Franciscus Magoczi, cottuum Beregh et Torna comes ac Sacrae Caesareae Regiaeque Majestatis consiliarius etc. Memoriae comendamus tenore praesentium, significantes quibus expedit universis, quod nos ditionem arcis nostrae Munkacz et pertinentium earundem in cottu Bereghiensis existentium amplificare et augmentare volentes, provido Joanni Kaliczin haeredibusque et posteritibus suis universis in possessione nostra Kis Rosztoka scultetiam seu keneziatum dedimus et concessimus, tali conditione, ut idem Joannes Kaliczin praedictam possessionem more usitato extraneis et non ad ditionem nostram pertinentibus subditis intra spatium sex annorum populosam reddere, annualiaque munera, instar coeterorum nostrorum keneziorum una cum bellici sumptus pensione praestare debeant et teneantur (!). Colonis autem, ad eandam possessionem denuo condescendentibus, intra spatium sex annorum ab omnibus servitiis, taxis, censibus, datiis et collectis libertatem dedimus et concessimus, ita tamen, ut praedictae possessionis metae vicinis colonis ne adversentur. Hoc addito, quod si idem kenezius Joannes Kaliczin praedictam possessionem Kis Rosztoka intra spatium sex annorum colonis extraneis populosam reddere neglexerit, extunc, instar aliorum colonorum nostrorum, ad omnia servitia rustica sit adstrictus. Harum nostrarum vigore et testimonio (litterarum) mediante. Datae ex arce nostra Munkacziensi, die 8 mensis Junii, anno Dni millesimo sexcentesimo undecimo. (Срп. 112).

23. Сасовка (1611).¹

Н. Эстергази и У. Дершфи подтверждаютъ въ Мукачевѣ, 1 января 1613 г. грамоту Ф. Магочи:

Nos Franciscus Magoczi, cottuum Beregh et Torna comes ac Sacrae Caesareae Regiaeque Majestatis consiliarius. Memoriae comendamus tenore praesentium significantes quibus expedit universis, quod nos ditionem arcis nostrae Munkacz et pertinentia earundem (!) in cottu Bereghiensis existentia, amplificare et augmentare volentes, providis Petro Suponyai, ipsiusque haeredibus et posteritatibus universis in possessione Zaz falva, quae his circumdatur finibus ab una Kalma, ab altera vero Zdinya fluvius scultetiam sive keneziatum dedimus et concessimus, tali conditione, ut idem Petrus Suponyai praedictam possessionem more usitato extraneis, et non ad ditionem nostram pertinentibus subditis intra spatium sex annorum populosam reddere, muneraque annualia, instar coeterorum keneziorum nostrorum praestare una cum bellici sumptus pensione debeat et teneatur, colonis autem ad eandem possessionem denuo condescendentibus intra spatium sex annorum ab omnibus servitiis, taxis, censibus, datiis et collectis libertatem dedimus et concessimus, ita tamen, ut praedictae possessionis metae vicinis colonis ne adversentur. Hoc addito, quod si idem Petrus Suponyai praedictam possessionem Zazfalu intra spatium sex annorum colonis extraneis populosam reddere neglexerit, ex tunc instar aliorum colonorum ad omnia servitia rustica sit adstrictus harum nostrarum vigore et testimonio litterarum mediante. Datae ex arce nostra Munkacz die 8 Julii anno Dni millesimo sexcentesimo undecimo. Nos itaque praemissas litteras excepto Stanislao Pap in omnibus punctis et articulis confirmavimus. Datae in arce nostra Munkacz die 1 Januarii a. 1613. Nicolaus Eszterhazi. L. S. (Срп. 140).

¹ Szaszuka.

24. Канора. (1611).

Н. Эстергази и У. Дершфи подтверждают въ Мукачевѣ, 1 января 1613 г. грамоту Ф. Магочи:

Nos Franciscus Magoczi cottuum Beregh et Torna comes ac Sacrae Regiae Majestatis consiliarius etc. Memoriae comendamus tenore praesentium significantes quibus expedit universis, quod nos ditionem arcis nostrae Munkacz et pertinentium earundem in cottu Bereghiensis existentium amplificare et augmentare volentes, providis Laurentio Pirohovicz et Joanni Pletyak haeredibusque et posteritatibus ipsorum universis in possessione Kanura, quae hic circumdatur finibus, Preszlup, Plopet, Kornyad et Beszked, sculletiam seu keneziatum dedimus et concessimus, tali conditione, ut iidem Laurentius Pirohovicz et Joannes Pletyak praedictam possessionem Kanora more usitato extraneis et non ad ditionem nostram pertinentibus subditis intra spatium sex annorum populosam reddere, muneraque annualia, instar coeterorum keneziorum nostrorum praestanda, una cum bellici sumptus pensione praestare debeant et teneantur. Colonis autem ad eandem possessionem denuo condescendentibus intra spatium sex annorum ab omnibus servitiis, taxis, censibus, datiis et collectis libertatem dedimus et concessimus, ita tamen, ut praedictae possessionis metae vicinis colonis ne adversentur. Hoc addito, quod si iidem kenezii praedictam possessionem Kanora intra spatium sex annorum colonis extraneis populosam reddere neglexerint, extunc instar aliorum colonorum nostrorum ad omnia servitia rustica sit paratus(!). Harum nostrarum vigore et testimonio litterarum mediante. Datae ex arce nostra Munkacziensi die 8 mensis Julii a. 1611. (стр. 133).

25. Кендерешово (1613).¹

Nos Nicolaus Eszterhazi de Galantha et Ursula Dersffi de Szerdahely etc. Memoriae comendamus tenore praesentium, significantes quibus expedit universis, quod nos ditionem arcis nostrae Munkacz, in cottu de Beregh existentis, amplificare et augmentare volentes, animadvertentesque industriam providi Dionisii Kenéz de Kendereske et filio Demetrio Danko (sic) keneziatum seu libertatem annotatae possessionis Kendereske, ad praefatam arcem Munkacz pertinentis, in filios filiorum antea quoque in eodem keneziatu existenti denuo dedimus et concessimus. Itis tamen interjectis conditionibus, quod idem Dionisius Kenéz, posteritatesque ejusdem universi, dictam possessionem etiam in posterum more usitato, extraneis et non ad arcem nostram Munkacz pertinentibus subditis populosam magis ac magis reddere, muneraque annualia, instar coeterorum keneziorum nostrorum, annuatim, una cum bellici sumptus pensione, dare et persolvere debeant et teneantur. Quod si vero nollent, non possent, vel non curarent quovis modo, extunc iidem, eorumque haeredes et posteritatem universi, ad omnia servitia rustica peragenda sint adstricti. Harum nostrarum vigore et testimonio litterarum mediante. Datae in arce nostra Munkacz, die prima Januarii anno Dni millesimo sexcentesimo decimo tertio. Nicolaus Eszterhazi m. p. L. S. (стр. 168).²

26. Лецовица (1613).³

Nicolaus Eszterhazi de Galantha et Ursula Dersffi de Szerdahely etc. Memoriae comendamus tenore praesentium, significantes quibus expedit universis, quod nos ditionem arcis nostrae Munkacz, in cottu de Beregh existentis, amplificare et augmentare volentes, animadvertentesque industriam providi Sandrini Mohucz, jobbagyonis nostri, in condescensione exterorum subditorum super faciem Kis Dobrovicza, ad praefatam arcem Munkacz pertinentis, in filios filiorum praefatae possessionis Kis Dobrovicza keneziatum

¹ Kendereske.

² На поляхъ приписка: Ao. 1657 die 29 7-bris ezen levelet bevette, renoválni kell.

³ Leczfalva alias Dobrovicza. Въ 1649 г. былъ княземъ (Кенеzius) Иванъ Лець (Lécz).

seu libertatem dedimus et concessimus, his tamen interjectis conditionibus, quod idem Sandrinus Mohucz, posteritatesque ipsius universi, dictam possessionem et iam in posterum more usitato, extraneis et non ad arcem nostram pertinentibus subditis, populosam magis ac magis reddere, muneraque annualia, instar coeterorum keneziorum nostrorum annuatim, una cum bellici sumptus pensione dare et persolvere debeant et teneantur. Quod si vero nollent, non possent, vel non curarent, extunc iidem (!), eorumque haeredes et posteritates universi ad omnia servitia rustica peragenda sint adstricti. Harum nostrarum vigore et testimonio litterarum mediante. Datae in arce nostra Munkacz, die prima Januarii anno millesimo sexcentesimo decimo tertio. Nicolaus Eszterhazi m. p. L. S.¹ (стр. 162).

27. Жбировцы (1613).²

Nos Nicolaus Eszterhazi de Galantha et Ursula Dersffi de Szerdaheli etc. Memoriae comendamus tenore praesentium, significantes quibus expedit universis. Quos nos ditionem arcis nostrae Munkacz, in cottu de Beregh existentis amplificare et augmentare volentes, animadvertentesque industriam providi Joannis Kenéz de Runafalva in condensatione eiusdem possessionis Ronafalva, ad praefatam arcem nostram Munkacz pertinentis, keneziatum sive libertatem dedimus et concessimus in filios filiorum, his tamen interjectis conditionibus, quod idem Joannes Kenéz, haeredesque et posteritates ejusdem universi, dictam possessionem Runafalva etiam in posterum more usitato extraneis, et non ad arcem nostram pertinentibus subditis populosam magis ac magis reddere, muneraque annualia, instar coeterorum keneziorum nostrorum una cum bellici sumptus pensione dare et persolvere debeant et teneantur. Quod si vero nollent, non possent, vel non curarent quovis modo, extunc idem Joannes Kenéz, haeredesque et posteritates ejusdem universi, ad omnia servitia rustica peragenda sint adstricti. Harum nostrarum vigore et testimonio litterarum mediante. Praesentibus perlectis exhibenti restitutus. Datum in arce nostra Munkacz, die 27 Januarii anno millesimo sexcentesimo decimo tertio. Nicolaus Eszterhazi m. p. L. S. (стр. 303).

28. Свалявка (1629).³

Ego Joannes Ballingh de Gelse, serenissimi principis ac domini Gabrielis Dei gratia sacri romani imperii et Transsilvaniae principis, partium regni Hungariae domini, Siculorum comitis ac Opuliae Ratisboriaeque ducis supremus capitaneus arcis et praesidii Munkacziensis. Memoriae comendo tenore praesentium significans, quibus expedit universis. Quod ego ditionem arcis suae serenitatis, dni dni nostri clementissimi in comitatu de Beregh existens, amplificare et augmentare volens, provido Nicolao Vaszko haeredibusque et posteritatibus universis in praedio Szvalovszki, quod his circumdatur finibus, a meridie Javornik⁴, scultetiam seu Keneziatum dedi et concessi autoritate Dni Dni mei clementissimi mihi benigne attributa et concessa, tali conditione, ut dictum praedium usitato more sub termino sex integrorum annorum extraneis et non ad arcem Suae Serenitatis pertinentibus colonis populosam reddere, muneraque annuatim instar coeterorum Keneziorum praestare una cum bellici sumptus pensione debeant et teneantur. Colonis autem ad faciem dicti praedii noviter supervenientibus, intra spatium sex annorum, secundum antiquitus observatam consuetudinem, libertatem dedi et concessi, conditione itaque (?) mediante, quod si idem kenezius, posteritatesque ejusdem universi praenominatum praedium et locum intra terminum praedeclaratum sex annorum extraneis colonis populosam reddere neglexerit, extunc instar aliorum Keneziorum ad quae-

¹ На поляхъ приписка: Ezen leveleket bevettem asszonyunk neve alatt confirmáltatni kívánják. A. 1657 die 29 Septembris.

² Runafalva. Лероцкій, op. cit., III. 682: Zburuvczy.

³ Szvalovszki alias Ujfalú. Лероцкій, op.-cit., III. 749: Szvalyovka.

⁴ Дальше, повидимому, пропускъ.

vis rustica servitia sit adstrictus, harum nostrarum vigore et testimonio litterarum mediante. Praesentibus perlectis exhibenti restitulis. Datum in arce Munkacz, die 2 mensis Septembris a. millesimo sexcentesimo vigesimo nono. Idem qui supra. L. S. (ср. 125).

29. Котельничной (1645).¹

Nos Georgius Rakoczi, Dei gratia princeps Transsilvaniae, partium regni Hungariae dominus et Siculorum comes etc. Memoriae comendamus tenore praesentium, significantes quibus expedit universis. Quod nos cum inter alia dominia, quibus per divinam benedictionem in Hungaria quoque satis adaucti et cumulativi simus, hoc quoque dominium nostrum Munkacziense omnibus justis modis et rationibus, alquitati et iuribus hujus Regni Hungariae consentaneis, ampliari et amplificare, incolarum numero adaugere semper in animo habuerimus, ad humillimam itaque supplicationem et diligentem instantiam providorum Demetrii et Alexandri Petrosovicz, accedente etiam nonnullorum fidelium nostrorum singulari apud nos propterea facta intercessione, Keneziatum sive scultetiam praedii nostri Koteliczna (sic) vulgo nuncupati, ad arcem nostram Munkacz pertinentis, sub metis et terminis ab una rivuli vulgo Bablyuk vocata, ab altera versus scilicet Beszkid tendente collis cujusdam Trepda nuncupatae, a tertia similiter collis Mincziul dictae a quarta vero ad Zavodka tendente partibus rivuli Pulni dicti inclusive comprehensis cum solitis omnibus libertatibus ejusdem eisdem ac per eos Ladislao et Joanni, Demetri ac Stephani, Alexandri Petrosovicz dictorum filii eorumque haeredibus et posteritatibus universis clementer dandum, donandum et conferendum esse duximus, hic conditionibus mediantibus ad expressum declaratis: quod ipsi praedictum praedium nostrum externis et non ad jurisdictionem Munkacziensem pertinentibus subditis intra spatium sex integrorum annorum populosum reddere, munera, annuatim ad arcem nostram praestanda instar reliquorum Keneziorum singulis annis solitis suis terminis reddere et administrare, sumptus bellicos consuetos praestare modis omnibus debeant et teneantur. Qui quidem Kenezii nisi idem praedium nostrum tempus intra praemissum populosum reddant, praemissaque scultetiae seu Keneziatum munera praestent, libertate hac, per nos ipsis gratiose concessa, amissa ad jobbagonalem conditionem, census et arendae solutionem, praestandaque quaevis rusticalia servitia reverti eaque instar aliorum jobbagonum nostrorum subire perferreque tenebuntur ac debebunt. Subditos porro noviter supervenientes ad praedictum praedium condescendendos, intra similiter sex annorum integrorum decursum, ab omnium servitiorum ac laborum rusticalium exhibitione, censuum ac arendarum solutione exemptos et supportatos per quoslibet officiales nostros conservari facturos clementer promittimus pro ut damus, donamus et conferimus, immunesque, exemptos et supportatos facimus ac conservari faciemus, salvis tamen metis et limitibus vicinis permanentibus harum nostrarum vigore et testimonio litterarum mediante. Quos etiam per universos et singulos officiales nostros, conditionibus sub praemissis in ipsarum vigore conservari volumus et jubemus. Praesentibus perlectis exhibenti restitulis. Datum in arce nostra Munkacziensi die sexta mensis Aprilis Anno Dni millesimo sexcentesimo quadragésimo quinto. G. Rakoczi m. p. L. S. (ср. 121).

30. Брестовъ (1645).²

Nos Georgius Rakoczi, Dei gratia princeps Transsilvaniae, partium regni Hungariae dominus et Siculorum comes etc. Memoriae comendamus tenore praesentium significantes quibus expedit universis. Quod nos cum inter alia dominia, quibus per divinam benedictionem in Hungaria quoque satis adaucti sumus, hoc quoque dominium nostrum Munkacziense omnibus justis modis et rationibus aequitati et iuribus hujus regni Hungariae consentaneis ampliari, amplificare, incolarum numero adaugere semper in animo

¹ Kotilniczna.

² Broszto Pataka.

habuerimus, ad humillimam itaque supplicationem et diligentem instantiam providi Demetrii Füzér scultetiam seu keneziatum possessionis nostrae Brosztró Pataka nuncupatae, sub terminis et limitibus a parte quidem possessionis Duczina vocatae ad rivulum Lupula nuncupatum, ab altera ad locum qui Olexav moczar dicitur, a tertia rivuli Palova vocati, a quarta vero scilicet possessionis Kuczina partibus ad rivulum Lyekova sese extendentibus eidem ac per eum Petro et Francisco filiis suis eorumque haeredibus et posteritatibus universis clementer dandum, donandum et conferendo (!) esse duximus his conditionibus mediantibus ad expressum declaratis: quod ipsi praedictam possessionem externis et non ad jurisdictionem Munkacziensem pertinentibus subditis intra spatium sex integrorum annorum populosam reddere, munera annuatim ad arcem nostram praestanda, instar reliquorum keneziorum singulis annis, solitis terminis suis reddere et administrare, sumptus bellicos consuetos praestare modis omnibus debeant et teneantur. Qui quidem kenezii, nisi sessiones desertas in eadem possessione nostra habitas tempus intra praemissum populosas reddant, praemissaque scultetiae seu keneziatu munera praestent, libertate hac gratiose per nos ipsis concessa amissa ad jobbagonalem conditionem, census et arendae solutionem praestandaque quaevis rusticalia servitia reverti atque instar aliorum jobbagonum nostrorum subire perferreque tenebuntur ac debebunt. Subditos porro noviter supervenientes, ad praedictam possessionem descendentes intra similiter sex annorum integrorum decursum ab omnium servitiorum ac laborum rusticalium exhibitione, censuumque ac arendarum persolutione exemptos et suportatos facimus ac conservari faciemus, salvis tamen metis et limitibus vicinis permanentibus. Haec nostrarum vigore et testimonio litterarum mediante. Quas etiam per universos et singulos officiales nostros conditionibus sub praemissis in ipsarum vigore conservari volumus et jubemus. Praesentibus perlectis exhibenti restitutis. Datum in arce nostra Munkacziensi die sexta mensis aprilis a millesimo sexcentesimo quadragésimo quinto. G. Rakoczi m. p. L. S. Joannes Szalardi vice-secretarius m. p. (стр. 145).¹

31. М. Мартинка (1645).²

Nos Georgius Rakoczi Dei gratia princeps Transsylvaniae partium regni Hungariae dominus et Siculorum comes. Memoriae comendamus tenore praesentium significantes quibus expedit universis. Quod nos cum inter alia dominia, quibus per divinam benedictionem in Hungaria quoque satis adaucti sumus cumulative, hoc quoque dominium nostrum Munkacziense omnibus justis modis et rationibus, aequitati et juribus hujus regni Hungariae consentaneis, ampliare, amplificare, incolarumque numero adaugere semper in animo habuerimus, ad humillimam itaque supplicationem ac diligentem instantiam providi Ladislai Likoviczi scultetiam seu keneziatum possessionis nostrae Kís Szvalyoka dictae, quae quatuor duntaxat colonos³ de praesenti in se continere perhibetur, sub limitibus ac terminis a parte quidem possessionis Martincza dictae ad collem Keczura dictum, ab altera vero parte ad fluviolum Duczina sese extendentibus iidem ac per eum Joanni et Alexandro filiis suis eorumque haeredibus et posteritatibus universis cum solitis omnibus libertatibus clementer dandum, donandum et conferendum esse duximus, his conditionibus mediantibus ad expressum declaratis: quod ipse praedictam possessionem nostram externis et non ad jurisdictionem Munkacziensem pertinentibus subditis intra spatium sex integrorum annorum magis populosam reddere, munera annuatim ad arcem nostram praestanda, instar reliquorum keneziorum singulis annis solitis terminis suis reddere et administrare, sumptus bellicos consuetas praestare modis omnibus debeant et teneantur. Quiquidem kenezii nisi sessiones illas colonicales desertas in eadem possessione nostra habitas tempus intra praemissum populosam reddant, praemissaeque scultetiae seu keneziatu munera praestent libertate hac, per nos gratiose ipsis concessa

¹ На поляхъ приписки: Ao. 1657 die 29 7-bris ezen levelet kezemhez adlak és confirmáltarni kívánják.

² Kís Szvalyoka.

³ Въ 1649 г. было 5 жителей (2½ сещит).

amissa, ad jobbagonalem conditionem, census et arendae solutionem, praestandaque quaevis servitia rusticalia reverti, eaque instar aliorum jobbagonum nostrorum subire perferreque tenebuntur et debebunt. Subditos vero noviter supervenientes ad praedictam possessionem condescendendos intra similiter sex annorum integrorum decursum ab omnium servitiorum ac laborum rusticalium exhibitione, censuumque ac arendarum solutione exemptos et supportatos per quoslibet officiales nostros conservari facturos clementer promittimus, prout damus, donamus et conferimus immunesque, exemptos et supportatos facimus ac conservari faciemus, salvis tamen metis et limitibus vicinis permanentibus, harum nostrarum vigore et testimonio litterarum mediante. Quas etiam per universos et singulos officiales nostros, conditionibus sub praemissis, in ipsarum vigore conservari volumus et jubemus. Praesentibus perlectis exhibenti restituti. Datum in arce nostra Munkacziensi die sexta mensis Aprilis Anno Dni millesimo sexcentesimo quadragesimo quinto. G. Rakoczi m. p. L. S. Joannes Szalardi vice-secretarius m. p. (стр. 146).

32. Черникъ (?) (1645).¹

Nos Georgius Rakoczi Dei gratia princeps Transsilvaniae, partium regni Hungariae dominus et Siculorum comes etc. Memoriae comendamus tenore praesentium, significantes quibus expedit universis, quod nos cum inter alia dominia, quibus per divinam benedictionem in Hungaria quoque satis adaucti cumulative sumus, hoc quoque dominium nostrum Munkacziense omnibus justis modis et rationibus, aequitati et juribus regni Hungariae consentaneis, ampliari, amplificare colonorumque numero adaugere semper in animo habuerimus, ad humillimam itaque supplicationem et diligentem instantiam providorum Gregorii et Joannis Czvenko, accedente etiam nonnullorum fidelium nostrorum singulari apud nos propterea facta intercessione, scultetiam seu keneziatum possessionis nostrae Chyernik pataka vocatae, quae tribus² dumtaxat colonis hoc tempore possessa et inhabitata esse perhibetur, sub terminis et limitibus a Melniczna quidem ad rivulum Minovi dictum, ab altera vero partibus (!) ad summitatem sive cacumen montis Czernyko dicti sese extendentibus, eisdem ac per eos Michaeli et Joanni Gregorii filiis eorumque haeredibus et posteritatibus universis cum solitis omnibus libertatibus clementer dandam, donandam et conferendam esse duximus, his conditionibus mediantibus ad expressum declaratis. Quod ipsi praedictam possessionem nostram externis et non ad jurisdictionem Munkacziensem pertinentibus subditis, intra spatium sex integrorum annorum magis populosam reddere, munera ad arcem nostram annuatim praestanda, instar reliquorum keneziorum singulis annis solitis suis terminis reddere et administrare, sumptus bellicas consuetas praestare modis omnibus debeant et teneantur. Quiquidem kenezii nisi sessiones colonicales desertas, in eadem possessione nostra habitas, tempus intra praemissum populosas reddant, praemissaque scultetiae seu keneziatu munera praestent, libertate hac, per nos gratiose ipsis concessa, amissa, ad jobbagonelem conditionem, census et arendae solutionem, praestandaque quaevis rusticalia servitia reverti, eaque instar aliorum jobbagonum nostrorum subire perferreque tenebuntur et debebunt. Subditos porro noviter supervenientes, ad praedictam possessionem condescendendos, intra similiter sex annorum integrorum decursum ab omnium servitiarum ac laborum rusticalium exhibitione, censuumque ac arendarum persolutione exemptos et supportatos per quoslibet officiales nostros conservari facturos dementer promittimus, prout damus, donamus et conferimus, immunesque exemptos et supportatos facimus et conservari faciemus, salvis tamen metis et limitibus vicinis permanentibus. Harum nostrarum vigore et testimonio litterarum mediante, quas etiam per universos et singulos officiales nostros, conditionibus sub praemissis, in ipsorum vigore conservari volumus et jubemus, praesentibus perlectis exhibenti restituti. Datum in arce nostra Munkacziensi, die sexta

¹ Czernik Pataka. Легоцкий, op. cit., III. 193: Csernik.

² Въ 1649 г. было 7 жителей (всего 2 сесци).

mensis Aprilis anno Dni millesimo sexcentesimo quadragesimo quinto. G. Rakoczi m. p. L. S. Joannes Szalardi vice-secretarius m. p. (стр. 148).

33. Сусково (1645)¹

Nos Georgius Rakoczi, Dei gratia princeps Transsilvaniae, partium regni Hungariae dominus et Siculorum comes etc. Memoriae comendamus tenore praesentium, significantes quibus expedit universis, quod cum nos inter alia dominia, quibus per divinam benedictionem in Hungaria quoque satis adaucti cumulative sumus, hoc quoque dominium nostrum Munkacziense omnibus justis modis et rationibus, aequitati et juribus hujus regni Hungariae consentaneis, ampliare, amplificare, incolarumque numero adaugere semper in animo habuerimus, ad humillimam itaque supplicationem et diligentem instantiam providi Ladislai Czvenko, accedente etiam nonnullorum fidelium nostrorum singulari apud nos propterea facta intercessione, keneziatum seu scultetiam possessionis nostrae Szuszko patak nuncupatae, ad arcem nostram Munkacz spectantis, quae tribus² duntaxat pro nunc jobbogyonibus obsessa et condescensa esse perhibetur, sub terminis et limitibus a parte quidem possessionis Paszika vocatae ad rivulum Kus patak vocatum, a parte Bisztra ad viam plaustralem, a parte vero possessionis Baba falva ad collem Polyana vulgo dictam sese extendentibus, cum solitis omnibus libertatibus eidem, ac per cum Onofrio filio ac Ignatio nepoti, eorumque haeredibus et posteritatibus universis clementer dandas, donandas et conferendas esse duximus, his conditionibus mediantibus ad expressum declaratis. Quod ipse praedictam possessionem nostram externis, et non ad jurisdictionem Munkacziensem pertinentibus subditis infra spatium sex futurorum annorum magis populosam reddere, munera annuatim ad arcem nostram praestanda, instar aliorum keneziorum, singulis annis, solitis suis terminis, reddere et administrare, sumptus bellicos consuetos praestare modis omnibus debeant et teneantur. Qui quidem kenezii nisi sessiones colonicales deserias, in eadem possessione nostra habitas, tempus intra praemissum populosas reddant, praemissaque scultetiae seu keneziatus munera praestent, libertate hac, per nos gratiose ipsis concessa, amissa, ad jobbogyonalem conditionem, census et arendae solutionem, praestandaque quaevis rusticalia servitia reverti eaque instar aliorum jobbogyonum nostrorum subire (?) perferreque debebunt et tenebuntur. Subditos porro noviter supervenientes ad praedictam possessionem condescendendam, intra similiter sex annorum integrorum decursum ab omnium servitiorum ac laborum rusticalium exhibitione, censuumque ac arendarum persolutione exemptos et supportatos per quoslibet officiales nostros conservari facturos clementer promittimus. Prout damus, donamus et conferimus, immunesque, exemptos et supportatos facimus et conservari faciemus, salvis tamen metis et limitibus vicinis permanentibus. Harum nostrarum vigore et testimonio litterarum mediante, quas etiam per universos et singulos officiales nostros, conditionibus sub praemissis, in ipsarum vigore conservari volumus et jubemus. Praesentibus perlectis exhibenti restitutus. Datum in arce nostra Munkacziensi, die sexta mensis Aprilis anno millesimo sexcentesimo quadragesimo quinto. G. Rakoczi m. p. L. S. Joannes Szalardi vice-secret. m. p. (стр. 157).

О. Марковъ

¹ Szuszko Pataka.

² Въ 1649 г. было (кромѣ Цвенка) три жителя (1¼ сесіи).

Wer war Авитохолъ?

(Zur Fürstenliste)

Die erste (russische) Redaktion des sogenannten „Еллинскій Лѣтописецъ“ ist nach А. Поповъ (Обзоръ хронографовъ русской редакци, вып. 1-ый, М. 1866, стр. 3) nur durch die beiden Handschriften Синод. № 280 und Погодин. № 1437 vertreten, die wörtlich übereinstimmen (АаО. S 1). Letztere Handschrift endet aber schon mit dem Tode des Kaisers Maximian.

Beide Hss. stammen aus dem 16. Jhdt, die der Synodalbibliothek ist „allen Kennzeichen nach... aus einer Hs. des 15. Jhdts abgeschrieben, wodurch einige Veränderungen und Versehen des Abschreibers entstanden“ (Ebenda).

Nur diese beiden Abschriften enthalten das berühmte Verzeichnis bulgarischer Fürsten, den Именникъ (die „Fürstenliste“), und zwar mit ganz unbedeutenden orthographischen Abweichungen und genau an derselben Stelle.

In beiden Hss steht nämlich die Fürstenliste unmittelbar nach dem vierten Buche der Könige, das vollständig mitgeteilt ist, und vor einem aus der Chronik des Georgios Hamartolos entlehnten Abschnitt über Nabuchodonosor (АаО. S 25-27).

„Откуда взята эта вставка (т. е. Именникъ) — рѣшить трудно“, bemerkt Попов (S. 26). Es liegt nahe zu fragen, nicht nur woher, sondern auch wie die Fürstenliste in den Елл. Лѣтоп. geraten ist, und warum.

Dass die Fürstenliste gerade in dieser Stelle eingeschoben ist, kann einen tieferen Sinn haben. Wir wollen daher den Zusammenhang näher betrachten.

Zunächst chronologisch: Das 4. (nach anderer Zählung 2.) Buch der Könige endet mit dem ersten Regierungsjahre des Königs Ewil-Merodach von Babylon (Kap. 25.27). Von Nabuchodonosor als einem Zeitgenossen des Königs Jojakim ist schon IV Kö. 24.1 und danach mehrmals die Rede.

Chronologisch schliesst sich also der Abschnitt nach der Fürstenliste mit einer kleinen Wiederholung unmittelbar an das Ende des letzten Königsbuches an. In dem folgenden Abschnitt aus dem VI. Buche der Malalachronik wird dann Nabuchodonosor Sohn Balthasar genannt, usw.

Weshalb sind die zeitlich zusammengehörigen Abschnitte durch die Fürstenliste von einander getrennt? Doch nicht zufällig!

Zunächst, weil die Fürstenliste sich inhaltlich ganz ungezwungen an das vierte Königsbuch anschliesst: auch in letzterem finden wir eine Art Verzeichnis von Fürsten, da eine ausführlichere Darstellung der einzelnen Regierungen immer wieder ausdrücklich vermieden wird durch den — nicht weniger als 22-mal! — wiederholten Verweis auf das „Buch der Geschichte der Könige von Israel (Juda)“.¹

Diese suggestive Wiederholung könnte als eine psychologische Erklärung für die Unterbringung der Fürstenliste an Ende der Königsbücher gelten: jeder Bulgare, der diese Bücher abschrieb, wurde dadurch an die Fürsten seines eigenen Volkes erinnert: verdiente nicht auch ihr Wirken verewigt zu werden in den Annalen der Geschichte?

Besteht aber nur ein psychologischer allgemeiner Zusammenhang zwischen IV Kö und der Fürstenliste?

Diese Frage hat man zu meiner Verwunderung noch gar nicht ernstlich ins Auge gefasst. Ist die urbulgarische Genealogie denn gar nicht mit der alles beherrschenden biblischen Genealogie verknüpft? Man ist berechtigt diese Verknüpfung zu erwarten, auch deshalb, weil die Fürstenliste ganz wie die Bibel — mit legendarisch hohen Zahlen (300, 150) anfängt.

Wer ist mit dem ersten Namen der Fürstenliste **Авитохолъ** gemeint? Auch wenn mit dem zweiten Namen Irnik der Sohn Attila's (*Ἡρναχ*, Her-nac) gemeint sein sollte, wie J. Marquart vermutet hat, so folgt daraus keineswegs, dass mit dem ersten Namen Attila selbst gemeint sein muss!

Man kann ja eine grosse Lücke zwischen Avitochol und Irnik voraussetzen, wenn auch weiterhin diese Lücke als nicht existierend betrachtet wird und die Regierungszeiten der fünf ersten Herrscher fiktiv harmonisiert werden². Dafür sorgen, dass „die Rechnung stimmt“, kann man auch nachträglich noch immer.

Ich halte es trotzdem für möglich und wahrscheinlich, dass **Авитохолъ** der Name einer biblischen Persönlichkeit ist, die ich auch glaube gefunden zu haben.

Bei der Suche nach ihr leiteten mich folgende Erwägungen: Selbstverständlich kann nur eine Jahwe mehr oder weniger wohlgefällige Figur in Betracht. Je lückenhafter und unbestimmter die Angaben der Bibel sind, desto bequemer lässt sich daran anknüpfen. Und wenn Avitochol der Bibel entlehnt ist, so doch höchst wahrscheinlich aus einem Buche des AT, das nicht allzu weit vor der Stelle steht, an der die Fürstenliste überliefert ist.

Alle diese Vorbedingungen erfüllt der Name *Ἀχιτόφελ* (-χιτ.).

Wir wissen von dem Träger dieses etymologisch nicht ganz klaren Namens, dass er der „Berater Davids“ (II Kö. 15.12) oder „königlicher Rat“ (I Chron. 33, 34) war. In dem Streit zwischen David und Absalom stellte er sich an Absaloms Seite (II Kö. 15.31 bis, 34, 16.15, 20, 21, 23

¹ Vergleiche IV Kö. 1.18, 8.23, 10.34, 12.20, 13.8, 12, 14.15, 18, 28, 15.6, 11, 15, 21, 26, 31, 36, 16.19, 20.20, 21.17, 25, 23.28, 24.5.

² „СНИ БЪ КЪНАЗЪ.. АКЪ . Ꙗ . И БІ.“ (Avitochol, Irnik, Gostun, Kur't, Bezmęřъ).

bis, 17.1, 6, 7, 14 bis, 15, 21, 23). Ein Sohn Ahitophels hiess Eliam (II Kö 22.34). Sohn und Vater stammten aus Gilo (15.12).

Das grosse Ansehen Ahitophels beleuchtet die Stelle II Kö. 16.23: „Ein Rat nämlich, den Ahitophel erteilt hatte, galt zu jener Zeit, wie wenn jemand das Gotteswort befragte, — so galt jeder Rat Ahitophels bei David, wie bei Absalom“.

Ahitophel erhängt sich (II Kö. 17, 23), weil Absalom schliesslich seinem Rat nicht mehr folgt: „Jahwe hatte es nämlich so geordnet, dass der gute Rat Ahitophels zu nichte werden sollte, damit Jahwe das Unheil über Absalom kommen liesse“ (II Kö 17.14).

Der Name *Axitofel* konnte sehr leicht durch Vertauschung der Spiranten zu * *Afitoxel* entstellt werden. In den Handschriften bei Holmes ist auch *Ἀχιτόβελ* belegt, was analog * *Avitoxel* ergäbe. Durch urbulgarische Vokalharmonisierung (Anpassung des Vokals der letzten Silbe an den Vokal der vorletzten Silbe) wurde hieraus *Avitoxol*.

Der in der Fürstenliste an erster Stelle genannte Name **Αβιτοχολ** ist sehr wahrscheinlich identisch mit dem Namen *Ἀχιτόφελ* (-χιτ.) der Königsbücher, nach denen die Fürstenliste daher als Fortsetzung angefügt ist.

Ist vorstehende Erklärung des Namens **Αβιτοχολ** richtig, so gewinnen wir damit sehr wichtige Ausgangspunkte: erstens für die Beurteilung der chronologischen Angaben in der Fürstenliste, zweitens für die Entstehungsgeschichte des „Еллинскій Лѣтописецъ“ der ersten russ. Red. (nach A. Поповъ).

Auf diese Fragen hier näher einzugehen, würde uns zu weit führen.

Nur eine kurze Bemerkung zur letzten Frage: Ich betrachte die Fürstenliste als Fortsetzung und zugleich als Nachwort einer Symeonischen Übersetzung des Oktateuchs (nicht nur Pentateuchs!).

Leiden

B. von Arnim

Изъ жизни украинскаго крестьянства въ XVIII вѣкѣ

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ чешскихъ историковъ, говоря о жизни Россіи въ XVIII столѣтіи, высказалъ мысль, что въ обычныхъ представленіяхъ объ этой эпохѣ сильно преувеличиваются темныя стороны существовавшего въ ней крѣпостного права и тотъ протестъ, какой вызывали онѣ со стороны крестьянства. Исходя изъ нынѣшнихъ нашихъ взглядовъ, — утверждалъ онъ — мы рисуемъ себѣ прошлое въ слишкомъ мрачныхъ краскахъ, „вносимъ въ него много борьбы, горя, насилій, которыхъ въ дѣйствительности въ немъ не было“. Въ своей массѣ люди и теперь не черезчуръ дорожатъ свободой и сравнительно легко отказываются отъ нея, въ прошломъ же ее цѣнили еще меньше. Тогда „человѣкъ за одну возможность существованія не колебался отдать всю свою личную свободу“. Поэтому картина закрѣпощенія, изображающая его, какъ насильственное лишеніе свободы, является односторонней. Она должна быть дополнена другими чертами — помощи и охраны, оказывавшихся слабымъ людямъ, неспособнымъ къ самостоятельной борьбѣ за существованіе. „Представленіе, что старый порядокъ покоился только на насиліи, просто бессмыслица. Онъ не продержался бы такъ долго, еслибы былъ только эксплуатирующимъ и ничего не дающимъ порядкомъ“. На дѣлѣ крѣпостное право играло въ жизни крестьянства иную роль. Хотя „повинности крѣпостного въ XVII и XVIII вв. видимо возрастаютъ, но онѣ не вовлекаютъ его въ худшія условія, чѣмъ тѣ, въ какихъ жили его предки. Наоборотъ, онъ жилъ лучше, такъ какъ умѣлъ лучше работать и могъ несравненно выгоднѣе обратить въ деньги плоды своихъ трудовъ“. И, если тѣмъ не менѣе крестьянство въ XVIII вѣкѣ проявляло острое недовольство своимъ положеніемъ и сильную тягу къ свободѣ, то причина этого заключалась не въ ухудшеніи матеріальныхъ условій его жизни, а въ измѣненіи, подъ воздѣйствіемъ правительственной политики, его психики¹.

Извѣстная доля истины въ этихъ соображеніяхъ или, по крайней мѣрѣ, въ части ихъ, несомнѣнно, есть. Вѣрно, конечно, что закрѣпощеніе крестьянства не было результатомъ одного только голага насилія надъ нимъ, что къ такому закрѣпощенію привелъ сложный экономическій и соціальный процессъ. Но, съ другой стороны, не менѣе вѣрно

¹ Dr. Jan Slavik. Zaklady carismu. Kladno. 1927, str. 25, 27-8, 57-9.

и то, что по мѣрѣ своего развитія крѣпостное право все больше сводилось къ насилію и все больше опиралось на него, тѣмъ самымъ вызывая соотвѣтственную реакцію со стороны крестьянства.

Своеобразной иллюстраціей этого послѣдняго положенія, иллюстраціей небольшой, но достаточно выразительной, думаю, могутъ послужить нѣсколько приводимыхъ ниже эпизодовъ изъ жизни украинскаго крестьянства въ срединѣ XVIII столѣтія.

Въ названное время, въ срединѣ XVIII вѣка, въ лѣвобережной Малороссіи формально не было еще крѣпостного права. Крестьянинъ владѣльческаго имѣнія считался лично свободнымъ человѣкомъ и законъ признавалъ за нимъ право ухода изъ имѣнія. На практикѣ однако свобода крестьянина была уже значительно ограничена. Во владѣльческомъ имѣніи онъ не былъ болѣе, какъ это имѣло мѣсто въ XVII-мъ и еще въ началѣ XVIII столѣтія, собственникомъ того земельного участка, на которомъ онъ сидѣлъ, — вся земля въ имѣніи считалась теперь собственностью его владѣльца. Пока крестьянинъ жилъ въ томъ или иномъ имѣніи, онъ подчинялся дисциплинарной и судебной власти владѣльца послѣдняго. Выходъ въ козачество для крестьянъ былъ закрытъ и даже тѣ изъ нихъ, которые стали крестьянами, добровольно или по принужденію уйдя изъ рядовъ козаковъ, въ лучшемъ случаѣ лишь съ большимъ трудомъ, послѣ долгихъ судебныхъ мытарствъ, могли вернуться въ эти ряды. Да и самую свободу перехода съ мѣста на мѣсто, по закону еще остававшуюся за крестьянами, владѣльцы имѣній на дѣлѣ успѣли значительно стѣснить и ограничить. Складывавшееся такимъ образомъ въ жизни положеніе въ сущности было уже весьма близко къ закрѣпощенію. Однако крестьяне плохо мирились съ нимъ.

Какъ разъ въ срединѣ XVIII вѣка, въ 1750 г., состоялась крупная перемѣна въ порядкѣ управленія Малороссіей. Исполняя просьбу малорусской старшины, имп. Елизавета въ этомъ году возстановила гетманство, причемъ въ гетманскій санъ былъ облеченъ К. Гр. Разумовскій. И въ первые же годы несенія этого сана новому правителю Малороссіи пришлось разбирать рядъ дѣлъ, вызванныхъ столкновеніями крестьянъ съ владѣльцами имѣній.

Одно изъ такихъ дѣлъ началось за нѣсколько лѣтъ до гетманства Разумовскаго. Въ Стародубовскомъ полку въ с. Фоевичахъ, которое еще въ 1707 г. было отдано гетманомъ Мазепой полковому стародубовскому сотнику Ив. Чарнолузкому, а затѣмъ перешло къ его сыну, бунчуковому товарищу П. Чарнолузкому, возникъ въ сороковыхъ годахъ споръ между послѣднимъ и находившимися подъ его властью крестьянами. Часть послѣднихъ утверждала, что въ свое время Мазепа далъ во владѣніе Чарнолузкому только „невеликое число посполитыхъ“ въ Фоевичахъ, а позднѣе Чарнолузкіе путемъ насилій привлекли въ свое „подданство“ и мѣстныхъ козаковъ. Шестнадцать до-

мохозяевъ предъявили къ П. Чарнолузкому иски въ судѣ, прося возстановить ихъ въ правахъ козачества. Однако лишь немногіе изъ нихъ смогли, какъ этого требовалъ указъ Петра I 1723 г., указать свидѣтелей отбыванія ими или ихъ предками козацкой службы и въ концѣ концовъ генеральный судъ 8 марта 1749 г. постановилъ отказать во всѣхъ этихъ искахъ, обязавъ ихъ авторовъ оставаться въ „подданствѣ“ Чарнолузкаго. Но одновременно съ этимъ судебнымъ процессомъ и независимо отъ него попытались выбиться изъ „подданства“ и остальные крестьяне Фоевичъ.

Непосредственный поводъ къ этой попыткѣ данъ былъ такимъ случаемъ. Въ мартѣ 1747 года топальскій сотникъ Мих. Янжуль, въ вѣдѣніи котораго находилось и с. Фоевичи, получилъ изъ полковой канцеляріи приказъ прислать, для отсылки въ генеральный судъ, старинные козацкіе „компуты“ (переписи козаковъ) его сотни. Передавъ этотъ приказъ сотенному писарю, сотникъ самъ уѣхалъ на двѣ недѣли въ Брянскій уѣздъ. Съ своей стороны писарь, не найдя въ канцеляріи старинныхъ компутовъ, потребовалъ вѣдомостей отъ куренныхъ атамановъ. Въ одной изъ представленныхъ вѣдомостей были указаны въ числѣ бывшихъ раньше козаками и жители Фоевичъ, а вернувшійся сотникъ, не читая, подписалъ эти вѣдомости и послалъ ихъ въ полковую канцелярію. Такъ рассказывалъ позже самъ сотникъ. Сотенный же писарь утверждалъ, что всѣ его распоряженія въ этомъ эпизодѣ были сдѣланы имъ по приказу сотника и по совѣту съ другой сотенной старшиной, и произведенное слѣдствіе подтвердило, что сотникъ, дѣйствительно, принималъ активное участіе въ этихъ распоряженіяхъ, подписавъ, въ частности, и инструкцію куреннымъ атаманамъ. Посполитые же Фоевичъ поняли эту инструкцію такъ: „кто прежде былъ козакомъ и кто быть козакомъ пожелаетъ, тотъ бы козаковалъ“. Въ этомъ пониманіи ихъ еще болѣе укрѣпили разговоры съ мѣстнымъ священникомъ и дьячкомъ, которые рассказывали имъ „объ указѣ, что якобы въ 1747 г. опубликовано, яко кто прежде былъ козакъ и хто похочетъ козаковать, тотъ бы по прежнему козаковалъ, токмо якобы Чарнолузкій того указу объявлять не велѣлъ“. Основываясь на такомъ пониманіи мѣръ сотника и на вѣдомости куреннаго атамана, по которой въ Фоевичахъ было въ болѣе ранніе годы показано козацкое населеніе, фоевичскіе посполитые рѣшили, что они могутъ безъ дальнихъ хлопотъ стать козаками, и отказались дальше повиноваться Чарнолузкому. Какъ показывали они позже, они „начали владѣльца своего не слушать и подданической повинности не отбывать по той причинѣ, что похотѣли быть козаками“. При этомъ они „собраніемъ всѣ написали между собою письмо, чтобъ одному за другого стоять.“ На этомъ они, по совѣту одного изъ нихъ, Алексѣя Юлопа, принесли другъ другу и присягу.

Чарнолузкій, столкнувшись съ неповиновеніемъ посполитыхъ, обратился съ жалобой въ полковую канцелярію и послѣдняя отправила въ Фоевичи канцеляриста Малиновскаго и сотеннаго есаула Брилька съ ко-

зачѣй командой, поручивъ имъ привести посполитыхъ къ послушанію владѣльцу. Но порученіе это не увѣнчалось успѣхомъ. На увѣщанія — доносили посланные — „тѣ мужики отвѣтствовали, что, хотя они и козаками не будутъ, однаково и Чарнолузкому ими не корытоваться, ибо всѣ они въ поготовости состоятъ къ побѣгу за границу“. Когда же команда выходила изъ села, „то оны фоевскіе мужики по многимъ хатамъ поверхъ крышокъ человѣкъ по десять и болѣе съ дубьемъ стояли“.

Не большій успѣхъ имѣли и двѣ другія посылки въ Фоевичи козачьихъ командъ подъ начальствомъ одинъ разъ полкового есаула Малишевскаго и новомѣскаго сотника Силевича, а другой — погарскаго сотника Соболевскаго. Получая отъ своихъ сосѣдей сообщенія о приближеніи командъ, посполитые укрывались въ окружавшихъ село лѣсахъ, а тѣ изъ нихъ, которые оставались въ своихъ домахъ, рѣшительно отказывались подчиниться предъявлявшимся къ нимъ требованіямъ. По доношенію Соболевскаго, когда священникъ сосѣдняго села Чолхова сталь по его порученію уговаривать посполитыхъ прекратить непослушаніе, они „всѣ громогласно крикнули, что, хотя бы сколько команды было, не боятся и того указу и изъ Глухова, кромѣ ежели будетъ изъ столицы отъ самой государыни указъ, не слушаютъ и слушать не будутъ и не дадутся, хотя одинъ на одномъ ляжутъ“. Соболевскій попытался было послать сотеннаго есаула Перегонца съ 12 козаками на поиски укрывавшихся въ лѣсу посполитыхъ, но эта попытка окончилась плохо. Перегонецъ никого въ лѣсу не нашель, а, когда отправленные съ нимъ козаки сѣли отдохнуть и „ѣсть хлѣба“, на нихъ внезапно напали подъ предводительствомъ Алексѣя Юлопа нѣсколько десятковъ посполитыхъ, вооруженныхъ цѣпами, пѣшнями, дубинами, „на правецъ увязанными косами“, заостренными съ обоихъ концовъ „списиками“ (пиками) и камнями, обвязанными лыкомъ для удобства бросанія („увязанными въ лыка какъ бы шибать“). Въ послѣдовавшей схваткѣ Перегонцу въ двухъ мѣстахъ пробили голову „до мозга“, бывшихъ съ нимъ козаковъ также избили и вынудили бѣжать. При этомъ одинъ изъ нападавшихъ, ударивъ Перегонца, крикнулъ: „отъ вамъ баранина“ и „по тѣмъ словамъ, что тѣ слова оный мужикъ говорилъ горкаво, онъ, асауль, его примѣтилъ, что онъ человѣкъ Горкавій“. Когда побитые козаки собрались, среди нихъ не оказалось четырехъ человѣкъ. Трое изъ нихъ немного погодя явились тяжело избитыми, а четвертый позже найденъ былъ убитымъ. Дочь мѣстнаго пономаря въ послѣдствіи показывала передъ судомъ, что, „когда она ходила въ лѣсъ послана отъ бунчуковаго товарища Чарнолузкаго жены за рыжками, то встрѣтили ее въ томъ лѣсѣ фоевскіе мужики, съ которыхъ она знаетъ одного только Подобненка, который сказалъ ей, чтобъ она объявила сотнику, дабы онъ съ командою изъ двора Чарнолузкаго не выходилъ, ибо побили они козаковъ, то и протчихъ побьютъ же, и чтобъ они ишли по надъ рѣчкою Вазою, и тамъ найдутъ козака одного въ водѣ, въ которого и путо на ши“.

Послѣ этихъ неудачныхъ попытокъ усмиренія фоевичскихъ посполитыхъ дѣло объ ихъ неповиновеніи было доведено генеральной войсковою канцеляріей до свѣдѣнія сената. Посполитые съ своей стороны также обратились къ сенату и съ этою цѣлью послали въ Петербургъ двухъ человѣкъ изъ своей среды. Одинъ изъ нихъ въ ноябрѣ 1747 года писалъ въ Фоевичи своему отцу, „чтобъ они въ правдѣ своей стояли и ничего не опасались и что представленію изъ войсковой генеральной канцеляріи о противностяхъ ихъ и о намѣреніи бѣжать за границу въ правительствующемъ сенатѣ не повѣрено и онъ съ товарищемъ своимъ тое представленіе поданнымъ своимъ челобитьемъ вовсе опровергли, показуя ложнымъ“. Въ дѣйствительности однако сенатъ занялъ въ этомъ дѣлѣ иную позицію. По его указу въ Фоевичи былъ отправленъ майоръ Гурьевъ съ солдатской командой, который, согласно полученной имъ инструкціи, арестовалъ и доставилъ въ Глуховъ предполагаемыхъ зачинщиковъ и главныхъ участниковъ волненія. Число арестованныхъ оказалось при этомъ такъ велико, что для содержанія ихъ генеральный судъ просилъ генеральную канцелярію отвести два двора и приставить къ нимъ 40 человѣкъ караульныхъ. Черезъ нѣкоторое время, въ маѣ 1748 г., генеральный судъ постановилъ въ виду тѣсноты среди заключенныхъ часть ихъ, въ количествѣ 21 человѣка, временно освободить и отправить съ командой въ Фоевичи. Въ то же время въ Фоевичахъ была поставлена команда компанейцевъ подъ начальствомъ сотника Товбича, который долженъ былъ не выпускать никого изъ оставленныхъ въ домахъ посполитыхъ изъ села, пока они не дадутъ подписки о послушаніи владѣльцу и не будетъ закончено дѣло объ нихъ въ судѣ. Не смотря на строгій надзоръ, оставшіеся въ селѣ посполитые все же нѣкоторое время сносились съ своими товарищами, заключенными въ Глуховѣ, доставляли имъ съѣстные припасы и спрашивали совѣта: давать ли требуемую отъ нихъ подписку. Содержавшіеся въ Глуховѣ совѣтовали отказываться отъ подписки до тѣхъ поръ, пока они не будутъ возвращены въ свои дома, но черезъ нѣкоторое время получили сообщеніе, что въ селѣ рѣшили дать подписку. Тѣмъ не менѣе компанейцы оставались въ Фоевичахъ и вмѣстѣ долго еще оставались въ силѣ и всѣ стѣсненія свободы тамошнихъ посполитыхъ. Но въ маѣ 1749 года Товбичъ сообщилъ генеральному суду, что посполитые Фоевичъ голодаютъ, не имѣя хлѣба, и онъ вынужденъ отпускать ихъ просить милостыни. Одновременно сами посполитые просили освободить ихъ изъ-подъ караула въ виду наступленія весны и необходимости работы на поляхъ. Судъ и разрѣшилъ имъ отлучаться на работы, но съ тѣмъ, чтобы они ежедневно утромъ и вечеромъ являлись къ Товбичу.

Нѣкоторые изъ фоевичскихъ посполитыхъ пытались укрыться въ сосѣднихъ селахъ, но это не спасало ихъ отъ ареста. Правда, не всегда такой арестъ происходилъ безъ осложнений. Двое посполитыхъ ушли въ с. Щербиновичи. За ними посланъ былъ нарочнымъ новомѣскій сотенный хоружій Семака, который и взялъ было ихъ подъ караулъ. Но,

какъ доносилъ онъ своему начальству, щербиновцы, „многолюдствомъ собравшись всѣмъ селомъ, не токмо мужескъ полъ, но и женскъ, съ превеликимъ дручемъ (кольями) и другимъ орудіемъ набѣжавъ на его, хоружаго, квартиру и оторвавъ замкненныя двери въ избѣ, якія онъ, хоружій, замкнулъ былъ ради опасности, и вшедши, бранили его, чинячи похвалки къ смертному убійству“. Затѣмъ собравшіеся щербиновцы застѣли вокругъ избы, въ которой помѣстился Семака, и кончили тѣмъ, что отбили одного изъ арестованныхъ имъ. Дѣло фоевичскихъ посполитыхъ, видимо, возбуждало симпатіи къ нимъ въ окрестномъ крестьянскомъ и козацьемъ населеніи.

Тѣмъ суровѣе отнеслись къ этому дѣлу власти. Генеральная канцелярія еще 5 ноября 1748 г. передала генеральному суду распоряженіе сената окончить разборъ дѣла втеченіе двухъ мѣсяцевъ подъ опасеніемъ штрафа въ случаѣ затыжки. Судъ однако нашель невозможнымъ исполнить это распоряженіе. И въ дѣйствительности рѣшеніе дѣла затянулось болѣе, чѣмъ на два года.

Въ окончательномъ своемъ постановленіи генеральный судъ раздѣлилъ подсудимыхъ на три группы. Въ первую группу онъ отнесъ главныхъ зачинщиковъ и руководителей волненія, признавъ за таковыхъ Алексѣя Іолопа, Парфена Подобненка, войта Фому Грищенка и избраннаго посполитыми съ момента, когда они рѣшили стать козаками, въ атаманы Ивана Зуру. Этыхъ четырехъ человекъ судъ приговорилъ къ смертной казни путемъ отсѣченія головы. При этомъ однимъ изъ мотивовъ назначенія такой кары онъ указывалъ то обстоятельство, что отправленному съ командой въ Фоевичи по сенатскому указу офицеру приказано было въ случаѣ сопротивленія посполитыхъ стрѣлять въ нихъ „и тако онымъ высоко-правительствующаго сената разсужденіемъ признано тѣхъ мужиковъ за происходившія отъ нихъ сопротивленія достойными смерти“. Вторую группу, по рѣшенію суда, должны были составить посполитые, участвовавшіе въ нападеніи на асаула Перегонца и его команду. „По силѣ изображеннаго права малороссійскаго, въ книгѣ Статутъ розд. 11, арт. 29 напечатаннаго, — писалъ объ нихъ судъ въ своемъ приговорѣ — за бой и рану шляхтича опредѣлено отсѣчь руку и для того по разсужденію войскового генеральнаго суда надлежитъ такову казнь отсѣченіемъ рукъ учинить десятому человеку, въ томъ числѣ означенному Горкавому такую казнь учинить, а яко отъ оныхъ мужиковъ показано, что было ихъ 30 человекъ, такъ надлежитъ еще двоихъ къ таковой казни къ оному Якову Горкавому выбрать и къ тому онымъ мужикамъ метнуть между себе жеребьи, и кому по жеребьямъ такова казнь достанется, оную имъ учинить, а протчимъ мужикамъ оставшимъ учинить наказаніе — бить кнутомъ нещадно“. Наконецъ третьей группѣ, „всѣмъ мужикамъ, оставшимъ отъ казни и отъ вышписаннаго наказанія“, судъ постановилъ „учинить въ страхъ протчимъ киевое публичное жестокое наказаніе“. Помимо того, генеральный судъ призналъ нужнымъ сотника Янжула за послабленіе поспо-

литымъ и неправильные рапорты въ полковую канцелярію отрѣшить отъ должности.

Свой приговоръ судъ представилъ генеральной канцеляріи, а послѣдняя передала его вмѣстѣ съ своимъ мнѣніемъ, нѣсколько измѣнявшимъ этотъ приговоръ, на утверженіе ставшаго къ тому времени гетманомъ Малороссіи Разумовскаго. Съ своей стороны Разумовскій утвердилъ въ 1751 г. мнѣніе генеральной канцеляріи, но опять таки съ нѣкоторыми измѣненіями. Одного посполитаго, Артема Яроша, уличеннаго въ убійствѣ козака изъ команды асаула Перегонца и приговореннаго къ смертной казни, гетманъ въ виду отмѣны имп. Елизаветой такой казни постановилъ отослать „въ вѣчную работу“ въ Рогервикъ. Четырехъ чело-вѣкъ, приговоренныхъ судомъ къ обезглавленію, а генеральной канцеляріей къ „вѣчной ссылкѣ“, — Юлопа, Подобненка, Зуру и Грищенка — онъ рѣшилъ „во мѣсто того послать на работу въ г. Батуринъ, гдѣ должны будутъ въ работахъ обрѣтаться чрезъ семь годъ“. Далѣе въ отмѣну мнѣнія генеральной канцеляріи, предлагавшей нѣсколькихъ чело-вѣкъ бить кнутомъ и вырѣзать имъ ноздри, Разумовскій постановилъ: „яко оные мужики уже и за рѣшеніемъ ихъ дѣлъ долговременно въ острогахъ понынѣ держатся, для того ихъ всѣхъ во мѣсто кнута бить жесточайше кіями публично въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отъ нихъ противности чинены“. Для тѣхъ посполитыхъ, которые были приговорены только къ „кіевому наказанію“, гетманъ оставилъ приговоръ въ силѣ, распорядившись лишь „по наказанію отпустить“ ихъ. Наконецъ, сотникъ Янжуль былъ Разумовскимъ лишенъ должности¹. Такимъ образомъ крайне суровый по отношенію къ посполитымъ приговоръ генеральнаго суда былъ гетманомъ въ известной мѣрѣ смягченъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ни одинъ изъ отказавшихся было отъ повинovenія своему вла-дѣльцу посполитыхъ не избѣгъ кары.

Одновременно съ дѣломъ фоевичскихъ посполитыхъ малорусскимъ властямъ пришлось разбирать и еще одно дѣло о неповиновеніи крестьянъ, возникшее въ другомъ мѣстѣ. Въ Лубенскомъ полку находилось, между прочимъ, большое имѣніе гр. Ал. Гавр. Головкина, состоявшее изъ м. Константинова, сель Курманова, Будокъ и Кулешовки и дер. Березниковъ. Въ 1736 г. Головкинъ посадилъ крестьянъ этого имѣнія на оброкъ. Они обязались платить ежегодно 1.300 рублей оброка, не неся барщины, причемъ съ нихъ складывались и разные сборы въ пользу владѣльца имѣнія — съ мельницъ, шинковъ, ярмарокъ, свадебъ и т. п. Черезъ четыре года однако распоряженіемъ находившейся въ Москвѣ домовою конторы Головкина порядокъ этотъ былъ измѣненъ: назван-ные сборы вновь налагались на крестьянъ, но зато оброкъ ихъ умень-шался до 1000 р. въ годъ. Крестьяне, видимо, были недовольны такой

¹ Моск. Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, дѣла б. черниговской Палаты Угол. и Гражд. Суда, оп. 17, св. 11, кн. 45, дѣла 7, 11, 17, 104, 120, 172; кн. 46, дѣла 264, 318, 323, 399; кн. 47, дѣла 60, 70, 168; св. 12, кн. 48, л. 261.

перемѣной, находя ее невыгодной для себя, но все же подчинились. Затѣмъ однако, когда къ увеличенію сборовъ на владѣльца присоединились еще злоупотребленія присылаемыхъ изъ Москвы приказчиковъ, терпѣніе посполитыхъ Головкина стало подходить къ концу. Въ февралѣ 1748 г. они отправили двоихъ челоуѣкъ изъ своей среды въ Москву съ челобитной къ Головкину, подписанной уполномоченными отъ всѣхъ входившихъ въ составъ имѣнія поселеній и содержавшей въ себѣ жалобы на дѣйствія этихъ приказчиковъ, въ частности управлявшаго имѣніемъ съ 1745 г. приказчика Михаила Хваткова.

Приказчики — говорилось въ этой челобитной — заставляють посполитыхъ покупать вино исключительно изъ владѣльческихъ амбаровъ и, покупая сами его „весьма малою цѣною ведро по 30 к. там же по близости“, продають по 80 к., „а вино отдають весьма плохое“. Если же кто по какой-либо нуждѣ купитъ немного хорошаго вина на сторонѣ, то, „взявъ того хозяина, держать по нѣсколько сутокъ, покамѣстъ не уплатитъ деньгами, а потомъ бьютъ батожемъ на всѣ четыре бока жестокимъ наказаніемъ, отъ какого напраснаго здирства и нещаднаго бою многіе изъ вотчины вашего сіятельства уже сошли“. Нынѣшній приказчикъ — жаловались далѣе посполитые — беретъ съ нихъ, помимо оброка, еще большой „поборъ“ на казенныя повинности, по 50-60 к. отъ рубля оброка. „Итого — писали они — выдаемъ побору по пяти и по шести сотъ рублей, а зимней порой по 1.000 возовъ сѣна, овса то жъ число осминь“, причемъ о расходованіи этихъ денегъ и припасовъ приказчикъ не даетъ имъ никакихъ свѣдѣній. На принадлежащемъ къ имѣнію степѣ прикащикъ держитъ вмѣстѣ съ владѣльческими своихъ лошадей и рогатый скотъ, больше ста головъ, да такое же количество овецъ, и заставляеть посполитыхъ косить для нихъ сѣно. „И затѣмъ — писали жалобщики — намъ, бѣдственнымъ подданнымъ вашимъ, превеликая нужда, что сидимъ на оброкѣ, а панщину работаемъ повседневно.“ Наконецъ, приказчикъ не охраняеть посполитыхъ отъ захватовъ ихъ земель сосѣдями, въ результатѣ чего посполитые нѣкоторыхъ поселеній испытываютъ большую нужду въ землѣ и уходятъ изъ имѣнія. „Умилосердись, государь сіятельнѣйшій графъ Александръ Гавриловичъ, надъ нами, бѣдными подданными вашими, — заключали челобитчики — прикажи, государь, милостивымъ своимъ указомъ насъ, сиротъ, пожаловать, отдать намъ шинки, мельницы и прочее все по прежнему, а которые вышеписанные поборы, такожь и панщину не дѣлать бы, а поборныя деньги были бъ на громадѣ, ибо мы такой несносной нужды болѣе терпѣть не можемъ“.

Головкина челобитчики въ Москвѣ не застали, онъ былъ въ это время посломъ въ Голландію. Такимъ образомъ ихъ жалоба попала на разбирательство въ домовую контору Головкина, отъ которой они не ждали добра. Тѣмъ не менѣе до лѣта въ имѣніи сохранилось внѣшнее спокойствіе. Но затѣмъ оно внезапно было нарушено и крестьянское недовольство прорвалось наружу.

31 мая приказчикъ Хватковъ послалъ одного изъ состоявшихъ при немъ „деньщиковъ“ за посполитымъ Павломъ Митемъ. Тотъ оказался не дома, а на собраніи у другого константиновскаго посполитаго, Павла Голѣнки, но, когда посланный явился туда, Голѣнка побилъ и прогналъ его. Тогда прикащикъ вызвалъ къ себѣ Голѣнку и „посадилъ его въ судебной избѣ на цѣпь“. На слѣдующій же день рано утромъ въ Константиновѣ собралась „громада“ изъ всѣхъ поселеній имѣнія. Собравшіеся ворвались въ судебную избу, вывели оттуда Голѣнку вмѣстѣ съ цѣпью, которой онъ былъ скованъ, и затѣмъ вытребовали отъ Хваткова ключъ отъ замка этой цѣпи. Послѣ того Хватковъ заперся было съ деньщиками, но посполитые выбили ворота усадьбы и вызвали его на дворъ для объясненій. Объясненія эти были настолько бурны, что Хватковъ въ концѣ концовъ предпочелъ уклониться отъ нихъ и, уйдя въ домъ, вмѣстѣ съ дворовымъ писаремъ Греченкомъ черезъ окошко бѣжалъ въ лѣсъ. Нѣсколько дней послѣ этого онъ скрывался отъ ежедневно собиравшейся громады, то уѣзжая изъ Константинова, то прячась въ саду или въ лѣсу. За эти дни посполитые послали ему письмо, требуя, чтобы онъ впредь до нихъ никакого дѣла не имѣлъ. То же требованіе они повторили ему и устно, когда 4 іюня имъ удалось, наконецъ, застать его въ домѣ. „Съ великимъ невѣжествомъ и крикомъ — описывалъ онъ эту сцену Головкину — стали говорить и отказывать мнѣ, рабу вашему, отъ всей команды, а именно, чтобъ я до нихъ дѣла никакого не имѣлъ, судомъ и расправою не вѣдалъ и ни за какими дѣлами деньщиковъ не посылалъ, а ежели станешь посылать, то побьемъ до смерти, да и до громадскихъ денегъ ничѣмъ не касайся и поборовъ никакихъ не окладывай. . . И однимъ словомъ доношу вашему сіятельству, что отъ всего вотчиннаго правленія и сбиранія вашего сіятельства шинковыхъ, ведерковыхъ и прочихъ окладныхъ и неокладныхъ денегъ отрѣшили“. На другой день Хваткова заставили передъ священниками, стариками и выборными отъ посполитыхъ дать отчетъ въ собиравшихся имъ на казенныя повинности „поборахъ“. При этомъ, по его словамъ, одинъ изъ ѣздившихъ въ Москву челобитчиковъ, къ этому времени вернувшихся оттуда, Марко Мордовецъ, говорилъ ему: „мы знаемъ, что изъ домовой канцеляріи будетъ къ тебѣ присланъ слѣдователь Петръ Борисовъ, который, будучи здѣсь на приказѣ, разорилъ здѣшнюю вотчину. . . И ежели де онъ, Петръ Борисовъ, пріѣдетъ слѣдовать, то мы его съ тобою скуемъ и отвеземъ въ тюрьму и знаемъ, что съ нимъ и съ тобою дѣлать, а лошадей его и коляску, на чемъ пріѣдетъ, отберемъ себѣ, хотъ и господина своего прогнѣваемъ. А ежели господинъ къ намъ милости не покажетъ, то мы будемъ просить и свыше и о томъ громадою приберемъ ума и поступимъ никаково, а изъ Москвы кто присланъ ни будетъ, то всякаго я велю громадою вязать и сажать подъ караулъ, не токмо какой дворовой человѣкъ, хотъ и управитель, то и ему то же будетъ, и другъ за друга стоять будемъ, за сіе насъ всѣхъ не перевѣшаютъ. А я, Марко, хотъ

въ чемъ и не докажу или что ни сдѣлаю, мнѣ только 25 ударовъ кнута, а я на то пошелъ". Собравшіеся посполитые требовали, далѣе, отъ Хваткова, чтобы онъ продалъ свой скоть, лошадей, коровъ и овецъ, а иначе онѣ будутъ отобраны на громаду. Требовали также отъ него выдачи писаря Греченка и крестьянина Гр. Лучки, грозясь притомъ послѣднаго убить, а перваго побить и отвезти на цѣпи въ Лубны.

Перепуганный Хватковъ въ ближайшую ночь тайкомъ отъ караула, приставленнаго посполитыми къ его двору, ускакалъ въ с. Хоружевку и оттуда, пославъ „доношеніе“ въ полковую канцелярію, уѣхалъ въ Москву, гдѣ сообщилъ домовою конторѣ Головкина о происшедшихъ въ имѣніи событіяхъ. Изъ Москвы контора отправила его однако обратно и, вернувшись, онъ представилъ въ полковую лубенскую канцелярію новую просьбу объ усмирении возмущенія посполитыхъ. А спустя нѣкоторое время онъ подалъ еще дополнительную жалобу на нихъ, сообщая, что въ день Петра и Павла они выпили водку, хранившуюся во владѣльческихъ амбарахъ, зарѣзали и поѣли скоть его, приказчика, и отняли у его жены 49 р. денегъ.

Получивъ эти жалобы Хваткова, полковая канцелярія отправила въ Константиновъ полковаго писаря Аф. Шкляревича, поручивъ ему по пріѣздѣ на мѣсто возратить Хваткову должность приказчика и владѣльческое имущество, „войтовъ и другого званія людей, коихъ мужики самовольно отъ тѣхъ званій поотрѣшали, паки въ тѣ званія, кто въ какомъ находился, опредѣлить“, обязать посполитыхъ впредь повиноваться Хваткову, а Хваткова не мстить имъ за прежнее непослушаніе и затѣмъ произвести и прислать въ полковую канцелярію разслѣдованіе обстоятельствъ этого непослушанія. Шкляревичъ съѣздивъ въ Константиновъ, но поѣздка его успѣха не имѣла. Вернувшись, онъ сообщилъ, что, не смотря на всѣ его увѣщанія и угрозы, посполитые, „а найпаче съ нихъ первѣйшіе Павло Голюнка, Марко Мордвянинъ и Микита Лиховозъ“, наотрѣзъ отказались вновь впустить Хваткова въ имѣніе и вернуть въ его вѣдѣніе владѣльческое имущество. При этомъ „одинъ съ нихъ, Марко Мордвянинъ, сказалъ: они давно надѣются, что прикащикъ будетъ съ командою, токмо они никому не дадутся и у нихъ во всѣхъ мужиковъ согласіе такое, какъ съ которой стороны какую команду, къ нимъ ѣдучую, караульными, нарочно для того опредѣленными, усмотрѣно будетъ, то бѣжать на колокольню бить на гвалтъ и со всѣхъ сель въ одно мѣсто Константиновъ собраться всѣмъ и никому не даваться“. Въ результатѣ этого сообщенія полковая канцелярія послала въ Константиновъ значковаго товарища Воротиляка съ предписаніемъ доставить въ Лубны для разслѣдованія Голюнку, Мордвянина или Мордовца и Лиховоза. Однако громада отказалась выдать ихъ и послѣ вторичнаго пріѣзда Воротиляка дала ему въ этомъ письменную росписку. „Письменно отвѣтствуемъ, — говорилось въ ней — что не поѣдемъ въ Лубны, а укажемъ Ея Имп. В-ва не противны, также и полковой лубенской канцеляріи не ослушны, а въ чемъ прикащикъ Ми-

хайло Хватковъ на насъ челомбитствуетъ, то нехай изволить пріѣхать въ отчину господина нашего кого опредѣлитъ полковая канцелярія на слѣдствіе въ Константиновъ“. Въмѣстѣ съ тѣмъ посполитые не впустили въ имѣніе и пріѣхавшаго было, дѣйствительно, изъ Москвы на разслѣдованіе дѣла приказчика Борисова.

Столкнувшись съ этимъ сопротивленіемъ посполитыхъ и опасаясь, что въ случаѣ примѣненія къ нимъ насильственныхъ мѣръ „иногда послѣдуетъ какое забойство, дабы за то не отвѣтствовать“, полковая администрація въ концѣ сентября обратилась за инструкціями въ генеральную канцелярію. Послѣдняя распорядилась поставить въ Константиновъ на квартиру команду компанейцевъ и, получивъ извѣщеніе, что тамъ помѣщены 42 компанейца съ сотникомъ Бровкевичемъ, предписала послать туда еще кого-либо изъ старшины, который бы вмѣстѣ съ Бровкевичемъ безъ особаго разглашенія переловилъ зачинщиковъ и доставилъ ихъ въ Лубны. Во исполненіе этого предписанія въ Константиновъ былъ посланъ роменскій атаманъ Ив. Нестеровичъ. 31 декабря онъ рапортовалъ, что онъ „ходилъ въ указанное мѣсто примѣромъ партіи“ съ 40 выборными козаками роменской сотни и сообщая съ Бровкевичемъ схватилъ по указанію Хваткова 18 человекъ „развратныхъ подданныхъ“, которыхъ затѣмъ въ виду неимѣнія подводъ и распутицы отправилъ подъ карауломъ въ полковую канцелярію пѣшкомъ „въ ручныхъ скрипичахъ“. Однако главныхъ „возмутителей“, Мордовца, Голюнку, Лиховоза и дополнительно указанного Хватковымъ Мих. Торчицкаго, Нестеровичъ не засталъ, они успѣли скрыться. Изъ нихъ Мордовца посполитые отправили съ своей просьбой къ Головкину въ Голландію, другіе же позже были розысканы и привлечены къ слѣдствію. Остальныхъ посполитыхъ Нестеровичъ пытался при помощи священниковъ убѣдить прекратить неповиновеніе и подчиниться Хваткову, но добиться этого ему не удалось. Послѣ нѣкотораго колебанія посполитые рѣшительно отказались исполнить это требованіе и Хватковъ въ свою очередь лишь съ большими опасеніями и неохотой согласился остаться подъ охраной компанейцевъ въ Константиновѣ и дожидаться здѣсь переменъ въ настроеніи посполитыхъ.

На слѣдствіи въ Лубнахъ арестованные посполитые признали свое участіе въ тѣхъ дѣйствіяхъ, въ которыхъ ихъ обвинялъ Хватковъ. Въ частности, признали они и то, что, владѣльческій „напитокъ въ день праздника верховныхъ апостоловъ Петра и Павла по всѣмъ селамъ обществомъ раздѣливъ, за здоровье графское, господина своего, ставили обѣды и тое горѣлку и пиво выпили, причемъ и скоть онаго прикащика, писаря Греченка и подданнаго Лучки побили и, раздѣливъ, поѣли, и во время обѣда въ дворцѣ господскомъ съ ружья палили, и у прикащической жены 49 р. въ то время насильно взяли“. Всѣ свои дѣйствія допрашиваемые объясняли тѣмъ, что, „графъ, господинъ ихъ, посадилъ былъ ихъ на чиншѣ, а послѣ тое отмѣнилось и сады, шинки и мельницы отъ нихъ отобраны“. Получивъ эти показанія, полковая

канцелярія постановила „за таковую оныхъ мужиковъ продерзость и непотребные поступки, дабы впредь жили смирно, господину своему надлежащую подданническую повинность со всякимъ послушаніемъ отбывали и присылаемымъ прикащикамъ противностей не дѣлали, въ страхъ всѣмъ той вотчины мужикамъ, кои въ домахъ обрѣтаются, содержачимся подѣ карауломъ здѣсь учинить знатное плетми наказаніе“ и, обязавъ подпиской къ послушанію, отпустить по домамъ, а съ оставшихся въ домахъ взять такую же подписку. „Что же касается — говорилось далѣе въ приговорѣ канцелярії — до взысканія чрезъ прописанную мужичую противность послѣдовавшихъ въ той вотчинѣ графскихъ, прикащика Хваткова и подданныхъ Лучки да писаря Греченка убытковъ, тое, яко всякъ господинъ надѣ имуществомъ подданныхъ своихъ имѣеть власть и воленъ съ нимъ что хотѣтъ сдѣлать, такъ оставить на волю господина ихъ и опредѣленныхъ отъ его дому управителей“. 10 марта 1749 г. находившіеся подѣ арестомъ посполитые дали, дѣйствиительно, подписку, которой обязывались на будущее время къ послушанію, а 31 марта полковая канцелярія получила извѣстіе, что такая же подписка взята сотенной роменской старшиной и съ тѣхъ посполитыхъ, какіе были оставлены въ своихъ домахъ¹.

Этимъ однако волненія въ имѣніи Головкина еще не вполнѣ закончились. Не успѣвъ добиться устраненія приказчиковъ Головкина отъ управленія имѣніемъ, Голѣнка и еще нѣсколько его товарищей перенесли свой споръ съ ними на другую почву и предъявили въ сенатѣ искъ о своемъ козачествѣ, заявляя, что они были насильственно поверстаны въ посполитые. Сенатъ предписалъ генеральной канцелярії, а та полковой разобрать это дѣло по указамъ и малороссійскимъ правамъ, обязавъ истцовъ до его рѣшенія отбывать повинность владѣльцу. Вслѣдъ затѣмъ Хватковъ подалъ однако въ генеральную канцелярію жалобу, что названныя лица не только не отбываютъ такой повинности, но подговариваютъ къ тому же и другихъ посполитыхъ, обнадеживая ихъ, что они всѣ могутъ стать козаками. Тогда по предписанію генеральной канцелярії съ Голѣнки и его товарищей, всего 11 человекъ, въ апрѣлѣ 1750 г. взята была подписка, которой они „подѣ жестокимъ наказаніемъ“ обязались до рѣшенія своего дѣла отбывать повинность владѣльцу и не подговаривать другихъ посполитыхъ къ неповиновенію.² Но какъ въ концѣ концовъ рѣшилось дѣло Голѣнки съ товарищами, которое должно было разбираться уже въ гетманство Разумовскаго, изъ сохранившихся и извѣстныхъ мнѣ архивныхъ бумагъ не видно.

Едва успѣло закончиться разбирательство дѣлъ о волненіяхъ посполитыхъ въ Фоевичахъ и Константиновѣ, какъ въ ноябрѣ 1751 г. къ Разумовскому поступило донесеніе стародубовскаго полковника Фед.

¹ Моск. Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, дѣла бывшаго Роменскаго уѣднаго суда, оп. 7, вязка 2, дѣло 264; тамже, в. 1, л. 221; в. 2, д. 252; в. 2, д. 255; в. 5, д. 313; в. 4, д. 310; в. 5, д. 314.

² Тамже, оп. т. в. т. д. 375.

Максимовича объ аналогичномъ волненіи въ д. Лакомовой Будѣ. Деревня эта, лежавшая въ топальской сотнѣ Стародубовскаго полка, въ 1712 г. была отдана гетманомъ Скоропадскимъ полковому стародубовскому асаулу Филиппу Немировичу-Данченку, а отъ него перешла по наслѣдству къ его сыну, войсковому товарищу П. Немировичу-Данченку. Теперъ послѣдній — писалъ полковникъ — обратился къ нему съ жалобой на своихъ посполитыхъ, которые „октября 25, невѣдомо изъ чего разсвирѣпясь противъ своего владѣльца и воспринявъ самовольную отважность, надлежащей подданнической повинности не стали ему отбывать“, а, собравшись въ его дворъ, избили войта, посылавшаго ихъ на работу, и грозилась бить самого владѣльца. „Какову ихъ мужичую свирѣпость и предвоспріятую продерзость видячи, — продолжалъ полковникъ — онъ, Немировичъ-Данченко, опасаясь ихъ нападенія, принужденъ жилой его домъ лакомо-будлянскій безъ надлежащаго присмотру оставить и скрытись отъ оныхъ его подданныхъ пристойнымъ образомъ“. Полковая канцелярія — рассказывалъ далѣе Максимовичъ — отправила въ Лакомовую Буду топальскаго сотника Мих. Янжула и полкового канцелариста Еф. Федораченка, но имъ не удалось ни убѣдить посполитыхъ вернуться къ послушанію владѣльцу, ни наказать кого-либо изъ нихъ, такъ какъ они собрались въ количествѣ болѣе ста челоувѣкъ и при попыткѣ арестовать одного изъ нихъ „взять оного не допустили и всѣ едностайне приготовились были къ бою.“ Напомявая объ упорномъ сопротивленіи, встрѣченномъ властями со стороны фоевичскихъ посполитыхъ, полковникъ находилъ, что „и нынѣ небезопасно есть, чтобъ за непрекращеніемъ таковыхъ мужичьихъ продерзостей и самовольствъ иногда какового [чего Боже сохрани] и вящаго не послѣдовало зла“, и въ виду этого просилъ указаній гетмана насчетъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Одновременно съ этимъ донесеніемъ полковника къ гетману поступило „всенижайшее доношеніе“ отъ посполитыхъ Лакомовой Буда. Въ немъ они жаловались на тяжесть работъ и платежей, требуемыхъ отъ нихъ владѣльцемъ. Онъ — заявляли посполитые — „взимаетъ съ насъ фуражъ на себя, овесъ и сѣно, по 4 воза на сутки, а предъ симъ поотбиралъ въ насъ, нижайшихъ, и сѣнокосы, а особливо у годъ окладу денежнаго 80 р. собираетъ, чѣмъ мы, нижайшіе, весьма отягощены“. „Да онъ же, Данченко, — продолжали жалобщики — надъ законъ христіанскій поступаетъ, женъ и дѣвокъ нашихъ насильно къ себѣ взимаетъ и съ оными блудодѣйствуетъ и ежели за то хто жену свою или дочь станеть наказывать, то онъ, увѣдомясь о томъ и взявъ того, въ жестокіе морозы голаго въ колодѣ долго держитъ, а потомъ смертнымъ боемъ плетью мучитъ, отъ чего иные и умирають, якожъ два челоувѣка отъ мучительства его, а именно Яковъ Иващенко и Гришка Торбинъ, померли, да сверхъ того съ насъ, нижайшихъ, Гришку Жорова за то, что онъ за дочь свою ему говорилъ, чтобъ онъ беззаконнаго насильства не чинилъ, взявъ, нещаднымъ боемъ мучилъ и болѣе пяти-

сотъ ударовъ далъ. Отъ безпрестанныхъ тяжкихъ употребленій на работизну женъ нашихъ и тамо приключаемыхъ имъ боевъ инья жены, не стерпя, дѣтей нечаянно поизвергали мертвыхъ“. И посполитые, „слезне донесши“ объ этомъ, „рабско“ просили гетмана „милостиво защитить, дабы мы, нижайшіе, болѣе такого беззаконія и мучительства не претерпѣвали“. Позже посполитые представили властямъ такую „сказку“: „Мы, нижеподписавшіяся жительки д. Лакомовой Буды даемо за себе сію сказку въ самую сущую правду, открываемъ всей громадѣ лакомскимъ жителямъ съ войтомъ Иваномъ Надобнымъ въ томъ, что насъ десять дѣвъ и двухъ женъ панъ нашъ Петръ Данченко насильно згвалтоваль“. Дальнѣйшее содержаніе „сказки“ было довольно однообразно: каждая обиженная показывала, что панъ бралъ ее на работѣ или на улицѣ, вель въ свой домъ и тамъ „насильно дѣвство згвалтоваль“ или „глумился цѣлую ночь“.

Получивъ жалобу посполитыхъ, Разумовскій въ тотъ же день отправилъ Максимовичу приказъ разслѣдовать ее. Но затѣмъ, ознакомившись съ донесеніемъ полковника, онъ новымъ ордеромъ, отъ 13 ноября, предписалъ ему послать въ Лакомовую Буду одного изъ полковыхъ старшинъ, который постарался бы мирно войти въ деревню и добиться выдачи зачинщиковъ волненія. Въ случаѣ же неудачи этого плана гетманъ приказывалъ переловить ослушниковъ, избѣгая все же „смертнаго убійства“, и „всемирно стараться ихъ всѣхъ въ прежнее подданническое послушаніе привести, приличившихся же къ ослушностямъ всѣхъ, а паче первыхъ зачинщиковъ, взявъ, въ страхъ прочимъ жесточайшее имъ учинить кіями наказаніе“, а послѣ того со всѣхъ взять подписку о послушаніи впредь владѣльцу. Въ заключеніе Разумовскій подтверждалъ и свой прежній приказъ о разборѣ жалобы посполитыхъ.

Прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ и 21 января 1752 г. посполитые Немировича-Данченка, Григорій Жоровъ и Яковъ Тарасовъ съ товарищами, подали гетману новую жалобу. Въ ней они утверждали, что „полковникъ Максимовичъ знать за взятку или по дружбѣ, а полковая старшина за свойство и по дружбѣ жъ“ съ Немировичемъ-Данченкомъ никакого слѣдствія по ихъ предыдущей жалобѣ не производять, а только прислали въ ихъ село „команду съ хоружимъ полковымъ Якимовичемъ болѣе 200 человекъ, кои, живучи въ ономъ селѣ невѣдомо для чего чрезъ четыре дня, несносныя намъ обиды к разоренія починили и съ подѣ насилія взяли въ насъ на лошадей своихъ сѣна 70 возъ, овса 150 четвертей, а на харчи и на прочее оной командѣ взято денегъ 80 р., и бивъ оный хоружій Якимовичъ до полусмерти кіями зъ насъ Отроха Тимощенко съ товарищи, всѣхъ семь человекъ, и, позабывавъ оныхъ въ колодки, подѣ карауломъ съ обнаженными шаблями отослалъ въ полковую канцелярію“. Жалуясь на такую „поноровку“ Немировичу-Данченку, посполитые просили гетмана освободить ихъ товарищей и перенести разборъ ихъ дѣла съ владѣльцемъ изъ полка въ Глуховъ, въ генеральную канцелярію.

Разумовскій не исполнилъ этой просьбы, дѣло осталось въ рукахъ полковой старшины и еще долго, не менѣ двухъ лѣтъ, не могло получить разрѣшенія. На гетманскіе приказы взять съ арестованныхъ посполитыхъ подписку о послушаніи владѣльцу и закончить скорѣе слѣдствіе полковая канцелярія отвѣчала, что посполитые не даютъ требуемой подписки и не подписываютъ своихъ показаній, тѣмъ самымъ не давая закончить слѣдствіе. Въ виду этого она испрашивала указаній отъ гетмана, получала отъ него ордеры о наказаніи ослушниковъ кіями и тюремнымъ заключеніемъ и выполняла эти ордеры. Посполитые же тѣмъ не менѣ упорно не давали подписки, ссылаясь на то, что они въ работахъ никогда не противились владѣльцу, значить, имъ незачѣмъ давать и подписку о послушаніи въ работахъ, или заявляя, что они готовы даже дать подписку, но не сейчасъ, а по окончаніи слѣдствія. Въ то же время они жаловались гетману, что владѣлецъ теперь притѣсняетъ ихъ дѣтей, полковая же канцелярія не ведетъ слѣдствія, а только мучитъ ихъ — собственно, по предписанію самого гетмана — кіями и тюрьмою. Въ отвѣтъ гетманъ вновь повторялъ свои приказы и опять въ результатъ ихъ происходило то же самое. Чѣмъ окончательно разрѣшилось это дѣло, изъ сохранившихся архивныхъ бумагъ о немъ не видно, но послѣдняя имѣющаяся среди нихъ жалоба посполитыхъ помѣчена январемъ 1754 года.¹

Разсказанные эпизоды изъ исторіи украинскаго крестьянства, число которыхъ при желаніи можно было бы въ много разъ увеличить, думается, достаточно наглядно показываютъ, какія послѣдствія вело за собою закрѣпощеніе и на чемъ въ концѣ концовъ оно держалось. Давая владѣльцамъ имѣній возможность присвоивать въ свою пользу все бѣльшую долю труда крестьянина и все больше расширять свои права надъ его личностью, оно само по себѣ естественно вызывало рѣзкій протестъ со стороны болѣе активныхъ элементовъ среди крестьянства. Для того, чтобы подавить этотъ протестъ, властямъ приходилось пускаться въ ходъ мѣры крутого насилія, еще болѣе обострившія создавшееся положеніе. И, если въ моментъ своего возникновенія крѣпостной порядокъ был все же до извѣстной степени не только „эксплуатирующимъ“, но и кое-что дающимъ порядкомъ, то съ теченіемъ времени, по мѣрѣ своего развитія, онъ все больше превращался въ чистую эксплуатацію крестьянина, заходившую къ тому же очень далеко.

Софія

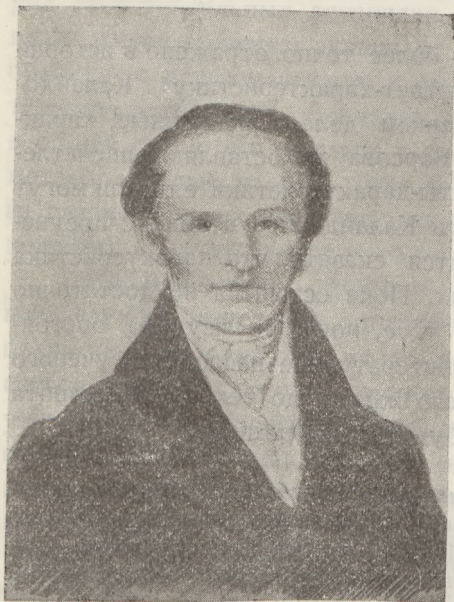
В. Мякотинъ

¹ Харьк. Истор. Архивъ, Архивъ Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 14.697.

Первый русский болгарист

Памятка о Константине Калайдовиче к столетию со дня его смерти († 1832).

I

К. Калайдович

Едва ли можно указать серьезный труд, посвященный южно-славянской истории культуры ранних веков, в котором не называлось бы имя Калайдовича, как ученого исследователя с бесспорным авторитетом; и вместе с тем, кажется, нет ученого менее популярного, чем он. Более счастливые и более прославленные его современники, иногда и при меньших талантах и меньшей самостоятельности, с меньшими учеными заслугами, вошли в историю науки через внимательно и любовно составленные обстоятельные их жизнеописания и специальные обзоры и оценки их трудов; признание их перешло в популярные книги; имена их известны не одним специалистам. О Калайдовиче до сих пор говори-

лось очень редко и сказано весьма немного.

Семьдесят лет назад Бессоновым было положено первое начало составлению его биографии¹; через десятилетие после него Погодиным был дан — попутно, не специально — опыт общей оценки его трудов². Отсюда в последующее время и почерпались все сведения об ученом,

¹ П. А. Бессонов, Константин Федорович Калайдович. Биографический очерк (Русская Беседа 1860, № 2, стр. 1-50, и отдельно: М. 1861) и Материалы для жизнеописания К. Ф. Калайдовича и особенно для изображения ученой его деятельности (Чтения Московского Общества Истории и Древностей Российских 1862, кн. 3, стр. 1-208, и отдельно: М. 1862). Эти труды вызвали появление в печати двух больших газетных статей, вносящих некоторые исправления: П. А. Ефремова (Наше Время 1863, № 15) и Н. В. Сушкова (там же, № 32).

² М. П. Погодин, Судьбы археологии в России (Труды первого археологического съезда в Москве. 1869. I. М. 1871, стр. 8-12). Заслуживает внимания и его поминальная статья в „Молве“ 1832, № 32.

которые перешли в нашу справочную литературу¹. Прошло еще около двух десятилетий — и историю ученой деятельности Калайдовича, с привлечением новых данных, но тоже попутно и не подробно, рассказал Кочубинский². Вскоре после того, в 1892 году, по случаю столетия со дня рождения, опять вспомнили Калайдовича — не надолго, но не бесплодно — с тем, чтобы внести некоторые частные исправления в биографические сведения³, а главное — дать по возможности полный список его печатных трудов⁴.

Вот и все видимые проявления внимания к жизни и трудам Калайдовича. Положенное начало биографии осталось без разработки, а оценка трудов не охватывает всей ученой деятельности Калайдовича: она дана в общей и краткой форме.

Такое положение дела как нельзя более точно отражено в истории нашей науки при попытках дать „портрет-характеристику“ Калайдовича. Со вниманием, пиететом и пониманием дела выполненные, характеристики Шевырева⁵, Бессонова⁶, или Барсова⁷ не оставляют впечатления яркого и законченного. Эти портреты-характеристики едва ли могут вызвать какие-либо возражения: заслуги Калайдовича в них не преувеличены; но в каждом случае приходится сказать, что характеристика дается в общих, черезчур общих чертах. Пока остаются не достаточно ясными „труды и дни“ Калайдовича, т. е. пока не изучено обстоятельно — во всех частностях — научно-литературное наследство ученого и тщательно не пересмотрена история его жизни, до тех пор неполнота и расплывчатость оценок и суждений будут неизбежными.

¹ Часто, к сожалению, со всеми неточностями и ошибками. Особенно досадны эти унаследованные погрешности у автора лучшей из „энциклопедических“ статей, посвященных Калайдовичу, — А. И. Ляченко (Русский Биографический Словарь. Спб. 1897, стр. 391-394), который не принял к сведению названной статьи П. А. Ефремова и повторил некоторые ошибки Бессонова; по неосмотрительному доверию к Бессонову и некоторым другим авторам, не уберется от ошибок в биографии и обзоре деятельности Калайдовича и И. В. Ягич в своей Истории славянской филологии. Спб. 1910, стр. 167-170. Оценка ученой деятельности Калайдовича в нашей литературе идет главным образом от Погодина и, можно сказать, „по Погодину“, часто являясь почти буквальным повторением его слов: ср. А. А. Котляревский, Древняя русская письменность. Опыт библиологического изложения истории ее изучения (Сборник Отделения русского языка и словесности Академии Наук, т. 50. Спб. 1895, стр. 239-241).

² А. А. Кочубинский, Начальные годы русского славяноведения. Одесса 1887-1888, стр. 95-139.

³ Русский библиограф. Новые сведения о К. Ф. Калайдовиче (Библиографические Записки 1892, № 5, стр. 353-354).

⁴ Летописец Димитрий, Материалы для биографии и учено-литературной деятельности К. Ф. Калайдовича (там же, стр. 348-353). Здесь был дан снимок с портрета Калайдовича — из галереи изображений русских деятелей Дашковского собрания Московского Румянцевского Музея. Портрет относится, позволительно предполагать, ко времени около 1825 года.

⁵ Степан Шевырев, История русской словесности, преимущественно древней. Том I, часть первая. М. 1846, стр. 178-181.

⁶ Бессонов, Материалы, стр. II.

⁷ Переписка Н. П. Румянцева с московскими учеными. М. 1882. Предисловие, стр. IV.

Богато-талантливый и подвижнически-работоспособный Калайдович едва ли бы мог назвать себя специалистом в какой-нибудь узкой области знания. Заслуги его нисколько не будут умалены, если о нем сказать, что он был историк культуры, по характеру своей учености и деятельности приближавшийся к типу энциклопедиста: он был нераздельно и первоклассный археолог и серьезный историк — гражданский и церковный, авторитетный знаток в области подсобных исторических дисциплин: талантливый начинатель палеографических изучений¹, опытный нумизмат, исключительный знаток истории славянского письма и книги и пр. и пр. Деятельность его относится к раннему периоду в истории нашей культуры, когда наука еще не разбивалась дробно на длинный ряд самостоятельных дисциплин, а совокупностью всех частей представляла живое единство; знания не были дифференцированы, и носитель их обладал и пользовался ими в их натуральной целостности. Это обстоятельство затрудняет суждение об ученом, так как затеняет его образ: в общей сумме его вкладов в науку словно тонет и делается мало приметным каждый из них; тонет и затеривается в этой сложности и одна из главнейших его научных заслуг — многолетние труды по славяноведению и в частности — по южнославянской древней письменности.

Исполнившееся в текущем году столетие со дня смерти Калайдовича служит безусловно достаточным поводом к тому, чтобы вспомнить ценного специалиста, но не дооцененного и вне круга специалистов совсем мало известного ученого. Это тем более законно, что прошло уже сорок лет молчания о нем, в продолжение которых обязательства по отношению к нему остались не выполненными: не нашлось ни мастера воздать ему „должное“ и подобающие „честь“ и „дань“, ни охотника завершить начатую в шестидесятых годах биографию. Это обстоятельство пусть оправдывает мое намерение вспомнить о Калайдовиче, хотя бы скромно ограничив задачу, главным образом, приведением в некоторое единство уже известных материалов, относящихся к одной стороне разнохарактерной деятельности давнопочившего ученого, и при том не полностью, а лишь в той мере, в какой это осуществимо в объеме поминальной статьи. Пользуюсь случаем приложить к „памятке“ портрет К. Ф. Калайдовича².

II.

Семейное предание выводит род Калайдовичей из пределов южного славянства, покинутых в первой половине XVIII столетия. Будущий

¹ Высокая оценка заслуг Калайдовича в области палеографии идет через все прошлое и истекающую часть молодого столетия. Ср. И. И. Срезневский, Славяно-русская палеография XI-XIV вв. Спб. 1885, стр. 13 и др.; А. И. Соболевский, Славяно-русская палеография. Спб. 1902, с. 54; И. А. Шляпкин, Русская палеография. Спб. 1913, стр. 29-30.

² Этой возможностью я обязан художнику Н. П. Сычеву. Приношу ему искреннюю благодарность.

ученый родился 19 мая 1792 г. в Киеве, в даровитой семье. Отец — лекарь-эрудит, читавший одно время лекции в Казанском университете, прикосновенный к ученой специальной литературе; братья — люди с ясно выраженными литературными наклонностями; двое из них, Петр и Иван Федоровичи, прикосновенны к вопросам славяноведения¹. В Ельце, а затем в Киеве мальчик начал и окончил овладение грамотой. Из Киева же вынес какие то — едва ли поддающиеся ясному определению — впечатления, может быть, от паломничества с родителями или сверстниками-школьниками ко гробу Нестора летописца, — впечатления, повлиявшие, надо думать, на характер его детского чтения и тем самым определившие направление его интересов в юношескую и зрелую пору жизни.

Десятилетним мальчиком он переселяется с родителями в Москву, там поступает в университетский пансион; оттуда переходит в Московский университет. Четырнадцатилетним подростком переводит с французского (преимущественно из Дюкре-Дюминия), пишет опыты в стихах и прозе, обнаруживая литературный вкус и начитанность². Кажется, нельзя сомневаться, что под впечатлением от „Слова о полку Игореве“ написано юношей одно из прозаических его произведений³, свидетельствующее своим пафосом, содержанием и примечаниями о начитанности его в истории, о литературных вкусах, о главной направленности чтения. „Полагая из детства приятнейшим для меня занятием Российскую Историю, я сколько можно более старался распространить свои в ней познания“, — писал он Амвросию, автору Истории Российской Иерархии, 11 сентября 1811⁴.

Осведомленность в исторических вопросах, самостоятельность и трезвость мысли, настойчивость в поисках и выяснении „мелочей“, любовь к „бесконечно-малым“ элементам культуры, — все это нетрудно заметить в первых, юношеских его трудах⁵, в которых можно видеть программу будущей его ученой деятельности. Он уже обнаруживает

¹ О них: Словарь членов Общества Любителей Российской Словесности при Московском Университете. М. 1911, стр. 129-131; также Бессонов, Материалы, стр. 6-8.

² Писал стихотворения элегические, а преимущественно басни и эпиграммы. Печатались в альманахе „Весенний Цветок“. М. 1807. Вышло три выпуска. Многие из стихотворений, с некоторыми изменениями, вошли в сборничек „Плоды трудов моих, или сочинения и переводы“. М. 1808. Как долго продолжались поэтические опыты Калайдовича, сказать, без специального исследования вопроса, невозможно. Повествования Бессонова на этот счет (Материалы, стр. 43-50) подлежат пересмотру, начатому Н. В. Сушковым, но, к сожалению, никем не продолженному.

³ „Церна, княжна Черниговская“. Весенний Цветок. М. 1807, кн. I, стр. 83-88.

⁴ Русский Архив 1869, кн. 10, стр. 1715.

⁵ „Исторические замечания о древности Звенигорода и надписи, находящейся в Саввинском Сторожевском монастыре“ (Русский Вестник 1811, № 4, стр. 103-118); „Московские Записки“ — статья, посвященная славяно-русским древностям (Вестник Европы 1811, № 1, стр. 57-59); разросшаяся через значительные дополнения, она в том же году напечатана отдельной книжкой, под заглавием: „Известие о древностях славяно-русских и об И. Ф. Ферапонтове, первом собирателе оных“. М. 1811. Эти статьи

понимание и вкус в области нумизматики¹, дипломатики и палеографии²; онъ уже знаток летописей; один из лучших, если не самый лучший, знаток и ценитель рукописных и вообще древних книг, памятников письменности, и при том — мастер эдиционной техники³.

„Ежели он в такие лета столько знает, что же будет в наши?“ — в удивлении спрашивал Евгений Болховитинов⁴. Неудивительно, что его уже знают, что с ним считаются как с ученым, что он уже — член ученых обществ, где он выступает с сообщениями как равный среди равных, хотя он еще юноша, которому нет и двадцати лет.

III.

Откуда у этого юноши по возрасту и мужа по учености его определенные интересы, строгие приемы работы, обширные и разносторонние знания и, наконец, тонкий вкус к стилю и языку его первых ученых опытов?

Сам Калайдович своими учителями в исторической критике считает Тимковского, отличного знатока греческой и латинской словесности, известного в русской ученой литературе своим классическим изданием Летописа Нестора по Лаврентьевскому списку⁵, и Шлецера, около того времени издавшего своего „Нестора“, переведенного на русский язык Д. И. Языковым⁶. Погодин склонен думать, что Калайдович обязан всем преимущественно своим природным дарованиям, хотя не отрицает и того, что Тимковский, Буле и Баузе „могли содействовать его развитию, которое принадлежит к последующему времени“⁷.

Блестящие природные дарования Калайдовича бесспорны; знания и умения давались ему, приходится думать, не в виде вымученной до-

— программные, вводные ко всей последующей жизни и деятельности автора: собирательство, накопление при бедных материальных средствах; основательное знание накопленного; увлечение, окрасившее всё содержание жизни. В статьях очерчен общими контурами известный круг предметов и вопросов, которые и вошли существенной частью в ученую деятельность Калайдовича.

¹ Рецензия на статью Г. П. Успенского „о некоторой старинной монете“ (Вестник Европы 1812, № 10, стр. 126-128) и др.

² Замечания на объяснения [Шлецера-сына] двух грамот новгородских (Вестник Европы 1812, № 3, стр. 204-232), — один из трудов, от которых ведет начало русская дипломатика. См. Н. П. Лихачев, Из истории дипломатики (XIX в.). Спб. 1905-1906, стр. 21.

³ Ему еще не было двадцати лет, когда он, по оценке И. И. Срезневского, „показал свое умение пользоваться древними памятниками, как показывает 1-ая часть Русских достопамятностей, к изданию которой он приступил еще в 1811 году, и которая издана в 1815 году“. (Сборник Отделения русского языка и словесности Академии Наук 1873, т. V, вып. 2, стр. 406). Более поздняя оценка у Шляпкина. Назв. соч., стр. 29.

⁴ К. Калайдович, Записки важные и мелочные (Летописи русской литературы и древности, том III, М. 1861, стр. 81).

⁵ К. Калайдович, Записки, стр. 95 (запись под 21 февраля 1814).

⁶ Письмо Калайдовича к С. Н. Глинке (Бессонов, Материалы, стр. 23).

⁷ М. П. Погодин, Судьбы археологии в России, стр. 6.

бычи, а притекали и копились без большого с его стороны напряжения; однако и влияние руководителей едва ли подлежит сомнению: оно заметно не только в методе работ, но сказывается в характере и содержании ученых занятий, в симпатиях и пристрастиях молодого Калайдовича. Нестор, привлечший к себе внимание Шлецера и Тимковского, на всю его жизнь делается постоянным предметом высоких дум и восторженного поклонения; имя его, можно сказать, не сходит со страниц писаний Калайдовича, коль скоро он касается того или иного вопроса отечественной или общеславянской истории и письменности.

Говоря об источниках эрудиции Калайдовича, о развитии его вкусов и наклонностей и об излюбленных темах его работ, было бы ошибкой обойти молчанием рано начавшееся его близкое общение с московскими книжными торговцами, в среде которых были лица, „прекрасно знакомые практически с русскою библиографиею, что следует особенно ценить, смотря по состоянию науки в те времена, так как между „жрецами“ последней, собирателями-библиофилами и книжными торговцами неизбежно должна была существовать особенная связь и взаимная зависимость: не имея почти никаких изданий полезных пособий по истории русской словесности, библиографии и проч., все они друг у друга получались, изучая и разыскивая уцелевшие обломки рукописной и печатной старины, и стремясь охватить все заслуживающее внимание и не обронить по дороге к знанию „ни единого укруха“.¹ Близкое знакомство и общение с этими лицами дало молодому ученому практическую школу, какой не имел никто из его ученых современников. Уже в юношескую пору его жизни через его руки прошел громадный материал старых книг — рукописных и печатных, определивших содержание его первых трудов. Усердное, можно сказать, непрестанное чтение древних памятников письменности отразилось на стиле и языке его писаний. Не могли пройти бесследно его литературные занятия. Бессонов здесь усматривает школу Карамзина, но едва ли основательно; с большим правом можно усматривать влияние Ломоносова.

В раннюю же пору жизни Калайдовича намечаются его славянские интересы. Его юношеский труд по истории древних славянских типографий² и состав его библиотеки — достаточные тому свидетельства.

Может быть, закваску этих влечений следует искать в той атмосфере, которая обусловила перед тем появление „Славянских сказок“ Чулкова, „Славянских вечеров“ Нарезного, „Светланы и Мстислава“ Востокова, вызвала путешествие в славянские земли А. И. Тургенева

¹ П. К. Симони, Материалы к истории русской книжной торговли в XVIII-XIX столетиях. Выпуск I, Спб. 1907, стр. 8.

² Труд этот не увидел света: он погиб в московском пожаре 1812 года. О нем мы знаем со слов самого Калайдовича. „Вся библиотека моя... превращена в пепел... Совсем приготовленная подробная история книгопечатания в России и образцы всех древних славянских типографий испытали равную участь“. Иоани Федоров, первый московский типографщик (Вестник Европы 1813, № 18, стр. 117).

и А. С. Кайсарова, породила „Славянские картины“ сверстницы Калайдовича — Зинаиды Волконской.

IV

Едва Калайдовичу минуло двадцать лет, его научные занятия должны были прерваться: в 1812 году патриотически настроенный пылкий юноша вступил добровольцем в русскую армию, действовавшую против французов. После многих злоключений, подробно рассказанных им в письмах к родителям, юный воин оказался в Белоруссии. Болезнь, опасности и прочие невзгоды походной жизни не послужили ему помехой к изучению белорусского наречия и польского языка. Калайдович первый из русских ученых собрал материал для описания белорусского наречия¹, а в знании польского языка, которым тогда в России многие интересовались, вряд ли кому уступал.

Через год, по возвращении из похода, начинается период напряженно-деятельной жизни, длящийся несколько более десятилетия. Он наполнен непрерывным подвигом ученого; в нем межами и гранями служат даты открытий памятников древней письменности², напечатания кратких, всегда насыщенных содержанием, трудов³ или выпуска в свет подъ его редакцией каких-нибудь монументальных изданий⁴.

Его учено-литературная деятельность нашла главное выражение в журналах: Вестник Европы, Северный Архив, Труды Общества Истории и Древностей Российских, Сын Отечества, Труды Общества Любителей Российской Словесности. Статьями, помещенными в этих журналах, с присоединением к ним вводных статей и комментариев к издаваемым им памятникам и нескольким трудам современников, „Писем к А. Ф. Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии“ (М. 1823) и главным образом „Иоанна, Экзарха Болгарского“, исчерпывается, повидимому, все, что он оставил после себя в печати.

¹ Через десять лет собранный материал был опубликован в статье „О белорусском наречии“ (Труды Общества Любителей Российской Словесности 1822, часть первая, стр. 67-80), заключающей, между прочим, конспект истории „белорусской словесности“ XVI-XVII стол.

² Не исчисляя многих, здесь позволительно ограничиться указанием на открытия творений Иоанна, Экзарха Болгарского, Написания веры Константина Философа, Стягославова Изборника 1073 года.

³ В список его трудов входит более 50 названий. К ним следовало бы прибавить некоторые его письма, представляющие собою частные ученые исследования, изложенные в эпистолярной форме (к Карамзину, к Востокову, к Румянцеву). Совместно с П. М. Строевым им составлено „Обстоятельное описание славяно-росс. рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке графа Ф. А. Толстого“. М. 1825.

⁴ Под наблюдением его печатались „Собрание государственных грамот и договоров“, часть II, М. 1819; часть III, М. 1822; „Законы в. кн. Иоанна Васильевича и Судебник царя и в. кн. Иоанна Васильевича“. М. 1819 (эта книга издана Калайдовичем совместно с П. М. Строевым); „История Малой России“ Д. Н. Бантыш-Каменского. М. 1822; „Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии“ П. И. Кеплена. М. 1822; „Белорусский архив древних грамот“ И. И. Григоровича, М. 1824, и другие.

Едва ли можно думать, что Калайдовича читал и читает кто-нибудь, кроме небольшого круга лиц, интересующихся теми вопросами, которыми занимался он сам. Едва ли статьи с описанием старых книг и рукописей, с подсчетом числа их листов, с указанием качества бумаги, способов обозначения страниц, с характеристикой шрифта или почерка, соображениями относительно места и времени напечатания или написания и т. д. и т. д., — едва ли эти статьи, при всем богатстве их содержания, при всей их краткости и простоте, даже изяществе изложения, могли быть увлекательными для рядового читателя¹.

Надо вникнуть в происхождение этих посвященных деталям и частностям статей, чтобы понять их значение. Не все его статьи имеют самостоятельное происхождение; может быть, самые содержательные являются попутным отложением, образовавшимся при десятилетних занятиях большим ученым трудом. Эти отложения, рождавшиеся в процессе создания его Экзарха, в виде ли отрывков или суждений по какому-либо вопросу или даже в виде отрывка из письма, полученного в процессе собирания материалов, Калайдович находил нужным „выдавать“ читающей публике. Можно назвать статьи о славянском переводе Кормчей², об Азбуке Василия Бурцева³, о черноризце Храбре⁴, „О древнем церковном языке славянском“⁵, „О времени перевода нашей Библии“⁶ и др. Многие из этих отрывков, материалов, статей — частью или полностью, в том или ином виде — позднее вошло в классическое „исследование, объясняющее историю славянского языка и литературы IX-X столетий“, известное под кратким названием: „Иоанн, Экзарх Болгарский“ (М. 1824).

К основной теме привело Калайдовича знакомство с громадными архивными фондами. В этом огромном архивном материале исследователь не остался простым передатчиком; он обнаруживает живой вкус и большой талант систематизатора, талант крупного исторического разыскателя, сумев выявить из безбрежного сырого и пестрого источника исторические образы, целую эпоху, ушедшую вглубь веков и совершенно затерявшуюся. Поэтому не только главный его труд, но и большая часть подготовительных статей для внимательного и образованного читателя не так сухи и безжизненны, как кажется при их про-

¹ Если для историков русской журналистики К. Калайдович показался сколько-нибудь интересным, то, вероятно, потому, что, оберегая имена „отшедших“ деятелей науки от забвения, он иногда помещал на страницах журналов их биографин, и еще, несомненно, потому, что ему ошибочно приписывали интересные для широкого круга читателей статьи его братьев. Ср. С. Весин, Очерки истории русской журналистики двадцатых и тридцатых годов. СПб. 1881, стр. 57-59.

² Вестник Европы 1820, № 5, стр. 22-32.

³ Северный Архив 1823, № 11, стр. 314-327.

⁴ Статья эта, кажется, осталась ненапечатанной. См. Вукова Преписка, III, Београд 1909, стр. 554.

⁵ Труды Общества Любителей Российской Словесности 1822, ч. 22, стр. 57-71.

⁶ Там же, 1823, ч. III, стр. 5-14; 169-173.

смотре или поверхностном чтении¹. Неспешащий читатель его лучших страниц вводится в прошлое и вместе с историком становится на момент современником описываемых событий и лиц, живет жизнью этих лиц, понимает их дела и намерения, входит в их настроения. Этого историк достигает тем, что свои источники, памятники письменности, он берет в условиях времени, в обстановке их появления и хранения, с указанием их значения; оживляет их, давая им конкретные черты.

Нет необходимости показывать искусство историка на многих примерах; достаточно вспомнить один данный им образ, — образ книжника-серба, вдали от людей, „в селе своем, окруженном реками Сетуной и Раменкою и густым лесом“, отдающего любимому занятию, собственною рукою „разборчивым уставом киноварными и фигурными заставками“ списывающего книги на потребу восточных славян. В удаленном прошлом, закрытом жизнью четырех столетий, историк в ясных очертаниях видит и показывает опытного книжника с инстинктами художника, „в спокойствии природы“ идущего к последней меже своей жизни и оставляющего будущим дипломатам наставление о правилах списывания книг². Историк до конца знакомы ремесло, труд, настроения и обычаи книжных людей³; ему до прозрачности ясен процесс книжного строения, поэтому он по письму древних памятников узнает с мастерством следопыта, сколько писцов трудилось над книгой, тонко улавливает „различие в почерке трости и чернил“⁴ и д. т.

„Бесконечно-малые величины“ культуры — буквы и их элементы, надстрочные знаки, знаки препинания — привлекаются в качестве свидетелей; под взором ученого они наделяются способностью говорить. Самое присутствие в памятниках той или другой из этих бесконечно малых величин культуры служит ему свидетельством о наличии в изучаемом прошлом явлений исторического значения.

Словом, внимательное чтение открывало в статьях Калайдовича живой мир отошедшего в далекое и забытое прошлое. Собранные вместе и озаренные единой мыслью, эти статьи и отрывки могли показать, какие не только глубокие, но и широкие основания имеет под собою ученость Калайдовича.

¹ Представление о Калайдовиче, как о „сухом“ человеке и как об авторе „сухих“ статей совершенно не вязалось бы с тем впечатлением, какое оставлял он у тех, кто вступал с ним в непосредственные личные сношения и вел с ним беседы по научным вопросам. Достаточно вспомнить начало знакомства его с Погодиным. См. Н. Бурсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. I. Спб. 1888, стр. 157 и сл.

² Об ученых трудах митрополита Киприана (Вестник Европы 1813, № 23-24, стр. 213-216).

³ В защиту творений Кирилла, епископа Туровского (Вестник Европы 1822, № 6, стр. 97-99).

⁴ Нечто о славянском переводе Кормчей, стр. 22-25.

V.

Посвятив себя всецело науке, Калайдович с первого и до последнего своего труда был ученым исследователем в подлинном смысле слова. В каждом своем труде — будь то статья, некролог, примечания к чьему-либо сочинению, — он давал или что-нибудь совершенно новое, о чем никто не писал; или, если писал о небезызвестном, то это было непременно или поправки, обыкновенно обращающиеся в экскурсы, или дополнения, развертывавшиеся в специальные исследования¹.

Он занимался, как сказано, историей и ее вспомогательными дисциплинами. Но при общем взгляде на всё им написанное, нетрудно видеть, куда всегда было направлено его внимание. Основную тему для его исследований дают вопросы, связанные с изучением памятников древне-славянской письменности. Идет ли речь о древнем славянском языке, о времени ли перевода библии на славянский язык, описываются ли редкие зарубежные или отечественные издания, излагаются ли эпизоды из истории книжного дела у славян, описываются ли отдельные памятники письменности, — всегда основной темой Калайдовича будет славянство: культурное взаимодействие между зарубежным славянством и русскими; пути проникновения рукописей, книг, вообще влияний; история, состав, характер книжности, деятели—писатели, переписчики, печатники — и их духовное вооружение². Даже вооружение „столь обыкновенное и вместе необходимое“, как азбука, он ценит как „лествицу“ к изучению славянских книг, как „преддверие к познанию языка славянского“.³ Изучаемые памятники уводят его к началу славянской письменности, в X и IX века...

Доступ к произведениям духа человеческого открывается обширную ученостью в различных областях знания. Если для историка, занимающегося памятниками слова, близкими по времени и потому более

¹ Таковы, например, Замечания на объяснение двух грамот новгородских; Об ученых трудах митрополита Киприана; Азбука составленная Вас. Фед. Бурцовым, — с пометкой автора: „Написано по прочтении статьи [В. Берха] по сему предмету, где вместо азбуки Бурцова рассмотрена совершенно другая“ (стр. 314); Библиографические поправки (Вестник Европы 1820, № 11, стр. 195-204), заключающиеся в указаниях на редкие издания; Дополнительные сведения о трудах Швайпольта Феоля, древнейшего славянского типографщика (Вестник Европы 1819, № 18, стр. 101-108, и отдельно: Сведения о трудах etc. М. 1820) и мн. др. Калайдовичу же приписывается обыкновенно (Д. Языков, Ф. Булгаков, Ягич) статья: О Святопольке Феоле, краковском типографщике (Вестник Европы, 1819, № 14, стр. 121-138). Это — ошибка: извлечение из труда Бандтке под таким заглавием принадлежит М. Т. Каченовскому. — Кажется, нет его статьи, где он не вносил бы какого-либо исправления в труды прежних или современных авторов, писавших по вопросам, близким к кругу занятий Калайдовича: Шлецера — отца и сына, Татищева, Карамзина, Евгения Болховитина, Сопикова, Бандтке, Добровского и многих других.

² Об ученых трудах Киприана и мн. др.

³ Азбука, составленная Бурцовым, стр. 315-316.

понятными, приходится преодолевать много трудностей при их изучении, то что же можно сказать об историке, предметом внимания которого являются памятники отдаленного прошлого, сохранившиеся в малом числе и при том неизбежно в плохом состоянии? Он поставлен в необходимость дорожить всеми отрывочными данными из всех наличных разнородных памятников: там, где стерты все следы прошлого, нельзя пренебрегать никаким документом, никаким свидетельством, содержащим самое малое указание, самый малый намек.

Раскрытие памятников, полное их уразумение возможно при непрерывном посредстве филологической учености в полном смысле этого обозначения. В какой мере Калайдович отвечал этому требованию учености?

VI

Зависимость ранних памятников славянской письменности от византийской ставит исследователя в необходимость быть сведущим в области греческой книжности. Изучение культурных взаимовлияний с Западом предполагает обращение к литературе на латинском языке. „Он умел находить с проницательностью Гейне справки в книгах греческих и латинских“, вспоминает о Калайдовиче его сверстник и со товарищ¹.

Непосредственное же значение в ученых занятиях Калайдовича имело знание языков славянских. Еще до военной службы, уже в ранних работах Калайдович обнаружил знакомство с польским языком (в 1812 году, в Замечаниях на объяснение двух грамот новгородских, он делает ссылки на некоторые особенности польского языка). Вероятно, знакомство это было результатом его занятий историей славянских типографий. Живой и общительный, в Орше, где стояла его военная часть, Калайдович свел близкое знакомство с образованными поляками. Из их небольшого круга следует особо упомянуть поэта Иосифа Мореловского. Он предоставил в распоряжение оторванного от книг Калайдовича свою библиотеку, снабжал его газетами, помогал коротать невольный досуг в „скучном городе Орше“. Дружба с ним продолжалась и после (по крайней мере до 1816 года), как свидетельствует их (до сих пор полностью не изданная) переписка.

Об основательных познаниях Калайдовича в польском языке можно судить по этой переписке. „Польское письмо ваше привело в удивление всех, которые читали оное. Я сам никогда не думал, чтоб вы знали язык Польский до сего (sic) степени“, — писал Мореловский Калайдовичу 17 января 1814 года.² Переписка является убедительным свидетельством внимательного изучения не только языка польского, но также старой и новой польской книжности; она обнаруживает в Калайдовиче серьезный интерес к идее славянского единения, к общим вопросам сла-

¹ Бессонов, Материалы, стр. 10.

² Письма без указания литературного источника цитируются по подлинникам, хранящимся в Государственной Публичной Библиотеке (Ленинград).

вяноведения, поскольку они отражались в тогдашней литературе. Так, не удевлотворяясь неполным русским переводом речи Яна Коссаковского „Rzut oka na literaturę czeską i związek języków Słowiańskich“¹, он стремится иметь ее в полном виде, в оригинале², ценя ее вряд ли как ученый труд, а скорее всего как рассуждение на тему о славянской взаимности. С многочисленными вопросами он обращается к Мореловскому, прося содействия в получении польских ученых изданий. Мореловский в ответ на просьбы снабжает Калайдовича выписками из различных изданий — виленских и полоцких, из „дееписателя польского“ — Белского, из разных изданий Скарги, делится сообщениями о Полоцких древностях, знакомит с положением польской литературы, с „планом наук преподаваемых в Академии Полоцкой“ и пр. Некоторыми сообщениями Мореловского он воспользовался в своем Экзархе (стр. 213: „Дополнения и поправки“). Эта практическая школа позднее обеспечила основательность трудам Калайдовича, где потребовались серьезные познания в польском языке и литературе.³ О познаниях Калайдовича в языке чешском можно догадываться по цитатам и ссылкам, встречающимся в Экзархе (стр. 91-92, примеч. 13). Едва ли кто (разве Востоков) из русских ученых того времени лучше Калайдовича знал языки первоисточников культурной истории славян — древний книжный и современные болгарский и сербский. К знанию южно-славянских языков привели его занятия древними рукописями. Суждения о них он высказывает в нескольких своих статьях и в переписке⁴. Не перестает он совершенствоваться в знании языка, когда его труд близится к концу. Получив через Кеппена Вуков „Додаток“, он пишет своему

¹ Улей 1811, № VIII, стр. 84-108: „Взгляд на богемскую словесность . . .“

² Письмо Мореловского от 31 декабря 1816 года.

³ Случайные замечания и попутные суждения о польском языке, главным образом в связи с темами о памятниках письменности, рассеяны в статьях: Известие о древностях славяно-русских, Опыт решения вопроса о том, на каком языке писана Песнь о полку Игоря (Труды Общества Любителей Российской Словесности 1818, ч. XI, стр. 3-32), Сведения о трудах Швайпольта Фиоля, Нечто о славянском переводе Кормчей, О белорусском наречии и в некоторых других. В полноте знание польского языка обнаружено при редактировании Белорусского архива И. И. Григоровича — с многочисленными документами на языках польском и латинском.

⁴ Из статей можно назвать: Опыт решения вопроса etc., Нечто о славянском переводе Кормчей, О времени перевода нашей Библии, О древнем церковном языке славянском. Главная мысль последней статьи передана Калайдовичем в письме к Кеппену от 16 июня 1822: „Недавно читал я в Обществе Любителей Российской Словесности возражение против Добровского, в котором опровергал его мнение, будто древний церковный славянский язык есть старинное сербское наречие“ (Вукова Преписка, III, стр. 554). Ср. письмо Караджича к Л. Мушицкому от 15 (3) ноября 1822 (Вукова Преписка, II, Београд 1908, стр. 291). Доводы Калайдовича были достаточно убедительными даже для скептика Добровского. Кеппен 31 июля (12 августа) того же года отвечал Калайдовичу: „Сербь очень недовольны Добровским за то, что он отстал от прежнего своего мнения, будто бы древний церковный славянский язык есть старинное сербское наречие. Сам Добровский теперь в этом с вами согласен“ (Северный Архив 1823, № 1, стр. 18).

другу: „Меня порадовало прибавление к Сравнительному Словарю и Сербские повести, а речник для меня драгоценен. Пожалуйте не отказывайте мне в сообщении подобных новостей, ибо вы знаете сколь они у нас редки, а особливо если можете сохранить мне по экземпляру грамматик и словарей разных наречий¹. — Сербский язык Калайдович знал настолько, что мог — по поводу некоторых особенностей этого языка — сказать: „ссылаюсь на все книги, теперь издаваемые сим наречием“ (Иоанн, Экзарх Болгарский, стр. 62).

Древне-славянский язык для Калайдовича — вполне открытая область. Как высоко ценил Востоков его познания в этой области, можно судить по письму его, писанному в начале 1823 года: „Я намерен сочинить свою славенскую грамматику, в которой, конечно, не оставлю воспользоваться всеми открытиями Добровского. Если кто между тем переведет его грамматику для русских с своими дополнениями и примечаниями, тем лучше! Я воспользуюсь и его трудом. Крайне желал бы я вас... иметь предшественником моим на сем поприще. Может быть мне после вас не осталось бы уже никакого дела над пояснением грамматики Славенской. С радостью уступил бы я вам пальму по сей части...“². Немного позднее, извещая, что он „принялся за отработку начисто“ материалов „к словенской грамматике“, Востоков писал: „С нетерпением ожидаю я появления в свет вашего Экзарха, из коего почерпну важные пособия в предстоящем мне труде, так как уже и прежние исследования и открытия ваши... служат мне большою помощью. Вы мне позволите... прибегать к вам и особенно для разрешения сомнений, какие мне в продолжении труда моего встретиться могут“³. Далее излагаются „просьбицы“, которые „с всегдашней... готовностью споспешествовать в благом деле“ исполняются Калайдовичем при письме от 1 августа 1823 года. Таких примеров признания Востоковым ученого авторитета Калайдовича в вопросах древнего славянского языка из переписки можно было бы привести немало. Знание языков для него было средством проникнуть во внутреннюю жизнь, литературу и историю народа, вникать в смысл исторических фактов и культурных отношений. Именно такой подход отличает его специальную работу, посвященную языку, от статей других авторов-современников, печатавших словари просторечья из разных губерний и замечания об народных говорах⁴. Для собирателей в них — только факт или констатирование факта, не озаренное какою-либо мыслью. Для ученого автора статьи о белорусском наречии это не только самостоятельный факт, не только себе довлеющее явление, но свидетельство с сложной жизни народа. В простых и цельных

¹ Письмо к Кеппену от июня 1822 (Вукова Переписка, III, стр. 554).

² Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке (Сборник Отделения русского языка и словесности Акад. Наук. Спб. 1873, т. V, в. 2, стр. 48).

³ Письмо от 19 июля 1823 (Переписка Востокова, стр. 63).

⁴ Например, материалы Михайла Макарова, Алексея Фортунатова и других собирателей (Труды Общества Любителей Российской Словесности 1822, часть XX).

фактах, словах и формах он вскрывает сложные исторические явления: столкновение народов и племен, их взаимообщение, культурные взаимовлияния и пр. В языке изучаемых памятников Калайдович искал напоминаний о живших и действовавших некогда людях, живые свидетельства об их интересах, об одушевлявших их идеях. Такое отношение к языку памятников намечается в самую раннюю пору ученой деятельности, — в момент столкновения его с Шлецером-сыном¹. Смысл и суть этого столкновения — в разных приемах чтения памятников. Метод Шлецера заключался, выражаясь образно, в чтении памятников по складам и по одному слову, — чтение, при котором ему было очень трудно держаться общего духа, общего понимания памятника. Калайдович же стремился читать речения, слова и строки именно в свете этого общего понимания. Такой взгляд на чтение древних памятников лежит в основе всех важнейших трудов Калайдовича и — в особенности — его классического труда об Иоанне, Экзархе Болгарском.

VII.

„С услаждением вспоминаю год и день, в который открыл я сие сокровище, собирая остатки нашей истории и языка“, — вспоминает Калайдович². Это было 19 сентября 1813 года. С этого дня, сколько ни отвлекали его вольные и невольные другие занятия³, Экзарх был

¹ См. „Замечания на объяснения двух грамот новгородских“. На них последовал ответ Шлецера (Вестник Европы 1812, № № 8 и 9); см. также „Письмо к издателю“ Калайдовича (там же, № 14, стр. 228).

² Иоанн, Экзарх Болгарский, стр. 17.

³ С момента открытия и до опубликования памятника прошло десятилетие, в течение которого Калайдович написал более тридцати исследований, редактировал и издал около десяти томов чужих трудов по поручению друзей и мецената, делал описание рукописей собрания Толстого, осматривал и описывал древности, искал и приобретал древние книги, вел обширную и серьезную переписку. К этому надо прибавить, что материальные условия его жизни нельзя назвать блестящими. По возвращении из военного похода Калайдович некоторое время бедствовал, затем смог возобновить преподавательскую деятельность в университетском пансионе. С 1817 года начал службу при Московском Архиве Коллегии Иностранных дел, войдя давно желанным членом в знаменитый кружок мецената Н. П. Румянцева. (О „Румянцевском“ кружке обстоятельно рассказано у Кочубинского в книге „Начальные годы русского славяноведения“, стр. 37-215). С этой поры начинается самый плодотворный период в учено-литературной деятельности Калайдовича, начавшего еще более сосредоточенную, можно сказать, замкнутую жизнь. Общение поддерживалось лишь с небольшим кругом лиц: с Аксаковыми, Тимковским, Погодиным, Сахаровым, Бантыш-Каменским, Дмитриевым, Карамзиным.

Странное явление! Когда вспоминаешь, что в это же время жили Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Вяземский, Боратынский, Грибоедов, поражаешься почти полным отсутствием связей между группой ученых и группой писателей. В литературных произведениях и даже переписке писателей почти не встречается упоминаний имен ученых, хотя известно, что, например, Жуковский был знаком с Калайдовичем, что Грибоедов интересовался некоторыми изданиями Калайдовича, что в библиотеке Пушкина были издания Калайдовича, и одна из его книг была раскрыта в последние часы жизни поэта... Равным образом в сочинениях и переписке ученых почти не упоминаются имена писателей.

главной темой его „трудов и дней“. С каким тщанием работает Калайдович над Экзархом, видно из переписки с Востоковым. Начавшаяся письмом Востокова от 17 июня 1822 год, эта ученая, без следов эпистолярной лирики, переписка от начала до конца — дружественная. В ней — выражение постоянных дум о большом и важном деле и непрерывного искреннего интереса к трудам друг друга и непрекращающихся серьезных забот одного ученого о другом.

Работа над совершенно новой темой требовала колоссальных знаний и такого же труда. В фундамент ее заложена целая библиотека рукописей и старинных изданий, собранная по малым и большим частям отовсюду — из Московской Патриаршей Ризницы, из книгохранилищ Петербурга, из архивов провинциальных монастырей и частных собраний. Востоков, Кеппен, Мореловский — вот его доброжелательные помощники в поисках. Новизна, важность и трудность темы поставили автора в необходимость все более и более умножать свои познания, приобретать сведения самые разнородные, имеющие не только непосредственное отношение к основной теме, но и к окраинным вопросам, соприкосновенным с главной темой. Источником эрудиции могли Калайдовичу служить главным образом те же рукописные фонды Москвы, Петербурга и провинциальных монастырей. Что касается научной литературы — русской и зарубежной, то она лишь в небольшой степени могла быть полезной исследователю: южное славянство, болгары в особенности, было мало известно, и Калайдовичу пришлось иметь дело и нужно было считаться с весьма небольшим числом сочинений, и при том таких, которые не полностью и не прямо имели отношение к предмету его исследования.

В русской литературе болгар знали по энциклопедии конца XVIII века Иоанна Алексея („Пространное Поле“, 1794) и тем немногим источникам, которыми воспользовался ее составитель, по „Истории разных словенских народов, наипаче же болгар, хорватов и сербов“ Иоанна Раича (Вена 1794-1795), частью перепечатанной в Петербурге в 1795, по знаменитому „Путешествию“ Василия Григоровича-Барского, вышедшему в то время, в 1819 году, в издании Академии Наук „шестым тиснением“, по „Рассуждению о славянском языке“ Востокова (1820).

По самому своему характеру труд Барского не мог быть полезным при осуществлении задач, поставленных исследованием Калайдовича; зато далеко не бесполезной оказалась „История“ Раича; „Рассуждение“ Востокова в работе Калайдовича имело не больше значения, чем переписка с его автором¹.

В западно-европейской литературе сведения о болгарях, начиная со

¹ В эту же пору трудился над изучением болгар Ю. И. Венелин, которого обыкновенно называют первым болгаристом. Ни на хронологическое первенство Венелин не может рассчитывать, ни на первенство по научному значению трудов. Труды его стали печататься после выхода в свет „Иоанна, Экзарха Болгарского“. Есть основания думать, что в период подготовительных занятий болгарями Венелин не обошелся без влияния Калайдовича.

второй половине XVIII вѣка, встречаются почти непрерывно: они составляют содержание отдельных страниц, параграфов или глав в трудах Августа Шлецера¹, Яна Потоцкого², Фортуната Дуриха, *Bibliotheca Slavica* которого привлекала внимание Калайдовича еще в 1816 году³. Обращение к этим трудам ничего не могло — ни прямо, ни косвенно — дать исследователю болгарского языка и литературы. Даже такие славянские ученые, как Копитар и Иосиф Добровский, были мало осведомлены относительно болгар и болгарского языка. Не зная образцов болгарского языка, Добровский счел его (1814) за наречие языка сербского. После статей Калайдовича (1822) он отказался от своих утверждений, и все же его „*Institutiones linguae*“ не полностью удовлетворил Калайдовича, и будь он своевременно получен, мог бы ему „послужить наставительным руководством только в частях, но не в главном исследовании“⁴. Зато в том же году (1822) Калайдович был „порадован“ получением книги, содержащей небольшой болгарский словарь, около трех десятков болгарских народных песен, опыт краткой грамматики болгарского языка, параллельные евангельские тексты — сербский и болгарский — и молитвы „Отче наш“. Это был „Додаток“ Вука Караджича⁵, которым он и воспользовался в своем исследовании.

При тогдашнем уровне знаний славянства весь колоссальный труд нужно было выполнить самостоятельно. „Следуя в тумане древности за моим Экзархом, не имея надежного вождя, я чувствовал изнеможение“, — говорит исследователь, выпуская в свет свой труд, владевший вниманием ученого целое десятилетие. Ученая работа не может вестись торопливо, — таков был взгляд Калайдовича. Еще будучи юношей, он говорит о необходимости для историка длительной и постепенной подготовки и непрерывной работы⁶. Даже простой сбор материала — и тот должен быть неторопливым, осмотрительным: нельзя „сделать одим часом то, что совершается месяцами и годами“⁷.

VIII

Строгий взгляд Калайдовича на обязанности ученого выработался в его ранние годы. Подпочву его можно видеть в укладе строгой семейной жизни в родительском доме и в тех испытаниях, которые послала

¹ *Allgemeine Nordische Geschichte*, 1771.

² *Chroniques, mémoires et recherches pour servir à l'histoire de tous les peuples Slaves. Livre XLII. Varsovie 1793. Fragments historiques et géographiques sur la Scythie, la Sarmatie et les Slaves. Brunswick 1795.*

³ Письмо Мореловского к Калайдовичу от 31 декабря 1816 года (Бессонов, Материалы, стр. 59).

⁴ Иоанн Экзарх, стр. IV.

⁵ Додатак к Санктпетербургским сравнительным рјечницима свију језика и нарјечија с особитим огледима Бугарског језика. Написао Вук Стевановић. У Бечу 1822.

⁶ Калайдович, Записки, стр. 94-95.

⁷ Письмо к Востокову от 29 января 1823. Переписка Востокова, стр. 45.

ему его поистине серьезная жизнь. Едва ли дом умалишенных, где он, не будучи сумасшедшим, пробыл полгода, и годичное монастырское послушание прошли „мимо“ его души, как не прошло постоянное обращение к писаниям Нестора, образ и имя которого вдохновляли его. Правильные или неправильны эти догадки, — во всяком случае он вышел на дорогу ученого с закалом суровым и жертвенным. Отсюда у него та убежденность, торжественное настроение в душе и всегда — при всей деловитости, практичности и палеографической добросовестности — приподнятый тон писаний...

Основательная, осторожная и потому медленная работа при больших масштабах требовала постоянного напряжения всех сил ученого. Не удивительно, что в письмах время от времени встречаются строки: „по болезни не выезжаю со двора“, и что тридцатилетний подвижник науки не без грусти писал: „Уже с прискорбием чувствую, что зрение мне изменяет. Но будем трудиться с прежнею горячностью и с необходимым в настоящем положении благоразумием дотоле, пока притупленные чувства совершенно не остановят силы деятельной“.¹ В своем взгляде на задачи ученого Калайдович находил силы нести свой подвиг.

Стремление историка — быть очевидцем давно минувшего; задача его — воскресить далекое прошлое. Такой смысл улавливается в словах Калайдовича, которые читаем в письме его к Востокову: задача историка в том, чтобы даже и в малом „дать душу тлеющим памятникам и оживить их“². А эти „тлеющие памятники“, которые историку надо было до конца раскрыть, чтобы дать своего Экзарха, исчислялись многими сотнями. Ученый в самом подлинном значении слова, он считал необходимым решительно всё, даже имеющее стороннее отношение к вопросу, брать из первоисточников. Но не только изучение первоисточников, а даже и самое выявление их на свет словно лежало на обязанности Калайдовича. Румянцев рано угадал в нем „дар необыкновенный изыскивать и объяснять памятники древности“.

Питая свою любознательность и ученую пытливость из первоисточников, Калайдович открывал все возможности пользоваться известными или доступными ему первоисточниками всякому, кто их искал или имел в них нужду. Богатейший запас его материалов и колоссальная эрудиция не лежали подспудно: он делится ими в письмах с Евгением Болховитиновым, с Востоковым³, с Н. М. Карамзиным⁴, П. И. Кеппеном⁵; он делает безмянные ценные вклады в чужие труды со тщанием зна-

¹ Письмо к Востокову от 9 июля 1823 (Переписка Востокова, стр. 61).

² Письмо от 2 апреля 1825 (Переписка Востокова, стр. 189).

³ Для простого перечисления справок, указаний и пр., сделанных Калайдовичем для Востокова, пришлось бы назвать не один десяток писем из «Переписки Востокова».

⁴ Н. М. Карамзин, История Государства Российского, т. I, издание 2-ое. Спб. 1818. Примеч. 159 (стр. 75-76), 260 (стр. 94), 261 (стр. 96) и мн. др.

⁵ Материалы для истории просвещения в России, собираемые Петром Кеппеном (Библиографические Листы 1826, № 2. Предисловие).

тока и готовностью щедрого человека: помогает Сопикову¹, В. С. Караджичу², Карлу Зедергольму при его переводе и объяснениях „Слова о полку Игоря“³, Рихтеру в работе по истории медицины⁴ и мн. др.

Гораздо раньше опубликования результатов своих исследований о древней литературе славян, он с видимой охотой, без боязни умалить свою славу, сообщает их Н. М. Карамзину⁵, Евгению Болховитину, которому по случаю вышедшего первым изданием его „Словаря“⁶, писал: „Некоторые из древних писателей наших укрылись от вашего внимания. К таковым принадлежат: Иоанн, Ексарх Болгарский..., епископ Константин... В оправдание мое готов собирать вам подкрепления к моим благонамеренным замечаниям“⁷. Во втором издании составитель внес указанные имена на страницы своего „Словаря“.

IX

Сам Калайдович впервые решился упомянуть в печати об Иоанне Болгарском и его современниках в 1817 году⁸ и затем — по разным поводам — несколько лет спустя: дважды в 1822⁹ и дважды в 1823 г.г.¹⁰

Он „привел к концу“ свое „долговременное разыскание“ в мае 1823 года. Но только через три месяца после этого мог он, наконец, писать своему другу: „Честь имею препроводить обещанный экземпляр Экзарха. . . Будьте благосклонны к труду моему и удостойте меня по времени вашими наставительными замечаниями“¹¹. „Приятнейший ваш подарок, богато переплетенный и золотообрезный экземпляр Иоанна Экзарха с раскрашенными рисунками получил я с живейшим удовольствием и приношу вам за оный мою сердечную благодарность“, — отвечал Востоков. — „С жадностью пробежал я вашу книгу, в которую мне придется не однажды заглядывать, и ею руководствоваться. Не премину сообщить вам по времени замечания и догадки, внушаемые мне

¹ Вукова Преписка II, стр. 254.

² Письмо Калайдовича к Караджичу от 17 июня 1819 года (Там же, III, стр. 470-471); письмо его к Кеппену от 16 июня 1822 (Там же, стр. 554).

³ Das Lied vom Heereszuge Igors... Von Pastor Sederholm. Moskau 1825, S. IX-X; см. также: Библиографические Листы 1825, № 9, стр. 126.

⁴ Калайдович, Записки, стр. 99.

⁵ Карамзин, Назв. соч., примечания 159 и 261.

⁶ Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской церкви, 2 части. Спб. 1818.

⁷ Бессонов, Материалы, стр. 108-109.

⁸ Неизвестный, Опыт решения вопроса etc., стр. 24. Подписано: „1817 г. июня 6 дня“.

⁹ В защиту творений Кирилла, епископа Туровского, стр. 91-98; О древнем церковном языке славянском, стр. 60, 68-69.

¹⁰ Азбука, составленная Бурцевым, стр. 319, выноска; О времени перевода нашей Библии, стр. 8.

¹¹ Письмо от 8 сентября 1824 (Переписка Востокова, стр. 134).

чтением ученых ваших исследований и любопытных приложений, сей богатой сокровищницы древности славено-болгарского языка!"¹

Книга открывала любознательности русских и зарубежных ученых множество новых фактов и новые, далекие горизонты. Нужно забыть целое истекшее столетие и вернуться мыслью к началу прошлого века, чтобы должным образом оценить труд, поднятый силами и разумением первого русского славяноведа-болгариста, нужно представить себе просвещенного читателя двадцатых годов прошлого столетия и вместе с ним читать книгу Калайдовича.

В начальной, вводной главе² читателю открывались такие положения:

Честь изобретения славянской азбуки должно приписать первоучителю Константину-Кириллу.

Переводы с греческого языка на славянский Евангелия, Апостола, а позднее — Псалтири, Октоиха и прочих богослужебных книг — совокупный труд братьев-первоучителей и руководимых ими их сподвижников.

Кирилл положил только начало знаменитых трудов: составил алфавит и перевел некоторые части Евангелия и Апостола; ему же принадлежит Написание о правой вере.

Перевод на славянский язык всей Библии, как и введение в Моравии славянского богослужения по чину греческой церкви, принадлежит Мефодию.

Церковный славянский язык, употребляемый в богослужении россиянами, сербами, болгарами, впоследствии принятый волохами и молдаванами, по составу своему, как книжный и мертвый, совершенно различается от нынешних русского, сербского, болгарского.

Язык славянский, с переводом св. писания получивший достоинство книжного, был некогда одним, общим для племен западных и восточных: для моравов, болгар, сербов, русских и, вероятно, для других племен однородных.

Часть русских, завоевавшая славян, дала свое название побежденному народу, а язык самих победителей слился и исчез в многолюдном славянском племени, подобно болгарам, утратившим свой язык посреди многочисленных славянских поколений.

Сходство церковного моравского языка с славянским языком болгар способствовало принятию его последними, как позже — русскими. Во второй главе³:

Успешно начавшееся в Моравии образование славянского языка было прервано нашествием венгров и не могло продолжаться из-за пре-

¹ Переписка Востокова, 135.

² „Начало словенских письмен. — Константин и Мефодий. — Их труды. — Книжный язык словенский“.

³ „Иоанн, Экзарх Болгарский“.

следования славянского богослужения римской духовной властью и немецким духовенством.

Оно сохранялось и продолжалось в одной только Болгарии, в то время сильной и самостоятельной.

Предположение относительно проповеди бл. Константина в Болгарии не имеет под собой достаточных оснований. Зато не может подлежать спору, что письма славянские, изобретенные им для моравов, и „всё доброе, учиненное у них Мефодием“, вскоре перешло к болгарам.

Преемником славы образователя книжного славянского языка был Иоанн пресвитер, экзарх Болгарский, живший в конце IX и начале X века, современник болгарского князя-книголюбца Симеона, составителя „Златоструя“, и других деятелей века в Болгарском Переяславце: епископа Константина, переводчика слов на ариан Афанасия Александрийского, иеромонаха Григория, автора писаний по церковной и гражданской истории.

Памятники письменности от XIII века и позднейшие ставят имя Экзарха Иоанна в ряд с великими греческими иерархами.

В третьей главе¹:

Важнейший труд Иоанна Болгарского заключается в переводе Богословия Иоанна Дамаскина.

Славянский перевод Богословия, известного у русских книжников под названием Небеса, достоин прилежного исследования (не говоря о других причинах) по самой близости его ко времени появления своего подлинника.

Рукопись, содержащая в себе Богословие, не есть подлинная Иоаннова; она относится к началу XII столетия.

Трудясь над переводом сочинения Дамаскина, Иоанн-экзарх должен был давать собственный перевод некоторых евангельских повествований, так как переведенное славянскими первоучителями Евангелие в то время не было полностью известно в Болгарии.

В главе четвертой²:

Экзарх Иоанн, положив в основу Беседы о шестидневном творении мира Василия Великого, и пользуясь сочинениями других писателей, составил собственное рассуждение: Шестодневье.

Чистота и ясность слога Иоанна свидетельствует о значительной обработанности славянского языка уже в X веке.

В его переводах видно тщание — не отступая от подлинника, сохранить силу и удобопонятность выражений.

Утратившиеся формы славянского языка заменены у него греческим словосочинением.

Недостаток слов молодого языка Иоанн восполняет введением слов литературного греческого языка.

¹ „Перевод Богословия Дамаскина“.

² „Сочинение Шестоднева“.

Один из первых славянских ученых (если не самый первый), Иоанн имеет право на бессмертие, как виднейший деятель в преобразовании народного славянского языка, в создании языка литературного. В древности он заслуженно пользовался славой как муж большой учености — филологической, философской и богословской.

В пятой главе¹:

Письменные памятники, сохранившие нам драгоценное наследие отцов, при всей глубокой отдаленности времени, сохраняют печать благородной простоты.

В этом нужно видеть свидетельство о том, что писатели руководились известными им правилами языка.

Источник этих правил доселе не был известен филологам. Самая древняя из известных славянских грамматик не восходит выше XVI века; опыты составления словарей углубляются в XIII век; однако одно это пособие „не могло служить достаточным средством при переводах с языка иностранного, где потребны были грамматические правила, примечаемые в древнейших славянских памятниках“.

Можно допустить, что Константин и Мефодий руководствовались греческою грамматикою: „в сохранившихся древнейших примерах на каждом шагу обнаруживается величавый грек в изменившейся одежде“.

Продолжатель дела славянских апостолов, ясно понимая необходимость письменных правил для едва возникающего литературного языка, перевел сочинение Иоанна Дамаскина о восьми частях слова, или греческую грамматику, применяясь к свойствам своего отечественного языка.

Книга о восьми частях слова (неполностью сохранившаяся в старшем списке XVI века) — самостоятельный труд, не являющийся частью или дополнением Философии Дамаскина.

Через Иоаннов перевод Грамматики Дамаскина названия частей речи вошли — с небольшими изменениями — в употребление в новейший наш язык.

К важным заслугам Иоанна Экзарха следует отнести его перевод Философии — „по словенскому языку Любомудрие“ — Дамаскина. Переводчик не во всем следовал за подлинником; сообразуясь с обстоятельствами, он допускал некоторые отступления в расположении материала.

Экзарх Иоанн был не только переводчиком и писателем; он является достойным носителем славы „древнейшего славянского проповедника“. Ему бесспорно принадлежит слово на Вознесение; не без основания, но без достаточных доказательств, приписываются ему и другие произведения церковного красноречия.

¹ „Греко-словенская грамматика. — Перевод Философии Дамаскина. — Слово на Вознесение“. (Глава шестая содержит „Заключение“).

X

Многие из этих положений настолько прочно вошли в научный оборот и даже в учебную и популярную литературу, что они, как принятые и бесспорные, так сказать, общеизвестные, в сочинениях общего характера по истории южно-славянской, в частности — болгарской, литературы приводятся без ссылок на историка, воскресившего эпоху и впервые высказавшего перечисленные тезисы. Понять все значение и полный смысл их для своего времени теперь, через столетие, можно только в исторической перспективе.

Ранний период славянской письменности, вследствие утраты большей части литературных произведений и фрагментарного характера значительной доли сохранившихся памятников, не может быть во всех частях вопроса рассмотрен непрерываемо. Отсюда возникает разнообразие мнений, суждений, догадок.

Понимая, что книгу вряд-ли ждет единодушная приветливая встреча, Калайдович посмел сам оценить силу своих исканий, наблюдений, вообще результат своих трудов, указать и определить смысл своего исследования и свою заслугу в науке. „Предлагаемое исследование прольет новый свет на древнейшую нашу письменность. Доселе мы знали только о Константине и Меѳодии; я открываю их современника, Иоанна, экзарха Болгарского, вместе с другими лицами, которых имена и труды были совершенно неизвестны ни нам русским, ни изыскательным иноземцам“ (стр. III-IV). И далее: „Конечно, такие открытия могут произвести удивление, соединенное с недоверием. Но мои памятники, долго таившиеся в книгохранилищах, теперь обнаружены: пусть всякий читает, поверяет и судит“ (стр. 84). „В исследовании показаны подробно источники, на коих основано разыскание; приложения¹ служат оному подкреплением и богатым запасом для филологов; а вернейшие снимки почерков — материалами для палеографии. Да не обвиняют меня чита-

¹ Иоанн Экзарх, стр. 125-212. Здесь напечатано 15 текстов: предисловие Иоанна Э. Б. к Богословию, о числе книг ветхого и нового завета (из Богословия), предисловие Иоанна к Шестодневу, первая глава Шестоднева, грамматика Дамаскина, переведенная Иоанном Э. Б., слово на Вознесение, три отрывка из повести о разорении Трои, о составлении Славянского Алфавита, — соч. монаха Храбра и др. Издание памятников письменности полностью не могло состояться. „Мне очень хочется довести до сведения ученых наших мужей все его [Калайдовича] открытия и замечания на древнейший манускрипт превода Экзарха Иоанна Болгарского“, — писал Румянцев Малиновскому 6 октября 1818 (Переписка Румянцева с московскими учеными, стр. 90). Но он не без оснований опасался, что „в издании полном встретится со стороны духовенства некоторое препятствие“. Впрочем, писал он, „кажется мне, в полном издании, поелику суть сей труд экзарха перевод, а не сочинение, надобности нет, а вся важность и польза сохранится, ежели при биографическом описании времени, жизни и трудов сего Экзарха . . . многие статьи разных переводов его не токмо в точности прописаны будут, но даже хотя бы в иных местах целыми листами fac-simile внесены были (Там же). — На стр. 213—218 „Дополнения и поправки“, а в конце книги — „Рисунки“ (палеографические таблицы).

тели в излишестве примечаний¹ и строгой точности относительно букв, удержанной в памятниках до XV века писанных: то и другое если не прямо клонится к нашему предмету, по крайней мере для иных может быть не только любопытным, но и полезным“ (стр. V).

Большая часть суждений о книге Калайдовича, по обычаю и условиям того времени, была высказана в письмах ученых, заменявших специальный печатный орган. Первый высказался о книге меценат автора — Н. П. Румянцев. Еще до выхода книги в свет, посылая первые листы ее Евгению Болховитинову, он писал: „Я горжусь той степенью отличия, которую он [автор] сим сочинением достигает. Г. Калайдовича я застал в загоне и в числе дюжинных трудников, а теперь судите, в каком он предстанет виде и за границею². В письме от 10 сентября 1824 года он писал Калайдовичу: „Я желал бы, чтобы вы были свидетелем той радости, которую почувствовал я, получая первый экземпляр ученого исследования вашего . . . Сей труд, за который я вам премного благодарен, сделает вас известным везде и навсегда, определит вам отличное место между всеми вообще писателями нашего века. С нетерпением буду ожидать других экземпляров, что бы первый из них отправить к митрополиту Евгению, а другой к ученому Добровскому . . .“³.

У Евгения Болховитинова Экзарх не возбудил больших симпатий и заметного интереса. Получая первые отпечатанные листы исследования, знаменитый ученый уклонялся от прямой его оценки. Тон его писем к Калайдовичу и к другим лицам,—когда речь идет о Калайдовиче, — всегда осторожный и предостерегающий, никогда или редко — поощряющий. „Давно уже упоминают о сем Экзархе, но теперь только появляется обстоятельное сведение о нем. Это важное открытие в Славянской Словесности IX века, но пока не увижу окончания всего изыскания Калайдовичева, не смею еще сказать моего мнения“⁴. В отношениях к молодому ученому у него постоянный скрытый или явный спор. Даже позднее, при втором издании своего Словаря, включая новые имена, явленные ученому миру Калайдовичем, он не преминул указать именно критику Каченовского, тон которой не может характеризоваться, как уравновешенный, не вспомнив других, тоже не во всем согласных с Калайдовичем, но беспристрастных⁵.

Иное отношение встретила книга у Н. М. Карамзина. Он писал автору Экзарха: „От всего сердца благодарю вас . . . за доставление мне изданной вами важной книги. . . Нет сомнения, что Российская Академия оценит, как должно, ваш труд. . .“⁶

¹ Стр. 85-124 (119 примечаний).

² Письмо от 25 января 1824 (Переписка митр. Евгения . . . Воронеж, III, стр. 97-98).

³ Бессонов, Материалы, стр. 74.

⁴ Письмо Евгения к Румянцеву от 6 февраля 1824 (Переписка митрополита Евгения, III, стр. 99).

⁵ Словарь, изд. 2, 1827, т. I, стр. 249-251; см. также т. II, стр. 60 и сл.

⁶ Письмо от 16 сентября 1824 (Письма М. Н. Карамзина к И. И. Димитриеву).

Приветливый отзыв об Экзархе поместил в своем журнале Н. А. Полевой¹.

Не менее внимателен к ученому был профессор Виленского Университета И. К. Лобойка. „Изданием Иоанна Экзарха, — писал он Румянцеву в том же году, 3 ноября, — положен краеугольный камень в основание славенской палеографии, которая должна пролить жизнь и свет на мрачную древность. . . Г. Калайдовичу принадлежит честь не только как ревностного и счастливого изыскателя славенских древностей, но и как первого основательного комментатора из российских ученых. Он обогатил изданные им памятники многими новыми открытиями и важными объяснениями в пользу славянской филологии, истории словесности и церковной. Видно также, что у него в руках есть много других достопамятных материалов; но всего важнее Изборник Святослава с рисунками и украшениями. . . Я думаю, что г. Калайдович после Экзарха ничего не найдет достойнее наших ожиданий, его талантов и покровительства вашего. . . , как сей драгоценный памятник. . .“². В упрек автору Лобойко ставит только неполноту объяснения некоторых языковых явлений.

Менее благосклонно принял Экзарха академик Круг. „Калайдович печатает не раздумывая всё, что придет ему в голову, ни у кого не осведомляясь“, — писал он Румянцеву. Придирчивый и невнимательный, Круг высказал об исследовании далеко не полновесные замечания, очень огорчившие Румянцева³. Но оберегая от огорчения Калайдовича, Румянцев пишет ему, что Круг „сохраняет в отличной цене учение. . . исследование, только „сожалеет... о некоторых малых неисправностях...“⁴. Значительно позже оказалось, что суждения и приговор Круга были поспешны, решительны, но при том и поверхностны и несправедливы⁵.

Строгий и недоверчивый Иосиф Добровский не отказал труду Калайдовича в лестном отзыве. В обширной рецензии⁶ он рассматривает главу за главой, в каждой следит не только за фактическим наполнением, но и за ходом мысли и аргументации и делает свои замечания, суть которых — в колебаниях, недоумении и недоверии. С подозрением отнесся ученый

Спб. 1866, стр. 450). — Во всякой ученой корпорации Калайдович с честью занимал бы одно из первых мест. Первое общественное признание его таланта, учености и заслуг он получил от Московского Общества Испытателей Природы (1810), избравшего юношу своим членом (1810), затем — от Общества Истории и Древностей Российских (1811), Московского Общества Любителей Российской Словесности (1811), Петербургского Вольного Общества Любителей Российской Словесности (1822). В 1825 году „Библиографические Листы“ (№ 27, стр. 395) извещали: „Известный литератор К. Ф. Калайдович избран в члены-корреспонденты Академии Наук“.

¹ Московский Телеграф 1825, ч. I, стр. 80-81.

² Бессонов, Материалы, стр. 75.

³ Переписка Востокова, стр. 174.

⁴ Письмо Румянцева к Калайдовичу от 10 марта 1825 (Бессонов, Материалы, стр. 77).

⁵ Переписка Востокова, стр. 440 (Примечания И. И. Срезневского).

⁶ Jahrbücher der Literatur (Wien) 1825, m. XXXII, стр. 65-77.

старец к Иоанну-экзарху и Симеону-книголюбцу, полагая, что эти лица не X века, а позднейшего; мнение Калайдовича, будто церковно-славянский язык был наречием древних моравян, не казалось ему состоятельным; были сомнения и относительно принадлежности одному лицу Шестоднева и перевода Богословия Дамаскина. Некоторые замечания Добровского на Экзарха Калайдович получил через П. И. Кеппена, который в письме от 15 апреля 1826 пишет Калайдовичу: „В отношении к самому Экзарху он [Добровский] не совсем с вами согласен; но не взирая на это говорит, что труд ваш после библии занимает у него первое место. Нельзя сердиться на почтенного старца, даже в случае слишком строгих иногда суждений“¹.

М. Т. Каченовский² рассматривает труд Калайдовича, исходя из необходимости „всякие открытия в рукописях старины... соотносить с историческим ходом происшествий, с духом времени, с обстоятельствами“. Калайдович выдвигал положение, что „конец IX и начало следующего столетия было временем не одной воинственной славы болгар“, но и веком деятельности книжных людей, носителей философско-богословской и филологической образованности и т. д. Из априорных положений критика вытекали иные утверждения: уровень образованности тогдашней Болгарии не мог быть высоким, поэтому ученый Иоанн Экзарх и его просвещенные современники жили „или в конце двенадцатого века или — в воображении писцов трудолюбивых и простодушных“. Если же Иоанн не миф, то его следует считать скорее иноком афонского монастыря Хиландаря, где письменность процветала. Своим суждениям Каченовский находил подтверждение в греческих известиях, что царь Симеон отличался склонностями воина, и отсюда заключал, что он не мог быть „книголюбцем“; в том, что греческие историки ничего не говорят о грамматике Дамаскина; что рукопись Калайдовича — позднейший список, тождественный с грамматикой Смотрицкого; что ни у греков ни у болгар нет современных известий о болгарском экзархе Иоанне. Статья эта — по объему и эрудиции — полемический трактат; но в нем нет ни мудрости, ни совета, а только эрудиция, злоба сердца и насмешка; в нем явственно слышен отголосок не только прежнего ученого спора³, но и тех словопрений, переходящих в свару, о которых не раз записал в своем дневнике Снегирев⁴.

Пристрастная критика Каченовского побудила М. П. Погодина

¹ Бессонов, Материалы, стр. 78-79.

² Исторические справки об Иоанне, Экзархе Болгарском (Вестник Европы 1826, № 15, стр. 197-204; № 17, стр. 38-48; № 18, стр. 108-115; № № 19-20, стр. 246-255; № № 21 и 22, стр. 98-105; № № 23 и 24, стр. 238-256).

³ Каченовский в Трудах Общества Любителей Российской Словесности (1817, ч. VII, стр. 5-27) поместил рассуждение о славянском языке, где высказал положения, что „древний коренной славянский язык нам неизвестен“ и что „нынешний церковный наш язык есть старинное сербское наречие“. Калайдович говорил о болгарском языке.

⁴ Дневник Ивана Михайловича Снегирева. М. 1904, I, стр. 4, 27 и др.

выступить со статьею-письмом: „К другу, в Петербург“. Сообщая „литературные новости“, Погодин пишет: „Всего более заслуживает внимание ученое прение, возникающее между г. г. Каченовским и Калайдовичем, по поводу книги, изданной сим последним в запрошедшем году: Иоанн, Экзарх Болгарский. Калайдович, основываясь на рукописях и разных исторических соображениях, доказывает, что сей болгарин жил в 9 веке, т. е. был почти современником бессмертных изобретателей нашей грамоты Кирилла и Мефодия, и оставил после себя многие сочинения и переводы. Г. Каченовский доказывает, что Иоанн жил отнюдь не в 9, а по большей мере, в 12 столетии. Из доказательств его некоторые весьма важны. Я не знаю впрочем, почему влагаются оные в уста славного Добровского. Я перечитал несколько раз книгу сего последнего о Кирилле и Мефодии и перевод свой, и объявляю решительно, что у него нет ни одного положительного слова об Иоанне Эксархе. Вообще он знал об нем только по слуху, ибо книга Калайдовича вышла в свет прежде, нежели он издал свою. Желательно знать теперь мнение Нестора словенских литераторов. — Сделаю замечание на статью г. Каченовского: она очень растянута (хотя многие вставочные известия и имеют свою относительную пользу). Зачем статью, имеющую неотъемлемое ученое достоинство, пестрить такими выходками, кои не неприятно прочесть разве только в суждении о какомнибудь ефемерном литературном явлении. — Любители старины ждут с нетерпением отзыва г. Калайдовича. — Как мало еще людей занимается у нас науками, даже в университетах, между студентами! Книга, подобная Эксарху, со всеми критиками и антикритиками должна бы входить в классическое их занятие. Нам говорят о сочинителе словенской грамматики в 9 столетии, переводчике философских сочинений на молодой язык, а мы слушаем это с таким равнодушием, как будто бы нам рассказывали пошлую побасенку“¹.

XI.

„Любители старины ждут с нетерпением отзыва г. Калайдовича.“ Но об „отзыве“ не могло быть и речи: тогда же Погодин сообщал в своем журнале: „Слабость здоровья препятствует К. Ф. Калайдовичу обогатить литературу нашу новым сочинением“². Тяготы жизни надломили здоровье, а непомерные труды истощили силы ученого. Особенно тяжело отразилась на нем смерть мецената (1826). Лишенный поддержки, он с семьей очень бедствовал. К этому присоединилось людское зложелательство, порожденное завистью³. Жизнь быстро шла к трагическому концу.

¹ Московский Вестник 1827, часть вторая, стр. 206-208.

² Там же, стр. 211.

³ Еще в 1814 году митрополит Евгений, предостерегая, писал Калайдовичу из Калуги: „В Москве много уже вам завистников“ (Письмо от 18 января).

Осенью 1828 года на вопрос о Калайдовиче Вук Караджич получил ответ: „да је полудио!“¹. Эта весть шла из Москвы. Весною следующего года Евгений Болховитинов писал Востокову: „Теперь в Киеве у нас гостит К. Ф. Калайдович и у меня часто бывает. От отнюдь не сошел с ума, как в Москве славили его, а только ипохондрически раздражен гонениями“². Гонения на него не прекращались до самой смерти. На исходе дня 16 апреля 1832 года Калайдович умер³. Через три дня Погодин извещал: „Отпевание тела будет совершено сего 19 апреля в церкви Вознесения, что на Малой Никитской. Почитатели покойного могут там отдать ему последний долг; клеветники и зложелатели попросить прощения у его праха“⁴.

С горьким чувством заброшенности и сознанием одиночества, непризнанности сошел он в могилу, едва успев выступить во всей полноте своих духовных дарований, истонченных непрерывной напряженной работой, совершаемой при непрестанном „умном созерцании“ образа и памятования имени первого русского славяноведа-летописца Нестора⁵.

Полное, хотя скупое на высказывание, негромкое признание его заслуг пришло после.

Первая безоговорочная оценка Калайдовича за рубежом была вы-

¹ Вукова Преписка, II, стр. 335.

² Письмо от 6 апреля 1829 года (Переписка Востокова, стр. 273).

³ Предсмертные дни Калайдовича описаны в дневнике Погодина (См.: Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 4. Спб. 1891, стр. 31-32). Могила — на Ваганьковском кладбище, в Москве.

⁴ Молва 1832, № 32, стр. 126.

⁵ Первое знакомство, или лучше сказать — первая „встреча“, с Нестором произошло, можно предполагать, в детстве. Верно, это было при паломничестве в киевские пещеры. Впечатления от паломничества к гробнице летописца и от рассказов о нем и то неуловимое, что при известных условиях, подобно малому зерну, незаметно разрастается в длительное настроение, в мысль или дело, не прошли для мальчика бесследно. Ими определился характер его чтения в детстве и тем самым — направление его любимых занятий в юности. Будучи совсем юным, Калайдович пишет в упомянутом уже письме к Амвросию о своем благовейном почитании Нестора. „Записки“ и труды его, начиная от самих ранних, являются свидетельством прекрасного знакомства его с летописцем. Всегда, а в особенности в годы, посвященные Э к з а р х у, он чтит Нестора не только как „достоверного повествователя времен прошедших“, но и как мастера слова (В защиту творений Кирилла, стр. 96); к летописи он обращается не только как к историческому источнику, но при разных случаях пользуется выражениями из Нестора как из запаса поговорочной словесности. Большой, в ужасных условиях жизни, в 1828 году он готовит для Общества Любителей Российской Словесности к заседанию 27 октября речь о славянине пятого века Андрее юродивом (недопетая лебединая песня Калайдовича!). В ней в патетическом, исполненном искреннего, горячего чувства призыве он приглашает почитать память летописца, величая его „благословенным иноком берегов днепровских“, „отцом истории нашей“ (Бессонов, Материалы, стр. 86-87). В тяжком состоянии духа, когда сознание его уже помутилось, почитатель начальника русского летописания встретил гостя пением хвалебной песни Нестору (Погодин, Судьбы археологии, стр. 12). Зачув приближение смерти, Калайдович отправился в Киев — на последнюю „встречу“ с Нестором...

сказана Шафариком¹. Его статья о золотом веке болгарской письменности² написана в развитие мыслей Калайдовича, легших в основу первых глав „Иоанна“, и содержит попутные замечания, определяющие значение труда русского ученого. Судьбы славянского просвещения и славянской письменности в древнюю эпоху очень долго „были покрыты густым, непроницаемым мраком...“³. Первый свет в этой литературной пустыне показался... после появления знаменитого произведения К. Калайдовича⁴. Однако приходится сказать: „если и появлялся какой-нибудь огонек, например Иоанн, Экзарх болгарский, изданный Калайдовичем, то он возбуждал в нас одни только грустные чувства, и при том был заподозрен и отвергнут нашими скептиками“⁵.

Подобный же упрек скептикам сквозит и у С. Шевырева, перу которого принадлежат самые выразительные слова для обрисовки облика и определения заслуг Калайдовича в области славяноведения, какие были сказаны в нашей литературе об этом ученом⁶. Через двадцать лет после выхода в свет Экзарха (и через четырнадцать после смерти автора) он мог с полным правом и такую же уверенность говорить: „Близорукая критика подвергла сомнениям открытия Калайдовича, но в наше время наука почтила их совершенным признанием“⁷.

Классик славяноведения, Калайдович, так рано прервавший свою деятельность, успел начать и наметить проблемы, темы и вопросы для нескольких поколений ученых.

Все слависты, идущие после Калайдовича, в той или иной степени непременно — его наследники и продолжатели: все последующие изучения вытекают из деятельности Калайдовича, отправляются от нее, опираются на нее. Калайдович для второго, и даже для третьего поколения русских славистов⁸ был не столько их прошлым, сколько их настоящим. Не только его проблемы, темы, вопросы, но и ответы не потеряли для них своего основного значения.

¹ Несколько труды и темы Калайдовича занимали внимание Шафарика и его современников, показывает недавно напечатанная переписка чешского ученого: *Korespondence Paula Josefa Šafařika. Vydal V. A. Francev. I-II. V Praze 1927.*

² П. И. Шафарик, *Расцвет славянской письменности в Болгарии.* Перевод О. Бодянского (Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских 1848, № 7, отд. III).

³ Шафарик, Назв. соч., стр. 38.

⁴ Там же стр. 14.

⁵ Там же, стр. 38.

⁶ Степан Шевырев, Назв. соч., стр. 178-181.

⁷ Там же, стр. 181.

⁸ Славянские изучения начались раньше официального признания их необходимости. Калайдович, Востоков, Евгений Болховитинов, Кеппен, это — первое поколение русских славистов. С учреждением в университетах кафедр славянских наречий выступает второе поколение, представленное славными именами Григоровича, Срезневского, Бодянского, Прейса. Их многочисленные ученики — третье поколение русских славистов, воспитавших наших старших современников, представляющих собою четвертое поколение.

О. М. Бодянский в период расцвета его сил и деятельности с поразительной настойчивостью продолжал славянские изучения с тех моментов, на которых прервались изыскания Калайдовича. Не говоря о его труде „О древнейшем свидетельстве, что церковный язык есть славяно-болгарский“¹, надо помнить о стремлении Бодянского соединить интересы общей славянской и частной отечественной науки, выразившееся в систематическом печатании, а еще более — в приготовлении к печати, памятников древне-славянской и древне-русской письменности: Слова Кирилла Философа, творений Иоанна Экзарха, Константина Болгарского и др.

К главному труду Калайдовича примыкает своим исследованием и ученый болгарин С. Н. Палаузов, которому принадлежит (одна из ранних) справедливая оценка значения Калайдовича в раскрытии важнейших моментов в истории старославянской литературы в Болгарии. Труды новых исследователей Палаузов рассматривает, как „дополнение к изысканиям... двух русских филологов (Калайдовича и Востокова), основавших, вместе с Добровским, здание филологии славянской“².

Славист второго поколения, В. И. Григорович, с Экзархом в руках готовится в свое знаменитое путешествие и позднее, излагая в университетских лекциях первый период славянской литературы в рамках, очерченных Калайдовичем, воздает ему должное³.

В Калайдовиче и Востокове — исходная точка слависта И. И. Срезневского⁴.

Чтобы не распространяться о Ф. Буслаеве, блестящем представителе третьего поколения русских славистов, кажется, достаточно здесь сказать лишь вскользь. Давая понятие о составе своей настольной библиотеки, он в первую очередь называет „Иоана, экзарха Болгарского“ Константина Калайдовича и затем „Немецкую мифологию“ Якова Гримма, и в другой паре — „Памятники русской литературы XII века“ Калайдовича и сравнительную грамматику Боппа⁵.

И наши старшие современники, представители четвертого поколения, не могут сказать, что Калайдович полностью — наше прошлое, — не могут не только потому, что они разрабатывают накопленные поисками и обнаруженные чутьем и вниманием Калайдовича материалы, составившие наши ценнейшие рукописные собрания, но и по преемству проблем и вопросов. Их темы и разрабатываемые ими вопросы разве не примыкают к трудам виднейшего слависта первого поколения, когда,

¹ Чтение в Обществе Истории и Древностей Российских 1846, № 6.

² С. Н. Палаузов, Век болгарского царя Симеона. Слб. 1852, стр. VI-VII.

³ Обзор славянских литератур. Лекции В. И. Григоровича, записанные во время чтения А. И. Смирновым (Филологические Записки 1879, вып. III, отдел „Славянский вестник“, стр. 8-9; 30-37).

⁴ А. И. Соболевский, Заслуги И. И. Срезневского (Памяти Изм. Ив. Срезневского. Кн. I. Пгр. 1916, стр. 171).

⁵ Ф. Буслаев, Воспоминания (Вестник Европы 1891, октябрь, стр. 642).

например, А. И. Соболевский пишет исследования и заметки касающиеся истории древнейшей церковно-славянской письменности¹, Е. В. Петухов — о болгарских литературных деятелях древнейшей эпохи², Г. А. Ильинский — о Написании веры Константина Философа³, Антоний Вадковский замышляет труд об Иоанне Экзархе болгарском, как о проповеднике⁴ и пр. и пр.?⁵...

XII.

Конечно, не все предложенные Калайдовичем тезисы остаются до нашего времени непоколебленными; но те немногие, что подвергались или подвергаются оспариванию, несут в себе все следы вдумчивого, серьезного изучения и во всяком случае принадлежат к таким, с которыми пришлось долго и серьезно, а в иных случаях приходится и теперь, считаться исследователям.

Кажется, два тезиса, высказанных Калайдовичем, вызвали особенно много споров и породили вокруг себя большую литературу: тезисы о принадлежности „Написания веры“ Константину Философу и Грамматике — Иоанну Дамаскину, а перевода ее — Иоанну, Экзарху Болгарскому.

Грамматика Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха для Калайдовича — важный памятник языка и первый опыт приспособления теории греческого языка к славянскому („Иоанн Э. Б.“, прилож. VIII). Сомнения в принадлежности перевода Иоанну Экзарху высказаны впервые Каченовским, а за ним Строевым. Позднее этот взгляд поддерживали Горский и Невоструев, Ягич, Вондрак, Голубинский, Соболевский; к нему, по-видимому, примыкает и Петухов. Впрочем, доводы их не представляются безусловно убедительными. Взгляд на подлинность и древность грамматики был принят Востоковым, Чертковым, Шафариком, Палаузовым, Давыдовым, Бодянским; при мнении Калайдовича остались также Срезневский, Барсов, Потенбя; к тому же взгляду пришел В. Малинин, посвятивший специальный труд пересмотру данных по этому вопросу⁵. Единого согласованного или хотя бы господствующего мнения в данном вопросе до сих пор нет; едва ли, потому, тезис Калайдовича можно рассматривать как окончательно устраненный.

Первый, кто оказался в противоречии с взглядом Калайдовича по вопросу о принадлежности Константину „Исповедания“, был Шафарик, за ним последовал Бильбасов. Пересмотр вопроса, выполненный Вороновым, привел исследователя тоже к отрицательному решению, поддержанному Серебренниковым, Голубинским, Ягичем и др. Но такое решение вопроса не обозначает устранения тезиса, поставленного в науке Ка-

¹ Русский Филологический Вестник 1902, № 3-4.

² Журнал Министерства Народного Просвещения 1893, № 4.

³ Сборник в честь на Василь Н. Златарски. София 1925.

⁴ Из истории христианской проповеди. Спб. 1892 (Предисловие, стр. VII).

⁵ В. Малинин, Грамматика Иоанна, Экзарха Болгарского (Сборник статей по славяноведению, изданный учениками В. И. Ламанского. Спб. 1883, стр. 179-195).

лайдовичем: наряду и одновременно с отрицательным суждением в ученой литературе есть не менее настойчивое и не менее обоснованное стремление утвердить тезис Калайдовича, сторонниками которого являются м. Макарий, м. Филарет, Сухомлинов, Лавровский, Князев, Срезневский, Малышевский, Барсов, м. Антоний, Сырку и др. Последний по времени пересмотр этого тезиса принадлежит Г. Ильинскому¹, конечный вывод которого сводится к признанию полной достаточности оснований последовать за Калайдовичем — „поверить прямому свидетельству памятника об его авторе“ (стр. 74).

Обширные познания, обостренное внимание и тонкий вкус и в этом вопросе не изменили Калайдовичу, помогли ему проникнуть в дух и суть найденного им и кратко описанного (Иоанн Э. Б., прим. 9, стр. 88-90) памятника, угадать в нем оригинальный труд основателя славянской письменности, оценить его как литературное произведение высоких достоинств и принять как ценный исторический источник.

Другие тезисы не вызвали столько высказываний и так много споров². Не останавливаясь на них специально, можно ограничиться общим замечанием: в нашей литературе, когда ставятся те же вопросы, которыми был занят Калайдович, дело обычно идет не об антитезисах, которые выставлялись бы последующими исследователями прежних вопросов, а лишь о дополнениях к исследованию автора и о продолжении.

Как бы теперь, через столетие после смерти ученого, ни относиться к его трудам, — с меркою ли тех, кто открыто является прямым продолжателем его дела, или с критериями тех, для кого научная деятельность знаменитого ученого изыскателя уже принадлежит истории, — во всяком случае пристальное изучение его трудов, беспристрастное рассмотрение его схем и положений несомненно и теперь должны и могут способствовать достижению главной и высшей цели науки — объективной исторической истины. Воспоминание же о том, как жил и трудился подвижник науки — не только выражение благодарной памяти потомков, но и источник вдохновения для далеких продолжателей его славянских изысканий, вылившихся в форму почти нестаряющегося классического труда о раннем периоде болгарского просвещения и славянской письменности.

Ленинград

Георгий Виноградов

¹ Г. Ильинский, „Написание о правой вере“ Константина Философа (Сборник въ честь на Василь Н. Златарски. София 1925).

² Оспаривалась, например, принадлежность Иоанну, Экзарху Болгарскому, перевода „Диалектики“ Дамаскина: Горский и Невоструев (Описание рукописей Московской Синодальной Библиотеки, II, 2, стр. 314-318), за ними Вондрак (O mluvě Jana exarcha bulharského. V Praze 1896, стр. 3). Но эти попытки поколебать тезис Калайдовича парализуются признанием его в специальной философской литературе: Э. Радлов, Очерк истории русской философии. Пб. 1920, стр. 57.

Zum Problem der anthropologischen Struktur von Bulgarien

Von Dr. Klara Beller wurde der Versuch gemacht, die Untersuchungen von Dr. Krum Drontschilow (1915), die durch seinen vorzeitigen Tod unterbrochen wurden, auszunutzen um eine allgemeine Orientierung über die anthropologische Zusammensetzung der Bevölkerung von Bulgarien zu gewinnen. Da diese so wichtige Frage noch nicht behandelt wurde, gestatte ich mir über die bisher gewonnenen Ergebnisse kurz zu berichten und spreche meinen Dank für das mir zur Verfügung gestellte Manuskript aus. Ich hoffe, bei Gelegenheit dieser Ehrung unseres Jubilats, die Aufmerksamkeit der bulgarischen Kollegen auf die Probleme der Anthropologie zu lenken.

Auf Grund der bisherigen Untersuchungsergebnisse zerfällt Bulgarien in drei anthropologische Gebiete:

1. das mittelköpfige im Südem und Nordosten,
2. das kurzköpfigere im Nordwesten, und
3. das westliche Randgebiet.

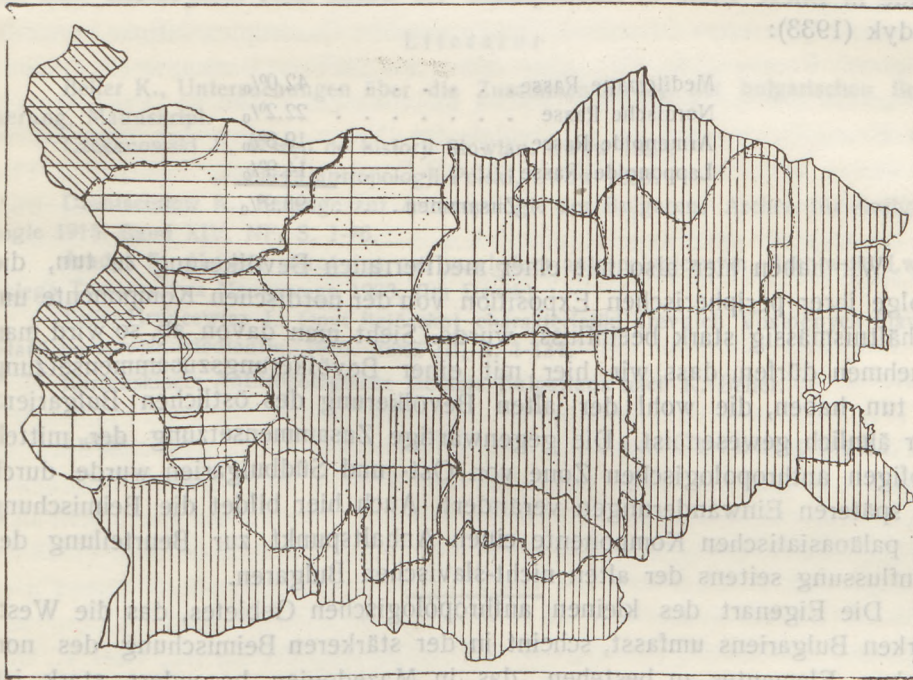
Die Aufgabe der Untersuchungen von Dr. Klara Beller ist die Präzisierung der Unterschiede in der anthropologischen Zusammensetzung dieser Gebiete. Einstweilen liegen bloss die Ergebnisse für den Landkreis Sofia vor, der zur zweiten dieser drei Provinzen gehört. Die mit Hilfe der Ähnlichkeitsmethode durchgeführte anthropologische Analyse hat das folgende Resultat geliefert:

Armenoide Rasse	28.8%
Mediterrane Rasse	25.7%
Lapponoide Rasse	21.7%
Nordische Rasse	10.9%
Paläoasiatischer Typus	13.3%
Zusammen	100.4%

Das hier angeführte Ergebnis gestattet festzustellen, dass das kurzköpfigere Gebiet Bulgariens als eine Übergangszone zwischen dem kurzköpfigem Gebiet des Westens der Balkanhalbinsel und seinem recht langköpfigen Osten und Südosten aufzufassen ist. Es unterliegt jetzt schon keinem Zweifel, dass im Westen die armenoide Rasse vorherrscht, da der dinarische Typus sich als ihre Mischform erwiesen hat (J. Czekanowski 1928-1930). Ebenfalls ist es ganz sicher, dass im Osten und Süden die

mediterrane Rasse vorherrscht. In Übereinstimmung damit bleibt das für den Landkreis Sofia von Dr. K. Beller erzielte Resultat. Die Hauptrollen spielen hier diese beiden Rassen, die zusammen über die Hälfte der ganzen Population ausmachen.

Ganz besondere Beachtung verdient der recht starke Anteil der Laponoiden Rasse und das Auftreten des paläoasiatischen Typus. Die letztere Komponente ist zwar für die ugrofinnischen Völker charakteristisch, sie herrscht aber bei den Tschuwaschen vor, die als nächste Verwandte der alten nicht-slavisches Bulgaren aufgefasst werden. Es verdient dabei Beachtung, dass bei den Wolga-Bulgaren aus der Gegend von Kasan, wie das auf Grund der Untersuchungen von A. A. Tichomirow und A. P. Bogdanow (1882, S. 365) zu schliessen ist, ein Gemisch der mediterranen Rasse

und des paläoasiatischen Typus vorherrschte. Mit Rücksicht darauf muss man mit der Möglichkeit rechnen, dass bei der Ausbildung der gegenwärtigen bulgarischen Bevölkerung die Beimischung der nicht-slavisches Eroberer eine wesentlich grössere Rolle spielen konnte, als man das gewöhnlich annimmt. Diese Beimischung musste dabei desto geringer gewesen sein, je ähnlicher die alten nicht-slavisches Bulgaren den Tschuwaschen und nicht den angeblichen Wolga-Bulgaren A. A. Tichomirows, aus dem Gouvernement Kasan, gewesen sind.

Die Feststellung der paläoasiatischen Komponente erklärt uns die anthropologische Eigenart Bulgariens, das sich so stark von Rumänien un-

terscheidet und an die langköpfige Zone des Rjasan-Gebietes in südlichen Grossrussland erinnert. Jetzt wissen wir schon, das hier eine Vermischung der mediterranen Rasse mit dem paläoasiatischen Typus das Gemeinsame ist. Das Unterschied wird dabei wohl in der stärkeren Beimischung der nordischen Rasse bei den Grossrussen bestehen. Diese Komponente wurde dort von der slavischen Kolonisation gebracht und scheint die Zusammensetzung der Bevölkerung stärker als in Bulgarien beeinflusst zu haben.

In der Rumänischen Ebene, bis zum Dniepr im Osten scheint man auf die alte Bevölkerung der „Kultur bemalter Keramik“ zu stossen. In Südrussland, infolge der späteren Migrationen hat sie sehr weitgehende Veränderungen erfahren. In Rumänien scheinen sich dagegen die alten anthropologischen Verhältnisse wesentlich besser erhalten zu haben. Leider können wir die Zusammensetzung dieser alten Ackerbauer bloss aus dem Funde in Bilcze Złote in Südostpolen. Es wurde dort festgestellt von R. Jendyk (1933):

Mediterrane Rasse	42.0%
Nordische Rasse	22.2%
Armenoide Rasse	19.8%
Lapponide Rasse	14.9%
Zusammen	98.9%

Wir haben hier also mit einer mediterranen Bevölkerung zu tun, die infolge ihrer peripherischen Exposition von der nordischen Komponente unverhältnismässig stark beeinflusst wurde. Sieht man davon ab, so wird man annehmen dürfen, dass wir hier mit einer Bevölkerungszusammensetzung zu tun haben, die wohl der alten Bevölkerung des östlichen Bulgariens sehr ähnlich gewesen ist. Die gegenwärtige Zusammensetzung der mittelköpfigen anthropologischen Zone von Ost- und Südbulgarien wurde durch die späteren Einwanderungen verändert. Auch hier bildet die Beimischung der paläoasiatischen Komponente einen Anhaltspunkt zur Beurteilung der Beeinflussung seitens der alten nicht-slavischen Bulgaren.

Die Eigenart des kleinen anthropologischen Gebietes, das die Westmarken Bulgariens umfasst, scheint in der stärkeren Beimischung des nordischen Elementes zu bestehen, das in Mazedonien besonders stark ist. Hier stösst man auf den Streifen des nordischen Rassenelementes, der die Mitte der Balkanhalbinsel in nord-südlicher Richtung durchzieht und anscheinend eine Spur der alten hellenischen Wanderung darstellt. Bei den alten Hellenen herrschte nämlich das nordische Element vor, wie das die Untersuchungen von R. Jendyk (1933) nachgewiesen haben. In wie fern dort ebenfalls die Spuren der slavischen Expansion in Frage kommen, kann einstweilen noch nicht gesagt werden, da zwischen den alten Hellenen und Slaven der Expansionszeit nur ganz geringe anthropologische Unterschiede bestanden zu haben scheinen.

Somit gelangt man zur Formulierung unserer Erwartungen bezüglich der anthropologischen Struktur der Bevölkerung von Bulgarien. Wir haben

zunächst im Osten und Süden die grosse mediterrane Zone, die wohl noch in die Zeiten der „Kultur der bemalten Keramik“ zurückgreift. Das sich anschliessende nordwestliche Gebiet bildet eine Übergangszone, die schon eine starke Annäherung an die Westhälfte der Balkanhalbinsel mit dem vorherrschenden armenoiden Element nicht verkennen lässt. Die westlichen Grenzmarken von Nordbulgarien und Mazedonien gehören zum Streifen des stärkeren Auftretens des nordischen Elementes in der Wanderungszone der hellenischen Stämme. Die Beeinflussung seitens der nicht-slavisches Bulgaren kommt in der Beimischung des paläoasiatischen Typus zum Ausdruck, der im Landkreis Sofia gegen 13% ausmacht. Die künftigen Untersuchungen müssen sich auf die Kontrolle der hier ausgesprochenen Behauptungen und eine Präzisierung der Bevölkerungszusammensetzung in erster Linie richten.]

Literatur

- Beller K., Untersuchungen über die Zusammensetzung der bulgarischen Bevölkerung. Manuskript.
 Czekanowski J., Wstęp do historii Słowian. Lwów 1927.
 „ „ „ Zarys antropologii Polski. Lwów 1930.
 Drontschilow K., Beiträge zur Anthropologie der Bulgaren. Archiv für Anthropologie 1915. Band XIV, NF, S. 1-76.
 Jendyk R., Hellada starożytna pod względem antropologicznym. Archiwum Lwowskiego Towarzystwa Naukowego 1933. (Im Druck).
 Talko-Hryncewicz J., Opyt fizyčeskoj charakteristiki drevnich Vostočnych Slavjan. Statji po slavjanoviedieniju. 1910. Band III, S. 1-134.
 Kartenskizze: Anthropologische Gebiete Bulgariens nach K. Beller.

Lwów

Jan Czekanowski

Българскитѣ имена въ Чивидалското евангелие

Съ две фотографски снимки

За български имена, записани на бѣлото поле на Чивидалското евангелие, се узна още въ 1749 г. отъ бележкитѣ на Дела Торе (Della Torre), прибавени къмъ изданието на сжщото евангелие отъ Джузепе Бйанкини (Giuseppe Bianchini): *Evangeliarium quadruplex latinae versionis antiquae. Romae 1749*. Отъ като обаче въ 1876 г. Бетманъ (Bethmann) обнародва всички приписани имена въ това евангелие въ статията си: *Die Evangelienhandschrift zu Cividale* (въ *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde*. II Band. Hannover 1877, стр. 111-128), видѣ се, че българскитѣ имена се отнасятъ до времето на първия български християнски владѣтель — Бориса. Тая статия обърна вниманието на славянскитѣ учени. К. Иречекъ даде обяснителни бележки за нѣкои отъ българскитѣ и славянскитѣ имена въ *Casopis Musea království Českého*, 1876 г., стр. 773-776, и на нѣмски въ *Sitzungsberichte der k. böhm. gelehrten Gesellschaft*, въ заседанието на 22 януарий 1877 г. В. Ягичъ, въ една бележка въ своя *Archiv für slav. Philologie* II (1877 г.), стр. 171-172, засегна само мимоходомъ нѣкои отъ българскитѣ имена, а изцѣло ги препечата на два пжти и даде нѣкои обяснения Фр. Рачки въ *Documenta historiae chroaticae* (*Monumenta spect. hist. slav. merid.*, VII, 1877, стр. 382-386) и въ *Rad Jugosl. akademije* XLII (1878 г.), стр. 198-208. В. Н. Златарски сжщо препечата българскитѣ имена и се спрѣ на нѣкои отъ тѣхъ въ статията си: *Кой е билъ Тудоръ черноризецъ Доксовъ?* (*Български прегледъ*, год. IV, кн. III, 1897 г., стр. 45 и сл.). Д. Агура, който пръвъ отъ българитѣ има възможность да види Чивидалското евангелие въ 1903 г., напечата българскитѣ имена по препись, направенъ за него отъ единъ чивидалски свещеникъ, както това узнахме въ Чивидале, въ своя отчетъ: *Международенъ конгресъ по история въ Римъ, 1903 г. 1 априлъ* (*Известия за командировкитѣ на Министерството на народното просвѣщение*, кн. I, 1904, стр. 1-2). На словенскитѣ имена въ Чивидалското евангелие обърна внимание словенецътъ Рутаръ въ *Ljubljanski zvon*, II, стр. 471-474, и Франс Кос въ *Letopis Matice slovenske za leto 1886*, стр. 107-151. Сжщиятъ Ф. Кос препечата, по Бетмана, всички славянски и български имена въ своя сборникъ: *Gradivo za zgodovino Slovencev v srednjem veku. Druga knjiga*. Ljubljana 1906, стр. 248-256.

Ако сега и ние се спираме на тоя паметникъ, който разглеждахме на два пжти въ Чивидале, правимъ го съ цель да установимъ по-точно четенето на бележкитѣ съ българскитѣ имена, да дадемъ фотографска снимка отъ тѣхъ и да обърнемъ внимание на нѣкои въпроси, свързани съ тия имена и неизтъквани отъ досегашнитѣ изследвачи.

Чивидалското евангелие се пази въ Археологическия музей на градеца Чивидале (славянски Чедадъ), въ североизточна Италия, въ окръжието на Удине, като № 1 на Codici sacri. То спада къмъ най-старитѣ латински евангелски ржкописи. Писано е съ хубавъ унциалъ отъ V-VI в., на фино обработенъ пергаментъ, размѣръ 29×25 см., 270 листа. Освенъ евангелския текстъ, който не е изцѣло запазенъ, ржкописътъ съдържа по бѣлото поле на листоветѣ курсивни бележки отъ VI-VII в. съ означение кой день коя глава отъ евангелието да се чете, както и други бележки съ минускулно писмо отъ VIII в. за поститѣ и за Великдень. Особено интересни сж многото странични бележки, главно съ лангобардски и славянски лични имена, най-старитѣ отъ които се отнасятъ къмъ края на VIII в. Най-многого имена, писани обикновено едни следъ други хронологично, сж отъ IX и X в. Има и други много по-малко отъ следващитѣ вѣкове. Имената сж на поклонници, които сж посещавали манастира, гдето се е пазѣло евангелието, както и имена на тѣхни сродници и близки. Едни отъ имената сж бивали записвани саморжчно отъ поклонницитѣ, а други, повечето, отъ калугеритѣ на манастира.

Изпърво евангелието е било употрѣбявано нейде въ северна Италия, а следъ смъртъта на патриархъ св. Павлина († 804) то било пренесено въ Аквилея въ нѣкой отъ тамошнитѣ манастири и тамъ, бидейки изоставено отъ църковна употрѣба, послужило като поменикъ, въ който почнали да се записватъ имената на набожни поклонници, особено пѣкъ като се била прѣснала мѣлва, че евангелието на Марка било писано отъ самия тоя евангелистъ. Кой е билъ обаче тоя манастиръ, гдето идвали поклонници и се записвали въ евангелието, или, както се казва, *qui venerunt in isto monasterio*, не се знае точно. Любознателниятъ директоръ на Чивидалския музей, д-ръ Roger della Torre, предполага, че тоя манастиръ е билъ при Дуино (слав. Дивинъ), западно отъ Триестъ, на Триестския заливъ. Това мнение бѣ изказано по-рано отъ Sickel въ *Hist. Zeitschrift*, XXVII, 449. Ние се питаеме, дали името на село Monastero, току до Аквилея, не крие търсеното мѣсто. Тамъ до 1787 г. е имало бенедиктински манастиръ. Важно е да се установи мѣстоположението на търсения манастиръ, за да се види пжтя, що сж следвали делегатитѣ на Бориса I при отиването имъ за Римъ. Италианскитѣ учени, които разполагатъ съ архивни и археологични материали, биха уяснили тоя въпросъ.

Презъ XIII-XIV в. единъ аквилейски патриархъ отдѣлилъ седемъ отъ тетрадитѣ, гдето се съдържа евангелието на Марка, подвързалъ ги и обковалъ съ сребро. Императоръ Карлъ IV, като узналъ за пред-

полагаемия автографъ на апостолъ Марка, взелъ последнитѣ две тетради отъ ржкописа и ги пренесълъ въ 1354 г. въ Прага, въ тамошната архиепископска църква. Бащата на славистиката Йосифъ Добровски трѣбваше по-късно да отхвърля мълвата за принадлежността на ржкописа на апостолъ Марковата ржка въ изследването си: *Fragmentum Pragense evangelii sancti Marci vulgo autographi. Pragaе 1778*. Презъ 1409 г. каноникитѣ на Аквилея, опасявайки се отъ военни безредици, пренесли свои съкровища заедно съ евангелието на по-сигурно мѣсто въ Чивидале, а въ 1418 г. пренесли тамъ и петтѣхъ подвързани на едно тетради отъ евангелието отъ Марка. Въ 1420 г. Венеция издействувала да ѝ се отстѣпи отъ Чивидале евангелието на Марка, а апостолъ Марко, както се знае, е билъ патронъ на венецианската република. Съ време листоветѣ, занесени въ Венеция, се покварили много отъ влага и недостигъ на въздухъ, та, когато ги разглеждалъ Монфоконъ, не можалъ да разпознае, дали сж паргаментъ или папирусъ. Още по-късно листоветѣ слепнали въ една неузнаваема маса, както за това свидетелствува Бетманъ, отъ когото заемаме горнитѣ вести за пренасянето на ржкописа. Останалата въ Чивидале по-голѣма частъ на ржкописа, следъ откъсването на тетрадитѣ на Марковото евангелие, била по-късно наново подвързана, и при тая подвързия били изрѣзани и изгубени за науката много отъ страничнитѣ бележки. Сравнително съ своята голѣма старина, ржкописътъ въ Чивидале, може да се каже, е добре запазенъ. На мѣста пергаментътъ е потъмнѣлъ, на мѣста буквитѣ сж избѣлѣли, но изобщо писмото все още се чете. Страничнитѣ бележки, бидейки отъ по-късно време, сж запазени по-ясно.

Чивидалското евангелие се цени главно по множеството приписани имена, едни на исторически личности, други на обикновени поклонници или на тѣхни близки и родственици. Особено сж ценни славянскитѣ имена. До като за лангобардски имена, каквито изобилствуватъ въ бележкитѣ, имаме и по-стари свидетелства, за славянски имена отъ преди IX вѣкъ сж запазени твърде оскѣдни данни. Поради това, поменатитѣ въ Чивидалското евангелие славянски имена отъ IX—X в. представятъ богатъ изворъ за славянската ономастика. Между историческитѣ славянски личности тукъ личи напр. хърватскитѣ князь Браславъ отъ края на IX в. Той е владѣлъ земи между Сава и Драва, па по-късно и частъ отъ Коцелова Панония. Въ фулдския лѣтописъ той е поменатъ при години 884, 892, 896, а въ чивидалскитѣ бележки сж записани лица отъ неговата държава (*terra*), както и самъ Браславъ съ жена си: *Nepocor Gresic Ihon (Johannes?)*. *De terra Brasclauo. Zelesena. uxor eius Hesla. Stregimil filius eorum* (л. 2). *Brasclauo et uxor eius Uuentescella. Nepocor* (л. 6). Изредени сж и други хърватски князе, като Търпимиръ (срѣдата на IX в.) и синъ му Петъръ: *Domno Tripimiro* (л. 5^v), *Petrus filius domno Tripemero* (л. 23), както и Бранимиръ (879-892 г.) съ жена си: *Brannimero comiti. Mariosa cometissa* (л. 102^v). Поменатитѣ на л. 4^v *Szuentiepulc. Szuentezizna* ще да сж известниятъ моравски князь Све-

топълкъ съ жена си Светожизна (ческа княгиня), чието име, ако и покварено, е запазено въ форма *Uu... uizna* (Herm. Jireček, *Slovanské právo*, I, 58). Поменатъ е и панонскиятъ князь Коцель съ баща си Прибина: *Quocili. Priuinnpa* (л. 14). На л. 2^в сж поменати две групи славянски имена, първата отъ които пакъ подсѣща за Коцеля: а) *Cozil. Uuozet. Margareta*, б) *Zelislaua. Sebetuh. Humislau. d̄ Trebibor. Trudopulc.*

Насъ ни интересуватъ обаче българскитѣ имена, та на тѣхъ ще се спремъ. Тия имена сж отбелязани въ две групи, едната на долното бѣло поле на л. 3^в и другата на долното бѣло поле на л. 4, и дветѣ писани отъ една и сжца ржка. Срв. приложенитѣ две фотографски снимки.

Първа група, на л. 3^в. — Подъ първия стълбецъ на евангелския текстъ сж били писани съ друго мастило и ржка, по-рано отъ българската бележка, две германски имена: *Hisinard. Emeldruda*. По-рано сжщо е било писано, съ друго мастило и ржка, подъ края на дѣсния стълбецъ, името *Georg*. Следователно, тия три имена не бива да влизатъ въ българската бележка. Тая последната захваща току подъ края на лѣвия стълбецъ и съдържа въ първия редъ думитѣ: *Hic sunt¹ nomina de Bolgaria in primis rex illorum*. Надъ буква *m* на последната дума стоятъ три точки (··) за да се означа, че следващата дума на фразата ще се търси на следния редъ, гдето стои сжщиятъ знакъ отъ три точки предъ името *·· Mihahel²*, а не на края на първия редъ, който заврѣшва съ по-рано написаната дума *Georg*, която нѣма нищо общо съ българскитѣ имена. Вториятъ редъ почва съ думитѣ: *·· Mihahel et uxor eius. Maria. et filius* и пр. Като били написани тия думи, онзи, който ги диктувалъ, се досѣтилъ, че е забравилъ да помене веднага следъ името на Михаила-Бориса имената на неговитѣ братя, та това било оправено съ бележка, поставена надъ втория редъ, бележка, която почва сжщо съ знака три точки *·· et frater eius. Dox. et alius frater eius Gabriel*. Въ втория редъ, освенъ името на Михаила и казаната бележка за братята му, поставена надъ реда, се изреждатъ имената на Борисовата жена и синове. Редътъ заврѣшва съ името на Симеона. На третия редъ продължаватъ имената на четвъртия синъ Якова и дѣщеритѣ на Михаила-Бориса. Редътъ сврѣшва съ името *Zergobula* и нѣколко неясни букви, надъ които се намира пергаментна ивица, залепена при подвързията на ржкописа. Бетманъ прочелъ тия букви: *f. . ias*, а ние доловихме само: *f. . is*, гдето последната буква прилича на *s* или на *f*, които се пишатъ еднакво. Тия две думи *Zergobula f. . is* сж писани отъ сжщата ржка, която е писала българската бележка, но съ малко по-едри букви. На четвъртия редъ, писанъ съ сжщата ржка, малко по-едро, се четатъ три думи, отъ които първата не е ясна, а дветѣ последни сж *dī (=dei) servus*.

¹ За ясность, собственитѣ имена предавамъ съ главни букви и разврѣзвамъ известнитѣ съкращения и лигатури.

² Бетманъ прочелъ *Michahel*.

Бетманъ прочелъ първата дума: Odt... inus, а ние намираме *drinimus*. Ще каже, поменато е име на покойникъ (*dei servus*, рабъ божи), и това име има латинско окончание *-us*. Ние мислимъ, че четвъртиятъ редъ не съставя частъ отъ българскитѣ имена, както сж чужди и дветѣ имена, писани отъ разни ржце подъ българската бележка, именно: *Paulo* и *Anastasius diac*.

Следователно, първата българска бележка, тая на листъ 3^у, трѣбва да се чете така:¹

Hic sunt nomina de Bolgaria inprimis rex illorum Mihahel. et frater eius. Dox. et alius frater eius Gabriel et uxor eius. Maria. et filius eius Rasáte. et alius Gab'riel. et tercius filius Simeon. et quartus filius. Iacob. et filia eius dei ancilla. Praxi. et alia filia eius. Anna. Zergobula f. 15.

(Преведено: Тукъ сж имена отъ България. На първо мѣсто тѣхниятъ (на българитѣ) царъ Михаилъ и братъ му Доксъ, и другиятъ му братъ Гаврилъ, и жена му Мария, и синъ му Расáте, и другиятъ Гаврилъ, и третиятъ синъ Симеонъ, и четвъртиятъ синъ Яковъ, и дъщеря му рабиня божия Пракси, и другата му дъщеря Анна. Зергобула...).

Втората група български имена се намира, както рекохме, на отсрѣщния четвърти листъ, долу на бѣлото поле. Състои се отъ четири реда и една добавка току надъ първия редъ отдѣсно, съ имената на родителитѣ на българския пратеникъ *Sondoke*. Краятъ на 1-и, 2-и и 3-и редъ е изрѣзанъ, та нѣма по четири или петъ букви, които ние попълваме на мѣста споредъ контекста. Цѣлата българска бележка на листъ четвърти се чете така:

De Bolgaria. qui primus venit in isto monasterio nomen eius. Sondoke. et uxor eius. Anna. et pater eius Iohaannes. et mater eius Maria. et fi[lius eius] Mihael. et alius filius eius. Uuelecneo. et filia eius. Bogomilla. et alia. Kalfa². et tercia Mar[tha et quarta] Helena. et quinta. Maria. et alia uxor eius. Sogesclaua. et alius homo bonus. Petrus. . . . et Geor[g]ius. Petrus et uxor eius Sofia³.

(Преведено: Отъ България, който пръвъ дойде въ тоя манастиръ, името му е Сждкъ⁴, и жена му Ана, и баща му Йоанъ, и майка му Мария, и синъ му Михаилъ и другиятъ му синъ Велегнѣвъ, и дъщеря му Богомила, и другата (дъщеря) Каля (Калина?), и третата Марта, и четвъртата Елена, и петата Мария, и другата му жена Собѣслава, и другиятъ почтенъ (знатенъ) мъжъ Петъръ, . . . и Георги. Петъръ и жена му София).

Като се вземе предъ видъ, че и дветѣ гореприведени бележки сж били писани отъ сжщата ржка на две страници, стоещи една срещу

¹ Преинателенъ знакъ е единъ — точката, която въ бързина се пише ту като сжщинска точка, ту удължено, като запетая.

² Надъ буква *l* стои обърната надолу дълга джга *-l̄*.

³ Думитѣ *Petrus et uxor eius Sofia* сж писани малко по-едро, но отъ сжщата ржка.

⁴ За нашето четене на нѣкои отъ българскитѣ имена вж. по-долу, стр. 634 сл.

друга, и че на едната се изреждатъ имената на българския царствуващъ домъ, а на другата имената на семейството на българския пратеникъ въ Римъ, трѣбва да се приеме, че пратеникътъ, на минаване презъ манастира, гдето е било евангелието, е диктувалъ да се запишатъ имената на неговото домочadie и, отъ почитъ къмъ своя господарь — българския владѣтель, сжщо имената на домочadiето на последния. Така погледнати, бележкитѣ съ българскитѣ имена въ Чивидалското евангелие представятъ първостепененъ, единъ видъ официаленъ документъ за рода на князь Бориса и на неговия пратеникъ Сждькъ.

Къмъ коя година прочее се отнася българското пратеничество за Римъ, което е записало горнитѣ имена? К. Иречекъ, като имаше предъ видъ, че поменатитѣ въ Чивидалското евангелие — Петъръ, Сждькъ и Зергобула сж сжщитѣ Борисови пратеници, които въ 869 г. ходили въ Римъ, а малко по-късно, въ началото на 870 г., били пращани на събора въ Цариградъ, приемаше, че горнитѣ две български бележки сж именно отъ 869 г., когато българскитѣ пратеници на пътъ за Римъ, по сухо, презъ Хърватско и Аквилейския манастиръ, гдето се намирало тогава сегашното Чивидалско евангелие, записали своитѣ имена и тия на князь Борисовия домъ (Срв. *Časopis Musea kr. Českého*, 1876, стр. 775; *Исторія Болгаръ. Одесса 1878*, стр. 193). Рачки смѣташе, че българскитѣ имена сж били вписани въ евангелието презъ християнскитѣ години на Бориса, т. е. между 865 и 889, или по-точно около 869-870 г., когато между Бориса и папството сжществували най-оживени сношения (Rad, XLII, 206). В. Н. Златарски прѣвъ обърна внимание на една особеност на българскитѣ бележки и се спрѣ по-внимателно на датуването имъ. Въ гореприведената своя статья — Кой е билъ Тудоръ черноризецъ Доксовъ? (стр. 48) — той предполага, че главната часть на българскитѣ бележки въ Чивидалското евангелие е била писана презъ 867 г. когато на чело на Борисовото пратеничество въ Римъ се намиралъ боляринътъ Сждькъ, а на следната 868 г., при друго пратеничество, въ което влизали Петъръ, а вѣроятно и Зергобула, били дописани имената на тия последнитѣ. Златарски основава своето мнение преди всичко на думитѣ на Бетмана, че имената „Zergobula f...ias“ и „Petrus et iher eius Sofia“ били писани не отъ сжщата ржка, която писала другитѣ български имена. Въ сжщность Бетманъ не говори това изрично за нашия случай; той напомня само (срв. стр. 115, 117-118 на горепоменатата негова статья), какъ изобщо е печаталъ на групи имената, приписани въ Чивидалското евангелие: тия, за които той предполага, че били писани отъ една ржка и мастило, печаталъ ги е на едно: той е печаталъ обаче на едно, като продължение на сжщия редъ, и такива имена, които сж били писани отъ разни ржце, но припадащи къмъ сжщата група богомолци. При това разпредѣление на Бетмана сж могли да бждатъ допустнати и недоглеждания. Тъкмо такъвъ е случаятъ съ името Zergobula, което, споредъ насъ, е писано отъ сжщата ржка, която е писала и предходнитѣ имена, само че съ малко нѣщо по-едри букви,

както това личи и на фотографската снимка. Въпросъ е само, дали името *Zergobula* е било дописано отъ сжщата ржка, когато българскитѣ пратеници, съ Сждька на чело, посетили за първи пжть манастира, гдето се пазѣло Чивидалското евангелие, или пжкъ това дописване е станало при друго посещение на манастира, както мисли Златарски. Сжщото се отнася и до имената *Petrus et ihog eius Sofia*, защото и тѣ сж били дописани отъ сжщата ржка, само че съ малко по-едри букви. При това трѣбва да се забележи, че на предходния редъ се поменава и другъ *Petrus*. Другитѣ съображения на проф. Златарски, споредъ насъ, не подкрепятъ мнението му. Така, Златарски мисли, че презъ 869 г., поради обтегнатитѣ отношения между Римъ и Преславския дворъ, на българскитѣ пратеници не би допустнали да запишатъ името на своя князъ, както и своитѣ. Това е неоснователно. Нито папската власть, нито аквилейскитѣ манастирѣ, който се намиралъ подъ ведомството на особенъ патриархъ, ще сж могли да проявятъ такава нетактична неприязнь къмъ едно чуждо пратеничество, което желае да запише, отъ благочестива подбуда, своитѣ имена и тия на своя владѣтель въ манастирския поменикъ. Дори и когато българската църква официално се бѣше отметнала отъ юрисдикцията на Римъ въ 870 г., и тогава между папството и Бориса не престанаха сношения, пратеничества, писма и подаръци. Златарски приемаше, че имената *Petrus* и *Zergobula* били дописани презъ 868 г., но и тукъ сме само въ областта на предположенията, защото нѣмаме данни, че презъ нея година е имало българско пратеничество въ Римъ. Впрочемъ, и самъ Златарски се отказва по-късно (1927 г.) отъ това си мнение въ своята История на българската държава, I, 2, стр. 800, забележка, и допуска, че повторното отиване на Петра въ Римъ и първото на Зергобула „може да се отнесе само къмъ 869 г.“. И така, Златарски приема, че Сждькъ е записалъ имената въ Чивидалското евангелие презъ 867 г., а по-късно презъ 869 г. сж били дописани имената на Петра и Зергобула. Споредъ насъ и това последното предположение не е сигурно, защото знаемъ отъ *Vita Adriani*, че презъ 869 г. въ Римъ билъ прашанъ Петъръ и че на връщане отъ тамъ Борисъ го пратилъ заедно съ още други български делегати на Цариградския съборъ. За Зергобула тамъ не се поменава да е билъ въ Римъ, и ако Зергобула е билъ на Цариградския съборъ, той е могълъ да замине за тамъ направо отъ България (Борисъ изпратилъ за Цариградъ *eundem Petrum, quem a Roma sine desiderii sui effectu sero receperat, cum aliis e latero suo Constantinopolim requisitionibus gratia, cui potissimum Bulgaria pertinere deberit, emisit*. Migne, Patr. lat. CXXVIII, col. 1395—6).

До по-обосновано мнение за годината, въ която Сждькъ стоялъ на чело на пратеничеството въ Римъ и записалъ българскитѣ имена въ Чивидалското евангелие, ще се дойде отъ историческитѣ вѣсти за Борисовитѣ мисии въ Римъ. Така, въ първото пратеничество на Бориса до папа Николая въ 866 г. сж участвували, както знаемъ отъ едно

писмо на папа Йоана VIII до Бориса отъ 879 г., Борисовиятъ сродникъ Петъръ и още Йоанъ и Мартинъ (*legatos vestros, Petrum scilicet cognatum vestrum, et Ioannem atque Martinum, praedecessoris domini nostri Nicolai beatissimi praesulis tempore direxistis. Part. lat., CXXVI, col. 843*). Второто Борисово пратеничество било презъ следната 867 г., но, кои сж участвували въ него, не знаемъ. Анастасий Библиотекаръ само поменава, че пратеници били нѣколцина (т. е. че Борисъ *iterim legatos suos Romam direxit. Migne, Patr. lat., CXXVIII, col. 1375*). Въ третото Борисово пратеничество, презъ 869 г., както видѣхме по-горе, е поменатъ само Петъръ. Следъ решението на българския въпросъ въ 870 г., българските сношения въ Римъ не престанали, но тѣ нѣмали първия си характеръ; тѣ били правени главно отъ вежливостъ и въ тѣхъ участвували второстепенни личности. Така, знае се отъ едно писмо на папа Йоана VIII до Бориса отъ 878 г. (*Migne, Patr. lat., CXXVI, col. 760*), че Борисъ билъ проводилъ дарове на папата по нѣкой си монахъ Урсъ, и отъ друго писмо отъ 879 г. (пакъ тамъ, col. 848) узнаваме за дарове, които проводилъ Борисъ по своя „изреденъ довѣреникъ Функтикъ“ (*per Functicum eximium fidelem vestrum*). За други Борисови пратеничества до Римъ не се знае. А че въ едно или друго отъ първите три пратеничества сж участвували Петъръ, Зергобула и Сондоке, освенъ въ приведенитѣ горе свидетелства, имаме и писмото на папа Йоана VIII отъ 879 г. до Борисовитѣ съветници *Petrus, Serbula (= Zergobula* въ Чив. ев.) и *Sundica (= Sondoke* въ Чив. ев.), които да се приобщатъ заедно съ своя господаръ къмъ лоното на Римската църква (*Migne, Patr. lat., CXXVI, col. 833*). Папата се отнася до тѣхъ, като до познати лица, които сж били въ общение съ папската курия. Щомъ, следователно, Сждъкъ е началствувалъ едно отъ пратеничествата въ Римъ, и щомъ като само за второто отъ тѣхъ, презъ 867 г., не сж запазени имената на делегатитѣ, трѣбва да приемемъ, както мисли и проф. Златарски, че мисията на Сждька се отнася до 867 г.; тогава сж били вписани въ Чивидалското евангелие и имената на Борисовия домъ и тия на Сждьковия. Само за имената *Zergobula* и *Petrus et uxor eius Sofia* не сме сигурни, дали сж били дописани презъ сжщата 867 г. или презъ 869 г..

Сега да се върнемъ на имената на князь Борисовия домъ, записани на л. 3^v въ Чивидалското евангелие. Преди да бѣха оповестени тия имена, отъ Борисовото семейство се знаеха само двамата му синове — Владимиръ и Симеонъ, царували единъ следъ другъ. Отъ чивидалската бележка узнаваме името на Борисовата жена — Мария, на двамата му братя — Гаврилъ и Доксъ, на четиримата му сина — Расате, Гаврилъ, Симеонъ, Яковъ, и на дветѣ му дъщери — Пракси и Анна. Понеже първородниятъ Борисовъ синъ, който пръвъ царувалъ следъ закалугеряването на баща си, е нареченъ Владимиръ (въ Фулдскитѣ анали, въ Чудото на св. Георгия съ българина и у Теофилакта Охридски), трѣбва да приемемъ, че Расате, поменатъ като първороденъ въ чивидалската бележка, ще да е било второто име на Владимира. Ако ли пъкъ Расате не е доживѣлъ до 888 г., когато Борисъ оставилъ престола, тогава

Владимиръ ще се е зовѣлъ и Гаврилъ. Интересно е отъ етимологична страна това име — Расате. Рачки го сближаваше (Rad XLII, 202) съ Рашо, Рашанъ. Иречекъ предполагаше славянската форма *Хрѣсата*. Бихме могли да го сближимъ съ името на руското божество Хорсъ (*Хрѣсъ*) и съ подобното име въ старосръбскитѣ паметници — *Хръсь* (М. Пуцић, Споменици сръбски од 1395 до 1423. Београд 1858, стр. 53), ако туй последното не иде отъ грѣцкото *Χρῶσις*. Имаме и славянски имена съ суфиксъ -та, напр. Драгота, Доброта, Калота, Гнѣвота, Слухота и пр., или съ суфиксъ -атъ, напр. Чрънатъ, Милатъ и пр. (Срв. Miklosich, Die Bildung der slavischen Personennamen, въ Denkschriften der k. Akademie der Wiss. Phil.-hist. Classe, X, 224), но на формата *Rasáte*, както е въ Чивидалското евангелие, не намираме по-ясенъ паралелъ. Името не изглежда да е туранско, при все че, покрай грѣцко-християнскитѣ и славянски (Владимиръ) имена въ семейството на Бориса-Михаила, да срѣщаме и името Доксъ, което е навѣрно туранско. У туранскитѣ народи често се срѣщатъ лични имена, идещи отъ имена на животни: вълкъ, соколъ, лъвъ, сърна и пр. Името Борисъ сѣщо е туранско, тюркско, и означава „вълкъ“ (бъори). Отъ турански произходъ е и името на Борисовия братъ Доксъ. То е познато въ следнитѣ форми: въ Чивидалското евангелие — Доксъ; у Йоана Екзархъ, именно въ предговора къмъ неговия преводъ на Дамаскиновото Богословие — *Доуксъ*; въ бележката отъ 907 г. на Тудора, синъ на Докса, помѣстена въ преведенитѣ отъ епископъ Константина слова на Атанасия Александрийски противъ арианитѣ, които слова преписалъ *Гоудор' черноризиць Доѣок'*, Борисовиятъ братъ е нареченъ *Доѣъ* (споредъ руския преписъ отъ XV в. въ Волоколамския Йосифовъ манастиръ). Ключъ за етимологията на това име ни дава Родословътъ на първитѣ българи владѣтели, гдето съ „дох'съ“ се именува дванадесетото циклово животно на прабългарското лѣтоброение, съ значение на дива свиня, глиганъ, вепъръ и въ преносенъ смисълъ — силенъ, упоритъ, дивъ. Въ тоя Родословъ за Гостуновото намѣстничество на българския престолъ четемъ, споредъ рѣкописа на Московската Синодална библиотека: *Гостоунъ намѣстникъ сѣ. б. лѣтѣ роу' ёмоу' Ёрми. а лѣтѣ ёмоу' дох'съ*. Ако паерчикътъ (!) въ думата дох'съ е вмѣсто старо етимологично ъ или ѣ, тогава началната прабългарска форма би била дохъсъ, дохьсъ, и, въ такъвъ случай тя би се приближавала много до съответното циклово животно въ календара на други турански народи. Така, въ уйгурския календаръ имаме „тон'узъ“ (четено близо като „тонгузъ“), въ старотурския календаръ, споредъ турско-арабския речникъ на Кашгари отъ 1073 г. — „тун'узъ“; пкъ и на кумански глиганътъ — свинята се е наричала „тон'усъ“, на османски е „домузъ“ и пр. Що се отнася до личността на Борисовия братъ Докса, за неговото монашество и покровителство на книжнината, това се разясни добре отъ В. Златарски въ гореприведената му статья. Всички други имена на Борисъ-Михайловото семейство сѣ християнски. Такова ще да е и името на първата

Борисова дъщеря Prahі, която била вече покойница, робиня божия (dei ancilla), когато били записани българските имена въ Чивидалското евангелие. Prahі ще да иде въроятнo отъ Евпраксія. Тукъ е мѣстото да припомнимъ, че въ една срѣдновѣковна повесть, позната въ различни версии и на разни европейски езици, повесть, която може да се озаглави „Девойка безъ ржце“, става дума за дъщерята на българския царь Михаила, носеща името Персика. Персика се нарича и една отъ дванадесеттѣ сибилы. Тая повесть е запазена въ руски киевски преписъ; повестъта е озаглавена „Чюдо пресвятыя Богородицы о царевнѣ Персикѣ, дщери царя Михаила Болгарскаго.“ За тая повесть ще имаме случай да поговоримъ на друго мѣсто.

Втората българска бележка въ Чивидалското евангелие, на л. 4, съдържа имената на семейството на Борисовия пратеникъ въ Римъ Sondoke, както и имена чужди на това семейство. Четенето на едни отъ тия имена представя известни затруднения, преди всичко това на името на пратеника. Въ паметницитѣ това име е познато въ следнитѣ три написания: 1) Sondoke въ Чивидалското евангелие; 2) Nesundicus vagantur у Анастасия Библиотекаръ, въ неговитѣ бележки за Цариградския съборъ въ 869-870 г., именно при изброяване българскитѣ делегати, които присъствували на десетото заседание на събора, 28 февруарий 870 г. (Migne, Patr. lat., CXXIX, col. 148); 3) Sundica въ писмото на папа Йоана VIII отъ 879 г. до съветницитѣ на Бориса Petrus, Cerbula et Sundica (Migne, Patr. lat., CXXVI, col. 833). Второто отъ тия написания (Nesundicus) не ще да е сигурно. Ориенталистътъ J. Marquart (Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig 1898, стр. 41, бележка) изправя името въ Sundicus, което се посрѣща и съ другитѣ две написания. Всички, които сж се спирали на това име, смѣтали сж го за славянско. Миклошичъ (Lexicon pal.-sl.-gr.-latinum. Vindobonae 1862-1865) го възстановява въ форма на **Сждька**, Дриновъ (Исторически прегледъ на българска-та църква. Виена 1869, стр. 21) — **Сждикъ**, а Иречекъ (Časopis Musea kr. Českého, 1876, стр. 775) само посочва Миклошичевото възстановяване. Изхождайки отъ тритѣ написания на името — Sondoke, Sundicus и Sundica — ние смѣтаме, че въ първата сричка гласната е голѣма носовка **ж**, предадена на латински съ op, un. Къмъ корена **сжд** е добавенъ суфиксъ **ькъ**, гдето **ь** е предаденъ на латински ту съ **і**, ту съ **о**. Тѣй че на старобългарски името е звучало **Сждькъ**. Успоредици на това старобългарско лично име **Сждькъ** намираме и въ другитѣ славянски езици, у чеситѣ Sudek, у поляцитѣ Sadek; на чески имаме и женско име Sudka. Въ полза на славянския произходъ на името говорятъ и другитѣ славянски имена въ семейството на Сждька. Що се отнася до епитета vagantur, който придружава името у Анастасия Библиотекаръ, нѣма съмнение, това е известниятъ прабългарски титулъ въ абобскитѣ надписи βαγατορο, βουτορο, у руситѣ богатырь.

Жената на Сждька е наречена Sogesclava. На старобългарски формата Согеслава е невъзможна, защото г би се измѣнило предъ е въ

ж. Тука латинското *g* не означава ж, защото славянскиятъ звукъ ж въ чивидилскитѣ славянски имена се предава съ *z*. Това *g* следователно крие нѣкой другъ славянски звукъ, мжно уловимъ отъ чивидалския монахъ, който е записвалъ имената. На л. 6^v въ Чивидалското евангелие срѣщаме друго женско име *Soguasclava*. Иречекъ предполагаше (*Čas. Mus. kr. Č.* 1876, стр. 774), че подъ *Sogesclava* се крие Собѣслава. Рачки (*Rad, XLII, 202*) сжщо предполага Собеслава. Миклошичъ (*Bildung der slavischen Personennamen*, стр. 312) изкарва името отъ старобългарското **собъ** (помощь, пособие) и привежда примѣри за лични и мѣстни имена Собѣславъ у другитѣ славянски езици. Ние ще прибавимъ още Собѣслава, баща на пленения отъ Асѣновия братъ Александра Богомиръ. Собѣслава се нарича и една рѣка въ Ческо.

Вториятъ Сждьковъ синъ е названъ *Uuelesneo*. Рачки (*Rad XLII, 202*) сближаваше това име съ Велихна, Великна; Златарски (Кой е билъ черноризецъ Тудоръ Дуксовъ? стр. 46) съ Веленко. Право се досѣща обаче Иречекъ (*Čas. M. kr. Č.* 1876, стр. 774), че тукъ се разбира Велегнѣвъ. Записвачтъ на името е смѣсилъ по звукъ *g* (*г*) съ *c* (*к*), а е трѣбвало да напише *Uuelegneo*. Що се отнася до думата **гнѣкъ**, той я е писалъ съ вокализувано *v*, както туй е сторилъ и съ името Вишегнѣвъ, което записалъ на л. 38^v като *Uisegneo*.

Първата дъщеря на Сждька се е наричала Богомила (*Bogomilla*) Знае се, че голѣма частъ отъ сложнитѣ славянски лични имена у българитѣ датуватъ едва отъ християнската епоха у тѣхъ, подъ влияние главно на грѣцкитѣ подобни имена. Имената Богомила, Богомилъ ще да сж заемки въ преводъ отъ грѣцки, отъ *Θεόφιλος*. Употрѣбяването на името Богомилъ у поляцитѣ и чехитѣ, както и у нѣмцитѣ (*Gottlieb*), ще да е сжщо отъ по-късно време. Село Богомила въ Велешко (Македония) ще да си носи названието отъ богомилското нѣкога население въ тоя край. Това личи добре и отъ името Бабуна, давано въ сжщия край на планина, на село и на рѣка, а бабунитѣ бѣха богомилска група. Както и да е, името Богомила у българитѣ е регистрирувано още отъ време на Бориса, именно въ чивидалската бележка, и е по-старо отъ името на попъ Богомила, основателъ на богомилството.

За името на втората дъщеря на Сждька — *Kalīa* — не сме сигурни, дали е славянско или иде отъ грѣцкото *καλί* (добра, хубава). Въ ржкописа надъ буква *i* стои доста висока джга, като обрната кратка, *i*. Да не би тоя белегъ да означава изпусната буква, напр. *n* (*н*), за името въ такъвъ случай би се чело Калина вм. Каля. Женското име Калина (=Каля) е твърде разпространено и сега у българитѣ. Въ народната пѣсень

Кáльо, Кáлино дево́йко,

Вйши, вйши цр'ни о́чи и пр.

сжщата мома е названа и Каля и Калина. Срѣща се и мжжко име Калинъ. Името „калина“, давано на цвѣте или на дървото нарѣ, е познато и у чехи, руси, сърби. Тѣй че, ако въ чивидалската бележка четемъ Калина, името ще смѣтаме за домашно, славянско.

Славянското име на Сждька и на членовѣтъ отъ неговото семейство — Собѣслава, Велегнѣвъ, Богомила, а може би и Каля (Калина?), — както и християнскитѣ имена на останалитѣ членове на неговия домъ свидетелствуватъ за славянския християнски родъ на тоя Борисовъ съветникъ и пратеникъ. Изглежда при това, че християнството на Сждьковия домъ е още отъ преди Борисовото кръщение. Отъ покръщането на Бориса въ 866 г. до времето, когато Сждькъ записалъ имената на своитѣ домашни въ Чивидалското евангелие, т. е. въ 867 год., била минала едва една година, а Сждькъ поменава две свои жени, едната вѣроятно вече покойница, поменава нѣколко свои деца и родители съ християнски и славянски имена. Това показва, че между прабългаритѣ туранци, които били организатори и ръководители на новото славяно-българско царство, си били пробили вече пжть и представители на славянския елементъ и се били издигнали до най-високи държавни длъжности не само следъ Борисовото кръщение, но и преди това, защото Сждькъ не ще да е спечелилъ довѣрието на своя господарь току за една-две години, та да му се повѣрва важна пратеническа задача въ Римъ, да му даде титлатавагантуръ и Борисъ да го направи свой съветникъ.

За другъ славянски велможа при Бориса поменава Теофилакть Охридски въ житието на Св. Климента. Той се е наричалъ Чаславъ (*Τζασδλάβος*). Съ съизволенieto на Бориса Чаславъ приелъ въ своя домъ въ 886 г. Ангелария, ученикъ Методиевъ. Тоя Чаславъ не бива да се смѣсва съ сина на сърбина Клонимира, който пребивавалъ въ Преславъ. Сръбскиятъ Чаславъ (майка му била българка) живѣлъ по-късно. Наведенитѣ примѣри съ Сждька и съ Часлава не сж единствени. Още при Крума, въ 812 г., на чело на българското пратеничество за преговори въ Цариградъ стоялъ славянинътъ Драгомиръ (*Δραγαμηνός*). Като споменаваме тия случаи и като имаме предъ видъ факта, гдето Борисъ и особено Симеонъ дадоха известна преднина на славянския елементъ въ българската държава и направиха славянския езикъ езикъ държавенъ, намираме, че историческата наука още не се е изказала ясно и обосновано за взаимоотношенията между прабългари и славяни въ българската държава преди Бориса и следъ него, взаимоотношения отъ характеръ държавенъ, воененъ, вѣрски, езиковенъ и пр. Ето една първостепенна задача за бждещитѣ изледвания по българска история.

Остава да кажемъ две думи и за другитѣ български имена въ Чивидалското евангелие, които не спадатъ къмъ Борисовия и къмъ Сждьковия домъ. На първо мѣсто името Зергобула (*Zergobula*). Подъ това име се крие несъмнено оня отъ българскитѣ пратеници на Цариградския съборъ въ 869-870 г., който е нареченъ отъ Анастасия Библиотекаря *Zercoboilas* (вм. погрѣшно предаденото *Zercoborlas*). Въ писмото на папа Йоана VIII отъ 878 г. той е нареченъ *Serbula*. Ако да бѣше ясна думата, която следва подиръ името *Zergobula* въ чивидалската белжка, вѣроятно щѣхме да се освѣтлимъ повече за това лице. Тамъ,

както рекохме, името е записано, ако и по-едро, но отъ сжщата ржка, която е писала имената на Борисовия домъ. Дали Zergobula не е билъ нѣкакъвъ сродникъ на Бориса, та името му е дописано следъ царскитѣ имена, или пъкъ то е попаднало тамъ случайно при едно посещение на Zergobula въ манастира, на пжтъ за Римъ, като пратеникъ Борисовъ? Едно е явно: името е прабългарско, туранско, и то сложно, гдето втората му половина е титулътъ *βοηλᾶς* > **коларинъ**. Отъ такъвъ характеръ е напр. старотурското име Дизабулъ или името на царь Симоновия шурей Сурсу-булъ. Съ други думи, сжщинското име на Zergobula (Cerbula, Zercoboilas) е звучало нѣщо срѣдно между Zergo, Cer, Zerso. То би могло да се сближи съ едно подобно име на български боляринъ отъ времето на Пресиана, поменато въ Пресиановия надписъ въ Филипи като *Ητζιργου βοίλαν* или по-право безъ началното η, прибавено предъ сложни съгласни, т. е. *Τζιργου βοίλας*. Сжщо така може да се сближи съ *Zourogou*, който билъ *κολοβορός* (ржководитель, генералъ пжтеводитель, у османцитѣ „колагузъ“, „калаузъ“) при Омортага. Ср. Йорданъ Ивановъ, Български старини изъ Македония. 2^о изд., стр. 4.

Въ втората чивидалска бележка съ български имена, следъ тия на Сждьковия домъ, се изреждатъ: *et alius homo bonus Petrus. . . et Georgius. Petrus et ixor eius Sofia*. Последната фраза е писана по-едро, но отъ сжщата ржка. Не е ясно, дали думитѣ *et alius etc.* се отнасятъ до семейството на Сждька или къмъ съвсемъ чуждо лице, Петъръ. Епитетитѣ *homo bonus* едва ли ще означаватъ това, което дава буквалниятъ български преводъ: добъръ човѣкъ. Латинското *bonus homo* ще каже и изряденъ, почтенъ, бележитъ човѣкъ, както и *vir bonus* означава и почтенъ, бележитъ, благороденъ мжжъ. Съвършенитѣ дуалисти богомили се наричатъ въ латинскитѣ паметници: *boni homines*, един. число *bonus homo*. Съ други думи *homo bonus Petrus* ще да значи това, което бихме изразили чрезъ *vir (homo) venerabilis* т. е. почтенъ или както на старобългарски е названъ отъ Йоана Екзархъ князь Борисовиятъ братъ, монахътъ Доксъ: **чѣстънъчии члѣкъ Доксъ чръноризьца**. Споредъ това, *homo bonus Petrus* въ чивидалската бележка ще да е нѣкое видно лице, нѣкой **чѣстънъчии члѣкъ Петръ**. Дали тоя знатенъ Петъръ не е билъ известниятъ Борисовъ пратеникъ, изпращанъ въ Римъ и Цариградъ, или пъкъ къмъ него се отнася последната фраза въ бележката — *Petrus et ixor eius Sofia*, не е ясно.

София

Йорданъ Ивановъ

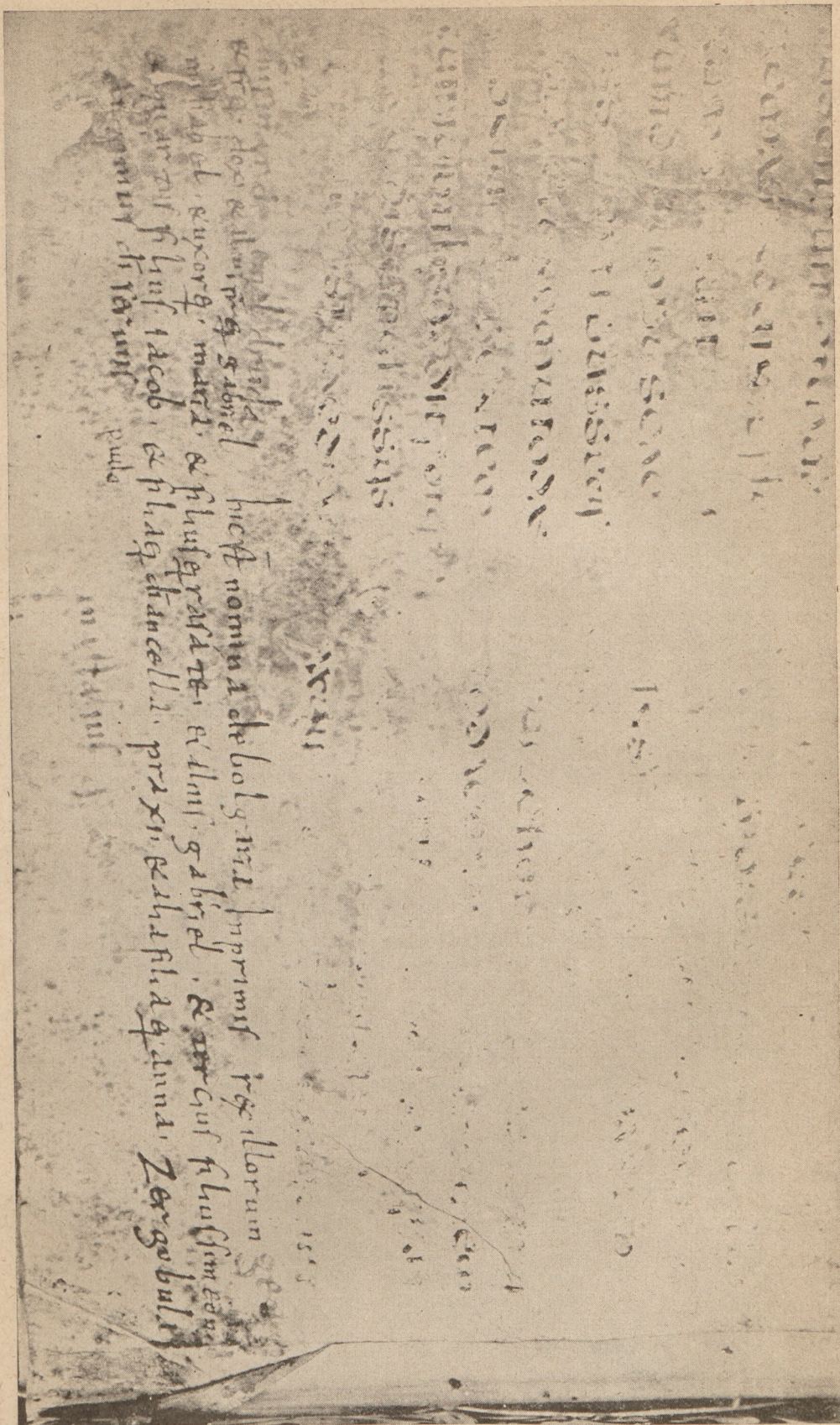

Табл. I. Чиндила ко евангелие. Долната половина на листъ 3в.

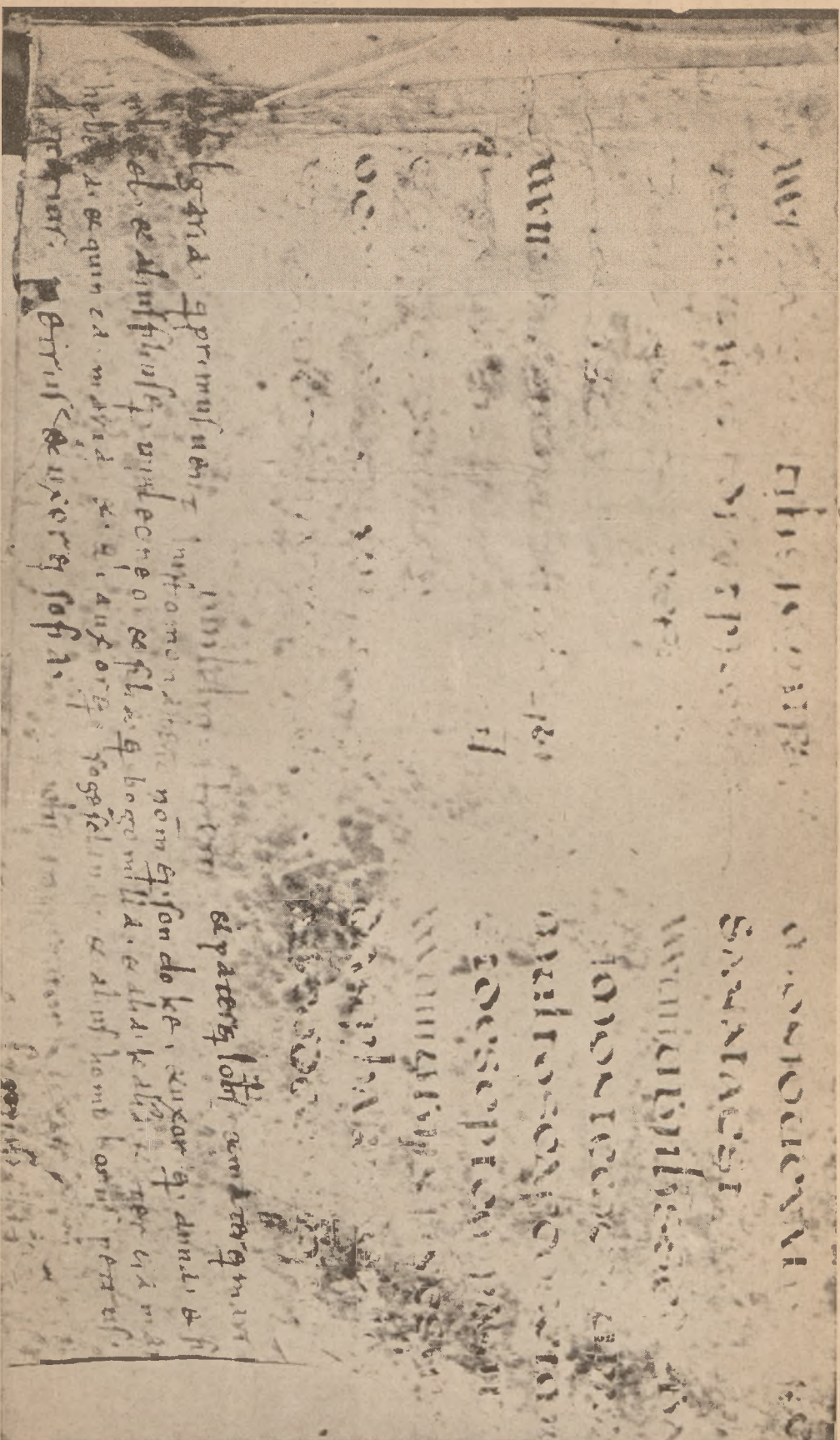

Табл. II. Чивдалско евангелие. Долната половина на листъ 4.

Монашеско храбро „воюване“ и „черноризецъ храбъръ“

Ето вече приближава да стане почти цѣлъ вѣкъ, откакто видни учени правятъ безуспѣшни опити да отмахнатъ таинственото було, което скрива личността на т. н. „черноризецъ Храбъръ“. Откриха се нови преписи на скжлоценното „сказание“ *О писмѣньхъ*, български, сръбски, руски, чески, нѣмски, французски и др. учени¹ си съперничатъ въ усилията си да хвърлятъ повечко свѣтлина върху личността на загадъчния „черноризецъ Храбъръ“ или „черноризецъ храбъръ“ и, въпрѣки това, и до днесъ за този бележитъ черноризецъ се знае точно толкова, колкото се е знаело отъ началото: „черноризецъ Храбъръ“ сигурно е билъ монахъ, щомъ е билъ „черноризецъ“; той ще е живѣлъ въ IX-X в. или въ XIII-XIV в.²; именуваъ се е Храбъръ, но възможно е да се е наричалъ и друго-яче (напр. Андрей=мжжественъ), а „Храбъръ“ да е билъ неговъ псевдонимъ³ или прѣкоръ⁴; „черноризецъ Храбъръ“ е авторъ

¹ По-важнитѣ отъ тѣхъ сж следнитѣ: О. Бодянский (О времени происхождения славянскихъ письменъ, М. 1855, стр. 51 сл., 53, 163, XXX сл. и др.), Срезневскій (въ ЖМНПр. LIX, 30 сл.), Соболевскій (Матеріалы 132), Вилинскій („Сказаніе Чернор. Храбра“ въ Лѣтопись Ист.-фил. общества при Имп. Новоросс. Университетѣ, IX, 109-111), И. В. Ягичъ (Разсужденія, 310 сл.; Исследования по русск. языку, т. I, стр. 300 сл.), Fr. Snopce (Konstantinus-Kyryllus und Methodius u. s. w., Kremsier 1911, 14 ff.), J. Hanuš (Der bulgarische Mönch „Chrabr“, въ Archiv für Kunde östereich. Geschichts-Quellen XXIII, S. 1-100), Туницкій (Св. Климентъ, еп. Словенскій, стр. 139 сл., въ отдѣла „Критика и библиографія“ на ЖМНПр. 1914, мартъ), Г. Ильинскій („Кто былъ черноризецъ Храбръ?“, въ сп. Виз. Обзорѣніе, III, 1916, стр. 151-156), André Mazon (Le moine Chrabr et Cyrille, въ „Сборн. въ честь на Вас. Н. Златарски“, София 1925, 119-122), проф. д-ръ В. Н. Златарски („Кой е билъ черноризецъ Храбъръ?“, въ История на Българската държава I, 2, 853 сл.) и др. Нови преписи на сказанието „За писмената“ публикува и проф. Й. Ивановъ въ дветѣ издания на „Български старини изъ Македония“.

² Повечето учени се спиратъ върху IX-X-ия вѣкъ; на XIII-XIV в. се спира Грунскій (вж. у Ильинскій, ц. с. 1).

³ Напр. Ягичъ, Снопекъ, Туницки и др. Но Туницки допуска сжщо, че „Храбъръ“ може да е и действително славянско име, не само срѣди западнитѣ славяни, но „повидимому, изрѣдка и у южныхъ славянъ“ (ib. 110).

⁴ Така мисли А. Мазон (ib. 122). Той приема, че името „Храбъръ“ ще е било единъ чисто локаленъ прѣкоръ (un simple surnom), чиято слава не е била разпространена извънъ оградата на нѣкой манастиръ въ областъта на Охридъ или на Солунъ.

или на съчинението „За писмената“¹ или е авторъ на самитъ „писмена“². Нѣкои слависти хранѣха голѣма надежда, че ще се открие нѣкое ново творение на „черноризеца Храбъръ“, което ще даде нови данни за уясняване на въпроса. Обаче и това очакване не се оправда: годинитѣ минаватъ, скоро ще станатъ четири вѣка, откакъ е откритъ първиятъ преписъ на „Сказанието за писмената“³, а новъ трудъ на „черноризеца Храбъръ“ не се открива. При това отъ „Храбъръ“ би трѣбвало да се очакватъ не единъ и не два труда, защото той е билъ опитенъ и учень писателъ, притежавалъ е чудно гъвкавъ стилъ и точенъ езикъ, па, освенъ това, самъ казва, че другаде ще даде на славянския народъ и други „отвѣти“ въ защита на славянското писмо (отъ гръцкото).

Щомъ при всичко това и до днесъ не е открито нито едно ново творение отъ „черноризецъ Храбъръ“, не е ли умѣстенъ въпросътъ: да не би пѣкъ самото изследване на „Храбровската“ проблема да е било досега насочено въ неправиленъ пѣтъ, който не може да изведе на никжде?

Новото, което ние предлагаме, съ надежда, че ще допринесе да се поразвърже вѣзелътъ на проблемата, е — да се подложи на една основна анализа самото име „черноризецъ Храбъръ“. Проблемата отъ историко-литературна трѣбва да стане до известна степенъ и богословска и монашеско-литургическа, та да се освѣтли въпросътъ съ нова свѣтлина, вече родствена и на монаха „Храбъръ“ и на неговата манастирско-богослужерна срѣда отъ старобългарско време.

Идеята за борба съ злото пълни свещенитѣ богослужевни книги. Още въ Откровението (VI, 1-2; XI, 7 сл.; XII, 7 сл.) се рисува въ най-живи образи тази борба, особено борбата между Св. Арх. Михаилъ и водителя на тъмнитѣ сили (дракона, стария змей). Въ този смисълъ преп. Тодоръ Студитъ умира въ 826 год. като *φιλολόγος καὶ συναδ-*

¹ Така сж мислили и мислятъ днесъ повечето учени, напримѣръ Срезневски, Бодянский, Соболевски, Лавровъ, Вилински, Мазон, Златарски, Йорд. Ивановъ и др.

² Това е допускаръ преди години J. Напиш, а въ ново време Г. Ильинский. Ильински приема, че ако заглавието *О писменихъ чрноризца Храбра* се чете непредубедено, може да се разбере само въ единъ смисълъ: за писмената, (създадени отъ черноризеца Храбъръ; ако авторътъ на сказанието би искалъ да каже, че тукъ се дава „сказание за писмената“, написано отъ черноризецъ Храбъръ, той би надписалъ труда си така: *Съказание (resp. Слово) чрноризца Храбра о писменихъ или О писменихъ съписано (resp. сътворено) чрноризцемъ Храбромъ* (ib. стр. 112). „Но почему же Кириллъ получилъ такое странное имя и при томъ столь мало отвѣчающее его духовному, въ частности монашескому званию? И почему подъ такимъ именемъ онъ является только въ заглавіи „Сказанія“, а не въ самомъ его текстѣ?“ — На тѣзи находчиво поставени възражения Г. Ильински отговаря, като допуска, че и въ IX в. Св. Кирилъ Философъ ще се е именуваъ отъ ученитъ моравски „Букари“ *Нгозпата* (както билъ наричанъ отъ къмъ половината на XVI в. въ чешкитѣ документи). Ако *О писменихъ* се е зародило въ Моравия, явно е, че то въ България ще е дошло съ много странното заглавие „О письменахъ черноризца Грознѣты“, гдето името Грознѣта ще е било замѣнено съ южнославянския му синонимъ Храбъръ. Поправката и прередактирането на текста ще е било направено отъ Йоанъ Екзархъ.

³ Старобългарскиятъ паметникъ *О писменихъ* е известенъ въ науката още отъ XVI в.

λητής και πολυάθλος срѣди мжченицитѣ¹. Въ житията на Византия отъ IX и X в. често се нарежда да се празнува борчеството, *ἡ ἀθλησις*, на разни мжченици, апостоли, светци, преподобни, св. отци и др.; къмъ края на X и нач. на XI в. вече тази склонность къмъ чувствуваня на борци-светци заглѣхва въ терминологията на типичитѣ. Ето защо въ старобългарскитѣ паметници, особено въ тѣзи, които сж писани презъ IX и X в., силно е застѣпена идеята за храброто борчество съ дявола². Тукъ думата *храбръ* намира своята най-широка, едва ли не изключителна употреба. Въ словаря на Миклошича сж посочени нѣколко примѣра, между които и **Ты оубо пострадади яко добрый храборъ Исусъ Христовъ**. Не малко интересни примѣри сж дадени и въ руския академически Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка³. Но идеята за храбро воюване съ дявола най-вече добива развитие въ монашеско-богослужебнитѣ книги: въ чинопоследованието за монашеско пострижение. Нека хвърлимъ погледъ въ онѣзи страници на *Euchologium Sinaïticum*, гдето се дава чинопоследованието за монашеско пострижение. Тукъ всѣка монашеска одежда⁴ има своя боенъ символически смисълъ: хитонътъ = риза на спасението, кѹкулътъ = шлемъ на спасението, аналавътъ символизира нарамването на спасителния кръстъ, мантията = броня на правдата и т. н. Въ пѣснитѣ, напѣтствията и молитвитѣ на самото последование се внушава на младия монахъ, че той трѣбва да „победи врага“ (л. 84^a), да премине безъ съблазньнъ житейското море, въоръженъ съ Христовия кръстъ, а самъ Христосъ е готовъ да раздаде вѣнци на победилитѣ врага (л. 84^b); младиятъ монахъ влиза въ воинството на ангелския ликъ (л. 90^b); той цѣлъ животъ ще има да се бори съ невидимитѣ вражески сили и **брани неприкънскыма** не ще го одолѣятъ (л. 91^b); понеже борбата на монаха е срещу поднебеснитѣ духове на злобата, неговитѣ събратия се молятъ, щото Богъ да препаше младия монахъ съ сила на истина, да го облѣче въ бронята на правдата, да го умждри да вземе щита на вѣрата, въ който той ще може да угаси всичкитѣ стрели на дявола (л. 93^b сл.); следъ пострижението и младиятъ монахъ пѣе съ дружината: „Нека бързо се притечемъ, защото всѣкога Христосъ ни вика, нека грабнемъ мисленото оржие и да унищожимъ врага!“. Последната молитва пожелава на младия все-

¹ Вж неговото житие отъ Михаила монаха (Migne, P. gr., t. 99, col. 325).

² Ал. Дмитриевскій, *Тулικά*, стр. 1-194 сл. До като въ типика напр. на Великата църква, отъ IX-X в., имаме за 4. септ. *Ἀθλησις τοῦ ἁγίου μάρτυρος Βαβύλα*, за сжщия день въ типика отъ X-XI в. (стр. 194) имаме вече *Μνήμη τοῦ ἁγίου μάρτυρος Βαβύλα*. Това смѣняване и изоставяне на термина *ἀθλησις* е масово.

³ Составл. вторымъ отдѣл. Импер. Акад. Наукъ, т. I-III (II изд. СПб. 1867).

⁴ Вж. прот. Ив. Гошевъ, Облѣклото на старобългарскитѣ монаси (въ Изв. на Нар. етногр. музей, кн. X-XI, София 1932).

въоръженъ духовно монахъ да бжде **страшенъ сжпостатомъ** и **неповѣ-
жденъ браньни** (л. 99^a).

Материали за доуясняване истинския смисълъ на съчетанието **чрзноризьць храбрь** ни даватъ и старобългарскитѣ писатели. Споредъ тѣхъ унищожителитѣ на духовния врагъ (дявола) сж **храбри** Христови, съратници Христови; тѣ сж свети мжже, чието мѣсто въ страшния сжденъ день е отъ дѣсно на Божия престолъ. Така въ службата на Св. Методия отъ Драгановия миней четемъ, че светецътъ се е борѣлъ съ „противнитѣ“ духове **яко храбрь борець**¹. И въ 50-та беседа на еп. Константина „страстотерпцитѣ“ борци, които подлежатъ на увѣнчаване, сж именувани **храбри**. Повечко яснота ни даватъ думитѣ на Козма Презвитеръ, споредъ които **храбрь** се става следъ окончателна победа надъ духовния врагъ, а за да изкушава своитѣ **храбри** Богъ допуска на дявола да сѣе зли мисли въ човѣшкитѣ сърдца: **Нѣ^о мощно храбрь гавити^о аще ратника не оубѣтъ². . . Храбрь свои^о ради бѣ^т поповести дѣаволъ сѣкати мысли слыа въ срѣца чл^око³**. Най-добро потвърждение на казаното до тукъ за монашеското воюване, както и за смисъла на съчетанието **чрзноризьць храбрь**, ни дава Прогласътъ къмъ Евангелието, представящъ **слово** на „блажения нашъ учитель Константинъ Философъ“. Ето, въ извлѣчение, що ни разказва Прогласътъ:

Слушайте, цѣль славянски народе,
Слушайте, защото отъ Бога дойде словото,
Словото, което кърми човѣшкитѣ души. . .
Голи сж всички народи, които нѣматъ книги;
Не могатъ безъ оржие да се борятъ
Съ противника на нашитѣ души и сж
Готови пленници за вѣчнитѣ мжки.
А вие, народи, които не обичате врага (т. е. дявола)
И мислите, че се борите здраво съ него,
Отворете прилежно вратитѣ на ума си и,
Като стиснете здраво оржието,
Което ни изковаватъ книгитѣ Господни,
Да трошите здраво главата на неприязньта (т. е. на дявола) . . .
Христосъ говори мдрость
И крепи душитѣ ви.
(Сжщото вършатъ) и всички апостоли и пророци!
И онѣзи, които казватъ думитѣ имъ,
Ще приличатъ (тѣмъ), убивайки врага
И принасяйки Богу добра победа,

¹ Й. Ивановъ, Бълг. старини, II изд., стр. 304.

² Споредъ Волокаламския препись отъ XV в. л. 529^b. Съ този и следващия следъ него текстъ любезно ми послужи проф. М. Попруженко, който вече е приготвилъ за печатъ ново издание на произведенията на Козма Презвитеръ.

³ Пакъ споредъ Волокаламския препись, л. 508^a.

Бѣгайки отъ гнойната развала на плътъта,

Животътъ на която е като сънъ;

Тѣ нѣма да паднатъ, крепко ще стоятъ,

И Богу ще се явятъ **тако храбри.**

Стоиши ѿ Десноу ю оу бѣжии престола,

Когато (Богъ) съ огънь ще сѣди народитѣ¹.

Ето защо ние въ никой случай не можемъ да допустнемъ, че въ раното старобългарско време (когато подъ „монахъ храбръ“ е могло да се разбира само едно: монахъ, който е удържалъ окончателна победа надъ врага, т. е. монахъ-светецъ) който и да било писателъ би дръзналъ да си прикачи прѣкоръ или псевдонимъ **чрноризецъ храбръ**.

Явно е, че правилното разбиране смисъла на заглавието на статията „За писмената“² може да е само едно: **О писменехъ чрноризецъ храбра** значи — за писмената на светия черноризецъ. Новото схващане за „храбрия черноризецъ“, което ни се налага като единствено най-съдържателно и отговаряще на представитѣ на IX-X вѣкъ, се явява отъ друга страна много подходяще и за съдържанието на самата статия: подъ негова свѣтлина заглавието на статията вече не стои несвързано съ съдържанието. Въ **О писменехъ** имаме доказателства, че славянскитѣ букви сѣ свети, защото сѣ измислени отъ „светъ мжжъ“, а самото заглавие (разтълкувано) гласи: за писмената на светия монахъ, т. е. за светитѣ писмена. Освенъ това изчезва и противоречието, което досега не единъ славистъ намираше въ загадъчното съче-

¹ Преводътъ правимъ по текста, публикуванъ отъ Йорд. Ивановъ, ц. с., II изд., стр. 339 сл.

² Въ Лаврентиевия преписъ отъ 1348 год., въ Московския отъ XV в. (за който се приема, че ще е билъ преписанъ отъ глаголически оригиналъ), въ първия Зографски преписъ отъ XV-XVI в., въ втория Хилендарски преписъ отъ XV-XVI в. и въ Киевския отъ XVI в. имаме типичното, както съ право се приема, и най-старинско заглавие — **О писменехъ чрноризецъ храбра**, различно въ ржкописитѣ само по графическитѣ си особености.

Първиятъ Хилендарски преписъ отъ XVI в. дава по-особено заглавие: **Сказаніе како състави сѣтъи Курнѣ Блажекоу писмена противѣ љзыкоу** (изоставяме ударенията и придиханията).

Савинскиятъ преписъ отъ XV в. изнася, за разлика отъ всички други преписи, едно размѣстване на думитѣ въ заглавието: **Чрноризецъ храбра отгвѣти о писменехъ**. Явно е, че преписвачътъ смѣта „храбрия черноризецъ“ за авторъ на статията, която споредъ съдържанието се и именува „отвѣти“.

Още по-ясно личатъ следитѣ на ржка, отдалечена отъ разбиранията на IX и X в., въ Берлинския преписъ отъ XIII-XIV в., гдето, въ разрѣзъ съ съдържанието, цѣлата статия се озаглавява като **Слѣдѣ стѣго Кѣрнаа философа, Считала словенскоу жьзкоу**.

За заглавията на Московския, Киевския, Берлинския, Лаврентиевия и други преписи вж. у И. В. Ягичъ, *Изслѣдованія по рускому языку*, т. I, СПб. 1885-1895; за останалитѣ вж. Й. Ивановъ, *Бѣлг. старини*, изд. I и II.

О. Бодянский (О времени и г. н. XXXII, стр. 4) споменава за единъ ржкописъ отъ XVI в., пазенъ въ Тр.-Сергиевската лавра, въ който интересувашето ни „Сказаніе“ било озаглавено **О свитци книгъ**.

тание на „монахъ“ и „храбрецъ“. При досегашното схващане, че „черноризецъ Храбъръ“ билъ авторъ на статията, оставаше едно недоумение — какъ може една статия като нашата (която защитава едни опредѣлени писмена — писмената на Св. Кирила) да се означи само съ думата „За писмената“. Сега става ясно, че защитата е за „храбровитѣ писмена“, за „светитѣ писмена“, които не бива да бждатъ забравени, отречени и замѣнени отново съ гръцки, защото сж свети, по-свети отъ гръцкитѣ — *сѣтъ къ мъжъ сътворилъ и естъ*.¹ Най-подиръ става ясно, защо и до днесъ, близу 400 години откакъ е откритъ разказътъ „За писмената на храбрива черноризецъ“, не е открито, нито може да бжде открито друго нѣкое творение на нѣкой писателъ, носещъ името Черноризецъ Храбъръ; сжществуването на писателъ съ таково собствено име е невъзможно, защото въ най-раното време на старобългарската писменостъ би било хулно да си присвои човѣкъ таково име, а освенъ това — то не е било собствено име, защото „храбри“ черноризци и нечерноризци е могло да има много, напр. случаятъ съ разказа *ѡ нѣкоѡмь храбрѣ*.²

Други сж въпроситѣ за опредѣляне времето и автора на сказанието „За писмената на храбрива черноризецъ“. Може би новото освѣтление на „храбровската“ проблема ще допринесе и за тѣхното по-правилно разрешение.

София

Прот. Ив. Гошевъ

¹ И. В. Ягичъ, Изслѣдованія, I, 302 (изоставяме ударенията и придиханията). Ср. Й. Ивановъ, Бълг. старини, II изд., 445.

² Вж. ЖМНПр. 1914, мартъ, 139.

Kilka uwag o symbolicznem znaczeniu głównych postaci w „Krwawej pieśni“ P. Sławejkowa

t

Dzisiaj zwrócono już w dosatecznym stopniu uwagę na to, że główne osoby w *Krwawej pieśni* są zarówno artystycznemi kreacjami—biorą udział w akcji poematu — jak nosicielami pewnych idei, a jako takie mają znaczenie symbolów. J. n. p. w ostatnio wydanej monografji o Sławejkowie (Български писатели V, str. 82) pisze o *Krwawej pieśni*, że w niej „osoby nie tyle są osobami zdarzenia, ruchu, ile bohaterami jego (= Sławejkowa) myśli“.

Fakt ten długo uchodził uwagi badaczy, którzy, mierząc *Krwawą pieśń* kryterjami epopei i epiki wogóle, nie mogli sobie dać rady z kwestją podwójnej roli głównych osób poematu i byli skłonni uważać ją — jak wogóle całą charakterystykę głównych osób — za niedopatrzenie i błąd.

A przecież dla cudzoziemca, wychowanego na dziełach symbolicznych w literaturze ta okoliczność staje się jasna po uważnem przeczytaniu *Krwawej pieśni*. Polak n. p. po pierwszym przeczytaniu tego dzieła Sławejkowa odnosi wrażenie, że z podobnem zjawiskiem spotkał się we własnej literaturze, mianowicie u romantyków. U którego z nich?

Wiadomo, że *Krwawą pieśń* pisał Sławejkow pod wrażeniem i wpływem *Pana Tadeusza*. Ale w Mickiewiczowej epopei żadna z osób niema tego znaczenia symbolicznego; wszystkie te osoby to postaci żyjące życiem artystycznej rzeczywistości, nie pozwalające na najmniejszą możliwość symbolicznego wykładu. Ten—oczywisty—fakt należy przypomnieć dlatego, że—wobec widocznych związków zależnościowych między *Krwawą pieśnią* a *Panem Tadeuszem*—u ludzi mniej obeznanych z genezą i zasadniczym charakterem polskiej epopei — pod tym względem nie były w zupełności słuszne poglądy samego Sławejkowa, jak widać z jego artykułu o Mickiewiczu — mogłyby ewentualnie powstać przypuszczenia, że także w tym szczególe Mickiewicz użyczył Sławejkowi płodnej podniety; już tu trzeba, stwierdzić, że wprowadzenie symbolicznego znaczenia głównych osób dokonało się u Sławejkowa zupełnie samodzielnie, zgodnie z całym kierunkiem rozwoju jego twórczości. W Mickiewiczowych *Dziadach* — w części trzeciej — moglibyśmy wprawdzie znaleźć pokrewne zjawisko, jest ono jednak bardziej skomplikowane, dlatego będzie lepiej poszukać analogji u drugiego polskiego romantyka, u Słowackiego, który wywarł bez porównania większy wpływ niż Mickiewicz na polską literaturę w dobie

poromantycznej, a którego—dodajmy nawiasem — Sławejkow według wszelkiego prawdopodobieństwa nie znał. Gdyby Sławejkow znał Słowackiego napewno byłby zdziwiony tą zbieżnością własnych poglądów na rolę wodza w narodzie z nauką Słowackiego, wyrażoną przedewszystkiem w *Królu-Duchu*, co zauważa Jocow (op. cit. str. 82).

Słowacki—jak wiadomo—odznaczał się specjalną skłonnością do symbolizowania. Przejawiło się to zwłaszcza w ostatnim okresie jego twórczości; w *Królu-Duchu* mamy jedynie symbole. Ta skłonność jest u Słowackiego tak widoczna, że próbowano podkładać symboliczne znaczenie—oczywiście niesłusznie—postaciom z *Balladyny*. Jest jedno dzieło u Słowackiego, w którym główne osoby mają jakby Janusową twarz, rzeczywistego człowieka i cienia-symbolu. Tem dziełem jest *Anhelli*, którego akcja odbywa się na Syberji między polskimi wygnańcami. Zesłani przez rząd carski polscy wygnańcy przychodzą na ziemię sybirską, a Szaman, naczelnik tubylczego plemienia, który znał ojców tych wygnańców, także zesłanych na Syberję, zawiera z nimi przymierze. Z pośród wygnańców Szaman wybiera jednego, Anhellego i pokazuje mu wszystkie nieszczęścia i męki wygnańców. Anhelli, patrząc na straszny los braci, cierpi w najwyższym stopniu, te jego cierpienia przyniosą wygnańcom odkupienie. Obrazem rewolucji, która wyzwala wszystkie narody, kończy się poemat.

Nie wdając się w analizę tego dzieła, które dokładnie zostało omówione w monografji o Słowackim, napisanej przez prof. uniwersytetu we Lwowie Juljusza Kleinera, zwróćmy jedynie uwagę na to, że główne osoby *Anhellego* mają podwójne znaczenie. Są to po pierwsze osoby akcji: Anhelli jest wygnańcem, Szaman jest „królem ludu sybirskiego“. Ale — ponadto, a to jest ważniejsze i główne — osoby te są symbolami, każda z nich jest wcieleniem pewnej idei. Anhelli to symbol ofiary i odkupicielskiego znaczenia cierpienia, Szaman jest symbolem rozumu i doświadczenia, obóz wygnańców — to znowu symbol ówczesnej polskiej emigracji, żyjącej poza granicami kraju i właściwie reprezentującej cały naród przed forum Europy.

Wróćmy teraz do *Krawej pieśni*. Stwierdźmy przedewszystkiem, że Sławejkow nie miał bogatej fantazji, że więc nie mógł się posunąć do tego stopnia symbolistyki, co Słowacki. Ten brak bogatej fantazji słusznie widzi u wszystkich pisarzy bułgarskich prof. Penew i pod tym względem przeciwstawia ich przedstawicielom literatury polskiej (por. jego artykuł *Основни черти на днешната ни литература, Златогоръ II*). Po drugie zaś przypomnijmy, że, chociaż oparta o tło historyczne i pamiątki współczesnych dość wiernie, *Krawa pieśń* nie podaje realnego, pełnego obrazu stosunków w Bułgarji, na przełomie starej i nowej doby. Takim obrazem epicznym jest powieść Wazowa *Pod jarzmem*. Takim obrazem Polski na przełomie dwu epok jest *Pan Tadeusz*. Sławejkow niewątpliwie myślał o nakreśleniu takiego pełnego obrazu. Widać to z pierwszych ksiąg *Krawej pieśni*. O tem świadczą ponadto własne słowa Sławejkowa w biografji *Iwo Dolji* w tomie poezyj *Na wyspie szczęśliwych*. Sławejkow za-

czynął swój poemat pod znakiem szerokiego rozmachu epika. Ale równocześnie — już od początku — wdzierały się do poematu cechy symboliczne, które potem miały zyskać przewagę. Wojwoda, Mładen i Diwiśił w księdze pierwszej i drugiej — to jeszcze postaci w stylu epopei. Dwaj pierwsi — to typy ambitnych, pokłóconych ze sobą wodzów, typy zbliżone do Agamemnona i Achilleasa, jak piszemy na innem miejscu (por. artykuł Epopeiczny charakter „Krwawej pieśni“ Pencza Sławejkova, „Bratislava“ 1932). Diwiśił zaś — to typ charakterystycznego dla epopei starca, pokrewny i Nestorowi z *Iliady* i Maćkowi Dobrzyńskiemu z *Pana Tadeusza*, jak piszemy w artykule o mesjanizmie P. Sławejkova (w *Sborniku Matice Slovenskej*, ročník IX. 1931). Ale już w księdze trzeciej Wojwoda, Mładen i Diwiśił nabierają znaczenia symbolicznego, a znaczenie to rośnie coraz bardziej, jakkolwiek do końca nie tracą charakteru osób akcji; utrzymuje się w swej podwójnej roli w całym poemacie. Podobnie jest z Młdrytelem; już przy pierwszym wystąpieniu w poemacie Młdrytel jest zarówno osobą akcji, jak nosicielem i symbolem pewnej akcji: w tej podwójnej roli miał zostać do końca, jak widać ze szkicu Sławejkova, podającego treść pieśni ósmej.

Na tem polega zasadnicza różnica symboliczności głównych postaci *Anhellego* i *Krwawej pieśni*. W dziele Słowackiego odrazu wyczuwamy, że symboliczne znaczenie osób i scen jest czemś głównem i decydującem, że nie można odrywać tej symboliczności od scen i osób, bo wtedy one tracą znaczenie. U Sławejkova te główne osoby żyją życiem podwójnem, w równej mierze istnieją, jako osoby epicznego poematu i personifikacje pewnych idei. Jest w tem pewna niejednorodność. Nie wiemy, jakiby zajął względem niej stosunek Sławejkow przy ostatecznej przeróbce poematu, którą planował, a której nie zdołał dokonać. Prawdopodobnie ta niejednorodność zostałaaby w dalszym ciągu, może nawet zostałaaby, wzmocniona symbolicznością głównych osób, bo w tym kierunku szedł rozwój ideologii Sławejkova. W dzisiejszej formie *Krwawa pieśń* łączy w sobie epopeiczny charakter, właściwy n. p. *Iliadzie* czy *Panu Tadeuszowi* z symbolicznością, charakterystyczną n. p. dla *Anhellego*.

Trzeba stwierdzić, że naturze talentu Sławejkova lepiej odpowiadał poemat w rodzaju *Anhellego*. Gdyby Sławejkow poszedł wyłącznie drogą symbolizacji i abstrakcji, stworzyłby jednolity, zwarty poemat; o wiele łatwiej i naturalniej mógłby wtedy wyrazić swoją patriotyczną ideologję, co w dzisiejszej formie *Krwawej pieśni* uczynił w dialogach, które są właściwie monologami, charakter dialogów jest tu tylko maskowany. Tendencje epopeiczne i zabarwienie symboliczne odbiły się ujemnie na wewnętrznej logice i spójności dzieła.

Ale bez względu na wszystkie braki i niedociągnięcia, ideologja *Krwawej pieśni* zadziwia głębokością i śmiałością. Odpowiednie partje poematu są wymowne i jasne świadectwem, że Sławejkow myślał dużo i długo o tragicznych losach swego narodu, że walczył z pesymizmem i zwątpieniem, poszukując dla siebie i swego narodu wartości trwałych,

„niezmiennych w zmianie“, że był kością z kości swego narodu, ukochał go i przepowiadał mu lepszą przyszłość. Pełne serdecznej troski, napięcia myśli, wiary i nadziei w wielką przyszłość narodu bułgarskiego są pierwsze słowa Diwisiła z pieśni szóstej:

О, азъ Войводата обичамъ. Но въ Младена
е моята душа — макаръ че е и той
не Той. Въ Младена азъ съзирамъ какъ и кой
предъ моя погледъ се за бѣднето създава.
Младенъ — очакваный за подвигъ предвещава.
Предтеча е Младенъ на онзи, който онгъ
не е роденъ — но вечъ, въ пробудената нощъ
на свойто битие, заражда го народа.

— — — — —
Младенъ е първия отъ онзи рой безчетенъ
борци, които днесъ се раждатъ, отъ сега
на пъть излизатъ. . .

Tak przemawiali do narodu polskiego jego pisarze-wodzowie w najtrudniejszych i najcięższych chwilach. Taką wiarę głosili Mickiewicz, Słowacki i Krasiński, Sienkiewicz, Żeromski i Wyspiański. Ich nadzieje i przepowiednie się spełniły. Wierzymy, że się spełnią nadzieje i wiara Sławejkowa.

Jeśli Sławejkow głosił taką wiarę, jeśli dla wyrażenia swych myśli sięgał do symbolów, w tem widzimy dowód, że był zrośnięty, jak nikt inny z duszą swego narodu, jak pisze prof. Penew o nim (Wъ родната земя, Златорогъ II. str. 349). Ten charakter symboliczny łącznie z całą ideologją patriotyczną stanowi najcenniejszą wartość Krwawej pieśni. Koncepcja dziejów bułgarskich, podana przez Sławejkowa, a zdobyta przez niego kosztem osobistego szczęścia, jest oryginalna, wielka i może być płodna w przyszłości. Pod tym względem Krwawa pieśń jest jedynem dziełem literatury bułgarskiej i świeci wysoko, niby słońce witające z nad szczytów Bałkanu¹.

Bratislava

Władysław Bobek

¹ Przy pisaniu tego artykułu autor miał do dyspozycji bardzo krótki przeciąg czasu; dlatego też szczegółowe porównanie koncepcji wodza u Sławejkowa i Słowackiego odkłada autor na później.

Македония въ италианскитѣ архиви

Македонскитѣ земи, такива, каквито ги знаемъ днесъ, се споменуватъ твърде често въ срѣдновѣковнитѣ извори. Голѣмитѣ природни богатства на тѣзи земи, които включвали въ своитѣ граници недостъпни планини и плодородни равнини, осигурявали на нейнитѣ заселници най-разнообразна стопанска дейность и завидно благосъстояние. Поради това и Македония е била посещавана още отъ най-древни времена отъ търговци изъ близки и далечни страни, а нейнитѣ градове сж били винаги центъръ на голѣма производителность и значителна материална култура.¹

За македонскитѣ земи се говори твърде много въ италианскитѣ архиви. Въ това отношение последнитѣ сж съвсемъ неизследвани. Въ нѣколкократното си посещение на голѣмитѣ държавни архиви въ Венеция, Генуа, Римъ и Анкона азъ се убедихъ, че тѣ съдържатъ действително много цененъ материалъ, засѣгащъ не само стопанската, но и политическа история на обширнитѣ македонски земи.² Не по-малко цененъ въ това отношение е и Дубровнишкиятъ архивъ, още повече, че той е по-пълненъ отъ всички.³

Сравнително по-основно азъ имахъ възможность да се запозная съ материалитѣ, съхранявани въ голѣмия Archivio di Stato въ Венеция. За жалость, въ него не сж запазени архивитѣ на голѣмитѣ венециански колонии въ Цариградъ-Пера, Солунъ, Варна и др.. Запазени сж само отчасти архивитѣ на венецианцитѣ отъ островитѣ Кандия, Кипъръ, Родосъ и др. по-второстепенни селища около Срѣдиземно море. Тѣй като спазенитѣ документи сж все пакъ неизброими по количество, азъ се ограничихъ да изследвамъ главно нотариалнитѣ актове отъ 14 в. на кандийскитѣ нотариуси, и то безъ завещанията (testamenta).

На друго мѣсто азъ имахъ възможность да говоря подробно за нотариалнитѣ документи на нѣкои кандийски нотариуси отъ края на 14 в.⁴ Презъ последната пролѣтъ азъ посетихъ отново венецианския

¹ Вж. по-подробно статията ми „Търговията на Македония презъ VII—XIV в.“ въ сп. Македония год. I, кн. VI, стр. 9-23.

² Д-ръ Ив. Сакъзовъ, Търговията на България съ Анкона презъ 16 и 17 в. по нови извори, Известия на Историческото дружество кн. IX, 1929, стр. 1-44.

³ Часть отъ тѣзи материали сж издадени въ книгата ми „Стопанскитѣ връзки между Дубровникъ и българскитѣ земи презъ 16 и 17 в. София 1929, стр. 1-246.

⁴ Вж. Д-ръ Ив. Сакъзовъ, Новооткрити документи отъ края на XIV в. за българи отъ Македония, продавани като роби, въ сп. Македонски прегледъ, год. VII, кн. 2-3, стр. 1-66.

архивъ и се спрѣхъ върху актоветъ на други нѣкои нотариуси отъ градоветъ Фамагоста, Негропонтъ и Кандия, и то отъ първата половина на 14 в.

Общо взето, актоветъ на всички тѣзи нотариуси сж еднообразни. Това сж договори за покупко-продажби на стоки съ точно означение на ценитъ имъ, изчислени въ мѣстни монети, наемни договори, обвезателства и др. Особено изобилствуватъ договори за продажба на християнски роби — като резултатъ на каталонскитъ нашествия въ Балканския полуостровъ въ началото на 14 в. и епохата на турскитъ завоевания въ края на сжщия вѣкъ. И дветъ тѣзи събития, които засѣгатъ политическата история на балканскитъ народи, сж намѣрили пълно отражение въ актоветъ на прегледанитъ отъ насъ кандийски нотариуси. Друга една характерностъ на тѣзи архивни материали е обстоятелството, че съставителтъ на актоветъ е вписвалъ не само народността на продаденитъ роби, но и тѣхното мѣсторожение. Разбира се, всичко това хвърля голѣма свѣтлина върху народностния характеръ на македонскитъ земи, като се опредѣля конкретно, коя е била преобладаващата националностъ въ полуострова. Отъ изобилния материалъ на нотариалнитъ архиви на венецианскитъ колонисти въ островитъ Кандия, Кипъръ и Родосъ изследвачтъ ще се убеди по несъмненъ начинъ, че въ почти всички македонски земи презъ течение на цѣлия 14 в. българитъ сж били преобладаващата народностъ. За гърци се говори твърде много, обаче като главно население на голѣмитъ градове край Срѣдиземно море и Тесалия. Срѣбската народностъ почти не е спомената.¹ Венецианскитъ нотариални архиви даватъ сжщо така голѣмъ и цененъ материалъ за историята на много градове и селища въ македонскитъ земи. Тѣ споменуватъ твърде често селища, които днесъ не сжществуватъ и които сж изчезнали още въ епохата на турскитъ нашествия.

Най-много материалъ биха се намѣрили въ тѣзи документи за стопанската и културна история на всички балкански народи. Тукъ изследвачтъ би могълъ да научи въ най-голѣми подробности движението на голѣмата левантска търговия и участието, което сж имали въ нея балканскитъ земи.

Следъ тѣзи общи бележки азъ ще се опитамъ да запозная читателя въ общи черти съ съдържанието на нѣкои по-типични документи отъ архивитъ на венецианскитъ нотариуси.

Най-старитъ нотариални актове сж на кандийския нотариусъ Stefano Vopo (а. 1303—1323). Това сж нѣколко коли отъ пергаментъ, на които сж написани гжсто въ хронологически редъ нѣколко хиляди нотариални договори отъ частноправенъ характеръ. Това, което ни интересува въ тѣзи актове, сж нѣколко продажби на роби — българи, гърци, власи и др. Всички тѣзи документи ни даватъ значителенъ материалъ за вътрешната история на македонскитъ земи и най-главно — за етническия характеръ на южнитъ области на Балканския полуостровъ. Така:

¹ Вж. пакъ тамъ, стр. 18, 19.

На 20 май 1315 г. е завѣрена една декларация за освобождение на единъ робъ българинъ на име Кириякъ (*Chiriaco bulgaro*).¹ Седемъ месеца по-късно е продаденъ единъ робъ отъ Вардарско (*de loco Uardare*).² На 18 февруарий следната година е продаденъ отъ единъ генуезки търговецъ единъ грѣкъ на име Яни, доведенъ отъ каталонцитѣ презъ време на тѣхната окупация на гр. Атина (*quem conduxit de societate catellanorum de Athene*).³ Очевидно е, че тукъ става дума за заробени грѣци отъ каталонскитѣ отреди, чиито опустошения стигнали до Атина. Тамъ по-късно тѣ образували самостоятелно пиратско княжество. Споменатото въ кандийскитѣ нотариални актове „каталонско съдружие“ се срѣща и въ други извори.⁴

Заробванитѣ отъ каталонцитѣ християни били продавани на проходещитѣ генуезки търговци, които отъ своя страна търгували съ тѣхъ на разни италиански тържища. Има регистрирани случаи, когато самитѣ каталонски пирати продавали заробени въ македонскитѣ земи българи и грѣци.⁵

Сведенията, които ни дава нотариусътъ Боно, се потвърждаватъ отъ актоветѣ на нотариуса *Andrea Bellamore* (а. 1318-1341), сѣщо кандийски нотариусъ. На 13 септемврий 1319 г. е продадена една влахия отъ с. Селия въ областта на Домого, купена по-рано въ Атина отъ каталонцитѣ. Споменува се и друга влахия отъ Верия.⁶

Отъ м. януарий 1319 год. се намира едно ценно сведение за единъ българинъ отъ гр. Касандрия, заробенъ тамъ отъ каталонцитѣ и продаденъ въ гр. Кандия за 10 златни перпера⁷. Нѣколко години следъ това се говори за други българи, отвлѣчени отъ околноститѣ на гр. Солунъ. Споменува се единъ българинъ на име Никола отъ Полигеро, Солунско, който е билъ освободенъ отъ робство презъ 1325 г. въ Кандия.⁸

Въ архивитѣ на Венеция азъ консултирахъ още и актоветѣ на нотариуса *Nicolo Boateril* (а. 1355-1365) отъ града Фамагоста на островъ Кипъръ. Между другитѣ ценни сведения, които даватъ неговитѣ актове, въ нѣкои отъ тѣхъ се намиратъ и такива за българи и грѣци отъ

¹ Актъ отъ 20 май 1315 г., индиктионъ 13 на нотариуса *Stefano Bono* въ *Archivio notarile* — Венеция.

² Актъ отъ 10 ноемврий 1316 г., инд. 15 на сѣщия нотариусъ.

³ Актъ отъ 18 февруарий 1316 г., инд. 15 на сѣщия нотариусъ.

⁴ К. Иречекъ, *Исторія Болгаръ*, Одесса 1878. стр.

⁵ Актъ отъ 8 юлий 1323 г., инд. 6 на сѣщия нотариусъ. Въ него се говори за робиня Ирина, българка, продадена за 18½ перпера отъ нѣкой си Джулио Каталонецъ.

⁶ Актъ отъ 13 септемврий 1319 г., инд. 3 на нотариуса *Андрея Беламоре* въ *Archivio notar.* — Венеция. „*Cal de nacione blachorum de Dhomogo de casali vocato Selia quam emi Athenis a catelanis de compagnia*“.

⁷ Актъ отъ 9 януарий с. г. на сѣщия нотариусъ. „*Unum meum sclavum nomine Iochanem de nacione bulgarum de partibus Casandrie, quem emi in Casandria a catelanis*“.

⁸ Актъ отъ 29 май 1325 г., инд. 8 на сѣщия нотариусъ. „*Nicolao bulgaro sclavo meo de nacione bulgarum de loco qui dicitur Poligero de partibus Thessalonichi . . .*“

Солунъ и крайбрѣжието на Черно-море, заселени на островитѣ Кипъръ и Родось.

Сравнително най-много материалъ, който освѣтява етничния характеръ на Македония, се намира въ актоветѣ на другъ кандийски нотариусъ — Bresciano Manoli (а. 1351-1383)¹. Азъ успѣхъ да извлѣка повече отъ 600 нотариални сдѣлки, засѣгащи българи и грѣцки колонисти и роби отъ македонски произходъ, заселени главно следъ 1374 г. въ гр. Кандия и околнитѣ села. Споменати сж имената на българи отъ Солунъ и околията², Битоля³, Дебъръ⁴, Охридъ⁵, Деволъ⁶, Прилепъ⁷, Сѣръ⁸, Костуръ⁹, Мелникъ¹⁰, Скопие¹¹, Велесъ¹² и Струмица¹³. Срѣщатъ се още българи отъ Търново¹⁴, Костеново¹⁵, Лазаро¹⁶, Пчиня¹⁷, Ново-бруно¹⁸, Цамбро¹⁹, Строндицо²⁰, Подого²¹, Цвѣтица¹², Юсконица²³ и др. Съ изключение на Солунъ и Костуръ, останалитѣ села и градове въ македонскитѣ земи сж посочени като родни мѣста само на българи. Сърби сж споменати само нѣколко души отъ гр. Прищина²⁴. Грѣцкитѣ колонисти сж главно отъ Солунъ, Тесалия и отчасти Костуръ. Споменати сж власи отъ южна Македония — Беръ и Костурско.

Отъ актоветѣ на нотариуса Брешиано се научава ценното сведение, че между македонското население е било популярно името „Македония“, което е означено като родно мѣсто на отвлѣчени въ робство мѣстни жители²⁵. По тѣзи нотариални документи изследвачтъ може да проследи въ подробности движението на турскитѣ орди и тѣхнитѣ упо-

¹ Споредъ каталога на Archivio notarile това сж документи на двамина нотариуси — Antonio и Manoli Bresciano. Почеркътъ и техниката на актоветѣ обаче издаватъ, че тѣ сж работа на единъ нотариусъ.

² Актове отъ 10. III. 1382 инд. 5; 5. XII. 1382 инд. 6 и 24. IV. 1388 инд. 11.

³ Нотар. актъ отъ 31. X. 1381 Инд. 5.

⁴ Актъ отъ 14. V. 1381 инд. 4.

⁵ Актъ отъ 24. IV. 1383 инд. 6.

⁶ Актъ отъ 21. IX. 1382 инд. 6.

⁷ Актъ отъ 28. IX. 1382 инд. 6.

⁸ Актъ отъ 5. VII. 1382 инд. 5.

⁹ Актъ отъ 4. XI. 1381 инд. 5.

¹⁰ Актъ отъ 7. VI. 1381 инд. 4.

¹¹ Актъ отъ 7. II. 1381 инд. 5.

¹² Актъ отъ 21. IX. 1382 инд. 6.

¹³ Актъ отъ 2. VII. 1387 инд. 10.

¹⁴ Актъ отъ 14. II. 1381 инд. 5.

¹⁵ Актъ отъ 24. VI. 1382 инд. 5.

¹⁶ Актъ отъ 28. VIII. 1382 инд. 5.

¹⁷ Актъ отъ 15. X. 1382 инд. 5.

¹⁸ Актъ отъ 9. I. 1382 инд. 6.

¹⁹ Актъ отъ 7. II. 1382 инд. 6.

²⁰ Актъ отъ 7. II. 1382 инд. 6.

²¹ Актъ отъ 7. II. 1382 инд. 6.

²² Актъ отъ 8. VI. 1383 инд. 6.

²³ Актъ отъ 13. VI. 1383 инд. 6.

²⁴ Актове отъ 26. I. 1382 инд. 6.

²⁵ „Anna . . . de loco vocato Machedonia“ актъ отъ 10. VII. 1382 инд. 5.

стошения въ македонскитѣ земи презъ осемдесеттѣ години на 14 в. Увѣренъ съмъ, че, ако се изследватъ и другитѣ нотариални архиви на нѣкогашнитѣ венециански колонии въ срѣдиземноморскитѣ острови ще могатъ да се намѣрятъ още много ценни сведения за второто българско царство и специално за македонскитѣ земи въ епохата на окончателното заселване на турцитѣ на Балканския полуостровъ.

Въ венецианскитѣ архиви се съхраняватъ не малко материали и отъ началото на 15 в. — най-тъмната епоха отъ историята на балканскитѣ народи. Тѣ обаче хвърлятъ повече свѣтлина върху стопанската история, като политическиятъ елементъ остава на заденъ планъ. Отъ тѣхъ може да се види, че Македония представя едно стопанско цѣло съ главенъ изходъ на море гр. Солунъ. Тамъ намѣрихъ една ценна търговска книга отъ 1436 г. на венецианския корабоприетажатель Iacopo Badoer. Той е търгувалъ въ Цариградъ и е посещавалъ повечето отъ пристанищата въ Черно и въ Срѣдиземно море. Въпрѣки близостта на турската граница, той е търгувалъ твърде много съ „загорски восъкъ“ отъ София и съ кожи отъ Тракия и специално отъ Одринъ. При все че рѣдко, той е закупувалъ стоки и отъ македонскитѣ земи. Така той си е доставялъ чрезъ Солунъ „charne de porcho de Salonichi“¹. Благодарение на голѣмия брой евреи и италиански колонисти въ гр. Солунъ, това главно пристанище на македонскитѣ земи е подържало оживени търговски връзки съ Венеция и Анкона. Това се потвърждава отъ една търговска книга на фамилията Prioli отъ 1505 година. Въ нея се говори твърде начесто за износъ на голѣми количества lana di Salonichi за Венеция². За голѣмъ износъ на солунска вълна се говори и въ неизследванитѣ още книги на търговската кжца Barbarigio въ Венеция отъ 1529 година³.

София

Ив. Сакъзовъ

¹ Arch. di Stato, Венеция, Mastro di Jacopo Badoer (a. 1436-1439) fol. 324.

² Archivio Correr, Венеция, Mastro di Francesco Prioli (a. 1505-1509) fol. 115, 117, 120, 122 и 124.

³ Arch. di Stato, Венеция, Mastro di Casa Barbarigio (a. 1528-1541) fol. 28.

Имената на два крайдунавски града

1. Видинъ

Общозвестно е, че днешното име на западнобългарския крайдунавски градъ Видинъ представя, подобно на имената на повечето крайдунавски градове, остатъкъ отъ старата предславянска топонимия на Балканския полуостровъ, колкото и на пръвъ погледъ да звучи то като чисто славянско, безъ да напомня дори отдалечъ старото келтско име *Вононіа*, отъ звуковетѣ на което е спазенъ единъ единичкъкъ споменъ — съгласната *п*.

Като преходно между едното и другото име застава старобългарското име на сжщия градъ *Бѣдынъ*, което се срѣща подъ тая си форма до късно. Така то се намира въ Дубровнишката грамота на българския царъ Иванъ Асенъ II, издадена следъ 1230 г.: *дѣ Бѣдынѣ*, или Браничова и Бѣлграда (вж. Ильинскій, Грамоти болгарскихъ царей, Москва 1912); сетне въ приписка къмъ едно срѣднобългарско евангелие отъ 1348 г., сега въ Лондонъ: въ велицѣмъ ѿ многочлчнѣмъ градѣ Бдынѣ (вж. д-ръ П. Т. Гудевъ, СБНУ VIII 167), па дори и подиръ падането на България подъ турска властъ, срв.: на "Истрѣ рѣцѣ Бдынскыи" градоу црѣтвоуеи црѣ, въ житието на Св. Петка отъ Григория Цамблакъ отъ 1483 г. (обнародвано сега у Йорд. Ивановъ, Бѣлг. стар. отъ Македония² 434), Гра Бдынъ, въ Зографския поменикъ отъ XVI-XVII в. (пакъ тамъ стр. 496), Гра Бди — въ сжщия поменикъ (1728 г. — пакъ тамъ 514). Срв. сжщо въ добавкитѣ къмъ Манасиевата хроника: Съ Василіе црѣ разби Самвѣла цра Българоу подваж. ѿ прѣ Бди, ѿ Плискъ, и Ве Прасла (срв. въ Хилендарския преписъ у Йорд. Ивановъ, ц. с., с. 623). Старобългарската форма на името се предава на грѣцки като *Видѣнъ*, срв. *θρονος Видѣνης*, както е означена Видинската епископска катедра въ надписа на абсидата на Самуиловата църква Св. Ахилъ въ Прѣспа (вж. Θ. И. Успенскій, ИзвРАИ въ Константинополѣ III 189; у Йорд. Ивановъ ц. с. 57: *θρονος*) *п. Видѣнъ*, сжщо *τὸν δ'ἐπισκοπὸν Βοδίνης*, въ грамотата на Василия II отъ 1020 г. (както е напечатана сега у Йорд. Ивановъ ц. с. 557); сетне *αἱ μέγαι Βοδίνης* въ 1073 г. (у Никиф. Бриен. 110) и пр. Сжщата старобългарска форма е възприета и въ маджарски (*Bodon*), па се срѣща и въ западноевропейскитѣ срѣдновѣкови грамоти като *Budyn* (*castrum Bulgariae Budyn*), *Budun* и *Bodun* (срв. Tomaschek, Zur Kunde der Nämus-Halbinsel II, 17), а сжщо и другаде, напр. у арабина Идризи (1153 г.): *Bidini* или *Bidini*.

Отдавна е разяснено, а днесъ е и общеприето, че отликата въ консонантизма на старобългарското *Бѣдынъ* срещу келтското *Вононіа*

се дължи на дисимиляция: $d-n < n-n$. Случая съ това име пръвъ приведе W. Schulze KZ XLII (1909) 27 при обяснението на началното d в n въ общослав. и старобълг. *devętzъ*, сжщо лит. *devintās*, срещу стпрус. *nevints* и т. н. като последица отъ сжщо такава регресивна дисимиляция. Колкото се отнася до вокализма, загребскиятъ романистъ Р. Skok въ ново време се задоволи просто да отбележи, че първото неударено o е минало въ $ъ$ („le o inaccentué passe à $ъ$: *Bononia* > *Vędinъ*, *Corinium* > *Kęrinъ*“) като добавя при това за сравнение и *kęmotrъ*—*kęmotra* < *commater* (вж. *Revue des Études slaves* X, 1930, p. 194). Не въ всички случаи, разбира се, неудареното o въ латинскитъ и изобщо предславянски елементи, минали въ славянски, потъмнява въ $ъ$. Въ случая, несъмнено, това потъмнение се дължи, както и при *commater* > *kęmotrъ*, *kęmotra*, на съседството на носова съгласна, подъ чието влияние o е минало въ u , което по-нататкъ, като всъко кратко u , е минало въ $ъ$. За това влияние на n и m вж. у мене Бълг. прегл. I. 3, стр. 424. Все по сжщата причина и второто $-o-$ въ *Bononia* е минало въ u , което подъ ударение се е схващало като дълго и законно застъпено на славянски отъ *ѹ* (други подобни примѣри вж. у Иречекъ Псп. I, 1882, с. 34 бел. 2). Познато е, че въ чуждитъ елементи въ славянски и други вокали, напр. a , сж се схващали подъ ударение като дълги, а неударени като кратки, и съ огледъ къмъ това тѣ сж подложени на съответни промѣни, така напр. лат. *altāre* > стб. *олѣтар'ъ* и под. срв. M. Bartoli, *Riflessi slavi* 32 sq.

Много по-любопитно е, какъ отъ старобълг. *Бѣдѣнъ*, което остава като *Бдин* до късно, дори до XVIII в., когато тепърва се явява и форма *Видин* (срв. хаджи Цвѣтка из' Видина, 1774 г., у Йорд. Ивановъ БСт² 269, Видин-града, 1804 г., п. т. 231, и пр.), се е получило новобългарското име *Видин*. Народноетимологичното сближение съ глагола *видя* и легендата за основаването на града отъ нѣкаква баба Вида, за което говори Ив. Д. Шишмановъ, Приносъ къмъ бълг. народна етимология СБНУ IX, стр. 576, не могатъ обясни или обясняватъ само отчасти появата на новобългарската форма. Догадката на Йорд. Ивановъ, Българитъ въ Македония², стр. 11, заб. 1, че новобългарското име е заето отъ новогр. *Vędivę*, *Vędivę* (изгов. *Vidini*), независимо отъ различното ударение, не почива на реални основи. Въ западна България, а особено въ околността на Видинъ, гръцко население, отъ което българитъ би могли да заематъ това име, е нѣмало и нѣма, вследствие на което и самото новогръцко име на сжщия градъ е заето отъ български: това българско име, следователно, се чете и въ гръцки надписи, като напр. *ἐκ Βιδίνης* отъ 1783 г. (у сжщия БСт.² 279) и под. Не по-малко несполучливъ е и опитътъ да се разтълкува новобългарската форма на името отъ турски, както прави напоследъкъ и поменатиятъ проф. Р. Skok, който, осланяйки се върху съчинението на маджарския ученъ Nemeth Gy., *A honfoglaló magyarság kialakulása* („Die Ausbildung der ungarischen Landesereberer“ S. 294, Anm. 2), категорично заявява, че v вмѣсто b и вокалтъ i , който навѣрно е вметнатъ за да улесни турцитъ въ изговора

на трудната славянска консонантна група, могли да се получатъ само чрезъ турско посредство („*v* anstatt *b* und der Vokal *i*, welcher wohl deshalb eingeschoben ist, um den Türken die schwere slav. Konsonantengruppe zu erleichtern, kann nur auf die türkische Vermittlung zurückgehen“, — вж. Zeitschrift für Ortsnamenforschung VII, 2, 1931, p. 160). Прибѣгването до чужди езици за обясняване нови форми въ езика е изобщо единъ твърде лесенъ начинъ за решаване езикови проблеми, въ повечето случаи обаче той се е показвалъ излишенъ и погрѣшенъ, особено когато се е прилагалъ и тамъ, гдето реална основа — контактъ съ инородното население — нѣма. Въ западна България, както се знае, не само гръцко, но и турско население изобщо е нѣмало отъ край време. Действително въ самия градъ *Видинъ*, като крепостъ, сж живѣли малко турци, но не бива тъкмо тѣмъ да се приписва производътъ и разпространението на новата форма на името въ цѣла България. Никои градъ въ тоя български край нѣма турско име, така че и формата *Акчаръ* (*Akčar*) вмѣсто *Арчаръ* (*Arčar*), име на близката до Видинъ крайдунавска паланка, за което говори и Skok въ сжщото списание (VII 1, S. 35, Anm. 2), очевидно не се е добила отъ турски следъ сближение съ тур. *ak* „бѣлъ“, но се дължи на дисимиляция $r-r > k-r$, каквато и самъ той допуска. Знае се, че дори потурченото име *Русчук* на източнобългарския крайдунавски градъ *Русе* не се е възприело отъ околното българско население, въпрѣки близостта на компактно турско население тукъ, съ което българитѣ сж били въ постоянни сношения.

Азъ мисля, че новобългарската форма *Видин* може да бжде разтълкувана и по законитѣ на новобългарската фонетика. Следъ изпадането на първия и на краесловния *ѣ* въ стб. *Бѣдынъ* и по-късната замѣна на *ѣ > и*, получила се е форма *Бдин*, която, както видѣхме, е засвидетелствуванa и въ неотколешни писмени паметници. Консонантната група *bd* обаче е трудно произносима въ български, сжщо както и съответната беззвучна група *pt*, която обикновено въ българскитѣ диалекти се замѣня съ *ft*: *фтѣца*, *фтѣче* вм. *птѣца*, *птѣче* и под.; срв. сжщо *колевка* покрай *колебка* (у Цоневъ, СБНУ XVIII 359). Така и формата *Бдин* е могла за по-лесенъ произносъ да мине въ *Вдин*, която тепърва скоро се е промѣнила, може би не безъ влияние отъ страна на поменатото народноetimологическо сближение, въ *Видин*.

Сжществуването на форма *Vdin* може да бжде подкрепено и отъ народното ромънско име на сжщия градъ *Diu* (диал. сжщо *Dzii*), което предполага едно междугласно палатално *n'*, изчезнало по законитѣ на ромънската фонетика, но което е сжществувало въ едно старо българско прилагателно притежателно *Бѣдын'ъ*, напр. *Бѣдын'ъ градъ*, срв. цитуваното по-горе *Видин-града*. Това се потвърждава особено отъ употребителната у ромънското население отъ околността на самия Видинъ форма *Vdie* < *Vdiŋe*, която Weigand Jahresbericht VII, 1900, 18 погрѣшно извежда, заедно съ новобълг. *Видин*, отъ гр. *Βιδύνη*.

2. Силистра

Малко по-иначе стои работата при тълкуването на днешното име на града *Силистра*, старобългар. *Дръстръ*, *Durostorum*, стара крепост на долния Дунавъ, разположена на мѣстото, гдето голѣмата рѣка веднага завива на северъ и се разклонява въ рѣкави.

Старото тракийско име на тоя историченъ градъ е добре познато и често засвидетелствувано подъ форма *Durostorum*, *Durostorus*, *Doro-storus*, у ранитѣ византийски писатели *Δουροστόλος*, *Δοροστόλος*, *Δοροστόλος*, и Thomashek, Die alten Thraker II 2, 81, добре се досѣща, че това име е образувано по сѣщия начинъ, както тракийскитѣ мѣстни имена *Καλούστορος*, *Βηλαστοῦραι*, *Καλιστοῦρα*, *Gestistyrum*, чиято втора съставна частъ *-στυρον*, *-στοῦρα*, *-στορος* свързва съ санскр. *sthāra* и под. и тълкува като „силенъ, здравъ, голѣмъ“, сѣщо както първата съставна частъ свързва пѣкъ съ лат. *durus*, келт. *duro-*, ир. *dúr* „здравъ, силенъ“, осет. *dor*, *dur* „камѣкъ“ (пакъ тамъ р. 73), едно значение, което твърде подхожда за именуването на една крепостъ — твърдиня.

По-късно обаче пакъ у византийскитѣ писатели сѣщиятъ градъ се именува и *Δρίστρα*. Така, при известието за общото нападение на гърци и маджари срещу българския царъ Симеонъ около 893 г. у Левъ Граматикъ (р. 359) се казва, че последниятъ е билъ принуденъ да се затвори преди всичко въ крепостъта *Δρίστρα* (*ἐν τῇ Δρίστρᾳ*), която отъ Симеона до Цимиския (925-972) е била седалище на българския патриархъ. Все подъ това име (... *τῆς Δρίστρας* ...) се споменува сѣщиятъ градъ и у Константина Багрянородни (de adm. imp. 42). За това и за по-нататъшната история на града вж. у Tomashek, Zur Kunde der Balkan-Halbinsel II 18 сл. Срв. още: *τον Δρίστρας ἐπίσκοπον* въ грамотата на Василия II отъ 1020 г. (у Йорд. Ивановъ, Българ. старини² 557), *περὶ τὴν Γλαβινίτζαν καὶ Δρίστραν* (1083 г., срв. Tomashek ц. м.), а особено споменуването на архиепископа *Δαμιανὸς ἐν Δωροστόλῳ τῇ νῦν Δρίστρᾳ* въ Дюканжовия списъкъ на българскитѣ архиепископи отъ XII в. (по ржкописъ отъ XIII в. въ Народ. библиот. въ Парижъ, срв. Йорд. Ивановъ ц. с. 566) или на епархията *τὸ Ῥοδόστολον ἧτοι ἡ Δρίστρα ἢ τῆς Αἰμιμοντίας*, споредъ известието на Нилъ Доксопатъръ отъ 1143 г. (пакъ тамъ с. 564), гдето се намиратъ последни реминисценции отъ старото име на града.

Що се отнася до по-новото име *Δρίστρα* у визант. писатели, то представя гръцко предаване на старобългарското име *Дръстръ*, род. п. *Дръстра* (отъ Дръстра), което българскитѣ славяни още въ VI в., при заселянето си на долния Дунавъ, възприели отъ мѣстното тракийско население, като го приспособили по изговоръ къмъ своя езикъ. Отъ тѣхъ то е преминало и у рускитѣ славяни, срв. *Дерстръ*, *Дерестръ* въ киевската Повѣсть врем. лѣтъ. Това име се предава и у арабския пътувачъ Идризиди (1153 г.) като *Deristra* (срв. Tomashek, Zur Kunde 18). Това име е засвидетелствувано по български паметници до XVI в., срв.: Дръстръ

градъ владалец; кефаліем Дръстерским, въ грамота на влашкия воевода Мирчо, владѣль отъ 1386—1418 г. (у Милетичъ СбНУ IX 327); отъ града Дръстора, въ приписка къмъ евангелие въ Хилендаръ, отъ XVI в. (у Йорд. Ивановъ ц. с. 267), въ Дръстѣ (въ Хиленд. преписъ на Манасиевата хроника отъ XVI в., пакъ тамъ 622), или въ Дрострѣ емоу сѣшоу (с. 623), когато това име се замѣня вече съ новото име *Силистра*, както се срѣща то въ Зографския поменикъ отъ XVI-XVII в. (гра^т Силистра, пакъ тамъ 496) и пр.

Върху произхода на това последното име, което е днесъ не само българско, но и ромънско (*Silistra*) и гръцко (*Σιλίστρα*), и турско, и руско, до колкото зная, до сега не е писано отъ никого. По мое мнение, то представя твърде любопитна преправка на по-старото българско име Дръстръ, причинена преди всичко отъ повтарянето на сроднитѣ консонантни групи *dr* и *tr* въ дветѣ срички на думата, на което се дължи и изчезването на *r* въ цитуванитѣ по-горе форми на това име: *Δρηστα* (още въ XII в.), въ Дръстѣ или *Διστρο*. За разтълкуването на името *Силистра* трѣбва да се изхожда отъ израза *съ Дръстра* „изъ Силистра“, срв. днешното име на Цариградъ *Стамбул* (турски *Istambul*) отъ новогр. [εἰ]ς τὴν Πόλιν „въ града“ (изговаряно: *Stimboli*) (P. Kretschmer въ *Jagic-Festchr.* 553 сл.). Така отъ **sъ drăstra* > **s-drăstra* > **străstra* би се получило чрезъ дисимиляция *r-r* > *l-r* *Slăstra* и понататъкъ *Slăstra*, което въ чужди уста или по съзвучие съ нѣкоя друга дума би могло да мине въ *Slistra*, една форма, която е и засвидетелствувана отъ XVI-XVII в. (вж. по-горе: гра^т Силистра, въ Зографския поменикъ). Отъ тамъ вече може лесно да се дойде до днешната форма на името — *Силистра*.

Изглежда, че изложениятъ тукъ произходъ на името *Силистра* < *съ Дръстра* ще да е станалъ въ езика на околното турско население отъ Делиормана, което отъ вѣкове живѣе въ сѣдство съ тоя градъ, и отъ тамъ така измѣненото име е възприето и отъ самитѣ българи.

София

Ст. Романски

Nachtrag zu alb. *sëmbër* (S. 121 ff.).

Bei Niederschrift der obigen Ausführungen sind mir durch eine bedauerliche Verkettung der Umstände einige neuere Schriften, die die slav. Sippe: russ. *sjabr* — skr. *sëbar* behandeln, entgangen. Da ich mir die meisten von ihnen inzwischen beschaffen konnte und Wert darauf lege, zur bisherigen Literatur vollständig (im Rahmen des Erreichbaren) Stellung zu nehmen, hole ich das Versäumte hier nach. Ich nenne zunächst die Arbeiten von B. Ljapunov (*Sëmьja, sjabr — šabër*: Sbornik statej v čestь A. I. Sobolevskogo = Sborn. otd. russk. jaz. 101/30, 1928, S. 257-263) und K. Oštir (Predslov. **sëbьrь* „zadrugar“: Etnolog 4, 1930, S. 1-28). Die Bemerkungen A. Vaillants (Slavia 11, 1932, S. 38-40) gelangten hierher, als meine Ausführungen bereits niedergeschrieben waren. Auch sie seien im folgenden besprochen. Hingegen kenne ich A. I. Sobolevskijs Deutung (Uč. zapiski v. školy g. Odessy 2, 1922, S. 61-62) auch jetzt nur aus der Abhandlung Ljapunovs (a. a. O.) und aus dem kurzen Auszuge Idg. Jb. X, Abt. XII B, № 280=S. 365. In sachlicher Hinsicht ist allen diesen Erklärungen, von denen im übrigen jene Sobolevskijs, Ljapunovs und Vaillants einander sehr nahe stehen, das gemein, dass sie für die ursl. Grdf. von russ. *sjabr*, skr. *sëbar* eine Grundbedeutung „Sippengenosse“ (u. ähnl.) ansetzen. Auch Oštir setzt a. a. O. (S. 28) ein alteurop. (vorthrak.-illyr.) **Dzë(n)bir zadgura*=Grossfamilie an die Basis seiner Entwicklungsreihe. Ich verweise auf das im Texte Bemerkte. Was die Erklärung des Wortstammes betrifft, so treffen Sobolevskij, Ljapunov und Vaillant insofern zusammen, dass sie den slav. Terminus zur Sippe von *sëmьja* stellen, wobei Sobolevskij und Vaillant **sëm-b-ro-* als Grdf. ansetzen, während Ljapunov (a. a. O. S. 262) **šim-b-r-*, somit eine mit *sëmьja* ablautende Form, als Ausgangspunkt betrachtet wissen will, nicht ohne auf die lautliche Schwierigkeit einer Grdf. **sëm-b-r-* hinzuweisen: die Entstehung der slav. Nasalvokale geht der slav. Monophthongierung der Diphthonge — und Sobolevskij wie Vaillant gehen von **koim-* aus — voraus. Wesentlich will mir noch ein Umstand scheinen; und dieser Einwand gilt sowohl gegen den Ansatz **sьm-b-r-*, **šim-b-r-* (Ljapunov) als gegen eine Grdf. **sëm-b-r-*, **koim-r-* (Sobolevskij, Vaillant): die Akzentverhältnisse (skr. *sëbar* gegenüber russ. *sjábr*) empfehlen solche Grundformen nicht. Ich habe im Texte **sëm-bьr-* angesetzt und sehe jetzt, dass schon Oštir (a. a. O. S. 3) auf die Notwendigkeit eines langvokalischen Ausgangspunktes des slav. Nasalvokals hingewiesen hat. Die Priorität Oštirs sei für diese Ermittlung

gerne festgestellt, wie denn Oštir a. a. O. auch zutreffend die Unwahrscheinlichkeit einer rum. Weitergabe von gr. *σύμβολα* an das Slav. hervorhebt. Was nun Oštirs Anschauung selbst betrifft, die ein slav. **sebrerz* Mitglied der Grossfamilie als alteurop. Relikt mit thrak. *ξιβροθίδες γνήσιοι* vergleicht und weiterhin Anschluss an etr. **zenpir* alter sucht, so möchte ich in prinzipieller Hinsicht zunächst auf meine wiederholten Bemerkungen über die erkenntnistheoretische Berechtigung dieser mit dem voridg. Stufenwechsel operierenden Deutungsart (z. B. Idg. Jb. XIII Abt. VII № 161; X, Abt. VII № 109) verweisen. Der von Oštir angenommene rechtsgeschichtliche Ausgangspunkt, der m. E. in den Tatsachen nicht begründet ist, wurde schon hervorgehoben. In dieser Hinsicht ist dem nach Oštirs Erklärung nicht anders zu beurteilen als die anderen soeben erwähnten Arbeiten; nicht anders auch als H. Peterssons Variante der im Texte besprochenen Anschauung Solmsens: Petersson verknüpft das slav. Wort mit der idg. Bezeichnung für „Sippe“ unter: **sebh-er*, gen. **sebh-n-es*, woraus **sembhnés* (Stud. üb. d. idg. Herteroklisie 71).

Wien

Norbert Jokl

Показалець

1. Имена

а. Лични имена

- Абдуль Меджидъ 519, 535.
 Abele A. 285.
 Absalom 574, 575.
 Аввакумъ, протопопъ 171.
 Авитохоль 573, 574, 575.
 Авксентий Велешки 541.
 Аврамъ 319.
 Agrell S. 9.
 Агура Д. 626.
 Адженовъ, Иванъ П. 380, 385.
 Азадовски, М. К. (Azadovskij M. K.) 198, 479, 480, 481, 482, 484, 486, 487, 488.
 Акиба бен-Юсеф, рабби 334, 338.
 Акиль 319.
 Аксаков 604.
 Александриецъ Оригенъ 339.
 Александъръ, сръбски князь 535.
 Александъръ Богомиръ 636.
 Алексеев Иоанн 605.
 Алексиевъ Вл. 542 сл.
 Алексиевъ Н. 49, 52.
 Али-паша, великъ везиръ 385, 386, 392, 396, 397.
 Ал-Мамунъ, халифъ 311, 320.
 Альтман М. 412, 426.
 Ambrozi Sv. 22.
 Амвросий 594.
 Amurat 460.
 Амфитеатровъ Филаретъ, киевски митрополитъ 345.
 Анастасий Библиотекаръ 310, 314, 315, 633, 635, 637.
 Ангеларий 637.
 Ангеловъ Б. 467.
 Andrea Bellamore 651.
 Антимъ 516.
 Anzilotti A. 405.
 Appéndini, Francesko Maria 401.
 Априловъ В. 522.
 Арауа 453.
 Арнаудовъ М. 379, 381, 382, 476, 477, 519, 521, 522, 524, 534.
 Arnim, V. von 573 сл.
 Арсений о. 362, 365, 366.
 Арсеньевъ Н. 477.
 Асенъ II 95.
 Ascoli Graziadio 406.
 Атанасий Александрийски 634.
 Атанасова Е. 290.
 Attila 574.
 Augustin 22.
 Афанасьев А. (Afanasiew, 468, 469, 470, 472, 474, 486.
 'Αχειτόφελ 574, 575.
 'Αχιτοβελ 575.
 Axitofel 575.
 Ahitophel 575.
 Asbóth Oskar 149.
 Badoer, Jacopo 653.
 Байков М. 186.
 Бакунин 412.
 Balan P. 405.
 Бальзак 415.
 Balthasar 573.
 Бандтке 600.
 Бантыш-Каменский 597, 604.
 Барский, В. Г. 605.
 Барсовъ Е. 361, 362, 592.
 Bartal 558.
 Bartek H. 271.
 Bartoli M. 655.
 Bartoš J. 245, 259, 260, 262, 280, 281.
 Bashkimi 138, 142, 143, 144.
 Баузе 595.
 Баязидъ 460.
 Bezmègъ 574.
 Becking 491.
 Bèljajev 23.
 Belins 448.
 Беличь А. (Belić A.) 70, 284, 286, 287, 298.
 Белски 602.
 Бем А. 409 сл.
 Benedetti, A. de 405.
 Bergmann 271.
 Bartoli M. 655.
 Bergsten Nils 91.
 Berneker E. 77, 81, 100, 120, 121, 137, 138, 470.
 Bernolák 147.
 Беронъ П. 522
 Бессонов П. 370, 371, 373, 591, 592, 594, 595, 596, 601, 606, 608.
 Бетманъ (Bethmann) 626, 628, 629, 630, 631.
 Behaghel Otto 72, 91.
 Bezenberger 126, 129, 130.
 Бешевлиевъ В. 495 сл.
 Bianchini Giuseppe 626.
 Bjedrich M. 502.
 Biondelli 401.
 Bissaens E. 365.
 Bystroñ 244.

- Бицилли П. 199 сл., 416, 431.
 Blahoslav 245.
 Blümer L. 480.
 Bobek Wl. 645 сл.
 Bogatyrev P. 479 сл.
 Bogdan 143.
 Bogoev 371.
 Богомила 636, 637.
 Богориди Конаки 391, 392.
 Бодуенъ де Куртене Я. (Baudouin de Courtenay) 192, 248, 283, 285, 296, 300, 471.
 Бодянки О. 643, 639, 640.
 Beauclieux Léon 88 и сл.
 Болховитинова Евг. 600, 607, 608.
 Боратынский 604.
 Борисъ I, царь 626, 627, 631, 632, 634, 635, 637.
 Борковский 194.
 Боровичка, бѣлградски консуль 390.
 Ботйовъ Хр. 82, 84, 85.
 Bott 454.
 Bohorič 153.
 Bošković 277.
 Bohn 445.
 Bracciolini Francesco 404.
 Brandl V. 465.
 Бранимиръ, хърватски князь 628.
 Бранковичъ Вукъ 460.
 Браславъ, хърватски князь 628.
 Bremer Otto 91.
 Bresciano Manoli 652.
 Broch O. (Brok) 65, 113, 190, 191, 192, 195, 260, 268, 277.
 Брюкнеръ А. (Brückner A.) 22, 103, 122, 129, 165, 166, 167, 242, 248, 250, 309, 310, 471.
 Brugmann В. 75, 120, 121, 125, 126, 129, 284, 285, 289.
 Brunialti A. 407.
 Бубрих 472.
 Вуга 129.
 Будде, Е. Ф. 193.
 Budenz Josef 148, 149.
 Бузук П. 256.
 Булгаковъ Ф. 481, 600.
 Буле 595.
 Буопассорси Filippo 400.
 Бурмовъ Т. 519.
 Бурсуков Н. 599.
 Бурцев В. 598, 600, 608.
 Busetti 143.
 Boutelje, A. E. 262, 263, 265.
 Butler С. 362, 363, 365, 367.
 Вазовъ (Wazow) 81, 82, 83, 84, 85, 108, 406, 646.
 Weigand G. 70, 71, 75, 143, 657.
 Vaillant André 26 сл., 68, 292, 659.
 Weingart M. 260.
 Vajs Josef 21 сл., 466.
 Wackernagel 73, 75, 86.
 Walde A. 120, 126, 129, 137, 138, 150, 475.
 Valeria, весталка 447.
 Варда 314.
 Васильевъ А. 308, 309, 311, 316, 320, 353.
 Васильев, Л. Л. 194.
 Василиевъ Г. 407.
 Василий Македонецъ 309, 310.
 Vasiliov Konstantin 370.
 Васичъ, консуль 393, 395.
 Васнецов, Н. М. 193.
 Vever 436, 437, 439.
 Вейкъ Н. В. (Wijk N. van) 27, 60, 63, 71, 267, 269, 283, 284, 293, 361 сл.
 Велегнѣвъ 636, 637.
 Веленко 636.
 Величковъ К. 81.
 Wędkiewicz 145.
 Венелинъ Ю. 371, 524, 605.
 Venetianer Ludwig 338.
 Veranzio Antonio 402.
 Verantius 128, 147.
 Вергилий 446.
 Verdinois 401.
 Верковичъ Ст. 32.
 Веселовский 469, 470, 474.
 Весин С. 598.
 Вѣтринскій Ч. 480.
 Wächter Th. 495, 496.
 Wiggers 72.
 Wiedemann O. 290.
 Vising 72, 73.
 Viktorin 447.
 Викторовъ, А. 361.
 Wilamowitz-Moellendorff 495.
 Vilém Pauliny Tóth 447.
 Villemarqué 353.
 Вилинский, С. Гр. 106.
 Winkler 75.
 Виноградов, Г. С. 183, 195, 198, 415, 425, 591 сл.
 Wyspiański 648.
 Витошински, Е. М. 347.
 Wiçaz Oto 501.
 Вишегнѣвъ 636.
 Владимиров 194.
 Влайковъ Т. Г. 299.
 Vlainac Mil. (Wlainatz) 128, 134.
 Voјnoviç С. 407.
 Волконска Зинаида 597.
 Волоколамскій Иосифъ 332.
 Voltaire 443.
 Вондракъ В. (Vondrák W.) 1, 7, 15, 26, 27, 48, 56, 60, 61, 62, 64, 101, 119, 120, 135, 244, 251, 253, 283, 284, 285, 289, 290, 291, 292.
 Воскресенскій, Г. А. 346, 347, 369.
 Востоков А. 191, 300, 596, 597, 603, 605, 607.
 Вук-Леванович 195.
 Vruho J. P. 119.
 Вукашинъ 460.
 Vulpesco M. 476, 477.
 Wundt 75.
 Вяземскій 604.
 Гавриловъ, А. В. 345.
 Geitler L. 22, 23, 100, 291, 468, 469, 470.
 Gallimachus 449.

- Гамалииль I 337.
 Gamillscheg E. 166.
 Гарибалди 398.
 Гарнакъ, Адольфъ фонъ 338.
 Gartner 293.
 Гаудерихъ 310, 314.
 Гебауеръ Я. (Gebauer J.) 62, 70, 245, 253, 259, 260, 264, 283, 289, 292, 296.
 Gelzer H. 96, 106, 107, 517.
 Геннадій, архієпископъ новгородски 321, 322, 323, 331, 332.
 Генесий 310.
 Gječov Stj. 138, 139.
 Gjergi Fishta 138.
 Георги, асикритъ 308, 309, 316.
 Георгий, попъ 529.
 Георги Хамартоль 573.
 Георгиевъ Михалаки 81, 82, 83.
 Геровъ Н. 370, 513.
 Gaertner H. 297.
 Gesemann G. 490 сл.
 Geftcken, F. H. 407.
 Гильтебрандтъ, П. А. 348.
 Гильфердинг 468, 470.
 Ghirandi, G. V. don Bosco 407.
 Глинка С. Н. 595.
 Глубоковскій Н. 333 сл.
 Говоровъ, епископъ Теофанъ 344.
 Говоров К. 191.
 Гоголь 423, 424, 425, 604.
 Godin 142, 143, 146.
 Головкинъ 207.
 Голубинский Е. 321.
 Gombocz 75, 120, 123, 124, 125.
 Горнфельд, А. Г. 414.
 Горскій А. В. (Gorskij A. V.) 26, 322, 343, 347.
 Горскій-Платоновъ, П. И. 343.
 Гэрчаковъ, принцъ 396.
 Gorjaev 149.
 Gostun 574.
 Gauthiot R. 284.
 Gotčár J. 447.
 Гошевъ, прот. Ив. 639 сл.
 Goethe 452, 460, 490.
 Grabinski V. 407.
 Grassmann 75.
 Grebjanovič Lazar 460.
 Греч 191.
 Грибоедов 604.
 Григорий Богословъ 313.
 Григорий, митрополитъ 514, 516, 520.
 Григоровичъ-Барскій 206.
 Григоровичъ В. 524.
 Григоровичъ И. И. 597, 602.
 Grimm J. 131, 490.
 Гринченко 188, 473.
 Гроссман Л. 412.
 Грот, Я. К. 180, 186.
 Грунскій 639.
 Грушевскій М. С. 257.
 Grünenthal O. 70 сл., 253.
 Guagnini Alessandro 400.
 Gubernatis, A. de 401, 405, 406.
 Guicciardini F. 406.
 Guyon B. 404, 406, 407.
 Гудевъ П. Т. 654.
 Gyöngyösi 453.
 David 574, 575.
 Давидовичъ Мстиславъ, князь 201.
 Дайнеловъ Йосифъ 380, 390.
 Даль Вл. 120, 127, 182, 243, 257.
 Dalimil 447.
 Dalmatin 153.
 Данииль, игуменъ 177, 178, 179.
 Данииль, митрополитъ 520.
 Данииль, пророкъ 336, 348.
 Даничић 185, 294, 287, 293.
 Daukšas 122.
 Della Torre 626, 627.
 Delbrück 73, 74, 75, 86.
 Денкоглу 370, 376.
 Densusianu O. 124, 126.
 Державин Н. С. 504 сл.
 Державин 190, 191.
 Дершфи У. 561, 262, 563, 564, 565, 566, 567, 568.
 Джейнаровъ, О. И. 475.
 Джулло Каталонецъ 651.
 Giovio Paolo 400.
 Djoudjeff Stoyan 108.
 Диккенс 415.
 Diels P. 27, 61, 62, 101, 283, 288, 300.
 Dietrich Franz 73, 118.
 Димитрий летописецъ 592.
 Димитровъ Г. 522, 534.
 Długos 448.
 Дмитриев И. И. (Dmitrjev, I. I.) 438, 604.
 Дмитриевскій Ал. 641.
 Dobrzycki 244.
 Добровольский, В. Н. 181, 184, 185, 186, 193.
 Добровски Й. 600, 602, 603, 606, 628.
 Doglioni, Gian Nicolò 404.
 Dozon 469, 470.
 Доксъ 638.
 Долинин 412.
 Долопчев В. 193.
 Dom E. Cozzi 144.
 Dopsch A. 132.
 Дороватовская-Любимова, В. С. 429.
 Doroszewski 129.
 Достоевский 409 сл.
 Drahomanov M. 501, 503.
 Драгомиръ 637.
 Дриновъ 635.
 Дроздовъ Филаретъ 333.
 Dudík V. 465.
 Дурихъ Форт. 23, 606.
 Дурново, Н. Н. (Durnovo N. N.) 170, 179, 186, 188, 189, 190, 192, 195, 275, 276, 289, 294, 295, 483, 484.
 Дюверноа Г. А. 513.
 Дюканжъ (Du Cange) 513, 657.
 Дьяконовъ 201.
 Ebert 453.
 Ewil-Merodach, краль 573.
 Евсѣевъ, И. Е. 347.

- Евтимий, патриархъ 96.
 Ездра 335, 337, 340.
 Эйхенбаум Б. 411, 412.
 Екатерина, императрица 439, 442.
 Екмечки Мустафа-бей 379.
 Елеонскій, О. Г. 346.
 Елизавета, императрица 577, 582.
 Endzelin, J. M. 71, 122, 197.
 Erben 501, 502, 503.
 Ереминъ 361.
 Erpout 120.
 Эстергази Н. 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568.
 Aethik 21, 22, 23.
 Ефремов П. А. 591, 592.
 Жандръ 112.
 Ждановъ, И. Н. 353.
 Žeromski 648.
 Жирмунскій 113.
 Житецкій 293.
 Жуковский 604.
 Záborský J. 447, 448, 449, 452, 453, 457, 459, 460, 462.
 Zako A. 119.
 Sáh Fel. 448.
 Зедерголь К. 608.
 Zejler H. 499.
 Зергобула 637, 638.
 Златарски В. Н. 324, 626, 631, 632, 634, 636, 640.
 Златоустъ, св. Иоаннъ 339.
 Znojilšek 153.
 Zoli C. 406.
 Solmsen 126, 138, 475, 660.
 Zubatý J. 268, 272.
 Ivaldi, C. A. 405.
 Ив. Асенъ II 654.
 Ivanova V. 22.
 Иванов Вяч. 432.
 Ивановъ Д. 50, 51.
 Ивановъ, Ив. С. 379, 385.
 Ивановъ Йорд. 56, 57, 309, 324, 351, 355, 357, 466, 524, 534, 626 сл., 639, 640, 642, 644, 654, 655, 657, 658.
 Ивановъ Юрданъ 381.
 Иванов-Разумник 411.
 Ивиѣ, д-ръ А. 389, 390, 392, 399.
 Игоръ, князь 201.
 Идризи 654, 657.
 Икимовъ 53, 54.
 Иларионъ, дьяконъ 519, 525.
 Иларионъ, епископъ 519, 520, 527.
 Иларионъ Критски 514, 516, 517, 518, 520, 524.
 Иларионъ Макариополски 540, 541.
 Иларионъ, митрополитъ 522.
 Илиевъ Ат. 469, 470.
 Илиевъ Георги 370.
 Ильинскій, Г. А. (Iljinskij G.) 65, 97, 98, 101, 102, 103, 149, 150, 151, 248, 249, 251, 257, 258, 292, 467 сл., 639, 640, 654.
 Jireček Jos. 448, 449.
 Иречекъ К. (Jireček Konst.) 123, 124, 125, 128, 129, 130, 131, 134, 135, 136, 511, 626, 632, 635, 651, 655.
 Jireček Herm. 465, 629.
 'Hováž 574.
 Ирина, робиня българка 651.
 Jrnik 574.
 Jelaghin 434, 436, 437, 438, 439.
 Jenny E. 133.
 Jensen 75.
 Jeřábková K. 501.
 Jeronym 21, 22, 23.
 Иеропольскій, К. А. 189.
 Йоакимъ, патриархъ 514.
 Јојаким, краль 573.
 Йоанъ, Граматикъ 320.
 Йоанъ Дамаскинъ 312.
 Йоанъ, екзархъ български 604, 608, 634, 638.
 Йоанъ VIII, папа 633, 635, 637.
 Йоанъ, патриархъ 308, 319.
 Йоаникий, митрополитъ 516, 520.
 Joannes de Thurocz 448.
 Иоасаф, архіепископ Ростовски 344.
 Йовковъ Йор. 81.
 Jokl Norbert 118 сл.
 Jony 447.
 Jordan J. P. 499, 500.
 Josika 448.
 Йосифъ Соколски, архіепископъ 540.
 Јосія, іудейскій царь 340.
 Jocow 645, 646.
 Jotzoff D. 406.
 Jud J. 118.
 Kadavy Jan 448.
 Кадлецъ К. (Kadlec K.) 127, 128, 555, 556.
 Кайсаров А. С. 597.
 Калайдович К. 95, 106, 361, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608.
 Kálal 151, 281.
 Kalenský 482.
 Калимаки, принцъ 385.
 Калина 283.
 Калиникъ, митрополитъ 516, 520.
 Kalinčák 452.
 Калмыковъ 480, 481.
 Канини, Марко Антонио 398.
 Canini, M. A. 406.
 Kanun 141.
 Capidan 145.
 Караджичъ Вукъ (Karadžić V.) 98, 135, 147, 150, 371, 490, 602, 606, 608.
 Карамзин 181, 191, 458, 459, 596, 597, 600, 604, 607, 608.
 Karatěev Vasilij 370, 373.
 Carrera A. 405.
 Каринскій 185.
 Karl G. 297.

- Карлъ IV, императоръ 627.
- Карлъ Плешиви 314, 315.
- Karłowicz 248, 281.
- Карский, Е. Ѳ. (Karski E.) 95, 101, 103, 171, 179, 185, 187, 190, 192, 198, 256, 258, 289, 295, 362.
- Касабовъ, д-ръ И. 338, 392, 395.
- Катрановъ Никола 370, 371, 372, 373, 375, 376.
- Каченовски М. Т. 600.
- Кашгари 634.
- Kašik A. 259, 280.
- Кашин Н. 428, 430.
- Кедринъ Г. 354.
- Кемпънъ, Фрайхеръ фонъ 382, 386, 389.
- Кеппен П. 505, 597, 602, 603, 605, 607, 608.
- Кизветтеръ 204.
- Kieskers 81, 86, 87.
- Киприанъ, митрополитъ 599, 600.
- Кирилл, епископъ Туровски 599, 608.
- Кириль, патриархъ 514.
- Кириякъ (Chiriaso bulgario), робъ българинъ 651.
- Кирпичниковъ А. И. 483.
- Кисимовъ П. 395, 523, 529, 530, 531, 533, 534, 536.
- Kisfaludy 453.
- Kleiner J. 646.
- Клаус А. 505.
- Klemensiewicz Z. 291.
- Klementjev 487.
- Климентъ, епископъ български 369.
- Клонимиръ 637.
- Kobler F. 133.
- Kozierowski St. 251.
- Козма презвитеръ 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 642.
- Kollár 448, 455.
- Colocci A. 405.
- Комарович В. 427, 430.
- Konarski-Julender 147.
- Konstantin, sv. 22, 24, 25, 27.
- Константинъ Асенъ, царь 95.
- Константинъ Багряно-родни 310, 657.
- Константинъ епископъ 634, 642.
- Константий, митрополитъ 520, 523.
- Константинъ Философъ 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 640, 642.
- Копитаръ (Kopitar) 22, 606.
- Cordiguano F. 141.
- Корольковъ, I. H. o. 344.
- Корсунскій, П. Н. 343, 345.
- Коршъ Ф. 113, 164.
- Kos Fr. 626.
- Косаковски Ян 602.
- Kosančić Ivan 460.
- Kostal 482.
- Kott 280, 281.
- Котляревский А. А. 592.
- Котовъ Федотъ 206.
- Котошихин 181, 185, 191.
- Kotsmich V. 259.
- Коцель, панонски князь 629.
- Кочубинский А. А. 592, 604.
- Кошутинъ Род. 190.
- Krasiński Z. 250, 468.
- Krasicki 243.
- Красносельцевъ, Н. Ф. 352, 353, 357.
- Кремлевский А. 221, 321.
- Kretschmer P. 658.
- Крылов 183.
- Kryński 243.
- Kristoforidhi 142, 144.
- Cronia Arturo 400 сл.
- Крумъ 637.
- Krumbacher 309.
- Kubáni L. 449.
- Kubin J. 482, 483.
- Kukuljevič 128, 350.
- Кулинъ, дѣдо Иванъ 383.
- Кульбакинъ, С. М. 24, 27, 56, 60, 98, 99, 100, 101, 102, 257, 283, 284, 285, 286, 287, 289, 290.
- Куприяновъ З. Н. 489.
- Курганов 191.
- Курило О. 257.
- Kur't 574.
- Kurschat 122.
- Kušar G. 406, 407.
- Кънчовъ В. 49.
- Кюхельбекеръ 112.
- Кямиль-бей 396.
- Лавровъ, П. А. 32, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 106, 107, 174, 190, 193, 194, 195, 307, 309, 313.
- Laziczius J. 270.
- Ламански 23.
- Lamberteschi P. 407.
- Lappo-Danilevskij 127.
- Lafontaine 119.
- Лебедевъ, В. К. 346.
- Левъ Граматикъ 657.
- Levi P. 407.
- Levstik 153.
- Легоцкий Ф. 555, 556, 557, 562, 568, 571.
- Leger 469, 470.
- Legey 476.
- Лековъ Ив. 282 сл. 661 сл.
- Леонардъ 415.
- Леонтий, епископъ Неаполитански 106.
- Lehr-Sprawiński T. 60 сл., 246, 283, 289, 296.
- Lerck 71.
- Лермонтов 426, 604.
- Лескинъ А. (Leskin A.) 7, 9, 10, 15, 23, 263, 283, 289, 290, 292.
- Lessiak Primus 164, 165.
- Лецъ Иванъ 567.
- Liewe r 269.
- Ливий 445, 446.
- Lidén 126.
- Lingenthal Z. 545, 548, 553.
- Linde B. 147, 243, 248.
- Лихачев, Н. П. 595.
- Lokotsch K. 257.
- Ломоносовъ 181, 182, 183, 191, 193, 194, 196, 596.
- Lorentz 244, 289, 296, 297, 299.

- Loriš J. 259, 260, 263.
 Лось Я. (Łoś J.) 60, 77, 242, 244, 253, 283, 296.
 Лудолфъ, графъ, австрийски посланикъ въ Цариградъ 397.
 Luca, B. de 406, 407.
 Лукреция 445, 446.
 Luxin 437.
 Lucić Hannibal 128.
 Lucio Giovanni 404.
 Lučickij 127.
 Львъ Солунски 312, 314, 318.
 Ляпунов, Б. М. 95 сл., 659.
 Ляцкій, Е. А.
 Лященко, А. И. 592.
 Магазиновичъ, сръбски агентъ въ Букурещъ 399.
 Magiera 243.
 Магочи Ф. 556, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567.
 Мазепа 577.
 Mazon A. 271, 370 сл., 639, 640.
 Meyer G. 74, 122, 124, 125, 131, 134, 136, 137, 140, 142, 143.
 Meyer, K. H. 130, 294, 299.
 Meyer-Lübke 71, 133, 145.
 Meyer P. 353.
 Maineri B. 406.
 Meissner B. 478.
 Макарий, митрополитъ 516, 520.
 Макаров М. 603.
 Maximian, kaiser 573.
 Малала И. 354.
 Małeckі A. 243.
 Małeckі M. 301 сл.
 Malinowski 470.
 Mantegazza V. 405, 406.
 Maretić T. 290, 299.
 Маринъ, попъ 529.
 Мариновъ Д. 476.
 Marquart J. 311, 574, 635.
 Марко, апостоль 628.
 Марко, евангелистъ 626, 628.
 Марковъ О. 555 сл.
 Манковъ Хр. 53.
 Марковски, Ив. С. 336, 340.
 Marcotti G. 407.
 Martini, F. M. 407.
 Marulo Marko 400.
 Матей Граматикъ 513.
 Матей, митрополитъ 520.
 Матей хаджи 542.
 Matusiak 244.
 Matúš Trenčansky 447, 448.
 Matzenauer 471.
 Maser Hraban 21.
 Máchal J. 502.
 Медаковичъ, д-ръ Данило 383, 388.
 Meillet A. 7, 27, 28, 61, 63, 75, 120, 121, 140, 253.
 Melich J. 120, 123, 124, 125, 147 сл.
 Menarini G. 405.
 Mercadante 447.
 Методий (Méthode) 27, 319, 320, 642.
 Методий, архиепископъ 307.
 Мехмедъ Али-бей, турски консулъ въ Българъ 396.
 Miedel Julius 91, 92, 93.
 Migne 641.
 Mikkoла J. J. 7 сл., 276, 293.
 Миклошичъ (Miklosich Fr.) 17, 97, 98, 100, 103, 122, 123, 124, 126, 128, 129, 136, 139, 140, 143, 146, 147, 148, 149, 199, 200, 203, 280, 283, 292, 634, 635, 636, 641.
 Милевъ Н. 398, 404.
 Milewski T. 101, 284.
 Милетичъ Л. 33, 52, 57, 171, 287, 290, 292, 299, 510, 511, 542, 544, 550, 657.
 Migne 635.
 Minga 119.
 Мирчевъ Д. 50.
 Мирчевъ К. 56 сл., 661 сл.
 Михаилъ III императоръ 308, 309, 310, 315, 316, 629, 633.
 Михаилъ монахъ 641.
 Михайловичъ Алексѣй, царь 171.
 Михайловъ, А. В. 346.
 Михайловъ, Б. Ф. 198.
 Mickiewicz A. 645, 648.
 Мышцынъ, В. Н. 345.
 Мыладеновъ Ст. 48, 50, 60, 64, 65, 66, 67, 68, 71, 101, 145, 287, 299.
 Мойсей 319.
 Молиеръ 414.
 Molnar I. I. 371.
 Монфоконъ 628.
 Maçzyński 242.
 Мореловский Йос. 601, 602, 605, 606.
 Morin, P. Jan 22.
 Мочульский, В. Н. 350, 352, 354, 355, 357, 358.
 Moszyński K. 256, 475 сл.
 Mrazék J. 259.
 Mrongowjusz 248.
 Mucke, K. E. 246, 275, 297.
 Муретовъ, М. Д. 347.
 Murko M. 484, 485, 486, 487, 489.
 Musoni 401, 406.
 Мустафа Агя-бей 389.
 Мустафа-бей 379, 380.
 Мутавакиль халифъ 310, 316.
 Much R. 129.
 Muller 120.
 Мякотинъ В. 576 сл.
 Nabuchodonosor 573.
 Nawka M. 503.
 Нарожній 596.
 Начевъ 355.
 Нахтигаль Р. (Nahtigal R.) 284, 285, 286, 287, 293, 350, 351, 352, 353.
 Nėvy Lad 445.
 Невоструевъ, К. И. 26, 322, 347.
 Nezabudov 451.
 Nemeth Gy. 655.
 Niemcevicz 243.
 Неофитъ Бозвели 518, 519, 521.

- Неофитъ Византиецъ 514, 516.
 Неофитъ, митрополитъ 518, 519, 520, 521, 535.
 Нептунъ 468.
 Nehring 242.
 Несторъ, летописецъ 594, 607.
 Несторъ, монахъ въ Печерския манастиръ 177, 179.
 Nesundicus vagantur 635.
 Niederle 120, 463 и сл., 469, 478.
 Niketa (biskup) 22.
 Никита Византийски 309, 312.
 Никифоровский, Н. Я. 184, 475.
 Никовъ П. 378 сл., 530.
 Никола, князь 396.
 Никола Софийски, Св. 513.
 Nikolaj, bulharský biskup 500.
 Николай, папа 632.
 Nicolo Boateril, нотаріусъ 651.
 Никольскій А. А. 172.
 Никольскій Юрий 432.
 Nitsch K. 242 сл., 257, 278, 289, 296.
 Novák L. 268, 271.
 Новаковић 30, 32, 35, 36, 37, 38, 40, 128, 134, 355.
 Norcza 141, 142.
 Норовъ, А. С. 178.
 Oblak V. 26, 47, 48, 50, 283, 293, 294.
 Obilić Miloš 460.
 Обнорскій, С. П. 199.
 Обреновичъ, князь Милошъ 390, 391.
 Огіенко Ів. 23, 208 сл.
 Ogołowskuj 298.
 Оканъ Симонъ 399.
 Омортагъ 638.
 Ончуков, Н. Е. 181, 198, 483.
 Orbini Mauro 404.
 Orgelbrand 248.
 Орѣшковичъ 392.
 Оригенъ Александріецъ 339.
 Осипов, Н. Е. 417.
 Ossowski L. 255 сл.
 Островски 414, 430.
 Otrębski J. 63, 64.
 Oštir K. 258, 659, 660.
 Павлина, патриархъ 626.
 Pavlov K. 501.
 Павловичъ Христаки 533.
 Pawłowsky 147.
 Паисій Пловдивски 541.
 Peisker J. 164.
 Palárik 459.
 Palauzov, Spiridon Nikolaevič 370.
 Palacký 448.
 Панаретъ, митрополитъ 518, 519.
 Panin P. 436, 437, 439, 442, 443.
 Panini 73, 74.
 Пановъ И. 332.
 Pascu G. 146.
 Páta J. 498 сл.
 Patanjali 74.
 Paul D. 134.
 Пашевъ, Г. Ст. 540 сл.
 Pedersen H. 60, 61, 143.
 Пеневъ Б. (Penew B.) 379, 381, 382, 383, 384, 385, 387, 390, 391, 646, 648.
 Perwolf 128.
 Первухинъ, С. А. 344.
 Pergošić Ivan 128.
 Персика, дъщеря на царъ Михаила 635.
 Pertz 22.
 Peterson Axel 409.
 Petersson H. 660.
 Петранова, баба Гуна Вълкова 382.
 Петровъ, А. Л. 556.
 Петровъ, д-ръ Боби 380, 381, 384, 385, 387, 389, 390, 391, 392, 399.
 Петровъ К. 181.
 Petrović A. 500.
 Петровская, Ю. В. 189, 191.
 Petöfi 453.
 Petrus, съветникъ на Бориса 635.
 Петъръ Велики 207.
 Петъръ I руски 578.
 Pečnik K. 294.
 Pigafetta Antonio 402.
 Пиколо Н. 522.
 Piccolomini, Enea Silvio 400.
 Пышинъ, А. Н. 353.
 Pirchegger Simon 167.
 Pietkiewicz Cz. 475.
 Pjeh, Kf. B. 500.
 Pletersnik 147.
 Плетнев Р. 433.
 Погодин М. П. 591, 592, 595, 599, 604.
 Погорѣловъ Валерій 168 и сл.
 Rokorny 120, 126, 129, 138, 139.
 Polívka J. 357, 483, 488.
 Поликарпов Федор 186.
 Ponsard Fr. 446.
 Popović G. 488.
 Попивић J. 433.
 Поповичъ Матей 381.
 Поповъ А. Н. 322, 365, 573, 575.
 Поповъ Н. П. 347.
 Поповъ Черню 379, 380, 390.
 Попруженко М. 321 сл., 642.
 Португаловъ 481.
 Порфирьевъ 352.
 Possevino Antonio 400.
 Посошковъ 204, 205.
 Pot 475.
 Потенбня 199, 200, 204, 206, 257.
 Потоцки Ян 606.
 Pražák Albert 444 сл.
 Прахі, дъщеря на Бориса 630.
 Прасковья, царица 206.
 Пратасовъ, графъ Н. А. 343.
 Prenschen E. 363, 365, 367.
 Преображенскій В. 126, 129, 149, 361.
 Пресианъ 638.
 Pribevus Vincenzo 403.

- Прибина 629.
 Прокешъ, баронъ 386.
 Прокопий, монахъ 523.
 Псевдо ареопагита 314.
 Псевдо-Симеонъ, Магистръ 310.
 Птоломей III Евергетъ 341.
 Птоломей Филадельфъ 341.
 Publius Valerius 446.
 Phurikis P. 136.
 Purkyně J. E. 500.
 Puntschart 164.
 Пуцић М. 634.
 Пушкин А. С. 112, 113, 114, 115, 425, 426, 483, 484, 486, 604.
 Pfister F. 365.
 Ravila P. 276.
 Radloff 165.
 Радованович, В. С. 31.
 Раич Ив. 605.
 Райновъ Т. 392.
 Reitzenstein R. 363.
 Райчевъ Г. 81.
 Раковски, Георги С. 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399.
 Ракочи 557, 558, 559, 569, 570, 571, 572.
 Ramberti Benedeto 402.
 Ramovš Fr. 153 и сл. 165, 166, 167, 294.
 Ramult 281.
 Rank 147.
 Ратгауз Д. 190, 194.
 Рачки Фр. (Rački F.) 23, 626, 631, 634, 638.
 Репоу 73, 74, 75.
 Рехбергъ Контъ 396, 397, 398.
 Rešetar 60, 61, 63.
 Рыбников 182, 202, 203, 204, 206.
 Рихтер 608.
 Robert Karl 448.
 Ровинский (Rovinskij) 198, 482.
 Розвадовски Я. (Rozwa-
 dowski J.) 70, 79, 126, 129, 248, 251, 300.
 Rohlf G. 143.
 Романовъ, Е. Р. 476.
 Романски Ст. 51, 70, 71, 373, 376, 654 сл.
 Rosa M. 404.
 Rossi G. 405.
 Rostafiński 242.
 Ružičić 287, 288, 289, 297.
 Румянцев Н. П. 592, 597, 604, 607.
 Рутаръ 626.
 Ruttkay 453.
 Савва 362.
 Savoј L. 435 и сл.
 Сакулин, П. Н. 426.
 Сакъзовъ Ив. 649 сл.
 Szalay L. 402.
 Салтыков-Щедрин 411.
 Szarvas G. 123, 125.
 Сафо 457.
 Сахаров 604.
 Светожизна, княгиня чешка 629.
 Светопълкъ, моравски князь 628.
 Świdarska 243.
 Северьянов С. 100.
 Селищев А. 27, 29 сл., 48, 49, 50, 119, 135, 136, 140, 141, 142, 143, 144, 181, 198, 289.
 Senn 71.
 Sienkiewicz 648.
 Сервий Тулий 447.
 Sergěevič V. 127.
 Сергий, арх. 362.
 Sybilla Indaea, героиня въ срѣднѣвѣковни легенди 469.
 Sievers E. 61.
 Szigeti 453.
 Sickel 627.
 Sykora G. 492.
 Сильвестръ, протопопъ 204.
 Симеонъ, царь 629, 637.
 Simonуј 73, 123.
 Симони, П. К. 184, 596.
 Симъ 319.
 Сина, баронъ 385.
 Szinnyei J. 123, 124.
 Синявський О. 192.
 Sygenjusz 259.
 Сырку, П. А. 32, 96, 513.
 Сытинъ, И. Д. 480.
 Sytin E. 481, 482.
 Скальковский А. 504, 505.
 Скарга 602.
 Skok P. 655, 656.
 Skrdžius 122.
 Skarić V. 135.
 Скерлић J. 383.
 Славейковъ Пенчо (Sławejkow P.) 82, 84, 85, 645, 646, 647, 648.
 Slavik J. 576.
 Sládkovič 451.
 Słowacki 645, 646, 647, 648.
 Слоньски Ст. (Słoński St.) 9 сл., 71.
 Slotty Fr. 409.
 Smal-Stockyj St. 66, 286, 289, 293, 295.
 Смилянич Т. 31.
 Смирнова-Россет, А. О. 423, 424.
 Смирновъ I. 362, 369.
 Smoleř, J. A. 498, 499, 500, 501.
 Снѣгаровъ Ив. 32, 513 сл.
 Sporek Fr. 633.
 Собѣслава 636, 637.
 Соболевский, А. И. 4, 70, 96, 97, 100, 172, 172, 180, 183, 187, 197, 198, 204, 263, 293, 593, 639, 640, 659.
 Sogeslava 635, 636.
 Соколовъ Б. 483.
 Соколовъ М. И. 322.
 Sokolov N. N. 276.
 Соколовъ Ю. 483.
 Соловьев, А. В. 418, 419, 431, 432.
 Sondoke 635.
 Сопиков 600, 608.
 Софроний Врачански 516.
 Sprejer 74, 75.
 Сперанскіи, М. Н. 331, 350 сл.
 Specht 122.
 Спешнев 412.

- Spontini 447.
 Spurius Lukretius 446.
 Срезневский, И. И. 27, 62, 95, 98, 106, 130, 147, 199, 362, 593, 595, 639.
 Стаматовъ Георги 81, 82, 84.
 Станиславовъ Ф. 404.
 Stefano Вопо 650, 651.
 Стоиловъ, А. П. 56, 372.
 Стойковъ И. 406.
 Стояновъ, В. Д. 381.
 Стояновъ Д. 515.
 Стояновъ Киро 381.
 Straka Joz. 291.
 Страшимировъ А. 81.
 Sritar 153.
 Строевъ П. 361, 597.
 Stulli 128.
 Štur L. 447.
 Swete, H. B. 334, 341.
 Сумароков 183, 196.
 Sundén Karl 91, 93, 94.
 Sundica 635.
 Сурсу-буль 638.
 Suchý K. 259.
 Сушков, Н. В. 591, 594.
 Сждъкъ 637.
 Сждъкъ-Пашж 379.
 Табари 308, 309, 310.
 Tayler 23.
 Thallóczy, L. v. 138.
 Тарквиний Секстъ 445, 446.
 Тарквиний Супербъ 445, 446.
 Tarquinius Collatinus 446.
 Tasis K. 121.
 Татищев 600.
 Tacitus 132, 445.
 Taszycki W. 253 сл.
 Тверскій Мих. 201.
 Teza E. 401, 406.
 Tejér 447.
 Теодора, царица 314.
 Теодоръ Дафнопатъ 312.
 Теодоръ Студитъ 312.
 Теодоровъ-Баланъ А. 307.
 Теокистъ, логотеть 313, 314.
 Теодосий, монахъ 523.
 Теофанъ 310, 320.
 Теофанъ, епископъ 343.
 Теофилактъ Охридски 637.
 Теофиль, императоръ 311.
 Теофиль, императоръ 320.
 Teplov 442.
 Tesnière Lucien 91 и сл., 137, 293, 297, 298.
 Tiktin 126, 148.
 Tille V. 501.
 Thieme 73.
 Тимковски 595, 596, 604.
 Тыняновъ Ю. 418, 425.
 Тихонравовъ 351, 352.
 Тодоръ Студитъ 640.
 Тодоровъ П. 81.
 Тодоровъ Цв. 47 сл.
 Толстой, Л. Н. 411, 414, 430, 508, 509, 510, 604.
 Толстой, Ф. А. 361.
 Томашевский, Б. В. 109, 110, 112, 113, 114, 115, 244.
 Tommaseo 401.
 Thomashek 654, 657.
 Tomašik 449, 452.
 Thomsen 122, 124.
 Томсонъ, А. И. 1 сл., 101, 181.
 Torelli L. 405.
 Trávníček Fr. 246, 259 сл., 268, 269, 271, 293.
 Treimer 140.
 Traube L. 23.
 Trautmann R. 26, 37, 120, 471, 472.
 Třebízský 482.
 Трипери L. 405.
 Трифоновъ Ю. 307 сл., 524.
 Trubar 153.
 Трубецкой, кн. Н. С. (Trubetzkoi Fürst N.) 172, 267 сл., 424.
 Гудъръ, синъ на Докса 634.
 Thumb 136.
 Туницкій 639.
 Тургеневъ Иванъ 370, 373, 375, 420, 430, 596.
 Търпимиръ, хърватски князь 628.
 Ughi C. 406.
 Узюмов О. 192.
 Uisegneo 636.
 Ułaszyn H. 248, 251, 283.
 Uhlenbeck 468.
 Ulfilas 73.
 Успенски Г. П. 595.
 Успенскій Порфирій, епископъ Чигирински 345.
 Успенскій, Ф. И. 35, 654.
 Uuelesneo 636.
 Ушаков Д. 190, 276.
 Farcy C. 407.
 Vasmer 141, 164 сл.
 Феол Св. 600, 602.
 Феррапонтов И. Ф. 594.
 Ferrendžin 404.
 Fessler 447.
 Vetter T. 294, 299.
 Fiedler K. A. 498, 500, 501, 502, 503.
 Fick 126, 129, 130.
 Филаретовъ Сава 376.
 Филаретъ Дроздовъ, московски митрополитъ 333, 343.
 Филиповичъ, генераль 396.
 Flavii Jos. 336.
 Flajshans V. 284, 291, 292, 293, 296.
 Флорински, Т. Д. 32, 258, 546, 549, 550.
 Foà R. 406.
 Vockeradt 72.
 Folprecht J. 259.
 Фонвизин 181, 183, 194, 196, 435 и сл.
 Фортунатов Ал. 23, 24, 25, 603.
 Фотий 312, 314.
 Фотиновъ К. 533.
 Frazer, J. G. 477, 497.
 Frashëri, St. Th. 139.
 Frischbier H. 475.
 Fustel de Coulanges 132.
 Фучаджи, Д. Ф. 507, 508.
 Haas 72.
 Habderlich 147.
 Haberlandt A. 40.
 Havránek 24.

- Hallász Ignaz 148.
 Halek V. 460.
 Hanka V. 448.
 Hanusz J. 295, 639, 640.
 Haupt 352.
 Haffmeister 438.
 Haxhiademi E. 142.
 Hviezdoslav, Pavel Országk 444 сл.
 Heckenbach J. 495.
 Helbig 136.
 Hellquist E. 167, 168.
 Chętnik A. 475.
 Herder 490.
 Hermann E. 86.
 Hernac 574.
 Herodot 74, 92.
 Хесиодъ 495, 496.
 Hirt 168.
 Hinkmar 22.
 Chojnan (Choinanus) 297.
 Homer 73, 75.
 Horák J. 501.
 Horn Wilhelm 92.
 Hórník M. 499, 500, 501.
 Hofmann 139.
 Hraban 22, 23.
 Храбъръ черноризецъ 22, 23, 598, 641, 644.
 Hrinčenko 147, 243.
 Христовъ Кирилъ 108, 109, 112, 113, 114, 115, 116, 117.
 Huber Eug. 131.
 Hudeček J. 465, 466.
 Hujer O. 259, 260, 261, 280 сл., 284, 297.
 Huhn, A. de 405.
 Hurban 447.
 Çabej Eqrem 119.
 Ğzambel S. 260.
 Цанковъ Драганъ 541.
 Цвијић J. (Cvijić) 39, 490.
 Cerbula, съветникъ на Бориса 635.
 Cerva, Lodovico de 403.
 Церковски Ц. 81, 82, 83, 84.
 Cidlinský, Bohumil Janda 449.
 Cimbali E. 405.
 Cihac 148.
 Цицеронъ 457.
 Цоневъ Б. 33, 47, 78, 49, 50, 51, 53, 54, 71, 99, 100, 101, 102, 656.
 Чаславъ 637.
 Čelakovský F. L. 500.
 Červinka J. 463, 465.
 Černý A. 501.
 Чернышев В. 180 и сл., 276.
 Čehov 482.
 Чилевъ П. 513, 514, 515, 516, 517, 518, 526.
 Чистовичъ, И. А. 343, 345.
 Чулков 596.
 Ciampoli D. 401, 406.
 Ciampi Sebastiano 401.
 Шалда Кс. 414, 415.
 Chantraine 75.
 Шапкаревъ 287.
 Šafařík 23, 106, 129, 135, 454.
 Шахматовъ, А. А. 101, 106, 130, 174, 181, 184, 187, 190, 191, 194, 200, 203, 204, 206, 270.
 Шауеншайнъ, графъ Карлъ Буоль 382, 387.
 Schwab E. 271.
 Schwandtner 449.
 Schwentner 81.
 Schwietering J. 486.
 Шевырев Ст. 592.
 Šewčik J. 502.
 Šegvič K. 21, 22, 23.
 Шекспиръ 445, 449, 451, 452, 454, 460.
 Шенгели Г. 113.
 Шибаев, В. П. 507.
 Schiller 451, 460.
 Schiller-Lübben 131.
 Szygwid 122.
 Шишков 181.
 Шишмановъ, Иванъ Д. 370, 373, 390, 398, 522, 524, 655.
 Шкловский В. 416, 481.
 Škrabec 153.
 Шлайхеръ (Schleicher) 122, 282, 293.
 Шлецер 595, 596, 600, 604, 606.
 Шляпкин, И. А. 593, 595.
 Schmidt J. 74.
 Шоберъ Ст. (Szober St.) 77 сл., 243.
 Scholvin 292, 298.
 Schulze W. 74, 280, 655.
 Šufflay 136.
 Stender-Petersen 132.
 Щепкинъ, В. Н. 98, 101, 102, 190.
 Štorch, K. V. 445.
 Streitberg-Michels 118.
 Juda 574.
 Юмеръ-Пашж 379.
 Юнгеровъ, П. А. 345.
 Junius Brutus 446.
 Jurčić 153.
 Юстинианъ Велики 513.
 Jahwe 574, 575.
 Jaworek 244.
 Ягичъ В. (Jagič V.) 21, 23, 28, 98, 102, 106, 186, 197, 285, 288, 350, 369, 469, 470, 592, 600, 626, 638, 643, 644.
 Языков, Д. И. 595, 600.
 Якимовъ, И. С. 344, 346.
 Якобсонъ Р. (Jakobson R.) 100 сл. 270, 272, 276.
 Яковъ 319, 629.
 Якубъ, А. С. (Jakub, A. C.) 481.
 Якушкин 182.
 Jaksch 164.
 Янжул 418.
 Јап VIII 21.
 Јанов J. 66.
 Јанцы 243.
 Ярановъ Д. 508, 510.
 Ярославъ, князь 200.

б. Мѣстни имена.

- Berlin—Wilmersdorf 168.
 Братислава (Bratislava) 179, 462, 648.
 Брно (Brno) 117, 266.
 Breslau 76.
 Budapest 152.
 Варшава 20, 87, 241.
 Wien 146, 279.
 Враца 55.
 Zaga 408.
 Краковъ (Kraków) 69,

247, 258, 306, 478.
 Лайденъ (Лейденъ, Leiden) 369, 575.
 Lwów 254.
 Ленинград 107, 198, 512.
 Ljubljana 163.
 Москва 46, 360, 474.
 Münster i. Westf. 489.
 Одесса 6.
 Paris 28, 90, 377.
 Poznań 252.
 Прага (Praha, Prag) 25, 281, 434, 466, 494, 503.
 София (Софія) 59, 207, 300, 320, 332, 349, 399, 497, 539, 541, 554, 590, 644, 658.
 Strasbourg 94.
 Helsingfors 8.

Карпаторуски селища:
 Арданово 559.
 Белегово 564.
 Брестовъ 569.
 Вел. Быстрый 559.
 Вел. Лохово 564.
 Воротница 560.
 Выш. Ростокы 565.
 Грабово 560.
 Гукливый 557.
 Дешковица 566.
 Дѣлокъ 565.
 Жбиrowцы 568.
 Ивашковцы 562.
 Ильковцы 563.
 Канора 567.
 Кендерешово 567.
 Копиновцы 561.
 Котельничной 569.
 Куштановица 558.
 Лецовица 567.
 М. Брестовъ 562.
 Мельничный 558.
 Микуловцы 561.
 М. Лохово 557.
 М. Мартинка 570.
 Мѣдяница 561.
 Ниж. Ростокы 566.
 Облазь 564.
 Сасовка 566.
 Свалевка 568.
 Скотарскій 563.
 Сусково 572.
 Черникъ 571.

2 Думи.

I. Индоевропейски
езици

Праславянски

*Afitoxel 575.
 *Avitoxel 575.
 *berme 121.
 *водоть 287.
 *boršyno 120.
 *cъrkъvъ 275.
 *čas 298.
 *čînъ 290.
 čьrvota 251.
 čьrvěsъ 251.
 *dadiēs 7.
 *dadiet 7.
 *dadj 7.
 dadji 7.
 *dadjъ 7.
 *dazdъ 7.
 daždъ 7.
 *dōmъ 290.
 *donet 69.
 *ēdji 7.
 *gelēzo 64.
 *gheuka 64.
 *godъ 298.
 judъ 472, 473.
 *kobez 257.
 *kobuzъ 257.
 *kobyсь 257.
 *kratъ 298.
 *mēdъ 290.
 *mę 263.
 *mъž 298.
 *něxъ 68.
 *nesq 68.
 *penęz 298.
 *pōlъ 290.
 *pričtelъ 298.
 *pъvēsny 248.
 *pъrvota 251.
 *pъrvēsъ 251.
 *raz 298.
 *reka 68, 69.
 *rog 298.
 *scēpъka 275.
 scēriti 275.
 sebě 260, 263.
 sobě 260.

*sъbě 260, 264.
 *sъny
 *sębъrъ 123, 660.
 *sqsēdъ 298.
 *tebojъ 261.
 tebě 260, 263.
 *tjudjъ 27, 28.
 *tobojъ 261.
 *tobe 261.
 tobě 260.
 *tudjъ 26, 28.
 *tъbojъ 261.
 *tъbě 260, 264.
 večerъ 62.
 *vęzđъ 7.
 *vols 298.
 *voz 298.
 vьčera 62.
 *vъrxъ 290.
 *zobъ 298.
 *žęgati 64.
 žetъ 8.

Славянски

blīstēti 28.
 cęstiti 28.
 čistū 28.
 dъbrava 134.
 edъva 294.
 golqъbъ 126.
 gorъnica 30.
 gotovati 27.
 gotoviti 27.
 granica 135.
 gręda 126.
 gromъ 139.
 hāt (отъ мадж.) 150.
 hasan (отъ мадж.) 150.
 chър (отъ мадж.) 150.
 jędza 470.
 kъnędzъ 132.
 *medja 137.
 odъnova 293.
 odъva 293.
 pętъno 126.
 pokudova 293.
 poneva-že 293.
 *potęgъ 126.
 *sъtęgъ: sъtęgnqti 126.
 tixū: tēsiti 28.
 trak 136.
 *tudj-iti 28.
 tynъ 132.
 useręgъ 132.

Южнославянски

brašna 119.*pyr* 145.**tracina* 136.

Старобългарски

Аньдрѣвои 283.

бимъ 101.

бисте 101.

бихъ 101.

биша 101.

БЛАГОСЛОВЕНЪ 4.

блажити 368.

БЛАСѦ 64.

blistati 28.

blistati 28.

блждити 368.

БЛЮДО 4.

боголюбыць 368.

болгаринъ 638.

brèтє 121.

быхъ 101.

бысте 101.

бж 101.

бѣсовъ 286.

vidēti 20.

volovъ 290.

воль 286, 287.

врачевъ 286.

врѣхъ 286, 287.

врѣста 369.

ВЪЗЛЮБИТЬ 4.

въsprętati 143.

вьсь 368.

въcera 61.

gotovŭ 27.

градовъ 286.

gribati 64.

гроздъ 286.

grьstь 140.

grēbati 64.

грѣховъ 286.

grēchovьнъ 291.

грѣхъ 286.

даровъ 286.

даръ 290.

дастъ 290.

devetъ 655.

деснъ 368.

длъгъ 290.

добръ 368.

добра рода 368.

добродѣвние 368.

доброта 368.

добръ и хытрь 368.

долъ 287.

домашнъ 368.

домъ 286, 287.

досити 368.

достойнъ быти 368.

ДРВЪЛНИИХЪ 3.

дркьнимъ 3.

Дръстръ 657.

Дръстора 658.

duchovьнъ 291.

dъmъ dъti 139.

дѣщериу 289.

дѣщерь 289.

dělъ 137.

dēti 20.

джбъ 290.

единаче 368.

jegov 290.

jedinakovъ 291.

žagati 63, 64.

žegъ 62.

жена 368.

žeštъ 8.

žizati 63.

жизнь 368.

житие 368.

žbžeši 61, 63.

za-blōditi 9, 11, 20.

za-byti (za-byvati) 12, 19.

za-bydēti 11.

za-vidēti 18.

za-viti 18.

za-vrēti 19.

za-vezati 18, 20.

za-veštati (za-veštavati)

18.

za-gladiti 13.

za-graditi 13.

za-dlžiti 13, 20.

za-dušiti se 13, 20.

za-dъxnōti se 13, 20.

za-dēti 12.

za-žešti (za-židzati) 19.

zažešti 20.

za-znamenati 19, 20.

za-zьrēti (za-zirati) 19.

zazьrēti 20.

za-iti (za-xoditi) 13.

zaiti 20.

za-klati (za-kalati) 14.

za-klenōti 14.

za-klēti (za-klinati) 14.

za-ključiti 9, 14.

za-kryti 9.

za-kryti (za-kryvati) 14.

za-ložiti 15.

za-mazati 15.

za-matorēti 15.

za-moriti 15.

za-mōditi (za-muditi) 15.

za-paliti 15, 20.

za-pečatylēti 15.

za-plvovati 16, 19.

za-povēdēti (za-povēda-

ti) 16.

za-prētiti (za-prēštati) 16.

za-pustēti 16.

za-рьrati 17.

za-рѣti 16.

za-raziti 17.

za-rešti 17.

za-stojati 17, 19, 20.

za-stopiti 17.

zastōpiti (zastōpati) 19.

za-sъvēdētelystvovati 17,

20.

za-t-voriti (za-t-varjati)

18.

za-tъknōti (za-tykati) 18.

zaušiti (zaušati) 19.

za-cēditi 12.

za-čēti (za-činati) 12.

začēti 20.

za-štītiti (za-štīštati, za-

štīcati) 17.

za-јѣti (za-imati) 13.

ЗЕМЪ 3.

ЗЕМЛЪ 3.

змиевъ 286.

зноювъ 286.

zciziti 27.

зьrēti 20.

iždenъ 10.

iz-gonjъ 10.

ИЗРАДЪ 368.

inakovъ 291.

(u)сполинъ 286.

ити 181.

Иосифови 283.

каковъ 291.

келиѣ 368.

кладъ 369.

kolo, kolese 121.

корабницю 3.

кораблицемъ 3.

коравль 3.
 кораклеи 3.
 коравъ 3.
 krajǫ 137.
 krojǫ 137.
 kъmotrъ 655.
 kъrinъ 655.
 лабуално л' 1 сл.
 ледъ 286, 290.
 лѣность 368.
 лѣнити сѧ 368.
 любобожьство 369.
 любовь 98.
 люботроуждение 369.
 любооучение 369.
 ljudskĭ 26.
 медъ 286, 287.
 миръ 286, 287.
 мъсь 61.
 naricati 63, 64.
 narĕkati 63, 64.
 на въсер 62.
 нравъ 368.
 нѣкъто 369.
 нѣкъи 369.
 облашь 368.
 образъ 369.
 ob-rĕtajǫ 10.
 obrĕštǫ 10.
 олътаръ 655.
 опакоуъ 291.
 oprĕtati 143.
 oprĕsъnъkъ 144.
 otužditi 27.
 отъда 290.
 отъпъсаніе 368.
 (o)čestiti 28.
 (o)čistiti 28.
 peka 60, 62, 63.
 neштера 368.
 peštъ 8.
 плинж 4.
 plitati 64.
 плодовъ 286.
 pletati 64.
 пльвати 4.
 плюж 3, 4.
 подлагъ 97.
 подлагъ 97.
 подлгъ мор'е 368.
 поль 286, 287.
 помыль 368.
 пон'еже 368.
 pri-kasajǫ se 10.

pri-kosno se 10.
 prinesǫ 10.
 pri-nošǫ 10.
 пристжпль 3.
 пристжпъ 3.
 прода 290.
 prostiti 28.
 prostĭ 27.
 prĕ-dati 10.
 prĕ-iti 10.
 prĕ-krĕmiti 10.
 prĕ-lomiti 10.
 prĕ-pluti 10.
 prĕrĕkati 63.
 prĕricati 63.
 прѣходити 369.
 прѣвѣснъ (прѣвѣшнъ)
 250.
 pustiti 27.
 pustĭ 27.
 пѣвати 98-100.
 рсь 60.
 рĕnĕdzъ 143.
 рабъ 285.
 ради 368.
 разоумъ 368.
 geka 60, 62, 64.
 ретуиъ 369.
 rešti 20.
 родъ 290.
 рсь 60.
 рьсѣш 61.
 санъ 286.
 svojĭ 26, 27.
 се 171.
 си 171.
 sladina 242.
 sladostъ 242.
 sladъstvo 242.
 lastvo 242.
 slastъ 242.
 собъ 636.
 споловъ 286.
 stuždĭ 26, 27, 28.
 стѣннъ 368.
 sigovъ 290.
 свиновъ 284.
 свинъ 284, 286, 287.
 сждовъ 286.
 sъdъtǫ 139.
 sъdǫtĭ 139.
 сълочити сѧ 368.
 сѣповѣдати 368.

сь 171.
 sĕkǫ 138.
 та 171.
 takovъ 291.
 tĕkati 63, 64.
 teka 64.
 tesati 62.
 ticati 63.
 то 171.
 трудити сѧ 368.
 трудъникъ 368.
 trĕnovъ 290.
 tuždĭ 26, 27.
 тоузимъ 27.
 ть 171.
 тѣчиъ 368.
 тѣмъ 368.
 *tjudjĭ 26.
 u-bĕgnǫti 9.
 u-vĕzati 9.
 оудобродѣннъ 368.
 оудолѣти 369.
 оумръшткѣно 4.
 оумръшткѣиетъ 4.
 оумръщкѣна 4.
 оумръщкѣиетъ 4.
 оупѣвати 98-100.
 utužditi 27.
 црковъ 98.
 сѣна 27.
 сĕniti 27.
 čegov 290.
 česati 62.
 чинъ 286, 287.
 чръноризъць 369.
 чоудъ 468.
 čuzdi 26.
 čus(t) 26.
 цоудъ 468.
 stuždĭ 26, 27.
 jugovъ 290.
 надъ 286.
 извинъ 4.
 jakovъ 291.
 jalovъ 290.
 jasli 121.

Срѣднобългарски
 Бдин 654, 655, 656.
 Бъдзинъ 654, 655, 656.
 Bidini 654.
 Bodun 654.
 Budun 654.
 Budun 654.

Драгош 37.
 воловохъ 292.
 воловы 292.
 рабовомъ 292.
 рабовѣхъ 292.
 рабовы 292.
 родовѣхъ 292.
 *sz dręstra 658.
 съжову 292.
 ciżdī 27.

Черковнославян-
ски

кóдика 513.
 кóдикъ 513.
 кóдиѣтъ 513.
 кондика 513.
 свідітіль 525.
 стріка 539.

Български (и диал.)

абнегация 88.
 агá 89.
 агéнтинъ 88.
 адвокáтинъ 88.
 ази 539.
 акламация 88.
 актъ 88.
 актёръ 88.
 акционёринъ 88.
 Акчаръ 656.
 амбасáда 89.
 амплуá 89.
 Арчаръ 656.
 асъ 88.
 аташе 90.
 ателие 89.
 баба 171.
 баца 89.
 Бачево 38.
 Бардовци 43.
 берá 67.
 Бзовик 70.
 бижу 89.
 bladze 64.
 blazé 64.
 Блатец 41.
 близъ Роусецъ 32.
 Vodrišta 49.
 Бозаик 40.
 Бозие 40.
 Бозовец 40, 41.
 Бозовци 40.
 Бозо(в)ина 40.
 Борчин'а 43.

bral 67.
 b°rgo 28.
 Briždan 50.
 Бродец 41.
 Буковец 41.
 Бърждани 37.
 бюро 89.
 вагабóнтинъ 88.
 важди 51.
 важи 51.
 вáшки 51.
 Вдинъ (Vdin) 656.
 веке 33.
 Вида 655.
 Видинъ 654, 655, 656.
 Вител 41.
 Виток Рид 40.
 Воденички пат 41.
 Волковия 42.
 Волкодери 42.
 Волкоо село 42.
 Волчани 42.
 Вракѣвштица 38.
 Вращица 38.
 Врежот 44.
 вѣзél 67,
 вѣзéта 67.
 Вѣчек 43.
 Вѣчко Камене 43.
 гак'и 36.
 Галабово лойзе 41.
 гамéнь 88.
 гаштани 36.
 гашти 36.
 гише 89.
 Глабоки Дол 41.
 Глави(тѣ) 43, 44.
 Глобок Дол 41.
 Гломбочани 42.
 Гльбочица 30, 31.
 Гобавци 41.
 Goždagažde 50.
 Голото Село 44.
 gorà 171.
 gòrēt 172.
 gorñak 144.
 Гостирáжда 37.
 Гостиражени 37.
 Градец 41.
 Gradišta 50.
 Градом 44.
 гражд 50.
 граждане 37.
 Graždani 49, 50.

Гражденик 70.
 Граждено 37.
 граждъ 51.
 Грамáждано 38.
 Гърдановци 43.
 Гърчец 41.
 Дабец 41.
 Дабница 41.
 Дап 41.
 Дапче 41.
 Дапчин'а 43.
 Дебор 40.
 Дебрец 40.
 Дебреще 40.
 Дебрище 40.
 Дебър 40.
 Дебърца 40.
 девендесет 197.
 Делогожда 37.
 депó 89.
 dzelezo 65.
 dželēzo 64.
 ežel'azo 64, 65.
 džil'azi 64.
 džuka 64.
 džupa 64, 65.
 dzvezdá 64.
 dzv'ázdi 64.
 дилéма 89.
 Димовци 43.
 дипломъ 88.
 Длабоки Дол 41.
 Дльбочица 30, 31.
 днови 287.
 Добѣе 41.
 Добовяни 41.
 Доброта 37.
 Добротин 37.
 Доброште 37.
 Добрушта 40.
 Добърце 40.
 Долгаецъ 42.
 Долишта 43.
 Долни Лаки 43.
 Долчин'а 43.
 donél 66, 67, 69.
 Доубница 31.
 досиé 89.
 Драгобраца 38.
 Драговраћа 38.
 Драгота 37.
 Драготин 37.
 Драготина 37.
 Драготинци 37.

- Драгощъ 37.
 драмъ 299.
 Дренок 40.
 Дудовец 41.
 Дуй-Гас 41.
 Дъги Дол 43.
 Дъмбени 42.
 Дърварски пот 41.
 Единаковци 43.
 емблѣма 89.
 еми 171.
 Ерембица 42.
 Ериновци 43.
 жалбове 287.
 Ждано(в)ец 41.
 жеби 171.
 Желегождж(е) 37.
 Желегош 37.
 žika 64.
 žina 64.
 жури 89.
 Забот 41, 44.
 Заголи-Гас 41.
 Зад-Пеш 37.
 заек 28.
 замънаха 59.
 замънах 59.
 запѣл 66, 67.
 Заполжени 42.
 zàrustí 53.
 Збъжде 37.
 zval 67.
 zvezdá 64.
 Zgožda 50.
 Злокукани 36.
 Zová 67.
 Золиот Осой 44.
 Зубово 35.
 Зубово Крушье 35.
 Зубовце 34, 35.
 Извор 44.
 izlegvat 28.
 -инъ suff. 88.
 ienicer 299.
 истънувам 57.
 Кай-два даба 41.
 Кай-многу дабѣа 41.
 Калапот' 57.
 Калец 30.
 Калогерьць 31.
 Камен Зоп 41.
 Капина 41.
 Капиново 41.
 ке 33.
 к'е 33.
 керка 33.
 к'ерка 33.
 klel 67.
 Kavačista 50.
 Койнарин'а 43.
 колебка и колевка 656.
 кон 100.
 консорциумъ 88.
 Корча 30.
 костюмъ 88.
 kotel 171.
 Котелци 41.
 kotli 171.
 Кошари 43.
 košt'i 52.
 Кривогащани 36, 37, 49.
 krъvъ 253.
 к'у 33.
 кука 37.
 кука (kotja) 33, 36.
 куча 36, 37.
 Кучковени 36.
 Кучково 36.
 kълná 67.
 кълпъ 171.
 кърпа 140.
 Кърстот 44.
 къшта 33.
 къшча 33.
 Лагово 41.
 Лажани 41.
 Лафци 43.
 Лафчани 43.
 Лахце 43.
 Лахчани 43.
 Лениште 41.
 Ленишче 41.
 Лешок 40.
 Лештевски Дол 37.
 Липец 41.
 Липо(в)ец 41.
 Лисец 41.
 Ложани 41, 42.
 Лок 41.
 Локачере(в)и 41, 42.
 Лъжичари 41.
 Лъниште 41.
 Любижда 40.
 libovъ 253.
 Мако(в)а Лънка 72.
 Маловица 37.
 Маловище 37.
 мантó 89.
 мартиросвамъ 523.
 марторъ(ь) 525, 526.
 мартъръ 526.
 Матановец 41.
 мѣдиумъ 88.
 меню 89.
 Мислегож 37.
 Мислегождже 37.
 Мислодежда 37.
 митрополски(-а) 539.
 моминска съза 43.
 мънах 59.
 тьгша 140.
 наржка 299.
 Nam-nam Мало 41.
 Неврегоште 40.
 ne тижáli 171.
 Nepravista 49.
 nesa 67.
 nesъ 171.
 Ножот 44.
 нѣшк'а 51.
 нѣшк'ем 51.
 ношт'ѣвишче 54.
 ношча 51.
 нушк'а 51.
 Обида 37.
 Ображда 40.
 огон 100.
 Огради 43.
 Огражден 38.
 opogov 290.
 opreten 143.
 opretna 143.
 опуштат 54.
 Орел 41.
 orel 171.
 orli 171.
 Оровот 44.
 отглади 299.
 отземи 299.
 otnel 66, 67.
 Падарница 41.
 палтó 89.
 парвеню 90.
 пардесю 89.
 пашерница 50.
 пашерка 50.
 пендесет 197.
 pes 299.
 Песја горица 40.
 Песок 40.
 Песоци 40.
 пет 58.

- Петрова Ра(в)ен 41.
 Пешт 37.
 Пещани 37.
 Peštani 49, 50.
 Пешшера 37, 39.
 Пештери 37, 43.
 Пештерица 37, 38.
 Пештерница 37.
 Peštjani 50.
 Пештное 38.
 Пештнымъ 38.
 пиано 89.
 пиштол'е 54.
 пиштш'ол'е 54.
 plávat 171.
 pláčъ 171.
 plězt 172.
 Побжжда 38.
 Побоужда 38.
 Побжждиѣ 38.
 Побуждје 38.
 Побужье 38.
 pol'á 171.
 pól'e 171.
 Поповци 43.
 Порой 47.
 Праведник 41.
 пропистанино 54.
 пропишч'ан'е 54.
 протезѣ 90.
 пуштш'ан'е 54.
 Пърдейци 37.
 Пърждево 37.
 пѣтаi 59.
 пѣтам 59.
 Пѣтеле 42.
 рáта 89.
 ревью 89.
 редукция 88.
 Ресен 41.
 Радец 41.
 Радибужди 38.
 Радибоужда 30.
 Радибуи 30, 38.
 Радигождже 37.
 Радигоже 37.
 Радобужда 37.
 Радовиш 38.
 Радовишт 38.
 Радовища 38.
 Радовеща 37.
 Радовиште 38.
 Радожда 37.
 Радохожда 37.
 Радуща 37.
 Рожден 37.
 Русе 656.
 Русци 43.
 Русчукъ 656.
 Руфци 43.
 Ръждавец 39.
 Ръждавица 38.
 Ръждавичьски Дроум 38.
 Ръждáк 38.
 Saždani 50.
 Сáжденик 38.
 Саждово 37, 49.
 салáта 89.
 санаториумъ 89.
 svekъva 253.
 Selist 50.
 Селогражде-Чрѣвогла-
 жде 40.
 Сеножештани 40.
 Силистра 657, 658.
 sin 171.
 sinovè 171.
 Скокот 44.
 Сливите 47.
 Сливи(тѣ) 43.
 Слистра (Slistra) 658.
 slovà 171.
 slovò 171.
 слугá 89.
 *slъstra 658.
 Смрьдештець 38.
 Средни Пот 41.
 stadà 171.
 stàdo 171.
 Стамбул 658.
 Стайковци 43.
 Станкова Ра(в)ен 41.
 *stlъstra 658.
 Солне 31.
 Солне-Соуне 42.
 сосъ 539.
 Соуне 31.
 схѣма 88, 89.
 Сълне 31.
 таксi 89.
 тогов 290.
 Топанец 41.
 Торажда 40.
 Трайковци 43.
 túdj(i) 26.
 túji 26.
 итѣjъ 171.
 фтiца 656.
 фтiче 656.
 упувание 99.
 utide 171.
 фумерки 539.
 Хаджиева Лока 41.
 Хаджиовци 43.
 Хащи 38.
 hlòpъ 171.
 цвѣт'е 55.
 -ция suff. 88.
 цреп 34.
 црна (църна) 34.
 Црешово 34, 36.
 Цървена вода 34.
 сѣкva 253.
 Църна 36.
 Църничани 34.
 Черешево 34.
 Черешнево 36.
 Черна 36.
 черна 34.
 Чернец 36.
 Черновишта 35.
 Черти-камен 35.
 черѣп(ъ) 34.
 Чеши-Гъс 41.
 чорвацн 527.
 čizd(i) 28.
 шелакено 539.
 шййдема 539.
 šjuk 142.
 ит'ерка 50.
 юда 467 и сл.
 юдя 470, 472.
 Сърбохърватски
 бѣлов 292.
 блатова 294.
 crkva 253.
 čěseš 62.
 дилов 294.
 dïo 137.
 djèverov 292.
 dđnelo 67, 68.
 dđneo 67, 68.
 dōnesao 67.
 donēslo 67.
 dđnijeh 68.
 dđnijelo 68, 69.
 dđnijet 68.
 dōnijeti 69.
 dđnio 68, 69.
 дрвнòв 292.

dükät(â) 299.
gävran 289.
gävranî 289.
gävranovî 289.
godin 299.
gòldòv 292.
gòrnjak 144.
grána 137.
jùgov 292.
kón (дуал.) 285.
kónj(â) 285.
krv 253.
крѣнов 292.
kùtov 292.
látòv 291.
làtov 292.
lùcòv 292.
ljubav 253.
lòpòv 291.
lùdòv 292.
mgàzov 292.
òputa 142.
ostriti 28.
òštar 28.
òštren 28.
òštiriti 28.
ovac 299.
pàùkov 292.
перов 294.
pírìti 146.
potpírìti 146.
prázndòv 292.
propírìti 146.
путов 294.
rìjeç 68.
rìjet(i) 68. 69.
селов 294.
синов-â 293.
синова 294.
sèbar 659.
sinóvah 293.
stotin 299.
sukati 142.
svekrva 253.
tèšeš 62.
tovar(â) 299.
upírìti 146.
vàgòv 291.
vèçer 62.
волова 294.
volov(â) 299.
zaprètati 143.
zúba 285.
žén (дуал.) 285.

ženà (дуал.) 285.
žèna 285.

Старосръбски

анделовъ 294.
 апостоловъ 294.
 вѣтровъ 293.
 главовъ 293.
 господовъ 294.
 дошачи 185.
 краевъ 287.
 лозовъ 293.
 обашачи 185.
 прошачи 185.
sebr 122.

Сръбски

vìžao 147.
 Гашице 36.
 Гашиште 36.
devedècèt 195.
 Драчевъ калъ 30.
íti 181.
 Калъ 30.
 каца 194.
odátno 195.
òdati 195.
òtudá 195.
 оца 194.
 очајање 194.
 оценути 194.
 Побуђе 38.
 Радовић 38.
 Радовића Поље 38.
 Радовићи 38.
hàtâr (отъ маджарски)
 150.

Хърватски

sebar 122, 127, 134.

Словенски

brâšnja 120.
brâv 298.
čiba 257.
čudežov 294.
dnévon 293.
dqbov 294.
dreutèu 294.
gornjak 144.
ímenov (дуал.) 294.
iti 181.
jabkov (дуал.) 294.
konjov 294.

kraylov 297.
lâs 298.
molítov 293.
mòž 298.
možévon 293.
pèner 298.
pètkrat 298.
polou (дуал.) 294.
pòt 298.
prvešnji 250.
ròg 298.
rogov 297.
rogòvoma 293.
rogovov 297.
synovoma 293.
spreten 143.
sukati 142.
sarcou (дуал.) 294.
vìžat 142.
vòl 298.
zòb 298.

Староруски

вождевъ 294.
 грѣховъ 294.
 грѣхъ 294.
pušcati 28.
žьgi 62.
гьki 62.
гьci 60.

Руски

акатция (дуал.) 186.
 андияла (дуал.) 198.
 антѣндава (дуал.) 198.
 антудá (дуал.) 197, 198.
 антуля (дуал.) 197.
 антѣда (дуал.) 197.
 антѣда (дуал.) 197.
 антѣле (дуал.) 197.
 антѣля (дуал.) 198.
 анцѣндава (дуал.) 198.
 аткѣдова (дуал.) 198.
 атицѣдава (дуал.) 188.
 атицѣль (дуал.) 188.
 атицеля (дуал.) 188.
 атицѣда (дуал.) 188.
 аицѣдѣ (дуал.) 188.
 бѣба 171.
 батицнуть (дуал.) 186.
berémja 121.
blestět' 28.
bogòv 285.

- borošenъ 119.
 бѹдень 195.
 буди 7.
 будь 7.
 черегъ 130.
 ветчина 186.
 ветцир (диал.) 186.
 вѣсег 62.
 вечина (диал.) 197.
 вѣтчина (диал.) 184.
 вица (диал.) 184.
 водѣтца (диал.) 186.
 волос 299.
 глаз 299.
 голова 204.
 гора 171.
 горчѣтца (диал.) 186.
 горят 172.
 грапъ 135.
 грезъ 171.
 gromitъ 139.
 grot 138.
 дѣвитца (диал.) 186.
 девковъ 294.
 дѣрѣвьевъ 294.
 дѣрѣвья 294.
 Дерестръ 657.
 Дерстръ 657.
 днейъ 294.
 doboгъ 130.
 досветчоно (диал.) 187.
 дума 204.
 дитъ 140.
 дѣловъ 294.
 женовъ 293.
 жеччи (диал.) 184.
 жидчѣнка (диал.) 184.
 жьготъ 63.
 заттѣ (диал.) 181.
 зашѣтчи (диал.) 185.
 зилнѣй 295.
 ѣжитца (диал.) 186.
 измотчи 187.
 истьцистити (диал.) 187.
 итѣть (диал.) 181.
 итти 181.
 казак 165.
 ключей 295.
 ключов 295.
 княнѣ 171.
 книговъ 294.
 ковандека (диал.) 198.
 колец 295.
 колечек 295.
 коротше (диал.) 193.
 короче 193.
 котѣл 171.
 котлы 171.
 краставитца (диал.) 186.
 kraj 137.
 kringolъ 130.
 крупитчатый (диал.) 184.
 кушаньев 295.
 леччи (диал.) 184.
 лещей 295.
 лошадевъ 294.
 лучше 194.
 мечикъ 171.
 мнѣнѣ 294.
 мнѣнѣй 294.
 молотчанка (диал.) 187.
 мѣстовъ 294.
 наттѣ (диал.) 181.
 нетчаво (диал.) 184.
 несѣ 171.
 новина 102.
 ножей 295.
 ножов 295.
 облаков 295.
 огницанинъ 546.
 одала (диал.) 197.
 оконцев 295.
 ондарила (диал.) 198.
 ондатъ (диал.) 198.
 онтуда (диал.) 197.
 онтѣда (диал.) 198.
 онтѣле (диал.) 198.
 оргеспѣк 144.
 орѣл 171.
 орлы 171.
 отовѣ (диал.) 197.
 отчунъ (диал.) 184.
 отцѣда (диал.) 188.
 отцѣлева (диал.) 188.
 отцѣль (диал.) 188.
 отцѣли (диал.) 188.
 оцидѣ (диал.) 188.
 пашня 204.
 петчи 187.
 питѣй 294.
 питьѣ 294.
 плѣваю 171.
 плѣтье 294.
 платьевъ 294.
 плѣчу 171.
 плетут 172.
 pogrom 139.
 поле 171.
 поля 171.
 post 285.
 rast (диал.) 285.
 пострѣтчися 187.
 рѣтjag 126.
 поттѣ (диал.) 181.
 пошлина 204.
 правда 204.
 преникъ 171.
 presnjak 144.
 pribor 121.
 prjatatъ 143.
 продажа 204.
 протчѣй 187.
 птитца 187, 187.
 puskatъ 28.
 пуѣторѣ 171.
 пѣсневъ 294.
 рjatѣна 280.
 работчѣй (диал.) 184.
 разлѣшитца (диал.) 186.
 раскрасѣвитца (диал.) 186.
 rklѣ 63.
 rkoхотъ 63.
 ружьев 295.
 гьки 63.
 ряцов 294.
 sbitъ 139.
 свадьбей 295.
 свадьбовъ 295.
 sebra 126, 131.
 серцовъ 294.
 seredѣna 280.
 сѣстровъ 294.
 sjabr 122, 127, 130, 659.
 sku, skatъ 142.
 слендом (диал.) 198.
 слово 171.
 слова 171.
 событѣй 295.
 солнцев 295.
 спѣтца (диал.) 186.
 ссуда 204.
 стада 171.
 стадо 171.
 sѣka 142.
 sѣkatъ, sucitъ 142.

сунды (диал.) 198.
сын 171.
сыновьев 295.
сыновьей 295.
сыновья 171.
татар 300.
татарин 300.
течки (диал.) 184.
товарищов 295.
tron 7.
tronut 7.
тряпечить (диал.) 184.
тунды (диал.) 198.
турок 300.
тыдыть (диал.) 186.
уберетчися 187.
уброзá 171.
угурец 171.
уехатчи (диал.) 185.
ukráina 137.
ukráj 137.
улитца 186, 187.
умью 171.
ушэдчи (диал.) 185.
ушетчи (диал.) 185.
ушков 295.
ушбччи (диал.) 185.
хлбнку 171.
хотчу (диал.) 184.
chraberъ 130.
ццерный (диал.) 187.
ццыдыть (диал.) 186.
чудо-юдо (епитетъ на
морския царь въ рус-
китъ приказки) 468,
472.
šaterъ (отъ мадж.) 150.
юла 470, 471.
юлить 470.
яблоков 295.
яга 469.
яйчек 295.

Великоруски

vúžlec 147.
глаз 298.
зуб 298.
куранъ 257.
куруханъ 257.
курухтанъ 257.
раз 298.
рог 298.
сапог 298.
solodýžnik 243.

šaběr 130.
sjaběr' 130.
щенка 275.
щерить 275.

Малоруски

аршин 298.
бавів 295.
objariv 295.
butóra 120.
butor'ine 120.
vúžica 140.
волос 298.
глаз 298.
гоб 298.
голов 293.
голову 293.
гостів 295.
zderkalo 66.
zdvin 66.
zdvoonytu 66.
džéletó 66.
d'ic 137.
жабав 295.
землеу(в) 293.
землів 295.
зуб 298.
ití 181.
kozak 165.
конва 293.
конов 293.
костеу(в) 293.
костыв 295.
молитва 293.
молитов 293.
тоти 246.
морів 295.
морков 293.
тоho 246.
небесив 295.
opriskok 144.
панів 295.
певний 99.
первісний 250.
перезва 293.
перезов 293.
пријатель 298.
птицав 295.
путів 295.
радошчів 295.
рік 298.
рибоу(в) 293.
років 295.
сапог 298.

svomu 246.
sjaber 127, 130.
sjabrá 130.
sjabro 122, 127.
солдат 298.
solodýč 243.
Станывцыв 295.
сусид 298.
татар 298.
твоho 246.
християн 298.
hromýtu 139.
царствів 295.
cej 66.
церквив 295.
сисук 66.
час 298.
Чернывыцв 295.
чоловик 298.
юдими 470, 471, 472.

Бѣлоруски

varúk 257.
варотав 295.
вуžel 147.
волоу 295.
глаз 298.
двананцать 197.
дзявок 295.
дноу 295.
именау 295.
ic 181.
kabàn 256, 257, 258.
knogaz 257.
knyr 257.
кбняу 295.
košicimem 256.
košicimo 256.
košicimom 256.
кумоу 295.
лисицав 295.
pèveñ 256.
pèvün 256.
petùx 256.
письмав 295.
postùx 255.
пуд 298.
рацце 187.
путце 187.
сапог 298.
сестрав 295.
sjabr 130.

солдат 298.
 татар 298.
 тринадцать 197.
 турок 298.
 hrášy 255.
 царо́й 295.
 человек 298.

Старополски

arzkǫ 62.
 cirky 254
 dziewa 66.
 gorycz 242.
 goryczel 242.
 goryczka 242.
 gorycznik 242.
 ielenow 295.
 jetry 253.
 kozłow 295.
 krolew 295.
 nieprzyjacielow 295.
 noog 289.
 pierwiasnek 250, 251.
 rcy 60
 słodycz 242.
 stódz 242.
 swą 245.
 swego 245.
 swem 245.
 świekry 253.
 swoję 245.
 wrogow 295.
 żgę 62.

Полски

akt 298.
 bóg 285.
 bok 285.
 cały 304.
 cerkiew 253.
 Cirki 254.
 cygan 288.
 cygan 305.
 cyganów 288.
 cyrki 253, 254.
 ćmów 296.
 czas 298.
 czerwiasty 248, 249, 251.
 czosstek 251,
 czwartocha 281.
 czwartula 281.
 dnów 296.
 dmuchnąć 139, 140.
 Dobrotyn 2

dzwon(o) 66.
 dźwięk 66.
 dźwięczeń 66.
 dźgać 66.
 głogi 305.
 głuk 305.
 gód 298.
 gorskość 242.
 gorzkość 242.
 grań 135.)
 groń 137.)
 grot 138.)
 grów 296.
 grmocić 139.)
 grzmieć 139.)
 grzmot 139.)
 chłopisków 296.
 chorągiew 253.
 jędza 469. —
 judzić 470, 471, 472.
 kobut 257.
 kozak 165. —
 krew 253.
 kroć 298.
 kry 253.
 kurdn 257.
 kurón 257.
 ma 243.
 ma 243, 244.
 me 243, 244.
 mego 243, 246.
 mieszczan 288.
 mieszczanin 288.
 moi 243.
 mój 243.
 moje 243, 244.
 moja 243.
 mojō 244.
 mom 244.
 m^u oiygu 244.
 m^uojom 244.
 mygu 244.
 mym 243.
 Mystki 251.
 Mystki 251.
 myszów 296.
 naczyńiów 296.
 naśladnik 151.
 nazwisków 296.
 niedziocha 281.
 Niemiec 288.
 ninie 103. —
 nodze 289.
 nóg 289.

nożów 296.
 noży 296.
 pierwiasnek 248, 249,
 250.
 pierwiasnka 248, 249,
 251.
 *pierwidsnka 251.
 pierwiasnki 249.
 *pierwiasny 248, 249,
 250, 251.
 pierwiasstek 248, 249,
 250, 251.
 pierwiaszka 248, 250,
 251.
 pierwiaszki 249.
 pierwiaszkować 250.
 pierwiaszkowy 250.
 *pierwiasztek 250.
 pierwiasznik 250.
 pierwiaszny 250.
 *pierwiaszty 248, 249,
 250, 251.
 pierwiaszty 248.
 pierwiosnek 249, 250,
 251, 252.
 pierwiosnka 252.
 pierwioszka 251.
 pieśniów 296.
 piostka 251.
 piątula 281.
 podwodów 296.
 przętka 251.
 przybór 121.
 raz 298.
 ręków 296,
 romigo 305.
 sąsiad 298, 300.
 sąsiada 300.
 siabr 129.
 skot 298.
 słodkość 242, 243.
 słodycz 242.
 Słodyczka 242.
 słodyczka 242.
 stódz 242.
 sobola 281.
 sobula 281.
 stajów 296.
 statut 298.
 sprzątać 143.)
 sprzęt 143.)
 sukać 142.
 swą 245.
 swe 243, 244.

swą 243, 244.
swemu 243.
swoi 243.
swoim 243.
swoimi 243.
swoich 243.
swój 243.
swoją 245.
swoje 244.
sw^ooje 244.
swym 243.
swymi 243.
swych 243.
środocha 281.
środula 281.
talent 298.
tartka 251.
tykwa 253.
twa 243.
twą 243, 244.
twe 243, 244.
twego 243.
twej 243.
twemu 246.
twemu 243.
twoi 243.
twój 243.
twoje 244.
twoim 243.
twoją 243.
twojego 243.
twojemu 243.
twojej 243.
twych 243.
uczni 296.
uczniów 296.
uczuciów 296.
waszmościów 296.
włos 298.
włucić 304.
włukno 304.
wojsków 296.
wrzкомо 63.
wsiów 296.
wtorocha 281.
wtorucha 281.
wtorula 281.
wyżeł 147.
ząb 298.
zge 63.
 Полско-кашубски.
głod 298.
mēm^u 244.

mē 244.
mēm^o 244.
mim 244.
mō 244.
svēx 244.
 Старочески
dedovuom 292.
diel 289.
dolów 293.
dolůw 293.
dussylew 296.
hodowow 292.
howaduow 296.
mużiew 296.
otczow 296.
panošów 296.
rčen 62.
řka 62.
řkl 62.
řku 62.
synouuow 292.
tobů 261.
tykev 253.
wierzi 7.
žhu 62.

Чески

boha 267.
bóh 298.
bratrov 293.
bůx (bůh) 267, 271.
čas 289, 298.
cás 289.
dcera 195.
děl 289.
dílo 289.
dnów 296.
drobtuov 296.
družbův 296.
dušiev 296.
dvadset 192.
dvor 298.
hleznów 296.
hod 298.
hostów 296.
hontera 280.
hraň 137.
hrana 135, 137.
hřiech 298.
hrot 138.
husitův 296.
jihov 290.
jiti 181.
kamenów 296.
kmetów 296.
kněžův 296.
kořenov 296.
krat 298.
krejčův 296.
kuřatów 296.
kviev 296.
lehký 271.
loktów 296.
Malovice 37.
mandlů 296.
mene 263.
meně 263.
měsiec 298.
mne 263.
mňe 263.
mojeho 245.
moji 245.
muž 298.
našeho 245.
neděla 280.
oblak 298, 300.
oblaka 300.
osobów 296.
otče 195.
par 298.
patěna 280.
patriarchów 296.
peniez 298.
ponděla 280.
pótěh 126.
přátel 298.
půst 285.
pýr, pýř 145.
rádcův 296.
ramenuov 296.
ráz 298.
rci 60.
řkl 63.
řku 63.
řúk 289.
sebě 259, 261, 262, 263,
 264, 265, 266.
sebě 262.
sebů 261, 262.
seje 262.
slídník 151.
sob'a 262.
sobě 259, 261, 262, 263,
 264, 265, 266.
sobota 280.
sobó 265.
sobu 262.

sobú 259.
souditi 7.
soukati 142.
středula 280.
středul'a 280.
sud' 7.
susedov 293.
súsèd 298.
tebè 259, 261, 262, 263,
 264, 265, 266.
tebè 262.
t'ebe 262, 265.
t'ebè 265.
tebja 261, 262.
t'ebó 262.
tebou 262, 265.
t'ebou 262, 265.
tebú 261, 262.
teje 262.
tisúc 298.
tob'a 262.
tobè 259, 260, 261, 262,
 263, 264, 265, 266.
tobó 265.
tobou 265.
tobu 262.
tobú 259.
tridset 192.
urknouti 63.
školnik 298.
veřejnov 296.
věciev 296.
věk 298.
věr 7.
vlas 298.
volov 296.
voz 298.
vrán 289.
vrána 289.
vrát 289.
vrata 289.
vyžel 147.
zemanov 296.
žzi 60.

Старословашки

tobou 261.

Словашки

čas 298.
diel 289.
dvatsat' 192.
hraň 137.
košút 151.

mojho 245.
pondula 281.
záz 298.
sebe 259, 260, 262, 263.
sebě 259, 265.
spratati 143.
tebe 259, 260, 262, 263.
tebě 259.
tridsat' 192.
tvojho 245.
utorula 281.
vyžla 147.

Словашки (и пол.
диал.)

baťa še 304.
beťy 304.
blato 304.
bledy 304.
boť še 304.
bonk 303.
bravec 304, 305.
brada 304.
braňic 304.
brenči 303.
brůzda 304.
bujok 304.
corek 304.
čaški 303.
čelä 303.
čelo 304.
često 304.
četka 304.
čako 305.
červený 304.
dlaň 304.
dľuh'i 305.
dľuto 304.
drahi 304.
drah'i 305.
duha 303, 305.
duška 303.
džery 304.
fčety 304.
fčera 304.
fortux 304.
gajst 305.
gašic 305.
głogi 305.
gluk 305.
gombik 305.

govec 305.
govedzi 305.
grapa 305.
gymba 305.
haťuze 303, 305.
haňba 305.
hat 305.
xladno 305.
hladny 304, 305.
htas 304, 305.
htava 305.
hl'ina 305.
xłop 304.
xlyf 305.
xlyp 305.
hluboki 303.
hluboki 305.
htuxi 305.
hnije 305.
hnúj 305.
hnýzdo 304, 305.
hodaju 305.
hody 305.
hohni 305.
hoji 305.
xok 304.
hoťup 303, 305.
hoťy 305.
hora 305.
horši 305.
horučka 303, 305.
hotovy 305.
hradel 305.
htadel 303.
hrax 304, 305.
hrap 305.
hrapk'i 305.
htatka 305.
htatka 303.
hrbaty 305.
hrdlo 305.
hrebeň 305.
xrenšc 303.
hriva 305.
xrost 304.
hrube 305.
hruda 305.
xrust 303.
hryx 305.
hryže 305.
huňa 305.

huš 305.
hušeńice 303, 305.
huši 303.
husta 303, 305.
hvezda 305.
hvezdy 304.
lhta 305.
jarabica 303.
jazyk 303.
jence 303.
jentavy 303.
kabot 304.
klači 303.
klada 304.
klaniče 304.
klas
kluba 303.
kohut 305.
kolādže 303.
koleno 304.
kopem 305.
kopec 305.
kopeńec 305.
kratki 304.
kresto 304.
kričata 305.
kričot 305.
kročo 304.
krok 304.
kružel 303.
kukol 303.
kurimy 305.
łajdok 304.
leto 304.
lyska 305.
mešac 303.
met 304.
metla 304.
mlyko 305.
mładuxa 304.
mras 304.
mrofce 304.
maso 303.
myno 304.
myszga 304, 305.
noha 305.
nohavice 305.
nokova 304.
obruc 303.

okruhte 303, 305.
orexi 305.
ostre 305.
pałončina 303.
pałonk 303.
pałus 303.
paprica 305.
pažitka 303.
paśc 303.
pāta 303.
pātek 303.
pātka 303.
pātro 303.
peh'i 305.
pena 304.
pěro 304.
plameń 304.
plukac 304.
plutno 304.
poleno 304.
popet 304.
postaveny 304.
pradže 303.
prādza 303.
prašā 303.
prašlica 303.
prez 305.
pričes 305.
prihtavek 305.
prinđže 305.
prinoh'i 305.
prścenek 304.
prut 303.
pysek 304.
rubać 303.
ručnik 303.
ruka 303.
rukavice 303.
rukof 303.
romigo 305.
sagaty 305.
ścena 304.
šedlo 304.
sedmy 304.
šeno 304.
šestra 304.
skrińa 305.
slama 304.
slanina 304.
slavik 304.
slučka 303.

smrat 304.
šnedane 304.
šnahu 305.
špivajucy 303.
stała 305.
stehna 303, 305.
stenkac 303.
stenko 303.
stojucy 303.
stoł 304.
streda 304.
strexa 305.
strevicy 305.
stupe 303.
sul 305.
sušek 303.
sušet 303, 304.
syr 305.
syrvočka 304.
švedrik 305.
svoreń 305.
ščegle 305.
šesty 304.
štfero 304.
tak'eho 305.
trok 304.
truhta 305.
twagar 305.
tvarux 305.
udžic 303.
uhel 303.
uhet 305.
uplečeny 304.
urve še 305.
uski 303.
utor 303.
vacej 303.
vaha 305.
vargi 305.
večer 304.
vedro 304.
vesety 304.
vłasy 304.
vrabec 304, 305.
vrana 304.
vrata 304.
vrečeno 305.
vrečeno 304.
vut 305.
vycę 305.
vyster 304.

vytyrho 305.
zahrada 304, 305.
zasote 304.
zdravy 304.
zh'ibac' še 305.
zohtavek 305.
zrak 304.
zrybe 305.
zubadło 303.
zuby 303.
zůaska 303.
žatuc' 303.
žac' 303.
želesho 304.
žondło 303.

Лужишки

gód 298.
pjenjez 298.
raz
cerkej 275.
cyrkej 275.
jeho 246.
meho 246.
teho 246.

Староиндийски

ārtavā 291.
bharami 76.
bharasē 121.
bhare 76.
bhyti-h 120, 121.
*īoudh- 472.
kumārah 75.
navīnas 102.
pīta 75.
raks 74.
rtā 291.
sabhā 126, 128.
suptah 75.
taks 74.
ud-yodhati 472.
yādas 468.
yūdh 472.
yūdhyaate 472.

Авестински

yuidyeintu 472.

Ведически

vārtate 75.
vanārta 75.

Осетински

dor 657.
dur 657.

Гръцки

ᾠβῆ 368.
ᾠκηδία 368.
ᾠκρον 138.
ᾠαναχωρητής 368.
ᾠαντίγραφον 368.
ᾠαξιούσθαι 368.
ᾠαρετή 368.
ᾠασκηθῆναι 368.
ᾠασκηκῆς 368.
ᾠασκησις 368.
Βιδήνη, Βιδύνη 654, 655.
βίος 368.
βοηλᾶς 638.
Βηλαστούραι 657.
γαμετή 368.
γενναῖος 368.
γνώμη 368.
γνώσις 368.
γράνα 136.
δέδωκε 73.
διά 368.
δέξιος 368.
δηγεῖσθαι 368.
διήγημα 368.
Δρίστορα 657.
δρόμος 139.
ἔατε 74.
εἶδα 74.
εἶδηι 74.
εἰδείην 74.
εἰδέω 74.
ἐγχραύω 138.
ἐγχώριος 368.
ἐνάρετος 368.
ἐντιμος 128.
ἐξαιρετος 368.
ἐξοχούσης 134.
ἐπειδή 368.
ἐπίγνωσις 368.
ἔτι 368.
εὐγενέστατος 368.
εὐτελής 128.
ἠλικία 369.
ἔχω (γε)γραμμένο(ν) 73.
θεοφιλέστατος 368.
θεραπεία 125.
θῦνος 139.
θῦνω 139.

θύω 139.
καταλαβεῖν ἐπ' αὐτοφώρῳ 368.
κελλία 368.
κολλήγας 134.
κολοβρός 638.
κοσμικός 368.
κρημνώδης 368.
κώδιξ 513.
κώμη 368.
λογισμός 368.
μακαρίζειν 368.
μάστυς 525.
μοιχεύσεσθαι 368.
μοναχός 368.
μόνος 368.
μύριοι 368.
νέος 102.
ὄδωδε 73.
ὄδωδή 73.
ὀκνεῖν 368.
ὀκρῖς 138.
ὄλωλα 75.
ὄλλυμαι 75.
ὄρμη 139.
ὄρος 137.
παράλιος 368.
περιτυχεῖν 368.
πόλεμος 139.
πολιτεία 368.
σέμπρα (sebra) 125, 126, 131.
σεμπρός 121.
Ζιλίςτρα 658.
σκόλοψ 138.
σκῶλος 138.
σοφός και λόγιος 368.
σπήλαιον 368.
σύμβολα 660.
συμβολή 124.
συμμεριστής 121.
συμμέτοχος 121.
συμπρός 121.
συνηδέατε 74.
συντυχεῖν 368.
σχῆμα 369.
τεθήκε 73.
τετίμακεν 73.
τις 369.
ὑπερβάλλειν 369.
ὑσμίνη 472.
φέρομαι 76.
φιλομαθία 369.
φιλομόναχος 369.

φιλονικία 369.
 φιλοθεία 369.
 φιλοπονία 369.
 φρεαρ 369.
 χραινω 138.
 χραινομαι 138.
 χραιζομαι 138.
 *χραινω 138.

Тракийски

Βηλαστούρα 657.
 Dorostorus 657.
 Durostorum 657.
 Durostorus 657.
 Gestistyrum 657.
 Καπιστούρα 657.
 Καπούστορος 657.

Албански

baštind-a 50.
 Berati 44.
 brashnjar 119.
 brashnjë 119.
 druhna 140.
 dum 139.
 dumbre 134, 143.
 Dušniku 44.
 Elbasani 44.
 Fangu 44.
 Farka 44.
 garraç 142, 144.
 gat 28.
 gatuan 27.
 gërq 140.
 gerraç 144.
 gerreç 144.
 Goritsë 29, 30.
 gorrën 145.
 granë 135.
 graždi 51.
 grašt-i 51.
 grryk 144.
 grusht 140.
 Guča 44.
 gushë 144.
 Chundokuk'i 39.
 Kala 44.
 këpucë 118.
 kërpë 140.
 Krilokuk'i 39.
 kryq 145.
 Kuk'a 39.
 leđina 134.
 lëndinë 134, 143.

mërshë 140.
 opingë, opangë 142.
 oputë 142.
 orëndi 143.
 pagë 28.
 paguan 28.
 paster-ku 50.
 penes, penezi 143.
 përdorse 143.
 purrë 145.
 Pušteritsë 44.
 putërë 136.
 sëmbër 121, 123, 126,
 127, 129, 134, 135, 143,
 659.
 shpretkë 143.
 shuk 142.
 sodumi, sodomi 138, 141.
 tërsirë 136.
 Tomori 44.
 vegël 143.

Латински

aequare 118.
 altare 655.
 amavi 74.
 angeo 150.
 ausim 74.
 caedo 138.
 commater 655.
 corinium 655.
 dixe 74.
 dixem 74.
 dixtis 74.
 domui 74.
 durus 657.
 esca 121.
 (ex)aequare (misuras)
 118.
 far, farris 120.
 ferō 76.
 jubere 472.
 memini 75.
 monui 74.
 novus 102.
 odi 75.
 partiarius 133.
 serra 137.
 sicilis 138.
 unda 468, 469.
 unduo 468.
 vegeo 150.
 videram 74.
 viderim 74.

vīdero 74.
 vīderunt 74.
 vīdisse 74.
 vīdissem 74.
 vīdistis 75.
 vigeo 150.
 vīgil 150.
 vimaria 118.
 vimen 118.
 vimentum 118.

Оскийски

deded 74.

Келтски

Bononia 654, 655.
 dūro 657.
 dūr 657.

Романски езици

callis 30.

Старофренски

essever 118.

Френски (диал.)

sošō 133.
 šūsā 133.

Испански

cierra 137.

Италиански

contadino 134.
 puttana 136.
 soccio 133.

Ромънски

Diu (Dzii, Vd'ie) 656, 657.
 fumare 539.
 grindă 126.
 pinten 126.
 Silistra 658.
 simbră 123, 124, 125,
 126.
 șară 137.
 vijlă 151.
 vișlă 148, 151.

Готски

bariz-leins 120.
 gabaur 131.
 gastē 285.

gataujan 27.
gibo 285.
guman-ə 285.
niunda 655.
piuda 26.
reikə 285.
sibja 126, 128.
suniv-ə 285.
 Старогорно-
 нѣмски
grana 138.
holz 137.
sâmiquëk 131.
sippa 126.
stnota 125.
tunist 139.
tunst 139.
 Срѣдногорно-
 нѣмски
burse 125.
gewin 131.
gran, grane 138.
urbor(e) 131.
urinnt 133.
 Долно-горно-
 нѣмски
eichen 118.
Sippe 126, 127.
 Долнонѣмски
iken 118, 146.
 Нѣмски
Achtstunden (arbeits) tag
 92.
**ansahzing* 132.
Ansichts(post)karte 91.
Bären(tal)bad 92.
Berg(werks)recht 91.
Bi(chof)smarck 91.
Bi(schof)stum 91.
Bismarck(strasse)schu-
 le 92.
Bock 148.
Bockbier 148.
Bursche 125.
Fein(brot)bäcker 92.
Feld(berg)see 91.
Flug(zeug)führer 92.
Frauen(kloster)gasse 92.
Frauenzimmer 125.

Freuden(tal)berg 92.
Gärtner(platz)theater 92.
Gas(fabrik)verwalter 92.
Gottes(haus)wald 92.
halfwinner 131, 133.
Heidel(beer)berg 92.
Kalbs(fuss)brühe 91.
Kokos(nuss)butter 91.
Kraft(wagen)führer 92.
**kuningaz* 132.
Licht(spiel)bühne 92.
Moos(burg)hausen 92.
Nadel(holz)wald 92.
Öl(baum)berg 91.
Öl(baum)blatt 91.
Öl(baum)zweig 91.
Präsidenten(tochter)
 bräutigam 92.
Rat(haus)skeller 92.
Schnitt(waren)händler r
 91.
Schokoladen(kauf)haus
 91-92.
Sonn(tags)abend 91.
Stute 125.
**tāna-* 132.
Weiss(brot)bäcker 91.
Wirt(schaft)sgarten 91.
Zug(wald)spitze 92.
 Швейцарско-
 нѣмски
halbgenossig 131.
 Холандски
wijme 118.
 Дански
Frederiksborg(gade)
 kwartert 91.
København 92.
**Købmændshavn* 92.
 Англосаксонски
halt 137.
sâmcwic 131.
sâmqwik 131.
 Английски
coach-(office)clerk 91.
dog-(star)days 91.
fire-(insurance)office 91.

news (paper)-boy 91.
to electro(exo)cute 91.
twelfth-cake 91.
twelfth-day 91.
**twelfth-day-night* 91.
twelfth-night 91.
**twelfth-night-cake* 91.
West(-Aust)ralia 91.

Шведски

is(källar)dricka 91.

Литовски

devintas 655.
ėd-es-is 121.
jauda 471.
jāudinti 471, 472.
jāudintuis 472.
judėti 470, 471.
judimas 471.
judra 471.
judūs 471.
justi 470, 471.
moteriū 289.
naūjas 102.
sėbrāuti 131.
šeimà 130.
sūnū 284.

Летски

dewitāis 655.
jaūda 471.
tāuta 26.

Старопрусски

nevints 655.

II. Уралоалтайски
езици.

Маджарски

Bodon 654.
butor 120.
cimbora 123, 124, 125.
cimboratárs 125.
szimbora 123, 125.
galamb 126.
morzol 149.
morzsa 149.
pating 126.
puszta 125.
pusztaföld 125.
szatyíng 126.
varga 149.

viganó 150.
vislat 148.
vizsgál 149.
vizsla 147, 148.
vizslat 148.

Фински

en sanonut 71.
sanoin 71.
seura (**sabra*) 124.

Мордвински

úšems 149.

Турски

акаретъ 537.

бакрачи 537.
векиль 537.
викиль 537.
вакуфъ 537.
гелира 537.
джубе 537.

Дизабуль (старотур-ско име) 638.

ибрикъ 537.
Istambul 658.
казанъ 537.
калаузъ 638.
келеме 537.
кирхана 537.
колагузъ 638.
махла 537.

минасинъ 537.
мюхюръ 537.
одаи 537.
оджакъ 546.
орташки 537.
пешкиръ 537.
сергии 537.
сокакъ 537.
тефтеръ 513.
хакъ 537.
halat 143.
ханъ 537.
чаиръ 537.
чаршафъ 537.
черкезъ 537.
чичеклии 537.

ZBIORY SPECJALNE

BIBLIOTEKA
UNIWERSYTECKA
GDAŃSK

913195

GXX

XX 4.